А. А. Фет

МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

III

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

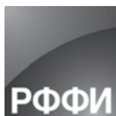
А. А. Фет

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

III

К 200-летию Афанасия Афанасьевича Фета (1820—2020)

С.-Петербург
2018



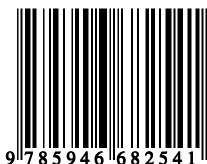
Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
не подлежит продаже
Издательский проект 18-112-00109

А. А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 3: К 200-летию Афанасия Афанасьевича Фета (1820—2020) / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — СПб.: «Росток», 2018. — 864 с.

Юбилейный выпуск сборника «А. А. Фет: Материалы и исследования» включает несколько разделов, призванных, с одной стороны, представить творчество великого русского поэта и мыслителя в неизвестных или малоизвестных аспектах, с другой — составить представление о многообразной деятельности Фета не только как поэта, но и как переводчика, публициста, земского и общественного деятеля, педагога. Публикуемые исследования и материалы опровергают многие устойчивые легенды о личности поэта, нередко изображаемого в искаженном свете. Так, публикация писем Фета к невесте, Марии Петровне Боткиной, рисует нам образ благородного, искреннего, возвышенного в чувствах и стремлениях человека, в то же время ответственного за свои поступки и решения. Такой же образ отзывчивого, верного в любви и дружбе Фета дает публикация писем его близкого друга И. П. Борисова. Твердый в своих убеждениях, честный в помыслах и поступках, Фет в своих письмах и в письмах своих корреспондентов предстает перед читателем как яркая, самобытная личность, одаренная не только поэтическим талантом, но и высокими человеческими качествами, наглядно опровергая ходячие представления о его «двойничестве», неискренности, скаредности и т. п. Читатель познакомится также с большим числом незаурядных людей из фетовского круга — учеными, врачами, общественными деятелями, соседями-помещиками, расширив свои представления об эпохе, в которую жил и творил Фет.

Особое внимание ряда публикаций уделено изучению сохранившихся архивных материалов (рабочих тетрадей поэта), прижизненных изданий лирики Фета, первых посмертных сборников. Вводимый в научный оборот многообразный и значимый материал существенно обогатит представление читателей о закономерностях литературно-общественного процесса второй половины XIX столетия. Сборник предназначен для широкого круга читателей и любителей русской истории и литературы.

ISBN 978-5-94668-254-1



ОТ РЕДАКЦИИ

Подготовленный Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН очередной Фетовский сборник выходит в канун 200-летнего юбилея великого русского поэта и призван в определенном смысле подвести итоги современного состояния фетоведения, а также обозначить перспективы дальнейших исследований. Как было заявлено в первом выпуске сборника, это серийное издание предназначено служить дополнением к выходящему ныне первому полному собранию сочинений и писем Фета в 20 томах, идея которого зародилась в ходе ежегодных Фетовских чтений, проводимых в Курске, начиная с 1985 года. Там же, на Курской земле, где поэт провел последние 15 лет жизни в своем имении Воробьевка и где нашел последнее пристанище, определился и авторский коллектив будущего издания.

За истекшие со времени первых Фетовских чтений 30 с лишним лет в изучении творческой биографии Фета произошли существенные сдвиги. Все более осознанным становится место, которое занимал скрывшийся в своем степановском, а затем и воробьевском «уединении» поэт. По мере освоения его эпистолярного наследия открываются все новые факты, подтверждающие подлинное значение Фета как философа и публициста. Выходящее под эгидой Пушкинского Дома Собрание сочинений и писем Фета не только обобщает накопленный опыт, но и открывает все новые пласты неизвестных ранее материалов. Увидевшие свет к настоящему времени пять (фактически шесть) томов существенно расширили представление об объеме оставленного поэтом литературного наследия. Если первый том (2002) вобрал поэтическое творчество Фета первой половины жизни (1839—1863), представив его поэтические сборники вплоть до итогового сборника 1863 года (в двух томах), то уже второй том, посвященный целиком переводам (2004), стал для многих читателей открытием, поскольку многочисленные переводы Фета из античных авторов, а также Шекспира, Гёте, Шиллера, Гафиза и других великих поэтов прошлого оставались по существу мало известными, будучи напечатанными в малотиражных прижизненных изданиях. Столь же мало известна была широкой публике яркая публицистическая деятельность поэта, его литературно-критические статьи, наконец художественная проза, составившие третий (2006) и четвертый (2007) тома Собрания сочинений. Вышедший в двух книгах соответственно в 2014 и 2015 годах пятый том вобрал в себя позднюю лирику поэта, прежде всего четыре выпуска «Вечерних огней» и большой раздел стихотворений и поэм, не вошедших в указанные сборники. Здесь было впервые опубликовано немало произведений, в том числе незавершенные поэмы, переводы, стихотворения на случай. Впервые в изда-

тельской практике в томе были восстановлены все редакции и варианты известных стихотворений.

Внимательный читатель заметит, что включенные в настоящий сборник материалы так или иначе связаны с готовящимися ныне томами Собрания сочинений: мемуарами, публицистикой, многочисленными переводами из римской поэзии, наконец письмами. Впервые вводится в научный оборот незавершенный перевод поэмы Лукреция «О природе вещей». Начинается публикация полного описания одной из двух хранящихся в Пушкинском Доме рабочих тетрадей поэта, позволяющая уточнить многие неизвестные детали творческой истории каждого записанного в нее стихотворения.

Важной составляющей Фетовских сборников следует назвать статьи и публикации, связанные со все более очевидным влиянием творчества Фета на последующий период русской поэзии. Так, анализ помет и маргиналий на книгах Фета, сохранившихся в мемориальной библиотеке А. Блока, открывает новые грани мировосприятия одного из самых ярких представителей Серебряного века.

Нельзя не отметить, что проводимые в Пушкинском Доме конференции, посвященные жизни и творчеству Фета, также дают возможность обогатить творческую биографию поэта новыми фактами.

И все же полномасштабное осмысление места и роли Фета в истории русской поэзии и шире — в истории русской литературы и общественной мысли — дело будущего. Будем надеяться, что настоящий сборник внесет свой посильный вклад в это необходимое и насущное для современной науки о литературе дело.

СТАТЬИ

Н. П. Генералова

ПОЭЗИЯ И ПРАВДА АФАНАСИЯ ФЕТА

Когда-то Гёте, задумав написать автобиографию, послушался совета своего секретаря Римера и назвал ее «Правда и поэзия» («Wahrheit und Dichtung»). Однако Поэзия взяла верх и «исправила» первоначальный вариант Римера на «Dichtung und Wahrheit» («Поэзия и правда»). Причина была очевидной: ухо поэта покоробило соседство двух «d».[1] Под таким названием и вышел в свет в 1831 году первый том автобиографии, начатый еще в 1811-м, но этот первый том, над которым поэт трудился двадцать лет, оказался последним. Автобиография великого немца прервалась на 1775 годе. И хотя после смерти поэта издатели вернули книге первоначальное заглавие, Поэзия еще раз одержала верх над Правдой и в конце концов в сознании читателей раз и навсегда закрепилось всем известное: «Поэзия и правда: из моей жизни» («Dichtung und Wahrheit: aus meinem Leben»). Признаемся, что в данном случае нам бы хотелось внести в русский перевод одну поправку, а именно написать слово «правда» с прописной буквы, сделав, вопреки правилам, невозможную кальку с немецкого.

В самом деле, заглавие, предложенное Римером, оказалось исключительно емким, допускающим множество толкований. Wahrheit — слово многозначное. Это и правда, и истина, и действительность. Так что можно было бы перевести иначе: «Поэзия и действительность», «Вымысел и правда» и даже — «Поэзия и жизнь». Недаром Л. Н. Тол-

---

[1] См.: *Гёте И.-В.* Поэзия и правда: Из моей жизни / Пер. Н. А. Холодковского, предисл. и науч. коммент. Е. М. Браудо. Пг., 1923. С. 175. Ф. В. Ример (Riemer; 1774—1845), библиотекарь, педагог, усердно занимавшийся классической филологией, в доме Гёте оказался в 1803 г. и сначала обучал сына поэта Августа, а с 1814 г. исполнял обязанности секретаря. Именно Римеру и И. П. Эккерману Гёте завещал издать подготовленное им собрание своих сочинений.

стой, не раз перечитывавший Гёте, по поводу «Поэзии и правды» заметил: «Вымысел, поэзия и действительность — нехорошо».[2] Но в любом переводе очевидно противопоставление двух сфер — поэзии (и шире — искусства) и реальной жизни.

По-своему Толстой был прав: Гёте оставлял за собой право на вымысел, то есть на собственное осмысление фактов своей биографии, что, казалось бы, не должно удивлять и «по определению» присуще любому автобиографическому повествованию. Вот как он сформулировал задачу предпринятого им «сугубо рискованного предприятия». Скрывшись за спиной сочиненного им самим письма безымянного друга, Гёте поставил целью «составить представление» об авторе вышедшего 12-томного собрания сочинений и о его таланте, то есть о себе. «...Читая отдельные произведения, — писал безымянный друг, — нельзя не отметить, что почти все они обязаны своим возникновением тому или иному поводу и в каждом из них отчетливо видны определенные внешние обстоятельства, равно как и ступени внутреннего развития автора, а также моральные и эстетические максимы и взгляды, порожденные духом времени».[3] Итак, «безымянный друг» просил автора раскрыть тайны его творчества, самому прокомментировать свои произведения, причем выстроить их в хронологическом порядке. И Гёте с готовностью «откликнулся» на эту просьбу.

Когда в конце жизни Фет решил написать собственные воспоминания, он перед собой подобной задачи не ставил. Напротив, откликаясь в предисловии к отдельному изданию 1890 года на возникшие у читателей вопросы, он писал: «При первом их (воспоминаний. — *Н. Г.*) появлении кругом меня раздались вопросы, — не будут ли они последовательным раскрытием тайников, из которых появлялись мои стихотворения?».[4] И решительно отказывался отвечать на подобные вопросы. А по поводу хронологии прямо писал: «Находясь, можно сказать, в природной вражде с хронологией, я буду выставлять годы событий только для соблюдения известной последовательности, нимало не отвечая за точность указаний, в которых руководствуюсь более соображением, чем памятью».[5] Решившись в 1887 году приступить к диктовке своих мемуаров, Фет назвал и главную причину задуманного труда: болезнь глаз и надвигавшуюся слепоту, лишавшие его возможности полноценно заниматься переводами, которым, начиная с конца 1870-х го-

[2] *ЛН*. Т. 90. Кн. 2. С. 228. О расхождении в понимании «поэзии» и «правды» у Толстого и Гёте см.: *Чавчанидзе Д. Л.* «Поэзия и правда» Гёте — произведение эпохи романтизма // Гётевские чтения. 1984. М., 1986. С. 39—56.

[3] *Гёте И.-В.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. С. 9. Пер. Н. Ман.

[4] *МВ*. Ч. 1. С. IV.

[5] Там же. С. 1.

дов, поэт отдавал значительную часть своего времени. Вместе с тем он четко сформулировал свою задачу: «Я решился диктовать свои воспоминания в их совокупности не с целью их обнародования, хотя бы после моей смерти, а только чтобы сознательно снова пройти тот жизненный лабиринт, который пришлось проходить в неведении следующего дня».[6]

Любопытно, что в письмах к разным корреспондентам Фет называл свои воспоминания «автобиографией» и настаивал на том, что не заботится о том, будет ли она когда-либо напечатана. Так, 1 января 1888 года он писал старинному другу Я. П. Полонскому: «По болезни глаз ищу спасения в перелистывании собственной жизни, нимало не заботясь о времени появления автобиографии, которая, быть может, появится после моей смерти, если не погибнет».[7] Как известно, «автобиография» Фета не погибла, более того, первая и вторая части мемуаров под названием «Мои воспоминания» были напечатаны при жизни поэта, в 1890 году. Лишь третья часть, под заглавием «Ранние годы моей жизни», где Фет возвращался к начальному периоду своей биографии, увидела свет в 1893 году, когда поэта уже не было в живых. Но в отличие от Гёте, успевшего дойти в своих воспоминаниях лишь до 1775 года, Фет успел «перелистать собственную жизнь» до конца.

Сопоставление «Поэзии и правды» Гёте и воспоминаний Фета само по себе может оказаться весьма плодотворным хотя бы потому, что перед нами уникальные автобиографические документы двух великих поэтов, подводивших жизненные итоги. Как будто не доверяя будущим биографам, оба старались обозреть «лабиринт» своего жизненного пути и осознать свое назначение. Подобное сопоставление тем более интересно, что, как было замечено еще Ап. Григорьевым, «самобытный» талант Фета образовался «только под влиянием классических образцов и преимущественно под влиянием Гёте».[8] Недаром с первых поэтических опытов Фет уделял немало времени переводам его произведений. Со временем их число только росло. Венцом фетовского гё-

---

[6] *Фет А.* Из моих воспоминаний // *РВ.* 1888. Т. 197. № 8. С. 3.

[7] *Фет/Полонский.* С. 620. 12 февраля того же года Фет писал великому князю Константину Константиновичу: «Я, кажется, говорил Вашему Высочеству, что диктую свою автобиографию» (*Фет/К. Р.* С. 670).

[8] *ОЗ.* 1850. Т. 68. № 2. С. 53. «Не Гейне, но Гёте преимущественно воспитал поэзию г. Фета; — писал Григорьев, — влиянию великого старого учителя обязан понятливый ученик и внутренним достоинством, и замечательным успехом своих стихотворений и, наконец, самою изолированностью своего места в русской литературе. Достоинство или недостаток эта изолированность, во всяком случае она может быть уделом яркого и замечательного дарования и составляет прямой результат проникновения ученика духом учителя, как бы исполнения его завета...» (Там же. С. 55).

теанства стал, как известно, полный перевод обеих частей «Фауста» с подробными комментариями, увидевший свет в 1882—1883 годах.

Отнюдь не случайными представляются строки из «Фауста», поставленные Фетом в качестве эпиграфа к «Моим воспоминаниям»:

Старайся почерпать из жизни-то людской!
Все ей живут, не всем она известна;
А где ни оглянись, повсюду интересна.[9]

Этим напутствием Комика Поэту из «Пролога на театре», которое так любил цитировать И. С. Тургенев, и руководился Фет, воссоздавая страницы собственного жизненного пути. Наверное, если бы было принято предпосылать своим сочинениям более развернутые эпиграфы, он мог бы повторить вслед за гётевским Поэтом, которого Директор театра просит угодить собравшейся публике:

О, не кажи на пестрое движенье,
В котором дух поэта не живет,
Скрой от меня все это треволненье,
Что нас невольно мчит в водоворот.
Нет, в тихое введи уединенье,
Где радости поэт лишь обретет,
Там, где любовь и дружба в благостыне
Рукой богов приводят нас к святыне.

Ах! что лишь сердца глубина рождает,
Что с робостью лепечут лишь уста,
Что удалось и снова исчезает,
Суровый свет развеет навсегда.
Нередко лишь с годами возникает
Вся образов воздушных полнота.
Блестящее на миг лишь создается,
Прекрасное в века передается.[10]

Как и во всем ином, за что он брался, Фет, подобно Поэту из «Пролога на театре», не мог «угождать» кому бы то ни было, даже когда само время требовало от него «уступок». «Укрывшись от толпы бесчинной» в своем степановском, а затем в воробьевском «уединенье», поэт оставался верен себе и ни в чем не уступил ни своим современникам, ни самой эпохе.

[9] Фауст. Трагедия Гёте. Часть первая. Перевод А. Фета. М., 1882. С. 19. Интересно, что, цитируя свой собственный перевод, Фет внес в него окончательную правку: вместо «А где ни выхвати...» стало «А где ни оглянись...».

[10] Там же. С. 14—15.

А эпоха не была к нему слишком добра. Придя в литературу со скромным сборничком ранних стихотворений, пышно озаглавленным «Лирический Пантеон» (1840), до самой середины 1850-х годов поэт был известен только узкому кругу друзей и любителей поэзии. Лишь с выходом сборника 1856 года имя его стало все чаще появляться на страницах толстых и тонких журналов и газет, благо, вторая половина 50-х, окрашенная в обществе горячим ожиданием грядущих реформ, запомнилась в том числе и значительным оживлением периодических изданий. Пореформенные же 60-е годы выбросили Фета на обочину литературной жизни, хотя в 1863 году и вышел в свет его итоговый двухтомник, вобравший в себя не только оригинальные, но и переводные стихотворения. Судьба этого издания очень показательна: через двадцать лет тираж в 2400 экземпляров так и не был распродан.

Лишенный литературного заработка, которым поэт надеялся обеспечить себе и жене пусть не слишком богатое, но все же сносное существование, Фет, неожиданно для окружающих, ушел из литературы и стал фермером, приобретя в собственность 200 десятин земли в Мценском уезде. Попав в самую гущу проводимых в стране преобразований после отмены крепостного права, он, в отличие от многих своих собратьев по перу, оказался один на один с множеством проблем, подстерегавших начинающих землевладельцев нового поколения. И начал писать очерки из деревенского быта, которые вызвали интерес в читательской среде. Появились они в мартовской и майской книжках «Русского вестника» за 1862 год под заглавием «Заметки о вольнонаемном труде», хотя вполне вероятно, что заглавие это было предложено редакцией журнала вместо первоначального «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство». Во всяком случае именно такое название фигурирует в письме И. П. Борисова, одним из первых услышавшего очерк Фета в декабре знаменательного для России 1861 года.[11] Характерно, что Борисов, сам вынужденный заниматься хозяйством в родовом поместье, подчеркивал абсолютную правдивость наблюдений Фета. Эту же черту отметил и Тургенев, ознакомившись с первыми деревенскими очерками поэта, хотя первоначально ожидал от них чего-то другого.[12] Про-

[11] Близкий друг и родственник Фета И. П. Борисов писал И. С. Тургеневу 25 декабря 1861 г.: «Не могу, хотел было воздержаться, но нельзя Вам заранее не поведать о восхитительной статье Фета: „Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство“. Ничего не выдумано, все истинная правда. Но всё это передано неподражаемо, фетовски. <...> Я был в восторге, слушая его» **(**<Письма к И. С. Тургеневу и письмо о нем> И. П. Борисов / Публ. Е. М. Хмелевской // *ТСб(3)*. С. 354**)**.

[12] «Борисов писал мне о Вашей статье: „Лирическое хозяйство“, — сообщал он Фету 14 января 1862 г. — Я уверен, что это будет прелестно — хотя крайне несправедливо. Но это ничего. Поэт *может* быть несправедливым в известном смысле,

читав, наконец, «Заметки о вольнонаемном труде», он писал их автору: «Дайте нам также продолжение Ваших милейших деревенских записок: в них правда — а правда нам больше всего нужна — везде и во всем».[13]

Приняв, таким образом, с самого начала непосредственное участие в осуществлении крестьянской реформы в качестве хозяина-фермера и, позже, мирового судьи Мценского уезда, Фет, вопреки сложным обстоятельствам и отсутствию практического опыта, сумел поднять и преумножить свое хозяйство. Приобретенный им в июле 1860 года хутор Степановка в Орловской губернии стал если не одним из самых процветающих, то во всяком случае вполне успешным и приносящим приличный доход. И. С. Тургеневу, с большой долей скепсиса отнесшемуся поначалу к агрономическим затеям поэта, пришлось со временем признать, что хозяин из Фета получился очень неплохой. Опыт Фета был тем более важен, что он провел его в виде «чистого эксперимента», не будучи обременен необходимостью урегулировать свои отношения с бывшими крепостными, поскольку таковыми никогда не владел. Побудительные причины, заставившие Фета взяться за новое для него дело, носили вполне практический смысл: выйдя в 1857 году в отставку после одиннадцати лет беспорочной службы, Фет оказался не слишком обеспеченным материально. Да и сама военная служба была скорее вынужденным, а не добровольным шагом молодого поэта.

Деля свою жизнь на две половины и отсчитывая вторую половину с 1853 года, времени знакомства с И. С. Тургеневым и кругом его друзей-литераторов, Фет на склоне дней писал: «Только озирая обе половины моей жизни, можно убедиться, что в первой судьба с каждым шагом лишала меня последовательно всего, что казалось моим неотъемлемым достоянием».[14] Что же имел в виду поэт, упрекая судьбу в несправедливом к себе отношении?

Думается, не случайно Фет начал свои воспоминания не с детских лет, как подсказывала логика автобиографического повествования. Слишком тяжело было начинать их с событий, легших тяжким бременем на всю дальнейшую судьбу поэта. Воспоминания о ранних годах своей жизни Фет начал с описания близких родственников — матери

хотя в *другом смысле* он должен быть справедлив, как божество!» (*Тургенев. Письма.* Т. 5. С. 9).

[13] Там же. С. 148. Письмо от 26 января 1863 г. В комментариях к письму (автор А. И. Батюто) ошибочно указано, что речь идет записках Фета «Из деревни», опубликованных в № 1, 3 за 1863 г. и № 4 за 1864 г. «Русского вестника», в то время как отзыв Тургенева относился к первым очеркам, напечатанным в 1862 г. Впрочем, последующие очерки он воспринял тоже очень положительно (см.: Там же. С. 185).

[14] *МВ*. Ч. 1. С. VI.

Елизаветы Петровны, урожденной Шарлотты Элизабет Беккер (1798–1844), происходившей из семьи дармштадтского обер-кригскомиссара и представительницы известного дворянского рода фон Гагернов,[15] ее брата Эрнста Беккера и, конечно, того, кого он тогда считал своим отцом, — мценского помещика Афанасия Неофитовича Шеншина. По понятным причинам Фет не дал описания трагической ситуации, в которой оказался с самого рождения, да и узнал он о тайне своего происхождения гораздо позже.

Дело в том, что мать Фета была замужем, когда встретила в конце 1819-го или начале 1820 года в доме своего отца русского помещика, отставного офицера, участника войны 1812 года, прибывшего в Германию для лечения.[16] Имея годовалую дочь от брака с обер-асессором городского суда Дармштадта Иоганном Фётом и будучи беременной вторым ребенком,[17] она решилась бежать в Россию с Шеншиным, оставив дочь в Германии, причем Шеншин выдал отцу своей избранницы письмо с обязательством выплатить довольно значительную сумму для воспитания оставленного в Германии ребенка.[18] Уже в России она родила мальчика, названного Афанасием, отцом которого был записан Шеншин. Однако вскоре выяснилось, что «позволительного разрешения» отца Шарлотты (как утверждал А. Н. Шеншин) на новый брак и факта венчания по лютеранскому обряду в Германии, при живом муже и отсутствии развода, недостаточно для того, чтобы брак был признан законным в России. Венчание по православному обряду состоялось 4 сентября 1822 года,[19] что лишь подтверждало «незаконнорожден-

[15] Дедом Фета по материнской линии был Иоганн Карл Вильгельм Беккер (1765–1854), сын городского головы Дармштадта, который исполнял обязанности верховного военного комиссара и был близок ко двору великого герцога Гессенского Людвига I.

[16] *Летопись (1994)*. С. 278.

[17] Иоганн Петер Карл Вильгельм Фёт (Foeth; 1789–1825) сначала служил по интендантскому ведомству в качестве секретаря, затем обер-асессором городского суда в Дармштадте, отличался тяжелым нравом, пил, буйствовал, обижал жену, брак с которой был заключен в мае 1818 г. В июле 1819 г. в семье Фётов родилась дочь Каролина, которая после отъезда матери осталась на попечении отца и деда. Впоследствии она приехала в Россию и познакомилась со своими родственниками, в том числе с братом Афанасием, затем вышла замуж за врача А. П. Матвеева и поселилась в Киеве. См.: *Матвеева Н. В.* Письма К. П. Матвеевой к А. А. Фету // А. А. Фет: Поэт и мыслитель. Сб. науч. трудов. К 175-летию со дня рождения А. А. Фета. М., 1999. С. 270–276.

[18] Подробно об этой истории, имевшей продолжение после отъезда Шеншина и Шарлотты Фёт в Россию, см.: *Кузьмина И. А.* Материалы к биографии А. А. Фета // *РЛ*. 2003. № 1. С. 122–142.

[19] *Летопись (1994)*. С. 280.

ность» будущего поэта. Соответственно, он лишался всех дворянских привилегий и прав наследования. Когда в 1830 году А. Н. Шеншин подал прошение в Орловское дворянское депутатское собрание о внесении его с детьми в дворянскую родословную книгу, в нем были указаны лишь сын Василий и дочь Любовь. Однако официально «незаконнорожденность» Фета была установлена Орловской духовной консисторией в январе 1835 года, с метрикой, где мальчик обозначен сыном Фёта, А. Н. Шеншин отвез Афанасия в лифляндский городок Верро, в частный пансион. Ко времени поступления в Московский университет будущий поэт именовался «гессен-дармштадтским подданным» Фётом.

Несмотря на уговоры со стороны матери и дяди Фета Эрнста, Иоганн Фёт, умерший в Дармштадте в 1825 году, так и не признал родившегося в России мальчика своим сыном и не включил его в свое завещание. Единственным способом обрести дворянское звание и российское гражданство стала для Фета армейская служба, и, после окончания университета, в 1845 году он поступил унтер-офицером в Орденский кирасирский полк. Но и здесь его подстерегала неудача: в том же году вышел царский манифест, согласно которому права на получение дворянства давало лишь производство в штаб-офицеры, а не в обер-офицеры, как раньше, на что Фет мог рассчитывать уже через полгода по вступлении в полк. В новой ситуации ждать искомый чин можно было лишь через 15—20 лет строевой службы.[20] Через одиннадцать лет службы Фета, в декабре 1856 года, вышел новый указ, подписанный уже Александром II, окончательно похоронивший надежды на обретение дворянского звания. Он застал поэта в долгосрочном заграничном отпуске, а уже в июне следующего, 1857 года он уволился в отпуск бессрочный. К этому времени судьба его снова совершила крутой поворот: он стал женихом Марии Петровны Боткиной, сестры своего друга, критика и литератора В. П. Боткина. Свадьба состоялась вскоре в Париже. Известность Фета уже была довольно прочной: вышло два поэтических сборника (1850 и 1856 годов), регулярно появлялись новые стихотворения и переводы в прессе.

Если говорить о второй половине жизни, когда Фет стал полноправным членом довольно значительного литературного круга, сгруппировавшегося вокруг журнала «Современник», то и она только на первый взгляд представлялась успешной. После нескольких лет активного участия в литературном процессе (стихи, переводы, статьи) во второй половине 50-х он вынужден был признать, что надежды обеспечить себя и жену посредством литературных заработков потерпели

[20] См.: *Летопись (1994)*. С. 292—293.

сокрушительное фиаско. Впрочем, как верно замечено, Фет еще в начале 40-х годов, после выхода в свет своего первого поэтического сборника «Лирический Пантеон», «кажется <...> понял, что поэтическим заработком в этой жизни не прожить».[21]

Итак, поэт, с таким трудом определившийся в литературной среде, был снова вынужден выбрать прозу жизни. Или, как он писал в стихотворном послании к Тургеневу (1864):

Поэт! и я обрел, чего давно алкал,
Скрываясь от толпы бесчинной,
Среди родных полей и тень я отыскал
И уголок земли пустынной.

Привольно, широко, куда ни кинешь взор. —
Здесь насажу я сад, здесь, здесь поставлю хату!
И плектрон отложа, я взялся за топор
И за блестящую лопату.[22]

Надеясь обеспечить себе материальный достаток, Фет «объективно» оказался «в русле самых главных внутригосударственных преобразований пореформенной России».[23] Сумев преодолеть возникавшие на каждом шагу новых экономических отношений трудности, Фет осмыслял происходящее широко и смело, ставил и решал вопросы в острой, подчас лишь ему свойственной парадоксальной форме. При этом, несмотря на «утопичность» того земледельческого идеала, к осуществлению которого он стремился, логика его мысли и действия и по сей день кажутся не лишенными практического значения.

Вера в будущее земледельческой России, убежденность в неотделимости вопроса о земле от исторически обусловленного пути российской государственности представляют историософию Фета глубоко укорененной в реалиях русской жизни, построенной не на вымышленных теориях, а вырастающей из самой действительности. Недаром, рассуждая, к примеру, о земельных вопросах, Фет писал: «В земледельческом, как и во всяком другом хозяйстве, только то имеет прочную будущность, что развивается из собственных средств и в силу естественных условий».[24] Более всего его возмущали попытки бездумного

---

[21] *Кошелев В. А.* «Лирическое хозяйство» в эпоху реформ // Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 18.

[22] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 52.

[23] *Черемисинова Л. И.* А. А. Фет: Земледельческая утопия и реальность // *РЛ.* 1989. № 4. С. 142.

[24] <*Фет А. А.*> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. М., 1884. С. 46.

заимствования чужих форм жизни и насильственного внедрения их в чуждую среду.

Добрый знакомый и корреспондент Фета — видный деятель крестьянской реформы сенатор Н. П. Семенов написал однажды, что уважает взгляды и мнения поэта прежде всего за то, что он «стоял и стоит близко к народу, во имя которого будто бы все предпринимается».[25] Эта точка зрения лишь на первый взгляд может показаться преувеличением. Изучение публицистического наследия Фета убеждает в правоте сказанного: от первого до последнего слова все им написанное имело в виду благо народа, к которому он имел честь принадлежать.

Откликаясь на смерть Фета, один из авторов знаменитого Козьмы Пруткова А. М. Жемчужников отдал должное таланту ушедшего поэта:

Он пел, как в сумраке ночей
Поет влюбленный соловей.
Он гимны пел родной природе;
Он изливал всю душу ей
В строках рифмованных мелодий.

Он в мире грезы и мечты,
Любя игру лучей и тени,
Подметил беглые черты
Неуловимых ощущений,
Невоплотимой красоты...

Однако завершалось стихотворение куплетом, скорее напоминавшим эпиграмму, который как нельзя лучше отражал «общее мнение» современников, как, впрочем, и многих почитателей Фета в веке XX-м и даже XXI-м. Именно оно требует пояснений:

И пусть он в старческие лета
Менял капризно имена
То публициста, то поэта, —
Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.[26]

---

[25] Об отношениях Фета с Н. П. Семеновым см.: *Генералова Н. П.* 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым» // Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения (Курск, 7—9 октября 2004 г.). Курск, 2005. С. 66—90. Полностью переписка с Семеновым опубликована: Переписка Фета с Н. П. Семеновым (1884—1892) / Публ. Н. П. Генераловой // *ФетСб(2)*. С. 558—690.

[26] *Жемчужников А. М.* Избранные произведения / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Е. Покусаева. М.; Л., 1963. С. 182—183.

Стихотворение не случайно называется «Памяти Шеншина-Фета»,[27] где упомянуто через дефис имя, которого поэт никогда не носил — он был либо Фетом, либо Шеншиным.[28] Добившись в 1873 году возвращения себе родовой фамилии Шеншина, он отныне стал подписывать свои письма именно так, в то время как под стихотворениями по-прежнему стояло: «А. Фет».[29]

Кажется, сейчас не стоит вопрос, хорошим поэтом был Фет или его стихи годились лишь «для завертывания сальных свечей, мещерского сыра и копченой рыбы», как когда-то глумливо пошутил Д. И. Писарев. Перефразируя слова Тургенева о Тютчеве, о Фете можно сказать, что «кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии».[30] Не случайно в период обострения полемики о роли и назначении искусства, связанной с появлением в 1855 году известной диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» и статьи «Очерки гоголевского периода русской литературы», где был прямо поставлен вопрос о назначении искусства, имя Фета стало едва ли не символом, а появление в 1856 году сборника его стихотворений (в подготовке его принял большое участие И. С. Тургенев) вызвало несколько откликов, значение которых выхо-

---

[27] В комментариях по поводу «прозы Шеншина» недвусмысленно сказано: «Имеются в виду проникнутые реакционной тенденцией статьи Фета „Письма русского помещика“» (Там же. С. 367). Откуда автор комментариев взял заглавие «реакционных» статей Фета, остается загадкой.

[28] К сожалению, эта двойная фамилия с инверсией («Фет-Шеншин») выбита и на могиле Фета в склепе церкви села Клейменово, где он был похоронен вместе с женой, а затем, вследствие варварского разрушения могил после революции 1917 г., снова перезахоронен.

[29] В шутливом поэтическом послании к Ф. Е. Коршу Фет попытался объяснить разницу между Шеншиным и Фетом:

Смущаюсь я не раз один,
Как мне писать в делах текущих:
Я между плачущих — Шеншин
И Фет я только средь поющих.

(*Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 139). А своей многолетней корреспондентке С. В. Энгельгардт в письме, подписанном «А. Шеншин» и содержащем стихотворение «А. Л. Б<ржес>кой», сообщал 10 марта 1879 г.: «Фет посещает меня редко; но я сердечно рад его посещениям, потому что они искренни» (*Фет.СПП.* С. 384).

[30] «...О Тютчеве *не* спорят; — писал Тургенев Фету 27 декабря 1858 г. в ответ на его жалобу, что сестра Л. Н. Толстого Мария Николаевна не понимает Тютчева, — кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии <...>» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 356). В своих воспоминаниях С. Д. Боткин привел слова Н. Н. Страхова: «Кто не понимает и не любит Фета, тот не знает, что такое поэзия» (цит. по: *Боткин С. Д.* Воспоминания (отрывок) // Егоров Б. Ф. Боткины. СПб., 2004. С. 306).

дило далеко за рамки рядовых журнальных рецензий. Не случайно также, что именно в связи с обсуждением сборника стихотворений Фета 1856 года в русской эстетике окончательно оформляется теория «чистого искусства», или, если воспользоваться более точным определением В. П. Боткина, «теории свободного творчества, в противуположность другой, утилитарной теории, которая хочет подчинить искусство служению практическим целям».[31]

Статья Боткина о сборнике стихотворений Фета по праву считается самой значительной из его литературно-критических работ. 3 января 1857 года он так писал Тургеневу о своей еще не оконченной работе: «Тебе, верно, не понравится восторженный тон ее <...> но я решительно не могу, говоря о поэзии и искусстве, не выйти из обыденного тона. Говоря откровенно, мне самому хотелось дать себе посильный отчет о том, что такое искусство, что такое поэзия? Ответов на это я не находил ни у кого, или находил их в таких сложных построениях, в таких отвлеченностях, что невозможно было схватить предмет в его общечеловеческом виде».[32] Статья действительно более походила на эстетическую декларацию, каковою она и являлась.

«Со времени Пушкина и Лермонтова, — писал Боткин, — мы не знаем между русскими стихотворцами таланта более поэтического, как талант г. Фета».[33] «Такую наивную внимательность чувства и глаза найдешь разве только у первобытных поэтов».[34]

Один из ведущих критиков того времени А. В. Дружинин напечатал в пятом номере «Библиотеки для чтения» развернутую статью о сборнике Фета, где писал: «Вдохновение и вера в силу вдохновения, глубокое понимание красот природы, сознание того, что проза жизни кажется прозою лишь для очей непросветленных поэзиею, — вот особенности г. Фета, обличающие в нем поэта несомненного, чистого, неспособного к скептицизму или колебанию в своем призвании».[35] Имя

---

[31] *Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета. Санкт-Петербург. 1856 // Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подгот. текста, вступит. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 202. «Мы, например, вовсе не думаем, — писал Боткин в той же статье, — чтобы Гоголь имел в виду исправление нравов, когда писал своего „Ревизора“» (Там же. С. 207).

[32] В. П. Боткин и И. С. Тургенев: Неизданная переписка. 1851—1869 / По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930. С. 110.

[33] *Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета. С. 212.

[34] Там же. С. 220.

[35] *Дружинин А. В.* Стихотворения А. А. Фета. Спб., 1856 // Дружинин А. В. Литературная критика / Сост., подгот. текста и вступит. статья Н. Н. Скатова, примеч. В. А. Котельникова. М., 1983. С. 89. Здесь в последнем слове допущена опечатка: «признании» вместо «призвании».

Фета, до того не слишком популярное в литературе, называется Дружининым наряду с именами Пушкина и Гёте, что в устах такого строгого критика значило очень много.

Правда, отдавая дань времени, и Дружинин, и Боткин отмечали в поэзии Фета прежде всего непосредственность, бессознательное любование жизнью, настаивали на импровизационном начале его поэзии. «С другой стороны, г. Фет не поэт какого-либо глубокомысленного воззрения, — писал Боткин. — <...> сфера мыслей его весьма необширна, созерцание не отличается ни многосторонностию, ни глубокомыслием; ничто из так называемого современного не находит в нем ни малейшего отзыва, наконец, воззрения его не имеют в основе своей никаких постоянных и определенных мотивов, никакого резкого характера, который, вообще, так облегчает понимание поэта».[36]

«Мировым, европейским, народным поэтом Фет никогда не будет, — читаем в статье Дружинина, — как двигатель и просветитель он не совершит пути, пройденного великим Пушкиным. В нем не имеется драматизма и ширины воззрения, его миросозерцание есть миросозерцание самого простого смертного, его вдохновение не выдержит продолжительного напряжения».[37]

Итак, уже с первых серьезных откликов на творчество Фета в критике и широкой публике складывается впечатление о поэте как не очень далеком, не слишком глубоком мыслителе, наделенном, однако, чудным даром певца природы, неуловимых ощущений, неповторимых мгновений и красоты. Следует, правда, иметь в виду, что отзывы Боткина и Дружинина ограничивались 1856 годом и были произнесены задолго до того, как вышли в свет «Вечерние огни», сборники новых стихотворений поэта, давшие примеры подлинно философской лирики.

Между тем Фет оставил нам не только образцы величайших лирических вдохновений. Он ясно и недвусмысленно высказался по самым разным вопросам: политическим, экономическим, философским, эстетическим и другим. И чем внимательнее вчитываешься сейчас в эти размышления поэта, тем более глубоким, сильным и оригинальным представляется его взгляд на мир. Говоря в самых общих чертах, необходимо признать, что к настоящему времени не только само наследие поэта не опубликовано в полной мере, — оно в значительной степени пока не осмыслено.[38]

---

[36] *Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета. С. 209—210.

[37] *Дружинин А. В.* Стихотворения А. А. Фета. С. 90.

[38] Здесь следует указать на подготовленный Г. Д. Аслановой том публицистики Фета, вобравший бóльшую часть его статей, опубликованных в различных периодических изданиях, а также отдельными брошюрами или оставшихся в руко-

Так, помимо многочисленных высказываний на эстетические темы, рассыпанных в его стихах, статьях, предисловиях, письмах, квинтэссенцию своих взглядов на искусство Фет выразил в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева», опубликованной во втором номере журнала «Русское слово» за 1859 год, то есть незадолго до того, как этот журнал был «захвачен» представителями радикального крыла революционных демократов.

Непосредственным поводом для написания статьи послужил вышедший в 1854 году первый сборник поэта (в подготовке его также большое участие принял И. С. Тургенев, давний почитатель творчества Тютчева). Однако статья вышла спустя пять лет и отнюдь не напоминала рецензию. Как и упомянутые статьи Боткина и Дружинина, она скорее была эстетической декларацией поэта. По сути, Фет подключался к литературно-эстетическим спорам своего времени, четко формулируя свое эстетическое credo. Каковы же основополагающие тезисы этой статьи?

Отвергая как не идущие к делу вопросы о «правах гражданства поэзии», ее «современности» (Фет называет эти вопросы «кошмарами, от которых давно и навсегда отделался»), автор начинает с главного — определения сущности искусства. «Поэзия, или вообще художество, есть чистое воспроизведение не предмета, а только одностороннего его идеала <...>».[39]

Таким образом, поэт отбрасывает теории Чернышевского, Добролюбова и прочих представителей «реальной» критики, открыто декларируя «односторонность» искусства, не претендующего на «воспроизведение самого предмета», то есть действительности. Эта односторонность, интересующая художника и находящаяся только в его ведении, — красота, разлитая в природе, в мире.

Мир же принимается художником целиком как равно прекрасный, и в этом тезисе заложено одно из главных опровержений современных тенденций, состоящих в критическом осмыслении действительности. Если «мир во всех своих частях равно прекрасен, то внешний, предметный элемент поэтического творчества безразличен».[40] Иными словами — нет никакой разницы в том, что изображает поэт. Главное — он должен узреть идеальную сторону предмета, то есть его красоту. Красота, таким образом, понимается не как красивость, а как идеальная сущность, идеальная сторона явления.

писи: *Фет А. А.* Наши корни: Публицистика / Подгот. текстов Г. Д. Аслановой, коммент. Г. Д. Аслановой и В. И. Щербакова. СПб.; М., 2013. 480 с.

[39] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 177.

[40] Там же.

Здесь очень важен момент зоркости — «этого шестого чувства, не зависящего ни от каких других качеств художника».[41] А в целом по логике всех указанных определений провозглашается как бы внеморальность искусства, где всякая тенденция, цель признаются в качестве привходящих мотивов.[42] Сказанное, разумеется, не распространяется на все искусство. И у Тютчева, и у самого Фета, да и у любого поэта найдется немало стихотворений, наполненных «моральным», в том числе гражданским содержанием. Фет заостряет проблему в полемических целях и в дальнейшем не раз будет возвращаться к этой теме в статьях, предисловиях и комментариях к переводимым им поэтам античности и нового времени.

Примеры, приводимые Фетом в статье о Тютчеве, красноречивы. Грязный и спесивый козел, к которому вожделеет коза (Фет цитирует по-французски первую строку стихотворения А. Шенье «Le bouc et le Satyre»: «L'impur et fier époux que la chèvre désire...»),[43] или подравшиеся воробьи способны стать содержанием истинной поэзии, в то время как «высокая мысль» может присутствовать в ничтожной по поэтическому содержанию подделке. «Дайте нам прежде всего в поэте его зоркость в отношении к красоте, а остальное на заднем плане. Чем эта зоркость отрешеннее, объективнее (сильнее), даже при самой своей субъективности, тем сильнее поэт и тем вековечнее его создания».[44]

Дело не в самих чувствах, а в том, что «чем дальше поэт отодвинет их от себя как объект», тем зорче будет он и «тем чище выступит его идеал».[45] Дело в умении художника «совладать» с ними, дистанцироваться на расстояние, с которого зоркий глаз превратит их в предмет искусства.

Таким образом, всё, в том числе и чувство, может быть предметом поэтического созерцания. Даже мысль может быть предметом изображения, но не сама по себе. В качестве предмета искусства она становится чем-то иным, как бы переплавляется в поэзию. В этом ее строгое

---

[41] Там же. Ср. в статье Боткина: «Поэтическое чувство можно бы назвать шестым и самым высшим чувством в человеке» (*Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. С. 203).

[42] Ср. стихотворение 1884 г. «Добро и зло» («Два мира властвуют от века...»): «Но если на крылах гордыни / Познать дерзаешь ты как бог, / Не заноси же в мир святыни / Своих невольничьих тревог. // Пари всезрящий и всесильный, / И с незапятнанных высот / Добро и зло как прах могильный / В толпы людские отпадет» (*Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 153).

[43] В переводе самого Фета эта строка звучит так: «Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...».

[44] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 179.

[45] Там же.

отличие от мысли философской.[46] Философская мысль должна быть точна и конкретна, поэтическая же — как можно более обща. Не мысль, а идея мысли — вот что способно, по Фету, стать предметом искусства.

Как видим, рассуждения Фета о поэзии, о сущности искусства далеки от того, чтобы назвать их «бессознательными», в основе его эстетики лежали глубоко продуманные и прочувствованные представления, которым он остался верен до конца дней. Кстати, до конца дней поэтическое вдохновение, несмотря на пророчество некоторых критиков, в том числе И. С. Тургенева, не покинуло Фета: свидетельством тому — выходившие с 1883 года сборники новых стихотворений уже пожилого поэта — «Вечерние огни».

Именно в статье о Тютчеве Фет высказал мысль, которая впоследствии не раз становилась предметом насмешек, а по сути в образной форме выражала одно из задушевнейших его убеждений. Утверждая, что «лиризм, этот цвет и вершина жизни», хотя «навсегда останется тайной», требует от своего носителя подчас «безумной, слепой отваги» и в то же время «тончайшего чувства меры», Фет дерзко заявлял: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик».[47]

Статья о Тютчеве не была ни первым, ни последним выступлением Фета в качестве эстетика и литературного критика. В этом отношении было бы трудно упрекнуть поэта в равнодушии к бушующим на страницах русской периодики литературным и идеологическим спорам, хотя он и говорил иногда, что ему решительно все равно, что о нем пишут.[48] Напротив, Фет никогда не упускал возможности высказаться на волнующие его темы и делал это нередко в резкой полемической форме. Таковы его статьи о романе Чернышевского «Что делать?» и о романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», увидевшие свет лишь спустя много десятилетий после смерти поэта. Не менее острой по смыслу была статья Фета «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» и другие. Собранные вместе в третьем томе выходящего ныне

---

[46] Сам по себе этот тезис не был чем-то совершенно оригинальным, примерно в таком виде он формулировался и Боткиным, и Дружининым, и Катковым (например, в статьях о Пушкине).

[47] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 186–187.

[48] «Вы пишете, что меня бранят в „Современнике“, — писал Фет С. В. Энгельгардт 19 октября 1860 г. — <...> Но мне решительно теперь все равно, что они будут обо мне писать и говорить. Жаль, что новое поколение ищет поэзию в действительности, когда поэзия есть только запах вещей, а не самые вещи. Но и об этом жалеть не следует. Можно жалеть о засухе известного года, но думать, что засуха будет вечная, неосновательно» (*РГБ.* Ф. 126. Папка 8337. № 10. Л. 1 об.; ср.: *Фет. СПП.* С. 375).

Собрания сочинений и писем Фета, литературно-критические статьи не только дают достаточно полное представление о его эстетических воззрениях, но и ясно высвечивают место Фета-критика в современном ему литературном процессе. Исследователями было также отмечено, что между литературно-критическими и публицистическими статьями Фета подчас нелегко провести четкое разграничение.[49]

Характерен отклик поэта на рецензию С. Д. Шестакова, написанную в связи с выходом в свет «Од» Горация в переводе Фета, которые публиковались в журнале «Отечественные записки» в 1856 году и в том же году вышли отдельным изданием. Статья Шестакова была напечатана в февральской книжке журнала «Русский вестник» за 1856 год, после публикации первой книги од. Переводы из Горация не были случайными в творчестве Фета, он начал переводить «Оды» еще на студенческой скамье, а впоследствии подготовил полный перевод Горация (1883), который не только был удостоен Пушкинской премии и рекомендован в качестве учебного пособия для гимназий, но и стал поводом для избрания поэта членом-корреспондентом Академии наук. В «Ответе на статью „Русского вестника“ об „Одах Горация“» Фет горячо оспорил многие тезисы рецензента, но мы остановимся лишь на том, что не имело непосредственного отношения к качеству перевода и все же стало предметом полемики.

Споря с предисловием Фета к переводу Горация, Шестаков утверждал, что римский поэт не был философом, а был человеком аполитичным, «чисто поэтической натурой».[50] Заметим, как напоминают эти определения характеристики самого Фета, укрепившиеся в сознании современников. Казалось бы, мнение критика, причислявшего Горация к представителям «чистого искусства», должно было понравиться Фету. Однако в своем ответе поэт решительно оспорил это суждение. В предисловии к переводу «Од» Горация он утверждал, что поэт черпал вдохновение «непосредственно из жизни», что он «с ожесточением» восставал «на испорченность нравов своего века» и только в самодержавии Августа видел «единственную возможность избавления от всех бедствий и преступлений».[51] Возражая Шестакову, Фет еще раз под-

[49] См.: *Сорочан А. Ю., Строганов М. В.* А. А. Фет как литературный критик // *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 421. Не случайно статья Фета «Фамусов и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве» (1885)» в Собрании сочинений и писем Фета вошла в раздел «Критические статьи» (Т. 3), а в сборнике «Наши корни: Публицистика» (М., 2013), составленном Г. Д. Аслановой, по праву заняла место наряду с другими публицистическими выступлениями поэта.

[50] *Шестаков С.* Оды Горация в переводе г. Фета // *РВ.* 1856. Т. 1. Кн. 1 (февраль). С. 569.

[51] *Фет. ССиП.* Т. 2. С. 10.

черкивает, что Гораций «писал свои стихи почти исключительно на ежедневные события (Gelegenheitsgedichte)», которые, как правило, даже у великих поэтов выходили «из рук вон плохи», и «можно сказать, один в целом мире» умел возводить ежедневные события, случайности «на высоту художественных произведений».[52]

Что же так привлекало Фета в Горации помимо высоких художественных достоинств его творений? Это как раз то, что чаще всего не замечалось его поздними читателями: он был выразителем римской силы, «великие зачатки» которой «не успели еще заглохнуть среди стремлений к жизни внешней, блестящей с виду, но пустой по содержанию».[53] Эта сила состояла в великих образцах доблести, свойственной каждому римлянину. В предисловии к своим переводам из Горация Фет подчеркивал стоический идеал римского поэта, отказ от почестей и богатств, которые сулила ему дружба с Меценатом, стремление к мирной жизни и деревенской тишине.

Уже через несколько лет после выхода в свет переводов «Од» Горация Фет и сам «осядет» на земле, в приобретенной им Степановке. А в 1877 году он продаст взлелеянный им «клочок земли» и поселится в Воробьевке, где почти полностью отдастся переводам. Обеспечив себе необходимый «прожиточный минимум», поэт обрел независимость, которой искал, и мог свободно распоряжаться своим временем.

Рассуждая об искусстве в путевых очерках «Из-за границы», написанных еще в 1856 году, Фет, сравнивая положение дел в литературе Франции и России, заявлял: «У нас на Руси писатель пока еще не ремесленник, вынужденный подмалевывать свою куклу в угоду детям, для которых румяная, московская кукла с голубыми кружками вместо глаз бесконечно привлекательнее Амура Праксителя. Наш писатель еще хлопочет об обнародовании того, что считает непреложной истиной, и поэтому литература занимает место, которое ей вполне принадлежит. Она поучает устами таланта. Хорошо ли учит тот или другой — дело частное и случайное, но только при таком положении вещей возможно развитие вкуса и ширины взгляда. Во Франции в настоящее время дело наоборот. Литература та же модистка, обязанная выбирать материю и покрой платья, сообразуясь с общим вкусом покупателей, без того магазин будет пуст и магазинщик умрет с голоду. Журнальная критика, по причине своей продажности и пристрастности, давно вышла у читателей из веры, и окончательным судьей осталось большинство».[54]

---

[52] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 163.

[53] Там же. Т. 2. С. 7.

[54] Там же. Т. 4. С. 98.

Сказанное лишь на первый взгляд мало согласуется с представлениями о Фете как проповеднике «чистого искусства»: если внимательно вникнуть в его эстетические постулаты, как и в его политические, экономические и другие представления, мы не найдем ожидаемых противоречий. Напротив, нежелание идти на поводу большинства в оценке произведений искусства, как и в оценке политических событий, выдает в Фете мыслителя неординарного. Его подчас парадоксальные суждения скрывают за собой итоги долгих размышлений.

Литературно-публицистические выступления Фета не остались незамеченными. Несмотря на близость в 50-е годы к редакции «Современника», несмотря на личное расположение к нему Некрасова и Тургенева, завершающая часть писем «Из-за границы», посвященная итальянским впечатлениям, так и не была опубликована в журнале, который постепенно переходил в руки его «молодой редакции» во главе с Чернышевским. Эта часть заметок оказалась вообще утраченной для нас. И не исключена возможность, что чья-то «заботливая» рука просто выбросила ее в корзину. А вскоре Фету была объявлена война по всем направлениям. Она привела, как известно, к долговременному уходу поэта из литературы. Лишь спустя двадцать лет после последнего поэтического сборника 1863 года, в 1883 году, появится первый выпуск «Вечерних огней».

Деятельность Фета как литературного критика и публициста 60-х годов продолжала линию, намеченную в середине 50-х. При очевидной немногочисленности статей литературно-критическая часть наследия Фета представляется весьма ощутимой частью литературного процесса 50—60-х годов, более того, можно говорить о том, что значение ее выходит далеко за пределы чисто эстетических вопросов. По сути дела, она органически включается в корпус публицистики Фета, как по своему потенциалу, так и по многообразию затронутых автором тем. Достаточно указать на обширную (написанную в соавторстве с В. П. Боткиным) рецензию на нашумевший роман Чернышевского «Что делать?». Здесь обсуждение художественных достоинств романа органически выливается в идейный спор с Чернышевским — проповедником социалистических идей. «Да, мы открыто не желаем смут и натравливаний одного сословия на другое, где бы оно ни проявлялось: в печати ли, на театре ли, посредством изустных преподаваний и нашептываний. Мы не менее других желаем народного образования и науки, только не по выписанной нами обскурантной программе социалистов, способной только сбить человека с врожденного здравомыслия. Нам больно видеть недоверие сознательных элементов общества к публичному воспитанию. Наравне с другими мы чувствуем необходимость незыблемых гарантий свободному и честному труду. Для нас

очевидна возрастающая потребность в серьезном содействии женского труда на поприще нашего преуспеяния. Чем скорее и яснее поймут они всю гнусность валяться целый день в постели и пить сливки, заставляя мужа, кроме тяжелых забот о насущных нуждах семейства, заваривать им чай, — тем лучше. Пусть они серьезно и полезно трудятся, но только не в фаланстере».[55] Так завершалась статья о романе Чернышевского.

При слове «публицистика Фета» большинство знающих людей вспомнит яркие статьи, связанные с опытом начинающего фермера и печатавшиеся в 60-е — начале 70-х годов. Собранные вместе, очерки Фета дают подробное представление о том, каким образом приживались в сельском быту новые веяния, привнесенные реформой 1861 года, освободившей крестьян от крепостного рабства. Давая краткий обзор деревенских очерков Фета, А. Е. Тархов верно заметил, что значение их выходит далеко за пределы биографического интереса. «...Упорная борьба Фета за осуществление „земледельческого идеала“, — пишет исследователь, — отнюдь не сводилась к „фермерской программе“ нового, прогрессивного хозяйствования; деятельность Фета вдохновляла иная идея: среди катастрофического кризиса всей помещичьей жизни, оскудения и разорения дворянских усадеб, всеобщего убеждения в исчерпанности исторической роли дворянства как сословия — наперекор всему этому стремиться к осуществлению нового *человеческого идеала земледельца*: а таковым был для Фета среднепоместный дворянин».[56]

Продолжая мысль исследователя, можно сказать, что значение деревенских очерков Фета выходит далеко за рамки не только биографического интереса, но и более общего интереса к судьбам среднепоместного дворянства. Судьбы дворянства были неразрывно связаны с судьбой крестьянства, а значит и всего народа. Именно в таком качестве — размышлений о судьбе русского народа и судьбе России очерки Фета входят в более поздний пласт публицистики, составляя с нею органическое целое.

Завершив цикл своих деревенских записок в 1871 году, Фет продолжал напряженно размышлять о настоящем и будущем государственного устройства России. По сути дела, он до последних дней оставался деятельным участником дискуссий по самым насущным вопросам экономической и общественной жизни. Собранные вместе в будущем томе выходящего ныне собрания его сочинений, публицис-

---

[55] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 259.

[56] *Тархов А. Е.* Проза Фета-Шеншина // Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 373—374. См. также содержательную статью Л. И. Черемисиновой: А. А. Фет: Земледельческая утопия и реальность. С. 142—148. Здесь автор затрагивает и позднюю публицистику поэта, тесно связанную с деревенскими очерками 60-х гг.

тические статьи 70-х — начала 90-х годов дадут возможность определить место и значение Фета-публициста в общественном процессе последней трети XIX столетия.

Статья «Наши корни», опубликованная в февральской книжке «Русского вестника» за 1882 год за подписью «Деревенский житель», написанная в переломный для России момент, положила начало череде публицистических выступлений Фета 1880-х годов. Начатая задолго до 1 марта 1881 года и завершенная уже после убийства народовольцами Александра II, эта статья дает ключ к пониманию всей публицистики Фета 80-х годов.[57]

Как верно замечено исследователями, под «корнями народной жизни» понималось, с одной стороны, «религиозно-нравственное воспитание народа — „духовный“ корень, с другой — „материальный, наше сельское хозяйство“».[58] Именно на этих основаниях зиждется духовное и материальное благополучие государства и трона, ибо «истинная особенность» российской государственности коренится, по Фету, «в двух мотивах: *главенстве Христа и Царя*».[59]

Объективно статья «Наши корни» оказалась своеобразным ответом Фета-публициста на долгое противостояние общественных сил, кульминацией которого стало убийство Александра II. Накал борьбы побудил Фета открыто встать на сторону охранителей трона и заслужить звания реакционера и консерватора, которые, судя по всему, не сильно смущали поэта. Недаром он сам позаботился о том, чтобы «Наши корни», как и другие его статьи, дошли прямо до Александра III.[60] Но и поэт Афанасий Фет откликнулся на совершенное злодейство проникновенными строками:

1 МАРТА 1881 ГОДА

День искупительного чуда,
Час освящения креста:

[57] См.: *Черемисинов Г. А.* Социально-экономический портрет пореформенной России в статье А. А. Фета «Наши корни» // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Сб. науч. статей и материалов XIII Фетовских чтений. Курск, 1998. С. 88—96. Первая научная публикация статьи осуществлена В. И. Щербаковым: *Фет А. А.* Наши корни / Публ. и примеч. В. И. Щербакова // А. А. Фет: Поэт и мыслитель. Сб. науч. трудов. М., 1999. С. 171—234.

[58] *Черемисинова Л. И.* А. А. Фет: Земледельческая утопия и реальность. С. 145.

[59] *Деревенский житель* <*Фет А. А.*>. Наши корни. М., 1882. С. 53.

[60] См.: *Щербаков В. И.* «К сожалению, много правды»: Александр III и его окружение о статье А. А. Фета «Наши корни» // А. А. Фет и русская литература: Материалы Всероссийской научной конференции «XV Фетовские чтения». Курск; Орел, 2000. С. 127—136.

Голгофе передал Иуда
Окровавленного Христа.

Но Сердцеведец безмятежный
Давно, смиряяся постиг,
Что не простит любви безбрежной
Ему коварный ученик.

Перед безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорелася любовь.

Она сияет правдой новой.
Благословив ее зарю,
Он крест и свой венец терновый
Земному передал царю.

Бессильны козни фарисейства:
Что было кровь, то стало храм,
И место страшного злодейства
Святыней वековечной нам.[61]

Говоря об идеологическом облике Фета, следует, однако, иметь в виду существенную особенность его позиции. Как верно писал А. Е. Тархов, «если уж искать название для его далеко не прогрессивной идеологии, то скорее всего ее следует назвать почвенническим консерватизмом».[62] Но его позиция по ряду коренных вопросов заметно отличалась от позиции тех, с кем Фет-публицист оказался в одном ряду. Так, например, он заметно расходился в отношении к сословиям с таким ярким представителем консервативного лагеря, как К. Н. Леонтьев. Анализируя статью Фета «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений», напечатанную в № 14 «Московских ведомостей» от 14 января 1888 года, и отклик на нее Леонтьева, современный исследователь пишет: «Позиция Фета синтетична. Сторонник „известной иерархии“, он пришел к проповеди хозяйственной и правовой свободы для крестьянина через вопрос о его ответственности».[63]

[61] Написанное вскоре после убийства царя, стихотворение было опубликовано в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» без заглавия. Позднее вошло в раздел «Элегии и думы» первого выпуска «Вечерних огней» (М., 1883). См.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 17, примеч. на с. 314—317.

[62] *Тархов А. Е.* Проза Фета-Шеншина. С. 375.

[63] *Добряков С. В.* Незамеченный спор (К. Леонтьев и А. Фет: к истории взаимоотношений) // А. А. Фет и русская литература: Материалы Всероссийской науч. конференции «XVII Фетовские чтения». Курск, 2003. С. 248.

Действительно, еще в 1864 году Фет писал: «Мы напрасно обвиняем то или другое сословие. Общественные недостатки у нас те же во всех. И у крестьян, и у помещиков до сих пор всегда были деньги, с одной стороны, на водку, а с другой — на несоразмерные со средствами затеи, и вечно чувствовался недостаток в необходимом».[64] Понятие экономии, существования по средствам было одним из заветных убеждений Фета. Оно же нередко становилось источником обвинения его в скупости и даже «скаредности». Между тем расточительству дворян он ставил в пример крестьян, когда писал: «Крестьянин почерпнул свой быт не из академий, трактатов и теорий, а из тысячелетней практики, и потому быт его является таким органическим целым, стройности и целесообразности которого может позавидовать любое учреждение».[65]

К. Леонтьев, сторонник укрепления сословных привилегий дворянства,[66] выступал в то же время за сохранение крестьянской общины, убежденным противником которой был Фет. По вопросу о сохранении или упразднении общины Фет расходился со многими консерваторами, как западнической, так и славянофильской ориентации.

Важнейшими компонентами историософии Фета становятся понятия «земли» и «труда». Земледелие, по Фету, «не какая-либо потребность жизни, оно сама жизнь».[67] «Землевладение» же есть не просто «владение землей», в том числе ее купля-продажа, — это прежде всего «делание на земле». «Не указывайте прямо на землю как на источник богатства, — писал он в 1871 году. — Земля без рук — мертвец».[68] Рассматривая государство как органическую форму существования народа, основанную на семейном начале, фундаментом этого исторического образования Фет полагал землю и тех, кто ее возделывает. Земледельческая деревня для него — это «корень всего государственного дерева».[69]

«Затруднений и препятствий много, — писал Фет еще в своих «Заметках о вольнонаемном труде», — но где средства устранить их и сровнять дорогу всему земледельческому труду, этому главному, чтобы не сказать единственному, источнику нашего народного благосостоя-

---

[64] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 291.

[65] Там же. С. 337.

[66] «Если для Фета было важно равенство обязанностей и прав дворянина и крестьянина, то Леонтьев попробовал развить принцип сословной иерархии», — пишет С. В. Добряков (*Добряков С. В.* Незамеченный спор (К. Леонтьев и А. Фет: к истории взаимоотношений). С. 252).

[67] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 370.

[68] Там же. С. 341—342.

[69] Там же. С. 354.

ния?».[70] Конечно, труд как основополагающая категория не ограничивается для Фета только земледельческой сферой. Его интересует весь быт земледельческой деревни в целом, начиная с рациона наемных рабочих и до влияния на жизнь деревни прокладываемых железных дорог, вплоть до вопросов винокурения и чрезмерного пьянства.[71] Поясняя свою позицию наблюдателя и автора деревенских заметок, основным инструментом которого является непредвзятое отношение к увиденному, поэт пишет: «Только из такого простого и свободного отношения к предметам возникает для меня наслаждение трудом».[72]

Суть самой реформы Фет понимал гораздо глубже тех, кто в первую очередь был озабочен раскрепощением огромной части населения России. Как будто опровергая тех, кто заподозривал его во вражде к проводимым реформам (а до сих пор находятся люди, считающие Фета «крепостником»), в своих деревенских записках поэт создал подлинный гимн вольнонаемному труду. «Насколько мы понимаем дух крестьянской реформы, — писал он в одном из очерков цикла «Из деревни» (1863), — она должна разрешить два вопроса: эманципацию личности и эманципацию труда, что почти одно и то же. <...> / Труд только тогда свободен, когда подобно всем остальным ценностям обусловливается предложением и требованием, когда он *вольнонаемный*. Итак, вольнонаемный труд является логическим последствием и конечною целью реформы, о которой, во избежание недоразумений, скажем раз навсегда, что мы ей и в принципе, и во всех проявлениях по сей день — глубоко сочувствуем».[73]

Таким образом, понятия «землевладения» и «земледелия» становятся синонимами. Здесь, собственно, лежат корни фетовских разногласий со многими современными ему публицистами. Вот почему псевдоним, избранный Фетом, — «Деревенский житель» — несет на себе серьезную идеологическую нагрузку.

Именно этим псевдонимом была подписана статья «На распутье», которая вышла отдельной брошюрой в Москве в 1884 году. Долгое время она оставалась анонимной, лишь недавно было доказано, что она принадлежит перу Фета. Не вдаваясь в подробности, Фет открыто формулирует тезис: «Мы все, русские (за ничтожными исключениями), любим нашего монарха, мы верим в его преемственно законное

---

[70] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 178.

[71] «Признавая в *водке* одного из капитальнейших факторов современного народного хозяйства, — писал Фета в одной из статей, — невольно спрашиваешь: неужели не сыщется ему более достойного конкурента, хотя бы в отдаленном будущем? Как не быть?» (Там же. С. 341).

[72] Там же. С. 253.

[73] Там же. С. 238.

самодержавие, мы надеемся на его защиту от обуревающих нас страстей».[74] Православие и самодержавие, таким образом, — основа государственного устройства России. Любопытно, что третья составляющая уваровской триады — «народность» — оспаривается Фетом.

«Слова: *народность* или *животность* обозначают лишь совокупность особенных свойств народа или животного, а в этом смысле, хотя в приведенной фразе *народность* и неуместна с двумя первыми понятиями, но постановленная таким образом: *народность: православие* и *самодержавие* может иметь самый твердый и ясный смысл в данном народе».[75] Схожим образом высказывался Фет и в статье «Наши корни»: «Мы до сих пор не вполне ясно сознали нашу истинную особенность, коренящуюся в двух мотивах: главенстве *Христа и Царя*. Все доблестное и великое совершается на Руси Христовым и Царским именем. Этого не хочет понять современная интеллигенция со своею ребяческою конституцией. У ней действительно нет царя в голове».[76]

«Историю нельзя сочинять, — пишет Фет. — Ее можно только тенденциозно передавать или же беспристрастно к ней присматриваться». Пытаясь определить геополитическое место России, Фет вступает в спор и с западниками и со славянофилами, обнаруживая при этом знакомство с трудом Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». «Нам кажется, что и славянофильская критика впала в однородные с нигилистической ошибки, из коих главнейшею считаем *повальность*. Отыскав для присущего всем народам инстинктного чувства самобытности и партикуляризма отвлеченное выражение *народность*, даже с несвойственным этому выражению оттенком народовластия, славянофильство предвзято отнеслось ко всему западному и повально стало хвалить все свое. Но так как на пути не к отвлеченному мышлению, а к вопросам самой будничной жизни, — к куску насущного хлеба, — мы не можем спрашивать, откуда пришла вещь, а должны только испытать, хороша ли она, целесообразна ли? — то во избежание ежеминутных недоразумений вынуждены уяснить себе слово „народность“».[77]

К понятию «народности» — одному из ключевых в идеологических спорах эпохи — Фету приходилось возвращаться неоднократно. В статье «На распутье» он в очередной раз пытается снять с этого понятия идеологические нагрузки, которые прочно срослись с ним в статьях критиков различных лагерей. «Народность не может быть выражени-

---

[74] *<Фет А. А.>* На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 4.

[75] Там же. С. 5.

[76] *Деревенский житель <Фет А. А.>*. Наши корни. С. 53.

[77] *<Фет А. А.>* На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 6.

ем качеств, свойственных известному народу наряду с другими народами, — пишет Фет, — и тем более общих всему человечеству. В этом случае *народность* была бы ненужным синонимом человечества. Желая говорить о характеристических свойствах медведя, быка, лошади, мы вправе указать на то, что при нападении медведь, употребляя передние когти, невольно становится на задние лапы; бык, приводя в горизонтальное положение рога, склоняет лоб, а лошадь, освобождая для ударов задние ноги, переваливает всю тяжесть тела на передние, или же что, „сколько волка ни корми, он все в лес глядит“. Мы вполне согласны, что искусственно исправлять врожденные приемы упомянутых животных совершенно напрасный труд, так как по такому прогрессивному пути можно дойти до мысли рядом с кошками и собаками держать на сухом пути комнатных осетров. Высказанное нами о смысле слова „народность“ нисколько не мешает наблюдателю признавать те же черты не во всем, конечно, человечестве, чему мешает самое понятие, а в целом культурно-историческом типе».[78]

Ссылаясь на статью некоего китайского военного о Китае и китайцах, опубликованную в «Revue des Deux Mondes», как на источник своих размышлений, Фет приходит к выводу, что «по географическому положению и по основному строю мы Восток». «Славянофилы правы, — пишет Фет, — мы не только одною ногою твердо стоим на Востоке, но волею судеб еще все далее отодвигаем эту ногу к Востоку. Никакие западные моды, никакое обезьянство не в силах искоренить нашего природного склада, выветрить нашей восточной сути. Переставши быть Востоком, мы перестанем быть русскими».[79] История, по мнению Фета, так близко придвинула нас к Западу, что «для удержания нашего громадного тела в равновесии мы вынуждены нравственно опереться другою ногою на общую европейскую цивилизацию».[80]

При этом критика европейской цивилизации ведется Фетом не предвзято, а с учетом исторических реалий русской жизни. Его интересует не оценочное отношение к иному образу жизни и мыслей, а определение в каждом случае национальной специфики того или иного явления. «Исторические судьбы всего лучше оправдывают наши слова, — констатирует Фет. — Как истина состоит в соответствии понятия о вещи ее сущности, так справедливость состоит в соответственном удовлетворении потребностей каждого. Как по бесконечному количеству вещей является бесконечное число истин, так, по бесчисленности человеческих личностей, справедливость, чтобы оставаться справед-

[78] <*Фет А. А.*> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 6—7.

[79] Там же. С. 8.

[80] Там же.

ливостью, вынуждена принимать бесконечные виды. Основывая свои действия на внешнем, прямолинейном равенстве, оно становится законом, составляющим прямую ее противоположность, ибо закон, по своей незыблемости, представляет прокрустово ложе. Ясно, что справедливость между людьми возможна только при семейном начале».[81]

Этот основополагающий принцип вызовет позднее у Фета желание написать специальную статью, посвященную такому важному, но ныне вполне забытому слову, как «тягло». Благодаря одного из своих корреспондентов за указание на это первостепенное для понимания специфики русской жизни понятие, Фет писал: «...слово „тягло“ не есть какое-либо модное и небывалое; оно звучало еще над нашей купелью и только литераторы писали „тысячу душ“, а хозяева между собою говорили 250 тягол».[82] Несмотря на то, что сам он не раз писал о семейном начале как основополагающем в понимании отношений крестьянина с землей и даже употреблял слово «тягло», Фет счастлив, что найдено ключевое слово, и пытается как можно точнее определить его содержание: «Как для физиолога важно знакомство с отдельною клеточкой для уразумения всех органических тел, как одна ячейка объясняет все устройство улья, так точно тягло, вследствие указания Вашего, должно послужить основой всей моей статьи <...> По-моему, тягло *есть неделимая экономически-самобытная единица обязательного земледельческого труда*».[83]

Российская государственность зиждется, по Фету, на отношении к земле. Еще в 1871 году он заявлял: «Самый заклятый крепостник из развитого общества, на словах, а быть может, и на деле, заявляющий себя исключительно эксплуататором поземельной собственности, носит в душе глубокое убеждение, что помимо коммерческих отношений к окружающей среде на нем лежат нравственные обязанности иного свойства. Сила этого сознания возвела и продолжает возводить Россию на ту степень цивилизации, которой она достигла в течение каких-либо 150 лет».[84] Вот почему центральное место в статье «На распутье» занимает глава «Земля как орудие производства».

«Недаром люди, — начинает эту главу Фет, — издревле обращаясь к земле, говорили: земля-кормилица, „arida nutrix“, мать-земля, что со-

---

[81] Там же. С. 28.

[82] См.: Переписка Фета с Н. П. Семеновым (1884—1892). С. 647 Письмо от 16 февраля 1886 г. Под «литератором» Фет подразумевает А. Ф. Писемского, автора романа «Тысяча душ» (1858).

[83] Там же. С. 647—648. О не дошедшей до нас статье Фета «Наше тягло» см.: *Генералова Н. П.* 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым. С. 81—88.

[84] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 366.

вершенно справедливо, если подумать, что так или сяк мы сами представляем ее видоизменение и во весь период нашей жизни, непосредственно или при посредстве многих передаточных рук и разнородных химических превращений, питаемся ее соком. Чтобы земля вполне соответствовала понятию кормилицы, человеку необходимо непосредственно припадать устами к добровольно предлагаемой пище. Такое припадение возможно только в немногих местностях, где климатические условия и изобилие дикорастущих плодов в течение круглого года это дозволяют. <...> а возделывать землю под посев культурных растений уже представляет труд в поте лица. При этом высшем, одному человеку свойственном приеме питания никакое измышление, никакие уловки не спасут от трудового пота. Напрасно люди, незнакомые с делом, мечтают, что со временем земледельческий труд выпадет на долю машин, а управляющие, или люди, будут только прогуливаться и наблюдать за ходом дела. Мы поставили бы таких фантазеров к любой земледельческой машине, чтобы убедить их, что машина сокращает время, а не труд человека».[85]

Как видим, в своих размышлениях о земледелии Фет возвращается к излюбленным мыслям о значении труда как основополагающего фактора цивилизации, хотя это не означает, что автор отрицает роль и значение прогрессивных методов хозяйствования. «...В земледелии, наравне с другими высшими человеческими деятельностями, — утверждает Фет, — труд является основным, главнейшим фактором всего дела».[86]

Именно в этом смысле земля ничем не отличается от всякого другого орудия производства. «По отношению к земледелию она, в случае природной плодородности, играет ту же роль, какую сырая шкура животного занимает по отношению к письменности. Если шкура требует обработки, чтобы стать пергаментом, то земля требует обработки, чтобы стать нивой».[87] Фет категорически отказывается применять к земледелию, к земле понятие «стихийности», природного дара, пользоваться которым ничего не стоит. Сравнивая землю и другие стихии — воду, огонь и воздух, автор статьи утверждает: «Форма, искусственно придаваемая человеком помянутым стихиям, нисколько не изменяет их сущности, тогда как в земледельческой почве искусственная форма есть самая сущность дела, точно так же, как в лепном произведении скульптуры».[88]

---

[85] <*Фет А. А.*> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 34.

[86] Там же.

[87] Там же. С. 35.

[88] Там же.

Таким образом, земля в понимании Фета превращается скорее в исходный материал для искусства, в данном случае — искусства земледелия, и оказывается неразрывно связанной с работающим на ней хозяином. Из этого органического единства возникает необходимость прямого и надежного прикрепления человека к земле, но человека не всякого, а способного управляться с предметом владения. Отсюда и предлагаемое Фетом решение, казалось бы, частного вопроса о неразделении поземельной собственности, поскольку деление ее приводит к дроблению и оскудению хозяйств.

Все, что происходит в государстве, любые предпринятые реформы так или иначе должны, по Фету, быть направлены на основную задачу — сохранение и преумножение главного капитала — земли. Вот, например, какова логика рассуждений Фета, когда он обращается к современному судоустройству, предлагая отказаться от суда присяжных и вернуться к институту мировых посредников, которые справились со сложнейшей ролью регулятора в деле размежевания дворянства и крепостного крестьянства в первые пореформенные годы в силу того, что имели полномочия принимать скорые и очевидные решения. Значительная часть тяжб может решаться столь же скоро при сохранении этого института. При этом виновные не будут отрываться от своих непосредственных занятий, то есть от земли.

Главный критерий культурного народа, по Фету, — его отношение к земле. «Долговечностию отличаются только народы, у которых, как у египтян, Нил ежегодно возмещает истощение почвы, или те, которые, подобно немцам, французам, англичанам и китайцам, религиозно наблюдают землю искусственным удобрением, хотя бы приходилось его выписывать из-за моря. В этом заключается главный критерий культурного народа. Тут выбора нет: или при сгущенном населении всеми силами подымать производительность почвы, или беззаветно обдирать ее и бежать на целину, оставляя за собою бесплодную пустыню».[89]

В ходе этих рассуждений, собственно, и встречается слово, давшее название всей статье: «На распутье». Выбор, перед которым стоит Россия спустя более четверти века после отмены крепостного права, все тот же: пойдет ли страна по пути рационального земледелия, основанного на вольнонаемном труде, или будет сохранять такие остатки крепостничества, как общинное владение, обретет ли земля рачительного и экономного хозяина или станет объектом хищнической эксплуатации. «Беспощадно истощая почву общинным владением, — пишет Фет, — мы бежим с истощенных полей куда глаза глядят; а как к куль-

[89] Там же. С. 45—46.

турному густонаселенному Западу бежать некуда, мы, против исторического течения, бежим на Восток, еще не зная, как примут нас безводные степи. <...> несомненно, что мы стоим на распутье, и странно видеть, что, искусственно наклоняя весы с одной стороны, мы усиленно тянем их с противуположной».[90]

Выступать против общины, «этого вредного для земледелия орудия самоуправства», Фету приходилось неоднократно. Даже столь близкий ему по убеждениям человек, как упомянутый Н. П. Семенов, оказался сторонником сохранения этой формы землевладения. Но Фет не уставал вновь и вновь возвращаться к этому вопросу, придавая ему особое значение. «Если мы действительно признаем государственное значение земледелия, — утверждает он в той же статье, — что видно из учреждения дорогостоящих земледельческих школ, приготовляющих деятелей, конечно, не для общинного владения, несовместного с рациональной культурой, а для самостоятельных отдельных хозяйств, то значит, мы за последними признаем жизненную силу и возлагаем на них надежды. В земледельческом, как и во всяком другом хозяйстве, только то имеет прочную будущность, что развивается из собственных средств и в силу естественных условий».[91] Продуманность и осмотрительность действий, упор на экономически выгодные меры, основанные на предварительном опыте, — вот что беспокоит Фета при обсуждении возможных изменений в законодательстве, в образовании, в здравоохранении. Каждый закон, каждое вновь принимаемое решение необходимо взвесить и обсудить публично до того, как оно будет принято. «Пора нам перестать перелаживать жизнь огромного государства по кабинетным и к тому же совершенно ненаучным соображениям, — писал Фет Н. П. Семенову в январе 1885 года, вскоре после публикации статьи «На распутье», — а присматриваться к обстоятельствам, тормозящим ход дела, стараться в действительности устранять эти препятствия».[92] Рассуждая, к примеру, о медицинской помощи, которой практически лишены сельские жители, Фет пишет: «...в бездорожной стороне можно только играть в культуру, что мы и делаем <...>».[93] Как видим, бульшая часть поднятых и прорабатываемых Фетом вопросов и по сию пору остается на повестке дня.

---

[90] <*Фет А. А.*> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 46.

[91] Там же.

[92] См.: Переписка Фета с Н. П. Семеновым (1884—1892). С. 607—608. Письмо от 11 января 1885 г.

[93] <*Фет А. А.*> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 49.

Одним из немногих единомышленников Фета оказался известный публицист, саратовский помещик Дмитрий Аркадьевич Столыпин (1818—1893), родственник будущего министра внутренних дел П. А. Столыпина. Откликаясь на долгожданный правительственный указ от 13 июля 1889 года «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли...», Фет написал в «Московские ведомости» заметку «По поводу статьи „Семейные участки“». Д. А. Столыпин горячо поддержал мнение Фета, а завязавшаяся переписка привела к совместной публикации брошюры «Сельскохозяйственные очерки» (М., 1889), куда вошли две статьи Фета и одна статья Столыпина: «Несколько слов о бытовом и экономическом устройстве крестьян: по поводу статьи А. А. Фета». Эти публикации были направлены на поддержку правительственного указа и вызвали противодействие в либеральной печати.[94]

Всего полтора десятилетия спустя саратовский губернатор П. А. Столыпин напишет во всеподданнейшем докладе: «Естественным противовесом общинному порядку является единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве».[95] Говоря об источниках взглядов будущего министра внутренних дел, исследователи называют и труды его родственника Дмитрия Аркадьевича Столыпина.[96]

Публицистика Фета до последнего времени либо замалчивалась, либо подвергалась односторонней критике. К чему, мол, вспоминать статьи, которые нисколько не украсят облик поэта — утонченного лирика, давшего миру нетленные образцы истинной поэзии? К чему ворошить старые, давно забытые споры, когда у нас в руках шедевры, ставящие Фета высоко над суетой мира и перекидывающие прочный мостик «из времени в вечность»? Наконец, что мог сказать Фет об исторических судьбах России, что не было уже сказано его современниками, наделенными даром исторического провидения, такими, как Ф. И. Тютчев, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, такими могучими

[94] Подробнее об отношениях Фета и Д. А. Столыпина см.: *Черемисинова Л. И.* 1) А. А. Фет: Земледельческая утопия и реальность. С. 147—148; 2) А. А. Фет и Д. А. Столыпин // Литературное краеведение Поволжья. Межвузовский сб. науч. трудов. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 59—67.

[95] Цит. по: *Степанов С. А.* Загадки убийства Столыпина. М., 1995. С. 41—42.

[96] Там же. С. 41. Не исключено, что среди трудов Д. А. Столыпина Петру Аркадьевичу попалась и брошюра «Сельскохозяйственные очерки», открывавшаяся двумя статьями Фета. К сожалению, до конца довести реформу сельского хозяйства России, о чем мечтал Фет, Петру Аркадьевичу не удалось. Он скончался 5 сентября 1911 г., через три дня после покушения на него в Киеве.

писателями-мыслителями, как Толстой и Достоевский? Подобное мнение легко опровергается знакомством с публицистическими выступлениями Фета в периодической печати 50—80-х годов. Можно утверждать, что вся литературно-критическая, очерковая, мемуарная проза Фета носит ярко выраженный публицистический характер и занимает значительное место как в его литературном наследии, так и в идейно-эстетической борьбе второй половины XIX столетия.[97]

Огромное творческое наследие Фета сохранилось. Дело настоящих и будущих исследователей опубликовать его целиком и добросовестно осмыслить. И тогда поэту Афанасию Фету не придется «искупать» прозу А. А. Шеншина.

---

[97] Прозаическому наследию Фета посвящена содержательная монография: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008.

В. А. Кошелев

ФЕТ КАК «БАЛЛАДНИК»

Современники отнюдь не осознавали А. А. Фета «балладником». Да и сам он на склоне лет прямо признавал, что характер его поэтического дарования — исключительно *лирический*, что в нем нет «ни драматической, ни эпической жилки».[1] Соответственно этому, баллада (жанр лирической поэзии, включающий как повествовательные, так и драматические элементы) не очень соответствовала его таланту.

Несмотря на это, Фет отдавал дань балладному жанру. Его юношеский сборник «Лирический Пантеон» (1840) состоял из трех «жанровых» разделов («Баллады», «Лирические стихотворения» и «Переводы») — и открывался *балладами*. И в первом «профессиональном» сборнике («Стихотворения» 1850 года) тексты, объединенные в раздел «Баллады», занимали почетное место. Там было восемь баллад; после «тургеневской» правки осталось четыре текста — и в этом составе раздел «баллад» сохранился в сборниках 1856 года и 1863 года. Чем объяснить это странное тяготение поэта к такому, казалось бы, неподходящему для него жанру?

В русской культуре — даже в эпоху особенной популярности «балладников» (так приятели называли В. А. Жуковского) — представление о существе и границах балладного жанра оставалось очень зыбким. Статья о *балладе* в «Словаре древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова (1821) определяла балладу как «стихотворение, принадлежащее к новейшей поэзии». Характеристика же ее ограничивалась приведением некоторых балладных образчиков.

Сообщалось, что «изобретение *баллады* приписывают италианцам» и в Италии «она не иное что есть, как плясовая песня». А во Франции балладой называется «некоторый род стихотворения особенной фор-

[1] *МВ*. Ч. 1. С. 7.

мы», но «на русском языке нет примеров, согласующихся с показанным правилом». Потом Остолопов сразу поминает недавно явленную «немецкую» балладу, которая «состоит в повествовании о каком-нибудь любовном или несчастном приключении и отличается от романса наиболее тем, что всегда основана бывает на *чудесном*». «Сии баллады могут быть писаны стихами всякого размера»,[2] — указывает составитель словаря. И больше, кажется, ничего не может добавить — разве что привести примеры...

В русской традиции *баллада* изначально стала обозначением особых «заемных» стихотворений, написанных в духе западных (прежде всего — немецких) образчиков романтической культуры. Содержание инонациональных балладных образцов (В. Скотта, Р. Саути, Г. Бюргера, И.-В. Гёте, Л. Уланда, Ф. Шиллера и др.) имело установку на фантастический характер и исходную «эпизодичность» сюжета: «восполнение» недостающих или связывающих сюжет частей предоставлялось фантазии читателей.

Через тридцать лет после Остолопова, когда русская баллада уже имела множество образцов — явился итоговый сборник Жуковского, классические баллады Пушкина и Лермонтова, журналы наполнились множеством «текущих» сочинений этого жанра — русская эстетическая мысль продолжала повторять (как, к примеру, О. И. Сенковский в рецензии на сборник Фета 1850 года): в балладе «ровно нечего ни читать, ни слушать <...> баллада значит по-русски *плясовая песня*».[3]

В подобных заявлениях был свой резон: в массовом читательском представлении баллада оказалась связана разве что с поэзией «страшного» и «ужасного». Это ощущение от «балладного» жанра представил, например, А. А. Шаховской в комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815):

И полночь, и петух, и звон костей в гробах,
И чу!.. все страшно в них; но милым все приятно,
Все восхитительно! хотя невероятно.[4]

С течением времени жанр баллады утратил ощущение новизны и стал осознаваться как «недостойный» высокого искусства «род поэзии», в границах которого успешно создаются разве что «страшилки», демонстрирующие низкопробный вкус ее создателей.

---

[2] Словарь древней и новой поэзии, составленный Н. Остолоповым. СПб., 1821. Ч. 1. С. 58—63.

[3] *БдЧ*. 1850. Т. 101. Май. Отд. 6: Литературная летопись: Март и апрель 1850. С. 11—12.

[4] *Шаховской А. А.* Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 238.

При этом в собственно русских балладах драматическая ситуация «столкновения персонажей», прямого *конфликта* героев, обуреваемых теми или иными страстями, вовсе не была главной. С кем, к примеру, вступает в «конфликт» героиня «Людмилы» Жуковского? Разве что с «Небом» и «Творцом»:

Что прошло — невозвратимо;
Небо к нам неумолимо;
Царь Небесный нас забыл...
Мне ль Он счастья не сулил?..[5] и т. д.

В «Ольге», катенинском варианте того же сюжета, вторая сторона конфликта названа еще прямее: «Бог меня обидел сам...».[6] А в знаменитой «Светлане» и того нет: героиня из любопытства решается на нехристианское «страшное гадание» — и только тем, кажется, вступает в конфликт с принятыми православными установлениями... Естественно, что такой конфликт может иметь лишь *единственное* решение: он не может быть сколь-либо четким, ибо получает характер «надличный» и «сверхличностный»: баллада и не претендует на то, чтобы «столкновение персонажей» в ней было равноправным.

Вторая сторона конфликта, противостоящая герою баллады — фантастическая, соотносящаяся либо с Богом, либо с судьбой; спорить с ними бессмысленно (в «Песни о Вещем Олеге» Пушкина бесполезными оказываются все усилия героя противостоять предсказанию судьбы). Сложившаяся в противовес рационалистической логике обыденности, баллада и не могла представить «обыденного» конфликта. Чаще всего противником балладному герою выступает сила «неопределенная-неопределимая» (как назвала ее Марина Цветаева[7]) — автор ее подчас не решается даже прямо называть (ср. заглавие одной из баллад Жуковского: «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди»). Поэтому балладный конфликт часто предрешен, и герой баллады — тот же пушкинский «Вещий Олег» — зная о собственной грядущей участи, ничего не в состоянии противопоставить или как-то «исправить» нежеланный финал.

Эта особенность балладного конфликта обусловливает особенное значение для нее «загадочности», «дьявольщины», «поэзии страшного». *Страх* становился основой эстетического эффекта классической

[5] *Жуковский В. А.* Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 2. С. 8.

[6] *Катенин П. А.* Избранные произведения. Л., 1965. С. 92.

[7] *Цветаева М. И.* Два «Лесных царя» // Просто сердце: Стихи зарубежных поэтов в переводе Марины Цветаевой. М., 1967. С. 90.

баллады, а возможность преодоления «ужасного» — ее «двигателем». Показательно, что некоторое освобождение от «страшного» в структуре баллад того же Жуковского возможно лишь на пути приобщения к православной «истине». Поэтому антиподом дьяволу (Асмодею) в балладе «Двенадцать спящих дев» выступает святой «угодник», «могучий старец», облегчающий участь героинь. Вообще христианские герои и подвижники в балладах — традиционные носители добра, и возникающие в связи с ними сюжеты (баллада «Пустынник») неизменно выделяются из «страшной» балладной атмосферы.

В том же 1850 году Аполлон Григорьев, оценивавший сборник стихотворений Фета, обратившись к его балладам, увидел в названии раздела («Баллады») «*странное* заглавие».

Зачем вообще поэты пишут *баллады*? — задает вопрос критик. «В наше время как-то стали равнодушны к балладам, и это равнодушие времени имеет много оснований. В самом деле, баллада как поэтический рассказ, основанный на суевериях, легендах, утративших смысл и значение, вымерла окончательно». Это — *отправной тезис* критика: нынешним читателям традиционная, созданная Жуковским баллада представляется безнадежно устаревшим жанром. «Нельзя серьезно наслаждаться тем, чему в душе нет струн для отзыва — и этот род поэзии в наше время столь же ложен, как искусственное воспроизведение русской сказки <...>».

Но тут же следует «антитезис»: ведь сам-то жанр баллады, имеющий многовековую историю и множественные национальные корни, умереть не может! «...Каждый род поэзии вечен, как жизнь, ибо вечны в человеческой душе те струны, которых он служит отзывом. Известное суеверное чувство лежит в природе человеческой: оно есть следствие неразгаданного и таинственного отношения человека к мировой жизни, следствие потребности его облекать в образы ее силы — и баллада, как отзыв подобного чувства, существует и будет существовать». Просто — она развивается и становится «вечно многозначительной». В качестве примера Григорьев вспоминал балладу Гёте: «Всем известен „Лесной царь“, и чем в особенности удовлетворяет чувство эта баллада? Она не напрашивается на вашу веру; вы как-то колеблетесь: то слышите вы плач ребенка и слово лесного царя, то разуверяетесь вы вместе с отцом и вместо лесного царя видите седой туман и в речах его слышите шелест листьев. В этой-то иронии и заключается вся глубина и прелесть этого маленького стихотворения».[8] Поэтому современному «балладнику» необходимо было искать новые формы.

---

[8] *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 2. Отд. 5. С. 65.

Раздел «Баллады» в «Лирическом Пантеоне» Фета включал три, в общем, подражательных текста. «Похищение из гарема» — баллада, по строфике, размеру и типу повествования ориентированная на Жуковского («Перчатка»); в ней очевидны отголоски модных романтических «восточных» сюжетов Байрона. «Замок Рауфенбах» и «Удавленник» — показательные беллетристические «страшилки», выказывающие разве что юношеские пристрастия поэта.

Совершенно иное — в тех балладах, которые вошли в сборник фетовских «Стихотворений» 1850 года. Здесь поэзия *страшного* уже не выдвигается на первый план. Даже по сюжету фетовские баллады выглядят вполне «домашними». Из восьми текстов, объединенных Фетом в рубрике «Баллады», три представляют собой домашний диалог няни и ребенка: первая растолковывает ребенку некое сложное явление мира и апеллирует к особенной таинственности этого явления. При этом поэзия «страшного» обыкновенно заменяется поэзией *недосказанного* и *непонятного*.

Борис Садовской еще сто лет назад указал на неожиданное метрическое соответствие двух разновременных русских баллад: «Ильи Муромца» А. К. Толстого (1871) и напечатанной почти тридцатью годами раньше «Легенды» Фета (1843).[9] В содержании стихотворений критик не увидел ничего общего — метрический же рисунок обеих баллад (чередование четырех- и трехстопного хорея с обязательным женским окончанием нечетных и мужским окончанием четных стихов) был абсолютно схожим:

Толстой
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Под броней, с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья <...>[10]

Фет
ЛЕГЕНДА

Вдоль по берегу полями
Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
Следуют толпой.

При ближайшем рассмотрении, однако, несложно найти общие черты и в содержании. Оба автора представляют одну эпоху — условное «былинное» время средневековой Руси. Это время, между тем, отражено лишь в «попутных» бытовых деталях и ассоциациях — в центре того и другого балладного повествования оказывается герой, «несогласный» со временем.

---

[9] *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 58—59.

[10] Здесь и далее стихотворения А. К. Толстого цитируются по изд.: *Толстой А. К.* Полн. собр. соч. и письма: В 5 т. М., 2016. Т. 1.

И та, и другая баллада представляют условное и по видимости нецеленаправленное движение героя («едет бором» у Толстого, «полями едет» у Фета), во время которого герой размышляет над своими проблемами. Предмет размышлений толстовского Ильи — собственная старость и обиды, со старостью связанные: те обиды, от которых лучше уехать на «здоровый воздух». Фетовский «сын княжой» мучится тем, что судьба ему готовит не тот удел, к которому он стремится: он должен «разгуляться в поле» на соколиной охоте и готовиться стать воином, а ему больше по душе «увлечение молитвы» и поэтическая деятельность: «Переписывает книги, / Пишет кондаки...». *Кондак* в обиходе православной церкви — это часть акафиста, хвалебного песнопения во славу Спасителя, Богоматери и святых — он содержит главную тему исполняемого акафиста. Фет неточно употребляет это византийское понятие, но имеет в виду *стихи,* которые «сын княжой» пишет по внутреннему побуждению.

У обоих героев в качестве идеала возникает *пустыня.* Но это слово употребляется не в «географическом» значении. У Толстого Илья едет поклониться «государыне-пустыне», то есть степному простору, который противопоставляется замкнутому пространству княжеского Киева: «Душно в Киеве, что в скрине...» («скриня» — ларь, сундук). У Фета молодой поэт видит пещеру старца — «И пустынного простора / Он почуял дух...». Здесь понятие «пустынный» соотносится с понятием «пустынь» — одинокое жилье богомольца, уклонившегося от сует. И тот, и другой герой связывают с *пустыней* представление о *воле, просторе,* хотя тот и другой под «пустыней» понимают разное. Для Ильи это «воля дикая», для «сына княжого» — нечто, противопоставленное «неволе жизни яркой», которую он уже «втайне отлюбил».

Обратим внимание и на то, что обе баллады *автобиографичны.* В балладе Толстого отразились его отношения ко двору Александра II («Правду молвить, для княжого / Не гожусь двора...»; «Не терплю богатых сеней...»). Баллада Фета, впервые опубликованная в 1843 году, накануне выпускных экзаменов в университете, отразила его раздумья «об окончательном направлении своего жизненного пути»: изначально чуждый военной карьере, он решил уступить обстоятельствам и «идти в военную службу и непременно в кавалерию»[11] (ср. в балладе «увлечение молитвы», противопоставленное «минутам битвы»). В соответствии со своей внутренней автобиографичностью обе баллады имеют открытый финал:

[11] *РГ.* С. 261.

Толстой	**Фет**
И старик лицом суровым Просветлел опять, По нутру ему здоровым Воздухом дышать; Снова веет воли дикой На него простор, И смолой и земляникой Пахнет темный бор.	Годы страсти, годы спора Пронеслися вдруг, И пустынного простора Он почуял дух. Слез с коня, оборотился К отрокам спиной, Снял кафтан, перекрестился И махнул рукой.

Оба открытых финала — едины в своей противоположности. Решение Ильи возвратиться в «государыню-пустыню» приветствуется автором, — и финал оказывается мажорен. Заключительный жест «сына княжого» («махнуть рукой», по Далю, — «отступиться от чего-либо») означает, видимо, отказ от своих мечтаний и признание необходимости покориться судьбе... Уже рецензент «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковский удивился этой «нового роду *Легенде*»: в ней «ровно нечего ни читать, ни слушать: *кто-то* поехал *куда-то* и махнул рукою!.. Господин Фет, конечно, знает еще лучше моего, что баллада значит по-русски *плясовая песня*».[12]

В. И. Коровин в статье, посвященной балладам Фета, оценил «Легенду» как образчик его поэтического новаторства. Финал рассматривается им однозначно: «сын княжой» «оставляет светскую жизнь». И далее: «Юноша поступает по зову сердца, руководствуясь не соображениями рассудка, не традициями семьи, а непонятными ему желаниями, которые во много раз сильнее родительской власти, сыновней любви, княжеских благ и соблазнов мирской суеты. Вместе с тем его решение предстает итогом долгого спора страстей, который окончился победой таинственных влечений над укоренившимися привычками, вековыми обычаями, освященными традициями. Печаль князя порождена, таким образом, внутренней борьбой и выступает как ее видимый знак, за которым скрыто живое биение противоречивых чувств. Он требует разрешения, и в результате его человек обретает необходимую ему душевную цельность, спокойствие и гармонию».

В соответствии с этим внутренним психологизмом настроения вся баллада «становится не рассказом о внешних событиях, а пояснением их» — и возникает важный момент отличия ее от предшествовавшей литературной традиции: «В отличие от других балладников Фет перестраивает ее фабулу, кладя в ее основу прежде всего затаенные и неодолимые душевные движения. У него конфликтуют не герои, обуре-

[12] *БдЧ*. 1850. Т. 101. Май. Отд. 6. С. 11—12.

ваемые теми или иными страстями <...> а противоречивые чувства в душе одного героя. Баллада Фета исключает столкновение персонажей, как это было в балладах Жуковского, Катенина, Пушкина и других. Ее предметом становится конфликт в душе одного героя (другие персонажи выполняют лишь вспомогательные роли), неуклонно стремящийся к разрешению». В сущности, Фет «переключил внимание с внешнего на внутреннее, что позволило ему в лирическом освещении лаконично и емко воспроизвести психологический драматизм душевного состояния личности».[13]

Кажется, что и сопоставляемая с «Легендой» позднейшая баллада Толстого строится похожим образом: в ней тоже идет не рассказ о внешних событиях (внешне — герой только «едет бором»), а некое «пояснение» их. «Дедушка Илья» ворчит по поводу тех порядков, что князь Владимир завел при дворе; при этом нет и намека, что между князем и богатырем произошли какие-то предшествующие отъезду «борьба и противоречие» (просто «обнес чарой»). Но богатырь реализует «неодолимое душевное движение». Вот только со «сложностью душевной жизни» и с «противоречивыми чувствами в душе героя» дело обстоит хуже: «дедушка Илья» в представлении автора привлекателен именно необыкновенной цельностью характера, чуждого каких бы то ни было метаний и сомнений...

Ф. М. Достоевский воспринял балладу Толстого именно как лирическое откровение — и в качестве такового прочитал ее на одном из литературных вечеров. Современник вспоминал, что он «очаровал своих слушателей художественною передачею, полной эпической простоты воркотни старого, заслуженного киевского богатыря-вельможи», а «заключительные слова „и смолой и земляникой пахнет темный бор...“ были произнесены им с такою удивительною силою выражения в голосе, что иллюзия от истинно художественного чтения произошла полная: всем показалось, что в зале „Благородки“ действительно запахло смолою и земляникою... Публика остолбенела <...>».[14]

Еще сто лет назад Ю. А. Никольский опубликовал фрагмент из письма Фета к Полонскому (от 31 марта 1890 года),[15] в котором Фет решительно отгораживался от своего «соседства» с А. К. Толстым: «Никто более меня не ценит милейшего, образованнейшего и широко-

[13] *Коровин В. И.* Фет и его баллады // А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения. Сб. науч. трудов. Курск, 1985. С. 10—11.

[14] *Александров М. А.* Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 255.

[15] *Никольский Ю. А.* История одной дружбы: Фет и Полонский // Русская мысль. 1917. № 5—6. С. 115.

писного Ал<ексея> Толстого, — но ведь он тем не менее какой-то прямолинейный поэт. В нем нет того безумства и чепухи, без которой я поэзии не признаю. Пускай он хоть в целом дворце обтянет все кресла и табуреты венецианским бархатом с золотой бахромою, я все-таки назову его первоклассным обойщиком, а не поэтом. Поэт есть сумасшедший и никуда не годный человек, лепечущий божественный вздор. Раскрой Шекспира, Гёте, даже Горация, чтобы убедиться в истине моих слов. Мудрен тот будет, кто, у этих людей читая строчку, отгадает следующую. Нюхаешь розу, а из нее лезет копченый язык».[16]

Считая себя «чистым» лириком «с бессознательным вдохновением», Фет осознает собственную лирику как «прямую противоположность» лирике Толстого. Это признание иногда характеризуют как «беспощадный отзыв», откровенное неприятие Фетом внешнего блеска, эффектности и театральности толстовской лирики.[17] Но почему же тогда именно А. К. Толстому, который, несомненно, подражал давней балладе Фета, удалось в этом «подражании» создать лирический шедевр?

Фету же в «Легенде» явно не хватило той ясности и однозначности, которую блестяще продемонстрировал Толстой. Ап. Григорьев произнес этому произведению суровый приговор: «В балладах г. Фета заметно явное стремление к новым формам этого рода поэзии; но нам кажется, что стремлением этим он обязан преимущественно своему поэтическому чутью — потому что, если б это стремление было сознательное, он исключил бы из своих баллад легенду о княжем сыне, лишенную решительно всякого интереса».[18]

В самом деле, что именно собирается предпринять «сын княжой»? Уйти из мирской жизни и посвятить себя монашеству? Или он «махнул рукой», сожалея о невозможной мечте? Или речь идет о тяготении к творчеству, которое невозможно на княжеском престоле?..

Обратим внимание на характерную антиномию, организующую эту балладу: антиномию *молодость — старость*. Герой баллады — олицетворение молодости, что подчеркивается уже его положением: не «князь», а «*сын* княжой». Ему противостоят два старика: «старый» князь-отец и «старец» пустынник. Герой находится «в *перегаре* сил», то есть в том сложном состоянии, которое требует найти разумное применение уже «перегорающим» силам. Его отец чувствует этот «перегар сил» и отправляет сына «разгуляться в поле», то есть употребить

[16] Цит. по: *Фет/Полонский*. С. 806.

[17] *Ямпольский И. Г.* Середина века: Очерки о русской поэзии 1840—1870 гг. Л., 1974. С. 132—133.

[18] *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 2. Отд. 5. С. 66.

силы на традиционное княжеское молодечество — соколиную охоту. Но это предприятие не устранит «сыновней кручины», ибо причины «молодой тоски» более глубоки и напоминают позднейший «онегинский комплекс»: «сына княжого» охватывают «вериги молодой *тоски*», причем он уже успел «полюбить» эти «вериги», вжиться в них.

Другой «старец» тоже только упомянут: это обитатель «пустынного жилища». Важность его для молодого князя определяется теми нетрадиционными деяниями, которые совершаются на «пустынном просторе». Существо этих деяний, призванных утолить «душевную жажду», раскрыто Фетом в стихотворении «При свете лампады, над черным сукном...», написанном в тот же период, когда и «Легенда», но в сборники не включавшемся:

При свете лампады, над черным сукном
 Монах седовласый сидит
И рукопись держит в иссохших руках
 И в рукопись молча глядит.

И красное пламя, вставая, дрожит
 На умном лице старика;
Старик неподвижен, — и только порой
 Листы отгибает рука.

И верит он барда певучим словам,
 Хоть дней тех давно не видать:
Они перед ним, в его келье немой, —
 Про них ему сладко читать...

И сладко и горько!.. Ведь жили ж они
 И верили тайной звезде...
И взор на распятье... И тихо слеза
 Бежит по густой бороде...[19]

Здесь «монах седовласый» — это образ *читателя*: именно такой «духовный» собеседник необходим и молодому князю-поэту, сочиняющему «кондаки» в ту эпоху, когда их могли читать и понимать лишь очень немногие. Вспоминая в «Ранних годах» свои первые поэтические опыты, Фет, в мемуарах своих вовсе не склонный к излишним восторгам, выделил-таки своего первого особенного «читателя», того же Григорьева, отметив: «Бывали случаи, когда мое вдохновение воплощало переживаемую нами сообща тоскливую пустоту жизни».[20] «Ста-

[19] *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 343.
[20] *РГ*. С. 152.

рец» баллады «Легенда», в сущности, должен был выполнять для «сына княжого», обремененного поэтическим даром, подобную же роль. Так за «древнерусским» антуражем проглядывает вечный «поэтический» смысл этой странной притчи.

Она ориентирована на пушкинскую «Песнь о Вещем Олеге». Причем перекличка с пушкинской балладой — не внешняя. Г. А. Гуковский заметил, что в ней очень скуден собственно повествовательный антураж «древнерусских» деталей: «Перед нами народ дикий, воинственный, суеверный, но поэтически неустроенный; это — народ-наездник, номад; в балладе нигде не описаны дома, постройки; она вся — под небом, и даже пир Олега происходит неясно где, и едет Олег „со двора“, а тризна в конце баллады — на холме и у брега».[21] Перед нами — сознательный поэтический прием: автор «Руслана и Людмилы» уже изображал другие княжие пиры. Пушкин сознательно избегает бытовой детализации: ему в данном случае важна именно сама (тоже — многосмысленная!) «притча».

В «Легенде» Фета — тот же прием. Все действие — «в поле чистом»; из построек — только «пещера за оврагом»; из украшений — только «золотые стремена» и расшитой чепрак коня. Дело не в антураже и не в украшениях, а во внутреннем смысле того, что происходит. А что именно происходит — не очень ясно. Но замысел — и новаторство — Фета заключается именно в этой изначальной «загадочности» целого.

«Легенде» Ап. Григорьев противопоставил другие тексты, объединенные Фетом в «балладном» разделе сборника 1850 года. Все они даже и по сюжету выглядят вполне «домашними», и поэзия «страшного» заменена поэзией *недосказанного* и *непонятного*.

Так, в балладе «Змей», которая открывала раздел, пересказывался известный сюжет народной демонологии: «Бес летает к тоскующим вдовам в образе змея, рассыпающегося звездами над крышей дома несчастной женщины. Змей-любовник — традиционный образ старинных эпических песен — былин: Змей Тугарин покушается на честь жены князя Владимира, Опраксии, держит руки у нее в пазухе на виду у всех, за пиршественным столом; милый друг Маринки-потравницы, известной всему Киеву гетеры, — Тугарин Змеёвич; от лютого змея рождает молодая княжна могучего богатыря — Вольха Всеславьевича <...>».[22]

Это «былинное» многоцветие Фет воплощает в простенькой картинке, лишенной каких бы то ни было моральных оценок и внешне со-

[21] *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 331—332.

[22] Русский демонологический словарь / Сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995. С. 195—196.

всем не похожей на «балладу»: «Чешет косу, моет шею / Чернобровая вдова». Вдова готовится к свиданию; ее избранник — инфернальное существо: «И летит, свиваясь в кольца, / В ярких искрах длинный змей». Кажется, что-то должно произойти — но не происходит решительно ничего, кроме самого естественного:

Только слышатся в светлице
Поцалуи да слова.

Никакие этические мотивы Фета не интересуют: тривиальная картина любовной встречи. А то обстоятельство, что любовник не совсем обычный — что ж, сердцу не прикажешь. И что станет плодом этой любви — тоже неважно: подобное «умолчание» придает балладе расширительный семантический ореол.

То же — в балладе «Вампир»: рассказ девушки о том, как к ней по ночам приходит некий «для других незримый» гость. Кто он, этот гость — остается неясным. К добру или к худу его визиты? Судя по заглавию, автор вновь обращается к народной демонологии: вампир (упырь, живой мертвец) — это «сказочный оборотень, который по смерти летает кровососом» (В. И. Даль). Согласно народным поверьям, вампирами становились люди, умершие неестественной смертью; не прожив полностью своего века, они питались человеческой кровью. Характерная принадлежность их внешности — румянец на щеках:

Все говорят, что яркий цвет
Ланит моих больной...
Им не узнать, как жарко их
Цалует милый мой.

И опять непонятно: то ли девушка просто любит этого вампира — то ли сама (после общения со «сказочным оборотнем») стала вампиром? Фет предпочел оставить «недоговоренность»: структура жанра требовала «тайны». А в поздней редакции (в «Стихотворениях» 1856 года) даже изменил заглавие баллады: вместо «Вампира» — «*Тайна*». То есть, с одной стороны, убрав отсылку к народной демонологии, привносившую оттенок инфернальности, автор сделал ситуацию баллады «необъяснимой». С другой стороны, расширил общее представление о человеке: чем же является чувство любви — если не «*тайной*»?

Показательно опять же сопоставить мотивы этих «любовных» баллад Фета с сюжетами А. Толстого-«балладника». В 1871 году два ведущих русских журнала («Русский вестник» и «Вестник Европы») отвергли балладу Толстого «Алеша Попович» по причине «безнравственности» ее содержания. Баллада начиналась так:

Кто веслом так ловко правит
Через аир и купырь?
Это тот Попович славный,
Тот Алеша-богатырь.

За плечами видны гусли,
А в ногах червленый щит,
Супротив его царевна
Полоненная сидит.

Однако оказывается, что исторические и «богатырские» детали повествования здесь вроде бы совсем ни при чем. Герой баллады — просто известный «птицелов» по «девичьей» части. Он, говоря современным языком, «очередную ляльку укатывает» и в конце добивается своего... М. Н. Катков, не допустивший эту балладу для публикации в «Русском вестнике», с возмущением писал: «Добрый молодец привел душу-девицу и не отпускает ее, пока она не „сдастся“, а по миновании надобности он ее отпустит, как в подобных случаях бывает. <...> Приведенное к простому выражению, это было бы гадко, но в вычурных прикрасах, раздушенное, идеализированное, возвышенное к апофеозу, это становится гаже и возмутительнее».[23] На это обвинение Толстой шутливо отвечал, что, как ему удалось выяснить, ничего «возмутительного» не произошло: «...Попович и девица, проплыв 25 минут, высадились в деревне Папсуевка, Авсеевы Лозы тож, где добрый священник отец Герасим Помдамурский повенчал их <...>».[24]

Между прочим, в своей балладе Толстой оставался абсолютно верен «былинному» характеру Алеши Поповича: этот богатырь воспринимался как «бессовестный соблазнитель», «дерзкий и ловкий обманщик» и «бабий пересмешник».[25] Но в данном случае его подвела все та же эстетика «недосказанности», предполагавшая отсутствие непосредственной нравственной оценки действий богатыря. А склонное к позитивистской логизированности читательское восприятие второй половины XIX столетия узрело в изысканном и подробном воспевании эротических «подвигов» Алеши прежде всего толстовскую «безнравственность». Оно могло бы увидеть нечто подобное и у Фета, который, как мы видели, никак не оценивает ни порочную связь «чернобровой» вдовы с инфернальной дьявольской силой, ни того, кто же «целует» героиню баллады «Тайна» («Вампир»). Это так «тайной» и остается.

[23] Цит. по: *Толстой А. К.* Полн. собр. соч. и письма. Т. 1. С. 611.

[24] Цит. по: Там же. Подлинник по-франц.

[25] Так его характеризовал К. С. Аксаков в статье «Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням» (1852). См.: *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 253.

Или — «простонародная» баллада «Метель», предстающая, собственно, началом какого-то «жестокого романса». Маленькая «избушка за дорогой». Брат, сестра и «крикливый ребенок», которого сестра «нагуляла» неизвестно от кого. Брат обещает разобраться с обидчиком «по-свойски». Разыгралась метель — в избу стучится прохожий. Входит, видит сестру — и остановился «точно громом поражен». Это начало «прописано» подробно, во всех деталях — но тут же следует финал:

Все молчат; сестра бледнеет,
Никуда взглянуть не смеет;
Исподлобья брат глядит;
Всё молчит; лучина с треском
Лишь горит багровым блеском
Да по кровле ветр шумит.

«Балладная» ситуация дана без «балладного» продолжения: так и не ясно, чем дело кончилось и «сердце успокоилось»: убийством обидчика — или свадьбой? Автору странным образом это неважно: «дописать» ситуацию снова предоставляется фантазии читателя.

Еще интереснее поступает Фет с классическими балладными сюжетами. В основе баллады «Геро и Леандр» лежит популярный, начиная с Овидия, миф о любви греческого юноши Леандра из Сестоса и прекрасной жрицы богини Афродиты Геро из Абидоса, которые жили на разных берегах Геллеспонта (Дарданельский пролив). Каждую ночь Леандр переплывал через пролив, и, чтобы он не утонул, Геро всякий раз зажигала факел на башне. Однажды в бурю факел погас и Леандр утонул: море выбросило его тело к ногам ожидавшей возлюбленной. Геро, чтобы не разлучаться с любимым, бросилась с башни в море. В новой литературе наибольшую известность приобрела одноименная баллада Ф. Шиллера.

Фет выступает отнюдь не «переводчиком», а строит свою балладу «вольно», отрешившись от известного по Шиллеру сюжета. Этим приемом, между прочим, восхитился Ап. Григорьев: «...замечательно то, что, при совершенном отсутствии рассказа о событии — это все-таки баллада».[26] Казалось бы, что же «замечательного», если в балладе, лиро-эпическом произведении, да к тому же освещающем знаменитую античную историю, отсутствует «рассказ о событии»? Для Фета главным становится не сюжет собственно и даже не передача чувств и настроений героев, а возможность лирического самовыражения: основным «персонажем» баллады оказывается сам автор:

---

[26] *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 2. Отд. 5. С. 66.

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только в море — только в море
Волн кочующий родник.

При этом для автора (как и для Ап. Григорьева) важно, что *«это все-таки баллада»*. С жанром баллады связана устойчивая традиция — и, в соответствии с этой традицией, *баллада* предполагает особенное восприятие. Поэт сохраняет ощущение балладной «действенности» даже при отсутствии эпически пересказанного последовательного «действия».

Восхитившая Григорьева баллада «Геро и Леандр», вероятно, не понравилась Тургеневу, исключившему ее из состава «обновленного» сборника. Но через сорок лет после написания, в 1887 году, Фет включил ее в третий выпуск «Вечерних огней» — единственная баллада из шести стихотворений, отобранных для републикации из раннего сборника. В предисловии к третьему выпуску он указал, что *«беспрекословно»* решился восстановить эти тексты.[27]

Этот «жест» автора в отношении к давней балладе свидетельствует прежде всего о том, что ему и через сорок лет остаются близки те принципы, с которыми он подошел к балладному жанру в ранний период своих творческих исканий:

— ослабление и «размытость» балладного сюжета;
— отсутствие «поэзии ужасного» и фантастики;
— многосмысленность воссоздаваемой балладной ситуации;
— недосказанность и наличие балладной «тайны».

Тяготение к «недосказанности» в балладной поэзии второй половины XIX столетия, по видимости несовместимое с позитивизмом и однозначностью читательского восприятия той же эпохи, очень ярко выявляется, например, в балладе А. Н. Майкова «Старый дож» (1888), первой среди ряда попыток позднейших поэтов «дописать» начатый набросок Пушкина «Ночь тиха; в пустынном поле...» (ср. опыты в этом роде М. Славинского, С. Головачевского, В. Ф. Ходасевича, Г. А. Шенгели, Д. Иванова, В. Итина, Г. Сапгира и др.[28]). Майков, в отличие от других «последователей» Пушкина, «угадал» в этих «четырех строчках» большую балладу о том, как старый дож, плывя в гондоле с моло-

[27] См.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 196. Выделено мною. — *В. К.*

[28] См.: Пушкин плюс...: Неоконченные произведения А. С. Пушкина в продолжениях творческих читателей XIX—XX вв. / Сост. Е. Абрамовских. М., 2008. С. 19—46.

дой женой, услышал «глупые слова» песни о жене, изменяющей старому мужу. И — финал:

А она — так ровно дышит,
На плече его лежит...
«Что же?.. Слышит иль не слышит?
Спит она или не спит?!.»[29]

Конечный «вопрос» в данном случае характерен: для повествователя той эпохи он означал специфику собственно «балладного» интереса.

Все это, кстати, могло соседствовать с поэтикой пародии. Вот баллада Фета «Ворот»: диалог няни и ребенка. Его содержание сводится к наказу няни расстегнуть перед сном «ворот у рубашки»; во сне к детям прилетает ангел-хранитель: «Коль твою он видит душку, / Ворот вскрыт и тих твой сон...». Эта, не обремененная другим содержанием, баллада удостоилась пародии Козьмы Пруткова, совпадающей с оригиналом как в метрическом, так и в содержательном отношении:

Фет	**Козьма Прутков**
Над тобой Господня сила!	Весь исполненный волненья,
Дай, я ворот распущу.	Я корсет твой развязал, —
Уж подушку я крестила	Ты со смехом убежала,
И тебя перекрещу.	Я ж задумчиво стоял...[30]

Пародия Козьмы Пруткова озаглавлена «Память прошлого (Как будто из Гейне)». Поминание «русского Гейне» не противоречило общей установке на «балладность» в том смысле, в каком этот жанр ощущал сам Фет.

Интересно, что это тяготение к условной «балладности» поэт вновь пережил уже на склоне лет — и в 1892 году вновь обратился к текстам из «балладного» раздела раннего сборника (написанным за полвека до этого). В 1842 году в сборнике «Подземные ключи» (имевшем целью представить образцы творчества поэтов нового поколения) появился незамысловатый текст, не имевший заглавия и в этом виде перепечатанный во всех ранних сборниках Фета:

На дворе не слышно вьюги,
Над землей туманный пар;

[29] *Майков А. Н.* Избранные произведения. Л., 1977. С. 286.

[30] П. Н. Берков предположил, что «Прутков исходил из стихотворения В. Бенедиктова „Я помню: была ты ребенком...“ (1857)», но там иной метр и нет ситуации «расстегивания». См.: *Козьма Прутков.* Полн. собр. соч. / Вступит. статья, ред. и примеч. П. Н. Беркова. М.; Л., 1933. С. 118, 547.

Уж давно вода остыла,
Смолк шумливый самовар.
Няня старая не видит
И не слышит — всё прядет;
Мочку левою пощиплет,
Правой нитку отведет;
А ребенок всё играет.
Как хорош он при огне!
И кудрявая головка
Отразилась на стене.
Вот задумалася няня,
Со свечи нагар сняла,
И прекрасного малютку
Ближе к свечке подвела.
«Дай-ка ручки!» Няня хочет
Посмотреть на их черты.
«Что? на пальчиках дорожки
Не кружками ль завиты?»
Няня смотрит... Вот вздохнула...
«Ничего, дитя мое!»
Вот заплакала — и плачет
Мальчик, глядя на нее.

В этом тексте как будто очень мало «балладного»: няня «всё прядет», ребенок «всё играет». Зачем-то няне захотелось посмотреть на «черты» детских пальчиков; посмотрела — и отчего-то заплакала, а «глядя на нее», заплакал и мальчик. К чему эта странная поэтическая «хиромантия»? В. И. Коровин предположил единственный «вариант»: «Мир исполнен загадочных тайн, а прекрасное дитя подстерегает гибель. И пронзившее душу няни страшное предчувствие передалось и мальчику. Спокойствие кончилось, а в жизнь няни и ребенка вошла трагедия».[31] А может быть, няня увидела не «гибель» прекрасного ребенка, а, допустим, его «дьявольское» происхождение?.. И этот вариант не исключается.

Осенью 1892 года Фет возвращается к этой балладе (предназначая ее, как указал Б. В. Никольский,[32] для пятого выпуска «Вечерних огней», а, точнее, для готовившегося нового издания своих сочинений, которое он не успел выпустить). Переделка, которую осуществил Фет, сводилась к тому, что автор резко сократил текст, оставив лишь два катрена, уточнил последнее четырехстишие, дал стихотворению загла-

[31] *Коровин В. И.* Фет и его баллады. С. 13.
[32] В кн.: *ПССт1901*. Т. 1. С. VIII.

вие «Бедный мальчик» и отнес не к «Балладам», а к «Гаданиям».[33] Действительно, после переделок текст вообще утратил все признаки баллады: в нем вообще отсутствуют даже намеки на сюжет — ничего не происходит!

«Дай-ка няне ручки-крошки, —
Поглядеть на них персты, —
Что, на кончиках дорожки
Не кружками ль завиты?

Ах, последний даже пальчик
Без кружка, дитя мое!..»
Вот заплакала — и мальчик
Плачет, глядя не нее...

Фет уточняет и «укрупняет» народную примету: «пальчик — без кружка». Речь идет о папиллярных линиях, составляющих узор на подушечках пальцев, индивидуальный для каждого человека. Существовала примета, что если у ребенка этот узор плохо проявлен, то ему суждено умереть во младенчестве. Возможно, здесь отразилось какое-то детское воспоминание: на первых страницах «Ранних годов моей жизни» Фет воспроизвел несколько «светлых пятен на непроницаемом мраке» детской памяти, одним из которых было воспоминание об умерших в детстве сестре Анюте и брате Васе, которых он любил «с какою-то необузданностью».[34] При этом и в переработанной балладе автор не стремится к абсолютной «ясности»: стихотворение призвано отражать те душевные состояния, которые не подвластны привычному «логическому» объяснению.

Один «балладный» признак, правда, остался: ее *алогичность*. Подобное свойство было присуще традиции русской баллады вообще. Еще А. С. Грибоедов, указывая «несообразности» «Людмилы» Жуковского, отметил некую странность: Людмила нежно обнимает своего милого даже после того, как узнает, *что дом его гроб*... «Я бы, например, после этого ни минуты с ним не остался...» — замечает рецензент.[35] Но алогичность поступков входит в поэтику жанра баллады: точно так же фетовской «чернобровой вдове» мил не кто-нибудь, а «змей», бледной девушке — вампир, а «сын княжой» неизвестно почему «пишет кондаки».

---

[33] См. обстоятельный комментарий Н. П. Генераловой и В. А. Лукиной: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 630–633.

[34] *РГ*. С. 3–7.

[35] *Грибоедов А. С.* О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» // Грибоедов А. С. Соч. М., 1988. С. 366.

Кажется, что Фет, составляя основное собрание своих стихов, выделил некоторые ранние тексты в специальный раздел «Баллады», именно исходя из принципа *алогичности* и «размытости» их содержания. Показательно, например, что позднейший составитель полного собрания его стихотворений Б. В. Никольский, отказавшийся от авторского состава, в раздел «Баллады» отнес гораздо больше текстов. Одни из них были вообще исключены Фетом из основного состава лирики («Крез», «Курган» и т. п.), другие — отнесены к иным разделам: «Подражание восточному» («Под палаткою пунцовой...», «Соловей и роза»), «Разные стихотворения» («Ты так любишь гулять...», «Лихорадка»). Между тем они действительно по жанру более всего близки именно к *балладам,* — но Фет почему-то не посчитал их таковыми.

В тех же «Ранних годах» Фет вспомнил историю создания еще одной баллады. Рассказывая о своей службе унтер-офицером в Орденском кирасирском полку, он указал, что в начале 1846 года находился под влиянием нового начальника «нашей дивизионной юнкерской команды» поручика Быльчинского, у которого «была явная наклонность и сочувствие к изящной словесности, и мы не раз вместе читали и восхищались его национальным поэтом Мицкевичем. / В то время, к полному его удовольствию, я перевел размером подлинника „Воеводу"; но некоторые подробности которого в позднейшее время показались мне до того неудачными, что я исключил этот перевод из собрания 63 года».[36]

Этот перевод баллады А. Мицкевича «Czaty. Ballada ukraińska» был тогда же напечатан в «Отечественных записках» (1846. № 3. С. 44—45) под заглавием «Украинская баллада» и без указания на переводность. В сборник 1850 года он вошел под названием «Дозор», — но тоже без напоминания о Мицкевиче (кроме того, была снята и «украинская» отсылка). Ап. Григорьев отметил эту балладу в числе «удавшихся», да и сам Фет в конце жизни вернулся к ней: провел стилистическую правку и напечатал (с указанием переводности) в «Русском вестнике» (1892. № 3. С. 20—21). Я. П. Полонский в письме к Фету от 10 марта 1892 года заметил: «Перевод очень верен, благозвучен — и местами отличается дерзостью воистину фетовской».[37]

Обыкновенно это произведение приводится в качестве примера «буквалистских» устремлений Фета-переводчика, который заявлял о преимуществах «немецкой школы» перевода (в предисловии к своим переводам из Гафиза): «Немецкий переводчик, как и следует переводчику, скорее оперсичит свой родной язык, чем отступит от подлинника».[38]

[36] *РГ.* С. 344.
[37] *Фет/Полонский.* С. 954.
[38] *Фет. ССиП.* Т. 2. С. 143.

Пример казался очень удачным, потому что Фет в этом случае вступал в невольное состязание с Пушкиным, автором вольного перевода той же баллады.[39] При прямом сопоставлении демонстрируются преимущества вольного перевода: баллада Фета действительно выглядит неуклюже:

Пушкин
ВОЕВОДА

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

Фет
ДОЗОР

Из беседки садовой воевода багровой
В замок вбег — еле дух переводит;
Дернул занавес — что же? Глядь на женино ложе —
Задрожал — никого не находит.

Однако не так все просто. Судя по приведенному фрагменту мемуаров, Фет сознательно исходил не столько из текста Мицкевича (который он воспринимал по-польски — с помощью офицера, любителя польской поэзии), сколько из перевода Пушкина. Фет приводит пушкинское заглавие («Воевода»), в то время как у Мицкевича баллада называется «Czaty» («Засада»). Фетовское же заглавие («Дозор») ориентировано опять-таки на пушкинский текст, где воевода и казак «тихим крадутся дозором» — ни в оригинале Мицкевича, ни в переводе Фета никакого «дозора» нет.

Кроме того, пушкинский «Воевода» и в первой публикации (*БдЧ*. 1834. Т. 2), и в последующих переизданиях представал в непременной «связке» с другим его переводом из Мицкевича «Будрыс и его сыновья» (перевод баллады «Trzech Budrysów»). При этом «Будрыс», в отличие от «Воеводы», очень точно передавал польский оригинал. Сохраняя его композицию, строфику и ритм, Пушкин передал здесь четырнадцатисложный стих Мицкевича близким по звучанию четырех- и трехстопным анапестом, сохранив и внутреннюю рифмовку, и женские окончания рифм. В «Воеводе» же тот же четырнадцатисложник оказался заменен «песенным» трехстопным хореем — и Фет, демонстрируя возможность буквального перевода, использует для «Дозора» тот же стих и ритм, который был отыскан Пушкиным для «Будрыса». То есть — включается в пушкинский эксперимент.

Наконец, давно уже замечено,[40] что пушкинский «Воевода» значительно отличается от баллады Мицкевича и по содержательному на-

[39] См.: *Новикова М. А.* Испытание («Дозор» А. Мицкевича и «Воевода» А. Пушкина) // Вопросы литературы. 1983. № 10. С. 145—168.

[40] *Левкович Я. Л.* Переводы Пушкина из Мицкевича // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1976. Т. 7. С. 157—163.

полнению сюжета. Воевода в балладе Мицкевича становится случайным свидетелем любовной сцены в саду. В порыве гнева он хватает ружье, чтобы отомстить за измену и оскорбление. Его слуга, казак, тоже осуждает неверную жену (он презрительно именует ее «девкой») и вовсе не собирается убивать воеводу. Выстрел казака в хозяина — какое-то дьявольское наваждение.

Пушкинский воевода, напротив, давно подозревает жену в измене и нарочно возвращается домой ночью, без предупреждения, чтобы застать изменницу врасплох. Свидание в саду оказывается совсем иным, чем в оригинале Мицкевича: не тайная встреча любовников, а трогательное прощание разлученных влюбленных. Жена воеводы (Пушкин называет ее «панной») отнюдь не «падает в объятия» молодого любовника, а только «плачет и тоскует». А возлюбленный горько упрекает панну, но желает ей счастья — и собирается навсегда уехать. В этой ситуации намерение воеводы исподтишка застрелить несчастных влюбленных выглядит несправедливым и неоправданно жестоким. А слуга (у Пушкина «хлопец») убивает хозяина не из-за наваждения свыше, а чтобы предотвратить убийство невинных людей.

Фет в истолковании смысла баллады отправляется от Мицкевича, — но не ослабляет, а усиливает мотив мистического «наваждения», которым охвачены буквально все персонажи. Особенно явственно это выступает в ранней редакции,[41] где поступки их — на грани алогичности. Вот — первый, открывающий балладу стих: «Из беседки садовой воевода багровой...» (в поздней редакции: «От садового входа впопыхах воевода...»). Воевода, «багровый» от ярости, выходит «из беседки» — но ведь и любовное свидание происходит в той же беседке («Где беседка стоит садовая...»). Значит, он уже здесь был и все видел? Зачем же тогда предпринимается проверка на «женином ложе» и весь остальной «дозор»?

Сцена, которую застает воевода в беседке — недвусмысленна: неодетая «жена молодая» («Грудь сорочкой она прикрывала...») и юноша, «к ногам преклоненный», которые предаются «запретной сладости» и готовы продолжать эти встречи и дальше, «чтоб встречаться стенаньем и прощаться желаньем». Особенно страстно ведет себя жена, которая «без движенья и полна упоенья, пала к милому прямо в объятья».

Казак (у Фета он назван «Наум»), к которому воевода относится как к «хамову племени», готовясь к роковому выстрелу, ощущает вмешательство непонятных демонических сил:

---

[41] См.: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 101–103.

«Пан, — казак замечает, — бес какой-то мешает:
Не бывать в этом выстреле толку.
Я, курок нажимавши, сыпал мимо дрожавши
И слеза покатилась на полку».

Но откуда взялась «слеза», отчего казак надумал «плакать»? Воевода взбешен, кричит на него («Научу тебя плакать»), приказывает прицелиться «той женщине в лоб» и даже корректирует прицел («выше, вправо»). Но — раздается выстрел — «И прямехонько в лоб — воеводе». Воевода, между тем, находится бок о бок с казаком — то есть пуля полетела в прямо противоположном направлении. В реальной ситуации из «винтовки гайдучьей» таким образом промахнуться невозможно: обязательно вмешательство «*беса какого-то*», который почему-то сочувствует не обманутому мужу, а любовникам.

Пушкин и Фет в своих переводах «подгоняют» сюжетную ситуацию исходной баллады Мицкевича каждый «под себя». И там, где Пушкин выстраивал непротиворечивую житейскую психологическую «картинку», Фет разворачивает алогичную и необъяснимую мистерию со «слезой» и «бесом» — и отнюдь не собирается что-либо в ней объяснять!

Кажется, что именно в такой установке Полонский уловил ту «дерзость воистину фетовскую», какой Фет отличался отнюдь не только в жанре баллады.

И. А. Кузьмина

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ, УСТРОЕННОМ ФЕТОМ В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ

(март 1868 года)

В июне 1867 года Фет был избран мировым судьей по месту проживания в южной части Мценского уезда и уже с декабря приступил к своим обязанностям. Он взялся за дело с энтузиазмом и успешно справлялся с обрушившейся на него лавиной дел. Но тут пришла большая беда, к которой новоиспеченный судья не мог остаться равнодушным.

Еще в апреле 1867 года И. П. Борисов, владевший именьями под Мценском, писал своему другу и родственнику Фету: «А кажется, предстоит голод — в Фатьяновой вся озимь пропала, здесь наполовину».[1] Борисов оказался провидцем: к концу исключительно неурожайного 1867 года во многих губерниях России, включая Орловскую, действительно разразился голод. В печати появились тревожные сообщения. Вот, например, что писал из Тамбовской губернии корреспондент газеты «Голос»: «Я видел сейчас ужасную картину — шел целый обоз голодных: ни им, ни их семьям от полнейшего неурожая есть нечего... Это были наши соседи — орловцы; вчера, говорят, прошла такая же партия туляков... Из некоторых изб выносили ломти хлеба, крестились и подавали им. Я нагнал обоз при въезде в село (Кочетовка, Липецкого уезда) и проследил за ним до выезда. Из сорока трех дворов, составляющих село, могли поделиться только одиннадцать, в остальных тридцати двух хлеба не хватит и самим до весны...».[2]

---

[1] *ИРЛИ*. № 20272. Л. 127. См. также нашу публикацию в наст. томе: Письма И. П. Борисова и П. И. Борисова к А. А. Фету и М. П. Фет. Ч. 3: 1866—1868. С. 457—550. Далее: *Письма Борисова*. Ч. 3.

[2] Голос. 1868. 10 января. № 10. С. 1.

Фет, живший в сельской местности, знал о том, что происходит, не из газет, а по собственному опыту. «Чем ближе подходила зима, — вспоминал он о той поре на склоне лет, — тем очевиднее становилось общественное бедствие, которого с весны должен был ожидать всякий зрячий. <...> Как диковины набрали мы по пути до Мценска крестьянского печеного хлеба, более похожего на засохшие комки чернозема, чем на что-либо иное: там была и мякина, и главным образом лебеда <...> при виде такого хлеба я подумал, что, прежде чем судить людей, надо при малейшей к тому возможности накормить их, хотя бы только в пределах своего участка, помогая наиболее нуждающимся».[3]

25 января 1868 года «Московские ведомости», со ссылкой на статью князя В. П. Мещерского в «Русском инвалиде», сообщили о предстоящем открытии под председательством наследника престола «центрального комитета для собирания и распределения пособий в пользу местностей, терпящих от голода». При этом отмечалось, что великая княгиня цесаревна «принимает на себя заботу о сборе пожертвований, которые центральный комитет будет распределять».[4] В следующем номере «Московских ведомостей», от 26 января, был напечатан высочайший рескрипт, согласно которому наследник престола ставился во главе временной комиссии, созданной в целях помощи голодающим.[5]

Видимо, сообщения о принятых верховной властью мерах подтолкнули Фета к действию. Во всяком случае именно после ознакомления с номерами газеты от 25 и 26 января поэт отправил М. Н. Каткову для публикации в «Московских ведомостях» письмо, где, описав ужасные последствия неурожая, представил свой план помощи окрестным крестьянам. Письмо это пока не обнаружено,[6] поэтому цитируем ниже его печатный вариант, опубликованный под названием «Письмо к издателям» за подписью «Мировой судья Мценского уезда третьего участка А. Фет».

В начале своего обращения к издателям «Московских ведомостей» поэт подчеркнул нравственные достоинства земляков, в частности их «упорное трудолюбие»: «Как уроженец и постоянный около десяти лет житель Мценского уезда, я невольно присмотрелся к качествам нашего крестьянина и могу с полным убеждением сказать, что скромностью, терпением, сравнительною воздержностью, упорным трудолюби-

---

[3] *МВ*. Ч. 2. С. 169—170.

[4] *МВед*. 1868. 25 января. № 19. С. 1.

[5] Там же. 26 января. № 20. С. 1.

[6] В сохранившемся черновике письма Фет обращался лично к Каткову: «Душевноуважаемый Михаил Никифорович, / Неослабно ревностное служение Ваше русскому делу — дает мне уверенность, что Вы протянете мне руку помощи, поместив в Вашей газете следующие строки (Далее следует текст, близкий к опубликованному. — *И. К.*)» (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 21. Л. 1).

ем и чувством законности он не уступит никому из обитателей нашего необъятного отечества. Достаточно указать на то, что наша местность, несмотря на почву, требующую самой тщательной обработки, спорит производительностью с местностями девственных почв».[7]

Однако «гнилая зима» 1866/1867 года уничтожила озимые посевы, лишив крестьян урожая. Фет, в качестве мирового судьи, был «осужден на непрестанное созерцание невыразимого народного бедствия»: «Я старался делать для ближайших страдальцев, что мог. Но что в силах сделать средства небогатого частного лица в минуту всеобщего бедствия? Еще вчера люди, заявлявшие мне, что хлеб их из небольшого количества лебеды и мякины кончается и что в нетопленой избе их ожидают напрасные крики: „хлеба, хлеба!“ — пошли от меня, выслушав грустное объяснение, что я более ничего не могу сделать».[8]

«Но так ли это?» — вопрошает Фет и продолжает: «В № 20 „Московских ведомостей“ объявлено об открытии особого комитета по ходатайству Государыни Цесаревны. Умирающие с голоду везде одинаково несчастны, и прибегать к помощи комитета значит одному голодному вырывать кусок насущного хлеба из рук другого. Благословляя наравне с миллионами Августейшую Благотворительницу, я решаюсь в тесном пределе мирового участка сделать от меня лично зависящее для подобной же цели».[9]

Основная часть плана Фета состояла в следующем: «На второй неделе великого поста я намерен открыть в Москве литературные чтения. Я уверен с одной стороны, что гг. литераторы с радостью готовы будут украсить мои чтения своим участием, — а с другой, что в Москве непременно найдется общественное здание, которое днем (без освещения) предложит мне залу безмездно. Таким образом каждая копейка сбору дойдет до назначения. Обязательная цена билету рубль. Если мой опыт увенчается успехом, в чем мне горько было бы сомневаться, я повторю мое чтение на той же неделе в Петербурге».[10]

Отметив затем, что в отличие от других губерний в Орловской губернии для крестьян зимой заработков нет и взять ссуду им негде, автор заявил о желании пустить в ход не только благотворительную, но и коммерческую сторону дела: «Я говорю собственно о крестьянах третьего участка Мценского уезда и утверждаю, что они не нищие, которым нужно дарить деньги, а несчастные, которых необходимо временно выручить из неминуемой гибели. Поэтому независимо от чте-

---

[7] *Фет А.* Письмо к издателям // *МВед.* 1868. 13 февраля. № 32. С. 3.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же. Употребленное Фетом устаревшее слово «безмездно» — то же, что «безвозмездно».

ний <...> я намерен ходатайствовать о разрешении принимать от вкладчиков на десять годовых процентов деньги, которые будут мною раздаваться под расписки волостей и которые, в качестве мирового судьи, обязуюсь возвратить если не в течение одного, то в течение двух лет с причитающимися процентами».[11]

В заключение Фет объяснил, как он собирался распорядиться полученными средствами: «Капитал, собранный от чтений, по возвращении после двух лет от заемщиков я желал бы превратить в постоянный ссудный капитал третьего участка. Нечего и говорить, что некоторым придется выдать пособие безмездно».[12]

Итак, предположительно в конце января (ни в черновике, ни в опубликованном варианте текста дата не проставлена) Фет послал письмо к Каткову с обещанием устроить в Москве литературные чтения «на второй неделе великого поста», то есть 19—25 февраля. Что же было дальше? 12 февраля в Мценске состоялось заседание мирового съезда, на котором все мировые судьи уезда были обязаны присутствовать. Фет воспользовался пребыванием в уездном городе, чтобы хлопотать о помощи для крестьян своего участка, и хлопоты эти увенчались успехом: из казны была получена тысяча рублей.[13] Там же, в Мценске, он пишет второе письмо к Каткову, о содержании которого будет сказано ниже. Затем возвращается в Степановку, откуда 14 февраля пишет губернатору М. Н. Лонгинову, выражая «полную готовность» участвовать в благотворительном чтении в Орле: «Кроме понедельников и вторников, я могу быть всегда в полном распоряжении Вашем и поэтому буду ждать вызова в Орел — по моему всегдашнему адресу на станцию Алисово».[14]

А как же чтения в Москве? В письме к В. П. Боткину от 19 февраля Фет подробно обрисовал сложившуюся ситуацию: «Действительно отчаянное положение местных крестьян довело меня до самых тяжелых минут. — Я подумал, неужели в России нет людей, а все пни, мертвые для всего человеческого. Неужели не все равно: умирают ли дети и взрослые под покровительством комитета или вне оного? После таких соображений я думал ехать в Москву, взять из думы шнуровую книгу и ехать лично развозить богачам билеты на чтения, полагая, что если я раздал более 100 руб. голодным, то что стоит богачу дать 10 р.».[15]

---

[11] *Фет А.* Письмо к издателям. С. 3. Эта часть плана Фета не была осуществлена.

[12] Там же.

[13] Об этом сообщается в письме М. П. Фет к В. П. Боткину от 16 марта 1868 г. (см. ниже).

[14] *ИРЛИ.* № 23000. Л. 9. См. также: *Фет/Лонгинов.* С. 228—229. По всей видимости, эти чтения не состоялись (Там же. С. 229, примеч. 2).

[15] См.: *Фет/Боткин.* С. 512.

Далее Фет указывает на немалые трудности, которые ему предстояло преодолеть: «Я не могу — по должности, кататься по свету. Я хотел все приготовить объявлениями — прибежать — устроить чтения и уехать. Это первое. Второе — я целых уже 2 м<еся>ца поражен геморроем, до такой степени, что не знаю, как бы я и доехал до Москвы — по теперешней дороге и на еле живых почтовых лошадях? Но я подумал — для такого дела можно и здоровьем рискнуть. — И вдруг письмо от Борисова, в котором он мне пишет из Москвы, что там сборы в пользу голодных до того надоели, что никто, хоть на словах, не верит в голод — и Толстой (это на него похоже), на которого я рассчитывал, тоже не верит в голод. <...> Тем не менее я из Мценска писал Каткову, чтобы в случае его надежды на успех он написал мне — и я все-таки больной приеду».[16]

Борисов находился в Москве со 2 февраля. Его злополучное письмо, едва не заставившее Фета опустить руки, не сохранилось. Очевидно, оно было написано в начале месяца, ведь поэт успел получить его до отъезда в Мценск. Позднее Борисов вновь затронул ту же тему. «Виделся с Марьей Никол<аевной> Толстой, — писал он 15 февраля, обращаясь к М. П. Фет. — Она Вас вспоминала и кланяется Вам. Живут они развеселой компанией. — Здесь и Сергей Толстой, и вчера должен был приех<ать> Лев Ник<олаевич> со всеми своими месяца на два. Про голод здесь никто и верить не хочет и говорят, что *шум* об этом поднят *западными* приятелями нашими, чтобы отвлечь правительс<тво> от военных затей <...>». И несколькими строчками выше: «Думаю скорей, что план его (Фета. — *И. К.*) поездки налетел на него под влиянием того, что полагал Вас в Москве, а тут голод и скука двинули его проветриться и помочь голоду. Объявления его я уже не мог

---

[16] Там же. Толстой приехал в Москву только 14 февраля (*Толстой. Летопись (1828—1890).* С. 346), поэтому о том, что он «не верит в голод», Борисов мог слышать не от него самого, а от его родни, брата Сергея Николаевича и сестры Марии Николаевны. О своеобразном отношении Толстого к хлопотам Фета сохранилось свидетельство в воспоминаниях последнего: «Когда я наконец объявил ему, что решился устроить литературное чтение в пользу голодающих своего участка, он иронически отнесся к моей затее и уверял, что я создал во Мценском уезде голод» (*МВ*. Ч. 2. С. 170). Самому Толстому Фет писал 22 марта 1868 г.: «Все это время сужу и раздаю собственные деньги *несуществующим голодным*» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 388). Тем не менее Толстой, как следует из текста «Заявления», напечатанного 28 февраля в «Московских ведомостях», согласился принять участие в благотворительных чтениях, однако уговорить его самого читать Фету не удалось. В ответ на уговоры Толстой, как вспоминал позднее Фет, «любезно предложил мне еще бывшую только в корректуре пятую главу второй части изумительного описания отступления войск от Смоленска по страшной засухе» (*МВ*. Ч. 2. С. 171). Письмо к Каткову из Мценска, упомянутое Фетом, неизвестно.

более задержать — напечатано в 32 № „М<осковских> в<едомостей>“. Телеграммы отказа не было из Мценска, поэтому рассчитываю, что он будет сюда. Жду сегодня».[17] Удивительно, но ближайший друг совершенно не понял Фета, полагая, что помощь голодающим — не более чем предлог, чтобы развеять скуку.

Как видно из цитированных выше текстов, Фет под влиянием вестей от Борисова усомнился в осуществимости задуманного и, не зная на что решиться, просил его задержать публикацию своего объявления. Тем не менее оно вышло в свет 13 февраля. В передовой статье того же номера, посвященной мерам по борьбе с голодом в подмосковных губерниях, Смоленской, Тверской и Орловской, Катков сослался на помещенное на другой странице «Письмо к издателям», согласившись с его автором: «Г-н Фет, говоря о бедственном положении некоторых крестьян третьего участка Мценского уезда, замечает, что эти крестьяне не нищие, что они нуждаются не в подаянии, а в ссуде, и что их затруднения происходят главным образом от совершенного отсутствия местных заработков. Это указание заслуживает особенного внимания. Благотворительность должна приходить на помощь в исключительных случаях. Как мера общая она бессильна. Она может спасать от голодной смерти <...>. Но продовольствовать целые губернии нельзя посредством одной благотворительности».[18]

20 февраля не дождавшийся в Москве Фета Борисов писал ему из своего имения Новоселки: «Афоня, ты не посылай никакого *объяснения* в печать, этим только поднимешь снохачей, а для Каткова, если хочешь — свали вину на меня, что не *передал* ему твоего поручения. — Но можно ли подобны<м> образом кувыркаться, вот уж за это надо тебя бить и приговаривать: не *спеши*, не суетись».[19] Однако Фет уже принял решение ехать в Москву. Бóльшую часть пути пришлось преодолеть на лошадях, поскольку поезда ходили только от Тулы. Путешествие по морозу не прошло для него даром. «С великим трудом пишу эти строки. Я простудился дорогой и сижу с моим треклятым геморроем в №, — жаловался он в письме к В. П. Боткину вскоре после приезда. — На этой неделе буду читать, но в какой день, еще не знаю. Собрать все это ад. Так что не далее как вчера я каялся, что больной взялся за такое тяжелое дело: всех разыскать, уговорить, выхлопотать разрешения полиции и попечителя, достать помещение».[20]

[17] *ИРЛИ*. № 20309. Л. 2 об., 2. См. также: *Письма Борисова*. Ч. 3. С. 514, 512.

[18] *МВед*. 1868. 13 февраля. № 32. С. 2.

[19] *ИРЛИ*. № 20272. Л. 138 об.–139. См. также: *Письма Борисова*. Ч. 3. С. 517.

[20] *Фет/Боткин*. С. 515. Письмо не датировано, оно могло быть написано 26 или 27 февраля, т. е. до того, как Фет отдал в печать объявление о назначенном на 1 марта литературно-музыкальном вечере (см. ниже).

А. Ф. Писемский. Фотография М. Б. Тулинова.
Петербург, 1860 — до середины 1861 г.

28 февраля в «Московских ведомостях» появилось второе объявление Фета; оно никогда не перепечатывалось, поэтому воспроизводим его в полном объеме:

ЗАЯВЛЕНИЕ

При всеобщем в настоящее время сочувствии к страждущим от неурожая, устраиваются не только в столицах, но и в губерниях всевозможные публичные собрания с благотворительною целью, концерты, чтения и т. п. Рассчитывать при таких условиях, даже с привлекательнейшею программой чтения, на успех подобного предприятия в пользу

одного мирового участка значит слепо верить в ту чуткую, благородно-нежную струну в душе русского человека, которая каждый раз симпатически отзывается на голод настоятельной нужды. Только слепая вера, что дающая рука русского человека не оскудевает, привела меня больного в Москву, на чтение в пользу голодных. Эта вера не обманула меня. До сих пор, куда я ни стучался и ни обращался, меня встречало самое братское сочувствие, самая трогательная готовность помочь. Не успев по случаю двух праздничных дней устроиться с официальными условиями публичного чтения, я лишен, в настоящую минуту, возможности напечатать подробную программу чтения, которая в скором времени будет объявлена. Тем не менее спешу принести мою душевную признательность Е. Н. Васильевой,[21] гг. Островскому, Садовскому,[22] Живокини,[23] гр. Л. Н. Толстому, кн. Кугушеву[24] и А. Ф. Писемскому,[25] обещавшим мне свое содействие.

Рассчитывая на возможность получить большую залу, я в первом заявлении упомянул о рублевой цене билету. Увы! большой залы я не получил, но мне обещана зала Артистического кружка и уже приходилось слышать, что я напрасно объявил рублевую, а не двухрублевую цену билету. Изменять в настоящее время объявленную цену я не имею права. Но зачем не называть вещей их собственными именами? И действующие, и сочувствующие лица слишком хорошо понимают, что чтение, в этом случае, просто предлог к благотворению. Поэтому я буду лично продавать билеты у входа в залу и убежден, что публика не заставит голодающих поплатиться за мою неосмотрительную обмолвку.

В этой надежде меня поддерживает следующее обстоятельство. Не успев еще нигде заявить о подробностях чтения, я уже получил взносы от следующих лиц, которым и приношу мою живейшую признательность, во имя нуждающихся.

Взнесли: Неизвестный 25 р., С. П. Оконишников[26] 25 р., И. В. Щукин[27] 25 р., И. М. Ушаков[28] 25 р., С. А. Шилов[29] 25 р., Н. П. Боткин[30] 25 р.,

[21] *Васильева* Екатерина Николаевна (урожд. Лаврова; 1829—1877), актриса Малого театра.

[22] *Садовский* Пров Михайлович (наст. фамилия Ермилов; 1818—1872), актер Малого театра; считался выдающимся исполнителем ролей в пьесах Островского.

[23] *Живокини* Василий Игнатьевич (1805—1874), знаменитый комик-буфф Малого театра.

[24] *Кугушев* Григорий Васильевич, князь (1824—1871), прозаик, драматург, поэт. Выступал на сцене Артистического кружка как чтец и актер-любитель (в комических ролях).

[25] *Писемский* Алексей Феофилактович (1821—1881), писатель и драматург; выступал в Артистическом кружке с чтением своих произведений и был известен как превосходный чтец.

[26] *Оконишников* Сергей Петрович (ок. 1826—1901), сын купца 2-й гильдии, впоследствии один из крупнейших оптовых торговцев-скупщиков мануфактурных товаров (Справочная книга о купцах, получивших на 1871 год купеческие

П. К. Шапошников[31] 10 р., С. Д. Ширяев[32] 50 р., П. П. Боткин[33] 175 р., Н. К. Боткина[34] 25 р., О. Н. Гер[35] 3 р., Д. П. Боткин[36] 100 р., С. С. Боткина[37] 50 р., В. С. Мазурина[38] 50 р., N. N. 50 р., неизвестный 5 р., И. Боткин 10 р.

свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1871. С. 214. Далее: *Справочная книга о купцах*, с указанием страницы; *Калинкина Г. В.* Оконишников П. С. // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 24. С. 33–34).

[27] *Щукин* Иван Васильевич (1817–1890), потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии; вел торговлю мануфактурным товаром. Был женат на Екатерине Петровне Боткиной, сестре М. П. Фет.

[28] *Ушаков* Иван Михайлович (1824–1883), ейский 1-й гильдии купец, вел торговлю шерстяным товаром; с 1863 г. заседатель от иногороднего купечества в московской Купеческой управе (*Справочная книга о купцах*. С. 55).

[29] Вероятно, *Шилов* Сергей Александрович (р. ок. 1832), потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии, владелец торговой фирмы «А. Шилов и сын» (Московская памятная книга и адрес-календарь жителей Москвы на 1869 г. М., 1869. С. 599; *Найденов Н. А.* Материалы для истории московского купечества: В 9 т. М., 1889. Т. 9. С. 269. Далее: *Найденов*, с указанием года, тома и страницы).

[30] *Боткин* Николай Петрович (1813–1869), брат М. П. Фет. Бóльшую часть жизни провел за границей, был шафером на свадьбе Фета.

[31] *Шапошников* Павел Кондратьевич (р. ок. 1829), потомственный почетный гражданин; вел торговлю рыбой; в 1865–1867 гг. товарищ гильдейского старосты в Купеческой управе (*Справочная книга о купцах*. С. 58; *Найденов*. 1888. Т. 7. С. 15; Там же. 1889. Т. 8. С. 291). Брат жены П. П. Боткина Надежды Кондратьевны.

[32] *Ширяев* Сергей Дмитриевич (1811–1891), потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии; вел торговлю мануфактурным и бумажным товаром; в 1859–1861 гг. московский городской голова (*Справочная книга о купцах*. С. 59).

[33] *Боткин* Петр Петрович (1831–1907), брат М. П. Фет. Совместно с братом Дмитрием владел чаеторговой фирмой «Петра Боткина сыновья».

[34] *Боткина* Надежда Кондратьевна (урожд. Шапошникова; 1830–1908), жена П. П. Боткина.

[35] *Гер* (Геер) Осип Николаевич (1807–1876), купец 2-й гильдии, владелец водочного завода. Был женат на родственнице М. П. Фет Наталье Петровне Постниковой.

[36] *Боткин* Дмитрий Петрович (1820–1889), брат М. П. Фет. Совладелец чаеторговой фирмы (см. примеч. 33). Известен как коллекционер произведений живописи, активный деятель московского Общества любителей художеств. Феты были особенно дружны с Дмитрием Петровичем и его женой.

[37] *Боткина* Софья Сергеевна (1840–1889), жена Д. П. Боткина. Внучка московского городского головы, дочь основателя Реутовской мануфактуры Сергея Алексеевича Мазурина (1802–1850). Все братья и одна из сестер С. С. Боткиной также внесли пожертвования для голодающих Мценского уезда (см. примеч. 38, 54–56, 58).

[38] *Мазурина* Варвара Сергеевна (1848 – после 1893), сестра С. С. Боткиной. Около 1869 г. вышла замуж за Алексея Яковлевича Прохорова.

Е. Н. Васильева

Итак, в Москве, несмотря на самые, по-видимому, неблагоприятные условия для подобного частного предприятия, я могу рассчитывать на известный успех дела. Нет причин предполагать меньшего успеха такого же чтения в Петербурге, но крайнее нездоровье и кратковременность отпуска вынуждают меня отказаться от поездки в Петербург.

Встречая ежедневно на страницах «Московских ведомостей» списки жертвователей в пользу тех или других нуждающихся, я не имею права предполагать, чтобы в России не нашлось жертвователей в пользу третьего участка Мценского уезда, которых прошу обращать свои приношения в редакцию «Московских ведомостей».

Не желаю давать повод какому-либо жертвователю упрекнуть меня пословицей: *Дитя не плачет, мать не разумеет.* Всякий, даже не слыхавший от роду, как горько плачет дитя, которому мать вчера выкопала из золы последний кусок печеной лебеды с мякиной, поймет, что за новым куском хлеба этому дитяти не стыдно протянуть руку всюду, куда просящая рука может достигнуть.

А. Фет.[39]

Упомянутые Фетом праздничные дни, позволяющие уточнить дату его приезда, — это 25 февраля, воскресенье, и 26 февраля, день рождения наследника престола. В списке лиц, которых Фет благодарит за помощь, назван Лев Толстой. Фет вспоминал, как навестил в Москве Толстого, проживавшего тогда «на Кисловке»: «Было воскресенье, и у Толстых я, к изумлению и удовольствию своему, нашел Петю Борисова, которого с дозволения Ивана Петровича, графиня брала по воскресеньям к своим детям».[40] Должно быть, из-за присутствия Пети, который мог отлучаться из Петропавловского училища только по выходным, Фет и запомнил, в какой именно день недели он виделся с Толстым. Это произошло 25 февраля.

О том, как ему удалось добыть помещение Артистического кружка, Фет также рассказал в своих мемуарах: «...я отправился вечером в артистический клуб и там обратился к известной Васильевой, с которой когда-то познакомился в Карлсбаде, куда она возила больного мужа. Принявши самое живое во мне участие, она, по кратком совещании со старшинами, объявила мне, что клуб в назначенный мною вечер отдает в мое распоряжение свое помещение с освещением и прислугой».[41]

За время своего существования Московский артистический кружок, имевший функции клуба, частного театра и общества по оказанию помощи нуждающимся актерам, трижды менял адрес. С мая 1867 по сентябрь 1869 года кружок собирался на территории гостиницы, принадлежавшей купцу второй гильдии Жюлю Журналло, в доме М. Н. Мазуриной на Большой Лубянке (ныне на этом месте дом № 18).[42] Журналло предоставил кружку 8 комнат, зал и столовую. Зал был невелик, хотя и «гораздо больше» зала по прежнему адресу круж-

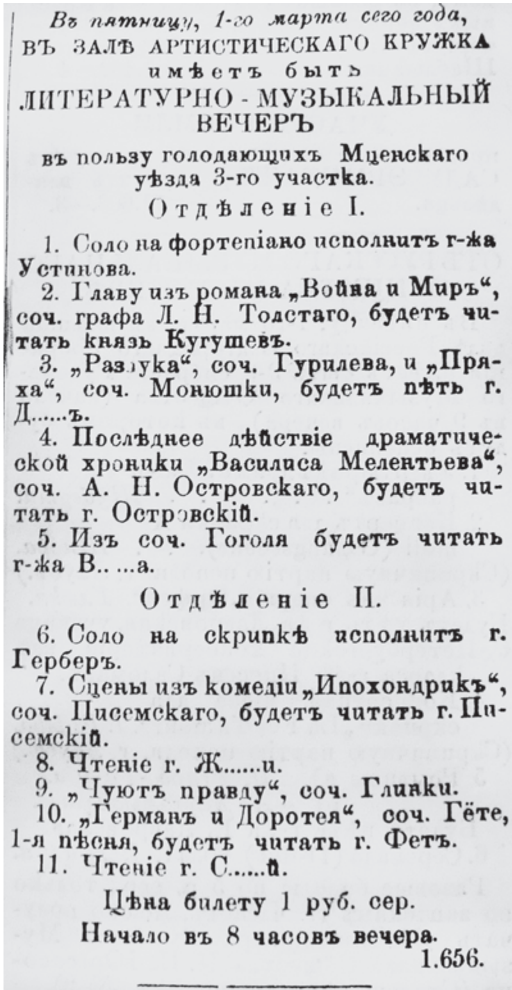
---

[39] *МВед.* 1868. 28 февраля. № 43. С. 4.

[40] *МВ.* Ч. 2. С. 170. Свидетельство Фета вполне правдоподобно: известно, что Петя бывал у Толстых, это видно, например, из его письма к отцу от 11 апреля 1868 г. (см.: *Письма Борисова.* Ч. 3. С. 525, примеч. 5 к письму 107).

[41] *МВ.* Ч. 2. С. 171.

[42] *Сорокин В.* Памятные места Большой и Малой Лубянки // Наука и жизнь. 1995. № 12. С. 138–139.



Въ пятницу, 1-го марта сего года,
ВЪ ЗАЛѢ АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА
имѣетъ быть
ЛИТЕРАТУРНО - МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ВЕЧЕРЪ
въ пользу голодающихъ Мценскаго уѣзда 3-го участка.

Отдѣленіе I.

1. Соло на фортепіано исполнитъ г-жа Устинова.
2. Главу изъ романа „Война и Миръ", соч. графа Л. Н. Толстаго, будетъ читать князь Кугушевъ.
3. „Разлука", соч. Гурилева, и „Пряха", соч. Монюшки, будетъ пѣть г. Д......ъ.
4. Послѣднее дѣйствіе драматической хроники „Василиса Мелентьева", соч. А. Н. Островскаго, будетъ читать г. Островскій.
5. Изъ соч. Гоголя будетъ читать г-жа В.. ...а.

Отдѣленіе II.

6. Соло на скрипкѣ исполнитъ г. Герберъ.
7. Сцены изъ комедіи „Ипохондрикъ", соч. Писемскаго, будетъ читать г. Писемскій.
8. Чтеніе г. Ж......и.
9. „Чуютъ правду", соч. Глинки.
10. „Германъ и Доротея", соч. Гёте, 1-я пѣсня, будетъ читать г. Фетъ.
11. Чтеніе г. С......й.

Цѣна билету 1 руб. сер.
Начало въ 8 часовъ вечера.
1.656.

Программа несостоявшегося литературно-музыкального вечера,
назначенного на 1 марта 1868 г.
(*МВед.* 29 февраля. № 44)

ка, в доме И. Пукалова на Тверском бульваре, где могло поместиться не более двухсот человек.[43]

29 февраля «Московские ведомости» опубликовали программу назначенного на 1 марта литературно-музыкального вечера в пользу го-

[43] *Россиев П. А.* Артистический кружок в Москве (1865–1883) // *ИВ.* 1912. № 5. С. 492.

лодающих Мценского уезда.[44] Однако «по независящим от участвующих в нем» обстоятельствам вечер был перенесен на 7 марта,[45] а программа его по сравнению с предыдущей была сокращена: заявленные в первом отделении драматург А. Н. Островский, а во втором — комедийный актер В. И. Живокини[46] в объявлении, опубликованном 6 марта, отсутствуют. В итоге афиша приобрела следующий вид:

В четверг, 7-го марта,
В ЗАЛЕ АРТИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА
имеет быть
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР
в пользу пострадавших от неурожая
Мценского уезда 3-го участка

Отделение I

1. Соло на фортепиано исполнит г-жа *Устинова*.
2. Главу из романа «Война и мир», соч. графа Л. Н. Толстого, будет читать князь *Кугушев*.
3. «Разлуку», соч. Гурилева, и «Пряху», соч. Монюшки, будет петь г. Д...ъ.
4. Из соч. Гоголя будет читать г-жа *В...а*.

Отделение II

5. Соло на скрипке исполнит г. *Гербер*.[47]
6. Сцены из комедии «Ипохондрик», соч. Писемского, будет читать г. *Писемский*.
7. «Чуют правду», соч. Глинки, будет петь г. Д...ъ.
8. «Герман и Доротея», соч. Гёте, первая песня, будет читать г. *Фет*.
9. Чтение г. *С...й*.

Цена билету 1 руб. сер.
Начало в 8 часов вечера.[48]

Фет вспоминал: «Как наиболее подходящее к сбору в пользу голодающих я прочел перевод первой главы „Германа и Доротеи“ об участии к нуждам переселенцев. Садовский и Васильева с живительным мастерством прочли: первый Чичикова у Бетрищева, а вторая — при-

[44] *МВед*. 1868. 29 февраля. № 44. С. 1.

[45] Объявление Фета о том, что литературно-музыкальный вечер откладывается, опубликовано 1 марта: Там же. 1 марта. № 45. С. 2.

[46] В программе 8-м пунктом значилось: «Чтение г. Ж...и».

[47] *Гербер* Юлий Густавович (1831—1883), скрипач, альтист, дирижер и композитор. В 1845 г. поступил скрипачом в оркестр Большого театра, с 1868 г. солист; в 1869—1882 гг. дирижер балета и композитор балетной музыки.

[48] *МВед*. 1868. 6 марта. № 49. С. 1.

ятную барыню и барыню приятную во всех отношениях. Громом рукоплесканий было покрыто чтение из „Войны и мира" — князем Кугушевым».[49]

В периодике того времени удалось найти лишь одно свидетельство очевидца: оно принадлежит театральному рецензенту Петру Гавриловичу Акилову, публикации которого регулярно появлялись в 1867—1870 годах на страницах московского еженедельника «Развлечение». В номере от 23 марта 1868 года, в очередном своем обзоре «Московский наблюдатель», он в числе прочих сюжетов дает описание благотворительного вечера в зале Артистического кружка. Вначале автор выражает недоумение по случаю загадочности афиши, где часть участников обозначена не фамилиями, а «туманными иероглифами»: «Что за таинственность такая? Какие еще новые трусливые дебютанты появились на сценическом поприще и, не боясь показаться лицом к публике, робеют открыть свои настоящие имена? — Подстрекнутый такими аллегориями, я поспешил заблаговременно запастись билетом на этот вечер и прежде всех забрался в залу, нетерпеливо ожидая увидеть таинственных участников этого вечера. Но кто вообразит!.. Какими словами сам смогу передать мое радостное удивление!.. когда в этих таинственных незнакомцах глаза мои ясно увидели давно знакомых мне и вам, почтенные читатели, заслуженных артистов гг. Демидова,[50] Садовского и г-жу Васильеву. Сюрприз был неожиданный и своею неожиданностью доставил тем еще большую приятность всем собравшимся на этот литературно-музыкальный вечер».[51]

Затем следует собственно описание представления: «При всем моем желании сказать что-нибудь об исполнении фортепианного соло *замечательною* пьянисткою-любительницею, какою по справедливости считается г-жа Устинова, — я лишен всякой к тому возможности, по той простой причине, что рояль, на котором пришлось упражняться г-же Устиновой, щеголял самыми отрицательными достоинствами. Вместо фортепианных звуков он порой издавал звуки, приличествовавшие разве только гуслям. Понятно теперь вам, читатели, какое впечатление должна была произвести на слушателей игра г-жи Устиновой

---

[49] *МВ*. Ч. 2. С. 172.

[50] *Демидов* Степан Васильевич (1822—1876), певец (бас-профундо), в 1863—1875 гг. солист Большого театра. Обладал могучим, ровным голосом красивого «бархатного» тембра и обширного диапазона; в особенности славился исполнением народных песен и русских романсов.

[51] *Н. Ф—в <Акилов П. Г.>*. Московский наблюдатель // Развлечение. 1868. 23 марта. № 12. С. 191. Авторство Акилова устанавливается по следующему изданию: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1958. Т. 3. С. 196.

П. М. Садовский. Фотография ателье «Русская фотография».
Москва, 1860-е гг.

на таком негармоническом рояле. Но этим злосчастным инструментом не ограничились невзгоды описываемого вечера. Князю Кугушеву не посчастливилось выбрать особенно удачную главу из художественного произведения гр. Толстого. В выбранной им главе говорилось о движениях войск, о печальных следствиях войны и о других ее подробностях, описание которых составляют художественные достоинства в целом романе; но в отрывочной, бессвязной передаче оных кн. Кугушевым не ощущалось никакой решительно занимательности. Поэтические „Гер-

Князь Г. В. Кугушев

ман и Доротея“ при однообразном, монотонном и весьма невыразительном чтении г-на Фета настроили всю почтеннейшую публику на самый прозаический тон, который мог весьма невыгодно повлиять на всех, если бы вовремя не подоспел на выручку наш талантливый комик г. Садовский. Он с особенным оживлением и свойственным ему комизмом прочел из 2-й части „Мертвых душ“ ту главу, в которой описывается приезд Чичикова к генералу Бетрищеву. Когда же дошел он до сцены умывания генерала и его смеха при заявлении Чичиковым просьбы об уступке ему мертвых душ, веселость до такой степени овла-

дела нашим любимцем, что он сам не мог выдержать и разразился самым искренным, непринужденным смехом, который заразительно повлиял на слушателей. Все смеялись и хохотали от души. Таким образом этот вечер окончился при самых благоприятных условиях».[52]

Последнее из объявлений Фета вышло 10 марта, вот его текст:

ЗАЯВЛЕНИЕ

На бывшем 7-го марта литературно-музыкальном вечере в пользу нуждающихся Мценского уезда 3-го участка поступило пожертвований от А. С. Каминского[53] 6 руб.; неизвестных 77 руб.; К. С. Мазурина[54] 50 руб.; Н. С. Мазурина[55] 100 руб., М. С. Мазурина[56] 100 руб.; К. Т. Солдатенкова[57] 100 руб., от неизвестного 25 руб.; А. С. Мазурина[58] 25 руб.;

---

[52] *Н. Ф—в <Акилов П. Г.>*. Московский наблюдатель. С. 191.

[53] *Каминский* Александр Степанович (1829—1897), семейный архитектор Третьяковых (был женат на их сестре Софье Михайловне), один из наиболее плодовитых мастеров поздней эклектики 1860—1880-х гг. В 1867 г. по его проекту был перестроен дом Д. П. Боткина на Покровке.

[54] *Мазурин* Константин Сергеевич (1845 — после 1893), брат С. С. Боткиной. Входил в правление Товарищества Реутовской мануфактуры. «У него было замечательное собрание древних греческих ваз, старинной итальянской майолики, русских старинных, преимущественно церковных вещей и других предметов» (*Щукин П. И.* Воспоминания. М., 1997. С. 173).

[55] *Мазурин* Николай Сергеевич (1841—1888), брат С. С. Боткиной. Входил в правление Товарищества Реутовской мануфактуры.

[56] *Мазурин* Митрофан Сергеевич (1834—1880), брат С. С. Боткиной, старший из братьев Мазуриных. В 1861 г. совместно с семьей купца Г. С. Герасимова учредил Товарищество Реутовской мануфактуры с капиталом в 1 миллион 350 тысяч рублей серебром, распределенным на 450 акций. Обладая наибольшим пакетом акций, Мазурин вошел в совет директоров Товарищества и практически до самой смерти оставался вместе с Герасимовым хозяином фабрики. М. С. Мазурин был предприимчив, обладал талантом организатора, что обусловило расцвет Реутовской мануфактуры. Однако подлинной его страстью были лошади. По свидетельству современника, кабинет его был «установлен более чем сотнею кубков, выигранных спортсменом-хозяином не только на всех русских ипподромах, но и лошадью его завода (рыжая кобыла Краса) на международном венском бегу во время Всемирной выставки» (*Сергеев Е. К.* 1) Реутов: Летопись в лицах, документах и фотографиях. 1573—2005 гг. М., 2005. С. 31—32; 2) Реутов от хутора до града (исторический очерк). М., 1997. С. 28—29).

[57] *Солдатенков* Козьма Терентьевич (1818—1901), купец-миллионер, наживший состояние на торговле хлопчатобумажной пряжей, издатель, коллекционер, один из крупнейших благотворителей. Близкий знакомый Боткиных. В 1863 г. издал двухтомное собрание стихотворений Фета.

[58] *Мазурин* Алексей Сергеевич (1846 — около 1920), младший из братьев Мазуриных. С 1869 г. — член правления Товарищества Реутовской мануфактуры. С 1870-х гг. начал заниматься художественной фотографией и первый из русских

А. Н. Голяшкина 500 руб.; от находящихся у него в услужении 24 руб.;
С. Н. Голяшкина 300 руб.; от находящихся у него в услужении 22 руб.;
И. П. Боткина[59] 3 руб.; А. Г. Федосеева 25 руб.

А. Фет.[60]

Благотворительный вечер принес 1357 рублей, общая же сумма всех пожертвований превысила две тысячи. Такой успех оказался возможным благодаря родственным и дружеским связям Фета в среде высшего купечества: практически все жертвователи — представители известных купеческих фамилий, в списках много близких родственников М. П. Фет (Боткины, Мазурины, Щукин и другие).

В списке, опубликованном 10 марта, выделяются Александр Николаевич и Сергей Николаевич Голяшкины, обеспечившие более половины всего сбора от вечера. Явление братьев Голяшкиных настолько поразило Фета, что он в своих мемуарах довел полученную от них сумму до еще больших размеров: «В назначенный вечер я сам встал за прилавком. Но публика подходила как-то вяло. <...> Но вот подходит брюнет среднего роста и протягивает ко мне пачку ассигнаций со словами: „Пожалуйте мне билет". — „Сколько прикажете сдачи?" — „Никакой. Здесь 500 рублей и я прошу дать мне билет. А вот еще 500 руб. от брата моего. Наша фамилия — Голяшкины. Потрудитесь дать нам третий билет: это триста рублей от наших служащих"».[61]

Голяшкины были сыновьями потомственного почетного гражданина, купца первой гильдии Н. Я. Голяшкина (1792—1867), разбогатевшего на откупах. Старший из них, Александр (1824—1880), в 1848 году закончил юридический факультет Московского университета (кстати сказать, он учился на одном курсе с приятелем Фета Иваном Петровичем Новосильцовым),[62] служил по гражданскому ведомству, был, в частности, в 1850—1858 годах чиновником особых поручений при начальнике Воронежской губернии; по награждении в 1859 году орденом св. Владимира 4-й степени получил потомственное дворянство.[63] Ор-

фотографов достиг европейской известности. См. о нем подробнее: *Лаврентьева А. Н.* Мазурин А. С. // Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 18. С. 450—451; Фотограф Алексей Мазурин / Сост. и авторы текстов А. Логинов, П. Хорошилов. М., 2005.

[59] *Боткин* Иван Петрович (1819—1878), брат М. П. Фет.

[60] *МВед*. 1868. 10 марта. № 53. С. 3.

[61] *МВ*. Ч. 2. С. 171—172.

[62] См.: Речи и отчет, произнесенные на торжественном собрании имп. Московского университета 25 сентября 1848 года. М., 1848. С. 20—21.

[63] Дело о дворянстве рода Галяшкина // *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 19. № 488. Л. 4—12. Написание «Галяшкин» употреблялось наряду с «Голяшкин» как в документах, так и в адрес-календарях.

ден этот, согласно формулярному списку Голяшкина, был пожалован ему «в награду успешных действий и благоразумной распорядительности, оказанных им <...> при открытии и поимке 18 преступников, производивших грабежи и убийства в Воронежской губернии и сопредельных с нею местах, причем он подвергал жизнь свою опасности».[64] Затем Голяшкин состоял при московском военном генерал-губернаторе, будучи с 1862 года также почетным директором Верейских богоугодных заведений. В 1873 году он вышел в отставку с чином статского советника.[65] Был дважды женат, вторым браком — на Елене Карловне Шлиппе (1837—1912), дочери ученого-химика, владельца химического завода.[66] О предпринимательской деятельности Голяшкина сведений сохранилось немного: он был одним из учредителей основанного в 1870 году Волжско-Камского акционерного банка, до начала XX века — крупнейшего коммерческого банка в России.[67] Видимо, главным увлечением Голяшкина было животноводство. В своем подмосковном имении Жучки, приобретенном после отмены крепостного права,[68] он разводил арденских тягловых лошадей, рогатый скот, свиней и домашнюю птицу иностранных пород. В 1870 году выступил инициатором создания Московского общества улучшения скотоводства в России[69] и до конца жизни оставался его бессменным вице-президентом, в значительной степени финансируя его деятельность. На пожертвования Голяшкина Обществом издавалась специальная литература и проводились практические мероприятия, например, московские молочные

[64] Там же. Л. 5 об.—7.

[65] Там же. Л. 34—35 об.

[66] Родословная книга дворянства Московской губернии / Под ред. Л. М. Савелова. М., <1914>. Т. 1. С. 315. О тесте Голяшкина, К. И. Шлиппе (1798—1867), см.: *Фон-Шлиппе Ю. Б.* Воспоминания Ф. В. Шлиппе и Н. А. Мельникова // Российский архив. М., 2008. Т. 17. С. 16—17.

[67] *Барышников М. Н.* Деловой мир России. СПб., 1998. С. 97.

[68] Жучки находились в Дмитровском уезде Московской губернии, в пяти верстах от железнодорожной станции Хотьково. Философ князь Е. Н. Трубецкой, родившийся в усадьбе Ахтырка, по соседству с Голяшкиным, вспоминая свое детство, писал: «По пути со станции Хотьково дедушку раздражало другое также новое удобство, — *шоссе*, по которому приходилось ехать почти до самой Ахтырки вместо прежней отвратительной допотопной дороги. Не самое шоссе как такое его раздражало, а тот факт, что оно было построено богатым коммерсантом, А. Н. Голяшкиным — сыном разбогатевшего откупщика: он купил в версте от Ахтырки бывшую дворянскую усадьбу Жучки и провел туда шоссе, которое оказалось нам по дороге. „Как, — говорил дедушка, — я должен ехать в *свое* имение по шоссе, построенному каким-то Голяшкой?“ — и все-таки ехал» (*Трубецкой Е., кн.* Из прошлого. М., 1917. С. 14).

[69] См.: Отчет Московского общества улучшения скотоводства в России за 1872 год. С. 1—2.

выставки. Исключительно на средства Голяшкина выходила газета «Скотоводство» (1878–1880).[70]

Александр Николаевич проявлял интерес и к живописи, в числе первых вступил в московское Общество любителей художеств.[71] В 1870-е годы благодаря Голяшкину был реализован интересный проект. Семеро художников: И. Н. Крамской, И. М. Прянишников, К. Е. Маковский, В. Е. Маковский, братья Чичаговы и К. А. Трутовский создали цикл иллюстраций к «Вечерам на хуторе близ Диканьки». Выполненные в технике цветной литографии, иллюстрации эти вышли в 1874 и в 1876 годах в виде альбомов крупного формата, финансировал издание А. Н. Голяшкин. На титульном листе каждого альбома имеется посвящение наследнику-цесаревичу, великому князю Александру Александровичу. К сожалению, проект остался незавершенным: вместо восьми выпусков (по количеству повестей Гоголя) вышло только четыре.[72]

Почему-то кажется, что именно старший Голяшкин покупал у Фета билеты на благотворительный вечер, хотя это недоказуемо. Скажем несколько слов и о младшем — Сергее Николаевиче Голяшкине (1829–1903). Он также с 1860-х годов состоял в Обществе любителей художеств, а известен был как коллекционер произведений живописи. На выставке его собрания, состоявшейся после его смерти, было представлено 45 полотен кисти В. М. Васнецова, В. Е. Маковского, Ю. Ю. Клевера, В. Д. Орловского, И. М. Прянишникова, И. И. Шишкина и других.[73]

Фет вернулся домой 14 марта, заехав по дороге в Мценск на очередной мировой съезд. Мария Петровна так описала брату Василию Петровичу возвращение мужа: «У нас здесь в округе пропасть больных вследствие дурной пищи и голода. Пока Фет был в Москве, Боже, сколько к нам приезжало несчастных мужиков за помощью. Фет приехал домой вечером, а утром уже все узнали о его приезде. Я не верила своим глазам, когда Фет мне дал такую толстую пачку денег для этих несчастных. И теперь наш участок будет с хлебом. От казны на наш участок, кажется, 1000 р. с<еребром>, да у Фета почти 2000 р. с<еребром>».[74]

---

[70] А. Н. Голяшкин (некролог) // Скотоводство. 1880. Июль. № 14. С. 1.

[71] В 1877–1880 гг. А. Н. Голяшкин избирался в состав комитета Общества.

[72] См.: *Гоголь Н. В.* Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести / Подгот. текста, примеч. и статья Е. О. Ларионовой. СПб., 2004. С. 425–426.

[73] См.: Сорок третий отчет комитета состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны Московского общества любителей художеств за 1903 год. М., 1904. С. 17–18.

[74] Письмо от 16 марта 1868 г.: *РГБ*. Ф. 258. К. 1. № 68. Л. 42 об.–43.

21 мая 1868 года орловский губернатор М. Н. Лонгинов обратился к министру внутренних дел А. Е. Тимашеву с отношением, в котором говорилось: «Мировой судья 3 участка Мценского уезда Фет уведомил меня, что на литературном чтении в марте месяце сего года собрано им 1900 р. в пользу нуждающихся 3 участка Мценского уезда по случаю неурожая, и собранные деньги розданы им сполна заимообразно на один год. Желая предоставить этот капитал в вечную собственность 3 участка Мценского уезда и составив устав для этого капитала, судья просит моего ходатайства об утверждении означенного устава».[75]

«Устав о вспомогательном капитале», приложенный к отношению Лонгинова, в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел был переименован в «Правила» и поступил на подпись к Тимашеву, который утвердил его 5 июня.[76] Согласно принятым «Правилам», ссуды могли выдаваться на один год под процент не свыше банковского; если же заемщик не уплачивал долга в срок, то всю сумму должно было в течение трех лет внести поручившееся за него общество. Фет рассчитывал, что таким образом 3-й участок будет застрахован от голода в случае нового неурожая, однако жизнь внесла в его планы свои коррективы. Возвращение занятых денег шло трудно. «Как я ни бился, я так-таки и не добрал более 300 руб. основного капитала <...>», — вспоминал Фет.[77] Это побудило мирового судью вновь обратиться к министру внутренних дел. В докладной записке, представленной им министру в октябре 1872 года, содержится просьба о разрешении обратить вспомогательный капитал на постройку и устройство больницы для излечения от сифилиса ввиду чрезвычайной распространенности этой болезни в уезде.[78]

Поход Фета против сифилиса,[79] которому посвящены три его статьи в «Московских ведомостях» за 1870 и 1872 годы,[80] заслуживает от-

---

[75] *РГИА*. Ф. 1287. Оп. 4. № 501. Л. 1—1 об.

[76] Там же. Л. 2—6 об. «Правила о вспомогательном капитале» были опубликованы в следующих изданиях: 1) *Орл губ вед*. 1868. 29 июня. № 26. С. 248; 2) Северная почта. 1868. 3 августа. № 167. С. 665—666. См. также: *Фет А. А.* Наши корни: Публицистика / Подгот. текстов и сост. Г. Д. Аслановой. СПб.; М., 2013. С. 400—402.

[77] *МВ*. Ч. 2. С. 250.

[78] *РГИА*. Ф. 1287. Оп. 4. № 501. Л. 7—8 об. См. также: *Фет А. А.* Наши корни: Публицистика. С. 405—408.

[79] 29 марта 1872 г. И. С. Тургенев писал Фету: «А за поход Ваш по поводу сифилиса нельзя Вас не похвалить <...>» (*Тургенев. Письма*. Т. 11. С. 237).

[80] «Из Мценского уезда» (1870. 11 декабря. № 267. С. 4), «Письмо к издателям „Московских ведомостей“» (1872. 23 марта. № 74. С. 4) и «Письмо к издателям» (1872. 20 апреля. № 96. С. 4). См. также: *Фет А. А.* Наши корни: Публицистика. С. 57—64.

дельного рассмотрения. Здесь же достаточно сказать, что Фет объявил сбор средств на устройство сельской больницы, который не остался без отклика: сумма частных пожертвований, поступивших на его счет вместе с присоединенным вспомогательным капиталом, составила в итоге 3000 рублей. 11 сентября 1876 года Мценское уездное земское собрание вынесло решение принять собранный А. А. Шеншиным капитал, поручив управе строительство земской больницы на 10 кроватей. Десятину земли под будущую лечебницу «на берегу речки Должанки в селе Долгом» безвозмездно выделил сосед и близкий знакомый Фета Михаил Михайлович Хрущов.[81] В результате больница была построена и просуществовала без малого сто лет.

[81] См.: Журналы 11-го очередного Мценского уездного земского собрания 1876 г. (9—11 сентября). Мценск, 1877. С 14—15; *МВ*. Ч. 2. С. 251.

С. А. Ипатова

ФЕТ И ЛИТФОНД: ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ЧЛЕНСТВА

Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литфонд; 1859—1922) — первая в России профессиональная благотворительная организация писателей, возникшая по общественной инициативе, — было основано 8 ноября 1859 года. В основной состав его Комитета вошли: П. В. Анненков, А. Д. Галахов (секретарь), А. В. Дружинин, С. С. Дудышкин, А. П. Заблоцкий-Десятовский, К. Д. Кавелин (помощник председателя), Ег. П. Ковалевский (председатель), А. А. Краевский (казначей), В. И. Ламанский, А. В. Никитенко, И. С. Тургенев и Н. Г. Чернышевский. Цель и задачи Литфонда были декларированы в самом названии и закреплены в уставе: собирать и распределять денежные средства в помощь нуждающимся литераторам и ученым.[1]

Идея создания Общества как «центра соединения» литераторов разных направлений принадлежала А. В. Дружинину, по мнению которого необходимо было прежде всего составить постоянный капитал, доходы с которого «распределялись бы между писателями, от болезни, старости и других подобных причин нуждающимися в постоянном или временном пособии». Выдвигая идею создания фонда, Дружинин выражал уверенность в том, что между «сочувствующими делу науки и изящного, без сомнения, найдется хотя небольшое число, по собственной охоте» готовых «принять участие в учреждении капитала взносом по их средствам».[2] Это пожелание стало одним из базовых

---

[1] См.: Устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1859. С. 4, 6.

[2] *N.* <*Дружинин А. В.*> Несколько предположений по устройству русского Литературного фонда, для пособия нуждающимся лицам ученого и литературного

пунктов устава Литературного фонда: «Ежегодные взносы членов Общества могут быть в 10 р., 25 р., 50 р., 100 р., 300 р., 400 р., 500 р. и выше. Каждому из членов при вступлении его в Общество предоставляется самому избрать один из означенных размеров для ежегодных взносов. Впрочем, ежегодный взнос может быть заменен единовременным, равняющимся десятилетней сложности взносов избранного членом размера».[3] Стать членом Литфонда мог любой желающий, заплативший взнос. А. Н. Плещеев писал своему приятелю, оренбургскому вице-губернатору Е. И. Барановскому 25 января 1860 года: «Если Вы еще не член этого Общества, — то запишитесь, Егор Иванович. Хорошее дело. Взнос небольшой. Можно и 10 руб. в год вносить. Замечательно, что пожертвований от сильных мира сего и от богачей нет почти вовсе... бедняки помогают беднякам».[4] И 19 февраля 1860 года, вступив «на днях» в Общество, Плещеев отвечал тому же корреспонденту: «Вы пишете, что не знаете, как сделать, чтобы попасть в общество „Фонда“. Очень просто. Заявите Ваше желание Кавелину; он вице-председатель общества и предложит Вас; на следующем заседании выберут Вас и Вы пошлете деньги».[5]

Однако не всем литераторам сама идея Литературного фонда пришлась по душе. Еще до начала практической деятельности Общества начались споры вокруг того, каким образом осуществлять выборы в его члены, а также на каком основании и по какой шкале талантливости

круга // *БдЧ*. 1857. Т. 146. № 11. Отд. 3. С. 1, 7. Подробнее об основании и деятельности Литфонда см.: *Репинский Г. К., Скабичевский А. М.* Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 г. // XXV лет. 1859—1884: Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 1—199; *Вейнберг П. И.* Литературный фонд за сорок лет его существования. Доклад, читанный в Общем собрании 27-го декабря 1899 года. М., 1900. 24 с.; *Корнилов А. А.* Происхождение Литературного фонда и первые шаги его деятельности // L. Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909. <СПб., 1910>. С. 3—71; *Пантелеев Л.* Из истории первых лет существования Литературного Фонда // Там же. С. 81—94; см. также: *Сажин В. Н.* 1) Литературный фонд в годы революционной ситуации // «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1978. С. 138—157; 2) Как создавался Литературный фонд // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 214—227; Неизвестная записка Тургенева о пожертвованиях в Литфонд (1861) (Дополнение к Летописи жизни и творчества писателя) / Публ. С. А. Ипатовой // *Тургенев. НИиМ(4)*. С. 410—423.

[3] См.: Устав Общества... С. 3.

[4] Цит. по: Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.; Л., 1940. С. 457.

[5] Цит. по: Там же. С. 459. Членом Литфонда Барановский был избран 2 февраля 1871 г. (см.: Там же. С. 467, примеч. М. А. Панченко).

просителей члены Комитета будут решать, кто именно достоин пособия. Скептически высказывался по этому поводу А. А. Фет, которого Дружинин пытался вовлечь в Общество. 24 октября 1859 года поэт писал ему о своих сомнениях и в отношении программы, и в отношении «правильности употребления капитала»: «Вчера получил я Ваше письмо по поводу литературно-благотворительного общества, о котором имею лишь сбивчивое понятие со слов Краевского в Москве за обедом. <...> давать вспомоществование неимущим литераторам. Чего же бы, кажется, лучше! и как не дать 50 к. или даже 1 р. со 100, чтобы помочь таланту и проч. Но кто будет распоряжаться этой раздачей? Кто будет поверять правильное употребление капитала, и что значит слово литератор? / Если оно значит поэт, ученый, — прекрасно. Если же оно значит отставной фельетонист, то пусть он идет в хожалые или извозчики, ибо я лично только порадуюсь исчезновению с лица литературного подобного насекомого. Вот, например, наш брат и собрат Полонский. Если возможно общими силами помочь ему, то я буду из первых готовым на такое справедливое дело; но если речь идет о компиляторах и фельетонистах прихвостинских, Закурдало-Черново-Пресвитеренко, Розенштерно-Клогенфуте и т. п., то имейте мя отреченна <...> я готов быть в числе подписчиков, но с условием: если будут подписаны NN, XX и проч., то напишите отдельную рубрику: *С правом выступления из общества*. Фет. Если это и без того разумеется, то, разумеется, что и такой рубрики не нужно. А если поступивший есть покорнейший рап по гроп, то такая оговорка есть с моей стороны condition sine qua non (непременное условие — *лат.*)».[6]

Однако Дружинин еще до обращения к Фету, сотруднику по «Библиотеке для чтения», с аргументами вступить в Общество (письмо неизвестно) и приведенного ответа на него поместил 3 ноября 1859 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление, где в списке московских членов-учредителей указал и имя поэта: «Боткин, Забелин, Лонгинов, Островский, Павлов, Победоносцев, Соловьев, Фет и Феоктистов»; в петербургский список вошли: «Анненков, Гаевский, Григорович, Дружинин, Кавелин, Лавров, Михайлов, Некрасов, Полонский, Серно-Соловьевич, Толстой, Тургенев, Чернышевский, Шевченко» и др. В объявлении сообщалось: поименованные «лица, изъявившие желание быть членами учредителями означенного Общества, приглашаются для открытий действий оного и избрания членов комитета» в собрание, «имеющее быть 8-го ноября в час пополудни в доме министерства народного просвещения»; отсутствующие «члены благоволят

[6] *Письма к Дружинину*. С. 343. См. также: *Сажин В. Н.* Как создавался Литературный фонд. С. 220–221.

прислать к тому же времени список кандидатов, избираемых ими в члены комитета».[7]

Избрание в комитет, состоявшееся в Петербурге 8 ноября 1859 года, происходило «по запискам» большинством голосов. Фет, безусловно, отослал свою записку с предложенными именами в члены Комитета (местонахождение неизвестно) и, изъявив согласие быть членом Литфонда, написал Дружинину 5 ноября 1859 года: «Когда будете пересылать деньги (имеется в виду гонорар из «Библиотеки для чтения». — *С. И.*), то вычтите 10 р., если меня выбрали».[8] Фета выбрали, поэтому его имя вошло в список учредителей фонда, что зафиксировано в отчетах Общества первых лет его существования.[9]

Л. Н. Толстой, оказавшись в схожей с Фетом ситуации вовлечения в Общество и неожиданно обнаружив себя в списке членов-учредителей, поименованных в «Санкт-Петербургских ведомостях», написал Дружинину 20 декабря 1859 года: «Заносить меня в список литераторов незачем».[10] Продолжая агитировать Толстого войти в состав учредителей, Дружинин, аргументы которого могли прозвучать и в неизвестном письме к Фету (вероятно, от середины октября 1859 года), ответил Толстому 31 декабря 1859 года: «Общество фонда сильно нас занимает и, помимо своего полезного значения, служит нам центром соединения. Из комитета всегда уезжаешь с приятным чувством. Ковалевский кричит, Чернышевский попискивает, Анненков пускает сладостного туману, Тургенев блаженствует, как рыба в воде, и сам Андрей (Краевский. — *С. И.*) хотя предлагает в члены отъявленных стервецов, но с бурчанием своим прекрасен <...>. Вас не убудет от того, что Вы будете стоять в списке и пришлете хоть десять рублей ежегодного взноса».[11] Толстой, который в этот период порывал с литературным кругом, отказался от звания члена Литфонда. Отказался и И. А. Гончаров «за неприглашение его в учредители», как писал П. В. Анненков Тургеневу 30 октября 1859 года.[12]

---

[7] *СПбВед*. 1859. 3 ноября. № 238. С. 1055.

[8] *Письма к Дружинину*. С. 344.

[9] См.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Первый год его существования: с 8 ноября 1859 г. (время его открытия) по 2 февраля 1861 г. (время его годичного собрания). СПб., 1861. С. 9; см. также: Общество для пособия... за третий год его существования, по 2 февраля 1863 года. СПб., 1863. С. 9; и др.

[10] *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 293.

[11] Там же. С. 294.

[12] *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подгот. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 75 (Лит. памятники). Позже Гончаров вступил в члены Литфонда.

Итак, Фет, высказав Дружинину сомнение в целесообразности этой благотворительной общественной организации, тем не менее дал согласие стать членом-учредителем и заплатил полагающийся взнос. Вероятно, Фет лично внес свой ежегодный взнос (в размере 10 рублей) через книжный магазин московского посредника Н. М. Щепкина, который в официальном сопроводительном письме к казначею Литфонда А. А. Краевскому от 31 января 1861 года сообщил список «годовых взносов от гг. членов: Фета Афанасия Афанасьевича за 1859/60 10 р.», а также В. Н. Левашова (15 рублей), Д. А. Хрущова (25 рублей), М. Н. Лонгинова (10 рублей) и др.[13]

Вскоре, откликнувшись на просьбу Тургенева, Фет принял деятельное участие не только в организации, но и в самих чтениях Литфонда, прошедших в Москве 25 января 1860 года. Лонгинов вспоминал: «...помнится, в четверг 21 января приехал ко мне А. А. Фет и предложил мне, чтобы я оказал содействие в этом чтении <...> от лица И. С. Тургенева, незадолго до того приехавшего в Москву, и других писателей. Без всяких притязаний я взялся, несмотря на свое нездоровье, читать стихи А. С. Хомякова, согласно его желанию, выраженному им А. А. Фету, и стихи князя П. А. Вяземского. Времени оставалось немного, потому что И. С. Тургенев, статья которого («Гамлет и Дон-Кихот». — *С. И.*) была капитальным предметом чтения, непременно собирался уехать в Петербург во вторник 26 числа. Поэтому чтение назначено было на 25. Я сам, совещаясь с А. А. Фетом, написал программу чтения для напечатания в газетах».[14] А. Н. Плещеев, присутствовавший на чтениях, написал в тот же день Е. И. Барановскому: «В Петербурге очень успешно действует общество литературного фонда <...>. Оно уже имеет довольно значительные суммы и назначило много пенсий. Одна из них, между прочим, положена 70-тилетнему сыну Радищева, другая — декабристу Штейнгелю. Автор „Сельского духовенства“ также получил пособие. Недавно было здесь и в Петербурге публичное чтение, в пользу этого фонда, и И. С. Тургенев был на нем принят с страшным энтузиазмом».[15]

В разделе «Городская хроника» журнала «Развлечение» от 30 января 1860 года об этом небывалом культурном событии говорилось: «Чрезвычайно интересное событие» составляет «публичное чтение

---

[13] *РНБ*. Ф. 438. № 8. Л. 64.

[14] Цит. по: *Присяжный фельетонист*. Петербургские заметки // *БдЧ*. 1860. Т. 158. № 3. Отд.: Современная летопись. С. 91.

[15] Цит. по: Шестидесятые годы. С. 457. Упомянутый автор обличительной книги «Описание сельского духовенства», изданной за границей анонимно (Лейпциг, 1858), — известный опальный священник И. С. Беллюстин.

в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», прошедшее в зале Практической академии коммерческих наук. «Читали свои произведения гг. Майков: стихотворения „Приговор“ и „Нива“, Островский, отрывок из комедии „Свои люди“, Тургенев, статью „Гамлет и Дон-Кихот“, и Фет, „Деревню“ (перев<од> второй эподы Горация) и стихотворение „Даки“. Сверх этого г. Лонгинов прочел два стихотворения: „Сознание“, князя П. А. Вяземского, и „Труженик“ А. С. Хомякова». Чтения, на которых присутствовало около четырехсот человек, имели у московской публики абсолютный успех и значительно пополнили кассу Литфонда.[16] В протоколе заседания Комитета от 17 февраля 1860 года было отмечено: вынести благодарность способствовавшим «значительному усилению» средств фонда А. А. Фету, А. Н. Островскому, М. Н. Лонгинову, М. Я. Киттары и Н. А. Основскому «за их искреннее сочувствие и деятельное участие при устройстве в Москве вместе с И. С. Тургеневым литературного чтения в пользу Общества».[17]

В дальнейшем, продолжая сомневаться в целесообразности этой благотворительной организации, Фет прекратил выплачивать членские взносы и таким образом счел себя вышедшим из ее состава. Через восемь лет помощник председателя Литфонда А. П. Заблоцкий-Десятовский в официальном письме от 13 мая 1868 года известил поэта: «При основании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в 1859 году, Вы были одним из членов-учредителей. За сделанным Вами <...> взносом в размере *10* рублей в год за Вами числится в настоящее время недоимка за *восемь лет*. Комитет <...> озабочиваясь умножением денежных средств ввиду возрастающего числа просителей, позволяет себе надеяться, что ради благотворительной цели Общества Вы не откажете ему в своем благосклонном содействии к пополнению литературного фонда».[18]

Фет ответил через два месяца, 2 июля 1868 года: «Прекратив ежегодные взносы, я тем самым фактически сложил с себя звание члена. О побудительных к тому причинах я имел честь лично объяснить бывшему казначею Общества П. М. Ковалевскому».[19] Причины, изложенные Ковалевскому в частной беседе, к сожалению, остаются неизвестными, но Фет не скрывал своего отношения к изменившемуся Литфонду и неоднократно говорил о них. При необыкновенном энтузиазме, постигшем общество в связи с учреждением Литфонда, неуплата

[16] Развлечение. 1860. 30 января. № 5. С. 61–62. См. также: *МВед*. 1860. 23, 30 января. № 18, 24.

[17] *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 39.

[18] Цит. по: *Фет/Лонгинов*. С. 234–235.

[19] Там же. С. 235.

взносов, носившая массовый характер, кажется не вполне объяснимой. Так, в словарной статье приводятся цифры, но никак не комментируется этот факт: «В первый же год существования Общества до 100 чел. не внесли определенных ими взносов; во второй число это возросло до 200, при 580 наличных членах. В 1867 г. число членов, уплативших свои взносы, понизилось до 95 и в 1868 г. <...> число их уменьшилось более чем на половину»,[20] то есть к 1868 году около пятидесяти человек, как и Фет официально оповещенных Заблоцким-Десятовским, отказали «в своем благосклонном содействии к пополнению литературного фонда». Эти цифры, вероятно, были сильно занижены. Так, П. И. Вейнберг, один из самых активных членов Общества, безусловно посвященный в дела Комитета, приводит, по-видимому, более точные сведения: «В 1866 г., например, из 643 членов уплатили только 82».[21]

Причины своего выхода Фет изложил не только П. М. Ковалевскому, но и Тургеневу в письме (вероятно, от первой половины января 1870 года), которое до нас не дошло. Ответ Тургенева от 23 января 1870 года в какой-то мере позволяет реконструировать его: «...Ваши отзывы о Ваших — о наших — собратьях, русских литераторах, о нашем бедном Обществе становятся — говоря без прикрас — возмутительны. Было бы великим счастьем, если б действительно *Вы* были самым бедным русским литератором! Повторяю: впечатление, производимое Вашей постоянной руготней, неприятно вяжется в моей голове с Вашим именем, с тем, в сущности симпатичным, воспоминанием, которое я храню о Вас. Довольно, Аф<анасий> Аф<анасьевич>! Довольно!.. Полно швырять <...> грязью! А то ведь эдак, пожалуй, соскользнешь в Каткова... в Булгарина упадешь! Не сердитесь на меня...». «Очевидно — говорится в комментарии, — Тургенев пишет все это под свежим впечатлением от неизвестного нам письма Фета. <...> Во всем этом сказывалась скупость Фета, усугублявшаяся нежеланием помогать литераторам-разночинцам».[22]

К этой полемике Фет вернется в 1872 году. 8 января 1872 года, отвечая на неизвестное письмо поэта, Тургенев отмечал: «Вы пишете, что „не шутя не знаете ни одного бедного литератора“. Это происходит оттого, что Вы их вообще мало знаете. <...> Недавно А. Н. Афанасьев умер буквально от голода <...>. Вот на такие-то случаи и полезен наш бедный Вами столь презираемый Фонд».[23] Комментируя это письмо, Ю. В. Лебедев в монографии «Жизнь Тургенева» замечает, что оно ад-

---

[20] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1896. Т. 17а. С. 799 (статья «Литературный фонд»).

[21] *Вейнберг П. И.* Литературный фонд за сорок лет его существования. С. 6.

[22] *Тургенев. Письма.* Т. 10. С. 138; примеч. А. И. Батюто на с. 430—431.

[23] Там же. Т. 11. С. 198.

ресовано «отличавшемуся скуповатостью А. А. Фету, не желавшему платить взносы в Литературный фонд».[24] Комментарии подобного рода имеют давнюю традицию. Так, знакомый поэта и его корреспондент Ф. Ф. Фидлер приводит в своих «Литературных силуэтах» имевшую хождение «эпиграмму на скупость Фета, автор которой остался неизвестен»:

Неншин у нас скупцом прослыл,
Есть даже про него преданье:
Что он, жалеючи чернил,
Не ставит знаков препинанья.

«Скупость богача-поэта, — комментирует эту эпиграмму Фидлер, — подтверждается — может быть — хранящимся в моем архиве документом. Документ этот — бланк литературного фонда от 12 мая 1868 г., напоминающий Фету (одному из членов-учредителей общества) об имеющейся за ним недоимке — за целых семь лет!».[25] Остается лишь пожалеть, что современный исследователь не сослался на богатую традицию объяснять решение поэта якобы присущей ему «скаредностью». Так, с легкой руки Фидлера в биографическую литературу о поэте внедрилось далекое от профессионального подхода объяснение о выходе Фета из Литфонда.

Странно, но никто из названных знакомцев и научных комментаторов не обратил внимания на тот парадоксальный факт, что в это же самое время «скупой» Фет, тратя время и собственные средства, организует в Москве литературно-музыкальный вечер в пользу голодающих Мценского уезда.[26] 19 февраля 1868 года Фет писал В. П. Боткину: «Действительно отчаянное положение местных крестьян довело меня до самых тяжелых минут. — Я подумал, неужели в России нет людей, а всё пни, мертвые для всего человеческого. Неужели не все равно: умирают ли дети и взрослые под покровительством комитета или вне оного?».[27]

[24] *Лебедев Ю. В.* Жизнь Тургенева: Всеведущее одиночество гения. М., 2006. С. 519.

[25] См.: Новое слово. 1914. № 6. С. 27. См. также: *Фет/Лонгинов.* С. 234—235.

[26] О чтениях и поступивших пожертвованиях см.: Неизвестные статьи А. А. Фета на страницах «Московских ведомостей» (1868—1872) / Публ. Е. В. Деревягиной // XVII Фетовские чтения. А. А. Фет и русская литература: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Фета (Курск, 27—29 июня 2002 г.). Курск, 2003. С. 27—31; см. также статью И. А. Кузьминой «О благотворительном вечере, устроенном Фетом в пользу голодающих (март 1868 года)» в наст. сборнике.

[27] *Фет/Боткин.* С. 512.

Развернутое объяснение — принципиальное несогласие с программой Литфонда, поощрявшей литераторов на «бездоходный труд», — Фет изложил в своих воспоминаниях: «Серьезные члены-учредители не могут не знать, что литература способна быть забавой или отрадой и даже некоторым подспорьем насущному хлебу, но что чисто литературный труд» в большинстве случаев «мало способен прокормить отдельного человека <...> помощь должна являться к литератору, как и ко всякому другому труженику, только как помощь при неожиданном несчастии, но никак не в виде поощрения на бездоходный труд».[28] Причины выхода поэта из Литфонда детально проанализировал М. С. Макеев в статье «„Литературное насекомое“ или „честный бедняк сочинитель“? О причинах выхода А. А. Фета из Литературного фонда»,[29] в которой убедительно показал, что выход из Общества был вызван не индивидуализмом, скупостью или равнодушием, а явился принципиальным поступком: Фету претила стратегия поддержки тех, кто, будучи не в состоянии прокормиться литературной профессией, не хотел отказаться от нее и заняться чем-то более доходным. Главным же основанием к выходу из Общества исследователь считает эволюцию отношения к писательскому труду в самом Литфонде: вопреки декларированному уставом предпочтению заслуженных писателей перед молодыми литераторами Комитет сознательно изменил этому принципу и стал выдавать мелкие пособия незначительным литературным поденщикам, массово увеличивая тем самым и без того многочисленный писательский штат. «Фет выступает против того понимания литературы, — заключает исследователь, — которое воплотило и утвердило Общество. Для него эта литература — поле деятельности литературных „насекомых“, переименованных в „честных бедняков сочинителей“, плодящая и материально поддерживающая бесполезных „учителей“ и „просветителей“ для тех, кто не нуждается в учителях и их просвещении. С такой „литературой“ Фет не имел никаких общих „интересов“».[30]

Подтверждением этого не лишенного основания вывода может служить письмо к Тургеневу П. В. Анненкова, активного деятеля Общества. Ожидая приезда писателя в Россию в начале декабря 1871 года, Анненков, имея в виду возможные чтения с участием Тургенева, приносившие особенную прибыль в кассу Литфонда, с иронией писал 30 октября 1871 года: «Отдел Общества для покровительства животным, который называется „литературным фондом“ — ждет с трепетом

---

[28] *МВ*. Ч. 2. С. 247.

[29] *РЛ*. 2009. № 4. С. 106–115. См. также: *Фет/Лонгинов*. С. 216–220.

[30] *РЛ*. 2009. № 4. С. 115.

Вашего прибытия — не будет ли невещественного пособия его клиентам, так много страдающим от запоя, сифилиса, голода и холода?..».[31] Именно об этих второстепенных литературных пролетариях говорил Фет.

Полагаем, что к приведенным доводам следует добавить еще один, едва ли не основной. Энтузиазм, с каким было встречено образование нового общества, во многом происходил от убеждения, что членство в Литфонде воплощало идеи «свободы, равенства и братства» («liberté, egalité, fraternité»), записанные на знаменах французской революции 1789—1793 годов. Так, Плещеев писал Е. И. Барановскому 19 февраля 1860 года о своем вступлении в Литфонд: «На днях выбрали меня и также его Превосходительство А. А. Катенина. Какое равенство?.. ничтожнейший из смертных и один из сильнейших мира сего — члены одного и того же общества... Мало того, имена наши красуются в одном и том же столбце газеты».[32] Не случайно первым откликом на проект Дружинина о создании Литфонда стала статья пытавшегося перехватить инициативу Чернышевского, который, рекомендуя его вниманию читателей «Современника», развил и обосновал предложения Дружинина о способах обеспечения капитала будущего Литфонда в духе «добровольной экспроприации». Помимо единовременных пожертвований, говорилось в статье, необходимы: «добровольная уступка известной части доходов, доставляемых литературными предприятиями писателям и издателям», и т. д.; пусть «только общественное мнение и собственное сознание каждого писателя о его обязанности побуждают к этому содействию осуществлению доброй цели».[33]

С первых дней существования Литфонда остро встал вопрос о приеме в Общество конкретных лиц, так как многое в будущей его деятельности зависело от идеологических установок тех, кто должен был не только решать, кому именно назначать пособия, но и формировать стратегию и дальнейшее развитие Общества. Среди членов и в самом Комитете разом оказались П. Л. Лавров, Чернышевский, Некрасов (избранный в Комитет в феврале 1862 года, он сразу же рекомендовал в Общество Г. З. Елисеева и М. А. Антоновича), чуть позже в его ряды влились братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, Г. Е. Благосветлов, братья В. С. и Н. С. Курочкины, В. А. Слепцов и другие центральные фигуры революционно-демократической оппозиции, которой Фет противостоял на протяжении многих лет. Многие из этих людей через несколько лет стали хорошо известны в связи с организацией «Земля

---

[31] *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. С. 187.

[32] Цит. по: Шестидесятые годы. С. 459.

[33] <*Чернышевский Н. Г.*> Современное обозрение // *Совр.* 1857. Т. 66. № 12. С. 289.

и Воля». Это крыло Общества, безусловно, надеялось, что Литфонд может стать не только профессиональным объединением писателей и ученых, но и центром формирования независимого, оппозиционного, прогрессистского общественного мнения. Некоторые «органы печати», по воспоминаниям П. И. Вейнберга, обвиняли «Фонд в том, что при выборах в члены комитета господствовала „кружковщина“ и притом „либерального“ (иногда пускался в ход и эпитет „красный“) свойства, чем и обусловливалась „партийность“, в том же либеральном направлении, образа действий комитета».[34]

Литфонд претерпел эволюцию и в отношении идеологического подхода к распределению пособий. Определенная тенденция в выделении средств проявилась в первые же месяцы деятельности Общества. Литфонд оказал материальную поддержку старикам-декабристам (амнистированный М. А. Бестужев, не имевший средств, чтобы вернуться из Сибири; обнищавший барон В. И. Штейнгель, за которого на заседании Комитета от 23 декабря 1859 просил А. А. Серно-Соловьевич);[35] семьям прошлых деятелей общественной оппозиции (например, престарелому сыну А. Н. Радищева Павлу Александровичу Радищеву;[36] нуждавшейся вдове В. Г. Белинского), а также бывшим членам кружка Петрашевского.[37] Комитет участвовал в акции, которая не вполне соответствовала деятельности Общества, прописанной в его уставе, и ходатайствовал об отпуске на волю родных Шевченко, крепостных людей помещика В. Э. Флиорковского.[38] Флиорковскому было направлено письмо, подписанное всеми членами Комитета, и вскоре получен удовлетворительный ответ. «Нельзя не заметить, — справедливо полагает исследователь деятельности Литфонда В. Н. Сажин, — что все эти пособия, назначавшиеся в первые полгода-год с начала деятельности Литфонда, носили характер дани памяти тем, кто пострадал от репрессий прежних царствований».[39] Однако не только прежних, но и нынеш-

---

[34] *Вейнберг П. И.* Литературный фонд за сорок лет его существования. С. 8.

[35] *РНБ.* Ф. 438. № 1. Л. 17 об.

[36] На заседании Комитета от 8 января 1860 г. Тургенев «объяснил» собранию «обстоятельства прошлой жизни и настоящее положение» П. А. Радищева, престарелого сына известного писателя. «Из этого объяснения видно, — отмечено в протоколе, — что П. А. Радищев имеет от роду с лишком 80 лет и лишен всяких надежных средств к существованию», в связи с чем было решено назначить ему пенсию 400 рублей в год (Там же. Л. 22—22 об.).

[37] На заседании от 28 марта 1860 г. член Литфонда Ф. М. Достоевский предложил «войти в положение» своего бывшего сокаторжника, больного писателя-петрашевца С. Ф. Дурова, жившего в Одессе, и «Комитет поручил И. С. Тургеневу собрать о г. Дурове сведения» (см.: Там же. Л. 56—56 об., 89 об.—90).

[38] См.: Там же. Л. 56—56 об., 89 об.—90 (на заседании от 21 марта 1860 г.).

[39] См.: *Сажин В. Н.* Как создавался Литературный фонд. С. 222.

них. Так, в марте 1862 года Некрасов и Чернышевский хлопотали о пособии «сосланному руководителю пермской тайной революционной организации А. Н. Моригеровскому».[40] Н. А. Серно-Соловьевичу при отправлении его на каторжные работы 10 мая 1865 года было назначено пособие в 300 рублей.[41] Все это создало Литфонду репутацию потенциально неблагонадежного Общества.

По свидетельству члена Комитета В. П. Гаевского, в 1861—1862 годах казначей Общества П. Л. Лавров проводил мысль, чтобы Комитет при обсуждении прав на пособие принимал во внимание образ мыслей и направление писателя, но против этого решительно запротестовал Дружинин, заметив, что автор этого предложения готов выдавать пособия всякому, кто побьет городового;[42] и хотя предложение Лаврова не нашло поддержки, о выходе из Общества заявили многие члены, что, по наблюдению В. Н. Сажина, свидетельствовало о том, что мысль Лаврова была реализована практически.[43] По воспоминаниям А. А. Корнилова, в 1862—1863 годах, после закрытия «Современника», «Русского слова» и заключения в крепость Чернышевского, занимавшегося в Литфонде распределением пособий среди нуждающихся студентов, «от нового общества отшатнулись все, кто испугался тогда нигилистического движения, призрак которого наиболее пугливым обывателям стал в то время мерещиться чуть не в каждом общественном начинании».[44] И эти опасения имели основание. В 1862—1863 годах отказались от членства в Литфонде П. К. Щебальский, П. А. Ефремов, А. Ф. Писемский и мн. др.

На всех чтениях 1860-х годов, организованных Литфондом, обязательным было присутствие агентов III отделения. 2 марта 1862 года на литературном вечере, устроенном Литфондом, профессор П. В. Павлов произнес скандальную речь о тысячелетии России, а 5 марта он был уже выслан за это в Ветлугу.[45] Согласно агентурному донесению, составленному накануне, 18 февраля 1864 года на публичных чтениях Литфонда в зале Бенардаки «примут участие» Н. А. Некрасов, В. А. Слепцов

---

[40] См.: *Сажин В. Н.* Н. Г. Чернышевский в Литературном фонде (по архивным материалам) // *РЛ.* 1975. № 3. С. 157.

[41] *РНБ.* Ф. 438. № 14. Л. 77—78 об.

[42] См.: *К-ф-м <Кауфман А. Е.>.* Литературный фонд // Вестник литературы. 1921. № 10 (34). С. 15.

[43] *Сажин В. Н.* Литературный фонд в годы революционной ситуации. С. 149.

[44] *Корнилов А. А.* Происхождение Литературного фонда и первые шаги его деятельности. С. 21.

[45] См.: *Лемке М.* Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. СПб., 1907. С. 213. Вскоре, по письменной просьбе в Литфонд костромского губернатора, пострадавшему Павлову было выслано пособие.

(«тот самый, у которого были коммунистические собрания»), Тургенев (который будет читать «не напечатанную еще повесть „Призраки"»). «Агент наш будет присутствовать на этом чтении». После чтений в донесении от 19 февраля 1864 года говорилось: «На вчерашней лекции» было «до 500 посетителей, — большая половина дамы, в числе которых несколько десятков с коротко стриженными волосами (нигилистки)». Участвовали: Майков, Некрасов, Тургенев, который «был встречен продолжительными рукоплесканиями. — Ненапечатанная повесть его „Призрак" (так! — *С. И.*) есть фантазия, которая уносит русского помещика по разным местам Европы», а затем «на Волгу, где ему является» Степан Разин и «дикая прошедшая жизнь волжских разбоев — здесь ему всюду слышны крики: *режь, руби, бей* и всюду видна кровь, которая брызнула даже в лицо помещику, и это *кровь русская*. Слова эти Тургенев произносил с особым выражением». Летая «по всей России, помещик видит бедность крестьянина и неустройство в стране». «Чтение *Тургенева* публика слушала с видимым удовольствием и громко аплодировала».[46]

Фет, общаясь с некоторыми членами Литфонда, не мог не знать о направлении, возобладавшем в нем. В свете этого конкретное значение приобретает объяснение своего выхода из Общества, данное позже Фетом в «Моих воспоминаниях»: «Поступивши в Общество Литературного фонда в качестве члена-учредителя, я вычеркнул себя из списка не потому, что считал не должным помогать нуждающимся литераторам, а только потому, что считал необязательным слепо подчиняться произволу Общества, изменявшего свою программу введением расходов, не имевшихся в виду при учреждении Общества. Если Общество считает такие изменения своим правом, то не должно и удивляться уходу членов, с ним несогласных».[47] Следует заметить, что согласно § 19 устава Литфонда член «Общества, не внесший два года следующих с него денег, считается сложившим с себя звание члена».[48] Таким образом, для выхода из Общества Фету, в течение нескольких лет принципиально не платившему взносы, не требовалось специального заявления.

Под «произволом» Фет имел в виду, скорее всего, помощь Литфонда студентам, арестованным в сентябре 1861 года в связи с волнениями и закрытием Петербургского университета, а также непосредственное

[46] *ГАРФ*. Ф. 109. Оп. 1а (Секретный архив). № 1986. Л. 4—4 об, 7—7 об., 8. См. также: *Громов В. А.* Агентурное донесение о чтении Тургеневым «Призраков» // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 194—195.

[47] *МВ*. Ч. 2. С. 246—247.

[48] См.: Устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. С. 8.

участие Общества в их дальнейшей судьбе. Известно, что стараниями Лаврова и Чернышевского Общество приняло самое деятельное участие в судьбе двухсот студентов, арестованных на демонстрации 25 сентября 1861 года и посаженных в Петропавловскую и Кронштадтскую крепости. На одном из ближайших заседаний Комитет утвердил предложение Лаврова о назначении им пособий. В архиве Литфонда имеется письмо от 12 декабря 1861 года Егора Дмитриевича Южакова,[49] сотрудника «Современника», одного из арестованных студентов, содержавшихся в Петропавловской крепости. В письме, адресованном Лаврову как казначею Комитета, говорится: «Деньги, собранные для вспомоществования заключенным студентам, уже все розданы».[50] Письмо не представляло секрета, поскольку поступило в Литфонд как официальный документ и, скорее всего, было зачитано на заседании Комитета. Факт помощи Общества арестованным студентам мог обсуждаться и за его пределами, а поэтому был известен Фету. 20 июля 1884 года он отвечал Гаевскому, предложившему поэту вновь вступить в Общество в связи с «ознаменованием его 25-летия»: «Если Вы посмотрите на список учредителей Лит<ературного> фонда, то найдете мое имя там из первых, но, когда произвольными посылками студентов за границу и разными иными распоряжениями у<ч>реждение <?> (как это всегда бывает) поставило вкладчиков в ранг бессловесных баранов, изменяя назначение взноса, я категорически отказался от участия».[51] Как не вспомнить того, что за 25 лет до этого письма, на заре основания Литфонда, Фет спрашивал Дружинина о пособиях: «Но кто будет распоряжаться этой раздачей? Кто будет поверять правильное употребление капитала?».

В связи с этим представляет интерес письмо члена петербургского Комитета А. Д. Галахова к М. Н. Каткову от 14 февраля 1860 года, желавшего с его помощью нейтрализовать распространившееся мнение о Литфонде как о «коммунии»: «Свыше подозревают нас в особом направлении, т. е. в оказании пособий только лицам либеральной партии; литературный люд называет наше Общество коммунией».[52] Катков красноречиво промолчал. Примечательно, что, несмотря на начавшие-

[49] Подробнее о нем см.: Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь / Сост. А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. <Л.,> 1928. Т. 1. Ч. 2: Шестидесятые годы. Стб. 485.

[50] *РНБ*. Ф. 438. № 9 (Приложения к журналам заседаний Комитета и общих собраний Общества 1859—1861). Л. 365—365 об.

[51] См.: Переписка Фета и В. П. Гаевского (1853—1856, 1884) / Публ. С. А. Ипатовой (наст. том. С. 551—580).

[52] Цит. по: *Сажин В. Н.* Литературный фонд в годы революционной ситуации. С. 145—146.

ся 16 мая 1862 года пожары, главными виновниками которых считались студенты, Литфонд в течение всего 1862 года продолжал регулярно отпускать деньги по просьбе студенческих вожаков С. Р. Издебского, М. А. Островского, П. Ф. Моравского (все они являлись членами «Земли и Воли»).

Возвращаясь к письму Тургенева к Фету об А. Н. Афанасьеве, следует добавить, что уволенный со службы в архиве министерства иностранных дел как политически неблагонадежный, Афанасьев неоднократно получал пособия от Литфонда. Комментируя это письмо Тургенева в своих воспоминаниях, Фет заметил, что Афанасьев «и после потери места <...> не умирал с голоду, как говорит Тургенев, так как оставил своей наследнице в Москве дом, оцененный в 13 тысяч». И далее по поводу самого увольнения: «Принимая у себя на собственный риск не прощенного еще Кельсиева, Афанасьев, конечно, не мог рассчитывать, что правительство будет продолжать содержать его на службе, невзирая на его оппозиционную роль».[53]

Таким образом, важным аргументом Фета в полемике с Тургеневым по поводу деятельности Общества и своего отношения к нему, безусловно, было сложившееся мнение о Литфонде как об оппозиционном правительству сообществе. Таким образом, нуждается в корректировке утверждение исследователя о том, что выход Фета «из членов-учредителей — едва ли не единственный случай за всю историю Литературного фонда. Журналы Общества, наоборот, изобилуют списками вновь принятых членов. Было немало случаев исключения за неуплату взносов, но демонстративно не выходил никто».[54] Красноречивым свидетельством того, что выход Фета из членов Литфонда не был случайностью или следствием каких-то неприглядных черт его характера является хранящийся в Российской национальной библиотеке «Список членам Общества, отказавшимся (от членства) со времени основания по 2-е декабря 1868 г.», где наряду с Фетом названы имена людей, которых сложно обвинить в скаредности. Приведу некоторые из них — *члены-учредители*: Боткин Василий Петрович, Забелин Иван Егорович, Кетчер Николай Христофорович, Лонгинов Михаил Николаевич, Пикулин Павел Лукич, Писемский Алексей Феофилактович, Победоносцев Константин Петрович, Соловьев Сергей Михайлович, Фет Афанасий Афанасьевич, Щербина Николай Федорович; *члены*: Анненкова Глафира Александровна, Боткин Павел Петрович, Карташевская

[53] *МВ*. Ч. 2. С. 247.

[54] См.: *Макеев М. С.* «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»? О причинах выхода А. А. Фета из Литературного фонда // *РЛ*. 2009. № 4. С. 107.

Варвара Яковлевна, Кожанчиков Дмитрий Ефимович, Кони Федор Алексеевич, Новикова Ольга Алексеевна, Погодин Михаил Петрович, Штакеншнейдер Елена Андреевна, Щепкин Николай Михайлович и мн. др.[55]

Итак, сомнения в целесообразности этой благотворительной общественной организации привели к тому, что, прекратив выплачивать ежегодные взносы, Фет фактически сложил с себя звание члена. Поэту, вынужденному заняться хозяйственной деятельностью, претила стратегия помощи тем, кто, будучи не в состоянии прокормиться литературной профессией, надеется на благотворительную помощь, не пытаясь занять себя более доходным промыслом. И это первая причина. Однако существовала и другая, более важная причина, о которой говорится в «Моих воспоминаниях»: стараниями Чернышевского, Лаврова, Некрасова, Слепцова, Серно-Соловьевича и других в самой деятельности Литфонда в начале 1860-х годов возобладала прогрессистская тенденция, и в частности, в сфере распределения пособий, что создало Литфонду репутацию потенциально неблагонадежного Общества и утвердило общественное мнение о нем как о «коммунии». Такое направление деятельности Литфонда было неприемлемо для Фета.

---

[55] *РНБ*. Ф. 438. № 17. Л. 818–819.

Н. С. Алимова

О ПРОПУЩЕННЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ В КНИГЕ «СТИХОТВОРЕНИЯ КАТУЛЛА В ПЕРЕВОДЕ И С ОБЪЯСНЕНИЯМИ А. ФЕТА»

К переводу книги стихотворений Катулла Фет приступил, возможно, в конце 1884 — начале 1885 года. 29 ноября 1884 года ставший впоследствии академиком, а в то время профессор Московского университета Ф. Е. Корш в шутливом стихотворном послании к Фету призывал его: «Так принимайся же скорее за Тибулла, / И за Проперция, потом и за Катулла»,[1] а уже 3 февраля 1885 года Фет в письме к Вл. Соловьеву сообщал: «Мой Катулл подвигается. Остаются большие гекзаметры ergo более скучные, но менее трудные».[2] Работа шла быстро, и 2 ноября 1885 года сборник получил разрешение Цензурного комитета, а 20 ноября 1885 года Корш уже благодарил Фета за подарочный экземпляр книги:

Gratias tibi maximas Catullus
Agit, docte poeta, Korschiusque,
Laudator tuus et simul Catulli.[3]

Спустя месяц, 15 декабря 1885 года, Я. К. Грот написал Фету: «Поздравляю Вас с двумя новыми лавровыми венками, которые Вы сплели себе победами над Катуллом и Тибуллом. <...> По-моему, именно так надо переводить, добывая с бою каждую мысль подлинника своему

[1] *Письма Корша*. С. 42.

[2] Переписка Фета с Вл. С. Соловьевым (1881—1892) / Публ. Г. В. Петровой // *ФетСб(2)*. С. 394.

[3] «Величайшую благодарность приносят тебе, ученый поэт, / Катулл и Корш, поклонник и твой, и Катулла». Цит. по: *Письма Корша*. С. 44—45.

языку и своему народу; так называемые вольные переводы я, вместе с Вами, считаю ложным родом, позволительным только в виде поэтической игры, между делом, оригинальному таланту».[4] Таким образом, несмотря на то, что на обложке книги значится 1886 год, сборник переводов из Катулла (как это нередко случалось) вышел в свет в первой половине ноября 1885 года.

Известно, что, занимаясь переводами из римских поэтов, Фет часто пользовался консультациями людей из своего окружения, сведущих в античности. Так, в разное время ему помогали Вл. Соловьев, граф А. В. Олсуфьев, Ф. Е. Корш, Д. И. Нагуевский и другие. Не стало исключением и издание Катулла, которое открывалось посвящением Вл. Соловьеву, помогавшему Фету в работе над переводом:[5]

ВЛАДИМИРУ СЕРГЕЕВИЧУ СОЛОВЬЕВУ

Пусть не забудутся и пусть
Те дни в лицо глядят нам сами,
Когда Катулл мне наизусть
Твоими говорил устами.

Прости! Лавровому венцу
Я скромной ивой подражаю,
И вот Веронскому певцу
Катуллом русским отвечаю.

Боюсь, всю прелесть в нем убью
Я при такой перекочевке,
Но как Катулла воробью
Не расплодиться в Воробьевке.

Воробьевка.
1885 года, 17-го мая.[6]

Помогал Фету и Корш, с которым, по признанию самого Фета, они «проследили всего <...> Катулла».[7] Значимость участия Корша в осу-

[4] *ИРЛИ*. № 20282. Л. 7.

[5] См.: *Григорьев А. А.*, *Фет А. А.* Поэзия. Проза. Воспоминания / Сост., предисл., коммент. А. И. Журавлевой, Г. В. Зыковой. М., 2000. С. 641; Переписка Фета с Вл. С. Соловьевым (1881–1892). С. 366.

[6] Стихотворения Катулла в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. С. V. Далее ссылки на это издание: *Фет. Катулл (1886)*, с указанием страницы.

[7] В своих воспоминаниях Фет писал: «...не удивительно ли, что, начиная с Аполлона Григорьева, я постоянно находил людей, бескорыстно жертвовавших в мою пользу своими досугами? Такими являлись: Федор Евгеньевич Корш, с ко-

ществлении этого издания очень велика: вероятно, он давал советы по переводу сложных мест латинского текста, консультировал Фета по вопросам античности.[8]

К сожалению, в той части переписки, которая была опубликована Н. М. Мендельсоном и Г. А. Космолинской, почти не отразился факт совместной работы Фета и Корша над переводом Катулла, она, очевидно, проходила в устных беседах. А. А. Грушка, ученик Корша и сам впоследствии профессор университета, писал: «...мастерство Ф<едора> Е<вгеньевича> как учителя обнаруживалось в гораздо большей степени в обстановке интимной научной беседы. <...> Но этот вид научного общения имел и теневую сторону: он несомненно отнимал у Ф<едора> Е<вгеньевича> гораздо больше времени, чем это было бы желательно в интересах его писательской деятельности, тем более что далеко не все обращавшиеся за помощью и советом к Ф<едору> Е<вгеньевичу>, в достаточной степени щадили его драгоценное время, а Ф<едор> Е<вгеньевич>, несмотря на свое глубоко-отрицательное отношение к учению Льва Толстого — в чем он сходился с Владимиром Соловьевым — практически, вследствие своей крайней деликатности, доходил иногда в данном случае до подлинного непротивления злу». Под теми, кто не «щадил время» профессора, Грушка подразумевал в том числе и Фета, на что прямо указывал в сноске: «Так, например, по словам близких к Ф<едору> Е<вгеньевичу> лиц, поэт Фет, в периоды своих занятий переводами латинских авторов, засиживался у Ф<едора> Е<вгеньевича> от 12 ч. дня до 2 ч. ночи!».[9]

Значение труда Фета для русской переводной литературы состоит прежде всего в том, что он первым познакомил русского читателя со всем многообразием таланта римского поэта. Перевод стихотворений Фет предварил «Предисловием» (что является традиционным для его изданий, см. «Предисловия» к переводам Горация, Ювенала, Пропер-

---

торым мы проследили всего Ювенала, Овидиевы „Превращения“, Катулла и половину Проперция <...>» (*МВ*. Ч. 2. С. 392).

[8] Основания так думать дают комментарии к переводам из Ювенала. См.: *Письма Корша*. С. 35—52; *Письма к Коршу*. С. 204—228.

[9] *Грушка А. А.* Федор Евгеньевич Корш. М., 1916. С. 23—24. На данный факт указывает также Н. К. Дмитриев: «А. А. Фет, задумавший перевести на русский язык творения Горация, Катулла, Тибулла, Проперция и других классиков, нашел в Ф. Е. Корше идеального консультанта. Биографы отмечают, что Фет, злоупотребляя юношеским (sic! В период работы над Катуллом Коршу было 42 года. — *Н. А.*) энтузиазмом Корша и его любовью к античной поэзии, нередко засиживался у него до 2 часов ночи» (*Дмитриев Н. К.* Федор Евгеньевич Корш. М., 1962. С. 30). На значимость общения «в узком домашнем кругу своей жизни» указывал также и С. П. Обнорский в некрологе Корша (*Обнорский С. П.* Памяти академика Ф. Е. Корша. Пг., 1915. С. 8).

ция и др.) и небольшой статьей «Жизнь Катулла», в которых раскрыл принципы работы с латинским текстом, познакомил читателя с личностью поэта, дал характеристику особенностей стиля, а также представил свое понимание специфики поэзии Катулла. В самом начале «Предисловия» Фет озвучил основную мысль, пояснив, что Катулл для него — «римский Пушкин» (подобное сравнение вызвало недовольство рецензентов и критиков), столь же самобытный, потрясающе страстный, остро реагирующий на всякое впечатление и столь же трудно поддающийся художественному переводу: «Возможно ли переводить Пушкина, у которого и телятина и яичница, и даже ревматизм и паралич овеяны невыразимой прелестью? Не верите? Попробуйте сами написать или перевести пушкинскую телятину, и тогда только вы поймете, почему Маколей каждый раз плакал от умиления, читая 8 и 76 песни Катулла».[10] Сравнив книгу стихотворений Катулла с картинной галереей, Фет отметил ее «изумительное» разнообразие. Вместе с тем, отмечая многогранность таланта Катулла, Фет, в отличие от многих более поздних исследователей, понимал, что эта многоликость составляет единое целое, и нельзя отдельно рассматривать, например, «Катулла влюбленного» и «Катулла бранного». Позднее эту важную мысль развил М. Л. Гаспаров.[11]

Следуя своей концепции перевода, Фет старался передать эту отличительную черту стихотворений Катулла — разнообразие, проявившееся на всех уровнях, начиная со структуры сборника. Так, он сохранил исконное расположение стихотворений, которое было модно во время создания Катуллова сборника и носило название poikilia («пестрота»): стихотворения располагались не по тематическому или хронологическому принципу, они были перемешаны, и читатель мог сам искать связь тех или иных стихотворений и выстраивать тематические циклы. Такой принцип организации сборника пришел из греческой поэзии. Фет оставил расположение стихотворений по принципу poikilia, в отличие от некоторых других последующих издателей, которые распределяли стихотворения, например, по тематическому принципу, деля их на три цикла (см. три раздела в сборнике стихотворений Катулла, подготовленном М. Н. Чернявским: «Лесбия», «Друзья и враги», «Путешествие и возвращение на Родину»[12]). Нельзя не отметить,

---

[10] *Фет. Катулл (1886).* С. IX.

[11] *Гаспаров М. Л.* Поэзия Катулла // *Катулл Гай Валерий.* Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров. М., 1986. С. 155—207 (Лит. памятники). Далее ссылки на это издание Катулла: *Катулл (1986)*, с указанием страницы.

[12] *Катулл Гай Валерий.* Лирика / Сост., вступит. статья и примеч. М. Н. Чернявского. М., 1957. 148 с.

Александръ Блокъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

КАТУЛЛА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

А. ФЕТА

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1886

«Стихотворения Катулла» в переводе Фета (М., 1886).
Обложка. Экземпляр из библиотеки А. А. Блока

что подобный подход к распределению стихотворений был, без сомнения, близок самому Фету, который, издавая свои поэтические сборники «Вечерние огни», первый выпуск (1883) сформировал традиционно по разделам (предложенным еще Ап. Григорьевым для ранних сборников (1840, 1850) и сохранившимся впоследствии в сборниках 1856 и 1863 годов), а начиная со второго (1885) и далее ввел нумерацию римскими цифрами и снял названия разделов. Очевидно, что к этому решению его подтолкнул сборник Катулла, переводом которого он занимался именно в 1885 году.

Богатство жанров, которое является одной из характерных черт сборника стихотворений Катулла, «где в хаотическом беспорядке рядом со сравнительно большими оригинальными картинами и копиями красуются летучие силуэты в две строчки»,[13] также отразилось в переводе. Фет постарался передать и метрическое разнообразие сборника. Конечно, это не всегда являлось возможным, что объяснимо как разницей систем стихосложения, так и разницей языков.

Тонкость понимания стиля римского поэта проявилась также в выборе лексики. Катулл широко использовал лексику самых разных стилистических пластов: архаизмы и неологизмы, жаргонизмы и грецизмы, просторечные и «ученые» слова и др. В переводе Фета также появляются архаизмы (см. XXIII, 1 и XXIV, 5, 10: «скриня» — устар., в оригинале «arca» — ящик, сундук, ларь); просторечная лексика крестьян родной Фету Орловской губернии (см. XLIII, 3: «неистяжный» — то же, что «недлинный», в оригинале «(nec) longus» — (не)длинный); диалектизмы (см. XXII, 10: «копач» (то же, что «землекоп») вместо «fossor» — землекоп, рудокоп; в X, 33 Фет использует местное слово «непропека» вместо «insulsus» — несоленый, безвкусный, пресный, лишенный вкуса, любящий безвкусное, пошлый, плоский, лишенный остроумия). Фольклорное начало, которое сильно в сборнике Катулла (и которым иногда объясняют вообще появление бранных стихотворений в творчестве Катулла, возводя их истоки к италийскому фольклору), в переводе передается и на уровне лексики (см. XXXII, 1: «голубка», в оригинале «dulcis» — сладкая), и на уровне использования фольклорных заговорных формул (см. XXVII, XXXVI).

Отдельно стоит отметить внимательность Катулла к звучанию стиха, проявившуюся в частом использовании аллитерации (что было вообще свойственно римской литературе), в игре на созвучии слов,[14]

[13] *Фет. Катулл (1886).* С. XXX.

[14] Игра слов и каламбуры не были чужды и самому Фету. См., например, стихотворения «Хоть потолстеть мой дух алкает...», «Фет али Шаха», «Сперва меняя тип за типом...».

в склонности к анафорам и эпифорам. Эту совершенно особую чуткость к звуковому оформлению Фет, насколько это вообще было возможно при исключительной сложности подобной задачи, также постарался отразить. Интересным представляется, как Фет справился с переводом стихотворения LXXXIV, в котором высмеивается мода на греческое произношение с придыханием:

Chommoda dicebat, si quando commoda vellet
dicere, et insidias Arrius hinsidias,
et tum mirifice sperabat se esse locutum,
cum quantum poterat dixerat hinsidias.[15]

Хомнаты все говорил вместо комнаты Аррий и также
Гискры он говорил, искры желая сказать,
И притом он считал, что выражался отлично,
Если, насколько он мог, гискры сказать удалось.[16]

Конечно, перевод слов неточный (например, «commoda» — польза, выгода — Фет переводит «комнаты»), но в данном случае это не столь важно. Стихотворение строится вокруг искажения звучания слов, что и показал в переводе Фет, сохранив также общий смысл стихотворения.

К синтаксису стиха Катулла, несмотря на некоторые отступления, Фет также традиционно был очень внимателен. Иллюстрацией может служить стихотворение XLIX — эпиграмма, обращенная к Цицерону:

Disertissime **Romuli** nepotum,
quot sunt quotque fuere, Marce Tulli,
quotque post aliis erunt in annis,
gratias tibi *maximas* Catullus
agit *pessimus* omnium poeta,
tanto *pessimus* omnium poeta
quanto tu *optimus* omnium patronus.[17]

К М. ТУЛЛИЮ

Всех *речистейший* из внуков **Рема**
Тех, что есть, что были, Марк мой Туллий
И что будут с новыми годами,
Величайшее тебе спасибо
Шлет Катулл, *дряннейший* из поэтов,
Также он *дряннейший* из поэтов,
Как *первейший* ты из всех патронов.[18]

---

[15] Die Gedichte des Catullus / Hsg. und erklärt v. A. Riese. Leipzig, 1884. S. 254–255. Далее стихотворения Катулла в подлиннике даются по этому изданию: *Catullus (1884)*, с указанием страницы.

[16] *Фет. Катулл (1886)*. С. 125.

[17] *Catullus (1884)*. S. 92–94. Здесь и далее в латинских текстах выделено мною. — *Н. А.*

[18] *Фет. Катулл (1886)*. С. 43–44. Выделено мною. — *Н. А.*

В этой эпиграмме присутствует целых пять суперлятивных и элятивных форм прилагательных, что является пародией на стиль самого Цицерона. Фет весьма точно передает поэтический синтаксис данного стихотворения, допуская, однако, изменение типа анжамбемана в стихе 5: в оригинале перенос осуществлен на главных членах предложения Catullus / agit (стоит отметить, что это отнюдь не единичный случай, см. XXXI, XXXVI и др.). Также происходит изменение имени (вместо «Ромул» Фет переводит «Рем»).[19]

И, наконец, Фет первым показал русскому читателю всю тематическую пестроту сборника стихотворений римского поэта. Это не только тема любви, «возвысившей его до высочайших степеней лиризма»[20] и раскрывающая все перипетии взаимоотношений поэта с возлюбленной, Лесбией (настоящее имя — Клодия). Это и стихотворения, проясняющие эстетическую позицию поэта и его понимание творчества, и стихотворения «антицезарьянского»[21] цикла, а также стихи, раскрывающие тему дружбы, причем не в общественно-социальном ключе, что было принято до Катулла, а как историю сугубо личных, интимных взаимоотношений.

Таким образом, Фет старался передать все особенности и оттенки таланта переводимого поэта, показать русскому читателю эстетику текста в том виде, в каком она предстает в оригинале. Переводя античных авторов, Фет чувствовал свою просветительскую миссию, о чем он сам неоднократно заявлял (см., например, «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании», а также предисловия к переводам).

Книга «Стихотворения Катулла» вызвала, как и многие другие работы Фета, неоднозначную реакцию. Так, например, П. Н. Краснов, первым откликнувшийся на перевод Катулла рецензией в «Журнале Министерства народного просвещения», среди недостатков работы называет отсутствие изящности формы («Изящная чувственность Катулла, несомненно, требует и изящного ее выражения. Мало-мальски грубый тон может сделать подобные стихотворения совсем отталкивающими. А между тем мы не узнаем в переводе Катулла изящного лирика-Фета»[22]), сомневается в справедливости сравнения Катулла и Пуш-

[19] Интересно, что позднее А. И. Пиотровский при переводе допускает такое же изменение имени. Хотя надо отметить, что в его переводе не выдержано и соотношение форм превосходной степени прилагательных в стихотворении. У С. В. Шервинского имя переведено точно (см.: *Катулл (1986)*. С. 30).

[20] *Фет. Катулл (1886)*. С. XX.

[21] Определение И. В. Шталь. См.: *Шталь И. В.* Поэзия Гая Валерия Катулла. Типология художественного мышления и образ человека. М., 1977.

[22] *К. Н. С—ский <Краснов П. Н.>*. Стихотворения Катулла в переводе и с объяснениями А. Фета. М. 1886 // *ЖМНП*. 1886. Ч. 245. № 6. Отд. 5. С. 433.

кина, обвиняет поэта, что он сам же строго не следует «высказанному желанию возможно ближе придерживаться подлинника: иногда он переводит Катулла не довольно буквально; многие места переданы не совсем ясно; встречаются неточности, положительно затрудняющие понимание перевода и подчас даже искажающие смысл оригинала».[23] В качестве слабых мест перевода Фета Краснов указывает и «множество неправильностей грамматических и метрических».[24]

Но рецензент отметил и «громадную заслугу» Фета в том, что он представил первый перевод Катулла, если не считать переводов отдельных стихотворений, выполненных другими авторами (Мерзляковым, Пушкиным и Модестовым).[25] Чтобы показать, «до какой высоты может подниматься г. Фет в передаче древних поэтов»,[26] Краснов привел стихотворения XCVI, XXVI и XIII. В целом отрицательный отклик завершался следующим резюме: «Во всяком случае мы склонны видеть в лице г. Фета только авангард переводчиков, в которых так нуждается русская публика».[27]

Возможно, общий негативный тон отзыва был продиктован еще и тем, что в это же время Краснов в «Журнале Министерства народного просвещения» выпустил свои стихи под заглавием «Из древних поэтов». Помимо одного стихотворения Катулла туда вошли переводы двух стихотворений Овидия, по одному стихотворению из Горация и Тибулла, а также пять эпиграмм Марциала. Из Катулла Краснов перевел стихотворение XLIII, озаглавив его «О подруге Формиана» (в переводе Фета — «К подруге Мамурры»):

П. Н. Краснов
О ПОДРУГЕ ФОРМИАНА

Так вот подруга Формиана,
Вот слава всех окрестных сел!
Я ничего в ней не нашел:
Ни строгой правильности стана,
Ни черных, пламенных очей,
Ни уст с пленительной улыбкой,
Ни бледно-розовых ногтей.
Ужели речью неискусной

Фет
К ПОДРУГЕ МАМУРРЫ

Здравствуй, дева, ты, чей нос не скуден,
Некрасивы ноги, глаз не черен,
Неистяжны пальцы, рот не вытерт
И язык не слишком-то изящен,
Нежный друг мотыги Формианца.
Ты ль слывешь в провинции прекрасной?

[23] Там же. С. 431.
[24] Там же. С. 434.
[25] Там же. С. 436.
[26] Там же. С. 437.
[27] Там же. С. 438.

Ей удалось его пленить?
И эту с Лезбией сравнить!?
О, век пустой, о, век безвкусной![28]

Лезбию мою с тобой равняют?
О какой же век тупой и грубый![29]

Для того чтобы волне оценить степень различия подходов к работе с текстом оригинала двух авторов, обратимся к дословному подстрочному переводу:

Salve, nec minimo puella naso
nec bello pede nec nigris ocellis
nec longis digitis nec ore sicco
nec sane nimis elegante lingua,
decoctoris amica Formiani.
ten provincia narrat esse bellam?
tecum Lesbia nostra comparatur?
o saeclum insapiens et infacetum![30]

Здравствуй, девушка не с крошечным носом
и не с красивой ногой, не с черными глазами,
не с длинными пальцами, не с сухим ртом,
с совершенно некрасивой речью,
подруга мота формийца.
Не о тебе провинция говорит, что ты красивая?
Тебя с Лесбией нашей сравнивает?
О, век неразумный и грубый![31]

В оригинале у Катулла заглавий нет (что является традицией античной поэзии). Но с формальной стороны заглавие Краснова, конечно, точнее отражает содержание самого стихотворения, в котором прямо называется «amica Formiani». Однако Фет ввел в заглавие имя исторической личности, Мамурры (правая рука Цезаря и объект постоянных насмешек и нападок Катулла), который как раз и скрывается за перифразой «формиец», а также сопроводил свой перевод подстрочным комментарием и облегчил тем самым понимание стихотворения непосвященному читателю. Если рассматривать формальную сторону, то перевод Фета ближе к оригиналу не только по количеству строк (у Краснова на две больше), но и по передаче последовательности развития событий. Краснов изменил структуру стихотворения, начав сразу с того, что подруга формийца — признанная всеми красавица, каковой, по мнению лирического героя, она вовсе не является. Тем самым при переводе Краснов потерял не только иронический оттенок звучания, присущий оригиналу, но и некоторое психологическое напряжение, в котором с самого начала удерживает читателя стихотворение Катулла. При очевидной разнице подходов к переводу, возможно, не-

[28] Из древних поэтов / Пер. К. Н. С—ского <П. Н. Краснова>. <СПб., 1886> (отд. отт.); впервые: *ЖМНП*. 1886. Ч. 246. № 7. Отд. классической филологии. С. 43.

[29] *Фет. Катулл (1886)*. С. 38.

[30] *Catullus (1884)*. S. 83.

[31] Здесь и далее подстрочный перевод наш. — *Н. А.*

гативная рецензия Краснова была вызвана несогласием с позицией Фета-переводчика и чувством соперничества.

Позднее прозвучали отзывы многочисленных учеников Ф. Е. Корша, сравнивавших фетовский перевод Катулла с переводами своего учителя. Так, профессор Б. В. Варнеке, давая высокую оценку переводам Корша из Катулла,[32] отмечал: «Переводы из римских поэтов отличаются легкостью и непроизвольной простотой, особенно если их сравнивать с топорными переводами тех же элегиков А. А. Фетом, кстати сказать, постоянно пользовавшимся его указаниями и вместе с гр. А. В. Олсуфьевым принадлежавшим к числу его частых посетителей».[33]

Подобное невысокое мнение о качестве переводов Фета из Катулла стало общепринятым.[34] Вместе с тем исследователи и критики (начиная с Краснова) видят несомненную заслугу поэта в том, что он первым выполнил *полный перевод* дошедших до нас произведений Катулла. Однако М. Л. Гаспаров, который также говорит о «полном переводе», отмечает, что Фет опускает «несколько непристойных мелочей».[35] Что же это за мелочи?

Корпус дошедших до нас стихотворений Катулла насчитывает 116 текстов, расположенных, как уже отмечалось, по принципу poikilia. Из них Фет пропускает 14, хотя в издании А. Ризе 11 из этих стихо-

[32] «...Ф<едор> Е<вгеньевич> охотно занимался переводами стихотворений поэтов самых разных времен и стран. Лучшими из них я лично считаю переводы из Катулла, вошедшие в состав его речи о римской элегии» (*Варнеке Б. В.* Памяти Ф. Е. Корша. Одесса, 1915. С. 37).

[33] Там же. С. 14.

[34] Так, Н. К. Дмитриев писал: «Фет был признанным мастером стиха и тонким лириком. И тем не менее в тех случаях, которые поддаются сравнению, мы неоднократно убеждаемся, что переводы, данные Коршем, зачастую сильнее, чеканнее и вообще художественнее». Приведя в качестве примера перевод известного V стихотворения Катулла («Будем, Лезбия, жить...»), Дмитриев отмечал, что, несмотря на отказ от попыток передать размер оригинала, Корш «выразил здесь все, что вложено в античный подлинник», в то время как «другие переводчики, и в том числе Фет, втискивая русские слова в античный размер, в конце концов не передали и формы и уж конечно обесцветили и ослабили содержание». Схожую оценку получило и переведенное Фетом знаменитое LXXXV стихотворение «Odi et amo»: «Нам кажется, что единственным недостатком коршевского перевода является отступление от формы оригинала (четыре строки вместо двух), а единственным достоинством других переводов является как раз сохранение формы». Правда, далее Дмитриев нивелирует и это преимущество, отмечая, что как у знатока теории стиха у Корша, видимо, были веские причины отказаться от формы подлинника, которую он почувствовал и передал бы, будь это необходимо (*Дмитриев Н. К.* Указ. соч. С. 30—31). См. также: *Стечькин Н. Я.* Памяти А. А. Фета. СПб., 1903. С. 18.

[35] *Гаспаров М. Л.* Стихотворения Катулла в переводах русских писателей XIX—XX вв. // *Катулл (1986)*. С. 282.

творений присутствуют. Издание Ризе будем считать основным источником латинского текста, так как на него указывает в «Предисловии» к «Стихотворениям Катулла» сам Фет: «Касательно самой формы нашего перевода считаем нужным присовокупить, что держались нумерации и текста Александра Ризе <...>».[36] Кроме того, в подстрочных примечаниях и в «Предисловии» не раз упоминаются издания Теодора Фридриха Гейзе, Людвига Швабе, а также Рудольфа Вестфаля, с трудом которого Фет был знаком в том числе через Ф. Е. Корша.[37] Возможно, использовалось также издание Мюллера, так как к этому автору Фет обращался при переводах других классиков.[38] Для исторических справок, а также при составлении примечаний Фет обращался к сочинениям Теодора Моммзена и Нибура, которые он цитирует в «Предисловии».[39]

Явных причин пропуска стихотворений две:

1. Авторство. К этой группе относятся стихотворения XVIII, XIX и XX. Издатели и исследователи сомневаются в принадлежности данных стихотворений Катуллу. Сам Фет в комментарии, объясняя пропуск этих стихотворений, указывает: «От 18—20 пропущены в тексте Ризе, которого мы держались, как вставки псевдовергилиевых стихотворений <...>».[40] Более Фет не уделяет внимания этим стихотворениям, ни разу не упоминая их в дальнейшем. М. Л. Гаспаров пишет: «В рукописях Катулла за № 17 следует сразу № 21; но французский гуманист М. А. Мюре, издавая Катулла в 1554 г., вставил сюда три стихотворения из „Приапей“, сборника безымянных стихов I в. до н. э. — I в. н. э., посвященных богу похоти и плодородия Приапу; они печатались здесь под № 18—20 вплоть до XIX в., и когда были исключены, то нумерацию издатели оставили без изменений. Два из них были приписаны Катуллу без всяких оснований; третье же упоминается как катулловское еще Теренцианом Мавром, грамматиком III в. н. э., как пример „приапейского размера“ <...>».[41]

2. Гораздо больший интерес вызывает пропуск стихотворений XV, XXI, XXXIII, XXXVII, LVI, LVII, LXXX, LXXXVIII, XCVII, CVI

[36] *Фет. Катулл (1886).* С. XIV.

[37] См.: *Heyse T.* Catull's Buch der Lieder. Berlin, 1889 (переиздание книги 1885 г.); *Schwabe L.* G. Valerii Catulli Liber. Giessen, 1866 (первое издание вышло в 1862 г.); *Westphal R.* Catulls Buch der Lieder. Leipzig, 1884.

[38] *Mueller L.* Catulli, Tibulli, Propertii Carmina: accedunt Laevii, Calvi, Cinnae, aliorum reliquiae et Priapea. Leipzig, 1870.

[39] *Mommsen Th.* Römische Geschichte. Berlin, 1856. Bd 3; *Niebuhr B. G.* Vorträge über römische Geschichte. Berlin, 1846. Bd 1.

[40] *Фет. Катулл (1886).* С. 19.

[41] См.: *Катулл (1986).* С. 224.

и CXII. Сам Фет в «Предисловии» указывает следующую причину: «Что же касается до немногих песен, пройденных нами в молчании, то к счастью, отличаясь лишь слишком ярким и непривычным для нас известным античным содержанием, они не в состоянии ни увеличить, ни уменьшить неувядаемого венца нашего поэта».[42] Несомненно, речь идет о нецензурных стихотворениях. Дело в том, что все пропущенные тексты относятся к так называемым «ругательным».[43] Подобные стихотворения в «Книге Катулла Веронского» отнюдь не редкость и не случайность. Анализ наследия древнеримского поэта показывает, что многие его стихотворения именно «ругательные», хотя эту часть литературного наследия Катулла долгое время старательно не замечали. Интересно, что опыты в подобном роде есть и в творчестве самого Фета. Например, эпиграмма «В лакейских нюхая давно...» (1867), написанная по случаю провала В. К. Ржевского, баллотировавшегося в мировые судьи Мценска;[44] стихотворное письмо к М. Н. Лонгинову «Я был у Кача и Орбека...» (1871), в котором, между прочим, отразилось отношение Фета к событиям во Франции 1870—1871 годов.[45] Инвективные конструкции содержат также стихотворения «Не толкуй об обезьяне...» (1879) и «Понятен зов твой сердобольный...» (1879). Послание «Не толкуй об обезьяне...», адресованное племяннику Фета П. И. Борисову, содержит грубовато-шутливую критику современного Фету университетского образования.[46] Эпиграмма «Понятен зов твой сердобольный...» направлена, вероятно, на И. С. Тургенева, позиция которого оказалась чужда поэту.[47] Для наглядности приведем последнее стихотворение полностью:

Понятен зов твой сердобольный
И для отцов и для детей,
С базару храм искусств угольный,
Ты с переулка дом б—ей.[48]

Для лучшего понимания причин появления инвектив у Катулла следует рассмотреть, что же вообще значили бранные стихотворения в творчестве римских поэтов. Необходимо иметь в виду, что существует разница между современным пониманием норм приличия, этики

[42] *Фет. Катулл (1886)*. С. XIV.
[43] Термин М. Л. Гаспарова.
[44] Подробнее см.: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 369. Примеч. Н. П. Генераловой.
[45] Там же. С. 386—388. Примеч. Н. П. Генераловой.
[46] Там же. С. 415—416. Примеч. Н. П. Генераловой.
[47] Там же. С. 417. Примеч. Н. П. Генераловой.
[48] Там же. С. 87.

и морали и пониманием данных категорий в Древнем Риме и Греции. Помогавший Фету в его работе над переводами Корш, комментируя появление ругательных стихотворений и отдельных выражений у Катулла, замечал следующее: «...древние смотрели на приличия не совсем так, как смотрим мы. Изречение: „Naturalia non sunt turpia“ („Естественное не постыдно“ — *лат.*) вполне соответствует понятию древних о приличии. Когда мы читаем какого-нибудь Аристофана, то поистине поражаемся, что тогда можно было сказать во всеуслышание самые грязные не только намеки, но и слова; как грек, так и римлянин при известном настроении нисколько не стеснялся в выражениях и называл всякий предмет, всякое понятие соответствующим техническим словом».[49]

Кроме того, необходимо учитывать исторический контекст эпохи, в которую жил и творил Катулл. Жизнь Катулла выпала на переломный период римской истории. М. Л. Гаспаров в статье «Поэзия Катулла»[50] отмечает, что всего было в достатке, и перед римлянами появилась проблема, решение которой на тот момент еще не было найдено: свободное время. Они еще не научились достойно организовывать свой досуг, otium, а поэтому проводили его так, как привыкли проводить праздничные дни: предаваясь, в современном понимании, разгулу и разврату. Особенно бурно отдыхали молодые несемейные люди, к числу которых относился и Катулл. Богемная молодежь Древнего Рима упражнялась в стихотворном мастерстве, и появление подобных ругательных стихотворений было чуть ли не нормой того времени. Немотивированная брань, «технические слова» для обозначения частей тела и действий, которыми так богата лексика Катулла, не являются чем-то эпатажным для литературы Древнего Рима I века до н. э. Интересно, что некоторые бранные стихотворения Катулла по сути своей беззлобны, а поводы для их создания, если вообще просматриваются, то являются ничтожными. По этому поводу Корш писал: «...у Катулла под этой грязью не скрывается никаких безнравственных намерений, вследствие чего эта грязь нас не возмущает. Овидий, например, наоборот, не употребляет неприличных слов, но он часто бывает решительно безнравственен. У Катулла неприличные слова прорываются невинно, это делается у него ради шутки и он никогда на них не настаивает, это — крупная соль, которой он приправляет свое остроумие <...>».[51]

Каково же было традиционное отношение русских писателей и переводчиков к бранным стихотворениям Катулла? Начало восприятия

---

[49] *Корш Ф. Е.* Чтения о Катулле. М., <1888>. С. 85—86. Далее: *Корш. Чтения.*

[50] См.: *Катулл (1986).* С. 167—170.

[51] *Корш. Чтения.* С. 86.

творчества Катулла в России следует отнести к XVIII веку.[52] Феофан Прокопович, первый русский писатель, обратившийся к творчеству Катулла, считал непристойные стихотворения «осквернением поэзии».[53] Инвективы Катулла вступали в противоречие не только с культурной программой классицизма и сентиментализма, но вообще с христианской культурой. Однако к концу XVIII века, в эпоху сентиментализма «ругательные» стихотворения Катулла уже далеко не всеми воспринимаются как нечто неприличное и избыточное в творчестве римского поэта: начинается более полное осознание этой части творческого наследия поэта как неотъемлемой составляющей общей картины художественного мира древних, что позже было проговорено во «Взгляде на мою жизнь» И. И. Дмитриева.[54] Вот как сформулировал эту мысль А. С. Пушкин: «Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в унылом вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и в игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенных ясной веселостию — искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств — и в Ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...».[55] На это могут указывать и слова Н. Ф. Эмина о Катулле: «Сочинения его все прекрасны, особливо уважают эпиграммы».[56] Эпиграммы Катулла как раз большей частью бранные. Их, судя по всему, читали, и читали активно, но максимальное внимание уделялось циклу, посвященному Лесбии, а инвективы и бранные стихотворения Катулла в России долго не переводились. «Катулл, — пишет М. Л. Гаспаров, — не пользовался успехом у русских переводчиков: поэты XVIII в., сообразно вкусу своего времени, предпочитали ему Горация, поэты начала XIX в. — Тибулла; когда же до России дошла поднятая романтиками волна интереса к Катуллу, то русская поэзия уже мало интересовалась античностью вообще, и первый полный перевод

---

[52] См.: *Кибальник С. А.* Катулл в русской поэзии XVIII — первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. М., 1983. С. 45—72.

[53] *Прокопович Ф.* Соч. / Под. ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 342.

[54] Взгляд на мою жизнь: записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева: В 3 ч. М., 1866. С. 92.

[55] *Пушкин А. С.* Путешествие В. Л. П. // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 239.

[56] *Эмин Н. Ф.* Подражания древним. СПб., 1795. С. 89. Эмин перевел два стихотворения Катулла: «Лезбие» («Клянешь меня бесчеловечно...») (LXXXV) и «На смерть воробья Лезбиина» (III).

Катулла, сделанный Фетом, прошел в это время почти без внимания».[57]

Проблему инвективных стихотворений поэты и переводчики чаще всего решали их умолчанием, что объяснимо цензурой, в том числе и личной, внутренней. Поэтому Фет поступил в духе времени и традиции, пропустив бранные стихотворения или заменив строки на более благопристойные. Но уже следующий переводчик, выполнивший спустя век второй после фетовского полный перевод стихотворений Катулла, С. В. Шервинский, имел возможность поступить иначе: его книга, вышедшая в 1986 году, содержит перевод всех без исключения стихотворений Катулла (кроме трех, принадлежность которых Катуллу сомнительна). Но и здесь в стихотворениях XVI, XXXII, LIX, LXVII, LXXX несколько строк заменено отточиями, в чем некоторые исследователи склонны винить издательскую цензуру.[58]

Бóльшая часть пропущенных Фетом стихотворений, видимо, действительно не заинтересовала автора настолько, чтобы искать способы передать «дух оригинала» и при этом не попасть под «кровожадную цензуру». Эти стихотворения Фет более не упоминает ни разу — ни в «Предисловии», ни в «Жизни Катулла», ни в примечаниях к текстам. Посвящены они врагам (а иногда и друзьям) Катулла и написаны на самые разные поводы.

Так, стихотворения XV и XXI обращаются к некоему Аврелию, одному из приятелей Катулла, и составляют собой своеобразную пару: в стихотворении XV Катулл обращается к Аврелию с просьбой присмотреть за мальчиком Ювенцием на время его отъезда, а в XXI обвиняет Аврелия в развращении Ювенция и в том, что тот не исполнил дружеской просьбы.

Стихотворение XXXIII представляет собой обращение к Вибеннию и его сыну, которых Катулл обвиняет в воровстве одежды в бане. Кто такие Вибенний и его сын — доподлинно неизвестно. Стихотворение LVI является подражанием Архилоху. Оно обращено к некоему Катону и описывает случай прелюбодеяния. М. Л. Гаспаров предлагает видеть за именем «Катона» либо поэта и грамматика Валерия Катона, либо знаменитого римского трибуна Марка Порция Катона Младшего, мужественно противостоявшего рвущемуся к власти Цезарю.

Стихотворение LVII относится к «антицезарьянским». Инвектива направлена против Цезаря и одного из его приближенных, Мамурры.

[57] *Гаспаров М. Л.* Стихотворения Катулла в переводах русских писателей XIX—XX вв. С. 278.

[58] См.: *Шмараков Р. Л.* <Рецензия> Катулл. Лирика / Перевод с латинского Максима Амелина. М.: Время, 2005. 397 с. // Вопросы литературы. 2009. № 2. С. 484.

Мамурра и Цезарь часто становились целью острых эпиграмм Катулла, что и дало основание исследователям выделить целый «антицезарьянский» цикл. Данная эпиграмма является, пожалуй, самой злой из всех, которые были написаны Катуллом на эту тему. Вероятно, именно подобные стихотворения дали основание Фету еще раз сравнить римского поэта с Пушкиным: «Его эпиграммы своею резкостью и бесцеремонностью (чтобы не сказать цинизмом) снова сближают его для нас с Пушкиным. Оба словно подслушали выражение Вольтера: *„il ne s'agit pas de le rendre ridicule, il s'agit de le deshonorer"* (*„дело идет не о том, чтобы его высмеять, а о том, чтобы его обесчестить" — франц.*) и, стараясь замарать своего врага, они преднамеренно окунали перо в грязь».[59] Приведем подстрочный перевод стихотворения полностью:

Pulcre convenit improbis cinaedis,
Mamurrae pathicoque Caesarique.
nec mirum: maculae pares utrisque,
urbana altera et illa Formiana,
impressae resident nec eluentur:
morbosi pariter, gemelli utrique,
uno in lecticulo erudituli ambo,
non hic quam ille magis vorax adulter,
rivales socii et puellularum.
pulcre convenit improbis cinaedis.[60]

Отличные существуют отношения между бесстыдными кинедами,
Мамуррой и развратным Цезарем.
И не диво: одинаковые пятна на том и другом,
одно римское, другое формийское,
остаются оттиснутые и не смоются:
одинаково развращенные, и тот и другой близнецы,
оба на одной кушетке знающие толк,
этот не больше, чем тот ненасытный прелюбодей,
товарищи, пользующиеся одними и теми же девчоночками.
Отличные существуют отношения между бесстыдными кинедами.

Данное стихотворение не содержит нападок на Цезаря как на предводителя, это обвинение в развращенности и порочности, язвительно намекающее, между прочим, и на ученость Цезаря («erudituli» — деминутив к «eruditus» — просвещенный, образованный, ученый, искусный, тонкий, опытный, утонченный). То, до какой степени Катулл не принимал претензий Цезаря на власть (искренне или лишь как участ-

[59] *Фет. Катулл (1886).* С. XXVIII.
[60] *Catullus (1884).* S. 106.

ник политической интриги — остается только догадываться), нашло отражение и в других стихотворениях, которые Фет перевел (например, № XXIX, LIV, XCIII, XCIV и др.), поэтому отказ от данного стихотворения не мешает раскрытию «антицезарьянского» цикла. Вместе с тем именно это стихотворение, возможно, вызвало замечание Цезаря о том, что «Катулл <...> заклеймил его вечным клеймом в стишках о Мамурре».[61] Слова Цезаря, вероятно, относятся к стихам 3—5.

Адресаты следующих трех стихотворений, пропущенных в переводе Фета, остаются неизвестны. Так, стихотворение XCVII обращено к некоему Эмилию, причина резких нападок Катулла непрозрачна. В стихотворении CVI описан продажный мальчик, в котором некоторые видят Ювенция или Клодия. Стихотворение CXII — короткая эпиграмма, состоящая из двух строк. Адресат, которого Катулл обвиняет в мужеложстве, тоже остался неизвестным.

Мы прояснили, какие именно стихотворения Фет оставил непереведенными. Но важно то, что некоторые пропущенные в переводе тексты Фет не предает забвению, упоминая их и в «Жизни Катулла», и в постраничных комментариях к другим стихотворениям.

Наибольший интерес для нас представляет стихотворение XXXVII, которое упоминается чаще всего: к нему Фет обращается трижды. Впервые — в «Жизни Катулла», когда рассуждает о том, как Катулл переживает неверность Лесбии: «Как он при этом страдает, чувствуя притом собственную верность, свидетельствуют ст. 87, 75 и в особенности ст. 76; что при этом страдает и его нравственное достоинство, видим мы по тону многих стихотворений против его соперников, к которым Лезбия обращается с постепенно возрастающей необузданностью, как, напр., против Руфа (77), Геллия (91), Квинтия (82), неизвестного (78 b), против Лезбия (79) и наконец даже *против Эгнатия и подобных* (*37*)».[62] В «Жизни Катулла» мы встречаем и второе упоминание этого стихотворения: «Но и утратив уважение и благожелательство к любимой женщине, Катулл не в силах был надолго сохранить самую непосредственную страсть, когда Лезбия стала открыто предаваться разврату, как о том свидетельствуют *пропущенная нами 37* и затем 58, 76, 24».[63] В третий раз упоминание стихотворения XXXVII встречается в примечании к стихотворению XXXIX: «Это <...> стихотворение обращено против щеголя Эгнатия, имевшего привычку всюду скалить свои белоснежные зубы и раздражившего Катулла, как видно из *про-*

---

[61] *Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1993. С. 73.

[62] *Фет. Катулл (1886)*. С. XXII. Курсив наш. — *Н. А.*

[63] Там же. Курсив наш. — *Н. А.*

пущенного нами 37, своим ухаживанием за Лезбией».[64] Столь частые упоминания пропущенного стихотворения — а в данном контексте три упоминания можно считать частыми — свидетельствуют о безусловном интересе Фета к стихотворению XXXVII. Для наглядности приведем дословный подстрочный перевод:

Salax taberna vosque, contubernales,
a pilleatis nona fratribus pila,
solis putatis esse mentulas vobis,
solis licere, quicquid est puellarum,
confutuere et putare ceteros hircos?
an, continenter quod sedetis insulsi
centum an ducenti, non putatis ausurum
me una ducentos irrumare sessores?
atqui putate: namque totius vobis
frontem tabernae sopionibus scribam.
puella namque, quae meo sinu fugit,
amata tantum quantum amabitur nulla,
pro qua mihi sunt magna bella pugnata,
consedit istic. hanc boni beatique
omnes amatis, et quidem, quod indignum est,
omnes pusilli et semitarii moechi;
tu praeter omnes une de capillatis,
cuniculosae Celtiberiae fili,
Egnati, opaca quem bonum facit barba
et dens Hibera defricatus urina.[65]

Похотливая лачуга и вы, контуберналы,
от братьев, носящих головные уборы, девятый столб,
вы полагаете, что лишь у вас есть мужские достоинства,
что вам одним позволено со всеми женщинами
находиться в половой связи и считать остальных козлами?
Неужели, что вы сидите сплошным рядом, пошлые,
сто или двести, не думаете, что рискну
одновременно двумстам сидящим **irrumare**?
Подумайте же: ибо ведь всю вам
внешнюю сторону лачуги я распишу мужскими достоинствами.
Так как девушка, которая от моих объятий уклонилась,
столь любимая, сколь не будет любима никакая,
за которую мной велись такие долгие сражения,
села там. Эту, знатные и богатые,
все вы любите, и притом, что недостойно,
все ничтожные и закоулочные развратники;

[64] Там же. Курсив наш. — *Н. А.*

[65] *Catullus (1884)*. S. 73–75.

ты перед всеми, первый из волосатых,
сын изобилующей кроликами Кельтиберии,
Эгнатий, чье достояние составляет густая борода
и зуб, начищенный иберийской мочой.

Позднее перевод пропущенного Фетом стихотворения XXXVII приводит в качестве иллюстрации в своей статье «Римская элегия и романтизм» Ф. Е. Корш, что нам кажется не случайным:

Вы, гости кабака, известного развратом
(От братьев в колпачках дверь при столбе девятом)!
По-вашему, лишь вы мужских достойны прав,
Все женщины живут для ваших лишь забав,
А прочих за козлов считаете смердящих?
Иль оттого, что вас, вплотную там сидящих,
Сто, двести олухов, вы думаете так,
Что побоюсь задеть я двести вдруг сидяк?
Но знайте: я готов и стену всю у входа
Покрою знаками достойного вас рода.
Ведь с груди женщина бежавшая моей,
Которой ни одна не будет мне милей,
Из-за которой вел я войны без пощады,
Засела между вас. Вы все пылать к ней рады.
Богаты, знатны вы, но, что мне в вас претит,
Вы все из уличных, ничтожных волокит,
А худший ты, — как франт, в прическе покосматей,
Сородич кроликов, ты, Кельтибер Эгнатий,
Красавцем славимый за бороды размер
И зубы, мытые, чем моет их Ибер.[66]

В этом стихотворении Катулл «выступает против своих соперников и, должно быть, уже не в первый раз, если то, что он говорит о войнах, веденных им за Лезбию, следует понимать в этом смысле».[67] «Taberna» при переводе традиционно принято понимать как злачное место, питейное заведение, в котором знатным людям («contubernales») появляться было запрещено. В таком ключе переводит первую строку и Корш, подтверждая это в комментарии. Однако фактическая основа данного стихотворения некоторым исследователям видится иначе: возможно, речь идет не о таверне вовсе, а, например, о доме самой Лесбии (Клодии), которая принимает у себя своих любовников. Был ли данный сюжет отражением реальных событий или это просто фантазия поэта на тему зарисовки Цицерона в речи «За Целия» (где он обви-

[66] *Корш Ф. Е.* Римская элегия и романтизм. М., 1899. С. 22.
[67] Там же. С. 21.

нял Клодию во всевозможных преступлениях против нравственности и добродетели), остается загадкой. Перевод Корша оказался очень близким, он точно передал количество строк, композиционную организацию стихотворения. Однако сложная задача сохранения аллитерационного рисунка выполнена не была (следует отметить, что и более поздние переводчики с этой задачей не справились). Не соблюдена и анафора в стихах 3—4. Бранный глагол «irrumare», появившийся в стихе 8 и означающий «mentulam in os inserere»,[68] Корш переводит «задеть», что, конечно, не передает всю грубую экспрессию слова, но в целом настроение стихотворения отражено. Позднее Шервинский перевел данный глагол фразой «в рот вмазать».

Стихотворение XXXVII, как замечает Корш, составляет своеобразный цикл с VIII и XXXIX. Все они написаны одинаковым размером — холиямбом (Катулл одним из первых перенес данный размер из греческой поэзии на римскую почву). Помимо размера, их объединяет тема: размолвка с возлюбленной. На связь стихотворения XXXVII с XXXIX указывает и Фет, отмечая общность адресата — Эгнатия.

Столь частое упоминание стихотворения XXXVII, а также то, что к его переводу позднее обратился Корш, на наш взгляд, дает основание предположить, что именно это стихотворение Фету особенно не хотелось выпускать. Очень эмоциональное, полное отсылок к бытовым римским реалиям, имеющее интересный звуковой рисунок и стилевую пестроту, оно не могло не заинтересовать такого знатока античности, как Фет.

Помимо XXXVII, встречаются упоминания еще двух стихотворений — LXXX и LXXXVIII. Обращенные к некоему Геллию, они представляют собой составляющие целой вереницы стихотворений, объединенных одним адресатом. М. Л. Гаспаров полагает, что речь идет, вероятнее всего, о Луции Геллии Попликоле, который стал консулом в 36 году до н. э., был одно время дружен с Катуллом, но поссорился с ним из-за соперничества в любви. В дальнейшем неоднократно высмеивался Катуллом и обвинялся в многочисленных инцестах. Вот что пишет по этому поводу Фет в примечании к стихотворению XCI: «Геллий в любовном похождении, которое, — судя по ст. 2 и 6 можно отнести к Лезбии, — предательски злоупотребил доверием Катулла, своего до той поры товарища (7), на которого тот, однако, смотрел не без недоверия (ст. 3). Геллий, как видно, старался отбить Лезбию у Катулла (сличи 74). Настоящее, равно как и 30 и 77, из души изливающееся

[68] Нецензурная лексика составителями словарей и многочисленными комментаторами Катулла не переводится и толкуется на латыни. Мы также придерживаемся этой традиции.

стихотворение может быть сочтено за первое из обращенных к Геллию. За ним можно поставить *полудружеское 80* и потом уже все враждебные».[69] Пропущенное стихотворение LXXXVIII — также выпад против Геллия — упоминается в комментарии к стихотворению LXXIV: «Это первый нападок на Геллия. Вероятно, ревность из-за Лезбии (91, 6) была первым поводом этой ненависти. Катулл обвиняет его ни много ни мало в кровосмешении с матерью и сестрами (*88*—91), любодеянии с женою своего дяди (74, *88*, 89) и другими родными».[70]

Указания на эти пропущенные стихотворения вводятся Фетом, повидимому, только для полноты представления всех перипетий отношений Катулла и Геллия. Не акцентирует на них внимания и Корш — ни в «Римской элегии...», ни в «Чтениях о Катулле».

Конечно, пропущенные при переводе 11 стихотворений (три стихотворения, в авторстве которых есть сомнения, мы не рассматриваем) — лишь часть бранных произведений Катулла. Обилие ругательных стихотворений в сборнике Катулла не позволило бы исключить из перевода все тексты, содержащие нецензурные сцены или лексику. Более того, Фет, как мы уже говорили, видел в многообразии Катулла его единство, и исключение одного из аспектов непременно исказило бы общее звучание книги. Поэтому отдельно хочется отметить перевод таких стихотворений, не обойденных вниманием Фета. Например, небольшое программное стихотворение XVI, насчитывающее всего 14 строк:

Подстрочный перевод

Pedicabo я вас и **irrumabo**,
Развратный Аврелий
и бесстыдный Фурий,
которые решили из-за моих
стишков,
потому что они распутные, что
я недостаточно стыдлив.
Ведь нравственно чистым
подобает быть
благочестивому поэту
Самому, стишкам нисколько
не должно,
тогда, наконец, они имеют
остроту, а также изящество,

Фет
К АВРЕЛИЮ И ФУРИЮ

В лицо всех пакостей наделаю
я вам,
Аврелий мерзостный и с Фурием
постыдным,
Которые меня, судя лишь по
стихам
Моим изнеженным, считаете
бесстыдным.
Поэту чистоту хранить своей души
Прилично, но стихам не нужно то
нимало,
Которые тогда остры и хороши,
Когда отчасти в них
распущенность нахала;

[69] *Фет. Катулл (1886)*. С. 128. Курсив наш. — *Н. А.*
[70] Там же. С. 118. Курсив наш. — *Н. А.*

когда они распутные, а также недостаточно стыдливые,
и оттого могут побуждать быть похотливым,
я говорю не о мальчиках, но об этих волосатых,
которые не могут двигать тяжелые чресла.
Вы, что о многих тысячах поцелуев
прочли, считали меня менее мужественным?
Pedicabo я вас и **irrumabo**.[71]

И если щекотят, пусть будут раздражать,
Я не скажу ребят, а взрослых без желаний,
Которые, себя не в силах взволновать;
А вы, читая в них про тысячи лобзаний,
Уж полагаете, что я негодник сам;
В лицо всех пакостей наделаю я вам.[72]

Глагол «pedicare» означает «mentulam in podicem inserere», глагол «irrumare» («mentulam in os inserere») уже встречался нам в стихотворении XXXVII. Но если в стихотворении XXXVII этот глагол, вероятнее всего, выступает в своем прямом значении, то в стихотворении XVI мы наблюдаем другое. Прежде всего следует помнить, что это стихотворение адресовано двум близким приятелям Катулла, Аврелию и Фурию. Поэтому, вероятно, формула «Pedicabo ego vos et irrumabo» в данном случае имеет значение грубоватого шуточного обращения, своеобразного дружеского проклятия, принятого между молодыми людьми. Комментатор Катулла Кеннет Квинн, например, говорит о возможности прочтения этой фразы как чего-то среднего между «I'll treat you with contempt» и «go to hell!» («Я буду относиться к вам с презрением» и «идите к черту!» — *англ.*).[73] Отметим, что эта строка вызывала труд-

[71] Это стихотворение наглядно показывает внимательное отношение Катулла к звуковому оформлению:

Pedicabo ego vos et irrumabo,
Aureli **pathice** et cinaede Furi,
qui me ex versiculis meis **putastis**,
quod sunt molliculi, **parum pudicum**.
nam castum esse decet **pium poetam**
ipsum, versiculos nihil necesse est,
qui tum denique habent salem ac leporem,
si sunt molliculi ac **parum pudici**
et quod **pruriat** incitare **possunt**,
non dico **pueris**, sed his **pilosis**,
qui duros nequeunt movere lumbos.
vos, quod **milia multa** basiorum
legistis, **male me marem putatis**?
pedicabo ego vos et irrumabo **(***Catullus (1884)*. S. 37—38**)**.

[72] *Фет. Катулл (1886)*. С. 16—17.

[73] *Catullus Gaius Valerius.* The poems / Ed. with introd., rev. text and comment. by Kenneth Quinn. New York, 1973. P. 143.

ности перевода (или публикации перевода?) и в последующем. Фет перевел ее так: «В *лицо* всех пакостей наделаю я вам» (интересно, что последняя строка в издании 1886 года звучит как «В *лице* всех пакостей наделаю я вам», в латинском же тексте, как мы видим, нет никаких различий между первым и последним стихами). Если рассматривать первую строку как устойчивую разговорную конструкцию, то перевод Фета не только вполне отражает грубовато-дружеский оттенок стиха оригинала, но при этом и довольно близко (насколько это возможно) передает значение глагола «irrumare». Однако стоит отметить, что Фет, который (как мы уже увидели на примере перевода стихотворений XLIX, LXXXIV) был очень внимателен к стилю Катулла, на этот раз не только не передал особенности звукового рисунка (ср., например, аллитерационную эпифору в стихах 4—5 оригинала), но и несколько нарушил композицию стихотворения. В оригинале композиционный строй организован двумя кольцевыми структурами. Внешнее кольцо образуют первая и последняя строки, такая конструкция придает стихотворению вид обрядового заклинания. Внутреннее кольцо, которое составляют стихи 4 и 8, заключает в себе основную мысль этого стихотворения: грубый выпад против Фурия и Аврелия переходит в рассуждения о разнице между личностью автора и поэта-творца. В переводе Фета стихи 4 и 8 разные.

В других стихотворениях проблему перевода бранной лексики Фет также решает использованием эвфемизмов и некоторым смягчением грубости стиха Катулла. Так, в стихотворении XXXVI, которое тоже имеет кольцевую композицию (последняя строка этого произведения — «Annales Volusi, cacata carta» — в латинском тексте точно повторяет первую: по содержанию и композиции стихотворение является своеобразным шутливым обрядом с обращением к богам и заклинанием поэмы Волюзия отправиться в огонь), выражение «cacata carta» Фет перевел (на наш взгляд, очень удачно) в начале как «зловонное маранье», а в конце — «зловонные листы». Ризе предлагает понимать это словосочетание как «очень грубое выражение „запачканная бумага“»,[74] слово «cacata» является причастием, образованным от глагола «cacare» — испражняться, выделять испражняясь, изгаживать, марать.

В стихотворении XLI Фет снова смягчает ругательную лексику при переводе первого стиха «Ameana puella defututa». Определение «defututa», имеющее значение «venere effetus», Фет переводит «трепанная дева». Ризе в комментариях к латинскому тексту вводит пояснение: «Так сказать, „испорченная, развращенная, разорившаяся“».[75]

[74] *Catullus (1884).* S. 70.
[75] Ibid. S. 79.

В некоторых случаях изменение перевода отдельных стихов особо оговаривается Фетом в подстрочных примечаниях. Например, в одном из стихотворений «антицезарьянского» цикла (№ XXIX), направленном против Мамурры, Фет заменяет прозвище Мамурры «Mentula» (что означает «membrum virile») на «хлыщ», поясняя в примечаниях: «Нет сомнения, что своим любострастием он в Риме заслужил уличную кличку *Mentula*, которую мы переводим словом *хлыщ*, которым так часто играет Катулл в своих нападках на Мамурру».[76] Далее это прозвище появляется и в других стихотворениях, обращенных к тому же адресату (ср., например, стихотворения XCIV, CV, CXIV, CXV).

Использование бранной лексики в стихах Катулла имело разное значение: это и дружеское проклятие, и публичное порицание, и неприкрытая угроза, и издевка. Приведенные примеры позволяют говорить о том, что в каждом конкретном случае Фет, по нашему мнению, смог передать смысл фразы или одного слова, обойдя при этом нецензурную лексику и сохранив не только общее значение, но и эмоционально-экспрессивную окраску всего стихотворения.

Однако в некоторых случаях использование эвфемизмов влечет за собой если не искажение смысла стиха, то появление возможности двоякого толкования текста. Так происходит, например, при переводе стихотворения LXXIV:

Подстрочный перевод

Геллий услышал, что дядя имеет обыкновение бранить,
если кто-то говорил или делал забавные вещи.
Чтобы не случилось это с ним, он основательно помял саму дяди
жену, и заставил дядю молчать.
Что захотел — сделал: действительно, сколь бы ни **irrumet** самого
теперь дядю, не произнесет ни слова дядя.[77]

Фет
К ГЕЛЛИЮ

Геллий наслушался, как его дядя обычно бранился,
Если постыдное что кто говорил иль свершал.
Чтоб не случилося с ним того же, то дяди супругу
Он переделал, и вот дядюшка стал Гарпократ.
Взял теперь он свое: хоть что он ни делай над дядей
Даже самим, то и тут дядя наверно смолчит.[78]

---

[76] *Фет. Катулл (1886)*. С. 26. Позднее Шервинский перевел прозвище Мамурры как «хрен».

[77]
Gellius audierat patruum obiurgare solere,
siquis delicias diceret aut faceret.
hoc ne ipsi accideret, patrui perdepsuit ipsam
uxorem et patruum reddidit Harpocratem.
quod voluit fecit: nam, quamvis irrumet ipsum
nunc patruum, verbum non faciet patruus (*Catullus (1884)*. S. 244–245).

[78] *Фет. Катулл (1886)*. С. 118–119.

Перевод уже знакомого нам глагола «irrumare» в стихе 5 очень абстрактный — «что он ни делай». Не зная оригинала, догадаться об истинном смысле этих строк может, пожалуй, лишь очень внимательный читатель. Но здесь на помощь приходит комментарий, которым Фет сопроводил свой перевод. Изменяется смысл стихов 10—11 и в стихотворении XXXII:

Подстрочный перевод	**Фет**
Так как я лежу объевшийся и сытый, обращенный лицом вверх, Продырявил и тунику, и плащ.[79]	Так как я сыт и навзничь повалился, Туника мне и палий даже узки.[80]

Из-за смягчения грубости стиха 11 появляется возможность двойного толкования текста. Этой двузначности прочтения нет в оригинальном тексте Катулла (в оригинале одежда тесна герою отнюдь не из-за чрезмерной сытости, как можно было бы подумать).

Стоит отметить, что подобные изменения наблюдаются не только при переводе инвективных стихотворений. Фет сознательно допускает отклонения от оригинала и в других случаях. Например, при декларируемой точности перевода Фет иногда переводит по-разному одну и ту же лексическую единицу (ср. упомянутое стихотворение X, в котором «insulsus» переведено «непропека», и стихотворение XVII: превосходная форма прилагательного «insulsus» — «insulsissimus» — переводится на сей раз как «несоленейший», что является дословным переводом). В подстрочном примечании Фет сам обращает внимание читателей на такую «непоследовательность».[81]

Изменение оригинального текста «в интересах русского читателя»[82] проявляется и в выборе более знакомых нам реалий. Так, в стихотворении I именно этой причиной Фет объясняет выбор имени «Муза» вместо «Минерва» при переводе перифразы «patrona virgo».

Как видно, изменения коснулись не только состава сборника, но и нашли отражение на всех уровнях текста. Подобные отступления от оригинального стиха (причем не только формальные, но иногда и смысловые), видимо, осознавались Фетом как неизбежные. Он понимал невозможность передачи средствами русского языка именно «римского Катулла», о чем прямо заявил в «Предисловии»: «...не смущает нас

[79] nam pransus iaceo et satur supinus
pertundo tunicamque palliumque (*Catullus (1884)*. S. 64).

[80] *Фет. Катулл (1886)*. С. 29.

[81] См.: Там же. С. 11, 18.

[82] Там же. С. 1.

и уныние знатоков при виде точно воспроизведенного русского лица нашей гермы, не имеющего бархатного налета, придаваемого мрамору крылами веков, налета, которым красуется каждая черта латинского лица того же Януса»[83] (эту мысль Фет повторил и во второй строфе «Посвящения» Вл. Соловьеву).[84] И если непереведенную игру слов и звуков, использование перифраз и эвфемизмов можно объяснить разницей языков, некоторой адаптацией текста для русского читателя и влиянием цензуры, то причины пропуска целых стихотворений кроются глубже. Такое решение вопроса перевода бранных стихотворений было традиционным и до Фета, и некоторое время после него. Дело не только в морально-этических нормах эпохи, но и в понимании значения подобного рода стихотворений для творчества Катулла. Фет впервые показал их как неотъемлемую составляющую целостной картины. Вместе с тем Фет, в отличие от своих предшественников, так или иначе обращавшихся к творчеству Катулла, понимал, что ставить знак равенства между Катуллом-личностью и Катуллом-поэтом неверно: «...мы слишком хорошо знаем, что связь между житейским (эмпирическим) характером человека и его умственной деятельностью далеко не та, что между эмпирическим характером и эмпирическими действиями, и часто бывает совершенно обратная. Так, например, нелюдимый ипохондрик Гоголь не перестает хохотать в своих произведениях».[85] Поэтому, отдав дань традиции, Фет, тем не менее, пошел дальше и нашел возможность ввести пропущенные стихотворения в ткань книги, пусть лишь упоминаниями и примечаниями.

---

[83] Там же. С. IX.

[84] Это замечание вызвало впоследствии негативную реакцию Ю. А. Кулаковского: «Фет так искренно любит свое дело и много работал. Жаль, что результаты не вполне удачны. Его Катулла ведь нельзя вовсе признавать даже существующим, для его же славы. Он, сам поэт-лирик, так исказил прелестного Катулла — и придумал себе (в предисловии) такое смешное оправдание. То, что я менее доволен его переводами, чем бы того хотелось, мешает мне и писать о них» (цит. по: *Кулаковский Ю. А.* К юбилею А. А. Фета // *ФетСб(2)*. С. 444). Позднее, однако, Кулаковский все же написал несколько строк о переводе Катулла, но мнение его осталось прежним: «Хотя г. Фет сам лирик, но перевод наиболее искреннего римского лирика, Катулла, ему совершенно не удался. Его утверждение в „Предисловии“ к Катуллу, что он хлопотал прежде всего о точности и не желал делать переложения, не допускал „вольного перевода“, его шутки насчет „двуликой Гермы“, которую представляют Катулл латинский и Катулл русский, нисколько не улучшают дела. Переводчик слишком просто понимает здесь точность перевода, которая ведь не в том только состоит, чтобы на месте стихов и слов одного языка стояли стихи из соответствующих слов другого» (цит. по: Там же. С. 514).

[85] *Фет. Катулл (1886)*. С. XXXI.

В. А. Лукина

БЫЛ ЛИ «БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК»?

(Об одном загадочном стихотворении Фета)

В ходе подготовки к публикации хранящихся в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ так называемых списков, или оглавлений, стихотворений, которые должны были составить первое итоговое собрание поэтического наследия поэта,[1] удалось найти ответы на не один мучавший текстологов вопрос, вместе с тем они же рождают новые загадки. Как известно, это издание было задумано Фетом в 1892 году (далее — *ПССт1892*), незадолго до смерти, но осуществить его он не успел. Тем не менее дошедшие до нас два списка (своеобразные «планы» издания), составленные самим поэтом, были положены в основу композиции практически всех последующих собраний его стихотворений, начиная с первого посмертного издания «Лирических стихотворений» (1894) и вплоть до начавшего выходить в 2002 году полного собрания сочинений и писем в 20 томах, где, как известно, был принят принцип публикации по сборникам.[2]

Наиболее ранний из этих списков был записан Вл. С. Соловьевым, очевидно, во время его пребывания в Воробьевке с 20 по 26 мая 1892 года. В дальнейшем он подвергся некоторой правке и в доработанном и дополненном виде был переписан секретарем поэта Е. В. Федоровой. За последним списком в исследовательской литературе закрепилось название «список Фета» или «список 1892 года». Именно из этих двух списков впервые стало известно о существовании стихотворения Фета «Бедный мальчик». Первоначально стихотворение под таким заглави-

[1] См. нашу публикацию: К истории издания первого Полного собрания стихотворений Фета (Списки 1892 и 1893 гг.) // *ФетСб(2)*. С. 735—811.

[2] См.: *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 5, а также издания: *ПССт1937*, *ПССт1959*, *СиП 1986*.

ем было внесено в «соловьевский» список, в раздел «Гадания» — между стихотворениями «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...» и «Полно смеяться! что это с вами?..»:

Гадания

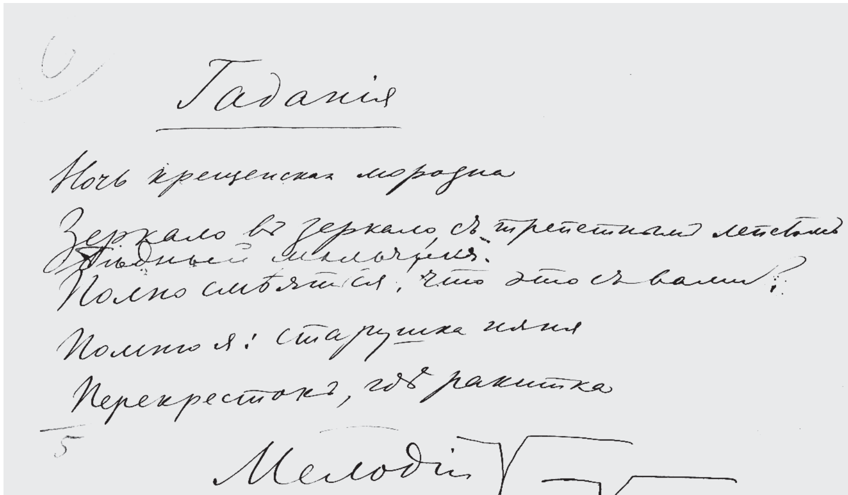
«Ночь крещенская морозна...»
«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...»
«Бедный мальчик»
«Полно смеяться! что это с вами?..»
«Помню я: старушка няня...»
«Перекресток, где ракитка...»

Таким образом, к пяти стихотворениям, которые (в разных редакциях) и ранее входили в данный раздел в прижизненных сборниках 1850, 1856 и 1863 годов,[3] добавилось новое, до тех пор нигде, по крайней мере под таким заглавием, не публиковавшееся.

Однако если присмотреться к «соловьевскому» списку, то нельзя не заметить, что заглавие «Бедный мальчик» записано не рукой Вл. Соловьева, а внесено позднее Е. В. Федоровой. В таком же составе данный раздел представлен и в следующем по времени списке, целиком записанном секретарем поэта. Здесь, однако, стихотворения дополнительно снабжены пояснениями, которые должны были указывать, по какому изданию их предполагалось воспроизводить. Против заглавия «Бедный мальчик», которое так же, как и в «соловьевском» списке, было вписано Федоровой позднее, стоит помета в скобках: «ненапечат<анное>».

Такими пометами в «федоровском» списке сопровождались стихотворения, которые ранее поэтом в состав сборников (в том числе «Вечерние огни») не включались или, как правило, вообще не появлялись в печати и должны были, соответственно, публиковаться по рабочим тетрадям или иным источникам. Причем подавляющая часть стихотворений с аналогичными пометами, как выясняется, была написана Фетом на протяжении 1890—1892 годов, и лишь несколько из них относились к более ранним годам: по нашим подсчетам, из 45 стихотворений в списке Федоровой с пометой «не напечатано» или «не издано» и т. п. (не считая «Бедного мальчика») лишь пять были написаны ранее указанного периода (самое раннее в 1845 году, а самое позднее — в 1889-м).

[3] Стихотворение «Ночь крещенская морозна...» было опубликовано лишь в сборнике 1850 г. (под номером «III») и после удаления из состава сборника 1856 г. впервые восстановлено лишь в этом списке. Данным обстоятельством, очевидно, объясняется тот факт, что оно внесено первым, в остальном порядок следования стихотворений остался неизменным.

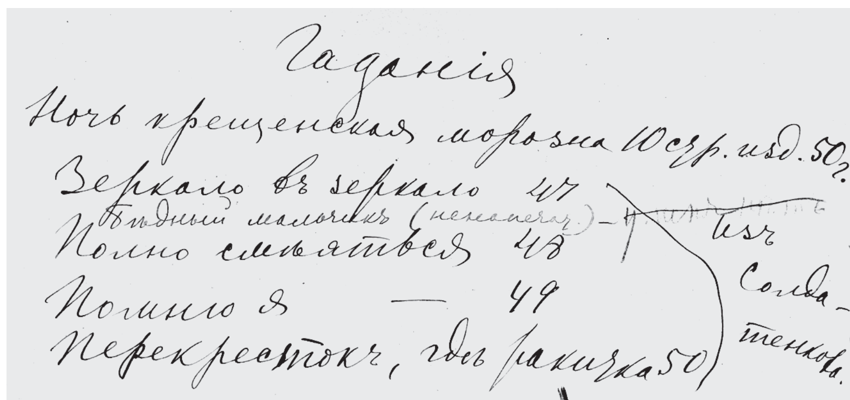

Гаданія
Ночь крещенская морозна
Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ
Бѣдный мальчикъ.
Полно смѣяться, что это съ вами?
Помню я: старушка няня
Перекрестокъ, гдѣ ракитка
5
Мелодіи

«Соловьевский» список *ПССт1892*.
Фрагмент

При этом одно из стихотворений — «Во сне» («Как вешний день, твой лик приснился снова...»), отмеченное секретарем Фета как ненапечатанное, на самом деле было ранее опубликовано в составе четвертого выпуска «Вечерних огней». Ошибка произошла из-за того, что в списке Федоровой стихотворение было внесено дважды: в раздел «Мелодии» по первой строке, с пометой «из неизданных», и одновременно в раздел «Разные стихотворения» под заглавием «Во сне», с указанием места публикации (*ВО 4*).[4] В «соловьевском» списке между тем стихотворение внесено по первой строке лишь однажды в разделе «Мелодии» (с указанием на *ВО 4*),[5] что, возможно, свидетельствует о том, что в новом издании Фет решил отказаться от заглавия.

Первым издателем Фета, который узнал о существовании «нового» стихотворения поэта под заглавием «Бедный мальчик», стал великий князь Константин Константинович (К. Р.), готовивший вместе с Н. Н. Страховым первое посмертное издание. Внимательно изучив записанный Федоровой список, К. Р. столкнулся с тем, что пять внесенных в него стихотворений, а именно «Бедный мальчик», «Как вешний день, твой лик приснился снова...», «Сердце желанием встречи томимо...», «Алмаз» и «Теснее и ближе сюда...», были ему незнакомы.

[4] См.: *ФетСб(2)*. С. 783, 794.
[5] См.: Там же. С. 755.


Гаданія
Ночь крещенская морозна 10 стр. изд. 50 г.
Зеркало въ зеркало 47
(Бѣдный мальчикъ (ненапечат.) — ~~у меня нѣтъ~~
Полно смѣяться 48
Помню я — 49
Перекрестокъ, гдѣ ракитка 50)
изъ Солдатенкова.

«Федоровский» список *ПССт1892*.
Фрагмент

Отсутствовали их тексты и в двух переданных ему вдовой поэта рабочих тетрадях, в которые Фет записывал все новые стихотворения, созданные им с ноября 1890 года.[6] О том, что стихотворение было первоначально причислено великим князем к неизвестным, свидетельствует характерная помета: «у меня нет», внесенная им синим карандашом в список Федоровой против заглавия «Бедный мальчик» (и впоследствии им же зачеркнутая).

Отсутствие этих пяти стихотворений в имевшихся в распоряжении К. Р. рабочих тетрадях вполне объяснимо: все они были написаны гораздо раньше и потому внесены в предшествующие тетради, что подтверждается письмом М. П. Шеншиной от 24 февраля 1893 года, к которой великий князь обратился за разъяснениями. «Пять стихотворений мы отыскали в старых тетрадках, — сообщала она, — и я их при сем прилагаю».[7] К сожалению, присланные М. П. Шеншиной рукописи не сохранились, но важно заострить внимание на двух обстоятельствах, которые следуют из этого письма: во-первых, тексты всех пяти названных К. Р. стихотворений содержались в более ранних рабочих тетрадях поэта; во-вторых, одно из присланных стихотворений действительно

[6] Об этом сам К. Р. сообщил М. П. Шеншиной 21 февраля 1893 г.: «Пересматривая данное мне вами писанное рукою Екатерины Владимировны оглавление, я напал на следующие пять стихотворений, помеченных неизданными и ненапечатанными <...>. В оставленных вами у меня двух тетрадках неизданных стихотворений упомянутых пяти пьес нет. Не можете ли вы мне их прислать. Вероятно, они найдутся в бумагах» (*ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 318 об.).

[7] Там же. Л. 321.

имело заглавие «Бедный мальчик», поскольку его поиски не вызвали у М. П. Шеншиной и Е. В. Федоровой никаких затруднений.

Ознакомившись с присланным текстом стихотворения, К. Р., по-видимому, зачеркнул свою помету «у меня нет», однако далее происходит неожиданное: в изданном им в 1894 году вместе со Страховым двухтомном собрании «Лирических стихотворений» Фета мы действительно находим стихотворение под заглавием «Бедный мальчик», но не в разделе «Гадания», а в разделе «Баллады» (куда оно вошло под номером «VI»). Более того, здесь под этим заглавием опубликовано стихотворение «На дворе не слышно вьюги...», правда не в известной редакции, в которой оно было впервые напечатано в 1842 году в сборнике «Подземные ключи» и затем включалось Фетом последовательно во все сборники вплоть до 1863 года включительно (также в разделе «Баллады»), а с разбивкой на строфы и заменой двух начальных стихов шестой строфы (ст. 21—22). Необходимо отметить, что стихотворение «На дворе не слышно вьюги...» (без заглавия) действительно было включено Фетом в раздел «Баллады» и присутствует в обоих списках готовившегося им итогового собрания.[8]

Составленный великим князем на основе оглавления Федоровой собственный план издания не дает возможности понять, в какой момент стихотворение «На дворе не слышно вьюги...» из раздела «Баллады» было отождествлено со стихотворением «Бедный мальчик» в разделе «Гадания», поскольку лаконичные записи под обоими разделами: «Как в оглавлении Фета» — прямо отсылали к «федоровскому» списку.[9] Однако из плана К. Р. со всей очевидностью следует, что к этому времени окончательный состав данных разделов не вызывал у него никаких сомнений, решен был и вопрос с поисками стихотворения «Бедный мальчик».

В редакции К. Р. и Н. Н. Страхова стихотворение приобрело следующий вид:

БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК

На дворе не слышно вьюги,
Над землей туманный пар;
Уж давно вода остыла,
Смолк шумливый самовар.

Няня старая не видит
И не слышит — все прядет;

[8] См.: *ФетСб(2)*. С. 756, 785.

[9] Там же. С. 801, 804.

Мочку левую пощиплет,
Правой нитку отведет.

А ребенок все играет...
Как хорош он при огне!
И кудрявая головка
Отразилась на стене.

Вот задумалася няня,
Со свечи нагар сняла,
И прекрасного малютку
Ближе к свечке подвела.

«Дай-ка ручки!» Няня хочет
Посмотреть на их черты.
«Что, на пальчиках дорожки
Не кружками ль завиты?»

«Ах, последний даже пальчик
Без кружка, дитя мое!»
Вот заплакала — и плачет
Мальчик, глядя на нее.[10]

Не исключено, что составители напечатали стихотворение в том виде, в каком оно было переписано вдовой поэта или Е. В. Федоровой из рабочей тетради, где его текст — и последнее следует подчеркнуть — подвергся авторской доработке. Это был далеко не первый случай, когда Фет возвращался к своим ранним произведениям. Так, в третий выпуск «Вечерних огней» (1888) вошел целый ряд стихотворений, не перепечатывавшихся со сборника 1850 года;[11] еще ранее в первый выпуск «Вечерних огней» (1883) поэт включил несколько стихотворений 1840—1850-х годов, которые прежде появлялись лишь на страницах периодической печати (например, «Напрасно...», «Забудь меня, безумец исступленный...», «Тополь», «Море и звезды», «В благословенный день, когда стремлюсь душою...»). Некоторые из них при этом подверглись значительной правке («Напрасно...»),[12] в том числе существенно-

[10] *ЛСт1894.* Ч. 2. С. 59—60, с датой: «1850». Ср. ст. 21—22 в ранней редакции: «Няня смотрит... Вот вздохнула... / „Ничего, дитя мое!“» (*Фет. ССиП.* Т. 1. С. 105).

[11] Речь идет о стихотворениях «Весеннее небо глядится...», «Я полон дум, когда, закрывши вежды...», «Геро и Леандр», «Тебе в молчании я простираю руку...», «Младенческой ласки доступен мне лепет...», «Соловей и роза». О причинах их включения в третий выпуск «Вечерних огней» Фет сам красноречиво заявил в «Предисловии» к сборнику (см.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 196).

[12] Полную сводку вариантов см.: Там же. С. 397—398.

му сокращению и переработке («Соловей и роза»).[13] На причинах, побудивших его внести изменения в текст последнего стихотворения, Фет счел необходимым особо остановиться в «Предисловии» к выпуску: «Даже соглашаясь, что там есть более или менее яркие образы и более или менее удачные стихи, мы никак не могли помириться с тем излишним накоплением красок, которое свидетельствовало о широких размахах неопытной руки, еще не знающей краю. Полагаем, что даже сокращенное почти наполовину стихотворение и в настоящем своем виде не представляет окончательно ясных очертаний. Тем не менее решаемся сохранить его, находя, что ни в одном из наших молодых произведений с такою ясностью не проявляется направление, по которому постоянно порывалась наша муза».[14]

О том, что Фет перерабатывал текст стихотворения «На дворе не слышно вьюги...», неопровержимо свидетельствуют как введение заглавия, так и замена двух стихов в издании 1894 года, но в какой мере в «Лирических стихотворениях» была учтена правка поэта и кем именно — остается непроясненным. Ныне рабочая тетрадь Фета, в которой содержалось это стихотворение, утрачена, однако ее, несомненно, держал в руках следующий публикатор стихотворения, Б. В. Никольский, в чьем распоряжении находились и другие рукописные и печатные материалы, которыми пользовались его предшественники. Примечательно, что Никольский не согласился с текстологическим решением К. Р. и Страхова и во втором томе вышедшего в 1901 году Полного собрания стихотворений Фета дал подряд две редакции стихотворения, поместив их в раздел «Детский мир», — раннюю (текстуально совпадавшую с изданием 1863 года, но с разбивкой на строфы)[15] и позднюю, состоящую всего из двух строф:

БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК

«Дай-ка няне ручки-крошки, —
Поглядеть на них персты, —
Что, на кончиках дорожки
Не кружками ль завиты?

Ах, последний даже пальчик
Без кружка, дитя мое!..»
Вот заплакала — и мальчик
Плачет, глядя на нее...[16]

---

[13] См.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 677—679.

[14] Там же. С. 196.

[15] См.: *ПССт1901.* Т. 2. С. 204—205.

[16] Там же. С. 206.

Обе редакции были опубликованы как самостоятельные, причем под одинаковым заглавием («Бедный мальчик»), хотя ранняя редакция, печатавшаяся неоднократно, как отмечалось выше, прежде заглавия не имела. Свое решение Никольский обосновал в предисловии «От издателя», где писал: «Что касается материалов рукописных, то они, за исключением четырех неизданных стихотворений, так и не поступивших в распоряжение редактора, использованы сполна, кроме только вариантов. Исключение сделано лишь для стихотворения „Бедный мальчик“ <...>, которое напечатано в первоначальном виде и в сокращенной переработке, сделанной автором за несколько дней до смерти и предназначенной в 5-й выпуск „Вечерних огней“, которого Фет так и не успел выпустить».[17]

Не все в этом утверждении соответствует действительности: «за несколько дней до смерти» Фет не мог перерабатывать раннее стихотворение для пятого выпуска «Вечерних огней», поскольку еще весной 1892 отказался от этого замысла ввиду подготовки итогового собрания своих стихотворений. Таким образом, он мог «перерабатывать» стихотворение лишь для готовившегося им полного собрания, которое действительно не успел выпустить. Во-вторых, вызывает сомнение указание на время переработки: «несколько дней до смерти» на самом деле могли означать и несколько недель или даже месяцев. Не случайно, в Хронологическом указателе Никольский, опиравшийся при его составлении преимущественно на рабочие тетради, расположил стихотворение «Бедный мальчик» между «Тяжело в ночной тиши...» и «Когда дыханье множит муки...», даты создания которых известны: 15 сентября и 23 октября 1892 года соответственно.

Для нас пока существенно другое: Никольский твердо говорит о наличии двух редакций, причем обосновывает свое решение печатать обе редакции следующим образом: «Стихотворение слишком общеизвестно в первоначальном виде, чтобы заменить его неизданною переработкой, а переработка слишком характерна своею строгою сжатостью и предсмертным значением, чтобы оставлять ее в рукописи. Едва ли читатели посетуют ввиду этого на перепечатку обеих редакций».[18]

Таким образом, можно предположить, что Фет не собирался печатать старое стихотворение под новым заглавием, а существенно переработал его, сократив до двух строф и введя рифмы в нечетные стихи. В таком случае редакцию К. Р. и Страхова следовало бы в лучшем случае признать промежуточной (или контаминацией). Однако есть несколько обстоятельств, которые не позволяют с легкостью от нее от-

17 Там же. Т. 1. С. VIII.

18 Там же.

махнуться или, по крайней мере, могут пролить свет на причину ее появления.

Возвращаясь к предложенной Никольским в Хронологическом указателе датировке новой, переработанной редакции стихотворения, еще раз подчеркнем, что она была установлена по положению автографа в рабочей тетради, а именно второй (позднейшей) из тех самых двух тетрадей, которые были переданы Константину Константиновичу М. П. Шеншиной. Изучая тетрадь на предмет новых произведений, К. Р. сделал несколько добавлений в список Федоровой: одним из них стало внесение в раздел «Разные стихотворения» стихотворения «Дай-ка няне...» (с пометой: «Из неизд<анных>») и присвоение ему римского номера «LII»[19] (так К. Р. нумеровал обнаруженные им в рабочих тетрадях новые стихотворения, ранее не бывшие в печати). Это говорит о том, что напечатанное впоследствии Никольским восьмистишие действительно содержалось в последней рабочей тетради Фета, но поначалу Константин Константинович не связал его ни с заглавием «Бедный мальчик» из раздела «Гадания», ни со стихотворением «На дворе не слышно вьюги...» из раздела «Баллады». Скорее всего, это произошло из-за того, что в переданной ему тетради стихотворение было переписано без заглавия. Однако, получив от М. П. Шеншиной текст «Бедного мальчика», К. Р. не перенес новообнаруженное стихотворение «Дай-ка няне...» в составленное им собственноручно оглавление будущего издания — то есть к этому времени прямая связь между «На дворе не слышно вьюги...», «Бедным мальчиком» и «Дай-ка няне ручки-крошки...» уже осознавалась им отчетливо.

Возникает вопрос: откуда же взялся текст, присланный М. П. Шеншиной? и почему Страхов и К. Р. все-таки решились опубликовать хорошо известное стихотворение 1842 года с новым заглавием и изменениями в двух стихах шестой строфы (фактически совпадающими с тем, как звучат первые два стиха поздней редакции)? Рискнем предположить, что в руках М. П. Шеншиной мог находиться еще один автограф «На дворе не слышно вьюги...» (возможно, в одной из более ранних рабочих тетрадей), содержавший правку Фета и заглавие, с которого стихотворение было переписано начисто в тетрадь, оказавшуюся затем в распоряжении К. Р. В пользу этого предположения говорит, например, творческая история стихотворения «Напрасно...», к доработке которого Фет возвращался несколько раз — мы находим текст этого стихотворения сразу в двух рабочих тетрадях поэта, оба раза с обильной правкой.[20]

[19] *ФетСб(2)*. С. 795.

[20] См.: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 1. С. 397–398.

В 1937 году, выпуская первое Полное собрание стихотворений Фета в большой серии «Библиотеки поэта», Б. Я. Бухштаб не решился ввести опубликованную Никольским редакцию в корпус стихотворений, причем не только в «Основное собрание» или в раздел «Стихотворения, не вошедшие в основное собрание», но и в раздел «Редакции и варианты». Восемь стихов приведены им лишь в примечаниях к стихотворению «На дворе не слышно вьюги...».[21] Вывод исследователя был таков: «Хотел ли Фет переработать таким образом все стих<отворение> или новая редакция вообще должна была состоять из двух строф — у нас нет оснований решать». При этом, по мнению ученого, заглавие «Бедный мальчик», фигурирующее в обоих списках *ПССт1892* в разделе «Гадания», «очевидно не относится ни к „На дворе не слышно вьюги...“, ни к переработке».[22]

Главным аргументом в пользу своей точки зрения Бухштаб считал следующий: «Переработка <...> не могла войти в составленный летом 1892 г. список, в котором отсутствуют все стих<отворения>, написанные после 18 июня».[23] Очевидно, тот факт, что Е. В. Федорова внесла заглавие «Бедный мальчик» в оба списка спустя некоторое время после их составления, остался им не замечен. Отсюда и категоричный вывод ученого: «Да и невозможно себе представить, чтобы Фет включил в качестве двух самостоятельных стих<отворений> и полную и сокращенную редакции. Очевидно, под заглавием „Бедный мальчик“ было какое-то не дошедшее до нас стих<отворение>».[24]

В качестве контраргумента можно предположить, что, вписав на более позднем этапе заглавие «Бедный мальчик» в раздел «Гадания», Е. В. Федорова забыла исключить из раздела «Баллады» первую редакцию. Тем более что аналогичный случай произошел со стихотворением «Во сне», о чем уже было сказано выше.

Аргументация 1937 года была повторена Б. Я. Бухштабом в следующем издании «Библиотеки поэта», вышедшем в 1959 году,[25] где стихотворение вновь помещено в разделе «Примечания», однако в издании 1986 года оно уже оказалось в разделе «Другие редакции и варианты».[26] Изменилась и аргументация: здесь стихотворение названо возможной «незаконченной попыткой переработки» стихотворения «На дворе не слышно вьюги...» или, скорее, «новой, сокращенной его редакцией, в которой нечетные нерифмованные стихи заменены рифмо-

---

21 См.: *ПССт1937.* С. 706.

22 Там же. С. 706—707.

23 Там же. С. 707.

24 Там же.

25 *ПССт1959.* С. 749—750.

26 *СиП 1986.* С. 617.

ванными».[27] Как было справедливо отмечено Н. П. Генераловой,[28] возможно, на изменение точки зрения Бухштаба повлияло решение М. А. Соколовой, которая поместила позднюю редакцию в реконструкцию пятого выпуска «Вечерних огней», предпринятую ею в серии «Литературные памятники» в 1971 году.[29] Печатая стихотворение по изданию Никольского, но без заглавия, Соколова фактически согласилась с Бухштабом, что текст стихотворения «Бедный мальчик», обозначенный в «списке Фета», неизвестен.[30]

В выходящем ныне собрании Сочинений и писем Фета текст стихотворения «Бедный мальчик» печатается по изданию 1901 года, под указанным там заглавием, в разделе «Стихотворения и поэмы 1864—1892 гг., не вошедшие в сборники» и признается, по аналогии со стихотворением «Соловей и роза», самостоятельной редакцией, написанной в последние месяцы жизни поэта (в новом варианте несущей на себе печать мировоззрения позднего Фета), что подтверждается помещением его в раздел не «Баллад», а «Гаданий».

---

[27] *СиП 1986*. С. 658.

[28] *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 633.

[29] *ВО 1971*. С. 421.

[30] Там же.

Н. Ю. Грякалова

ПОМЕТЫ И МАРГИНАЛИИ А. А. БЛОКА НА КНИГАХ ФЕТА: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ТВОРЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Изучение фетовского цитатного слоя в лирике Александра Блока, присутствующего в виде образных перекличек, реминисценций, аллюзий, скрытых цитат и прочих интертекстуальных вкраплений, имеет давнюю традицию и неоспоримые результаты, а в последнее время предметом исследовательского внимания стала «фетовская тема» в эпистолярии поэта и отчасти в его критической прозе (в рецептивном аспекте).[1] На этом фоне довольно скромно выглядят эпизодические обращения к анализу блоковских читательских помет и маргиналий на книгах Фета, представленных в библиотеке Блока, хранящейся в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.[2] Осуществленное коллективом библиографов фундаментальное описание библиотеки Блока (ее состава, постранич-

---

[1] См., например: *Петрова Г. В.* А. А. Фет в переписке Александра Блока и Андрея Белого // *ФетСб(1).* С. 66—79; *Сарычева К.* Восприятие Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в русской литературной критике 1870-х — 1900-х гг. Tartu, 2016 (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis. T. 36).

[2] Впервые блоковские пометы на книгах Фета были частично проанализированы в обзоре: *Миллер О. В.* Пометы Блока на книгах по истории русской литературы XIX в. // *ЛН.* Т. 92. Кн. 4. С. 57—74. См. недавнюю работу, не свободную, впрочем, от спорных суждений и интерпретаций, автор которой обращается только к материалам первых двух томов «Полного собрания стихотворений» Фета под редакцией Б. В. Никольского: *Стародубцева Ю. Н.* Творчество А. А. Фета в восприятии А. А. Блока (по материалам библиотеки А. А. Блока) // Новый филологический вестник. 2010. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-a-a-feta-v-vospriyatii-a-a-bloka-po-materialam-biblioteki-a-a-bloka.

ного свода помет)[3] способствовало выделению данного направления в целую отрасль современного блоковедения.[4] Первооткрывателем здесь выступил Д. Е. Максимов, который не только ввел в научный оборот пометы Блока на «Стихотворениях» (1900) Вл. С. Соловьева и Собрании сочинений философа, но и предпринял опыт их типологической классификации и, что очень важно, — герменевтического анализа.[5] Нет сомнения в значимости дальнейшего фронтального изучения библиотеки Блока и всего корпуса блоковских маргиналий. Это предполагает установку на интерпретацию развернутых текстуальных помет (маргиналий), их датировку, а также по возможности на дешифровку идеографических знаков — общепринятых (выделение фрагментов текста прямыми, квадратными и фигурными скобками, вопросительным и восклицательным знаками и их комбинацией, знаком NB, «галочками», «крестиками» и т. д.) и сугубо индивидуальных (удлиненный четырехконечный крест, крест в круге, знаки ∞, ∫, √, # и другие более сложные конфигурации). Все они выполняют различную функцию в процессе чтения: сугубо функциональную — как отметки и «заготовки» для будущих статей, рецензий, лекций, выступлений, графических ремарок текстологического характера при подготовке отдельных изданий и редактировании переводов; мнемоническую; рефлексивно-эмоциональную. Книжные пометы и маргиналии могут рассматриваться как особая форма работы с текстом, требующая осмысления и включения в целостную картину понимания — не только реконструируемого историко-литературного контекста, но и биографии поэта в ее творческой динамике. Реализация этих задач невозможна без детального изучения достаточно репрезентативного «фетовского фон-

[3] Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984—1986. Далее ссылки на это издание даются в тексте в сокращении: *Библиотека Блока*, с указанием номера книги и страницы. В настоящее время стала доступна электронная версия издания, размещенная на сайте ИРЛИ (раздел: «Книжные собрания писателей в библиотеке Пушкинского Дома»). URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru.

[4] Подробнее см.: *Грякалова Н. Ю.* К изучению читательских помет и маргиналий А. А. Блока // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма): Колл. монография / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2017. С. 225—270; *Грякалова Н.*, *Титаренко С.* Маргиналии А. Блока на статьях теоретиков символизма (к феноменологии и герменевтике чтения) // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2017. Jg. 62. Heft 1. S. 100—115.

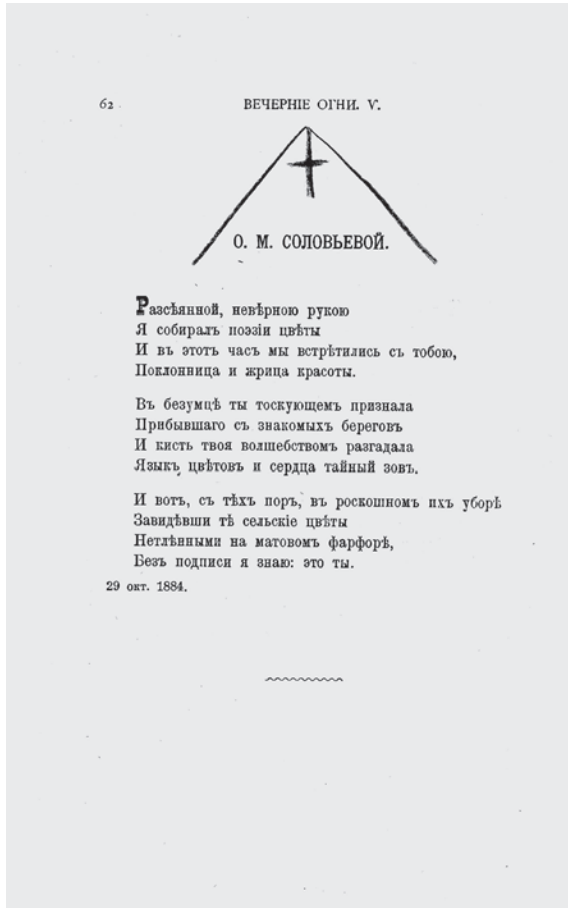
[5] *Максимов Д. Е.* 1) Материалы из библиотеки А. Блока (к вопросу об А. Блоке и Вл. Соловьеве) // Учен. зап. Ленинград. гос. педагог. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1958. С. 351—386; 2) Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1981. С. 115—189.

да» в составе библиотеки Блока, дальнейшей атрибуции и смысловой идентификации читательских помет и маргиналий, то есть соотнесения их с определенными хронологическими периодами, творческими намерениями и конкретными проектами (порой неосуществленными, что в таком случае требует дополнительных архивных разысканий). Сложность проблемы в том, что во многих случаях Блок обращался к одному и тому же экземпляру неоднократно, в разные годы и с разными целями, используя при чтении различные карандаши (графитовый, красный, синий, химический) или даже чернила, практиковал графические выделения нажимом, в общем, *работал* с книгой. Исследователь фактически имеет дело с палимпсестом, в процессе аналитической операции «расчищая» слой за слоем. Адекватное решение названных задач во всем объеме невозможно в рамках одной статьи. Поэтому в данном случае избран панорамный метод презентации материала. С разной степенью подробности будут рассмотрены *все* имеющиеся в блоковской библиотеке издания Фета, за исключением одного: «Фауст» Гёте в переводе, с предисловием и комментариями Фета (*Библиотека Блока.* Кн. 1. С. 229—230) выделен нами как самостоятельный предмет исследования в контексте «фаустовской темы» в творчестве Блока периода революции, чему будет посвящена отдельная работа. В трех нижеследующих сюжетах будет сделан акцент на фактах не всегда очевидных и остающихся на периферии исследовательского внимания.

1. Juvenilia

Никто из поэтов «серебряного века» не был столь органично, «кровно» связан с лирикой Фета, как Александр Блок, причем и в ранней юности, и в пору зрелости. Ни одна автобиография Блока не обходится без упоминания имени Фета, и всегда — прямо или косвенно — с отсылкой к семье матери (урожд. Бекетова), «причастной к литературе и к науке»,[6] в атмосфере которой формировались личность будущего поэта-символиста, его художественные вкусы и предпочтения, в том числе восприятие поэтической традиции XIX века как интимно близкой и знакомой. Фету в бекетовском кругу принадлежало особое место. Благодаря О. М. Соловьевой (урожд. Коваленская), двоюродной сестре матери Блока, художнице, иллюстрировавшей первый вы-

[6] См.: *Блок А.* Автобиография // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 7. С. 7. Далее ссылки на данное издание даются сокращенно: *Блок,* с указанием тома и страницы.



62 ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ. V.

О. М. СОЛОВЬЕВОЙ.

Разсѣянной, невѣрною рукою
Я собиралъ поэзіи цвѣты
И въ этотъ часъ мы встрѣтились съ тобою,
Поклонница и жрица красоты.

Въ безумцѣ ты тоскующемъ признала
Прибывшаго съ знакомыхъ береговъ
И кисть твоя волшебствомъ разгадала
Языкъ цвѣтовъ и сердца тайный зовъ.

И вотъ, съ тѣхъ поръ, въ роскошномъ ихъ уборѣ
Завидѣвши тѣ сельскіе цвѣты
Нетлѣнными на матовомъ фарфорѣ,
Безъ подписи я знаю: это ты.

29 окт. 1884.

Страница с пометами А. А. Блока
из книги «Полное собрание стихотворений» Фета (СПб., 1901. Т. 1)

пуск «Вечерних огней», корреспондентке Фета и адресату его поэтического послания («Рассеянной, неверною рукою...»),[7] фетовская лирика стала частью жизненного уклада дворянской интеллигентной семьи и была возведена здесь в своего рода культ. Об увлечении поэзией Фета представителями разных ее поколений свидетельствует осведомленный биограф и мемуарист М. А. Бекетова.[8] Важным документальным

[7] См.: *Соловьев С.* Воспоминания. М., 2003. С. 78—79.
[8] *Бекетова М. А.* Шахматово: Семейная хроника // *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 664, 719, 720, 746—749.

памятником являются стихотворные альбомы матери Блока, Александры Андреевны Кублицкой-Пиоттух: в альбом, датированный 1885–1888 годами, ею переписано шесть стихотворений Фета,[9] в альбоме 1904–1913 годов их четырнадцать (в том числе с внутренней циклизацией: «Три посмертных стихотворения», «Из последних стихотворений Фета»), отдельно выписана цитата из стихотворения «Глубь небес опять ясна...»: «И из стужи мертвых грез / Проступают капли слез».[10] В том же альбоме находим записанное рукой Блока его раннее стихотворение «Памяти А. А. Фета» («Шепчутся тихие волны...», декабрь 1898), отклик на шестую годовщину со дня смерти почитаемого поэта.[11] Эти альбомы репрезентативны как источник сведений о бытовании русской поэтической культуры на рубеже XIX–XX веков — именно так оценивал их впоследствии и сам Блок: собираясь в мае 1919 года по предложению Н. С. Гумилева принять участие в подготовке «Хрестоматии поэзии», нереализованном проекте Института Живого Слова, Блок в отборе материала предполагал использовать помимо прочего «мамины тетради (альбомы)».[12] Известно, что через семейство М. С. и О. М. Соловьевых попал к Кублицкой-Пиоттух фетовский автограф стихотворения «Шопену» («Ты мелькнула, ты предстала...»), отложившийся в архиве Блока и недавно введенный в научный оборот.[13] Блок, чуткий к страницам семейного предания, скрупулезно зафиксировал его историю, вновь подчеркнув интимную близость к фетовско-соловьевской традиции: «„Ты мелькнула, ты предстала“ / Стихотворение Фета / переписанное его рукой. / (для Вл. С. Соловьева). // От мамы ко мне. (Осенью 1912). У мамы — / от Соловьевых (М. С<ергеевич>у / передал Вл. С<ергеевич>».[14]

Обладавший от природы прекрасной ритмической памятью, к тому же натренированной вошедшей в моду мелодекламацией, Блок блестяще знал поэзию XIX века, «с упоением декламировал Майкова, Фе-

---

[9] *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 7. № 1. Л. 33–35, 51.

[10] Там же. № 2. Л. 2–5, 6–10 и 30. Данное стихотворение определило важнейший для ранней лирики Блока мотив мертвой (спящей) царевны.

[11] Там же. Л. 12–13. Стихотворению в качестве эпиграфа предпосланы заключительные строки стихотворения Фета «В лунном сиянии»: «Выйдем тихонько бродить / В лунном сияньи...», скорее всего процитированные по памяти (в оригинале: «В лунном сиянии!») (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.; СПб., 1999. Т. 4. С. 66, примеч. на с. 449). Данный автограф здесь, к сожалению, не учтен, на что уже было обращено внимание (*Магомедова Д. М.* Комментируя Блока. М., 2004. С. 28).

[12] *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 369. Л. 2.

[13] *Петрова Г. В.* Еще один автограф А. А. Фета // *ФетСб(1)*. С. 80–84.

[14] *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 3. № 73. См. примеч. 13.

та, Полонского, Апухтина».[15] Характерно, однако, что в тетради «Моя декламация...» (полное название: «Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр.: 1898 и позднейшие университетские времена»),[16] свидетельствующей о его юношеском увлечении, Фет представлен только одним стихотворением — «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» (на л. 54 об. вклеена печатная вырезка), помещенным в разделе под 1898 годом (дата проставлена Блоком позже), и месторасположение стихотворения не позволяет связать его с репертуаром для (мело)декламации, в отличие от текстов других вышеназванных поэтов. Ранее, на л. 29 об. среди записей, относящихся к первым университетским годам и датированных 1901 годом (тетрадь заполнялась не в строго хронологическом порядке), находим следующую помету: «Второй выпуск „Вечерних огней“ содержит в себе 32 мелких стихотв<орения> и поэму „Студент“ (всего 57 страниц)». Запись отсылает к экземпляру из семейной библиотеки, пометы на котором (в частности, отметки «крестиком» целой группы стихотворений) можно отнести к «декламационному периоду». Больше в данной тетради текстов Фета или упоминаний его имени нет.

Видимо, как раз в это время путь к Фету пролегал для Блока через «мамины альбомы» и книги из семейной библиотеки: «солдатенковское» издание 1863 года (Стихотворения. Ч. 1—2),[17] преподнесенное

[15] *Блок*. Т. 7. С. 13. В биографическом очерке «Александр Блок» М. А. Бекетова пишет о 1898 г.: «Зимой он продолжал заниматься декламацией, <...> любил произносить „Сумасшедшего“ Апухтина, стихи Полонского, Фета» (*Бекетова М. А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 48). По воспоминаниям двоюродной сестры Блока С. Н. Качаловой (Тутолминой), Блок вписывал в ее альбом стихи «Мея, Фета, Майкова и др.» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 294). Родственники по отцовской линии запомнили своего кузена декламирующим апухтинского «Сумасшедшего», а также монологи Отелло и Гамлета (Там же; см. также: *Блок Г.* Герои «Возмездия» // Русский современник. 1924. Кн. 3. С. 179, 180).

[16] *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 175. Структура и содержание тетради, особенно в ее декламационной части, охарактеризованы в статье: *Грякалова Н. Ю.* «Нетворческие» рукописи в составе академических собраний сочинений (на примере тетради А. Блока «Моя декламация...») // Текстологический временник. Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. <Вып. 1.> С. 542—549.

[17] По предположению П. А. Журова, впервые предпринявшего попытку реконструкции шахматовской библиотеки, в ней могло быть данное издание, принадлежавшее Блоку («Собрание сочинений изд. Солдатенкова. Не разрезана»), что было отвергнуто М. А. Бекетовой (в письме от 12 февраля 1929 г.) с характерной мотивировкой: «Не помню этой книги, и едва ли могла она быть *не разрезана*, если принадлежала Блоку <...>» (цит. по: *Бекетова М. А.* Воспоминания об Александре Блоке. С. 633).

Кублицкой-Пиоттух к ее 28-летию (на шмуцтитуле дарственная надпись: «6 марта 1888 г. Але»), и четыре выпуска «Вечерних огней» (М., 1883—1891), в красном переплете с золотым тиснением, с инскриптом, принадлежащим П. Н. Краснову: «Але от Платона. 23 апреля 1891 г.».[18] Они испещрены пометами, подавляющая часть которых атрибутируются как блоковские (*Библиотека Блока.* Кн. 2. С. 333—335, 332). Их нижнюю хронологическую границу можно отнести к 1897—1898 годам — началу углубленного постижения Блоком фетовской лирики и усвоения ее «уроков». «Уже его поэтическое призвание вполне обнаружилось, — вспоминал о Блоке лета 1898 года Сергей Соловьев. — Во всем подражал Фету, идей еще не было, но пел. Писал стереотипные стихи о соловьях и розах, воспевал Офелию, но уже что-то мощное и чарующее подымалось в его напевах».[19]

Остановимся подробнее на экземпляре «солдатенковского» издания 1863 года, части 1-й, где помещены лирические стихотворения Фета (это издание автор готовил сам).[20] В так называемом «<Наброске статьи о русской поэзии>» (далее — *Набросок)*, представленном в составе дневника и датируемом декабрем 1901 — январем 1902 года, первом блоковском опыте «прочтения» наследия русской поэтической традиции под знаком Вечно-Женственного начала мира, оно фигурирует как «Желтая книга» (по цвету переплета),[21] по нему и приводятся Блоком многочисленные фетовские цитаты, инкорпорированные в текст наряду со столь же частотными парафразами. И содержание *Наброска*, и его стилистика выдают в авторе внимательного читателя статьи Вл. С. Соловьева «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворения Фета и Полонского» (1890), в большей своей части посвященной «Вечерним огням». Но не только. Блоку была известна публикация писем философа к Фету в первом выпуске символистского альманаха «Северные цветы»: характерно, что из всей подборки отмечено лишь одно письмо — от 27 января 1889 года (текст отчеркнут на полях графитовым карандашом); выдержанное в духе соловьевской иронии, оно представляет собой развернутый парафраз — своего рода компендиум фетовской лирики («...Приветствуют Вас звезд золотые

[18] В «Описании» библиотеки Блока дарственная надпись на шмуцтитуле не учтена. Платон Николаевич *Краснов*, переводчик, литературный критик, публицист, был женат на старшей из сестер Бекетовых — Екатерине. Книга была подарена на Пасху, которая в тот год приходилась на 21 апреля.

[19] *Соловьев С.* Указ. соч. С. 383.

[20] Пометы Блока на 2-й части издания, куда вошли переводы (*Библиотека Блока.* Кн. 2. С. 334—335), в данной статье не рассматриваются.

[21] *Блок А.* Дневник. М., 1989. С. 36.

ресницы и месяц, плывущий по лазурной пустыне...» и т. д.).[22] Блоковские пометы на «солдатенковском» издании фронтальные, сделаны графитовым карандашом. Большое количество стихотворений отмечены «крестиком» (×), знаком для Блока нейтральным, что, при сопоставлении с такими же пометами на изданиях других авторов, входивших в декламационный репертуар Блока (например, Я. П. Полонского), можно идентифицировать аналогичным образом, то есть отнести к выбору текстов для декламации. Но значительное количество текстов имеют более выразительные маркеры. Тем же «крестиком», но в сочетании с подчеркиванием порядкового номера стихотворения отмечены, например, следующие тексты:

важнейшее для Блока стихотворение «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» (С. 4), бывшее для него «путеводной звездой», к которому восходят заглавия стихотворного цикла «За гранью прошлых дней» (1908) и одноименного сборника лирики, изданного в 1920 году, куда в переработанном виде вошли юношеские стихотворения, но впервые оно цитируется в письме к университетскому приятелю А. В. Гиппиусу от 28 июля 1901 года, затем в *Наброске*, а в 1904 году дважды в письмах к Андрею Белому;

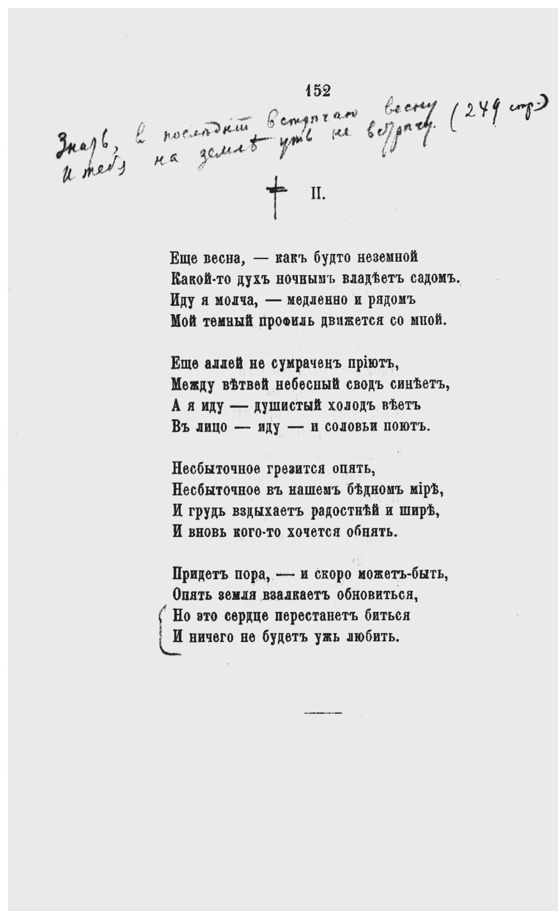
стихотворение «Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...» (С. 6) (ср. устойчивый образный мотив «Стихов о Прекрасной Даме»: «Там, над горой Твоей высокой, / Зубчатый простирался лес»; «Ты растешь над зубчатой горою...», с контаминацией ст. 3: «Какая тишина! Из-за горы высокой...»);

стихотворение «О, не зови! страстей твоих так звонок...» (С. 173), подчеркнуты также строки: «Но самый прах с любовью, с наслажденьем / Я обойму», которые, наряду с другими, цитируются в *Наброске*, где данное стихотворение оценивается как «содержащее в себе несметные откровения»: «Здесь — пров*и*дение того, чему нет названья и нет меры. <...> Довольно одной „песни наудачу“ — и в ответ прольются слезы всепознания»,[23] ср. ранее в стихотворении «В день холодный, в день осенний...» (27 апреля 1901): «Встречу песней наудачу / Новой осени зарю» (у Фета: «И не зови — но песню наудачу / Любви запой»).

Отмечено стихотворение «Как мошки зарею...» (С. 68) (его порядковый номер заключен в квадрат), отчеркнуты строки «Былое стрем-

[22] Северные цветы: <Альманах. Кн. 1—3>. М., 1901—1903. <Кн. 1>: Северные цветы на 1901, собранные книгоиздательством «Скорпион». 1901. С. 154—155 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 8/151). См. данное письмо в составе публикации: Переписка Фета с Вл. С. Соловьевым (1881—1892) / Публ. Г. В. Петровой // *ФетСб(2)*. С. 409.

[23] *Блок*. Т. 7. С. 37.



152

Знаю, в последний встречаю весну
И тебя на земле уж не встречу. (249 стр.)

† II.

Еще весна, — какъ будто неземной
Какой-то духъ ночнымъ владѣетъ садомъ.
Иду я молча, — медленно и рядомъ
Мой темный профиль движется со мной.

Еще аллей не сумраченъ пріютъ,
Между вѣтвей небесный сводъ синѣетъ,
А я иду — душистый холодъ вѣетъ
Въ лицо — иду — и соловьи поютъ.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ,
И грудь вздыхаетъ радостнѣй и ширѣ,
И вновь кого-то хочется обнять.

Придетъ пора, — и скоро можетъ-быть,
Опять земля взалкаетъ обновиться,
Но это сердце перестанетъ биться
И ничего не будетъ ужь любить.

Страница с пометами А. А. Блока
из книги «Стихотворения» Фета (М., 1863. Ч. 1)

ленье / Далеко, как отблеск вечерний» (ср.: «Отблески, сумерки вешние...» в стихотворении Блока «Сумерки, сумерки вешние...», 16 августа 1901).

Знаком удлиненного четырехконечного креста (†) в сочетании с другими пометами в тексте отмечены, в частности, следующие стихотворения:

«Вдали огонек за рекою...» (С. 86), где стихи «Дождешься ль вечерней порой / Опять и желанья и лодки, / Весла и огня за рекой?..» отчеркнуты слева квадратной скобкой (они поставлены Блоком эпиграфом к стихотворению «Сумерки, сумерки вешние...», 16 августа 1901);

«Еще весна, — как будто неземной...» (С. 152), два заключительных стиха отмечены квадратной скобкой: «Но это сердце перестанет биться / И ничего не будет уж любить» (вероятно, в качестве предполагаемого эпиграфа, однако таковым стала строка «Несбыточное грезится опять...», предпосланная стихотворению «Еще бледные зори на небе...», 17 ноября 1902); здесь же находим блоковскую маргиналию: над текстом вписано: «Знать, в последний встречаю весну / И тебя на земле уж не встречу (С. 249)», отсылающую к стихотворению «Чем тоске, и не знаю, помочь...», отмеченному, в свою очередь, удлиненным крестом (вписанные строки процитированы в письме к А. В. Гиппиусу от 28 июля 1901 года, а также в *Наброске*, где комментируются в духе соловьевской философии всеединства[24]);

«В леса безлюдной стороны...» (С. 227), подчеркнуты и отмечены круглой скобкой стихи: «Опять встречать выходишь ты / Меня на шаткие ступени» (ср. в стихотворениях Блока «Бегут неверные дневные тени...», 4 января 1902: «Ложится мгла на старые ступени... / Я озарен — я жду твоих шагов»; «Я просыпался и всходил / К окну на темные ступени...», 18 сентября 1902);

«На лодке» («Ты скажешь, бросся взор по голубой равнине...»), весь текст отчеркнут.

Стихотворение «Вечер» («Прозвучало над ясной рекою...») (С. 202) отмечено с двух сторон крестиками, а название подчеркнуто — в *Наброске* Блок сравнивает его с тютчевским «Тихой ночью, поздним летом...» и интерпретирует под знаком развиваемой им концепции фетовского «отречения» от романтизма в пользу «пророческой» миссии поэта — утверждения идеи Вечной Женственности. Оно могло быть значимо не только «идеологически», но и поэтологически — эффектом неопределенности, достигаемым за счет употребления безличных глагольных форм: «Прозвучало над ясной рекою, / Прозвенело в померкшем лугу, / Прокатилось над рощей немою, / Засветилось на том берегу» (ср. у Блока в стихотворении «Идут часы, и дни, и годы...», 1909: «...вдали, вдали / Звенело, гасло, уходило / И отделялось от земли... / И умерло»).

В ряде стихотворений, не отмеченных никаким знаком, тем не менее выделены отдельные строки, например:

[24] Ср.: «Последние строки этого стихотворения, помимо их вполне совершенного элегического настроения, не смущенного ни одним чуждым звуком, явственно и ощутимо выдвигают из ужасной пропасти ту нетленную красоту в окружении веры и веру в окружении красоты, которую тщетно пытались бы поднять из темного лона иные...» (*Блок.* Т. 7. С. 35–36).

заключительная строфа стихотворения «Бал» («Когда трепещут эти звуки...») (С. 78) отмечена квадратной скобкой: «Чего хочу? иль, может статься, / Бывалой жизнию дыша, / В чужой восторг переселяться / Заране учится душа»;

отчеркнуты первые пять строк в следующем стихотворении: «Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый / Образ пугливо-немой дольше трепещет во мгле... / Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен, / Книгу держу я в руках, сам пробегая в уме / Всё невозможно-возможное, странно-бывалое...» (С. 96) (ср. более позднюю реминисценцию в стихотворении «Россия», 1908: «И невозможное возможно...»);

в стихотворении «Весенний дождь» (С. 162) отмечены квадратной скобкой последние два стиха: «И что-то к саду подошло, — / По свежим листьям барабанит» (ср. в упомянутом выше стихотворении «Сумерки, сумерки вешние...»: «Лодка ныряет, качается, / Что-то бежит по реке. // В сердце надежды нездешние, — / Кто-то навстречу — бегу»).

Таким образом, уже на основании далеко не полного перечня блоковских помет можно констатировать, что к «солдатенковскому» изданию Блок систематически обращался, особенно в ранний период творчества (1897—1902), отбирая тексты для декламации, подбирая эпиграфы к стихотворениям, отмечая понравившиеся стихи, отдельные строки и поэтические формулы, афористичные, близкие философско-метафизическим сентенциям, — их он обильно цитировал в письмах к ближайшим друзьям (С. Соловьеву, А. Гиппиусу, А. Белому) и невесте,[25] создавая особую ауру интимно-доверительного общения на языке посвященных. Реминисценции и прямые отсылки к поэзии Фета особенно часты в стихах периода «мистического лета» 1901 года. Пометы Блока позволяют установить корреляцию между графическими «жестами», фиксирующими эстетическую реакцию hic et nunc, и собственно творческими интенциями поэта. Блок останавливает внимание, как правило, на тех стихотворениях Фета, в которых с наибольшей характерностью проявлены черты его идиостиля: это поэтика неопределенности, намека и недоговоренности, предполагающая опосредованные и даже намеренно скрытые отношения между образом и предметом (означающим и означаемым), что выражается соответствующими грамматическими средствами — употреблением неопределенно-личных местоимений, безличных непереходных глаголов, именных и вопросительных конструкций и т. п., словами с семантикой зыбкости,

[25] А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901—1917 гг. М., 2017. С. 39, 44, 52—53.

переходности (тени, сумерки, сумрак, отблески, отражения), а также усложненной метонимией, перифрастикой, контекстуальной синонимией.[26] Редукция личных глагольных форм и усиление значимости именных синтагм (хрестоматийный пример: «Шепот, робкое дыханье...») дают начало так называемому именному стилю, ставшему парадигмой сложных поэтических систем XX века. Его классические образцы продемонстрирует лирика Блока зрелого периода («Шаги Командора», «Ночь, улица, фонарь, аптека...», «Идут часы, и дни, и годы...» и многие другие), но первые поэтические опыты в данном направлении (те же «Сумерки, сумерки вешние...») были, без сомнения, вдохновлены фетовской поэтикой и на путях своего утверждения выдержали, как и в случае с Фетом, насмешки и глумление «литературных староверов».

Наконец, можно с большой долей вероятности заключить: рассматриваемое издание, первый том которого был разделен на отделы, организованные по тематическому и отчасти жанровому принципу («Элегии», «Подражание восточному», «К Офелии», «Снега», «Гадания», «Мелодии», «Вечера и ночи», «Баллады», «Антологические стихотворения», «Море», «Весна», «Разные стихотворения», «Поэма. Сабина»), в чем проявлялась новая для литературного самосознания эпохи тенденция к лирической циклизации, стало для Блока ориентиром при составлении им летом 1904 года своего первого поэтического сборника «Стихи о Прекрасной Даме». Раздумывая над его структурой и композицией, он отказался от хронологического принципа расположения стихотворений в пользу тематических отделов, тяготеющих к циклам. В записной книжке № 7 отмечено:

«Проэкт моей 1-ой книги
[I часть — до мистич<еского> лета.
Стихи о Прекрасной Даме].
[Хронологически?] По отделам?».[27]

Дальнейшие записи свидетельствуют о сложном процессе структурирования книги, определении количества отделов и выборе их названий с целью представить *путь* лирического героя и опыт собственного жизнетворчества как основную лирическую тему. В итоге Блок оста-

---

[26] См.: *Григорьева А. Д.* Слово и образ Фета // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык поэзии XIX—XX вв.: Фет. Современная лирика. М., 1985; *Некрасова Е. А.* А. Фет, И. Анненский: Типологический аспект описания. М., 1991. С. 6—39.

[27] *ИРЛИ.* Ф. 654. Оп. 1. № 327. Л. 34. Подробно см.: *Минц З. Г.* О первом томе лирики Блока // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 395—401. Воспроизводим подчеркивания, как это сделано в указанном издании.

новился на трехчленной композиции, дав отделам названия: «Неподвижность», «Перекрестки», «Ущерб». Подобного способа репрезентации книги стихов, основанной на лирических циклах как ее композиционно-содержательном ядре, Блок будет придерживаться и позже, вплоть до канонической «лирической трилогии» (где, кстати, появится отдел «Разные стихотворения»). Второй сборник стихов «Нечаянная Радость» (1906, на обложке: 1907) Блок разделил на семь отделов: «Весеннее», «Детское», «Магическое», «Перстень-Страданье», «Покорность», «Нечаянная Радость», «Ночная Фиалка» (поэма выделена в самостоятельный отдел); следующий, «Земля в снегу» (1908), — на шесть: «Подруга Светлая», «Мещанское житье», «Вольные мысли», «Песня Судьбы», «Послания», «Снежная Маска» (отдел-цикл состоит, в свою очередь, их двух подциклов: «Снега» и «Маски»). Стихотворным сборникам предпосланы авторские предисловия метаописательного характера, в чем также можно видеть след фетовской авторефлексии — поэт неизменно сопровождал издания своей лирики и переводов объяснительными вступлениями.

При отсутствии конкретных документальных подтверждений подобной рецепции аргументом в пользу выдвинутой гипотезы могут стать читательские пометы Блока, но уже на другом издании — трехтомном «Полном собрании стихотворений» Фета, вышедшем под редакцией Б. В. Никольского в издательстве А. Ф. Маркса в 1901 году (*Библиотека Блока.* Кн. 3. С. 325–332; тома в кожаных переплетах с владельческим тиснением на корешках: «А. Б.», время приобретения неизвестно). В томе 1 внимание Блока привлекла история формирования и публикации первых лирических циклов Фета, что, как известно, осуществлялось Аполлоном Григорьевым,[28] и, в частности, их тематическая рубрикация. В предисловии «От редактора» Блоком подчеркнут следующий пассаж: «...первоначальным их составителем был Ап. Григорьев, — составителем очень искусным, глубокомысленным и оригинальным, но крайне причудливым <...>», далее отчеркнуто на полях: «И на самом деле, мы видим, что вначале группировка Григорьева вполне соответствовала творчеству Фета и стихотворения последнего без остатка делились при их первом опубликовании в журналах на „Снега“, „Гадания“, „Вечера и ночи“, „К Офелии“, „Мелодии“, „Элегии“ и т. д. Но уже в издании 1850 года понадобился отдел „Разных стихотворений“: творчество Фета перерастает рубрики Григорьева».[29] На данный факт он вновь обратит внимание при чтении книги Фета

[28] См.: *Кошелев В. А.* О композиции сборника «Стихотворения А. Фета» 1850 года // *ФетСб(1).* С. 30–42.

[29] *ПССт1901.* Т. 1. С. XII (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/36).

«Ранние годы моей жизни», приобретенной в 1912 году,[30] выделив подчеркиванием следующее авторское свидетельство: «Все размещения по отделам с отличительными прозваниями производилось трудами Григорьева».[31] Эти пометы логично отнести ко времени подготовки, с осени 1914 года, тома «Стихотворений» Ап. Григорьева и предварявшей его статьи «Судьба Аполлона Григорьева». Однако центрирование внимания именно на тематическом принципе структурирования стихотворных сборников Фета весьма симптоматично как подтверждение первоначальной творческой интенции. С другой стороны, не исключено, что в периоды работы над переизданиями «собрания сочинений» и «трилогии вочеловечения» в 1915—1916 годах для Блока вновь становился актуальным тот опыт композиции книги стихов, который был в свое время инициирован Фетом.

2. О библиофилии, «русском Катулле» и ошибках памяти

Уже на первых курсах университета, особенно с переходом в 1901 году с юридического на славяно-русское отделение историко-филологического факультета, Блок приступил к формированию своего личного библиотечного собрания. Записные книжки этого периода содержат многочисленные отметки о покупке книг (в первую очередь по университетскому курсу) с указанием их стоимости, о посещении известного своей букинистической торговлей Александровского рынка, о внимании к издательским и антикварным каталогам — их в течение жизни была собрана целая коллекция. Склонность к систематичности и аккуратности — характерологическая черта Блока — отразилась и на его отношении к приобретаемым книгам: многие из них содержат владельческие надписи, отметки о времени и месте покупки, отдельные удачные приобретения, в том числе дополняющие неполные комплекты имеющихся изданий или же восполняющие утраченные экземпляры, отмечены записями в дневнике и записных книжках. О взыскательном эстетическом вкусе владельца свидетельствуют элегантные переплеты с владельческим тиснением на корешках (инициалы «А. Б.»), встречается и серийный тип оформления. Так, некоторые издания римских поэтов в переводах Фета оформлены в зеленые переплеты с золотым владельческим тиснением на корешках. «Страстный классик», как характеризует его биограф, уже в гимназии проявивший

---

[30] *Блок.* Т. 7. С. 158.

[31] *РГ.* С. 210 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 8/225).

интерес к классическим языкам, особенно латинскому,[32] Блок собрал значительный корпус книг по истории и философии Древней Греции и Рима, по античной литературе, среди них — редкие издания Катулла, Горация, Вергилия на языке оригинала, приобретенные в разное время, что зафиксировано пометами владельца (*Библиотека Блока*. Кн. 3. С. 43, 98, 157). Переводы Фета представлены элегиями Катулла, Тибулла, Проперция, сатирами Ювенала, Персия, «Метаморфозами» («XV книг Превращений») Овидия, комедией Плавта и эпиграммами Марциала (см. по указателю имен: *Библиотека Блока*. Кн. 3). Все издания (кроме последнего, скорее всего Блоку не принадлежавшего) — либо в переплетах с владельческим тиснением, как указано выше, либо с владельческой надписью на титульном листе («Превращения» Овидия); полностью отсутствуют какие-либо пометы на «Элегиях» Тибулла, «Сатирах» Персия, комедии Плавта «Горшок» («Aulularia»). Ни на одном из экземпляров не указана дата приобретения, что усложняет хронографию помет и их идентификацию. Но все же некоторые «улики» обнаруживаются.

Выясняется, например, что «Элегии» Проперция (отдельный оттиск из «Сборника статей по классической филологии») были отданы в переплетные работы на фабрику М. Н. Гаевского летом 1904 года вместе с другими книгами — их перечень с указанием стоимости работ приведен в записной книжке № 7:

[Гаевскому отд<ано> на лето.
Д. Давыдов (3 т<ома> в один) — 45 <коп.>
И. Дмитриев (2 т<ома> в один) — 45 <коп.>
D'Annunzio, Le Feu — 60 <коп.> (желт<ая> кожа)

---

[32] *Бекетова М. А.* Воспоминания об Александре Блоке. С. 42. См.: *Кумпан К. А.* О преподавании «древних языков» во Введенской гимназии (Еще раз к вопросу «Блок и античность») // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С. 151—157. На первом и втором курсах историко-филологического факультета Блоком были подготовлены два «латинских реферата» — о Горации и о сборнике «Amores» Овидия в сопоставлении с его же «Метаморфозами». Ср.: «Блок занимался в семинарах такого выдающегося ученого-классика, как профессор И. И. Холодняк, комментировавший „Записки о Галльской войне“ Юлия Цезаря, избранные оды Горация, комедии Теренция и „Энеиду“ Вергилия; прослушал он и курс истории римской литературы у того же преподавателя. Древнюю историю читал Ф. Ф. Соколов, комментировал авторов и вел небольшие курсы знаменитый Ф. Ф. Зелинский <...>, тексты интерпретировали также доцент Е. М. Придик и <...> В. П. Ернштедт. Посещал Блок и семинар, посвященный любовным элегиям Овидия („Amores“) у доцента Б. В. Варнеке» (*Вулих Н. В.* «Amores» Овидия в интерпретации Блока // Там же. С. 142—150). Об ошибках Блока в переводах латинских текстов см.: *Гаспаров М. Л., Котрелев Н. В.* Блок и латынь // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 169—171.

Мережк<овский>. Трил<огия> (2 ч<асти> в одну) — 1 р<уб.> (красн<ый> саф<ьян> с бум<азеей?>)
Штоль — мифы (2 ч<асти>) — 45 <коп.>
Вместе: Энеида, Героини, **Проперций,** Феокрит — 45 <коп.>
Fustel de Coulange<s> — 45 <коп.>
Гораций. <Bibliotheca> Teubn<eriana> — 60 <коп.> (золотист<ый> коленк<ор>)
Дже<й>мс, Психол<огия> — 45 <коп.>
Виндельб<анд>. Древн<яя> филос<офия> — 45 <коп.>

Всего — 5 <руб.> 35 <коп.>].[33]

Годом ранее, 14 августа 1903 года, за три дня до свадьбы, в записной книжке № 6 Блок оставил лаконичную запись: «Фет — о женщинах»,[34] которая до сих пор не прокомментирована. Восполнить лакуну, в том числе и хронологическую, помогают блоковские пометы на предисловии Фета, где объясняется роль Проперция, создателя четырех книг элегий, обращенных к возлюбленной — гетере Цинтии, в развитии римской любовной лирики. Блоком, адептом метафизики Вечной Женственности, увлеченным поисками «обосновани<я> женственного начала в философии, теологии, изящной литературе, религиях»,[35] как и выявлением «внешних» его форм, были глубоко лично восприняты и спроецированы на собственную драматическую коллизию любовных отношений (поэт, его Идеал и реальная женщина-возлюбленная) следующие комментарии переводчика (начальный фрагмент отчеркнут на полях двойной чертой, далее после подчеркивания — волнистой линией): «Развивая один за другим свитки элегий Проперция, мы с первых строк и до последних, <...> встречаемся лицом к лицу с женщиной, составляющею главное содержание, тогда как другое является только вспомогательным средством. Выбора нет: или мы должны понять эту женщину и ее отношение к поэту, или отказаться от всякого понимания. Эта женщина — гетера Цинтия».[36] Не здесь ли истоки блоковской

[33] *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 327. Л. 43 (Выделено мною. — *Н. Г.*). Фрагменты отсутствующие или неточно переданные в единственном пока издании записных книжек Блока, подготовленном В. Н. Орловым (М., 1965; ссылки на данное издание даются сокращенно: *ЗК*, с указанием страницы), приводятся по рукописному источнику.

[34] *ЗК*. С. 54.

[35] *Блок*. Т. 7. С. 48.

[36] *Проперций Секст.* Элегии / Предисл. и примеч. А. Фета // Сб. статей по классической филологии. 1888. Вып. 2. С. 12–13 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/100 алл. 3).

«антитезы», предчувствие «изменения облика» и превращения образа идеальной возлюбленной в Незнакомку и femme fatale?

Автор предисловия делал акцент на гендерных, говоря современным языком, представлениях, господствовавших в античном обществе, разъясняя понятие «гетера» и узус его употребления в Древней Греции и Риме, а в связи с этим и воззрения древних на семейную жизнь, что привлекло внимание Блока, мистически переживавшего грядущее таинство бракосочетания. Им отчеркнут на полях следующий фрагмент: «Строго логический римлянин понимал, что без твердых семейных начал нет ни твердой гражданственности, ни государственного единства. Поэтому, если явление гетер нимало не шло наперекор эстетическому настроению грека, все большее увлечение этим прошлым элементом было со стороны римлянина семейною, а потому и государственною изменою, за которую Рим расплатился своим бытием».[37]

Несколько абзацев предисловия были посвящены рассуждениям об отличии любви как «полового влечения» и «семейной жизни», что иллюстрировалось образом Дон-Жуана из одноименной драмы А. К. Толстого — героя, находящегося в постоянном поиске «идеала». Нет сомнения, что эта концепция воспринималась Блоком в контексте статьи Вл. Соловьева «Смысл любви»: проникнутая пафосом платоновского учения об Эросе, она вдохновляла адепта на поиски разноликих форм «воплощения» идеального образа «в другом, низшем существе той же женской формы, но земной природы».[38] В отличие от философа-метафизика, Фет психологизирует проблему, однако в данный момент именно подобный ракурс оказался близок Блоку, находившемуся в состоянии напряженной интроспекции. На полях отчеркнуто: «Он (Дон-Жуан. — *Н. Г.*) не догадывается, что идеал находится в том ненормально восторженном состоянии, в которое он как раз впадает, и потому в качестве идеала не может быть тождествен с каким-либо реальным явлением».[39] Таким образом, приведенные примеры указывают на специфическую тематическую избирательность внимания Блока-читателя в данный период его жизни и позволяют датировать блоковские пометы августом 1903 года.

Дата покупки «Стихотворений» Катулла и «Элегий» Тибулла известна точно — она зафиксирована Блоком в дневнике 1912 года:

> ***3 октября***. Сегодня я достал на Литейной первые издания Катулла и Тибулла — Фета.[40]

---

[37] Там же. С. 15.

[38] *Соловьев В. С.* Собр. соч.: В 9 т. СПб., <1901—1907>. Т. 6. С. 406. См. пометы: *Библиотека Блока*. Кн. 2. С. 259—260.

[39] *Проперций Секст*. Элегии. С. 13.

[40] *Блок*. Т. 7. С. 160.

Это был период очередного приступа mania bibliophilia, периодически настигавшей поэта. Так уже случалось в октябре 1904 года, когда были приобретены антикварные «Carmina» Катулла 1788—1792 годов издания, «Opera omnia» Вергилия (1818), или в самом конце 1909 года в Ревеле: пометой «Al. Block. 31. XII. 1909. Reval» отмечены такие книжные раритеты, как лейпцигское издание Гомера (1820), амстердамские издания сочинений Горация (1650) и комедий Плавта (1721)... Теперь настал черед Фета: накануне была приобретена книга его мемуаров, а запись о покупке сопровождена комментарием, дающим представление о культуре чтения на рубеже веков и вкусах элитарного и массового читателя.

25 сентября. Библиофилия начинает снедать меня. Сегодня я купил первые два полутома Andre Michel'я (в переплетах), докупил Кальдерона (т. III и т. II, который у меня летом изорвали актеры) и нашел у Маркса «Ранние годы моей жизни» Фета (оказывается, никто не спрашивает, и издание, которому уже 19 лет, не распродано).[41]

28 сентября. Библиофилия. Купил на Владимирской Ап. Григорьева за 8 руб., Державина 43-го года — четыре книги в двух переплетах, «Русскую народно-бытовую медицину» Попова (Тенишевское издание). У Балашова — Бердслея «Скорпиона», только что вышедшего.[42]

Нет сомнения, что уже самое первое, буквально по горячим следам, знакомство с «русским Катуллом»[43] побудило Блока обратиться к оригиналу (а таковой, как мы помним, был приобретен еще в октябре 1904 года), что, конечно, потребовало словаря, а в итоге вылилось в самокритичную резиньяцию:

4 октября. <...> Купил большой латинский словарь. — Утром поражал меня Катулл, особенно то стихотворение, первую строку которого прочел мне когда-то Волошин, на Галерной, когда я был еще вовсе глуп.

Super alta vectus Atys celeri rate maria,
Phrygium nemus ci tato cupide pede tetigit...[44]

---

[41] *Блок*. Т. 7. С. 158. Сохранились также два тома мемуаров Фета «Мои воспоминания: 1848—1889» (М., 1890. Ч. 1—2) с пометами Блока (*Библиотека Блока*. Кн. 2. С. 332—33), о чтении которой во время пребывания в Шахматове сделана запись от 23 июня 1914 г.: «Дни тянутся. Флобер, да воспоминания Фета, да еда, да природа. И скука и прелесть» (*ЗК*. С. 233).

[42] *Блок*. Т. 7. С. 158.

[43] Ср. в стихотворном посвящении Вл. С. Соловьеву, предпосланном переводу: «Прости! Лавровому венцу / Я скромной ивой подражаю, / И вот Веронскому певцу / Катуллом русским отвечаю».

[44] По морям промчался Аттис на летучем, легком челне,
Поспешил проворным бегом прямо в глушь фригийских лесов...
(Пер. с лат. А. Пиотровского).

XXVII

лемъ и гребцами. Съ Сирміона и изъ Вероны Катуллъ по свиданіи съ отцомъ снова вернулся въ Римъ, гдѣ написалъ (10) характерную картину изъ тогдашнихъ нравовъ.

Въ Римѣ Катуллъ, свободный на этотъ разъ отъ исключительной страсти къ Лезбіи, могъ предаться свѣтской жизни въ кругу друзей. Какъ ни справедливъ былъ впослѣдствіи Горацій, указывая на всемірное владычество и богатство, какъ на причину упадка римскихъ нравовъ, а Ювеналъ черезъ 200 лѣтъ въ своей ненависти къ юркимъ Грекамъ, вѣрность ихъ указаній не въ силахъ измѣнить исторической цѣпи причинности. Во время Цицерона и Катулла Римъ давно уже закипалъ греческою образованностью, и на первыхъ порахъ Римъ наукъ и искусствъ начинался именно тамъ, гдѣ кончалась Греція, т. е. въ Александріи. Нравственная разнузданность Лезбіи (Клодіи) роняетъ ее въ нашихъ глазахъ и уронила въ глазахъ Катулла, но Вестфаль совершенно справедливо говоритъ: «Безъ любви къ Лезбіи, Каттулъ никогда бы не вышелъ изъ круга Александрійской поэзіи».

Понятно, что по возвращеніи въ Римъ, Катуллъ еще тѣснѣе прильнулъ къ кружку старыхъ литературныхъ друзей. Римъ въ то время кипѣлъ признанными и непризнанными стихотворцами. Мы уже видѣли, что серьезные чиновники, преторы и публичные ораторы предавались писанію стиховъ. Понятно, что для истинныхъ жрецовъ искусства подобные стихотворцы и ихъ стихи были истинной карой, какъ это видно изъ самыхъ произведеній Катулла. Въ настоящее время ограничимся указаніемъ на тѣхъ истинныхъ друзей поэта, въ кругу которыхъ снова оживилась и отчасти измѣнилась его муза.

Страница с пометами А. А. Блока на очерке Фета «Жизнь Катулла» в книге «Стихотворения Катулла» в переводе и с объяснениями Фета (СПб., 1886)

Вчера, ночью и утром — стыд за себя, за лень, за мое невежество в том числе. Еще не поздно изучать языки.[45]

Речь идет о 63-м стихотворении Катулла (Carm., 63), согласно новоевропейской традиции озаглавленном «Аттис» (у античных лириков стихи заглавий не имеют). В принадлежавшем Блоку экземпляре этот текст содержит ряд помет графитовым карандашом, как и во мно-

[45] *Блок.* Т. 7. С. 160.

гих других текстах, а также в подстрочных примечаниях (*Библиотека Блока*. Кн. 2. С. 24—25). Их можно считать синхронными первому чтению (октябрь 1912). С карандашом в руках прочитаны Блоком «Предисловие», очерк «Жизнь Катулла», но здесь уже использовались синий и красный карандаши с характерным нажимом. Эти пометы сделаны гораздо позже и переносят в совсем другое время, а именно в 1918 год, когда Блок, с 22 апреля по 16 мая, был занят подготовкой лекции в недавно открывшейся Школе журнализма.[46] Центральной фигурой был избран Люций Сергий Катилина, мятежник и бунтарь, возглавивший в 62 году до н. э. государственный заговор против римского нобилитета, образ, вдохновивший в эпоху европейских революций середины XIX века молодого тогда Генрика Ибсена на создание одноименной исторической драмы (1850). Очерк под названием «Катилина. Страница из истории мировой Революции» выйдет отдельным изданием в 1919 году. Лишь отчасти следуя методу исторических аналогий и уходя от интерпретации личности протагониста в духе ибсеновской «драмы сознания», Блок превращает тему Древнего Рима в сложную метафорическую конструкцию, где историческое и антропологическое взаимно соотнесены, а смена исторических эпох представлена через аффект и эксцесс — бунт, заговор, революционный порыв, сексуальную перверсию. В записи от 22 апреля первое упоминание «Катилины» сопровождается предварительным списком источников: это «Реальный словарь классической древности» Ф. Х. Любкера, «Малый энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Очерк римской истории и источниковедения» немецкого историка Б. Низе, статья И. Бабста «О Саллюстии и его сочинениях» (Пропилеи. 1851. Кн. 1), исторические памятники — «О заговоре Катилины» Саллюстия, речи Цицерона против Катилины (известные Блоку с гимназических времен) и, конечно, драма Ибсена.[47] Несмотря на тщательное, как всегда, изучение литературы (почти все материалы сохранились в блоковской библиотеке, большинство из них содержат пометы и маргиналии в виде подчеркивания отдельных строк, фраз, имен, дат, отчеркиваний фрагментов текста, порой всей страницы, мнемонических знаков на полях, в том числе NB), Блок в течение нескольких дней находился в поисках побудительного импульса к письму. И таким кульминационным моментом стало воспоминание о катулловом «Аттисе» в переводе Фета, что в итоге определило не просто композицию очерка о «римском большевике», но его

[46] См. подробнее: *Грякалова Н. Ю.* Александр Блок и Школа журнализма (из хроник революционного времени) // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. М., 2017. С. 94—112.

[47] *ЗК*. С. 402.

нерв. Блок зафиксировал это творческое мгновение, прорвавшееся сквозь обыденность и усталость:

> ***27 апреля***. *Катилина.* Все утро — тщетные попытки. Шорохи тети и рояль за стеной доводят почти до сумасшествия. Все двери заперты (как всю неделю). Днем — беспокойный сон *старика*. О, если б отдохнуть! — Вдруг к вечеру — осеняет (63-е стихотворение Ювенала (правильно: Катулла. — *Н. Г.*) — ключ ко всему!). Сразу легче.[48]

Блоковская ошибка, скорее аберрация памяти, могла быть, во-первых, «подсказана» фетовским примечанием к «Аттису», где упоминаются «крайности времен Ювенала» как раз в связи с сюжетом стихотворения, во-вторых, стать следствием параллельного чтения предисловия Фета к переводу «Метаморфоз» Овидия (у Фета — «Превращений») — темы для «Катилины» магистральной. Ибо, как замечает современный исследователь, вводящий тему превращения, метаморфозы в контекст интереса Блока к русскому мистическому сектантству, в частности к скопчеству, «в „Катилине“, стилизованном под политическую историю, революция совершается над телом и направлена против государства».[49] Но здесь Блока заинтересовал также и другой момент, важный в общем контексте замысла, а именно характеристика имперского Рима со ссылкой на сатиры Ювенала. Им подчеркнут следующий фрагмент: «Что такое Рим поначалу и по своей природе? Разбойничье гнездо, на что указывает Ювенал в своем раздражении», далее цитата из 8-й сатиры отчеркнута круглой скобкой: «И хоть в древности ищешь и выводишь издревле / Имя, все же ведешь от притона ты гнусного род свой» (Sat. 8, 272).[50] Кроме того, внимание Блока привлекла идея извечного противостояния власти и поэта. Повествуя о судьбе Овидия-изгнанника, Фет объясняет причину недовольства властей Рима поэтом через аллегорию мифа об Актеоне, изложению

---

[48] Там же. С. 403.

[49] *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998. С. 382. Ср. примечание Фета с указанием на параллель в отечественной традиции (отчеркнуто Блоком): «...но опыт показывает нам, что люди, покатившиеся по душевно животному склону, доходят в поклонении Венере до крайностей времен Ювенала, а покатившиеся, вопреки врожденным инстинктам, по противоположному духовному склону, доходят в своей ненависти к Венере тоже до крайности, заставляющей и наших скопцов находить величайшую отраду в умножении прозелитов» (Стихотворения Катулла / В пер. и с объясн. А. Фета. СПб., 1886. С. 71–72 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/102)).

[50] *Овидий Публий Назон.* XV книг превращений / В пер. и с объясн. А. Фета. М., 1887. С. VII (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 2/72). Пометы Блока только в предисловии.

которого посвящена одна из пятнадцати книг «Превращений»: «Сам Овидий случайно видел духовную наготу земного бога, а Август, оставаясь верен своему служению, не мог ему простить этого несчастья».[51] Блок, увлеченный сложной диалектикой мифа, метафоры и метаморфозы, отметил данный фрагмент, отчеркнув его карандашом.

Вернемся к 63-му стихотворению Катулла. Миф об Аттисе, захваченном оргийным культом богини Кибелы и оскопившем себя в припадке исступления, был переложен Катуллом «прерывистым», «скачущим» галлиямбическим размером, передающим произошедшую с Аттисом метаморфозу: «...стих, как сам Аттис, меняется; прерывистость покидает его; из трудного и мужественного он становится более легким, как бы женственным <...>».[52] У Блока этот размер ассоциировался еще и с неровной походкой Катилины («то ленивой, то торопливой») и его экстатическим состоянием. Очевиден параллелизм между сюжетно-психологической коллизией очерка и некоторыми замечаниями Фета, например следующим примечанием, на которое Блок обратил внимание: «Своим лихорадочно-торопливым размером стихотворение прямо вносит нас в самое событие (in medias res)».[53] Отметим и обращение Блока к концепту *событие*, феномену, связанному с экзистенциальными аспектами мировосприятия, камертону ритмов мировой истории, которые не всем дано уловить: «Большая часть людей всегда ведь просто не может себе представить, что *бывают события*».[54]

Перевод Фета нельзя признать удачным, хотя автор и отмечал свое стремление к точности в воспроизведении стихотворного размера: «Настоящий малый эпос (эпиллион) написан изысканным и трудным галлиамбическим размером, который мы по возможности старались сохранить. Размер этот вполне выражает противоположности оргиастически-шумных и порывистых впечатлений с печальными».[55] «Изысканный и трудный» стихотворный размер передан у Фета шестистопным хореем, что не могло пройти мимо чуткого поэтического слуха Блока, сторонника, хотя и непоследовательного, эквиритмии, и он вынес безапелляционный приговор: «На русском языке есть перевод Фета. К сожалению, настолько слабый, что не решаюсь пользоваться им и позволяю себе цитировать несколько стихов по-латыни для того, чтобы дать представление о размере, о движении стиха, о том внутреннем звоне, которым проникнут каждый стих».[56] В тексте фетовского

[51] *Овидий Публий Назон.* XV книг превращений. С. IX.

[52] *Блок.* Т. 6. С. 81–82.

[53] Стихотворения Катулла. С. 70.

[54] *Блок.* Т. 6. С. 84–85.

[55] Стихотворения Катулла. С. 69.

[56] *Блок.* Т. 6. С. 81.

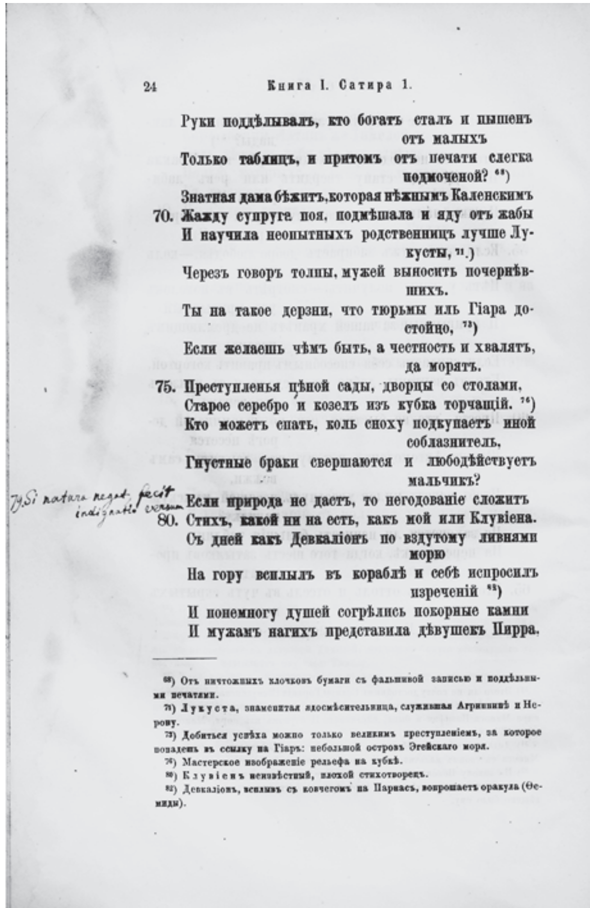
перевода им отчеркнуты те фрагменты, которые он процитирует на языке оригинала. В то же время он оперировал сведениями, почерпнутыми из предисловия и очерка о Катулле, которого назвал, лишь несколько изменив фетовскую формулу, «латинский Пушкин» (в предисловии фраза «римский Пушкин» подчеркнута красным карандашом), использовал характеристики нравов Древнего Рима, а в пересказе содержания стихотворения ориентировался на фетовские примечания, ре-интерпретируя их в духе модернистского дионисизма. Так, в примечании к заключительным строкам стихотворения он выделил лишь соответствующие синтагмы: «...если безумие присуще человеческой природе и кому-нибудь необходимо безумствовать, то дай Бог, чтобы этим безумцем не был я».[57] Все эти пометы, концептуально значимые для Блока, позволяют и «русского Катулла» в аранжировке Фета присоединить к ряду уже известных источников очерка «Катилина».

1919-й год стал для Блока временем новой волны актуализации наследия Фета. Дата «Май 1919» стоит под авторским предисловием к сборнику «За гранью прошлых дней», где фетовское стихотворение процитировано полностью как программная декларация: таким образом поэт утверждал принцип ретроспекции в презентации собственного творчества. 5 июня окончено предисловие к плану массового издания поэтической хрестоматии для Института Живого Слова (одна из филиаций Театрального отдела Наркомпроса),[58] где Блок взял на себя составление отдела поэзии 1840-х — 1890-х годов (начиная с Лермонтова и до Бальмонта). Проект не осуществился, однако предварительная работа была проделана, в том числе и по отбору стихотворений Фета, с изначальной установкой на «неограниченное число листов».[59]

[57] Стихотворения Катулла. С. 70. Ст. 91—93 отчеркнуты Блоком прямой скобкой: «О великая Цибеба, ты Диндима божество, / Пусть навек мой дом не знает страшной ярости твоей! / Возбуждай уже других ты и других быстрей гони» (Там же. С. 75). В очерке Блок дает свою версию прозаического перевода: «Великая богиня, да минует меня твое неистовство, своди с ума других, а меня оставь в покое», считая, что «поэт сам испугался того, что он описал» (*Блок*. Т. 6. С. 82).

[58] См. примеч. 12. Опубликовано: *Блок А*. Собр. соч.: В 12 т. Л., 1934. Т. 11. С. 437.

[59] Ср.: «Я начал выбирать, надеясь на неограниченное число листов» (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 369. Л. 2), однако в итоге объем был ограничен шестью печатными листами: «По моему настоянию выторговано шесть листов — maximum: лист — 16 страниц по 40 стихов, т. е. всего 640 стихов, в 6-ти листах — менее 4000 стихов (3840). Это очень мало, если принять во внимание, что в этом пятидесятилетии было до ста поэтов, среди которых, не считая Лермонтова, Тютчев, Фет, Полонский, Ап. Григорьев, Майков, Некрасов, Мей, Вл. Соловьев...» (Там же. Л. 3). Впоследствии все фамилии, кроме Лермонтова, зачеркнуты.


24 Книга I. Сатира 1.

Руки поддѣлывалъ, кто богатъ сталъ и пышенъ отъ малыхъ
Только таблицъ, и притомъ отъ печати слегка подмоченой? [69])
Знатная дама бѣжитъ, которая нѣжнымъ Каленскимъ
Жажду супруга поя, подмѣшала и яду отъ жабы
И научила неопытныхъ родственницъ лучше Лукусты, [71].)
Черезъ говоръ толпы, мужей выносить почернѣвшихъ.
Ты на такое дерзни, что тюрьмы иль Гіара достойно, [73])
Если желаешь чѣмъ быть, а честность и хвалятъ, да морятъ.
Преступленья цѣной сады, дворцы со столами,
Старое серебро и козелъ изъ кубка торчащій. [76])
Кто можетъ спать, коль сноху подкупаетъ иной соблазнитель,
Гнустные браки свершаются и любодѣйствуетъ мальчикъ?
Если природа не дастъ, то негодованіе сложитъ
Стихъ, какой ни на есть, какъ мой или Клувіена.
Съ дней какъ Девкаліонъ по вздутому ливнями морю
На гору всплылъ въ кораблѣ и себѣ испросилъ изреченій [82])
И понемногу душей согрѣлись покорные камни
И мужамъ нагихъ представила дѣвушекъ Пирра.

[69]) Отъ ничтожныхъ клочковъ бумаги съ фальшивой записью и поддѣльными печатями.
[71]) Лукуста, знаменитая ядосмѣсительница, служившая Агриппинѣ и Нерону.
[73]) Добиться успѣха можно только великимъ преступленіемъ, за которое попадешь въ ссылку на Гіаръ: небольшой островъ Эгейскаго моря.
[76]) Мастерское изображеніе рельефа на кубкѣ.
[80]) Клувіенъ неизвѣстный, плохой стихотворецъ.
[82]) Девкаліонъ, всплывъ съ ковчегомъ на Парнасъ, вопрошаетъ оракула (Ѳемиды).

Страница с пометами А. А. Блока на 1-й сатире Ювенала в книге «Сатиры» Ювенала в переводе и с объяснениями Фета (М., 1885)

Июлем того же года датировано «Предисловие» к поэме «Возмездие», которое несет следы обращения к «Сатирам» Ювенала в переводе и с объяснениями Фета, что еще не было отмечено комментаторами. В очерке «Жизнь и творения Ювенала» Блок обращает внимание на ряд суждений, где используются концепты «негодование», «гнев», дериваты лексемы «бич»,[60] опорные при характеристике творчества рим-

[60] Например, Блоком отчеркнуто о Ювенале, который «вследствие негодования предался сатире», а также фрагмент, где акцентируется связь творчества римского сатирика с философией стоиков: «Не таков идеал ювен<а>ловой сатиры. Бичуя современные уклонения, Ювенал твердо верит в коренные римские доблести

ского сатирика, благодаря которому в европейской традиции сложился определенный семантический ореол ямба — выражение эмоции гнева и возмущения общественными пороками и несправедливостью (ср. пушкинское: «О муза пламенной сатиры! / Приди на мой призывный клич! / Не нужно мне гремящей лиры, / Вручи мне Ювеналов бич!» или характеристику Ювенала, данную Жуковским: «...он бич порочных и порока»). В таком случае рассуждение Блока о ямбе как адекватном отражении ритмов кризисной современности 1910-х годов (ср. в Прологе к «Возмездию»: «Дроби, мой гневный ямб, каменья!») можно интерпретировать в диалогическом контексте, насыщенном своего рода параллелизмами — словами-сигналами. Ср.: «Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой волне на более продолжительное время».[61] А 6 августа 1919 года, преодолев издательские перипетии, в том числе вызванные обстоятельствами революционного времени, наконец-то вышел в свет сборник под заглавием «Ямбы. Современные стихи». Он объединил стихотворения 1907—1914 годов, часть из которых своей текстологической историей были связаны с черновыми редакциями поэмы «Возмездие».[62] Семантика ямба кодирует его культурно-исторический генезис и традицию, богатую литературными ассоциациями. И потому эпиграф к сборнику, представляющий собой усеченный стих из первой сатиры Ювенала, ставший крылатым фразеологизмом: «Fecit indignatio versum» (Sat. I, 79) (Негодование рождает стих — *лат.*), — оправдывал свою интертекстуальную функцию вполне. Полностью стихотворная фраза «79. Si natura negat, fecit indignatio versum»[63] была вписана рядом с фетовским переводом: «Если природа не даст, то негодованье сложит / Стих <...>» (запись сделана орешковыми чернилами, использовавшимися Блоком в это время).[64]

и здравомыслие. Мало того, что он стоит на самой высоте стоического учения, указывающего не только на должное, но и на причину: почему?» **(***Ювенал Децим Юний*. Сатиры / В пер. и с объясн. А. Фета. М., 1885. С. 17, 10 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/37)**)**.

[61] *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 49.

[62] Подробнее см.: *Лощинская Н. В.* <Преамбула к разделу «Ямбы»> // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 669—674.

[63] Блок неточен: в оригинале глагол употреблен в настоящем времени — facit.

[64] *Ювенал Децим Юний.* Сатиры. С. 24. Толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона дает такую версию перевода: «Если природа не одарила, то гнев порождает стихи». Буквально: Если природа отказала в таланте, то гнев рождает стихи.

Но казус в том, что в эпиграфе к «Ямбам» Блок ошибочно приписал цитату другому римскому поэту — Горацию, повторив ошибку Ап. Григорьева (эпиграф к стихотворению «Героям нашего времени»), которую не заметил при работе над изданием его стихотворений.[65] Возможно, мы вновь имеем дело с феноменом аберрации памяти: ведь Блок был прекрасно осведомлен об «Эподах» Горация, написанных ямбом, и, конечно, знал 79-й (как и у Ювенала!) стих из «Послания к Пизонам» («Ars poetica»): «Яростный гнев снабдил Архилоха оружием ямба».[66] Как бы то ни было, но поэт вынужден был реагировать на ситуацию вплоть до уничтожения бракованных страниц. Так, инскрипт на книге, адресованный Н. А. Нолле-Коган, был дополнен характерным примечанием: «Страницы 5—6 вырваны, чтобы не позорить автора», а в сопроводительном письме от 7 сентября 1919 года он даже пытался найти психологическое объяснение случившемуся: «Простите, что „Ямбы“ немножно надорваны внутри, но: 1) это — единственный у меня сейчас экземпляр на роскошной бумаге; 2) сам я тоже надорвался и, вероятно, давно. Как же дальше-то жить будем?».[67] Ошибка была исправлена Блоком в корректуре третьего тома очередного издания «лирической трилогии»,[68] готовившегося в издательстве «Земля», но не состоявшегося. Скорее всего, именно тогда Блок для уточнения вновь обратился к фетовскому переводу «Сатир» Ювенала и вписал 79-й стих. Правка Блока была учтена в следующем, «алконостовском» издании третьего тома 1921 года, однако его поэт уже не увидел...

3. Следы неосуществленного

Конец 1919 года ознаменовался для Блока участием в еще одном неосуществленном проекте ранних советских лет, ориентированном на массового читателя, — серии «Сто лучших русских книг». Серия была задумана под эгидой «Издательства З. И. Гржебина» как аналог

[65] См.: *Небольсин С. А.* История двух совпадений // Литературная учеба. 1978. № 3. С. 224—226.

[66] *Гораций Квинт Флакк.* Оды, сатиры, послания / В пер. и с объясн. А. Фета. СПб., 1898. 2-е изд. С. 458. Блоком была внимательно прочитана статья «Кв. Гораций Флакк» в «Словаре классической древности» Любкера (см.: *Библиотека Блока.* Кн. 2. С. 122), а курс лекций Ф. Ф. Зелинского, посвященный «Науке поэзии» Горация, тщательно проработан (см.: Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 402—409).

[67] *ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 340.

[68] *ИРЛИ.* Ф. 654. Оп. 2. № 4.

горьковского проекта «Всемирная литература», только на русском материале: это должны были быть доступные по цене, но в то же время выверенные текстологически, оснащенные справочным аппаратом издания русских авторов. Блок с энтузиазмом отнесся к новой идее и, привлеченный к разработке плана издания (который разросся до 250 томов!),[69] успел составить развернутый список авторов XVIII—XX веков (не опубликован),[70] включающий не только прозаиков и поэтов, но и философов, публицистов, политиков, а также пояснительную записку «О списке русских авторов» (представлена на заседание коллегии 2 декабря 1919 года). Этот документ явно недооценен, а ведь он отражает блоковскую концепцию развития русской литературы, панорамный взгляд на проблему поэта и филолога в одном лице, эрудита, человека потрясающей начитанности. Е. Замятин, также участник «строительства Вавилонской башни», как метафорически обозначил он гржебинское предприятие, красноречиво засвидетельствовал приоритет Блока: «...мы строили Вавилонскую башню: издадим Пантеон Литературы российской — от Фонвизина и до наших дней. Сто томов! Мы, быть может, чуть-чуть улыбаясь, — верили, или хотели верить. И больше всех верил Блок. Как и всегда, как и ко всему — он и к этому подошел „по-настоящему“. <...> И тут у Блока оказалась зоркость глаза, острота слуха такая, как ни у кого. Башню решили строить по его плану <...>».[71]

Кроме списка имен авторов Блоком были предложены и кандидатуры составителей. Для себя Блок отобрал пять поэтических имен: Лермонтова, Фета, Полонского, Вл. Соловьева, Ап. Григорьева (именно в такой последовательности, согласно записи от 31 января 1920 года в записной книжке № 61).[72] По гржебинскому проекту Блоком было подготовлено и вышло в свет только одно издание — «Избранные сочинения» Лермонтова.[73] Следующим автором, по-видимому, должен был стать Фет. 27 ноября 1919 года Блок занят подготовкой списка авторов и уже конкретно Фетом,[74] а 8 декабря «занятия Фетом» отмече-

[69] Ср.: «Было у нас заседание по программе для Гржебина. Горький говорил, что все нужно расширить: не сто книг, а двести пятьдесят» (*Чуковский К.* Дневник (1901—1929). М., 1991. С. 275, запись от 29 ноября 1919 г.).

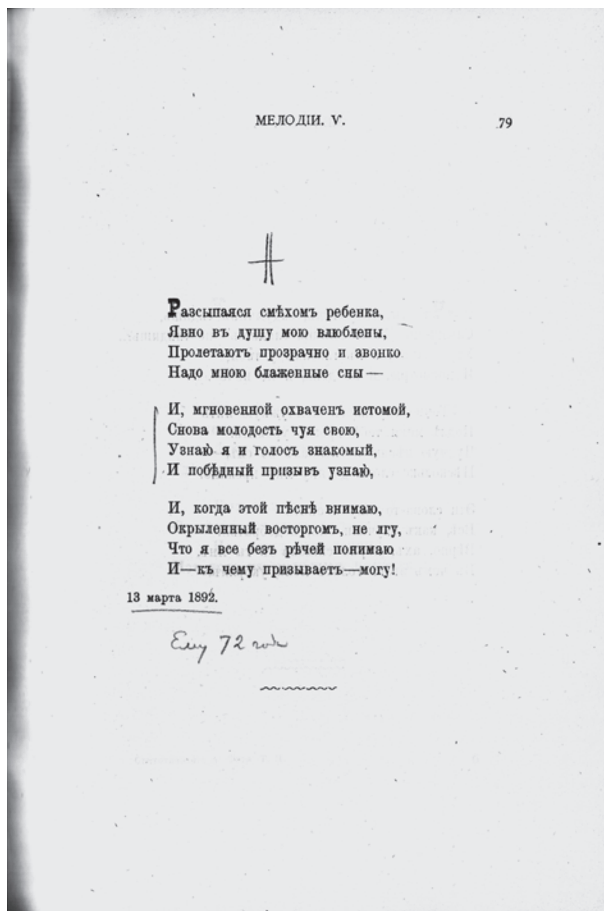
[70] *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 255.

[71] *Замятин Е.* Воспоминания о Блоке // Замятин Е. Соч. М., 1988. С. 315.

[72] *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 367. Л. 2.

[73] М. Ю. Лермонтов. 1814—1841. Избранные сочинения в одном томе / Ред., вступит. статья и примеч. Александра Блока. Берлин; Пб.: Изд. З. И. Гржебина, <1921>. См.: *Кузнецова О. А.* Блок в работе над собранием сочинений М. Ю. Лермонтова // Мир Лермонтова / Под ред. М. Н. Виролайнен, А. А. Карпова. СПб., 2015. С. 712—729.

[74] *ЗК*. С. 481.



МЕЛОДИИ. V. 79

Разсыпаяся смѣхомъ ребенка,
Явно въ душу мою влюблены,
Пролетаютъ прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны —

И, мгновенной охваченъ истомой,
Снова молодость чуя свою,
Узнаю я и голосъ знакомый,
И побѣдный призывъ узнаю,

И, когда этой пѣснѣ внимаю,
Окрыленный восторгомъ, не лгу,
Что я все безъ рѣчей понимаю
И—къ чему призываетъ—могу!

13 марта 1892.

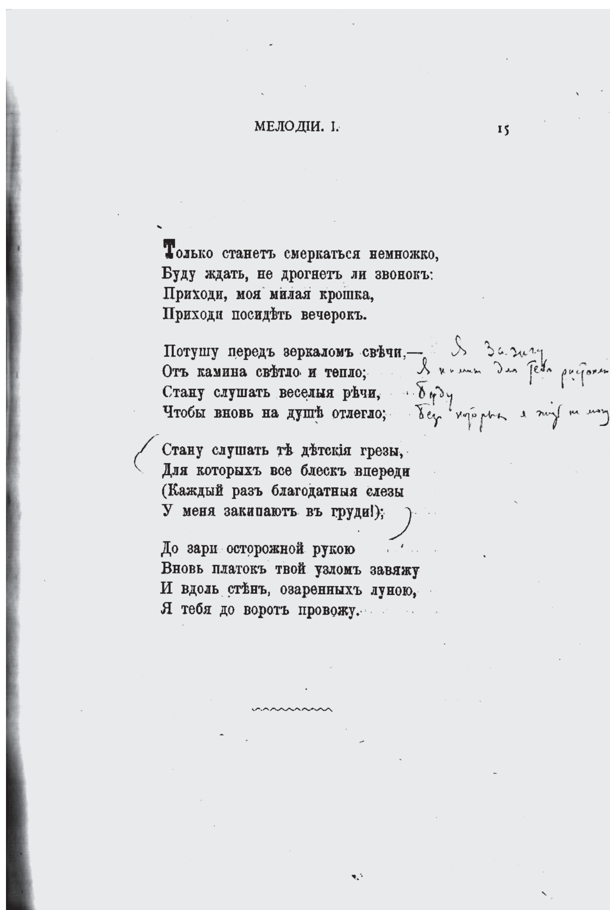
Ему 72 года

Страница с пометами А. А. Блока из книги
«Полное собрание стихотворений» Фета (СПб., 1901. Т. 2)

ны в записной книжке № 60 среди перечня ежедневных бытовых забот тех лет:

> ***8/25 <декабря>. Пн.*** Во «Всем<ирную> Лит<ературу>» за пайком и керосином.
> Гнусные слухи о новых возможных кражах дров.
> Занятия Фетом.
>
> Неуютно (таскание за продовольствием).[75]

[75] *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 366. Л. 87.



МЕЛОДІИ. I. 15

Только станетъ смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнетъ ли звонокъ:
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидѣть вечерокъ.

Потушу передъ зеркаломъ свѣчи,—
Отъ камина свѣтло и тепло;
Стану слушать веселыя рѣчи,
Чтобы вновь на душѣ отлегло;

Стану слушать тѣ дѣтскія грезы,
Для которыхъ все блескъ впереди
(Каждый разъ благодатныя слезы
У меня закипаютъ въ груди!);

До зари осторожной рукою
Вновь платокъ твой узломъ завяжу
И вдоль стѣнъ, озаренныхъ луною,
Я тебя до воротъ провожу.

Страница с пометами А. А. Блока из книги
«Полное собрание стихотворений» Фета (СПб., 1901. Т. 2)

Параллельно шла интенсивная работа по редактированию переводов Г. Гейне для издательства «Всемирная литература», поэтому «занятия Фетом» в данном контексте можно проиллюстрировать сквозными блоковскими пометами на третьем томе «Полного собрания стихотворений» Фета под редакцией Б. В. Никольского (*Библиотека Блока*. Кн. 2. С. 329–332), куда вошли переводы из Гейне, — и это большая многоаспектная тема. В то же время характер помет и маргиналий Блока на первом и втором томах (Там же. С. 325–329) свидетельствует о текстологической направленности его читательского интереса в данный момент, хотя пометы многослойны, сделаны красным и гра-

фитовым карандашами и так же репрезентативны для более ранних этапов блоковского творчества, что уже было отмечено исследователями.[76] Им внимательно прочитаны вступительные статьи с изложением эдиционных принципов, которыми руководствовался редактор, отмечены отдельные полемические суждения,[77] обращено внимание на датировки стихотворений, под текстами последовательно проставлены даты первых редакций, много помет по всему Хронологическому указателю, а также отметок стихотворных текстов идеографическими знаками.

К сожалению, время и силы, затраченные Блоком на разработку проспекта серии, к чему он подошел, как всегда, с предельной ответственностью, пропали втуне, как не были реализованы и многие другие начинания просветительской направленности пореволюционных лет. На фоне усиливающейся депрессии, вызванной болезнью и утратой революционно-романтических иллюзий, Блок все острее начинает переживать свой удел «последнего символиста» и культурное одиночество в литературной среде. В дневнике за 22 октября 1920 года характерная запись: «Гумилев и Горький. Их сходство: волевое; ненависть к Фету и Полонскому — по-разному, разумеется. Как они ни не любят друг друга, у них есть общее. Оба не ведают о *трагедии* <...>».[78] Он оставляет пост председателя Союза поэтов, где теперь «верховодит» Гумилев, впрочем, «довольно интересно и искусно» — уточнит Блок, отдавая должное литературному оппоненту.[79] Неудивительно, что в столь напряженной психологической ситуации Блок отказался от посещения юбилейного вечера, посвященного 100-летию со дня рождения Фета, прошедшего в клубе Союза поэтов 9 декабря 1920 года, предпочтя заняться редактированием переводов «Романтической школы» Гейне и трагедии Гёте «Торквато Тассо». В записной книжке за этот день отмечено: «...Союз поэтов в доме Мурузи — гов<орят> о Фете. Не пойду. Дни большой и хорошей работы».[80]

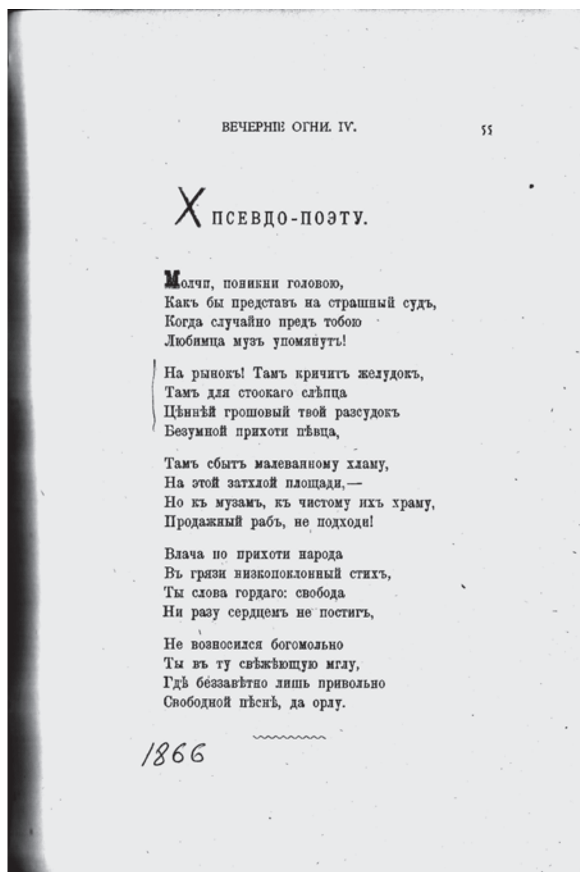
[76] См. примеч. 2.

[77] Например, мнение редактора, нивелирующее историко-национальную специфику лирики Фета, было принципиально неприемлемо для Блока: фразу «огромное множество его стихотворений <...> могло бы быть написано в любом веке, в любой стране» он сопроводил пометой: «О, нет» (*Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений. Т. 1. С. XI (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/36)). В университетские годы Блок был лично знаком с правоведом, профессором Б. В. Никольским, руководителем студенческого литературного кружка. См.: *Иванова Е. В.* Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С. 198—212.

[78] *Блок*. Т. 7. С. 371.

[79] Там же.

[80] *ЗК*. С. 509.



ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ. IV. 55

X ПСЕВДО-ПОЭТУ.

Молчи, поникни головою,
Какъ бы представъ на страшный судъ,
Когда случайно предъ тобою
Любимца музъ упомянутъ!

На рынокъ! Тамъ кричитъ желудокъ,
Тамъ для стоокаго слѣпца
Цѣннѣй грошовый твой разсудокъ
Безумной прихоти пѣвца,

Тамъ сбытъ малеванному хламу,
На этой затхлой площади,—
Но къ музамъ, къ чистому ихъ храму,
Продажный рабъ, не подходи!

Влача по прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный стихъ,
Ты слова гордаго: свобода
Ни разу сердцемъ не постигъ,

Не возносился богомольно
Ты въ ту свѣжѣющую мглу,
Гдѣ беззавѣтно лишь привольно
Свободной пѣснѣ, да орлу.

1866

Страница с пометами А. А. Блока из книги «Полное собрание стихотворений» Фета (СПб., 1901. Т. 1)

А накануне, 3 декабря, состоялась знаменательная беседа с Г. П. Блоком, как раз в эти годы увлекшимся изучением биографии Фета. Поводом к разговору стал недавно вышедший стихотворный сборник «За гранью прошлых дней». «Заговорили о Фете, — свидетельствует мемуарист. — Я сказал, что теперь, по-моему, его пора. Он не согласился: — Нет, пора Фета была раньше — двадцать лет тому назад».[81] И тем не менее поэзия Фета оставалась для Блока «путеводной звездой» до конца: тому подтверждение — концептуальная соположенность *тайной свободы* и *безумной прихоти певца* в итоговых размышлениях «О назначении поэта».

[81] Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 101.

СООБЩЕНИЯ

И. А. Кузьмина

О «БОТКИНСКОМ» ПЕРИОДЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕТА

(весна — лето 1857 года)

В настоящее время документально подтверждена принадлежность к «боткинскому» периоду шести стихотворений Фета, это: «В альбом. В первый день Пасхи» (8 апреля),[1] «Другу» (15 мая),[2] «Еще майская ночь» (16 мая),[3] «Цветы» (17 мая),[4] «Я был опять в саду твоем...» (6—8 июня),[5] «Расстались мы, ты странствуешь далече...» (первая декада июня).[6] К перечисленному можно добавить стихотворение «Был чудный майский день в Москве...», предположительно датированное Ю. П. Благоволиной 18 мая.[7] Итого семь стихотворений, все они, по словам самого поэта, были написаны «под влиянием» Марии Боткиной, ставшей в середине мая его невестой. Однако, судя по письму Фета к В. П. Боткину от 14 июня,[8] их должно быть не меньше пятнадцати.

Поскольку материал для датировки стихов Фета отсутствует, обратимся к рукописям поэта, а именно к одной из двух чистовых тетрадей, хранящихся в Пушкинском Доме. В первой из них, в так называемой «Тетради 1», содержатся автографы стихотворений за 1854—1859 го-

---

[1] См. вступит. статью к нашей публикации «Письма Фета к М. П. Боткиной» в наст. томе, примеч. 8.

[2] См. письмо Фета к Боткиной от 15 мая 1857 г. (№ 3).

[3] См. письмо Фета к В. П. Боткину от 18 мая 1857 г.: *Фет/Боткин*. С. 192.

[4] Там же. С. 192—193.

[5] См. письмо Фета к Боткиной от 8 июня 1857 г. (№ 7).

[6] См. письмо Фета к Боткиной от 9—11 июня 1857 г. (№ 8).

[7] *Фет/Боткин*. С. 192; см. также с. 193, примеч. 7.

[8] Там же. С. 194

ды.[9] Зная первое из «боткинских» стихотворений («В альбом. В первый день Пасхи») и установив последнее, можно вычленить всю группу, при условии, что Фет заносил в тетрадь сочиненные стихи регулярно. Жизненные обстоятельства, в которых находился тогда поэт, позволяют предполагать, что он именно так и поступал.

Нетрудно заметить, что в *Тетради 1* отсутствует значительное количество стихотворений, написанных во время Крымской войны (1854—1856).[10] Создается впечатление, что Афанасий Афанасьевич забыл взять с собой тетрадь, собираясь в поход. Начиная с весны 1856 года, по возвращении полка Фета на постоянные квартиры, ситуация меняется к лучшему. Последовательность стихов, помещенных после «Сна поручика Лосева», читанного Фетом А. В. Никитенко 27 апреля,[11] судя по скудным сведениям, которыми мы располагаем, в целом не противоречит хронологии: за парижскими стихами следуют итальянские, нередко публиковавшиеся с пометой «Рим». В тетрадь не занесена поэма «Две липки», над которой Фет работал в Италии,[12] другие же стихи, о которых известно, что они написаны в 1856 году, находятся на своем месте. И все же можно задаться вопросом: была ли чистовая тетрадь с Фетом за границей или он только по возвращении в Россию перенес туда стихи из записной книжки. Относительно «боткинского» периода такого вопроса не возникает: с марта 1857 года скитания Фета окончились, его жизнь приняла «оседлый» характер. Существенно и то, что после отъезда невесты за границу поэт занялся обустройством квартиры и отчаянно нуждался в деньгах. Фет сотрудничал с ведущими изданиями того времени, в число которых входили «Современник», «Библиотека для чтения», «Русский вестник». Гонорары стали

---

[9] *ИРЛИ.* № 14166. На корешке вытиснена дата 4 января 1854 г., однако, как заметил Б. Я. Бухштаб, «очень вероятно, что в нее первоначально было вписано все, что не было напечатано к тому времени в журналах, в том числе стихи, написанные до 1854 г.» (*Бухштаб. Обзор.* С. 602). См. публ. В. А. Лукиной «Первая рабочая тетрадь Фета (1854—1859)» в наст. томе (С. 627—637).

[10] По мнению Н. Н. Черногубова, к периоду Крымской войны, когда Фет служил на побережье Балтийского моря, относятся: «Пароход», «Морской залив», «Ревель», «Приметы», а также «Памяти Д. Л. Крюкова» (*Черногубов Н. Н.* К хронологии стихов Фета // Северные цветы. М., 1902. С. 222—223). Кроме того, в письмах Фета к Некрасову 1854—1855 гг. посылались: «Буря» («Свежеет ветер. Меркнет ночь...»), «Забудь меня, безумец исступленный!..»; упоминаются: «Диана, Эндимион и сатир» и перевод из Овидия «На смерть попугая» (*Некрасов. Переписка.* Т. 1. С. 521, 536—537). Из всего перечисленного в тетради есть только «Буря», причем вписана она среди стихов 1857 г.

[11] См.: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 511.

[12] *Черногубов Н. Н.* К хронологии стихов Фета. С. 223.

существенной статьей его дохода — можно ожидать, что он вел строгий учет своим стихам, не забывая их переписывать в чистовую тетрадь.

Общее впечатление от той части *Тетради 1*, где помещены стихи интересующего нас периода, сводится к следующему. Оригинальные свои стихи (то есть *не переводы*) Фет записывал по одному на лист, всегда, за исключением трех случаев, на лицевой стороне. Если текст не помещался на лицевой стороне, то окончание переходило на оборот. Кроме того, на обороте записывались варианты соседних стихов, есть неоконченный набросок. Некоторые обороты остались чистыми. Переводы записаны как на лицевых сторонах, так и на оборотных. Даты отсутствуют.

«Победа! Безоружна злоба...» записано на листе 67. Начиная с этого текста, идет совокупность стихотворений, написанных весной и летом 1857 года. Обращенное к Боткиной стихотворение «Другу» («Когда в груди твоей страданье...»), датированное самим Фетом 15 мая, в тетради отсутствует. Если же полистать тетрадь далее, то обнаружится, что там отсутствует и другое стихотворение, дата которого приблизительно известна, а именно экспромт «Весь переезд забавою...», сочиненный для памятной книги капитана Крюгера в начале августа. Экспромт мог бы служить важной вехой, отделяющей стихи, написанные перед отъездом за границу, — от стихов, написанных после. Но, видимо, замечание Б. Я. Бухштаба, что *Тетрадь 1* была предназначена для распределения стихов по журналам,[13] следует признать справедливым. Слишком личное «Другу», как и стихотворение «на случай» «Весь переезд забавою...», Фет предлагать журналам, очевидно, не собирался и потому в тетрадь не занес.

Зато на листе 91 находим «Псовую охоту» — первое стихотворение, сочиненное после женитьбы. Что это именно так, следует из писем поэта к В. П. Боткину за сентябрь — ноябрь 1857 года, сохранившихся в полном составе.

Едва покинув Париж, Феты возобновили переписку с оставшимся за границей Василием Петровичем, их первое письмо, от 3 сентября, отправлено из Любека, где супруги доживали свой медовый месяц в ожидании багажа.[14] О стихах — молчание. Во втором письме, от 28 сентября, написанном через неделю по прибытии в Москву, Фет замечает, что «еще не довольно уютился», чтобы приниматься за работу,[15] видимо имея в виду свой перевод трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра». Наконец, письмо от 21 октября вносит полную ясность: «Новых стихов пока ни строки — да и не может быть в этой суматохе

[13] *Бухштаб. Обзор.* С. 602.
[14] *Фет/Боткин.* С. 199–200.
[15] Там же. С. 205.

и безурядице. Исправил некоторые, в том числе „Бельведерского“. Перевожу с английского „Антон<ия> и Клеопатру“, и вчерне 1-й акт почти готов».[16] Новые стихи: «Псовая охота» и «Вчера я шел по зале освещенной...» находим только в письме от 4 ноября.[17] Напрашивается вывод, что все стихи, упоминаемые в источниках до 21 октября включительно, относятся к «старым» стихам, то есть были написаны никак не позже августа.[18]

Перед свадьбой Фет много переводил из Гёте и Гейне, но переводы оставим пока без внимания. Кроме того, среди текстов, записанных на листах 67—90, находим два стихотворения прежних лет, которые Фет пытался переработать, «Бурю» и «Мне грустно...». Текст «Бури» содержится в письме Фета к Некрасову от 27 июня 1854 года.[19] Второе стихотворение опубликовано в 1852 году в «Москвитянине». Исключив как указанные стихи, так и переводы, и вставив на надлежащее место «Другу», получаем следующий перечень стихотворений:

1) Л. 67. «В альбом. В первый день Пасхи» («Победа! Безоружна злоба...»).
2) Л. 68. «Морской берег» («Как хорош чуть мерцающим утром...»).
3) Л. 69—69 об. «Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...».
4) Л. 71. «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...».
5) «Другу» («Когда в груди твоей страданье...»).
6) Л. 73. «Еще майская ночь» («Какая ночь! на всем какая нега...»).
7) Л. 74. «Цветы» («С полей несется голос стада...»).
8) Л. 75—75 об. «Был чудный майский день в Москве...».
9) Л. 77. «Если ты любишь, как я, бесконечно...».
10) Л. 78. «Свеча нагорела. Портреты в тени...».
11) Л. 79. «Италия» («Италия, ты сердцу солгала...»).
12) Л. 82. «Весенний дождь» («Перед окном еще светло...»).
13) Л. 83. «Рыбка» («Тепло на солнышке. Весна...»).
14) Л. 84. «Расстались мы, ты странствуешь далече...».
15) Л. 85. «Я был опять в саду твоем...».
16) Л. 85 об. «На стоге сена ночью южной...».
17) Л. 86. «Музе» («Надолго ли опять мой угол посетила...»).

---

[16] Там же. С. 213. Под «Бельведерским» имеется в виду стихотворение «Аполлон Бельведерский», написанное, вероятно, в Италии.

[17] Там же. С. 217—218.

[18] На этом основании можно с уверенностью отнести к «старым» стихам «Бал». «4 стихотворения: „К певице“, „Бал“ и еще два отдал на днях Каткову», — сообщает Фет в письме от 21 октября 1857 г. (*Фет/Боткин.* С. 214).

[19] См. примеч. 10.

18) Л. 87. «Лесом мы шли по тропинке единственной...».
19) Л. 88. «Бал» («Когда трепещут эти звуки...»).
20) Л. 89. «Ни тучки нет на небосклоне...».
21) Л. 90 об. «Какая ночь! Как воздух чист...».

Отметим, что хронологический порядок, насколько можно судить, нигде не нарушен. Стихотворения с известными датами: «Еще майская ночь» и «Цветы» — записаны одно за другим. Далее следует «Был чудный майский день в Москве...», что подтверждает датировку Ю. П. Благоволиной, переводя ее из предположительных в несомненные. Июньские «Расстались мы, ты странствуешь далече...» и «Я был опять в саду твоем...» расположены рядом. Последнее, судя по письму Фета, можно датировать 6—8 июня, что устанавливает довольно точные хронологические рамки для № 1—15: от 8 апреля по 8 июня. Датировка оставшихся шести номеров (с «На стоге сена ночью южной...» по «Какая ночь...») неопределенна. Попробуем предположительно установить крайние даты.

Ни в Любеке, ни в Москве за целый месяц проживания Фет, целиком погруженный в налаживание семейного быта, не написал ни одного стихотворения. Логично предположить, что, за исключением вынужденного экспромта, он ничего не писал и в предшествующий период, то есть после отъезда из России 31 июля. Путешествие, тревожные мысли о том, как его встретит невеста, предсвадебные хлопоты — все это создавало атмосферу, несовместимую с творчеством. В таком случае совокупность «боткинских» стихотворных текстов, начатых апрельским пасхальным поздравлением, формально завершается экспромтом «Весь переезд забавою...», и соответственно последние шесть стихотворений могли быть созданы в июне или июле. При этом достоверно известно, что во второй половине июня Фет стихов не писал.[20]

На наш взгляд, нет оснований сомневаться в том, что все тексты из представленного списка занесены в тетрадь в «боткинский» период. Вопрос в другом: нет ли среди них текстов, написанных в предыдущие

[20] «Стихов более двух недель не писал», — замечал поэт в письме к Боткиной от 30 июня (см. письмо 14). А в недатированном письме ей же (от 9—11 июня) Фет сообщает: «На днях душевные волнения прервали поток искреннего вдохновения, бивший все это время горячей струей» (см. письмо 8), и приводит текст одного «из последних стихотворений» («Расстались мы. Ты странствуешь далече...»). Но по тетради, после «Расстались...» следует «Я был опять в саду твоем...», написанное, скорее всего, 6 июня, во всяком случае не позже 8-го. От 8 до 30 прошло более трех недель, а не двух. На этом основании (надо признать, довольно шатком) можно предположить, что после «Я был опять в саду твоем...» Фет написал в июне еще стихотворение или два.

годы? Пример «Бури» настораживает. Стихотворение это не публиковалось и нигде не упоминалось. Если бы письмо к Некрасову с автографом «Бури», подобно многим и многим письмам Фета, пропало, ошибка при датировке стихотворения по месту в тетради была бы неизбежна. Вряд ли таких «гостей из прошлого», если они и есть, может быть больше одного-двух стихотворений: последняя книга Фета вышла чуть более года назад. Но полностью исключить возможность их существования нельзя.

Представленный список в целом очерчивает круг стихотворных текстов, которые, по всей вероятности, были написаны весной — летом 1857 года. При этом не исключено, что Фет не записал в тетрадь что-нибудь из не предназначенного к печати. Ю. П. Благоволина вслед за Г. Д. Аслановой уверенно причислила к «боткинскому» циклу стихотворение «Anruf an die Geliebte Бетховена», считая, что оно было написано 14 или 15 мая, перед отъездом невесты.[21] Однако в тетради «Anruf an die Geliebte» помещено среди текстов, созданных в Риме.

Относительно некоторых стихов представленного перечня: «Какая ночь! Как воздух чист...», «Если ты любишь, как я, бесконечно...», «Музе» («Надолго ли опять мой угол посетила...») Г. Д. Асланова уже высказывала предположение, что они обращены к Боткиной.[22] Вместе с теми семью стихотворениями, чья принадлежность к «боткинскому» периоду доказана, это составляет половину всего количества. Остальные же стихи с именем Марии Боткиной никогда не связывались. В заключение остановимся на одном из них, написанном, судя по положению в тетради, в апреле — мае:

Целый заставила день меня промечтать ты сегодня:
Только забудусь — опять ты предо мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах я улыбку;
Вновь позабудусь, и вновь листья в глазах да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого клена
Милая дева-дитя, в белом ты чинно сидишь.
Да! ты ребенок еще, но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злому вослед.
Златоволосый, как ты, на твоих он играет коленях:
В вожжи твой пояс цветной силясь (шалун!) обратить.
Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой,
Веткой левкоя тебя хочет ударить другой.

---

[21] *Фет/Боткин.* С. 158, 183, примеч. 24.

[22] «Навстречу сердцем к Вам лечу»: История женитьбы А. А. Фета по архивным документам // Новый мир. 1997. № 5. С. 207; «От тебя одной зависит мое полное счастие...»: Письма А. А. Фета к невесте // Наше наследие. 1999. № 49. С. 42.

Полно, шалун! ты сронил диадему с румяной головки;
Толстою прядью скользя, вся развернулась коса.
Цвет изумительный: точно опала и бронзы сиянье,
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
О, Афродита! не твой ли здесь шутит кудрявый упрямец?
Долго недаром вокруг белый порхал мотылек.
Мне еще памятен образ Амура и нежной Психеи,
Душу мою ты в свой мир светлый опять унесла.[23]

Это тот случай, когда стихотворение, вписанное в хронологический ряд, обретает новый смысл. Перед нами Мария Боткина, играющая с ребенком (вероятно, с одним из сыновей Екатерины Петровны Щукиной),[24] в саду своего дома на Маросейке. Фет, всегда неравнодушный к красоте женских волос, восхищается золотистым цветом ее косы.[25] Все детали: цветущий сад, мотылек, летний наряд девушки — соответствуют поздней весне. Видимо, стихотворение было написано в разгар ухаживаний поэта, в мае 1857 года. Но тогда и следующее стихотворение, «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...», передвигается с апреля—мая — на май.

---

[23] Цит. по: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 242.

[24] У Щукиных к этому времени было четыре сына: Николай (1852—1910), Петр (1853—1912), Сергей (1854—1936) и Дмитрий (1855—1932).

[25] В письме от 10 июля Фет писал невесте: «Позволь мне для собственного наслаждения перечислить все твои достоинства. Умна, добра, нежна и поэтому скромна, и видит жизнь с настоящей, а не с извращенной стороны. Бережлива и толковита, *блондинка* (Выделено мною. — *И. К.*) и любит меня» (см. письмо 20).

Г. Л. Ачкасова

ФЕТ О НАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА И ПОЭЗИИ

(К вопросу школьного изучения)

В последнее время особенно активно обсуждается вопрос о школьном литературном образовании. Спорят о том, какие задачи должен решать предмет «Литература», каких авторов и какие произведения следует включать для изучения в так называемый «золотой» список. Есть в ряду таких имен и произведений величины постоянные, без которых русская литература, следовательно, и ее изучение в школьном курсе не мыслятся. К таковым относится А. А. Фет и его поэзия.

В истории российского образования были периоды полного отсутствия Фета в школьных программах, затем его произведения стали появляться в тематических блоках, при этом акцент делался на распространенной точке зрения, согласно которой Фет — мастер формы, «пишущий пустяки». Двадцатое столетие стало временем осмысления жизни и творчества поэта наукой о литературе, открытия новых глубоких подтекстов и смыслов в его поэтическом наследии. Это нашло отражение в практике литературного образования: сегодня стихотворения Фета включены в программы начальной школы, изучаются в классах средней ступени (5—9), как монографическая тема биография и творчество поэта рассматриваются в 10 классе. И все же проблемы изучения Фета в школьном курсе литературы очевидны, связаны они, в первую очередь, с поверхностным восприятием его лирики, с непониманием его уникальности, которую А. К. Толстой определил следующим образом: «Фет — поэт единственный в своем роде, не имеющий равного себе ни в одной литературе, и он намного выше своего времени, не умеющего его оценить».[1]

[1] *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 306. Письмо к Б. М. Маркевичу от 8 июля 1869 г.

Охватить поэтическое наследие Фета в его полноте и многообразии в рамках школьного изучения трудно, скорее невозможно. Согласимся с А. Блоком, предупреждавшим в работе, условно названной «<Набросок статьи о русской поэзии>»: «Мы даже не задаемся целью описать всего Фета. Это значило бы — желать исчерпать неисчерпаемое».[2]

Задача уроков литературы – пробудить в учениках устойчивый интерес к произведениям Фета, показать возможность находить в них глубокие смыслы, не имеющие границ подтексты, помочь десятиклассникам понять и почувствовать особенности его стиля, сделать поэта узнаваемым даже в неизвестных им текстах. Решение этой задачи имеет множество вариантов, один из возможных и, как показывает практика, действенных — внимание к вопросу о назначении поэта и поэзии в системе эстетических воззрений самого Фета.

Беседе на эту тему будет предшествовать знакомство с биографией поэта и отношением к нему критиков. Разговор об этом порождает вопросы: Как в этом человеке уживались талантливый, расчетливый хозяин и тончайший лирик? Почему Фет, человек с активной жизненной позицией — рачительный хозяин, орловский, курский и воронежский помещик, коннозаводчик, мировой судья, автор статей об экономическом устройстве фермерского хозяйства — в поэзии не откликается на «насущные проблемы бытия»? Почему критики, признавая талант и самобытность дарования этого лирика, относят его к числу «второстепенных» поэтов? Почему и как менялось отношение к поэту в последующие периоды в истории страны и литературы? Эти вопросы определяют внутренний мотив читателя — желание понять поэзию Фета.

Разговор предлагаем начать с размышлений над тем, что может быть вообще предметом изображения в искусстве? Каковы его задачи и цели? Высказывая свои соображения, десятиклассники говорят о том, что содержанием искусства может быть все: и вопросы социальной сферы, и проблемы нравственного характера, и философские размышления о смысле бытия и тайнах природного мира. Художник вправе говорить о том, что ему близко, «чем он болеет», это и составляет поэтическое содержание его творений, содержание, которое обусловлено эстетическими воззрениями творца. Вот почему так важно для восприятия лирики Фета (как и восприятия творчества любого другого художника) выявить его отношение к вопросу о содержании поэзии, понимание им задач и целей искусства.

Ф. М. Достоевский писал: «Одним из самых важных литературных вопросов мы считаем теперь вопрос об искусстве. Этот вопрос разделяет

[2] *Блок А.* <Набросок статьи о русской поэзии> // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 36.

многих из современных писателей наших на два враждебные лагеря».[3] В середине XIX века атмосфера споров по этому вопросу достигала высочайшего накала, прежде всего между представителями революционно-демократического направления и сторонниками «эстетической» критики. Сторонники первого направления настаивали на том, что литература, искусство вообще должны делать «дело», приносить реальную «пользу» — служить великой идее борьбы за народное счастье. В свете таких требований даже поэзия Пушкина рассматривалась ими как ненужная. Давая оценки творчеству Фета, они, как правило, указывали на отсутствие глубокого содержания в его стихах, но при этом признавали талант поэта, самобытность его дарования. Н. Г. Чернышевский, например, совмещал такие характеристики, как «хороший поэт» и «пишет пустяки», а М. Е. Салтыков-Щедрин, указывая на то, что в русской литературе «г. Фету, бесспорно, принадлежит одно из видных мест» и «бóльшая половина его стихотворений дышит самою искреннею свежестью», относил его все-таки к числу «второстепенных» поэтов, так как его поэтический мир «довольно тесен, однообразен и ограничен».[4] Н. А. Добролюбов считал, что у автора нет живого отношения к современности и талант его «способен во всей силе проявиться только в уловлении мимолетных впечатлений от тихих явлений природы».[5] В целом, мнение этих критиков сводилось к определениям: «несомненный талант», но «крайняя незначительность содержания».

Вопрос о содержании и назначении искусства, о тайнах творчества осмысляется каждым художником. Фет не является исключением, более того, он выражает позицию целого направления, получившего у современников название «чистого искусства», и понимание этой позиции может стать своеобразным ключом, кодом к вхождению читателя в пространство поэтического мира Фета.

Предлагаемая далее методическая модель выявления эстетических позиций Фета неоднократно проверена практикой. Каждый раз (в зависимости от особенностей класса, педагогической ситуации в целом) в ней обнаруживались новые грани: варьировался контекст, в котором рассматривалась тема, по-разному акцентировалось внимание на анализируемых текстах, выбирались разные формы работы — от лекционных до самостоятельной исследовательской деятельности учеников.

---

[3] *Достоевский Ф. М.* Г-н —бов и вопрос об искусстве // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 72.

[4] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Стихотворения А. А. Фета. Издание К. Солдатенкова. 2 части. Москва. 1863 // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1966. Т. 5. С. 383.

[5] *Добролюбов Н. А.* Темное царство (Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859) // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 28.

Далее эта модель представлена в обобщенном варианте, который в конкретных ситуациях, обусловленных особенностями класса, индивидуальностью учителя, может дополняться, меняться, сохраняя предлагаемую логику коллективного исследования вопроса.

Ученикам, уже знакомым с отношением к Фету критиков, мы предлагаем обратиться к нему не как объекту изучения, а как участнику диалога о целях и смысле искусства. Анализ произведений, в которых выражены его взгляды, вызывает интерес у десятиклассников, удовлетворяет потребность «философствования», поиска причинно-следственных связей, потребность, которая характерна для этого этапа в литературном развитии школьника-читателя.

Выстраивая тексты в хронологической последовательности, выясняем, каким видит Фет содержание искусства, назначение поэзии, менялась ли его позиция в понимании этих вопросов или уточнялась, дополнялась ли или оставалась неизменной.

Начать разговор можно с произведения, которое школьникам уже знакомо. В 1843 году в «Отечественных записках» было напечатано стихотворение «Я пришел к тебе с приветом...». При первом прочтении оно воспринимается как образец пейзажной лирики. В процессе анализа происходит переосмысление текста: становится очевидным — речь идет о содержании именно фетовской лирики. Начинающий поэт заявляет о своем приходе в поэзию, о том, что красота окружающего мира и есть предмет изображения, более того, он определяет и главную особенность этого изображения — иррациональный, бессознательный характер творчества: «...не знаю сам, что буду / Петь, — но только песня зреет». Поэт молод и счастлив. Мир, который открывается лирическому герою, прекрасен. Весеннее безотчетное чувство светлой радости, даже веселья, переполняет его. Он весь — сердечный порыв. И это не минутное состояние вдохновения, не временное явление, это самая суть лирического «я». Речевые конструкции второй строфы — «той же», «вчера», «все так же» — указывают на постоянство выраженного состояния, намерения. Лирический герой чувствует желание «петь», желание, которое становится потребностью, которой невозможно сопротивляться, ее нельзя осмыслить. Это как весенняя почка, что вот-вот взорвется изумрудными листочками, и ничто не может остановить этот процесс.

Обращаем внимание учеников на синтаксическую особенность стихотворения: четыре строфы — и одно предложение, как выдох, который нельзя сдержать. Весеннее свежее чувство станет одним из отличительных качеств фетовской лирики, хотя со временем оно будет меняться, все более приобретая иной — ностальгический оттенок, появится мотив обращенности в прошлое. Это же стихотворение безмя-

тежно-радостно: в нем еще нет прошлого, о котором грустишь, есть будущее, которое не страшит, а главное, есть сегодня, сейчас, и оно, это сейчас, — счастье. Такое ощущение жизни — привилегия молодости. Поэту 23 года. Стихотворение, которое первоначально воспринимается как образец пейзажной лирики, неожиданно для читателей открывается как своеобразная поэтическая декларация, в ней автор обозначает содержание поэтического пространства, которое он открывает читателю, и это содержание — красота окружающего мира.

Далее обращаемся к стихотворению, написанному в 1866 году, спустя 23 года: «Пришла, — и тает все вокруг...».

Пришла, — и тает все вокруг,
Все жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимних вьюг,
Вдруг разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвело
Все, что вчера томилось немо,
И вздохи неба принесло
Из растворенных врат эдема.

Как весел мелких туч поход!
И в торжестве неизъяснимом
Сквозной деревьев хоровод
Зеленоватым пышет дымом.

Поет сверкающий ручей,
И с неба песня, как бывало;
Как будто говорится в ней:
Все, что ковало, миновало.

Нельзя заботы мелочной
Хотя на миг не устыдиться.
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.

Стихотворение звучит эхом по отношению к первому. Поэт настойчиво отправляет нас к прошлому: сердце — «пленник зимних вьюг», «Заговорило, зацвело / Все, что вчера томилось немо», «Все, что ковало, миновало...». И теперь нельзя не петь, и теперь эта песня — неудержимый восторг, как в стихотворении «Я пришел к тебе с приветом...». Но взамен безотчетному желанию — «...не знаю сам, что буду / Петь...» — появляется призыв «петь», «славить» и «молиться» «пред вечной красотой». Назначение поэзии Фет по-прежнему видит в служении красо-

те. От бессознательной песни как выражения естественного, природного начала в человеке он переходит к осознанному прославлению красоты окружающего мира. Отношение поэта к вопросу о содержании искусства и его назначении не меняется, но начинает осознаваться.

Такое осознание особенно явно выражено Фетом в его статье «О стихотворениях Ф. Тютчева».[6] Обращение к статье на уроке — важный момент в осмыслении старшеклассниками искусства как особой области человеческого бытия, как способа познания мира и себя, как условия понимания и приятия ими фетовской поэзии. Зачитываем отдельные фрагменты, комментируем их. Среди них следующие: «...художнику дорога только одна сторона предметов: *их красота*, точно так же, как математику дороги их очертания или численность. — Красота разлита по всему мирозданию и, как все дары природы, влияет даже на тех, которые ее не сознают, как воздух питает и того, кто, быть может, и не подозревает его существования».[7] И далее: «Так как мир во всех своих частях равно прекрасен, то внешний, предметный элемент поэтического творчества безразличен. Зато другой, внутренний: степень поэтической зоркости, ясновидения — всё»;[8] «...поэзия — воспроизведение не всего предмета, а только его красоты <...>».[9]

В итоге школьники приходят к выводу: содержанием искусства, по мнению Фета, должна быть красота, он видит и находит ее там, где она открывается только «посвященному», «избранному». Интуитивное начало, о котором заявлено в стихотворении 1843 года, в статье рационально осмыслено: «Фет может и так — четко и ясно». Оказывается, он сознательно выбирает метод изображения, говоря современным языком, «технологию интуитивного», отсюда — музыкальность и импрессионистическое начало в его стихотворениях (об этом речь пойдет позже, при анализе художественных особенностей поэзии Фета). Предметом же изображения является красота, которая заключена в природе, любви и творчестве — эти три темы являются доминантными в поэтическом мире Фета.

Предлагаем найти тексты, в которых поэт выражает свое понимание вопроса о целях искусства, о назначении художника. Стихотворение «Муза», как и два предыдущих, написано весной — 8 мая 1887 года, за пять лет до смерти. Оно открывает третий сборник «Вечерних огней» и выступает как программное. В качестве эпиграфа поэт взял строки А. С. Пушкина: «Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков

[6] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 176—194.

[7] Там же. С. 177.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 180.

сладких и молитв». Вспоминаем стихотворение Пушкина, а затем возвращаемся к «Музе» Фета. Мысль в нем выражена предельно ясно, она не бессознательный порыв, а плод раздумий и анализа зрелого поэта, который определяет не только содержание поэзии, но и ее задачи, цели, назначение поэта.

Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня,
Бичей подыскивать к закону.
Поэт, остановись! не призывай меня,
Зови из бездны Тизифону.

Пленительные сны лелея наяву,
Своей божественною властью
Я к наслаждению высокому зову
И к человеческому счастью.

Стихотворение — страстный монолог Музы. Она не хочет быть служительницей Тизифоны — богини мести. Высокое наслаждение и счастье — вот к чему зовет она. Не страданья должен воспевать поэт, а «радость страданья», которая незнакома «ожесточенному и черствому душой». Не должна быть лира «трубой <...> погрома», попытка сделать ее такой — насилие над нею. Ее звуки несут на землю «Не бурю страстную, не вызовы к борьбе, / А исцеление от муки». Цель искусства поэт видит в «исцелении от муки», в том, чтобы сделать человека счастливым. При этом он точно указывает адресата, которому его поэзия недоступна — «ожесточенному и черствому душой». Если говорить о соотношении мысли и чувства в этом стихотворении, то первая составляющая так явно присутствует, что возникает вопрос: не изменил ли Фет своему принципу иррационального, бессознательного творчества.

Ответ находим в стихотворении «Одним толчком согнать ладью живую...», написанном осенью того же года. Оно явно перекликается с первым — «Я пришел к тебе с приветом...». В нем также одно предложение, включающее в себя три строфы, а главное — все тот же единый порыв. Только теперь поэт знает, о чем он поет и в чем признак истинной поэзии.

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов;

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,

Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим;

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец, —
Вот чем певец лишь избранный владеет!
Вот в чем его и признак и венец!

Комментируя каждую строку, идя вслед за автором, школьники осознают, что образы этого стихотворения объемлют жизнь души во всех ее проявлениях: и в способности подняться в иную жизнь, куда могут унести только мечты, и в возможности «упиться вдруг неведомым, родным», и в магическом даре тайное делать явным, а муки — сладостными. Поэт говорит о божественной власти, данной «певцу лишь избранному», — проникать в самые сокровенные тайны природы и человеческой души. Каждый образ этого стихотворения заключает в себе целый мир чувств, эмоций, «сердечных движений», смутных и непередаваемых. Что, например, значит «упиться вдруг неведомым, родным»? Может быть, это разные области «сердечных движений», а может быть, неведомое — оно же и родное? Неведомое — то, что не дано увидеть глазом, услышать ухом, воспринять разумом, а только — сердцем и, как скажет сам поэт, «наперекор уму». Это стихотворение одновременно и поэтическая декларация, и автопортрет поэта. Фет не изменяет себе, он только обозначает, уточняет ту область, то пространство, которое доступно поэзии, искусству.

Итак, предмет искусства — красота, цель — гармония, которую оно рождает в душе человека, радость, которой оно может наполнить его. Исцеляя «больную душу», поэзия оказывается «спасительной» и для поэта, и для читателя. Что касается красоты, то она, по мнению поэта, объективно существующая реальность: «Целый мир от красоты...», — утверждает он в одном стихотворении, а в другом — говорит о невозможности художнику превзойти подлинную красоту:

Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.

Не я, мой друг, а Божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.

Такие поэтические установки и верность им на протяжении всей жизни позволяют говорить о силе духа поэта, о его способности быть свободным в определении жизненных позиций. Заметим, что слово «свобода» часто звучит в его стихах. В стихотворении, написанном в марте (и вновь это весна) 1891 года, Фет говорит:

Кляните нас: нам дорога свобода
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всесильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим: —
Какой восторг так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь.

Оставаться верным Музе — «нетленной богине» в «венце из звезд» — поэт считает проявлением свободы. О такой свободе он говорит не раз: «Заботливо храня твою свободу...» («Музе»), «Я ради мук твоих не стану изменять / Свободы вечному призванью» («Муза»). И вновь — «...нам дорога свобода...», и это за год до смерти. Поэт снова и снова указывает на то, что бессознательное, стихийное, природное начало — основа его поэзии. Отказ подчинять «жизнь сердца» разуму и есть для него — художника — свобода. Это роднит его с весенним певцом. Такое сходство подчеркивается тем, что они, «певцы весенние», говорят — не щебечут или поют, а говорят: «Какой восторг так говорить уметь!» Последние две строки — выражение все той же мысли о бессознательности и естественности художественного творчества:

Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь.

Вопрос о поэте и поэзии является у Фета областью глубокого исследования как на уровне непосредственного отражения, описания творческого процесса, так и на уровне осмысления своего метода.

Итак, найдены ответы на вопросы — что является предметом изображения в поэзии и в чем ее назначение. Но есть еще и важнейшее условие рождения художественного произведения. Что это за условие? Предлагаем ученикам найти ответ в стихотворении «Как беден наш язык! — Хочу и не могу...»:

Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —
Не передать того ни другу ни врагу,

Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

Смысл этого стихотворения не сразу открывается школьникам. После первого прочтения идем «вслед за автором», последовательно обращаясь к каждой строке, пытаясь разгадать ее смысл.

Уже в первой — два предложения, и оба непонятны. Что значит — наш язык «беден»? Наш — «великий и могучий»? И что значит — «Хочу и не могу...»? О чем идет речь? Постепенно авторская мысль проясняется: речь идет не о русском языке, а о языке вообще, о слове как способе выражения мыслей, чувств и о невозможности передать их, о невозможности рассказать о том, «что буйствует в груди прозрачною волною». Вспоминаем Ф. И. Тютчева, изучение которого предшествовало знакомству с Фетом, его знаменитое «Silentium!»:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Тютчев говорит о невозможности выразить свое состояние словом и призывает молчать. Первая строфа фетовского стихотворения о том же, только, в отличие от Тютчева, Фет не призывает к молчанию, а говорит о поэте, которому подвластен «крылатый слова звук», который «Хватает на лету и закрепляет вдруг / И темный бред души, и трав неясный запах...».

Поэт обладает даром выразить «невыразимое», этот дар и есть условие рождения поэтического шедевра, этим даром владеет «поэт лишь избранный». Двумя метафорами — «темный бред души» и «трав неясный запах» — Фет очерчивает область, где господствует красота. Объясняя смысл этих слов, учащиеся интерпретируют «темный бред души» как «тонкие», «неясные», «сложные» эмоциональные состояния человека, обращаются к критикам, вспоминают, например, Ап. Григорьева, указывавшего на способность Фета «сообщать осязаемость тон-

ким, неопределенным, для других не подмечаемым впечатлениям»,[10] тем «впечатлениям, которых вся прелесть заключается в их неопределенности».[11] Надо заметить, что это состояние понятно читателям юношеского возраста, склонным к рефлексии. Напоминаем слова другого критика, А. В. Дружинина, который говорил об умении Фета «забираться в сокровеннейшие тайники души человеческой».[12] Вторая метафора кажется им сложнее, но и здесь, в процессе обмена мнениями, они находят интересные варианты ее объяснения, говорят о том, что если «темный бред души» — это жизнь сердца, то «трав неясный запах» — это то же, «только про природу». Рассуждают о том, что визуальный образ, звуковой передать легче, чем рассказать о запахе, что в искусстве, в частности в литературе, запах как часть художественного мира встречается реже, чем, например, живописное описание пространства. «Трав неясный запах» — это сокровенная жизнь природы, тончайшие ее проявления, «это ее дыхание». Получается, что эти две метафоры объемлют жизнь человеческой души и природы.

Подводя итог, пытаемся определить фетовскую концепцию поэзии как вида искусства.

Фет считает, что предметом изображения в поэзии должна быть красота, которая существует в мире как объективная реальность, именно она, красота, составляет содержание искусства. Цель искусства — «исцеление от муки», призыв к «наслаждению высокому», к «человеческому счастью». Условием рождения произведения является особая прозорливость изображающего ее, «ум сердца»: «Поэт тот, кто в предмете видит то, чего без его помощи другой не увидит <...>».[13]

Следующий этап — установка на самостоятельную работу десятиклассников: они находят стихотворения, которые дополняют затронутую тему, высвечивают ее новые грани. Среди выбранных ими текстов оказались такие, как «Ласточки», «Ночь и я, мы оба дышим...», «Музе», «Угасшим звездам», «Кому венец: богине ль красоты...», «Как трудно повторять живую красоту...», «Только встречу улыбку твою...», «Псевдопоэту», «Если радует утро тебя...». Анализируя их, школьники рассуждают о том, что поэт пытается понять и объяснить природу вдохновения, «поэтического полета», заглядывает в будущее, сравнивая себя с угасшей звездой, говорит о муках творчества.

Подводя итог, говорим о том, что содержание поэзии Фета соответствует его эстетическим взглядам, что бессмысленно искать в его по-

[10] *ОЗ*. 1850. № 2. С. 55.

[11] Время. 1863. № 2. Отд. 2: Современное обозрение. С. 28.

[12] *Дружинин А. В.* Литературная критика. М., 1983. С. 89.

[13] *Фет А.* Предисловие // Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887. С. V.

эзии того, что отсутствует в системе эстетических воззрений, а поэтическая область, очерченная этой системой, бесконечно богата, глубока и обширна, о чем речь пойдет на последующих уроках.

Поэтический мир, созданный Фетом, может быть охарактеризован как сакральное пространство, где каждый отдельный предмет, каждое слово приобретают особый смысл и ценность, эквивалентом которых является красота. В этом пространстве ученик познает опыт уникальных эстетических переживаний, опыт, который, множась, накапливаясь, становится условием формирования эстетической восприимчивости – способности воспринимать мир с позиций прекрасного. Мир фетовских образов формирует у юных читателей навыки постижения поэзии на самых высоких ее образцах, становится своеобразной «прививкой» от посредственности в искусстве, и этому процессу «воспитания читателя» может помочь обращение на уроках литературы к теме «Фет о назначении поэта и поэзии».

А. Г. Гродецкая

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЮБИЛЕЙ ФЕТА В ПИСЬМАХ А. Н. МАЙКОВА К СЫНОВЬЯМ

(К истории юбилейного послания «А. А. Фету»)

«Мои воспоминания» Фета завершались финальным признанием: «Мне бы следовало закончить свои воспоминания юбилейными днями 28 и 29 января 1889 года. Но об этом так много было говорено в разных изданиях, что я не надеюсь сообщить по этому случаю что-либо новое читателю, который и без того может счесть мои воспоминания слишком подробными».[1] Действительно, 50-летие литературной деятельности поэта отметили все ведущие газеты и журналы.[2] В задачу данной публикации не входит обзор юбилейных материалов, хотя они, вероятно, и заслуживают того, чтобы быть собранными и опубликованными.[3]

---

[1] *МВ*. Ч. 2. С. 400.

[2] См. перечень публикаций: *Федина В. С.* <*Ильяшенко В. С.*> А. А. Фет (Шеншин): Материалы к характеристике. Пг., 1915. С. 15—16.

[3] Первая юбилейная публикация появилась еще 21 января 1889 г. в «Новом времени», здесь был напечатан (анонимно) небольшой беллетризованный биографический очерк «А. А. Фет» (*НВр*. № 4633. С. 3). Обстоятельный биографический очерк (официальный) «А. А. Фет-Шеншин (По поводу пятидесятилетия его литературной деятельности)» был помещен 26 января в газете «Правительственный вестник» (№ 21. С. 2), текст также давался без подписи и был основан на материалах Н. В. Гербеля, на что указывала соответствующая ссылка (имелось в виду издание: Русские поэты в биографиях и образцах / Сост. Н. В. Гербель. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1888. С. 424—426). Из «Правительственного вестника» он был 28 января перепечатан в «Санкт-Петербургских ведомостях» («К юбилею А. А. Фета». № 28. С. 2), «Биржевых ведомостях» (№ 28. С. 2; без загл.), «Московских ведомостях» («А. А. Фет-Шеншин. Биографический очерк». № 28. С. 3—4) и ряде других изданий. «Московские ведомости», кроме того, 28 января опубликовали (за подписью «Z.») пространную статью «А. А. Фет. 1839—1889» (№ 28. С. 3). Подробная

Поэт, как известно, отмечал юбилей два дня — 28 января, в субботу, дома, на Плющихе, принимая поздравительные адреса, телеграммы и поздравителей лично и раздавая пришедшим текст собственного стихотворения «На пятидесятилетие моей Музы» («На утре дней все ярче и чудесней...»), типографски отпечатанный на отдельном листке.[4] В воскресенье, 29 января, состоялся подписной обед в московском ресторане «Эрмитаж», где вновь звучали поздравительные речи, читались адреса, телеграммы и поэтические приветствия.

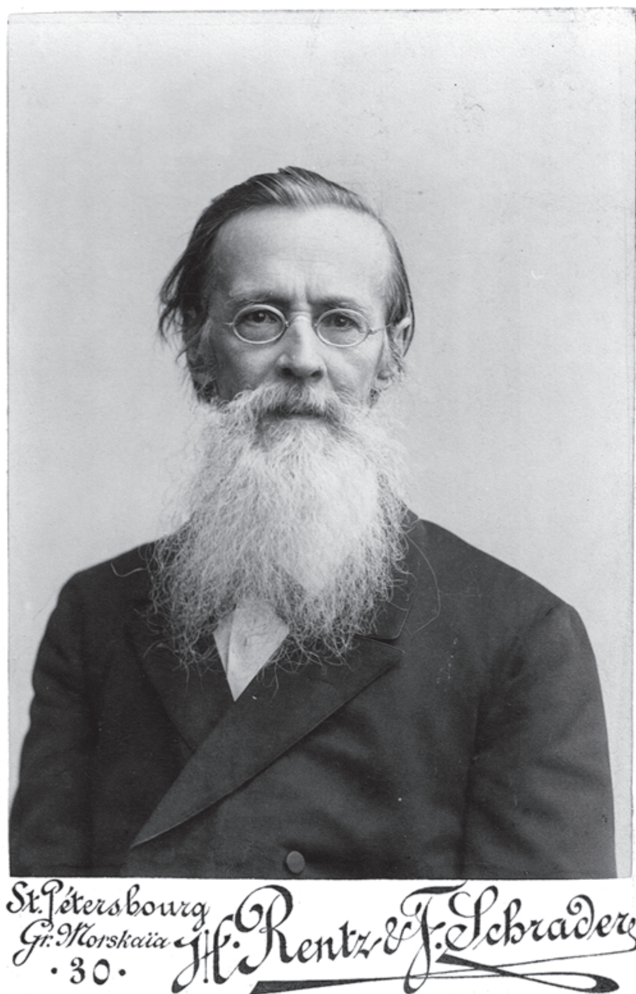
Неоднократно в газетных и журнальных публикациях отмечалась близость по времени «триады» юбилеев: Я. П. Полонского — 10 апреля 1887 года, А. Н. Майкова — 30 апреля 1888 года и, спустя без малого год, — А. А. Фета.[5] Речь, разумеется, шла и об эстетической близости «триады» поэтов, двое из которых уже удостоились юбилейных посланий, адресованных друг другу. Вспомним строки послания Майкова «Я. П. Полонскому», в которых объединены «чудным даром» отмечающие свои 50-летние литературные юбилеи «три мальчика»:

Тому уж больше чем полвека,
На разных русских широтах,
Три мальчика, в своих мечтах
За высший жребий человека
Считая чудный дар стихов,
Им предались невозвратимо...
Им рано старых мастеров,
Поэтов Греции и Рима,
Далось почуять красоты:
Бывало, нежный луч Авроры
Раскрытых книг осветит горы,
Румяня ветхие листы, —
Они сидят, ловя намеки,
И их восторг растет, растет
По мере той, как труд идет
И сквозь разобранные строки
Чудесный образ восстает...

хроника чествования Фета 28 и 29 января, помещенная в двух номерах «Московских ведомостей», соответственно за 29 и 30 января (№ 29, 30) републикована (не полностью, с сокращениями); см.: Юбилей А. А. Фета // *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 187—192.

[4] См.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 14, примеч. на с. 267—271.

[5] В 1888 г. в Литературно-драматическом обществе возник замысел издания сборника, посвященного «тройственному юбилею» поэтов; материалы к сборнику были собраны, однако издание в полном объеме осуществлено не было; см. подробнее о его судьбе в примечаниях М. И. Трепалиной к переписке Фета с Я. П. Полонским — *Фет/Полонский.* С. 696, 744, 759, 774 (примеч. к письмам 56, 81, 88, 95).



А. Н. Майков. Фотография ателье «А. Ренц и Ф. Шрадер».
Петербург, 1891 г.

Завершалось послание тостом:

В полустолетье ж наших муз
Провозгласим мы тост примерный
За поэтический, наш верный,
Наш добрый тройственный союз![6]

[6] *Майков А. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 418—419.

«Трех мальчиков» из послания Майкова Полонский и Фет вспоминали позднее не раз. Полонский писал Фету 8 октября 1888 года: «Эх, следовало бы и твой, и мой, и майковский юбилей отпраздновать в один день, так как все мы почти что сверстники, *три мальчика* — по выражению Майкова! — Хороши мальчики! нечего сказать! даже и не верится, что и мы бегали взапуски и учились азбуке...».[7]

Ко дню литературного юбилея Фета свои поэтические послания готовили и Полонский, и Майков. Юбиляр 27 января писал великому князю Константину Константиновичу, уже получив от него поэтическое поздравление: «Полонский и Майков готовят мне приветственные стихотворения <...>».[8] Однако тексты этих посланий в газетах в юбилейные дни, 28 и 29 января, и прежде всего текст послания Майкова «А. А. Фету. В день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.» («Когда, как бурный конь, порвавший удила...»),[9] о котором и пойдет ниже речь, обнаружились не сразу.

Подборку юбилейных материалов 28 января в «Новом времени» и «Московских ведомостях» открывал сонет великого князя Константина Константиновича «А. А. Фету. На 50-тилетний юбилей его литературной деятельности».[10] 29 января он был воспроизведен в нескольких столичных и московских газетах, 31 января появился в «Правительственном вестнике» (№ 25. С. 2). Первыми в перечне многочисленных поздравлений, адресованных Фету, были упоминаемы в юбилейных отчетах и телеграммы великих княгинь Александры Иосифовны, матери К. Р., Елизаветы Маврикиевны, его жены, и королевы Ольги Константиновны, его сестры.[11]

Юбилейных посланий Майкова и Полонского в петербургских и московских газетах за 28 января нет. Нет и упоминаний о чтении этих посланий в отчетах о чествовании поэта 28 января, помещенных в ряде

---

[7] *Фет/Полонский*. С. 679.

[8] *Фет/К. Р.* С. 744.

[9] См.: *Майков А. Н.* Соч. Т. 1. С. 487—488.

[10] См.: *НВр*. 1889. № 4640. С. 2; *МВед*. 1889. № 28. С. 3 (здесь публикация предварялась сообщением: «Мы получили, для напечатания в нумере „Московских ведомостей“, имеющем выйти в самый день юбилея А. А. Фета, следующий сонет <...>»). См. о подготовке публикации в статье М. И. Трепалиной «Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К. Р.)» и ее же примечаниях к переписке: *Фет/К. Р.* С. 572, 744—746.

[11] Возможность попадания августейших телеграмм в газеты серьезно беспокоила Фета, запретившего их печатание, о чем он рассказал в письме к К. Р. от 30 января 1889 г. Узнав, что телеграммы «пропечатаны в „Московском листке“ и еще каком-то мелком журнале», он был, по собственным словам, «как громом поражен» (*Фет/К. Р.* С. 747, примеч. на с. 748).

газет на следующий день, 29 января. Так, «Московские ведомости» среди материалов подробной хроники торжеств[12] опубликовали стихотворения поздравителей Ильи Офросимова и Анатолия Александрова.[13] В отчете «Правительственного вестника» сообщалось: «Генерал-лейтенант И. Ф. Офросимов и гг. Александров и Пальмин поднесли юбиляру свои приветственные стихотворения».[14] «Новое время» 29 января поместило стихотворные послания Константина Фофанова «Грусть и песнь» и Сергея Бердяева «А. А. Фет (К полувековому юбилею его поэтической деятельности)».[15] 30 января «Московские ведомости» опубликовали обширнейший обзор торжеств, состоявшихся 29 января в ресторане «Эрмитаж»,[16] где, в частности, сообщалось: «В седьмом часу юбиляр, при звуках баховского „Юбилейного марша“, вступил в залу с супругою своею Мариею Петровною и родственниками их. За столом против них поместился попечитель учебного округа граф П. А. Капнист, другие ближайшие места заняли генерал-лейтенанты граф А. В. Олсуфьев, почетный опекун, и И. Ф. Офросимов, супруга графа Л. Н. Толстого, председатель и товарищ председателя Психологического общества. На столе пред юбиляром и его супругой раскинуто было плато из живых цветов. Виньетка *тепи* обеда представляла музу, которая, имея около себя лиру, возлагает лавровый венок на вензель А. А. Фета, под которым римская цифра *L* и обозначение дня обеда».[17] В этом номере газеты были напечатаны прозвучавшие в зале «Эрмитажа» стихотворные послания Павла Козлова, Р. Ф. Бранта, Д. Н. Цертелева, Н. П. Аксакова и В. В. Коншина.[18]

[12] См.: Юбилей А. А. Фета // *МВед*. 1889. 29 января. № 29. С. 4—5.

[13] Там же. С. 5. Юбилейные послания названы, однако их тексты опущены в публикации: *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. С. 189. *Офросимов* Илья Федорович (1827—1892), генерал-лейтенант (1883), состоял в запасе по армейской кавалерии; орловский помещик, коннозаводчик, знакомый Фета; см. о нем: *Кузьмина И. А.* Фет и его соседи Офросимовы // *ФетСб(2)*. С. 63—85. *Александров* Анатолий Александрович (1861—1930), филолог, редактор-издатель, поэт; знакомый Фета и К. Н. Леонтьева. *Пальмин* Лиодор (Илиодор) Иванович (1841—1891), поэт, переводчик.

[14] Юбилей А. А. Фета-Шеншина // Правительственный вестник. 1889. 31 января. № 25. С. 2.

[15] *НВр*. 1889. № 4641. С. 2.

[16] См.: Юбилей А. А. Фета // *МВед*. 1889. № 30. С. 2—3.

[17] Там же. С. 2. Ср. то же: *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. С. 190.

[18] *МВед*. 1889. 30 января. № 30. С. 3. В публикации Б. Садовского из всех текстов приводится только четверостишие Д. Н. Цертелева (*Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. С. 191).

Когда же были прочитаны, да и читались ли на юбилейных торжествах поэтические приветствия Майкова и Полонского? И когда впервые они попали на страницы газет?[19]

Лишь в самом конце подборки материалов в номере «Московских ведомостей» за 30 января, занявшей полтора газетных листа, после приветственных речей и телеграмм следовало сообщение: «В день юбилея Афанасием Афанасьевичем были получены, между прочими, стихотворения А. Н. Майкова и Я. П. Полонского, имеющие появиться в „Русском вестнике“ и потому, в охранение права литературной собственности, не сообщенные юбиляром для печати». «Тем не менее, — отмечалось далее, — они появились в „Московском листке“. Воспроизведение их оттуда не составит уже нарушения литературной собственности».[20] Ниже публиковались оба поэтических текста — Майкова («Когда, как бурный конь, порвавший удила...») и Полонского («Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...»). Впервые, таким образом, юбилейные послания двух поэтов из знаменитого «тройственного союза» увидели свет 29 января не в центральных газетах, а в «серобумажной» прессе, в «Московском листке». Выразительную характеристику этого издания оставил в своих воспоминаниях В. А. Гиляровский, писавший о газете и ее владельце Н. И. Пастухове:[21] «Это — яркая, можно сказать, неповторимая фигура своего времени: безграмотный редактор на фоне безграмотных читателей <...>. Безграмотный редактор приучил читать безграмотную свою газету охотнорядца, лавочника, извозчика, трактирного завсегдатая и обывателя, мужика из глухих деревень. / Мало того, что Н. И. Пастухов приучал читать газету, — он и бумагу для „Листка“ специальную заказывал, чтобы она годилась на курево».[22] Излагая хронику событий 28 января, «Листок» сообщал 29 января: «Еще с двенадцати часов утра в квартиру маститого поэта начали собираться многочисленные депутации и почитатели симпатичного таланта юбиляра, и приезд поздравителей продолжался беспрерывно в течение целого дня. Вся интеллигентная Москва, в лице своих лучших представителей, явилась сюда, чтобы приветствовать

---

[19] Первой публикацией обоих текстов принято считать публикацию в № 2 «Русского вестника» за 1889 г.; см.: *Майков А. Н.* Соч. Т. 1. С. 561 (примеч. Л. С. Гейро); *Полонский Я. П.* Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 459 (коммент. И. М. Мушиной); ср. также: *Фет/Полонский*. С. 695 (коммент. М. И. Трепалиной).

[20] *МВед*. 1889. 30 января. № 30. С. 3.

[21] См. подробнее о Н. И. Пастухове в примеч. к переписке Фета и Майкова в наст. томе.

[22] *Гиляровский В. А.* «Московский листок» // Гиляровский В. А. Соч.: В 4 т. М., 1989. Т. 3: Москва газетная. Друзья и встречи. С. 79—80.

маститого певца красоты и гуманности и пожелать ему долгие годы во славу русской литературы. Растроганный, взволнованный Афанасий Афанасьевич едва успевал отвечать на многочисленные поздравления и приветствия, раздававшиеся со всех сторон».[23] После перечисления поздравительных адресов и телеграмм (часть текстов цитировалась) в «Листке» сообщалось: «Многие известные поэты прислали Аф<анасию> Аф<анасьевичу> посвященные ему стихотворения; приводим три из них, и первым сонет, подписанный инициалами „К. Р.“».[24] За текстом сонета великого князя «А. А. Фету» («Есть помыслы, желания, стремленья...»), после извещения о присылке Я. П. Полонским «маститому юбиляру» поздравительного стихотворения и самого его текста, следовало: «Почтил Афанасия Афанасьевича стихами и А. Н. Майков, сам недавно отпраздновавший пятидесятилетний юбилей своей поэтической деятельности. Вот стихотворение Аполлона Николаевича». Ниже был помещен текст юбилейного послания Майкова.[25] Послания Майкова и Полонского, опубликованные 29 января в «Московском листке» и перепечатанные 30 января в «Московских ведомостях», только после этого были представлены читающей публике в № 2 «Русского вестника».[26]

О начале работы над юбилейным посланием Фету Майков сообщил сыновьям Владимиру и Аполлону в письме от 12 января 1889 года: «Случайно спала у меня гора с плеч по поводу юбилея Фета. Написал я маленькое стихотворение, картинку; да и вижу потом, что из него

---

[23] Юбилей А. А. Фета // Московский листок. 1889. 29 января. № 29. С. 3.

[24] Там же.

[25] Там же. Эти публикации остались неучтенными в библиографии В. С. Федины. Представляет интерес и завершающее подборку материалов в «Листке» «заявление» Фета: «А. А. Фет просит нас заявить, что, не имея возможности отдельно поблагодарить всех приславших ему приветствия по случаю пятидесятилетия его литературной деятельности, он спешит печатно выразить им свою беспредельную признательность и просит другие газеты перепечатать это его заявление» (Там же). В «Московских ведомостях» за 30 января после юбилейных материалов также было помещено обращение Фета: «А. А. Фет просит нас напечатать следующее: „Несказанно осчастливленный самыми дорогими и задушевными приветствиями, приходящими со всех сторон, юбиляр, по слабости зрения и упадку сил, будучи не в состоянии отвечать отдельно далеким друзьям, просит их принять выражения живейшей его признательности. / А. Фет“» (*МВед.* 1889. № 30. С. 3; ср. то же: *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. С. 192).

[26] *РВ.* 1889. № 2. С. 233—234; оба текста под номерами: I и II (II — послание Полонского «Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...»), даны под общим заглавием «А. А. Фету (В день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.)». Ср. также публикацию обоих текстов: Новости и Биржевая газета. 1889. 1 февраля. № 32. С. 3.

можно воспользоваться для Фета, и вышло следующее <...> будут поправки, сообщу. А вы — свои заметки».[27]

Дальше в письме помещен текст стихотворения (в черновой редакции):

Когда, что бурный конь, порвавший удила,
Неудержимый стих, с путей метнувшись торных,
В пространство ринется, и с зоркостью орла
Намеченную мысль, средь пропастей ли черных[28]
Иль в звездных глубинах, ухватит как трофей,
О, как он тешится, один, лишь сам с собою,[29]
Ее еще людьми незнаемой красою,
Дивяся,[30] радостный, сам дерзости своей...
А ты, поэт, за ним, в томительном волненье,
Следивший в высотах и безднах — в то мгновенье —
Как победителем он явится к тебе, —
В блаженстве знаешь ли ты равного себе?..

Тебе знакома, Фет, знакома эта радость!
Таких трофеев полн тобой созданный храм!
И перейдут они в наследие векам,
И свежесть сохраня и аромата[31] сладость,
И все — в их красоте и блеске — все одним
Помечены тавром и вензелем твоим![32]

«Недурно вышло, — заключает Майков. — Кажется, можно надеяться, что не последними будут они на юбилее. О стихи, стихи! что бы без них я делал в разлуке с вами! Одно утешение, одна отрада, одно забвение! Но за большое не могу приняться! что-нибудь не дозрело. О, кому дано какое-нибудь искусство, дорожите этим даром Божиим! ставьте его во главу угла жизни. Если и не во главу угла, когда овладеет недостаточно, как Володя музыкой, то и того не кидай <...>».[33]

Следует сказать несколько слов о письмах Майкова к сыновьям. Многолетняя домашняя переписка в архиве семьи Майковых, богатом и хорошо сохранившемся, передает характер отношений в семье — между родителями и детьми, между братьями, их женами и другими родственниками, не менявшихся, кажется, у трех поколений «фами-

[27] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 16.
[28] *Было*: <Намеченную мысль,> в пределах бездны ль черных
[29] *Было*: Несет ее к себе, ласкает сам с собою
[30] *Было*: Дивится
[31] *Было*: ароматов
[32] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 16–16 об.
[33] Там же. Л. 16 об.

Намѣченную мысль, ~~въ передѣлкахъ бездушныхъ~~ средь прописей и черныхъ

Иль въ звѣздныхъ глубинахъ, ухватитъ какъ трофей,

О, какъ онъ тѣшится, одинъ, лишь самъ съ собою,

Ея еще людьми незнаемой красою,

Дивясь, радостный, самъ дерзости своей...

А ты, поэтъ, за нимъ, въ томительномъ волненьи,

Слѣдившій въ высотахъ и безднахъ — въ упоеньи —

Какъ побѣдителемъ онъ явится къ тебѣ, —

Въ блаженствѣ знаешь ли ты равнаго себѣ?...

Тебѣ знакома, Фетъ, знакома эта радость!

Такихъ трофеевъ полнъ тобой созданный храмъ!

И перейдутъ они въ наслѣдіе вѣкамъ,

И свѣжесть сохранятъ и ароматъ и сладость,

И всѣ — въ ихъ красотѣ и блескѣ — всѣ однимъ

Помѣчены тавромъ и вензелемъ твоимъ!

Недурно вышло. [illegible] можно надѣяться, что не послѣдними будутъ они на юбилеѣ. О стихи, стихи! что бы безъ нихъ я дѣлалъ въ разлукѣ съ вами! Одно утѣшеніе, одна отрада, одно забвеніе! Горе большое не могу припомнить? что [illegible] не доступна. О кому дано [illegible], дорожите этимъ даромъ Божіимъ! ставьте его во главу угла жизни. Если же во главу угла, ~~[illegible]~~ [illegible] овладѣть [illegible] [illegible], коли [illegible] [illegible], то и того не кидайте! [illegible]

Юбилейное послание А. Н. Майкова Фету
«Когда, как бурный конь, порвавший удила...».
Черновая редакция. Вторая страница,
в письме к сыновьям от 12 января 1889 г.

лии талантов».[34] Отношения эти отличались исключительной доверительностью, редкой душевной близостью. Почти идиллическим предстает семейный мир Майковых и в мемуарах современников.[35] Тот же Полонский в одном из посланий Аполлону Майкову восклицал: «А ты счастливец! — любишь ты / Домашний мир. Твои мечты / Не знают роковых стремлений <...>».[36]

Владимир Майков, сын поэта и адресат процитированного выше письма, с 1887 года служил драгоманом (переводчиком) при российском генеральном консульстве в Константинополе. Его младший брат Аполлон, которого в семье, как и отца, звали Попкой, с детства страдавший тяжелым костным заболеванием, жил вместе с ним.[37] Аполлон Николаевич 16 сентября 1887 года писал А. А. Краевскому из Константинополя: «Вы, может быть, удивитесь, прочтя в начале моего письма слово: Константинополь, и у Вас возникнет вопрос, как я сюда попал? А более или менее поневоле. Второй мой сын, Владимир, нынешний год отправлен сюда в драгоманы (он — ориенталист) на службу; этим я воспользовался, чтобы отправить с ним и третьего, который страдал с 12 лет — теперь ему 19 — воспалением накостной плевы, выдержал две операции, резекцию локтя; к болезни руки присоединилось еще то же самое на ноге, и вот в надежде, что теплый климат ему поможет,

---

[34] Я имею в виду художника Николая Аполлоновича *Майкова* (1794—1873), его жену, прозаика и поэта Евгению Петровну *Майкову* (урожд. Гусятникова; 1803—1880), их литераторов-сыновей — Аполлона, Валериана (1823—1847), Владимира (1826—1885), Леонида (1839—1900), жен (невесток) — Анну Ивановну *Майкову* (урожд. Штеммер; 1830—1911), жену Аполлона, Екатерину Павловну *Майкову* (урожд. Калита; 1836—1920), жену Владимира, Александру Алексеевну *Майкову* (урожд. Трескина; 1841—?), жену Леонида, и др. См. о «фамилии талантов»: *Ямпольский И. Г.* Из архива А. Н. Майкова // *Ежегодник РО ПД* на 1974 год. Л., 1976. С. 24—52; *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД* на 1975 год. Л., 1976. С. 72—121; Из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов»: «В семье Майковых» / Публ. П. Р. Заборова // *РЛ*. 2000. № 3. С. 177—193; *Гродецкая А. Г.* Чувствительные и холодный (В. А. Солоницын и семья Майковых); Из переписки В. А. Солоницына и Е. П. Майковой 1843—1844 гг. / Подгот. текста, примеч. А. Г. Гродецкой // Лица: Биогр. альманах. СПб., 2001. Т. 8. С. 5—49, 53—133; *Володина Н. В.* Майковы / Отв. ред. В. А. Котельников. СПб., 2003 (сер. «Преданья рус. семейства») и др.

[35] Теплые воспоминания о доме Майковых оставили И. И. Панаев, Д. В. Григорович, А. Н. Плещеев, Ф. М. Достоевский, А. В. Старчевский, С. Д. Яновский, Е. А. Штакеншнейдер и др.

[36] *Полонский Я. П.* А. Н. Майкову (1857) // Полонский Я. П. Соч. Т. 1. С. 122.

[37] См. о сыновьях А. Н. Майкова Николае (р. 1852), Владимире (р. 1861) и Аполлоне (р. 1867): *Володина Н. В.* Майковы. С. 210, 252, 292—294; см. также: Письмо А. Н. Майкова к сыновьям с воспоминаниями о И. А. Гончарове / Публ. А. Ю. Балакина // *Ежегодник РО ПД* на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 215, 218—219.

мы отпустили его с братом. Но как климат Константинополя сам по себе не особенно хорош, то поместились они на берегу Мраморного моря против Принцевых островов, на остром мысу. Место отменно здоровое, морской воздух, в Константинополь частые пароходы, так что устроились хорошо».[38] О болезни младшего сына Майкова сообщал и Н. Н. Страхов Фету, и также в письме от 16 сентября 1887 года: «Плохие вести сюда приходят об Аполлоне Н. Майкове; его младший сын, любимый, умница, ради которого отец и мать пустились в Турцию, не поправляется, а гаснет на глазах».[39]

Сыновьям Аполлон Майков пишет часто, два-три раза в неделю, и его подробные письма подобны дневнику. Подчас, начинаясь утром, они продолжаются, как хроника проживаемого дня, и днем, и вечером. Ответные письма, к сожалению, неизвестны. Письма Аполлона Николаевича откровенны, можно сказать даже — исповедальны, и почти в каждом звучат признания в любви к детям. Он признается, например: «Пишу я вам, дети мои, сокровенное <...>. Да мне все кажется, что это продолжение старого: что Попка в своей комнате лежит на постеле и я сажусь напротив на диван и рассказываю „новости“, а Володя выскочил из своей комнаты послушать. Уж очень привык жить одною с вами жизнью, вам давать и от вас получать. Не знаю, много ли даю теперь, но получаемого все мне мало, особенно при водворении неправильности прихода писем».[40]

В письмах Майкова много ценных мемуарных сюжетов, сыновей он посвящает и в собственный творческий процесс. 13 января 1889 года он сообщает детям о продолжении работы над посланием Фету: «Стихотворение к Фету я переправил и окончательно кончил, уже ваш список не годится, впрочем, я не помню точно, какой вам переписал. Оно перестроивалось несколько раз».[41] И наконец в письме от 15 января отсылает в Константинополь завершенную редакцию стихотворения со словами: «Вот окончательный вид стих<отворения> к Фету на юбилей. Выходит даже верная его характеристика, как говорят, — именно что касается его удачных *стихов*».[42]

---

[38] Цит. по: Письмо А. Н. Майкова к сыновьям с воспоминаниями о И. А. Гончарове. С. 218 (подлинник: *РНБ*. Ф. 73. № 1192. Л. 1 об.—2).

[39] *Фет/Страхов*. С. 442.

[40] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 21 об.

[41] Там же. Л. 19 об.

[42] Там же. Л. 22 об. На конверте: «Константинополь через Вену. / *Constantinople voie de Vienne*. / Consulat Impérial de Russie. / Его высокоблагородию / Владимиру Аполлоновичу / Майкову». Штемпели: 1) Санкт-Петербург, 17 янв. 1889; 2) Константинополь, 23 янв. 89. На обороте конверта крупно помета синим карандашом (видимо, рукой В. А. Майкова): «16 янв. 89» (Там же. Л. 20—20 об.).

В Константинополь был отправлен следующий текст:

Когда, как бурный конь, порвавший удила,
Неудержимый стих, с путей метнувшись торных,
В пространство ринется и, с зоркостью орла
Намеченную мысль, средь пропастей ли черных
Иль в звездных высотах, — ухватит как трофей —
О, как он тешится, один, с самим собою,
Ее еще людьми незнаемой красою
Дивяся, радостный, сам[43] дерзости своей!
А ты, поэт, за ним, в томительном волненье
Следивший в высотах и безднах, — в то мгновенье,
Как победителем он явится к тебе,
В блаженстве равного ты знаешь ли себе?
    Тебе знакома, Фет, знакома эта радость!
Таких трофеев полн тобой созданный храм!
И перейдут они в наследие векам,
И свежесть сохраня и аромата сладость,
Играя радуги цветами — и одним
Помечены тавром и вензелем твоим.[44]

После текста стихотворения следовала приписка: «Вот я вам сколько наболтал. Все это, впрочем, на поверхности шара и вертится на оси. А ось-то: хочется к вам. Ну, да Бог не без милости. А пока все еще в мечте буду целовать и миловать вас и сердцами вашими греться. Только бы в них было светло!».[45]

В следующем письме, от 19 января, Майков обращается к младшему сыну: «Ты, Попка, так низко ценишь Фета, что, пожалуй, впадешь в мрак за мое ему приветствие. Но в этом приветствии есть нечто, что могут найти язвительным: я говорю об отдельных стихах, иногда у него удивительных, а об мире поэзии, им созданном — ничего, потому что его нет. Это и тебя может обезоружить относительно меня. А мне он написал прекрасное стихотворение „Пятьдесят лебедей“, и мне было бы обидно, если б мое было ниже. Но олицетворение стиха, отчасти олицетворение моментов творчества, какое у меня бывает и о котором я вам часто говорил, точно кто другой пишет через меня, и я не знаю еще, чем он кончит, только захлебываюсь от удовольствия и любопытства, что будет дальше, к чему он приведет».[46]

---

[43] *Далее начато и зачеркнуто*: добл<ести?>

[44] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 22 об.

[45] Там же.

[46] Там же. Л. 26 об. Имеется в виду послание Фета «На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 года» («Пятьдесят лебедей пронесли...»); см.: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 28, примеч. на с. 303.

Юбилейное послание А. Н. Майкова Фету
«Когда, как бурный конь, порвавший удила...».
Окончательная редакция,
в письме к сыновьям от 15 января 1889 г.

Эти мысли поэта о чуде творчества продолжают, несомненно, основную тему его послания к Фету.

Чрезвычайно интересно письмо от 28 января. «Сегодня в Москве, — пишет Майков, — празднует юбилей Фет. Вел<икий> кн<язь> по этому поводу вчера вечером прислал записку, приглашая на обед, на коем будут графиня Толстая (вдова Алексея Толстого), Полонский и Кутузов с женой. Я должен был отказаться. В „Нов<ом> вр<емени>“ сегодня его стихотворение к Фету и статья Страхова, в которой изложена характеристика фетовской поэзии. Ты, Аполлон, относишься к ней слишком строго и с той точки зрения, как изъясняет Страхов, на нее не взглянул. Я все прикидываю, схвачена ли мною в моем приветствии какая-нибудь черта его поэзии, и нахожу, что *да*, если не по существу, то по внешней картинности его процесса схватывания этих „неуловимых и неосязаемых“ оттенков в его реализации мимолетящих мгновений, на это главное и указывают все характеристики его другими. Так ли это?

В нем, однако, все-таки есть определенность, а вот поэзию Яшеньки я не могу себе представить без сравнения с поэтическим хаосом, где все элементы перепутаны, как в Млечном пути, как в хаосе до устроения его Высшей Разумной силой. То же и относительно содержания, то же и относительно формы. Вот Фофанов совсем необразованный человек, родом чухонский мальчик, но из молодой плеяды, по-моему, более всех одаренный от природы, напоминает мне сказку о щегленке, которую рассказывает мама, что был создан жалкой серенькой птичкой и жаловался Богу, что другие такие цветом красивые птицы, а он несчастный; Бог и взял остатки всех красок и набрызгал на него. Так и Фофанову, что осталось глинки от Фета, Полонского, меня и др., это он все и покидал на несчастного чухонца».[47]

Имя входившего в моду К. М. Фофанова, в котором видели продолжателя линии «чистой поэзии», появляется в этом письме не случайно. Отношение к его поэзии было в это время актуальным не только для Майкова, но и для каждого из участников «тройственного союза». В оценке его стихов Майков сдержаннее и мягче, нежели Я. П. Полонский, который летом 1889 года готовил для Пушкинской комиссии при Академии наук официальный отзыв на сборник Фофанова «Стихотворения» (СПб., 1889), представленный на соискание Пушкинской премии. Он писал Фету 7 июля: «Слыхал ли ты когда-нибудь, что у нас в моде поэт Фофанов, которого раскупают так, как нас с тобой никогда

[47] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 37 об.—38. Упомянуты в письме: поэт Арсений Аркадьевич *Голенищев-Кутузов* (1848—1913) и его жена — Ольга Андреевна *Голенищева-Кутузова* (урожд. Гулевич; 1853—1924). Дед поэта Константина Михайловича *Фофанова* (1862—1911) был крестьянином Олонецкой губернии.

не раскупали... Он уже издал второй сборник своих стихотворений (120 штук) и послал в Академию наук в надежде получить Пушкинскую премию. — <...> Ну вот я его и почитываю — и чем больше читаю, тем больше ахаю! — Чем больше вчитываюсь, тем больше прихожу в несказанное удивление — от невообразимых нелепостей, которыми пестрят эти зело прославляемые стихотворения! <...> Не только нам с тобой за ним не угнаться — сам Бенедиктов спасовал бы!.. А стих хоть куда! Звонкий и бойкий. <...> Несомненно, у Фофанова есть талант, но невежество и бред, принимаемые за фантазию, — невообразимы!».[48] До этого, в январе 1889 года, Полонский записал в дневнике: «Фофанов несомненно с поэтическим дарованием — но лучшие из его лирических стихотворений напоминают то Фета, то Тютчева. Он прекрасно владеет стихом и рифмой, — но большая часть его стихотворений и бессодержательна, и не носит на себе печать его личности. — Это какой-то поэт безличный».[49]

Фет на размышления Полонского о поэзии Фофанова отреагировал в письме от 14 июля 1889 года: «Что касается до меня, то я слишком поверхностно знаком с произведениями Фофанова, и слова мои о нем могут иметь только весьма относительное значение. Поэтическая жилка в нем бесспорна, и я лично, а быть может и другие можем порадоваться, читая Фофанова, бесследному исчезновению той поганой семинарской гражданской скорби, которой хвост еще под соусом подавался у Надсона. Но ведь отсутствие гадости не есть ручательство за присутствие прелести. Надо быть дубиной, чтобы не различать поэтического содержания Тютчева, Майкова, Полонского и Фета. Но какое содержание у Фофанова? Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что это варьяции на фетовские темы».[50]

Имя Фофанова появилось и в газетных материалах в юбилейные фетовские дни. Е. М. Гаршин, например, в статье «Литературная беседа», помещенной 29 января в «Биржевых ведомостях», саркастически заметил: «Чествуют Полонского, Майкова и Фета, а весь блеск современной поэзии сосредоточился в одном Фофанове, который всеми правдами и неправдами протискался на Парнас и чувствует себя на короткой ноге с олимпийцами».[51]

Важную для Майкова «характеристику фетовской поэзии» в статье Страхова о Фете в «Новом времени» содержали, вероятно, следующие

---

[48] *Фет/Полонский.* С. 740–741. В примечаниях к письму приводится фрагмент официального отзыва Полонского о стихотворениях Фофанова (Там же. С. 741).

[49] Цит. по: Там же (подлинник: *ИРЛИ*. № 11115. Л. 155).

[50] Там же. С. 741–742.

[51] Биржевые ведомости. 1889. № 29. С. 1.

пассажи: «Он певец и выразитель отдельно взятых настроений души или даже минутных, быстро проходящих впечатлений <...> он уловляет только один момент чувства или страсти, он весь в настоящем, в том быстром мгновении, которое его захватило и заставило изливаться чудными звуками. Каждая песня Фета относится к одной точке бытия, к одному биению сердца, и потому неразложима, неразделима <...>». Или еще: «Кто любит и понимает Фета, тот становится способным чувствовать поэзию, разлитую вокруг нас и в нас самих, т. е. научается видеть действительность с той стороны, с которой она является красотою, является попыткой воплотить смысл и жизнь, осуществить идеал. <...> Он, как ярко загоревшийся факел среди ночи, вдруг освещает все предметы и далеко разгоняет сумрак, в котором мы живем. <...> Его стихи — как будто внезапная молния поэтического озарения действительности».[52]

Сведения об обеде в Мраморном дворце у великого князя Константина Константиновича, посвященном юбилею Фета, сохранились в письмах как устроителя обеда, так и его участников. В письме от 28 января 1889 года великий князь сообщал Фету: «Сегодня мы с женой отпраздновали Вас обедом: к нам собрались гр. С. А. Толстая, Яков Петр<ович> Полонский и гр. А. А. Кутузов с женой; мы пили шампанское за вас и за вашу Музу <...>. К сожалению, А. Н. Майков по нездоровью должен был отказаться от нашего приглашения. — Вы видите, вас и в Петербурге не забыли».[53] Полонский писал Фету в тот же день: «Сейчас вернулся от вел. князя Константина Константиновича. — В день твоего юбилея, сегодня, он пригласил к себе на обед Майкова, графа Голенищева-Кутузова, вдову Ал<ексея> Толстого графиню Толстую и меня. — / За обедом мы пили здоровье Фета (к сожалению, Майков по болезни отсутствовал)».[54]

Текст юбилейного послания Майкова Фету, включенный в его письмо к сыновьям от 15 января 1889 года, почти идентичен тексту, отправленному юбиляру и сохранившемуся в его архиве. На «прелестное стихотворение», полученное 28 января, Фет откликнулся письмом 29 января, то есть на второй день юбилейных торжеств.[55] И Майков не замедлил с ответом, отозвавшись письмом 1 февраля.[56]

---

[52] *Страхов Н.* Юбилей поэзии Фета // *НВр.* 1889. 28 января. № 4640. С. 2.

[53] *Фет/К. Р.* С. 745—746.

[54] *Фет/Полонский.* С. 709—710.

[55] См. публикацию переписки Фета и Майкова в наст. томе, письма 3 и 4. Единственное разночтение в текстах (помимо двух пунктуационных) — в предпоследней строке: Играя радуги цветами — и одним (*ИРЛИ*) / Цветами радуги играя и одним (*РГБ*).

[56] См. публикацию переписки Фета и Майкова в наст. томе, письмо 5.

Копии как фетовского письма, так и своего ответного Майков отсылает сыновьям в Константинополь 2 февраля 1889 года со следующими словами: «А вы уж очень строги к Фету. Ведь уж не Надсон же это! Не попусту же столько заявлений ему отовсюду. Надо бы сделать ему издание „избранных“ пьес, а то действительно многое опошлилось в романсах, многое не стоило печати. Ведь и Пушкин в ефремовском издании хуже того же Пушкина в анненковском или плетневском. От него в ответ на мои стихи получил я премилое и прелюбезное письмо, копию с которого прилагаю, а равно и копию с моего на оное ответа. Прилагаю также новое стихотворение к буквам К. Р. Я и сам не знаю, как оно сложилось стих за стихом, мысль за мыслью, образ за образом. Любопытствую, что вы скажете. Как написал, так ему, т. е. вел<икому> кн<язю>, и послал. Все-таки это выражение впечатления на меня его поэзии, которой главная подкупающая прелесть — душевная чистота. Пожалуйста, прочтите внимательно его три стихотворения в „Р<усском> вестнике“. По-моему — первоклассные».[57]

На следующей странице того же письма — копия (без разночтений, скорее всего рукой А. И. Майковой, жены поэта) письма Фета от 29 января 1889 года.[58] На обороте этой же страницы — копия (рукой Майкова) его письма к Фету от 1 февраля 1889 года,[59] однако это копия черновика майковского письма, который также сохранился в его архиве[60]

[57] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 42 об.—43. На первой странице письма с датой, проставленной слева, перед текстом письма: «2-го февр.», справа в верхнем углу чернилами: «Отправлено 3-го фев. 1889-го». На конверте: «Турция. / *Constantinopole*. / *В Константинополь*. / В имп. Российское Генеральное *Консульство*. / Его высокоблагородию / Владимиру Аполлоновичу / *Майкову*». Штемпели: 1) Санкт-Петербург, 3 фев. 1889; 2) Одесса, 7 фев. 1889; 3) Константинополь, 9 февр.; на обороте конверта крупно чернилами помета синим карандашом (В. А. Майкова?): «2 февр. 89» (Там же. Л. 45—45 об.). Речь идет о шеститомном Собрании сочинений Пушкина (СПб., 1880—1882), подготовленном П. А. Ефремовым, и об изданных П. В. Анненковым «Сочинениях» Пушкина (СПб., 1855—1857. Т. 1—7). П. А. Плетнев был издателем почти всех сочинений Пушкина, начиная с 1826 г. Упомянутое Майковым «новое стихотворение к буквам К. Р.» под заглавием «К. Р.» («Эти милые две буквы — / Что два белые огня / В час осенний, в бездорожье, / Манят издали меня <...>») см. в том же письме: *ИРЛИ*. № 17001. Л. 43 об. Стихотворения К. Р. в «Русском вестнике» — трехчастные «Гекзаметры» (1889. № 2. С. 92—93), опубликованные в том же номере журнала, что и юбилейные послания Фету Майкова и Полонского (С. 233—234).

[58] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 44.

[59] Там же. Л. 44 об.

[60] Там же. № 16694. Л. 1—1 об. По этому черновому автографу письмо было опубликовано И. Г. Ямпольским; см.: *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. Л., 1980. С. 204—205. См. публикацию переписки Фета и Майкова в наст. томе, письмо 5.

и хотя и незначительно, но отличается от исправленного текста, посланного Фету и сохранившегося в архиве адресата.[61]

В письме к Майкову от 29 января 1889 года Фет так оценил его юбилейное послание: «К сожалению, долго, вероятно, придется России дожидаться такого могучего укротителя коней, мечущихся с торных путей, каким был А. Н. Майков в течение полувека. В этом случае красивые стихи твои скорее относятся к тебе, наш могучий Мессап, а не ко мне, смиренно стрекочущей Цикаде».[62] В следующем письме, от 1 марта 1889 года, он напишет, вспоминая послание Майкова Полонскому: «Всезрящим оком поэта смотря в лицо идеям вещей, ты выразил всю нашу тройственную поэтическую судьбу словами: „три мальчика“. Милый Полонский, вспоминая эти слова, комически прибавляет: „хороши мальчики!“. Смейтесь, господа, сколько угодно; но в правдивой истории литературы этим трем мальчикам суждено неразрывно оставаться *тремя мальчиками* или *тремя юбилярами*».[63]

В юбилейных посланиях и Майков, и Полонский ставили задачу определить самую суть поэтического дара юбиляра. Центральный мотив у Полонского — космизм поэтического гения, участвующего наравне с богами в «мировой игре»; «песни вековые» Фета соприродны древним мировым голосам:

Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...
Капали слезы, — рыдала любовь; и алел
Жаркий рассвет, и те грезы, что в сердце мы тайно лелеяли,
Трель соловья разносила — и бурей шумел
Моря сердитого вал — думы зрели, и — реяли
Серые чайки...
Игру эту боги затеяли;
В их мировую игру Фет замешался и пел...

Песни его были чужды сует и минут увлечения,
Чужды теченью излюбленных нами идей; —
Песни его вековые — в них вечный закон тяготения
К жизни — и нега вакханки, и жалоба фей —
В них находила природа свои отражения,
Были невнятны и дики его вдохновения
Многим; но тайна богов требует чутких людей.[64]

Стихотворение Майкова выстраивается иначе. В нем также присутствует образ поэта, связанный с романтической концепцией поэти-

[61] См. публикацию переписки Фета и Майкова в наст. томе, письмо 5.
[62] См.: Там же, письмо 4.
[63] Там же, письмо 7.
[64] *Полонский Я. П.* Соч. Т. 1. С. 249.

ческого творчества, с идеей поэтического избранничества. Открытый пафос, яркие метафоры в первой части (порыв «бурного коня», охотничьи «трофеи» горного орла), необходимые для передачи фетовской «внешней картинности» при «схватывании» неуловимых оттенков «мимолетящих мгновений», о чем он писал сыновьям, в завершающих строках сменяются мирными мотивами блаженства, сладости, ароматов, игры цвета. В послании Майкова не только «схвачена» индивидуальная особенность поэзии Фета, оно вместе с тем близко лирической исповеди, он пишет и о Фете, и о себе. И не случайно поэтому работа над текстом идет непосредственно в откровенно-исповедальных письмах к сыновьям.

Е. Н. Ашихмина

ЛИЦА В ОКРУЖЕНИИ ФЕТА: РАТЫНСКИЙ, ЛОРЕНЦ, ЛИЗАНДЕР

В числе орловских знакомых Фета имелось несколько лиц, знакомство с которыми оказалось знаковым для поэта. Двое из них — Н. А. Ратынский и Д. К. Лизандер — были связаны со временем его студенчества в Московском университете, были отмечены вниманием Фета и остались в его воспоминаниях; обоим посвящены биографические статьи в словаре Брокгауза и Ефрона. Третий — В. И. Лоренц, известный орловский доктор, длительно присутствовал в жизни Фета в периоды болезни его матери и сестры Надежды. Прямо или опосредованно Ратынский, Лоренц и Лизандер вошли в круг людей, эмоционально связанных с событиями жизни великого поэта, и в этом качестве интересны литературоведам.

«Через Ратынского познакомился я с двумя орловскими земляками-студентами, жившими на одной квартире: Гриневым и поэтом Лизандром», — пишет Фет в воспоминаниях «Ранние годы моей жизни».[1] Личность Гринева еще предстоит прояснить. Носители распространенной дворянской фамилии, Гриневы обитали во многих уездах Орловской губернии; не один из них получил высшее образование в Москве. Лизандер, или, как на «исторический» лад называет его Фет, Лизандр, представляет собой личность более известную.

Дмитрий Карлович фон Лизандер (1824—1894), прибыв в Москву, вначале учился в пансионе Погодина, позже — на юридическом факультете Московского университета. Отцом Дмитрия был предводитель дворянства Дмитровского уезда Орловской губернии полковник

[1] *РГ*. С. 172.

Карл Еремеевич фон Лизандер (1797[2] — не ранее 1852). Юный студент университета мог им гордиться. Карл Еремеевич, сын отставного поручика, происходивший «из Курляндского шляхетства»,[3] окончил 2-й кадетский корпус и был выпущен из него подпоручиком в Киевскую артиллерийскую бригаду (15 ноября 1807 года). Будучи переведенным во 2-ю запасную бригаду (16 марта 1811 года), встретил в ее составе Отечественную войну 1812 года и стал непосредственным участником основных ее битв «при ретираде за Москву» — в Бородинской, в Тарутинском маневре, в других сражениях. За особенное геройство, проявленное в бою под Малым Ярославцем, Лизандер «лично генерал-фельдмаршалом князем М. И. Кутузовым-Смоленским» через чины был произведен из подпоручиков в штабс-капитаны.[4] Кутузов не знал в точности звание Лизандера и произвел его в штабс-капитаны ошибочно;[5] однако тот все-таки был утвержден в новом чине «высочайшим приказом 10 октября 1814».[6] Находясь в заграничных походах в составе русской армии, Карл Лизандер воевал в Силезии, Пруссии, Саксонии, Богемии, Баварии, в Австрии, Царстве Польском и Швейцарии; с боями прошел Францию до Парижа; он — участник взятия французской столицы; имел серебряные медали «В память отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа 19 марта 1814 года».[7] Вернувшись в 1815 году в Россию, Лизандер продолжил военную службу. В 1827 году он был награжден орденом св. Владимира 4 степени.[8] В отставку вышел с должности командира Севастопольского артиллерийского гарнизона — был уволен по болезни полковником «с мундиром и пенсионом 1/3 жалованья», которое получал из Дмитровского уездного казначейства Орловской губернии. В течение десяти лет — с 1839 по 1849 год — избирался предводителем дворянства Дмитровского уезда.[9] Как раз в это время его сын Дмитрий учился в Московском университете.

---

[2] Дата рождения приводится по формулярному списку К. Е. Лизандера (*ГАОО*. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2327. Л. 119 об.). Возможно, его возраст — 42 года в 1839 г. — был произвольно перенесен из более раннего списка.

[3] Там же.

[4] Там же. Л. 120.

[5] О том, что перемещение из подпоручиков в штабс-капитаны было сделано по ошибке, свидетельствует формулярный список К. Е. Лизандера (Там же).

[6] Там же.

[7] Там же. Л. 119 об.

[8] Там же. Л. 120.

[9] Предводитель дворянства Дмитровского уезда К. Е. Лизандер был лишен своей должности и предан суду вместе с предводителем дворянства Кромского уезда А. Трубецким по окончании следствия по делу об уголовных преступлениях князя С. Трубецкого и его жены против крепостных крестьян. Имения преступни-

Не меньше оснований для гордости представлял и род матери: Дмитрий являлся внучатым племянником Ф. И. Тютчева. Пелагея Дмитриевна Тютчева, дочь помещика того же Дмитровского уезда Орловской губернии, приходилась поэту двоюродной сестрой. Ее отец, отставной полковник Дмитрий Николаевич Тютчев, в честь которого, вероятно, и назвали Лизандера-младшего, был известен «в деяниях своих всей губернии Орловской, а еще более Курской»[10] как человек «приобыкший» «делать людям обиды».[11] В числе его «деяний» были неоднократные разбои.[12]

Разбойник Тютчев, однако, был патриотом. В 1812 году он на свои средства обмундировал и вооружил 50 государственных крестьян, возглавил их конный отряд и нес кордонную службу на границе Рославльского и Брянского уездов, пока не исчезла опасность французского вторжения.[13]

И он тоже писал стихи. Одна из од Д. Н. Тютчева даже была напечатана в 1894 году в «Трудах Орловской ученой архивной комиссии». Брянский исследователь В. В. Крашенинников сообщает, что извест-

---

ков находились в обоих уездах, и предводители дворянства обвинялись в том, что они вовремя не обнаружили преступлений и не доложили о них. «Решением Правительствующего Сената, указом <...> от 16 июня 1849 г. за № 1130, определено: бывшим предводителям дворянства Кромского и Дмитровского уездов — поручику князю Александру Трубецкому, полковнику Лизандеру, отрешенным от должности и преданным суду по высочайшему повелению за нерадение в исправлении должности, имевшем последствием важные беспорядки, сделать на основании 43 и 442 ст. Уложения в присутствии суда при открытых дверях строжайший выговор со внесением его в послужные их списки» (*ГАОО*. Ф. 580. Оп. 2. Д. 633. 118 об.). В 1850 г. дело К. Е. Лизандера было окончено, и ему вновь разрешалось баллотироваться на дворянские должности, в связи с чем он был заявлен на должность кандидата предводителя дворянства Дмитровского уезда (см. подробнее: *Ашихмина Е. Н.* Лесков в Орле. Орел, 2010. С. 102).

[10] Имение Д. Н. Тютчева Ажово находилось на границе Орловской и Курской губерний.

[11] *Крашенинников В. В.* Культурный и научный потенциал региона: общее прошлое, общее будущее // Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 28—29 марта 2002. Орел, 2002. С. 18.

[12] Так, в 1820 г. поверенный карачевских питейных сборов Чаблоков подавал жалобу на помещика Дмитрия Тютчева, совершившего «вместе с неизвестными людьми» разбойное нападение на поверенного Масленникова и его служителя. «Абои ограблены оным», — писал Чаблоков (*ГАОО*. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2267. Л. 657 об.). Следствие по делу Тютчева вел тогда дворянский заседатель Орловской уголовной палаты коллежский асессор Иван Васильевич Казьмин совместно с карачевским земским исправником и уездным стряпчим. Дело в итоге было передано в уездный суд (Там же).

[13] *Крашенинников В. В.* Культурный и научный потенциал региона. С. 18.

ный дореволюционный орловский краевед А. Г. Пупарев лично видел рукописи стихов Д. Н. Тютчева, но сохранились ли они до нынешнего времени, остается неизвестным.[14] Вступавший в жизнь Дмитрий Лизандер не мог не знать о семейных традициях стихотворчества Тютчевых.

В приданое за Пелагеей Тютчевой Карл Лизандер получил д. Журиничи Брянского уезда Орловской губернии. Но главным имением, доставшимся дочери от отца, было Ажово Дмитровского уезда.[15] В определенной степени оно и служило источником вдохновения Лизандера. По данным 1852 года, оба имения были проданы с аукциона как заложенные и просроченные по выплате долга.[16]

Дмитрий Лизандер начал поэтические опыты в ранней юности и в университетские годы уже выступал как довольно опытный поэт. Свою первую поэму он издал в 1840 году, будучи студентом-второкурсником. В стихах предпочитал форму сонета. Но в том же 1840 году и у Фета при участии Аполлона Григорьева вышел сборник стихов «Лирический Пантеон», а в 1842 году появились публикации в журналах «Москвитянин» и «Отечественные записки». Разумеется, Лизандер был интересен юному Фету и как собрат по перу, и как земляк. Оба они были поклонниками «чистого искусства». Не исключено, что в беседах с Лизандером Фет утверждался в своих представлениях о творчестве как таковом, с чем-то соглашался, что-то отвергал и т. д. В любом случае такие разговоры, пусть и редкие, если они вообще имели место, были полезны обоим литераторам, университетским студентам. «Покойный принадлежал к числу старейших воспитанников Московского университета, где окончил курс на юридическом факультете, с званием действительного студента, в 1843 году. Но, кроме того, он справедливо считался одним из давнишних русских писателей», — сообщал в некрологе Д. К. Лизандера известный историк литературы и библиограф Д. Д. Языков.[17] «Еще находясь на втором курсе, — продолжал он, — Дмитрий Карлович издал поэму, в двух частях, под заглавием: „Запорожцы“ (М. 1840 года). Затем, также студентом, в 1842 году, он выступил на страницах „Библиотеки для чтения“ с несколькими стихотворениями, как, например, „Воспоминание“ (1842 года, кн. 6), „Две ночи“ (кн. 8), „Повесть сердца“ (1843 года, кн. 4) и многие другие.

---

[14] Там же. С. 19.

[15] Дмитрий Лизандер был старшим сыном К. Е. и П. Д. Лизандеров. Согласно формулярному списку К. Е. Лизандера от 1839 г., в семье были дети: Авдотья, 9 лет, Федор, 6 лет. Позже родилась Анастасия (*ГАОО*. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2327. Л. 120).

[16] *Орл губ вед*. 1852. 11 октября. № 41. С. 520.

[17] *Д. <Языков Д. Д.>* Дмитрий Карлович фон Лизандер (Некролог) // *МВед.* 1894. 16 апреля. № 105. С. 4.

Уже через два года эти ранние плоды поэзии были напечатаны отдельно, под простым заглавием „Стихотворения Д. фон Лизандера“ (М. 1845 г.), а позже новые произведения, именно сорок пять сонетов, вышли под названием: „Лучи и тени“ (М. 1859 г.)».[18]

Поэты и критики не обходили вниманием творчество Лизандера. Их отзывы, как правило, были строгими. Автор биографической статьи о поэте в словаре Брокгауза и Ефрона, признавая определенную популярность Лизандера в 40-х годах XIX века и отдавая ему должное в том, что «некоторые стихотворения Л., поэта чистого искусства, художественны и пластичны», тем не менее отмечал, что «любимою его формою был мало подходящий к русскому стихосложению сонет».[19] Однако никто из рецензентов не усомнился в поэтическом даре Дмитрия Лизандера. Так, Н. А. Некрасов в статье «Русские второстепенные поэты», вышедшей в первом номере «Современника» за 1850 год, приводит в качестве лучших два стихотворения Лизандера — «Дорога» и «В забвении нежном на грудь мою тихо поникнув...». «Второе — прекрасно, — пишет Некрасов, — жаль только, что оно также не чуждо тяжелой напряженности и книжных оборотов».[20] В той же статье Некрасов дал высокую оценку Ф. И. Тютчеву. О творчестве Д. Лизандера в 1859 году писал Н. А. Добролюбов в статье «Лучи и Тени, сонеты фон-Лизандера». Неизвестно, каково было отношение самого Лизандера к подобным оценкам его творчества. Как сочинитель, он не мог не понимать значение творчества Тютчева и Фета и, может быть, поэтому все реже и реже печатал свои стихи. Однако поэтом он быть не перестал и в 1892 году, то есть за два года до смерти, выпустил в Москве сборник стихов под многозначным заглавием «Перед закатом. Очерки дум и природы, и песни о любви». Литературовед О. В. Мирошникова, особо выделяя этот сборник, считает, что каждый цикл в произведении воплощает грань единого авторского мироотношения.[21] Умер Лизандер в Москве 13 апреля 1894 года. После отпевания в церкви св. Николая, что в Хлынове, близ Большой Никитской, поэт был погребен на Ваганьковском кладбище.

Николай Антонович Ратынский (1821—1887),[22] еще один студенческий знакомец Фета, являл собой многогранную и достаточно своеобразную личность. «Между обычными посетителями григорьевского

---

[18] *Д. <Языков Д. Д.>* Дмитрий Карлович фон Лизандер (Некролог). С. 4.

[19] Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. XVIIa. С. 667.

[20] *Некрасов.* Т. 11. Кн. 2. С. 41.

[21] *Мирошникова О. В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. Омск, 2004. С. 54.

[22] Известно, что Н. А. Ратынский родился в Орле 23 ноября 1821 г.

мезонина стал появляться неистощимый рассказчик и юморист, однокурсник и товарищ Григорьева Ник<олай> Антонович Ратынский, сын помещика Орловской губернии Дмитровского уезда; он, кажется, не получал от отца никакого содержания и вынужден был давать уроки», — напишет о нем Фет.[23] Ратынский, как мы знаем, и познакомил Фета с Лизандером. Он же передал поэту пожелание критика В. П. Боткина встретиться с Фетом: «Однажды Ратынский, пришедши к нам, заявил, что критик „Отечественных записок“ Васил<ий> Петров<ич> Боткин желает со мной познакомиться, и просил его, Ратынского, привести меня. Ратынский в то время был в доме Боткиных своим человеком, так как приходил младшим девочкам давать уроки. Боткин жил в отдельном флигеле и в 30 лет от роду пользовался семейным столом и получал от отца 1000 руб. в год».[24]

Фету Ратынский был интересен как собеседник, к тому же увлекавшийся поэзией. Кроме того, Ратынский играл не последнюю роль в орловском землячестве, где Фета числили «в своих». Через того же Ратынского Гринев приглашал земляка Фета на обед, который студент давал на своей квартире в честь получения денег в Опекунском совете за заложенное имение. Вечер с его «любезными хозяевами» Гриневым и Лизандером остался в памяти у Фета.

Ратынский и Лизандер, вероятно, знали друг друга до университета. Их родители были знакомы. Находясь в отставке, отцы обоих служили в Дмитровске. В то время, когда К. Е. Лизандер возглавлял местное дворянство, отставной ротмистр Антон Иванович Ратынский, бывший земский исправник того же уезда, являлся Почетным смотрителем Дмитровского училища, в котором впоследствии учился брат Ратынского Иван. В том же уезде у К. Е. Лизандера и А. И. Ратынского имелись небольшие владения. Оба дмитровских помещика воевали в Отечественной войне 1812 года, оба бились при Бородино, участвовали в заграничных походах русской армии, брали Париж. Как и Дмитрий Лизандер, старший сын Антона Ивановича Николай имел все основания гордиться военной биографией отца. Ратынский-старший (1789 — не ранее 1860) так же, как и Лизандер, награждался серебряными медалями «За взятие Парижа 19 марта 1814 года» и «В память отечественной войны 1812 года». По происхождению из дворян Орловской губернии, А. И. Ратынский в 1806 году вступил в службу в Глуховский кирасирский полк юнкером.[25] Корнетом стал в 1809 году, провоевав в боях антифранцузской коалиции (1807—1809). Как свидетельствует

---

[23] *РГ*. С. 172.

[24] Там же. С. 205.

[25] *ГАОО*. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2304. Л. 686.

его формулярный список, Ратынский «с начала кампании» стал участником основных сражений Отечественной войны 1812 года.[26] «За отличие» в Бородинском сражении Антон Иванович был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» (оружие вручено 1 октября 1812 года).[27] В битве при Бородино Ратынский получил пулевое ранение в подбородок. Как и Лизандер, Ратынский сражался под Малым Ярославцем, под Вязьмой, под г. Красным, затем при Лютцене, под Бауценом, Рейхенбахом, Дрезденом, при Кульме; участвовал в «битве народов» под Лейпцигом, «был в делах» при Ла-Ротьене. 8 февраля 1814 года он стал кавалером ордена св. Анны 4-й степени. Отличился Ратынский и в «авангардных боях» за французскую столицу: «Получил монаршее благоволение за оказанное военное геройство при взятии города Парижа» (24 сентября 1814 года). Поручик — в 1815-м, штаб-ротмистр — в 1818 году. «Уволен за ранами от службы» в звании ротмистра «с мундиром и пенсионом жалованья» (1821).[28] Выйдя в отставку, Ратынский вернулся в Орловскую губернию.[29] В течение трех трехлетий он избирался дворянством в Дмитровский земский суд исправником (1827—1836), а в феврале 1837 года стал Почетным смотрителем Дмитровского уездного училища.[30]

Но боевые заслуги не означали материального благополучия. Ратынские являлись владельцами небольшого имения Клюшникова пустошь, где им принадлежали 1-я и 5-я части.[31] Серьезного дохода поместье не давало. Между тем в семье Ратынских подрастали дети,[32] родители стремились дать им достойное образование. Вот почему старший сын отставного ротмистра Николай, будучи студентом, вынужден был давать уроки.

Окончив Московский университет со степенью кандидата, Ратынский служит при канцелярии Петербургского военного губернатора

---

[26] *ГАОО*. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2304. Л. 690.

[27] Там же.

[28] Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 630. Л. 86 об.

[29] См. подробнее: *Ашихмина Е. Н.* Орловская губерния в войне 1812 года: события и люди // Орел — город воинской славы: Материалы научно-практической конференции 18 октября 2012 года. Орел, 2013. С. 10—27.

[30] Там же.

[31] Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Дмитровский уезд. Ч. 2 // *РГАДА*. Ф. 1354. Оп. 314/2. Д. 980. Л. 14.

[32] По данным на 1839 г., в семье Ратынских были дети: Николай, 19, Василий, 18, Сергей, 14, Иван, 13, Екатерина 16, Екатерина (меньшая), 13. Сыновья Николай и Василий получали образование в «Московском дворянском институте», Сергей и Иван — в Орловской губернской гимназии, дочери — в Екатерининском институте благородных девиц Санкт-Петербурга (*ГАОО*. Ф. 78. Оп. 1. Д. 630. Л. 90).

(коллежский секретарь в 1843 году), затем переходит в Министерство внутренних дел, где выполняет обязанности чиновника особых поручений в Статистическом комитете. 1860-е годы проводит в Орле. Возможно, его отъезд из Петербурга был связан с дознанием по делу петрашевцев. Ратынский был знаком с М. В. Петрашевским, допрашивался по его делу.

В Орле Ратынский становится действительным членом Орловского губернского статистического комитета. Именно ему губернатор В. И. Сафонович поручает составление первой «Памятной книжки Орловской губернии» на 1860 год. Она положила начало целому ряду ежегодных справочных изданий, выходивших в Орле до 1917 года. Памятные книги и Адрес-календари содержали сведения по статистике, истории, административному устройству губернии; содержали данные об образовательных и общественных учреждениях, о чиновниках, докторах и иных лицах. В Орловской губернии в родном Дмитровском уезде Ратынский покупает «Прохоровой пустоши часть, на которой ныне поселена деревня Прилепы».[33] В Генеральном межевании за 1867 год она отмечена как владение «статского советника и кавалера Николая Антоновича Ратынского».[34] В собственности его супруги, урожденной Шеншиной, находилось также небольшое мценское имение Чижи Михайловской волости.[35]

В Орле Ратынский был вхож в дом орловского губернатора В. И. Сафоновича, который слыл любителем искусств и литературы. По понедельникам в губернаторском доме проходили «приемы общества», здесь звучала музыка, были танцы. Три дочери Сафоновича неплохо пели, они устраивали первые спектакли в Орловском Бахтина кадетском корпусе и в гимназии, давали концерты с благотворительными целями. С конца 1860 года Сафонович занимался созданием комиссии по устройству крестьянского быта, затем возглавлял эту комиссию. В губернаторство Сафоновича вышел Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 года. Перед административным корпусом вставали новые задачи, традиционные методы управления уходили в прошлое. Прежние отношения с крестьянами были уже невозможны, новые подходы лишь вырабатывались, и далеко не все были согласны с управлением Сафоновича. Некоторые дворяне считали, что губернатор — недостаточно волевой, чтобы сдерживать излишнее рвение жаждавших активных реформ; иные, напротив, утверждали,

[33] Межевой Отдел... Дмитровский уезд. Ч. 2. Л. 22 об.

[34] Там же.

[35] Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Мценский уезд. М., 1886. Вып. 1. С. 400.

что Сафонович консерватор и будет всячески сопротивляться нововведениям. «Говорили, что „губернатор стар и уже не в силах справляться с губернией в такое смутное время“, — вспоминала дочь губернатора Ольга Валериановна Страхова. — Либеральная молодежь воображала себя чуть ли не накануне парижского террора 1792 года. Как это ни невероятно, но некоторые лица брали меры и даже писали завещания (так и муж мой написал завещание в мою пользу, о чем я только позднее узнала)».[36] В числе тех, кто считал, что Сафонович являлся неподходящей кандидатурой для управления губернией в новой ситуации, Страхова называет Ратынского: «Были люди, утверждавшие, что губернатор не годится, т. к. он якобы крепостник, не подходящий к либеральным требованиям времени. Исходило это, будто бы, от Николая Антоновича Ратынского, умнейшего, но коварного человека. Он был близок в нашем доме, жена его (урожденная Шеншина) была в лучших отношениях с богатейшим помещиком Орловской губернии Виктором Владимировичем Апраксиным и его супругою Александрой Михайловной (урожденной Пашковой), любимицею императрицы Марии Александровны, которая проездом через Орел останавливалась у нее в доме. Сам Ратынский имел знакомства и вес в Петербурге. Может быть, он там и сказал что-нибудь очень веское про моего отца. Подробно мы этого никогда не знали; но дело было сделано, и последствия это доказали».[37] Мнение О. В. Страховой об уме Ратынского разделял и П. П. Вяземский. «Н. А. Ратынского князь считал очень умным человеком и охотно его слушал», — отмечает историк литературы Е. Н. Опочинин, повествуя о заседаниях Общества любителей древней письменности.[38]

Н. А. Ратынский был женат на орловской дворянке Александре Александровне Шеншиной. В Орле он проживал в приходе кафедрального собора Павла Исповедника. Здесь Николай Антонович крестил

---

[36] *Страхова О. В.* Дополнение к воспоминаниям В. И. Сафоновича // Орловский гражданский губернатор В. И. Сафонович. Орел, 2004. С. 35. О. В. Сафонович была замужем за двоюродным братом Н. С. Лескова губернским секретарем Митрофаном Михайловичем Страховым. В начале 1862 г. В. И. Сафонович вместе с теткой Лескова Н. П. Константиновой был восприемником у купели дочери Страховых Ольги (*ГАОО*. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3245. Л. 164 об.).

[37] *Страхова О. В.* Дополнение к воспоминаниям В. И. Сафоновича. С. 35–36.

[38] *Опочинин Е. Н.* Князь Павел Петрович Вяземский. URL: http://dugward.ru/library/vyazemskiy/opochinin_vyazemskiy.html (дата обращения: 12.06.2018). Евгений Николаевич *Опочинин* (1858–1928), русский литератор, редактор внутреннего отдела газеты «Правительственный вестник». Происходил из дворянского рода Опочининых Ярославской губернии. Работал в музее древностей под руководством П. П. Вяземского.

свою дочь Варвару,[39] здесь он сам не раз выступал крестным отцом;[40] здесь крестили детей его дворовые люди. Студенческий друг Фета вращался в Орле в высшем дворянском обществе, которое составляли губернатор, предводители орловского дворянства В. В. Апраксин и В. Я. Скарятин, а также такие «значащие» фигуры, как Е. А. Мовчан[41] и Н. П. Барышников,[42] люди из окружения губернатора — зять Сафоновича М. М. Страхов и его мать Н. П. Константинова. Были, разумеется, и другие. Мы приводим лишь тех орловских знакомцев Ратынского, что подтверждены документально.

Вероятно, неплохо знал Ратынского и Н. С. Лесков. Писатель даже ссылается на него в «Юдоли», где прямо указывает на старое знакомство Ратынского с его семейством: «Недавно умерший Николай Антонович Ратынский, который был значительно меня старше и знал наше орловское родство, говорил мне, будто Тургенев с тети Полли нарисовал в своем „Помещике“ ту барыню, о которой сказал, что она „была не вздор в наш век болезненный и хилый“. Разумеется, описанное в „Помещике“ лицо имело сходство с тетей Полли только во внешности, а в свойствах духа у них была схожесть разве в „победоносности“ и в неукротимой энергии и настойчивости».[43] Николая Ратынского Лесков мог знать и через «петербургских» орловчан, и через Страховых-Константиновых, и через родного брата Ратынского Ивана. Тот значится в ведомости о молодых дворянах Орловской казенной палаты с 1845 года,[44] а в мае 1847 года на службу в Орловскую палату Уголовного суда поступил Лесков. В перерывах молодые служащие палат встречались. Лесков пишет об этом в «Язвительном»: «Я и мои товарищи <...> не

---

[39] *ГАОО*. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3245. Л. 75 об.

[40] Там же. Л. 75 об., 174 об., 272 об.

[41] Елизавета Андреевна Мовчан, хорошая знакомая Фета, стала крестной матерью Варвары Ратынской. См. подробнее: *Ашихмина Е. Н.* Мценские родственники, друзья и соседи Фета на страницах воспоминаний «Ранние годы моей жизни» // *ФетСб(2)*. С. 102.

[42] В январе 1864 г. коллежский советник Ратынский стал восприемником у купели Марии Барышниковой, дочери Почетного попечителя Орловского уездного училища, члена Орловской ученой архивной комиссии Николая Петрова Барышникова, считавшегося, пусть и безосновательно, прототипом Федора Лаврецкого из тургеневского «Дворянского гнезда» (см.: Там же).

[43] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 9. С. 280. Далее ссылки на это издание: *Лесков*, с указанием номера тома и страницы.

[44] Несмотря на то, что в формулярном списке отца А. И. Ратынского сказано, что Иван учился в Орловской губернской гимназии, тот, вероятно, был переведен оттуда в Дмитровск, окончил Дмитровское уездное училище, а затем сумел получить образование в Московском дворянском институте (см.: *ГАОО*. Ф. 580. Ст. 2. Д. 450. Л. 6 об.).

обязаны были сидеть в канцелярии и потому не нуждались вовсе в канцелярских курильных закоулках; но все-таки каждый из нас считал своею обязанностью прийти покоптить папиросным дымом стены комнаты, находившейся за правительским кабинетом. Эта комната была для нас сборным местом, в которое всякий спешил поболтать, посплетничать, посмеяться и посоветоваться».[45] Иван Ратынский и Николай Лесков, судя по всему, тоже не раз встречались в курилке — штат сотрудников присутственных мест был не слишком велик.

С юности находясь в окружении людей, тесно связанных с литературой, Ратынский и сам пробовал перо. Словарь Брокгауза и Ефрона называет его писателем.[46] В столичных литературных кругах Ратынский был известен как библиограф, исследователь древностей и даже «великий знаток» русской поэзии. Он был завсегдатаем пятниц Я. П. Полонского. По свидетельству Опочинина, Ратынский регулярно присутствовал на заседаниях Общества любителей древней письменности: «Никаких ученых докладов он не делал никогда и оставался только серьезным и внимательным слушателем того, что говорили ученые члены и сотрудники Общества. Но иногда он делал краткие замечания, которые поражали всех своей меткостью и глубиной».[47] Однако некоторые из изданных Ратынским работ как раз зачитывались на заседаниях этого Общества. Отдельным оттиском, например, вышел доклад Ратынского «Арифметика, сиречь наука числительная» о рукописи Л. Ф. Магницкого из его собственной коллекции.[48] Тем не менее Опочинин ярко описывает ужины в Обществе любителей древней письменности, полные замечательно интересных разговоров. В числе самых ярких рассказчиков он называет актера Малого театра писателя И. Ф. Горбунова и Ратынского. Горбунов уступал место «великому знатоку русской литературы и особенно поэзии, которой Николай Антонович, по собственному признанию, с юности посвящал свои досуги. Зато и знал он всех лучших наших поэтов, начиная с Пушкина, наи-

---

[45] *Лесков*. Т. 1. С. 11.

[46] В биографической статье словаря Брокгауза и Ефрона говорится, что Н. А. Ратынский подготовил к печати издания: «Иезуиты» (*ОЗ*. 1844. № 1, 2), «Памятная книжка Орловской губернии на 1860 г.» (Орел, 1860), «Эпиграммы, шутки и послания Д. Т. Ленского» (Русская старина. 1880. № 10), «Арифметика, сиречь наука числительная <Л. Ф. Магницкого>» (Памятники древней письменности. СПб., 1881. Вып. 2), «Феатрон, или Позор исторический <Гавриила Бужинского>» (Там же. Вып. 4), «Двор и правительство в России сто лет тому назад» (*РА*. 1886. Кн. 1).

[47] *Опочинин Е. Н.* Указ. соч.

[48] *Ратынский Н. А.* Арифметика, сиречь наука числительная: Читано в заседании Общества любителей древней письменности 13 марта 1881 года. СПб., 1881. 7 с.

зусть и прекрасно читал их произведения без малейшей запинки. <...> Здесь в декламации Ратынского слышались грозные пророческие стихи Хомякова, гармонические антологии Майкова и Щербины, а иногда остроты и эпиграммы Пушкина, его шутливого приятеля Сергея Александровича Соболевского и других памятных людей пушкинского времени. Философские задумчивые строфы Ф. И. Тютчева чередовались с былинными стихами А. К. Толстого <...>».[49] Хочется думать, что и стихи Фета Ратынским не были забыты. Не обходит стороной Опочинин и анекдотические случаи, связанные с Николаем Антоновичем.

В 1872 году Ратынский был назначен цензором Петербургского цензурного комитета. В этом качестве он цензуровал, например, «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (в 1876 и 1877 годах). Метранпаж М. А. Александров вспоминал: «...цензор Николай Антонович Ратынский, цензуровавший „Дневник“ почти все время его издания, говаривал Федору Михайловичу в шутку, что он не цензурует его, а только поправляет у него слог. Это значило, что иногда, вместо того чтобы вымарывать что-либо неудобное просто цензорскою властью, он заменял одно слово другим и тем смягчал выражение фразы».[50] Внизу страницы с этим текстом редакция «Русской старины» сделала примечание: «Пользуемся случаем, чтобы помянуть добрым словом покойного Николая Антоновича Ратынского. Этот отлично образованный человек и весьма интересный собеседник, между прочим, как цензор был человек весьма обязательный, очень начитанный, горячо любил отечественную литературу и в особенности русскую историю».[51] Несмотря на непростые отношения Достоевского и его цензора, в 1880 году писатель подарил Ратынскому экземпляр «Братьев Карамазовых» со своим автографом. Известны восемь писем Ратынского к Достоевскому, написанные в 1876—1877 годах.

В 1887 году, за несколько месяцев до смерти, действительный статский советник Ратынский становится членом Совета Главного управления по делам печати. Имя Ратынского навсегда осталось в памяти Фета. Спустя двенадцать лет, проведенных поэтом вне Москвы, он привез на лечение в старую столицу сестру Надежду. Оказалось, что за время его отсутствия почти все его московские знакомые исчезли. «...Захотелось мне наведаться, не застану ли я по-прежнему на Маросейке В. П. Боткина — во флигеле, памятном столь многим литерато-

---

[49] *Опочинин Е. Н.* Указ. соч.

[50] *Александров М. А.* Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 гг. // Русская старина. 1892. № 4. С. 203. См. также: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 237.

[51] Русская старина. 1892. № 4. С. 203.

рам, — во флигеле, куда меня ввел покойный Ник<олай> Ант<онович> Ратынский, когда мы оба еще были студентами, и где я в первый раз увидал Ал. Ив. Герцена».[52] В тот приезд Фета в Москву Ратынский был жив, но мемуары поэтом писались позднее.

Василий Иванович (Вильгельмович?) Лоренц (1808 или 1809—1888),[53] старший врач Орловского приказа общественного призрения, инспектор Орловской врачебной управы, в отличие от Лизандера и Ратынского, не имел прямого отношения к литературе. Однако на протяжении целого ряда лет он был близок к семье Фета как врач. Доктор Лоренц был в Орле человеком очень известным и в этом качестве попал на страницы книги «Мелочи архиерейской жизни» Н. С. Лескова, который, рассказывая о своем герое Шульце, писал: «Наконец они встретились с Смарагдом, кажется на обеде в с. Шахове, и майор здесь совсем очаровал скучавшего епископа своими едкими сарказмами над Трубецким и доктором Лоренцем, а также и над другими видными орловскими гражданами».[54] Врачей в Орле было немного. По приглашению они совершали дальние поездки к больным в имения. Несмотря на то, что в Мценске имелся свой городовой врач, Лоренц, как один из лучших, приезжал к матери Фета в Новоселки Мценского уезда. Елизавета Петровна Шеншина опасалась, что ее болезнь связана с онкологией. «От этой мысли не могли ее отклонить ни мои уверения, ни слова навещавшего ее орловского доктора В. И. Лоренца, утверждавшего, что это не рак», — вспоминал Фет.[55] По словам Фета, ввиду обострения болезни его мать даже «вынуждена была переехать в Орел, чтобы находиться под ежедневным надзором своего доктора Вас. Ив. Лоренца. В те времена еще не было в Орле порядочных гостиниц, и мать занимала два номера на постоялом дворе Кабанкова. Всходить в бельэтаж, где помещались эти номера, надо было со двора по высокой деревянной лестнице через открытую галерею».[56]

«Формулярный список о службе и достоинстве старшего врача заведений Орловского приказа общественного призрения штаб-лекаря,

[52] *МВ*. Ч. 1. С. 187.

[53] На сайте «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества» представлены следующие даты жизни В. И. Лоренца: 13 (25).2.1805, Петербург — 14 (26).6.1888, Петербург (см.: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Lorents_V_I/ (дата обращения: 12.06.2018)). Однако согласно формулярным спискам В. И. Лоренца, обнаруженным автором статьи в ГАОО, годом его рождения может быть 1808 или 1809, поскольку в 1841 г. ему было 32 года (*ГАОО*. Ф. 78. Оп. 1. Д. 733. Л. 2), в 1843 г. — 35 лет (Там же. Л. 13 об.).

[54] *Лесков*. Т. 6. С. 405.

[55] *РГ*. С. 194.

[56] Там же. С. 228.

медика хирургии коллежского асессора Лоренца»[57] и «Личное дело врача пансиона гимназии Лоренца Василия»[58] за 1841 год вполне проясняют его биографию и подтверждают, что он был весьма опытным, квалифицированным врачом.

Как и многие тогдашние врачи, Лоренц был «из немцев», точнее, «из саксонских подданных», лютеранского вероисповедания. В феврале 1824 года он окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию с отличием, поскольку был произведен в «лекари 1-го отделения».[59] Когда в конце сентября 1830 года в Москве открылась холера, «по распоряжению московского военного губернатора» Лоренц был назначен ординатором временной больницы Сретенской части и в течение всей эпидемии (с 4 октября 1830 по 10 января 1831 года) лечил больных. По представлению «начальника» больницы, сенатора, тайного советника Озерова «за отличную службу» Лоренц был награжден 300 рублями (14 июля 1831 года).[60]

Но гражданская служба по каким-то причинам не устраивала Лоренца, и сразу по окончании холерной эпидемии он подал прошение о зачислении его на военно-медицинскую службу. Просьба была удовлетворена, и 28 февраля 1831 года он был определен младшим лекарем в Елисаветградский гусарский полк.[61]

Едва появившись в полку, Лоренц сразу оказался в эпицентре боевых действий «против польских мятежников». 14 марта того же года Елисаветградский гусарский полк пересек границу с Польшей в Брест-Литовске и, войдя «в авангард 6-го пехотного корпуса», вступил в сражения. Переведенный затем в «авангард сил главной армии», в апреле — августе 1831 года полк воевал на направлении главного удара. В формулярном списке Лоренца мы видим названия знаковых населенных пунктов: Седльце, Куфлево, Минск, Калуш, Пултуск, Лович, Варшава. Лоренц присутствовал «25 и 26 августа при генеральном сражении и взятии передовых варшавских укреплений и городового вала, 27 августа при покорении и самого города»,[62] был под Модлиным, вновь возвращался к Варшаве, преследовал в составе своего полка остатки польской армии до прусской границы и к 1 ноября 1831 года возвратился с полком на постоянные квартиры в Кошинское воеводство. «За взятие приступом города Варшавы 25—26 августа» Лоренц

[57] *ГАОО*. Ф. 78. Оп. 1. Д. 733. Л. 3.
[58] Там же. Л. 2.
[59] Там же. Л. 1 об.
[60] Там же. Л. 2.
[61] Там же. Л. 3 об.
[62] Там же. Л. 6.

получил серебряную медаль, а по итогам всей кампании — «Польский знак отличия за военное достоинство 4 степени».[63] В ходе боев Лоренц приобрел обширный опыт в области военно-полевой хирургии. Однако он считал, что нуждается в официальном подтверждении своей практической деятельности, ибо звание лекаря, даже отлично окончившего академию, давало юридическое право лишь на терапевтическую практику. Этим, судя по всему, и объясняется зачисление выпускника Санкт-Петербургской академии младшим лекарем в полк. Но Лоренц добился своего: 12 августа 1833 года он был удостоен звания «медико-хирурга» Виленской императорской медико-хирургической академией.[64] Как правило, такая квалификация присваивалась после серьезного экзамена. После этого, 19 мая 1834 года, Лоренц был произведен в штаб-лекари, а 14 января 1839 года получил звание старшего лекаря Елисаветградского гусарского полка. Были и денежные награждения за службу: 1 мая 1836 года полковой лекарь за свое отличное усердие получил 466 рублей ассигнациями.[65]

Выйдя в отставку, Лоренц получил чин коллежского асессора (30 декабря 1839 года). По предписанию Министерства внутренних дел он получил назначение старшим врачом при «заведениях Орловского приказа общественного призрения».[66] 1 сентября 1840 года утверждение состоялось, и Лоренц отправился в Орел. Здесь он быстро завоевывает общественное признание как знающий доктор и расширяет свою практику. 12 февраля 1841 года старший врач заведений Орловского приказа общественного призрения коллежский асессор Василий Лоренц пишет, вероятно, формальное прошение директору училищ Орловской губернии коллежскому советнику Павлу Кондратьевичу Федорову о зачислении его на вакансию врача «Благородного пансиона» Орловской гимназии, оговаривая, что жалованье свое будет жертвовать в казну пансиона.[67] Это назначение состоялось 8 марта 1841 года.[68] Деньги за исполнение своих обязанностей Лоренц действи-

---

[63] *ГАОО*. Ф. 78. Оп. 1. Д. 733. Л. 4 об.

[64] Там же.

[65] Там же.

[66] Там же. Л. 5 об.

[67] «До сведения моего дошло, что коллежский асессор Федорович, состоящий врачом при пансионе подведомой Вам гимназии, отказался от этого звания. Желая с своей стороны занять эту должность, я покорнейше прошу ходатайства Вашего высокоблагородия у начальства Харьковского учебного округа об утверждении меня в оной. Жалованье, присвоенное этому месту, я готов жертвовать в казну Пансиона. Февраля 12 дня 1841 года» (Там же. Л. 1).

[68] Там же. Л. 15.

тельно не получал. Ведомости о болезнях учеников пансиона, в котором имелся лазарет, представлял своевременно.[69] В 1843 году надворный советник Лоренц осмотрел 54 человека, в числе которых были чиновники и гимназисты.[70] В 1840—50-е годы в задачу доктора входил и осмотр кандидатов в гласные городской Думы.[71] Фамилия Лоренца стоит, например, под протоколом об освидетельствовании психического здоровья одного из любимых учителей Н. С. Лескова В. В. Бернатовича (1848).[72] Разрешение на продолжение педагогической деятельности давалось в те времена по результатам консилиума во главе с губернатором, вице-губернатором, губернским предводителем дворянства и председателями палат.[73] Последними в документе с вердиктом «Явить в здравом уме» расписывались врачи. В 1846 году к авторитетному мнению Лоренца в связи «с расстроенным здоровьем» обращался директор Орловской гимназии А. Я. Кронеберг.[74]

Супруга Лоренца Елена Васильевна имела вероисповедание православное.[75] Их старшему сыну Николаю в 1843 году было полтора года.[76] Три сына (Николай, Александр, Виктор) и дочь Лоренца также были православными.

В 1846—1848 годах Лоренцы покупают (или строят) собственный дом в городе Орле.[77] Автором статьи установлено место расположения дома Лоренца. Записанный, как и многие городские усадьбы в Орле, на супругу, коллежскую советницу Е. В. Лоренц,[78] дом «с местом и строением» располагался в 18 квартале и был обращен фасадом на улицу Георгиевскую, ныне — ул. Тургенева. После отъезда Лоренцов из Орла и продажи ими владения, на двух участках — принадлежавшего им

[69] В июне 1841 г., например, в лазарете имелось четверо больных ангиной, четверо дизентерией, болели катаром, кому-то поставлено было нервное заболевание (Там же. Л. 10).

[70] Там же. Л. 19. Лоренц награждается чином надворного советника в 1843 г. (см.: Ведомости о повышении в чинах, перемещениях и увольнениях чиновников училищ Орловской губернии за 1842 год // Там же. Д. 813. Л. 35).

[71] См., например: Материалы о проведении выборов на городские должности по городу Орлу 1850—1853 гг.: Там же. Ф. 580. Оп. 2. Д. 634. Л. 84.

[72] Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1051. Л. 11.

[73] Там же. Д. 786. Л. 56 об.

[74] Там же. Д. 759. Л. 140.

[75] Там же. Д. 733. Л. 13.

[76] Там же.

[77] Чин коллежского советника Лоренц получил в январе 1846 г., статским советником он стал в 1851 г.; дом доктора был записан на коллежскую советницу Е. В. Лоренц, то есть был куплен или построен между 1846 и 1851 г.

[78] *ГАОО*. Ф. 593. Оп. 1. Д. 618. Л. 36 об., 37.

и смежного, занятого удельной конторой, стоявшей на углу улиц Садовой и Георгиевской, — было построено здание Орловской казенной палаты. Ныне на этом месте — УМВД России по Орловской области (ул. Тургенева, 15).

Траты, связанные с новым домом, вызвали значительные материальные затруднения семейства. В январе 1846 года Лоренц просит платить ему жалованье за службу в гимназическом пансионе, которое он «постоянно с 1840 года по 1846 жертвовал начисленное по штату 85 рублей 71 копеек, а теперь и сам имеет в оных нужду».[79] Харьковский учебный округ разрешает с января 1847 года платить Лоренцу жалованье в размере 85 рублей 71 копейки серебром в год.[80] 4 апреля 1850 года Лоренц был назначен инспектором Орловской врачебной управы. За свою профессиональную деятельность во время службы в Орле он неоднократно получал благодарности от императора и министра народного просвещения (1843), был награжден орденом св. Анны 2-й степени (1850) и св. Анны 3-й степени (1852).

Вероятно рассчитывая на более значительную, столичную практику, Лоренц уезжает в Петербург. В 1855 году в Санкт-Петербурге у него родился сын Виктор. Есть данные о том, что и сам Лоренц был уроженцем Петербурга и, возможно, хотел вернуться на родину. В 60-х годах действительный статский советник Лоренц уже служит старшим врачом петербургской больницы Всех Скорбящих для душевнобольных. Именно там в конце апреля 1864 года Лоренц начинает лечить дочь своей бывшей пациентки Шеншиной, сестру Фета Надежду Афанасьевну. Ее супруг И. П. Борисов писал И. С. Тургеневу 22 июня 1864 года: «...отвез и похоронил в больницу Всех скорбящих на 11 версте по Петергофской дороге — и там пришлось сдать ее доктору Лоренцу, старому знакомцу. Он 15 лет лечил ее мать, которая все эти годы была в сильнейшей меланхолии, — вот где и разгадка несчастной болезни — а мы никто этого вначале и не подозревали».[81] О том же вспоминал и Фет: «Вернувшийся Борисов сообщил нам, что по настоятельному совету московских врачей вынужден был отвезти жену в Петербург, где и поместил ее в больнице *Всех Скорбящих* под непосредственным надзором старшего доктора, бывшего когда-то в Орле врачом покойной нашей матери».[82]

---

[79] *ГАОО*. Ф. 593. Оп. 1. Д. 618. Л. 32—32 об.

[80] В 1846 г. Лоренц как врач пансиона Орловской гимназии и старший врач заведений приказа общественного призрения получал по пансиону 85 рублей 71 коп. в год; по заведениям приказа — 257 рублей 14 коп.; квартирные — 85 рублей 71 коп. (Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 972. Л. 18 об.).

[81] См.: *Письма Борисова к Тургеневу (2)*. С. 387.

[82] *МВ*. Ч. 1. С. 436—437.

Теперь Лоренц снова присутствует в жизни Фета. Имя доктора всплывает в переписке друзей — Фета и Борисова. Например, 16 августа 1864 года Борисов сообщил Фету о том, что он получил от Лоренца письмо о Надежде Афанасьевне.[83] Упоминается Лоренц в связи с Н. А. Борисовой и в других письмах Борисова к Фету. Одни из самых болезненных воспоминаний поэта были, увы, связаны с Лоренцом. С ним же была связана и уверенность в том, что более, чем этот врач, никто не сможет сделать для облегчения страданий больного.

Сыновья В. И. Лоренца не пошли по его пути. Все они окончили Императорское училище правоведения. Действительный статский советник Михаил Васильевич Лоренц состоял за обер-прокурорским столом в департаменте герольдии Сената. В этом качестве он вместе с А. П. Барсуковым утверждал гербы многих известных лиц,[84] в числе которых были, например, премьер-министр С. Ю. Витте (1906) и строитель железных дорог, банкир и крупный меценат Л. С. Поляков[85] (1905), владелец села Льгов, описанного Тургеневым в одноименном рассказе из «Записок охотника».[86] Скончался М. В. Лоренц в 1911 году.[87] Титулярный советник Александр Васильевич Лоренц, старший помощник секретаря 3 департамента Сената, умер в 1871 году.[88] Кол-

---

[83] См.: *Письма Борисова (2)*. С. 297. В примеч. 3 к этому письму имя Лоренца раскрывается как Михаил Вильгельмович, как он значился в адрес-календарях. На могильной плите Лоренца на Смоленском евангелическом кладбище выбито: «Василий Иванович» (см.: Петербургский некрополь: В 4 т. / Сост. В. И. Саитов, изд. вел. кн. Николай Михайлович. СПб., 1912. Т. 2. С. 692).

[84] См. подробнее: *Ерошкин Н. П.* Гербовое отделение сенатского Департамента Герольдии в начале XX века // Геральдика: Материалы и исследования. Л., 1987. С. 5—16.

[85] *Поляков* Лазарь Соломонович (1842—1914), тайный советник (с 1906 г.), председатель правления Московского международного торгового банка (1885—1908), Орловского коммерческого банка (1871—1908), Московского земельного банка (1871—1914), председатель совета Петербургско-Московского коммерческого банка (1895—1904), председатель правления Коммерческого страхового общества (1873—1908), учредитель Русского торгово-промышленного банка (1890). В 1897 г. был возведен в потомственное дворянство и получил чин действительного статского советника.

[86] «Льгово село и сельцо, что была пустошь Струкова действител<ьного> статс<кого> советника Лазаря Полякова. 1902» (см.: Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Болховский уезд. Ч. 2 // *РГАДА*. Ф. 1354. Оп. 311/2. Д. 974. Л. 43 об.).

[87] *Пашенный Н. Л.* Императорское училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. URL: http://genrogge.ru/isj/isj-091-2.htm#v23 (дата обращения: 12.06.2018).

[88] Там же. URL: http://genrogge.ru/isj/isj-091-2.htm#v26 (дата обращения: 12.06.2018).

лежский асессор Виктор Васильевич Лоренц, секретарь А. Ф. Кони, скончался в 1887 году.[89]

В. И. Лоренц и его сын Виктор были знакомы с Ф. М. Достоевским. В ответ на приглашение посетить рождественский вечер с елкой в Скорбященской больнице Достоевский писал Виктору Лоренцу 22 декабря 1879 года: «Весьма благодарю Вас и уважаемого мною Василия Ивановича, отца Вашего, за Ваше внимание. Вечер на 11-й версте бесспорно крайне любопытен для меня во многих отношениях. Вот только день праздника, не знаю, совпадет ли с некоторыми обстоятельствами, при которых мне возможно будет быть наверно на этом любопытнейшем вечере. Равно и „способ доставки“ на место. Если Вы будете столь добры, то благоволите уведомить меня и не оставить Вашим советом. При этом прибавлю просьбу: если б я поехал с двумя дамами (моей женой и одною из знакомых), то возможно ли это осуществить, то есть возможно ли там быть *женщинам* — это главное? Тем более я затрудняюсь, что еще не знаю наверно, поедут ли они в самом деле, хотя теперь очень желают. Но они могут быть удержаны лишь обстоятельствами. В случае если им возможно быть на празднике (как женщинам), то соблаговолите уведомить, как лучше поехать, в котором часу начнется, когда может окончиться „вечер“ (то есть в котором часу) и проч. Наконец, маршрут: не всякий извозчик знает, куда везти и проч. подробности. Сам же я, кажется, буду наверное, если только не захвораю или не потребуют меня куда-нибудь помимо моей воли. Еще раз благодарю Вас за внимание и прошу принять уверение в глубоком моем уважении».[90] Из-за болезни Достоевский не смог поехать на вечер, о чем 27 декабря 1879 года он также сообщил Виктору Лоренцу.

Люди, годами окружавшие Фета, оставшиеся в его памяти, возможно, не нашли прямого отражения в его творчестве, но, оставаясь рядом, они составили ту биографическую канву, на которой именно так, а не иначе вышивалось полотно его творческой биографии.

---

[89] *Пашенный Н. Л.* Императорское училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. URL: http://genrogge.ru/isj/isj-091-3.htm#v38 (дата обращения: 12.06.2018).

[90] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 136—137. Письмо от 22 декабря 1879 г.

Е. П. Дерябина

ПОЕЗДКА К ВУЛЬФАМ В СЕРБИГАЛЬ

(Из комментариев к «Ранним годам моей жизни» Фета)

В «Ранних годах моей жизни» несколько страниц посвящены описанию старинного лифляндского имения Сербигаль. Фет, находясь в пансионе Крюммера в Верро, проводил каникулярное время в Сербигале по приглашению семьи своего приятеля по пансиону Альфонса Перейры.

Поместье Сербигаль, родовое гнездо богатейшей лифляндской фамилии Вульфов (Альфонс был внуком Адольфа Вульфа), находится в исторической области Видеземе, до Северной войны являвшейся шведской провинцией. Сейчас поместье относится к Грундзальской волости Смилтенского края Латвии.

Восстановить историю Сербигаля, пережившего многие сотни лет и хранящего память о знаменитом роде Вульфов, можно по «Материалам к истории поместий Лифляндии» Генриха Гагемейстера,[1] «Истории дворянских поместий Лифляндии» Леонарда фон Штрика,[2] а также по изданной в 1999 году в Латвии краеведческой брошюре о Сербигале.[3]

Согласно этим источникам, первые письменные упоминания об усадьбе Сербигаль (нем. Hofmeistershof, лат. Aumeisteri) относятся к 1533 году, когда рижский архиепископ Томас Шенинг передал Сербигальскую волость в аренду своему гофмейстеру Майнхарду фон

[1] Materialien zu einer Geschichte der Landgüter Livlands. Erster Theil / Gesammelt von Heinrich von Hagemeister. Riga, 1836. S. 272—273.

[2] *Stryk L. von*. Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. Zweiter Theil: Der lettische District. Dresden, 1885. S. 389—390.

[3] *Priedīte Aija*, *Skutāne Vineta*, *Janele Ilze*. Aumeisteru muiža. Rīga, 1999.

Герб рода Вульфов фон Сербигаль[4]

Ширштедту. Затем имение продавалось из рук в руки среди немецких и шведских баронов (в числе его владельцев долгое время был известный видземский род Тизенгаузенов).

В 1634 году Сербигаль за 1200 талеров приобрел шведский генерал-адмирал Габриэль-Бенгтссон Оксенштерн, и вплоть до Северной войны имение находилось у представителей этой фамилии. Во время Северной войны все постройки в имении сгорели, «первое послевоенное здание — жилой дом помещика — построили только после эпидемии чумы 1711 года. Дом был 10 осей в длину, 3,5 осей в ширину и 11 бревен в высоту».[5]

В 1737 году имение Сербигаль было приобретено за 9 тысяч талеров майором Иоганном фон Вульфом,[6] последующая судьба Сербигаля была связана с представителями этого знаменитого лифляндского рода.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона указывает на восемь дворянских родов с фамилией Вульф,[7] среди которых два относились к древнему дворянству. Это род тверских Вульфов, потомком которого был орловский губернатор Иван Петрович Вульф, а также род лифляндских Вульфов, связанный с имением Сербигаль.

Согласно матрикулу остзейского дворянства, родоначальником Вульфов-Сербигаль был Георг Фридрих Вилковский (1594—1642), польский полковник, который из-за несчастной дуэльной истории уехал в Швецию, где, онемечив свою фамилию, стал Вульфом (польское *wilk* (волк) заменилось немецким *wolf*).[8]

[4] Baltisches Wappenbuch: Wappen sämmtlicher der Ritterschaften von Livland, Estland, Kurland und Oesel zugehöriger Adelsgeschlechter / Hsg. von Carl Arvid von Klingspor. Stockholm, 1882. S. 131.

[5] *Priedīte Aija, Skutāne Vineta, Janele Ilze.* Aumeisteru muiža. L. 16.

[6] *Stryk L. von.* Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. S. 389.

[7] Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 7. С. 455.

[8] Der Adel der russischen Ostseeprovinzen. J. Siebmacher's grosses und allgemeines Wappenbuch. Nürnberg, 1898. T. 1: Die Ritterschaft. S. 485.

Потомок Вилковского Иоганн Вульф (1663—1748), купивший имения Сербигаль (1737) и Грундзаль (1747), был произведен в шведское дворянство в 1704 году и стал именоваться «фон Вульфом из дома Сербигаль» («von Wulf a<us> d<em> H<ause> Serbigall»). Таким образом он отделил себя от второго рода лифляндских Вульфов, также включенных в матрикул остзейского дворянства (Wulf a. d. H. Parzimois).

В матрикуле содержится родовое древо Вульфов-Сербигаль с краткой информацией о его представителях, многие из которых отличились в истории. Так, например, сын Иоганна Вульфа Фридрих Карл фон Вульф (Карл Иванович Вульф; 1723—1798) участвовал в русско-турецкой войне (1768—1774), был генералом от артиллерии.[9] Младшая дочь Адольфа Генриха Вульфа Эмма вышла замуж за барона Б. А. Фредерикса, санкт-петербургского военного губернатора, а их сын Владимир Борисович был министром императорского двора Российской империи. Внук Адольф Герхард Борис Эмиль построил знаменитый Цесвайнский замок в Латвии.[10]

Наибольшее экономическое развитие Сербигаля было связано с Адольфом фон Вульфом (Adolf Heinrich von Wulf; 1765—1843), получившим имение в наследство.[11]

Адольф Генрих фон Вульф родился 22 мая 1765 года в Аумейстери, умер там же в 1843 году.

В «Ранних годах» Фет пишет о том, что во владении лифляндского богача Вульфа было 360 «больших и малых имений и фольварков».[12] Адольф фон Вульф действительно считался одним из самых богатых домовладельцев Лифляндии конца XVIII — начала XIX века. Согласно справочнику по генеалогии балтийского рыцарства,[13] ему принадлежало более 40 поместий и замков в Лифляндии и Эстляндии, среди которых были Цесвайне (нем. Sesswegen, лат. Cesvaine), Гауйиенский замок (нем. Adsel, лат. Gaujiena), поместья Алсвики (нем. Alswig, лат. Alsviķi), Мадона (нем. Modohn, лат. Madona), Раунский замок (нем. Ronneburg), мыза Койкюла (нем. Adsel-Koiküll, эст. Koikküla), мыза Кяревере (нем. Kerrafer, эст. Kärevere), мыза Лаева (нем. Laiwa, эст.

---

[9] *Волков С. В.* Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1. С. 303.

[10] Сердечно благодарю Мару Эвардсон (Maara Evardsone, Цесвайне) за помощь в поиске информации о представителях рода Вульфов.

[11] *Lancmanis Imants.* Vidzemes muižu arhitektūra. Architektur Livländischer Gutshäuser. Rundāles pils muzejs, 2015. L. 218.

[12] *РГ.* С. 105.

[13] Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Görlitz, 1929. T. 1.1: Livland. S. 148.

Адольф фон Вульф

Laeva), мыза Тяхтвере (нем. Techelfer, эст. Tähtvere). Все эти усадьбы находились во владении семьи до 1919 года.

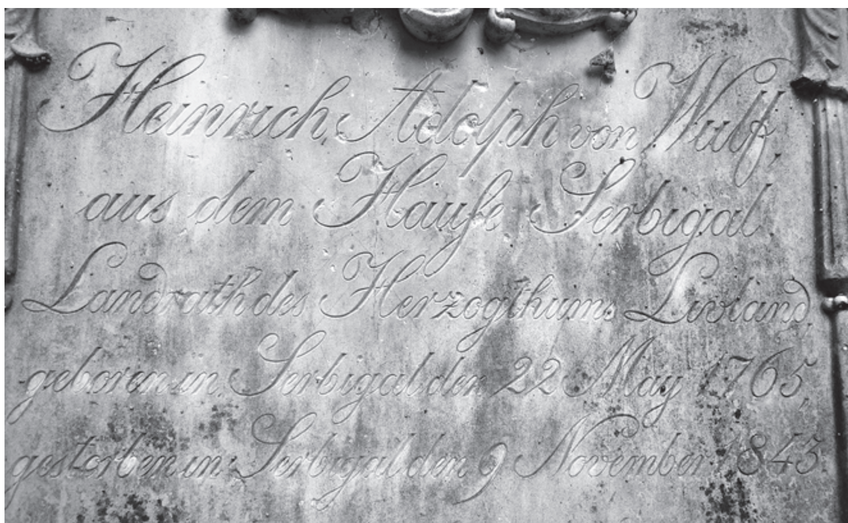
Адольф фон Вульф был женат на Кристине Катарине Нандельштедт (Christine Catharine von Nandelstädt; 1776—1845), также упомянутой в воспоминаниях: Фет пишет о хозяйке в «неизменном кружевном белом чепце», которая варила варенье в тазике.[14] У супругов было восемь детей: три сына и пять дочерей.[15]

Новый каменный господский дом, ставший родовым имением Вульфов, был возведен Адольфом в 1793 году. Интерьеры дома были обустроены в популярном в первой половине XIX века немецком стиле бидермейер. Лаконичный фасад в средней части оживляли полусводчатые окна и фриз между этажами. Трехэтажное здание было покрыто полувальмовой крышей. Во внутренней отделке зала использовались

[14] *РГ*. С. 111.

[15] Биографические сведения о детях Адольфа фон Вульфа см.: Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. S. 148—153.

Плиты из песчаника
в память Адольфа фон Вульфа
и его жены Кристины
Катарины фон Вульф.
Современные фотографии



Памятная надпись об Адольфе фон Вульфе на плите из песчаника.
Современная фотография

колонны ионического ордера, паркет с геометрическим орнаментом.[16] Дом и некоторые детали интерьера (например, ампирная печь) сохранились до нашего времени.

Фет, гостивший в сербигальском дворце на каникулах, подробно описывает внутреннее убранство дома: стеклянный подъезд главного фасада, широкую лестницу, ведущую на второй этаж и расходившуюся там надвое в мужскую и женскую половины дома, большой зал, торжественные обеды в столовой, зимний сад, ремесленные мастерские, богато обставленный кабинет Вульфа.

Несколько страниц в «Ранних годах» уделены воспоминаниям о шалостях и забавах, которым в окрестностях Сербигаля предавались мальчики — например, подробно описывается конная поездка на родовое кладбище. Фамильный склеп Вульфов находился в нескольких верстах от главного дома. После смерти там были похоронены сам Вульф с женой, а также их потомки.

После смерти Адольфа фон Вульфа имение перешло к его третьему сыну Эмилю (1840—1910). В память об Адольфе фон Вульфе и его жене Кристине Катарине потомки поставили в парке имения кенотафы.

В «Ранних годах» Фет упоминает и «милую дочь» Вульфа, вышедшую замуж за «лифляндского помещика испанского происхождения

[16] Подробнее о внутреннем убранстве Сербигаля см.: *Lancmanis Imants*. Vidzemes muižu arhitektūra. L. 218.

Шарлотта Вильгельмина фон Перейра (урожд. фон Вульф).
Эстонский национальный архив

Перейру, обрусевшего в русской артиллерии».[17] Речь идет о старшей дочери Вульфа Шарлотте Луизе Вильгельмине (Charlotte Luise Wilhelmine; 1800—1876). Известно, что 23 мая 1820 года она вышла замуж за полковника Георга фон Перейру.[18] В воспоминаниях Фет пишет о том, что полковник Перейра «получил за женою в приданое прекрасное имение».[19] Скорее всего, имеется в виду имение Койкюла, расположенное в 17 верстах от городка Валка. Адольф фон Вульф купил имение в 1799 году (до Вульфов оно принадлежало баронскому роду Дельвигов), а в 1806 году хутор был переписан на старшую дочь Вульфа Вильгельмину.

Как известно из воспоминаний поэта, полковник Георг Перейра попросил у Крюммера разрешение забирать Фета на каникулах к себе

[17] *РГ*. С. 105.
[18] Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. S. 152.
[19] *РГ*. С. 105.

в имение, так как готовил сына Альфонса к военной службе и считал, что общение на русском языке будет ему полезно. К сожалению, о полковнике Перейре известно лишь то, что он умер от сердечной недостаточности 17 (29) августа 1858 года в Берлине.[20]

Интересно, что с товарищем по детским забавам Альфонсом Перейрой (в некоторых документах он называется Адольфом) судьба в разные годы еще дважды сталкивала Фета, обе встречи отражены в воспоминаниях. Так, будучи кирасиром, Фет встретил Перейру в 1849 году в Елисаветграде на корпусном сборе: ротмистр Альфонс Перейра в то время был адъютантом кирасирского корпусного командира барона Офенберга.[21]

Последняя встреча школьных приятелей произошла в конце 1854 года, когда полк Фета был расквартирован в Лифляндии, близ города Валка. Перейра вышел к тому времени в отставку в чине майора, жил одиноко в наследственном имении недалеко от Валка.[22] После встречи приятели договорились о том, чтобы Перейра поставлял в полк продовольственные запасы.

О дальнейшей судьбе Перейры известно только то, что он умер до 1868 года. Эта дата устанавливается в связи с тем, что его мать Вильгельмина Шарлотта фон Перейра в 1868 году в память о сыне Альфонсе оформила несколько именных легатов в пользу Дерпта. Денежные средства расходовались на поддержку дерптских служащих, благоустройство городских улиц (в частности, известно, что на деньги легатов было произведено озеленение площадки вокруг дерптского памятника Барклаю-де-Толли).[23] Кроме легатов, в том же 1868 году Шарлотта основала памятный стипендиальный фонд Альфонса Перейры, который поддерживал студентов Тартуского университета; фонд просуществовал до 1923 года.

Во время последней встречи с Альфонсом Перейрой Фет снова побывал в лифляндских имениях Вульфов, часть из которых опустела после смерти стариков (Сербигаль в 1843 году унаследовал младший сын Адольфа фон Вульфа Эмиль (1812—1862)). В воспоминаниях поэт фиксирует совершенно особое чувство, возникшее у него при встрече с хорошо знакомым по детству домом, почти не изменившимся за прошедшие 20 лет: «Никогда никакая давно знакомая усадьба не производила на меня такого странного впечатления».[24]

---

[20] Известие о смерти Георга фон Перейры было опубликовано в газете «Das Inland» (1858. 15. September. № 37. Col. 607).

[21] *РГ*. С. 484.

[22] *МВ*. Ч. 1. С. 88.

[23] *Tamul Sirje*. Eraalgatuslikest stipendiumidest Tartu Ülikoolis 1802—1918. Tartu, 2007. L. 128—133.

[24] *МВ*. Ч. 1. С. 89.

Господский дом и окрестности поместья Сербигаль.
Современные фотографии

Описав ощущение от своеобразной встречи с детством, поэт процитировал строки Ф. И. Тютчева из стихотворения «Итак, опять увиделся я с вами...» (1850): «Человек, живущий изо дня в день, слишком

Окрестности поместья Сербигаль.
Современные фотографии

сильно ощущает постепенное давление жизни, для того чтобы изумиться, увидавши в зеркале себя вместо ребенка взрослым. Но там, где через двадцать лет внезапно вступаешь в ту же неизменную обстановку, испытываешь то, что Тютчев так образно говорит о своей родине:

...где теперь туманными очами,
При свете вечереющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня...».[25]

Тема усадебного дома, пережившего своих хозяев, пустого и угрюмого, преодолевшего ход времени, навевающего целый ворох воспоминаний, оказалась очень важной для Фета. Она будет пронизывать весь сюжет поэмы «Две липки», написанной двумя годами позже, в 1856 году. В поэме мы найдем образ одряхлевшего дома, пустые залы и галереи которого поднимают мысли о прошлом, о несбывшихся мечтах. Эта тема появляется в начале и в конце поэмы, организуя ее сюжет, создавая особый лирический мотив. Возможно, что именно случайная встреча с Сербигалем спустя двадцатилетие после проведенных там счастливых детских дней подсказала поэту этот поэтический ход.

[25] *МВ*. Ч. 1. С. 89.

А всё ты мил мне, серый, ветхий дом,
С твоею кровлей странной, кособокой.
Так иногда над полусгнившим пнем
Припоминал я осенью глубокой
Весенний вечер, прожитой вдвоем
Под грустный вопль кукушки одинокой,
Припоминал несбыточные грезы —
И на глазах навертывались слезы.[26]

Судьба Сербигаля в XX веке типична для многих дворянских усадеб: имение было национализировано, пострадало во время двух мировых войн; при советской власти в господском доме Вульфов находилось колхозное общежитие. Сейчас имение Сербигаль (современное латвийское название — Aumeisteri) является национальным памятником архитектуры (Государственный охранный номер 6860).

[26] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 385.

О. Л. Фетисенко

«ПРО ЖИВЫЕ ИЗМЕНЕНЬЯ СЕРДЦУ МИЛОГО ЛИЦА!»:

М. А. Хитрово и его неизвестная пародия на Фета

В июне 1869 года А. Фет гостил у графа А. К. Толстого в Красном Роге, о чем позднее упомянул в своих воспоминаниях.[1] 12 мая Толстой писал: «Ждем Вас к 8 июня, милый и добрый Афанасий Афанасьевич <...> мне не нужно говорить, что мы все Ваши самые искренние почитатели».[2] В число этих «всех» входил и автор стихотворения, о котором пойдет речь в нашей статье, — зять хозяина дома, М. А. Хитрово.[3] 9 мая Толстой писал княгине Л. И. Сайн-Витгенштейн в Рим, что племянница его жены благодарит за «милые поздравления»: «Она в настоящее время у нас, и ее муж, находящийся в Петербурге, не замедлит присоединиться к ней».[4] Фет в своих воспоминаниях также называет в числе обитателей Красного Рога «блестяще образованного молодого человека Х—о».[5]

Дипломат и поэт Михаил Александрович Хитрово (1837—1896) был правнуком М. И. Кутузова. (На дочери фельдмаршала Анне Ми-

[1] *Фет А.* Воспоминания: В 3 т. <М.,> 1992. Т. 2. С. 180—187.

[2] *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1969. Т. 4. С. 361.

[3] См. о нем: *Фетисенко О. Л.* 1) Эпизоды из жизни консула (К. Н. Леонтьев и М. А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 97—146; 2) Из босфорского table-talk 1874 года (М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии) // *РЛ.* 2016. № 1. С. 80—89. Племянница (по официальной версии) жены графа, Софьи Андреевны, Софья Петровна Бахметева, в замужестве Хитрово (1848—1910), была на самом деле ее внебрачной дочерью от князя Г. Н. Вяземского, усыновленной братом, П. А. Бахметевым.

[4] *Толстой А. К.* Собр. соч. Т. 4. С. 359.

[5] *МВ.* Ч. 2. С. 185.

хайловне был женат генерал-майор Николай Захарович Хитрово, их сын Александр Николаевич был вице-губернатором в Калуге.) В юности М. А. Хитрово — прапорщик Вольтижерской команды лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка, с 1859 года служил переводчиком в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В январе 1861 года он был назначен управляющим в только что открытое консульство в Битоле (в Македонии) и через год был утвержден в должности консула.[6] Близкий по убеждениям московским славянофилам, Хитрово стал негласным корреспондентом газеты И. С. Аксакова «День», а в «Русском вестнике» в 1863 году под измененным инициалом («А. Хитрово») опубликовал этнографический очерк «Поездка на Прилепскую ярмарку и в монастыри Св. Архангел и Тресковец (Из путевых записок)».

Энергичная, но не всегда обдуманная деятельность консула подвигла министерское начальство удалить Хитрово с его поста: в 1864 году его перевели на должность второго секретаря посольства в Константинополе. Здесь под началом свойственника (Н. П. Игнатьев был мужем троюродной сестры Хитрово) он прослужил до конца 1860-х, когда, устав от канцелярской работы, добился перевода на необременительный и не требующий постоянного присутствия на месте пост дипломатического агента МИД в Одессе. На Босфор он вернулся в 1872 году, став генеральным консулом. Наиболее яркий эпизод дальнейшей дипломатической карьеры Хитрово — его недолгая служба в Софии, откуда он был отозван в 1883 году по личному требованию князя Александра Баттенберга;[7] последним же местом службы (с 1892 года) стал Токио, откуда Михаил Александрович слал предупреждения об опасности для России сближения с Китаем.

Младшему современнику князю Э. Э. Ухтомскому Хитрово запомнился как «блестящий, интересный человек, величавый барин» и «большой Дон-Жуан»,[8] так же и К. Н. Леонтьев, знавший Хитрово с детства,

---

[6] Несколько донесений этого периода см.: *Сенкевич Г.* Новые материалы по истории южных славян (Из рукописного наследства М. А. Хитрово) // Славянский архив: Сб. статей и материалов. М., 1963. С. 240—251. См. также: *Косик В. И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. О более поздней дипломатической деятельности Хитрово см. в воспоминаниях его младших современников: *Карцов Ю. С.* Семь лет на Ближнем Востоке. СПб., 1906. С. 138—142; *Арбузов Н. К.* Из воспоминаний о Царь-граде (1880—1882) // *ИВ.* 1914. № 12. С. 801—837.

[7] См.: *Косик В. И.* Русская дипломатия и генералы в Болгарском княжестве, 1881—1883 годы // Советское славяноведение. 1990. № 6. С. 18—28.

[8] *Лукьянов С. М.* Записи бесед с Э. Э. Ухтомским // Российский архив. М., 1992. Вып. 2—3. С. 401.

полагал, что его приятелю было ниспослано все необходимое для преуспеяния: «Знатный род, красота и физическая сила; — выгодные связи; острый ум и смелость; твердость духа; образованность; литературный даже дар...»; но, считал он, эти дары были бездумно расточены («...что осталось? Какая память? — У *кого*?»[9]): к концу жизни Хитрово пришел непризнанным[10] и в огромных долгах. Несчастным оказался его брак с кузиной Софьей, которая войдет в историю русской культуры как мистическая возлюбленная Вл. С. Соловьева;[11] не получила признания его поэзия. Тщательно составленный и изящно изданный в 1881 году томик его стихотворений[12] вызвал единственную рецензию В. П. Буренина, оценившего лирику Хитрово как дилетантскую, если не школярскую («повторение пройденного», подражание поэтам не великим, «не из самых первостепенных, а из средних»[13]), а его «политические» стихотворения — как «газетные стишки с вымученными рифмами», в которых отсутствует даже необходимое в подобном жанре «одушевление».[14]

Константинопольский сослуживец Хитрово К. А. Губастов тоже отозвался о его лирических произведениях весьма не комплиментарно: «Довольно хорошие по форме и по стиху, они не отличаются ни оригинальностью, ни глубиною мысли. Их прочтешь и тотчас же забудешь, без желания прочесть их вновь».[15] Гораздо выше ценились выполненные Хитрово переводы, главным образом из Гейне. Вл. Соловьев, к приме-

---

[9] Письмо к К. А. Губастову от 25 марта 1891 г.: Русское обозрение. 1897. № 7. С. 423—424.

[10] Он и умер скоропостижно («гуляя по саду своей дачи на Аптекарском острове»; см.: *Энде.* В большом свете // Новости и Биржевая газета. 1896. 5 июля. № 183. С. 2) после резкого разговора с министром 29 июня 1896 г., о котором см.: *Губастов К. А.* <Мемуары> // Фетисенко О. Л. Эпизоды из жизни консула. С. 140—141, 144—145.

[11] Как известно, Фет тоже отдал дань восхищения С. П. Хитрово. См.: *Кузьмина И. А.* С. А. Толстая, С. П. Хитрово и Фет: К истории отношений // *РЛ*. 2005. № 1. С. 133—149. Один из приятелей Вл. Соловьева не случайно прозвал Софью Петровну «царицей Савской» (*Кристи И.* Письма к К. Н. Леонтьеву. Статьи / Сост., вступит. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2016. С. 67).

[12] *Хитрово М. А.* Стихотворения. СПб., 1881. 184 с. За полгода до смерти автора вышло расширенное издание: *Хитрово М. А.* Стихотворения. 2-е изд. СПб., 1896. 251 с.

[13] Перечислены Фет, Полонский, А. Толстой и Майков.

[14] *Буренин В. П.* Литературные очерки // *НВр*. 1881. 5 июня. № 1891. С. 2.

[15] Цит. по: *Фетисенко О. Л.* Эпизоды из жизни консула. С. 141. В том же духе высказался и Леонтьев, отметивший, что стихи Хитрово «бесцветные *по духу* и *слишком общие* по манере» (Русское обозрение. 1897. № 7. С. 423).

ру, признал их «образцовыми» «по точности и изяществу».[16] Но известность (в светском обществе) принесла Хитрово та часть поэтического творчества, что не предназначалась для печати. Он славился как мастер эпиграмм, пародий, сатирических акростихов, мадригалов и других жанров салонной поэзии. В списках ходили целые поэмы (самой известной из них была «Сан-Стефаниада»), обсуждались его сатирические сцены из современной жизни, передавались друг другу в письмах лучшие образцы его иронических стихов.

До конца жизни (мемуары писались в 1910-е годы) помнивший наизусть острые сатиры своего сослуживца Губастов полагал, что для широкой публики они едва ли представят интерес, «потому что написаны на лиц, известных только друзьям и знакомым Хитрово».[17] Но по прошествии времени это замечание легко можно поправить, ведь многие из «воспетых» им были действующими лицами «большой истории» (Н. П. Игнатьев, князь В. А. Черкасский, К. Н. Леонтьев, А. С. Ионин и др.). Большой интерес и историко-литературную ценность представляет и пародия на Фета, созданная под впечатлением упомянутой в начале статьи встречи в Красном Роге у графа Толстого, где Фет гостил со своим зятем И. П. Борисовым.

Черновой автограф[18] стихотворения, написанного четырехстопными хореями с чередованием мужских и женских рифм, обнаружен в Рукописном отделе ИРЛИ в фонде Хитрово (Ф. 325. Оп. 1. № 1. Л. 25—25 об.). Трудно установить точную дату его создания. Внизу листа авторская датировка: «лето 69 г.» (Л. 25), но на обороте чистого л. 26 рукой автора поставлена другая дата: «6 Октября». Не ясно, дата ли это правки, которая здесь весьма обильна, время ли написания (в таком случае слова «лето 69 г.» просто обозначают период, с которым стихотворение связано, — время личного знакомства с Фетом). Забытое стихотворение (нельзя с уверенностью утверждать даже, что рукопись была перебелена), в сущности, не выделяется из ряда многочисленных пародий на Фета Д. Д. Минаева и иже с ним: по традиции, высмеивается сочетание в одном образе поэта, одержимого сумбурными «видениями» и пишущего «невинные стихи»,[19] и страшного «ретрограда», не обходится вниманием и его «уланское» прошлое. Финальные строки отсылают к одному из самых известных (и часто пародируемых) стихотворений Фета «Шепот, робкое дыханье...» («Свет ночной, ночные тени, /

[16] *ВЕ*. 1896. № 8. С. 905.

[17] Цит. по: *Фетисенко О. Л.* Эпизоды из жизни консула. С. 141.

[18] Карандашом, последние две строки чернилами.

[19] Ср. у Минаева: «Я срываю шишки с ели, / Незабудки рву / И пою, пою без цели... / Вот чем я живу» (Поэты «Искры»: В 2 т. Л., 1987. Т. 2. С. 70).

Тени без конца, / Ряд волшебных изменений / Милого лица...»). Даже само название пародии «Звуки, звуки» обнаруживает переклички не только с самим пародируемым «объектом» («Какие-то носятся звуки / И льнут к моему изголовью»), но и с образцами ближайших предшественников-сатириков. Ср.:

. . . . .как поэт
Грезит у камина Афанасий Фет.
Грезит он, что в руки
Звук поймал, — и вот
Он верхом на звуке
В воздухе плывет...[20]

Стихотворение Хитрово, как увидит читатель, вполне годилось бы для иллюстрированного журнала: оно очень картинно, его легко можно сопроводить рядом шаржей (причем помимо основного «портретируемого» там назван ряд реальных лиц — Тургенев, П. Виардо, Ф. Лист, «незабвенный Николай», т. е. Николай I — и обобщенных образов, хорошо берущихся на карандаш карикатуриста — «злое племя нигилистов», «враги Руси»). Отличие от пародий «Искры» состоит в несколько большей мягкости тона и в том, что Минаев подчеркивает «крепостничество» Фета (ср.: «Этой ночью благовонной, / Не смыкая глаз, / Я придумал штраф законный / Наложить на вас»[21]), а Хитрово эту тему вовсе не затрагивает. По-видимому, откликаясь на какие-то бывшие у него с Афанасием Афанасьевичем разговоры, он рисует образ сокрушителя внутренних и внешних «врагов Руси».[22] Тут необходимо пояснить, что Хитрово, судя, по крайней мере, по его непрестанным спорам с К. Леонтьевым,[23] придерживался либеральных взглядов, защищал «прогресс», так что и с Фетом ему было о чем поспорить.

---

[20] Поэты «Искры». Т. 2. С. 61.

[21] Там же. С. 59.

[22] Не исключено, что «летом 69 г.» гости графа Толстого обсуждали новинку политической литературы — печатавшуюся в журнале «Заря» книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Это было время, когда Германия завершала свое объединение и набирала силы перед войной с Францией, готовясь окончательно установить свое доминирование в «европейском концерте». Отсюда — упоминание в стихотворении именно «немцев», а не кого-либо иного. По нашему мнению, с книгой Данилевского связан еще один образ публикуемого текста: «Юной Руси Дон-Кихот». «Юная Русь» — это не «молодая Россия» эпохи «великих реформ», как можно подумать (было бы абсурдом, если бы ратование за эти реформы приписывалось Фету), а намек на сделанное Данилевским и разделяемое почвенниками и славянофилами противопоставление «отживающего мира» Запада «свежему», способному сказать «новое слово» славянскому миру, возглавляемому Россией.

[23] Отголоски этих споров см. в записках Леонтьева «Моя литературная судьба» (*Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2003. Т. 6. Кн. 1. С. 72–

Итак, перед нами новообретенное посвящение-пародия:

Звуки, звуки

Я мечтаю, вдохновенье
Шумно[24] сходит на меня
И меня воображенье
Дразнит,[25] в мир иной маня.
Я горю как в лихорадке,
Чей-то голос мне поет,
В страшном смутном беспорядке[26]
Ряд видений восстает.
То концерт я слышу Листов,
Там Тургенев и Вьярдо,
Злое[27] племя нигилистов,
Немцев гадкое гнездо.
Зрю себя в броне железной,
Юной[28] Руси Дон-Кихот,
Я с Борисовым в полезный
Собираюся поход
На врагов Руси! Авось я,
Осенясь большим крестом,
Разобью им переносья
И поленом и пестом.[29]
И тогда-то вновь вернется
Счас<т>ье прежнее в наш край,[30]
Из могилы улыбнется
Незабвенный Николай.
<Нет> Ни прессы,[31] ни науки

---

139) и в эпиграммах Хитрово на Леонтьева именно как на консервативного мыслителя (см.: *Фетисенко О. Л.* Эпизоды из жизни консула. С. 122—127, 129—130).

[24] *Было*: Тихо

[25] *Было*: Тешит

[26] *В предыдущей строке зачеркнуто*: И в каком-то бес<порядке>

[27] *Было*: Дале

[28] *Вписано поверх слова* Русской

[29] *Справа на полях подписан вариант*:

Немцам, мать я их <...>
Им с размаху переносья
В кровь поленом расшибу

[30] *Было*:

[И тогда вновь вернется] / [И тогда-то к нам вернется / вновь вернется]
[Время прошло<е> опять
Незабвенный улы<бнется> /
Время сгинувшее к нам
Н]

[31] *Перед этим зачеркнуто*: пресса

Все по старому опять,
И невинные[32] от скуки
Буду вновь стихи писать
Про акацьи, про сирени,
Про улана молодца,
Про таинственные тени,
Про живые измененья
Сердцу милого лица! —

Красный Рог лето 69 г.
Посвящено Фету —

Стихотворение это достойно занять место в венке иронических посвящений Фету. Для его биографов оно несет немаловажную информацию о том, что занимало Фета в конце 1860-х годов. Не трудно прокомментировать его, указав не только реминисценции и прямые цитаты из стихотворений, но и отсылки к его статьям (в первую очередь — «О стихотворениях Ф. Тютчева» со знаменитой максимой: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик»).

Интересно также взглянуть, как много в лирических стихах самого Хитрово тех именно мотивов, которые ассоциируются с поэзией Фета и которые акцентированы в новонайденной пародии (так что Хитрово отчасти смеется и над самим собой[33]). Стихотворения, вошедшие в сборник 1881 года, не датированы, в периодике из них публиковались лишь некоторые «политические» стихотворения, посвящения и произведения «на случай»; поэтому, обращаясь собственно к *лирике* Хитрово, невозможно с точностью установить, что было написано до встречи в Красном Роге, а что после. Думается, важно другое: на фоне разнообразных «перепевов» Гейне, Тютчева, даже Кольцова, здесь господствуют, переплетаясь, два основных влияния — А. Толстого и Фета. В открывающем книгу разделе «Впечатления и песни» заметно преобладает фетовское начало, и даже нет смысла перечислять хорошо всем известные приметы этого поэтического стиля. Вот лишь два примера (поскольку стихотворения Хитрово никогда не переиздавались и со-

---

[32] *Было*: уланские

[33] Над таким, к примеру, романтическим клише:

Тихий ангел вдохновенья,
Крыльями звеня,
В оный мир отдохновенья
Уноси меня.

(*Хитрово М. А.* Стихотворения. СПб., 1881. С. 14). Если даже именно это стихотворение («Ночью, в тихий час видений...») и появилось позже 1869 г., картина не изменится. Подобные примеры можно отыскать во многих произведениях Хитрово.

вершенно неизвестны современному читателю, имеет смысл воспроизвести их целиком, страницы указаны по изданию 1881 года):

Юг заснул, благоухая,
    В мире бродят сны.
Что за музыка морская!
Звуки ночи, замирая,
    Грустию полны.
Море дышит. Серебрится
    На море волна;
Как влюбленной, ей не спится,
И к ногам моим ложится
    С ропотом она.
И куда ни глянет око —
    Все в волшебном сне...
И стою я одиноко...
Милый образ издалека
    Улыбнулся мне...

(С. 12)

Лунная ночь

Быстро тающие тучи
В выси темно-голубой,
Воздух влажный и пахучий,
И влюбленный, и могучий
Моря страстного прибой.
Тьмы и света сочетанья, —
Воплотившиеся сны,
Вы полны очарованья,
Бесконечного желанья
Вы страданьями полны...
О! за что в такие ночи
Не дано нам вместе жить!
И, глядя друг другу в очи,
Всей душой, изо всей мочи —
Мыслить, верить и любить!

(С. 18)

Стихотворение «Лето» начинается прямой отсылкой к знаменитому толстовскому «Звонче жаворонка пенье...», но и в него вплетены краски и звуки поэзии Фета.

В знойном воздуха дыханьи,
В небе голубом,
В жарком трав благоуханьи,
В говоре лесном,
В громком жаворонка пеньи
И в жужжаньи пчел,

В муравьином копошеньи
Суетливых сел,
В красоте благословенной
Бесконечных нив —
Всюду силы сокровенной
Чуется прилив!
И струя ее живая,
Как сотовый мед,
Чашу жизни наполняя,
Через край идет!
(С. 23)

Этот гимн, льющийся жаркой и стремительной музыкальной волной, свидетельствует о том, что Хитрово если и был в поэзии не первооткрывателем, а «повторителем пройденного» (по Буренину), то по крайней мере одним из самых лучших «повторителей», то есть был не эпигоном, а вдумчивым и ироничным учеником.

А. В. Успенская

ФЕТ И М. А. БУЛГАКОВ: ТЕМА ПОСМЕРТНОГО БЫТИЯ И ПОЭТИЧЕСКОГО БЕССМЕРТИЯ

Творческое влияние Фета на поэзию современников и последователей — Мережковского, Бунина, Блока — достаточно очевидно, в то время как его влияние на прозу современников и писателей следующих поколений изучено в меньшей степени, и само значение этой рецепции еще не вполне осмыслено, хотя оно имеет, по-видимому, мировоззренчески-важный характер. Чем дальше продвигается изучение творчества Фета, тем очевиднее становится философская составляющая его поэзии, способной в эпиграмматически-краткой, отточенной форме воплощать сложнейшие, онтологически-глубокие идеи.

Достаточно привести несколько примеров. У Л. Толстого в «Анне Карениной» возможность выхода из кризиса, обретения смысла жизни приходит к Левину в контексте фетовских образов: герой лежит «на стоге сена ночью южной, лицом ко тверди» — и чувствует, что он тоже часть вселенной, его жизнь таинственно связана с ней и полна высокого смысла.

У Бунина в «Жизни Арсеньева» строки Фета «Какая грусть! Конец аллеи / Опять с утра исчез в пыли, / Опять серебряные змеи / Через сугробы поползли...» становятся пробным камнем поэтического вкуса. Героиня, исповедующая идеи «общественной пользы», «служения народу», проявляет эстетическую глухоту, не понимая этого стихотворения. Именно строки Фета «Какая холодная осень!» повторяют герои бунинского рассказа «Холодная осень» в 1914 году, видя в них не просто поэтическую картину вечера, но тревожный, трагический смысл, предчувствуя вечную разлуку и грядущую катастрофу, надвигающуюся на Россию.

На этом фоне представляется вполне вероятным, что фетовская философская поэзия могла повлиять и на один из самых знаменитых романов XX века — роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Проблема интертекстуальных связей творчества Булгакова, особенно его романа «Мастер и Маргарита», постоянно привлекает внимание исследователей. Как справедливо отмечено, количество ассоциаций с произведениями художественной литературы, возникающих при чтении отдельных глав, сцен и эпизодов романа, приближается к «бесконечному числу».[1] Тем не менее существуют еще не найденные литературные параллели, выявление которых способствует обретению дополнительных, скрытых смыслов булгаковского текста. Один из таких примеров связан с знаменитой финальной сценой романа, где Воланд награждает Мастера «покоем», потому что, по мнению Иешуа и Левия Матвея, он не заслужил «света».

Предпринятые исследователями поиски определенного источника этого таинственного места продемонстрировали широкий литературный контекст бытования идеи «покоя». Впрямую ни Библия, ни Евангелие не дают непосредственного материала. Б. В. Соколов связывает булгаковский «покой» с рассказом из апокрифической *книги Еноха*, где после конца света уготован вечный приют «праведным и избранным»: «...праведным Он уготовит мир и будет охранять избранных, и милость будет господствовать над ними; они все будут Божии, и хорошо им будет, и они будут благословлены, и свет Божий будет светить им. <...> Для избранных же настанет свет, и радость, и мир, и они наследят землю; а для вас, нечестивые, наступит проклятие» (Енох, 1: 8, 20).[2] Однако у Еноха нет противопоставления покоя и света, праведные заслуживают и того, и другого.

Л. Яновская отмечает, что булгаковский образ покоя восходит к русской поэзии.[3] Это прежде всего пушкинское «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит <...> На свете счастья нет, но есть покой и воля. <...> Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальную трудов и чистых нег». Но покой Пушкина исполнен динамики: это побег в поисках свободного творчества и красоты и — речь идет о дольнем, а не о горнем счастье.

Некий посмертный сон-бытие ассоциируется и с лермонтовскими образами: «Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть!

[1] *Лесскис Г. А.* Триптих М. А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита». Комментарии. М., 1999. С. 238.

[2] *Соколов Б. В.* Расшифрованный Булгаков: Тайны «Мастера и Маргариты». М., 2006. С. 313.

[3] *Яновская Л.* Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 313.

<...> Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел». Л. Яновская приводит и цитату из раннего Лермонтова: «Оборвана цепь жизни молодой, / Окончен путь, бил час, пора домой, / Пора туда, где будущего нет, / Ни прошлого, ни вечности, ни лет»,[4] однако в последнем случае сходство лишь внешнее, стремление «домой» для героя — это уход в смерть, причем в настроении отчаяния. В обоих случаях в лермонтовской посмертной жизни нет и речи о круге близких друзей-единомышленников, творчестве, любви.

Более явственным источником предстает «Божественная комедия» Данте. Посмертное бытие — без благодати и небесного сияния, но в покое — описывается в четвертой песни «Ада», в первом круге — Лимбе, где нашли свой вечный дом добродетельные нехристиане: там присутствует и родник-ручей, и зеленый луг, и сад. Но это инобытие общественное: огромный замок окружен семью стенами, Данте проходит через семь ворот, он видит толпы античных философов, поэтов, полководцев, мифологических героев. Посмертная награда Мастера скромнее, его мир более частный, камерный. Нет у Данте и мотива покоя как награды, покоя-забвения, отдыха от земных страданий.

Между тем до сих пор осталось неотмеченным стихотворение А. А. Фета «О нет, не стану звать утраченную радость...», которое, возможно, является непосредственным литературным источником одного из важнейших эпизодов булгаковского романа.

В романе Воланд обещает убитому и воскрешенному для инобытия Мастеру, что тот будет «днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта». Маргарита вторит Воланду: «Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. <...> Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. <...> ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро»; «...мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать».

Приведем стихотворение Фета:

О нет, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее, безумную любовь.

---

[4] Там же.

Без ропота иду навстречу вечной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тот осенний ветр мои погасит страсти,
Что каждый день с чела роняет седину.

Пускай с души больной, борьбою утомленной,
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь,
И пусть очнусь вдали, где к речке безыменной
От голубых холмов бежит немая степь,

Где с дикой яблонью убором спорит слива,
Где тучка чуть ползет, воздушна и светла,
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером, жужжа, к улью летит пчела.

Быть может — вечно вдаль с надеждой смотрят очи! —
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми, как месяц полуночи,
С душою чуткою, как песни вещих муз.

Там наконец я все, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.[5]

Уже в первой строфе звучит фаустовская тема, сближающая Фета с Булгаковым: лирический герой Фета как будто бы полемизирует с героем Гёте («О, нет!»), которому в начале трагедии еще хочется изведать земных наслаждений — молодости, буйства, земной любви. Герой Фета ближе к Фаусту финала второй части.

Литературоведение единодушно отмечает, что у Булгакова едущий рядом с Воландом Мастер обретает черты Фауста: «Волосы его белели теперь при луне и сзади собирались в косу <...>». Стоит добавить еще один, более важный штрих: Воланд обещает, что Мастер будет «писать при свечах гусиным пером». Эта деталь не случайна: «гусиное перо» могло у читателя прямо ассоциироваться с творцом «Фауста». Уже к середине XIX века «перо Гёте» обрело символический смысл в русской культуре, оно обозначало духовную преемственность русской литературы. По многочисленным свидетельствам современников (П. В. Анненков, П. В. Нащокин, Мария Шимановская), перо Гёте было подарено В. А. Жуковскому для молодого Пушкина и тот сшил для него особый красный сафьяновый чехол.[6] Отсылки к Гёте нередки

[5] *СиП 1986*. С. 77–78.

[6] См., например: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 192–193.

в лирике Фета, он был переводчиком «Фауста»; важную роль играют они и у Булгакова.

Достаточно многое роднит булгаковский текст со стихотворением Фета: герой Фета — человек с больной душой, утомленной борьбой; он жаждет спокойной смерти, но затем, после смерти, он просит о даровании инобытия («очнусь вдали»). «Безымянная речка», «немая», то есть лишенная живых звуков степь — явные признаки загробного мира, но это, как затем и у Булгакова — мир ожившей идиллии. Вместо цветущих вишен у Фета спорящие друг с другом красотой весеннего убора (то есть цветущие) яблони и сливы (в более раннем варианте 1936 года у Булгакова также упоминались яблоки: «яблоками будут пахнуть комнаты дома»).[7] Фетовский герой любуется мирным идиллическим пейзажем — тучка, тихая речка с поникнувшей над ней ивой, пчела, и, наконец, в жизни после смерти его ждет союз друзей-единомышленников, с чистыми сердцами, с чуткой душой, людей искусства, не чуждых музам. В этом ином мире герой Фета надеется обрести исполнение всех земных желаний, и прежде всего — обрести душевный покой — и только после этого может осуществиться окончательный уход в вечность человека, примирившегося с миром, судьбой и собой.

Сопоставление со стихотворением Фета должно пролить свет на сущность посмертного удела, отпущенного Мастеру, испытавшего в современном литературоведении множество различных толкований. Он не просто «не заслужил света», он действительно не может войти в горнюю обитель, ибо он, сломленный невзгодами, отказался от счастья с любимой женщиной, сжег свое произведение, отрекся от возможности творчества. Не надеется он и на помощь высших сил, отворачиваясь от них. Этой больной, измученной душе, никому и ничему не верящей, замкнувшейся в себе, Иешуа может предложить единственную возможность — попытаться обрести душевную гармонию, примириться с Небом и судьбой.

Стоит заметить, что стихотворение Фета появилось в 1857 году, в драматический момент его жизни, чем-то напоминающий положение Мастера. Фет к этому времени пережил потерю фамилии, дворянского звания, российского гражданства, почти полностью отказался от поэтического творчества из-за многолетней службы в армейском полку в глуши Херсонской губернии, где не только книг — газет и писем не получали неделями, оказался в абсолютном духовном одиночестве, наконец тяжело пережил гибель возлюбленной — Марии Лазич, любовь которой он отверг, ибо не хотел обречь ее на нищету и безысходность. Через два года Фета как певца чистого искусства, далекого от народа,

---

[7] *Яновская Л.* Творческий путь Михаила Булгакова. С. 309.

откажутся печатать почти все отечественные журналы. О мировоззренческом отчаянии, временами охватывавшем Фета, говорит его ответ на анкету, однажды предложенную ему дочерью Л. Толстого Татьяной: «Каково настроение души вашей в настоящее время? — Пустыня». «Долго ли бы вы хотели жить? — Наименее долго».[8]

Не существует свидетельств о каком-то особенном отношении Булгакова к Фету, но писатель мог заимствовать фетовскую картину инобытия неосознанно, из насыщенного культурного контекста эпохи. В большинстве сборников Фета раздел, в котором находилось стихотворение, «Элегии и думы», шел первым, и оно невольно попадалось на глаза всякому, кто брал сборник в руки.

Важно отметить и то, что нарисованная Фетом картина тоже имеет свой отдаленный первоисточник: она выстроена по рецепту его любимого античного писателя — Горация.[9] Фет — автор первого в России полного перевода Горация, за который он получил Пушкинскую премию, стал членом-корреспондентом Академии наук.

Жизнь без бурных страстей, без неистовых содроганий души, скромное существование вдали от власти, в гармонии с собой и с природой, маленький круг друзей и творчество — вот идеал «золотой середины», которого сумел достичь Гораций, о котором он пишет в одах, сатирах, посланиях. Так, например, он пишет в сатире II, 6: «Вот в чем желания были мои: необширное поле, / Садик, от дома вдали непрерывно текущий источник, / К этому лес небольшой...» Там, в Сабинском имении, поэт счастлив, «скрывшись от шумного города в горы мои как в твердыню», он беседует с Музой и ведет возвышенные разговоры с просвещенными друзьями.[10] Безусловно, идиллический мир «покоя», данный в награду Мастеру, связан с этими горацианскими образами. В киевской гимназии Булгаков должен был познакомиться с Горацием. Но у римского поэта достижение гармонии не представляет такой мучительной проблемы, как у героев Фета и Булгакова. Отрешившийся от бурной молодой оппозиционности, Гораций примирился с властью, благодарен Меценату, доволен своей судьбой.

Фет в 1857 году мог только мечтать о такой земной участи, но он был сильным человеком, переборол судьбу — и осуществил свой идеал в 1860 году, купив хутор Степановку, стал одним из первых русских

---

[8] *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2: Проза / Подг. текста, сост., коммент. А. Е. Тархова. С. 435—436.

[9] О воплощении горацианского идеала в судьбе Фета см. подробнее: *Успенская А. В.* Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи. СПб., 2008. С. 253—273.

[10] *Гораций.* Собр. соч. СПб., 1993. С. 274.

фермеров и в трудах обрел горацианское счастье, или по крайней мере душевный покой и возможность примириться с судьбой.

Булгаков — писатель более жестокого, XX века. Его Мастер только после смерти получает покой — возможность примириться с жестоким и иррациональным миром, простить его и забыть. Высшие силы, к которым апеллировал и фетовский лирический герой, награждают обоих более счастливым посмертным бытием, а творчество их — поэтическим бессмертием.

ДОПОЛНЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ ФЕТА В 20 ТОМАХ

Н. П. Генералова

I. ЗАГАДКА ОДНОГО АВТОГРАФА

Известную латинскую пословицу «Книги имеют свою судьбу» можно с полным правом применить и к автографам, каждый из которых тоже имеет свою, подчас очень непростую судьбу. Об одном из автографов Фета и пойдет речь далее.

В 1890 году в журнале «Нива» (№ 13. С. 342) было напечатано стихотворение Фета «Quasi una fantasia», которое в том же году вышло в составе четвертого выпуска «Вечерних огней».[1] Здесь под стихотворением появилась точная дата и место написания: «31 декабря 1889. / Москва». В трехтомном «Полном собрании стихотворений», подготовленном Б. В. Никольским, появилось еще одно уточнение: в скобках было указано, кому посвящено стихотворение, а именно Е. М. Семенкович.[2] Б. Я. Бухштаб, выпустивший первое критическое издание стихотворений Фета в серии «Библиотека поэта» (1937), подзаголовок не воспроизвел, хотя в комментариях отметил факт посвящения. С текстологической точки зрения ученый был абсолютно прав: при жизни Фета подзаголовок не вносился, в том числе и в Список (оглавление) Полного собрания стихотворений, задуманного поэтом незадолго до смерти, в 1892 году, где «Quasi una fantasia» помещено в раздел «Разные стихотворения».[3] Следовательно, введение подзаголовка в издании Никольского, хотя и имело под собой основания (без сомне-

[1] Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. М., 1891. С. 57—58. Несмотря на год, обозначенный на обложке, сборник вышел в свет раньше, в ноябре 1890 г. (см. объявление: *МВед.* 1890. 30 ноября. № 331. С. 1).

[2] *ПССт1901.* Т. 1. С. 120. С тем же подзаголовком стихотворение было перепечатано в изданиях 1910 и 1912 гг.

[3] См.: *Лукина В. А.* К истории издания первого Полного собрания стихотворений Фета (Списки 1892 и 1893 гг.) // *ФетСб(2).* С. 793.

ния, обстоятельства создания стихотворения были сообщены Никольскому мужем Е. М. Семенкович и наследником авторских прав Фета В. Н. Семенковичем), с текстологической точки зрения было очевидным произволом.

В том же виде стихотворение было напечатано в последующих изданиях «Библиотеки поэта» (1959, 1986). Однако в комментариях к последнему подготовленному Бухштабом изданию, вышедшему в 1986 году, появилось указание на существование чернового автографа стихотворения «в собрании В. В. Афанасьевой (Воронеж)» и была дана ссылка на письмо владелицы автографа в редакцию журнала «Русская литература».[4] Более того, на странице 301 был воспроизведен и сам черновой автограф. Ни посвящения, ни даты и места написания, ни даже заглавия в черновике не было. Почти полное отсутствие знаков препинания и иная графика строф лишь подтверждали, что перед нами первоначальная редакция стихотворения.

Опровергая неточное указание в книге Е. З. Балабановича «Чехов и Чайковский» (М., 1973) на то, что Фет посвятил Е. М. Семенкович два стихотворения, В. В. Афанасьева писала: «Первое стихотворение («Quasi una fantasia». — *Н. Г.*) действительно посвящено моей матери. Посвящение обычно приводилось в дореволюционных изданиях собраний сочинений Фета. Черновик этого стихотворения хранится в моей семье».[5] Очевидно, дочь упомянутой Евгении Михайловны Семенкович и двоюродного племянника Фета Владимира Николаевича Семенковича предоставила хранившийся в ее семье автограф (или фотографию с него) ведущему в то время специалисту по творчеству поэта и сообщила ему обстоятельства, при которых он оказался в ее руках. Правда, эти обстоятельства, так же как и ранняя редакция стихотворения, зафиксированная в автографе, не были отражены в книге, подготовленной Б. Я. Бухштабом. Впервые описание автографа (по не слишком четкой копии, приведенной в издании «Библиотеки поэта» 1986 года) и воспроизведение как ранней редакции стихотворения, так и внесенной в нее правки были введены в научный оборот в пятом томе выходящего ныне Собрания сочинений и писем Фета в 20 томах.[6] Однако здесь была допущена одна неточность, о которой будет сказано ниже.

Приведем еще раз полностью первую редакцию стихотворения:

Сновиденье, пробуждение
Тает мгла

[4] *СиП 1986*. С. 676.

[5] *Афанасьева В. В.* Письмо в редакцию // *РЛ*. 1974. № 1. С. 239.

[6] *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 320.

Как весною надо мною
высь светла

Неизбежно, страстно нежно
уповать
Без усилий
Всплеском крылий
Подлетать
В мир стремлений
Преклонений
и молитв
Волю чуя, не хочу я
Ваших битв

При этом в стихе 8 окончательный вариант «С плеском <крылий>» вписан над незачеркнутым первоначальным «Всплеском <крылий>», в стихе 12 окончательный вариант «Радость <чуя>» вписан над незачеркнутым «Волю <чуя>». Как выяснится далее, Фет будет колебаться в выборе вариантов лишь стихов 8 и 9 (при дальнейшем изменении графики строф это стихи 11—12). Вписанный вариант стиха 12 («Радость <чуя>») первоначальной редакции станет окончательным уже в следующей, промежуточной редакции, которая будет послана в письме к Я. П. Полонскому 5 января 1890 года (см. ниже). В добавление к сказанному следует отметить, что, строго говоря, автограф дает возможность зафиксировать еще один вариант стиха 8, поскольку перед «Всплеском крылий» сначала Фет подписал «с», а «плеском» вписано над незачеркнутым «Всплеском». Таким образом, варианты этого стиха должны выглядеть следующим образом:

а) Всплеском крылий
б) С всплеском <крылий>
в) <С> плеском <крылий>

Отправляя стихотворение Полонскому, Фет записал еще один вариант стиха — «В плеске крылий», которого не было в черновике, что и дает основание считать эту редакцию стихотворения промежуточной.

Правдоподобную версию истории создания стихотворения находим в статье Натальи Николаевны Горбачевой, внучки В. Н. Семенковича и двоюродной правнучки Фета, которая называет поэта своим «прадедом», старшую сестру своей матери Екатерины В. В. Афанасьеву «тетей Верой», а Е. М. Семенкович «бабушкой Женей».[7] По утверж-

[7] *Горбачева Н.* По страницам семейных архивов. Мемуары. Лирика. Книга 3-я. М., 2001. Далее ссылки даются на это издание. Сокращенный вариант очерка был опубликован ранее: *Горбачева Н. Н.* Фет — Семенкович — Чехов // А. А. Фет: Про-

дению Горбачевой, «тетя Вера» была хранительницей семейного архива и автором воспоминаний, отрывки из которых она приводит в своей книге.

Чтобы разобраться в непростых родственных отношениях Фета с Семенковичами, следует напомнить, что у Афанасия Неофитовича Шеншина, которого поэт считал своим отцом, было несколько братьев и сестер. Одна из них, Анна, была замужем «за небогатым офицером из поляков — Семенковичем и проживала, — как писал Фет в своих воспоминаниях, — в своем наследственном имении под Орлом, на реке Оптухе».[8] Поэт надолго запомнил, как в детстве ему ставили в пример умение двух кузенов Семенковичей выполнять образцовые чистописания. С сыном одного из них, Владимиром Николаевичем, поэт позже сошелся довольно близко. Ему М. П. Шеншина, по договоренности с мужем, завещала авторские права на литературное наследие Фета.[9]

блемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 246—269. Любопытно, что восприемником матери Н. Н. Горбачевой, Екатерины Владимировны, при родах был А. П. Чехов, состоявший в дружеских отношениях с семьей В. Н. Семенковича, жившего по соседству.

[8] *РГ*. С. 33. Мужа Анны Неофитовны звали Василий Петрович. В его формуляре значится, что с 1791 г. он служил в Тобольском мушкетерском полку, в 1804 г. вышел в отставку штабс-капитаном, в 1812 г. вступил в 1-й пехотный полк Московского ополчения, в котором командовал батальоном, а в сражении при Бородино «был ранен пулей в ногу» (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 29. № 2144. Л. 7 об.—8). При крещении его младшего сына Александра восприемником был будущий отец Фета Афанасий Неофитович Шеншин (Там же. Л. 4. Сообщено И. А. Кузьминой). Правда, по семейному преданию, Семенковичи происходили не из поляков, а из сербов, первый из них, по имени Петко, был выписан Екатериной II как искусный резчик по драгоценным камням и работой своей так угодил царице, что она одарила его землей и дворянским титулом. В основном представители этого рода были военными (*Горбачева Н.* Указ. соч. С. 10).

[9] По завещанию М. П. Шеншиной (Фет) В. Н. Семенковичу отходили «право собственности на издание сочинений и переводов мужа моего Аф. Аф. Шеншина-Фета, а равно принадлежащие мне как изданные, так и находящиеся в печатании сочинения его», а также «движимое имущество, находящееся в имении, состоящем Воронежской губернии Землянского уезда при деревне Васильевке, в том числе и весь состав конного завода верховых лошадей» (*РГАЛИ*. Ф. 54. Оп. 1. № 55). Отметим, что в духовном завещании самого Фета имя Семенковича не упоминается. Все движимое имущество, «где бы таковое ни оказалось и в чем бы ни заключалось», поэт завещал супруге. Что касается имения Воробьевка и дома на Плющихе, то они не фигурировали в тексте завещания, поскольку изначально были оформлены на имя жены. В завещании, правда, было оговорено, что после смерти Марии Петровны недвижимое имение в деревне Васильевка, доставшееся поэту от брата П. А. Шеншина, как и село Ольховатка, доставшееся по завещанию П. И. Борисова, должны отойти племяннице О. В. Галаховой (урожд. Шеншина) (см.: *Матвеева Н. С.* Духовное завещание А. А. Фета-Шеншина // А. А. Фет: Проблемы творче-

Инженер-механик Владимир Николаевич Семенкович (1861—1932) был довольно заметной фигурой в своей среде, дослужился до чина действительного статского советника, был награжден многими знаками отличия и даже попал в словарь высшего чиновничества Российской империи.[10] Однако в случае Семенковича чиновничья карьера была следствием действительно выдающихся заслуг ученого, отдавшего много лет изучению Русского Севера, Черного моря и других морских рубежей России, автора нескольких книг, не потерявших значения по сей день,[11] педагога, читавшего лекции в Археологическом институте, где он возглавлял кафедру исторической географии, известного благотворителя. Именно за «отлично-усердную службу» в Московском совете детских приютов В. Н. Семенковичу в 1912 году был пожалован чин действительного статского советника.[12] Помимо род-

---

ского метода, традиции. Курск, 1989. С. 94—97). Очевидно, эти распоряжения мужа М. П. Шеншина выполнила.

[10] *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016. Стб. 1916.

[11] *Семенкович В. Н.* 1) Опасное начинание: Несколько слов о реформе нашего фабричного дела. М., 1893; 2) Морские письма Черноморца <В. Н. Семенкович>. Север России в военно-морском и коммерческом отношениях. М., 1894. Сохранились экземпляры этих книг с дарственными надписями А. П. Чехову.

[12] В формулярном списке, составленном в 1901 г., В. Н. Семенкович, «из дворян», значится почетным членом Московского совета детских приютов, имеющим «серебряную медаль для ношения на груди на Андреевской ленте в память священного коронования государя императора Николая Александровича», не владеющим никаким имением, хотя известно, что в 1894 г. Семенкович приобрел по соседству с чеховским Мелехово имение Васькино. Закончивший Техническое училище Морского ведомства и произведенный в прапорщики в 1883 г., в том же году Семенкович был зачислен в 1-й Черноморский флотский экипаж, затем произведен в подпоручики, затем в инженер-механики, был командирован в Бельгию и Германию для изучения механики при строительстве первых русских миноносцев. В 1891 г. уволен от службы «по домашним обстоятельствам с награждением чином титулярного советника» (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 29. № 2144. Л. 57 об.—59. Сообщено И. А. Кузьминой). В 1914 г. В. Н. Семенкович уже значится директором Александринского мужского ремесленного приюта, действительным членом императорского Московского общества сельского хозяйства, ученым археологом, почетным, затем действительным членом и ассистентом на кафедре исторической географии Московского археологического института, профессором и корреспондентом Интернациональной Академии в Тулузе, почетным членом братолюбивого общества снабжения неимущих квартирами и пожизненным членом императорского Общества содействия российскому торговому мореходству. Он был награжден орденом св. кн. Владимира 4-й степени и другими знаками отличия (см.: *Горбачева Н.* Указ. соч. С. 17). О судьбе Семенковича после революции узнаем из той же книги Н. Н. Горбачевой: «С первых же дней революции дед мой стал служить новой России, ибо знал, что Россия — всегда Россия, и ей нужны его знания и его труд» (Там

ства с Фетом и общения с ним и близким поэту кругом, Семенкович известен как один из знакомых и корреспондентов А. П. Чехова, с которым жил по соседству, он был знаком с Л. Н. Толстым и бывал в Ясной Поляне.[13]

Жена В. Н. Семенковича Евгения Михайловна, урожденная Телятникова (1866—1920), происходила из семьи севастопольского 2-й гильдии купца М. А. Телятникова, была выпускницей Петербургской консерватории и отличалась вдохновенной игрой на рояле, о чем сохранилось немало воспоминаний современников.[14] В 1887 году, вскоре после венчания, Семенковичи поселились в Москве на Большой Никитской[15] и стали частыми гостями в доме Фетов на Плющихе, где Евгения Михайловна нередко садилась за инструмент. Во время одной из таких встреч, когда Евгения Михайловна исполняла сонату

же. С. 46). Уже в 1918 г. он вступает в члены Всероссийского союза инженеров, принимает участие в реформе школы, читает лекции в разных учреждениях, даже на курсах судовых кочегаров, получает персональную пенсию, участвует в Съезде изобретателей и получает патент на одно из изобретений (Там же. С. 46—49).

[13] Подробнее о В. Н. Семенковиче см.: *Горбачева Н.* Указ. соч. Здесь же воспроизведены фотографии из семейного архива.

[14] Т. Л. Щепкина-Куперник вспоминала, как А. П. Чехов возил ее к своим соседям Семенковичам «только затем, чтобы послушать Бетховена: хозяйка дома превосходно играла. И когда он слушал Лунную сонату, лицо его было серьезно и прекрасно» (*Щепкина- Куперник Т. Л.* О Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 256). Одним из поклонников исполнительского мастерства Е. М. Семенкович был поэт и философ Вл. С. Соловьев, нередко навещавший Фета. В одном из писем к поэту он просил передать Е. М. Семенкович прилагаемую книгу — очевидно, недавно вышедший первый сборник своих стихотворений (М., 1891) — с дарственной надписью (см.: Переписка Фета с Вл. С. Соловьевым (1881—1892) / Публ. Г. В. Петровой // *ФетСб(2)*. С. 419). Пользуясь случаем, отметим, что в комментариях к указанному письму (№ 34) допущена ошибка: Е. М. Семенкович названа женой двоюродного племянника Фета Владимира Петровича (а не Николаевича) Семенковича, а также неточно указана дата его смерти: 1939 г. (Там же. С. 421, примеч. 4). Соответственно в указатель к тому наряду с реальным В. Н. Семенковичем ошибочно попал несуществующий «племянник» В. П. Семенкович. По сообщению Н. Н. Горбачевой, в 1904 г. супруги Семенковичи развелись, Евгения Михайловна приняла предложение директора Симферопольской музыкальной школы и уехала с младшим сыном Александром в Симферополь, где организовала частную школу, называвшуюся «Музыкальная школа свободного художника Е. М. Семенкович», а также состояла «бессменным членом музыкального общества „Анчар“» (*Горбачева Н.* Указ. соч. С. 16, 19).

[15] Дом № 22 по Большой Никитской достался В. Н. Семенковичу по завещанию его родной тетки по матери Варвары Владимировны Кохановской, урожденной Кривцовой, принявшей большое участие в воспитании племянника (см.: Там же. С. 13). Венчание В. Н. Семенковича и Е. М. Телятниковой состоялось 19 августа 1887 г. (Там же. С. 18).

Бетховена «Quasi una fantasia», которую впоследствии стали называть «Лунной сонатой», и было создано стихотворение, получившее то же заглавие: «Quasi una fantasia». Вот как описала этот случай В. В. Афанасьева (несомненно, со слов матери) в письме 1977 года к директору ОГЛМТ В. В. Сафроновой: «31-го декабря мои родители были приглашены к Шеншиным на встречу Нового года. Как всегда, моя мать много играла. Во время исполнения ею сонаты „Quasi una fantasia“, А. А. Фет, сидя в кресле и слушая игру, набрасывал на листочке бумаги слова своего нового стихотворения „Quasi una fantasia“. Когда моя мать окончила играть, Афанасий Афанасьевич, поблагодарив ее за доставленное удовольствие, протянул ей этот листочек со словами: „Вам, Женечка, посвящается“. С тех пор этот листок всегда хранился у моей матери». Приведя эту цитату, Горбачева пишет: «Сейчас рукописный текст этого автографа хранится в г. Орле».[16] Это утверждение, однако, оказалось неточным.

При подготовке пятого тома Собрания сочинений и писем Фета в 20 томах была предпринята фронтальная сверка всех сохранившихся автографов, причем в текстологической части комментариев было дано полное описание каждого из них. Когда дело дошло до стихотворения «Quasi una fantasia», пришлось обратиться в Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева, куда предположительно был, как утверждала в своей статье Горбачева, передан автограф Фета. Несмотря на тщательные поиски, следов автографа в музее не оказалось. Если бы не публикация его в указанном выше издании «Библиотеки поэта», можно было бы предположить, что В. В. Афанасьева изложила в своем письме одно из семейных преданий.

Однако недавно в Рукописный отдел Пушкинского Дома обратился человек, попросивший провести экспертизу одного документа. Каково же было удивление составителей пятого тома, когда в легком карандашном черновом наброске они узнали руку Фета и тот самый автограф, который тщетно искали в Орле. Это оказалась небольшая полоска бумаги («листочек», как верно писала В. В. Афанасьева), сложенная в три раза, сам же черновик записан в нижней части узкого листка. Черновики Фет действительно нередко писал на небольших листках, иногда аккуратно вырезанных из полученных писем (поэт был

---

[16] *Горбачева Н.* Указ. соч. С. 29—30. В своих публикациях Горбачева ошибочно называет директора ОГЛМТ В. В. Сафронову Сафоновой. Встречаются и другие ошибки памяти: например, она утверждает, что Фет бывал в купленном В. Н. Семенковичем в 1894 г. имении Васькино (С. 40), хотя этого быть никак не могло, тем более что, как она рассказывает со слов матери, для ремонта полуразрушенного имения Семенковичу пришлось продать часть завещанных ему коней фетовского конезавода (С. 30).

бережлив!). Казалось бы, история, рассказанная В. В. Афанасьевой, нашла полное подтверждение, если бы не правка, внесенная в автограф рукой Фета.

Дело в том, что через несколько дней после создания стихотворения, а именно 5 января 1890 года Фет послал его, как он это часто делал, на суд Я. П. Полонскому. Но это была уже доработанная редакция, хотя пока без заглавия и указания на дату и место написания. Как было сказано выше, доработка коснулась в основном стихов 11—12 (по счету окончательной редакции), которые приняли следующий вид:

В плеске крылий
Подлетать, —[17]

Полонский откликнулся на присылку стихотворения 11 января 1890 года: «...как-то неграмматично, — писал он:

В плеске крылий
Подлетать
В мир стремлений...

Не лучше ли — *С плеском крылий* и *улетать* — вместо *подлетать*, — ибо *подлетать* — к чему — а *улетать* во что».[18] Фет прислушался к мнению друга, однако не последовал его совету.

Дело в том, что еще до получения письма от Полонского, в письме от того же дня, то есть 11 января 1890 года, к великому князю Константину Константиновичу («К. Р.») он послал еще одну редакцию стихотворения, которая по существу стала окончательной, если оставить в стороне вопрос о пунктуации, претерпевшей некоторые изменения. В письме к К. Р. стихотворение уже было записано под своим заглавием, с указанием даты и места написания:

QUASI UNA FANTASIA

Сновиденье,
Пробужденье,
Тает мгла;
Как весною
Надо мною
Высь светла.

Неизбежно,
Страстно, нежно
Уповать,

[17] *ИРЛИ*. № 11843б (Архив Я. П. Полонского). Л. 88 об.

[18] Там же. № 11843а (Архив Я. П. Полонского). Л. 92. См. также: *Фет/Полонский*. С. 786.

Без усилий
С плеском крылий
Залетать —

В мир стремлений,
Преклонений
И молитв;
Радость чуя,
Не хочу я
Ваших битв.

31 декабря
1889.[19]

На первый взгляд, Фет исправил стихи 11—12 по замечаниям Полонского. Но было ли так на самом деле? Б. Я. Бухштаб, приведя строки из письма Полонского в издании 1937 года, оставил их без комментария. Однако уже в издании «Библиотеки поэта» 1959 года говорится: «Первоначальный вариант исправлен по указанию Я. П. Полонского <...>».[20] Таким образом, редакция стихотворения, посланная Полонскому, вторая по счету, ошибочно названа первоначальной. Эта ошибка вполне понятна: в то время черновой автограф стихотворения был еще неизвестен. Что же касается последнего издания большой серии «Библиотеки поэта», подготовленного Бухштабом, то, как уже говорилось, в нем появилось не только указание на существование чернового автографа, но и его воспроизведение. Тем не менее в комментариях попрежнему осталась фраза: «Первоначальный вариант исправлен по указанию Я. П. Полонского <...>».[21] Сказанное по сути повторилось в издании «Литературного наследства», где была полностью опубликована переписка Фета с Полонским: «Изменения, предложенные Полонским, Фет внес в обе публикации этого стихотворения (Нива. 1890. № 13; *ВО 4*. № XLIII)».[22]

На загадочное совпадение в датах писем Фета к К. Р. и Полонского к Фету — 11 января 1890 года — впервые обратила внимание Ю. П. Благоволина, готовившая часть переписки Фета с К. Р. для второй книги того же тома «Литературного наследства». В примечаниях к письму Фета читаем: «Полонский ответил Фету 11 января 1890 г. <...>, сделав при этом ряд замечаний, которые, как принято считать, были Фетом учтены при публикации. Но парадокс состоит в том, что публикуемое

[19] *ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 10 об.—11. См. также: *Фет/К. Р.* С. 804.
[20] *ПССт1959*. С. 774.
[21] *СиП 1986*. С. 676.
[22] *Фет/Полонский*. С. 787, примеч. Т. Г. Динесман.

письмо Фета к К. Р. датировано тем же числом, что и письмо Полонского <...>, а стихотворение дано в нем уже в „печатной“ редакции. Эта нестыковка в датах может объясняться двояко: либо Полонский ошибся в датировке своего письма и оно написано по крайней мере на день раньше (дата письма Фета к К. Р. сомнения не вызывает, т. к. оно написано в день получения п. 106 (Имеется в виду телеграмма К. Р., сообщавшая о рождении в семье дочери Татьяны. — *Н. Г.*) и накануне Татьянина дня, т. е. 11 января), либо Фет внес правку не по замечаниям Полонского, а самостоятельно».[23]

Очевидно, что составители «Литературного наследства» не обратили внимания на черновой автограф, воспроизведенный в издании «Библиотеки поэта» 1986 года, который свидетельствовал, что второе предположение Ю. П. Благоволиной было единственно правильным. И все же нужен был подлинник, чтобы поставить точку в этом вопросе. По воспроизведенной копии было трудно определить, чем написан черновик стихотворения, и, разумеется, невозможно было догадаться, что правка произведена тем же карандашом. Слегка размытая фотография скорее подсказывала, что черновой автограф записан чернилами, как ошибочно утверждалось в текстологическом комментарии в вышедшем пятом томе Собрания сочинений и писем Фета.[24] Таким образом, история создания стихотворения «Quasi una fantasia», рассказанная В. В. Афанасьевой, полностью подтвердилась.

II. ЗАБЫТЫЙ КУПЛЕТ

(О стихотворении Фета, посвященном художнику Н. Е. Рачкову)

Во вторую книгу пятого тома Собрания сочинений А. А. Фета в 20 томах, вышедшую в 2015 году, вошло немало стихотворений, переводов и даже поэм, ранее никогда не печатавшихся. Среди них четверостишие, посвященное известному в свое время художнику Николаю Ефимовичу Рачкову (1825—1895), которое было помещено в раздел «Dubia»:

В стране холмов и буераков,
В стране грачей и соловьев,

[23] *Фет/К. Р.* С. 805.
[24] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 320.

Обилья рыб и тучных раков
Тебя приветствую, Рачков.[1]

В комментариях указано, что стихотворение печатается по отрывку воспоминаний племянника Фета С. Д. Боткина (1869—1945), опубликованному Б. Ф. Егоровым в книге «Боткины».[2] В будущем известный дипломат, С. Д. Боткин был сыном одного из славных представителей знаменитой купеческой семьи — Дмитрия Петровича Боткина, с которым поэта связывала многолетняя дружба. Именно С. Д. Боткину и его брату Петру завещала после своей смерти Мария Петровна Шеншина знаменитую Воробьевку. Фотографии имения, сделанные юным Сергеем Дмитриевичем, составили целый альбом, хранящийся ныне в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Указанное четверостишие С. Д. Боткин воспроизвел в своих воспоминаниях по памяти, уточнив, что, будучи в Воробьевке, они с отцом, братом и Фетом часто ездили «в большой темный лес, ловили рыбу и раков неводом и удочкой». Спутником их бывал и упомянутый художник: «Нас, детей, очень забавлял своими шутками и остротами художник Н. Е. Рачков».[3]

Помещая запомнившееся С. Д. Боткину четверостишие в раздел «Dubia», составители руководствовались не только тем, что автограф стихотворения не был известен, но и тем, что воспоминания Боткина страдают значительным числом неточностей. Например, он приписал П. В. Шумахеру написанную И. С. Тургеневым эпиграмму на Н. Х. Кетчера («Вот еще светило мира!..»), воспроизведя ее к тому же неточно.[4] Однако недавно И. А. Кузьмина указала нам на забытые воспоминания о Н. Е. Рачкове известного революционера-народника, впоследствии графика и художественного критика С. С. Голоушева, писавшего под псевдонимом Сергей Глаголь (1855—1920), где не только обнаружился полный текст стихотворения Фета, посвященного Рачкову, но и сообщалось, что оно воспроизводится по автографу, найденному в архиве художника после его смерти. Голоушев познакомился с Рачковым, когда тому уже было далеко за пятьдесят, но разница в возрасте не помешала им сблизиться. «Я забыл, что предо мною старик, человек прошлого поколения, — писал Голоушев. — Какое одушевление, какой интерес ко всему свежему и молодому, какое преклонение перед великими произведениями нашего времени! И при всем этом такая масса

---

[1] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 223.

[2] *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб., 2004. С. 288 (сер. «Преданья русского семейства»).

[3] Там же. С. 304.

[4] Ср.: *Тургенев. Соч.* Т. 12. С. 308.

добродушного юмора и остроумных сравнений. С первой же встречи я полюбил старика всей душой, просидел с ним чуть не полдня и затем до самой его кончины мы оставались добрыми друзьями».[5] О характере художника вспоминала дочь П. М. Третьякова Вера Павловна Зилоти, говоря о тех, кто приезжал поздравлять Третьяковых на Пасху и Рождество: «Еще позднее заходил Николай Ефимович Рачков. Мы всегда его ждали. Он был не очень яркий художник, но воспитанный и веселый. Делал разные едкие замечания и рассказывал смешные вещи. Он приходил иногда к нам обедать в городе и приезжал и на дачу (в нашем детстве). Мы смеялись над тем, что казалось нам понятным, и над тем, что не могли понять, но заражали смехом все вокруг».[6]

Помянул добрым словом С. С. Голоушев и картины Рачкова, пользовавшиеся в свое время большой популярностью, хотя и не признал в нем выдающегося художника: «Писал Рачков по-старинному, с подмалевкой и большой условностью. Его картинам далеко до той силы, какою дышат произведения наших натуралистов, но в его вещах всегда было что-то, заставлявшее забывать и их условность, и погрешности рисунка. Всегда перед вами было живое, задорно-веселое или грустное личико, и всегда чувствовалось, что художник горячо любил это лицо, а это как-то невольно передавалось и зрителю».[7] Среди лучших картин Рачкова Голоушев назвал «Бабушку и внучку» и «Девушку у ворот», хранящиеся в Третьяковской галерее.

Мастер портретной и жанровой живописи, Рачков остался в истории автором многочисленных картин, отражающих быт своего времени, он участвовал в выставках, и работы его пользовались спросом, особенно детские и женские головки. Некоторые из них воспроизводились на открытках. Между прочим, им был написан портрет Фета — уже совсем пожилого, в белом парусиновом костюме и такой же фуражке — сидящего на стуле возле увитой плющом стены своего воробьевского дома. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что портрет выполнен не с натуры, а по фотографии, на которой поэт был запечатлен в июле 1890 года. Рядом с ним находились частые гости Воробьевки Н. Н. Страхов и щегольски одетый Яков Полонский, которых Рачков не воспроизвел.[8] Тем не менее достоинства этого

---

[5] *Глаголь С.* Художник Николай Ефимович Рачков // Искусство и художественная промышленность. Ежемесячное иллюстрированное издание императорского Общества поощрения художеств в С.-Петербурге. 1899. № 11 (Август). С. 882.

[6] *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. М., 1998. С. 22—23.

[7] *Глаголь С.* Художник Николай Ефимович Рачков. С. 882.

[8] Эта групповая фотография была сделана С. Д. Боткиным, в настоящее время хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Воспроизведена: *ЛН.* Т. 103. Кн. 2. С. 501; *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2, фронтиспис.

А. А. Фет.
Портрет работы Н. Е. Рачкова

портрета признаются специалистами.[9] Можно предположить, что портрет был заказан художнику уже после смерти Фета кем-то из его знакомых или родственников. В настоящее время он находится в Музее Л. Н. Толстого в Москве.[10]

---

[9] «Несмотря на то, что портрет этот написан по фотографии, тем не менее художнику удалось создать необычайно жизненный образ поэта» (*Кузнецова Э. В.*, *Подкопаева Ю. Н.* Николай Ефимович Рачков. 1825—1895 // Русское искусство: Очерки о жизни и творчестве художников. Середина девятнадцатого века / Под ред. А. И. Леонова. М., 1958. С. 612).

[10] Впервые портрет Фета работы Рачкова был воспроизведен: Переписка Толстого с Фетом / Публ. Н. Покровской // *ЛН*. Т. 37—38. С. 219.

Мы пока не знаем точной даты знакомства Фета с Н. Е. Рачковым. Оно могло произойти еще в 60-е годы, когда художник переехал в Москву и сблизился с Д. П. Боткиным, или же они могли познакомиться благодаря общению Рачкова с К. Т. Солдатенковым, который был также знаком с Фетом и даже издал в 1863 году наиболее полное собрание его стихотворений и переводов в двух томах.

В статье С. Голоушева приводится несколько цитат из дневника Рачкова, что лишь подтверждает подлинность приведенного ниже сообщения: «Благодаря Дм. Петр. Боткину Рачков съездил с ним несколько раз за границу, познакомился с лучшими галереями и развил свой вкус, а сближение с К. Т. Солдатенковым и др. ввело его в литературные кружки и сдружило между прочим с покойным Фетом, шутливое стихотворение которого я нашел после смерти Н. Е. Рачкова заложенным в одной из немногочисленных тетрадей его дневника. Вот это стихотворение:

В стране дубов и буераков,
В стране сморчков и соловьев,
И карасей и крупных раков,
Тебя приветствуем Рачков!

Чего ж, оставя пустословье,
Тебе от сердца пожелать?
Чтобы талант твой и здоровье
Сто лет не двигалися вспять».[11]

Как видим, подлинный текст стихотворения весьма далек от того, что сохранила память С. Д. Боткина. Можно предположить, что стихотворение было поздравительным ко дню рождения художника, однако дату его написания определить сложно. Предложенная в Собрании сочинений и писем дата «После 1878», скорее всего, пока остается наиболее вероятной, ведь в Воробьевку, приобретенную в 1877 году, Фет мог пригласить Рачкова, лишь когда немного обустроился в новом имении. Таким образом, можно считать, что помещение четверостишия в раздел «Dubia» оказалось вполне обоснованным.

[11] *Глаголь С.* Художник Николай Ефимович Рачков. С. 889.

ПУБЛИКАЦИИ

Неизданный перевод Фета

ЛУКРЕЦИЙ
О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Публикация Н. П. Генераловой

Перевод Лукреция — единственный из переводов Фета с латинского языка, оставшийся незавершенным. Смерть прервала работу над этим выдающимся памятником античной поэзии и мысли, снискавшим хотя и запоздалую, но все же широкую мировую известность. Поставивший перед собой грандиозную цель — дать своеобразную антологию римской поэзии, — Фет почти полностью справился с нею. Перевод философской поэмы Лукреция должен был завершить этот титанический замысел. Но и то, что успел сделать переводчик в отношении Лукреция, а именно перевести полностью первую книгу и большую часть второй книги поэмы «О природе вещей» («De rerum natura»), дает исчерпывающее представление о том, насколько вдумчиво, мастерски, а порой виртуозно подошел русский поэт к сложнейшему тексту античности. А если учесть, что изложение философских положений посредством поэзии было принципиально чуждо творческим установкам Фета, можно лишь удивляться, как умело он справился со своей задачей.

Трудно с точностью определить, когда у Фета возникла мысль перевести поэму Лукреция. Первое упоминание о том, что он перевел ее начало (гимн к Венере), появляется в письме к С. А. Толстой от 14 марта 1887 года. Однако из письма не ясно, когда это произошло. Разговор шел о другом — о новом сочинении Л. Н. Толстого «О жизни», составившем 13-й том его собрания сочинений. Содержание данного трактата Толстого было известно Фету. 8 января 1888 года он писал Ф. Е. Коршу, просившему его посодействовать в получении книги: «Что касается до меня, то в деревне Толстого (т. е. в Ясной Поляне. — *Н. Г.*) я, по приглашению его, прочел несколько гранок этого сочинения, представляющего для меня мало интереса».[1] Ко времени написания письма

[1] См.: *Письма к Коршу.* С. 219.

трактат Толстого «О жизни» был уже отпечатан в типографии А. И. Мамонтова, запрещен цензурой и уничтожен. Из тиража в 600 экземпляров сохранились лишь три.

Несомненно, споры на темы, затронутые Толстым, велись им с Фетом и ранее, и впоследствии, после написания «Крейцеровой сонаты», начатой как раз в 1887 году. Нельзя исключить возможность того, что побудительным мотивом к переводу Лукреция стали дискуссии о жизни и смерти, сущности любви и роли религии в самоопределении человека, поиски путей обретения счастья и блага, столь волновавшие Толстого в 1870—1880-е годы.

В письме к С. А. Толстой Фет признавался: «...в настоящем году споры со Львом Николаевичем стали не только возможны, но и приятны. Недаром Лукреций начинает свою глубокую поэму „О природе вещей“ великолепным гимном к Венере, этому олицетворению любви. Я перевел это начало и остановился в своей работе, убоявшись цензуры, так как Лукреций, в сущности, заклятый материалист <...>».[2] Известно, что Фет крайне раздраженно воспринимал идеи Толстого о любви и браке, высказанные им уже в «Анне Карениной». Продолжал спорить с автором «Войны и мира» Фет и в беседах с горячим почитателем Толстого Н. Н. Страховым, и даже с самой С. А. Толстой. В том же письме к ней он привел два примера, свидетельствующие «о власти всепобедной Венеры»: «В нашем приходе был очень милый, скромный и сравнительно образованный священник, — и исключительно трезвый. За три дня до Рождества жена его, разрешившись от бремени мальчиком, хвалилась легкими родами. Но через два дня у ней кольнуло в бок, и мальчик остался, а она умерла. Священник, похоронивши ее против своих окон, не был в силах служить обедню, а, войдя в алтарь, все молился и плакал; а теперь с горя запил. / Из Москвы привел я двадцатилетнего рысистого вороного Адама. В первый раз в жизни он вблизи увидал прелестную четвероногую Еву. Тут он взвился на дыбы, повалился наземь, два раза вздохнул и испустил дух. / Конечно, все это глубокие тайны, но никак не чудеса».[3]

Ответ Толстой от 23 марта 1887 года не оставлял сомнений в том, что она целиком на стороне своего мужа: «Я враг материализма, и как бы ни излагалось учение идеалистическое, я всегда ему рада и чувствую полное нравственное удовлетворение, когда читаю это последнее произведение Льва Николаевича».[4]

Возможно, интерес к Лукрецию возник в связи с переводом одного из известнейших лириков, за который Фет взялся в конце 1884 или начале 1885 года, — Катулла. В начале ноября 1885 года сборник уже прошел цензуру и вышел в свет.[5] В статье «Жизнь Катулла», предпосланной переводам, Фет упомянул

---

[2] *Фет/Толстая*. С. 134. Письмо от 14 марта 1887 г.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 136. Позднее С. А. Толстая сама перевела это сочинение мужа на французский язык для публикации за границей.

[5] Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. О том, что сборник вышел в конце 1885 г., свидетельствует письмо Ф. Е. Корша от 20 ноября 1885 г. с благодарностью за полученный экземпляр (см.: *Письма Корша*. С. 42).

имя Лукреция; правда, назвал его поэму «стихотворением» и не вполне точно интерпретировал роль Меммия, к которому Лукреций неоднократно обращался. «Быть может, Катулл сам выбрал местом служения Вифинию, — писал Фет, — чтобы посетить могилу своего брата. Здесь пропретором был К. Меммий, за которым последовал Катулл в 57 г. до Р. Х. Меммий, будучи политиком и оратором, был в то же время эротическим поэтом, и Лукреций почтил его посвящением своего стихотворения *de rerum natura* <...>».[6]

По каким-то причинам на некоторое время Фет оставляет свой замысел перевода «О природе вещей», однако Лукреций сам будто «напоминает» ему о себе. В июне 1888 года у Фета в Воробьевке гостит профессор Киевского университета св. Владимира Ю. А. Кулаковский (с которым поэт познакомился в 1884 году в доме Вл. С. Соловьева), а 8 октября того же года Я. П. Полонский сообщает Фету, что получил от Кулаковского брошюру «Поэма Люкреция „О природе“», которую «успел прочесть, и, признаюсь тебе, прочел с большим удовольствием».[7]

Брошюра, о которой идет речь, представляла собой отдельный оттиск из первого номера киевского журнала «Университетские известия» за 1887 год, где была напечатана речь Кулаковского под тем же заголовком, произнесенная 8 января 1887 года на традиционном ежегодном торжественном акте Университета св. Владимира. Известная часть переписки Фета с Кулаковским датируется сентябрем того же года, однако уже первое письмо Кулаковского свидетельствует о том, что их эпистолярное общение началось ранее.[8] С большой долей вероятности можно предположить, что оно могло начаться не в 1887 году, когда Фет обратился к Кулаковскому за справкой относительно авторства известного латинского изречения «Книги имеют свою судьбу» («Habent sua fata libelli»), поставленного в качестве эпиграфа к третьему выпуску «Вечерних огней» (М., 1888), а гораздо раньше.[9] Как бы то ни было, о речи в Киевском университете 8 января 1887 года, посвященной поэме Лукреция «О природе вещей», Фет мог узнать не осенью 1888 года, а еще в августе 1887 года, во время первого пребывания Кулаковского в Воробьевке, где он, в частности, просматривал перевод трех песен «Энеиды» Вергилия, сделанный Вл. С. Соловьевым для Фета, не успевавшего завершить предпринятый им труд в намеченные сроки.[10] Тогда же Кулаковский мог подарить поэту оттиск своей речи о Лукреции.

Имя Лукреция в беседах о Вергилии было вполне уместно: автор «Энеиды» высоко ценил своего предшественника, традиционным было сравнение Вергилия с Лукрецием. В упомянутой речи Кулаковский, давая характеристику Лукреция, также говорил о Вергилии. Не считая Лукреция выдающимся

---

[6] Стихотворения Катулла. С. XXVI.

[7] *Фет/Полонский.* С. 678.

[8] Письма Кулаковского к Фету за 1887—1892 гг. опубликованы С. А. Ипатовой: *ФетСб(2).* С. 428—520. Первое письмо датировано 13 сентября 1887 г. Далее ссылки на эту публикацию: *Письма Кулаковского*, с указанием страницы.

[9] *Письма Кулаковского.* С. 454—456.

[10] Там же. С. 433.

философом или «естественником» (общепризнанно, что он в своей поэме наиболее полно изложил основы учения Эпикура), ученый видел его главную заслугу перед римской поэзией прежде всего в качестве поэта: «...ему принадлежит и будет принадлежать вечно слава великого поэта, скажу не колеблясь — наивысшего гения в римской поэзии. Правда, гений этот не создал чего-либо абсолютно прекрасного, лишь последующее поколение довело язык Рима в поэзии до полной гармонии между содержанием и формой, до легкости, изящества, грации и полной свободы в выражении; но, сравнивая Люкреция с поэтами последующего поколения, мы смело можем признать за ним бóльшую высоту гениальности, бóльшую смелость фантазии, бóльшую силу творчества в слове, нежели как проявили их поэты золотого века. Неподражаемый дар выразить легким и гармоничным стихом все, что ни приходило на ум, дар, которым обладал Овидий, ставит этого последнего в техническом отношении гораздо выше Люкреция; звучный, гармоничный, отделанный и выправленный гекзаметр Виргилия нельзя, конечно, и сравнивать с тяжелым, часто неуклюжим и неловким стихом Люкреция; полная гармония между образом и выражением и совершенное изящество того и другого, которые нам даны в одах Горация, представляют огромный прогресс по сравнению с Люкрецием, у которого поэтический образ гораздо изящнее и цельнее, нежели выражение. Но это превосходство поэтов золотого века в форме не может уравновесить того недочета, который обнаруживается у них по сравнению с Люкрецием. Недочет этот сказывается в самом высшем, что отличает поэта от простого смертного, во вдохновении. В каждом стихе Люкреция бьет ключом напряженная сила вдохновенного творчества. Люкреций — единственный вдохновенный поэт, которого имел Рим».[11]

Приводя выдержки из речи Кулаковского о Лукреции, мы ни в коем случае не хотим сказать, что Фет обратился к переводу поэмы «О природе вещей» под влиянием своего знакомого профессора-классика. Не приходится сомневаться в том, что сочинение «заклятого материалиста» было известно ему гораздо раньше. Однако в принятии решения о переводе этой «нецензурной» поэмы, вернее о возвращении к переводу, начатому явно до произнесения упомянутой речи Кулаковского 8 января 1887 года, мнение киевского ученого, столь высоко оценивавшего роль Лукреция в становлении римской поэзии, могло сыграть не последнюю роль.

Так или иначе, но вплотную Фет приступил к переводу «De rerum natura» лишь в конце мая 1891 года, после завершения работы над «Скорбными элегиями» Овидия. После упоминания в марте 1887 года о переводе «гимна к Вене-

[11] Поэма Люкреция «О природе». Речь, произнесенная на торжественном акте императорского Университета св. Владимира 8 января 1887 года экстраординарным профессором Ю. А. Кулаковским // Университетские известия. 1887. № 1. С. 17—18 (отд. паг.). Характерно, что Кулаковский называет Вергилия «Виргилием», в то время как Фет употреблял более общепринятое написание «Вергилий». О дискуссии в связи с транскрипцией имени автора «Энеиды» см.: Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887—1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 374—376. Далее сокращенно: *Фет/Нагуевский*, с указанием страницы.

ре» прошло четыре года. За это время Фет с невероятной быстротой успел перевести и издать целый ряд переводов из римской поэзии.

Деятельность Фета в качестве переводчика античных авторов особенно активизировалась после присуждения ему Академией наук в октябре 1884 года Пушкинской премии за полный перевод сочинений Горация (1883),[12] который, помимо того, был рекомендован Ученым комитетом Министерства народного просвещения в качестве учебного пособия для гимназий.[13] Высокая оценка деятельности Фета-переводчика, прозвучавшая в отзывах профессиональных латинистов, один из которых назвал перевод Горация «капитальным приобретением русской литературы» и сравнил вклад переводчика с вкладом в сокровищницу русской переводной литературы Н. И. Гнедича,[14] дала основание Академии наук избрать Фета своим членом-корреспондентом по отделению русского языка и словесности.[15] Теперь это может показаться парадоксом: великий поэт признавался прежде всего как переводчик, но сам по себе факт избрания говорит за себя — к середине 80-х годов авторитет Фета в этой области был очень высок.

В 1885 году вышли в свет «Сатиры» Ювенала[16] и стихотворения Катулла, в следующем — «Элегии» Тибулла,[17] наконец в 1887 году — «Метаморфозы» Овидия[18] и первая часть «Энеиды» Вергилия.[19] В следующем, 1888 году вы-

---

[12] К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883.

[13] См.: *Фокков Н. Ф.* Гораций. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883 // *ЖМНП.* 1884. № 5, а также: Журнал Ученого комитета Министерства народного просвещения: *РГИА.* Ф. 734. Оп. 3. № 49. Л. 836—837.

[14] *Модестов В. И.* Гораций в русском переводе // Новости и Биржевая газета. 1884. 24 января. № 24. 12 мая 1884 г. Н. Н. Страхов писал Фету: «Об Вашем Горации отличные известия. В. И. Модестов написал 3 статьи в „Новостях“, <...> Н. Ф. Фокков <...> собирается *рекомендовать* ее для гимназий — это высшая степень одобрения. И И. В. Помяловский, здешний профессор латыни, отзывался мне с великим почтением и радостью о Вашем труде. Он пишет рецензию» (*Фет/Страхов.* С. 373, см. также примеч. 4 к данному письму).

[15] Избрание состоялось 29 декабря 1886 г. См.: *Грот Я. К.* Отчет о деятельности второго отделения имп. Академии наук за 1884 год // Сборник ОРЯС. 1885. Т. 36. № 2. Основанием для избрания стала обширная рецензия И. В. Помяловского (см.: *ЖМНП.* 1884. Ч. 236. № 12. Отд. 4. С. 68—82).

[16] Д. Юния Ювенала Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885.

[17] Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886.

[18] Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV / Публия Овидия Назона XV книг Превращений. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887.

[19] Энеида Вергилия. Перевод А. Фета, со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. М., 1888. Ч. 1: I—VI. На обложке первой части «Энеиды» значится 1888 г., однако книга вышла в свет в конце декабря 1887 г., что подтверждается рецензией Ю. А. Кулаковского, опубликованной анонимно в первом номере «Русского вестника» (атрибуция анонимной рецензии принадлежит С. А. Ипатовой; см.: *Письма Кулаковского.* С. 442).

шли вторая часть «Энеиды» и «Элегии» Проперция,[20] в 1889-м — Персий,[21] в 1891-м — «Эпиграммы» Марциала[22] и комедия Плавта «Горшок».[23] «Скорбные элегии» («Tristia») Овидия вышли в свет в 1893 году, уже после смерти Фета.

Вряд ли возможные цензурные препятствия остановили Фета, принявшегося переводить Лукреция в начале 1887 года. Никакие особые мотивы в выборе очередного классического автора не просматриваются. Более того, в Предисловии к Проперцию Фет признавался: «В выборе последовательности переводов мы не руководились ничем, кроме минутной склонности и влечения».[24] Проперций был переведен почти целиком еще в 1886 году, однако задержан графом А. В. Олсуфьевым, взявшимся редактировать этот перевод. Не исключено, что, обратившись в 1886 году к переводу одного из своих любимых авторов — Вергилия, Фет перечитал и Лукреция в прозаическом переводе Д. Низара, которым пользовался в качестве подсобного материала. Дело в том, что в издании Низара Лукреций был опубликован вместе с «Энеидой» Вергилия.[25] Правда, Фет был крайне недоволен этим прозаическим переводом, считая, что стихи следует непременно переводить стихами. «Если мои переводы далеки от желаемого совершенства, — писал он казанскому профессору Д. И. Нагуевскому, взявшемуся составить для его перевода «Энеиды» научные комментарии, — то тем не менее могут служить фундаментом для будущих, более счастливых или искусных переводчиков. Переводить песни прозой — невозможно. Стихи имеют свои права, которых нарушать нельзя».[26] В этом же письме содержится важное признание, дающее дополнительное основание, для того чтобы отнести начало работы над Лукрецием к 1887-му или 1886 году.

Фет признается своему корреспонденту: «Я полагал, что „Энеида“ представит для меня шуточную работу, и сильно ошибся, так как перевод ее для меня труднее капризного Проперция».[27] Очевидно, измучившись с переводом Проперция, Фет думал перевести хорошо знакомого ему Вергилия с меньшими затратами. И очень вероятно, что между этими двумя предприятиями он попытался перевести Лукреция. Без особого труда справившись со вступлением, он вынужден был оставить работу, обнаружив необходимость восстановить в памяти греческую философию, очерк которой Лукреций дает в первой книге. Кроме того, как и при переводе Шопенгауэра, поэт вновь должен был преодолеть терминологический барьер, имея дело не только с поэтом, но

---

[20] Элегии Секста Проперция. Перевод А. А. Фета. СПб., 1888.

[21] Сатиры Персия. В переводе А. Фета. СПб., 1889.

[22] М. В. Марциалла эпиграммы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891. Ч. 1—2.

[23] Тита Макция Плавта Горшок. Aulularia. Перевод А. Фета. М., 1891.

[24] Элегии Секста Проперция. Перевод А. А. Фета. С. 3.

[25] Collection des auteurs latins avec la traduction en français, publiés sous la direction de m. Nisard, maître de conférences à l'école normale: Lucrèce, Virgile, Valerius Flaccus, œuvres complètes. Paris, 1843.

[26] *Фет/Нагуевский*. С. 382.

[27] Там же. С. 383.

и с философом. Это требовало времени и сил, что было почти невозможно для теряющего зрение Фета. Характерно, что первое упоминание о переводе Лукреция в письме к С. А. Толстой сделано буквально через три дня после письма к Нагуевскому, где поэт признавался в трудностях при переводе Вергилия.

Отложив перевод поэмы «О природе вещей» в долгий ящик, Фет, как уже сказано, в ближайшие годы занялся переводом Вергилия, Персия, Плавта, Марциала и Овидия, хотя мысль о Лукреции не оставляла его. 27 мая 1891 года он сообщал К. Р.: «Понемногу подвигаюсь с переводом „Скорбей“ (Tristia) Овидия, передача которых далеко не так легка, как казалось. Хотелось бы затем приступить к переводу поэта-философа Лукреция, но до этого еще далеко».[28] Тем не менее 26 мая 1891 года в письме к графу А. В. Олсуфьеву речь уже идет об окончании первой книги поэмы «О природе вещей»: «Силюсь кончить перевод 1-й книги Лукреция, состоящей из 1109 стихов. Очень тонкая физиология в стихах, на которую ссылается даже Шопенгауэр».[29]

Как бы то ни было, когда в мае 1891 года Фет вернулся к переводу Лукреция, первый, к кому он обратился за помощью, был Н. Н. Страхов, ранее помогавший ему в переводе главного философского труда А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Причина была вполне понятной: для перевода философского труда необходимо было выработать русские эквиваленты философских терминов, и здесь помощь эрудированного философа, к тому же занимавшегося переводами, была неоценимой.[30] Письмо Фета, написанное, очевидно, в начале сентября 1891 года, до нас не дошло, но сохранился ответ Страхова, который писал 16 сентября: «То, что Вы написали мне о *порозности* (по поводу Лукреция), заставило меня развести руками и положить в рот палец удивления. Охотно примусь Вам помогать; пришлите, что у Вас готово — но только боюсь, что мы поссоримся. На Лукреция нужно бы употребить лет пять; я был бы в восхищении, если бы у нас был хороший его перевод. Но ведь Вы будете торопиться; Вы способны сделать перевод бесподобный, диво человеческой речи, а по торопливости сделаете что-нибудь небрежное и не всегда удобное для чтения. Простите меня; кажется, я заговорил слишком резко — но amicus Plato, sed magis amica veritas (Платон — друг, но истина — бóльший

[28] *Фет/К. Р.* С. 896.

[29] *Письма к Олсуфьеву (52).* С. 118. В § 57 и 58 книги Шопенгауэра действительно содержатся ссылки на поэму Лукреция.

[30] «Терминология Лукреция очень точна и определенна, — писал лучший переводчик поэмы «О природе вещей» Ф. А. Петровский (1890—1978). — Поэтому, раз выбрав русское слово или выражение для соответствующего выражения или термина Лукреция, переводчик обязан как можно тщательнее придерживаться его на всем протяжении перевода, допуская отклонения лишь в тех случаях, где они допускаются самим Лукрецием, различающим точно терминированную речь и более свободное пользование теми или иными способами выражения <...>» (см.: *Лукреций.* О природе вещей: В 2 т. М., 1947. Т. 2: Статьи, коммент., фрагменты Эпикура и Эмпедокла / Сост. Ф. А. Петровский. С. 292—293). Далее ссылки на комментарии Ф. А. Петровского даются сокращенно: *Петровский*, с указанием страницы.

друг — *лат.*)».[31] Говоря о торопливости Фета, Страхов имел в виду, в частности, перевод «Фауста» Гёте, с печатаньем которого просил поэта не спешить. Фет, однако, не прислушался к совету.

Сведений о том, что Фет выслал Страхову готовые части перевода, до нас не дошло. Возможно, они так и не были посланы. Еще одно упоминание о Лукреции содержится в письме Страхова к Фету от 10 октября того же 1891 года, где он сообщал, что намерен в конце октября быть в Москве на обратном пути из Мшатки: «Возвращаясь назад, конечно, я остановлюсь в Москве на день или на два, и, если позволите, остановлюсь у Вас. Кстати, поговорим и об Лукреции, и с Толстыми повидаюсь. <...> Вообще, я ожидаю от нашего свидания больших разговоров и споров».[32] Известно лишь, что Страхов действительно остановился у Фетов на Плющихе и что там 30 октября 1891 года в присутствии С. А. Толстой, Ю. Н. Говорухи-Отрока, супругов Дункер и С. Д. Боткина читалась только что пропущенная цензурой статья Л. Н. Толстого «Страшный вопрос» о голоде.[33] Упоминаний о Лукреции более в переписке со Страховым и с С. А. Толстой не встречается, но все же трудно предположить, что Страхов во время своего пребывания у Фетов не познакомился с началом перевода поэмы. Не исключено, что при этом возник спор, который затормозил работу Фета над переводом, а потом и вовсе приостановил ее. К 30 октября, думается, и вторая книга поэмы Лукреция была большей частью Фетом переведена.

Весьма вероятно, что при переводе Лукреция Фет обращался за помощью и к другому своему хорошему знакомому, филологу-классику Ф. Е. Коршу, не раз выручавшему поэта советами и книгами. Корш помогал Фету в переводах Ювенала, Тибулла, Проперция, Катулла и других римских авторов. Хотя упоминаний о Лукреции в известной части переписки Корша с Фетом не сохранилось, представляется далеко не случайным, что вскоре после смерти поэта Корш опубликовал фрагменты прозаического перевода из поэмы «О природе вещей», в частности начало второй книги.[34]

Старого друга Полонского Фет держал в курсе своих начинаний, но вряд ли знакомил с переводом. 11 июля 1891 года он сделал собственноручную приписку к своему письму: «Принялся за перевод Лукреция».[35] Полонский по достоинству оценил намерение Фета. 16 июля 1891 года, сообщая К. Р. о том, что поэт взялся за перевод Лукреция, он заметил: «Очень трудный и даже мес-

---

[31] *Фет/Страхов*. С. 525. Смысл процитированного Страховым и выделенного курсивом слова из письма Фета не вполне ясен: возможно, поэт говорил о том, что взгляды Страхова и Фета на некоторые философские проблемы слишком разнились и могли помешать его готовности помочь в переводе закоренелого материалиста.

[32] Там же. С. 526.

[33] *Фет/Толстая*. С. 222, примеч. 3 к письму 106.

[34] Из Лукреция / Пер. Ф. Е. Корша // Филологическое обозрение. Журнал классической филологии и педагогики. М., 1893. Т. 5. Приложение. С. 438–444.

[35] *Фет/Полонский*. С. 912.

тами туманный поэт. Нелегко будет Фету перетащить его на поля российской словесности».[36] У самого же переводчика он спрашивал 2 августа 1891 года: «Пиши, — что твой Лукреций? — Поддается или брыкается?.. Но ты наездник опытный и никакому классику не дашь сбить себя».[37] Видимо, работа была в самом разгаре, поскольку уже 7 августа того же года Фет сообщал Полонскому, что «навалился» на перевод Лукреция: «Что же касается до меня, то я, собравшись с силами, навалился на римского поэта-философа Лукреция и перевожу гекзаметрами его „О природе вещей“. Легко сказать, философия в стихах, и притом философия, на которую Шопенгауэр ссылается две тысячи лет спустя. Правду сказал наш поэт-философ Тютчев: / „Другому как понять тебя?“ / Какой городской житель в состоянии понять то потрясающее волнение, которым исполняют меня, деревенщину, даже не картины пожаров и неизбежного голодания, а той бессмысленной и бесшабашной среды, в которой суждено вращаться целому государству вследствие нежелания или неспособности руководящих сфер связать две мысли логическим умозаключением. Как не причастный непосредственно к делу сторонний человек поймет мою водобоязнь взглянуть в деревне в окошко и мое стремление бежать в город и уподобиться индюшке, спрятавшей голову под лопух. При подобных условиях можно еще с грехом пополам умственно работать, но лирически вдохновляться нечего и думать».[38] 14 октября 1891 года Фет жаловался на трудности перевода: «Подобно твоей, и моя лирическая муза запрокинула шерсть и от меня отвернулась, и в настоящее время я, слепой, только вожусь над переводом старого материалиста Лукреция, которого, как меня уверяли, бывший русский перевод сожжен только что не рукою палача, а цензурным комитетом».[39]

О том, что поэт продолжал работать над переводом Лукреция за несколько месяцев до смерти, узнаем из письма Полонского к Фету от 11 июня 1892 года: «Как двигается твой перевод из Лукреция? — Ради Бога, думай побольше о музыке стиха».[40]

«Головоломным» назвал Фет перевод Лукреция в письме к любимой племяннице Е. Д. Дункер от 12 сентября 1891 года: «Дорогая Елизавета Дмитриевна, даже помимо поглощающего мое предобеденное время головоломного перевода классического Лукреция, толкующего за две тысячи лет о сцеплении между собой атомов, я давно утратил возможность жизни безотчетной, которой Вы, дорогая, по-видимому, завидуете».[41] Скрытый упрек, прозвучавший, очевидно, в не дошедшем до нас письме молодой женщины, не мог не задеть старого и больного поэта, который из последних сил старался исполнить заду-

[36] *ИРЛИ*. Ф. 137. № 70. Л. 107.

[37] *Фет/Полонский*. С. 917.

[38] Там же. С. 918.

[39] Там же. С. 926. Говоря о запрещенном русском переводе поэмы Лукреция, Фет, по-видимому, имел в виду прозаический перевод «О природе вещей» А. Клеванова (М., 1876).

[40] *Фет/Полонский*. С. 973.

[41] Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой // *ФетСб(1)*. С. 315.

манное. Но этому последнему труду Фета-переводчика суждено было остаться незавершенным.

Трудно представить, каково было бы жизнеописание Лукреция, которым Фет должен был по обычаю предварить свой перевод, если бы он был завершен и разрешен к печати. Биография Лукреция почти неизвестна, даже годы жизни его обсуждаются учеными по сей день. Нет никаких сведений о происхождении философа-поэта. Принято считать, что Лукреций родился около 99-го, а умер в 55 году до н. э. Первые упоминания о жизни Лукреция относятся лишь к IV веку н. э., хотя уже у Овидия и Вергилия встречаются высокие оценки его творчества, а Цицерон в письме к брату Квинту писал о том, что в его поэме «много проблесков природного дарования, но вместе с тем и искусства».[42] У Тацита мы находим свидетельство о том, что многие предпочитали Лукреция Вергилию (Диалог об ораторах). Единственная краткая биографическая справка содержится в «Хронике» Евсевия Кесарийского, переведенной монахом Иеронимом в 380 году н. э. Под 95 годом до н. э. в ней записано: «Рождается поэт Тит Лукреций. Впоследствии, впавши в умопомешательство от приворотного зелья и написав в промежутках между припадками безумия несколько книг, которые впоследствии отредактировал Цицерон, он покончил самоубийством на сорок четвертом году своей жизни».[43] В одном можно быть уверенным: давая краткое жизнеописание автора, Фет не мог не отметить стройное мировоззрение переводимого им поэта, выразившего и его собственное отношение к таким основополагающим понятиям, как любовь, смерть, природа, земля и др.

Перевод печатается в соответствии с современными нормами русского языка по рукописи, записанной рукой секретаря Фета Е. В. Федоровой и содержащей карандашную правку поэта, затем обведенную или переписанную секретарем: *РГБ*. Ф. 316. К. 1. № 42—43. Текст подготовлен по фотокопии, любезно предоставленной Г. Д. Аслановой.

Установившееся среди исследователей мнение, что речь идет о черновой рукописи, не вполне верно. Изучение оригинала убеждает в том, что мы имеем дело с перебеленным текстом, о чем свидетельствуют знаки вопроса на полях, проставленные Е. В. Федоровой в тех случаях, когда она не могла разобрать трудный почерк поэта в черновике. Отсюда – карандашные вставки Фета. Иногда, как в I, 1058, Федорова по ошибке переписывала дважды один стих. При этом Фет нередко попутно редактировал перевод. Все это позволяет отнести рукопись к разряду беловых автографов с правкой.

В примечаниях использованы перевод и комментарии Ф. А. Петровского, подготовившего издание поэмы Лукреция в серии «Классики науки»: *Лукреций*. О природе вещей: В 2 т. М., 1946—1947. Ссылки на т. 1, где помещен латинский текст и перевод поэмы, далее сокращенно: *Лукреций*, с указанием страницы.

[42] См.: *Петровский*. С. 275.

[43] Цит. по: Там же. С. 276.

ЛУКРЕЦИЙ

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Матерь Энеевых чад, людей и богов наслажденье,
О Венера-кормилица, ты под течением звездным
Море в плавучих судах и ты плодоносную землю
Населяешь; тобой живущее всякого рода
Зачинается и, родившись, свет солнечный видит.
Ветры, богиня, бегут пред тобой и небесные тучи,
Как появляешься ты, тебе цветов разновиды
Подстилает земля, тебе морская равнина
Шлет улыбку и свет свой льет примиренное небо.[1]
Ибо как только что день весенний лик свой покажет,[2]
И растворен оживет плодоносный Фавония ветер,
Первые птицы тебя, богиня, воздушные встретят
И вступленье твое сердца их забиться принудит.
Тут распалившийся скот запрыгает в поле веселом
И чрез потоки плывет, пленяяся так красотою,
Жадно идет за тобой, куда повести ты захочешь.
Наконец по морям, по горам и быстрым потокам
И по птичьим жильям средь ветвей и по зелени в поле
Нежную всем <любовь> вселяя в грудь, заставляешь,
Чтобы страстно они по породам в веках возрождались.
Так как единая ты природой вещей управляешь
И ничто без тебя в божественных света пределах
Не возникает, ничто не отрадно, ничто не любезно,
Я домогаюсь, чтоб ты помогла в писанье стихов мне,
Что о природе вещей своему сложить я намерен
Меммладу, которому ты даровала, богиня,
Быть во все времена во всем прекрасным и первым.
Дай потому-то словам красоту ты, богиня, навеки.
Ты соделай меж тем, чтоб войны кровавое дело

[1] морская равнина / Шлет ~ небо. | улыбаются воды / Моря и свет испуская блестит примиренное небо. *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой. На полях против ст. 9 знак вопроса.*

[2] что день ~ покажет | у дня весенний кроется образ *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

По морям и землям всем, задремав, опочило,
Ибо одна можешь ты осчастливить мирным покоем
Смертных;[3] затем, что войны жестокосердое дело
Марс всемогущий ведет, который бросается часто
В лоно твое, побежден любви вековечною язвой.[4]
И тогда он глядит, закинув упругий затылок,
И насыщает свой взор страстный, богиня, тобой
И, откинувшись, пьет твое он устами дыханье.
Ты, богиня, его на священном лежащего телом
Сверху тесней обойми и из уст любезные речи
Испусти и проси благотворного римлянам мира.
Ибо ни этого я сочинять в дни бедствий отчизны
С миром души не могу; ни Меммия славная отрасль
При подобных делах спасения граждан чуждаться.
Ибо природа богов неизбежно во времени вечном
В полном покое должна сама лишь собою держаться,
Наших чуждаяся дел, далеко от них отдаляясь,
Так как скорбей лишена, лишена и опасностей тоже,
Собственной силой мощна и, в нас не нуждаясь нимало,
Не признает ни заслуг и не волнуется гневом.

Впрочем, внимательный слух и прозорливую душу,
Освободив от забот, склони ты к истинной правде;
Чтоб приношений моих, что трудом тебе верным составил,
Прежде чем их поймешь, ты не покинул с презреньем.
Ибо о высших тебе законах небес и богов я[5]
Объясниться хочу и основы вещей обнаружить,
Всё, откуда родит природа, растит и питает
И во что, как умрет, опять разрешает природа.
Это мы веществом, родящими[6] также телами
В смысле широком зовем, как[7] и вещей семенами
Звать привыкли затем, обзываем тоже телами
Первыми, так как из них из первых все происходит.

---

[3] осчастливить мирным покоем / Смертных | помочь а) примиреньем спокойным б) покоиться миром / Смертным *Правка карандашом рукой Фета, затем окончательный вариант продублирован рукой Федоровой.*

[4] язвой | раной *Правка карандашом рукой Фета.*

[5] богов я | бессмертных

[6] родящими | животворными *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[7] как — *вписано карандашом Фетом над строкой.*

Как на глазах со стыдом лежала жизнь человечья,
Пригнетена до земли под *предрассудком* тяжелым,
Что с небесных пространств выставлялся своей головою,
Возвышаясь своим над смертными видом ужасным,
Первым грек, человек смертный решился навстречу
Взоры поднять и[8] идти с отпором первым навстречу;
И ни храмы богов, ни молнии, ни громогласный
Рокот небес не сдержал его, а сильней только ярость
Духа возжег, так что он устремился первый расторгнуть
Плотно закрытые[9] все у врат природы засовы.
Так победила души сила живая и вышла
Далеко проступая[10] из стен пылающих мира;
И умом и душой исходил он всю необъятность:
И оттоль сообщил[11] победитель, что может возникнуть,
Что не может; и что за причина того, что у всякой
Силы конец и у ней у всякой конечная цель есть.
Вот почему в свой черед предрассудок попран ногами
И победа затем под небеса нас уносит.
Только я в этих вещах опасаюсь, чтоб ты не подумал,
Что, греховную мысль внушая, на путь преступленья
Я навожу, а скорей напротив, тот предрассудок
Грешные всё порождал и[12] полные злобы деянья.
Тривии девственный так алтарь в Авлиде позорно
Запятнали тогда Ифианассии кровью
Избранные вожди данаев, первейшие мужи.
Как повязка на ней, волоса огибая девичьи,
С двух сторон по щекам спускалась равною частью
И как она поняла, что стоит печальный родитель
У алтаря и кругом его люди скрывают железо,
И при виде ее проливают граждане слезы,
В страхе немая она на землю склонила колени
И помочь не могло несчастной в эту минуту,
Что она первой царя прозваньем отца одарила.

---

[8] *Далее зачеркнуто*: отпор

[9] только ярость ~ Плотно закрытые | раздражил лишь / Силою духа, чтобы стремился он первым расторгнуть / Заключенные *Правка карандашом рукой Фета, затем окончательный вариант продублирован рукой Федоровой. На полях против ст. 71 знак вопроса. Под ст. 71 начато*: Плотину

[10] проступая | приступая

[11] оттоль сообщил | оттуда принес *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[12] и — *вписано над строкой.*

Ибо руками мужей подъята она задрожала
И к алтарю снесена; не с тем, чтоб торжественно кончив
Только обряд, провожаемой быть Гименеем ей светлым.[13]
Нет, чтоб позорно ей пасть непорочной, созревшей для брака
Скорбною жертвой родным отцом[14] на алтарь принесенной,
Чтобы флоту дано счастливое было отплытье.
Столько несчастия был в состоянье внушить предрассудок.
Ты и сам-то от нас, во всякое время запуган
Вещих внушающей страх речью, готов отступиться,[15]
Ведь премногое сны тебе в состоянье представить,
Что способно[16] совсем извратить здравомыслие[17] жизни
И все счастье твое смутить нелепой боязнью!
И поделом: ведь когда б увидали конец неизбежный
Люди бедам, то могли б на основанье известном
С предрассудками и угрозами вещих бороться.
Ныне ж нет способа к борьбе никако<го> и средства,
Так как бояться должны по смерти мы вечных мучений,[18]
Ибо поныне еще природа души неизвестна,
Рождена ли она, вложена[19] ли, напротив, рожденным
И погибнет затем вместе с нами, разрушена смертью,
Или нисходит во мрак Орка и в страшную бездну,
Или по воле богов внедряется в новых животных,
Как наш Энний воспел, который впервой с Геликона
Радостного принес венок из листвы долговечной,
Так что[20] прослыл он в чести у людей средь родов италийских.
Все же, кроме того, про места жилищ ахеронских
Вести[21] умел изложить стихами бессмертными Энний,
Вот туда ни тела, ни души наши не внидут,
А подобия лишь бледные, странные видом.

---

[13] Гименеем ей светлым | Гименеем

[14] родным отцом | рукой родного отца

[15] запуган / Вещих ~ готов | словами / Вещих, внушающими страха, готов *Далее начато и зачеркнуто*: Ты и сам-то от

[16] Ведь премногое ~ представить, / Что способно | Ведь же и сам я тебе много снов сочинить в состоянье, / Кои могли бы *Правка карандашом рукой Фета. В ст. 105 начато и зачеркнуто*: Что в с

[17] здравомыслие — *зачеркнуто и затем восстановлено.*

[18] Ныне ж нет ~ мучений | Ныне причины к борьбе никакой нет, также и средства, / Так как боимся мы по смерти вечных мучений *Правка карандашом рукой Фета. В ст. 110 слово* «никакой» *осталось неисправленным.*

[19] вложена | вперена

[20] Так что | Чтобы *Правка карандашом рукой Фета.*

[21] Вести | Энний

Он вспоминал,[22] как оттоль цветущего вечно Гомера
Тень появилась, начав проливать горючие[23] слезы
И природу вещей излагать своими речами.
Вот поэтому след хорошо о высших предметах
Нам обдумать и ход луны и солнца изведать,
Смысл в них какой и какой на земле руководится силой
Всё, тут прежде должны рассмотреть умом мы пытливым,
В чем природа души и откуда душа появилась
И какая нам вещь наяву пугает рассудок
И болезнью затем удрученным и в сон погруженным,
Так что кажется нам, что видим и подлинно слышим
Тех, коих кости земля обнимает сокрытые смертью.
Не ошибаюсь я в том, как трудно́ открытия греков
Темные освещать латинскими будет стихами,
Особливо когда много новых[24] слов станет нужно
Ради бедности языка и новинки предметов.
Но мне доблесть твоя и ожиданье восторга
Дружбы отрадной велят какую угодно работу
Переносить и без сна просиживать светлые ночи,
Чтобы слова подыскать и стихи, какими бы мог я
Ясный свет проливать в твою пытливую душу,
Чтоб ты воочию мог сокровенные видеть предметы.
Вот и нужно, чтобы этот страх душевный и сумрак
Не[25] денницы лучи, не дня лучезарные стрелы
Рассеивали, а вид природы и смысл ее тайный;
Пусть исходом для нас положенье такое послужит:
Из ничего от богов ни единая вещь не родится.[26]
Ибо такая боязнь всех смертных объемлет при виде,[27]
Как на земле и на небе много творится такого,
В чем причин никаких умом увидать невозможно
И что делом затем божественной воли считают.
Вот потому, усмотрев, что ничто не может создаться
Из ничего, мы верней провидим, к чему мы стремимся

[22] Он вспоминал | Вспомнил он *Правка карандашом рукой Фета.*

[23] горючие | соленые *Правка карандашом рукой Фета.*

[24] новых — *вписано над строкой.*

[25] Не | Ни

[26] Пусть исходом ~ не родится. | Пусть основанием тут такое послужит заглавье: / Из ничего ни одна и от бога-то вещь не родится. *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

[27] при виде | что видят *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

И откуда какой-либо вещи можно создаться,
И откуда и как без богов могут вещи возникнуть;
Ибо коль из ничего бы им быть, то из всяких предметов
Всякий рождался бы род и ничто б в семенах не нуждалось.
Люди б[28] из моря сперва,[29] из земли чешуею покрытых
Род возникнуть бы мог[30] и птицы с неба прорваться,
А стада и другой скот и породы животных
Без порядка[31] родясь, пахоту занимали и пустошь.[32]
И не те же б[33] плоды пребывали на тех же деревьях,
А менялись и все б могли на всяких родиться.
Так, когда б не у всех тела родящие были,
Как несомненная мать могла бы вещам быть присуща.[34]
Ныне ж, когда из семян постоянных всё происходит,
Вещь и родится отколь и высится в области света,
Где вещества и тела первичные в каждой таятся.[35]
И потому из всего всему невозможно родиться,
Раз[36] что в известных[37] вещах способность отдельная скрыта.
Дале, зачем мы весной видим розу, в жару хлебный колос
И виноград у себя в именье в осеннюю пору,[38]
Не потому ль, что, когда семена вещей в свое время
Вместе слились, станет всё проявляться, что б ни рождалось.[39]
Как время года пришло и земля, оживляя надежно,
Нежные вещи[40] несет выпускать в области света.
Если бы из ничего они исходили, то вдруг бы
Появлялись в любой промежуток, в другие дни года;
Так как не было бы коренных основ, у которых[41]

[28] б — *вписано над строкой.*

[29] сперва | могли

[30] бы мог | сперва

[31] Без порядка | Смутно

[32] и пустошь | и дикую землю

[33] б — *вписано над строкой.*

[34] Как несомненная ~ присуща | Что же ручаться могло за рождение верное вещи

[35] Где вещества ~ таятся | а) Где и материя есть и тела есть первые б) Где вещества и тела первичные каждой готовы в) Где вещества и тела первичные в всякой таятся

[36] Раз — *вписано над строкой.*

[37] известных | отдельных

[38] И виноград у себя в именье в осеннюю пору | а) И виноград у себя, как осень зовет к наслажденью, б) И виноград по садам, как осень зовет к наслажденью,

[39] что б ни рождалось | что б ни творили

[40] *Далее начато и зачеркнуто*: нач<нет>

[41] коренных основ, у которых | коренной основы, у коей

Акту рожденья могло б помешать[42] неудобное время.
Дальше для роста вещей не нужно б и времени было
Для слиянья семян,[43] если б вырость им было возможно
Из ничего, ибо вдруг из ребят появились бы[44] мужи
И[45] изойдя из земли — леса поднялись бы внезапно.
Явно, что этого нет ничего, когда понемногу
Всё растет, как и след, из известного семени только,
Вырастать, и свой род сохраняют вещи; и знаешь,
Что из собственного вещества всё растет, им питаясь.[46]
Вслед прибавлю,[47] что без обычных дождей ежегодных
Не в состоянье земля выпускать веселых зачатков,
Да и без пищи затем природа животных не может
Ни породы у них продолжать, ни жизнь обеспечить;
Что у многих вещей скорей видеть множество общих
Тел возможно, как мы в словах замечаем их буквы,
Чем признать, чтобы вещь могла без основы явиться.
Дале, зачем таковых людей соделать природа
Не могла, чтобы вброд ногами могли через море
Переходить и делить руками громадные горы
И живя побеждать живучестью многие веки,
Коль не затем, что дано вещам для рожденья предметом
Верное, и уж по нем очевидно, что может возникнуть?
Из ничего, стало быть,[48] ничему быть нельзя, это явно,[49]
Ежели нужно вещам семя, из коего вышла
Каждая, чтоб им в эфир воздушный и нежный подняться,
Как наконец видим мы, что места распашные превыше
Непочатых и плоды из-под рук являются лучше,
То очевидно, в земле вещей первобытная сила,
Те, что мы, бразды плодородные[50] плугом вращая
И земли побеждая кору, на всход вызываем.
Если бы не было их, всё видели мы бы гораздо[51]

---

[42] помешать | повредить

[43] Для слиянья семян | По слиянью семян

[44] появились бы | бы явились

[45] И | Ибо

[46] и знаешь, / Что ~ им питаясь | чтоб знали, / Что из своей же растет материи, ею питаясь

[47] Вслед прибавлю | Вслед прибавлю и то

[48] *Далее начато и зачеркнуто*: бы

[49] это явно | признаемся

[50] плодородные | благородные

[51] все видели мы бы гораздо | то мы б увидали, что вышло

Лучше растущим[52] само без всяких наших усилий.
Надо прибавить, что всё природа опять разлагает
На основные тела, а вещей в ничто не уносит,
Ибо когда б[53] что-либо во всех частях было смертно,
То мгновенно бы вещь, исчезнув из глаз, пропадала,
Ибо не нужно бы сил было, чтобы разделенье[54]
Произвести в частях и их разрешить сочетанье.
Так как всё что ни есть[55] коренится на семени вечном,
Ежели сила извне не разрушит вещи ударом
Или вовнутрь не войдет и ее не расторгнет в безбрежность,
Истребленья ни в чем не дает заметить природа.
Кроме того, если б век, что со старостию он уносит,
До конца убивал, вещество совсем[56] истребляя,
То откуда на свет отдельно выводит Венера
Животных[57] и чем земля-художница кормит
Порожденных, растит и пищу дает по породам?[58]
Морю откуда ключи обильные, как и потокам
Дальным, поддержку дают? Эфир чем[59] звезды питает?
Ибо все уже то, что с телом смертным бывает,
Должен бы день поглотить и вспять бесконечная вечность.[60]
Если ж в безбрежности той[61] и веках минувших хранилось
То из[62] чего состоит обновленных вещей содержанье,
То без сомненья его снабдила бессмертьем природа,
И не может затем что-либо в ничто обратиться.
Вещи бы все наконец причина и сила всё та же

[52] растущим | гораздо

[53] б — *вписано над строкой.*

[54] *Далее зачеркнуто*: Чтобы

[55] всё что ни есть | всякая вещь

[56] вещество совсем | материю всю

[57] Животных | Род животных

[58] *Ст. 227—229 вписаны вместо зачеркнутых*:

То откуда бы род животных на свет возрождала
а) Порознь Венера или Дедала-земля возрожденных
б) Порознь Венера иль чем Дедала-земля возрожденных
Стала б питать и растить, отдельно давая им пищу?

[59] Эфир чем | Чем воздух

[60] *Ст. 232—233 вписаны вместо зачеркнутых*:

Ибо всему бы должно, что только смертное тело
Съеденным временем быть и миновавшими днями,

[61] Если ж в безбрежности той | Если ж в течении том

[62] То из | Из

Зря истребила, когда б вещество их навек не скрепляло[63]
Связью между собой сплоченное[64] меньше иль больше:
Прикосновенье было б причиной достаточной смерти,
Ибо, если бы тел вековечных не было, сила
Всякая бы должна разрушить их сочетанье.
Ныне же, так как связь основных начал меж собою
Многоразлична, меж тем вещество постоянно и вечно.[65]
С телом безвредным вполне[66] покоются вещи, покуда
Мощной достаточно нет силы[67] над тканию каждой.
Так ни единая вещь не может в ничто обратиться,
А распадаяся, все возвращаются к первым основам.
Гибнут дожди наконец, когда эфир их родитель
Матери общей земли на лоно их низвергает;[68]
Но блестящий встает посев, зеленеют деревьев
Ветви, растут и уже[69] плодом отягчаются сами.
Этим род наш затем питается, как и звериный,
С этого мы в городах цветущих[70] юношей видим
И в густолистых лесах мы слышим птиц отовсюду;
С этого тучный скот, утомясь, по веселым долинам
Повергает тела и с блеском молочная влага
Льется из полных сосцов, вот с этого членами слабый
Новый игривый приплод по нежной траве веселится,
Как его чувства еще молоком опьяняются цельным.
Так-то не гибнет вконец ничто из того, что мы видим;
Если во что-либо что превращает природа, то вещи
Прежде родиться не даст, чем смерть ей другой не поможет.
Слушай же, как я учил, что вещь никакая не может
Из ничего изойти и, родившись, в ничто обратиться.
Чтобы случайно в словах моих ты не мог усомниться,
Потому что глазам основы предметов не видны,
Выслушай, кроме того, какие тела неизбежно
Должно в вещах нам признать, хотя невозможно их видеть.

---

63 Зря истребила ~ скрепляло | Истребила зараз, не скрепляй их материя а) только б) вечно

64 сплоченное | принудительной

65 вещество постоянно и вечно | пребывает материя вечно

66 С телом безвредным вполне | Невредимы в телах

67 Мощной достаточно нет силы | Силы достаточно нет могучей

68 на лоно их низвергает | их низвергает на лоно *Инверсия обозначена в тексте цифрами 1 и 2.*

69 уже | затем

70 цветущих | расцветающих

Первое: сила ветров возбужденная море бичует,
Топит громады судов и облака разгоняет,
В то же время несясь проворным вихрем по нивам,
Валит большие древа,[71] терзая нагорные выси
Лесокрушащим своим дыханием: так-то ярится,
С шумом жестоким стремясь, с угрожающим ропотом ветер.
Стало быть, ветры тела незримые, это бесспорно,
Что и моря и страны, наконец, и тучи на небе
Заметают и вдруг препоны все вихрем уносят,
И не иначе они текут, разнося разрушенье,
Чем и тихой воды внезапная[72] сила несется
У реки прибылой, которую ливень обильный
Пучит с горных высот широким падением влаги,
Сбросив обломки лесов[73] и целых кустарников кучи,
Так что не могут[74] мосты надежные силой внезапной
Набежавшей воды выносить, так, ливнем смущенный,
На плотину бежит реки[75] всемощною силой,
С шумом великим всё рвет и под волнами вращает
Камни большие и всё, что потоку противится, рушит.
Так же точно должны стремиться[76] дыхания ветра,
Что, подобно реке[77] могучей, в любую налегши[78]
Сторону, перед собой гонят вещи и сильным ударом
Их разрушают, порой челом извиваясь хватают
Их и вихрем крутясь с быстротой за собою уносят.
Вот почему еще раз тела незримые — ветры:
Так как на деле они и в приемах подобны великим
Рекам, которые нам несомненными видны телами.[79]
Далее запахи мы вещей различные чуем,
Но никогда, как они подходят к носу, не видим,[80]
Зноя[81] не видим мы тоже и не можем глазами
Стужи заметить, равно и звуков увидеть не можем;[82]

[71] *Далее зачеркнуто*: и
[72] внезапная | проворно
[73] лесов | кустов
[74] могут | в силах
[75] реки | проток
[76] стремиться | уноситься
[77] *В рукописи*: реки
[78] налегши | ложатся
[79] нам несомненными видны телами | суть уже тем очевидно
[80] Но никогда ~ не видим | Но приближения их никакого к носу не видим
[81] Зноя | Зною
[82] *Далее начато и зачеркнуто*: У которых у всех

Хоть[83] у них и у всех природу телесную должно
Нам признать потому, что дано им затрагивать чувства:[84]
Трогать и тронутым быть ничто кроме тела не может.
Так-то на берегу у прибоя развешано платье
Влагу питает в себя, а на солнце раскинуто сохнет.
Между тем не видать, как в него вбиралася влага,
Ни обратно каким порядком исчезла от зною.
Стало быть, влага сама дробится на мелкие части,
Кои глаза никаким не могут способом видеть.
Даже за множество лет опять приходящего солнца
И на пальце кольцо становится тоньше при носке,
Капель паденье долбит камень, у плуга железный[85]
И загнутый сошник убывает невидимо в поле;
Видим ногами толпы мостовую из камня средь улиц
Стертую; так, близ дверей, изваянья медные кажут
Правые руки свои, которые всё убывают
От прикоснувшихся к ним богомольцев и мимо идущих.
Что уменьшались они, когда истерты, мы видим,
Но каких убыло частей и во время какое,
Это ревниво от глаз у нас сокрыла природа.
Наконец, что вещам понемногу природа и время
Даровали, чтобы они росли помаленьку,
Никакой остроте невозможно зренья увидеть.
Далее ни того, что стареет от лет и ущерба,
Ни что к морю склонясь утесы съеда<е>мы солью[86]
Тихо с течением лет теряют, ты видеть не можешь.
Так-то природа ведет телами незримыми дело.
А между прочим[87] не всё объято сгущенной природой
Тел: потому что в вещах пустота обретается тоже.
Что для многих вещей познать ее будет полезно,
И не дозволит блуждать, сомневаясь, и спрашивать вечно
Об основе вещей и моим реченьям[88] не верить
(Неосязаемая пустота и порожнее место).
И не будь лишь ее, никаким бы образом вещи
Двигаться не могли, ибо свойство, присущее телу,
Сопротивляясь мешать, во всех бы во всякое время

[83] *Далее зачеркнуто*: и
[84] что дано им затрагивать чувства | что на чувства влиять они могут
[85] у плуга железный | железо у плуга
[86] Ни что ~ солью | Ни а) ут<есов> б) у тех, что стоят склоняясь
[87] прочим | тем
[88] реченьям | изреченьям

Было и так, ничто не могло бы вперед подвигаться,
Так как вещь ни одна не хранила б основы движенья.
Ныне же по морям, по землям и по выси небесной
Многое в разных родах и в различные стороны видим
Движущимся на глазах, не будь *пустоты* же, все это
Было бы лишено совершенно не только движенья,
Но и быть рождену никак вообще не могло бы,
Так как со всех бы сторон вещество, коснея, теснило.[89]
Кроме того, хотя считаются твердыми вещи,[90]
Тут же из этого мы должны усмотреть,[91] что тела их неплотны.
Проникает скалы и пещеры текучая влага
Вод, и там во всех обильными плачет слезами.
Распространяется пища по целому телу животных;
Вырастают древа и плоды в свою пору роняют,
Так как питанье у них, с нижайших корней начиная,
По стволам и затем по всем разливается веткам.
Звуки сквозь стены плывут и в дома запертые
Пролетают; мороз, цепеня, до костей проникает.
Так-то не будь пустоты, в которую можно бы всяким
Было телам проникать, ни за что б не видать нам такого.
Наконец, почему мы видим, что вещи друг друга
Весом значительней, хоть нисколько не больше объемом?
Ибо когда б в шерстяном клубке было столько же тела,
Сколько в свинце, то у них и вес бы был одинаков;
Так как свойство у тел нагнетать исключительно книзу,
А по природе своей пустота, напротив, без весу,
Так что равновелико, но окажется легче,
Заявляет в себе пустоты без сомнения больше.
Боле тяжелое же указует, что более тела
Заключается в нем и меньше гораздо пустого.
Так без сомнения то, чего размышленьем мы тонким
Ищем, та примесь вещей, что мы пустотой называем,
Чтобы тебя не могли отклонить в этом деле от правды
Измышленье иных, наперед их оспорить желаю.
Влага, они говорят, напору рыб уступает,
Жидкий вскрывая им путь, потому что, как сдвинутся рыбы[92]

[89] вещество, коснея, теснило | материя тесно коснела

[90] считаются твердыми вещи | мы и твердыми вещи считаем

[91] Тут же из этого мы должны усмотреть | Должны из этого мы усмотреть *Правка карандашом рукой Фета.*

[92] рыбы | с места

С места, туда[93] бы могли притечь уступившие воды,
Так могут между собой и другие-де двигаться вещи
И места изменять, хоть всё полно несомненно.
Это из ложного всё рассуждения ими добыто,
Ибо куда б наконец могли продвинуться рыбы,[94]
Если бы жидкости им не давали места, куда ж бы
Снова сходиться воде, когда бы не двигались рыбы?
Вот потому иль у тел оспаривать должно движенье,
Или должно признать, что к вещам пустота примешалась,
В коей каждая вещь почерпает начало движенья.
Если два тела затем плоских, столкнувшися, быстро
Вновь расскочутся,[95] ведь при том неизбежно, чтоб воздух
Занял всю пустоту, что промеж[96] тел проявилась:
Он же хотя бы кругом стремительным ветром сливался,
Тем не меньше б не мог всего наполнить пространства
Разом: затем что сперва занять он ближайшее место
Должен, а уже потом и всем остальным завладеет.
Если затем кто-нибудь, когда тела расскочились,
Вообразит, что тому причиной стеснившийся воздух,
Тот[97] ошибается: ведь пустота тут является прежде
Небывалая и наполняется,[98] что было пусто,
Что ни воздух таким стесняться родом не может,
Ни хоть мог бы, то, я считаю, не мог бы[99] без пустоты
Сам втянуться в себя и части сдвигать воедино.
    Вот потому-то, хотя б в возражениях долго ты медлил,
Всё в вещах пустоту признать между тем неизбежно.
Много кроме того могу я тебе, вспоминая,
Доказательств собрать, моим словам в подтвержденье.
Но прозорливой душе намеков довольно и этих
Малых, при коих познать ты прочее мог бы надежно;
Ибо подобно тому, как собаки чутьем открывают

---

[93] туда | куда

[94] *Далее зачеркнуто*: Вот потому иль у тел оспаривать должно движенье,
Или должно признать, что к вещам

[95] Вновь расскочутся | Врозь отпрянут, то

[96] промеж | между

[97] Тот — *вписано над строкой карандашом рукой Фета.*

[98] наполняется | наполняет

[99] Ни хоть ~ без пустоты | а) Ни если б мог, то не мог без пустоты, полагаю б) Ни хоть бы мог, то б не мог без пустоты, полагаю *Правка карандашом рукой Фета.*

И нагорных зверей логовища под лиственной сенью,[100]
Если однажды следы отыскали стези несомненной,[101]
Верно, так можешь и ты одно из другого увидеть
Сам в подобных делах и во все проникать захолустья
Темные и оттоль извлекать всю правду наружу.
Если ж заленишься ты и тихо отстанешь от дела,
То обещать я тебе могу положительно, Меммий,
Всё, что начерпал досель из ключей широких потоков
Мой язык, то красно тебе выльет из груди обильной,
Так что боюсь, чтоб ко мне не проникла косная старость
Ранее в члены[102] и уз моей не расторгнула жизни,
Чем в стихах о какой единой вещи обилье
Всех доказательств могло твоих[103] ушей прикоснуться.
Но чтобы снова теперь мне словами начатое кончить,
Вся природа, как есть, состоит поэтому только
В двух вещах: ибо лишь тела у нее с пустотою,
В коей они вмещены[104] и в коей возможно движенье.
На присутствие тел простой уже смысл указует;
Ежели не на нем основать достоверность во-первых,
То не будет на чем утверждать о сокрытых предметах
Родом каким либо то умом, чего мы желаем.
Если бы места затем и пространства, что мы называем
Пустотою, совсем не[105] бывало, то помещаться
Было бы негде телам вообще и двигаться порознь;
То, на что уже я успел указать тебе выше.
Нет к тому ж ничего, о чем бы сказать было можно,
Что от тела оно и пустоты отделилось
Так, чтобы третьей могла природой казаться открытой.
Ибо чем ни было́ б то, а быть ему чем-нибудь нужно;
Ежели можно к чему хотя бы слегка прикоснуться,
Будь при этом оно по объему велико иль мало,
То увеличит число оно тем и к ним сопричтется,

---

[100] под лиственной сенью | что скрыты листвою *Правка карандашом рукой Фета.*

[101] стези несомненной | верной тропинки

[102] чтоб ко мне не проникла косная старость / Ранее в члены | чтоб в мои не проникла разные члены / Дряхлая старость *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

[103] *Далее зачеркнуто*: лишь

[104] вмещены | вмещена *Правка карандашом рукой Фета.*

[105] *Далее зачеркнуто*: было

Неощутительно ж будь и в часть никакую проникнуть
Сквозь себя никакой не возбраняй оно вещи,
То, без сомнения, тем, что зовем пустотой, оно будет.
Кроме того, что в себе самом состоит, то иль нечто
Делает, или должно подчиняться чужому влиянью,
Или будет, чтоб в нем могли быть и действовать вещи;
Действовать же и страдать без тела вещи не могут,
Так же и место давать пустота лишь порожняя может.
Стало быть, окромя пустоты и тел невозможно
Третьему ничему в природе вещей сохраниться,
Чтобы нашим могло подпасть хоть когда-либо чувствам
Или достигнуто[106] быть заключеньями нашего духа.
    Ибо что[107] можно назвать, то или с двумя ты вещами
Этими встретишь в связи или́ как действие их же.
В соединении то, что без губительной розни
Ни расторгнуто быть, ни отделяться не может,
Как от камени вес, жар от пламени, жидкость от влаги
(Ощутимость от тел, от пустого неощутимость).
Рабство, напротив, или бедность или богатство,
Как свобода, война, согласье и прочее, с коих
Появлением иль уходом природа всё та же,
Их событьями мы называть,[108] как должно, привыкли.
Времени тож <п>о себе нет, а из самых предметов
Мысль истекает о том, что совершилось в минувшем.
Тут,[109] на чем мы стоим и что воспоследует дальше,[110]
Не признался никто, чтоб в[111] себе он почувствовал время
От движенья вещей отрешенным и мира покоя.
О похищении так когда говорят Тиндариды
И покоренье троян, то надо смотреть, чтобы часом
Нам не старались внушить, что это в себе существует,
Хоть поколенье людей, с которыми это случилось,
Невозвратно уже умчало минувшее время.
Ибо можно сказать, что одно обстоятельство века,
А другое страны, всё, что ни исполнено б было.
Если б затем у вещей содержания не было вовсе,

[106] достигнуто | достигнуты
[107] *Далее начато и зачеркнуто*: но
[108] мы называть | называть мы *Правка карандашом рукой Фета.*
[109] Тут | Дальше
[110] *Далее зачеркнуто*: Времени также в себе
[111] в — *вписано карандашом рукой Фета над строкой.*

Ни пространства к тому ж, ни места, где б двигались вещи,
Никогда бы огонь любовью к красе Тиндариды[112]
Воспламененный, в груди Александра Фригийца затеплясь,
Славных бы не возжег сражений войны кровожадной
И породившая греков тайком деревянная лошадь[113]
У троянцев в ночи не запалила Пергама;
Можешь притом усмотреть, что все без изъятья[114] поступки
Ни состоять по себе как тела, ни держаться не могут,
Ни размышленьем таким, каким пустота, выводиться,
Но событьями ты гораздо вернее бы мог их
Тела и места назвать, средь коих вещи ведутся,
Дальше, тела по себе отчасти вещей основанья,
А отчасти союз первейших таких оснований.
Первых, однако, в вещах оснований не в состоянье[115]
Сила ничья погасить, они плотностью тел побежда<ю>т.[116]
Так,[117] по видимому поверить трудно, чтоб тело
Было твердое отыскать возможно в предметах.
Молния ведь небеса проникает, в домовые стены
Входят и звуки, и крик, в огне калится железо,
От жестоких паров раскалясь, разлетаются скалы,
Золото твердое вдруг, распускаясь от жару, мягчится,
Медь холодная вдруг расплавляется, жару покорна,[118]
В серебро проникает и жар и[119] пронзительный холод.
Как руками держа бокал, мы и то и другое
Чувствуем, если роса в него сверху падает влаги.
Вот в какой мере ничто в вещах нам не кажется плотным,
Но как здравый смысл и природа вещей принуждают,
То внемли, как тебе в немногих словах объясню я,
Что есть вещи навек содержащие плотное тело,
Что семенами вещей называем мы и основой,
Из какой ныне вся вещей сотворенная общность.[120]

---

[112] огонь любовью к красе Тиндариды | огонь любви к красоте Тиндариды

[113] И породившая ~ лошадь | И породивши тайком деревянная лошадь бы греков *Правка карандашом рукой Фета.*

[114] *Под незачеркнутым* без изъятья *вписан вариант*: совершенно

[115] *Далее начато и зачеркнуто*: А непл<отностью>

[116] они плотностью тел побежда<ю>т | а неплотностью тел побеждает

[117] Так | Хоть

[118] Медь ~ покорна | Расплавляется вдруг холод меди, огнем покоренный, *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

[119] В серебро проникает и жар и | Жар бежит в серебро, как и

[120] общность | сил<а>

Как, во-первых, у двух вещей двойная природа,
Далеко меж собой несходная, нами открыта,
Тела и места, в каком любые[121] действуют вещи,
Необходимо в себе быть каждой в отдельности чистой.
Ибо где праздный простор, что мы пустотой называем,
Тела там нет, как затем там, где содержится тело,
Праздная там пустота никак не может держаться.
Стало быть, без пустоты и плотны тела основные.
Коль в порожденных вещах затем пустота пребывает
Плотно и веществу кругом неизбежно держаться.[122]
И нельзя доказать никаким рассуждением здравым,
Чтобы тело могло пустоту хранить в середине,
Если притом не принять, что и плотное в нем пребывает.
Так не может затем ничто быть кроме союза
Тел основных, чтоб ему пустоту было сдерживать можно.
Так то одно вещество,[123] что основою твердого тела
Может быть вечно,[124] когда разлагается все остальное.
Дале, когда б ничего[125] без пустоты не бывало,
Твердым было бы всё,[126] напротив, когда б кроме явных
Не было тел ничего, занимающих всякое место,
Всё, что есть, из одной пустоты состояло бы праздной.
Вот[127] от пустого вполне отделяется тело бесспорно,
Ибо ни полное ведь[128] особо являться не может,
Ни пустое затем, то[129] есть же тела несомненно,
Чтобы от полного им отделить пространство пустое.
Эти ни внешними быть разбиты толчками не могут,
Ни разрушены быть проникновеньем сторонним,
Ни поддаться иным каким-либо родом ущербу;
То, на что уже я указал тебе выше немного.
Ибо без пустоты ничто быть разбито не может,
Ни разломано, ни расколано на половины,

[121] любые | могли бы

[122] Плотно ~ держаться | То неизбежно кругом материи твердой держаться *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

[123] одно вещество | материя лишь *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[124] вечно | вечной *Правка карандашом рукой Фета.*

[125] Дале, когда б ничего | Далее, коль ничего б

[126] *Далее зачеркнуто*: но

[127] Вот | Так то *Правка карандашом рукой Фета.*

[128] ведь — *вписано карандашом рукой Фета.*

[129] то | так *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

Также ни влаги в себя принять,[130] ни пронзительной стужи,
Ни живого огня, который всё поглощает;
И чем больше внутри пустотою наполнены вещи,
Тем сильнее в себе опасаться им гибели должно.
Так, если без пустоты тела основные и плотны,
Как я учил, то они необходимо и вечны.
Кроме того, когда б вещество пребывало не вечно,
То давно бы опять в ничто возвратилися вещи
И из ничтожества вновь воскресло бы всё, что мы видим.
Но как я выше учил, ничто не может создаться
Из ничего, ни опять, что явилось, в ничто обратиться,
То и бессмертными быть телам основным подобает,
Дабы каждое в час последний могло разложиться,
Чтоб для рожденья вещей опять вещество припасалось.
Плотны, стало быть, в простоте пребывают основы,
Ибо иначе они не могли бы, в веках сохраняясь,
Восстановлять уже с бесконечной давности[131] вещи,
Если б границ никаких не полагала природа
Разрушенью вещей, то и тела вещества бы
Истощены до того в веках сокрушительных были,[132]
Что из всего, что у них зачато в известное время,
Не могло бы ничто конечного века достигнуть.
Ибо мы видим, что всё скорей разрушено может,
Чем воссоздано быть; поэтому что в продолженье
Бесконечных веков и раньше времен миновавших
Было сокрушено досель и развеяно вихрем,
Никогда б не могло воссоздаться в дальнейшее время.
Но несомненно теперь поставлен предел разрушенью
Строго, затем что вещей мы всех возрождение видим
И по разрядам вещей поставлено твердо им время,
В каковое б могли бытия они цвета достигнуть.
И вдобавок еще хоть тела вещества основного
Плотны весьма, но они всё мягким могут соделать,
Воздух, воду, пары и землю, когда создают их,
Как ни являлось бы то и чьей бы ни слушалось силы,[133]

---

[130] ни влаги в себя принять | ни влаги принять в себя *Инверсия обозначена в тексте цифрами 1 и 2 карандашом рукой Фета, которые затем обведены рукой Федоровой.*

[131] давности | давностью *Правка карандашом рукой Фета.*

[132] в веках сокрушительных были | во время минувшее были

[133] Как ~ силы | Родом подобным творят и силе подобной покорны *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

Потому что в вещах пустота примешалась однажды.
А напротив, когда б вещей были мягки основы,
Невозможно б понять, откуда в кремнях и в железе
Твердость возникнуть могла, потому что тогда бы природа
Твердых основ лишена была при самом начале.
Вот потому-то они в простоте могущества тверды,
И чем тесней сплочены, тем более сдерживать могут
Всё и выказывать тем свои могучие силы.
Далее, коль[134] никаких не поставлено было пределов
Разрушению тел, то нужно, чтобы от века
Некие всё же тела среди вещей сохранились,
Словно они никаким опасностям не подвергались;
Если ж они снабжены природой легко сокрушимой,
Невероятно, чтобы могли они долгое время
Продержаться в веках, без числа подвергаясь ударам.
Наконец потому, что предел установлен[135] для роста
И сохраненье в вещах жизни, смотря по их роду,
И указано[136] всё священным союзом природы,
Что какая из них может, чего и не может,
И неизменно ничто, затем что всё постоянно
До того, что в своей породе различные птицы
Все выставляют свои родовые отметки на теле;
Каждое тело затем должно веществом неизменным
Обладать, потому что когда бы вещей основанья
Изменяться могли, побежденные данной причиной,
Невозможно бы знать наверно, что может возникнуть,
Что не может и чем ограничены силы у каждой
И какой ей к тому ж поставлен предел отдаленный.
И не могли б столько раз в веках возвращать поколенья[137]
И природу отцов, и нравы их, и движенья.
Так как крайняя есть у всякого тела, — предельность,[138]
Коей уже рассмотреть никак наши чувства не могут,
То без сомненья она никаких частей не имеет

---

[134] коль | как *Правка карандашом рукой Фета.*

[135] установлен | поставлен *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[136] указано | установлено *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[137] *Далее начато и зачеркнуто*: Нравы отцов и жизнь

[138] у всякого тела — предельность | у всякого тела вершина *Под ст. 599 карандашом помета неизвестной рукой*: «*атомы*!!». *Запятая и тире также проставлены карандашом.*

И природа ее мельчайшая, и не бывала
Никогда по себе она и не будет отдельной,
Так как частью сама другого единой и первой,
С коей новые всё да новые сходные части
Наполняют толпой сгущенною тела природу.
Если ж не могут они по себе держаться, то нужно
Льнуть им к тому, от чего оторвать их никак невозможно.
Значит плотны[139] затем в простоте тела́ основные,
Кои в мельчайших частях связуются сжатые вместе,
Сплочены меж собой не каким посторонним влияньем,
А скорее своей простоты вековечною силой,
Так что от них ни отнять чего, ни умалить природа
Не дозволяет уже, в них семя вещей сохраняя.
Будь к тому же они не мельчайшими, то и тела бы
Наималейшие из бесконечных частей состояли,
Коль половинная часть еще б[140] половину хранила
Части дальнейшей в себе, то не было б вещи предела.
Что ж отличало б тогда величайшую вещь от малейшей?
Нечем бы их отличить, ибо если всё основанье
Бесконечно в большом, то всё ж и малейшим придется
Из бесконечных частиц состоять таким же порядком.
Но как разум сие отвергает, не дозволяя
Этому верить в душе, то след, сдаваясь, сознаться:
Есть такие тела, что частей никаких не имеют
И по природе своей малейшие; коль это верно,
То ты должен признать, что они и плотны и вечны.
Если бы наконец не на мелкие части обычно
Всё разлагала опять создающая вещи природа,
То из них ничего она вновь создавать не могла бы,
Потому что когда[141] накопленья частей нет большого,
Нет и того, что иметь веществу творящему должно,
Связи различных родов, и весу, и встреч, и ударов,
И движений, среди которых являются вещи.
Вот поэтому те, что веществом полагали
Всех предметов огонь, из огня одного состоящих,
Кажется, далеко с правдивых суждений сбивались.
Гераклит среди их впервые выступил в битву,

[139] плотны | просты *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[140] б — *вписано над строкой.*

[141] *Далее зачеркнуто*: нет большого

Славен за темный язык скорее между пустыми
Греками, чем посреди разумных, ищущих правды.
Ибо охотней всего глупцы уважают и любят,
Что в извращенных словах они замечают сокрытым.
Правдой считают они, что может коснуться приятно
Уха, а также и то, что прикрашено звоном отрадным.
Ибо спрошу, как могли столь различные вещи возникнуть,
Если они из огня созидались чистого только?
Пользы ведь не было б[142] в том,[143] плотнел ли огонь бы горячий
Или[144] редел, если бы и части огня обладали
Той же природой, какой кругом весь огонь обладает;
Только сильнее бы пыл в стесненных частях проявился
И слабее затем в разбросанных и разобщенных.
Более этого быть не может ничто, ты поверь мне,
По причине такой, а такое различье предметов
Из разряжённых огней иль стесненных выйти не может.
Так-то когда б пустоту они в вещах допустили,
То сгущенным огонь могли бы[145] представить иль жидким,
Но как увидят они себе возражений так много
И боятся в вещах пустоту допустить безусловно,
То, затруднений страшась, от[146] пути прямого отходят
И не видят опять, что, не будь пустоты у предметов,
Всё сгустилося бы и одним из всего бы явилось
Телом, что от себя ничего оторвать не могло бы,
Как горячий огонь и свет и пары испускает,
Что при сжатых частях, как видишь ты, быть не могло бы.
Если ж считают порой иные, что может, сжимаясь,
Вовсе потухнуть огонь и изменить свое тело,
Явно, коль это во всех частях они только допустят,
То без сомненья в ничто обратится весь пыл первобытный
И творенье[147] должно из ничего проявиться.
Ибо что, изменясь, из своих выходит пределов,
Тотчас тому умереть как то, чем[148] ранее было.

---

142 б — *вписано над строкой.*

143 *Далее зачеркнуто*: по

144 Или | Если

145 бы — *вписано над строкой карандашом рукой Фета.*

146 от | с

147 *Далее зачеркнуто*: всё

148 умереть как то, чем | умереть в том, чем оно *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

Вот потому и должно оставаться нечто в них целым,[149]
Чтобы до самых основ в ничто не вернулися вещи
И обилье вещей из ничего не рождалось.[150]
Если поэтому есть тела известные, кои
Сохраняют всегда природу ту же, которых
Убыль и[151] прибыль, равно измененный порядок меняет
И природу вещей, заставляя тела превращаться:
Так не огненные тела то вещей, очевидно.
Ибо что пользы, когда б разделилося что, убывало
И сливалось с другим да изменяло порядок,
Если бы всё между тем природу пыланья хранило:
Ибо один бы огонь на все лишь лады создавался.
Истина, кажется,[152] та: тела есть некие, коих
Сочетанье и вид, порядок, равно и движенье
Производят огонь и, меняя порядок, меняют
И природу; меж тем несходны с огнем иль помимо
С вещью какой ни на есть, могущей тела нашим чувствам
Высылать и у нас осязание трогать, коснувшись.
Далее, утверждать, что все вещи — огонь и что вещи
Истинной кроме огня не находится в строе предметов,
Как это делает тот, я сумасбродством считаю.
Ибо от чувств исходя, он с чувствами сам же враждует
И ослабляет в нас то, откуда вся вера исходит,
Сам он откуда познал то, что огнем называет.
Ибо уверен он в том, что огонь познаваем для чувства,
И не верит тому ж о другом, что не менее ясно.
Что представляется мне пустым и вместе безумным,
Ибо прибегнуть к чему ж? надежнее чувств что же может
Быть для нас и что мы назовем справедливым и ложным?
Кроме того, почему б[153] кто-либо скорей всё отбросил
И захотел бы одну огня оставить природу,
Чем отвергнуть огонь и оставить меж тем что угодно.
То и другое, кажись, называться до́лжно безумством.
Вот поэтому те, что огонь веществом полагают

[149] Вот потому и должно оставаться нечто в них целым | Вот потому-то должно оставаться в них целым чему-то *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

[150] И обилье ~ не рождалось. | И обилью вещей из ничего не рождаться. *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

[151] и — *вписано карандашом над строкой.*

[152] *Далее зачеркнуто*: в том

[153] б — *вписано над строкой, далее зачеркнуто*: скорей

Всех вещей и что мир состоять из пламени может,[154]
Как и те, что вещей зарожденья началом считают
Воздух, так же как те, что влагу сочли выводящей
Вещи самой из себя или же всё создающей,
Землю, способную всех вещей облекаться природой,
Кажется мне, далеко от правды они заблуждались.
К ним прибавь ты и тех, что начало вещей удвояют,
Воздух смежают с огнем и влагу так же с землею,
Да и считающих, что из четырех происходит
Всё вещей: из огня, земли, дыханья и влаги.
Акрагантинец из них Эмпедокл является первым,
Коего остров родил на земле в берегах треугольных,
Тот, что прибоем большим кругом ходящая влага
Ионийских пучин орошает лазурной волною,
И тесняся в проливе, могучее море тот берег
Милой Италии от границы земли отделяет.
Тут же Харибда без дна и тут же грохотом Этна
Угрожает опять собрать раздраженное пламя,
Чтобы снова огонь изрыгать из пасти разверстой
И к небесам воссылать огненосные молнии снова.
Хоть и по многим вещам удивление рода людского,
Сто́ит на вид, говорят, страна и быть посещенной,
Полная всяким добром под защитою мужеской силы,
Но ничего славней в ней этого мужа, кажися,
И священней, дивней и пресветлей не бывало.
Даже и песни его о том из божественной груди
Возвещают и глаз его преславных открытий,
Что едва его счесть из породы людской нам возможно.
Но и он, да и те, о которых мы выше сказали,[155]
Как о нижайших пред ним по многим частям да и меньших,
Хоть они хорошо и божественно много открывши,
Словно из храма души свои давали ответы
И священнее и гораздо верней, чем вещала
На треножнике Пифия под Аполлоновым лавром,[156]
А на основе вещей они спотыкались однако,
И великие тут с великим свергались паденьем.
Первое то, что они движенье вещей принимают,

---

[154] что мир состоять из пламени может | что всё вообще из огня происходит

[155] *Далее зачеркнуто*: Как а по о нижайших его по мно<гим>

[156] верней, чем вещала ~ лавром | верней изречений, / Чем с треножника Пифия под Аполлоновым лавром

Исключив пустоту и оставя лишь мягкие вещи,
Воздух, солнце, огонь и землю с зверями средь злаков,
Но пустоты между тем они в их тела не влагают;
Далее, что никогда они границы не ставят
Раздроблению тел и их ломкости краю не видят.[157]
И ничего в вещах малейшего прямо не знают,
Хоть мы видим, что то везде вершиною крайней,
Что для наших и чувств является самым малейшим;
Ты отсель заключи, чего разглядеть ты не можешь,
Как выступает оно, вот это малейшее, *прямо*.
И к тому ж, как они полагают мягкими также
Первоосновы вещей, которые, видим, родятся
С телом смертным, то всё должно бы до самой основы
Всей полнотою вещей уже в ничто возвратиться[158]
И, возродясь, расцвести из ничего изобильем;
Оба насколько уже отстали от правды, ты видишь.
Дальше, враждебны они во многом и меж собою
Яд друг другу; затем, они бы, схватившись, погибли
Иль разлетелись бы так, как нанесенные бурей,
Видим мы, разлетаются молнии,[159] ливни и ветры.
Далее, если бы всё из вещей четырех создавалось
И опять же бы в них разрешались все вещи обратно,
То почему же скорей им основой вещей называться,
Чем обратно вещам для них почитаться такой же?
Ибо, взаимно себя[160] родя, они меж собою
Видом меняются и природой с времен безначальных.[161]
Если ж считаешь ты, что огонь способен с землею
Соединяться, равно как воздух с росистою влагой,
Так, чтоб в союзе ни в чем они не меняли природы,
То создать бы тебе из них ничего не пришлося:
Ни животных, ни тел бездушных, какими деревья.
Ибо каждый свою обличал бы природу и в пестрой
Куче, и виден бы был в смешении тут же с землею
Воздух, и также огонь еще бы в воде оставался.
Первоосновам меж тем при рожденье вещей подобает

---

[157] не видят | не знают *Правка карандашом рукой Фета.*

[158] возвратиться | возродить<ся>

[159] Видим мы, разлетаются молнии | Молнии, видим мы, разлетаются *Инверсия обозначена в тексте карандашом цифрами 1 и 2.*

[160] себя | сидя

[161] *Ст. 769 традиционно исключался издателями, поскольку повторял не к месту ст. 762.*

Втайне природу свою сохранять и блюсти невидимо,
Как бы не вырвалось что, врагом становясь и помехой,
Чтоб сотворенное вновь свое сохраняло[162] отдельно.
Ведь же с неба они и его огней начинают
И заставляют сперва огонь превращаться в дыханье
Воздуха, из него дождю родиться, а также
И земле из дождя и всему с земли возвращаться
Снова, сначала воде, тут воздуху, пламени после
И меняться им в том между собой непрестанно,
С неба на землю идти и с земли ко звездному своду.
Этого сделать никак первоначала не могут.
Неизменным ведь всё оставаться чему-либо должно,
Чтобы вещи в ничто не превращались в основе.
Ибо что, изменясь, из своих выходит пределов,
Тотчас тому умереть, как то, чем ранее было.
Вот поэтому тем, о коих мы выше[163] сказали,
Что к измененьям идут, для них состоять неизбежно
Из другого чего, что никак измениться не может,
Чтобы вещи в ничто не превращались в основе.
Отчего же скорей не представить природу известных
Тел таковой, что когда б они огонь сотворили,
То могли бы, отняв лишь малость, иль малость прибавив
И порядок сменя и движенье, составить и воздух.
Так и вещи[164] бы все одни заменяли другими?

Но ведь явно же так, восклицаешь ты, всякие вещи
В воздух стремятся с земли, чтобы расти и питаться,
И коль дождей не пошлет погода в счастливое время,
Чтобы водой дождевой кусты покрыты качались,
Да чтобы солнце с своей стороны тепла ниспослало,
То невозможно расти ни плодам, ни кустам, ни животным.
Точно, если бы нас сухая пища да влага
Не подкрепляла, то вся бы жизнь, покинувши тело,
Разрешилась совсем во всех костях и суставах.
Так прибавляемся мы и питаемся, нет в том сомненья,
От известных вещей, от других же вещи другие.
Без сомненья затем, что ко многим вещам разнородно
Первоосновы вещей примешаны общие всем им

[162] сотворенное вновь свое сохраняло | сотворенная вновь свое сохраняла *Правка карандашом в тексте рукой Фета.*

[163] выше | раньше *Правка карандашом рукой Фета.*

[164] вещи | вещами

И различными все питаются вещи вещами.
Часто важно и то, с чем связан<ы> первоначала,
И какое притом полож<ен>ье они занимают,
И какое они дают и приемлют движенье.
Ведь небеса и моря, земля и реки и солнце
Из того ж состоят, и плоды, и деревья, и живность,
Но в различной смеси с различным они назначеньем.
Ведь же и в самых стихах ты наших видишь премного
Порознь букв, что словам премногим общи бывают,
А между тем надлежит признать, что стихи меж собою,
Как содержаньем своим, так и по звуку различны.
Вот что в буквах за власть при одном измененье порядка.
Первоначала ж вещей гораздо способней представить
То, откуда дано разнородным вещам создаваться.
Анаксагорову здесь разберем *гомеомерию*,[165]
Греки о ней говорят, но назвать на своем языке нам
Возбраняет ее убожество речи родимой,
Хоть по-моему вещь легко изложить нам словами.
Первоначало вещей гомеомерией зовет он,
Именно, кости, по нем, состоят из малых и дробных
Тоже костей, потроха из малых и дробных родятся
Тож потрохов, и кровь возникает из множества капель
Крови, слившихся между собой воедино,
Золото, думает он, состоит из мелких крупинок
Золота и[166] земля из частей накопляется малых,
И огни из огней, и влага также из влаги,
И остальное в уме он родом подобным слагает.
Не допускает меж тем в вещах никакой пустоты он
И никакого конца для раздробимости тела,
Вот почему он, по мне, в обоих сужденьях ошибся,
Точно так же как те, о которых сказали мы выше.
Первоосновы затем он ставит непрочными слишком;
Только ежели то первоосновы, что те же,
Как и вещи в своей природе, и так же страдают
И погибают, ничем не сдержаны от истребленья.
Ибо что же из них уцелело б под мощным давленьем,
Чтобы от смерти уйти, из зубов[167] ее вырываясь?

[165] гомеомерию — *вписано после начатого и зачеркнутого*: гомеогор

[166] Золота и | И

[167] из зубов ее | из зубов у нее (у — *зачеркнуто*; нее — *осталось неисправленным*).

Иль огонь? иль вода? иль воздух? иль кровь? или кости?[168]
Я полагаю, ничто, если всякая вещь в основанье
Так же непрочна, как те, которые, видим мы явно,
Гибнут у нас на глазах, побежденные данною силой.
Но что не может вещь ни в ничто вернуться, ни вырость
Из ничего, сошлюсь на то, что доказано выше.
Кроме того, как еда питает тело и множит,
То нам следует знать, что кровь и жилы и кости
. . . . [169]
Или когда говорят, что из[170] смешанных тел и вся пища
Состоит и в себе тела небольшие содержит
Связок, костей и жил вообще[171] и крови частицы,
То выходит, что вся и пища сухая и влага
Из разнородных вещей состоит[172] в смеси,[173] полагают,
Из костей и из жил, из жижи кровавой и крови.
Кроме того, все тела, что из земли возникают,
Если они в земле, то земле состоять подобает
Из различных вещей, что из земли происходят.
То ж о другом, и слова говорить приходится те же.
Ежели пламя и дым и пепел в дереве скрыты,
Из разнородных вещей состоять и дерево должно.
Кроме того, земля, все тела что питает, выводит
Из разнородных вещей, из разнородных исшедших.
Здесь остается меж тем небольшое прибежище, в коем
Прячется Анаксагор, что скрытыми всякие вещи
Полагает во всех вещах, но выходит наружу
Только одна из них, которой примесь сильнее
И скорей на виду, и стала на месте ближайшем.
Что, однако, вполне отвергается здравым рассудком.
Ведь бы следовало и зернам, когда их тяжелый
Камень мелет, следы оставлять заметные крови
Или другого чего, что нашим питается телом.
Камень о камень ли трем, потечь надлежало бы крови,

[168] *Вопросительные знаки, кроме последнего, проставлены в рукописи позднее вместо запятых.*

[169] *Пропущенный стих под номером 860а в переводе Ф. А. Петровского звучит следующим образом*:

Из чужеродных вещей должны состоять непременно.

[170] из | от

[171] вообще — *вписано над строкой.*

[172] состоит | состоят

[173] в смеси — *вписано над строкой.*

Часто на этот же лад испускать надлежало б и травам
Жидкости[174] капли, вполне подобные сластью и вкусом
Молоку, что в сосцах у руноносной сокрыто.
Ведь же[175] и в глыбе земли растертой можно бы часто
Трав породы, зерно хлебов и древесные листья
Мелко разбросанные в земле затаенными видеть,
Далее золу и дым увидеть бы можно в деревьях,
Ежели их рассекут, и в них сокрытые искры.
Так как опыт гласит, что такого совсем не бывает,
Знать мы должны, что в вещах не так перемешаны вещи,
А что многих вещей семена, примешаны порознь,
Сокровенно должны и общими быть у предметов.[176]
    «Но ведь часто же, — ты говоришь, — на горных вершинах
Самые выси дерев соседних между собою
Трутся, могучий к чему их южный ветр принуждает,
Так что пламя блеснет наконец, поднявшись расцветом».
Подлинно, а между тем огонь не в средине у древа,
А лишь много семян в нем пылу, которые, треньем
Как сольются в одно, пожары в лесах производят;
Если б готовым уже в лесах находилося пламя,
То[177] утаиться огни не могли б и на малое время,
А постоянно бы жгли леса и кустарник палили.
Так не видишь ли ты, о чем говорил я недавно,
Важность великая в том, с чем первоосновы[178] всё те же
Связаны и в каком положенье они сочетались,[179]
И какое дают меж собой и приемлют движенье?
И что те же творят, меж собой обменявшись немного,
Дерево или огонь? и самые так же слова-то
Буквами между собой меняются только немного,
Если[180] раздельно мы произносим *плаха* и *пламя*.

---

[174] Жидкости | С жидкости

[175] же | в

[176] А что многих вещей ~ предметов | А что на много ладов семена вещей разнородных / а) Общими всем должны в вещах этих самых таиться б) Сокровенно должны в вещах этих самых таиться

[177] То | То и

[178] первоосновы *сначала исправлено на*: первоначала, *затем восстановлен первоначальный вариант.*

[179] Связаны и в каком положенье они сочетались, | а) Связаны и в каком он<и>; б) И в каком они положенье соединились в) И в каком они положении соединились

[180] *Далее зачеркнуто*: мы

И наконец если всё, что видишь в вещах ты открыто,
Думаешь, быть не могло б, когда вещества бы телами
Наделить по природе подобными им ты не чаял.
Первоосновы вещей при подобном сужденье ты губишь:
Может быть, что задрожат они, задыхаясь от смеху,
И слезами солеными лик орошат свой и щеки.

Вот теперь ты узнай,[181] что дальше, и[182] выслушай ясно:
Не ошибусь я в душе, насколько тут темное дело,
Но надежда похвал мне острым тирсом пронзила
Сердце и вместе мне в грудь любовь отрадную к музам
Заложила, и ей побуждаемый ныне я в духе
По безвестным местам Пиэрид прохожу, что поныне
Не попирала стопа; отрадно, к источникам свежим
Подойдя, зачерпнуть и цветы рвать новые сладко
И для своей головы венок добывать там преславный,
Где чело[183] никому не венчали ранее музы;
Ибо, во-первых, учу я о важных вещах и стараюсь
Выпутать дух их узлов держащих его предрассудков.
Далее, что о вещах я темных столь ясные песни
Воспеваю, красой при этом всё муз облекая.
Это кажется не без основания тоже:
Но как врачующие, коль вздумают мальчикам горькой
Дать полыни, сперва края вкруг чаши притронут
Желтоватой струей и сладостной жидкого меду,
Чтобы ребяческий век недогадливый впал в заблужденье
По губам и испил тем временем горькой полыни
Сок и обманутый все ж больной не был[184] уловленным,
А скорей, возрожден подобною мерой, здоров стал.
Так-то и я, потому что это учение часто
Скучным кажется тем, кому не внушалось, и в страхе
Отступает пред ним толпа, захотел сладкогласной
Песнею[185] Пиэрид тебе изложить свои мысли
И как медом бы муз их сладким при этом приправить.
Лишь бы мне удалось твой дух таким поученьем
В наших стихах удержать, доколе ты не провидишь
Всей природы вещей, насколько стройна она видом.
Но, как я указал, что самые плотные части

[181] узнай | познай

[182] и — *вписано над строкой.*

[183] Где чело | Где ник<то?>

[184] был | стал

[185] Песнею | Песнею я

Вещества всё спешат вращаться, векам неподвластны,
Дай разобрать мне теперь, у общего есть ли границы,
Или их нет; а равно, что пустотой мы признали,
Место ль, пространство ли то, в котором всё происходит,
Разберем, состоит ли оно конечно[186] в основе,
Или разверсто кругом неизмеримо бездонно.
Стало быть, все что ни есть по всем путей направленьям,
Без конца: ибо край оно бы имело предельный.
Но полагаю, ничто иметь предела не может,
Если вдали нет того, что граничит, за чем[187] уже дальше
Чувство природы, кажись, не в состоянье проникнуть.
Так как кроме всего признать ничего невозможно,
То и краю в нем нет и нет конца и границы,
Тут безразлично, в каких его состоишь ты пределах:
Место какое бы кто ни занимал, но оттуда
Во все стороны он оставляет всю беспредельность.
Кроме того, коль признать конечным всё, что пространство,
Если бы кто-нибудь устремился к дальнейшим пределам
Самого края и там копье бы летучее ринул,
То предпочел ли бы ты, чтоб оно могучею силой
Ринуто шло, как его пустили, и долго летело,
Или бы счел, что ему помешать что, препятствуя, может?
Необходимо тебе принять иль одно, иль другое.
Каждое, что ни прими,[188] отступленье тебе отрезает,
Заставляя признать, что всё безгранично раскрыто.
Ибо хоть будь[189] что-либо, что помехою станет
Брошенному долететь туда, куда посылалось,[190]
Хоть и лети оно вдаль, не с краю оно полетело.
Так-то я, вслед[191] за тобой, куда бы последних[192] пределов
Ты ни поставил, спрошу я, что же сталось с копьем-то.
Будет то, что нигде оказаться концу[193] невозможно
И беспредельность везде расширяет простор для полета.
Кроме того, когда б и пространство целой вселенной

[186] конечно | бесконечно

[187] за чем | за кем

[188] что ни прими | из них *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[189] будь — *вписано над строкой.*

[190] посылалось | посылалась

[191] вслед — *вписано над строкой.*

[192] последних | последний

[193] концу | копью

Находилось со всех сторон заключенным в границах
И обладало концом, то всё[194] вещество уж давно бы
Собственной тяжестию отовсюду ко дну прилилося[195]
И совершаться ничто не могло бы под кровом небесным.
Да и не стало б тогда ни неба, ни ясного солнца;
Так как всё вещество лежало б великою грудой
С бесконечных времен уже спустившися книзу.
Но в настоящем нигде телам первобытным покоя
Не дано, потому что нет основанья и низа,
Где бы слиться они могли и сыскать пребыванье.
Вечно вещи[196] со всех сторон пребывают в движенье
Непрестанном, и век из бесконечности самой
Прибывают тела с быстротою обычной.
        Наконец, на глазах[197] вещь вещи границей мы видим.
Воздух граница холмам, а также и воздуху горы,
Морю земля, а затем всем землям границею море,
Но нет вне ничего, что всему бы служило границей.
Стало быть, есть места у природы с бездонным пространством,
Что ни в светлом своем стремлении молния даже
Не могла б пробежать в теченье веков преходящих,
Ни податься вперед, чтоб идти оставалося меньше.
Вот до чего вещам раскрыта громада пространства
Безо всяких границ отовсюду во всех направленьях.
Чтоб совокупность вещей затем поставить границы
Для себя не могла, природа блюдет, принуждая
Тело быть пустоте, пустоте же границею телу,
Чтобы соделать всё такою взаимностью вечным.
Или обратно, не будь одно другому границей
И природа их стань в своей простоте беспредельно,
То ни земля, ни моря, ни храм лучезарного неба,
Ни человеческий род, ни богов священные члены
Не могли б устоять и краткого времени часу:
Ибо[198] всё вещество, от связи своей оторвавшись,
Вольное бы понеслось по пустоте необъятной,
Или скорей никогда до того не являлось бы связным,
Чтобы создать что-либо, потому что не знало б задержки.[199]

194 всё — *вписано над строкой.*

195 ко дну прилилося | ко дну бы слилося *Правка карандашом рукой Фета.*

196 вещи — *вписано над строкой.*

197 на глазах | на глазах мы

198 *Далее начато и зачеркнуто*: от св<язи>

199 потому что не знало б задержки | [так] ибо знать не могло бы задержки

Ибо никак не своей волей в известном порядке
Первоосновы вещей, разумно реша, разместились
И не сговаривались о своих взаимных движеньях,[200]
А как, на много ладов изменясь и толчками гонимы
Частыми, стали они блуждать в бесконечном пространстве,
Испытавши притом все роды движенья и связи,[201]
Наконец уже тех распорядков самых достигли,
Из каких состоит вещей сотворенная общность,
И в течение лет премногих то сохраняясь,
Что однажды уже вошло в надлежащий порядок,
Произвело, что волной обильной речные потоки[202]
Жадное море спешат восполнить и, теплотою
Солнца согрета, земля обновляет плоды и животных,
Роды цветут и живут огни текущие в небе.
Этого бы ни за что они не творили, когда бы
Вещество не могло прибывать в безграничном запасе,
Восстановляя опять утраты во всякое время.[203]
Ибо как, пищи лишась, природа животных скудеет,[204]
Тело покинувши, так всему неизбежно распасться,[205]
Коли запас доставлять ему вещество перестанет,
По причине какой и от пути уклонившись.
Даже отвсюду толчки снаружи не в силах всеобщность
В той сдержать полноте, в которой она сочеталась.
Хоть они могут сбивать вплотную и сдерживать частью
До наплыва других, чтобы восполнить всеобщность.
Принуждены между тем они и отскакивать, разом
Основаньям вещей расширяя пространство и время,
Чтобы им убежать от сочетанья на волю.
Вот почему хоть прилив в большом количестве нужен,
Всё же, чтобы толчки могли пребывать постоянно,
Необходимо на то вещества бесконечность отвсюду.
В этих, Меммий, вещах избегай хоть малость ты верить,

---

[200] движеньях | решеньях

[201] и связи | и части

[202] *Далее начато и зачеркнуто*: Восполняют моря

[203] Восстановляя опять утраты во всякое время | Восстановляя опять во всякое время утраты

[204] скудеет | растает *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[205] Тело покинувши, так всему неизбежно распасться | Тело покинувши их, так все должно распасться *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

Будто, по мнению их, к середине всё общей стремится,
И потому-то стоит природа мира без всяких
Внешних толчков и ничто не в состоянье распасться
Ни вверху, ни внизу, что всё оперлось на средину;
Можешь ли верить, чтоб что могло на себя опираться
И чтобы тяжести все, под землей устремляяся кверху,[206]
В то же время, назад отклонясь, опирались на землю,
Как и ныне в воде вещей мы образы видим,
Так, утверждают они, в обратном животные виде
Ходят и так же с земли в места нижайшие неба
Не в состоянье упасть, как и по собственной воле
Наши не могут тела возноситься к небесному своду,
Что, как видят они солнце, мы видим светила
Ночи, и с нами они обратно небесное время
Делят, и ночи у них равняются с нашими днями.
Но внушила глупцам это всё пустая ошибка,
Так как ложным путем они увлеклися сначала,
Ибо не может быть там середины, где место пустое,
Без границ; вообще хотя бы была середина,
Всё не могло б потому там что-либо лучше держаться,
Чем в любом пребывать и самом далеком пределе;
Место, пространство ли будь, что мы *зовем пустотою*,
Хоть посредине, хоть нет, должно уступать неизбежно
Тяжестям также, куда б ни принесло их движенье.
Да и места нигде нет, чтоб тем, как достигнут
Оного, вес утеряв, могли в пустоте утвердиться:
Да и сама пустота ничему быть поддержкой не может,
Ибо, согласно своей природе, всему уступает.
И не могут затем в совокупности вещи держаться,
Что стремленью[207] всегда они к середине покорны.
Кроме того, как не все тела, по их мненью, стремятся
К середине, но лишь одни из земли да из влаги,
Те, что, можно сказать, земным одеяны телом,
Влага морская, равно и с гор великие воды,
А напротив, они говорят, что веющий воздух[208]
И горячий огонь от середины уходят,
Вот почему вкруг всего эфира и звезды трепещут,
Да и солнце пасет свой огонь по лазурному небу,

206 *Далее по ошибке записан и зачеркнут ст. 1058.*
207 *Далее зачеркнуто*: все где
208 *Далее начато и зачеркнуто*: Как и г<орячие>

Что собирается там весь жар от средины бегущий;
И не могли б у дерев распускаться верхние ветви,
Если б помалу они из земли потребную пищу[209]
. . . .
. . . .
Чтоб наподобье огней[210] быстрых и здание мира
Не разлетелося вдруг в большой пустоте разрешаясь,
И остальное вослед таким не отправилось родом,
И сокровенный бы храм небес не рухнул с вершины,
И внезапно земля не ушла б из-под ног да и всё бы[211]
Средь переменных вещей[212] и неба развалин
Разрешая тела, в пустоту не ушло без предела,[213]
Чтобы уже ничего не осталось во времени данном,
Кроме пространства пустынь и слепых оснований.[214]
Ибо где раньше тела начнут убывать в данной части,
Там и к смерти врата вещам уже будут открыты.
Груда вся вещества вослед прорвется наружу.
    Лишь бы ты это познать невеликим трудом научился,
Ибо яснеет одно от другого, тогда и слепая
Ночь с пути не собьет тебя, потому что провидишь
Тайны ты естества: так вещь озаряет нам вещи.

КНИГА ВТОРАЯ

Сладко, когда возмутят ветры широкое море,
С твердой земли созерцать большое страданье другого;

---

[209] *Далее попущено восемь стихов, которые в переводе Ф. А. Петровского звучат следующим образом*:

<Не притекало бы в ствол, доходя по ветвям до вершины.
Но заблуждаются все, очевидно, кто так рассуждает,
И доказательства их совершенно противоречивы,
Так как основой для них неверное мнение служит.
Ибо раз я доказал, что нет конца у пространства
И распростерто оно повсюду, во всех направленьях,
То неизбежно признать, что материи также предела
Нет нигде, и она должна притекать отовсюду,>.

[210] *Далее зачеркнуто*: и

[211] бы | то *Далее зачеркнуто*: Разрешая тела в пустоту границ не распалось

[212] Средь переменных вещей | Между смешанных вещей *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[213] в пустоту не ушло без предела | в пустоту без границ уходило

[214] и слепых оснований | и слепоты ос<нований>

Не потому что беду чью-либо нам видеть отрадно,
А что не ведаешь сам того зла, что видеть приятно;
Сладостно тоже в полях великие видеть сраженья
Строев, а самому в опасности быть безучастным;
Но отраднее нет ничего пребывания в светлых
Храмах, основанных так надежно ученьями мудрых,
Ибо[215] оттуда дано других нам видеть бродящих
Врознь, чтобы разыскать дорогу неверную жизни,
Состязаться умом и благородством считаться,
Денно и нощно одной непрестанно предавшись заботе,
Как бы вершин наконец добиться, богатства и власти.
О что за бедность умов, о что за слепость людская!
В жизненном мраке каком и средь каких опасений
Краткий проводится век! и неужели не видят,
Что для себя ничего так не алкает природа,
Как в то время, когда отсутствует в теле страданье,
Быть ей с веселой душой вдали от заботы и страха?
Так, видим мы, вообще для природы телесной немного
Нужно, чтобы от нее удалить страданье и даже
Приуготовлены быть отрады многие могут.
Даже приятней того и сама природа не ищет,
Хоть и в правых руках золотые юношей лики
Не подымают лампад блестящих огнями[216] в чертоги,
Чтобы светом они ночные пиры озаряли,
Хоть не блещет и дом серебром и золотом ярким
И резной потолок и свод не рокочут от цитры,
А между тем средь своих на мягкой траве возлегая
На речном берегу в тени высоких деревьев,
Тем не меньше они телам доставляют отраду,
Особливо когда погода с улыбкой и время
Года цветами кругом испещряет зеленые травы.
Ведь не скорее ничуть не отстанет от тела горячка,
Ежели будешь лежать в узорных ты тканях и в красном
Пурпуре, чем бы пришлось валяться в плебейской одежде.
Так если помощи нет от сокровищ нашему телу,
Ни от знатности тож,[217] как и от царственной славы,
Надо думать, душе от них ни малейшей нет пользы.
Разве увидишь порой свои легионы ты в поле,

[215] Ибо | Вот

[216] лампад блестящих огнями | лампад огнями блестящих *Инверсия проставлена цифрами 1 и 2.*

[217] тож | нет *Правка карандашом рукой Фета.*

Как, отвагой кипя, они подражают сраженью,
Непреклонность копейщиков при великой подмоге,
В равном оружии[218] с двух сторон равно возбужденных,
Если завидишь, как[219] флот кипит и бежит на просторе,[220]
И при виде таком пугливые все предрассудки
Из боязливой души уйдут, и страх перед смертью
Сердце оставит твое свободным от всякой заботы.
Если же в этом во всем смешные игрушки мы видим,
И по правде ни страх людской, ни ревность заботы
Не боятся ни стрел жестоких,[221] ни звона оружья,
А отважно среди царей и властителей мира
Ходят, не смущены нимало сиянием злата
Или яркой красой одежд, окрашенных в пурпур,
Как усомниться, что здесь всемощным лишь разум быть может?
Особливо когда вся жизнь во мраке томится.
Ибо подобно тому, как дети дрожат в непроглядном
Мраке, пугаясь всего, так мы и при свете боимся
Между прочим того, чего бы[222] не больше страшиться
Должно, чем дети чего впотьмах в ожиданье боятся.[223]
Стало быть, нужно, чтоб страх этот душевный и сумрак
Был[224] не солнечными лучами, не блеском стрельчатым
Дня рассеян, а лишь умом и видом природы.
Слушай, движеньем каким тела вещества основные
Разные вещи родят и, что родят, разрушают,
Сила какая к тому принуждает их и какая
Им подвижность дана в пустоте пробегать необъятной,
Я объясню; на слова[225] не забудь обратить ты вниманье.
Ибо никак вещество не связуется внутренно сжато,
Так как видим же мы, что всякая вещь убывает,
И замечаем, что всё как бы в долгий век утекает
И уносит его[226] наконец из глаз наших старость.[227]

---

[218] оружии | оружьи

[219] как | ты

[220] флот кипит и бежит на просторе | флот в его широких движе<ньях>

[221] жестоких | злобных *Правка карандашом рукой Фета.*

[222] бы — *вписано над строкой карандашом рукой Фета.*

[223] Должно ~ боятся | а) Должно б, чем детям впотьмах в ожидан<ье> б) Должно б, чем дети чего впотьмах в ожидан<ье>

[224] *Далее начато и зачеркнуто*: ни су

[225] на слова | и к словам

[226] *Далее зачеркнуто*: из

[227] *Далее начато и зачеркнуто*: А между прочим всё

А всё вместе меж тем остается на вид невредимо,
Потому что тела, от чего-либо отпадая,
Где убегут, уменьшат, а где прибудут, умножат.
Этих стариться, а тех[228] расцвесть принуждают,
Не задержавшись нигде. Так всё обновляется вечно.
Так-то, между собой меняяся, смертные живы,
Множатся роды одни и убывают другие,
И в кратковременный срок сменяется племя живущих,
Факел жизни другим, как скороходы, сдавая.
Ежели думаешь ты, что могут первоосновы
Быть в покое и вновь порождать движенья предметов,
То от истины ты, уклонившись, далёко блуждаешь.
Ибо как в пустоте блуждают первоосновы,
Необходимо, чтобы они или собственным весом
Уносились или чужим толчком; ибо если
Только столкнутся они, то часто случается быстро
Врознь отскакивать им; и не диво, затем что так тверды
Тяжестью плотной они и ничто их с затылка не держит.
И чтобы лучше понять, в каком постоянном движенье
Все тела вещества, припомни только, что в общем
Низу совсем нет и стать телам первобытным нет места.
Ибо пространство для них лежит без конца и границы,
Неизмеримо во всех своих направленьях открыто,
Как указал я на то и уже доказано точно.
Если сомненья в том нет, наверно телам первобытным
Не предстоит никогда в пустоте бездонной покоя,
А скорее они в различном и вечном движенье
Частью столкнувшись летят, на большое пространство отпрянув,
Частию же от толчка теснятся на малом пространстве.
Те же, что, более быв стеснены при своем сочетанье,
Только прядают прочь недалёко, если сойдутся,
Сами сцепясь меж собой сплетеньем своих очертаний,
Эти основу дают могучим скалам и железа
Твердые строют тела и прочее в роде таком же.
Малость же тех, что затем в пустоте блуждают далёко,
Прыгают врозь и притом на большое пространство
Друг от друга бегут: они-то даруют нам воздух,
Так же равно и лучи роскошно блестящего солнца.
Многое, кроме того, в пустоте великой мятется,

[228] Этих стариться, а тех | Тех состариться, а этих *Правка карандашом рукой Фета*.

Что от союза вещей откинуто и не способно
Совоспринятым быть в движении общем предметов.
Этих, как я говорю, вещей подобья и образ
Перед глазами у нас всегда и стоит и толпится.
Наблюдателем став в то время, как солнца сиянье
Просылает свои лучи через сумрак домашний,
Множество крошечных тел во всех направленьях увидишь
Ты в пустоте толкотню в лучах того же сиянья,
И как бы в вечном бою они, давая сраженья,
Между собою толпой дерутся без перерыва,
Сходятся будто войска и разражаются снова.[229]
Можешь отсюда понять, как должны неспрестанно
Первоосновы вещей блуждать в пустоте необъятной.
Подлинно, малая вещь в состоянии выйти великой,
Как бы подобием став и указанием следа.[230]
И потому наблюдать еще ты должен усердней
Те тела, что в лучах так солнца толпятся, ты видишь,
Что в такой толкотне заключается и указанье
На слепую и скрытую вещества в них подвижность,
То увидишь, они гонимы слепыми толчками,
Часто меняют пути и, вспять оттолкнуты, мчатся
То туда, то сюда и во всех направленьях отвсюду.
Так в основе у них у всех такое блужданье.
Первоосновы вещей в движение сами приходят,
А затем и тела, что в меньшем находятся сборе
И как бы больше других под силу первоосновам,
Получают от их слепых ударов движенье
Да немного спустя возбуждают и большие сами,
Так движение от первоосновных восходит
И понемногу до чувств наших доходит, что те-то
Движутся, коих мы в сиянии солнечном видим,
Но побуждающих их толчков разглядеть невозможно.
Что телам вещества сообщена за подвижность,
Ныне, Меммий, узнать в словах немногих ты должен.
Как Аврора опять зальет сиянием землю
И, порхая в глухих лесах, разноцветные птицы
В тонком эфире места оглашают пением звонким,
Как внезапно всходя во время подобное солнце,

[229] разражаются снова | разразятся жестоко

[230] подобием став и указанием следа | подобием и ее следов указаньем *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

Свет разливая кругом, обычно всё облачает,
Это становится всем очевидно и ясно, мы видим.
Но тот пар и тот свет, что истекают из солнца,
Не по праздной идут пустоте, а замедлены ходом,
Словно бы прорывать принужденные воздуха волны:
И частицы паров не в одиночку проходят,
А собравшись идут и меж собою скопившись;
Так-то друг друга они замедляют, помимо задержки
Внешней, и тише идти они принуждаются этим.
Но в своей простоте сгущенные первоосновы,
Как по праздной идут пустоте, не знают препятствий
Внешних, а сами, в своих частях одно составляя,
Как в то место, куда направлялись, рьяно несутся,
Без сомненья должны своей быстротой[231] отличаться
И гораздо скорей, чем солнечный свет, проноситься
И пробегать многократ огромней пространство в то время,
Как по небу лучи пробегут молниеносные солнца.
Но, возражает иной на то, вещества не постигнув
И не вникнув в одни[232] при этом первоосновы,
Как увидит, с каким всё разумом это ведется,
Что без воли богов, говорит, не может природа,
К целям людским до такой степени приспособляясь,
Года сменять времена, выводить плоды полевые
И остальное затем, к чему приглашает нас, смертных.
И приходит сама владычица жизни, отрада
Самых богов, и в веках Венера играть продолжает,
Чтоб человеческий род не погиб, но те, что считают,
Что для него одного бессмертные всё сотворили,
От разумной стези удалились далёко, как видно.
Ибо хотя бы вещей первооснов я не ведал,
Но из устройства уже одних небес я дерзнул бы
Утверждать и затем по многим вещам уверять мог,
Что не богами для нас создана природа вселенной,
Ибо так много она представляет в себе недостатков.
Это, Меммий, тебе я растолкую позднее,
Ныне ж последнее мне о движении высказать должно.
Здесь, как кажется, мне в таких обстоятельствах место
В том тебя убедить, что телесная вещь никакая

[231] быстротой | пустотой

[232] *В подлиннике описка, свидетельствующая, что часть текста записывалась со слуха*: во дни *вместо*: в одни

Силой своей вознестись и вверху удержаться не может,
Пусть тела тут огня тебя в заблужденье не вводят.
Ибо родятся они и множатся, кверху стремяся,
Кверху также растут златые хлеба и деревья,
Хоть заключенною в них тяжестью книзу влекутся.
Если до крыши домов огонь и скачет, а пламя
Начинает лизать проворно[233] балки и брусья,
Чтоб это делал он сам, вне влияния, думать не должно.
Это в том роде, в каком и кровь из нашего тела
Пущена, прыгает вверх и всё окропляет, сверкая.
Или не видишь, с какой силою балки и брусья
Вновь извергает вода? Ведь чем нагнетаем мы больше
Их в глубину и сильней их многие давят усердно,
Тем настойчивей[234] вверх отрыгнуть их старается влага,
Так что их части еще сильней выплывают и скачут.
Но несомненно для нас, что в сущности, я полагаю,
Книзу по пустоте праздной все это стремится.
Так-то[235] и пламя само, хоть током воздушным гонимо,
Кверху способно бежать, но все же при этом как тяжесть
По существу своему враждует, чтоб книзу стремиться.
Светочи тоже небес ночных в высоком полете,
Что за полоски огней влекут за собой, иль не видишь,[236]
По направлениям всем, в каких посылает природа?
Или паденья с небес на землю ты звезд не заметил?[237]
Так же с вершины небес и солнце, жару рассылая
Во все стороны, и поля засевает лучами;
Стало быть, солнечный зной отвесно стремится на землю.
Молнии, видишь ты, поперек по ливням летают,
Отрываясь от туч, они разряжаются всюду,
Пламени сила меж тем обычно стремится на землю.
Также хотел я тебе разъяснить по этому делу,
Как тела в пустоте устремляются прямо отвесно
Собственной тяжестию в неведомом подлинно месте

---

[233] проворно | проворные

[234] настойчивей | усерднее *Правка карандашом рукой Фета.*

[235] Так-то | Так что

[236] Что за полоски ~ не видишь | а) Или не видишь, огней какие проводят полоски б) Что за полоски огней проводят, иль ты не видишь <?> *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

[237] Или паденья ~ не заметил? | а) Или падение звезд с небес ты на землю не видишь б) Или паденья с небес на землю звезд ты еще не заметил *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

И в неведомые времена уклоняются малость,
Но настолько, что ты назвать это крошкою мог бы.
Ведь когда бы они не отклонялись, то книзу,
Каплям подобно дождя, пустотой в глубину бы упали,
Не было б встреч никаких и не являлось ударов
Первооснов: и тогда б ничего не творила природа.
Коль полагает иной, что могут тела потяжеле,
Так как быстрее они в пустоте отвесно несутся,[238]
На легчайшие пасть сверху и этим удары
Производить, чтоб давать движение творческой силе,
То, от истины тот удалившись, далёко блуждает,
Ибо всему, что падет хоть в воду, хоть в воздух неплотный,
Скорость паденья равнять по собственной тяжести должно,
Так как тело воды и тонкого воздуха свойство
Всякую вещь замедлять в одинаковой мере не могут,
Но при давленье на них тяжелейших скорей уступают.
Но никогда ни с какой стороны никакому предмету
Праздная пустота сопротивляться не может,[239]
Чтоб он не мчался туда,[240] куда увлекает природа;
Вот потому-то должно по пустоте безмятежной
Всё уноситься равно, хотя и не равное весом.
Значит, не могут упасть никогда тяжелейшие сверху
На легчайшие, и толчки от себя зародиться,
Чтобы движенье[241] менять, каким создает всё природа.
Так понемногу телам приходится всё ж отклоняться
Только на малость, чтоб мысль поперечных движений
Нам приписать не могли,[242] что с правдой на деле враждует.
Ибо открыто вполне и воочию это мы видим,
Тяжести, по существу, поперек устремляться не могут,
Сверху свергаяся вниз, как сам то видеть ты можешь;
Но чтобы никогда вообще они в каком-либо месте
Не отклонялись с пути, чье зрение это увидит?
Наконец, коль всегда в связи непрерывной движенье,
И происходит *всегда* из старого новое строго,

---

[238] *Ст. 226 был, вероятно, пропущен Федоровой и вписан позднее.*

[239] *Ст. 236 был, вероятно, пропущен Федоровой и вписан позднее.*

[240] Чтоб он не мчался туда | Чтоб не стремилась она *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[241] движенье | движенья

[242] Только на малость ~ не могли | Только на малость одну, чтоб мысль поперечных движений / Не признавали на вид *Правка карандашом рукой Фета, затем продублирована рукой Федоровой.*

И отклоняться никак не побуждают движений
Первоосновы, чтобы судьбы им расторгнуть оковы,
И бесконечно не шла причина вослед за причиной,
То откуда взялась на земле у животных свобода,
Это отколь, говорю, у судьбы исхищенная сила,
Коею движемся мы, куда кто волей направлен,
И движенье мы тож[243] не к известному времени клоним,
Не к известным местам, а куда нас помысл уносит?
Ибо сомненья в том нет, сообщает его направленье
Каждому воля отсель и отсюда движенье по членам.
Иль ты не видишь притом, что хотя загородки раскрыты
В самое время, а всё коней возбужденная сила
Не в состоянье нестись так разом, как мысль[244] их желает?
Ибо всего вещества обилье по целому телу
Соединиться[245] должно, чтобы, сплотившись по членам,
Всем зараз налегнув, стремленью последовать мысли;
Чтобы ты видел, что всё движение в сердце родится
И вначале оно из души и воли исходит,
А затем и всему сообщается телу и членам.
С этим несходно, когда мы движемся вслед за ударом,
Чуждою силой большой вперед побуждаемы мощно;
Ибо нам слышно тогда, как вещество всего тела
Наперекор нам самим несется, захвачено силой,
До тех пор, что его обуздает воля по членам.
Или не видишь ты[246] тут, что хоть внешняя сила премногих
Гонит и часто вперед понуждает идти против воли
И уноситься стремглав, однако ж в груди у нас нечто
Есть, что противустать и воспротивиться может?
И под влияньем его всё вещество совокупно
Принуждено уступить в суставе каждом и члене
И, обуздавши полет, опять возвращаться к покою.
И потому в семенах признать то же самое должно,
Что кроме тяжести есть и толчков иная причина[247]
Для движений, и в ней вся сила врожденная наша,
Так как мы видим, ничто из ничего быть не может.
Ибо тяжесть тому мешает, чтоб всё не свершалось
Внешнею силой толчков; но чтоб и душа не имела

[243] И движенье мы тож | И движения тож
[244] мысль | помысл
[245] Соединиться | Соединяться
[246] *Далее зачеркнуто*: что
[247] Что кроме тяжести ~ причина | Есть и кроме толчков и весу иная причина

Принужденья внутри во всех своих начинаньях
И как бы пленная[248] всё сносить и терпеть вынуждалась,
Небольшое основ уклонение то производит,
Но не в данном каком месте иль времени данном.
  Не был запас вещества никогда ни более сжатым,
Да и бóльших притом никогда не имел промежутков,
Ибо в нем ничего не прибывает, не гибнет.
Вот потому-то, в каком тела первичные ныне
Том же[249] движенье, в таком они в веках уже были,
А затем и всегда состоять будут той же чредою,
И что всегда родилось, родится при тех же условьях
И пребудет, входя в рост, и окрепнет для жизни,
Каждому сколько дано по изволенью природы.
Общность вещей изменить никакая сила не может,
Ибо ныне места, куда б вещество могло бы хоть частью
Изо всего прибывать, да и нет того места, откуда
Новая сила могла б, собравшись, ворваться, меняя
Всю природу вещей и[250] извратить их движенья.
В этих нимало[251] делах не надлежит удивляться,
Что, хотя все вещей первоначала в движенье,
Общее, кажется, всё состоит в совершенном покое,
Кроме того, что дает движением собственным тело,
Ибо природа основ везде от нашего чувства
Скрыта лежит глубоко; поэтому если не можешь[252]
Видеть ее ты самой, ускользать должны и движенья;
Так что даже и те, что мы в состоянии видеть,
Часто движенье таят, когда в отдаленье уходят,
Ибо, сбривая порой на холме веселую пастьбу,
Скот руноносный ползет вразброд, куда призывают[253]
Свежие травы его, алмазной блистая росою,
И, насытясь вполне, играют и скачут ягнята.
Всё это издали нам является смутным[254] и словно
Там на зеленом холме стоит белизна неподвижна.
Точно так же, когда легионы бегом наполняют

[248] *Далее зачеркнуто*: то*, и, по-видимому, по ошибке, вписанное над строкой:* всё. *Восстанавливаем* всё *по смыслу и размеру.*

[249] ныне / Том же | самом / Ныне *Правка карандашом рукой Фета.*

[250] и — *вписано над строкой.*

[251] *В рукописи* — немало

[252] можешь | может

[253] призывают | призывает

[254] смутным | смутно *Правка карандашом рукой Фета.*

Лагеря местность, войны[255] производя подражанье,
Блеск до небес там встает и вкруг озаряется медью
Вся земля, и от ног могучих мужей раздается
Гул окрест, и таким пораженные грохотом горы
Воссылают до звезд вселенной военные крики,
И кругом по полям летают всадники быстро
И в побеге своем разят их могучим ударом.
А на высоких горах есть некое место, откуда
С виду стоят они все[256] и блеск в полях неподвижен.
Ныне внемли чередом, каковы вещей всех начала,
И услышь, как они далеко расходятся видом,[257]
Как разнородны они в своих переменчивых ликах.
Не потому, что даны столь многим несходные формы,
А потому, что подряд все вместе несходны со всеми.
Да и не диво: когда такое их изобилье,
Что ни конца им, как я говорил, ни счету нет в общем,
То невозможно затем им всем со всеми равняться
И снабженными быть наружностью сходной со всеми.
Род порождает людской и иные породы, что плавать
Обречены, чешуей одеты, стада, как и звери,
Пестрые птицы притом, которые вкруг веселящих
Водных сбираются мест вблизи озер и потоков,
Как и те, что летят толпами к лесам отдаленным.
Только начни разбирать из общего каждое порознь,
Ты найдешь, что они меж собой несходны по виду.
Ведь бы иначе признать не могло своей матери чадо,
Чадо бы мать не могла; а они это могут, мы видим,
И не хуже людей понимают взаимно друг друга.
Ибо пред храмом богов украшенный часто теленок
Упадает, сражен, к алтарю, курящему ладан,
Изливая поток крови горячей из груди:
А бездетная мать, по[258] зеленым долинам скитаясь,
След на земле признает от ног с раздвоенным копытом,
Глазом повсюду глядя, в каком не отыщет ли месте
Чада, которого нет; наполняет кудрявую рощу
Стоном усердным своим и возвращается часто

[255] войны | войне

[256] С виду стоят они все | С виду а) на месте стоят б) они и *Правка карандашом рукой Фета.*

[257] видом | формой *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[258] *Далее начато и зачеркнуто*: дол<инам>

В стойло, пронзенная вся пылким к тельцу вожделеньем,
Нежный не в силах ивняк, ни травы, блистая росою,[259]
Ни меж крутых берегов текущие реки ей сердце
Облегчить и ее от тоски сомненья[260] избавить,
Также не может[261] ей вид и других телят на веселых
Пастбищах думы отвесть и облегчить ей заботы;
До того своего она ей известного ищет.
Да и с дрожащими голосами малютки козлята
Рогоносных своих узнают матерей, и ягненка[262]
Знает блеянье овца: итак, что велит им природа,
Каждый к молочным сосцам, надлежащим ему, прибегает.
Дальше, во всяких хлебах, хотя бы в их собственном роде,
Сходного меж собой ни одного не увидишь,
Потому что всегда найдется различие формы.
Равным образом мы и раковин видим породы,
Красящих лоно земли, где мягкими море[263] волнами
На кривых берегах напояет песок ненасытный.
Вот поэтому вновь и вновь по причине сей должно[264]
Как созданным самой природой, а не рукою,
В данную форму одним, вещей всех первоначалам
Между собой в чем-либо колебаться несходной фигурой.
Очень легко тоже нам объяснить по той же причине,
Почему много раз огонь пронзительней молний,
Чем бывает земным порожденный факелом нашим,
Ибо возможно сказать, что небесной молнии пламя
Тоньше и всё состоит из фигур гораздо мельчайших[265]
И проникает затем в отверстья, в какие не может
Наш проникнуть огонь, от дров и от факелов взявшись.
Далее, свет через рог проникает, но дождик отброшен.
А почему? потому что тела те у света дробнее
Тех, из каких состоит воды благодатная влага.
Так же мы видим: вино протекает сквозь сито внезапно,
А, напротив того, елей замедляется долго;[266]
Верно или потому, что в нем крупнейшие части,

[259] *Далее ошибочно записан первоначальный вариант ст. 363.*
[260] сомненья | томленья
[261] не может | не в силах
[262] ягненка | блеянья
[263] море | моря
[264] *Далее начато и зачеркнуто*: Как природой со<зданным>
[265] *Далее начато и зачеркнуто*: И проникнуть затем
[266] елей замедляется долго | так долго медлит

Иль крючковатей они и меж собою в сцепленье;
И выходит потом, что скоро так первоосновы
Разойтись меж собой не могут, чтоб в одиночку
В каждую проходить скважину им по порядку.
Надо прибавить к тому, что мед и молочная влага,
В рот проходя, на язык производит приятное чувство,
А, напротив того, природа противной полыни
С тысячелистником рот искривляют вкусом противным.
Так без труда ты поймешь, что из легких тел и округлых
То должно состоять, что приятно трогает чувства,
А, напротив того, что кажется горьким и резким,
То крючками сильней связуется между собою.
И привычно к тому пролагать к нашим чувствам дороги
И, дойдя до него, разрушать прохождением тело.
Всё, наконец, что для чувств приятно или неприятно,
Между собой во вражде вполне несходною формой;
Не представляй ты себе, что трещащей пилы нестерпимый
Рык из тех же частей состоит воздушных, какие
В музыке песни, когда персты музыканта живые[267]
Над струнами, ее создавая, расцвесть заставляют.[268]
Ты не сочти, что одной формации первоосновы
В ноздри людские идут, коль гнусные трупы сжигают,
Иль театральный помост вновь кроком ульют сицилийским,
Иль испускает алтарь струи благовоний панхейских;
И не считай, что сходны основы вещей и в приятных
Тех цветах, что глазам наслажденье способны доставить,
И в таких, что претят взору и нудят нас плакать,
Или и в тех, что на вид неопрятны и резки и гнусны.[269]
Ибо *фигура* всего, что только нам чувства ласкает,
Первоначально уже не без гладкости[270] некой творилась.
А, напротив того, всё, что терпко и нам неприятно,
Не без грубости уж и в веществе проявлялось.
Есть и такие, что счесть нельзя их гладкими вправду,
Ни совершенно уже на концах изогнутыми в крючья,
А с выдающимися скорее немного[271] углами,

[267] живые | выводят

[268] Над струнами ~ заставляют | Заставляют ее в струнах зародившись возникнуть

[269] *Далее начато и зачеркнуто*: Не без гладкости уж

[270] гладкости | гладкой

[271] скорее немного | на самую малость *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

Так что скорей щекотать, чем вредить они чувствам способны.
Вот подонья вина и на вкус девясил в этом роде.
Что горячий огонь, равно[272] как и иней холодный
Родом несходным зубов язвят ощущение тела,
Нам указует на то осязанье того и другого.
Ведь осязание-то,[273] осязанье, священные боги!
Чувство тела и есть, когда хотя бы снаружи
Вещь проникает или, зарожденное в теле, нас мучит,
Иль наслажденье дает, изливаясь в отрадах Венеры,
Так же при встрече, когда основное в самом смущают
Теле, перемешав воедину бегущие чувства,
Это, если ты сам случайно своею рукою
Тела какую-либо ударишь часть — испытаешь.
Вот почему далеко[274] должны быть в формах различны
Первоначала, чтобы возбуждать столь разные чувства.
Наконец, и всё то, что кажется плотным и твердым,
Необходимо должно меж собою теснее крючками
Иль как будто сплетясь ветвями крепко держаться.
В этом роде в ряду переднем алмазные камни
Состоят, и они презирают простые удары,
Крепкие тоже кремни и твердая сущность железа,
Так же и медь, что вопит, когда не сдается затворам.
Те же, напротив, должны из гладких частей и округлых
Состоять, чьи тела являются влагой текущей.
Ибо и мак проглотить настолько ж легко, как и воду,[275]
Так как зерна его меж собой не скопляются кучей
И по наклонному он с бо́льшим проворством сбегает.
Всё, наконец, что сейчас ты разлетевшимся видишь,
Как туман или дым[276] и пламя, то им неизбежно,
Хоть они менее всех состоят из гладких и круглых,
Соплетенным не быть, однако, и связанным вместе,
Чтобы им в тело войти и друг в друга проникнуть,
Но не сцепляться меж тем взаимно, как это мы видим.
Ветрам[277] дано, чтобы легко ты мог убедиться,
Что не из связных они основ состоят, а из острых.

---

[272] равно — *вписано карандашом рукой Фета.*

[273] осязание | осязанье

[274] далеко — *вписано над строкой.*

[275] настолько ж легко, как и воду | настолько же легко, как воду *Правка карандашом рукой Фета.*

[276] *Далее начато и зачеркнуто*: или п<ламя>

[277] *Под* Ветрам *записан вариант*: тернам

Но что ты горьким найдешь и в то же время текучим
Влаге подобно морской, ты нимало дивиться не должен.
. . . .
Ибо что жидко, то всё состоит из гладких и круглых
Тел, и примешаны к ним частицы, дающие боли;
Но не нужно меж тем, чтоб они сцеплялись крючками:
Нужно округлым им быть, когда они с виду шершавы,
Чтобы катиться вперед могли, оскорбляя в нас[278] чувство.
И чтобы лучше понять, что суровое смешано с гладким
В первоосновах, отколь Нептуново горькое тело,
Надлежит разделить и затем рассмотреть их отдельно.
Ибо бросает вверху худого раствора основы
Пресная влага, когда сочится так часто сквозь землю
И в углубленье течет и становится мягкой,
Чем застрянуть в земле всё горькое больше могло бы.
К этому, как я учил, одно я только прибавлю,[279]
Что почерпает отсель основанье, меняют свой образ
Первоосновы вещей до известных только пределов.
Если бы то было так, тогда бы иные основы
Необъятными стать должны бы[280] телесным объемом.
Ибо того ж одного тела при мелкости той же
Разниться между собою много не могут фигуры.
Ты[281] допусти, что тела первичные только из мелких
Трех частиц состоят, иль малость какую прибавь ты:
Эти частицы хотя все единого тела возьмешь ты,
Чтобы их сверху на низ положить и справа налево,
Перепытаешь ты всё, какую отдельный порядок
Форму способен придать всему наличному телу,
Если желаешь еще разнообразить фигуры,
Новых частиц ты прибавь; из этого следует ясно,
Что порядок других таким же требует родом,
Ежели хочешь опять разнообразить фигуры.
Так за новостью форм и прибавление тела
Следует. Так не сочти, чтобы основные частицы
Беспредельно могли отличаться несходною формой,
Чтоб не представил иных себе[282] ты громадных размеров,

278 в нас | в них *Правка карандашом рукой Фета.*

279 К этому ~ прибавлю | а) К этому, как б) С этим, как я учил, продолжаю связывать вещь я

280 Необъятными стать должны бы | Необходимо бы стать должны

281 Ты | Что

282 Чтоб не представил иных себе | Чтоб не представил себе

Что, как я выше учил, доказательств представить не может.
Варварские уж тебе одежды и пурпур блестящий
Мелибейский, что в цвет фессалийских улиток окрашен,
И павлиньи хвосты с смеющейся их красотою
Новым блеском вещей ослепленные грустно б лежали,
Запах был смирны забыт наравне со сладостью меда,
И лебединая песнь и фебейское пенье под струны
На подобный же лад удрученные бы замолчали:
Ибо являлось бы всё одно красивей другого.
Всё могло бы меж тем отступать в одинаковой мере
К худшим частям, как сейчас мы говорили о лучших,
Ибо обратно могло[283] б одно быть противней другого
Для ноздрей и ушей, для взоров или для вкуса.
Так как этого нет, а[284] вещам поставлен строжайший
Обоюду предел, чтоб общность скреплять, то сознаться
Должно, что вещества ограничена тож разновидность.
Наконец, от огней и от инеев хладных
Путь ограничен и вспять проходит тем же порядком.
Жар против холода стал, а меж обоими ими
Средних размеров тепло улеглось, всё собой наполняя.
Вот разошлись и стоят они на конечных границах
С двух и сторон им предел лезвие начертило двойное:
Здесь огнями, а там стеснены суровым морозом.
С тем, чему я учил, я вещь связую, что довод
Свой из того же берет, вещей те первоначала,[285]
Что меж собою вполне наружным образом сходны,
Безграничны числом. Если форм различье конечно,
Необходимо, чтоб тех, что сходны, была бесконечность[286]
Или должна б вещества совокупность[287] являться конечной,
Это ж,[288] как я доказал, и быть совершенно не может.
. . . .
Я в стихах докажу, что с времен безначальных частицы
Вещества исконн<ых> вещей постоянно хранили всеобщность,[289]

[283] могло | могли

[284] а | то

[285] *Далее начато и зачеркнуто*: Безграничны числом

[286] Необходимо ~ бесконечность | Всё бы могло между тем отступить в одинаковой мере

[287] совокупность | основа

[288] Это ж | То, что *Правка карандашом рукой Фета.*

[289] Вещества ~ всеобщность | Вещества у вещей постоянно хранили всеобщность *Конец фразы* — постоянно хранили всеобщность — *зачеркнут. Правка карандашом рукой Фета.*

Непрерывно[290] толчки со всех сторон продолжая.
Ибо хоть редких иных ты замечаешь животных[291]
Да и видишь у них плодовитую меньше природу,[292]
А в другой стороне и месте в землях отдаленных[293]
Много породы той есть и они-то число восполняют;
Как, во-первых, среди четвероногих мы видим
У змееруких слонов, из многих тысяч которых
Индия из их клыков[294] себя ограждает забором,
Так что проникнуть в нее невозможно: такая там сила
Этих зверей, коих мы лишь мало образчиков видим.
Если ж я с тем соглашусь,[295] чтоб единственная находилась
Вещь какая-нибудь одна по природному телу,[296]
Коей подобной нигде на круге земном не нашлось бы,
Если бы сила притом вещества не была бесконечной,
Неоткуда бы той изойти, зачавшись,[297] нельзя бы
Ей созидаться, притом и разрастаться в объеме;
Если б я даже солгал, что вещи единой зачатки[298]
В определенном числе будто бы носятся всюду,[299]
Силой откуда какой, каким родом им можно сойтиться
В море таком вещества и толкотни разнородной?[300]
Нет, я считаю, у них основания вместе сойтися,[301]
Но, как после больших и частых крушений бывают
В море великом порой разбросаны скамьи, кормила,
Реи и нос корабля и мачты близ весел плывущих,
И у всех берегов на волнах кормы расписные,[302]

---

[290] Непрерывно | Неотступно *Правка карандашом рукой Фета.*

[291] Ибо хоть редких ~ животных | Ибо каких замечал ты более редких животных *Правка карандашом рукой Фета.*

[292] Да и видишь ~ природу | Как и меньше у них плодовитую видишь природу *Правка карандашом рукой Фета, инверсия над* меньше *и* плодовитую *отмечена цифрами 1 и 2, а* у них *и* видишь *в начальном варианте остались незачеркнутыми.*

[293] *Перед ст. 534 на полях слева помета карандашом рукой Фета*: «NB».

[294] из их клыков | как из клыков *Правка карандашом рукой Фета.*

[295] *Далее зачеркнуто*: вещь

[296] по природному телу | в прирожденном ей теле *Правка карандашом рукой Фета.*

[297] зачавшись | зачаться

[298] зачатки | зародыш *Правка карандашом рукой Фета.*

[299] В определенном ~ всюду | Ограниченный стал по телам повсюду носиться *Правка карандашом рукой Фета.*

[300] разнородной | разнородны *Правка карандашом рукой Фета.*

[301] вместе сойтися | для сочетанья *Правка карандашом рукой Фета.*

[302] *Ст. 555 был пропущен Федоровой и вписан позже, возле следующего стиха была проставлена ошибочная нумерация.*

Чтобы, виднеясь, они указаньями смертным служили,
Дабы бежали они неверного моря коварства,
Сил и обмана и с тем ни в какое не верили время,
Коль улыбается им приветливость тихого моря.
Так равно и когда б конечными первоначала
Ты представил себе, они должны бы навеки
По волненью всему вещества, раскидавшись, носиться,
Так что сойтись меж собой никогда не могли б они вместе,
Ни в сочетанье свое хранить,[303] ни расти, прибавляясь;
Дело нам кажет само, что то и другое бывает:
И нарождаться вещам и рожденным расти им возможно.[304]
Первоосновы вещей во всяком поэтому роде
Явно не знают границ, всему доставляя поддержку.[305]
    Но губительные[306] побеждать постоянно движенья
Не в состоянье они, сохраняя целость <?> вовеки.[307]
Так и движенья равно, из коих вещи родятся,[308]
Не в состоянье навек сохранить сотворенного[309] ими.
Так в равномерной борьбе первоначал происходит
Та война, что была ведена со времен бесконечных:
Силы живые вещей то здесь, то там побеждают
И побеждаются тож; с погребеньем мешаются вопли,
Что младенцы, впервой на свет появляясь,[310] подъемлют.
Не было ночи за днем, Авроры следом за ночью,
Чтоб не слыхали они совместного с жалобным стоном
Плача, что похорон спутник всегдашний и смерти.
В этих, однако, вещах запечатлеть подобает
И прилежно в уме сохранить изреченье такое:

---

[303] Ни в сочетанье свое хранить | Ни а) оставаться в своем сборе б) в сочетаньи своем оставаться в) в сочетанье свое хранить, *причем вариант в) вписан карандашом рукой Фета.*

[304] И нарождаться ~ возможно | Можно родиться вещам и возрастать, породившись

[305] поддержку | подспорье *Правка карандашом рукой Фета.*

[306] Но губительные | Так убийственные *Правка карандашом рукой Фета.*

[307] Не в состоянье ~ вовеки | Не в состоянии, чтоб хоронить навеки спасенье *Правка карандашом рукой Фета.*

[308] Так и движенья ~ родятся | Ни порожденье затем вещей и движенье прироста *Правка карандашом рукой Фета. Над* порожденье затем *вписано и не зачеркнуто*: <порожд>ающие движенья

[309] сотворенного | сотворенное *Правка карандашом рукой Фета.*

[310] впервой на свет появляясь | узрев появление света *Правка карандашом рукой Фета.*

Нет ничего из всего, как[311] очевидно, в природе
Состоящего лишь из основ единого рода
Или что из семян несмешанных бы исходило.
И чем больше в себе что сил содержит и власти,
Тем оно больше в себе на обилие всякого рода
Первоначал и их различных фигур указует.
Первой содержит в себе земля тела основные,
Из которых ключи, струящие холод, громаду
Обновляют морей; и огней зарожденье содержит:
Ибо во многих местах земная почва пылает
И особенно зло огнями свирепствует Этна.
Далее, есть у земли, откуда блестящие жатвы
С лесом веселым она выводить для людей в состоянье,
Реки и ветви, отколь она и веселые пастьбы
Горобродящему роду зверей в состоянье доставить.[312]
Матерью ради чего *великой богов* и животных
И родительницей она нашего тела зовется.
Древние пели ее вдохновенные греков поэты.
Как в колеснице сидя, двуяремных[313] львов она гонит,
Учат они, что земля великая виснет в воздушной
Области, и что земле нельзя на земле опираться,[314]
Запрягли тут зверей, чтоб ты понял, как чаду покорно
Перед заботой своих родителей должно смягчаться.
И вершину главы увенчали стенною короной,
Как на высоких местах города она крепкие строит;[315]
По отдаленным землям, снабженную этой приметой,
Лик, внушающий страх богов, они матери носят.[316]
Много народов ее по образу древних молений[317]
Матерью с Иды зовут,[318] толпы фригийцев давая
Ей в провожатые, так как из этой страны, полагали,
Распространяться пошли хлеба по кругу земному.

---

[311] как | что *Правка карандашом рукой Фета.*

[312] в состоянье доставить | а) пред<о>ставлять в состоянье б) даровать в состоянье *Правка карандашом рукой Фета.*

[313] двуяремных | двухъяремных

[314] *Далее начато и зачеркнуто*: Под

[315] *Далее начато и зачеркнуто*: Этой приметой

[316] Лик ~ носят | Матери носят богов а) содроганье внушающий облик б) испуг внушающий облик *Окончательный вариант вписан карандашом рукой Фета, затем переписан рукой Федоровой и затерт.*

[317] молений | служений

[318] зовут | зовет

Галлов ей придают,[319] потому что, кто оскорбил бы
Мать иль к родившим его оказался бы неблагодарным,
Выразить хочется им, что считают его недостойным
В область света пускать по себе живое потомство.
Громко под кистью руки тимпаны гремят и кимвалы
Полые, и рога угрожают хрипливым напевом,
И подстрекает сердца ладами фригийскими флейта,
Копья несут впереди, насильственной ярости знаки,
Неблагодарные чтоб сердца непочтительной черни
Страхом могли запугать перед святыней богини.
Так как только она в города въезжает большие,
Смертных безмолвно дарить начнет благодатью немою,
Медью и серебром застилают ей путь[320] по дороге,
Жертвы обильно неся и как снегом цветами
Роз засыпают и мать и сонмы ее провожатых.
Здесь в доспехах толпа, которой фригийских куретов
Греки прозванье дают; меж собою как бы играя
Вооруженьем, они, покрытые кровию, скачут,
Страшными на голове помавая проворно хвостами;
Напоминают[321] курет диктейских, что, слышно, Зевеса
Оный некогда плач на Крите усердно скрывали,
Как вкруг мальчика там проворно мальчики хором,
Вооруженные, в лад ударяли медью по меди,
Чтобы зубами его Сатурн не схватил, разыскавши,
И[322] грудь матери тем не пронзил бы вечною раной.[323]
Также великую мать сопровождают в доспехах,[324]
Чтоб означали они, что богиня велит им оружьем
И отвагой своей защищать родимую землю
И чтоб оплотом они и красою родителям были.
Это хотя хорошо и высоко изложено речью,
Но далекó между тем отстоит от истинной правды.

---

[319] Галлов ей придают | Ей они галлов дают *Правка карандашом рукой Фета, затем обведена рукой Федоровой.*

[320] застилают ей путь | а) рассы<пают> б) посыпают пред ней

[321] *Далее зачеркнуто*: они

[322] *Далее зачеркнуто*: в

[323] пронзил бы вечною раной | нанес бы вечной раны *Правка карандашом рукой Фета, затем переписана рукой Федоровой и затерта.*

[324] сопровождают в доспехах | а) в оружии сопровождают б) в доспехах сопровождают *Над* доспехах *и* сопровождают *проставлены цифры 2 и 1, означающие инверсию. Окончательный вариант вписан карандашом рукой Фета, затем переписан рукой Федоровой и затерт.*

Ибо природа богов сам<а> по себе неизбежно
В мире полнейшем должна наслаждаться бессмертною жизнью,
Далеко отстранясь и от наших дел отделяясь.
Ибо страданий совсем чужда и чужда опасений,
Собственной властью сильна и в нас не нуждаясь нимало,
Не поддается она заслугам и гнева не знает.
Правда, во все времена земля не ведает чувства,
И как многих вещей хранит она первоначала,
То и на солнечный свет различного много выносит.
Если же море иной Нептуном, а жатву Церерой
Постановил называть, и имя священное Вакха
Предпочитает давать кощунственно влаге известной,
То мы согласны, чтобы и круг земной так же точно
Матерью звал он богов, лишь только бы самое дело
Он в заблужденье своем щадил в его собственной правде.
Так-то на поле одном сбривающий[325] траву нередко
Скот руноносный, равно и воинственных коней потомство,
И рогатых стада под тем же небесным покровом
И из той же реки утоляя жажду водою,
Видом несходны, живут, природу родителей только
Сохраняя, и им подражают во нравах породы.[326]
Такова-то в любой породе трав разнородность
Вещества, такова и в любой реке она тоже.
Далее, всякое хоть животное те ж составляют
Кости и жилы и кровь, потроха и влага и нервы;
Всё же между собой они далёко различны,
Из несходных явясь первооснов в очертаньях.[327]
Далее, всё, что огонь пылающий только сжигает,
Хоть оно[328] ничего и[329] в теле своем не содержит,
Кроме того, отколь свет и огонь выделять ему можно,
Искры пускать и кругом широко разбрасывать золу.
Ежели прочее ты испытаешь в подобном же роде,
То откроешь притом, что тела в себе заключают
Многих вещей семена, различные видом наружным.
Много увидишь затем таких, коим с цветом совместно
Запах дарован и вкус, во-первых, дары в этом роде

[325] сбривающий | хватающий
[326] *Далее зачеркнуто*: Вот как[ая]ова в любой траве вещества разнородность
Заключена какова [она] и в реке она точно так же
[327] в очертаньях | по фигуре
[328] оно | окромя
[329] и — *вписано над строкой.*

. . . .[330]
Стало быть, состоять из фигур различных им должно:
Ибо запах туда, куда сок не пройдет, проникает,
Так же отдельно и сок, отдельно и вкус может вкрасться
В чувства; чтоб поняли мы,[331] что их различны фигуры.
Так что в груду одну несходные сходятся формы
И из смеси семян потому составляются вещи.
Ведь же и в самых стихах порою наших ты видишь[332]
Много букв, что у слов премногих общи выходят,
Хоть признать надлежит, что стихи и слова меж собою
Чуждые состоят из букв совершенно различных,
Не потому, что из букв являются общие редко
Или что изо всех двух раз того ж не выходит,
А потому, что не все вообще меж собою похожи.
То же так и в других вещах хоть много бывает
Общих первоначал вещей, однако же в целом
Могут они состоять из частей меж собою несходных,
Так что мы вправе сказать, что из разного сложены стали
Род людской и хлеба, как и веселые рощи.
Но не след полагать, что всё сочетаться способно
Всячески, ведь бы везде порожденье ты чудищ увидел,
Полузверских людей бы водилась порода и часом[333]
Выходили б суки из тела живого высоко,
И с земными не раз и морские вязались бы члены,
Тут и[334] дышащую огнем из пасти Химеру
Стала б природа питать на земле, родильнице общей.
Что подобного нет, очевидно, когда из известных
Только исшедший семян от[335] известной матери выйдя,[336]
Сохраняется род и возрастает, мы видим.
В строгом порядке всему совершиться тут неизбежно.
Ибо в члены из всей пищи тела, что потребны

---

[330] *Пропущенной строке в переводе Ф. А. Петровского соответствует стих*: <И, прежде всего, приношенья,> / Что по обряду богам, на алтарь возложив, сожигают (*Лукреций*. С. 113).

[331] чтоб поняли мы | и можно понять *Окончательный вариант вписан карандашом рукой Фета, затем переписан рукой Федоровой и затерт.*

[332] порою наших ты видишь | а) наших ты видишь порою наших б) порою ты видишь наших

[333] порода и часом | порода

[334] и | бы

[335] от | и

[336] выйдя | видно

Каждому, входят и там, связуясь, рождают движенья
Подходящие; а напротив, природой, мы видим,
Наземь бросается, что ей чуждо, и много бессильных[337]
Тел из тела бегут вон, толчкам повинуясь,
Те, что ни[338] связаны быть между собою не могут,
Ни к движеньям пристать жизни и подражать им.
Но не думай никак, что подобным законам послушны
Только животные, всё разделяется тем же порядком.[339]
Ибо насколько по всей природе рожденные вещи
Все меж собой несходны, настолько же необходимо[340]
И в основах своих быть в очертаньях им разным
Не потому, чтоб даны были многим несходные формы,
А потому, что не все обычно похожи со всеми.
Если затем семена различны, то след различаться
И промежуткам, путям и связи ударам и весу,
Встречам, движениям, что не одни тела лишь животных[341]
Разъединяют, а все моря разделяют и земли
И все небо равно от земли далеко отделяют.
Ныне той речи внемли, до которой трудом я добрался
Сладостным,[342] ты не сочти, что белое это из белых
Вышло начал, что ты сам белоснежными видишь глазами,
Иль что из черных семян зародилось то, что чернеет,
Иль о другом чем-либо, пропитанном цветом известным.
Не полагай, что оно таково, потому что сходные цветом
С ним его вещества окрашены были и тельца.
Ибо и в тельцах во всех веществ никакого нет цвета
Ни на подобье вещей, ни непохожего с ними.
Коль ты считаешь, что дух не может в подобные тельца
Забираться, то ты далеко от правды блуждаешь.
Ибо когда, не видав никогда сияния солнца,
Слепорожденные всё ж узнают тела осязаньем,
Следует думать, что ум и наш обращать к восприятью
Может тела, никаким кругом не объятые цветом.
Сами и мы наконец осязаем во мгле непроглядной

[337] бессильных | безвольных

[338] ни | не

[339] *Далее зачеркнуто*: Ибо так как во всей природе различны все вещи,
Что рождены, меж собой

[340] *Далее зачеркнуто*: И в основах своих быть а) им по форме б) в очертаниях различным

[341] не одни тела лишь животных | не тела одни разделяют

[342] Сладостным | Долгим

Всякие вещи, что там никаким не окрашены цветом.
Что, по-моему, так, теперь докажу я, как это
И от начала веков ни с каким не связано цветом.
Всякий ведь цвет вообще меняться способен на всякий;
Этого делать никак первоначала не могут.
Ведь неизменным же всё пребывать чему-нибудь должно,
Чтобы все вещи опять в ничто не вернулись обратно:
Ибо что, изменясь, из своих очертаний выходит,
В этом смерть состоит того, что[343] ранее было.
Краской снабжать семена вещей потому берегися,
Чтобы все вещи сполна[344] в ничто не вернулись обратно.
Если ж у первоначал никакой по природе окраски
Не существует и им дарованы разные формы,
Из которых они все роды цветов порождают
Потому,[345] что еще так важно, с какими другими
И в положенье каком семена в сближенье приходят
И какое дают меж собой и приемлют движенье,
Так что сейчас же легко ты мог бы найти основанье,
Почему, что еще недавно являлося черным,
С мраморною[346] белизной могло бы явиться немедля.
Так-то море, когда взроют влагу великие ветры,
В волны, седея уже, превращается[347] с мраморным блеском;
Так, ты мог бы сказать, что черным часто мы видим,
Если его вещество перемешано, как и порядок
Переменен у основ, и прибавлено что иль отъято,
То немедля[348] оно является белым блестящим.
Ежели воды морей из семян состояли бы синих,[349]
То забелеться бы им никаким невозможно бы родом.[350]
Ибо родом каким ты того[351] ни мешал бы, что сини,[352]
В мраморную белизну перейти никогда не смогло бы,[353]

[343] В этом смерть состоит того, что | То умирает сейчас, как то, чем *Здесь и далее правка карандашом рукой Фета.*

[344] сполна | опять

[345] Потому | Кроме того

[346] С мраморною | Мраморною

[347] В волны, седея уже, превращается | В волны белеющие превращаются

[348] немедля | постоянно

[349] синих | темных

[350] *Далее зачеркнуто*: Будь ведь другим да другим семена окрашены цветом

[351] того | тех

[352] ни мешал бы, что сини | не мешал бы, что черны

[353] никогда не смогло бы | им никак невозможно

Будь всё другим да другим семена окрашены цветом,
Те, что моря один нераздельный блеск производит,
Как из отдельных порой фигур меж собою различных
Некий выходит квадрат, являсь единой фигурой,[354]
Было бы должно, чтоб как в квадрате различные формы
Видны, так видели б мы во влаге морской или всяком
Чистом блеске другом несходные очень далеко <...>

КНИГА ПЕРВАЯ

Ст. 1. Матерь Энеевых чад... — Гомер называет Афродиту (рим. Венера) матерью Энея, одного из героев, защищавших Трою. После падения Трои Эней отправился в плаванье, высадился у берегов Италии, где женился на местной царице. От Энея пошел род, давший жизнь Рее Сильвии, которая стала матерью основателей Рима, близнецов Ромула и Рема.

Ст. 2. О Венера-кормилица... — Фет точно переводит по отношению к Венере эпитет «alma», который впоследствии стали применять и к другим божествам, к кормлению отношения не имеющим. Ср. у Петровского: «благая Венера» (*Лукреций*. С. 7). Этот же эпитет Лукреций применяет и к земле: «alma mater terra» (II, 992).

Ст. 8. Подстилает земля... — У Лукреция в ст. 7 «земля» употребляется с эпитетом «дедала» («daedala tellus», в переводе Петровского: «земля-искусница»), от греческого прилагательного «δαίδαλος» — «искусно сделанный». Отсюда, вероятно, происходит имя Дедала, легендарного изобретателя и художника, построившего знаменитый лабиринт на острове Крит и предпринявшего вместе с сыном Икаром полет на искусственных крыльях через море. Для Лукреция эпитет «искусный» имеет широкое философское значение (ср. I, 228): он применяет его как к языку (IV, 554), так и вообще к изобретательному мастерству природы (V, 234). В ст. 228 Фет находит аналог сложного тропа — «земля-художница», однако не сразу (первоначально он пытался оставить имя Дедала, см. сноску 58), подчеркивая, как и Лукреций, творческое начало плодоносящей земли.

Ст. 11. И растворен оживет плодоносный Фавония ветер... — В римской мифологии *Фавоний* — бог западного ветра, прислужник бога любви Купидона (греч. аналог Зефир).

Ст. 25. Что о природе вещей своему сложить я намерен... — Первое упоминание формулы, давшей заглавие всей поэме Лукреция, которое присутствует не во всех сохранившихся списках.

Ст. 26. Меммладу, которому ты даровала... — У Лукреция: «моему другу Меммию». Фет подчеркивает родовое имя Меммия, потомка Меммиев, который, очевидно, занимал высокие должности в Риме и был покровителем поэта. В соответствии с жанровой принадлежностью поэмы к дидактическому

[354] являсь единой фигурой | или фигура иная

эпосу, она обращена к определенной личности, в данном случае к Гаю Меммию, имя которого встречается у Цицерона, назвавшего его прекрасным оратором. В 57 г. до н. э. Меммий занимал должность римского пропретора в Вифинии. Возможно, он был последователем Эпикура, на его земельном участке сохранились остатки дома греческого философа, хотя Петровский считает, что, напротив, он был мало осведомлен в философии Эпикура (*Петровский.* С. 308). Катулл называл Меммия свои патроном (X, XXVIII).

Ст. 29—30. ...чтоб войны кровавое дело / По морям и землям всем, задремав, опочило... — Лукреций оказался современником неспокойного периода в жизни Рима, возбужденного внутренними распрями: гражданские войны, диктатура Суллы и массовые казни, восстание рабов под предводительством Спартака, заговор Катилины, растущее влияние Помпея и Цезаря и начавшееся их противостояние, несущее прямую угрозу республиканским устоям, — все это не обещало мирных времен, о которых просит поэт богиню Венеру, призывая ее обуздать воинственного бога войны Марса.

Ст. 44—49 повторяются дословно в книге II (ст. 646—651). Этот прием, привычный для эпоса, особенно характерен для Лукреция.

Ст. 58. Это мы веществом, родящими также телами... — Понимая нецензурность излагаемого учения, Фет здесь и далее избегает употреблять слово «материя».

Ст. 62—63. Как на глазах со стыдом ~ под предрассудком тяжелым... — Здесь и далее Фет переводит понятие «religio», употребленное Лукрецием, как «предрассудок». В современном римскому поэту обществе под словом «религия» понималось «благочестие», подразумевавшее исполнение обрядовой стороны традиционных для римлян верований, в то время как для Лукреция оно приобретает противоположный смысл. Этот перевод представляется более точным и не вызванным опасением перед духовной цензурой.

Ст. 65. Возвышаясь своим над смертными видом ужасным... — Очевидно, возглавлявший римский пантеон Зевс-громовержец.

Ст. 66. Первым грек, человек смертный решился... — По мнению одних комментаторов, здесь под «греком» разумеется Эпикур, которого Лукреций никогда не называет по имени (*Петровский.* С. 312). С точки зрения других, здесь имеется в виду вообще греческая мысль (*Лукреций.* О природе вещей / Пер. Ф. Петровского, вступит. статья Т. Васильевой. М., 1983. С. 331 (Б-ка античн. лит-ры)).

Ст. 73. ...из стен пылающих мира... — В отличие от других философских школ, например стоиков, эпикурейская считала постигаемый взору мир не единственно существующим.

Ст. 84—85. Тривии девственный так алтарь в Авлиде позорно / Запятнали тогда... — Тривия дева — богиня Диана (греч. Артемида), которую отождествляли с богиней луны Селеной и богиней подземного царства Гекатой. На перекрестках трех дорог («тривиум») ставили ее трехликие изображения. Здесь и далее Лукреций излагает известный сюжет троянского цикла, согласно которому аргосский царь Агамемнон отправился в Трою, чтобы отомстить за похищение прекрасной Елены, жены своего брата Менелая. Задержанный в авлидской гавани встречным ветром греческий флот не мог двинуться в путь,

и Агамемнон решил умилостивить богиню, принеся ей в жертву свою дочь Ифигению. Однако Артемида не приняла жертвы и заменила ее на жертвенном алтаре ланью. Саму же Ифигению она унесла в Тавриду, где сделала жрицей в своем храме.

Ст. 85. Ифианассия — вариант имени Ифигения.

Ст. 97. ...провожаемой быть Гименеем ей светлым. — Гименей — бог, покровитель брачного союза. Ифигению вызвали обманом в Авлиду из Аргоса под предлогом предстоящей свадьбы с Ахиллом.

Ст. 103. Вещих внушающей страх речью... — Очевидно, имеются в виду пророчества оракулов, предвещавшие всевозможные несчастья за непослушание воле богов.

Ст. 115. Или нисходит во мрак Орка и в страшную бездну... — Орк — бог подземного царства (греч. Аид).

Ст. 117. Как наш Энний воспел, который впервой с Геликона... — Энний Квинт (239—169 до н. э.) — римский поэт греческого происхождения, драматург и писатель, давший первые примеры латинского гекзаметра, ориентированного на греческий дактилический гекзаметр. Автор многотомных «Анналов», написанных гекзаметром и воспроизводящих историю римлян от прибытия Энея в Италию (сохранились в отрывках). Создавая свой эпос, Энний открыто ориентировался на Гомера, сообщив во вступлении, что к нему во сне явился дух автора «Илиады», который переселился в него. Присутствие в его стихотворении «Эпихарм» изложения натурфилософских идей сицилийского философа и комедиографа Эпихарма, высокого ценившегося Аристотелем и Платоном, свидетельствует, что Энний был знаком с философией досократиков и придерживался их взглядов на природу вещей. Исследователи находят многочисленные следы влияния Энния в поэме Лукреция, что не мешало последнему подсмеиваться над его верой в переселение душ (см. I, 124—126). *Геликон* — гора в Беотии, обитель Муз и Аполлона.

Ст. 120. ...жилищ ахеронских... — Ахерон — букв. «река скорби», обозначающая вход в подземное царство, символизирует подземный мир.

Ст. 124—126. Он вспоминал, как оттоль цветущего вечно Гомера / Тень появилась, начав проливать горючие слезы ~ излагать своими речами. — См. примеч. к ст. 117. Характерно, что Фет заменяет первоначально переведенный буквально эпитет «соленые» на более свойственный русскому языку «горючие» слезы (ср.: *Петровский.* С. 320).

Ст. 138—139. Особливо когда много новых слов станет нужно / Ради бедности языка и новинки предметов. — Замечено, что в поэме Лукреция встречаются слова, которых нет у других латинских авторов, однако число их невелико. «Новизна», о которой говорит поэт, относится скорее к расширению внутреннего содержания слова, его потенциальных значений. Вслед за Лукрецием Фет пытается придать известным словам новый смысл, как бы раскрыть их многозначное философское содержание («вещество», «семена», «начала»). Вводимые Фетом устаревшие слова также отвечают сознательному устремлению латинского поэта посредством употребления архаичных слов обогатить их этимологический смысл. По сути же новизна приемов Лукреция состояла в сложнейшей задаче раскрыть философские понятия посредством языка по-

эзии, что представляло нелегкий труд и для его переводчиков. Ср. мысль Фета в стихотворении «Как беден наш язык! — Хочу и не могу...» (*Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 203).

Ст. 148. ...вид природы и смысл ее тайный... — Здесь наблюдается различие во взгляде Лукреция и Эпикура на самостоятельное значение природы, которое у последователей греческого философа носило случайный характер. «Смысл тайный» природы и его созерцание станут впоследствии одним из основополагающих постулатов поэтического видения мира, пришедшего в новую поэзию из Греции.

Ст. 150. Из ничего от богов ни единая вещь не родится. — Здесь Лукреций углубляет один из постулатов философии Эпикура («Из ничего ничто») посредством отрицания вмешательства богов в жизнь природы. Этот тезис не отрицает существования абсолютной материи, но придает каждому явлению природы индивидуальный и самодовлеющий смысл, что, без сомнения, в определенном отношении противоречило системе римских верований. Далее, критикуя схоластический взгляд на случайность и необязательность соединения тех или иных элементов, из которых состоит все, Лукреций рисует сатирическую картину хаотического возникновения тех или иных живых существ и природных явлений, в то время как все они имеют свою предопределенную природой индивидуальную особенность.

Ст. 167. Так, когда б не у всех тела родящие были... — Фет переводит «genitalia corpora» как «тела родящие» (ср. «родовые тела» у Петровского: *Лукреций.* С. 17).

Ст. 263—264. Если во что-либо что превращает природа, то вещи / Прежде родиться не даст, чем смерть ей другой не поможет. — Одно из многочисленных высказываний Лукреция о необходимости смерти в постоянном обновлении природы — мысль, присущая вообще античному миросозерцанию. Ср. в переводе Петровского: «Так как природа всегда возрождает одно из другого / И ничему не дает без смерти другого родиться» (*Лукреций.* С. 21). В книге III (ст. 869) Лукреций называет смерть «бессмертною» в противоположность «смертной» жизни: «Mortalem vitam mors cum immortalis ademit» (в переводе Петровского: «Ежели смертная жизнь отнимается смертью бессмертной» — *Лукреций.* С. 193). Ср. у Фета, неоднократно обращавшегося в творчестве к теме смерти, в стихотворении «Смерть» («„Я жить хочу!“ Кричит он дерзновенный...», 1878): «Но если жизнь базар крикливый бога, / То только смерть его бессмертный храм» (*Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 12).

Ст. 303—304: *...что дано им затрагивать чувства: / Трогать и тронутым быть ничто кроме тела не может.* — Приводим как пример удачного перевода одного из основных постулатов Лукреция. Ср. у Петровского: «Если способно оно приводить наши чувства в движенье: / Ведь осязать, как и быть осязаемым, тело лишь может» (*Лукреций.* С. 25).

Ст. 321. Это ревниво от глаз у нас сокрыла природа. — «Природа, — пишет Петровский, — названа „invida“, подобно божествам, ревниво оберегающим свои тайны. Очевидно в подражание Лукрецию называет так природу и Овидий (Tristia II, 531), говоря: „В тесном пространстве меня заключила

ревниво природа / И дарованию лишь малые силы дала“ (Перев. *Фета*)» (*Петровский*. С. 335).

Ст. 464. О похищении так когда говорят Тиндариды... — Тиндарида — в тексте «дочь Тиндара» — Елена, которую похитил Парис, что стало причиной Троянской войны.

Ст. 473—477. Никогда бы огонь любовью ~ не запалила Пергама... — Тиндарида — Елена, *Александр Фригиец* — Парис, второе имя которого было Александр. Далее речь идет о знаменитом троянском коне, подаренном осажденным троянцам, в котором прятались греки (ср. в «Энеиде» Вергилия: II, 13—267).

Ст. 491. От жестоких паров раскалясь, разлетаются скалы... — Петровский пишет, что «vapor» у Лукреция означает отнюдь не «пар», а именно «жар» (синоним — «calor»), даже в том случае, когда «vapor» исходит из воды (*Петровский*. С. 342), поэтому он переводит этот стих соответственно: «Скалы трещат, рассыпаясь в куски от свирепого жара» (*Лукреций*. С. 35). То же относится к ст. 567.

Ст. 512, 518. Фет заменяет первоначальное «материя» на «вещество», очевидно, из цензурных соображений.

Ст. 586. И указано всё священным союзом природы... — Фет находит удачный эквивалент «per foedera naturai», означающий буквально: «согласно договору», «взаимному обязательству». Ср. у Петровского: «сообразно законам природы» (*Лукреций*. С. 41).

Ст. 638—640. Гераклит среди их впервые ~ ищущих правды. — Со ст. 635 Лукреций начинает полемику с представителями различных философских школ. Основателя диалектики Гераклита Эфесского (ок. 540—483 до н. э.) называли Темным (или Мрачным). Сохранились лишь фрагменты его сочинения «О природе». По учению Гераклита, огонь является основой и первоначальной причиной космоса, из огня состоят также и души. По свидетельству Диогена Лаэртского, Гераклит написал свою книгу «как можно темнее, чтобы доступ к ней имели лишь способные» («О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского. Кн. 9). Он же сохранил эпиграмму:

Не торопись дочитать до конца Гераклита-эфесца —
Книга его — это путь, трудный для пешей стопы,
Мрак беспросветный и тьма. Но если тебя посвященный
Вводит на эту тропу — солнца светлее она (*D.L. IX. 16*)

Критикуя Гераклита, Лукреций метил и в стоиков, опиравшихся в понимании законов физики на его учение, в то время как эпикурейцы отталкивались в этих вопросах от Демокрита (см.: *Петровский*. С. 346—347).

Ст. 707—708. Как и те, что вещей зарожденья началом считают / Воздух, так же как те, что влагу сочли выводящей... — Основным веществом природы и основой космоса считал воздух (придавая этому понятию свойство «беспредельности») греческий философ Анаксимен Милетский (585/560—525/502 до н. э.), последний представитель милетской натурфилософской школы. Основатель же милетской школы, один из «семи мудрецов» Древней Гре-

ции Фалес Милетский (ок. 624 — ок. 548 до н. э.), считал, что все возникает из воды и все в нее возвращается.

Ст. 710. Землю, способную всех вещей облекаться природой... — Очевидно, Лукреций имеет в виду греческого поэта и философа Ксенофана Колофонского (ок. 570—475 до н. э.), согласно которому в чувственно-физическом мире началом является земля, корни которой простираются в бесконечность. Как и Лукреций, Ксенофан был активным противником политеистической религии, высмеивая даже Гомера и Гесиода, которые прославляли греческих богов.

Ст. 712—713. К ним прибавь ты и тех, что начало вещей удвояют, / Воздух смежают с огнем и влагу так же с землею... — Воздух и огонь началами всего сущего считал, по свидетельству Секста Эмпирика, Энопид Хиосский (сер. V в. до н. э.). Кого имел в виду Лукреций, говоря о сочетании влаги с землею как основе мироздания, сказать затруднительно.

Ст. 714—716. Да и считающих, что из четырех происходит / Всё вещей ~ Эмпедокл является первым... — Согласно учению греческого философа и государственного деятеля Эмпедокла Акрагантского (ок. 490 — ок. 430 до н. э.), все в мире состоит из четырех стихий: огня, воздуха, воды и земли, которые, будучи неизменными и непреходящими, заполняют пространство и, находясь в постоянном движении, складываются в различных пропорциях, образуя все органическое и неорганическое в природе.

Ст. 717. Коего остров родил на земле в берегах треугольных... — Эмпедокл был уроженцем города Акраганта на острове Сицилия, которую греки называли Тринакрия, то есть «треугольная», из-за ее формы.

Ст. 722. Тут же Харибда без дна и тут же грохотом Этна... — Пролив между Сицилией и Апеннинским полуостровом считался обиталищем двух чудовищ — Сциллы и Харибды, грозящих гибелью мореплавателям. По преданию, Эмпедокл бросился в жерло знаменитого вулкана Этна на Сицилии, чтобы доказать свое божественное происхождение.

Ст. 731. Даже и песни его о том из божественной груди... — Эмпедокл писал свои сочинения, сохранившиеся фрагментарно, гекзаметрами (поэмы «О природе», «Очищения»). Считается, что он оказал значительное воздействие на Лукреция. Несмотря на опровержение его философских взглядов, Лукреций не скрывает восхищения им как поэтом.

Ст. 739. На треножнике Пифия под Аполлоновым лавром... — Пифия — жрица храма Аполлона в Дельфах, ее предсказания, произнесенные в экстатическом состоянии, представляли собой нечленораздельные звуки, которые «переводились» коллегией жрецов и считались непререкаемыми. Сопоставляя изречения оракула с размышлениями греческих философов в пользу последних, Лукреций, без сомнения, нарушал религиозные нормы римского общества.

Ст. 830. Анаксагорову здесь разберем гомеомерию... — Далее Лукреций несколько упрощенно излагает учение греческого философа Анаксагора Клазоменского (ок. 500—428 до н. э.), одного из виднейших представителей ионийской школы (он родился в городе Клазомены в Ионии), переселившегося в Афины, которые переживали период расцвета. Став другом Перикла, он вынужден был, несмотря на высокое покровительство, бежать оттуда из-за угро-

зы преследований за свое учение. Анаксагор был одним из ближайших предшественников демокритова атомизма, предположив, в противоположность Гераклиту, Фалесу, Анаксимену, Эмпедоклу и др., что в природе существуют неизменные частицы, «семена всех вещей», складывающиеся в определенных пропорциях. Отсюда отрицание однородности стихий, предложенной перечисленными философами. В отличие от Демокрита, атомы которого неделимы, гомеомерии Анаксагора бесконечно делимы (*гомеомерия* — букв. «подобочастие»). Отличительные свойства вещей определяются преобладанием доли тех или иных гомеомерий, что и высмеивает Лукреций. При этом Лукреций, критикуя Анаксагора, не упоминает о его важнейшем открытии — признании дуализма духа и материи.

Ст. 926. По безвестным местам Пиэрид прохожу... — Пиэриды — Музы; Пиэрия — область в Македонии, место поклонения Музам. Петровский предлагает считать, что здесь речь может идти лишь о том, что никто до Лукреция не перелагал стихами философию Эпикура (*Петровский.* С. 358).

Ст. 1061—1067. Судя по всему, Лукреций придерживается мнения, что земля является не шаром, а диском, отставая от взгляда противоположного, которого придерживались Платон, Пифагор, Цицерон и другие мыслители (см.: *Петровский.* С. 359—361).

КНИГА ВТОРАЯ

Ст. 1—61. Вступление к книге II является «похвалой мудрости и доказательством тщетности людских забот и страхов». «Призыв к бесстрастию, к безмятежности, к спокойствию духа на почве, с одной стороны, устранения ложных страхов, а с другой — ложных страстей и потребностей, — все это заимствовано, — пишет Петровский, — из этики Эпикура, тогда как страстный тон этой проповеди бесстрастия является специфической чертой Лукреция, представляющей некоторую логическую непоследовательность <...>» (*Петровский.* С. 361).

Ст. 1—6. Психологически точная картина безмятежного спокойствия и ощущения благополучия человека, наблюдающего издалека за сокрушительными бедствиями (Лукреций использует, в частности, образ бури на море, привычный для греческой и латинской литератур и нередко встречающийся в творчестве Фета), навлекла на поэта-философа упреки в эгоизме, чего он, разумеется, не заслуживал.

Ст. 8. Храмах, основанных так надежно ученьями мудрых... — По предположению Петровского, сославшегося на Аристофана, образ был широко распространенным: «в „Облаках“ Аристофана, где мудрость (σοφία) называется прекрасно-, или крепко-стенною (καλλίπυργος) (ст. 1084)» (*Петровский.* С. 362).

Ст. 17. ...алкает природа... — В подлиннике: «Nil aliud sibi naturam latrare», букв.: «лает природа»; ср. у Петровского: «природа вопит» (*Лукреций.* С. 73). Образ «лающего сердца» встречается у Гомера (Одиссея XX, 13) и у Энния (см.: *Петровский.* С. 362).

Ст. 18—19. Как в то время, когда ~ вдали от заботы и страха? — Здесь Лукреций излагает учение Эпикура в подлинном виде, где под «наслаждением» предполагалось уравновешенное состояние души и тела.

Ст. 24—26. Хоть и в правых руках золотые юношей лики ~ ночные пиры озаряли... — Здесь комментаторами отмечается реминисценция из «Одиссеи» Гомера (VII, 100—102), где дается описание дома царя Алкиноя (*Петровский*. С. 363).

Ст. 28. И резной потолок... — Имеется в виду потолок с квадратными углублениями, кессонами.

Ст. 39. Надо думать, душе от них ни малейшей нет пользы. — Душа, по учению Эпикура, была телесной и составляла неотъемлемую часть человека.

Ст. 78—79. И в кратковременный срок сменяется племя живущих, / Факел жизни другим, как скороходы, сдавая. — Образ, нередко встречающийся в античной литературе. Ср. у Фета в дарственной надписи великому князю Константину Константиновичу (К. Р.) на третьем выпуске «Вечерних огней» (с датой: «15 января 1888»):

Трепетный факел с вечерним мерцанием,
Сна непробудного чуя истому,
Немощен силой, но горд упованием,
Вестнику света сдаю молодому.

(*Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 142).

Ст. 165—166. Некоторые комментаторы считают, что после ст. 164 идет несомненный пропуск, а ст. 165—166 представляют собой конец утраченного рассуждения (*Петровский*. С. 368).

Ст. 388. ...свет через рог проникает... — Прозрачные части фонаря делались из пузыря или рога.

Ст. 412. Здесь Фет избегает употреблять греческие слова (для обозначения музыкальных терминов), к которым прибегает Лукреций, поскольку в латинском их еще не было.

Ст. 416. Иль театральный помост вновь кроком ульют сицилийским... — Об обычае поливать театральные подмостки кроком (или, точнее, настойкой из шафрана, обладающего благовонным ароматом и являющегося натуральным красителем) свидетельствуют и другие римские авторы, в том числе Гораций и Овидий. Называя крок сицилийским, Фет ошибся, поскольку у Лукреция говорится о кроке киликийском («croco Cilici»), то есть произрастающем на Киликийском полуострове, расположенном в южной части Малой Азии.

Ст. 417. Иль испускает алтарь струи благовоний панхейских... — Панхея — легендарный остров в южном океане, напротив берегов Аравии, едва ли существовавший в действительности.

Ст. 434. Ведь осязание-то, осязанье, священные боги! — Под словом «tactus» разумеется не только осязание, но и все пять чувств. Здесь Лукреций формулирует основное положение сенсуализма Эпикура, отсюда торжественный тон высказывания.

Ст. 500—501. ...пурпур блестящий / Мелибейский, что в цвет фессалийских улиток окрашен... — Имеется в виду краситель различных оттенков от

багряного (темно-красного) до фиолетового и черного, извлекаемый из морских моллюсков (иглянок). *Мелибея* — город в Фессалии. Одежда, окрашенная в цвета пурпура, была очень дорогой и означала принадлежность ее обладателей к верховной знати.

Ст. 504. Смирна (или *мирра*) — ароматная смола, получаемая из некоторых пород африканских и аравийских деревьев. В древности использовалась как благовонное курительное вещество, также как парфюмерное средство.

Ст. 505. ...фебейское пенье... — Согласно древнегреческой мифологии, Феб (или Аполлон) был покровителем певцов и музыкантов и прекрасно играл на кифаре.

Ст. 538. Индия из их клыков себя ограждает забором... — Подобные свидетельства сохранились у некоторых античных авторов, хотя эти сведения не всеми признаются за достоверные (см.: *Петровский*. С. 378).

Ст. 600—660. Лукреций дает описание культа Земли, которую он называет Великой Матерью и в котором слились аграрный культ Кибелы фригийского происхождения и греческий миф о Рее, дочери Урана и Геи, матери Зевса.

Ст. 606. И вершину главы увенчали стенною короной... — То есть короной в виде крепостной стены. Такой короной венчали в Риме того, кто первым взошел на стену осажденного города.

Ст. 611. Матерью с Иды зовут... — *Ида* — гора во Фригии. На Крите есть также гора с таким названием.

Ст. 614. Галлы — евнухи, священнослужители Кибелы.

Ст. 618. Тимпан — древний музыкальный инструмент, напоминающий бубен, *кимвалы* — парный ударный инструмент, состоящий из двух бронзовых тарелок, принадлежность оргиастических обрядов в культах Диониса и Кибелы.

Ст. 620. И подстрекает сердца ладами фригийскими флейта... — «Фригийский лад в ряду остальных имеет такое же значение, какое занимает флейта среди музыкальных инструментов: как фригийскому ладу, так и флейте свойствен оргиастический, страстный характер» (Аристотель. Политика. VIII, 7, 8—1324b).

Ст. 629. ...фригийских куретов... — Неточность у Лукреция: фригийские служители Кибелы назывались корибантами, куретами же назывались критяне, охранявшие Зевса на острове Крит, куда его спрятала мать Рея от отца Кроноса, пожиравшего своих детей.

Ст. 633. Диктейские куреты — назвались так от критского города Дикты.

Ст. 637. Сатурн в римской мифологии то же, что Кронос в греческой.

Ст. 660. Он в заблужденье своем щадил в его собственной правде. — В подлиннике более резкое выражение: «Religione animum turpi contingere parcat». Ср. у Петровского: «Он, в самом деле, души не пятнает религией гнусной» (*Лукреций*. С. 111).

Переписка Фета

ПИСЬМА ФЕТА к М. П. БОТКИНОЙ
(май — август 1857 года)

Публикация Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой
Вступительная статья И. А. Кузьминой

Светлой памяти Г. Д. Аслановой

Во второй половине марта 1857 года, вскоре после возвращения из длительного заграничного путешествия, тридцатишестилетний Фет прибыл в Москву. Поездка была вызвана печальными обстоятельствами: сестра Надежда, самый близкий ему человек, внезапно сошла с ума, и орловский врач посоветовал везти ее в Москву на лечение. После консультации у знаменитого психиатра Саблера Надежда Шеншина была помещена в частную клинику Красовского в Денисовском переулке, сам же Фет поселился поблизости, сняв «довольно удобную квартиру» на Немецкой улице, в доме графа Шувалова.[1]

Обосновавшись в Москве, поэт решил наведаться к давнему, со студенческих лет, приятелю, Василию Петровичу Боткину, чья статья о последней книге его стихотворений совсем недавно вышла из печати.[2] Боткин проживал по тому же адресу, что и прежде, в доме, купленном

---

[1] *МВ*. Ч. 1. С. 187. См. также примеч. 6 к письму 1, уточняющее адрес Фета.

[2] *Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета. Санкт-Петербург. 1856 // *Совр*. 1857. № 1. За эту статью Боткин взялся по просьбе самого поэта. Так, 29 июня 1856 г. он писал А. А. Краевскому: «Давно уже, более двух месяцев тому, как Фет просил меня написать об его книжке для „Современника“, и я, не спросясь броду, сунулся в воду <...>» (Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому / Публ. И. А. Бычкова // Отчет императорской Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. С. 108).

Фет и Н. А. Шеншина.
Фотография. Париж, осень 1856 г.

его отцом. Обширная усадьба Боткиных с флигелями, хозяйственными службами и примыкавшим с юга садом находилась вблизи Маросейки, с востока она была ограничена Петроверигским переулком, на который смотрел парадным фасадом двухэтажный, с антресолями, «большой» дом. В. П. Боткин еще при жизни отца поселился в одном

из флигелей, там он встречался со своими друзьями, не тревожа семейство, поэтому в свою студенческую пору Фет не имел случая познакомиться с его родными.

Но на этот раз Боткин пригласил поэта на семейный обед в «большом» доме. К столу вышли: брат Василия Петровича Петр Петрович с женой Надеждой Кондратьевной, незамужняя сестра Мария Петровна и еще одна родственница, двоюродная сестра Боткиных Елизавета Васильевна Чичерина.[3] Тогда Фет впервые увидел свою будущую жену. Датировать это событие, ввиду крайней ограниченности известных источников, можно только приблизительно, по письму В. П. Боткина к А. В. Дружинину. «Забыл было Вам сказать, — писал Боткин 2 апреля, — Фет здесь уже дней 6, он постоянно обедает у нас — и услаждает собой мою душу. Италию ругает он до омерзения и тем приводит Григоровича[4] (он еще витает здесь — но едет сегодня в деревню) в негодование ужасное. Бедный Фет в горе: сестра его помешалась, и он привез ее сюда лечить. Я вспоминаю Ваши слова о нем: он действительно услаждает душу: удивительная смесь самых глубоких и верных поэтических инстинктов и тупости.[5] Но это такое милое сердце, что вид его один веселит меня».[6]

---

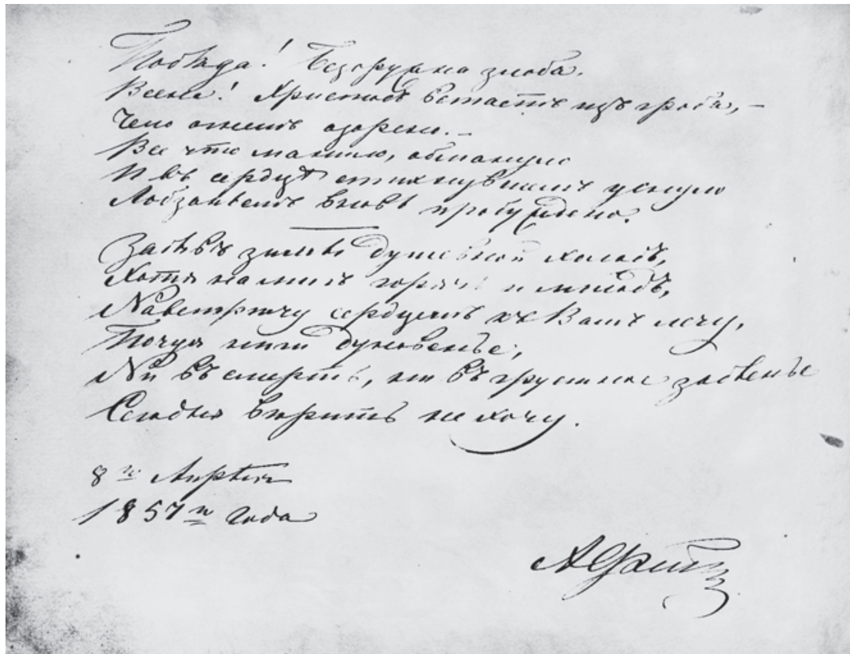
[3] *МВ*. Ч. 1. С. 188.

[4] Речь идет о писателе Д. В. Григоровиче.

[5] Ср. с тем, что писал Тургенев Боткину 18 (30) сентября 1856 г.: «Фет в Париже — я его видел. Скучает до исступления — ничего не понимает изо всего, что вокруг него происходит; вне своей лирики он плох — и совершенно лишен даже поверхностной наблюдательности» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 126—127).

Фет только в январе 1857 г. вернулся из заграничного путешествия, побывав в Карлсбаде, где прошел курс лечения, в Берлине, Париже, Риме и Неаполе. В Италии он был неприятно поражен контрастом между памятниками великого прошлого и жалким настоящим страны (ср. стихотворения, написанные под впечатлением этого путешествия: «Италия» («Италия, ты сердцу солгала...») и «На развалинах цезарских палат» («Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьется...»). В последнем, обращаясь к Риму, поэт восклицал: «Законность измерял ты силою великой. / Что ж сиротливо так безмолвствуешь теперь? / Ты сам, бездушный Рим, пал жертвой силы дикой, / Как устаревший хищный зверь» (*Фет. ССиП*. Т. 1. С. 245)). Негативному восприятию Италии способствовали и бытовые неудобства: при отсутствии печного отопления в Риме и Неаполе Фет страшно мерз в условиях итальянской зимы. У его приятелей-западников, к которым относился не только Боткин, но и Тургенев, Дружинин, Григорович, критика европейских порядков не вызывала понимания, тем более что Фет любил эпатировать слушателей, порой высказывая свои мнения в парадоксальной форме. Так, в письме Дружинина к Толстому от 10 февраля 1859 г. упоминается некий проект Фета «о выколонии глаз всем итальянцам» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 278).

[6] В. П. Боткин и И. С. Тургенев: Неизданная переписка. 1851—1869. М.; Л., 1930. С. 303.



Побѣда! Безоружна злоба.
Весна! Христосъ встаетъ изъ гроба, —
Чело огнемъ озарено. —
Все что манило, обманулось
И въ сердцѣ отжившимъ уснуло
Лобзаньемъ вновь пробуждено.

Зато въ зимѣ душевной холодъ,
Хотя томимъ [illegible] и молодъ,
Навстрѣчу сердцемъ къ Вамъ лечу,
Точно гимн [illegible];
Ни въ смерть, ни въ грустное забвенье
Сегодня вѣрить не хочу.

8го Апрѣля
1857го года

А. Фетъ

Стихотворение Фета «Победа! Безоружна злоба...». 8 апреля 1857 г.
Альбом М. П. Боткиной

«Наступила Страстная неделя, — вспоминал Фет, — и Боткины пригласили меня к Пасхальной заутрене и к разгавливанью. Вследствие такого приглашения, я отправился с вечера отдохнуть во флигель Василия Петровича, приказав слуге принести мне полную форму и три заказанных букета цветов. Василий Петрович, невзирая на свой скептицизм, с восторгом выстаивал торжественную службу Светлого Воскресения. Действительно, при ярком внутреннем и наружном освещении богатой московской церкви и дорогом хоре певчих, служба отличалась полной торжественностью. Затем все отправились к пасхальному столу, на котором стояли перед дамами поднесенные мною букеты».[7]

На следующий день, в понедельник 8 апреля, Фет пришел на Маросейку с новым стихотворением и записал его в альбом Марии Боткиной.

Победа! Безоружна злоба.
Весна! Христос встает из гроба, —
Чело огнем озарено. —

[7] *МВ*. Ч. 1. С. 189.

Все, что манило, обмануло
И в сердце стихнувшем уснуло
Лобзаньем вновь пробуждено.

Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг горяч и молод,
Навстречу сердцем к Вам лечу,
Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвенье
Сегодня верить не хочу.[8]

В одном из писем Фета к Боткиной есть примечательная фраза: «Как я радовался, когда сердце мое трепетало в ту минуту, когда в твоей угольной комнатке писал тебе в альбом и ты шумела около меня платьем».[9] Можно усомниться, что речь здесь идет именно о пасхальном стихотворении, ведь альбом содержит несколько автографов Фета.[10] Однако в письмах его находим еще одно, драгоценное для биографов поэта свидетельство: «Ты пишешь, что тебе хочется жить. Этого и мне с нынешней Святой хочется».[11]

Поэт приехал в Москву в тяжелом, подавленном состоянии духа. И вот, спустя каких-то полторы недели после первого посещения Маросейки, его настроение разительно изменилось. Да и сам факт написания лирически окрашенного стихотворения наводит на мысль, что девушка по меньшей мере привлекла к себе внимание Фета.

Дочь основателя крупной чаеторговой фирмы Петра Кононовича Боткина (1781—1853) от его второго брака с Анной Ивановной Посниковой (1806—1841), Мария Петровна родилась 18 июля 1828 года, при знакомстве с Фетом ей было без малого 29 лет. Как и ее сестры, она воспитывалась дома. П. К. Боткин приглашал к своим детям учителей, начиная с какого-то времени образованием братьев и сестер озаботился и В. П. Боткин. Кстати сказать, Фет познакомился с В. П. Боткиным через Н. А. Ратынского, дававшего в студенческие годы уроки младшим сестрам Василия Петровича Марии и Анне.[12] Биограф С. П. Боткина утверждает, что будущий знаменитый терапевт приобщился к музыке в детстве благодаря жене Т. Н. Грановского Елизавете

---

[8] Цит. по: *ИРЛИ*. № 24535 (Альбом М. П. Боткиной). Л. 64 об.

[9] Письмо от 17—18 июля 1857 г. (№ 24).

[10] В альбом М. П. Боткиной Фет вписал, кроме названного выше, следующие стихотворения: «У камина» («Тускнеют угли. В полумраке...»), без даты (Л. 68), «Только станет смеркаться немножко...», с датой: 1857, 8 мая (Л. 85); «Сестра» («Милой меня называл он вчера...»), без даты (Л. 122). См.: *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // *ФетСб(1)*. С. 496.

[11] Письмо от 8 июля 1857 г. (№ 17).

[12] *РГ*. С. 205.

Семья Боткиных. Фотография К. Бергнера.
Москва, конец 1850-х гг.

В первом ряду (*сидят слева направо*): Петр, Н. К. Боткина, Сергей, Анна, Михаил. Во втором ряду (*слева направо*): Владимир, Павел, Дмитрий, С. П. Постников

Богдановне, урожденной Мюльгаузен, талантливой пианистке (чета Грановских снимала квартиру в доме на Маросейке).[13] Возможно, влияние Грановской коснулось и Марии, она была музыкальна, серьезно обучалась игре на фортепьяно, одно время брала уроки у известного

[13] *Нилов Е.* Боткин. М., 1966. С. 11 (сер. «Жизнь замечательных людей». Вып. 2 (419)).

пианиста Мортье-де-Фонтена.[14] Особой склонности к поэзии она не проявляла, однако имя поэта ей было известно до личного с ним знакомства. По крайней мере, В. П. Боткин в одном из писем к сестре упомянул Фета, не поясняя, кто это такой.[15]

Фет вспоминает, что Боткин отбыл за границу, «не дожидаясь конца Святой недели».[16] Если мемуарист здесь и ошибся, то ненамного. Судя по письмам и дневнику Дружинина, который составил Боткину компанию в путешествии, приятели выехали из Москвы 14 или 15 апреля 1857 года.[17] При отъезде Боткин еще раз поручил поэта вниманию своего семейства: «Чем в одиночестве-то скучать, <...> отчего вам не приходить в дом, где вам все рады».[18]

М. П. Боткина занимала комнаты на антресолях, там стоял ее рояль. У нее по определенным дням собирался кружок молодежи, который стал посещать и Фет. Впоследствии он писал Боткину: «Мне понравилась девушка — я старался с ней сблизиться, полюбил ее <...>».[19] «Познакомясь короче с сестрой Вашей, я более и более убеждался в ее добром сердце и мягком характере, первых залогах всякой возможности домашнего счастия».[20]

Возможно, ухаживанья Фета длились бы еще долго — в его годы ему было нелегко решиться на женитьбу, — но вдруг он узнал, что Мария на днях уезжает за границу и вернется через несколько месяцев. «По всем обстоятельствам дальнейшее колебание становилось невозможным. И однажды, когда мы, ходя по маросейской зале, ввиду ощу-

---

[14] В. П. Боткин писал сестре 22 января 1857 г.: «А что твои музыкальные уроки у Мортье де Фонтон? Ты о них ничего не пишешь — разве ты уже охладела к ним? Пожалуйста, разучи хорошенько какую-нибудь из сонат Бетховена — право, этот человек незаменим никем» (*Мендельсон Н. М.* Письма В. П. Боткина к М. П. Боткиной-Фет и А. А. Фету // Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1929. Сб. 2. С. 68). Далее сокращенно: *Мендельсон*, с указанием страницы.

[15] Боткин писал в цитированном выше письме от 22 января 1857 г.: «...не думай, чтоб я все время проводил в праздности — я здесь написал статью о Фете, которая, кажется, вышла недурна — она напечатана в 1 № „Современника“» (Там же).

[16] *МВ*. Ч. 1. С. 190.

[17] 5 апреля 1857 г. Дружинин писал Боткину: «В среду или четверг на Святой рассчитываю выехать, а так как все мои дела в Москве <...> требуют одного дня, а много двух, то делайте все приготовления для выезда к 15 или, пожалуй, к 14» (Письма А. В. Дружинина к В. П. Боткину / Вступит. статья, публ. и коммент. О. А. Голиненко и Б. М. Шумовой // Октябрь. 2000. № 9. С. 163). А в дневнике Дружинина есть следующая запись от 9 апреля: «Послезавтра еду за границу, чрез Москву и Варшаву» (*Дружинин. Дневник*. С. 403).

[18] *МВ*. Ч. 1. С. 190.

[19] Письмо от 14 июня 1857 г.: *Фет/Боткин*. С. 195.

[20] Письмо от 16 мая 1857 г.: Там же. С. 188.

щаемой возможности избавиться от нравственной бесприютности и одиночества, невольно стали на них жаловаться, — я решился спросить, нельзя ли нам помочь друг другу, вступая в союз, способный вполне вознаградить человека за всестороннее безучастие. Хотя такой прямой вопрос и ставил Марью Петровну, за отсутствием Василия Петровича, в очевидное затруднение, тем не менее она безотлагательно приняла мое предложение, чистосердечно объявив, что у нее ничего нет, за исключением небольшого капитала. Хотя у меня приблизительно было столько же, но так как все это было разбросано по разным рукам и, что еще хуже, — по родственным, то я, во избежание могущих встретиться разочарований, объяснил наотрез, что у меня ничего нет. Таким образом, не объявляя никому ничего в доме, мы дали друг другу слово и порешили отложить свадьбу до сентября, т. е. до возвращения невесты из-за границы».[21]

Судя по этому отрывку, где нет ни слова о любви, можно подумать, что брак Фета и Боткиной был не более чем союзом одиноких людей. Но, как справедливо заметила Г. Д. Асланова, «мемуары Фета не исповедальны — душа их автора спрятана за внешним течением событий».[22] Сыграл свою роль и фактор времени: Фет диктовал свои воспоминания в конце жизни, с высоты прожитых лет бесстрастно взирая на далекое прошлое. Совсем иначе он описал свое объяснение с Боткиной в одном из июньских писем к ней, когда впечатления от столь важного для него события были еще свежи: «Я сделал предложение девушке, которую полюбил, за два дни до ее отъезда за границу и получил ее полное согласие и *честное слово*. „*Будьте совершенно покойны*“, — сказала мне моя невеста. Точно ли могу я быть покойным на этот счет? — спросил я. „*Да, да*“, — отвечала она у рояля: „*вот вам моя рука*“. Все это случилось так быстро, что я не успел ничего ей сказать и объяснить, исключая одного. Вы, говорю я ей, жили в богатом доме, а теперь связываете свою судьбу *навек* с человеком, который Вас искренно и преданно любит, но которого состояние как раз равно Вашему и вместе с Вашим не составит большого. Я Вам даю, любимой мною женщине и самому себе, слово неусыпно работать, насколько сил моих хватит, для того чтобы не заставить Вас нуждаться. Вы к этому не привыкли, да и у меня бы нужда и Ваши лишения отняли всякую иллюзию в жизни, *я был бы глубоко несчастлив*. <...> Вот та важная мысль, которую я, делая предложение, передал моей невесте».[23]

---

21 *МВ*. Ч. 1. С. 192—193.

22 «От тебя одной зависит мое полное счастие...»: Письма А. А. Фета к невесте / Публ. и примеч. Г. Д. Аслановой // Наше наследие. 1999. № 49. С. 54. Далее сокращенно: *Наше наследие*, с указанием страницы.

23 См. письмо 10 (между 13 и 18 июня 1857 г.).

Среди биографов поэта вплоть до 90-х годов прошлого века господствовало представление о том, что Фет женился на Боткиной ради ее приданого, не испытывая к ней любовных чувств. Сохранившиеся письма Фета к невесте, впервые частично опубликованные Г. Д. Аслановой[24] (в настоящем сборнике они представлены в полном объеме), а также письма Фета к В. П. Боткину, подготовленные к печати Ю. П. Благоволиной,[25] говорят сами за себя, избавляя нас от необходимости особо распространяться об ошибочности такого взгляда на брак поэта. Но остается вопрос о материальной обеспеченности как невесты, так и жениха, который представляется существенным и требует пояснения.

Мнение о значительном состоянии Боткиной (настоящего размера которого никто не указывал) основывалось на том обстоятельстве, что она была дочерью богатого купца. При этом не принималось во внимание, что у Петра Кононовича, оставившего, по словам Фета, «далеко не огромный капитал»,[26] было четырнадцать детей. Как установила Г. Д. Асланова, обнаружившая в Отделе письменных источников Государственного исторического музея завещание П. К. Боткина, приданое Марии составляло 35 тысяч рублей серебром.[27] Чтобы представить себе, насколько велика была эта сумма, приведем для сравнения факт из биографии С. П. Боткина, получившего в наследство 20 тысяч рублей серебром. «...Их ему хватило, — пишет Б. Ф. Егоров, — *при его скромных потребностях*, на четыре с половиной года упорного труда в европейских университетах и клиниках да еще и на женитьбу, и на семейную жизнь в конце того четырехлетия».[28] Заметим, что молодой врач мог себе позволить растратить за немногие годы все свое наследство, в итоге он приобрел профессию, которая кормила его и его семью до конца жизни. Фет же должен был планировать свой бюджет, рассчитывая только на банковские проценты. «У меня 35 т<ысяч> сер<ебром> капиталу, у Вашей сестры, по ее словам, столько же — следовательно, мы ни в коем случае не можем получать менее 4500 р. в год — а этим можно жить сносно», — писал он Боткину 16 мая 1857 года.[29] В другом письме к тому же адресату он оценивает свои перспективы более сдержанно: «У нас у двух будет 70 т<ысяч> сер<ебром>, т. е.

---

[24] *Асланова Г. Д.* 1) «Навстречу сердцем к Вам лечу»: История женитьбы А. А. Фета по архивным документам // Новый мир. 1997. № 5. С. 197—210 (Далее сокращенно: *Новый мир,* с указанием страницы); 2) *Наше наследие.* С. 39—54.

[25] *Фет/Боткин.* С. 156—542.

[26] *МВ.* Ч. 1. С. 188.

[27] *ОПИ ГИМ.* Ф. 122. № 1. См.: *Новый мир.* С. 198.

[28] *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб., 2004. С. 150—151. Курсив наш. — *И. К.*

[29] *Фет/Боткин.* С. 188.

столько, что, живя прилично, только-только можно сводить концы с концами <...>».[30]

В действительности же цифра в 70 тысяч была скорее умозрительной. Личное состояние Фета, по его собственному признанию, было «разбросано по разным рукам и, что еще хуже, — по родственным», т. е. заключалось в заемных письмах. Достоверно известно о существовании одного такого письма на 30 тысяч рублей серебром, выданного Фету в 1854 году его братом Петром Шеншиным.[31] Вексель этот был безденежным, настаивать на выплате не то что всего капитала, но и процентов с него Фет не мог. В «Моих воспоминаниях» приводятся слова П. А. Шеншина, сказанные им, когда Феты жили уже в Степановке: «Я давно мучаюсь своею неаккуратностью и очень хорошо знаю, что несвоевременная высылка мною процентов была одною из причин, заставивших тебя бежать из Москвы».[32] Как показывает цитированное выше письмо к невесте, Фет вполне осознавал недостаточность их общих средств для «приличной», по меркам Боткиных, жизни. Дав невесте слово «неусыпно работать», чтобы не заставить ее нуждаться, поэт имел в виду свои литературные гонорары, которыми он надеялся пополнить семейный бюджет.

В объяснении молодых людей была затронута еще одна тема, которая по понятным причинам не получила отражения в «Моих воспоминаниях». «Бедняжка, смущенная и трепетная, в отрывочных словах передала мне свое *прошлое*, и я сказал ей то же, что и Вам повторяю, — писал Фет Боткину 16 мая 1857 года. — Я не китаец по понятиям. Мое спокойствие и счастие зависит от ее будущего, а не от прошедшего. <...> До сих пор я умел, несмотря ни на какие обстоятельства, сохранить, мало того создать свою полную независимость, и я надеюсь сохранить ее навсегда — тем более оградить любимую женщину от всех возможных посягательств на ее спокойствие извне. Доживать век одиноко — грустно, женщина любит меня, а я не совью и ей и себе уютного гнездышка, только потому что соседи могут смотреть на это неприязненно. Но ведь выбор соседей будет тоже зависеть от нас».[33]

О каком «прошлом» шла речь? Из переписки Боткиных, говоривших о случившемся в общих выражениях, поскольку подробности были всем известны, можно понять, что в 1854 году девушка пережила несчастный роман, который получил огласку.[34] После этого Мария в со-

---

[30] Письмо от 14 июня 1857 г.: Там же. С. 194.

[31] См. об этом подробнее примеч. 3 к письму 2.

[32] *МВ*. Ч. 1. С. 419.

[33] *Фет/Боткин*. С. 188.

[34] См. об этом подробнее: Там же. С. 161, 190, примеч. 3.

провождении брата Дмитрия уехала за границу, где провела больше года. Родные ее не осуждали, напротив, сочувствовали и старались поддержать, но общество смотрело на ее проступок иначе. Женившись на ней, Фет мог стать мишенью для пересудов.

Сразу после объяснения Фет написал Марии письмо, в котором раз и навсегда подвел черту под прошедшим: «Повторяю все, что отрывочно успел сказать Вам в смутную минуту нашего последнего разговора. Я желаю быть Вашим ближайшим и преданнейшим другом, а не помехой в жизни, я хочу отогреть Вас ото всего, что могло сжать холодом Ваше сердце, а не стоять перед Вами нелепой укоризной. Ваше прошлое может меня только интересовать как человека, принимающего живейшее участие в душевной Вашей жизни, но для личного моего счастия мне нужно Ваше будущее».[35]

16 мая Мария и ее старшая сестра Е. П. Щукина поездом выехали в Петербург, чтобы оттуда пароходом отправиться в Германию. Сестры предполагали в течение трех месяцев побывать на немецких, швейцарских и французских курортах. Фет провожал невесту на вокзале. О помолвке официально объявлено не было: молодые люди считали необходимым получить согласие на брак старшего из Боткиных, Василия Петровича. Письмо, написанное Фетом в тот же день, сохранило некоторые подробности прощания: «Когда Вы садились в вагон, я увидал своего сослуживца. Он подошел ко мне, расцеловался и объявил, что он женится и что его провожает невеста. Я до того был взволнован собственным положением, что забыл его даже поздравить. Я видел, как он впился губами в кисть ее руки, повыше перчатки. Она ужасно дурна собой, но он видимо счастлив. Что ж я-то? Я никому не смею сказать, что провожаю невесту! — Добрая, милая Марья Петровна, я не верю своему счастью».[36]

Впереди была длительная разлука. Сначала, как сказано в «Моих воспоминаниях», было решено «отложить свадьбу до сентября, т. е. до возвращения невесты из-за границы». Однако за оставшиеся дни Фет успел передумать: в письме от 16—18 мая 1857 года читаем о его планах выехать из Москвы в первых числах августа и венчаться в Париже.[37]

Из московских писем Фета к В. П. Боткину сохранилось три. В первом из них, от 16 мая 1857 года (которое уже цитировалось выше), поэт сообщил, что сделал формальное предложение Марии Петровне и объяснил, какими средствами он располагает. Через два дня последовало

---

[35] См. письмо от 14 мая 1857 г. (№ 2).

[36] Письмо от 16—18 мая 1857 г. (№ 4).

[37] См. письмо 4. О том же Фет писал В. П. Боткину в письме от 16 мая 1857 г. (*Фет/Боткин*. С. 189).

М. П. Боткина.
Портрет работы неизвестного художника (карандаш, акварель). 1848 г.
Альбом М. П. Боткиной

второе, ярко иллюстрирующее его душевное состояние: «Я бывал не раз в жизни влюблен, но быть влюбленным в кого бы то ни было и быть влюбленну в невесту — адская разница. Я так счастлив, что готов дома ломать, в груди 16 лет и каждый день стихотворение. Если б жизнь могла длиться при таких условиях, я молил бы у неба бессмертия». И добавлял: «Вместо объяснений выписываю Вам два стихотворения,

одно написано третьего дня, а другое вчера. Сегодня тоже написал, но оно велико, и я оставляю его до следующего письма».[38]

Стихи, о которых идет речь, это «Еще майская ночь» и «Цветы». Судя по письму, их можно датировать 16 и 17 мая 1857 года. По поводу третьего, написанного «сегодня» и отложенного до следующего раза из-за его величины, Ю. П. Благоволина высказала весьма правдоподобное предположение, что Фет имел в виду стихотворение «Был чудный майский день в Москве...», состоящее из девяти строф.[39] А если принять во внимание, что 15 мая датировано стихотворное послание «Другу», сохранившееся среди писем к невесте, то становится понятным, что Фет ничуть не преувеличивал, утверждая, что каждый день пишет по стихотворению. Эйфория, охватившая влюбленного поэта, вызвала мощный поток вдохновения, и сам он ясно понимал, в чем его источник: «Написал еще хорошее стихотворение. Люди хвалят, а и не подозревают, отчего оно хорошо. В Диепп привезу Вам все стихотворения, написанные под Вашим влиянием».[40]

Ю. П. Благоволина, процитировав известнейшие строки из стихотворения «Еще майская ночь», задается риторическим вопросом: «Мог ли этот высокий взлет поэтического вдохновения явиться в условиях обыденно-прозаических обстоятельств женитьбы по расчету?».[41] Действительно, текст, который по праву можно отнести к шедеврам русской лирики, был написан на третий день после обручения поэта. Даже если бы письма к невесте не сохранились, одного этого факта было бы достаточно, чтобы похоронить домыслы о расчетливом Фете, продавшем себя за «сундук с червонцами».[42]

В письмах Фета к М. П. Боткиной содержится несколько упоминаний о «вдохновленных» ею стихах, которых было, видимо, не менее полутора десятка. Именно такую цифру называет сам поэт в письме к Боткину от 14 июня: «...написал стихотворений 15, и это одна из самых ярких эпох моей пиитической деятельности, по словам Григорьева».[43]

К сожалению, большинство предсвадебных писем со стихотворными текстами пропало. В настоящее время можно с уверенностью говорить только о семи стихотворениях, написанных весной и летом 1857 года. Попытка выявить другие стихи, связанные с личностью Марии Ботки-

---

[38] *Фет/Боткин.* С. 192.

[39] Там же. С. 193, примеч. 7.

[40] Письмо от 16—18 мая 1857 г. (№ 4).

[41] *Фет/Боткин.* С. 159.

[42] См. статью Д. Д. Благого «Мир как красота»: *Фет А. А.* Вечерние огни. 2-е изд. М., 1981. С. 513—514 (Лит. памятники»).

[43] *Фет/Боткин.* С. 194.

ной, предпринята нами в отдельной статье,[44] а пока вернемся к истории женитьбы Фета.

После отъезда невесты Фет много времени проводит в кругу ее родных, часто бывает в доме на Маросейке и в Кунцево, где Боткины снимали дачи. Тайна его сватовства продержалась недолго. Перед отъездом Мария рассказала кому-то из братьев о своем предстоящем замужестве,[45] а затем объявила о том же своей невестке Н. К. Боткиной в одном из первых писем домой. «Знаете, милая Надечка, что сон, который Вы видели в день моего отъезда, кажется, сбудется <...>, — писала она из Берлина 8 июня (27 мая ст. ст.) 1857 года. — Не знаю, <...> похвалите ли Вы меня за мое решение, но меня Фет последнее время заинтересовал и казался мне добрым и благородным человеком <...> Передайте, пожалуйста, это Петеньке, вероятно, он будет этим доволен, только одним разве будет недоволен, что он поэт, но ведь он тоже и полковник. <...> Но только, пожалуйста, чтоб это осталось между нами, потому что я и сама ничего не знаю наверно. Я это только сказала братьям, которые были ужасно этим обрадованы».[46]

Замечание о сбывшемся сне любопытно: очевидно, Боткины видели, что происходит между Марией и Фетом, и ожидали их помолвки. Это и не удивительно, после отъезда В. П. Боткина Фет, по его собственным словам, обедал на Маросейке ежедневно, и даже прислуга понимала, ради кого он приезжает: «...люди при входе моем уже говорили (когда Мари не было дома): Марьи Петровны дома нет».[47]

Все Боткины были рады известию о сватовстве Фета. Особенно это заметно по реакции старшего из них, который по обстоятельствам долгое время был оторван от домашних новостей и узнал о случившемся последним. 28 июня (10 июля) 1857 года, получив, наконец, из Рима майские письма Фета, он в тот же день написал обоим, и жениху, и невесте. Письмо к Фету не сохранилось, но отношение В. П. Боткина

---

[44] См. нашу статью «О „боткинском“ периоде в творчестве Фета (весна — лето 1857 года)» в наст. томе.

[45] В мае 1857 г., когда М. П. Боткина и Е. П. Щукина отправились за границу, в Москве, кроме Петра, было только двое из братьев Боткиных: Иван и Дмитрий. Михаил и Павел проживали в Петербурге (первый был студентом Академии художеств, второй — служил в Министерстве внутренних дел), а остальные братья находились за пределами России: Николай был в Париже, Владимир, подобно Василию, в то время путешествовал по Западной Европе, Сергей продолжал свое образование в Берлине. Мария могла рассказать о брачном предложении Фета как «московским», так и «петербургским» братьям, поскольку путь ее за границу пролегал через Петербург.

[46] *ОПИ ГИМ*. Ф. 122. № 372. Л. 27об.—28 об. См. также: *Фет/Боткин*. С. 190, примеч. 1, 2.

[47] Письмо к В. П. Боткину от 27 декабря 1857 г.: *Фет/Боткин*. С. 243—244.

В. П. Боткин.
Портрет работы неизвестного художника (карандаш). 1848 г.
Альбом М. П. Боткиной

к предстоящему событию со всей определенностью высказано в письме к сестре: «Спешу тебе сказать, что я с удивлением и радостью услыхал о намерении Фета. Впервые я узнал об этом из письма Миши к Володе, назад тому недели две.[48] <...> Скажу откровенно: я считаю Фета очень добрым, прямодушным и во всех отношениях хорошим челове-

[48] См. примеч. 4 к письму от 30 июня 1857 г. (№ 14).

Д. П. Боткин.
Портрет работы И. Петровского (карандаш). Москва, 29 ноября 1852 г.
Альбом М. П. Боткиной

ком; а вдобавок к этому он еще человек очень благоразумный — чего, например, решительно недостает Пикулину. На вид он неуклюж несколько, — но в сущности он человек с очень тонким чувством и с верным умом. При всем этом Фет истинно благороден. Узнавши его, — трудно его не полюбить: это испытали все друзья его по литературе, которые все искренно любят его. Но ведь женщины смотрят на вещи иначе, а иногда даже (и большею частию) вверх ногами. Если тебе Фет

сколько-нибудь нравится, — я бы, положа руку на сердце, счел бы ваше соединение самым счастливейшим днем в моей жизни. Правда, что Фет — человек не блестящий, но, всмотревшись в душу этого человека, увидишь там драгоценные свойства. Он умен, но по-своему, оригинально, можно сказать, самобытно умен, без фраз и без прикрас, без малейшей натяну<то>сти и лживости. Он прямодушен, деликатен и честен — и на дне души его чисто и светло. Вот каким я знаю Фета, таким знают его и все литературные друзья его. После всего этого ты поймешь, как радостно подействовало на меня известие о его предложении. Если ты могла в это время сколько-нибудь узнать его, то предложение его не могло быть тебе неприятным. Одно только меня заботит, как чувство его примирится с *роковым событием*? Увы! редкий человек может примириться с этим. Нужно иметь много сердца и высокое благородство души, чтоб простить и стать выше этого. Если же он способен на это и если ты могла оценить его внутренние качества, — то да благословит вас Бог. Поверь, день вашей свадьбы будет для меня самым радостным днем моей жизни. Фет может быть самым примерным мужем. При всей своей угловатости внешней, — это человек с самым деликатным и тонким чувством. Но я боюсь доверяться моей радости. Фету я писал сегодня же, потому что только сегодня же получил его письмо, которое тоже дошло ко мне сюда из Рима. Буду ждать теперь с сердечным трепетом дальнейших известий о его предположениях. О, если б совершилось это, как я желаю!».[49]

Особо теплые отношения сложились у Фета с Д. П. Боткиным, с которым Мария была дружна, видимо, с детства. Вот что Дмитрий писал сестре в письме от 4 июня: «Наконец я получил твою весточку из Берлина с приятным известием о благополучном проплытии моря. Письмо твое, милая моя Машенька, меня очень порадовало, — из него я заметил, что ты весела и спокойна душой, да оно тебе так и подобает. Перед тобой открывается новая жизнь, и ты должна сбросить с себя все твои тревоги, которые так часто посещали тебя. Ты перестрадала много, и Бог пошлет тебе за то счастия и душевного спокойствия. С Фетом я последнее время сблизился и скажу тебе, что он вполне достоин любви и уважения, поэтому и составит твое счастие. Он бывает у меня на даче, ходит влюбленным и то и дело что говорит о тебе да строит планы на будущую вашу жизнь. Несколько дней тому назад я у него обедал, и мы распили за твое здоровье бутылочку».[50]

[49] *РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 25. Л. 6—7. См. также: *Новый мир*. С. 203. Боткин лечился тогда на французском термальном курорте Экс-ле-Бен (в 70 км от Женевы). Упомянутый Пикулин — Павел Лукич *Пикулин*, муж сестры Боткиных Анны. См. о нем примеч. 4 к письму от 15 июля 1857 г. (№ 22).

[50] *РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 30. Л. 3—3 об.

Между тем настроение поэта стало меняться, восторженная эйфория первых недель сменилась тоской и нетерпением, которые усугублялись из-за отсутствия писем от невесты и от В. П. Боткина. Сам он писал почти каждый день, а иногда и дважды в день, испытывая острую потребность в общении с любимой, в одном из писем Фет очень точно и образно сказал об этом: «Я дышу тобой, как воздухом, я пишу к тебе, как пьяницы пьют, запоем».[51] Не зная точного адреса, он отправлял письма до востребования в города, которые Мария собиралась посетить, но это был монолог, ответные письма не приходили. «А если бы Вы влезли теперь в мою шкуру — то посмотрели бы, что у меня под черепом за ералаш. Пишу к Вам — нет ответа. Пишу к ней по всей Европе — нет ответа», — жаловался поэт В. П. Боткину в письме от 14 июня 1857 года.[52] Первое из его писем, отправленных за границу, попало в руки Боткиной лишь 6 июня ст. ст. К середине июня он получил от невесты только два письма, которые не были ответом на его письма. Много лет спустя после описываемых событий, обсуждая с управляющим затруднения, которые могли возникнуть при продаже Степановки, Фет сделал интересное признание: «Я так напуган жизнью, в которой всюду натыкался на беду, где ее и не ожидал, что мнительность вошла в мою плоть и кровь».[53] Эти слова позволяют лучше понять переживания поэта. Мнительность, наложенная на реальные проблемы с перепиской, диктовала такие, например, строки: «Просто места не нахожу и не знаю, куда деться. <...> в день по сту раз мне приходит в голову: а ну как она вдруг мне откажет?».[54] Отвлечься от тягостных мыслей помогали житейские хлопоты: Фет снимает квартиру в Замоскворечье и погружается в заботы о ее отделке, заказывает мебель и домашнюю утварь, обзаводится каретой и парой лошадей. С четырнадцати лет, начиная с пансиона Крюммера и заканчивая казенными квартирами военных поселений, он скитался по чужим углам. И вот впервые у него появляется собственный дом, который он обустраивает с тем увлечением, которое всегда было свойственно Фету, за что бы он ни брался. Обо всем, что с ним происходило, о своих мечтах, надеждах и опасениях, он подробно писал невесте, изливая в письмах душу: «Мне сейчас пришло в голову, что если бы мои письма к тебе попались в руки какому-нибудь досужему будущему биографу, если такой найдется. Уже наверное он узнал бы из них меня лучше, чем из какого дру-

[51] Письмо от 20—21 июня 1857 г. (№ 12).

[52] *Фет/Боткин*. С. 195.

[53] Письмо А. И. Иосту от 17 декабря 1877 г.: *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 15. Л. 29.

[54] Письмо от 13 или 14 июня 1857 г. (№ 9).

гого источника. Тут я не притворяюсь, а пишу, что на ум взбредет и чем сердце полно».[55]

К июлю переписка наладилась, но писем Фету было уже недостаточно. «Я смотрю на настоящее состояние души моей, — писал он невесте, — как на болезнь, от которой меня излечит твое присутствие, как берег излечивает от морской болезни».[56] В Москве его удерживало лишь одно обстоятельство — дело об увольнении его в заграничный отпуск продвигалось туго. В последнем из московских писем, от 24—25 июля 1857 года, читаем: «Неужели я до субботы, т. е. до 27-го, не получу паспорта? Чемоданы будут готовы — только паспорт в руки и пошел в Питер, а там на пароход и далее».[57]

Много говоря о чувствах Фета, мы едва ли не полностью обходим молчанием чувства его невесты. Беда в том, что из писем Марии Петровны к жениху до наших дней не дошло ни одного. Тем большую ценность представляют некоторые строки из ее писем к Н. К. Боткиной. 25 июля (6 августа) 1857 года, когда до свадьбы оставалось недели три, Мария писала домой из Дьеппа: «Я ужасно рада, что Фет Вам нравится. Если бы Вы знали, милая Надечка, как я теперь счастлива, что не знаю, как благодарить за свою судьбу, даже боюсь и думать о своей будущей жизни. В продолжение моего путешествия я постоянно получала письмы от Фета, и они были самые нежные и поэтичные, так что чем более его узнаю, тем искреннее к нему привязываюсь».[58]

Дата отъезда поэта из России устанавливается благодаря стихотворению, сочиненному им во время морского путешествия в Любек для памятной книги капитана Крюгера:

Весь переезд забавою
Казался; третьим днем
И морем мы, и Травою
До Любека дойдем.
И как бы ветру флюгером
Ни вздумалось играть,
Мы с капитаном Крюгером
Не будем трепетать.[59]

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» в рубрике «Судоходство и торговля» регулярно печатались сведения о прибывающих к кронштадтскому порту и отбывающих кораблях. Среди кораблей, прибыв-

[55] Письмо от 15 июля 1857 г. (№ 22).
[56] Письмо от 30 июня 1857 г. (№ 14).
[57] Письмо от 24—25 июля 1857 г. (№ 27).
[58] *ОПИ ГИМ*. Ф. 122. № 372. Л. 24 об.
[59] Цит. по: *МВ*. Ч. 1. С. 197.

ших 26 июля, назван пароход «Нева», принадлежавший Любекскому пароходному обществу[60] («из Любека в 72 часа, шк<ипер>[61] Крюгер, с разн<ыми> тов<арами> и 45 пассажирами»).[62] Есть сообщение и о том, когда пароход «Нева» отбыл из Кронштадта: 31 июля.[63] На борту было 25 пассажиров и среди них, очевидно, Фет. Как видно из его последних писем и других источников, 3 августа он был в Любеке, 5-го — в Висбадене, 6-го вечером — в Париже и уже 7 августа — в Дьеппе, где его ждала невеста.

Мария Боткина и Екатерина Щукина проживали в Дьеппе, старинном французском курорте на побережье Ла-Манша, с первой половины июля.[64] 16 (28) июля туда же приехал страдавший от ревматизма В. П. Боткин — врачи прописали ему морские купания. Боткин не подозревал, что сестры уже в Дьеппе, пока случайно не встретил их на прогулке.[65] Родственники расстались около трех месяцев назад, можно предположить, что предстоящее замужество младшей сестры стало главным предметом разговоров между ними. «Вообразите, Надечка, мне Basil какой делает подарок для свадьбы, — писала Мария Н. К. Боткиной 25 июля (6 августа), — делает мне весь мой туалет и дает на это мне 3000 франков, для того чтоб я своих денег много не тратила, и так рад моей свадьбе, потому что Фета уже знает несколько лет за отличного человека. Все это меня ужасно радует и успокаивает».[66]

---

[60] «Общество акционеров для заведения между Петербургом и Любеком пароходов» (или «Общество С.-Петербургско-Любекских пароходов») было создано в 1830 г. Для Общества были заказаны пароходы «Николай I» и «Александра», которые начали совершать регулярные рейсы в Любек. В 1835 г. был построен третий пароход, «Наследник», а в 1853 г. флот Общества пополнился двумя железными пароходами в 200 сил «Нева» и «Траве» (*Залесский И. А.* «Одесса» выходит в море: Возникновение парового мореплавания на Черном море. 1827—1855 гг. Л., 1987. С. 14—15).

[61] Шкипером до 1902 г. официально именовался капитан торгового корабля.

[62] *СПбВед*. 1857. 30 июля. № 163. С. 846.

[63] Там же. 2 августа. № 166. С. 864.

[64] 24 июля, т. е. 12 июля ст. ст., в Дьепп пришло письмо Фета, которое, видимо, в тот же день попало в руки М. П. Боткиной; ее помета о получении письма 23 июля, очевидно, ошибочна (см. конверт к письму 16).

[65] 17 (29) июля 1857 г., на другой день по прибытии в Дьепп, Боткин писал сестре: «Совершенно наудачу пишу к тебе это письмо, потому что совершенно не знаю, где вы находитесь и есть ли какая возможность поймать вас. <...> Бедный Фет, кажется, в ужасном беспокойстве. Я уже писал к тебе <...> что я со своей стороны нахожу Фета во всех отношениях прекраснейшим и рассудительным человеком, и смею надеяться, что ты несчастлива с ним не будешь» (*Мендельсон*. С. 69—70). См. также примеч. 15 к письму от 24—25 июля 1857 г. (№ 27).

[66] *ОПИ ГИМ*. Ф. 122. № 372. Л. 25. См. также: *Фет/Боткин*. С. 161.

О реакции Боткиной на известие о приезде жениха дает представление длинное письмо Василия Петровича от 19, 20 и 22 августа н. ст. 1857 года, которое к тому же является ценным источником для хронологии описываемых событий. «С сестрами видаюсь по нескольку раз в день и вечера обыкновенно проводим вместе, — писал Боткин брату Дмитрию 7 (19) августа. — Кстати: сегодня получила Маша от Фета телеграфич<ескую> депешу из Парижа, которой он уведомляет, что сегодня в 5 ч<асов> вечера он будет в Диепп. Право, все это сделалось так неожиданно, что я до сих пор боюсь верить. <...> На Машу письма Фета производили действие электричества, а сегодня от депеши она едва могла расписаться в получении ее и несколько минут не могла выговорить ни одного слова».[67]

10 (22) августа 1857 года Фет увез обеих сестер в Париж.[68] Отбыл из Дьеппа и В. П. Боткин, прервав на короткий срок свое лечение: во французской столице его ждал специально приехавший ради свидания с ним Тургенев.[69] Таким образом, Боткин, Фет и Тургенев встретились в Париже и провели в тесном общении день. Последний дал поэту согласие быть шафером на его свадьбе, а по прибытии в Куртавнель так описал свои впечатления от встречи с приятелем в письме к Л. Н. Толстому: «Фет сияет счастьем — дай бог ему продолжать так, как начал — и мне кажется, что у него есть *шансы* — его невеста, кажется, добра и, по крайней мере, не будет его мучить».[70]

С месяц тому назад, в одном из писем к невесте, Фет предложил венчаться 16 августа ст. ст., что не вызвало возражений с ее стороны. Однако в Дьеппе выяснилось, что курс лечения В. П. Боткина продлится до 19 августа (1 сентября), и жениху пришлось согласиться на более позднюю дату, 20 августа. Согласиться-то он согласился, но сразу после отъезда Боткина и Тургенева из Парижа не выдержал и отправил им вслед письма, в которых под надуманным предлогом просил приехать на свадьбу не к 20-му, а к 16-му числу.[71]

Много лет спустя Фет вспоминал: «16 августа в четыре часа карета, запряженная парою прекрасных серых лошадей, с лакеем и кучером

[67] *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 2. № 107. Л. 9—10. Машинописная копия.

[68] Там же. Л. 11.

[69] «Мы проведем сутки вместе, наговоримся, и ты уедешь обратно, а я поеду в Куртавнель», — писал Тургенев Боткину из Булони 6 (18) августа 1857 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 250).

[70] Там же. С. 252—253. О том же Тургенев писал 12 (24) августа Н. А. Некрасову: «Он (Фет. — *И. К.*) ужасно весел, болтлив и счастлив. Дай бог ему счастья!» (Там же. С. 251).

[71] См. об этом примеч. 6 к письму от 10 июля 1857 г. (№ 20).

в одинаковых ливреях, явилась к нашему подъезду. А я, не желая тратить денег на ненужный мне фрак, оделся в полную уланскую форму и отправился в церковь с Тургеневым».[72] В 1857 году в Париже еще не было настоящего православного храма, посольская Петропавловская церковь размещалась в съемном особняке. По условиям договора о найме 1830 года, для устройства церкви посольство арендовало целый дом с двором, двумя садами и прилегающими к нему службами, расположенный в Париже, «rue neuve de Berry № 4, между фобуром Сент-Оноре и Елисейскими полями».[73] Тогда это была самая окраина города, пустынная (Елисейские поля только начинали застраиваться) и небезопасная. Но, вероятно, через четверть века район стал более благополучным, протоиерей Васильев, перечисляя в одном из своих писем 1856 года «неудобства» парижского храма, на его местоположение не жалуется.[74]

В архиве Г. Д. Аслановой сохранилась ксерокопия страниц из метрической книги посольской церкви. Согласно парижской метрике, 16 августа ст. ст. в храме состоялось венчание поручика уланского полка Афанасия Афанасьевича Фета и дочери почетного гражданина Петра Кононова Марии.[75] Таинство совершили священник Михаил Орлов[76]

---

[72] *МВ*. Ч. 1. С. 202.

[73] Современный адрес — улица de Berri, № 12, особняк не сохранился (*Росс Н.* Русская церковь на берегах Сены: От зарождения храма до 1917 года. СПб., 2007. С. 70. Далее сокращенно: *Росс*, с указанием страницы). Посольская церковь просуществовала на этом месте до сентября 1861 г., вплоть до освящения храма св. Александра Невского. На улице du Faubourg Saint-Honoré в 1849—1864 гг. находилось русское посольство (*Росс*. С. 64).

[74] Письмо от 6 (18) сентября 1856 г. к посланнику в Париже барону Ф. И. Бруннову: Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846 по 1867 г., изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями Л. К. Бродским. Пг., 1915. С. 172—176. Далее сокращенно: *Васильев, прот. Парижские письма*, с указанием страницы.

[75] Фамилия отца невесты по недосмотру поручителей была пропущена и вписана только в 1881 г., см.: *МВ*. Ч. 1. С. 202—203.

[76] *Орлов* Михаил Никифорович (1831—1878), из Тверской епархии, рукоположен в 1856 г., в январе следующего года прибыл в Париж, получив место второго священника при русской посольской церкви. В 1859 г. был переведен в Неаполь, в 1866 г. — во Флоренцию, где в качестве настоятеля посольской церкви окормлял небольшую, но элитарную русскую колонию. Достаточно сказать, что с 1863 г. он был духовником дочери Николая I, великой княгини Марии Николаевны (1819—1876), жившей под Флоренцией на вилле Кварто. Погребен на флорентийском кладбище Аллори (*Талалай М. Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб., 2011. С. 62—63; *Васильев, прот. Парижские письма*. С. 179, 190—191).

Число браковъ	Мѣсяцъ и день	Званіе, имя, отечество, фамиліи и вѣроисповѣданія жениха и которымъ бракомъ	Лѣта жениха	Званіе, имя, отчество, фамиліи, вѣроисповѣданіе невѣсты и которымъ бракомъ
1.	Февраля третьяго	Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Дмитріевъ Философовъ. Православнаго исповѣданія, первымъ бракомъ	41.	Дочь Коллежскаго Совѣтника Князя Алексѣя Петровича Хованскаго, Варвара Алексѣевна, Православнаго Исповѣданія, первымъ бракомъ
		Протоіерей [illegible] Пѣвчій		Алексѣй [illegible]
2.	Августа Шестнадцатаго	Поручикъ уланскаго полка Аѳанасій Аѳанасьевъ Фетъ Православнаго исповѣданія Первымъ бракомъ	37.	Дочь почетнаго Гражданина Петра Кононова Боткина Марія, Православнаго Исповѣданія, первымъ бракомъ
		Священникъ		Михаилъ
3	Сентября Шестаго	Губернскій Секретарь Алексѣй Дмитріевъ Алфераки Православнаго исповѣданія первымъ бракомъ	45.	Дочь дворянина Осипа Эткина Марія, Римскаго закона, Первымъ бракомъ
		Священникъ		Михаилъ

* Въ записи подъ № 2мъ къ имени невѣсты прибавлена фамилія „Боткина" по основанію прилагаемаго при семъ Указа С.-Петербургской Духовной Консисторіи отъ 19 мая 1861 года за № 3400. = Протоіерей Василій [illegible].

Протоіерей Димитрій [illegible]

Діаконъ [illegible]

Псаломщикъ Илья Львовъ

Псаломщикъ Николай [illegible]

Псаломщикъ Лаврентій [illegible]

Запись о бракосочетании А. А. Фета и М. П. Боткиной

Первая

Кто совершилъ таинство.	Кто были поручители.	Подписи свидетелей записи по желанию.
Протоиерей Іосифъ Васильевъ съ певчими Алексей Колорскій, Владиміръ Зверевъ и Василій Устинскій. Іосифъ Васильевъ. Алексей Колорскій. Василій Устинскій. Владиміръ Зверевъ.	По жениху: Викторъ [illegible], Генералъ-Маіоръ Павелъ [illegible]. По невесте: Коллежскій Советникъ Сурковъ и Титулярный Советникъ Пасекевичъ.	
Священникъ Михаилъ Орловъ съ певчими Владиміромъ Зверевымъ и Василіемъ Устинскимъ. [illegible] Орловъ. Устинскій. Владиміръ Зверевъ.	По жениху: Юлій Насс[illegible], Николай Боткинъ. По невесте: Иванъ Тургеневъ и Василій Боткинъ.	Св. вид. 1895 года [illegible]
Священникъ Михаилъ Орловъ съ певчими Владиміромъ Зверевымъ и Василіемъ Устинскимъ. [illegible] Орловъ. Владиміръ Зверевъ. Василій Устинскій.	По жениху: Профессоръ Николай Якубовичъ, Поручикъ Константинъ [illegible]. По невесте: Павелъ [illegible] и [illegible].	

в метрической книге посольской церкви в Париже.
и вторая страницы

№ 10. Получ. 25 Мая 1881.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ 2-й Экспедиціи С.-Петербургской Духовной Консисторіи, Причту Православной Россійской, что въ Париже, церкви.

№ 3400.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, С.-Петербургская Духовная Консисторія ~~слушали~~ симъ предписываетъ причту помянутой Православной Россійской церкви, что въ Париже, метрическую запись по книгамъ сей церкви, за 1857 годъ, подъ № 2, о бракѣ Поручика Фета съ Маріею Петровною, исправивъ, добавивъ къ ней невѣсты фамилію Боткиной. Мая „11" дня 1881 года.

Членъ Консисторіи, Протоіерей Михаилъ Пересмѣтенко

Секретарь В. Келлинъ

И. д. Столоначальника Ан. Гранцевъ

Запись о бракосочетании А. А. Фета и М. П. Боткиной в метрической книге посольской церкви в Париже. Третья страница

с певчими Владимиром Зверевым[77] и Василием Устюжским. Поручителями по женихе были Юлий Масс[78] и Николай Боткин,[79] по невесте — Иван Тургенев и Василий Боткин.

Один из певчих, Василий Кузьмич Устюжский (около 1806—1878) представляет некоторый интерес для литературоведов. Он был, как писали тогда в документах, «дьяческий сын»; из нижнего отделения Устюжского уездного училища поступил пономарем в Бельский погост Новгородской епархии Устюжского уезда, с 1829 года пел в Новгородском архиерейском хоре, в 1834 году получил место при парижском храме. Скончался в возрасте 72 лет, похоронен на кладбище Пер-Лашез. В 1836 году Устюжский женился на 20-летней француженке Анриете Мулонге. От брака с ней родилось множество детей, в том числе дочь Елена, которая в 1858 году вышла замуж за приятеля Фета поэта Я. П. Полонского.[80]

Выше мы не раз цитировали письма Боткиной к невестке, обнаруженные и введенные в научный оборот Ю. П. Благоволиной. Настал черед еще одного письма к жене П. П. Боткина, но уже совместного, написанного новобрачными в ближайшие после венчания дни. «Как мне ни трудно на сегодняшний день сдержать слово, но уловив минуту, исполняю его с наслаждением, — писал Фет 17 (29) августа 1857 года. — Вчера была наша свадьба, и на ней были Василий, Николай и Иван Петрович, Катерина и Александра Петровна с дочерью. Все, слава Богу, здоровы и мы с женой тоже».[81]

Мария Петровна добавила после строк мужа свои приветствия, впервые подписавшись «Ваша М. Фет» и заметив по этому поводу: «Как странно писать чужую фамилию». А на следующий день продолжила: «Вчера, т. е. на другой день свадьбы, я получила прекрасные два подарка. Брат Nicolas подарил мне хорошенькую золотую брошку, а брат Фета, который теперь в Париже, подарил мне отличный рабочий ящик.

---

[77] *Зверев* Владимир Кузьмич, «диаконский сын», закончил Санкт-Петербургскую семинарию, утвержден певчим при парижской посольской церкви в 1852 г. Умер в Париже в 1867 г. в возрасте 42 лет (*Росс.* С. 87, 239).

[78] *Масс* Юлий, сын Е. Масс, парижской знакомой Боткиных (см.: *Фет/Боткин.* С. 236, примеч. 36).

[79] *Боткин* Николай Петрович (1813—1869), брат М. П. Боткиной. С молодых лет много путешествовал по миру. Имел в Париже постоянную квартиру и, будучи коротко знаком с условиями парижской жизни, помог Фету в устройстве всего необходимого для свадьбы (*МВ.* Ч. 1. С. 202).

[80] *Росс.* С. 86, 238.

[81] Фет перечисляет здесь только родственников невесты. Всего на свадьбе было 12 человек, включая самих новобрачных, Тургенева, брата Фета Василия Шеншина и Юлия Масса с матерью.

Цветы свадебного букета М. П. Боткиной.
Альбом М. П. Боткиной

В день свадьбы, говорят, я была очень авантажна (не знаю, правда ли только), одета я была следующим образом: белое муар-антик платье со шлейфом с короткими рукавами и открытый лиф, и надета была Мария-Антуанетта из кружев, вуаль была самая длинная, цветы, букет был такой отличный, весь белый и такой большой, что чудо. Фет мне подарил в этот день чудный веер и заплатил так дорого, что я его даже побранила. Шафер у меня был Тургенев. Одним словом, свадьба была наша довольно веселая, Basile был так весел, что даже выпил, и довольно: венчали нас в 5 часов, и после все поехали обедать».[82]

[82] *ОПИ ГИМ.* Ф. 122. № 372. Л. 19–20 об. См. также: *Фет/Боткин.* С. 161. Упомянутая Александра Петровна – А. П. Визгина (1818–1892), сестра М. П. Боткиной, постоянно проживавшая в Петербурге, у нее была единственная дочь Алек-

«Прямо из церкви, — вспоминал Фет, — мы со всеми приглашенными отправились к Филиппу, где в двух комнатах, роскошно уставленных цветами, нас ожидал свадебный обед на двенадцать человек. Тонкий и великолепно поданный обед прошел оживленно и весело. Прекрасного вина, в том числе и шампанского, было много, и под конец обеда Тургенев громко воскликнул: „Я так пьян, что сейчас сяду на пол и буду плакать!“».[83]

Через полторы недели после свадьбы, когда молодые уже готовились к возвращению в Россию, В. П. Боткин писал родным из Парижа: «Чем более думаю я об этом, тем более радуюсь за Машу. Иметь мужем такого добрейшего и хорошего человека, который взял ее не из денег, а по свободному влечению своего сердца — счастие редкое».[84]

Последующие 35 лет совместной жизни Фета и Марии Петровны доказали справедливость слов Боткина, их брак оказался на редкость удачным.

Письма Фета к М. П. Боткиной воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки: Ф. 315. К. 2. № 21—22, согласно нормам современного русского языка, с сохранением некоторых особенностей авторского стиля. Многие из них полностью или частично напечатаны Г. Д. Аслановой, что оговаривается в примечаниях к каждому письму.

1

2 мая 1857 г. Москва

Добрейшая Марья Петровна!

На свете все делается <мне на>[a] зло. Вчера, воротясь довольно поздно от Каткова,[1] я застал у себя на столе бумаги, требующие меня к 3 мая в 10 часов утра в Петербург по делам службы.[2] Вследствие чего я буду катиться по железной дороге, когда Вы получите эту записку. В воскресенье утром я буду назад,[3] а в понедельник встречу Ваш приезд из Троицы.[4] Надеюсь, что это моя последняя служебная передряга.

сандра. *Муар-антик* — вид плотной шелковой ткани с волнообразными переливами, *Марией-Антуанеттой* в XIX в. называлась деталь гардероба молодых женщин. Имела вид косынки большого размера с длинными концами, как правило, завязанными сзади. Изготавливалась из легкой ткани светлых оттенков или кружев, служила накидкой, закрывающей шею и декольте дамы.

[83] *МВ*. Ч. 1. С. 203.

[84] Письмо к Д. П. Боткину от 25 августа (6 сентября) 1857 г.: *ИРЛИ*. № 9029. Л. 96 об.

[a] *В этом месте письмо размыто.*

Кучеру, подателю этой записки, приказано дожидать Вашего приказания насчет кареты, которая даже подмазана и готова в путь.[5] Лошадей за нею посылайте в Немецкую слободу, в дом Шувалова.[6] Итак, до свидания и будьте здоровы.

Преданный Вам
А. Фет.

2-го мая.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 1.
Публикуется впервые.

[1] *Катков* Михаил Никифорович (1818—1887), публицист, редактор-издатель наиболее влиятельных изданий второй половины XIX в. — журнала «Русский вестник» (1856—1887) и газеты «Московские ведомости» (1863—1887). В 1857 г. во второй книге июньского номера «Русского вестника» было напечатано стихотворение Фета «Смерти» («Когда, измучен жаждой счастья...»), что положило начало многолетнему сотрудничеству поэта с Катковым. Всего в 1857 г. Фет опубликовал в «Русском вестнике» девять стихотворений, включая такие шедевры, как «Anruf an die Geliebte Бетховена» (июль), «Был чудный майский день в Москве...» (август), «Певице» (октябрь), «Еще майская ночь», «На стоге сена ночью южной...» (ноябрь), «Бал» (декабрь).

[2] О том же Фет писал 2 мая 1857 г. М. Н. Лонгинову: «...вчера вечером получил казенный конверт, требующий моего явления в Петербург 3-го мая в 10 часов утра» (*ИРЛИ*. № 23300. Л. 1; см. также: *Фет/Лонгинов*. С. 225). В конце мая истекал срок отпуска, в котором Фет, будучи офицером лейб-гвардии Уланского его величества полка, находился с 23 июня 1856 г. Однако поэт, не собиравшийся возвращаться на службу, заблаговременно подал прошение о бессрочном отпуске, в связи с чем, вероятно, и был вызван в Петербург. 3 июня 1857 г. император подписал приказ об увольнении поручика Фета в бессрочный отпуск в Орловскую губернию.

[3] Фет, как и предполагал, вернулся в Москву в воскресенье, см. его письмо от 5 мая 1857 г. к М. Н. Лонгинову: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 5; *Фет/Лонгинов*. С. 226.

[4] Троице-Сергиева лавра (в церковной литературе Свято-Троицкая Сергиева Лавра) — крупнейший мужской ставропигиальный монастырь России, ныне расположен в центре города Сергиев Посад Московской области на реке Кончуре, основан в XIV в. преподобным Сергием Радонежским. В Троицком соборе монастыря находится рака с нетленными мощами преподобного Сергия Радонежского. Троице-Сергиева лавра особо почиталась москвичами, куда многие совершали паломничество каждый год.

[5] У Фета было два экипажа, вывезенных из Новоселок: четырехместная карета и пролетка (*МВ*. Ч. 1. С. 186, 190). Первая, видимо, была обещана Марии Петровне для поездки в Троицу.

[6] Немецкая слобода, дом графа Шувалова — таков был московский адрес Фета с марта по июнь 1857 г. Немецкая слобода располагалась на правом берегу Яузы, близ ручья Кукуй. Центральная улица Немецкой слободы именовалась также Немецкой (ныне — Бауманская). В XVI—XVIII вв. это было место поселения иностранцев, которым запрещалось жить среди православных. С начала XVIII в. территория Немецкой слободы стала застраиваться особняками русской аристократии.

Немецкая слобода на стыке Басманной и Лефортовской части.
Фрагмент карты Москвы 1852 г.

Местоположение дома Шувалова можно установить с помощью известного «Атласа столичного города Москвы» А. Хотеева (1852—1853 гг.) и алфавитного указателя к нему. К середине XIX в. западная часть бывшей Немецкой слободы относилась к Басманной части, а восточная — к Лефортовской. В Басманной части атласа домовладения Шуваловых отсутствуют, тогда как в Лефортовской части показаны два участка, принадлежавших графам Андрею и Петру Павловичам Шуваловым, это № 890 в Спиридоновском переулке и № 884 на Немецкой улице. Рассмотрим последнее домовладение, бывшее в собственности графов Шуваловых с 1815 до конца 1860-х гг. № 884 был расположен в квартале, ограниченном Кирочным и Бригадирским переулками; с севера к усадьбе Шуваловых примыкал угловой участок Цургозена (№ 883), с юга — также угловой № 885, где в здании, возведенном по проекту Бове, размещалось малолетнее отделение Московского кадетского корпуса (этот памятник архитектуры дошел до наших дней, современный адрес — Бригадирский пер., 13).

Фет сообщает, что, приехав в Москву, он, по совету психиатра В. Ф. Саблера, сдал сестру в заведение Василия Ивановича Красовского на Басманной, сам же снял квартиру поблизости, «через два дома» (*МВ*. Ч. 1. С. 187). В имени владельца клиники поэт, видимо, ошибся: ни в «Российских медицинских списках», ни в иных источниках врач Василий Иванович Красовский не упоминается. (Возможно, это связано с тем, что в своих мемуарах Фет часто менял имена, отчества

и фамилии людей, имея в виду возможные неловкости, которые могли возникнуть в отношении этих людей или их здравствовавших родственников.) Зато известен Федор Иванович *Красовский* (1811—1872), доктор медицины, служивший в московской психиатрической Преображенской больнице в 1848—1871 гг. в должности ординатора, а затем, после отставки Саблера, сменивший его на посту главного врача больницы (*Баженов Н. Н.* История московского доллгауза ныне московской городской Преображенской больницы для умалишенных. М., 1909. С. 159, 161). По данным «Книги адресов жителей Москвы» 1857 г., составленной К. Нистремом, Красовский проживал на Немецкой улице в доме Цургозена. Напомним, что это соседний дом по отношению к дому Шувалова. В издании Нистрема на 1858 г. адрес Красовского другой: Немецкая улица, дом Орловых. В адрес-календарях на 1859 и 1860 гг. Красовский фигурирует уже дважды: как ординатор Преображенской больницы, проживающий в доме Орловых на Немецкой улице, и как врач Смирительного и рабочего дома, проживающий в доме Орловых в Денисовском переулке. Последний адрес, начиная с 1861 г., печатается в качестве единственного адреса Красовского. Рискнем предположить, что дом Орловых на Немецкой улице появился на страницах указанных изданий по недоразумению и в действительности врач жил в Денисовском переулке. А так как сведения адрес-календарей к моменту выхода их в свет обычно несколько устаревали, то представляется весьма вероятным, что к марту 1857 г., когда Фет привез сестру в Москву, Красовский уже успел переехать из дома Цургозена на Немецкой улице в дом Орловых в Денисовском переулке. Крепостной номер дома Орловых — 246. Денисовский переулок относился к Басманной части и являлся продолжением Гороховского, вытекавшего из Старой Басманной улицы. Около 1867 г. Красовский, очевидно, купил дом Орловых: № 246 значится в дальнейшем как дом Красовского (см., например: Табель домов города Москвы. СПб., 1868. С. 39).

В адрес-календаре 1873 г., в перечне частных лечебных заведений Москвы, в первый и последний раз названа лечебница для умалишенных Ф. И. Красовского, расположенная в Денисовском переулке, в собственном его доме (Адрес-календарь Москвы, изданный по официальным сведениям к 1 января 1873 г. в пользу детских приютов <...> / Под ред. А. В. Крестовоздвиженского. М., 1873. Разд. 2. С. 62). Итак, клиника Красовского существовала и размещалась по месту жительства доктора. На плане Хотеева № 246 обозначен на пересечении переулков Денисовского и Демидова. Далее по Денисовскому переулку, в направлении Немецкой улицы, шли № 244 и угловой № 245. План показывает, что Денисовский переулок вливался в Немецкую улицу прямо напротив № 884. Таким образом, лечебница Красовского находилась за два дома от усадьбы Шуваловых. Именно так описывает ее местоположение Фет.

2

14 мая 1857 г. Москва

Добрая Марья Петровна!

Пишу эти строки с пламенным желанием успокоить Вас, а следовательно и себя. Повторяю все, что отрывочно успел сказать Вам в смутную минуту нашего последнего разговора.[1] Я желаю быть Вашим бли-

жайшим и преданнейшим другом, а не помехой жизни, я хочу отогреть Вас ото всего, что могло сжать холодом Ваше сердце, а не стоять перед Вами нелепой укоризной. Ваше прошлое[2] может меня только интересовать как человека, принимающего живейшее участие в душевной Вашей жизни, но для личного моего счастия мне нужно Ваше будущее. Вот об нем-то *необходимо* говорить. Посмотрите попристальней в Ваше сердце и спросите его, может ли оно навсегда и во всем безотчетно довериться человеку, который идет к Вам навстречу с полной верой и любовью? Можете ли Вы в его интересах видеть Ваши собственные? Станет ли у Вас настолько силы и веры, чтобы сказать себе: этот человек хочет сделать меня настолько счастливой, насколько я могу только быть? Можете ли Вы ни в каком случае не выдернуть Вашей руки из руки человека, который Вам сказал: отныне пойдемте вместе?

Если на все эти вопросы сердце Ваше не дает утвердительного ответа, тогда не делайте того шага, который Вы сами справедливо называете трудным и важным. Теперь все легко еще исправимо. Я говорю это против себя, но считаю святым долгом это сказать. Целою жизнью легкомысленно шутят только безумцы да дети. Но если сердце Ваше доверчиво отдается будущему, если это будущее Вам кажется успокоением — то не мешайте мне предаваться мечтам о том теплом, милом, уютном гнездышке, которое я хочу свить для нас обоих. В семейном быту — обстановка почти половина дела. По крайней мере это мое убеждение. Нужда плохой опекун душевной тишины. А я ищу полной, светлой тишины и при Вашем добром сердце и доброй воле найду ее у себя, т. е. у Вас. Что касается до людей и их мнения, то я уже говорил Вам и быть может Вы со временем убедитесь, что я хлопочу о том, чтобы идти прямо к своему идеалу, а не к людскому. Добрых симпатичных людей встречаю на пороге, а для прочих свет и без нас просторен.

Средства наши, судя по словам Вашим, совершенно одинаковы и в сложности могут доставить, если не богатое (Бог с ним), по крайней мере безбедное и приличное существование.[3] Я скорее готов отказать себе в чем угодно на время, нежели хотя на грош уменьшить общий капитал. Кто может знать, где его ждет *черный день*. А человек, который не берет этого в соображение, не должен жениться. Поэтому прошу Вас не увлекаться общей страстью накупать вздоры, именуемые громким именем приданого. Были бы Вы покойны духом, а в платьях у Вас недостатка не будет. Напротив — я даже *желаю* видеть Вас всю жизнь прелестно одетой. Это будет моей радостью и даже капризом. За цветами Вашего кабинета я буду смотреть сам. Ни одна безобразная вещь не должна окружать Вас. Вот какой я представляю себе нашу жизнь. На все это нужна добрая воля и чувство довольства семейным тесным кругом. Без этого нет домашнего счастья.

Мечтая, я незаметно добрался до последней страницы, а между тем не знаю, оправдываете ли Вы все, высказанное мной. Если оправдываете, скажите да, если не оправдываете чего-либо, скажите, в чем Вы со мною не согласны. Во всяком случае не заставьте ждать ответа. Адрес мой Вы знаете:

В Немецкой слободе, в доме гр. Шувалова. Афанасью Афанасьевичу Фету. Когда запишу себе пункты Ваших местопребываний за границей, буду писать сколько возможно чаще. Целую Вашу прекрасную руку и прошу не забывать искренно любящего

Вас

А. Фет<а>.

14 мая.

С трепетом смотрю вперед на эти три месяца. Я готов уже пенять Вам. Вам это время кажется непродолжительным, а я хожу как в чистилище. С настоящей минуты и на всю мою жизнь — женщины, кроме Вас, для меня не существуют. Я не умею своей привязанности разрывать по кускам. Если Вы действительно меня не любите и любить не можете — скажите прямо — не губите меня.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 5—6 об.
Впервые опубликовано: *Новый мир*. С. 199—200.

[1] 14 мая 1857 г. Фет предложил М. П. Боткиной стать его женой и получил ее согласие.

[2] В 1854—1855 гг. М. П. Боткина пережила трагический роман, после чего вместе с братом Дмитрием уехала за границу и провела там больше года.

[3] «У меня 35 т<ысяч> сер<ебром> капиталу, у Вашей сестры, по ее словам, столько же — следовательно, мы ни в коем случае не можем получать менее 4500 р. в год — а этим можно жить сносно», — писал Фет В. П. Боткину 16 мая 1857 г. (*Фет/Боткин*. С. 188). Согласно завещанию П. К. Боткина, приданое его дочери Марии действительно составляло 35 тысяч рублей серебром (см. вступит. статью). Вопрос о средствах Фета более сложен. Сам он вспоминал, что перед женитьбой его состояние «было разбросано по разным рукам, и, что еще хуже, — по родственным» (*МВ*. Ч. 1. С. 193), возможно имея в виду следующее. После смерти Аф. Н. Шеншина братья и сестры Фета решили поделиться с ним отцовским наследством, что отразилось в их письмах к поэту той поры. Так, брат Василий писал Фету 13 июня 1854 г.: «...еще двух недель нет, что отправил к тебе письмо и очень интересное с уведомлением, что наши уверения в дружбе не были пуффом» (*РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 55. Л. 1). Муж Л. А. Шеншиной, Александр Никитич, высказался более определенно: «Любезный друг Афоня, у нас идут счеты, потому что братья выделяют сестре Наденьке ее часть, первым долгом счел хлопотать об тебе и, кажется, все, что можно сделать, я сделал. Петруша (П. Аф. Шеншин. — *И. К.*) тебе даст вексель в 100 000 ассигна<циями>, который на днях будет при мне написан и тебе отослан, и будут тебе проценты платить, а по уплате через три года денег се-

А. А. Фет.
Фототипия с утраченной фотографии. 1857 г.

стры, тогда твои будут уплачиваться, а как Петруша говорит, то вот его слова <...>: „Ежели трудно будет мне уплатить, то я готов буду уступить Тим Афоне“ <...>» (письмо от 17 июня 1854 г.: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 64. Л. 1—1 об. Письмо А. Н. Шеншина без даты, но сохранилось письмо его жены от 17 июня с фразой: «Александра дома нет, он поехал в Мценск и, верно, возвратившись, сам хотя немного напишет <...>» (Там же. № 70. Л. 3)). По существовавшему тогда курсу, рубль серебром стоил 3,5 рубля ассигнациями, т. е. П. А. Шеншин выдал брату вексель примерно на 30 тысяч рублей серебром. Упоминаемый в письме Тим — это небольшое имение П. А. Шеншина в Ливенском уезде Орловской губернии, главную ценность которого составляла водяная крупчатая мельница. Впоследствии, в 1863 г., брат Петр передал это имение Фету под видом его продажи за 30 тысяч рублей (*МВ*. Ч. 1. С. 419—422; *Орл губ вед*. 1866. 17 сентября. № 38. С. 386).

Кроме того, еще в 1845 г. Аф. Н. Шеншин прислал пасынку, служившему тогда в Херсонской губернии, билет Киевского банка на пять тысяч рублей, ежегодные проценты с которого составляли 300 рублей серебром (*РГ*. С. 325, 342). «Прошу тебя уведомить меня, когда срок батюшкиному векселю, — писал Василий Шеншин в цитированном выше письме от 13 июня 1854 г. — Надеюсь хоть половинку уплатить его в нынешнем году». Выполнил ли он свое обещание — неизвестно. В любом случае, в 1857 г. у Фета был вексель брата Петра на 30 тысяч и, вероятно, вексель или капитал в 5 тысяч, что в общей сложности составляло 35 тысяч рублей серебром.

3

15 мая 1857 г. Москва

Другу

Когда в груди твоей страданье
Проснувшись к сердцу подойдет
И жадный червь воспоминанья
Его невидимо грызет.

Борьбой с наитием недуга
Души напрасно не томи,
Без слез, без ропота, на друга
С надеждой очи подыми

Пусть свет клянет и негодует
Он на слова прощенья нем
Пойми, что сердце только чует
Невыразимое ничем.

То, что в явленьи незаметном
Дрожит, гармонией дыша,
И в тайнике своем заветном
Хранит бессмертная душа.

Одним лучом из ока в око,
Одной улыбкой уст немых
Со всем что мучило жестоко
Единый примиряет миг.

1857-го года
15-го мая.
Москва.

А. Фет.

Другу.

Когда въ груди твоей страданье
Проснувшись къ сердцу подойдетъ
И жадный червь воспоминанья
Его невидимо грызетъ.
Борьбой [illegible] недуга
Души напрасно не томи,
Безъ слезъ, безъ ропота, какъ друга
Съ надеждой очи подыми
Пусть свѣтъ кругомъ и негодуетъ
[illegible] слова презрѣнья этимъ
Пойми, что сердце только чуетъ
Невыразимое ничѣмъ.
[illegible]
Дрожитъ, гармоніей дыша,
И въ тайникахъ своихъ завѣтныхъ
Хранитъ безсмертная душа.
Однимъ мученьемъ глубока высоко,
Одной улыбкой утѣшимыхъ
Со всѣмъ что мучило жестоко
Единый примиритъ мигъ.

1857го года
15го Мая.
Москва

А. Фетъ.

Стихотворение Фета «Другу» («Когда в груди твоей страданье...»), посвященное М. П. Боткиной

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 7.

Стихотворение написано на первой странице двойного листа почтовой бумаги. Возможно, было отправлено вместе с письмом 2. При жизни Фета не печаталось, впервые опубликовано в *ПССт1901* (Т. 1. С. 301).

4

16—18 мая 1857 г. Москва

16-го мая.

Бесценная моя Марья Петровна.

Вы будете смеяться надо мною. Смейтесь сколько угодно, хохочите. Сегодня я проводил Вас[1] и сегодня же пишу к Вам. Но, добрый, бесценный друг, если бы Вы знали, каким чувством переполнилось мое сердце. Я мучаюсь, томлюсь и рад этому томлению. Когда Вы садились в вагон, я увидал своего сослуживца.[2] Он подошел ко мне, расцеловался и объявил, что он женится и что его провожает невеста. Я до того был взволнован собственным положением, что забыл его даже поздравить. Я видел, как он впился губами в кисть ее руки, повыше перчатки. Она ужасно дурна собой, но он видимо счастлив. Что ж я-то? Я никому не смею сказать, что провожаю невесту! — Добрая, милая Марья Петровна, я не верю своему счастью. — О, да какая же Вы плутовочка, я видел и понял Ваш взгляд, когда Вы целовались с Елизаветой Васильевной[3] — и благословлял Вас в глубине души. Если помните, у меня на дрожках был плед, в котором ехала Ида[4] — я отдал его Дмитрию Петровичу[5] и при прощании так расцеловал Вашего брата, что он должен был счесть меня за сумасшедшего.

Сегодня у нас[6] целый день были гости и я истомился, но теперь ночь и я наслаждаюсь, пиша эти строки. Может быть, это детство, но какое высокое наслаждение быть влюбленным в свою невесту!!! К Василью Петровичу[7] я уже отправил письмо в Рим,[8] но, кажется, я не выдержу и завтра отправлю другое.[9] Ах, Мари! Mary! (позвольте, моя голубка, называть Вас этим сладким именем!) Что Вы со мной сделали? Я так счастлив, и между тем мысль, что я не раньше 3 м<еся>цев Вас увижу, меня терзает. — Помните каждую минуту за границей, что Вы мне дали слово. Как мне и чем благодарить Вас за то, что я Вас люблю всеми силами моей души. Ведь это жизнь и жизнь такая полная, что за нее надо Бога благодарить. Голубушка! не забудьте меня. Поверьте, что никто Вас не может так искренно любить, как я. Я сам знаю, что пишу то, что Вы сами знаете, но иногда отрадно писать Вам тысячу раз слово: люблю. Бога ради! не останавливайтесь в Вашей решимости ни на

Е. В. Чичерина.
Портрет работы неизвестного художника (карандаш).
Начало 1850-х гг. (?).
Альбом М. П. Боткиной

чем. Напишите мне, сжальтесь надо мною, что *Вы моя*. Долго, долго придется мне дожидаться Вашего ответа, когда-то Вы еще получите это письмо. А Вы, если и напишете мне из Дрездена, то я знаю, что письмо Ваше будет холодно. Настолько я Вас знаю, что могу думать, что Вы действительно ко мне были расположены в Москве, но теперь Бог Вас знает, что происходит в Вашем сердечке? При мысли, что Вы действительно меня любите, я впадаю в недоверие. Мне кажется это таким счастьем, которого я не дождусь.

17-го мая.

Опять ночь и все улеглось, а я сажусь говорить с Вами. Хочу говорить и не знаю, с чего начать. Хотелось бы всю душу разом высказать. Сейчас был у нас Григорьев с гитарой и пел русские и цыганские песни.[10] Он всю душу мою истомил. Когда он пел, мне вдруг пришло в голову, отчего я сегодня утром не поехал в Петербург, ведь утром завтра в 8 часов, когда поезд приедет, Вы будете еще в Петербурге. Если бы я знал Ваш адрес в Дрездене, то послал бы по телеграфу сказать Вам, что я Вас люблю и чтобы Вы этого не забывали. *Ради Христа*, не останавливайтесь ни на каких соображениях и сбивающих мыслях, если Бог приведет Вас ко мне или меня к Вам, — то я постараюсь доказать на деле, что умею верить тому, кто мне верит. Завтра утром еду к доктору осведомиться, нужно ли сестру везти за границу?[11] Поедет ли сестра или нет, я во всяком случае еду к Вам в первых числах августа, и с Вашего, мой Ангел, позволения все кончим в Парижской церкви. Голубчик! не сердитесь на меня. Я знаю, что Вы не откажетесь от Ваших слов и если мы оба переживем эти три месяца, то Вы будете моей, но успокойте меня на этот счет хотя словечком. Право, мне тяжело. Да еще напишите, можно ли мне с Вашими говорить об этом деле? Мне страшно, Вы не прочтете моей руки. Я так дурно пишу, да еще мелко, потому что хотелось бы говорить с Вами бесконечно. Написал еще хорошее стихотворение.[12] Люди хвалят, а и не подозревают, отчего оно хорошо. В Диепп привезу Вам все стихотворения, написанные под Вашим влиянием. Я уверен, что это будут моими лучшими стихотворениями.

Да вот еще моя просьба: Если что-либо в моих письмах, словах или поступках Вам не нравится, никогда не таите на душе, а говорите прямо. Вы не можете представить моей к Вам чистой и полной признательности, Mary! Как моя жизнь стала полна, несмотря на томление разлуки. Какая-то могучая сила подымает меня. Я постоянно был равнодушен к жизни, но теперь вдруг стал бояться смерти. Впрочем, теперь и умереть бы не худо! — Нет, не хочу умирать! К Вам и встретиться с Вами. Какая будет встреча! Как-то Вы меня примете? Неужели так же осторожно, как и в Москве. Не буду перечитывать письмо, желаю только, чтобы оно на Вас повеяло тем же чувством, каким было внушено. Христос над Вами! Целую Ваши ноги. — Ваш А. Фет.

Когда буду знать, куда писать, засыплю Вас письмами.[а]

18-го мая. Всякий день новое стихотворение.[13] Пишите, дружок, поскорее.[б]

[а] *Вписано горизонтально на полях 2-й страницы письма.*

[б] *Вписано горизонтально на полях 4-й страницы письма.*

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 9—10 об. Отправлено, по-видимому, вместе с письмом 5.

Впервые опубликовано: частично — *Новый мир*. С. 200, 201, 207; полностью — *Наше наследие*. С. 40—41.

[1] 16 мая 1857 г. М. П. Боткина, сопровождая больную сестру Екатерину Петровну Щукину (урожд. Боткина; 1824—1904), выехала поездом в Петербург, чтобы оттуда отправиться за границу. Сестры намеревались провести несколько месяцев на курортах Швейцарии, Германии и Франции.

[2] О ком из сослуживцев Фета идет речь — установить не удалось.

[3] *Чичерина* Елизавета Васильевна (1830—1879), двоюродная сестра М. П. Боткиной. Ее мать Любовь Антоновна (урожд. Баранова), сестра первой жены П. К. Боткина Александры Антоновны (Указано М. Б. Шапошниковым). С Е. В. Чичериной Фет познакомился в марте 1857 г., когда его пригласили на обед в дом Боткиных на Маросейке: «...к столу явились: младшая сестра Боткиных Марья Петровна и двоюродная их сестра, весьма характерная и красивая брюнетка» (*МВ*. Ч. 1. С. 188).

[4] *Шефер* Ида Александровна (в замуж. Савич <?>), дочь врача Шереметевской больницы (ныне Институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского), близкая знакомая М. П. Боткиной, которая сообщала брату В. П. Боткину 11 ноября 1857 г.: «Ида Шефер выходит замуж за какого-то доктора и будет жить с ним в Малороссии, после Нового года ее свадьба» (цит. по: *Фет/Боткин*. С. 236). В письме к Фетам от 26 ноября 1857 г. Боткин порадовался за И. Шефер: «Рад я, что Ида Шефер выходит замуж — глупенькое, но добрейшее существо» (Там же. С. 233). Фет вспоминал, что в комнатах на антресолях, занимаемых Марией Петровной, «собирались в известные дни знакомые ей девицы, большею частию миловидные, между которыми дочь доктора Шереметьевской больницы Ида Шлейхер, блондинка с голубыми глазами, отличалась чрезвычайно нежной красотой» (*МВ*. Ч. 1. С. 190. Фамилия И. А. Шефер изменена).

[5] *Боткин* Дмитрий Петрович (1829—1889), любимый брат М. П. Боткиной, один из совладельцев фирмы «Петра Боткина сыновья», в которую было преобразовано после смерти П. К. Боткина в 1853 г. его единоличное предприятие, коллекционер произведений искусства (часть его коллекции ныне находится в Третьяковской галерее); в 1877—1888 гг. — председатель московского Общества любителей художеств. После женитьбы Фета Д. П. Боткин, а впоследствии и члены его семьи стали близкими друзьями поэта, который присутствовал на похоронах Боткина и был автором его некролога (*МВед*. 1889. 3 июня. № 151).

[6] У Фета тогда гостил приехавший из Орловской губернии близкий друг И. П. Борисов, см. о нем письмо 5, примеч. 3.

[7] *Боткин* Василий Петрович (1811—1869), старший из братьев М. П. Боткиной, один из совладельцев чаеторговой фирмы «Петра Боткина сыновья», писатель, публицист, литературный критик. Фет познакомился с ним в 1842 г., будучи студентом Московского университета (см.: *РГ*. С. 205). Знакомство возобновилось зимой 1853/1854 г. в Петербурге. «Тут я, после долгих лет, встретил В. П. Боткина, по-прежнему обоюдоострого, т. е. одинаково умевшего быть нестерпимо резким и елейно сладким» (*МВ*. Ч. 1. С. 33). Боткин — автор критической статьи «Стихотворения А. А. Фета. Санкт-Петербург. 1856». Статья, написанная по просьбе самого поэта, была напечатана в «Современнике» (1857. № 1).

[8] 16 мая 1857 г. Фет писал В. П. Боткину: «Я сделал формальное предложение Марье Петровне <...>. Марья Петровна скорее разделяет мое желание, но без Вашего окончательного приговора не решается на этот шаг. Я с своей стороны прошу Вашего согласия и совета». Далее поэт впервые признался в том, что ему особенно дорого в будущей жене: «Познакомясь короче с сестрой Вашей, я более и более убеждался в ее добром сердце и мягком характере, первых залогах всякой возможности домашнего счастия. <...> Мне она кажется кроткой, преданной, деликатной в высшей степени». В том же письме он изложил свое представление о семейной жизни: «Я не рисую себе богатого быта, но устрою небольшое уютное, сердце радующее гнездышко. С нашими общими средствами и моим умением жить это вполне возможно. <...> Кроме тихой, домашней жизни <...> у меня нет ни планов, ни замыслов, ставить жену в какое бы то ни было фальшивое положение я не в состоянии». Подробнее см.: *Фет/Боткин*. С. 188—189.

[9] Второе письмо Фета было написано 18 мая 1857 г. (см.: *Фет/Боткин*. С. 192—194).

[10] *Григорьев* Аполлон Александрович (1822—1864), поэт, литературный и театральный критик, переводчик. Фет познакомился с ним после поступления в Московский университет и вскоре поселился в доме его родителей на Малой Полянке. Григорьев был ближайшим другом Фета студенческой поры, первым ценителем и редактором его стихов. Впоследствии он сыграл важную роль в составлении и подготовке к печати сборника стихотворений Фета 1850 г. Весной — летом 1857 г. Григорьев, вплоть до своего отъезда в Италию в начале июля, часто бывал у Фета. Он увлекался тогда народными песнями, которые не только слушал, но и охотно пел сам в дружеском кругу. Вот как описывает это Фет в автобиографическом рассказе «Кактус», где значительное место занимают воспоминания о Григорьеве: «Несмотря на палящий зной, он чуть не ежедневно являлся ко мне на Басманную из своего отцовского дома на Полянке. Это огромное расстояние он неизменно проходил пешком и вдобавок с гитарой в руках. Смолоду он учился музыке у Фильда и хорошо играл на фортепиано, но, став страстным цыганистом, променял рояль на гитару, под которую слабым и дрожащим голосом пел цыганские песни. К вечернему чаю ко мне нередко собирались два, три приятеля-энтузиаста, и у нас завязывалась оживленная беседа. Входил Аполлон с гитарой и садился за нескончаемый самовар. Несмотря на бедный голосок, он доставлял искренностию и мастерством своего пения действительное наслаждение» (*Фет. ССиП*. Т. 3. С. 130). См. также: *МВ*. Ч. 1. С. 193.

[11] Любимая сестра Фета Надежда Афанасьевна *Шеншина* (1832—1870) в феврале 1857 г. заболела тяжелым психическим расстройством. Болезнь спровоцировало любовное разочарование, пережитое Шеншиной во время путешествия по Западной Европе. В конце марта Фет, по совету орловского врача, привез сестру в Москву и поместил в клинику Красовского. Консультировал ее известный московский психиатр Василий Федорович *Саблер* (1797—1877), который, как вспоминал Фет, «оказался по отношению к бедной Наде не только искусным врачом, но и любящим отцом» (*МВ*. Ч. 1. С. 187). Первое время Саблер считал необходимым продолжить лечение Шеншиной за границей и лишь в середине июля изменил свое мнение.

[12] В письме к В. П. Боткину от 18 мая 1857 г. Фет приводит тексты двух своих новых стихотворений, сочиненных 16 и 17 мая («Еще майская ночь» и «Цветы»), заметив при этом, что оставляет до следующего письма еще одно, написанное «се-

годня», так как оно слишком велико. По предположению Ю. П. Благоволиной, имелось в виду стихотворение «Был чудный майский день в Москве...» (см.: *Фет/Боткин.* С. 192, 193, примеч. 7).

[13] См. примеч. 12 к наст. письму.

5

20 мая 1857 г. Москва

20 мая.

Роскошна, светла и любовна
Душа веселится моя.
Да здравствует Марья Петровна
И ручка, и ножка ея. —

Эти стихи Языкова распевают у меня со вчерашнего дня в ушах.[1] Как я рад, что не отправил еще письма и имею возможность вложить этот листок.[2] Помните, Marie! Вы сами остановились на мысли называть меня не по фамилии. Не всем дано такое милое и поэтическое имя, как Вам. Афанасий имя весьма неблагозвучное на русском языке, а уменьшительные еще хуже. Но le ton fait la musique[a] — покойная мать и сестры называли меня Афоня. Как бы то ни было, из Ваших уст каждое прозвание будет для меня иметь двойную цену. Называйте, как хотите, но не забывайте меня и пишите чаще. Хотя два слова. И пишите все, что думаете. Если Вы действительно намерены сдержать честное слово, в чем я не сомневаюсь, то через три месяца я назову Вас своей женой — и поэтому Вам стесняться нечего. Я с сегодняшнего дня остаюсь на квартире совершенно один, товарищ мой Борисов[3] уезжает после обеда в деревню. Вчера я обедал у Каткова и передал ему 10 новых стихотворений,[4] а вечером отправился в сад под названием Эрмитаж.[5] Отыскалось много старых и новых знакомых, но вместе с тем на меня напала такая тоска, что я через час уехал, давши себе слово не ехать туда без Вас и то только в случае Вами объявленного желания. — Я никогда не был лично знаком с гр. Ростопчиной,[6] но вчера она просила меня через знакомого — познакомиться с ней и, как водится, наговорила любезностей и просила быть сегодня.

Я вообще не люблю новых знакомств, как Вы, быть может, уже заметили, а в настоящее время это для меня пытка. — Я просил Вас заказать в Париже свой отличный большой грудной фотографический иллюминованный портрет.[7] Вы отказались, ссылаясь на примету, по

[a] тон делает музыку (*франц.*).

Н. А. Шеншина.
Фотография с портрета работы О. И. Тимашевского.
Рим, октябрь — декабрь 1856 г.

которой портреты *дарить* худой знак. Но я и не прошу подарка, я только прошу взять на себя труд исполнить мою просьбу, а деньги я возвращу при первом свидании с признательностию. У меня уже есть сестрин портрет,[8] и рамку принесли вчера, неужели Вы хотите, чтобы на моем рабочем столике или на стене в кабинете не было Вашего портрета. Сделать надо рамку так, чтобы портрет мог и висеть и стоять. Завтра на ночь поеду в Кунцево к Дмитрию Петровичу[9] и не знаю, удержусь ли, чтобы не говорить о Вас. Через неделю буду ждать Вашего пись-

ма. — Как мне грустно в настоящую минуту — не умею передать. Ради Бога, уверьтесь в том, что я хочу успокоить Вас во всех отношениях без исключения, не думайте ни о чем, как только о нашей встрече. Напишите мне, что Вы не будете скучать, живя со мной. Кланяйтесь Вашей сестре.[10] Я так гадко пишу. Но Вы наконец привыкнете разбирать мою руку.

Целую Вашу прекрасную руку.

Всей душой преданный Вам Фет.

На конверте: *В Швейцарию*. В г. Базель.
Ее высокоблагородию
Марье Петровне
Боткиной.
Mademoiselle Marie *Botkine*.
A Bâle[б] en Suisse.
Post restante.[б, в]

Почтовые штемпели: 1) Moscou, mai 21; 2) AUS RUSSLAND FRANCO; 3) Hamburg-Berlin, 7, 6; 4) E. B., 8 Jun.; 5) Basel, 9 Juni <18>57.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 11—11 об.; конверт — л. III. На обороте конверта помета М. П. Боткиной: «Получено 18 июня». Возможно, отправлено вместе с письмом 4.

Публикуется впервые.

[1] *Языков* Николай Михайлович (1803—1846), поэт, знакомый В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя. Фет перефразирует первую строфу стихотворения Языкова «Песня» (1829), посвященную невесте его университетского товарища: «Разгульна, светла и любовна / Душа веселится моя; / Да здравствует М<арья> П<етровна>, / И ножка, и ручка ея!» (*Языков Н. М.* Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 236 (Б-ка поэта. Бол. серия)).

[2] Видимо, данное письмо было отправлено в одном конверте с предыдущим. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что при первоначальной архивной обработке письма 4 и 5 получили один и тот же шифр: Ф. 717. Тем же шифром помечен и публикуемый вместе с данным письмом конверт.

[3] *Борисов* Иван Петрович (1824—1871), мценский помещик, сосед Аф. Н. Шеншина по Новоселкам; давний друг Фета, много лет безнадежно влюбленный в его сестру Надежду (женился на ней в январе 1858 г.). М. П. Боткина успела познакомиться с Борисовым до своего отъезда за границу, о чем свидетельствует ее приписка к письму Фета от 10 (22) сентября 1857 г. из Любека: «Сдержите Ваше обещание, милый Иван Петрович, и приезжайте к нам» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 30. Л. 2; см. также: *Письма к Борисову*. С. 113).

[б] *Подчеркнуто двумя чертами.*

[в] Мадемуазель Марии *Боткиной. В Базеле*, в Швейцарии. *До востребования (франц.)*.

[4] См. примеч. 1 к письму 1. Неизвестно, была ли это первая подборка стихов, переданная редактору «Русского вестника». «Катков мне платит по 25 р. за стихотворение <...>» , — писал Фет В. П. Боткину 18 мая 1857 г. (*Фет/Боткин*. С. 193).

[5] Эрмитаж — первый увеселительный сад в Москве, открылся в 1830 г. К услугам посетителей сада были беседки, кофейни, павильон, театр. Особую популярность сад приобрел, когда его владельцем стал известный антрепренер, в прошлом актер Малого театра М. В. Лентовский (1843—1906).

[6] *Ростопчина* Евдокия Петровна (урожд. Сушкова; 1811—1858), поэтесса, писательница, хозяйка литературного салона. О знакомстве с Ростопчиной Фет вспоминал: «По природе светская и приветливая, она и со мною была чрезвычайно любезна, и я раза два воспользовался ее приглашением» (*МВ*. Ч. 1. С. 194).

[7] Имеется в виду раскрашенная акварелью фотография.

[8] Речь идет об акварельном портрете Н. А. Шеншиной работы О. И. Тимашевского. См. примеч. 9 к письму 20.

[9] Первые сведения о селе на месте Кунцево относятся к XV в. В 1572 г. Иван Грозный подарил эти земли боярину Мстиславскому, потом ими владели Милославские, Нарышкины. В конце XVIII — начале XIX в. близость к Москве и живописная природа превратили Кунцево в популярную дачную местность. В 1865 г. большую часть имения приобрел у Нарышкиных известный купец-меценат К. Т. Солдатенков (1818—1901). Остальную часть купили Г. Г. Солодовников (1826—1901) и П. Г. Шелапутин (1847—1914). В Кунцево у купца Солодовникова снимали дачи Д. П. и П. П. Боткины.

[10] Речь идет о Е. П. Щукиной, вместе с которой М. П. Боткина уехала за границу.

6

3 июня 1857 г. Москва

$\frac{3}{15}$ июня.

Голубушка Мари!

Сегодня получил я второе письмо Ваше из Берлина[1] и не умею передать всего, что разом перечувствовал. Вы не получили еще ни одного моего письма, а я написал одно или два в Базель[2] и три или 4 или 5 в Веве.[3] Вы озабочены, моя крошка, Вы хлопочете, поэтому Вам некогда и предаться Вашему чувству, а я уже зашел так далеко, что умеренный, хотя милый и ласковый тон письма Вашего резко отбивает ото всего, что я в это время перечувствовал и успел высказать в моих письмах. В последнем письме моем я решился прервать, по крайней мере с своей стороны, холодно вежливый тон искателя, заменяя его интимным тоном человека, пишущего к любимой невесте. Здесь я пишу Вы, а там я писал своей доброй Мари *ты*. Вчера вечером в комнату мою вовсе неожиданно вошел брат мой, приехавший с женой и сестрой в Москву[4] — откуда они едут за границу. Вчера я у них обедал, и мы

пили за Ваше, т. е. за твое здоровье. Не мучь меня, моя душа, напиши мне сейчас же на это письмо, что ты меня не любишь и знать не хочешь, или напиши просто: «Я тебя люблю и буду твоей женой в августе». Хотел ошибкой написать в сентябре, но я этого не хочу. Я буду в августе в Париже и Диеппе[5] и до тех пор буду к тебе приставать с моими просьбами, пока ты скажешь: «Ну, что с тобой делать, пойдем в церковь». Мари! я тебя, мой Ангел, умоляю, если ты имеешь ко мне хотя каплю сострадания, пиши ко мне 2 раза в неделю *постоянно*. — Неужели ты в целую неделю не можешь найти 2-х получасов времени для того, чтобы обрадовать человека, который день и ночь о тебе думает и мучительно страдает желанием вестей от тебя или чего бы то ни было. Право, я готов изорвать это глупое письмо. — Я ничего на свете теперь не боюсь, исключая одного — если ты меня не любишь или любить не будешь — тогда пропадай всё. Христа ради, пиши мне всю, всю правду без малейшей утайки. Я уже писал тебе в последнем письме моем в Веве, что ни мои, ни твои письма не могут набросить ни малейшей тени на твою особу. Жених и невеста во всем мире могут быть откровенны, а ты мне дала *слово*, и я тебя считаю своей будущей женой. Если же ты не доверяешь себе или мне, то, бога ради, скажи прямо. Такими чувствами шутить и грешно и стыдно. Прости меня великодушно! Я сам не знаю, что пишу. Но уверяю тебя, что если еще получу от тебя письмо, в котором ты будешь называть меня *Вы*, то я убеждусь, что ты меня не только не любишь, но даже не жалеешь. В Веве я тебе наслал стихов, написанных под влиянием твоим, а теперь не в состоянии писать ни о чем постороннем. Василий Петрович купается в Лукке, и я ему уже туда писал.[6] Третьего дня у меня обедал Дмитрий Петрович, и я к нему еду обедать на Маросейку[7] в субботу. Хотел я здесь купить домик для житья, да может быть, тебе не понравится и оставляю до нашего возвращения. Одним словом, в голове ералаш, а на сердце кошки скребут. Я тебе писал все, почему я тебе показался холодным при прощании, а мне так кажется, что твое письмо первое из Берлина было нежнее. Не мучь меня, моя милая, добрая Мари — я тебя умоляю как друга, как женщину, у сердца которой я ищу отдохнуть от всех дрязгов и хлама житейского, которая меня отогреет и приютит. Умоляю тебя — напиши мне, что у тебя на душе? Любишь ли ты меня? так, как я тебя люблю. Способна ли ты на *всю жизнь* отдаться мне совершенно — во всех случаях жизни, так, как я это с своей стороны говорю — и, бог даст, тебе докажу на деле. Я хочу, чтобы ты была весела и счастлива, насколько это возможно. Мне, кроме тебя, ни до кого нет дела. Не делай своего портрета, я сам в Париже его закажу. Я хочу, чтобы он был отличный, а не такой, какой у Дмитрия в кабинете. Того я видеть не могу. Право, я не знаю, доживу ли до этого дня, когда мы выйдем с то-

бой из церкви. Не хлопочи через силу и не сердись ни на что, моя кроткая душа. Я хочу застать тебя здоровую, веселую. К августу я во всяком случае тебя отыщу. Доктора оставляют сестру в Москве, а я все-таки еду непременно. Уж если ты и этого письма не получишь, то я уже не знаю, как быть. Пиши в *Vevey* poste restante,[а] чтобы тебе выслали письма на имя Mademoiselle Marie Botkine.[8] Но если это затруднительно — то бог с ними. Правда, по этим письмам протекла самая живая и горячая кровь моего сердца, но во всех в них менее значения, как в простых словах: *Мари! я люблю тебя*. Умоляю тебя, пиши ко мне и пиши не то, чем радуют влюбленного, а пиши то, что чувствуешь — чистую, задушевную правду. Если не можешь меня любить — я не скажу тебе полуслова упрека. — Но если любишь — Христос с тобою, мой добрый, нежный друг! Будь здорова и не забывай

твоего

А. Фета.

На конверте: *A Berlin.*
Monsieur
Mr le Docteur Botkine.
Karlstrasse, № 25.
Rendre par bonté
à
Mademoiselle Marie Botkine.[б]

Почтовые штемпели: 1) Moscou, juin 4 185<7>; 2) <Berlin>, 23/6.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 12—13 об.; конверт — л. I. На обороте конверта помета М. П. Боткиной: «Получено 26 июня».

Впервые опубликовано (частично): *Новый мир*. С. 203, 206—207. В полном виде публикуется впервые.

[1] Письма М. П. Боткиной к жениху не сохранились. В Берлине в 1856—1858 гг. жил, занимаясь медицинскими исследованиями, брат Марии Петровны Сергей Петрович *Боткин* (1832—1889), в будущем — знаменитый терапевт. Именно на его адрес отправлено данное письмо, см. прилагаемый конверт.

[2] Видимо, имеются в виду письма 4 и 5, отправленные в одном конверте 21 мая 1857 г. Конверт этот, адресованный в Базель, до востребования, пришел туда 28 мая (9 июня). М. П. Боткина, приехавшая в Базель позже, получила его только 6 (18) июня.

[3] Веве — город на западе Швейцарии, расположенный на берегу Женевского озера между Лозанной и Монтре; один из основных центров Швейцарской Ривьеры.

[а] *Веве*, до востребования (*франц.*).

[б] *В Берлин*. / Господину / Г-ну доктору Боткину. / Карлштрассе, № 25. / Просьба передать / мадемуазель Мари Боткиной (*франц.*).

Дом Боткиных на Маросейке (Петроверигский пер., 4).
Фотография 1900-х гг.

Ю. П. Благоволина приводит отрывок из письма М. П. Боткиной к Н. К. Боткиной от 27 мая (8 июня) 1857 г.: «В Веве не поедем. Если она (Е. П. Щукина. — *И. К.*) так утомилась, доехав до Берлина, как же можно ехать в Швейцарию, где нет железных дорог» (*Фет/Боткин.* С. 183, примеч. 20. Здесь письмо ошибочно датируется 25 мая (6 июня) 1857 г.). На основании этих строк делается вывод, что ценнейшие письма Фета, посланные в Веве, не дошли до нас из-за досадной случайности: Е. П. Щукина в дороге почувствовала недомогание и сестры поездку в Веве отменили (Там же. С. 159). На самом деле поездка через Швейцарию все же состоялась: в письме 14 (от 30 июня 1857 г.) Фет благодарит Марию «за последнее письмо от 22 из Веве». К сожалению, неизвестна судьба не только тех писем к невесте, что были адресованы в Веве, но и многих других (см. примеч. 6 к письму 11). Скорее всего, они пропали уже после смерти М. П. Шеншиной.

[4] Речь идет о Василии Афанасьевиче *Шеншине* (1827—1859), его жене Екатерине Дмитриевне (урожд. Мансурова; 1834—1859) и Любови Афанасьевне *Шеншиной* (урожд. Шеншина; 1824—1880).

[5] Дьепп — город на северо-западе Франции, на побережье пролива Ла-Манш; известен как старинный курорт.

[6] В. П. Боткин писал брату Дмитрию о своем намерении отправиться в Баньян ди Лукка. Д. П. Боткин, в свою очередь, известил об этом сестру Марию в письме от 4 (16) июня: «От Вас<илия> Петр<овича> я получил письмо из Венеции — в Рим он едва ли поедет, а думает отправиться в Лукку покупаться в море» (*РГБ.* Ф. 315. К. 6. № 30. Л. 4 об. См. также: *Фет/Боткин.* С. 195, примеч. 1). Письмо Фета к Боткину, адресованное в Лукку, не сохранилось.

[7] В 1832 г. купец 1-й гильдии, глава семьи Боткиных П. К. Боткин (1781–1853) купил в Москве городскую усадьбу недалеко от Маросейки, с домом, обращенным на Петроверигский переулок (ныне дом 4). Современники боткинский дом условно называли Маросейкой, в нем некоторое время жил Д. П. Боткин с семьей.

[8] Из письма невесты Фет, видимо, узнал, что она отказалась от поездки в Веве, где ее ждали его письма (см. примеч. 3 к наст. письму).

7

8 июня 1857 г. Москва

$\frac{8}{20}$ июня.[a]

Несмотря на то, что это письмо ты можешь получить вместе с предыдущим,[1] я все-таки не могу воздержаться, чтобы не писать. Сколько, сколько хотелось бы сказать тебе, моя ненаглядная! Но лучше всех слов было бы расцеловать тебя донельзя. Вчера я целый вечер проходил с Надеждой Кондратьевной (Елизавета Васильевна была в Москве),[2] и мы проговорили все время, ты знаешь сама *о ком*. Я и ей говорил то же, что говорю тебе, если ты не можешь любить меня на всю жизнь — не выходи за меня и не губи меня. Но у меня в сердце прыгает надежда, что мы будем жить с тобой отлично. Ты, говорят, вспыльчива, да за что же, спрашиваю я, будешь ты пылить на меня? Мы с тобой так должны жить, чтобы у нас секретов не было друг от друга. И если я на что-либо решусь, то обсудивши здраво и спросясь твоего совета. За что ж ты будешь на меня, бедного, дуться или пылить? Ты писала Надежде Кондратьевной, что у нас *почти* все кончено. Голубушка! что значит *почти*? Я написал писем 10 к тебе и в каждом как божество умоляю тебя: раскрой свое сердце, не бойся ничего сказать другу. Что же, будет ли когда конец этому горю? Пойми наконец, что я не смею от тебя ничего требовать, кроме правды. Только не мучь меня нарочно, не томи молчанием. Напиши свой адрес, или я буду все через брата твоего писать.[3]

Послушай, мое хорошее, доброе дитя. Как ни говори, а времени не бог знает сколько осталось до нашего свидания в Диеппе и Париже — я буду тебя умолять вернуться в Москву. А приехавши в Москву — я бы желал, чтобы ты прямо приехала в свой дом и нашла его полным, т. е. квартиру, мебель, прислугу, экипаж, серебро и посуду. Неужели нам, приехавши, слоняться по чужим углам. Поэтому я бы нашел где-нибудь квартиру удобную, хотя бы за Москвой-рекой, отделал бы ее

---

[a] *Было*: «мая», *затем переправлено на*: «июня».

и все устроил к приезду. Напиши, не ребячась, чего ты и как ты желаешь. Где ты проведешь зиму? Сестру, по совету Саблера,[4] я оставляю в Москве, поэтому все зависит от твоей воли, без которой я ни за что не примусь. Сегодня мне Иван Петрович,[5] смеясь, говорил, что ты не захочешь жить за Москвой-рекой. Не воображай себе, чтобы я тебя засадил в грязную конуру, но платить 200 или 300 руб. лишних за одно слово — по-моему, напрасно. Лучше я употреблю эти деньги на твой туалет, это[6] меня будет радовать. Ведь братьям твоим хорошо говорить, а у нас столько, сколько нужно на приличное прожитье. Поэтому напиши, мое солнышко! что ты об этом думаешь и какие твои планы на нынешнюю зиму. Нам теперь нужно думать о доме да чем век жить. — Кроме этого, не буду тебя беспокоить делами. В прошлом письме я умолял тебя писать мне два раза в неделю. Я вижу, что это тебя затруднит. Но пиши хотя в неделю *раз*. Если бы почта ходила за границу каждый день — я бы каждый день тебе писал. Я писал уже тебе, что привезу тебе счетом все твои письма и отдам на сохранение, если ты уже так мало доверяешь мне. Я понимаю, что девушке как-то неловко говорить о своих чувствах, но невеста имеет полное и святое право говорить об них. Этого времени, мой добрый Ангел, два раза в жизни не бывает. Жду начала охоты. Хотя в лесу на охоте будет полегче, а то рад об стену головой биться. — Третьего дни был в саду на Маросейке,[6] и вот что случилось:

Я был опять в саду твоем
И увела меня аллея
Туда, где мы весной вдвоем
Бродили, говорить не смея.

Как сердце робкое влекло
Излить надежду, страх и пени,
А юный лист тогда назло
Нам посылал так мало тени.

Теперь и тень в саду темна
И трав сильней благоуханье,
Зато какая тишина!
Какое томное молчанье!

Но отчего у той скамьи
Где ты в последний раз сидела
Все силы дрогнули мои
И птичка сладостно запела.[7]

[6] *Было*: «что», *затем переправлено на*: «это».

Старался так написать, чтобы ты могла разобрать. Марья Петровна, голубка! Полюбите меня, хотя немного! Пишите все, что Вам в голову придет. Вот я не затрудняюсь тем, что писать. Рано, поздно и целый день ты не выходишь из моей головы и сердца. — От Василия Петровича[8] ответа нет, да и быть еще не может. Отпуск мой еще не выходил,[9] завтра еду справляться, и как только выйдет, сейчас подаю за границу и заберу все нужные документы и твои, и свои. Тысячу раз целую твою прекрасную руку. Не скидай перчаток, чтобы они не загорали. Я уверен, что ни у кого не будет такой жены умницы и милой, как у твоего

А. Фета.

Не снимай свой жемчужный колье — он к тебе идет. Я ужасно глуп. Но что же делать.[в]

Поверь мне, что, проживши со мной 40 лет, ты все-таки во мне ничего нового не найдешь — я, *какой был с тобой*, такой и буду. Целую твои ноги. Не сердись на меня. Пиши.[г]

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 14—15 об.
Впервые опубликовано: *Наше наследие*. С. 43—44.

[1] Видимо, речь идет о письме, которое не сохранилось.

[2] Фет ездил в Кунцево, где П. П. Боткин снимал дачу (см. примеч. 9 к письму 5). *Боткина* Надежда Кондратьевна (урожд. Шапошникова; 1830—1908), жена Петра Петровича Боткина (1831—1907), брата М. П. Боткиной, совладельца чаеторговой фирмы «Петра Боткина сыновья», в отличие от других братьев целиком посвятившего себя делам фирмы. О Е. В. Чичериной см. примеч. 3 к письму 4.

[3] Имеется в виду С. П. Боткин, проживавший тогда в Берлине (см. примеч. 1 к письму 6).

[4] О В. Ф. Саблере см. примеч. 11 к письму 4.

[5] *Боткин* Иван Петрович (1819—1878), брат М. П. Боткиной. В июле 1857 г. выехал за границу и присутствовал на свадьбе сестры и Фета, состоявшейся в Париже.

[6] О доме Боткиных на Маросейке см. примеч. 7 к письму 6.

[7] Впервые опубликовано в журнале «Библиотека для чтения» (1859. Т. 153. № 1), где последняя строфа имеет другую редакцию: «Один, зарею, соловей, / Таясь во мраке, робко свищет, / И под навесами ветвей / Кого-то взор напрасно ищет».

[8] Имеется в виду В. П. Боткин. Подробнее о его отклике на письма Фета см. во вступит. статье.

[в] *Вписано на развороте в верхней части письма.*

[г] *Вписано на развороте в нижней части письма.*

[9] Фет служил в лейб-гвардии Уланском его величества полку в чине поручика, 23 июня 1856 г. он получил отпуск на 11 месяцев. Прошение Фета о бессрочном отпуске, которое он подал в связи с предстоящей женитьбой, было подписано императором 3 июня 1857 г., однако уведомление об этом пришло позже (Формулярный список о службе <...> А. А. Шеншина 1884 г. // *РГИА*. Ф. 733. Оп. 121. № 775. Л. 7).

8

9—11 июня 1857 г. Москва

Мне даже совестно писать к тебе, моя добрая, бесценная Мари! Совестно, потому что чувствую, что у меня в голове глупости и химеры, но тем не менее они меня мучают и я действительно страдаю. Как мне было отрадно прочесть в[a] первом письме твоем из Берлина подпись *Вся Ваша*. Если это была задушевная правда, то ты теперь уже не смеешь подписаться так, а разве: *вся твоя*. Понимаешь ли ты, что значит вся твоя. Голубка моя! ведь это слово тебя связывает на всю жизнь с моей судьбой. Я знаю без фраз, что если ты будешь моим добрым, доверчивым другом, то я все, что бы ни случилось со мной, перенесу легче. А ты? Вот вопрос и вопрос страшный. Сегодня, осматривая множество квартир, не нашел, какой бы мне хотелось, или слишком велики и дороги или плохи. Что если *она*, подумал я, вынуждена будет жить со мной в такой квартире, простит ли она мне это? — Тем не менее сегодня я приторговывался к карете, которая будет к нашему приезду в конце сентября готова. Просто прелесть! Игрушка, хотя и дорогонька. Как я глуп, что сообщаю тебе свои тяжелые мысли; но, друг мой, от тебя зависит разогнать их совершенно. Если бы я не верил в тебя, я бы не писал тебе того, что пишу. Я воображаю, что ты примешь и принимаешь живое участие в моей духовной и телесной жизни. А я эти дни действительно несчастлив и даже боюсь занемочь. — Мысли роями бродят в голове моей, и если это продолжится до нашего свидания, то эти полтора м<еся>ца мне покажутся за 150 лет. Бессрочный отпуск мой все еще не выходит, и за границу поэтому не прошусь. Все мне опротивело. Вчера получил уведомление, что приятель мой с женою приедет послезавтра ко мне из Петербурга.[1] Как бы я им был рад в другое время, а теперь они даже будут мне в тягость. Я бы желал эти дни опять в Кунцево[2] — хоть поговорить о тебе, а тут надо будет сидеть с ними. — Когда же будет эта счастливая минута, что я получу ответ твой хотя на одно из моих писем, которым я уже и счет потерял. Еще это письмо пошлю для верности через Берлин, а далее верно получу, наконец, от

[a] *Далее зачеркнуто:* последнем

тебя указание, куда писать и до какого времени. — На днях душевные волнения прервали поток искреннего вдохновения, бивший все это время горячей струей. Даже досадно. Вот одно из последних стихотворений:

Расстались мы. Ты странствуешь далече
Но нам дано опять
В таинственной и ежечасной встрече
Друг друга понимать.

Когда в толпе живой и своевольной,
Поникнув головой
Смолкаешь ты с улыбкою невольной,
Я говорю с тобой.

И вечером, когда в аллее южной
Ты пьешь немую ночь,
Знай: тополи и звезды негой дружной
Мне вызвались помочь.

Когда ты спишь и полог твой кисейной
Раздвинется в лучах...
И сон тебя прозрачный, тиховейной
Уносит на крылах;

А ты, летя в эфир неизмеримой,
Лепечешь: «Я люблю». —
Я — этот сон — и я рукой незримой
Твой полог шевелю.[3]

Повторяю в тысячный раз: Мари! доброе, прекрасное создание! Если ты чувствуешь, что не будешь меня ненавидеть и тяготиться мной, то и тогда я буду счастлив. Будешь мне верить во всем и не скрывать ничего от меня. — А если хотя малейшая возможность есть совершенного равнодушия, тогда я буду самый жалкий человек в мире. Но я уверен, что в следующем письме ты напишешь мне, что ты меня любишь — и напишешь правду. Ну, эти $1\,{}^1/_2$ м<еся>ца дадут мне знать себя. Писать более разу в неделю здесь безумие, потому что письма придут все-таки в один день — но один раз в неделю я умоляю тебя писать мне. Пиши, моя крошка! что у тебя делается в душе и в голове? Да не забудь написать мне, поручаешь ли ты мне действовать по моему усмотрению. Нам в конце сентября нашего[4] надо быть в Москве.[5] Чего нам сидеть в Париже? Впрочем, делай как хочешь, но напиши, по крайней мере. Смешно же истратить деньги, приготовить дом и не жить в нем. Целую твои ручки и ножки тысячу раз.

Твой А. Фет.

Не сердись на меня, голубушка моя — что я своей тоской беспокою тебя, — постараюсь исправиться. При свидании принесу тебе повинную голову. Тогда казни, как хочешь.[6]

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 41—42 об.

Впервые опубликовано (с датой «между 8 и 14 июня»): частично — *Новый мир*. С. 207; полностью — *Наше наследие*. С. 44—45.

Датируется на том основании, что письмо написано до получения Фетом бессрочного отпуска, о чем он писал 13 или 14 июня 1857 г. (письмо 9): «Третьего дня вышел наконец мой бессрочный отпуск <...>».

[1] Речь идет об Алексее Федоровиче *Бржеском* (1818—1868), херсонском помещике, и его жене Александре Львовне *Бржеской* (урожд. Добровольская; 1821—1901). Фет познакомился с ними в 1845 г., вскоре после поступления в Кирасирский Военного Ордена полк (см. об этом: *РГ*. С. 302—306); знакомство быстро переросло в дружбу, которая не угасла и после того, как Фет покинул Херсонскую губернию. По-видимому, в июне 1857 г. супруги навестили поэта в Москве, о чем свидетельствуют строки из письма А. Л. Бржеской к Фету от 15 (27) апреля 1882 г.: «Милый же рассказ „Кактус“, знаете ли, что мне напомнил? Как мы с Алексисом четверть века назад какими-то судьбами заехали в Москве к Вам, на Вашу холостую квартиру (Вы тогда сестру к доктору привезли), и тут-то Вы нам об Аполлоне Григорьеве рассказывали, о его оригинальности, костюме, гитаре и цыганских песнях и ждали его к себе. Но мы не могли дожидаться, так как оставили на станции семейство Козлова, ехавшее с нами из П<етер>бурга в Березовку на лето» (*ИРЛИ*. № 20279_2. Л. 55 об.—56).

[2] О поездке в Кунцево, где снимали дачи Д. П. и П. П.Боткины, см. письмо 5, примеч. 9.

[3] Впервые опубликовано в журнале «Библиотека для чтения» (1858. Т. 147. № 1). В издание 1863 г. вошло с переработанной третьей строфой: «И вечером, когда в аллее темной / Ты пьешь немую ночь, / Знай, тополи и звезды негой томной / Мне вызвались помочь».

[4] Имеется в виду разница между юлианским и григорианским календарем.

[5] Феты вернулись в Москву 21 сентября, задержавшись на две недели в Любеке, где ожидали свой багаж. Точная дата их приезда устанавливается по письму М. П. Фет к В. П. Боткину от 28 сентября 1857 г.: «Сегодня ровно неделя, как мы приехали в Москву, и приехали в день именин Митенькиных <...> (*Фет/Боткин*. С. 207). Д. П. Боткин отмечал свои именины в день памяти св. Димитрия, митрополита ростовского (1651—1709), который празднуется 21 сентября ст. ст.

[6] *Вписано на развороте в нижней части письма.*

9

13 или 14 июня 1857 г. Москва

Четверг, $\frac{14}{26}$ июня.

Что со мной делается, мой милый дружок! Непостижимо. Просто места не нахожу и не знаю, куда деться. — Это естественно — я получил от тебя, моя крошка, два письма, но они не ответ на мои письма,[1] на пережитые мною чувства. А я в это время много пережил. Люблю тебя по-прежнему и всегда буду тебя любить все более и более. — Нет! полно болтать про вещи, которые ты по женскому чутью сама лучше меня знаешь. Ты сама знаешь, что я тебя люблю. Тем не менее в день по сту раз мне приходит в голову: а ну как она вдруг мне откажет? И вслед за тем я, ходя по комнате, начинаю сам с собою разговаривать и спрашивать: что же это такое? Шутка что ли? Зачем же ей так шутить? Это нелепо, легкомысленно и даже невежливо... А писем в ответ на мои все нет ниоткуда. Ведь с ума можно сойти. Я готов бранить и, пожалуй, бить самого себя, что, желая говорить с тобой о кровно нужных и важных делах, не могу воздержаться, чтобы не сказать тебе, как отрадно мне пересыпать с тобою из пустого в порожнее; но что же делать — ты невеста, а ведь это не свой брат, перед таким лицом поневоле заговоришь не по-людски. Эх! славное бы это было времечко, если бы ты жила на Маросейке. Право, видя тебя, я согласен бы был вдвое долее ждать, а теперь несносно, несносно, несносно...

Прости, добрая Маруся! что я вздор пишу, только и отрады в неделю, когда сяду поболтать с тобою; ну дай поцеловать свою хорошенькую руку и прости, не буду больше. Улыбнись, ради Бога! а то я буду думать, что ты все еще сердишься. — Баста! баста! ни слова более о любви. Третьего дня вышел наконец мой бессрочный отпуск,[2] а послезавтра подаю за границу и надеюсь получить в конце июля,[3] и прямо в Диепп. Доктора обещают сестре Наде выздоровление, но я ее с собой не беру. — Теперь прошу прислушать и рассудить здраво. Ты собиралась и сама в сентябре в Москву. Следовательно, я имею полное право рассчитывать на наше возвращение в конце сентября. Я тебя об этом *на коленях умоляю. Не отравляй мне лучшего времени в жизни* и поедем как можно скорей в Москву. Предупреждаю тебя, что я в осенние бури ни за что тебя не повезу морем, и мы возвратимся через Таурогген.[4] — Я хочу, чтобы ты приехала в полный дом. Это мое страстное желание, и я его уже привожу в исполнение. Завтра я обедаю на Маросейке у братьев и повезу их смотреть найденную мною за Москвой-рекой квартиру.[5] Она весьма недорога и мне очень нравится, потому что весьма при-

лична и даже мила. Зала и твой кабинет даже великолепны. И домашние комнаты высоки, чисты и светлы. Голубушка! я тебя предупредил, что нам особливо первый год никаких затей затевать нельзя. Я хочу, <что>бы[а] у нас на всю жизнь был верный кусок хлеба, а не фить-фить.[6] Но я, с другой стороны, скорей сам буду спать в лакейской под лавкой, чем допущу, чтобы ты действительно в чем нуждал<ась>.[а] Ты найдешь в сентябре <...>[а] чистую квартиру в <...>[а] отличную мебель, отличный экипаж, все, что нужно для стола, сытный и свежий обед, можешь принять, кого хочешь, и ехать, куда вздумается. Чего же еще желать пока, дружок мой? Более я сделать не в силах. Напиши, довольна ли ты моим распоряжением? А то я мучаюсь. Ну, как ты да что-нибудь там выдумаешь, тогда все труды мои пропадут. Теперь еще вопрос, который у меня давно вертится и про[б] который я все забываю. Напиши: неужели ты хочешь оставить у себя свою *Марьюшку*?[7] По-моему, ее оставлять не следует по 1001 причине. Она *дурна*[в] и, кажется, не ловка, а главное, она вечно недовольна и может иметь дурное влияние на остальную прислугу. Я не могу допустить и мысли, чтобы в доме кто-либо ворчал при твоем пр<иказан>ии.[а] Ты хозяйка, следовательно, тебе некого и не о чем просить — твое дело сказать, а их дело исполнить. Но если ты к ней привыкла — тогда другое дело? Во всяком случае и об этом напиши. Потому что я приищу <прили>чную[а] и такую, которая умела <бы стира>ть[а] и гладить, а то, что же ей <...>[а] сидеть, руки сложа?

Я уже писал тебе, прося, чтобы ты, кроме своих платьев, ничего не заказывала и не покупала для дома за границей, особливо серебро, это надо купить в Москве. А остальное, что будет нужно, купим, переговоря, в Париже. Завтра рано отправлю это письмо на почту, но не знаю, попадет ли оно на субботний пароход? Да когда же я получу, наконец, от тебя ответ и пришли мне верный адрес, по которому письма хотя бы лежали долее, но доходили. Не мучь меня, Мари! голубушка! Право, это стыдно. И главное, не сердись. Ну, скажи прямо: «Я тебя или *Вас*[в] не могу любить». А то у меня в голове мельница. Целую твои пальчики. Душевно преданный тебе А. Фет.

Не знаю, разбираешь ли ты мою руку? Но я ужасно стараюсь. Будь здорова и в<есе>ла[а] и вспоминай обо мне хотя десятую часть против того, как я тебя вспоминаю. — *Пиши* мне, моя радость.[г]

[а] *В этом месте письмо испорчено.*

[б] про — *вписано над строкой.*

[в] *Подчеркнуто тремя чертами.*

[г] *Вписано на развороте в нижней части письма.*

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 17—18 об.
Публикуется впервые.
Датируется 13 или 14 июня 1857 г., так как 14 июня приходилось на пятницу.

[1] Первое из писем Фета, посланных за границу, М. П. Боткина получила только по приезде в Базель — 6 (18) июня (см. конверт и примеч. 2 к письму 5).
[2] См. примеч. 9 к письму 7.
[3] См. примеч. 1 к письму 21.
[4] Таурогген — населенный пункт Ковенской губернии, на границе с Пруссией.
[5] Фет нанял квартиру в бельэтаже дома на Малой Полянке, принадлежавшего Елизавете Николаевне *Сердобинской* (ум. 1885). Дом не сохранился. О найме квартиры и первом ее обустройстве поэт рассказал в мемуарах (*МВ*. Ч. 1. С. 195).
[6] Ср.: «„Фить, фить!“ — проговорил отец, щелкая пальцами (это было его обычным обозначением легкомыслия) <...>» (*МВ*. Ч. 1. С. 6).
[7] *Марьюшка*, горничная М. П. Боткиной. Осталась при Марии Петровне и после ее замужества; служила у Фетов сначала в Москве, а затем до конца 1868 г. в Степановке (*МВ*. Ч. 1. С. 344).

10

Между 13 и 18 июня 1857 г. Москва

Сегодня утром, добрая Мари! отправил я к тебе письмо, а вечером пишу другое, и это, вероятно, дойдет прежде утрешнего. Зло, ужасно зло смеется надо мною судьба нынешний год, начиная с болезни сестры. Я сделал предложение девушке, которую полюбил, за два дни до ее отъезда за границу и получил ее полное согласие и *честное слово*. «*Будьте совершенно покойны*», — сказала мне моя невеста. Точно ли могу я[а] быть покойным на этот счет? — спросил я. «*Да, да*», — отвечала она у рояля: «*вот вам моя рука*». Все это случилось так быстро, что я не успел ничего ей сказать и объяснить, исключая одного. Вы, говорю я ей, жили в богатом доме, а теперь связываете свою судьбу *навек* с человеком, который Вас искренно и преданно любит, но которого состояние как раз равно Вашему и вместе с Вашим не составит большого. Я Вам даю, любимой мною женщине, и самому себе слово неусыпно работать, насколько сил моих хватит, для того чтобы не заставить Вас нуждаться. Вы к этому не привыкли да и[б] у меня бы нужда и Ваши лишения отняли всякую иллюзию в жизни. *Я был бы глубоко несчастлив*. Желая меня сделать счастливым Вашей любовью, Вы не можете в то же время желать моего несчастья. Вот та важная мысль, которую я, делая предложение, передал моей невесте. Все мои письма, которым я давно потерял счет, гуляют, к моему отчаянию, где-то по свету и ни к кому не

[а] *Далее зачеркнута описка.*
[б] *Далее зачеркнуто*: мен<я>

Лист 1.

Письмо Фета к М. П. Боткиной.
Между 13 и 18 июня 1857 г. Первая страница

доходят. В каждом из них просвечивает тот чистый, ясный идеал, который я себе составляю о приличной, исполненной довольства семейной жизни. Если бы я мог, я бы любимую женщину окружил чудовищной роскошью, но теперь я ограничусь милым комфортом и надеюсь, что это будет сделано не без толку и вкуса. Один кабинет твой, Мари, будет стоить около 1000 рублей[в, 1] се<ре>бр<ом>. И если б ты могла видеть, как я счастлив этими тратами: каждая вещь напоминает мне своим назначением про тебя. Послушайте, Марья Петровна! Ваше *слово* дало мне право адресоваться к Вам как к моей невесте, которая не далее как через 1 $^1/_2$ месяца будет моей женой. Но я повторяю то же, что писал в каждом письме, не думайте, чтобы я хотел связывать Вас Вашим словом. Я хочу, чтобы Вы со мною были счастливы и вполне отдохнули от всякого горя. Что бы я ни говорил теперь, все это будут слова — мои дела еще впереди, а я хочу, чтобы Вы со временем с гордостью могли сказать, да мой муж действительно меня любит и умеет любить — он честный человек. В настоящее время касательно этих качеств моих у Вас, кроме инстинкта женщины, нет руководителя, спросите его: верите ли Вы мне? А Вы мне сказали, что Вы мне верите — и отдаете все житейское в полное мое распоряжение; тем более что Вы в этом деле, по собственному признанию, дитя. Если же Вы во мне еще сомневаетесь, то я первым Вам скажу, что поступаете неблагоразумно, вручая судьбу свою человеку, которому нельзя верить. Я хочу Вашего убеждения, а без него не может быть счастия. Я делаю в настоящее время вещь, которую никогда не делал да и не сделаю, я беру из капитала 5 тыся<ч> — и я их своими трудами опять пополню. Но далее я могу отдать Вам все наши годовые доходы, но из капитала ни под каким видом не решусь тронуть денежки. Учитесь у Вашего брата Василия Петровича, а он *ума палата*. Поступать иначе было бы с Вашей стороны легкомысленно, хотя извинительно, но с моей непростительно и *презренно*. «Но к чему, де, ты понес всю эту галиматью?» — сп<р>осите Вы. К тому, мой добрый и единственный друг, что до меня дошли слухи, что Вы собираетесь после нашей свадьбы ехать зимовать в Италию.[2] Ох, уж эта мне Италия![3] Это, мой Ангел милый и добрый, решительно невозможно. Во-первых, уже потому, что денег нет. Если б были доходы под руками, то кто ж бы мне велел брать на обзаведение из капитала. Теперь лето, все сделается своевременно, а через 4 месяца мы будем у себя в Москве об эту пору сидеть за самоваром и Вы будете мне чай наливать. Следовательно, нельзя меня укорять в необдуманной поспешности. А если я и спешу, то и за это тебе на меня гневаться не сле-

[в] *Здесь и далее для обозначения рубля Фет использует принятый в то время письменный символ.*

дует — ты знаешь, Мари, — что я влюблен — и, кажется, для тебя не тайна, в *кого*. Итак, на основании твоих слов все сделано, квартира нанята и приступлено к отделке, мебель и экипажи заказаны, а ты порываешься зимовать, т. е. мерзнуть и морозить меня, в Италию! Нам надобно этот год жить самым умеренным образом, для того чтобы потом не протирать глаза кулаками. Помни, что нам никто ничего не даст, да и надобности в этом нет, но чтобы мне, взявшему на себя семейную святую обязанность, не думать о будущем — это невозможно. Нам надо идти дружно вместе. Что это за горе! что в ту минуту, которая так дорога жениху и невесте, время, в которое они обыкновенно успевают передать друг другу свой образ мыслей и чувствований, нас как на смех судьба разогнала в разные концы света. Всякий страстный порыв я понимаю. Хладнокровный посторонний человек мог бы мне сказать следующее. Когда ты думаешь венчаться, в конце августа? А когда твоя невеста возвращается в Москву? В конце сентября. У тебя нет готовых денег; так это ты за полтора м<еся>ца хочешь заплатить $1\,{}^{1}/_{2}$ тысячи серебром. Кто же тебе мешает выехать твоей невесте навстречу в Петербург и там обвенчаться? Это очень благоразумно, но только не в отношении к человеку, который все лето томится чуть не до помешательства, а я, будь у меня паспорт в кармане, сегодня бы поскакал в Баден-Баден. Теперь это понятно и законно, но когда мы, Бог даст, будем уже мужем и женой, тогда всякое поползновение на наши общие средства существования незаконны. Кроме того, ты забыла, что у меня в Москве сестра, которая, по стечению обстоятельств, остается одна. Ни для кого, кроме невесты, я не решусь оставить ее одну и то на $1\,{}^{1}/_{2}$ м<еся>ца. Я дал себе слово этого не делать, а если я изменю слову в отношении к сестре, то завтра я могу изменить слову, данному жене. Читая эти строки, моя милая голубка! ты, верно, думаешь. Нет! мужчины не понимают ничего. Вот этот барин, а еще поэт, не понимает, что я хотела отдохнуть с любимым человеком в чудной стране, забывши все, все... Скажи мне, угадал ли я или нет? Если подобная мысль действительно шевелилась на дне твоей души, то я целую последний край твоей одежды и благодарю и тебя, и Бога за твое чувство, но по изъясненным причинам ты сама видишь, что нам надо сейчас же, не медля нимало, в Москву. Когда я прочел в твоем первом письме фразу: «Как бы я рада была променять всю эту *заграницу* на Маросейку, где мне в последнее время было так хорошо», когда я прочел эти строки, я сказал себе внутренно: вот какую тебе надо жену. Ради Бога, Мари! сжалься ты надо мною! успокой меня хотя сколько-нибудь. Скажи, что ты мне веришь и не считаешь человеком, неспособным вести дела. Мое присутствие нынешней зимой в Москве крайне необходимо и для дел моих. Это мне может сделать страшную разницу. У меня есть капи-

тальные дела, которых я никому поверить не могу, хотя бы и хотел. Тут нужно личное присутствие. Я не хочу, чтобы ты слепо исполняла мои желания, я хочу, чтобы ты поняла, *почему* то или другое нужно. Ведь нам стыдно делать, как Григорович, фить! фить! финтифлюшки.[4] 1-го октября карета твоя будет дожидать нас у железной дороги, а самовар на столе в зале и цветы в жардиньерке в твоем кабинете. Право, голубчик, ты так можешь отдохнуть в Москве, а как я буду счастлив, когда этот страх и неизвестность и сомнения свалятся с моей души. Довольно я и так в жизни помаялся. Отвечай, моя добрая, тотчас же по прочтении этого письма. Успокой меня, и бог тебя успокоит. Ну, решай, как хочешь, только не мучь и не томи. Скажи мне раз навсегда, что не будешь ничего делать важного без моего совета, и этого слова для меня будет довольно. Не сердись. Целую твою хорошенькую ручку.

Душевно преданный и навсегда твой А. Фет.

Мари! полюби меня искренно и поверь, что я все, все для тебя сделаю, что могу.[г]

Два листа исписал, а и сотой доли не сумел сказать всего, что хотелось.[д]

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 37—40 об. Письмо записано на двух двойных листах почтовой бумаги. Листы пронумерованы Фетом: «Лист 1», «Л. 2». К письму 10 прилагается конверт V (при первоначальной архивной обработке и письмо, и конверт помечены одним и тем же шифром «Ф. 737»). Адрес на конверте: «*France*. Monsieur Charles Mathias. *St. Louis*. Haut Rhin (*Франция*. Господину Шарлю Матиа. *Сен-Луи*. Верхний Рейн — *франц.*). Для передачи Марье Петровне». Московский почтовый штемпель отсутствует, почтовый штемпель Сен-Луи — от 7 июля. На конверте надпись, сделанная рукой М. П. Боткиной: «Получено *7 июля*». Письмо 10, скорее всего, было адресовано в Баден-Баден (см. ниже), поэтому предполагаем, что конверт V — от утраченного письма, которое могло быть отправлено из Москвы около 16 июня.

Впервые опубликовано (с датой «между 26 и 30 июня»): *Наше наследие*. С. 47—48.

Датируется на основании фразы из письма 11 (от 18—19 июня): «В прошедшем письме моем к тебе в Баден-Баден — я тебе доказал, что нам нынешний год нельзя нигде зимовать, кроме Москвы». Кроме того, следует принять во внимание, что ответ М. П. Боткиной на данное письмо пришел на старую квартиру (см. письмо 20). Очевидно, нового адреса она еще не знала. Впервые адрес квартиры в доме Сердобинской Фет указал в письме 11.

[г] *Вписано на развороте 2-й и 3-й страниц в нижней части письма.*

[д] *Вписано на развороте 2-й и 3-й страниц в верхней части письма.*

[1] Здесь и далее символ рубля (см. сноску «в»), который часто встречается в письмах Фета 1840—1850-х гг., передается общепринятым «рубли». Символ этот употреблялся с XVII и до конца XIX в., состоял из надстрочных букв «Р» и «У», причем «Р» была повернута на 90° против часовой стрелки, а «У» писалась поверх нее; в целом, знак напоминал Андреевский крест (см. об этом подробнее: *Синчук И.* Многоликий знак рубля // Нумизматика. 2006. № 12 (ноябрь). С. 49—56). В значке, используемом Фетом, эти буквы переданы условно.

[2] Источником этих слухов, оказавшихся ложными, было, скорее всего, письмо Е. П. Щукиной, путешествовавшей по Западной Европе вместе с М. П. Боткиной. Впоследствии Фет писал по поводу «мнимой Италии»: «...вообразив, что это может быть предметом твоих объяснений с сестрой, я приходил в ужас и прихожу еще теперь» (см. письмо 20).

[3] Фет вспоминает о неудачном пребывании зимой в Италии во время путешествия с сестрой Надеждой в 1856 — начале 1857 г. (см.: *МВ*. Ч. 1. С. 170—178), см. об этом во вступит. статье к наст. публикации.

[4] Имеется в виду писатель Дмитрий Владимирович *Григорович* (1822—1899), которого Фет, видимо, считал легкомысленным человеком (см. примеч. 6 к письму 9).

11

18—19 июня 1857 г. Москва

Москва.
19 июня
1 июля.

Наконец-то получил я от тебя, моя крошка! сколько-нибудь успокоительное письмо. Слава Богу! Я их в это время написал более 10-ти, и если они попадут в твои руки, то ты поймешь, почему я тебе так простодушно пишу *ты*. Я уже просил тебя не писать мне *Вы*, какой я тебе Вы — я такой же *ты* для тебя, какая ты *ты*, *Мари*, для меня. Благодарю тебя, мой добрый друг, за твою привязанность и теперь прошу у тебя только одного — полной доверенности и откровенности во всем. Если ты не веришь, что я человек деликатный, любящий тебя искренно и способный вести наши общие дела, то не выходи замуж за меня. А если ты веришь всему этому, то напиши мне просто, что доверяешься мне вполне во в<с>ем, и я надеюсь, что ты никогда не будешь иметь причины раскаиваться. Теперь ты, мой друг, для меня *всё* — от тебя одной зависит мое полное счастие и окончательное несчастие, а мне пора быть счастливым, поверь мне и в этом на слово. Основываясь на твоих словах, я нанял дом за Москвой-рекой и готовлю все, что нужно к нашему приезду. Я как дитя радуюсь нашему милому гнездышку, которое я отделываю даже с роскошью по нашим средствам. Пожалуйста,

не сердись, что я нанял за Москвой-рекой — не увлекайся нелепыми предрассудками.[1] У тебя будет прелестная карета, и ты можешь в 10 минут быть, где вздумается. Будь, ради Бога, покойна совершенно, я ничего не сделаю неловкого и нелепого. Постараюсь тебя отогреть, успокоить и окружить всеми удобствами жизни. — Умоляю тебя — будь мне другом не по одному названию, а действительно успокой меня. Садись сейчас по прочтении этого письма и напиши мне, что ты об этом думаешь. В прошедшем письме моем к тебе в Баден-Баден — я тебе доказал, что нам нынешний год нельзя нигде зимовать, кроме Москвы. Пойми меня, мой Ангел — я ничего не выдумываю в свою пользу — я хочу, чтобы ты мне развязала руки действовать на устройство наших общих дел и быть может и далее. — Если ты не поедешь со мной сейчас же после свадьбы в Москву — то мы будем в большом затруднении. Напиши мне тотчас, что ты *хочешь быть моей женой, умницей и послушной*. На карету я дал задаток, а на мебель тотчас по получении твоего ответа дам. За что ж бросать деньги на ветер. А как только ты скажешь, что будешь меня слушаться, то все у нас пойдет отлично — ты сама это увидишь.

У тебя теперь в целом мире нет человека ближе меня и человека, в которого бы тебе и морально и физически нужней была слепая вера. Жена, которая считает мужа дураком или подлецом — несчастная женщина. А я хочу, чтобы моя Мари была счастлива. Для меня нужна *ты*, а другие пусть толкуют и делают, что хотят. Напиши же мне сейчас и успокой и меня и себя. Сегодня я подал прошение об отпуске за границу. Сестре опять со вчерашнего дня плохо, и я не знаю, что из этого будет. Во всяком случае в начале августа я буду у тебя с твоими и моими документами. Завтра еду на дачу.[2] Напиши, есть ли у тебя какая-либо мебель или заказывать всю. Для твоего кабинета отличную заказал, для моего кабинета и залы тоже заказал, а если есть для спальни что-то, зачем деньги бросать попусту. А если нет, то закажу и туда. К приезду и рояль твой будет в нашей квартире, и все, все. Кроме своих нарядов ничего не покупай и то лучше подожди меня. Портрет твой я тоже сам закажу в Париже.[3] Целую твою хорошенькую ручку тысячу раз. Как досадно, если ты не получила моих писем. Из них можно томы составить. В Веве три. В Баден-Бадене, кажется, пять. Голубушка моя добрая, успокой ты меня, мой Ангел, — я перед тобой за это простою день целый на коленях. Напиши сейчас, что ты не будешь мне противуречить. Подумай сама, разве это шутка бросить 5 тысяч рублей. Мне надо долго и неусыпно трудиться, чтобы их возвратить в наш капитал, которым нам надо целый век жить. Жду как манны твоего ответа.

Обожающий тебя А. Фет.

Право, я, кажется, не дождусь свидания и свадьбы — напиши, что ты меня любишь так, как я тебя люблю. Не смей мне писать *Вы*.[а]

Мой адрес: *За Москвой-рекой, у Спаса в Наливках*,[4] в доме г-жи *Сердобинской*.[б]

У Сердобинской теперь твой дом, моя крошка! Боже! Боже![в]

Еще раз адрес: За Моск<вой>-рекой, у Спаса в Наливках, в *д<оме> г-жи Сердобинской*.[г]

Вчера я исписал целый лист и думал кончить, но сегодня чувствую новую потребность писать к тебе, мой единственный друг. При одной мысли о тебе сердце мое бьется, как голубь, и я не нахожу слов высказать тебе все, все. Не могу достаточно повторять тебе, моя голубушка: сжалься ты надо мной. За что же тебе меня мучить — у меня в душе кроме полного желания твоего прочного, постоянного счастья и спокойствия, кроме чувства признательности и любви к тебе нет ничего. Ты благородная и нежная душа, следовательно, если бы ты меня и не любила, как я тебя люблю, то все-таки не можешь желать моего беспокойства и мучения. Я тебя не обидел <ни> единым помыслом и надеюсь, во всю жизнь не обижу. Я человек расчетливый, потому что не люблю нуждаться, я теперь на основании твоего *слова* истратил 5 тысяч рублей из своих денег и, следовательно, стеснил некоторым образом свои средства, но если бы ты убедилась, что не можешь быть со мною счастлива, то не только ты, но никто никогда не услыхал бы от меня ни слова, и я первый сказал бы во всеуслышанье, что *ты мне* отказала. Но мне сладостно верить, что я нашел в тебе женщину, способную оценить мои правила и привязанность. Без этой веры я бы не сделал тебе предложения. Повторяю в 1000 раз — доверься мне вполне, следуй доверчиво за мною в жизни и ты будешь покойна, я сделаю все, что будет в моих силах. — Я это время истомился душой. Письма мои к тебе не доходят — и я получаю редко от тебя весточки. Друг мой — я женюсь на тебе не для людей, не для света, а для себя и для тебя. Если тебе этого мало — тогда не губи нас обоих. Если тебе недостаточно моей вечной и постоянной дружбы — тогда не решайся на такой страшный шаг. Но ведь ты сама пишешь, что любишь меня *много, много*, ну как же после этого мне не верить? Когда я подумаю, что не будь мы в разлуке — то достаточно бы было одного твоего слова, взгляда,

---

[а] *Вписано на полях 1-й страницы письма сверху и снизу.*

[б] *Вписано на развороте 2-й и 3-й страниц в верхней части письма.*

[в] *Вписано на левом поле 2-й страницы письма.*

[г] *Вписано в нижней части 2-й страницы письма.*

пожатия руки — и я был бы *совершенно* покоен, а теперь я мучаюсь страшно вот уже другой м<еся>ц. Все твои домашние чрезвычайно милы и внимательны в отношении ко мне. На этой неделе я буду говеть и заберу все наши документы в Париж. Пиши свой адрес. Ведь это ужасно, что из 10 писем моих ты получила только первое![5] Напиши, бога ради, можем ли мы в конце сентября возвратиться с тобой в Москву. Заграница отравит мне первые минуты счастия. Я хочу, чтобы ты была моя хозяйка, моя ненаглядная царица у себя в доме, а тут таскайся по гнусным трактирам. Когда я устрою наши дела и соберусь со средствами, тогда повезу тебя, куда хочешь, а теперь, мой добрый друг, позволь мне хотя одну зиму пожить, успокоившись подле тебя. Неужели тебе будет со мною скучно? — Это было бы ужасно! я и мысли этой допустить не могу. Человек положительный, как я, может любить женщину, но не решится сделать предложения, не взвесив вопроса со всех сторон, и ему вдвое тяжелей расставаться со всеми своими надеждами и мечтами.

Я теперь сделался совершенным ребенком. Так меня занимает малейшая подробность нашего общего будущего. Почти каждый день у меня каретники, обойщики, мебельщики и т. п. Я хочу, чтобы ты меня похвалила, войдя к себе в дом. Буду стараться заслужить твое одобрение. Повторяю мою покорнейшую просьбу. Садись сейчас же и напиши откровенно, какого ты обо всем, что я тебе говорю, мнения? Теперь в письме невозможно входить во все подробности, но при первом свидании я тебе изложу ясно все наше положение, и ты сама, моя добрая голубка, убедишься, что я не могу поступать иначе. А теперь предоставь ты мне действовать по моему крайнему разумению и будь покойна. Я не сделаю ничего неприличного и неблагоразумного. Если же ты в сердце своем не привыкла еще мне верить, то это грустно и глубоко жалко. Ты говоришь мне о любви, а я требую от тебя веры, без веры нет любви. Ты сама пишешь и говорила мне не раз, что в делах расчетов ты младенец, да это и не беда. Поверь, что когда у тебя будет свой дом и свое хозяйство, то ты сама мало-помалу вникнешь в это дело и будешь в тысячу раз делать его лучше тех, которые целый век бредят кухней и погребом. Я тебе в этом случае верный и преданный помощник и слуга.

Прости меня, крошка моя, что я так дурно пишу; но я и обыкновенно пишу плохо, а взволнованный пишу еще хуже. Все ты же виновата, зачем влюбила в себя своего жениха. Целую тысячу раз твои глазки, ручки и губки. Сейчас же, согласно твоему желанию, отправляю это письмо. Но и ты в свою очередь не заставь меня дожидаться ответа. Вспомни, что все дело стоит только за твоим словом. Если ты мне напишешь о полном твоем согласии на мои планы — то я дам всем мастерам половину денег и покойно уеду в Диепп, приготовив все к нашему

приезду. А без этого я не могу сделать шагу, и у меня ежеминутно руки опускаются при мысли, что ты не одобришь моих планов. В Баден-Бадене найдешь кучу писем и стихов.[6] Я работаю, сколько могу. Потому что деньги будут нужны. Ну, Христос с тобой, моя милая, добрая Маша! Будь только откровенна и снисходительна, а прочее все будет, прочее уже мое дело. Успокой же меня, моя радость! да не забудь написать своего адреса. Когда-то я увижу тебя. Пиши Афанасию Афан<асьевичу> Фету. *В Москву*, за Москвой-рекою. В приходе Спаса в Наливках, в доме г-жи *Сердобинской*. Еще раз целую тебя тысячу раз. Жду твоего ответа через 20 дней. Будь здорова и весела и не забывай того, кто каждую минуту стремится к тебе душой.

Твой искренний друг А. Фет.

На конверте:

St. Louis. Haut Rhin (*France*).
Monsieur
Mr *Charles Mathias*,[д]
а Вас прошу передать
Марье Петровне
Боткиной.

Почтовые штемпели: 1) Aus Russland. PORTO; 2) Prusse, Valenciennes, 9 juil<let> <18>57; 3) Paris, 9 juil<let> <18>57; 4) Paris à Strasbojurg, 9 juil<let> <18>57; 5) Strasbojurg à Bâle, 10 juil<let> <18>57; 6) St. Louis, 10 juil<let> <18>57.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 20—23 об.; конверт — л. II. На обороте конверта помета М. П. Боткиной: «Получено 10 июля». Письмо написано на двух двойных листах почтовой бумаги. Листы пронумерованы Фетом: «Лист 1», «Лист 2-й».

Впервые опубликовано: частично — *Новый мир*. С. 207; полностью — *Наше наследие*. С. 45—47.

Дата, указанная в начале письма: 19 июня (1 июля), выставлена позднее. Начало письма следует датировать 18 июня, поскольку оно писалось два дня, причем закончено и отправлено было 19 числа, см. примеч. 2 к наст. письму.

[1] В середине XIX в. район Замоскворечья считался далеким от центральной части города и непрестижным (см. примеч. 4 к наст. письму).

[2] В следующем письме, от 20 июня 1857 г., Фет писал: «Вчера я обедал в Кунцеве, куда поехал, отправивши тебе письмо в St. Louis». См. также примеч. 9 к письму 5.

[3] Портрет был в Париже заказан, но вместе с другими вещами из багажа Фетов пострадал от пожара во время перевозки по железной дороге. В письме к В. П. Боткину от 4 ноября 1857 г. М. П. Фет сообщала, что ее портрет «весь почернел» (*Фет/Боткин*. С. 218).

[д] *Сен-Луи*. Верхний Рейн (*Франция*). / Господину / Г-ну *Шарлю Матиа* (*франц.*).

[4] В XIX в. в московских адресах после указания района («за Москвой-рекою») следовал церковный приход, к которому относится домовладение («В приходе Спаса в Наливках в доме г-жи Сердобинской»). См. также примеч. 5 к письму 9. Наливки — целый район Замоскворечья. Тут при великом князе Василии III были поселены иноземцы-наемники, которым разрешалось пить вино в любое время, а москвичам только в определенные начальством дни. По преданию, в этих местах находился винный двор и «стояли шатры, в коих наливали и отпускали вино». Солдаты-иноземцы («нехристи») наливали себе, сколько хотели. Отсюда и пошло название «Наливки». Деревянная церковь Спаса Преображения в Наливках (Преображения Господня, что в Наливках) была построена в 1642 г. между улицами Полянка и Якиманка. В 1738—1751 гг. на ее месте была выстроена каменная церковь, которая была снесена в 1930 г. В XVII — начале XIX в. в Замоскворечье было немало усадеб, принадлежавших дворянам (Барятинским, Репниным, Вяземским, Мещерским). Только с середины 30-х гг. XIX в. здесь стали селиться мещане и купцы.

[5] Речь идет о письмах 4 и 5, отправленных в Базель в одном конверте 21 мая 1857 г. М. П. Боткина получила их только 6 (18) июня.

[6] Письма со стихами, адресованные в Баден-Баден, до нас не дошли.

12

20—21 июня 1857 г. Москва

20 июня.

Милая, дорогая, бесценная Мари! Вчера я обедал в Кунцеве, куда поехал, отправивши к тебе письмо в St. Louis.[1] Наконец-то я застал Елисавету Васильевну и брата твоего меньшого, очень милого мальчика.[2] Все тебе усердно кланяются. Дмитрий Петрович[3] сам к тебе писал. Ты не можешь себе представить, до какой степени я был благодарен Елисавете Васильевне за ее милое участие. Если бы не чувство приличия, то я, кажется, расцеловал бы ее самым горячим образом. Она так меня усладила и успокоила разговорами о тебе, что я с ней, можно сказать, блаженствовал. — «Да что вы вздорами-то себе голову ломаете (говорит она), Мари вас любит, успокойтесь, она сама увидит, что вы дело говорите. Делайте все, как находите за лучшее, она поймет, что это так должно быть. Ведь так нельзя шутить и выбросьте все сомнения из головы. Что за детское нетерпение? Погодите, еще наживетесь вместе. Еще успеете друг другу наскучить». Нет, Елисавета Васильевна! если бы я хотя на минуту мог думать, что Мари может мне наскучить или я ей, то я не просил бы ее быть моей женой, моим другом. Не будучи страстными любовниками, мы можем на всю жизнь оставаться людьми друг другу близкими и дорогими. — Одним словом, она и в этом пункте со мной согласилась. Ну, дайте же вашу руку, добрая Елисавета Васильевна. «А если Мари это увидит, то она будет ревновать. Я ду-

М. П. Боткин.
Портрет работы неизвестного художника (карандаш). 1853 г.
Альбом М. П. Боткиной

маю, что она будет вас ревновать. Это беда!» Да я только об этом и молю Бога. Дай Бог, чтобы она меня ревновала, я на это никогда не пожалуюсь. «А вы, вы будете ее ревновать?» — Ох! Елисавета Васильевна! я ее уже теперь ревную, но ей этого никогда не покажу. «Это очень гадко». Что ж тут гадкого? Короче сказать, все были чрезвычайно милы. Оставляли меня ночевать, но я не остался и после ужина уехал несколько успокоенный и с самыми золотыми надеждами в сердце. — Только от тебя, мое сокровище, радость моя, нет ответов на мои последние письма, а письма из *Веве* воротятся, вероятно, в Москву. Ну что

тебе стоит хотя несколько строчек в неделю написать. Знай, что большей радости ты мне сделать ничем не можешь. Я в состоянии писать тебе всякий день. Да почти и пишу ежедневно. Завтра пятница — я буду исповедоваться, а в субботу приобщаться, а в воскресенье еду на охоту дней на 10-ть.[4] Право, хотя бы на охоте немного забыться, а то, кроме шуток, можно с ума спятить. Дома мне решительно не сидится. Не стесняясь поездкой моей, пиши все по тому же адресу: В Москву. За Москвой-рекой. В приходе Спаса в Наливках на М<алой> Полянке, в до<ме> г-жи *Сердобинской*. Я буду получать твои письма исправно и еще исправнее писать, потому что буду жить на железной дороге. Да, я было и забыл тебе написать следующее. Вчера я говорил с Елисаветой Васильевной про твою мебель. Она говорит, что у тебя есть трюмо, высокие кресла и вольтер,[5] комоды и шифоньерки и несколько кресел. Все это необходимо для спальни. Я уже приговорил у немца трюмо в твой кабинет в полтораста рублей — большое, с большим зеркалом, но для спальни тоже нельзя без трюмо, ведь не в гостиной же ты будешь одеваться, да и кто из дам приедет, войдет в домашнюю комнату оправиться. А заказывать все поименованное, надо лишних 200 рублей бросить. Для чего же бросать их напрасно. Если ты со мной согласна, то, как говорит Елисавета Васильевна, напиши им, чтобы они, когда квартира будет совершенно отделана и меблирована,[a] отпустили людям моим какую ты прикажешь мебель для спальни и твой рояль. Не бойся, все будет бережно сохранено к твоему приезду. Даже попрошу Дмитрия Петровича приискать хорошего настройщика. Напиши и мне, что ты приказала взять. Об одном прошу тебя и умоляю, пиши во всем так же откровенно свои мысли, как я тебе пишу свои. Уж если ты со мной не будешь вполне откровенна, то с кем же после этого тебе быть откровенной.

21 июня
3 июля.

Вчера на этом месте я прекратил мое писание, у меня до того ум за разум зашел, что я не находил уже что и говорить. Я пишу к тебе, моя душа, да ты действительно душа моей теперешней жизни — я дышу тобой, как воздухом, я пишу к тебе, как пьяницы пьют, запоем. Не знаю, были ли бы у меня минуты такого страшного томления и стремления к тебе, если бы ты была на Маросейке, но зато наверное не было бы мучительной хандры, вследствие которой не нахожу нигде себе места. Ах, дружок мой Мари! прими хотя ты участие в моем счастии, подумай, какая у меня будет милая, добрая и любящая жёнка. Что? не-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: присла-

бойсь тебе завидно? Но ты, по дружбе, не должна завидовать моему счастию. Как я ее буду любить-то и беречь! Прости меня, душа моя, я делаюсь невыносимо глуп, как только подумаю о тебе, а когда пишу, то тем более. Мной овладевает непонятное ребячество. Елисавета Васильевна даже сказала, что я действительно люблю тебя; но тебе не нужно ее свидетельства. Какое сладостное состояние *любить*! а им я обязан *тебе*, мой добрый Ангел! Не пишу тебе ничего о делах, если ты мне дашь волю, то я все устрою, не беспокоя тебя ничем. А теперь хочу тебе только говорить одно:

«О! как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней».[6]

Слава Богу, что сердце мое еще может так любить! Когда-то я наконец скажу тебе: здравствуй, Мари! здравствуй, моя добрая, дорогая! Бога ради, не скупись на письма. Ты говоришь, что я между добрыми друзьями, а я решительно один и схожу с *ума*. Целую тебя, моя ненаглядная! тысячу раз. Василию Петровичу[7] пиши à Paris poste restante.[б] В июле он будет там. Будь здорова, счастлива и знай, что одна смерть может оторвать меня от тебя, да еще твоя собственная воля. Напиши мне, что ты будешь *моей женой*.

Весь твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 24—25 об.

Впервые опубликовано (частично): *Новый мир*. С. 203—204. В полном виде публикуется впервые.

[1] О Кунцево см. примеч. 9 к письму 5. Сен-Луи (Saint-Louis) — город во Франции, в департаменте Верхний Рейн; расположен на границе со Швейцарией, близ Базеля.

[2] Имеются в виду Е. В. Чичерина (см. примеч. 3 к письму 4) и Михаил Петрович *Боткин* (1839—1914), в ту пору студент императорской Академии художеств.

[3] О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

[4] Фет выехал на охоту в Вышний Волочек 24 июня 1857 г., в понедельник (см. его письмо к М. Н. Лонгинову от 23 июня 1857 г.: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 7 об.; *Фет/Лонгинов*. С. 226). Охота оказалась неудачной, и уже 26 июня поэт вернулся в Москву (см. письмо 13).

[5] Имеется в виду вольтеровское кресло — мягкое глубокое кресло с высокой спинкой и удобными подлокотниками, названное по имени великого французского мыслителя. В Россию вольтеровское кресло пришло из Европы после реформ Петра I, однако широкую популярность приобрело лишь в эпоху Екатерины II.

[6] Начальные строки стихотворения Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» (1852—1854).

[7] О В. П. Боткине см. примеч. 7 к письму 4.

[б] в Париж, до востребования (*франц.*).

13

26 июня 1857 г. Москва

Подписка

Я, нижеподписавшаяся, будучи совершенных лет и по смерти родителей моих вполне располагая собою, согласна вступить в законный брак с поручиком лейб-гвардии Уланского Его Императорского Величества полка Афанасием Афанасьевым сыном Фетом, в чем и подписуюсь

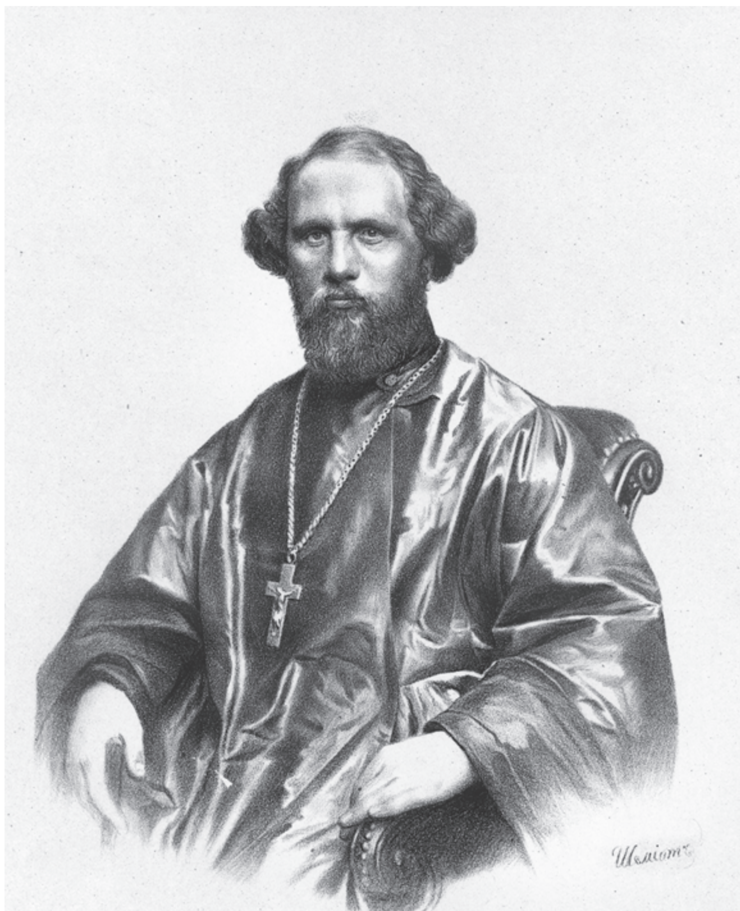
Мария Петрова дочь Боткина.

Париж.
Июля дня.

Вот, мой добрый друг Мари, то, что ты должна тщательно переписать на большом листе почтовой бумаги и переслать мне в возможно скором времени. Я уже писал к священнику Васильеву[1] в Париж по нашему делу, через Де Лаво,[2] не называя тебя, а спрашивая только, каких документов он от меня потребует. На всякий случай вышли то, о чем я тебя прошу, выставь *место* и *число*. Я совершенно потерял голову. Ну как нас в Париже не согласятся венчать, и я поеду с тем же, с чем приехал.

Благодарю Бога и тебя на коленях. Мари! друг мой! Я получил твое письмо в ответ на мое первое в St. Louis. Во-первых, я дрогнул от счастия, когда своими глазами увидал, что Вы, моя милая невеста, написали мне: *ты*. Во-вторых, я все более и более тобой счастлив. Сколько у тебя прямого, безыскусственно хорошего и доброго. Ты уже учуяла сердцем, как много я тебя люблю. Ты надеешься не скучать со мной, ты живешь тихою, уединенной жизнью и не скучаешь. Одним словом, ты мое *сокровище*. Я только что вернулся с неудачной охоты,[3] которую поэтому отлагаю еще на 2 недели, вернулся, можно сказать, без ног, потому что ходил страшно много и не слышу ног под собой. Это мне здоро́во, но я уже перехитрил и пересилил. Тем не менее, прочитав твое письмо, отправился заказывать мебель, на что до сих пор не решался, не зная, что ты на это скажешь. Теперь я покоен и целую твою руку с чувством благодарности.

Итак, решено. — Мы в конце сентября с тобой в Москве вот в этой самой комнате, из которой я пишу тебе. Если доживем и будем здоровы. У меня руки отваливаются писать тебе. — Повинуюсь — пишу в St. Louis, хотя трепещу, что письмо это не дойдет до тебя. Когда ты ожидала от меня писем в St. Louis — я их отправил уже два в Баден-Баден, и они там. Одного ты не поняла в письме моем. Если я просил твоей откровенности, это в том отношении, чтобы ты не скрывала из



Протоиерей И. В. Васильев.
Литография И. Корелина по фотографии Шемиота. Париж, 1859 г. (?)

деликатности и снисхождения ко мне того, что тебе во мне или моих поступках не нравится. Эту просьбу я еще раз повторяю. Нет ничего хуже между близкими людьми — этой ложной деликатности. Надо всегда объясниться, а не копить на душе ни малейших неприятностей, которые, разрастаясь, могут со временем отравить жизнь. Что же касается до того, будто бы я подозреваю в душе твоей какие-то тайны, то я настолько уже и знаю и понимаю тебя, и уважаю и верю тебе, что подобная мысль не могла придти в мою разгоряченную голову. — Напрасно ты извиняешься в причиняемых мне тобою хлопотах. Эти хло-

поты теперь моя истинная отрада. Своя ноша не тяжела. Дом, мебель, экипаж, все это меня занимает и радует — одного недостает, главного — тебя. Но и ты же *моя невеста*. Послезавтра Петров день, и я еду на именины к Петру Петровичу в Кунцево.[4] Ты удивляешься, почему мне не нравится твой портрет. Очень просто. Потому что он при внешнем сходстве черт делает тебя совершенно иной, а я люблю тебя, какой ты действительно есть, а на портрете все резко и потому вовсе не ты. Ты будешь о нем другого мнения, когда я сделаю твой фотограф в Париже. Не беспокойся, мой Ангел, — дам тебе знать не только о дне, даже о часе моего прибытия в Париж. Главное, не думай ни о каких тяжелых днях прошлого.[5] Это моя к тебе просьба. Первая серьезная просьба. Если мы не будем видеть друг в друге людей, то мы не можем видеть друг в друге друзей. А ты уже приняла меня в качестве самого близкого друга. Я душевно радуюсь, что ты дружна с Дмитрием,[6] люби его постоянно и искренно, но не думай, чтобы я был менее способен ценить и понимать тебя. Если ты не получаешь своевременно моих писем, то сама виновата. В прошедшем ты писала, что дождешься на него ответа и уедешь в Баден, а теперь хочешь, чтобы я писал опять в St. Louis. — Повинуюсь — но не знаю, дойдет ли письмо. Что значит фраза: «Я боялась надоедать своими письмами»?! Маша! Какой я дурной человек! Меня ожидает блаженство, а моей бедной сестренке *худо*, *очень худо*. Везу ее за границу и оставлю там. Грустно. Мари, люби меня, а то я сердцем заплачу. Нет, ты не способна покинуть твоего

А. Фет<а>.

26 июня
7[7] июля.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 26—27 об. На первой странице письма помета М. П. Боткиной: «Получено в Диеппе 22 *июля*».

Публикуется впервые.

[1] *Васильев* Иосиф Васильевич (1821—1881), протоиерей, духовный писатель, переводчик, журналист; в 1849—1867 гг. — настоятель православного храма при русском посольстве в Париже, затем председатель учебного комитета Святейшего Синода.

Парижская посольская церковь, где в августе 1857 г. венчался Фет, ютилась в обычном доме, мало приспособленном для богослужения. Благодаря усилиям о. Иосифа, который не только добился разрешения на покупку территории, но и собрал 200 тысяч рублей пожертвований, в 1859—1861 гг. в Париже был воздвигнут храм, получивший при освящении имя св. Александра Невского. См. подробнее: Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 231—232.

[2] *Делаво* Ипполит-Шарль (de Laveau, Delaveau; 1808—1862), французский критик, переводчик русских писателей на французский язык, автор статей о русской литературе, приятель Тургенева, Некрасова, Боткина и других русских лите-

раторов. Сын французского эмигранта Ж.-Э.-Ф. Лекуэнта де Лаво (Lecointe de Laveau), И.-Ш. Делаво родился и вырос в Москве (см.: *Сундквист Л.* Вильгельм Вольфзон, Клер фон Глюмер и первые немецкие переводы романа «Отцы и дети» // *Тургенев. НИиМ(4)*. С. 123). С Фетом познакомился в 1856 г. в Париже. См.: *МВ*. Ч. 1. С. 148–149.

[3] См. примеч. 4 к письму 12.

[4] Праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла по старому стилю приходился на 29 июня, по новому — на 12 июля. П. П. Боткин с семьей снимал дачу в Кунцево, см. примеч. 9 к письму 5.

[5] См. примеч. 2 к письму 2.

[6] О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

[7] Фет ошибся: на самом деле 26 июня ст. ст. соответствовало 8 июля н. ст.

14

30 июня 1857 г. Москва

30 июня / 12 июля.

Нет! добрый мой дружок Мари! я бы не должен был теперь писать к тебе из боязни нагнать на тебя ту тоску, которая порою совершенно овладевает мною.

«О как на склоне наших дней
Нежней мы любим и суеверней».[1]

Не знаю, когда ты получишь это письмо, но тем не менее пишу к тебе, мой добрый друг. Как я тебе благодарен за последнее письмо от 22 из Веве. То, где ты мне в первый раз написала: *ты*. Да хранит тебя Бог, моя радость. Но я готов тебя бранить, зачем ты не со мной или хотя не в Кунцеве. Я физически не могу раньше конца июля нашего выехать за границу, и выезжай ты теперь из Москвы, я бы со слезами упросил тебя не оставлять меня. Ты говоришь, что я в кругу друзей и мне весело. Теперь не время об этом распространяться и объяснять тебе. В настоящее время мне тот друг, кто мне говорит про тебя или по крайней мере выслушивает мои мечты о тебе же. А как число людей, которым я с наслаждением могу говорить о тебе, ничтожно — то мне везде невыносимо скучно. — Я тебе даю слово, что не буду надоедать тебе ничем; но тем не менее я глубоко верю, что нашел в тебе друга, который не будет чуждаться и душевных моих интересов. До сих пор я хлопотал только и говорил тебе о насущных потребностях, но бывают минуты и у меня их много, когда хочется найти симпатического слушателя и, благодаря Бога, у меня он будет. Этот слушатель — *ты*.

Я смотрю на настоящее состояние души моей как на болезнь, от которой меня излечит твое присутствие, как берег излечивает от морской болезни. Я силюсь быть рассудительным, говорить себе, что это все не могло быть иначе, и между тем рефрен все один и тот же: «Зачем ты не со мной!». Вот уже целую неделю не получал от тебя ни строки. Голубушка! Это последний м<еся>ц, побалуй меня только это время твоими письмами. Я бы писал к тебе ежедневно, если бы почта ходила часто и если бы я знал, куда писать к тебе. Хотя бы заставить тебя поревновать, авойсь ты бы была ко мне подобрее. Вчера был у Петра и Павла в Кунцеве.[2] Елизавета Васильев<н>а и Надежда Кондратьевна были очень милы и авантажны.[3] С Елисаветой Васильевной мы дружески болтали про тебя, и она мне говорила, что писала к тебе и меня бранила. Я этому не верю. За что? Я ей ничего худого не сделал. Читал твое письмо к ней с замиранием сердца. Ждал, не скажешь ли что про меня? Мари! голубушка, напиши мне, что ты меня будешь любить. Это глупо, я знаю. Ты будешь смеяться надо мной, а все-таки напиши. Дмитрий Петрович сказал мне, что Василий Петрович узнал о нашем деле.[4] Когда увидишь его в Париже, передай ему мой душевный привет и адрес новый на Малой Полянке, в дом г-жи Сердобинской.

Мне надо тебе дело говорить, а я все болтаю. Нет, друг мой. Право, испытание почти превышает мои силы. Знать, что ты, моя милая, добрая, любишь меня и ждешь, и сидеть одному в пустом доме — это с ума можно сойти. Теперь слушай. У меня в Варшаве будет дожидаться 4-местная дорожная карета, чрезвычайно покойная. В конце сентября я решительно не пущу тебя ехать по бурному морю, я уже об этом писал тебе. Мое желание – уехать в Москву при первой возможности. Остальное зависит от тебя. Про Марьюшку твою я уже писал тебе и писал, почему я думаю, лучше бы было заменить ее другою, – а мне уже предлагают отличную горничную. Но помни, что горничная для *тебя*, а не для меня, и если ты своею довольна вполне, то ничего не может быть лучше. Лишь бы она не ворчала. Я видел твои вещи: 1 трюмо, 2 шифоньер<к>и, 1 столик круглый, 4 мягких и 1 вольтеровское кресло, 1 зеркало, 1 диван и простые кресла. На этом основании я не велел себе в кабинет делать новой мебели и в спальню тоже. Но напиши, чтобы это мне передали, потому что надо все это исправить и привести в гармонию. Кроме того, напиши мне, желаешь ли ты на серебре вензель *MB* или *MF*? Я только потому не беру ничего у Сазикова.[5] Не хлопочи ни о чем, даже твои наряды купим вместе в Париже. Ведь ты хочешь мне нравиться, так подожди моего совета. Я, верно, опять о чем-либо забыл тебе написать и вспомню, когда письмо уже будет на почте. Сестре нехорошо, и я ее окончательно везу за границу.

Душа моя Мари! Постарайся полюбить меня искренно — я на коленях перед тобой заслужу то, что получу вперед незаслуженно. Стихов более двух недель не писал. Дай мне слово не сидеть долго в Париже. Ну что в нем? Скука да и только. А тут у нас будут и Дмитрий Петрович, и Елисавета Васил<ьевна>, и Надежда Кондратьевна, и Иду[6] затащим, и ты нас будешь чаем поить. И в комедию Островского поедем, и гулять пойдем, и кататься поедем, и читать будем, и работать, и к вашим поедем. Братья говорили, что видели тебя в Петербурге веселой и покойной. Как это меня радует. Нет, я не дождусь минуты, когда ты будешь моей милой женой. Еще 6 недель пройдет до нашего свидания. Во Франции мне необыкновенно понравились пружинные постели с матрасом сверху пружинной рамы. Я заказал такие, хотя это у нас очень дорого. Не знаю, угодил ли тебе? Теперь буду хлопотать о бумагах. Кажется, я довольно вытерпел в жизни, так что можно бы обойтись и без этого нового испытания. Еще одно — ради Бога, устрой все так, чтобы мы в самом скором времени могли возвратиться в Москву. Что это от Василия Петровича нет письма.[7] Не сердись на меня, моя добрая, я не виноват, что тебя нет со мной. Целую тебя тысячу раз. Будь здорова и пиши, пиши, пиши. Твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 28—29 об.
Публикуется впервые.

[1] Неточная цитата из стихотворения Тютчева. См. примеч. 6 к письму 12.

[2] О Кунцево см. примеч. 9 к письму 5. См. также примеч. 4 к письму 13.

[3] Имеются в виду Е. В. Чичерина (см. примеч. 3 к письму 4) и Н. К. Боткина (см. примеч. 2 к письму 7).

[4] О том, что Фет сделал предложение Марии Петровне, В. П. Боткину сообщил путешествовавший тогда по Швейцарии брат Владимир, который, в свою очередь, узнал об этом из письма брата Михаила (см.: *Фет/Боткин.* С. 190, примеч. 1). 13 (25) июня 1857 г., после встречи с Владимиром, Василий Петрович писал брату Дмитрию: «Из писем к нему (Владимиру. — *И. К.*), которые я получил для него в Женеве и передал ему — узнали мы новость: Маша выходит замуж за Фета!! Неожиданная новость! Фет добрый и хороший человек, — но я не знаю, есть ли у него какое состояние. Дай Бог, если это правда, — и как, когда это сделалось — жажду невыносимо узнать. <...> Где же и когда будет свадьба? Я так рад за Машу, что боюсь этому верить» (*РГБ.* Ф. 258. К. 1. № 8. Л. 30 об.—31). Неделю спустя, 21 июня (3 июля), отвечая на письмо Дмитрия от 8 июня, Василий Петрович вновь затронул волнующую его тему: «Я с тобой вполне согласен относительно Фета: он добрый и хороший человек и, сколько мне кажется, весьма обстоятельный, несмотря на то, что пишет стихи <...> Эта новость была для меня самая неожиданная и, сказать правду, самая радостная. Я не знаю только материальных средств Фета, но если он говорил тебе сам, что у него есть столько же, сколько у Маши — то им есть, чем жить» (*ИРЛИ.* № 9029. Л. 77).

[5] *Сазиков* Игнатий Павлович (1796—1868), художник, скульптор, ювелир. В 1837 г. получил высочайшее дозволение именоваться придворным фабрикантом серебряных изделий. Фирма «Сазиков» имела звание «поставщика двора его величества». В Москве магазины Сазикова находились на Ильинке и на Лубянской площади.

[6] Имеется в виду И. А. Шефер (см. примеч. 4 к письму 4).

[7] Первые два из своих писем Фет адресовал в Рим, куда В. П. Боткин должен был приехать в июне. Но планы Боткина изменились, от поездки в Рим он отказался, и ожидавшие его письма долго оставались не востребованными (*Фет/Боткин*. С. 193, примеч. 1). Только 28 июня (10 июля), будучи в Эксе, Боткин получил майские письма Фета, пересланные ему из Рима, и сразу же ответил на них (ответ не сохранился). В тот же день, в письме к брату Дмитрию, он высказался по поводу будущего замужества сестры: «По моему мнению, Фет прекраснейший человек, необыкновенно добрый, честный и благородный; а сверх всего этого еще и благоразумный, рассудительный человек. Таким я его всегда считал, и если бы начатое дело совершилось, скажу откровенно, это был бы самый радостный день в моей жизни» (*ИРЛИ*. № 9029. Л. 82).

15

1 июля 1857 г. Москва

1/13 июля.

Опять вечер. Завтра утром отвезу на почту письмо, но в настоящую минуту не могу удержаться, чтобы не побеседовать с тобой, моя добрая невеста! Да, ты права, желая мне, чтобы я всегда любил тебя, как люблю теперь, я и сам этого желаю и надеюсь на тебя и на себя. Мы должны — это наша святая обязанность питать и поддерживать друг в друге это чувство. Будь весела и беззаботна. Отдохни ото всего, что могло тебя тревожить. Если я в чем-нибудь не сумею тебя успокоить — научи меня сама. Полуслова твоего будет достаточно — я пойму его на лету. Оставим все глупые сомнения скептикам. Люди свободные, подобно нам, подавая друг другу руки, не должны сомневаться друг в друге. Я знаю, что я отдохну душой и телом близ тебя, а до других, повторяю тебе, мне дела нет. Боже! Когда-то ты ответишь, озаришь вот этот уголок твоим присутствием, твоей любовью. Как он мне будет мил и дорог! Каждая вещь, каждая безделица здесь будет иметь отношение к тебе, все это, начиная с меня, будет твоей собственностью. И ты хочешь запретить мне мечтать о этом будущем, об этом уго<лке>.[a] Н<ет>,[a] Мари, если ты хотя немного любишь меня, не разрушай, мой дружок, моего блаженства. Поедем как только можно скорей домой. — На про-

[a] *В этом месте текст испорчен.*

шедшей неделе ты обещала писать мне, и вот прошла неделя, а письма все нет. Я от тебя не требую длинных посланий. Но пиши мне хотя в неделю раз. «Я там-то. Пиши туда-то. Я здорова, иногда думаю о тебе и немножко люблю тебя». И я тебе бесконечно буду признателен. Долго после этого пункта сидел я, глядя на свечку, и мне казалось, что я смотрю тебе в лицо. Что я ей скажу? теперь думал я. Про Кунцево — но она сама может все это живо себе представить, говорить о делах — надоел и себе и ей. Скажу ей лучше в тысячный раз то, что мне так отрадно повторять самому: «Слышишь ли ты мой голос, Мари! Я люблю тебя». Дожидайся моего приезда, о котором дам тебе знать заблаговременно, потому только, что ты так хочешь. Я хотел незаметно к тебе подкрасться и войти в комнату неожиданно. Только уговор лучше денег. В комнате ты должна меня хорошенько поцеловать, а то я теперь уже обижусь. Через три недели с сегодняшнего дня буду уже серьезно думать о выезде из Москвы, а через м<еся>ц, вероятно, и выеду. Если только отпуск мой к тому времени выйдет. От *Делаво* жду тоже ответа.[1] Не знаю, кто мне сказал, что священник Васильев — мой приятель — оставил Париж и на место его поступил другой.[2] Напиши мне, будет ли Василий Петрович[3] у нас на свадьбе? Да, пожалуйста, пиши сейчас ответ на это письмо. Целую твои ножки.

Весь твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 3—3 об.

Впервые опубликовано (частично): *Новый мир*. С. 204. В полном виде публикуется впервые.

[1] Об И.-Ш. Делаво см. примеч. 2 к письму 13. Ответ Делаво, датированный 15 июля 1857 г. (что соответствует 3 июля ст. ст.), Фет получил 15 (27) июля (см. письмо 22).

[2] См. примеч. 1 к письму 13. Обстоятельства знакомства Фета и Васильева не установлены. Вероятно, их сближение произошло в августе — октябре 1856 г., когда поэт находился в Париже, познакомить их мог хорошо знавший Васильева Делаво. Летом 1857 г. о. Иосиф получил отпуск и выехал в Россию, оставив вместо себя недавно поступившего на службу второго священника Михаила Орлова. К августу он вернулся во Францию и был в Париже во время женитьбы Фета, оказав поэту необходимую помощь (*МВ*. Ч. 1. С. 202). Вместе с тем, судя по записи в метрической книге посольской церкви, сам обряд венчания совершил Михаил Орлов (см. примеч. 76 к вступит. статье).

[3] На свадьбе В. П. Боткин выступил в качестве поручителя по невесте (см. подробнее во вступит. статье, а также примеч. 7 к письму 4).

16

2 июля 1857 г. Москва

$\frac{2}{14}$ июля.

Маша! милая, добрая Маша! Ты, я думаю, сама испытала, что бывают в жизни счастливые дни. Такой день у меня сегодня. Поутру был у сестры, и Саблер[1] объявил, что несмотря на худое состояние ее в настоящее время, она зимой должна выздороветь, что не мешает моему решению везти ее за границу в конце этого м<еся>ца. Вслед за тем получил 2000 рублей, которые ожидал из деревни. После обеда принесли казенный конверт, разрываю — вообрази мою радость — неожиданное разрешение формальное на брак с *тобою*. Без всяких хлопот это мне устроил мой приятель и родственник в полку.[2] Но всего этого казалось мало сегодняшнему дню. Сейчас принесли письмо твое, и несмотря на то, что я только сегодня отправил к тебе письмо в Париж, пишу это того же числа в Диепп. Голубка Маша! Как, чем благодарить тебя? Где слова на мое задушевное спасибо. Как ты разумно мила и мило добра ко мне. Как задушевно чист и искрен<е>н тон, которым ты, моя душа, начинаешь наши отношения. Если бы мне выдумывать себе жену, то я бы при всем усилии воображения выдумал что-либо менее соответствующее моему задушевному идеалу. Как милы все твои хлопоты и опасения. Голубка! я улыбаясь пишу эти строки. Зачем ты только не спишь-то по ночам, думая о таких пустяках, как квартира и проч. Ты угадываешь мои желания, моя крошка! У меня нет другой мечты в настоящее время, как чтобы ты приехала к себе в дом, взошла по ковру на лестницу, прошла через залу в свой кабинет, полюбовалась на себя в трюмо, потом прошла бы в мой кабинет и в спальню и приказала подавать кушать. А вечером приказала бы заложить карету и свезла бы меня к своим. И все это, если будем живы и здоровы, будет, как я тебе говорю. Я нанял квартиру, как уже писал тебе, за Москвой-рекой. Квартира очень хороша, даже роскошна и недалеко от городу. Я не желаю иметь для двух лучшей квартиры, и ты прежде взгляни и сама меня похвалишь. Все остальное заказано мною отличное, сколько только наши средства позволяют. Серебро: т. е. ножи, вилки и ложки от Сазикова[3] с твоим вензелем *MF*. Еще будет серебряная безделка — это мой тебе подарок и не скажу теперь. Это все глупости, разумеется, потому что все и без того твое, но отчего же не побаловать *себя*, а это я себя хочу побаловать. Одним словом, когда ты взойдешь к себе в дом, то я буду ждать твоего приговора. Скажи прямо, как ты уже начала мне говорить: «Какой у тебя дурной вкус». Но я уверен, что ты ска-

жешь: «Как мило!». Все мне говорят, что дом *теплый* и, судя по массивности каменных стен, он не может быть холоден. Наша квартира в бельэтаже, окна большие, светлые. Все под руками, чего же еще надо. Я молю бога об одном, чтобы мы с тобой сумели вести расчеты только на ту ногу, на которую я ставлю дом, а что все будет в строгом смысле прилично — за это ручаюсь. Всего за столом будет на 25 человек. Серебра, фарфору, фаянсу, хрусталю, белья и проч. Все комнаты драпированы. Твой кабинет будет игрушка. Вся мебель из неполированного ореха. Помилуй, друг мой, — да много ли людей счастливцев живут так. Я уверен, что ты, моя добрая, будешь *жить для меня*, но этим я у тебя не отнимаю полной разумной свободы. Я вижу, что ты так умна и добра, что мне остается только целовать тебя да гладить по головке. Дмитрий Петрович[4] сказал мне, как мало ты взяла денег за границу, и прекрасно сделала. Я трачу на себя самую ничтожность, а деньги плывут тысячами. Но Бог даст, при твоей помощи, мой добрый Ангел, все пополнится и придет в порядок. Вспомни, нам *век* надо жить. Как мне было досадно, что я навел тебя моими словами на мысль, будто ты *скрываешь от меня* что-то. Ангел мой, я вызывал тебя только на ту дружескую откровенность, которой дышат твои два последних письма. Разве ты не понимаешь русского языка. *Я тебе верю во всем слепо* и знаю, что ты мне *веришь*, и этого достаточно. При посторонних и я буду тебе говорить, когда ты даже будешь моей женой: «Марья Петровна, не пора ль нам ехать! Марья Петровна, дайте нам чаю!». К чему вносить свой задушевный мир вовсюду. Но и женихом и мужем один на один или при близких людях не жди от меня слова Вы. Я скажу просто, увидавшись с тобою: «Ну что, Маша! как-то ты, голубушка, здесь прожила. Добрая Мари, дай мне поцеловать свою ручку!». Ты извинялась передо мной, что пишешь ко мне всякий вздор, как же я должен извиняться перед тобой. Знаешь ли, моя добрая, мне как-то странно и неестественно кажется писать к тебе *Вы*. Попробую для шутки. Вы просите меня, Марья Петровна! чтобы я побольше написал Вам писем в Диепп. Кажется, я и до сих пор не ленился писать, но не моя вина, что мои письма разлетелись по Германии, Швейцарии и Франции. Нет! довольно. — Последнее время ты сама меня не забываешь своими письмами и последнее длинно-длинно. Я прочел два листика и думаю, какая она добрая душка, глядь в конверт, а там еще синеет бумажка. Дернул — записка и благословил тебя мысленно. Успокойся! — Я не боюсь твоей вспыльчивости — я убежден в твоей доброте и уверен в твоей ко мне любви. Если нам не жить так, как ты внутренно решила, моя милая, — то лучше не знать друг друга. А ты мне необходима — ты должна сделать меня счастливым. Это задача твоей жизни. Я, Мари! тебе ничего не обещаю, кроме того, что буду стараться всю жизнь, чтобы ты была

счастлива и покойна. Я жил с самыми разнородными людьми и ни с кем не ссорился, потому что ничего не было скрытно. У меня от такого доброго и благоразумного создания, как ты, секретов быть не может, и ты все мои дела, предприятия, расчеты будешь знать так же коротко, как я сам. Это облегчит мне труд объяснений всякого рода. Ты сама будешь видеть, что можно, а чего нельзя. Знаешь ли ты, что осуществляешь мечту всей моей жизни. Я всегда мечтал жениться и поселиться в Москве; но я никогда не льстил себе надеждой встретить такое любящее, благородное и умное существо. Вот и толкуй про хозяйство да про то, что девушек надо приучать к нему. Да я копейки медной не дам за хозяйственные способности неразумной женщины. Она гроши будет беречь, а человека близкого томить и разорять глупостью. — Теперь будь покойна — свадьба наша будет в Париже, а там и марш домой. Чего нам мерзнуть да проживаться без всякой радости. Ты спрашиваешь, с кем я еду на охоту. Я уже ездил на охоту, только крайне неудачно, а завтра еду снова, что не мешает тебе писать ко мне в д<ом> *Сердобинской*. Еду я к майору Громеке, начальнику жандармов железной дороги. Он отличный человек и давнишний мой приятель, которого тебе рекомендую как примерного семьянина и умницу.[5] Что касается до береженья, то я еду на охоту с целию доставить себе моцион. Это мне отлично здорóво. Сейчас же решился на сюрприз *тебе*. Займу весь бельэтаж, так что у нас будут еще три комнаты и никаких дурацких соседей за стеной. И тогда квартира такая, какой нельзя лучше и желать. Напиши же насчет твоей мебели, возьми все свое, а то придется понапрасну покупать, тогда как можно и без этого обойтись. Ведь деньги мои все равно что твои, истрачу ли я свои или твои, результат один. Не забудь написать, что ты меня полюбила и теперь любишь. Я блаженствую, когда читаю эти слова. А я так тебя просто не люблю. Что? поверила? Дай Бог, чтобы мы вечно так любили друг друга. Сейчас стану перечитывать твое письмо. — Мы возвратимся в своей карете через Варшаву, как я уже тебе писал. Я бы желал 15 сентября быть уже дома. Благодари сестру свою за любезный привет и упроси ее возвратиться с нами.[6] Ты говоришь, что не любишь диких брачных обрядов — да кто же их любит? Пойми — что ты будешь *моей женой*, а не праздной толпы. Ожидаю только своего заграничного паспорта и тотчас посылаю за почтовыми. В Женеву я и не думал тебе писать, а написал 2 или три письма в Базель и в Веве. В Баден-Бадене тоже письма три, в Берлине тоже, на имя брата.[7] В Париже одно и вот это первое в Диепп. Из Парижа привезем тебе в кабинет часы бронзовые. По содержанию и форме письма можешь судить, до какой степени у меня все перемешано в голове, но, голубушка, подумай, что я запасаюсь и сеном на зиму, и бронзой, и половиками — все одновременно. Тут поневоле будешь путать.

Я уже писал тебе, чтоб ты не пугалась моих хлопот. Я с наслаждением хлопочу для нашего общего дела. Увидишь, как буду в Париже хлопотать о твоих нарядах. Ты моя куколка, и мне отрадно играть этой милой куколкой. Я тебе уже писал, почему мое прощание показалось тебе холодным на железной дороге. Какое же я имел право выказывать при толпе посторонних мои чувства. Ведь ты же не была объявлена моей невестой. Не помню, писал ли я тебе, как меня обрадовал Григорьев,[8] высказав впечатление, произведенное тобою на него. Я этим горжусь. Elle est plus que jolie, сказал он, elle est charmante et tendre.[а] Я чуть не бросился к нему на шею. У этого человека тонкое чутье. Ты жела<ла> мне отрадных сновидений, а я никаких не вижу или не помню. Дай Бог мне побольше таких радостных дней, как сегодня, а о снах я не хлопочу. Мой лучший сон — ты. Напиши свой адрес в Диеппе и долго ли вы там пробудете, т. е. до которого числа, а то где я вас буду искать? Да благословит тебя небо, мой нежный друг, за то отрадное, успокоительное чувство, которое ты пролила в мое сердце последними двумя письмами. Как только стала писать мне: *ты*, так душка твоя и распахнулась мне навстречу. Крепко целую твои губки. Будь здорова и не сердись на меня. Я *тебя много*, *много люблю* и жду твоих писем. Твой друг и

будущий муж А. Фет.

На конверте:

Dieppe (France).
Mademoiselle
Mlle *Marie Botkine.*
Poste restante.[б]

Почтовые штемпели: 1) Aus Russland; 2) Moscou, 2 juin;[в] 3) Prusse, Valenciennes, 24 juil<let> <18>57; 4) Paris, 24 juil<let> <18>57; 5) Paris au Havre, 24 juil<let> <18>57; 6) Dieppe, 24 juil<let>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 4—7 об.; конверт — л. I. Письмо написано на двух двойных листах почтовой бумаги. Листы пронумерованы Фетом: «1 лист», «2 лист». На лицевой части конверта пометы М. П. Боткиной: «Получено 23 июля (так! — *И. К.*)», а также неизвестной рукой*:* «38 Rue du Haut Pas».

Впервые опубликовано: частично — *Новый мир*. С. 204; полностью — *Наше наследие*. С. 49—50.

[а] Она более чем красива <...> она очаровательна и нежна (*франц.*).

[б] *Дьепп* (Франция). / Мадемуазель / М-ль *Мари Боткиной.* / До востребования (*франц.*).

[в] *Вероятно*, «juin» (июнь — *франц.*) *вместо* «juil<let>» (июль) *проставлено по ошибке почтового чиновника.*

[1] О В. Ф. Саблере см. примеч. 11 к письму 4.

[2] Речь идет о Василии Павловиче *Матвееве*, дальнем родственнике Фета. Матвеев был командиром шестого эскадрона лейб-гвардии Уланского полка и непосредственным начальником поэта в годы его службы в гвардии. Об этом периоде своей жизни и об отношениях с Матвеевым Фет рассказал в воспоминаниях (*МВ*. Ч. 1. Главы I—III).

[3] Об И. П. Сазикове см. примеч. 5 к письму 14.

[4] О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

[5] *Громека* Степан Степанович (1823—1877), командир жандармского эскадрона Николаевской железной дороги и начальник полицейского управления той же дороги (1857—1859); впоследствии — председатель Радомской комиссии по крестьянским делам (1864—1867), седлецкий губернатор, чиновник для особых поручений при варшавском генерал-губернаторе. Умер в чине тайного советника. Известен как публицист, с конца 1850-х гг. был активным корреспондентом «Колокола», сотрудничал с «Русским вестником», «Современником», «Отечественными записками» и другими изданиями. В 1864 г. отошел от публицистики ради практической деятельности. С Фетом познакомился в 1845 г. в Херсонской губернии (см. об этом: *РГ*. С. 323, 330—331). Опубликованы два письма Громеки к Фету 1858 г. (*МВ*. Ч. 1. С. 222, 226); автограф первого из них хранится в РГАЛИ (Ф. 515. Оп. 1. № 22). Был женат на дочери генерал-лейтенанта Екатерине Федоровне Щербатской. Дети: Иван (р. 1849), Ипполит (1851—1889; физик, профессор Казанского университета), Михаил (1852—1883; литературный критик, автор неоднократно изданного труда «Последние произведения гр. Л. Н. Толстого: Анна Каренина») и Мария (р. 1855; в замуж. Крыжановская). Фет поддерживал приятельские отношения с братьями Е. Ф. Громеки — Ипполитом Федоровичем (1827—1889) и Николаем Федоровичем (1826—1900) Щербатскими, вместе с которыми в 1853—1856 гг. служил в уланском полку.

Рассказывая о событиях весны — лета 1857 г. в своих воспоминаниях, Фет ставит имена Громеки и Ап. Григорьева в один ряд: «По временам и грустная наша квартира с Борисовым благодушно оживала. Такому оживлению много способствовал умный, талантливый и пылкий энтузиаст, давнишний мой приятель Ст. Ст. Громека <...>. Он сам когда-то во время оно писал стихи и был до болезненности чуток на все эстетическое. Сюда же весьма часто из-за Москвы-реки хаживал Ап. Григорьев. И когда, бывало, эти два энтузиаста — Громека и Григорьев — сойдутся за вечерним чаем, наше скромное обиталище превращается в Геликон» (*МВ*. Ч. 1. С. 193).

[6] Речь идет о Е. П. Щукиной (см. примеч. 1 к письму 4). При возвращении в Россию Феты и Щукина доехали вместе до Любека, где новобрачные были вынуждены задержаться в ожидании своего багажа, тогда как их спутница сразу отправилась на пароходе в Петербург (см. письмо Фета от 3 (15) сентября 1857 г. к В. П. Боткину: *Фет/Боткин*. С. 199—200).

[7] Речь идет о С. П. Боткине (см. примеч. 1 к письму 6).

[8] Об Ап. А. Григорьеве см. примеч. 10 к письму 4.

17

8 июля 1857 г. Москва

Станция Подсолнечная.[1]

$\frac{8}{20}$ июля.

Дней через 10 по получении тобой этих строк, моя добрая Мари! я уже буду собираться в путь, а там каждый день и каждый оборот колеса будет меня приближать к тебе. Право, при этой мысли мне порою становится страшно. После милых, добрых твоих писем я уже не смею говорить тебе о сомнениях в твоих чувствах, а все-таки сердце сжимает какая-то неизвестность. А ну как все мои надежды разлетятся от дуновения какой-либо враждебной силы. Кто в жизни испытал непрерывный ряд неудач, тот весьма легко поддается чувству сомнения. Ты пишешь, что тебе хочется жить. Этого и мне с нынешней Святой[2] хочется. На днях я на охоте натрудил ногу, и на другой день оказалась в ней тупая боль, на которую прежде я бы не обратил никакого внимания. — Но теперь мне уже казалось, что у меня отнимется нога, и я выводил уже из этого самые мрачные последствия. Во-первых, думал я, она теперь не пойдет за меня замуж, на что ей хромой муж, а во-вторых, мой долг самому, как честному человеку, отказаться от ее руки. Зачем же ее связывать с калекой. Но благодаря бога на следующий день боль, происшедшая от слишком туго перетянутого ремня, прошла совершенно. — Нет дня, можно сказать нет часа, в который бы я не беседовал с тобою мысленно. Благодаря добрым знакомым, семейству Громеки,[3] о котором я уже писал тебе — я почти незаметно для себя спихнул с шеи своей целую неделю и таким образом очутился ближе к тебе. Завтра, 9-го, еду в Москву хлопотать о серебре и мебели, а 10-го или 11-го поеду денька на два в Кунцево к Дмитрию Петровичу.[4] Единственная вещь, которой я теперь жажду — это мой заграничный отпуск. Положа его в карман, уже не могу предвидеть новых затруднений к отправлению. В Москве, вероятно, найду письма, может быть и от Василия Петровича,[5] а от тебя почти наверное. Погода все это время стоит сырая, отвратительная, и охота моя по самой этой причине крайне неудачна. Но дело не в дичи. Я буду отвечать, как охотник, которого спросили, что он убил: «время». Душка, голубка! Когда я доживу до того, что мы будем вместе в нашем уютном гнездышке. Не знаю, написала ли ты к своим касательно мебели. Напиши во всяком случае. Мне бы очень было неприятно, если бы перевозка твоих вещей происходила при тебе. Я думаю устроить так, чтобы ты нашла уже каждую свою вещь на месте. Напиши мне тоже свое решение касательно гор-

ничной. Оставляешь ты свою или нет? Убедись, что для меня это все равно, кто будет твоей горничной, но я бы желал иметь подле тебя женщину опрятную и всегда готовую беспрекословно и с радостью исполнить твою волю. Не можешь же ты на меня сердиться за это чувство, а что тебе удобней и приятней в этом отношении — это ты должна знать сама лучше меня. Времени до моего отъезда, благодаря Бога, остается немного, и в этот короткий срок я еще непременно желаю купить лошадей, потому что поручать покупать такой изменчивый товар, как лошади, без себя — неприятно и тому, кому поручено, и тому, кто поручил. Чувствую, что надоедаю тебе мелкими подробностями; но милый, бесценный друг, эти мелочи твоя собственность и гораздо более рассчитаны на твое, чем на мое успокоение. Я забыл тебе сказать, что на охоту я выехал случайно в одном вагоне с братьями Иваном[6] и Павлом Петровичем.[7] В Твери мы обедали вместе, и я спросил шампанского выпить за их здоровье и пожелать им доброго пути.[8] А за чье здоровье пили вторые стаканы, догадайся сама, моя хорошая, дорогая, если догадаешься. Павел Петрович чрезвычайно мил в отношении меня и говорит, что он очень рад, что ты за меня выходишь замуж. Как бы он этому ни был рад, а все-таки не в такой мере, как я. Я тебя за эту умную мысль твою — еще порядочно расцелую.

До 20 июля, т. е. до 1-го августа нового стиля, можешь адресовать свои письма в Москву, а к тому времени я тебе вышлю свой адрес, да уже не так, как ты это делала. Уж обо мне не беспокойся, ни одно письмо твое не минет моих рук. Кланяйся сестре своей от меня.[9] Как я повезу свою больную, еще окончательно определить не умею, но во всяком случае буду умолять тебя на коленях, во-первых, как можно скорей обвенчаться, а во-вторых, как можно скорей возвратиться домой в Москву. Делай что хочешь — но я буду валяться у тебя в ногах. Мне ваш Париж так же нужен, как прошлогодний снег. Будь весела и здорова, моя ненаглядная, мой добрый и милый дружок. Дай твою ручку, да не так, а ладонью вверх, дай поцеловать крепко, крепко. Что? видишь красное пятнышко. То-то! Твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 8—9 об.
Публикуется впервые.

[1] Подсолнечная — железнодорожная станция на участке Москва — Тверь Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги.

[2] Святая — первая неделя после Пасхи. Пасхальное воскресенье, которое пришлось в 1857 г. на 7 апреля, Фет праздновал вместе с Боткиными (*МВ*. Ч. 1. С. 189). На следующий день, 8 апреля, он записал в альбом Марии Петровны посвященное ей стихотворение («Победа! Безоружна злоба...»).

[3] См. примеч. 5 к письму 16.

И. П. Боткин.
Портрет работы неизвестного художника (карандаш). 1846 г.
Альбом М. П. Боткиной

[4] О Кунцево, где снимал дачу Д. П. Боткин, см. примеч. 9 к письму 5.

[5] В. П. Боткин писал Фету из Экса 28 июня (10 июля) 1857 г. Это письмо не сохранилось (см. примеч. 7 к письму 14).

[6] См. примеч. 5 к письму 7.

[7] Имеется в виду Павел Петрович *Боткин* (1827—1885), старший из сыновей П. К. Боткина от второго брака (с А. И. Посниковой). В 1857 г. служил в Петербурге, впоследствии вышел в отставку и проживал попеременно в обеих столицах. В памяти родных и знакомых остался как страстный любитель оперы и балета, ценитель красоты вообще и женской в частности, много тративший на подарки актрисам. Идеализированные особенности характера и образа жизни П. П. Боткина

отразились в посвященном ему стихотворении Фета «Христос Воскресе! клик весенний...» (1879), см.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 88, примеч. на с. 417—419. Сохранились письма П. П. Боткина к Фету и его жене (*ИРЛИ*, *РГБ*), а также, в небольшом количестве, — письма Фета к П. П. Боткину (*ИРЛИ*), из которых видно, что отношения между ними были по-родственному теплыми.

[8] Вероятно, братья направлялись в Петербург, откуда И. П. Боткин выехал за границу.

[9] Речь идет о Е. П. Щукиной (см. примеч. 1 к письму 4).

18

9 июля 1857 г. Москва

Москва. $\frac{9}{31}$[1] июля.

Вчера с вечерним поездом отправил я тебе, моя ненаглядная Маша, письмо из Подсолнечной станции,[2] а сегодня по приезде в Москву застал твоих два и сейчас же отвечаю на них, радуясь случаю поболтать с тобой. Ты мне так мила и так задушевно дорога, что я готов с тобою ссориться и бранить тебя. Что тебе за охота вспоминать про мое недоверие или как его там назвать. В предыдущих письмах я уже объяснял тебе, откуда, из какого источника все это. Я предполагал тебя избалованной прихотями и проч.; но все это оказалось химерой, к моему счастию. Каждая новая черта в твоем характере — новый залог моего спокойствия и счастия. Я вижу, что ты сама все понимаешь. Чего же мне еще молить у судьбы? Мало того, ты меня даже *немножко любишь* и готова баловать — чего же нам еще объясняться. Нам надо поцеловаться, а не объясняться. Дело очень просто и понятно. Мы любим друг друга, мы оба настолько знаем жизнь, чтобы понять, что человек неглупый, добрый и преданный не такая вещь, которую ежедневно можно найти на улице. А мы с тобой нашли это и будем благодарить Бога. Итак, баста. Не о чем нам разглагольствовать. Что ж бы ты была мне за друг или какой бы я был тебе друг, если бы мы не верили друг другу, а все-таки не отказываюсь от своих слов, если ты меня хотя на миг приревнуешь, буду считать себя счастливым; но тебя прошу меня не терзать ревностью — т. е. не давать мне причины ревновать. Это и мучительное, и гнусное чувство. Одним словом, я мелю вздор, но тебя заочно целую. Если бы ты знала только, Маруся! какая ты у меня умница. Ты права! деньги бросать по-пустому не следует; но я их и не брошу по-пустому. На одно необходимое идет пропасть. Спальню устрою, как ты пишешь. Я купил две кровати прелестных и заказал пружинные тюфяки, сверх

которых будут волосяные матрасы. Подобные постели наслаждение. Но ты желаешь спать на отцовской. Прекрасно! тогда я одну поставлю в комнату для приезжих, а ты будешь спать на отцовской — все как было на Маросейке. Только напиши мне, делать ли и в твою отцовскую кровать пружинный тюфяк или оставить тот каменный, на котором, как я слышал, ты спишь? Я уже говорил, т. е. писал тебе, что у нас комнат будет много, поэтому я заберу всю твою мебель, какую только можно взять для домашних комнат. И возьму два комода. Мягкие низкие кресла переделаю для своего кабинета. Большие пойдут оба в домашние комнаты, равно как и простые кресла. Дай мне хотя один шифоньер в кабинет для книг. Все это сохранит по крайней мере 200 рублей сер<ебром>. Что же касается до твоего кабинета, он же и гостиная, то для него все уже заказано отличное и я ничего не переменю в нем. Я хочу, чтобы тебя окружал вид довольства, а не нужды. Ты моя милая хозяйка, и все у тебя должно быть хорошее и настоящее, как наша любовь. Завтра еду на почту получать деньги из деревни и оттуда к Сазикову[3] заказать 2 дюжины ложек, ножей и вилок. Если бы ты видела, какое это чудное серебро — только немного дорого. К этому возьму серебряный чайник, молочник и что еще понадобится. У Попова[4] я взял полный обеденный и чайный сервиз и весь хрусталь. Насчет столового белья приценюсь в голландском магазине[5] и привезу цену к тебе, а ты делай, что хочешь. Если найдешь выгоднее купить за границей — покупай. Как я рад, что уже поздно исполнить твое желание касательно кареты. Она уже в работе и нельзя ее переделать на откидную, которые я ненавижу. У тебя будет легкая, уютная, вполне изящная и элегантная карета. За это ручаюсь тебе головой. Ты меня за нее сама поцелуешь. Я хочу, чтобы Василий Петрович[6] похвалил наше хозяйство. Квартирой я доволен. Теперь скоро надо закупать сено. Береги свою шубу. Да ты у меня сама золото. Господи, да когда же я дождусь, что ты будешь подле меня. — Со дня на день жду отпуска за границу. А то все бумаги готовы и мои и твои, так что в венчании остановки нигде быть не может. За границей, кроме твоего да моего туалета, да бронзовых часов в гостиную, покупать нечего. Дай Бог свести концы с концами. Очень-то уж кутить не следует. Дай нам прежде оглядеться да привести в ясность наши счеты, а там, будем живы и здоровы — все уладим. Главное, люби меня, Маруся. Сегодня заезжал к сестре. Ей очень нехорошо, и я ее везу *непременно* за границу. От Василия Петровича вестей нет.[7] Я пишу так дурно, что тебе трудно читать. Что ж делать — привыкай понемногу. Если бы я написал даже en toutes lettres,[a] что *не люблю тебя*, ведь ты бы не поверила, так лучше сказать правду. Ты меня это вре-

[a] прямо, напрямик (*франц.*).

мя истомила, измучила. Что я тебе сделал. Не благодари — не за что. Ты моя радость. Целую тебя, душа моя,

весь твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 22—23 об. В дате письма описка: 9 июля ст. ст. приходилось на 21, а не 31 июля н. ст.

Публикуется впервые.

[1] Описка Фета. Письмо могло быть написано только 9 (21) июля. См. предыдущее.

[2] Имеется в виду письмо 17.

[3] Об И. П. Сазикове см. примеч. 5 к письму 14.

[4] Речь идет об Алексее Гавриловиче *Попове* (1760—1860). Его фарфоровый завод находился в Дмитровском уезде Московской губернии. Здесь делали посуду с жанровыми сценами и декоративные статуэтки. За участие в выставке промышленных изделий 1831 г. фарфор завода Попова был удостоен малой золотой медали. За участие в выставках 1833, 1839 и 1841 гг. Попов и его сын Дмитрий были награждены орденами. Во второй половине XIX в. изделия завода пользовались большой популярностью. Завод просуществовал до 1870-х гг.

[5] Голландское полотно считалось лучшим по качеству. Большинство магазинов иностранной торговли в Москве находились на Кузнецком мосту.

[6] О В. П. Боткине см. примеч. 7 к письму 4.

[7] См. примеч. 7 к письму 14.

19

10 июля 1857 г. Москва

10-е мая.[1]
Москва.

Через два часа еду на почту, и потому есть еще время написать к тебе, мой друг! Какая ты проказница! Сама вскружила человеку голову и потом сама же придирается, зачем он рассеян и забывает выставлять числа на письмах? Меня несколько мучает твоя карета. — Хотелось бы, вопреки собственному убеждению, угодить тебе. Но позволь мне, грешному, сделать тебе вопрос. Согласна ли ты, что чем предмет проще и прочнее, тем он изящнее. Твои откидные кареты еще кое-где теперь употребляются, а может быть не дальше как через год будут на них мальчишки пальцами указывать, и тогда деньги брошены и тебе ездить нельзя. Ведь ты желаешь только ездить по улицам, а не комедию представлять. Что же касается до лета, то, во-первых, у тебя всегда будут крытые дрожки, если не захочешь ехать в карете, а зимой

резвые санки, да летом я тебя буду просить ехать в деревню. Радует меня еще одно, что ты и сама не подозреваешь, моя Маруся! какая ты у меня милая. Сегодня еду к мебельщику отказать пружинный тюфяк на твою кроватку, а ты напиши Дмитрию Петровичу,[2] желаешь ли иметь такой на твоей отцовской, если ты пожелаешь, то он по просьбе моей сейчас его закажет к нашему приезду. Ты, глупенькая, все говоришь — *моя спальня* и тем вызываешь меня на ропот. Твоя спальня уже тем будет отличаться от Маросейской, что в ней с твоего разрешения будет уже не одна кровать, а две. Пожалуйста, не выгоняй меня. Ты не можешь себе представить, до какой степени я стал мнителен касательно своего здоровья. Так мне хочется явиться к тебе здоровым и бодрым. Ты спрашиваешь меня, долго ли я буду любить тебя, как теперь люблю, а я тот же вопрос делаю тебе. Неужели ты думаешь, что мне не приходила в голову твоя будущность. Поэтому-то я тебя и тащу в Москву. Мне нужно нынешний год все устроить на прочных основаниях. Вот почему надо торопиться. Но ты, душка, радуешься Парижу, и я за тебя радуюсь — будем вместе его осматривать. Я уже мысленно подаю тебе руку и хожу с тобой везде. А все-таки дом твой будет скучать по милой хозяйке. Самовар кипит, стол накрыт, а хозяйки нет. Это грустно! Как бы мне сказать тебе *люблю тебя, моя Маша!* так, чтобы ты уже никогда в этом не сомневалась, как бы мне поцеловать тебя так, чтобы выпить в этом поцелуе все раздумье твое. Да ты, кокетка, только притворяешься, ты очень хорошо знаешь, плутовка, что твой жених в тебя *влюблен*. Не знаю, какое наказание придумать тебе за все мои муки во время твоего отсутствия? Слава Богу, что у меня много хлопот, а то я просто захворал бы от тоски. Моя легавая собака,[3] которая оказала удивительные способности, чрезвычайно вежлива и послушна, но, когда она начинает шалить, я ей говорю: стыдно! барыня тебя не будет любить! и она сейчас же перестает и ложится на пол. Не знаю, написала ли ты на Маросейку насчет мебели, а то без твоего разрешения мне неловко ею распоряжаться.

По-настоящему мне бы не до́лжно было к тебе писать. Каждый раз, по мере того как пишу тебе, нетерпение мое возрастает. Ты пишешь: не тоскуй! Это, мой дружок, легко сказать, но исполнить весьма трудно. Ты говоришь, чтобы я подождал до сентября, да если бы мне давали я не знаю что, и тогда бы я не остался добровольно. Что ж у меня разве две жизни? Могу ли я тащить и тянуть томительное время разлуки. Довольно и того, что я 36 лет был разлучен с тобой, а теперь не прогневайся, ты моя до могилы. Да ты и сама меня не бросишь. Ты сама будешь меня, старика, лелеять. Не правда ли, Маруся!? Ну, поцелуй же меня, моя крошка, и будь здорова и весела. Я хочу, чтобы ты у меня была весела, как птичка. Ведь тебе не нужно посторонней любви, а моя

душа в полном твоем распоряжении. Вспомни стихи бессмертного Пушкина:

Да, он любил, как в наши лета
Уже не любят, как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена.[4]

Я действительно в настоящее время безумный, а кто виноват. Ты, ты, ты. Ну и возись теперь со мной. Вот тебе и наказание за кокетство. Целую и благословляю тебя. Кольца куплю в Париже. Твой верный

А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 3–4 об. В дате письма ошибка, письмо датируется по содержанию и связи с письмом 18.

Публикуется впервые.

[1] Описка Фета.

[2] О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

[3] Речь, видимо, идет о пойнтере по кличке Непир. Фет приобрел его во время Крымской войны, когда нес службу на Балтийском побережье. Собака была названа в честь Чарльза Нейпира (1786–1860), английского вице-адмирала, который в 1854 г. участвовал в блокаде русских берегов и портов на Балтийском море (*МВ*. Ч. 1. С. 72).

[4] Не вполне точная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (глава 2-я, строфа XX). У Пушкина: «Ах, он любил, как в наши лета...».

20

10 июля 1857 г. Москва

Москва.

Возвратившись из города и побывав на Маросейке, застал у себя на квартире еще письмо, которое лежало на прежней квартире[1] и таким образом позже пришло ко мне писанного от 10-го июля.[2] — Вот, друг мой, и мне и тебе урок. Ты знаешь, как я тебя люблю и какое наслаждение доставляет мне переписка с тобой, ты увидишь, что это со вчерашнего дня третье к тебе письмо; но тем не менее я с содроганием брал в руки твое милое письмо. Сердце учуяло, что мне в нем достанется от тебя за мнимую Италию. Боже! что я выстрадал, читая его. Как мне было глубоко стыдно моей опрометчивости и легковерия. Но, Ангел мой, я тебя тогда почти не знал с этой стороны. Тем не менее вообразив, что это может быть предметом твоих объяснений с сестрой,[3] я при-

ходил в ужас и прихожу еще теперь. Добрая моя! голубушка Маша! прости меня великодушно, не на словах одних, а в душе твоей пойми, что я хлопотал за наше общее благосостояние, а не за себя одного. Пойми, моя душа, что я не желал сказать тебе ничего неприятного, а считал своей святой обязанностию высказать мое воззрение на жизнь вообще, не подозревая, что не мне тебя учить, а мне у тебя учиться должно. Учи меня, моя умница, и верь, что я всегда с благодарностью приму слово правды и совета. Видишь ли ты, до какой степени мне перед тобою стыдно? Но ты посмотри поглубже в причину моего нетерпения и прости меня в душе. Голубушка — я так счастлив, что ты, именно ты будешь моей женой, что не знаю, как выразить это чувство. Мне все кажется, что судьба мне этого не даст. Извини меня перед твоей сестрой и уже ничего не говори о наших планах, во избежание новых бед. Как я поеду, этого я не знаю. Но я поеду непременно. Здоровье сестры этого требует.[4] Какая ты душка! Какой ты нежный и благородный Ангел. Как я тебе благодарен за строки о твоей Марьюшке. Завтра же еду на Маросейку и объявлю ей, что ты ей довольна и оставляешь ее у нас.[5] Я думал, мой дружок, что она тебе не умеет угодить, и поэтому я боялся, чтобы она не портила дурным примером остальных людей; но тебе и ее жаль, и в этом случае мы совершенно с тобой сходимся. Тяжело обижать человека без причины. Итак, оставляй ее при себе и держи, пока тебе будет угодно. Тем более что она будет существовать исключительно для тебя. Целую твои хорошие ручки за нежность и к Марьюшке, и ко мне, в угоду которому ты готова была поставить себя в неприятное положение. Будь покойна, моя добрая душа, — я никогда в жизни не вызову тебя на неблагородный поступок. Все неблагородное меня режет на месте, как и тебя. Напиши мне сейчас же, что ты меня простила, я рад, что этот ничтожный случай помог мне увидать ясную глубину твоей голубиной души. Смейся надо мной, но я пишу к тебе эти строки со слезами на глазах. Маруся! добрая! неужели через полтора м<еся>ца, т. е. через м<еся>ц ты будешь *моей навек*? Если ты на меня уже не сердишься, то исполни моих две просьбы. Первая: устрой свои дела так, чтобы 16-го августа нашего стиля была наша свадьба в Париже.[6] Я все приготовлю к тому времени и буду скакать как угорелый. Вторая: устрой дела так, чтобы 6-го или 7-го сентября нашего стиля мы выехали из Парижа, а 16-го были на Маросейке на именинах Надежды Кондратьевной.[7] Она об этом меня сегодня просила, и я обещал умолять тебя. Неужели нам мало трех недель пробыть с тобою в Париже? Ты права, что не должно тратить много денег, а меня все эти расходы просто ужасают. На днях я получил из дому 3000 рублей сер<еб-ром>, их уже нет. И поверь, ничего не брошено на ветер. Но все, что изящно — дорого. А я тебя не приму иначе в дом, как чтобы все было

изящно и нравилось моей милой, дорогой Мари. Если бы ты мне приказала сделать твою постель на тот манер, на который я заказывал — то я бы распорядился экономически. Грива хорошая очень дорога и сафьян также. Я бы променял дорогой, но ненужный пух на гриву и велел ею набить твой тюфяк, а раму под него сделал бы на пружинах, как это ты видишь в Париже. Я лучше таких постелей ничего не знаю. Мебель, какая только у тебя есть, вся не только пригодится, но даже необходима. Неужели в домашние комнаты заказывать новую, когда есть старая. Постараюсь дать твоей спальне совершенный вид Маросейской — только она вдвое почти выше. Сегодня отдал Сазикову деньги за твое серебро.[8] Прелесть! За один футляр он взял с меня 25 целковых. Всего по две дюжины, как я уже писал тебе. Хотел взять и корзинку для хлеба, да отложил до следующих денег. Заказывай себе платья. Это необходимо да в Париже дешевле. Но портрет отложи до моего приезда. Я сам его закажу. Я видел у одной знакомой в Париже дивные портреты, только не знаю, у кого они сделаны, а сестрин портрет писан акварелью в Риме Тимашевским,[9] но я виденный мною в Париже фотограф иллюминованный[10] предпочитаю кисти Тимашевского. Позволь мне для собственного наслаждения перечислить все твои достоинства. Умна, добра, нежна и поэтому скромна, и видит жизнь с настоящей, а не с извращенной стороны. Бережлива и толковита, блондинка и любит меня. Из всего этого я заключаю, что ты уже простила мне невольное увлечение в нашу общую пользу. Ты слышишь, я тебе говорю: Мари! голубушка! Не буду! Никогда не буду. Дай ручку на мировую. Умолкаю. При всей моей тоске, при всех хлопотах и желании все устроить, не расстраивая наших дел, я так преисполнен счастия и благодарности к Богу, а не к тебе, потому что не ты сама себя создала. Нет, моя душа, я тебя должен благодарить не за то, что ты такая умница, а за то, что ты меня полюбила и решилась меня сделать счастливым. Не знаю, сумею ли я при свидании высказать тебе все, чего не могу вместить в письма, наполненные всякой всячиной, или же я буду молча сидеть подле тебя и молча целовать твои руки. Но я уверен, что ты и без слов понимаешь, сколько даешь мне счастья. Да благословит тебя Бог. Ты смеешься над моим почерком и поделом. Я знаю, что хуже меня никто в мире не пишет, а к тебе я еще стараюсь писать. Но со временем ты привыкнешь к моей руке или лучше сказать к моему маранью. Ты, верно, слыхала, а быть может, и испытала, что морская болезнь, самая сильная, проходит, когда ступаешь на берег. Теперь у меня морская болезнь, а ты берег. Как только увижу тебя, тотчас же все пройдет, и я воскресну душой. А теперь я себя не узнаю и не знаю, что со мной делается. Не гневайся же на меня, моя добрая Маша. Право, мне так грустно, так грустно, что хочется плакать, как больному ребенку. Если

я в твоей душе не найду к себе снисхождения, то где же мне искать его. Ты мне теперь и друг, и сестра, и мать. Мне еще много надо сегодня писем писать, но я пишу всегда к тебе к первой, когда душа светла и полна первым впечатлением. Если вечер — спи спокойно и помяни меня словом любви. Целую твои ножки и отдаюсь на суд твой. Пиши и жди твоего А. Фет<а>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 28—30 об.

Впервые опубликовано (с датой «между 19 и 24 июля»): *Наше наследие*. С. 52—53.

Датируется по связи с письмами 18, 19 и по содержанию. См. примеч. 8 к наст. письму.

[1] Имеется в виду квартира в доме Шувалова Немецкой слободы (см. письмо 1 и примеч. 6 к нему).

[2] Речь идет об ответе Боткиной на письмо 10, написанное Фетом под впечатлением слухов о намерении невесты зимовать в Италии.

[3] Имеется в виду Е. П. Щукина (см. о ней примеч. 1 к письму 4).

[4] Окончательное решение оставить Н. А. Шеншину в Москве Фет принял 16 июля после беседы с В. Ф. Саблером (см. письмо 23).

[5] Ранее (см. письмо 9) Фет предлагал Боткиной уволить горничную Марьюшку.

[6] Этой даты, названной здесь впервые, Фет придерживался в переписке с невестой и далее, включая последнее из сохранившихся московских писем, от 24—25 июля 1857 г. Как пояснял сам поэт, дата венчания была обусловлена окончанием курса лечения Е. П. Щукиной (*МВ*. Ч. 1. С. 196). Лишь по приезде в Дьепп, узнав, что курс водолечения В. П. Боткина продлится до 1 сентября н. ст., Фет согласился на более позднюю дату свадьбы: 20 августа (2 сентября) (см. коммент. Ю. П. Благоволиной: *Фет/Боткин*. С. 196, примеч. 1). Однако нетерпение жениха было слишком велико. Уже 12 (24) августа он написал Боткину из Парижа два письма с просьбой прибыть на свадьбу к 16 (28) августа. В первом из них, не отправленном, Фет жаловался на свое болезненное состояние, грозящее перейти в хроническое. Во втором письме необходимость переноса венчания на 16 августа получила более убедительное обоснование: брат Фета В. А. Шеншин якобы не мог оставаться в Париже до 20 августа из-за болезни жены (Там же. С. 196—197, примеч. 4—5). В результате Фет и М. П. Боткина венчались в русской посольской церкви 16 (28) августа 1857 г.

[7] О Н. К. Боткиной см. примеч. 2 к письму 7.

[8] 9 июля 1857 г. Фет писал, что «завтра» едет на почту, а оттуда — к Сазикову, заказать столовое серебро (см. письмо 18), что дает основание для точной датировки данного письма.

[9] Речь идет о портрете Н. А. Шеншиной, бывшей в Риме вместе с Фетом с ноября 1856 по начало января 1857 г. Фотография с этого портрета, местонахождение которого неизвестно, хранится в РГБ (Ф. 315. К. 17. № 2, см. иллюстрацию на с. 382). Орест Исаакович *Тимашевский* (1822—1866, по другим данным, умер в 1867), художник, с 1860 г. академик живописи. С 1852 по 1864 г. жил Риме.

[10] Имеется в виду фотографический портрет, раскрашенный акварелью.

21

14 июля 1857 г. Москва

Москва.
$\frac{14}{26}$ июля.

Милый, драгоценный друг мой Марья Петровна!

Если бы в настоящее время я от времени до времени не рассчитывал на наслаждение и утешение писать к тебе, то жизнь моя была бы действительно невыносима. Мысли невольно забегают вперед и ищут спокойствия и совета у тебя. А где ты? Дождусь ли я свидания с тобой. Нет, друг мой. Если бы ты собиралась еще раз за границу, то я, рыдая как ребенок, умолял бы тебя остаться. Только сегодня я узнал, что отпуск мой будет не ранее, как через 10 дней подписан государем, которого к тому времени ждут в Петербург.[1] Кроме того, я хлопочу о местах *отдельных* на пароходе и на железной дороге. Этого без приятельской помощи устроить нельзя, потому что больную иначе не примут. Итак, соображая все эти обстоятельства, я не надеюсь выехать из Кронштадта ранее первых чисел августа (старого стиля, т. е. около 15-го вашего). Дай Бог, чтобы к тому времени я выехал. Ты, друг мой, пишешь мне, что тебя радует моя преданность сестре, потому что она служит тебе порукой, что я и в отношении тебя буду неуклонно верен моим обязанностям. Ты совершенно права. Когда ты наглядным образом узнаешь меня, тогда убедишься, что если бы я даже не любил в тебе мою Машу, то я никогда не могу забыть, что ты Марья Петровна, моя невеста и будущая жена. Но оставим теперь в стороне долг, хотя его во всю жизнь ни на минуту забывать не надо, вступая в отношения, к которым мы с тобой готовимся — оставим его теперь. До долгу ли тут, когда и без этого дядьки и так душа разрывается. Разрывается от нетерпенья тебя видеть и от желания остановиться у пристани. Будь ты сама здесь, дело бы приняло другой ход, ты бы помогла мне делом и словом, а то я не знаю, куда голову преклонить. Загадываю одно, а выходит другое. Так, например, сегодня рассчитывал купить лошадей в карету за триста рублей пару, а купил за 550.[2] Кажется, очень хороши, породисты, красивы и главное (я знал, что ты боишься лошадей) смирны, как дети. От Дмитрия Петровича[3] я слышал, что ты выписываешь 500 рублей сер<ебром>. Само собою разумеется, что тебе надо сделать платьев 5 шелковых в Париже, потому что здесь это дороже. Не хочу и не могу советовать тебе по этому случаю ничего. Могу тебе сказать только одно, что у меня в Париже на все и на наше возвращение до Москвы будет не более 1500 рублей серебр<ом>, а я уже рассчитывал, что этого только-

только нам до Москвы хватит. Из этих денег мне 200 рублей сер<еб-ром> необходимо на штатское платье. А трогать деньги, которыми нам нужно будет жить год в Москве, *невозможно*. Это приведет нас к беде. Я до тех пор не буду покоен, пока мы с тобой не ступим вот на эти полы и не будем сидеть в этих комнатах. А до тех пор все мне представляется в виде какого-то непроходимого лесу. Хлопочу, стараюсь, обдумываю каждую безделицу и свою, и твою, и сестрину и трепещу за каждое промедление и препятствие, а до сих пор ни моих людей из деревни, ни моего паспорта, ни сестрина нет. Ее здоровье плохо. О тебе даже думать боюсь. Мне не верится, чтобы я тебя увидал. Прости меня, добрый друг мой, что я навожу на тебя тоску моим нетерпеньем и раздумьем; но ты же сама позволила мне громко перед тобою думать. Я теперь все устраиваю и обдумываю не на один м<еся>ц и год, а, можно сказать, на всю жизнь, тебя нет, как же мне после этого не думать? Но зато если все сбудется и мы обвенчаемся в Париже — с каким наслаждением поведу я тебя в Лувр и как буду рад видеть тебя довольной! Не забудь комиссий Прасковьи Ефремовны,[4] она нам обещала насолить на зиму огурцов. Ты смеешься, а будешь их кушать с удовольствием. Впрочем, ты будешь права, смеясь надо мной: это письмо *галиматья*. Здесь дождь льет, как из ведра. Хочу завтра проехать на дачу в Кунцево,[5] да не знаю, какая будет погода. Голубушка моя! ненаглядная! Когда-то я буду у тебя? Тогда переговорим обо всем и посоветуемся, как лучше устроить наши дела. Я так на тебя надеюсь — более чем на самого себя. Я уверен, что судьба недаром привела меня к тебе. Где я ни был, кого ни видал, а нужно было заехать на Маросейку. Еще бесконечный м<еся>ц, и я в Париже или в Диеппе. Не беспокойся, узнаешь и день и час моего приезда. Прости меня за грустный и озабоченный тон письма. Голубушка! Верь одному, что я тебя люблю всей душой. Твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 10—11 об.
Публикуется впервые.

[1] Приказ об увольнении находящегося в бессрочном отпуску поручика лейб-гвардии Уланского его величества полка Фета «за границу, к карлсбадским минеральным водам и морским купаньям у берегов Франции, на 6 месяцев» был подписан императором в Потсдаме 14 (26) июля 1857 г. (*СПбВед*. 1857. 27 июля. № 162. С. 839).

[2] Фет купил перед женитьбой «пару воейковских вороных лошадей» (*МВ*. Ч. 1. С. 195). «Воейковскими» назывались лошади знаменитого коннозаводчика В. П. Воейкова (1788—1880).

[3] О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

[4] Сведений об этой женщине найти не удалось. Возможно, экономка в доме Боткиных.

[5] О Кунцево см. примеч. 9 к письму 5.

22

15 июля 1857 г. Москва

15/27 июля.

Я тебе, мой добрый друг, бесконечно надоел моими жалобами и стонами. Это я чувствую. Но ты так великодушно добра, так умно-мила, что простишь своему сиротствующему другу. Еще недели две, и я, если чего-либо особенного не случится, тронусь в путь. Сейчас только получил письмо от брата из-за границы,[1] в котором он советует не везти сестру, но тем не менее я ее повезу. Этого требует состояние ее здоровья. От меня, мой единственный друг! не жди и не требуй в настоящее время никакого благоразумного слова. Ты унесла мой разум с собой в Диепп. Вся моя настоящая мудрость заключается в словах: Мари! я люблю тебя как сестру, любовницу и друга. Я уверен, что ты меня полюбила несмотря на то, что я называл тебя рыбой. Сейчас же получил письмо от Delaveau,[2] он пишет: «Vous ne m'apprenez rien de nouveau. Je savais déjà votre projet de mariage avec Mlle Marie Botkina et je vous en félicite. Je connais votre promise et le choix me paraît excellent».[a, 3] Еще бы, если мне нужна жена, то именно такая, как ты. Одним словом, умница и добрая. Лишь бы Бог нам дал здоровья, а все остальное как-нибудь устроим. В настоящее время обивка и драппери меня беспокоят. Я определил на это 200 рублей сер<ебром>, а оказывается мало. Ну да как-нибудь все устрою к нашему приезду. Вчера ездил на одной из твоих лошадей в Кунцево и ночевал у Дмитрия Петровича.[4] Там я вчера познакомился с твоей сестрой Пикулиной,[5] и в субботу мы к ним едем с Дмитрием Петровичем. Экой же я рассеянный, через 3 дня твое рождение и 22-го твой Ангел. Я никогда не помню, когда чье торжество, а этих дней не забуду. Теперь твой Ангел будет моим настоящим Ангелом-хранителем. Чего тебе пожелать. Желаю тебе, чтобы я долго, долго мог любить тебя так же, как люблю, и чтобы тебе не было со мною скучно. В Париже 16-го передам тебе еще желание, о котором теперь молчу. Если бы это не было невозможно. Сидел бы все время у этого стола и писал бы к тебе, потому что это единственное мое удовольствие и отрада в это время. Как только брошу перо — заботы, как гарпии, налетают на меня со всех сторон. Разочти, может ли ответ на это письмо дойти ко мне до 1-го августа, т. е. 13-го по-вашему, а если нет,

[a] Вы не сообщили мне ничего нового. Я знал уже о вашем намерении жениться на м-ль Мари Боткиной, с чем и поздравляю вас. С вашей невестой я знаком, и выбор мне кажется превосходным (*франц.*).

А. П. Пикулина.
Фотография И. П. Павлова. Москва, 1850-е гг.

то и не отвечай более. Впрочем, лучше пиши. Что за беда, если письмо твое пролежит до приезда? Гораздо хуже промедлить почему бы то ни было и не получить от тебя писем. Два мягких кресла я уже отдал столяру для переправки, а до отъезда сам перевезу твой рояль к нам на квартиру. Одним словом, все, что нужно, будет сделано. Ничего до моего приезда не покупай для дома, может случиться, что мы купим вдвойне — ты там, а я здесь, а это будет нелепо.

Елисавета Васильевна[6] удивляется: что я могу тебе писать так много? Кто не любит, действительно не может понять, как достает терпе-

ния и содержания на бесконечные письма; но когда хотелось бы передать душу, сказать человеку, что любишь его последней кровинкой, находящейся в жилах, тогда, сколько ни пиши — видишь, что ничего не сказал или сказал очень мало. Что ты меня любишь, в этом нет сомнения. Ты бы не пошла замуж за человека, к которому равнодушна. Но напиши мне, правда ли, что ты меня любишь: *очень*? Или ты могла бы еще более любить человека более тебе по сердцу? Прости меня, душка. Я вздоры пишу, но я уже предупредил тебя, что в настоящее время от меня ничего толкового не добьешься. Мне сейчас пришло в голову, что если бы мои письма к тебе попались в руки какому-нибудь досужему будущему биографу, если такой найдется. Уже наверное он узнал бы из них меня лучше, чем из какого другого источника. Тут я не притворяюсь, а пишу, что на ум взбредет и чем сердце полно. Если ты, Мари! и не будешь моей женой, от чего да сохранит меня Бог, то все-таки можешь смело сказать — был человек, который меня любил искренно и глубоко, а главное нежно. Привыкла ли ты хотя сколько-нибудь разбирать мою руку? Через десять или 12 дней — стану суетиться отъездом, но это не мешает тебе отвечать на это письмо. Сегодня опоздал с письмами на почту. Это письмо пойдет завтра. Елисавета Васильевна обещала часто бывать у нас. Напиши, согласна ли ты венчаться 16-го августа? и ехать к 16-му сентябрю в Москву? Стороной сейчас узнал, что хозяйка[7] уступает мне весь бельэтаж за 300 рублей сер<ебром> вместо 325-ти. Завтра поеду покупать драпри и под цвет твоих в спальне куплю новые занавески такие же. Твои уже никуда не годятся. Будь здорова, мое сокровище, жму и целую твою хорошенькую лапку и еще раз поздравляю со днем Ангела. Не сердись на меня, моя крошка, если какое-либо слово мое могло тебе не понравиться. Кланяйся братьям и сестрам и в особенности Василию Петровичу, если увидишь его. До свидания, друг Маша! Твой Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 12—13 об.
Публикуется впервые.

[1] Имеется в виду В. Аф. Шеншин, с июня 1857 г. находившийся за границей вместе с женой Е. Д. Шеншиной и сестрой Л. Аф. Шеншиной. См. примеч. 4 к письму 6.

[2] Об И.-Ш. Делаво см. примеч. 2 к письму 13.

[3] Цитируется письмо Делаво к Фету от 15 июля н. ст. 1857 г. (*РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 50). Фет обратился к Делаво, пытаясь через него связаться с настоятелем русской посольской церкви, где собирался венчаться (см. письмо 13). В ответном письме Делаво сообщил, что Васильев уехал в Россию: «Vous venez-vous marier à Paris? Tant mieux, et je n'aurais pas manqué de faire vos commissions si le père Vasilief avait été a Paris, — писал он Фету 3 (15) июля. — Il est en Russie et je crois que

vous pourriez en avoir des nouvelles en vous adressant à Pogodine qu'il doit aller voir. S'il arrivait ici sans vous avoir vu je lui ferai les demandes que vous m'adressez; mais il vaudrait beaucoup mieux que vous le vissiez en Russie» («Вы собираетесь сочетаться браком в Париже? Тем лучше, и я не преминул бы исполнить ваши поручения, если бы отец Васильев был в Париже. Он в России, и я думаю, что вы могли бы узнать о нем, обратившись к Погодину, которого Васильев непременно должен повидать. Если же он вернется сюда, не увидевшись с вами, я передам ему Ваши просьбы; но было бы лучше, если бы вы встретились с ним в России» (Там же. Перевод Н. П. Генераловой)). О пребывании И. В. Васильева в Москве летом 1857 г. и общении его с Погодиным см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1901. Т. 15. С. 122—124. Встречался ли Фет с Васильевым в Москве — неизвестно.

[4] О Кунцево, где Д. П. Боткин снимал дачу, см. примеч. 9 к письму 5.

[5] *Пикулина* Анна Петровна (урожд. Боткина; 1833—1900), сестра М. П. Боткиной. Была замужем за врачом, профессором Московского университета Павлом Лукичом *Пикулиным* (1822—1885), считавшимся в середине XIX в. одним из лучших диагностов в Москве. См.: *МВ*. Ч. 1. С. 219—220. 4 июня 1857 г. Д. П. Боткин писал сестре Марии: «Это письмо принесет тебе очень радостную новость: Пикулин наконец сошелся с Анетой, — вчера она приехала из Питера, и встреча их, говорят, была очень нежная. Анета сегодня приезжала сюда повидаться с Наденькой, пробыла часа два и уехала обедать к мужу. — Я этому душевно радуюсь, — авось разлука их послужит им в пользу, и они заживут счастливо» (*РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 30. Л. 3 об.).

[6] О Е. В. Чичериной см. примеч. 3 к письму 4.

[7] Имеется в виду Е. Н. Сердобинская, в доме которой Фет снял квартиру.

23

16—17 июля 1857 г. Москва

$\frac{\text{16-е}}{\text{28}}$ июля.

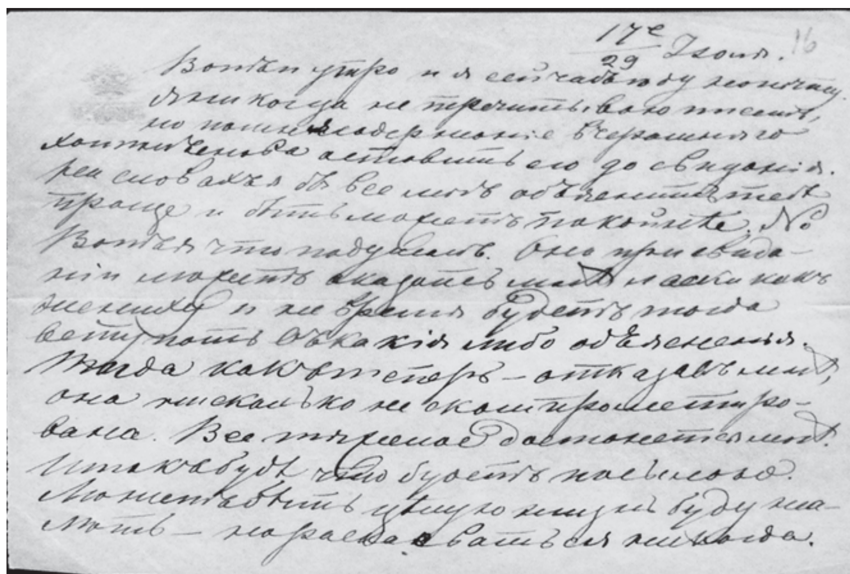
Читай про себя.

Добрый, бесценный друг! Точно сердце мое предчувствовало что-то определенное — вследствие чего я не отправлял этих листков два дня.[1] Сегодня я был у Саблера[2] и после долгого разговору с ним решился оставить сестру у него в Москве до зимы. Об этом и брат просит меня в письме,[3] итак, решаюсь не везти ее за границу. Но в ту же минуту родился у меня другой вопрос, ехать ли мне самому? Дней через 10 мой отпуск должен выйти. С одной стороны, у меня бы на первый приезд твой была 1000 рублей, которые я теперь проезжу; но с другой, моя тоска переходит в настоящую болезнь, которой я серьезно начинаю бояться. Сегодня даже чувствую ревматическую боль в руках, чего со мной отроду не было. Надеюсь, что завтра она пройдет, но я теперь всего боюсь. Один-одинешенек — я решился поехать к умному челове-

ку, который меня любит, Погодину, я только что от него и высказал ему мое положение. Он советует мне послушаться сердца и ехать.[4] Я так и сделаю. Теперь меня ничто не удержит. Если и заболею — приеду умирать к тебе или, по крайней мере, вблизи от тебя. Помнишь ли минуты нашего объяснения словесного. Мы были так смущены, что в подробности входить было некогда, но у меня иногда набегает на душу признание, которое я не успел сделать на словах, а на бумаге не хотел и берег для личного свидания. Но сегодня подумал, не поздно ли это будет? Я бы не церемонился с ним, если бы дело тут шло обо мне лично, не касаясь моей матери, память которой мне священна. Если бы я не верил в тебя, как в Бога, ни за что бы я не решился написать этого на бумаге, которую по прочтении сожги. Мать моя[5] была замужем за отцом моим, дармштадтским ученым и адвокатом Фетом[6] и родила дочь Каролину — теперешнюю Матвееву в Киеве[7] и была беременна мной. — В это время приехал и жил в Дармштадте вотчим мой Шеншин, который увез мать мою от Фета,[8] и когда Шеншин приехал в деревню, то через несколько м<еся>ц<е>в мать родила меня. Через полгода или год затем Фет умер, и Шеншин женился на матери.[9] Вот история моего рождения. Дальнейшее ты знаешь: я поступил в университет,[10] на службу, теперь поручик гвардии и в отставке штаб-офицер.[11] Я ни перед кем не говорю об этом, по чувству тебе понятному, но перед тобой скрываться не хочу и не могу. Поступай, как хочешь. Думай, умоляю тебя — только о том, как тебе жить и быть, а обо мне толковать нечего. Теперь ты еще свободна, письма тебе я возвращу все, и никогда никто в мире ничего от меня не узнает. А отказ будет с твоей стороны и предлог, какой хочешь — только не поминай моей бедной матери. — Не смею говорить тебе о любви. Может быть, все мечты мои разлетятся, как сон. Но несмотря на это, я все-таки еду к тебе и дам знать о моем приезде. Я, может быть, поеду через Гавр, а может быть и через Германию. Если ты выйдешь встречать меня, значит ты меня любишь, а если нет...

На глазах моих слезы. — Но когда-нибудь на досуге, если Бог благословит меня счастием назвать тебя своей женой, расскажу тебе все, что я выстрадал в жизни — тогда ты поймешь, как мало верю я в возможность счастия и как робко я к нему подступаю. Что я выстрадал в последнее время нашей разлуки, трудно передать словами. Пусть будет, что будет, я уже не могу страдать более.

Ты не ребенок и сама знаешь, как тебе поступать, а я вполне покоряюсь твоей воле. Если ты почему бы то ни было мне и откажешь, то единственная моя просьба к тебе будет позволить поцеловать твою руку. Ни слова, ни звука, даю тебе *честное слово*. Да сохранит тебя Бог везде и всегда, доброе, прекрасное созданье. Не могу продолжать письма — мне стыдно и больно — и я плачу, потому что люблю тебя всеми



17е/29 Iюля. 16
Вотъ и утро и я сейчасъ ѣду на почту.
Я никогда не перечитываю писемъ,
но помня содержанiе вчерашняго
хотѣлъ снова оставить его до свиданiя.
На словахъ я бы все могъ объяснить тебѣ
проще и быть можетъ покойнѣе. Но
вотъ я что подумалъ. Она при свида-
нiи можетъ оказать мнѣ ласки какъ
жениху и не время будетъ тогда
вступать въ какiя либо объясненiя.
Тогда какъ теперь — отказавъ мнѣ,
она нисколько не скомпрометиро-
вана. Все [illegible].
[illegible] будетъ [illegible].
Можетъ быть цѣлую жизнь буду жа-
лѣть — но раскаиваться никогда.

Письмо Фета к М. П. Боткиной от 17 (29) июля 1857 г.

силами больной моей души. *Сожги письмо* и решай судьбу мою. — Еще вчера я называл тебя моей Мари, моим другом Машей, а сегодня уже не смею давать тебе этих нежных имен, может быть, ты этого не хочешь? Боже, когда это государь приедет и подпишет мой отпуск, через день по получении я уже поскачу во Францию. Встретишь ли ты меня или нет? Вот вопрос. Сердце говорит, что ты меня встретишь, если же и сердце обманывает, то нечего делать. Тогда все равно.

Искренно и нежно тебя

любящий А. Фет.

17-е/29 июля.[a]

Вот и утро, и я сейчас еду на почту. Я никогда не перечитываю писем, но, помня содержание вчерашнего, хотел снова оставить его до свидания. На словах я бы все мог объяснить тебе проще и быть может покойнее. Но вот я что подумал. Она при свидании может оказать мне ласки как жениху, и не время будет тогда вступать в какие-либо объяснения. Тогда как теперь — отказав мне, она нисколько не скомпроме-

[a] *Часть письма, датированная 17 (29) июля, записана на отдельном листе бумаги (менее чем в половину листа).*

тирована. Все тяжелое достанется мне. Итак, будь что будет, посылаю. Может быть целую жизнь буду жалеть — но раскаиваться никогда.

На конверте: Dieppe, *France*.
Mademoiselle
Mlle Marie Botkine.
Poste restante.[6]

Почтовые штемпели: 1) Aus Russland; 2) PORTO; 3) Moscou, 18 juil<let>;[12] 4) Prusse, Valenciennes, 6 août <18>57; 5) Paris, 6 août <18>57; 6) Paris au Havre, 6 août <18>57; 7) Dieppe, 7 août <18>57.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 14—16; конверт — л. II. На обороте конверта пометы М. П. Боткиной: «Получено 6 августа (так! — *И. К.*)»; простым карандашом: «Положить со мной в гроб» (подчеркнуто синим карандашом). На лицевой стороне конверта помета синим карандашом «NB» (дважды подчеркнута), обозначающая особую важность письма. На лицевой стороне конверта помета неизвестной рукой: «Rue du Haut Pas, 38».

Впервые опубликовано: *Новый мир*. С. 205—206.

[1] Вероятно, имеется в виду предыдущее письмо, от 15 июля 1857 г., которое Фет собирался отправить «завтра», т. е. 16 июля, но, видимо, не отправил.

[2] О В. Ф. Саблере см. примеч. 11 к письму 4.

[3] См. письмо 22.

[4] См. об этом: *МВ*. Ч. 1. С. 196. Видимо, одним из мотивов посещения М. П. Погодина была необходимость навести справки о священнике И. Васильеве (см. примеч. 3 к письму 22).

[5] *Шеншина* Елизавета Петровна (урожд. Шарлотта Елизавета Беккер (Becker), в первом браке Фёт (Foeth); 1798—1844). Родилась в Дармштадте, в семье зажиточного бюргера, впоследствии великогерцогского верховного военного комиссара Иоганна Карла Вильгельма *Беккера* (1765—1826). Как отмечал видный немецкий славист Р. Траутманн, Карл Беккер «был, несомненно, очень уважаемым человеком, отцом семерых детей, среди крестных которых <...> называются кронпринц Пруссии и принцесса Мекленбургская, позднее — король Пруссии Фридрих Вильгельм III и прусская „незабвенная королева“ Луиза» (*Траутманн Р.* Мать А. Фета-Шеншина / Пер. и публ. Ю. Юшкина // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Сб. науч. трудов. Курск, 1992 (на обложке 1993). С. 300. Оригинальная публикация: *Trautmann R.* Die Mutter von A. Fet-Šenšin // Zeitschrift für Slavische Philologie. Leipzig, 1942. Bd 18. Heft 1. S. 19—20). Жена Карла Беккера, Кристина Генриетта, умершая в 1801 г. в возрасте 34 лет, происходила из старинного рода баронов фон Гагерн (*Траутманн Р.* Мать А. Фета-Шеншина. С. 300—301).

[6] *Фёт* Иоганн Петер Карл Вильгельм (Foeth; 1789—1825), уроженец Кельна, католик; в последние годы жизни асессор городского суда Дармштадта. В мае 1818 г. женился на Шарлотте Елизавете Беккер. В 1824 г. вступил во второй брак с Софией

[6] Дьепп, *Франция*. / Мадемуазель / М-ль Мари Боткиной. / До востребования (*франц.*).

Генриеттой Луизой Цан (*Шеншина В. А.* А. А. Фет-Шеншин. Поэтическое миросозерцание. М., 2003. С. 221, 224). Происхождение Фёта загадочно. В своем завещании он назвал своими родителями проживавших в Кельне Иоганна Фёта и Сибиллу Фёт, урожденную Миленс (Там же. С. 215). Вместе с тем сохранилось его прошение на имя великого герцога гессенского Людвига II, где он приводит следующие сведения о себе: «Ваше королевское высочество были с *1805 г.* моим всемилостивейшим *содержателем и приемным отцом.* До конца 1817 года по Вашему распоряжению оплачивались за меня все жизненные потребности, вплоть до дающих свет серных нитей. Именно Ваше всемилостивейшее участие подвигло меня к учению, дабы мог я со временем зарабатывать себе хлеб наукой <...>» (Там же. С. 219).

[7] *Матвеева* Каролина Шарлотта Георгина Эрнестина (урожд. Фёт; 1819—1875). В 1841 г. по собственной инициативе приехала в Россию, чтобы познакомиться с матерью и братом; спустя три года вышла замуж за родственника и соседа Аф. Н. Шеншина, врача Александра Павловича *Матвеева* (1816—1882). Письма ее к Фету, хранящиеся в РГБ, частично опубликованы Н. В. Матвеевой (А. А. Фет: Поэт и мыслитель. М., 1999. С. 270—276).

[8] *Шеншин* Афанасий Неофитович (ок. 1775—1854), помещик Орловской и Воронежской губерний, ротмистр в отставке (см. о нем подробнее: *Летопись (1985)*. С. 132—138). Предположительно в конце 1819 г. выехал в Западную Европу на лечение, какое-то время спустя прибыл в Дармштадт, где прожил несколько месяцев в доме военного комиссара К. Беккера. 1 октября н. ст. 1820 г. тайно покинул Дармштадт вместе с дочерью Беккера, Шарлоттой Фёт. Отец Шарлотты, в отправленном вслед беглецам письме, возложил всю вину на Шеншина, который якобы «употреблением ужаснейших и непонятнейших средств прельщения» лишил его дочь рассудка и довел до того, «что без предварительного развода оставила своего обожаемого мужа Фёта и горячо любимое дитя, бросила престарелого отца своего <...>» (*Григорович А.* К биографии А. А. Фета (Шеншина) // Русская старина. 1904. № 1. С. 167). На самом деле жизнь Шарлотты с Фётом была невыносимой. «Это был пьяница — жену терзал, раз пришел в комнату с охотничьим ружьем и оно у него выпалило, а она была уже беременна Фетом, — писал Г. П. Блок в письме к Б. Садовскому от 27 сентября 1921 г. — Аф<анасий> Неоф<итович> поселился у Беккеров за переполнением соседней гостиницы, <...> пожалел забитую, очень красивую женщину, влюбился в нее и тайно ее увез» (Влюбленные в Фета: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому (1921—1922) / Вступит. статья, коммент. и публ. С. В. Шумихина // Наше наследие. 2008. № 85. С. 80).

[9] Аф. Н. Шеншин обвенчался с матерью Фета после того, как 26 ноября (8 декабря) 1821 г. ее брак с первым мужем был расторгнут (см.: *Траутманн Р.* Мать А. Фета-Шеншина // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Сб. науч. трудов. Курск, 1992 (на обложке 1993). С. 300). Венчание произошло в Орле 4 сентября 1822 г.: *Летопись (1985)*. С. 136.

[10] Фет учился в Московском университете на словесном отделении Философского факультета. Окончил курс в 1844 г.

[11] Фет имел в виду, что при отставке он получит чин штабс-ротмистра гвардии, который был низшим штабс-офицерским чином (8-й класс).

[12] Данное письмо было отправлено утром 17 июля 1857 г. (см. письмо 24), а московский почтовый штемпель — от 18 июля. Вероятно, конверт II первоначально относился к письму 24, однако еще при жизни М. П. Шеншиной, до того как она сделала не нем надпись «Положить со мной в гроб», в него было вложено письмо 23.

24

17—18 июля 1857 г. Москва

$\frac{\text{17-е}}{\text{29}}$ июля.
Вечер.

С чего начну я это письмо и чем кончу, решительно не знаю, знаю одно, что не писать к тебе не могу. — Что со мной делается, не знаю. Я томлюсь невыносимо. Все мне тяжело и скучно. Не могу ни читать, ни писать что-либо, исключая писем к тебе. О! с каким нетерпением ожидаю я августа. Приеду и все решится. Нет, доброе, нежное созданье, ты не бросишь меня, не потому, что ты дала слово или все уже готово к нашей свадьбе и житью, но единственно потому, что тебе будет жаль меня. — Ты сама знаешь, как искренно я тебя люблю. Ты должна непременно быть моей душкой, милой женою, ты должна вознаградить меня за всю гадость, с которой я боролся в жизни, ты должна мне дать силу жить и бодрствовать. Если ты меня покинешь — то я сам себя покидаю и махну на все на свете рукой. Прошедшее письмо, отправленное сегодня утром, может служить тебе доказательством моей сильной любви и веры в тебя. В последнем я еще менее сомневаюсь, чем в первом. Ты честная и благородная душа, следовательно, тайна или имя матери человека, который тебя любит свято — для тебя должно быть свято. Но и в первом, т. е. в любви твоей ко мне, мне сомневаться не следует. Ты, верно, не разлюбишь меня. Не так ли, мой дружок. Я всячески стараюсь успокоить себя. Сегодня я узнал, что государь еще долго пробудет за границей. Боже! боже! что мне делать, если мой отпуск скоро не выйдет? Люди всегда слепцы. Как я добивался, как я искал в груди своей чувства любви! Как я радовался, когда сердце мое трепетало в ту минуту, когда в твоей угольной комнатке писал тебе в альбом и ты шумела около меня платьем.[1] Вот оно, это чувство овладело теперь мною до последней капли крови, и я мучаюсь невыносимо. Не знаю, сколько недель или дней осталось до нашего свидания, но мне эти дни покажутся за годы. Недаром мне так жаль было смотреть, как ты собираешься ехать. — Сегодня не буду продолжать. — Спи, мой Ангел, мирно, завтра день твоего рождения. Иду и я спать — но засну ли, это вопрос.

18-е. Нынче день твоего рождения. На будущий год — быть может, я лично поздравлю и тебя и себя с этим днем. Будь ты в настоящее время подле меня, я бы принялся за работу и сделал что-нибудь полезное, а теперь все мне противно в высшей степени. Как я ни стараюсь убе-

дить себя, что до такой степени упадать духом жалко и недостойно — ничто не помогает. Это все равно, что сказать человеку, у которого колика — пой. Когда получишь письмо мое из Берлина, напиши свой адрес диеппский в Париж poste restante,[a] а то как же я вас сыщу в Диеппе или как дам знать по телеграфу о дне и часе приезда. Я все-таки день пробуду в Париже, чтобы сшить платье. В отставку подам по возвращении.[2] Зимой со стороны службы беспокойства не предвидится. Когда будешь писать в Париж, успокой меня, — верь мне, что я настрадался до безумия. Ты меня называла рыбой, но я так впечатлителен, как, может быть, мало людей. Да это и быть иначе не может. Ждать тебя еще два м<еся>ца выше моих сил. Я этого не вынесу. Мне стыдно стоять перед тобой таким дураком, но что же делать. Молчать не могу и не должен. Что ты могла бы подумать, не получая моих писем, да я и сам бы не вытерпел. Остается лгать, говорить, что я совершенно покоен — гадко. Зачем лгать? Наконец я старался верить в судьбу и убедить себя, что чему быть, тому не миновать, но и это не помогает. Грусть, как змея, сосет сердце. Все меня страшит и пугает. Вокруг меня ночь и мрак, вдали в Диеппе мелькает звездочка, тянусь к ней — и не подвигаюсь вперед. Точно томительный сон. Пусть бы они мне только дали мой паспорт, а там что Бог даст. Когда кончится ваше купанье? ничего не знаю. Увижу ли Василия Петровича?[3] тоже не знаю. Доживу или нет, тоже не знаю. Знаю только, что мне ты, ты солнце дней моих! необходима, как воздух. Хотя бы только взглянуть на тебя. Не смею и думать о той минуте, когда, вышед из церкви с тобою — могу успокоиться духом. Когда получу в Париже с почты твое письмо, буду уже вполовину покоен. В настоящее время все улаживается — мебель готовят, до отъезда перенесу твой рояль сюда; но как-то руки ото всего отваливаются. Не могу понять, что это значит. Неужели мне никогда на земле никакого счастья не суждено. Вот что ты со мной сделала твоим отъездом! Целую твои ноги и предаю себя твоей воле. Будь здорова и счастлива.

А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 17—18 об.
Впервые опубликовано: *Наше наследие*. С. 50—52.

[1] См. примеч. 2 к письму 17.

[2] Фет подал прошение об отставке 18 декабря 1857 г., вследствие чего высочайшим приказом от 27 января 1858 г. был уволен от службы по домашним обстоятельствам штабс-ротмистром (*РГВИА*. Ф. 395. Оп. 50. № 356. Л. 2—4 об. См. так-

[a] до востребования (*франц.*).

же: *Шаров А. В.*, *Влодавец Л. И.* «Солдат, коннозаводчик, поэт и переводчик» // Военно-исторический журнал. 1992. № 4/5. С. 86).

[3] О встрече с В. П. Боткиным см. во вступит. статье к наст. публикации.

25

18–19 июля 1857 г. Москва

18-го вечером.

Милый, добрый, единственный друг мой! Сегодня мне, слава Богу, легче и душевно и телесно. Братьев твоих не знаю как благодарить. Поехал я в город[1] за покупками и заехал к Петру Петровичу.[2] Он сказал мне, что Дмитрий Петрович на Маросейке и сбирается ко мне. Не желая, чтобы он не застал меня, я поехал к вам и нашел Дмитрия дома. Приехал и Петр Петрович и сели обедать. Подали шампанского и поздравили меня с новорожденной.[3] Мне сделалось так грустно. «А Вы получили Ваш отпуск?» — спрашивает Дми<трий> Петро<вич>. Откуда. Да Кетчер[4] рассказывал у Пикулиных,[5] что Лонгинов[6] воротился из Петербурга и привез Ваш отпуск. Я чуть не опрокинул стола. Действительно, я просил Лонгинова об этом деле,[7] и Пикулины не могли знать об этом. Стало быть, что-нибудь да есть. Кстати мы собирались после обеда с Дмитр<ием> Петров<ичем> к Пикулиным. У Пикулиных мы застали Елисавету Васильевну[8] и снова пили за твое здоровье. Оттуда я отвез Елисавету Васильевну на Маросейку и говоря ей, разумеется не объясняя ничего, что я трепещу за себя. «Чего?» Да Мари меня не будет любить и мне откажет. «Фет! да Вы с ума сошли! Вы жених и невеста, и вдруг она Вам откажет. Вам надо уши выдрать!» Я готов был ее расцеловать. Душка! Голубушка! Ненаглядная моя! Люби меня хотя за те страшные пытки, которыми ты, совершенно против воли, это время меня истерзала. Все меня поздравляют и хотя на словах желают счастья. Счастье мое у тебя одной. Не откажи мне в высоком счастье твоей любви! — Завтра утром еду к Лонгинову узнать, правда ли то, что говорили о паспорте. Если правда, то я дам тебе завтра же знать письмом и уеду при первой возможности. Одним словом, если бы у меня были крылья, то я полетел бы на крыльях в Диепп, напевая дивную песню Лермонтова:

«Слышу ли голос твой
Нежный и ласковый
Сердце как птичка,
В клетке запрыгает».[9]

Авойсь, Бог даст, все будет хорошо! Лишь бы ты меня любила, моя золотая. С каким восторгом буду я с тобой ходить по Лувру. С каким

наслаждением поведу в наш дом. Душка! напиши в Париж poste restante[a] хоть одно словечко: *люблю*. Я буду благословлять тебя, мое божество! Привезу стихи, тобой вдохновленные. Дай мне счастья, мой добрый друг! Сегодня Петр Петрович объявил мне, что и твои бумаги готовы, а Дмитрий Петрович посылает со мной тебе чаю.[10] Но Боже! быть может, все это мечта. Завтра утром все узнаю и напишу тебе. Теперь я, однако, много, много покойней. Точно какая свинцовая гора спала с плеч моих. Уф! было тяжело!

19-е.

Сейчас от Лонгинова. Нет отпуска, но ждут царя сегодня в Петербург — следовательно, на следующей неделе могу получить отпуск. Хлопот еще довольно. Но мне нужен прежде всего отпуск. Душка! Мари! я даю тебе слово успокоиться, если ты меня будешь любить, как любила. Я и сегодня, слава Богу, не чувствую такой удушающей хандры, как все эти дни. Но работать все еще не могу. Если бы мне хотя в первых числах августа выехать из Петербурга, то я все-таки около 7-го буду в Париже. Вышли письмо к 5-му, т. е. 17-му, и дай знать, согласна ли ты на свадьбу 16-го, т. е. 28-го. Если Вы будете в Диеппе, то я переговорю в Париже с священником, закажу кольца и все приготовлю в один день и тогда уже поеду на другой день к тебе. Я знаю, что если Бог меня донесет здорового до тебя, то я буду стоять около тебя и не верить своему счастью. Как бы мне тебя уверить, что я люблю тебя? Но довольно об этом. Я тебя и без того прогневал и надоел своими стонами. Буду по возможности стараться совладеть с самим собою. Как приятно смотреть на Петра Петровича. Надежда Кондратьевна[11] любит его как нельзя более. Итак, на будущей неделе все разрешится. Как только поеду, буду писать к тебе из Берлина и из Дармштадта, и затем из Парижа. Господи! да скоро ли все это сбудется? Если я и дождусь счастия назвать тебя женою своей, то достанется мне оно не даром. Я вострадал страшно. Сейчас подал больному 50 к<опеек> за твое здоровье. Будь здорова и счастлива, а я буду надеяться. Это еще не последнее письмо из Москвы.

Целую твои перчатки. Преданный тебе

душою А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 19—20 об.
Публикуется впервые.

[1] «В город» — т. е. из Замоскворечья в центральную часть Москвы.

---

[a] до востребования (*франц.*).

[2] Видимо, Фет заехал в контору фирмы «Петра Боткина сыновья».

[3] 18 июля — день рождения М. П. Боткиной.

[4] *Кетчер* Николай Христофорович (1806?—1886), врач, литератор, переводчик. Был тесно связан с издательством Солдатенкова-Щепкина, помогал в издании многих книг.

[5] См. примеч. 5 к письму 22.

[6] *Лонгинов* Михаил Николаевич (1823—1875), литератор, библиограф, мемуарист, приятель И. С. Тургенева и В. П. Боткина. В 1867—1871 гг. орловский губернатор, затем по 1874 г. — начальник главного управления по делам печати МВД. Фет познакомился с ним в декабре 1853 г., будучи в Петербурге, о чем впоследствии вспоминал: «С первого знакомства сошелся с веселым М. Н. Лонгиновым, сохранившим ко мне приязнь до своей смерти <...>» (*МВ*. Ч. 1. С. 33). К Лонгинову обращено стихотворное послание Фета «Я был у Кача и Орбека...» (1871).

[7] С просьбой о помощи Фет обратился к Лонгинову за месяц до того, в письме от 23 июня 1857 г.: «...пришло время осуществить Ваше обязательное обещание написать к Вашему знакомому в Инспекторский департамент Военн<ого> министерства касательно моего прошения о заграничном отпуске. Об нем мое прошение послано в Департамент из Ордонансгауза, т. е. от московского коменданта на этой неделе. Будьте так обязательны, напишите два слова о скорейшем ходе этого дела или, лучше сказать, о возможном его ускорении» (*ИРЛИ*. № 23300. Л. 7—7 об.; *Фет/Лонгинов*. С. 226).

[8] О Е. В. Чичериной см. примеч. 3 к письму 4.

[9] Фет неточно цитирует стихотворение Лермонтова «Слышу ли голос твой...» (1834 — начало 1838 г.).

[10] Чай фирмы «Петра Боткина сыновья» считался одним из лучших в России. Предприятие по его поставке было основано купцом 1-й гильдии П. К. Боткиным в начале XIX в. как единоличное владение. Первоначально чай закупался в Кяхте, затем через посредников в Китае, на острове Цейлон, в Лондоне. В 1854 г. единоличное владение было преобразовано в торговый дом «Петра Боткина сыновья».

[11] О Н. К. Боткиной см. примеч. 2 к письму 7.

26

19 июля 1857 г. Москва

19-го вечером.

Нежный! единственный друг мой.

Что мне сказать тебе? Каким ласковым именем назвать? Как заставить твое сердце откликнуться на зов мой? Сказать тебе, что ты не покидаешь меня ни на минуту в продолжение дня, что, что бы я ни делал, куда бы ни обращался — в голове одна мысль — *ты*, в сердце одно чувство — *ты*. Не примешивайся к этой жизни — невыносимое желание видеть тебя, нестерпимая тоска разлуки, я бы блаженствовал. Но в настоящем случае это чувство так односторонне и безвыходно, что убивает всю жизнь. Никакое и ничье слово не может меня теперь утешить,

даже и твое ласковое, приветливое слово может меня привести в восторг только на время. Мне надо его слышать из уст твоих, мне необходимо знать, что я уже не расстанусь с тобой. Ты сама просила, уезжая, чтобы я тебе писал все, что ни происходит в душе моей. Я это исполнил в точности. Я старался тебе передать все, что могло хотя сколько-нибудь интересовать тебя. Я тебе уже сказал, что у меня от тебя не будет *никаких тайн* во всю жизнь. Я хочу, чтобы ты читала в душе моей, как в своей собственной. Нас разделяют тысячи верст; но каждый раз, когда я подхожу к столу, чтобы писать к тебе, мне кажется, что на меня смотрит какое-то кроткое, любящее существо, и я совершенно разлагаюсь в этом сладостном чувстве. Еще несколько дней и паспорт будет в моих руках, и я не успокоюсь до Диеппа. Как-то ты меня встретишь?

Сегодня принесли кровати, купленные мною, но твою перевезут после нашей свадьбы, в день свадьбы я напишу, чтобы Марьюшка переезжала к нам. У вас наверху на Маросейке ломают печи на будущей неделе, и потому послезавтра ко мне перевезут рояль мастера-фортепьянщики. Будь покойна, все будет цело. — На это письмо уже не отвечай в Москву, а в Париж poste restante,[а] если будешь писать. Впрочем, я умоляю только об одной строчке, хотя об одном слове. Я никогда в жизнь мою так не томился, как это время. Сегодня утром я обещал писать и вечером сдержал обещанье. Я слышал, ты прислала образчики платьев — как я рад! Ты у меня всегда должна быть «*нарядна, как бабочка летом*».[1] Будь здорова и весела, моя голубушка, и не забывай преданного тебе всеми силами жизни А Фет<а>.

На конверте:

Dieppe (France).
Mademoiselle
Mlle Marie Botkine.
Poste restante.
Hôtel Royal.[б]

Почтовые штемпели: 1) Prusse, Valenciennes, 9 août <18>57; 2) Paris, 10 août <18>57; 3) Dieppe, 10 août <18>57.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 21—21 об.; конверт — л. III.

Публикуется впервые.

[1] Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840) («Как мальчик кудрявый, резва...»).

[а] до востребования (*франц.*).

[б] *Дьепп* (Франция). / Мадемуазель / М-ль Мари Боткиной. / До востребования (*франц.*). «Poste restante» *зачеркнуто, ниже неизвестной рукой приписано*: «Hôtel Royal».

27

24–25 июля 1857 г. Москва

Москва. 24-го июля / 5 августа.
Вечер.

Только сию минуту прочел я твое письмо из Диеппа от 24-го июля[1] и хотел бранить тебя за слова: «если ты позволишь мне брать Машу»,[2] но подумал, чего же я от нее хочу. Она милая, добрая, она не хочет ничего делать, не спросясь своего друга, а я ее за это буду бранить. Да ведь и я же ей буду говорить «если ты позволишь?». Стало быть, тут дело общее. Да, моя милая — ты решилась меня радовать каждым движением твоей души, да благословит тебя за это Бог, а я молчу и жду. Паспорта еще нет,[3] а то бы я уже уехал к тебе, через неделю верно выеду один, без сестры, как это тебе известно, и привезу от Дмитрия[4] твои деньги. Упрямая хозяйка[5] все еще не уступает тех комнат, но комнаты отличные, и я их так или сяк возьму. Так как тебя интересует вопрос о мебели и вопрос важный действительно, то я тебе скажу, где что будет. В зале ясеневое все: раздвижной стол, буфет, две дюжины[а] стульев и рояль. Все это куплено и стоит в зале. Направо: у меня в кабинете. Новая[б] кушетка, твое кресло старое, которое я велел переделать, одна из твоих шифоньер, твой вольтер,[6] еще кресло, купленное мной, и складной стул, да большое бюро, на котором пишу. Все это: «если ты позволишь?», да этой мебели иначе и стоять негде, как ты сама увидишь. Теперь в гостиной. Из неполированного ореха: большое трюмо, диван и стол, кушетка для двух, твой письменный столик, две тумбы, жардиньерка, три кресла и четыре стула. Все это заказано у немца[7] и будет готово к 15 августу. Далее комната домашняя. В ней ломберный стол от немца, твой круглый маленький стол и круглый диван и 6 твоих кресел. Потом спальня: две кровати, одна из новых и твоя, и потом все, как было на Маросейке, даже такие же драпри. Оттуда ход в девичью к твоей милой Марьюшке — оттуда еще комната со шкапом во всю стену, там будет одна из новых кроватей и можно для гостей ставить еще мою железную кровать — для этой комнаты купим стульев по приезде, а из нее другой вход ко мне в кабинет. Вот и все. Ты, душка, не поверишь, что эти мелочи стоят. Вот сегодня: кучеру армяк, да человеку ливрею, да на лестницу ковер, ан 100 рублей и прощай. Но что нужно, то нужно. К приезду все будет готово. Я забыл тебе сказать мою ра-

---

[а] *Далее зачеркнуто*: кр<есел?>

[б] Новая — *вписано над строкой.*

дость — третьего дня Петр Петрович[8] за шампанским, поздравляя меня с твоим Ангелом, проговорился, что не знает, куда ему девать Федора повара. «Батюшка, родной! давайте его нам!» Итак, у тебя знакомый повар и, по слухам, хороший человек. В Кунцеве у Дмитрия Петр<овича> живет какой-то курносый, белокурый молодец, которого я не раз видал там, и он мне прислуживал. Третьего дня подъезжаю я к крыльцу на Маросейке, как вдруг он показывается из-за угла подъезда, снимает картуз и, улыбаясь, говорит: «Здравствуйте, Афан<асий> Афана<сьевич>, честь имею поздравить с именинницей!». У кучера моего даже лицо просияло, а я готов был обнять курносого и подал ему первые две попавшиеся монеты. — Неужели ты думаешь, что меня не радует всякое благородное побуждение твоего сердца — я должен теперь говорить не твоего, а *моего*, потому что твое сердечко, Мари, мое. Маша Григорович[9] любит тебя, и я уже думал, что ты ее будешь брать, как брала прежде.

Ты не ошибаешься: я действительно постараюсь быть не истуканом, а настоящим мужем; но не забудь, что я сколько-нибудь развитой и понимающий человек и люблю и буду всегда любить тебя. Ты мое солнышко, моя ненаглядная. Что касается до моей бедной сестренки, то она бы тебя обожала, потому что она во мне души не слышит и потому что ты сама добрая, Маша. Между вами двумя я бы сказал, что я в раю.

Маша, голубушка! Мне страшно думать о тебе, ты видишь сама, я начал это письмо довольно спокойно, но по мере того, как беседую с тобой, сердце мое начинает мучительно сжиматься. Трудно себе представить все то, что мною в это время передумано, перечувствовано! Я не хочу, чтобы ты когда-либо сожалела о том, что вышла за меня замуж. Понимаешь ли? *Я этого не хочу*. Быть причиной чужого несчастия, должно быть, невыносимое чувство. Я его не вынесу, это мне не по силам. В настоящую минуту не могу даже ни о чем тебя спрашивать. Весь твой ответ в Париже или в Диеппе. Буду скакать, как угорелый, и пусть Бог вложит в твое сердце слова, которыми ты встретишь бедного влюбленного. Радуюсь, что Дмитрий Петрович посылает тебе через меня деньги — значит, я тебя увижу. Письма моего я не могу привезти тебе из Парижа, без твоего паспорта его мне ни в каком случае не выдадут.[10] И на что тебе это несчастное письмо, если ты меня любишь и я сам буду при тебе. Только жизнию могу я доказать то, что в отношении тебя накопилось в груди моей. А слова бессильны. Поверь, что никакое письмо тебе не скажет того, что я тебе скажу одним поцелуем. Да! Кстати. Можешь себе представить, что я по нескольку раз в день представляю себе нашу встречу. Разумеется, если ты меня встретишь, то ты встретишь меня, потому что любишь, как невеста встречает человека, который через неделю будет ее мужем. Итак, если я выйду из ва-

гона и ты тут, то я брошусь к тебе на шею. Но я знаю, сколько людей бывает на амбаркадерах.[11] Нет ли в Диеппе карет? Поэтому всего лучше было бы, если бы ты взяла карету и мы могли на ней доехать до вас. В карете нас никто не увидит, и мы не будем возбуждать общего внимания. Но впрочем, что нам до них. Это я теперь сидя за столом рассуждаю, а там все забудешь.

Неужели я до субботы, т. е. до 27-го, не получу паспорта? Чемоданы будут готовы — только паспорт в руки и пошел в Питер, а там на пароход[12] и далее. У меня давно написано письмо к Некрасову,[13] я знаю, что он знает о нашей свадьбе и потому обидится, если я ему про нее ничего не напишу, а мне страшно отправлять — думаю, а ну как это не сбудется, что Мари тогда вправе про меня подумать? Так письмо и лежит. По приезде к тебе посоветуюсь окончательно с тобою и сейчас напишу в Москву к человеку твои приказания, а без этого я на многое сам не решаюсь. Так, насчет постели на твою кровать. Моя пружинная готова, и спать на ней наслаждение, а ты, как тебе угодно, так и будет, я в это не мешаюсь. Хочешь пружинную, она к приезду будет готова, хочешь оставить, как есть, оставляй.

Сегодня я слышал грустную новость. Мать Елисаветы Васильевны[14] скончалась; но ей скорей надо радоваться, что такие страдания прекратились. Сегодня я обедал на Маросейке, да и завтра, может быть, туда поеду. Дмитрий Петрович будет, а сегодня, обрадовавшись хорошей погоде, он уехал в Кунцево. В пятницу еду в Кунцево прощаться, а то по получении паспорта так замотаюсь, что не успею и проститься. Извини, мой Ангел, мой гнусный почерк. Сегодня писать надо много, и я тороплюсь, а оторваться от тебя не хочется. Боже! боже! Неужели я потеряю тебя? Это было бы ужасно! ужасно! Лучше увидеть тебя и умереть. Завтра ожидаю прачку из деревни, жену нашего кучера. Целое утро завтра буду бегать, а теперь иду спать, оставляя этот клочок бумаги на завтра. Ангел мой! Мари! сжалься надо мною!

Вот и утро! Погода хмурилась, но хочет разгуляться. Через час еду по мытарствам. Я забыл сказать, что велел переправить твое большое бархатное кресло для комнаты между твоим кабинетом и спальной. Василия Петровича, от которого вчера получил второе письмо,[15] я уже пригласил на 16/28 августа в Париж, на свадьбу. Если ты, опоздав, сделаешь меня дураком перед твоим старшим братом, то сама перед ним и отвечай. Ага! что? небойсь его-то боишься. Через две недели с небольшим, если Бог даст и *если ты позволишь*, я буду у ног твоих. Вот где слова *если ты позволишь* вполне у места. Весь твой

А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 24—27 об. Письмо написано на двух двойных листах почтовой бумаги. Листы пронумерованы Фетом: «Л. 1-й», «Л. 2». К письму 27 прилагается конверт IV, при первоначальной архивной обработке помеченный тем же шифром «Ф. 733», что и письмо. Однако, судя по московскому почтовому штемпелю от 24 июля, конверт относился к утраченному письму, которое предшествовало письму 27. Это утраченное письмо пришло в Дьепп 13 августа н. ст. и в тот же день попало в руки М. П. Боткиной, о чем свидетельствует сделанная ею надпись на конверте: «Пол<учено> 13 авгу<ста>».

Сохранился черновик к данному письму (без окончания): Там же. Л. 31, 32 об.; на л. 31 об.—32 текст смыт.

Публикуется впервые.

[1] Т. е. от 12 июля ст. ст. 1857 г. Это письмо М. П. Боткиной было ответом на письмо Фета от 2 июля (№ 16), полученное адресатом 12 (24) июля (см. примеч. 10 к наст. письму).

[2] Речь идет о Марии Григорович (см. примеч. 9 к наст. письму).

[3] Высочайший приказ о заграничном отпуске Фета был подписан 14 июля 1857 г. (см. примеч. 1 к письму 21), но необходимые документы были оформлены позднее.

[4] О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

[5] Имеется в виду Е. Н. Сердобинская, у которой Фет снял квартиру (см. примеч. 5 к письму 9).

[6] См. примеч. 4 к письму 12.

[7] Имеется в виду мебель производства фирмы Гамбса. *Гамбс* Генрих Даниэль (1764—1831), основатель популярной марки мебели из красного дерева с отделкой латунью, работал в Петербурге. После его смерти мебельное производство унаследовали и продолжили его сыновья Петр (1802—1871) и Эрнест (1805—1831). До середины XIX в. мебель Гамбсов была ведущей на рынке мебели.

[8] О П. П. Боткине см. примеч. 2 к письму 7.

[9] Имеется в виду дочь писателя Д. В. Григоровича от его первой жены Анастасии Николаевны (урожд. Степанова). Маша Григорович воспитывалась в московском пансионе, родных в Москве у нее не было, и М. П. Боткина брала ее к себе на праздничные дни как до, так и после своего замужества. В конце января 1858 г. она писала В. П. Боткину: «Сегодня взяла Машу Григорович из пансиона на всю масленицу, и она ужасно довольна» (*РГБ*. Ф. 258. К. 1. № 68. Л. 16 об.). Сохранилось также ее письмо к М. Д. Григорович от 19 февраля <1864 г.>, в конце которого Фет приписал: «...мы все, знающие Вас, с удовольствием вспоминаем время, когда Вы вертелись перед нами» (*РГАЛИ*. Ф. 138. Оп. 1. № 96. Л. 2 об.). Впоследствии М. Д. Григорович вышла замуж за А. А. Черемисинова.

[10] В письме 16 (от 2 июля 1857 г.), которое, судя по почтовому штемпелю на конверте, пришло в Дьепп 12 (24) июля, Фет писал Боткиной, что «сегодня» отправил ей письмо в Париж.

[11] *Амбаркадер* — от embarcadère (*франц.*). В данном случае — платформа железнодорожной станции.

[12] См. примеч. 1 к письму 28.

[13] Это письмо неизвестно.

[14] См. примеч. 3 к письму 4.

[15] Это письмо, как и первое письмо В. П. Боткина, не сохранилось. С 16 июля 1857 г. он находился в Дьеппе. «Ведь может же случиться такая путаница! — писал

Боткин брату Дмитрию 26 июля (7 августа). — Я жду здесь сестер и удивляюсь их отсутствию, — а они уже две недели здесь — и ждут меня! Назад тому четыре дня — совершенно нечаянно встречаю их!! <...> Можешь представить себе, с каким удовольствием я встретился с ними! Теперь видаемся мы постоянно. Я нашел их в совершенном здоровье». Далее Боткин переходит к предстоящему замужеству сестры: «Приедет ли сюда Фет и когда? — Вот что теперь меня постоянно занимает. Если свадьба действительно состоится, то, мне кажется, надобно увеличить проценты с капитала Маши и назначить их с октября 1856. Мне кажется, что надобно бы положить 7 %. Положим, что для нас в этом не будет расчета, но ведь денежные средства их будут весьма ограниченны; для них это будет не излишек, а необходимое. Для нас же авось потери не будет» (*РГБ*. Ф. 258. К. 1. № 10. Л. 6—7).

28

3 (15) августа 1857 г. Любек

Любек.
$\frac{3}{15}$ августа.

Голубушка Мари!

Видишь сама, можно ли писать этим пером; но тем не менее я пишу к тебе, сидя в гостинице, в которой должен ночевать, потому что пароход опоздал к железной дороге.[1] Завтра я буду в Гамбурге и к вечеру в Ганновере, а послезавтра, т. е. 5-го, в Висбадене и постараюсь ночевать в Дармштадте, где нужно отдать деньги сестре.[2] 6-го вечером я в Париже и остановлюсь в Hôtel du Louvre, а 8-го я у тебя в Диеппе.[3] Итак, мой нежный и единственный друг, напиши мне à Monsieur Fette, Hôtel du Louvre, à Paris[а] и скажи мне в письме: писала ли ты мне Paris poste restante.[б] Я буду хлопотать целый день и незачем даром ездить на почту.[4] Все будет готово, и 8-го с первым поездом я у тебя в Диеппе. Ты знаешь, что мое состояние, жизнь и честь в твоих руках. Если меня ждет горе, то хотя в последний раз скажу тебе письменно, что люблю тебя всей душой, моя дорогая Маша. Еще 5 дней и я увижу тебя! Боже, что меня ожидает?? Люблю тебя, мое сокровище,

твой верный
Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 34—34 об.
Публикуется впервые.

[а] Господину Фету, Hôtel du Louvre, в Париже (*франц.*).
[б] Париж, до востребования (*франц.*).

[1] Фет прибыл в Любек на борту парохода «Нева», отбывшего из Кронштадта 31 июля 1857 г. (подробнее об этом см. вступит. статью к наст. публикации).

[2] Речь идет о Л. Аф. Шеншиной, с которой, однако, Фет встретился не в Дармштадте, а в Висбадене (см. письмо 29).

[3] См. примеч. 3 к письму 29.

[4] Видимо, М. П. Боткина не успела получить данное письмо вовремя, поскольку по приезде в Париж Фет нашел ее письма не в отеле, как ожидал, а на почте. См.: *МВ*. Ч. 1. С. 197—198.

29

5 (17) августа 1857 г. Висбаден

Милый голубчик Мари!

Я сижу у брата и сестер в настоящую минуту в Висбадене[1] и потому не могу быть 8-го, а буду 9-го, т. е. 21-го нового стиля.[2] Во всяком случае накануне ты получишь от меня известие о часе моего прибытия в Dieppe. Я все-таки остановлюсь Hôtel du Louvre.[3] Извини, что пишу дурно, тороплюсь. Завтра утром еду в Дармштадт,[4] а послезавтра вечером я в Париже. Целую твою руку и прошу передать сестре[5] мой усердный поклон.

Голубчик! Скоро, скоро я у тебя

твой А. Фет.

На конверте:

Dieppe (*France*).
Rue de Haut Pas, № 38.
Maison de Broutelles.
Mademoiselle
Mlle <Mari>e[а] *Botkine*.[б]

Почтовый штемпель: Wies<baden>, 17 Aug<ust> 1857.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 35; конверт — л. VI. Датируется по почтовому штемпелю.

Публикуется впервые.

[1] В мемуарах Фета есть упоминание об этой встрече с родственниками: «...и я, заехав на минутку в Висбаден, чтобы свезти брату Василию с женою и сестре Любиньке деньги, покинул их с первым отходящим поездом и через Страсбург полетел в Париж» (*МВ*. Ч. 1. С. 197).

[а] *Часть конверта оторвана.*

[б] Дьепп (*Франция*). / Улица Haut Pas, № 38. / Дом Брутель. / Мадемуазель / М-ль <Мари> *Боткиной* (*франц.*).

[2] На самом деле Фет приехал в Дьепп днем раньше первоначально намеченного срока, 7 (19) августа 1857 г., а 10 (22) августа вместе с невестой уже отбыл в Париж (Письмо В. П. Боткина к Д. П. Боткину от 7 (19), 8 (20) и 12 (24) августа 1857 г. (Машинописная копия): *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 2. № 107. Л. 9—11). См. также: *МВ*. Ч. 1. С. 197—200.

[3] Имеется в виду гостиница, в которой Фет собирался остановиться в Париже.

[4] Видимо, поездку в Дармштадт Фет отменил.

[5] Имеется в виду Е. П. Щукина.

ПИСЬМА И. П. БОРИСОВА и П. И. БОРИСОВА к ФЕТУ и М. П. ФЕТ

Часть III*
1866—1868

Публикация И. А. Кузьминой

81
Борисов — Фетам
21 марта 1866 г. Из Новоселок в Степановку

21 марта 66. Новоселки.

Милые, добрые Афоня и Марья Петровна.

Христос воскресе, и поздравляю вас за нас обоих.[1] Возвратившись из Орла,[2] я было прихворнул, но болезнь Попки,[3] внезапная почти и Бог ведает отчего, заставила меня выздороветь — целую неделю был я в отчаянии за него. — Его вдруг охватывал удушающий кашель по получасу без отдыха, при этом страшный насморк и тело в огне и с неделю ничего почти не ел, как он это перенес, Господь его знает — на беду отовсюду отрезаны. — Кое-как успели притащить из Мценска доктора Давыдова, он нашел, что у него было воспаление горла, и ожидал, что это перед коклюшем или скарлат<иной>. Но, слава Богу, ни того, ни другого не было, и теперь понемногу забываем страх, и он уже бегает.

* Первую и вторую части публикации, в которую вошли письма за 1850—1861 гг. и 1862—1865 гг. соответственно, см.: *ФетСб(1)*. С. 116—211; *ФетСб(2)*. С. 223—334.

Теперь я только жалею, что 60 верст дистанции, а то бы мы повеселей встречали весну. Зуша несколько дней в разливе — то было поднялась высоко, но мороз осадил, а сегодня идет *неручский* лед. Тебе, Афоня, это напомнит многое, и до сих пор таинственное благоговение... На Вербную субботу поп служил с вербами, и он с сокрушением и вздохом заявлял, что это неручский-то еще нейдет.[4] — Все ждали *темных* ночей, без этого не пойдет. И вальдшнеп тоже не полетит, пока месячно. Гуся было столько, что не запомнят, раз днем на зеленях над крестьянс<кими> гумнами засело стадо сотни в три. Но мне было не до того. В февраль<ской> книжке «Р<усского> вест<ника>» 2 часть «1805 г<ода>», и вообще обильный номер.[5] Пора бы сеять рассаду, а все места под снегом. В саду его столько, что и до мая не протает. У нас до Святой и думать нечего о посеве, а вот по Святой-то бы было бы и самое настоящее, если постоит такая погода, как сегодня.

Во Мценск посылаю теперь на Фатьянову, оттуда на Сатыевку[6] — и выйдет то же, что от вас до Орла, но, слава Богу, нам такая оказия повторяется раз в год. — Надо же к празднику говядины и все это на вьюках, так что не худо и верблюда держать при экономии на такой случай.

Из письма Генерала[7] узнал, что Татьяна Андр<еевна> с Толстыми уехала из Москвы,[8] а Дьяков уже уехал за ней в Ясную, и не знаю, как они добрались в Чермошню.[9] — От Ив<ана> Сергеев<ича> нет вести, не привезут ли вот завтра.

Попка с усиленным рвением после болезни принялся за рисование,[10] и вот уже для *Тети* готов вид. Что-то и на твою долю, Дядя, готовит и мне к Святой готовит *голову в чалме* в подражание *Володи Толстого в «Детстве»*, которое мы читали при выздоровлении и понравилось ему необыкновенно, *Ивиных Сережу* он *не полюбил*, даже и самого Льва Николаев<ича> за то, что он все за Сережу — тоже не очень-то долюбливает; *Карл Иванов<ич>* очень полюбился. Еще познакомились с Юрием Милославским,[11] Киршей[12] и пр., все это его занимало, как взрослого. Я читал, разумеется, с пропусками, показывая ему, что выпускаю для него *неинтересное*, он сам брал *попробовать* и результат был: да, Папка, не понимаю и скучно, должно быть, что все еще я маленький. Неужели так вот до 7-г<о> мая вас и не увидим,[13] да!

Обнимаю вас мысленно,

ваш И. Борисов.

Когда увидишь Александра Никит<ича>,[14] поклонись и поздравь его за меня.

Всадник. Рисунок П. Борисова.
1868 г.

На конверте: *В Орел.*
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Фету.
В Степановку.

Почтовые штемпели: 1) Мценск, 25 мар<та> 1866; 2) Орел, 28 мар<та> 1866.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 122—123 об.; конверт — л. 124.

1 В 1866 г. пасхальное воскресенье выпало на 27 марта.

2 В начале марта 1866 г. Фет и Борисов встречались в Орле, а до этого — в Мценске, где 19—25 февраля и 27 февраля состоялось уездное земское собрание (Борисов, как и Фет, был земским гласным первого созыва, хотя и недолго: уже к 1 сентября 1867 г. он выбыл из гласных по собственному желанию и его место занял Н. Н. Шеншин). 19 февраля 1866 г. Фет был избран секретарем земского собрания и, судя по журналу заседаний, исполнял свои обязанности безотлучно по 27 февраля. Тем не менее 27 февраля 1866 г. Борисов писал Тургеневу: «Фет до конца не усидел и накануне проскакал через Новоселки в Степановку, там ему

нужно насыпать пшеницу, рожь продал, потом скачет в Орел еще получать денежки, где и мы увидимся с ним 3 марта на *обеде с поднесением кубка* Тимирязеву от нашего участка — будем говорить спичи (у меня есть приготовленный, о чувствит<ельность>!)» (*Письма Борисова к Тургеневу (3)*. С. 511; об А. А. Тимирязеве см. примеч. 4 к письму 42: наст. публ. Ч. 2. С. 246). В мемуарах Фета обед, данный в Орле 3 марта 1866 г., видимо, в связи с пятилетием со дня назначения Тимирязева мировым посредником, ошибочно датируется 3 февраля (*МВ*. Ч. 2. С. 100–101).

[3] Имеется в виду Петя Борисов.

[4] Родители Борисова, как и Шеншины, были прихожанами Успенской церкви соседнего села Ядрино, расположенного близ реки Зуши. *Неручь* — крупнейший приток Зуши; берет свое начало на юге Орловской губернии, впадает в Зушу ниже города Новосиль. Имение Фета Степановка было расположено в 7 верстах от Неручи.

[5] На страницах февральской книжки «Русского вестника», вышедшей из печати 11 марта 1866 г., были опубликованы: стихотворение Фета «Ф. И. Тютчеву» («Прошла весна — темнеет лес...»), продолжение романа Л. Н. Толстого «Тысяча восемьсот пятый год» (ч. 2, гл. I–IX), продолжение романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (ч. 1, гл. VIII–XIII). Кроме того, внимание Борисова могли привлечь следующие публикации: «Характеристика Державина как поэта» Я. К. Грота, «Болезнь и кончина генерала Ростовцева (по воспоминаниям и документам)» Н. П. Семенова, «Из записок Сергея Николаевича Глинки (от 1775 до 1800)».

[6] *Сатыевка* — деревня, расположенная северо-западнее имения Борисова Фатьянова, в 12 верстах к югу от Мценска (см.: *ОГ*. С. 160. № 3324). Из-за разлива Зуши прямой путь от Новоселок до Мценска стал невозможен.

[7] Генерал — прозвище Сергея Михайловича *Сухотина* (1818–1886), друга Борисова. Сухотин был помещиком села Кочеты Новосильского уезда Тульской губернии (владел имением нераздельно с братьями), проживал в Москве, где служил в Московской дворцовой конторе, имел звание камергера (см. о нем примеч. 5 к письму 36: наст. публ. Ч. 2. С. 231). Возможно, Борисов прозвал Сухотина Генералом из-за пожалованного ему в 1859 г. чина действительного статского советника, который, как и чин генерал-майора в армии, относился к IV классу. Чиновников IV класса часто называли штатскими генералами.

[8] Толстые находились в Москве с конца января и вернулись в Ясную Поляну 7 марта 1866 г. (*Толстой. Летопись (1828–1890)*. С. 320).

[9] *Чермошня* (Черемошня) — имение друга Толстого Д. А. Дьякова в Новосильском уезде Тульской губернии (см. примеч. 4 к письму 37: наст. публ. Ч. 2. С. 232).

[10] Талант к рисованию проявился у Пети Борисова с раннего детства (см. примеч. 11 к письму 74: наст. публ. Ч. 2. С. 321).

[11] Имеется в виду исторический роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Впервые опубликованный в 1829 г., роман пользовался исключительной популярностью в XIX в. и многократно переиздавался.

[12] *Данилов* Кирша (Кирилл Данилов, Кирилл Данилович), предполагаемый составитель сборника былин, исторических и лирических песен, а также духовных стихов (всего 71 текст с нотами). Рукопись сборника, ныне утраченная, относилась к концу первой половины XVIII в., владельцем ее с 1768 г. был уральский заводчик П. А. Демидов. При жизни Борисова существовало два издания сборника — 1804 и 1818 гг.

[13] 9 мая Н. Н. Тургенев, дядя писателя, отмечал свои именины. Видимо, Феты собирались в Новоселки к 7 мая, чтобы оттуда вместе с Борисовым отправиться в Спасское.

[14] Имеется в виду зять Фета А. Н. Шеншин (см. о нем примеч. 1 к письму 1: наст. публ. Ч. 1. С. 123).

82
Борисов — Фетам
17—19 апреля 1866 г. Из Новоселок в Степановку

17 апр. 66. *Новоселки.*

Пользуюсь оказией, чтобы черкнуть к вам в степь. — Каковы п<е>т<ер>б<у>ргцы!![1] Я просто готов бы идти в голубые архангелы,[2] только бы помочь Муравьеву[3] откопать всю поганую суть наших гробокопателей. Каткова опять хотят стереть — он-де республика![4] Все это меня бесит до глупости тех слонов, которые, вслед за передовыми верблюдами нашими, вторят вонючую гниль старинных лакейских.

Тургеневы в Спасском все живы — мы недавно получили письмо Вари и Кати, и ждут нас к 9-му.[5]

А Иван Серг<еевич> был болен, болела левая рука, но уже справился. Пишет, что от тебя не получает ни строчки, а жаждет вести. О намерении в нашу сторону ни гу-гу и, вероятно, не приедет. Приобрел еще владения для охоты вместе с Виардо и, вероятно, будет тебя соблазнять на царскую охоту.[6]

Твои стихи Тютчеву — прелесть, но «1805» Л<ьва> Н<иколаевича> — увы! Совсем не то, чего от него ожидал. — Историческая неправда. Но это бы не беда, а вот что. Когда все, все прочтешь, то не знаешь, что об этом подумать. — Делаешься как будто Л<ев> Николаевич и спрашиваешь, что такое Кутузов, действительно ли хитрый или прикидывается таким. — Только *Васька Денисов* выказался как есть и вышел прелесть, к остальным же можно применить — какая это все ложь, точно штабные кр<епости> Грозной при Барятинском.[7] — Наша армия, т. е. армедон и особенно 1805, — совсем не то, разве мыслимо, чтобы разжалованный солдат мог осмелиться из фронта говорить дерзости своему полковому Богданычу, да этого, я думаю, еще нельзя и в 1865 году. — И ради чего наделять павлоградцев *вором*. — Ведь это исторический рассказ, и он очень заботился, чтобы в мелочах быть верным, — но с этой-то стороны решите<льно> ничего не спрашивай.[8]

Я пишу к тебе, а мне подают записку от Ив<ана> Ив<ановича> из Никольского,[9] и узнаю, что Л<ев> Ник<олаевич> только что уехал в Ясную, пробыв два дни у Дьякова.[10] Прислали три подводы за пше-

ницей и венгерками, а я пшеницу уже *две* недели всю высея<л>. Так и поехали с возом венгерок. В прошлом году хотели взять и совсем не прислали, а в нынешнем опоздали. Хотя я и говорил и два раза писал, ну, их вина и их беда.

Не знаю, что выйдет, а я яровой насеял. 20, завтра, ломают 1-ый посев на 14 день!!! Каково. Впрочем, росток изрядный, — осталось посеять только две десят<ины> овса, а там и ломать послезавтра. Начинаем садить картошку. — Сегодняшняя буря раскрыла конюшню, сарай, людскую и ригу — просто беда, и деревьев пропасть наломала.

Попка вас обоих целует. — А я, милая Марья Петровна, вот о чем прошу: выгадайте хотя один денек нам перед 9 м<ая>. Знаю по опыту, что после 9-го Афоня кубарем устремится на гнездо. Сегодня залу нашу переполнили цветами и такие ароматы, что не отворяем дверей к нам. — Левкои цветут великолепно, больно и подумать, что последний год возня с ними. Повестки с почты от Боткина[11] еще нет. Катерина Никол<аевна> Шеншина выходит за кн. Сол<н>цева.[12] Ну, что еще нового — не знаю, вас обнимаю.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 125—126 об.

[1] Речь идет о первом из покушений на жизнь Александра II, состоявшемся 4 апреля 1866 г. Член московской подпольной группы Д. В. Каракозов выстрелил в императора, когда тот после прогулки по Летнему саду садился в экипаж. Случайно стоявший рядом мещанин О. И. Комиссаров успел ударить Каракозова по руке, и пуля пролетела мимо.

[2] Имеется в виду политическая полиция — жандармский корпус. Жандармские офицеры носили синие сюртуки с голубым воротником и фуражки с темно-синим околышем и голубой тульей. Голубой цвет был особого, бирюзового, оттенка, он так и назывался: «голубой жандармский».

[3] *Муравьев-Виленский* Михаил Николаевич, граф (1796—1866), известный своими решительными действиями по подавлению польского восстания 1863 г., вскоре после покушения на Александра II был назначен председателем Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова.

[4] Бескомпромиссность М. Н. Каткова в вопросе о единстве российского государства, его резкие выпады против «либеральной партии» в правящих кругах, склонявшейся к автономии Польши, привели его к конфликту с министром внутренних дел П. А. Валуевым, вследствие которого 31 марта 1866 г. «Московские ведомости» получили первое цензурное предостережение. Печатать предостережение Катков отказался и с новой силой обрушился на «внутренних воров». Чтобы скорей привести дело к развязке, Валуев дал «Московским ведомостям» одно за другим второе и третье предостережение (6 и 7 мая 1866 г.). Газета была приостановлена. С 18 мая она выходила под временной редакцией Н. А. Любимова. Все

ждали прекращения публицистической деятельности Каткова, но покушение Д. В. Каракозова заставило вспомнить, что Катков первый выступил обличителем нигилизма. 25 мая 1866 г. Москву посетил император. Катков добился аудиенции в Петровском дворце, был милостиво принят и получил разрешение продолжать издание «Московских ведомостей», причем Александр II обещал ему свое особое покровительство. См. об этом подробнее: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 68–71.

[5] См. примеч. 13 к письму 81. Варвара и Екатерина — дочери Н. Н. Тургенева.

[6] Борисов пересказывает содержание последнего письма Тургенева от 17 февраля, 9 марта (1, 21 марта) 1866 г., где поэту посвящены следующие строки: «А сизеносый, скромнобрюхий Фет передо мной в долгу; я ему написал в начале зимы пространнейшее письмо — а он хоть бы пикнул в ответ. Радуюсь очень его преуспеванию — и воображаю, что с ним происходило во время его секретарства. Как он потел!» (*Тургенев. Письма.* Т. 7. С. 23).

[7] Князь Александр Иванович *Барятинский* (1815–1879), генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, член Государственного совета, почетный член Николаевской военной академии Генерального штаба. С 1856 г. главнокомандующий войсками Отдельного Кавказского корпуса и наместник императора Александра II на Кавказе. Проводя свой план методического продвижения, сломил сопротивление войск Шамиля и в 1859 г. взял его в плен, закончив многолетнюю войну. Играл на Кавказе важную роль с апреля 1851 г., когда был назначен командиром 20-й пехотной дивизии и исправляющим должность начальника левого фланга Кавказской линии; затем, в 1853 г., был начальником главного штаба войск на Кавказе.

В 1850–1855 гг. Борисов служил в Егерском генерал-адъютанта князя Воронцова полку, участвовал в боевых действиях против горцев и в Крымской войне. О жизни штабных офицеров того периода можно судить по воспоминаниям А. Л. Зиссермана, который был переведен в крепость Грозную, в штаб начальника левого фланга Кавказской линии в начале 1855 г.: «...по всякому поводу давались обеды, затевались кутежи; танцевальные вечера были очень часты, а азартная картежная игра, и довольно крупных размеров, процветала; дамское общество было очень милое, вполне соответствовавшее военно-походному тону и сопряженным с ним нравам, не имеющим, само собою, и тени чего-нибудь пуританского... Жили, одним словом, легко, без особых забот о материях важных. Если от текущих мелких дневных приключений и развлечений случалось отвлечься, то разве для разговоров о минувших и будущих экспедициях, о том, кто будет назначен новым главнокомандующим <...> и о разных неизбежных переменах, так или иначе отзывавшихся и на нас, мелких сопричастниках деятельности; гораздо реже говорилось о ходе дел под Севастополем, вообще о тогдашнем положении России <...>» (*Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867): В 2 ч. СПб., 1879. Ч. 2. С. 269–270).

[8] Борисов высказывает свои впечатления от первых девяти глав второй части романа, которые были опубликованы в февральской книжке «Русского вестника» (см. примеч. 5 к письму 81). Продолжение и окончание второй части вышло в следующих книжках, мартовской и апрельской. На этом печатание романа в журнале прекратилось.

[9] Речь идет об Иване Ивановиче *Орлове*, в 1863–1890 гг. управляющем имением Л. Н. Толстого Никольское-Вяземское.

[10] Поездка Л. Н. Толстого в Никольское и в имение Д. А. Дьякова Черемошню датирована Н. Н. Гусевым серединой апреля (*Толстой. Летопись (1828–1890)*. С. 322).

[11] О каком из братьев М. П. Фет идет речь — неизвестно.

[12] Имеется в виду дочь Николая Никитича Шеншина, близкого соседа Борисова. Его имение Фет и Борисов называли Ближним Волковым (см. об этом примеч. 6 к письму 15: наст. публ. Ч. 1. С. 160). Мужем Е. Н. Шеншиной стал князь Николай Борисович Сонцов-Засекин. Другая дочь Шеншина, Мария, в 1865 г. вышла замуж за Ивана Матвеевича Лазаревского.

83
Борисов — Фету
23 мая 1866 г. Из Новоселок в Степановку

23 мая 66. Новоселки.

Благодарю, душа моя, еще раз — Алексей благополучно возвратился, и деньги, и кактусы, и письмо доставил и рассказал повесть о том, как быка отправляли на тот свет, но помиловали и помилосердовали кстати. Солнце его бы сожгло.

О козе начну немедля поиски, и авось пошла коза с орехами...[1] А я ищу козла-рогача, тоже обещал, да не попадается.

Куда ты меня направляешь на Долгое и Меньщикова,[2] что мне там делать по горам, это ты их любишь и разыскиваешь.

Целуем ручки Тетины, а в Степановку, вероятно, подъедем около указного числа. Я все жду Казначеева.[3] Писем-то нет — авось будет.

Обнимаю и умолкаю.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 13–13 об.

[1] Борисов вспоминает русскую народную сказку «Коза»: «Сидит козел да плачет: он послал козу за орехами; она пошла и пропала. / Вот козел и запел: / Нет козы с орехами, / Нет козы с калеными!» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 72–74 (Лит. памятники)).

[2] Имеется в виду сосед Фета по Степановке А. Н. Меньщиков, владелец имения близ села Долгое. См. о нем подробнее примеч. 7 к письму 99.

[3] *Казначеев* Федор Федорович (1827–1878), зять Борисова, муж его сестры Анны Петровны (1829–1878). Казначеевы проживали в Рязанской губернии.

84
Борисов — М. П. Фет
29 сентября 1866 г. Из Новоселок в Степановку

Четверг, вечер.

Милая, добрая Тетя.

И *Дядя* и я, слава Богу, здоровы, покончили сегодня с собранием.[1] Сию же минуту вместо Полуектова[2] уехал бы к Вам, но обещал Дяде путешествовать с ним, а он намерен завтра к Тургеневым,[3] оттуда в субботу заедет за мной на Воин,[4] и чрез Орел в понедель<ник> к ночи (вероятно) мы явимся к Вам. Не ручаюсь только за себя, что, не дожидаясь его, <не> уеду один — что мне делать в Орле? С Полуектовым отправляется к Вам разная разность: две прививки, три сорта смородины, 1 горш<ок> фуксий и 1 Вам кактус. Прививки и смородину не прикажите развязывать, их хорошо увернули, и могут целый месяц так оставаться, только бы не на солнце и ветру. Еще отправляется пара кохинхинок и 10 индейцев,[5] и цветной капусты, и брюквы понемножку, а то положить некуда. — Попке теплоты привезу сам.[6]

Так мне хочется поскорей к Вам, что едва ли я буду в силах ждать Афоню до понедельника, а лучше в суб<боту> прямо к Вам.

Если Ваша милость будет, то с Полуектовым можете отправить дарованного бычка.

Крепко целую Ваши ручки и за моего Попку беспредельно благодарю.

Душой и сердцем
Ваш И. Борисов.

На обороте:

Ее Высокоблагородию
Марии Петровне
Фет.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20308. Л. 19—20 об.

Датируется по содержанию, см. примеч. 1 и 6 к наст. письму.

[1] Речь идет о Мценском уездном земском собрании, проходившем в Мценске 27—29 сентября (со вторника по четверг) 1866 г. Борисов и Фет, избранные гласными 27 октября 1865 г. на съезде уездных землевладельцев, присутствовали на этом собрании, причем Фет был секретарем. 29 сентября он выступил с предложением «уполномочить гласных, которые изъявят свою готовность, правом надзора за точным исполнением местными обывателями предметов, подлежащих ведению земства, как то: за исправным состоянием мостов, гатей, перевозов, больших и проселочных дорог, за принятием предохранительных мер против повальных болезней, падежей скота, пожаров и т. п.», с тем условием, «чтобы сельские начальства

обязаны были исполнять законные требования гласных». Предложение было принято единогласно (Журналы Мценского уездного земского собрания. Заседания 27—29 сентября 1866 г. С. 4—5).

[2] О ком идет речь — установить не удалось.

[3] Имеется в виду семейство дяди писателя — Н. Н. Тургенева, проживавшее в имении Спасское-Лутовиново.

[4] *Воин* — имение друга Борисова и Фета Ивана Петровича *Новосильцова*, расположенное в 15 верстах от Мценска (*ОГ*. С. 172. № 3571), примерно на середине пути от Мценска до Орла, рядом с открытой в 1868 г. железнодорожной станцией Отрада. Новосильцов постоянно проживал в Петербурге, служил по ведомству Министерства иностранных дел; в 1864—1868 гг. он был статским советником, чиновником особых поручений V класса при вице-канцлере. См. о нем подробнее примеч. 6 к письму 44: наст. публ. Ч. 2. С. 250—251.

[5] *Кохинхины* — порода кур; *индеец*, или индейский петух — то же, что индюк.

[6] Видимо, речь идет о теплой одежде для Пети, который вместе со своим дядькой Ф. Ф. Кауфманом с августа жил в Степановке. 10 октября 1866 г. М. П. Фет писала об этом В. П. Боткину: «Вот уже другой месяц, как у нас гостит маленькой Петруша Борисов с своим немцем, а отец его охотится с собаками на лисиц и зайцев. Петруша такой славный и умный мальчик, и никаких нет у него капризов, он только рассказывает, как он дома капризничает. Я так довольна, что он у нас, желала бы, чтоб он остался как можно долее» (*РГБ*. Ф. 258. К. 1. № 68. Л. 28; см. также: *Фет/Боткин*. С. 464, примеч. 5 к письму 151). Петя оставался в Степановке до 20 октября, в письме к Боткину от 21 октября 1866 г. Фет с сожалением упоминает об отъезде племянника: «Вчера приехавший накануне Борисов увез Петрушу и его немца, которые прожили у нас около 2-х м<еся>цев. И так у нас сделалось пусто в доме, после ребяческой беготни и лепетанья» (*Фет/Боткин*. С. 466).

85
Борисов — Фетам
6 марта 1867 г. Из Новоселок в Степановку

6 мар. 67. Новоселки.

Хотя ожидаю тебя самого,[1] друг мой Афоня, но на всякий случай и пишу. Во-1-х, дело о кулешевской Ядрине[2] разъяснилось тем, что он не продает, а отдает в аренду. Стало быть, нам и дела нет. Вчера, быв на почте, я видел от Ив<ана> Серг<еевича> из П<етер>бурга письмо к Николаю Ник<олаевичу>,[3] а от Александра Михайл<овича> Сухотина,[4] только что прибывшего, узнал, что Ив<ан> Серг<еевич> в П<етер>бурге на минуту, чтобы оттуда в Москву к Каткову[5] и, вероятно, будет в Спасское, если ноги донесут.[6] А может, он во избежание гвалтов и не поедет в деревню.[7]

Попка Вас обоих целует, получили целую библиотеку книг, и чтение и рисование, даже на 67 год подписку на «*Gartenlaube*».[8] Чему в особенности возрадовался Фед<ор> Фед<орович>.[9]

«Охота на антилопу».
Ксилография В. Арланда по рисунку Г. Лёйтеманна
из журнала «Die Gartenlaube» (1867. № 2)

Зима, кажется, не в шутку поступила. Если сам не поедешь к нам, напиши, пожалуйста, о Петруше,[10] надо же дать какой ответ в опеку.

Обнимаю вас обоих, будьте здравы, милые други.

И. Борисов.

Милая Марья Петровна, всякой день с утра до вечера восхваляю *чай*, да благодарю Вас. Действительно, так хорош, что не могу его пить без громких гимнов, так что Петя, глядя на меня, только улыбается и просит третью чашку — водицы. — Все наши разговоры и болтовни за чаепитием превратились в его вопросы: Папа хорош? — а я отвечаю: вот так чай!!! — Если у Вас нет этого самого, то надо с Вами поделиться. — Вы сами, разумеется, до просухи к нам не попадете (хотя и обманывали нас обещаниями на 2-ве недели — но Бог Вас простит), а Дядя еще может и прикувыркает. Не забудьте приказать с ним, если нужно, право, удивительный. Попка шлет две картины Вам: деревья — это его *фантазия* и другая неконченая, из «Gartenlaube» срисовал: охота на антилопу — гиена впилась в горло.[11] Вот и срисовывание у него идет на лад, а прежде это ему было трудно до слез.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 15–16 об.

[1] В связи с какими обстоятельствами Борисов ожидал скорого приезда Фета — неизвестно.

[2] За два года до этого Борисов писал Фету о своем намерении купить землю у нового владельца имения при селе Ядрино Кулешова. См. письмо 73 от 30, 31 марта 1865 г.: наст. публ. Ч. 2. С. 316.

[3] Имеется в виду письмо И. С. Тургенева к своему дяде Н. Н. Тургеневу (не сохранилось).

[4] А. М. Сухотин, помещик села Кочеты Новосильского уезда Тульской губернии, знакомый И. С. Тургенева. См. о нем примеч. 15 к письму 34: наст. публ. Ч. 2. С. 226.

[5] Тургенев находился с 25 февраля по 7 марта 1867 г. в Петербурге, затем, по 31 марта, был в Москве, где 8 или 9 числа передал М. Н. Каткову для публикации в «Русском вестнике» рукопись романа «Дым» (Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1867–1870) / Сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 1997. С. 3–15, 21).

[6] Писатель собирался в Спасское-Лутовиново, чтобы принять дела от своего дяди Н. Н. Тургенева, с 1853 г. управлявшего его имениями, и водворить нового управляющего, Н. А. Кишинского. В письме к Борисову от 8 марта 1867 г. он извещал о своем скором прибытии в Спасское, приглашая навестить его: «Начиная с понедельника или со вторника (т. е. с 13 или 14 марта. — *И. К.*) меня можно будет там застать — и я очень, очень буду рад Вас видеть — дайте знать также Фету <...>» (*Тургенев. Письма*. Т. 7. С. 130). Это письмо Борисов отправил с нарочным в Степановку (*Фет/Боткин*. С. 482) и к назначенному сроку вместе с Фетом отправился в Спасское. Между тем Тургенев, как и обещал, выехал поездом из Москвы 11 марта и достиг Серпухова, последней в то время станции Московско-Курской железной дороги. Там, почувствовав себя больным, переночевал и на следующий день вернулся в Москву (Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1867–1870). С. 16). Сначала он имел намерение повторить свою попытку, но со временем отказался от этой мысли, о чем сообщил Борисову в письме из Москвы от 21 марта: «...теперь дороги стали непроезжие — и нога, как нарочно, снова так жестоко разболелась, что пожалуй придется опять слечь. К тому же подошли невеселые вести из Бадена — где уж мне тут думать о поездке в деревню — дай Бог подобру-поздорову по железным дорогам вернуться в Баден» (*Тургенев. Письма*. Т. 7. С. 147).

[7] Н. Н. Тургенев крайне болезненно воспринял решение племянника отставить его от управления имениями, поэтому Борисов допускал, что писатель предпочтет уклониться от встречи с дядей, что и случилось (см. примеч. 6 к наст. письму).

[8] «*Die Gartenlaube*» (*букв.* «Беседка») — немецкий иллюстрированный семейный журнал-еженедельник, выходивший с 1853 г. в Лейпциге и Берлине. Это название фигурирует в шутливом стихотворении Фета, обращенном к «Ольге Ивановне Щукиной» («Спасибо Вам, мы вспоминаем...») (1880). См.: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 101.

[9] *Кауфман* Федор Федорович, гувернер Пети Борисова.

[10] Речь идет о П. Аф. Шеншине.

[11] Имеется в виду иллюстрация по рисунку немецкого художника-анималиста Готтлоба Генриха Лёйтеманна (Leutemann; 1824–1905), гравированная Вильгель-

мом Арландом (Aarland; 1822—1906), к статье А. Брема «Neue Charakterbilder aus der Thierwelt» («Новые картинки из жизни животных»), помещенной во втором номере «Die Gartenlaube» за 1867 г. (S. 21).

86
Борисов — Фету
27 апреля 1867 г. Из Новоселок в Степановку

27 апр. 67. *Новоселки.*

Получил чрез моего курьера от тебя, старый дядя, старые сказки: что все плохо... А когда бы у тебя было все так хорошо, как у меня, вот тогда бы ты действительно узнал и болезнь, и печаль, и воздыхание. Голод-то не тетка, часто говорит Селяр де Парле.[1] А кажется, предстоит голод — в Фатьяновой вся озимь пропала, здесь наполовину.[2] Но об этом говорить нечего. Надо садить поболее картофелю.

Рассчитываю, соображаясь с твоим письмом, к 6-му быть на Скворчее.[3] — Если только не помешает что в Новосили, куда я отправлюсь 4-го утром, а 5-го с вечера со Скворчего пошлю нарочного к Александру Никитичу.[4] Вот как строю планы, а удастся ли, не знаю.

Петю с собой не беру, останется ждать Тетю и нас всех, какие теперь разъезды, холод и ветер. А Федор Фед<орович>[5] завтра летит в Орел — к немцам повидаться.

По вечерам мы всякой день смотрим рисунки Каульбаха[6] к «Reineke Fuchs».[a] Что это за прелесть, что за гравюры, ну не наглядишься досыта — хотелось бы оставить до вашего приезда, но Алекс<андр> Мих<айлович>,[7] которому они принадлежат, оставил их до первой оказии — и просил привезти.

На Святой был у Шаховского,[8] и о тетеревах толковали. — Он радехонек с тобой повидаться и готов пуститься, куда угодно — но и у него есть своего рода покосы и уборки да еще хуже: поездка в Пензу, которая захватит, пожалуй, июль, словом, это зависит от времени, когда приедет к нему его брат.[9] От него же есть места верстах в 30, где-то за Тургеневым,[10] и он в прошлом году там поохотился изрядно. Тебя он просит на уговор приехать к нему. От Тургенева к нему нет и 20 верст, можно днем слетать.

От Ивана Сергеевича только что получил письмо из Бадена,[11] он в отчаянии от последних происшествий в Спасском и уже просит Ник<олая> Ник<олаевича> оставить Спасское — потому что управляющему невозможно управлять там в его присутствии.[12]

---

[a] «Рейнеке-лису» (*нем.*).

Поэма И.-В. Гёте «Рейнеке-лис».
Первое издание с иллюстрациями В. Каульбаха (Мюнхен, 1846).
Авантитул

А было вот что:

Н<иколай> Н<иколаевич> позвал сельск<ого> старосту и в присутствии Кишинского и двух других лиц объявил ему, что боится за жизнь свою, угрожаемую Кишинским, и потребовал для своей безопасности двух караульщиков мужиков.[13] Вот после этого-то нас он и звал к себе. — Но я его нашел уже успокоив<шимся>, и хотя мужик был в передней, но мне он не разъяснил, что было, а к Кишинскому просил и не заходить.

Иллюстрация по рисунку В. Каульбаха
к поэме И.-В. Гёте «Рейнеке-лис»
(гравюра на меди)

Если не удастся убедить старика оставить Спасское, то ему предстоит много, много еще горя впереди, и, что хуже, это то, что вина *его*. Нельзя насильно оставаться в чужом имении и управлять им, когда владелец этого не хочет. Я это уже ему говорил.

Теперь дело вот на чем: Ив<ан> С<ергеевич> дал полную доверенность Кишинскому и уничтожил доверенность Н<иколая> Н<иколаевича>. — Никаких отчетов, описей и пр. не требует. — А «бери *все, что только пожелаешь*, и уезжай и пенсию». — К этому дошли после множества писаний. Ив<ан> Серг<еевич> хотел все это уладить дружески и очень жаль, что отвечали ему не тем же.

А каким путем вел все это дело Ник<олай> Ник<олаевич>, то никакой закон не был бы за него.

Поцелуй за нас ручки тети, ждем ее с нетерпением. Обнимаю тебя крепко.

Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 127—128 об.

[1] *Селярдепарле* — прозвище дядьки малолетних братьев Борисовых, который имел обыкновение будить своих подопечных следующими словами: «...извольте вставать, се ляр де парле едекрир корректоман» (от *франц.* c'est l'art de parler et d'écrire correctement — это искусство говорить и писать правильно) (*РГ*. С. 54. Здесь оно звучит как Селяр де Парле).

[2] 1867 г. действительно выдался на редкость неурожайным, что побудило Фета организовать в Москве благотворительный вечер в пользу голодающих крестьян своего мирового участка. См. об этом примеч. 2—4 к письму 103, а также нашу статью «О благотворительном вечере, устроенном Фетом в пользу голодающих (март 1868 года)» в наст. томе (С. 59—80).

[3] Видимо, Фет и Борисов собирались вместе охотиться. *Скворчее* — имение Новосильского уезда Тульской губернии, некогда принадлежавшее Аф. Н. Шеншину. «...По смерти деда Неофита Петровича отцу по разделу досталось: лесное в 7 верстах от Мценска Козюлькино, новосильское пустынное Скворчее и не менее пустынный Ливенский Тим <...>» (*РГ*. С. 8).

[4] Речь идет об А. Н. Шеншине.

[5] Ф. Ф. Кауфманн, дядька Пети Борисова.

[6] *Каульбах* Вильгельм, фон (Kaulbach; 1805—1874), немецкий живописец, рисовальщик. Один из видных мастеров исторической живописи, модный салонный портретист. Известность ему принесли иллюстрации к поэме Гёте «Рейнеке-лис» (1793), вышедшие впервые в Мюнхене в 1846 г.

[7] А. М. Сухотин.

[8] Речь идет о князе Алексее Ивановиче *Шаховском* (1821—1900), старшем сыне князя И. Л. Шаховского (1777—1860). Проживал в своем имении при селе Большое Скуратово Чернского уезда Тульской губернии (в 1828 г. его отец купил Большое Скуратово у потомков прапрадеда И. С. Тургенева А. И. Скуратова). В том же уезде владел и другими именьями: при селе Спасском (Ершово) и деревне Черноусовой (Тульские губернские ведомости. 1869. 31 мая. № 22. С. 237). В молодости князь Шаховской, как и Борисов, служил на Кавказе, за отличия в сражениях с горцами был награжден орденом св. Анны 3-й степени с бантом (1848) и золотой саблей с надписью «за храбрость» (1850). Затем командовал Староингерманландским пехотным полком (1855—1857) и лейб-гвардии 1-м Стрелковым его величества батальоном (1855—1861), в 1860 г. получил чин генерал-майора с назначением в свиту. В 1867 г., видимо, пребывал в длительном отпуске: по данным на 1 января 1868 г., состоял при Кавказской армии, числился в лейб-гвардии Стрелковом его величества батальоне, однако содержания не получал. 20 мая 1868 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Впоследствии участвовал в русско-турецкой войне, дослужился до генерала от инфантерии. Фет и Борисов были, вероятно, знакомы с его женой, княгиней Софьей Александровной *Шаховской* (урожд. Олсуфьева; 1830—1882).

[9] У князя А. И. Шаховского было два брата, проживавших в Петербурге: Александр (1822—1891) и Николай (1823—1900). Скорее всего, речь идет о старшем из них — генерал-лейтенанте (1866), состоявшем при Главном артиллерийском управлении. Летом — осенью 1867 г. он, видимо, гостил в Большом Скуратово и встречался с Фетом. 22 октября 1867 г. Фет писал о нем В. П. Боткину: «Не встречаешь ли ты в клубе генер<ал>-лейт<енанта> князя Шаховского? Он взял у меня 6 р. и обещал купить в Питере токарный инструмент и выслать с первой почтой. А вот уже два м<еся>ца прошло, а инструмента нет. Верно, он забыл» (*Фет/Боткин*. С. 504). Другой брат А. И. Шаховского, князь Н. И. Шаховской, служил в Правительствующем Сенате, был ли он знаком с Фетом и Борисовым — неизвестно.

[10] Имеется в виду село Тургенево Чернского уезда Тульской губернии, в свое время принадлежавшее отцу, матери, а затем брату писателя, Н. С. Тургеневу. В молодости И. С. Тургенев охотился в окрестностях Тургенева; там он написал ряд своих произведений, в том числе знаменитый рассказ «Певцы» («Записки охотника»).

[11] Это письмо И. С. Тургенева к Борисову неизвестно.

[12] 15 апреля 1867 г., отвечая на письмо Н. А. Кишинского от 3 апреля, писатель уполномочил его принять все дела в свое ведение; кроме того, он сообщил, что посылает на его имя письмо к Н. Н. Тургеневу, в котором настаивает на немедленном отъезде дяди из Спасского (*Тургенев. Письма*. Т. 7. С. 181).

[13] О скандале, учиненном дядей, Тургенев узнал из письма Н. А. Кишинского от 3 апреля 1867 г. (не сохранилось) и с его слов описал случившееся Борисову.

87
Борисов — Фету
30 сентября 1867 г. Из Новоселок в Степановку

30 сент. 67. *Новоселки*.

Только что свезли мое к тебе послание, как привезли твое от 22 с<ентября>.[1] Эко волокли! Дело в том, что все исполню по глаголу твоему, только в другой раз пиши имена поразборчивей — черт знает какие Мусораки, а главное, застрахуй в 100 р<ублей>. Где? Я отроду еще такими делами не занимался, но выучусь. Ведь и моего переплетного нет еще, может, они где-нибудь уже свалены вместе, и твой точит, а мой переплетает Тульскую губернию.[2]

Что ж ты это мою телегу завез, да и не отдаешь, на мельницу не на чем, картошку не на чем! Экой ты такой-сякой.

О Господи! Когда б мне 2-го уехать из Новоселок, а 3-го с Воина[3] и прямо в Норд-Тулуландию.[4]

От Пети и о Пете всё нет вести.[5]

По возвращении меня ждет опека Новоселок — и подавание целой дивизии бумаг по выкупам. Некогда мне и посоветоваться с тобой, что тут делать.

Петя Борисов.
Фотография. Москва, конец 1860-х гг.
Из альбома «Воробьевка»

Поцелуй ручки тети милой, стыдно ей хворать. Это только и простительно мне, давно уже за болезней уволенному от службы.

Но некогда растабарывать. Обнимаю вас обоих и начинаю тыкать заусенцами.

Понимаешь!

И. Борисов.

Прочти 209 № «Моск<овских> вед<омостей>».

Катков устраивает Лицей!!![6]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 129—130.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] В Степановке Фет вернулся к токарному делу, освоенному еще в детстве (см.: *Дерябина Е. П.* Фет в пансионе Крюммера // *ФетСб(2)*. С. 188—190). В августе 1867 г., во время пребывания в Москве, он заказал для себя токарный станок, о чем упомянул в письме к В. П. Боткину от 4 сентября: «Жду из Москвы токарного станка на осень и зимние вечера» (*Фет/Боткин*. С. 501). В письме от 22 сентября Фет, все еще не получивший заказанное, видимо, обратился к Борисову с просьбой застраховать его покупку в Мценске. В свою очередь, Борисов, бывший в Москве вместе с Фетом, купил переплетный станок, который был доставлен в Новоселки только к декабрю (см. письмо 95).

[3] *Воин* — имение И. П. Новосильцова (см. примеч. 4 к письму 84).

[4] Борисов собирался в Москву навестить сына (см. ниже, примеч. 5). Как видно из письма 88, по дороге он заехал за малолетней племянницей жены Ольгой Шеншиной, опекуном которой был назначен вслед за ее умершим дедом Д. М. Мансуровым. Воспитывалась Ольга у дочери Мансурова К. Д. Сухотиной, проживавшей в имении своего мужа Порфирия Николаевича при селе Знаменском Чернского уезда Тульской губернии. После смерти Борисова опекуном О. В. Шеншиной был назначен Фет.

[5] В первую неделю августа 1867 г. Борисов определил сына в московское мужское Училище при евангелическо-лютеранской церкви св. апостолов Петра и Павла. «Мы с Борисовым привезли Петю в школу и через неделю снова тронемся в обратный путь», — писал Фет из Москвы В. П. Боткину 9 августа 1867 г. (*Фет/Боткин*. С. 496). Училище находилось в Петроверигском переулке, в трехэтажном доме, принадлежавшем лютеранской Петропавловской церкви. В настоящее время в бывшем здании училища, перестроенном в 1912—1916 гг., располагается Институт профилактической кардиологии (Петроверигский пер., 10, строение 3).

Петя с трудом привыкал к новой жизни, что видно из его немногих сохранившихся писем 1867 г. Так, 3 сентября он писал отцу: «Ты пишешь, что ты заметил, что школа мне не особенно нравится. Да, ты прав, потому что школа мне есть ад. Я потому только и ожидал тебя так нетерпеливо, что<бы> упросить тебя взять меня назад. Но так как я вижу, что ты отложил свою поездку, то прямо тебе <пишу>, что в школе и года не могу оставаться. Если бы у меня были деньги, я бы просто убежал, но не остался в ней. Поэтому умоляю тебя приехать через несколько дней и взять меня из школы» (*РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 2. Л. 17).

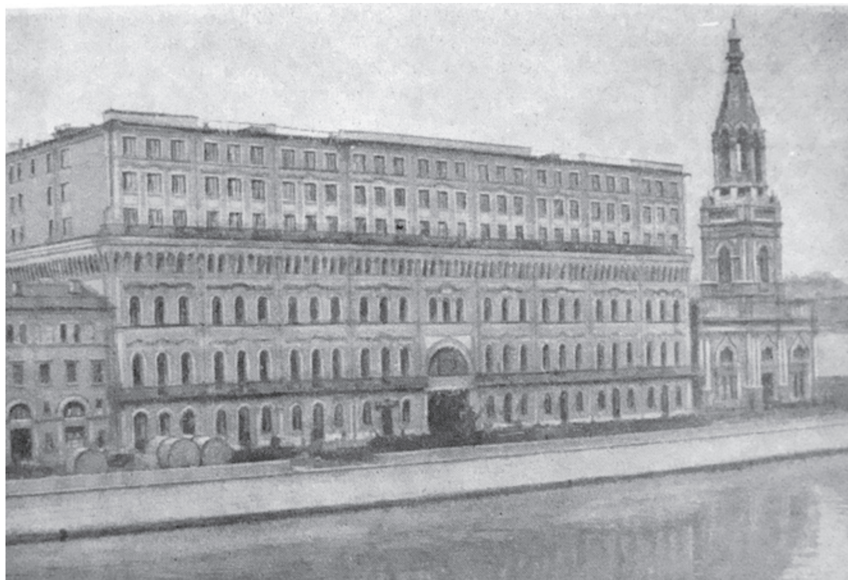
[6] В передовой статье, опубликованной «Московскими ведомостями» 26 сентября 1867 г. (№ 209. С. 1—2), давалась оценка нового гимназического устава (1864 г.), который М. Н. Катков и П. М. Леонтьев считали компромиссным и нуждающимся в пересмотре, а далее было заявлено следующее: «Давно уже задумали мы положить основание учебному заведению, которое по своей организации давало бы полную возможность выработать на опыте все условия, необходимые для обеспечения правильного и плодотворного развития признанных нашим законодательством педагогических начал. Казенные заведения <...> не могут с полным успехом послужить для этой цели. <...> Казенное управление связано неизбежными формальностями. Оно может действовать только посредством общих мер, а подробности, индивидуальности, особенности, более или менее ускользают от него, между тем как в них-то вся сила, когда требуется ввести в жизнь новые нача-

ла. <...> С другой стороны, частное учебное заведение <...> имеет характер случайности; оно есть собственность своего содержателя и слишком тесно связано с его личностию. При самых лучших условиях, оно все-таки есть более или менее промышленное предприятие. Требуется такой тип педагогического заведения, который отличал бы его и от казенных и от частных заведений, но соединял бы в себе некоторые выгоды тех и других. Оно не должно быть частною собственностию, оно должно иметь характер общественный; но оно должно быть так организовано, чтобы управление его имело полную свободу действий. <...> Устав подобного заведения, проектированный нами, находится теперь, с Высочайшего соизволения, на рассмотрении в законодательном порядке. Если проект этот удостоится утверждения, то, не теряя времени, можно будет сделать первый шаг к его осуществлению с января 1868 г. Предполагаемое заведение задумано в размерах лицея и должно обнимать как гимназический, так и университетский курс учения. <...> В каких отношениях будем находиться к этому заведению мы, его учредители? Если правительство утвердит наши предположения, то мы будем иметь в нем право распоряжения, подлежащее правильному контролю на основаниях, установленных законом. Но заведение не будет нашей собственностью, и с ним не должны соединяться никакие для нас материальные выгоды, так что оно ни в каком отношении не будет иметь характера промышленного предприятия. Мы вносим в его капитал свой посильный вклад, отказываясь от всякого участия в доходе, равно как и от всякого вознаграждения за труд, который от нас потребуется. Мы берем на себя ответственность в направлении дела по плану, давно нами обдуманному, и в выборе лиц, достойных и способных нести педагогические обязанности. <...> Предполагаемое заведение должно, вместо теории, представить опыт полного применения классической системы на русской народной почве; оно послужит к выработке учебного плана и соответствующих ему учебников, к согласованию обучения с воспитанием, к систематическому выбору педагогических приемов, наконец, вообще к самостоятельной постановке русского педагогического дела; вместе с тем оно будет приготовлять к жизни людей, в которых особенно нуждается наше отечество, людей, прошедших крепкую и добрую школу, людей, которые, в своем звании русских, были бы в полной силе детьми Европы».

88
Борисов — Фетам
5, 7 октября 1867 г. Из Москвы в Степановку

5-го окт. 67.
Москва. Г<остиница> *Кокорева.*[1] № 25.

Доехал и довез Олю[2] благополуч<но>, и Петю, и Володю[3] нашел здоровыми. Дмитр<ию> Петр<овичу>[4] передал 500 руб. — Тут была останов<ка>, и продолжаю уже *7-го окт<ября>* вечером. Слава Богу, беда миновала, а то я эти два дни помучился, милые друзья, и так, что не приведи Бог. Петю я нашел молодцом, и *Леш*,[5] и инспектор, оба его расхвалили и сами *даровали* отпуск, хотя был еще четверг — *до вос-*



Москва, Софийская набережная, 34.
В этом доме (в нижних четырех этажах) находилось Кокоревское подворье,
где не раз останавливался И. П. Борисов.
Фотография 1954 г.

кр<есного> вечера, радость Попки неизмеримая. Заехав на минуту к Дмитрию Петрови<чу>, мы к Кокорю в 25 № (1 р. ц<ена>). Не спав уже *двое суток*, я с радостию вместе с Попкой улегся в 8 час., да только не надолго — в 11-м уже пустился за докторами — у него был бред и жар, оказалось, что начинается *жаба*.[6] Слава Богу, что вовремя ее прервали, и теперь только денек-другой поберечься и опять в школу. Сегодня я мог на минуту урваться из своего № и виделся с Софьей Сергеев<ной>, Дмитр<ием> Петр<овичем> и Петр<ом> Петр<овичем>.[7] *Все* Ваши, Тетя, живы и здравы и Вас целуют, и Дядю. Катерины Петр<овны>[8] еще нет в Москве.

Калачев[9] был у меня 5-го, когда я уже спал, и оставил записку, призывая на утро к себе — но утром было уже самое *взволдырится*, и до вторника я его не увижу. Про твои ком<иссии>, Афоня, знаю от Дмитр<ия> Петр<овича>, что *всё* отправлено *уже*, а вода уже у меня на столике, но когда она попадет тебе в глаза, не знаю. Когда я отсюда урвусь! Завтра просил Фельку[10] с гувернанткой свезти Олю в школу.[11] Она добрая и девочка *хорошая*, *не забалованная*. К Толстому не заезжал, а книжки твои отослал из Ясенков.[12]

В Туле узнал, что около Лапотков[13] найдены *громадные* пласты каменн<ого> угля на глубине 4-х арш<инов> под землей в 5 арш<инов> пласт и под ним еще чрез 4 арш<ина> новый пласт — образчик угля есть у меня — достоинством 1-вейший сорт, какого нет в мире. Может, это спасет и финансы и Россию, в $^3/_4$ версты от чугунки, которую уже и двигают этим углем. И как бы ты думал, кому, главное, этим обязаны — не поверишь! — Порфише!![14] Он предложил и настоял в управе выписать техника для поисков.

Если бы вы знали, как уже легко мне стало сегодня — когда вижу, что гроза прошла, хотя не раздевался *пятые* сутки и спал на кулаках. Крепко вас обнимаю обоих за себя и Попку. — Как только освобожусь, то *проверю*, всё ли *отправ<лено>*, и если что нет, то двину.

Будьте здравы. — Когда *увижу* день моего выезда, то напишу, а теперь ни-че-го не смыслю.

Шумахеры возвратились.[15]

Хорошо, Тетя, что не поехали, дорога была убийственная.

Не забывайте любящего вас

И. Борисов<а>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 17—18 об.

[1] Имеется в виду гостиница «Кокоревское подворье», построенная в 1860-е гг. знаменитым предпринимателем В. А. Кокоревым по проекту И. Д. Черника. Первоначально здание гостиницы было четырехэтажным, современный вид оно получило после надстройки в первой половине XX в. В «Подворье» насчитывалось 315 номеров ценой от 30 копеек до 4 рублей в сутки, общей вместимостью 700 мест; торговая часть состояла из 20 роскошных магазинов, имелись подвалы и кладовые для товара. В 1889 г. Кокорев продал «Подворье» из-за финансовых затруднений, однако гостиница существовала вплоть до революции, после чего ее здание передали оборонному ведомству (современный адрес: Софийская набережная, 34).

[2] Об О. В. Шеншиной см. примеч. 4 к письму 87.

[3] Речь идет о племяннике Фета В. А. Шеншине, который, как и Петя Борисов, воспитывался в Петропавловском училище.

[4] См. примеч. 7.

[5] *Леш* Рудольф Васильевич, прусский подданный, директор мужского Училища при евангелическо-лютеранской церкви св. апостолов Петра и Павла.

[6] *Жаба* — народное название ангины.

[7] Речь идет о Боткиных, братьях М. П. Фет, и жене Д. П. Боткина — Софье Сергеевне.

[8] Имеется в виду сестра М. П. Фет — Е. П. Щукина.

[9] *Калачов* Николай Васильевич (1819—1885), археограф, академик, сенатор; в 1865—1885 гг. управляющий Московским архивом Министерства юстиции; близкий сосед Борисова по Фатьянову.

[10] *Фёлькель* Юлий Карлович (Voelkel; 1812—1882), преподаватель Московского университета, специалист по классической филологии; давний знакомый Борисова и Фета. См. о нем подробнее примеч. 7 к письму 67: наст. публ. Ч. 2. С. 303.

[11] Судя по воспоминаниям Фета, Борисов хотел отдать Ольгу в женское училище при евангелическо-лютеранской церкви св. апостолов Петра и Павла, но передумал и «отвез девочку к директрисе пансиона Э<вениус>», обратившись к ней с такой приблизительно речью: «...прошу вас взять ее окончательно на свои руки до ее совершеннолетия, так как я, даже по окончании ею учения, вывозить ее не могу» (*МВ*. Ч. 2. С. 76—77). Сведений о существовании в 1867 г. пансиона Эвениус найти не удалось. Вместе с тем, по данным выявленных адрес-календарей города Москвы (на 1869, 1872—1878 гг.), в сфере женского образования трудились три сестры Эвениус: Александра Ивановна (1828—1876), Шарлотта Ивановна (1836 — после 1882) и Екатерина Ивановна (р. 1838), дочери московского чиновника Иоганна Христофора (Ивана Егоровича) Эвениуса и его жены Екатерины, урожд. Виттинг (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 21. № 51). Младшая из сестер, Екатерина, согласно адрес-календарю на 1869 г., преподавала в Елизаветинском училище. В более поздних изданиях ее имя не встречается. В том же училище в 1872—1878 гг. преподавала немецкий и французский языки Шарлотта. Наиболее заметной из сестер Эвениус была старшая, Александра. Как сообщается в посвященной ее памяти некрологической статье, она начала педагогическую деятельность «в своей маленькой школе», затем какое-то время была начальницей женского училища при лютеранской церкви Петра и Павла, где добилась большого успеха. «Из 50 учениц, бывших при поступлении А<лександры> И<вановны> в школу, число их при ней возросло до 300, и немецкая школа стала одним из лучших частных учебных заведений в Москве». В 1872 г. Эвениус оставила свою должность из-за разногласий с руководством училища и вновь основала собственный пансион, открыв полный курс женских гимназий, сразу все семь классов. Пансион вскоре стал модным, количество учениц возросло до 330 (*МВед*. 1876. 22 сентября. № 241. С. 4). После смерти А. И. Эвениус пансион унаследовала ее сестра Шарлотта. Можно предположить, что «маленькая школа» Эвениус не была закрыта с уходом ее основательницы в Петропавловское училище. Правила Петропавловского училища, куда сначала обратился Борисов, не позволяли держать девочку до совершеннолетия, как того, судя по приведенной Фетом «речи», хотел ее опекун. Поэтому начальница училища А. И. Эвениус могла посоветовать Борисову свой маленький пансион с небольшим числом учениц и домашней атмосферой. В пансионе Эвениус Ольга Шеншина оставалась до весны 1873 г., затем воспитывалась в доме Фета.

[12] *Ясенки* — почтовая станция на Тульско-Орловском шоссе, ближайшая к Ясной Поляне.

[13] Вероятно, имеется в виду село *Лапотково* (Покровское) Крапивенского уезда Тульской губернии (Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. С. 110. № 2621).

[14] Имеется в виду Порфирий Николаевич *Сухотин* (ок. 1821—1880), к которому Борисов заезжал по дороге в Москву (см. примеч. 4 к письму 87). По данным 1868 г., П. Н. Сухотин был гласным Тульского губернского земского собрания и член Тульской губернской земской управы.

[15] *Шумахер* Данила (Даниил) Данилович (1819—1908), действительный статский советник, управляющий Московской сохранной казной и ссудной казной (см. о нем примеч. 13 к письму 16: наст. публ. Ч. 1. С. 164). Его жена Юлия Богданов-

на (урожд. Мюльгаузен; р. 1827) — давняя знакомая Боткиных, приятельница М. П. Фет. Последняя писала В. П. Боткину 2 июля 1867 г.: «Шумахеры все, т. е. Данила, Юлия и дети уехали за границу, Юлия лечиться, а Данила на выставку, уехали на три месяца <...>» (*РГБ*. Ф. 258. К. 1. № 68. Л. 35—35 об.). Борисов познакомился с Шумахерами в 1860 г. и был с ними в добрых отношениях.

89
Борисовы — Фетам

8, 11 октября 1867 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Пети Борисова:

Москва. 8-го октября 1867 г.

Милая Тетя! обнимаю и целую тебя. Мое дело насчет школы идет хорошо, на цензурке[1] я получил 5–, это значит 4+, но и это впрочем довольно, а после будет еще лучше. Как-то поживаешь в деревне и какая у вас погода в деревне? У нас в Москве прегадкая, всё туман и холодно, что и носу показать на у<лицу> нельзя. Я немного заболел, но теперь выздоравливаю благодаря господину Юргенсу, доктору нашему. Завтра я уже могу начать снова ученье. Ожидаю тебя и Дядю. Теперь папа в Москве, и я пишу тебе не из школы, а из Кокоревской гостиницы. Надеюсь, что в первых числах ноября мы увидимся.[2] Будь так добра, передай Дяде Афоне мой поцелуй вместе с пакетом, который заложен в твоем письме.

Ожидаю тебя в первых числах ноября. А до тех пор прощай. Еще раз обнимаю и целую тебя.

Твой племянник
П. Борисов.

Ожидаю от тебя скорого ответа.

Папа хотел писать тебе письмо на другой стороне листа, но по моей просьбе оторвал его.

Рукой И. П. Борисова:

Все это правда, милая Тетя. Там было написано, что Попка обещает уже *не капризничать*, и это слово в письме сильно его коробило. Вот я и здесь, но душа моя в страхе за *Езопку*.[3] Мне здесь оставаться *невозможно*, все будет его беспокоить, а кажется, необходимо праздниками брать, и вся моя надежда на Вас, милая, добрая Марья Петровна. *К другим* у него нет *никакого* желания.

Будьте здоровы, обнимаю Вас душой.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 5. Л. 2—2 об. Текст местами испорчен.

Рукой Пети Борисова:

Москва. 8 октября 1867 года.

Ну, милый голубчик Дядя,

Вот и я тебе несколько строчек написал, скоро же ты получишь письмо побольше. Тебе, верно, интересно узнать, как идет моё lernen,[а] оно идет очень хорошо. Die Schule gefällt mir sehr und das lernen[б] geht eben so. Herr Direcktor[4] kam vor einigen Tagen in Moskau an, er ist ein sehr guter Mann und ich liebe ihn sehr, Herr Direcktor sagte auch, daß ich zu Wei<h>nachten nach der <*нрзб.*> versetzt werde, auf meinem Wochen-Zeugnisse bekam ich 5–, das heißt 4+. Aber das ist auch genug, später wird es besser sein. Wie geht's dir, lieber Onkel, und was für ein Wetter ist bei euch auf dem Lande?

Doch auf Wiedersehen, wir sehen uns sehr bald wieder. Dein Neffe P. Bor.[в]

Прощай, милый Дядя, до скорого свидания.

Обнимаю и целую тебя.

Твой П. Борисов.

Рукой И. П. Борисова:

11-го окт.

Хотя это письмо и не назначалось к отправке, друг мой Афоня, за его *нечистописание*, но посылаю его, чтобы ты видел, что ты у нас в памяти.

Вчера в 5 часов вечер<а> свез опять в школу и должен тебе сказать, что, вопреки ожидания, с самой минуты нашего входа полились слезы, слезы и рыдания, а обещаний и уверений, что этого уже никогда не будет, было много. Просто душу разрывает. Если бы только мог, я бы

[а] ученье (*нем.*).

[б] *Так в подлиннике.*

[в] Школа мне очень нравится и ученье тоже. Несколько дней назад господин директор приехал в Москву, он очень хороший человек и я его очень люблю, господин директор сказал также, что на Рождество меня переведут в <?>, в табеле за неделю получил я 5—, то есть 4+. Но этого тоже достаточно, дальше будет лучше. Как ты поживаешь, милый дядя, и что у вас за погода в деревне?

Ну, до свидания, совсем скоро снова увидимся. Твой племянник П. Бор. (*нем.*; *перевод В. А. Лукиной*).

у тебя отнял теперь же Тетю, умолил бы ее, чтобы пожила в Москве, а сам бы хоть в звенящую даль.[5] — Просто беда.

Из школы заехал к П<етру> П<етровичу> и всех застал еще за обедом. Дети выросли великанами,[6] Надежда Кондр<атьевна> поисправилась, все вам кланяются.

Вчера поздно от Генерала,[7] который этим временем успел возвратиться и теперь горюет, что все дети уезжают с женой в Гейдельберг.

Допив чай, пускаюсь в Опекунский сов<ет>, в Калачева[8] и пр., пр., пр.

Обнимаю тебя, старый Шопенгауэр.[9]

Твой неизменный
И. Борисов.

На обороте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Фету.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 1—2 об.

[1] *Цензурка* — табель с отметками.

[2] Феты думали быть в Москве в первых числах ноября. Однако прошел слух о скором открытии мирового суда, и Фет, избранный мировым судьей в июне 1867 г. (см. примеч. 3 к письму 91), не решился отъехать далеко от дома. Слух оказался ложным, и около 22 ноября Феты все же отправились в Москву.

[3] Шутливое прозвище Пети Борисова. *Эзоп* — древнегреческий баснописец, живший в VI в. до н. э.; считается основоположником жанра басни. Образец литературного творчества Пети Борисова сохранился среди его ранних писем, адресованных Фету: «Один раз Кошка встретила в лесу Тигра. О, ты бедный зверек, — сказал ей Тигр. — Везде, где только завели мышеловки, прогоняют тебя [почти всегда] прочь. А иногда не дают тебе ничего поесть. / Господин Тигр, — возразила Кошка, — но вы сами должны ходить в стада, чтобы принести быка или овцу, то должны всегда бояться, что вас застрелят или собаками затравят. А тебя, — <возра>зил Тигр. Меня, — сказала Кошка, — держат в домах, в которых еще не завели мыше<ловки>. И даже иногда кормят меня молоком. Это значит, господин Тигр, что я лучше живу, чем вы. / Рассказ П. Борисова» (*РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 6. Л. 14—14 об.).

[4] Имеется в виду Р. В. Леш (см. примеч. 5 к письму 88).

[5] Из стихотворения Фета «Певице» («Уноси мое сердце в звенящую даль...»).

[6] У П. П. Боткина и его жены Надежды Кондратьевны было три дочери: Анна (р. 1854), Надежда (р. 1855) и Вера.

[7] Генерал — прозвище С. М. Сухотина, с которым Борисов был дружен.

[8] См. примеч. 9 к письму 88.

[9] С середины 1860-х гг. Фет увлекался философией А. Шопенгауэра. Впоследствии он перевел несколько его трудов, в том числе главный — «Мир как воля и представление».

90

Борисовы — Фетам

15—16 октября 1867 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Пети Борисова:

Moskau, den 15. October 1867.

Lieber Onkel!

Wie geht's dir und der Tante? Mir geht's, Gott sei dank, ganz gut. Ich hoffe daß du und die Tante, beide gesund sind. Ich erwarte dich in den le<t>zten Tagen October's und die Tante auch.[1] Auf meiner Wochen-Censur bekam ich 4+, das heißt beinah sehr gut. Auf meiner vorigen Wochen-Censur hatte ich 5–, das bedeutet dasselbe. Adieu.

Dein Neffe
P. Borisow.

С немецкого (перевод В. А. Лукиной):

Москва, 15-го октября 1867.

Милый дядя!

Как поживаешь ты и тетя? У меня, слава Богу, все хорошо. Надеюсь, что ты и тетя оба здоровы. Ожидаю тебя в последних числах октября и тетю тоже. В своем табеле за неделю получил я 4+, что значит почти «очень хорошо». В прошлом табеле за неделю было у меня 5–, это значит то же самое. Прощай.

Твой племянник
П. Борисов.

15 октября. Москва 1867 г.

Милая Тетя!

Со дня на день ожидаю тебя в Москву и Дядю тоже. Как-то вы поживаете в Степановке? Вчера я познакомился с Ю. Б. Шумахер[2] и ее сыном С. Шумахер.[3] Не знаю, когда я увижу тебя, но надеюсь, что скоро. Обнимаю и целую тебя, и Дядю тоже.

Твой П. Борисов.

Рукой И. П. Борисова:

Петей я вполне доволен за эту неделю, в школе отметки были отличные. Вчера Д<анила> Данилов<вич> позволил Саше к нам, потом мы в Зоологический с<ад> и оттуда к ним, а к вечеру назад.

Юл<ия> Богдан<овна> так приняла ласково Попку, что он сделал замечание, что никого не знает, кто бы так ему напоминал Тетю, как она. Погода здесь *адская*.

Обнимаю вас обоих. Поклонитесь Алекс<андру> Никит<ичу> и скажите, что третьего дни по его прошению получено в Сохр<анной> казне *разрешение*, т. <е.> отсрочка, кажется, до *мая*.[4]

К *Каткову* уже дважды напрасно стучался, а чрез секретаря твоего поручения не передал,[5] *опасаясь* всяких *обид*. И. Б.

Попробую в третий завтра.

16 окт. Вчера вечером были с Петей у Д. П. Бот<кина> и там видел Анну Петр<овну>, Ивана Петр<овича> и только что приехавшего Николая Петр<овича>,[6] все вам кланяются и все ожидают в Москву. В среду Люб<овь> Афан<асьевна>[7] сбиралась оставить Москву. И. Бор.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20273. Л. 3—3 об.

[1] См. примеч. 2 к письму 89.

[2] О супругах Д. Д. и Ю. Б. Шумахер см. примеч. 15 к письму 88.

[3] Имеется в виду Александр Данилович *Шумахер* (1855—1917), в будущем общественный и государственный деятель, член III Государственной думы от Рязанской губернии, член Государственного совета по выборам.

[4] Видимо, зять Фета, А. Н. Шеншин, взял ссуду в Московской сохранной казне под залог имения и должен был внести ежегодный платеж. По его прошению ему предоставили отсрочку.

[5] Возможно, Фет поручил Борисову узнать о судьбе своей «Заметки о выборе мировых судей», посланной в редакцию «Русского вестника» 4 или 5 сентября 1867 г. (см. письмо к В. П. Боткину от 4 сентября 1867 г.: *Фет/Боткин*. С. 502). Статью эту, не принятую Катковым, в январе 1868 г. напечатала «Литературная библиотека».

[6] Речь идет о сестре М. П. Фет А. П. Пикулиной и ее братьях.

[7] Имеется в виду сестра Фета Л. Аф. Шеншина.

91
Борисов — Фетам
27 ноября 1867 г. Из Новоселок в Москву

27 н<оября> 67. Новоселки.

Митрополит...

Как будто ты предчувст<в>овал, что спешил в Москву, вот и газеты в трауре.[1]

Фет с цепью мирового судьи.
Фотография Переса. Орел, начало 1870-х гг. (?)

Как-то вы доехали, друзья милые. Я все рассчитывал, и, по-моему, засветло миновали тульских разбойников.

Все эти дни меня беспокоит одно, что от Пети нет писем. С самого выезда моего, т. е. более месяца, он написал только *одно*. Пожалуйста, Афоня, потолкуй ему, что это *нехороший знак*. Впрочем, теперь надеюсь на Вас, Тетя, *две строчки его* и только, ради Бога, напишите о нем.

Бережецкого[2] я видал и просил уведомить тебя, Афоня, вместо Степановки в Москву, и вчера послал ему готовый конверт и твой адрес, и бумагу вложил, следовательно — это кончено, жди себе... Все наши

власти в Орле — там губернское собрание гласных, а как возвра<тятся>, то и разошлют вам, судьям, повестки,[3] но оказывается, что тебе придется быть во Мценске ранее 10 д<екабря>, что много предстоит предварительных работ, а к *15 д<екабря> чтобы уже в Степановке* мог судить и вопить: сюда, сюда, миленькие...

Тимирязева,[4] говорят, перевезли в Орел, у него тифозная горячка. Жаль, если он капут. Боталин[5] только день пробыл, а то все разъезжает. Но я утешен был проезжающ<ими>: прежде Угримов,[6] потом Павлищев,[7] а сегодня *Дрей*шок.[8] Погода милосердая, тихо и тепло — хожу с гончими и всякий день одного стукаю и домой. Только и тревожит меня Петя, т. е. неизвестность. Но теперь помучаюсь до воскресен<ья>, авось будет от тебя или Тетя черкнет.

Поклонись *всем* вашим.

Милая Марья Петровна, когда поо<т>дохнете и соберетесь с силами и в субботу возьмете Петю, то навестите с ним Оленьку. Привыкла ли она или, верней, *не отвыкла* ли она от школы. — И что Вам скажет о ней Mme Эвениус[9] — теперь она уже могла несколько с ней ознакомиться. — Вы мне напишите, не полагайтесь на Дядю нашего, он на обратном пути все перекувырнет. Целую Ваши ручки вперед за все Ваши хлопоты.

Душевно Вас любящий
И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 131—132 об.

[1] Митрополит московский и коломенский Филарет (Дроздов; 1782—1867) скончался в Москве 19 ноября 1867 г., о чем 21 ноября известили «Московские ведомости» (№ 255. С. 2). Первая полоса газеты вышла в траурной рамке.

[2] Возможно, подразумевается знакомый Фету Гавриил Тихонович *Бережецкий*, бывший до июля 1863 г. становым приставом 2-го стана, а затем перемещенный в 1-й стан. Степановка относилась ко 2-му стану, а Новоселки Борисова — к 1-му.

[3] Должность мирового судьи была введена вследствие проходившей в то время судебной реформы. 25—26 июня 1867 г. прошли заседания Мценского уездного земского собрания, посвященные выборам мировых судей. В первый день собрание рассмотрело, в частности, следующие вопросы: 1) О количестве и величине мировых участков. Постановили: разделить Мценский уезд на 4 мировых участка: три в уезде и один во Мценске, чтобы сельские участки находились в тех же границах, что и участки мировых посредников; 2) О величине оклада мирового судьи. Принято предложение Фета установить трем уездным мировым судьям оклад, определенный «в расписании, приложенном к судебным уставам 20 ноября 1864 г.», т. е. по 1500 рублей в год каждому, а городскому судье, ввиду дороговизны жизни во Мценске — 2000 рублей. Сами выборы участковых, а также почетных мировых судей состоялись на втором заседании, 26 июня. На должность участкового мирового судьи баллотировалось 8 человек. Кроме Фета, получившего 22 голоса «за»

и 11 «против», были избраны: Н. Ф. Кутлер (27 — 6). С. С. Соллогуб (27 — 6) и П. В. Рагозин (22 — 11) (Журналы Мценского уездного земского собрания. Заседания 25—26 июня 1867 г. С. 2, 3, 8).

Согласно высочайше утвержденным 20 ноября 1864 г. судебным уставам, мировыми судьями могли быть только местные жители не моложе 25 лет, с высшим или средним образованием либо имеющие юридический опыт. Они должны были отвечать требованиям имущественного ценза. Размер земли, которым необходимо было владеть для занятия должности мирового судьи, устанавливался отдельно для каждого уезда. Минимальный размер составлял 400 десятин, что ровно в два раза превышало требование к размеру земельного участка для гласных уездных земских собраний. В качестве равноценной замены земельной собственности могло выступать недвижимое имущество, оцениваемое в сельской местности не ниже 15 тысяч рублей. Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями сроком на три года, после чего проводились следующие выборы. Списки избранных мировых судей представлялись на утверждение в Первый департамент Правительствующего Сената. Власть мирового судьи была ограничена пространством мирового участка. К компетенции мировых судей относились гражданские иски на сумму не более 500 рублей, а также мелкие правонарушения, по которым полагались следующие наказания: штраф до 300 рублей, арест до трех месяцев и заключение в тюрьму до одного года. Мировой судья получал за свою деятельность содержание и не мог занимать никакие другие государственные или общественные должности, кроме как почетные в богоугодных и учебных заведениях. Должен был постоянно находиться в своем мировом участке, и его камера должна была быть открыта во все присутственные дни, за исключением дней пребывания судьи на съезде мировых судей. В его обязанности входило принимать жалобы, прошения, сообщения (письменные и устные) везде и в любое время. Он должен был содействовать мирному разрешению дела там, где это допускалось законом. Разбирательство дела велось устно, как правило, публично и по возможности должно было заканчиваться в первом заседании. В ходе судебного разбирательства мировой судья, по существу, выступал как следователь (по делам, которые не заканчивались примирением сторон, собирал доказательства, производил обыск), судья и обвинитель. Вопрос о виновности или невиновности обвиняемого мировой судья решал по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом. Мировой судья, подобно чинам V класса, титуловался «ваше высокородие».

[4] Речь идет о мировом посреднике А. А. Тимирязеве (см. примеч. 2 к письму 81).

[5] Мировым судьям, кроме содержания, полагались определенные суммы на наем письмоводителя и рассыльного. В первый год службы Фета его письмоводителем был Евгений (?) *Баталин*, которого не позднее октября 1869 г. сменил Александр Квинтиллианович Бологов (р. 1843).

[6] Возможно, имеется в виду Алексей Александрович *Угримов* (Угрюмов), избранный одновременно с Фетом в июне 1867 г. почетным мировым судьей. Его отец, коллежский секретарь Александр Иванович Угримов, был помещиком сельца Васильевского Долговской волости Мценского уезда.

[7] *Павлищев* Николай Павлович, сын генерал-лейтенанта Павла Ивановича Павлищева (1795—1863) и его жены Анны Федоровны (урожд. Афросимова; 1813—1899). Штабс-капитан в отставке, помещик деревни Слободки, Алешня тож, Мценского уезда. В июне 1867 г. был избран почетным мировым судьей. Представ-

ляют интерес родственные связи Н. П. Павлищева: его дядя Николай Иванович Павлищев был женат на сестре Пушкина Ольге Сергеевне. По материнской линии Н. П. Павлищев приходился племянником соседу Фета по Степановке Александру Федоровичу Офросимову и его брату Илье Федоровичу, с которыми поэт был близко знаком.

[8] Имеется в виду Константин Иванович *Дрейлинг*, сосед Борисова (см. примеч. 7 к письму 52: наст. публ. Ч. 2. С. 270).

[9] Об обучении О. В. Шеншиной в пансионе Эвениус см. примеч. 11 к письму 88.

92
Борисов — Фетам
30 ноября 1867 г. Из Новоселок в Москву

30 нояб. 67. *Новоселки.*

Получил, друг мой, твою весть,[1] и спасиб тебе миллионы за Попку, разумеется, за Тетю, разумеется, но об этом бы успел и после, а теперь кубарем пишу, чтобы захватить еще тебя в Москве. — Дело в том, что узнал от Ник<олая> Вас<ильевича>,[2] только что возвратившегося из Мценска, что Бережецкий и Соллогуб[3] уже успели к тебе написать вызов. Хотя *сами достоверно еще не знают*. Зная тебя, уверен, что ты начнешь быстрейшим образом лететь...

Но обсуди похладнокровнее, и если тебе *нужно* и даже если малейшее нужно, то не спеша двигайся. Дело в том, что я узнал, что и Влад<имира> Алекс<андровича>[4] еще нет из Орла. — Следоват<ельно>, *наверно* не могли и знать когда, а так, Соллогубу *кажется*, вот тебя и выписывают. Если к 8-му приедешь, то и то времени достанет на все.

От Л<ьва> Ник<олаевича> Толст<ого> сегодня получил о<твет>. Жалеет, что ты не заехал,[5] и теперь он дома. Все уже у них здоровы.

Милая Марья Петровна, благодарю Вас за Попочку. Пусть он лучше посидит в школе, чем с кашлем его таскать, и это ему вдвое будет полезней, а то Дядя пишет, что от Леша[6] узнал нехороший отзыв о его характере, именно что он *упрям*, с этим надо воевать осторожно, а то ему много горя, на всю жизнь. Вы скажите Пете, что тогда только будете его навещать, когда он будет добрым и *послушным*, а то совсем его забудете. Целую Ваши ручки, дай Бог Вам здоровья и повеселиться. От Ив<ана> Сергееви<ча> поклоны Вам и Фету *дружеский*. Сегодня я *сподобился* разом получить три письма: от Вашего мужа, от Тургенева[7] и Л<ьва> Никол<аевича>. — Этого никогда не случалось, чтобы так они все съехались письмами. — Тургенев повредил ногу на охоте

и слег в постель. В апреле привезет «*рукопись своих литературных воспоминаний*». Это будет предисл<овием> к новому изданию сочинений его.[8]

Я было немножко прихворнул, но уже справился.

Поклонитесь всем Вашим добрым родным. — И Юлии Богдановне, и Данилу Данилови<чу>[9] при свидании не забудьте за меня — усерднейший.

Иван Сергеевич пишет, что послал уже Пете *стишное* письмо,[10] отберите у него, а то он затеряет.

Авось мое письмо еще застанет Афоню. Душой Вам преда<нный>

И. Борисов.

Владимиру Яковлевичу Визару[11] усерднейший поклон, как он мне помог в Москве — это уж ради Вас, Тетя.[a]

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 77. Л. 3—4 об.

[1] Письмо Фета, на которое отвечает Борисов, неизвестно.

[2] Имеется в виду Н. В. Калачов (см. примеч. 9 к письму 88).

[3] О Бережецком см. примеч. 2 к письму 91. *Соллогуб* Степан Степанович, уездный исправник (по данным 1864 г.), участковый мировой судья г. Мценска (1867—1870). Был женат на Мариамне Владимировне *Шеншиной*, дочери мценского уездного предводителя дворянства В. А. Шеншина.

[4] Имеется в виду предводитель дворянства Мценского уезда В. А. Шеншин.

[5] Л. Н. Толстой писал из Ясной Поляны, что весь погружен в работу (над романом), которая не дает ему ни минуты отдыха, обещал «при первом выходе» выслать Борисову «Войну и мир» и сообщил, что Фет к нему не заехал. Дата (очевидно, получения письма) проставлена рукой Борисова: «30 но<ября> 67». Авторская дата отсутствует (*Толстой*. Т. 61. С. 185).

[6] Директор Петропавловского училища. См. примеч. 5 к письму 88.

[7] Имеется в виду письмо к Борисову от 18 ноября 1867 г., где И. С. Тургенев среди прочего писал: «Что делает добродетельный, но строгий муж Аф. Аф. Фет? <...> Хотел он мне выслать какую-то свою педагогическую статью, но, вероятно, рассердившись на меня за мои отзывы об его последних стихотворениях — раздумал. Напрасно. Стихов я ему более не советую писать — но в статьях его, даже там, где он (между нами будь сказано) чушь городит, попадаются всегда прелестные вещи. Поклонитесь ему от меня дружески» (*Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 67).

[8] «В апреле месяце, — писал в приведенном выше письме Тургенев, — я должен вручить книгопродавцу Салаеву рукопись моих „Литературных воспоминаний“ в течение 25 лет сочинительской деятельности. Эти „Воспоминания“ будут служить предисловием к новому изданию» (*Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 67). Первая часть «Сочинений И. С. Тургенева», которую предваряли «Литературные воспоминания», вышла в конце ноября 1869 г. Кроме ранее напечатанных очерков,

[a] *Вписано на левом поле 1-й страницы письма.*

в «Воспоминания» впервые вошли «Вместо вступления», «Гоголь», «По поводу „Отцов и детей“» (см.: Там же. С. 309, примеч. 7 к письму 2102).

[9] Речь идет о супругах Д. Д. и Ю. Б. Шумахер.

[10] В том же письме от 18 ноября 1867 г. Тургенев обещал «сегодня же» написать Пете Борисову — «и разумеется в стихах» (*Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 67). Выполнил ли он свое обещание — неизвестно.

[11] *Визар* (Визард) Владимир Яковлевич, старший сын Я. И. Визара (1796—1854); чиновник Опекунского совета, по данным на 1869 г., — директор Сохранной казны. По свидетельству знаменитого физиолога И. М. Сеченова, был давним знакомым Боткиных и другом семьи Шумахер: «...уместно будет упомянуть о моем знакомстве с домом Данилы Даниловича Шумахера, в который ввел меня, кажется, в 1853 г. Владимир Яковлевич Визар. Данила Данилович служил тогда в опекунском совете более крупным чиновником, чем В. Визар, и они были большими друзьями. Семью Шумахера составляли тогда двое — он сам и его жена Юлия Богдановна, родная сестра жены Грановского. По пятницам у них собирались постоянно: Владимир Визар, Александр Николаевич Афанасьев, студент Сергей Петрович Боткин и я. Здесь-то и началось мое знакомство с последним, перешедшее в дружбу уже во время нашего пребывания за границей. За чаем и ужином вечера проходили очень живо. Здесь сохранилось предание о станкевичевском кружке; много говорилось об оставшихся членах оного, чудаке Кетчере и старшем брате Сергея Петровича, Василии Петровиче Боткине <...>, о его причудах и роли в боткинской семье <...>» (*Сеченов И. М.* Автобиографические записки. 4-е изд. / Под ред. Н. М. Артемьева. Нижний Новгород, 1998. С. 73). Дом Я. И. Визарда в начале 1850-х гг. часто посещал А. А. Григорьев, влюбленный в его старшую дочь Леониду.

93
Борисов и Фет — М. П. Фет
4 декабря 1867 г. Из Новоселок в Москву

Рукой И. П. Борисова:

4 дек. 67. *Новоселки.*

Милая Марья Петровна.

Вчера Дядя благополучно прибыл, а сию минуту едет в Мценск — узнать, что там. Мы здоровы, чтобы и Вы-то тоже. Поцелуйте Попочку за меня. Минутки нет более, целую Ваши ручки. Писать буду опять скоро-скоро. Но и Вы не оставляйте меня Вашей милостию.

И. Борисов.

Рукой Фета:

Как-то ты поживаешь, милая Маша! Я добрался вчера к обеду в Новоселки и заезжал часа на 3 к Толстому.[1] Его дамы были в Москве. Сию минуту еду во Мценск. Как только узнаю что положительное — напи-

шу на днях. Добрейшему Дмитрию Петровичу и Софье Сергеевне[2] мой усерднейший поклон и скажи, что гораздо лучше скучать в теплой зале и есть хороший пирог ко щам с головизной, чем сегодня тащиться по метели во Мценск. Целую тебя и желаю как можно приятней проводить время. Как-то Петя провел у тебя день.

Твой А. Фет.

4 декабря.
Новос<елки>.

На конверте (*рукой Борисова*): *В Москву*, у Покровских Ворот.
В дом *Боткина*.
Ее Высокородию
Марье Петровне Фет.

Почтовые штемпели: 1) Мценск, 4 дек<абря>; 2) Моск<овское> центральное отделение, 1867 г., декаб<ря> 7.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20308. Л. 5—6; конверт — л. 7.

[1] Этот факт в «Летописи жизни и творчества Льва Николаевича Толстого», составленной Н. Н. Гусевым, не зафиксирован.
[2] Имеются в виду Д. П. и С. С. Боткины.

94
Фет и Борисов — М. П. Фет
7—8 декабря 1867 г. Из Новоселок в Москву

Рукой Фета:

Декабря 7.
Новоселки.

Сейчас получил твое и Петино письмо,[1] милая моя Маша! и пишу тебе только, чтобы доказать, что я не ленюсь, когда есть оказия. Сегодня флюсы мои лучше, хотя еще не совсем прошли. Я уже писал тебе, что суд откроется 10 декабря,[2] итак, до 13-го ты слепо можешь писать ко мне в Новоселки и даже после хотя до 15, потому что, пока[а] я устрою у себя сообщение с Орлом, Иван Петрович сбирается навестить меня и скорее доставит[б] мне письмо твое. Но об этом я все-таки напишу тебе

[а] *Далее зачеркнуто*: Иван Петр<ович>
[б] *Далее зачеркнуто*: ему

подробно, когда сам узнаю, в чем дело. От времени до времени ты все-таки пиши Ив<ану> Петровичу о Пете.

Я здесь все эти дни отдыхаю с наслаждением, и так это костям хорошо после морозов и проч. Кланяйся милым хозяевам и всем нашим, а главное будь здорова сама. Целую твои лапки и желаю всего лучшего.

Твой А. Фет.

Если ты, мой дружок, еще не покупала рамки на портрет Государя,[3] то, я думаю, лучше купи один портрет и прикажи его навернуть на палку, а рамку я дома сделаю очень дешево. Один портрет стоит 5 рублей.[4] Я уже просил Дмитрия Петровича[5] уплачивать по счетам моим, н<а>пр<имер> *Пукиреву* переплетчику. А пока никаких других счетов нет. Целую тебя еще раз. Будь здорова и весела.

8 декабря. Послезавтра еду из Новоселок на съезд. Хоть раз возьми Володю.[6]

Рукой И. П. Борисова:

7 дек. 67. *Новоселки.*

Милая, добрая Марья Петровна, просто хотелось бы, невзирая на мороз и глубочайший снег, без шапки бежать к Вам и расцеловать Ваши ручки за Ваше письмо,[7] в нем отразилась вся Ваша любовь к Попке и та нежная заботливость, которую я давно уже знаю как неразлучную Вашу спутницу в жизни. Нечего мне высказывать Вам много благодарности, а хотел бы только уверить Вас, милая Тетя, что я с тысячу крат спокоен за Попку, когда он с Вами, чем со мной или кем бы то ни было. Только <бы> Бог дал, чтобы Вы-то были здоровы, а не так вот, как мы теперь с Афоней — никуда <не> годные.[8] Вы прочли мое письмо, которым я по предчувствию спешил его остановить в Москве. Так и вышло, и Соллогуб и Бережецкий[9] скоты, не зная наверное, вызывали его к 4-му, а теперь оказалось, что только 10-го ему нужно во Мценск, и слава Богу за то. Он успеет отдохнуть и повыздороветь, не выезжая и не выходя на холод. И пока неутомимый муж Ваш взялся за переплетные снаряды, наладил их, и уже одна книга переплетена и окончательно засажена в пресс, сохнет. — Как я ни зол на Соллогуба, а все-таки и спасибо ему. Мы хотя немножко пооправились да огляделись, а между тем не горюем. Никто нас тут не тревожит, и я надеюсь, что скоро будем молодцами. Вероятно, Дядя не прежде 12 отделается из Мценска и уедет в Степановку с Баталиным,[10] я же поеду после, покончив с опекой так, чтобы Рождество проводить с ним. — А там к Съезду

судей[11] мы опять в Новоселки. Я Вам напишу, когда у них будут назначены съезды, тогда Вы и адресуйте во Мценск и ему. — Попка мне написал *длинное* чудное письмо,[12] но мне жаль отнимать у него время от игры — это ему здоровее и приятней, а Ваше словечко об нем вполне меня успокоит. Не балуйте его, Тетя, лакомст<вами>, это только отучает от пищи. Фланелевые рубашки у него есть, Тетя, и из фланельки на живот, все это у Кроппера. Крепко дружески целую Ваши ручки.

Ваш И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 27. Л. 26—27 об.

[1] Оба письма неизвестны.

[2] В письме к жене от 5 декабря 1867 г. Фет сообщил, что 10 декабря в Мценске откроется «съезд», имея в виду съезд мировых судей Мценского мирового округа (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 27. Л. 24). Это было предварительное заседание; в дальнейшем такие съезды проходили, как правило, 12 числа каждого месяца.

Съезд мировых судей (уездный съезд мировых судей, мировой съезд) — апелляционная (вторая) инстанция системы местных судебных органов. Состоял из всех участковых и почетных мировых судей уезда. Выполнял две функции: судебное разбирательство и судебное управление мировым округом. В съезде разбирались жалобы населения на деятельность мировых судей (нарушение закона, неправильное толкование закона при определении преступного действия и рода наказания, выход за пределы компетенции). Съезд мог либо отменить своим приговором приговор мирового судьи, либо утвердить его. Приговоры съезда считались окончательными.

[3] Портрет императора Александра II Фет повесил в своей судейской камере.

[4] Здесь и далее символ рубля , который часто встречается в письмах Фета, передается общепринятым «рубли». См. подробнее примеч. 1 к письму 10 в нашей публикации «Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года)» в наст. томе.

[5] Имеется в виду Д. П. Боткин.

[6] Речь идет о племяннике Фета В. А. Шеншине, который, как и Петя Борисов, воспитывался в Петропавловском училище.

[7] Письма М. П. Фет к Борисову неизвестны.

[8] В письме от 5 декабря 1867 г. Фет жаловался жене: «...на обратном пути (из Мценска. — *И. К.*) я опять настудил щеку, и теперь у меня снова флюсы, и точно по сочувствию разболелся висок и у Ивана Петровича так, что мы сидим калеки <...>» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 27. Л. 24).

[9] См. примеч. 3 к письму 92.

[10] Баталин — письмоводитель Фета.

[11] Т. е. к 12 января 1868 г.

[12] Это письмо неизвестно.

95

Борисов и Фет — М. П. Фет

11 декабря 1867 г. Из Новоселок в Москву

Рукой Фета:

11 декабря.

Наконец-то, милая Маша! Кончились все наши предварительные кувырканья,[1] и завтра утром оставляем с письмоводителем гостеприимный кров Ива<на> Петровича и едем в свое гнездо, о котором я до сих пор ничего не знаю. Насчет нашей переписки будь покойна. Теперь ты будешь часто получать от меня письма, так как не будет надобности ждать оказий в Орел. А письма ко мне адресуй следующим образом: *Через г. Орел на станцию Алисово*[2] А. А. Фету.

Теперь, когда все формальности соблюдены, остается только заняться делом. Из дому буду тебе писать. Дмитрию Петровичу и Софье Сергеевне[3] передай мой поклон, равно и всем нашим. Целую тебя заочно и желаю быть здоровой и покойной. Петю и Володю[4] целую. Билет тебе уже взят,[5] но до посылки за тобой еще долгая песня, и потому успеем написать об этом предмете.

Твой А. Фет.

Рукой И. П. Борисова:

Милая Марья Петровна, получил Вашу весточку[6] и не сумею вполне выразить, насколько Вы меня успокоили. Экой Попка! то кашляет, то животик. Просто беда. Воображаю, какое и Вам-то беспокойство.

Об Афоне могу Вам сказать только одно, что, слава Богу, он здоров и удивительное дело! Как будто его вылечила поездка в метель, в холод во Мценск. Теперь уже все уложено в чемоданы, он расхаживает по зале в своем халате и толкует с Баталиным[7] о будущих судах. Завтра после кофе в родимую Вашу Степановку... Я Вам писал уже мои проекты на праздники к нему, но Вы не говорите Попке заранее, что я к вам не явлюсь. Теперь — просто *невозможно*. У меня теперь, кроме делов дома, надо подать отчеты в Опеку и разные просьбы к мир<овым> судьям. Потом буду ждать Петрушу,[8] от которого сегодня получил письмо с обещанием непременно приехать в нашу сторону. Только бы Бог дал, чтобы Вы были здоровы, да Попочка не хворал. — Тогда я вполне спокоен, а Вы об Афоне не тревожьтесь теперь. Вы сами знаете, что ему главное, чтобы было занятие, а теперь его столько, что и станком некогда поработать.

Попка мне писал, что Вы уже были у Оленьки, ну что, Тетя, как Вы нашли Оленьку? Познакомились ли с М<me> Эвениус.[9] И какое на Вас сделала вообще впечатление эта школа?

Прошу за меня всем-всем поклониться Вашим добрым родным, начиная с милых Ваших хозяев. Приближение праздников, верно, уже успело зашевелить более обыкновенного всех москвичей. Это заметно по прибавке *Объявлений* «Моск<овских> вед<омостей>». — Целую Ваши ручки и буду опять к Вам скоро писать о наших краях.

Ваш И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 27. Л. 28—29 об.

[1] Предварительный съезд мировых судей Мценского уезда состоялся 10 декабря 1867 г.

[2] Имеется в виду конная почтовая станция Алисово Ливенского тракта, соединявшего Орел и Ливны. Алисово располагалось верстах в семи от Степановки, на берегу реки Неручь (*ОГ*. С. 169. № 3508). В начале 1869 г., в связи с вводом в эксплуатацию Московско-Курской железной дороги, Алисовская станция была закрыта (см. письмо Фета к жене от 12 января 1869 г.: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 24. Л. 26; см. также «Заявление» Фета: *МВед*. 1869. 16 мая. № 105. С. 3). В 1869—1870 гг. корреспонденция Фета шла через железнодорожную станцию Змиевка (Змеевка), находившуюся в 12 верстах от Степановки (*МВ*. Ч. 2. С. 150), а с 1871 г. — через Еропкино. «Мой постоянный адрес: на Московско-Курской железной дороге на полустанцию Еропкино», — писал Фет Л. Н. Толстому 15 июня 1871 г. (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 411).

[3] Имеются в виду Д. П. и С. С. Боткины.

[4] Племянник Фета В. А. Шеншин (см. примеч. 5 к письму 95).

[5] 14 декабря 1867 г. Фет писал жене: «Билет я тебе выправил собственный твой. Теперь можешь с ним ездить по всей России» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 24. Л. 15 об.). Видимо, речь идет о паспорте для М. П. Фет. Обычно у замужних женщин не было паспортов, они вписывались в паспорт мужа.

[6] Письма М. П. Фет к Борисову не сохранились.

[7] Письмоводитель Фета.

[8] Подразумевается брат Фета П. Аф. Шеншин.

[9] Директриса пансиона, где воспитывалась Ольга Шеншина (см. примеч. 11 к письму 88).

96
Борисов — М. П. Фет
22 декабря 1867 г. Из Новоселок в Москву

22 дек. 67. *Новоселки.*

Только что возвратился из города и там, на почте, уже чел милые Ваши строки, милая, добрая Тетя. Радость моя неизмеримая и благодар<ности> беспредельные за все и все. — Экое горе: «Чернила у Поп-

22. Дек. /67. Новоселки.

Только что возвратился из города
и тотчас на почте уже чёл милыя
Ваши строки милой доброй Тети.
Радость моя неизмеримая и благодар.
беспредельныя завещавшей — Экое
Горе: „Чернила, у Попки, так жидки
были что письмо его не дотащилось!
Ну теперь с [illegible] дело, я
уже разочарован что достало
силы у него такими чернилами
хоть страничку до папаши — видно
что трудно было ему Тетичь.
С Вашим письмом получил и
П. П. Новосильцова [illegible]
о Попке и находит что действительно
Попка у Вас лучше. Милая Тетя
Только не балуйте голубочка в том
что ему 9 л.: главное чтобы был
послушен и уже если что прекословит
то слепое повиновение. не рассуждать
ни, боже избавь, капризов. А что
и нам с Вами будет плохо от дяди
Афони — Он придет к такому

Письмо И. П. Борисова к М. П. Фет от 22 декабря 1867 г.
Первая страница

ки так жидки были, что письмо его не дописалось»![1] Ну, что ж с этим делать, я уже рад-радехонек, что достало сил у него такими чернилами хоть страничку допахать. — Видно, что трудно было ему, Тетя.

С Вашим письмом получил и П. П. Новосильцова,[2] и он дал весть о Попке и находит, что действитель<но> Попке у Вас лучше. Милая Тетя, только не балуйте, голубочка, вспомните, что ему 9 л<ет>: главное, чтобы был послушен, и уже если что прикажете, то слепое повиновение, ни рассудительс<тва>, ни, Боже избавь, капризов. А то и нам с Вами будет плохо от Дяди Афони. — Он присудит к такому, что всем будет стыдно.

Вы, пожалуйста, секунды не помышляйте, что Афоня может теперь скучать. — Некогда ему — в свободное от суда время изучает законы и *вслух* рассудительствует, вообще на первое время, пока оглядится и свыкнется, то работа ему есть, а Вы уже его знаете, что ему *главная смерть*, когда нечего делать. — По вечерам будет литературить. У него есть и по этой части работа. Я было хотел 26 к нему, но подумал, что, пожалуй, вечером застану гостью[3] (как, помните, в прошлый раз), и потому написал ему, что *два* дни праздников пусть жертвует соседям, а уж с 3-го нам. Жаль, Новый год будем встречать без Вас. — Но ни в каком случае *Редерера*[4] не допустим к нам. Я серьезно объяснялся с Вашим мужем по этой статье — ему *яд* всякая капля, и он не ребенок и тоже болеть не любит, а хнычет, как кувака.[5] А отчего он всегда больной в Москве — не может приудержать себя.

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю, главное, *здоровья*. Право, это самое величайшее благо, без него и счастье не действует. Всем добрым Вашим родным, начиная с милейших Ваших хозяев,[6] прошу за меня поклониться. Не переименовываю единственно потому, что составится длинней, чем Августейш<ий> дом.

Вот еще о чем, Тетя, хотел просить Вас. Пожалуйста, в театр Попку не берите. Это удовольствие рисковое. Кроме простуд, дразнит воображение, что *ему* крайне не полезно, а детских спектаклей в нашем театре нет. Глупости же и после успеет.

Теперь заранее вот еще о чем вопрошаю Вас. — Так как Афоня хотел за Вами командировать меня, то — можете ли пробыть в Москве хотя дня *три* поста,[7] чтобы мне успеть *отговеть*. Можно — хорошо, а если нет, то так и уведомьте. Словом, назначьте только *день*, когда решите возвращаться, так я и явлюсь. Из Тулы мы поедем в моей буде,[8] стало быть, бояться морозов, ухабов и разбойников нечего. Жаль, что нет у меня нового календаря, а то бы посмотреть, не придется ли около 12 числа, т. е. когда Афоня неизбежно во *Мценске*,[9] ну да всю эту астрономию мы в Степано<вке> с ним разгадаем вместе и Вам напишем. Снегу столько сыпет, что если еще *один* день такой же, то *проселков* не

существует. Сегодня до Мценска всю дорогу выше колен, и тащились шагом, авось за это уродится пшеница. Целую ручки миллион раз, будьте здоровы, Христос с Вами.

Ваш И. Борисов.

На конверте: *В Москву*. У Покровских ворот,
в дом г. Боткиной.
Ее Высокородию
Марье Петровне
Фет.

Почтовые штемпели: 1) Мценск, 23 дек<абря> 1867; 2) Моск<овское> центральное отделение, 1867 г., декаб<ря> 26.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20308. Л. 8–9; конверт – л. 10.

[1] Это письмо, как и другие письма М. П. Фет к Борисову, неизвестно. Неизвестно и письмо Пети Борисова, о котором идет речь.

[2] П. П. Новосильцов был крестным отцом Пети Борисова (см. о нем примеч. 4 к письму 5: наст. публ. Ч. 1. С. 138; примеч. 8 к письму 44: наст. публ. Ч. 2. С. 251). Письма П. П. Новосильцова к Борисову неизвестны.

[3] Имеется в виду сестра и соседка Фета по Степановке Л. А. Шеншина, с которой Борисов был в напряженных отношениях.

[4] *Редерер* – марка шампанского.

[5] *Кувяка*, куватка (обл. кур.) – младенец.

[6] М. П. Фет гостила у брата Д. П. Боткина на Маросейке.

[7] Великий пост начинался в 1868 г. с 12 февраля.

[8] *Буда* – крытая повозка.

[9] 12 числа каждого месяца в Мценске проходили съезды мировых судей, на которых Фет был обязан присутствовать.

97
Борисов – М. П. Фет
27 декабря 1867 г. Из Степановки в Москву

27 дек. 67. *Степановка*.

Видите ли, Тетя, вот я и у Вас в Вашем теплом гнездышке, отогрелся после сильного промерзия дорогой. – Сегодня было градусов 20, борода и усы так заледенели, что долго надо было их оттаивать. Афоню нашел сбиравшимся хворать, но ничего, к вечеру был уже молодцом. Понемножку толкуем о том и сем, и копаются они там в своих законах судейских, словом, дела у него *довольно*, только не в смысле тургеневском,[1] а достаточно, и на станке поработали.[2] – Толковали

с ним и об Вашем возвращении. Но об этом еще времени впереди много, спишемся с Вами, и как Вы порешите.[3] Володя[4] прибыл благополучно и вчера был здесь, может и я его увижу, верно побывает еще на днях. Я пробуду здесь до 2-го янв<аря> и буду у Вас только отдыхать и наслаждаться полным спокойствием, без забот и печалей — что может быть лучше таких деньков. — Но этого не могло бы быть без полной уверенности, что Попка мой с Вами, и Вам я этим и обязан.

Вот о чем не писал еще Вам, а думал еще в Новоселках об этом. На лето, ради французского языка, т. е. болтовни, да и поглядеть когда за ним, желал бы *заманить* в Новоселки какую-либо *особу* или хоть семейство, немногочисленное только. То не может ли Вам в этом пособить Юлия Богдановна,[5] посоветуйтесь с нею при свидании, возможно это или нет, нет ли в виду такой особы. — Рассчитывайте на то, что в *июне* железная дорога будет уже до нас.[6] Это было бы отлично, если бы удалось.

Я уверен, что благодаря Вам Попка не тужит, что я не попал на праздники в Москву, боюсь только, что в эти две недели он так под Вашим крылышком набалуется, что опять будет в школу сбираться как дикарь какой, и себе, и Вам, и мне наделает и страму и горя. Тогда уже мне не придется к нему приезжать, и на масленицу останусь Вас ждать где-нибудь в Подольске.

Дальнейшее, как проведу у Вас эту недельку, опишу Вам после, а теперь целую Ваши ручки и еще раз желаю на Новый год побольше всего хорошего. Петю целую крепко, не пишу ему, чтобы не обременять на праздники письмом.

Будьте здоровы, *главное*, милая Тетя, и не забывайте.

Ваш
И. Борисов.

На конверте: *В Москву*. У Покровских ворот,
в дом Боткина.
Ее Высокородию
Марье Петровне
Фет.

Почтовые штемпели: 1) Мценск, 4 дек<абря> 1867; 2) Моск<овское> центральное отделение, 1867 г., 4 декаб<ря>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 77. Л. 5–6 об.; конверт — л. без номера.

[1] «Довольно» — автобиографический очерк Тургенева (1864). Свое впечатление от «Довольно» Борисов высказал в письме к писателю от 29 октября 1865 г.:

«Вы как будто хотите так уйти от нас, как я вот из Воздвиженской, когда с оказией в последний раз уходил за Грозненские ворота. <...> без всякой цели впереди <...> просто-напросто пришло Довольно жить» (*Письма Борисова к Тургеневу (3)*. С. 497).

[2] См. примеч. 2 к письму 87.

[3] На следующий день Фет писал жене: «Иван Петрович у меня со вчерашнего дня, и он хочет на первой неделе поста до пятницы говеть в Москве — вот почему я предлагаю тебе пробыть до пятницы первой недели (т. е. до 16 февраля 1868 г. — *И. К.*). <...> Я теперь занят почти с утра до вечера, и у меня будет хоть то утешение, что ты погостишь в Москве по душе, сколько тебе угодно» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 24. Л. 9—9 об.).

[4] Племянник Фета, В. А. Шеншин, приехавший домой на Рождество.

[5] Речь идет о Ю. Б. Шумахер.

[6] Южная (Московско-Курская) железная дорога вводилась в эксплуатацию частями. В 1868 г. были открыты последние два участка дороги: Тула — Орел (с 15 августа), Орел — Курск (с 7 сентября) (*Орл губ вед*. 1868. 17 августа. № 33. С. 332; 7 сентября. № 36. С. 357).

98
Борисов — М. П. Фет
3 января 1868 г. Из Новоселок в Москву

3 янв. 68. *Новоселки*.

Милая, добрейшая Марья Петровна. — Только что возвратился от Афони. Он здоров и так же беспредельно добр в новом году, как в прошлые. Но что же делать, без Вас сбирается каплюжничать[1] в Степановке — и вот получите письмо его — взывающее к Вам призывом.[2] Но в этом Вы виноваты, так уже его приучили, что без Вас жить не может. Дела судейские у него идут так, что, верно, ни один столичный судья не управляется с своими так успешно и безупречно, как он — до 2-го янв<аря> с 15 дек<абря> у него было уже 228 №!!![3] Словом: чудо!

За Попку, милая Тетя, у меня нет слов благодарн<ости>, за письмо Ваше тоже. Я Вам отвечать буду завтра, а теперь только успеваю настрочить эти строки. Дома накопилось множество *мелочных* хлопот хозяйских. Заехал Ив<ан> Алекс<андрович> Розанов[4] — Вам нижайший от него поклон. — Итак, до завтра, а теперь на почту, чтобы скорей получили Афонино письмо,[5] которое отправляю отсюда.

Душой Ваш И. Борисов.

На конверте: В *Москву*. У Покровских ворот,
в дом г. Боткиной.
Ее Высокородию
Марье Петровне
Фет.

Почтовые штемпели: 1) Мценск, 4 янв<аря> 1868; 2) Моск<овское> центральное отделение, 8 <января> 1868 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20308. Л. 11—11 об.; конверт — л. 13.

[1] *Каплюжничать* — сливать в кабаке капли, остатки из выпитой посуды, упиваясь этим; «вообще пить, пьянствовать, жадно искать случая упиться» (*Даль*).

[2] После возвращения в Степановку Фет тосковал без жены, но мирился с ее отсутствием, предлагая ей пожить в Москве «по душе» до середины февраля (см. примеч. 3 к письму 97). «Призыв», о котором пишет Борисов, спровоцировала сама М. П. Фет. «...Вчера накануне Нового года, — писал ей Фет 1 января 1868 г., — я получил твое письмо, в котором ты пишешь, что думаешь тронуться из Москвы 15 января во избежание 26 (26 января Боткины ежегодно давали бал по случаю дня рождения хозяйки дома Софьи Сергеевны. — *И. К.*). Действительно, если 26 непременно связано с необходимостью бальных костюмов, то, по-моему, нет особенной надобности в голодный год убивать деньги на такие вещи — нам, радующимся, что скрипим кое-как. <...> Сию минуту был здесь Александр Никитич (Шеншин. — *И. К.*), и я придумал следующий план. 7 января Володю (сына А. Н. Шеншина. — *И. К.*) отсылают в Москву. А мне за тобой все равно надо посылать возок. То я предлагаю свой возок, который Прокофий (приказчик Шеншиных. — *И. К.*) оставит в Туле и явится к тебе 8 или 9 января. А если 12 ты выедешь из Москвы, то 13 ты проезжай прямо в Новоселки, откуда мы вместе с тобой возвратимся в Степановку» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 24. Л. 19—19 об.).

[3] Согласно высочайшему повелению от 28 октября 1867 г., мировые судьи начали судебные действия с 15 декабря. Накануне, 14 декабря, Фет писал жене: «Завтра будет в 11 часов у нас молебствие в доме для открытия суда. <...> Еще суда гласного у меня не было, а уже дел набралась куча, целых 25 старых передано мне» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 24. Л. 15—15 об.).

[4] *Розанов* Иван Александрович, неустановленное лицо. Наше предположение о том, что это может быть механик Розанов (см. примеч. 10 к письму 38: наст. публ. Ч. 2. С. 236), скорее всего, ошибочно.

[5] Письмо Фета к М. П. Фет от 1 января 1868 г. (см. примеч. 2 к наст. письму).

99
Борисов — М. П. Фет
4, 6 января 1868 г. Из Новоселок в Москву

4 янв. 68. Новоселки.

Вчера писал Вам,[1] милая Марья Петровна, так наскоро, чтобы только сопутствовать письму Афони[2] — и некогда было — почта получена была огромная, тут еще Ив<ан> Алекс<андрович> Розанов с разными бедами. Он не ладит с Шереметевым и, кажется, расстанется с Могилевской губерн<ией>. — Теперь я уже поподробнее дам Вам отчет

о Афоне и Степановке. Здоровье его — лучше не бывает никогда, т. е. хорошо, и все-все идет хорошо, даже Аксенов порадовал, забежав уже заранее о мельнице,[3] так что и эта беспокойная статья уже не так ему страшна. С судейскими делами справляется отлично, и, разумеется, с каждым днем дело это будет для него легче. При мне проверял было кассу, и что-то ру<б>лей 30 оказалось было неведомо откуда в находке, и уже я советовал ему отправить к Вам в подкрепление, но увы: нашел, что это были мнимые найденыши, а Вас-то самих и необходимо, и он уже признался, что прежде еще Вам написал, что очень скучает по вечерам.[4] — Вы, Вы его сами избаловали. Тут он и начал уже строить планы, чтобы как бы Вас поскорей возвратить, а тут за Володю и ухватились.[5]

Дом Ваш так тепел, как ни у кого, а Ваша спальня просто шкаф при плите — невыносимая жара, не понимаю, как Афоня это переносит.

Читал он мне Ваше письмо, и я было припугнулся за Попку и его беспрерывный кашель, но вот полученное здесь меня успокаивает. Что он простуживается в школе, это неудивительно. — Он слишком еще мал, чтобы не выбегать на воздух, разогревшись от беганья, а у них это беспрерывно. — Лишай на бороде его не беда, это от разной дряни сладкой, которою он, вероятно, и бороду мазал, да вообще о *опрятности* у них надзор небольшой, а это бы для детей необходимо. Но что же делать.

Насчет посещений его по воскресени<ям> я Бог знает как благодарю Вас и добрую Екатерину Петровну.[6] — Но я решительно согласен с директором и инспектором, чтобы ему оставаться в школе, пока он совершенно свыкнется со всеми условиями школы. Он слишком еще ребенок, чтобы быть без надзора — а главное, надо не только привыкнуть к новому, но и отвыкнуть от старого баловства, да капризов, да «хочу», и быть кротким и послушным, как все *хорошие* дети. — На Масленицу я надеюсь, что приеду к нему, и мне желалось бы вместе с ним отговеть на 1-й неделе. Но это если будет возможно. Нет, Тетечка, Вы и ему не указывайте на эту возможность без Вас отправляться куда бы ни было. — Во всех отношениях ему полезней оставаться в школе.

Из Афонина Вы уже узнали о меньщиковских переменах насчет мебели.[7] — Но ведь и это не послужит на будущее время уроком Афоне. Он не может раз навсегда отделаться от подобных поручителей. Что делать. А если бы Вы видели, как это его мучило.

Но вот и мне подобное предстоит. Как бы Вы думали, куда предстоит мне путешествие? — В *Катушищи*![8] Ив<ан> Серге<евич> просит покончить с дядей и 16 500 р. высылает для этого мира.[9] Не знаю, удастся ли.

М. П. Фет.
Портрет работы М. П. Боткина (?). Начало 1870-х гг.

Целую Ваши ручки, крепко благодарю за все, Тетя. Прошу поклониться за меня всем Вашим родным. Теперь скоро буду уже поджидать и Вас в Новоселки.

Ваш И. Борисов.

А что, понравилась ли Вам Меропа.[10]

6 янв. *Двое* суток такая дует метель, что не решился посылать в город. Ветер теплый, авось заровняет ухабы.[a]

---

[a] *Вписано на левом поле последней страницы письма.*

Милая Марья Петровна, привезите Петину *ремарку*, он пишет, что *писал* мне, а я и не получал ее. Об *Оленьке* Mme Эвениус прислала.[11] Она ею довольна.[б]

На конверте: *В Москву.* У Покровских ворот,
в дом г. Боткиной.
Ее Высокородию
Марье Петровне
Фет.

Почтовый штемпель: Моск<овское> центральное отделение, 10 январ<я> 1868.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20308. Л. 14—15 об.; конверт — л. 16.

[1] См. письмо 98.

[2] Имеется в виду письмо Фета от 1 января 1868 г. (см. примеч. 2 к письму 98).

[3] *Аксенов* Николай Иванович, представитель многочисленного и богатого купеческого рода, процветавшего в Орловской губернии вплоть до революции. Вместе с братом Яковом арендовал принадлежавшую Фету мельницу на реке Тим. Имение при деревне Слободке Ливенского уезда, состоявшее из 120 десятин земли и водяной крупчатой мельницы, досталось Фету в 1863 г. от брата П. А. Шеншина. Владение мельницей приносило доход в виде арендной платы (от 1700 до 2000 рублей в год), однако было сопряжено с немалыми хлопотами. Сначала новому собственнику пришлось вести тяжбу с купцом А. К. Бондаревым, завершившуюся в ноябре 1864 г. выгодным для Фета миром. Год спустя разразился конфликт с арендаторами, улаженный с помощью мирового посредника Ливенского уезда Сергея Семеновича Клушина (см.: *Фет/Боткин*. С. 418—419). Позднее, в письме к В. П. Боткину от 20 августа 1866 г., Фет резко отозвался об Аксеновых, оказавшихся «страшными алтынниками»: «...я по глупой доверчивости, в период безвыходных хлопот процесса с Бондаревым, подмахнул самый нелепый с ними контракт. Можно себе представить, как легко было мне вывернуться из их лап, чтобы хотя спасти от расхищения то, что время сохранило на мельнице от их башибузукского хозяйничанья» (Там же. С. 457). Между тем выяснилось, что мельница нуждается в дорогостоящем ремонте. 14 декабря 1867 г. Фет писал жене: «Вчера Аксенов привез аренду — и, кажется, его брат хочет снять мельницу на 10 лет с тем, чтобы отстроить ее. Если бы это состоялось, сшил бы тебе сейчас бархатное платье. Эта проклятая мельница у меня хуже камня на душе» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 24. Л. 15 об.—16). Надежды Фета не оправдались. Аксеновы убедили его, что работать на мельнице может только сам владелец, а не арендатор. Дело кончилось продажей тимского имения братьям Аксеновым за 30 000 рублей (по другим данным, за 31 000). Купчая была утверждена елецким старшим нотариусом 10 декабря 1868 г. (С.-Петербургские сенатские объявления. 1869. 10 апреля. № 29. С. 251; *МВ*. Ч. 2. С. 177, 188—190).

[4] Это письмо неизвестно. Ср. с другими письмами Фета данного периода, где прорываются жалобы на одиночество и бытовые неудобства, связанные с отсутствием жены. «Несмотря на хлопоты и занятия, чувствую себя до того сиротою без

[б] *Вписано на левом поле 1-й страницы письма.*

тебя, дружок Маша! что часто тычусь из угла в угол, расставив руки и не зная, где что найти» (письмо от 14 декабря 1867 г.: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 24. Л. 15). «Без тебя ничего в доме не найду, да и искать перестал. Сегодня посылал к А<лександру> Ник<итичу> (Шеншину. — *И. К.*) за сургучом. Знал, что у нас есть, и потому не покупал, а дома не нашел» (письмо от 22 декабря 1867 г.: Там же. Л. 18—18 об.).

[5] См. примеч. 2 к письму 98. Володя — племянник Фета В. А. Шеншин, который по окончании рождественских каникул должен был ехать в Москву в Петропавловское училище.

[6] Имеется в виду Е. П. Щукина, сестра М. П. Фет.

[7] *Меньщиков* Александр Николаевич (ок. 1823—1884), сосед Фета по Степановке. Отставной капитан артиллерии, помещик села Долгий Колодезь (Никольское) (*ОГ*. С. 170. № 3530). Сын майора Николая Николаевича Меньщикова, происходившего из Рязанской губернии, и Настасьи Ипполитовны Меньщиковой, урожд. Шеншиной (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 25. № 3316. Л. 56—56 об.). В 1861—1867 гг. А. Н. Меньщиков был мировым посредником по третьему участку Мценского уезда, затем служил мировым судьей в Орле; за несколько месяцев до окончания второго судейского срока подал в отставку и был уволен приказом Правительствующего Сената от 23 апреля 1873 г. (*Орл губ вед*. 1873. 5 мая. № 36. С. 227). Весной — летом 1867 г. в отношениях Меньщиковых и Фетов, прежде вполне добрососедских, появилась напряженность: Меньщиковы были недовольны намереньем Фета баллотироваться в мировые судьи (см. письмо М. П. Фет к В. П. Боткину от 30 мая 1867 г.: *Фет/Боткин*. С. 491). В выборах, состоявшихся в Мценске 26 июня, участвовало восемь человек (а мировых участков было четыре), при этом, по-видимому, только Фет и Меньщиков проживали на территории третьего мирового участка, т. е. в южной части уезда. Как человек со связями, Меньщиков рассчитывал на успех, но неожиданно потерпел поражение, получив 18 голосов «против» и лишь 14 — «за». «Говорят, Меньщиков был поражен своим падением, вообразите, ему его же мужики клали налево, и, несмотря на все его интриги, он позорно провалился, — писала М. П. Фет В. П. Боткину 2 июля 1867 г. — После выборов у них еще никто из нас не был, и какой тон примет со мной Mme Меньщикова, не знаю! До выборов она со мной была очень странна, говорила прямо, что Александр Николаевич желает быть мировым судьей и будет <...>. / Я же не изменю своего обычая, как всегда к ним ездила перед именинами, так и теперь поеду их звать, также и Хрущовых (М. М. Хрущов был ближайшим соседом и двоюродным братом Меньщикова. — *И. К.*). Но приедут ли Меньщиковы, это вопрос. Но мне кажется, что со стороны Меньщиковых смешно было бы с нами раззнакомиться, да и нет на это положительно никакой причины» (*РГБ*. Ф. 258. К. 1. № 68. Л. 34—35).

В октябре 1867 г. Меньщиков все же добился желаемой должности, но не в своем уезде, а в Орле, куда и переселился вместе с семьей. 9 декабря он писал Фету в Новоселки: «Очень благодарны Вам за покупки, которые Вы нам сделали в Москве; нет слов выразить Вам нашу признательность. Вручите их, пожалуйста, Илье Герасимову. Да передайте ему, что мы можем ожидать насчет *нрзб.* (из-за порчи текста. — *И. К.*) стульев, стола, треугольной шляпы <...>» (*РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 19. Л. 1). Фет, в свою очередь, передал поручения соседей жене, о чем напомнил ей в письме от 22 декабря: «Ради Бога, устрой поскорее высылку мебели Меньщиковым из Москвы. Они уже и деньги мне вперед отдали, и теперь мне было бы совестно не исполнить их убедительной просьбы. А уж благодарностям и любезностям нет конца. Я был у них на одну минуту в Орле <...>» (Там же. К. 2. № 24. Л. 17).

Неделю спустя, в письме от 28 декабря, Фет повторил свою просьбу: «Успокой ты меня насчет высылки Меньщиковым стола и стульев, как я тебе об этом писал» (Там же. Л. 9). Но Меньщиковы внезапно передумали покупать мебель в Москве, в связи с чем Мария Петровна получила новые распоряжения. «Если ты мебели Меньщиковым не высылала и в магазинах не заказывала ее выслать, то и не хлопочи, — писал ей Фет 1 января 1868 г., — а если уже все сделано, то пусть так и будет. Прокофию я дам доверенность хлопотать о деньгах за мебель; деньги он, если получит, передаст тебе» (Там же. Л. 20).

[8] *Катушищи* — имение Н. Н. Тургенева в Мценском уезде, в пяти верстах от Спасского, куда он переехал летом 1867 г. по требованию племянника (см. примеч. 12 к письму 86).

[9] В 1856 г., желая обеспечить семью дяди в случае своей смерти, И. С. Тургенев подарил ему два векселя на 10 500 рублей. Векселя были безденежные, тем не менее в октябре 1866 г., т. е. за несколько месяцев до приезда нового управляющего Н. А. Кишинского в Спасское, Н. Н. Тургенев подал в судебные инстанции просьбу о наложении запрещения на имения племянника ввиду неуплаты им долга. Кроме того, он требовал оплатить вексель Е. Т. Сливицкой на 4500 рублей, по утверждению писателя давно погашенный. Получалась сумма в 15 000 рублей, которую бывший управляющий требовал возместить с процентами. После неудачных попыток договориться с дядей Тургенев согласился выплатить ему 16 500 рублей за три векселя, о чем известил Кишинского в письме от 22 декабря 1867 г.: «...Вы дайте знать Н. Н., что у Вас находится сумма, равная его требованиям, и, пригласивши с собою Ивана Петровича Борисова, которому я об этом пишу заблаговременно, поезжайте в Катушище и совершите обмен денег на векселя, но не только на два, а на все три (включая и спорный). <...> действуйте со всяческой осторожностью и предоставьте Ивану Петровичу Борисову главное ведение аргументов» (*Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 89).

[10] Имеется в виду Меропа Александровна *Новосильцова* (урожд. Тимашева-Беринг; ум. 1880), вторая жена Петра Петровича Новосильцова, крестного отца Пети Борисова.

[11] Об обучении Ольги Шеншиной в пансионе Эвениус см. примеч. 11 к письму 88.

100
Борисов — Фету
26 января 1868 г. Из Новоселок в Степановку

26 янв. 68. Новос<елки>.

Милая старая друга, еще не получил от тебя никакой весточки и пишу *третье*. Чрез нарочного ты должен уже вчера получить от токаря (которому отдал твоих 3 р.). Но мне главное, жив ли, здоров ли? От Пукирева наконец пришла машинка и литеры, бью тебе челом за сие, но не могу ничего оттиснуть золотом, бо — нет его в Новоселках.[1] Сегодня вечером получил от Марьи Петровной. Она в страшном беспокойстве за тебя и не знает, на что решаться, чтобы скорей домой.[2] —

26 Янв/68 Новос

Милый старый друг

Еще не получил от тебя ни

какой весточки и пишу третье

Через Карачкаго ты должно

уже вчера получить от Томаса

(которому отдали твоих 3 р.) Ну

Мне главное: жив ли здоров ли?

От Пукирева наконец пришли

Машинка и Литеры, было тебя

целы ли за всё не могу ничего

отписать? Золотом бо- нать

ее в Новоселках.—

Сегодня вечером получил

от Марьи Петровны. Она в

страшном беспокойстве за тебя,

и не знает на что решаться

чтобы скорей домой — О железной

дороге надеюсь ее не пустят

Но более чем раза. Сделай

милость напиши ей с своей

стороны одно чтобы выездила

Письмо И. П. Борисова к Фету от 26 января 1868 г.
Первая страница

О железной дороге надеюсь, ее не пустят, это более, чем риск. Сделай милость, напиши ей с своей стороны одно, чтобы не ездила.

Теперь уже немного времени дождаться ей моего возвращения. К 15 я надеюсь в Новоселки, а если она дождется меня, то я прямо провезу Марью Петровну и, Бог даст, благополучно доставлю к тебе. Отсюда я ближе 31 выехать *не могу*, два опекуна кувыркают, Рогачев и Пузин.[3] Но уже 1-го меня в *Новоселках нет*. Поэтому и Петруше[4] скажи, если увидишь его, что я дожидаться не мог. Но я ему так и писал вперед. Пусть катит в одиночку *к Кокорю на набережную*.[5] Если не поедет и ты что узнаешь о нем, то ради Бога напиши *к Кокорю*.

28 я отправляюсь в Катушищи.[6] — Не знаю, какой из этого катяч содеется?

Вот еще. Повар мой и срачка отходят. — Поэтому если поедешь в Новос<елки>, то запасись бельем, хлеб<ом> и поваром. Просто барыня спрашивает весь туалет.

Обнимаю тебя крепко-накрепко, только бы был здоров, а то все пустяки, даже тюрьма в некотором роде развлечение. На днях я видел такого господина, что мой дух воспрянул. Что перед ним *братья* Григорьевы[7] и прочие Микауберы.[8] Когда-нибудь я тебе расскажу, как меня на 10 р. ограбил джентльмен, и артист, и аристократ во всей красе.

Третьего дня встретил Дьякова[9] во Мценске из Москвы. Роман Толстого просто эх, закурила! так нарасхват,[10] а Ванечка[11] пишет, что П<етер>бург читает с кулаками в грудь, т. е. держи свечку перед грудью! Если выеду один, то на минуту к нему. Напиши к Тете непременно, голубчик, за что ее мучить — надо быть справедливым, а то будешь судия неправедная.

Крепко тебя обнимаю,

твой Иван.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 133—134 об.

[1] В дополнение к переплетному станку (см. примеч. 2 к письму 87) Борисов выписал из Москвы машинку для тиснения.

[2] М. П. Фет собиралась выехать из Москвы 15 января 1868 г., о чем дважды писала мужу. Но в ночь с 12 на 13 января в Степановку пришла ее телеграмма, извещавшая, что ее отъезд переносится на 27 февраля. Фет, решивший, что внезапная перемена планов жены объясняется ее желанием присутствовать на маскараде в доме Боткиных, послал ей резкое письмо с упреками. «Я не хотел тебя тревожить понапрасну, но все это время я через силу двигаюсь от геморроя, — писал он Марии Петровне 13 января 1868 г. — И все-таки я оторвал Баталина, лишь бы как-нибудь устроить тебе покойную дорогу. <...> Я вполне был уверен, что ты оценишь и мои труды, и заботливость. Но к изумлению, все вышло наоборот. Когда все сделано за 400 верст, как ты желала, с страшными затруднениями и ломками, ты посы-

лаешь телеграмму, что ты выезжаешь 27, т. е. на другой день бала. <...> Подумай, что все эти фантастические поездки — деньги, и большие. Для одного бал — а для другого смерть» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 27. Л. 30 об.—31). На самом деле М. П. Фет отложила возвращение из-за сильных холодов, о чем рассказала в письме к В. П. Боткину от 19 января 1868 г.: «Фет за мной прислал своего письмоводителя, но когда он (Баталин. — *И. К.*) мне объявил, что на шоссе такая адская дорога и 38 гр<адусов> мороза, я не решилась ехать. <...> Тем более что мне обещают меня довезти до Орла по железной дороге с товарным поездом, прицепив к нему вагон. Конечно, если бы я это знала раньше, но когда я послала телеграмму Фету, чтоб он не высылал, письмоводитель был уже выслан. Вы можете себе вообразить, из Мценска до Тулы он ехал вместо 10 час<ов> 26 ч<асов> и приехал разбитый» (Там же. Ф. 258. К. 1. № 68. Л. 38—38 об.). М. П. Фет покинула Москву 30 января. «2 февраля я приехала в Степановку и к моему великому удивлению нашла Фета больным, — писала она брату 19 февраля, — он мне ничего не писал, что так страшно страдает геморроем, а главное, он терял много крови и так был бледен, что я была поражена» (Там же. Л. 40 об.—41).

[3] Рогачев и Пузин — видимо, служащие Дворянской опеки Мценского уезда. Борисов был обязан регулярно отчитываться перед этим учреждением относительно имений его подопечных: недееспособной жены и племянницы О. Шеншиной.

[4] Речь идет о П. Аф. Шеншине.

[5] О гостинице «Кокоревское подворье» см. примеч. 1 к письму 88.

[6] См. примеч. 9 к письму 99. В письме от 15 января 1868 г. И. С. Тургенев известил Н. А. Кишинского о высылке денежного векселя и просил его вместе с Борисовым немедленно отправиться к дяде (*Тургенев. Письма.* Т. 8. С. 101).

[7] Возможно, имеются в виду отец и дядя А. А. Григорьева, Александр Иванович и Николай Иванович.

[8] *Микаубер* — персонаж из романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим»; неунывающий неудачник.

[9] Речь идет о Д. А. Дьякове.

[10] Отдельное издание «Войны и мира» печаталось с лета 1867 г. В декабре поступили в продажу сразу три тома, включавшие как новую редакцию первых двух частей, опубликованных в 1865—1866 гг. в «Русском вестнике», так и продолжение романа. Повествование было доведено до начала войны 1812 г.

[11] Имеется в виду И. П. Новосильцов (см. о нем примеч. 4 к письму 84).

101

Борисов — Фету

31 января 1868 г. Из Новоселок в Степановку

31 января. *Новоселки.*

Как меня успокоило, друг мой, твое письмо[1] и говорить нечего — боялся до *омерзения*, что с тобой *беда*, в особенности не получив твоей вести с моим нарочным. И *ягнята* твои к тебе просятся быстрей пера.

Но сегодня я испытал всю невыразимую отвратительность иметь дело с застарелым плутом.

26 был в Спасском и предлагал 16 500 *в руки и мир*.[2] Сначала Н<иколай> Н<иколаевич> начал обыкновенный гимн несчастного угнетенного, потом тише, тише и окончательно *объявил*, что согласен получить *16 500* и выдать векселя и никаких уже судов не знать — и для сего просил меня прибыть во Мценск 31.

Сегодня же начал старую канитель. Даже какой-то петербургский печатный фельетон показал с статьей, посвященной И<вану> С<ергеевичу>, уверяя, что это он сам и написал и что речь идет не о *всемирной* выставке, а все про него,[3] т. е. архиерунда. Отказался от всякого мира, а буду все не иначе, как судом. Потом уже, уверяя наперед, что он не для *денег* и сует, стал торговаться, что *два* векселя он согласен уничтожить за 16 500 (а по векселям 9700).[4] — Словом, каждое *дыхание* его добавляло только в моих глазах, что имею дело с бесчестнейш<им> человеком. Ложь наглая каждое слово, и я убежден, что *ободрать* своего племянника был его план не с этой ссоры, а искони, а ссору эту только как средство к скорейшей развязке.

Так я в этом глубоко теперь убедился, что уже ничто и никто не разуверят.

Пишу тебе это только в предостережение на будущее время. И когда его увидишь, то можешь ему сказать за *меня*. Что я отныне и до века отказываюсь от всякого с ним знакомства.

Завтра утром уезжаю и, Бог даст, приеду к тебе с Марьей Петровной. Она, бедная, теперь в мучении ожидает этого возврата. Напиши ей, голубчик, и не мучь напрасно, этим облегчишь мне довезти ее благополучно к тебе.

Спасибо за Попку, буду перед ним как Ледяной отец. — Но только уже не *заморожу* его, как на днях одна г-жа Тинькова *заморозила* своего 8-летнего сына буквально, скоро об этом услышите, страшную эту историю.

Будь же *умница* и будь здоров. Поцелуй Петрушу[5] за меня и уговори его ехать к *Кокореву* на набережную[6] — до этих минут я его ждал, ждал мучительно, но долее невозможно уже.

Крепко тебя обнимаю, друга моя, твой

И. Борисов.

Ивану Сергеевичу придется заплатить тысяч 25—26 за свои бессмертные векселя![7]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 135—136 об.

[1] Письмо, на которое откликается Борисов, неизвестно.

[2] См. примеч. 9 к письму 99. Согласно предыдущему письму Борисова (от 26 января 1868 г.), его встреча с Н. Н. Тургеневым должна была произойти 28 января в Катушищах.

[3] Всемирная выставка проходила с апреля по ноябрь 1867 г. в Париже, Тургенев посетил ее 3 июня. Какой именно фельетон показывал Н. Н. Тургенев — неизвестно.

[4] Номинальная стоимость векселей 1856 г. составляла 10 500 рублей, но 800 рублей И. С. Тургенев к этому времени уже уплатил.

[5] Речь идет о П. Аф. Шеншине.

[6] См. примеч. 1 к письму 88.

[7] Такую сумму насчитал Н. Н. Тургенев, требовавший от И. С. Тургенева оплаты векселей со всеми процентами за 10 лет.

102
Борисов — Фету
2 февраля 1868 г. Из Москвы в Степановку

2-го фев. 68. Г<остиница> *Кокорева*.[1]

Каково было мое удивление, когда, подъехав с машины к дому Дмитрия Петровича, узнал, что Тетя уже тю-тю и по расчету времени должна быть уже в Степанов<ке>.[2] Дай только Боже, чтобы все благополучно. — Попку нашел сильно похудевшим после болезни недавней, но уже выздоровел. Инспектор о нем *изряднее*, но не в смысле колена Левина.[3]

Был уже <у> Боткиных вечерком, и скорей опять домой. Пробуду здесь, вероятно, до пятницы,[4] т. е. сам *отговею*, а Петя с детьми вместе. Увижу ли и дождусь ли Петра Афанасьевича,[5] не знаю, а может, удеру домой послезавтра. Но повар! Но Калачев![6] И к Генералу[7] дело чужое. В Ясную не заезжал, бо ночь была, я в час 1 февр<аля>[a] из Мценска, а в два ночью был в Туле — в четыре поехали на чугунку, а в шесть по чугунке и только в три пришли в Москву. Так и по-старому ездили. Но все легче костям. Завтра куплю «Войну и мир»[8] для тебя, да сам и начну прочитывать. У меня нет ни капли чтения, а без этого и еда на ум нейдет. Но зато авось же я высплюсь после двух бессонных ночей.

До завтра, милые мои.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 137—137 об.

---

[a] 1 февр. — *вписано над строкой.*

[1] О гостинице «Кокоревское подворье» см. примеч. 1 к письму 88.

[2] Об отъезде М. П. Фет из Москвы, где она гостила у Д. П. Боткина, см. примеч. 2 к письму 100.

[3] Колено Левино, левиты — потомки сына Иакова Левия; имели особенные права на священнослужение, так как дали еврейскому народу Моисея. Смысл этой фразы Борисова не ясен.

[4] Т. е. до 9 февраля. На самом деле Борисов пробыл в Москве гораздо дольше, в Новоселки он вернулся только 20 февраля 1868 г., см. письмо 104.

[5] Речь идет о П. Аф. Шеншине.

[6] См. примеч. 9 к письму 88.

[7] Генерал — прозвище С. М. Сухотина (см. примеч. 7 к письму 81).

[8] Первые три тома (см. примеч. 10 к письму 100).

103
Борисовы — Фетам
14, 15, 18 февраля 1868 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Пети Борисова:

14 февраля 68. Москва.

Дорогая Тетя!

Обнимаю и целую тебя крепко-накрепко. Жаль, что ты не осталась в Москве подольше, а то бы ты застала и Папа в Москве, потому что он приехал тремя днями позднее тебя.[1] Поцелуй и обними Дядю Афоню за меня, если он еще не уехал в Москву. Я надеюсь, что ты весело провела Масленицу в деревне. А я в Москве очень весело ее провел, вместе с Папа. Меня отпустили говеть с Папа в первый раз, но я немножко заболел и вот уже второй день не хожу в церковь. Да если бы и был здоров, то может быть не пошел бы в церковь, потому что погода была ужасная. Теперь прощай, обнимаю тебя крепко.

Твой племянник
П. Борисов.

Рукой И. П. Борисова:

Милая, добрая Тетя, и я к Попкину письму присоединяюсь. И в настоящие дни еще более жалею, что Вы, Тетя, не выждали меня здесь. — Сегодня жду уже Афоню сюда — да и не жду. Думаю скорей, что план его поездки налетел на него под влиянием того, что полагал Вас в Москве, а тут голод и скука двинули его проветриться и помочь голоду.[2] Объявления его я уже не мог более задержать — напечатано в 32 № «М<осковских> в<едомостей>».[3] Телеграммы отказа не было из Мцен-

1

14 февраля Москва
/68.

Дорогая Тетя!

Обнимаю и целую тебя крѣпко-на крѣпко. Жаль, что ты неосталась въ Москвѣ подольше, а то бы ты застала и Папа въ Москвѣ, потому что онъ пріѣхалъ тремя днями позднѣе тебя. Поцалуй и обними Дядю Афоню за меня если онъ еще неуѣхалъ въ Москву. Я надѣюсь, что ты весело провела Масляницу в деревнѣ а я въ Москвѣ очень весело ее провелъ, вмѣстѣ съ Папа. Меня отпустили говѣть съ Папа въ первый разъ, но я немножко заболѣлъ и вотъ уже второй день нехожу в Церковь. да еслибы былъ здоровъ то можетъ быть непошелъ бы в Церковь, потому что погода была ужасная. Теперь прощай обнимаю тебя крѣпко

Твой племянникъ

Бори

Письмо Пети Борисова к М. П. Фет от 14 февраля 1868 г.

ска, поэтому рассчитываю, что он будет сюда. Жду сегодня.[4] — Ваши *все* здоровы, виделся с Дм<итрием> Петр<овичем> и Петр<ом> Петр<овичем> в конторе дня четыре тому и узнал, слава Богу, что Вы благополучно дома. — Мы говеем и сидим дома в № 5[5] и в коридорах гуляем. Я нетерпеливо жду выехать, но прежде 20 не могу, да как бы еще не задержал Иван Серг<еевич> Тург<енев>, с которым сносимся телеграм<мами> всё о *дядином* деле.[6] Плохо ему, бедному. 26 т<ысяч> сдерут с него, но мог и дороже поплатиться, продали бы имения, если бы Виардо за дом не дали ему 13 т<ысяч> р.[7] — вот еще урок в денежных делах даже с *отцами родными*. До сих пор я ни к Шумахер,[8] ни к Катер<ине> Петровне[9] не мог попасть. — Страшные морозы и ветер не позволили рисковать с Петей, а его не на кого оставить, а потом и сам дня 4 был с головной моей мукой. — Но крупинки помогли.[10] Теперь Попка *животиком*, но уже лучше — ничего не даю ему, кроме ухи. Беда, Тетечка, просто беда. Мы пишем только Вам, а не Дяде, а может, *благоразумие* и *спокойное* состояние не выгонят его сюда, тогда поцелуйте его за нас. Разные дела меня влекут и в Новоселки. Езопка[11] обещает без глупостей проводить, но не знаю, так ли это будет. Виделся с Марьей Никол<аевной> Толстой. Она Вас вспоминала и кланяется Вам. Живут они развеселой компанией — здесь и Сергей Толстой, и вчера должен был приех<ать> Лев Ник<олаевич> со всеми своими месяца на два.[12] Про голод здесь никто и верить не хочет и говорят, что *шум* об этом поднят *западными* приятелями нашими, чтобы отвлечь правительс<тво> от военных затей, и потому-то Катков так об этом всхлопотал. Довольно, Тетя, крепко целую ручки Ваши, будьте здоровы и не забывай<те>

Вашего И. Борисов<а>.

18 февр.

Вчера веч<ером> получил весть, друг мой Афоня, твою чрез Баталина.[13] Ну, что же я могу тут сделать — вопреки моей просьбе *обождать* печатанием до получения от тебя окончательного решения, в № 32 было напечатано твое письмо. Да как и не исполнить твое поручение редакции, когда я не мог кроме словесного от себя ничего представить,[14] а Каткова не найдешь иначе, как спящим, ждать его — положительно не мог, оставляя Петю одного, и мы говели, словом — чепуха. Напиши, однако, от себя какое разъяснение в редакцию. — Словом, что-либо непредвиденное, болезнь или служба не пустили. — Л<ев> Н<иколаевич> уже москвич — в Кисловодском переулке, д. *Секретарева*. Пробудет здесь два месяц<а> — виделся с ним минуту. — Он выправляет 4-ю часть,[15] т. е. перепортит всё. А то, что кончено, — хоро-

шо до «ах — хорошо!». — Мне по делу Ив<ана> Серг<еевича> придется дня на 4-ре во Мценске застрять, да и здесь — досталось похлопотать и повозиться с Ник<олаем> Серг<еевичем>.[16] — Попку сегодня везу в школу, он молодцом — бодр. Спешу — спешу! и обнимаю вас обоих за нас обоих, и до свидания. Ты, *злодей*, замучил меня ожиданием в 5 №. Дня четыре до часу ночи все ждал тебя.

Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20309. Л. 1—2 об.

[1] Борисов прибыл в Москву 2 февраля 1868 г., тогда как М. П. Фет выехала оттуда 30 января.

[2] Неурожай 1867 г. привел к голоду во многих губерниях северной и средней полосы России, включая Орловскую губернию.

[3] Имеется в виду «Письмо к издателям», первое из объявлений, связанных с организацией Фетом благотворительного вечера (подпись: «мировой судья Мценского уезда третьего участка А. Фет)» (*МВед*. 1868. 13 февраля. № 32. С. 3). См. также: 1) Неизвестные статьи А. А. Фета на страницах «Московских ведомостей» (1868—1872) / Публ. Е. В. Деревягиной // А. А. Фет и русская литература: XVII Фетовские чтения. Курск, 2003. С. 27—30; 2) *Фет А. А.* Наши корни: Публицистика / Подгот. текстов и сост. Г. Д. Аслановой. СПб.; М., 2013. С. 45—47.

В конце января 1868 г. Фет отправил в редакцию «Московских ведомостей» письмо, в котором объявил о намерении устроить в Москве «на второй неделе великого поста», т. е. 19—25 февраля, литературные чтения в пользу крестьян своего мирового участка. Однако в начале февраля он получил известие, заставившее его усомниться в осуществимости задуманного. Борисов написал ему из Москвы, что там «сборы в пользу голодных до того надоели, что никто, хоть на словах, не верит в голод» (*Фет/Боткин*. С. 512). Не зная, на что решиться, Фет попросил Борисова задержать публикацию своего объявления, но оно все-таки появилось в печати.

[4] Фет прибыл в Москву около 25 февраля 1868 г., уже после того, как Борисов вернулся в Новоселки. Небольшое помещение для чтений — зал Московского артистического кружка — ему удалось получить с помощью давней знакомой, актрисы Малого театра Е. Н. Васильевой (*МВ*. Ч. 2. С. 171). 28 февраля в «Московских ведомостях» появилось второе из объявлений Фета, в котором поэт благодарил всех, кто оказал ему поддержку, и привел список лиц, от которых еще до чтений получил взносы (*Фет А*. Заявление // *МВед*. 1868. 28 февраля. № 43. С. 4).

Благотворительный литературно-музыкальный вечер, назначенный сначала на 1 марта, а затем, «по независящим от участвующих в нем обстоятельствам», отложенный (*МВед*. 1868. 29 февраля. № 44. С. 1; 1 марта. № 45. С. 2), состоялся 7 марта в доме Мазуриной на Большой Лубянке, где в то время размещался Артистический кружок (ныне на этом месте дом 18). Читали: князь Г. В. Кугушев — неопубликованную главу из «Войны и мира», Е. Н. Васильева и П. М. Садовский — отрывки из «Мертвых душ» Гоголя, А. Ф. Писемский — сцены из своей комедии «Ипохондрик», сам Фет — первую главу поэмы Гёте «Герман и Доротея» в собственном переводе. Выступили также пианистка-любительница Устинова и скрипач Ю. Г. Гербер; бас Большого театра С. В. Демидов пел «Разлуку» А. Л. Гурилева,

«Пряху» С. Монюшко, «Чуют правду» М. И. Глинки (*МВ*. Ч. 2. С. 171—172; *МВед*. 1868. 6 марта. № 49. С. 1; *Россиев П. А.* Артистический кружок в Москве (1865—1883) // *ИВ*. 1912. № 6. С. 888—889). 10 марта «Московские ведомости» опубликовали отчет Фета о собранных 7 марта средствах (*Фет А.* Заявление // *МВед*. 1868. 10 марта. № 53. С. 3). Благотворительный вечер принес 1357 рублей, общая же сумма всех пожертвований превысила две тысячи. Как видно из списка жертвователей, такой успех оказался возможным благодаря родственным и дружеским связям Фета в среде крупного купечества. Подробнее об этом вечере см. нашу статью «О благотворительном вечере, устроенном Фетом в пользу голодающих (март 1868 года)» в наст. томе. 5 июня 1868 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев утвердил представленный Фетом проект «Устава вспомогательного капитала» в размере 1900 рублей. Деньги эти, розданные нуждающимся в долг и возвращенные к 1871 г., впоследствии были потрачены на постройку земской больницы. См. подробнее: *МВ*. Ч. 2. С. 250—251; *Фет А. А.* Наши корни: Публицистика / Подгот. текстов и сост. Г. Д. Аслановой. СПб.; М., 2013. С. 400—402, 405—408.

[5] Борисов остановился в гостинице «Кокоревское подворье» (см. примеч. 1 к письму 88).

[6] Переговоры с Н. Н. Тургеневым о выкупе векселей, которые в январе 1868 г. вел Борисов, закончились провалом (см. письмо 101). Николай Николаевич подал векселя ко взысканию, о чем Борисов по приезде в Москву известил писателя телеграммой. В ответ И. С. Тургенев, полагая, что Борисов находится в Новоселках, поручил ему предложить дяде за три векселя 18 000 рублей, если же тот не согласится, — начать торг и в крайнем случае выкупить два бесспорных векселя. 11 февраля, узнав, наконец, что Борисов в Москве, Тургенев послал ему телеграмму с просьбой взять у брата (Н. С. Тургенева) 13 000 рублей и привезти в Спасское.

[7] 16 января 1868 г. И. С. Тургенев писал брату Н. С. Тургеневу из Баден-Бадена: «...вчера я вынужден был подписать контракт, которым я продал свой дом Виардо; и то я еще ему должен был в ножки поклониться — ибо он оказал мне действительную услугу, вытащил меня из беды: ведь дяденька грозился Спасское с аукциону заставить продать!» (*Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 103).

[8] О супругах Д. Д. и Ю. Б. Шумахер см. примеч. 15 к письму 88.

[9] Речь идет о Е. П. Щукиной.

[10] Борисов лечился гомеопатическими средствами.

[11] Шутливое прозвище Пети Борисова (см. примеч. 3 к письму 89).

[12] М. Н. Толстая, С. Н. Толстой — сестра и брат Л. Н. Толстого. Сам писатель приехал с семьей в Москву 14 февраля 1868 г. (*Толстой. Летопись (1828—1890)*. С. 346), исходя из чего письмо старшего Борисова к М. П. Фет следует датировать 15 февраля.

[13] Баталин — письмоводитель Фета.

[14] Каким образом, если не в письме, Фет передал Борисову просьбу задержать публикацию его объявления — неизвестно.

[15] Имеется в виду четвертый том «Войны и мира»; он поступил в продажу в середине марта 1868 г.

[16] См. примеч. 6 к наст. письму. 6 февраля 1868 г. И. С. Тургенев перевел на имя своего брата Николая Сергеевича вексель в 13 000 рублей. Эти деньги, вырученные от продажи дома в Баден-Бадене и предназначенные на удовлетворение претензий Н. Н. Тургенева, Борисов 24 февраля передал новому управляющему Н. А. Кишинскому (см. примеч. 3 к письму 104).

104
Борисов — Фетам
20 февраля 1868 г. Из Новоселок в Степановку

20 фев. 68. *Новоселки.*

Только что прибыл домой и сейчас же поехал бы к вам, *НО*.

Дела чужие и свои держат за шиворот при Мценске. Главное, надо как-нибудь да кончить с *дядей* Ив<ана> Сергеев<ича>.[1]

Л. Н. Толсто<й> очень кланяе<тся>. Он переехал в Москву на 2 *мес<яца>*. Книги его привезу.[2]

В субботу мне назначено прибыть в Мценск.[3] Вот, может, во вторник я у Тимир<язева>[4] и к вам — но так ли, не знаю наверно.

Попка вас обоих целует, и он, и Володя здоровы. Прочел я Вашу записочку у себя на столе, милая Тетя, и теперь жалею, что Вы терпели *голод* в Новоселках в то время, когда Афоня хлопотал о *своем участке*.[5]

Афоня, ты не посылай никакого *объяснения* в печать,[6] этим только поднимешь снохачей, а для Каткова, если хочешь — свали вину на меня, что не *передал* ему твоего поручения. — Но можно ли подобны<м> образом кувыркаться, вот уж за это надо тебя бить и приговаривать: не *спеши*, не суетись. Когда я тебе все разъясню по времени, то ты высунешь язык в знак удивления.

Эх, если бы вы были налицо, то-то бы поговорили, а то жди, жди и позабуду все, а есть о чем толковать.

Обнимаю, будьте здоровы, до свидания.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 138—139.

[1] См. примеч. 9 к письму 99 и письмо 105.

[2] Имеются в виду три тома романа «Война и мир», купленные Борисовым в Москве.

[3] Суббота пришлась на 24 февраля. В тот день Борисов передал Н. А. Кишинскому 13 000 рублей серебром, что подтверждается распиской последнего (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 333, примеч. 2 к письму 2179).

[4] Речь идет об А. А. Тимирязеве, мировом посреднике второго участка, проживавшем в сельце Алешино. См. примеч. 2 к письму 81.

[5] 12 февраля 1868 г. Фет по случаю мирового съезда был в Мценске и, видимо, добивался там помощи крестьянам своего участка. М. П. Фет это время провела в Новоселках. Хлопоты Фета увенчались успехом, от казны была выделена тысяча рублей серебром (письмо М. П. Фет к В. П. Боткину от 16 марта 1868 г.: *РГБ*. Ф. 258. К. 1. № 68. Л. 43).

[6] См. об этом письмо 103 и примеч. 3 к нему.

105
Борисов — Фетам
28 февраля 1868 г. Из Новоселок в Степановку

28 февраля 68. Новоселки.

Милый друг Афоня, я уже отчаиваюсь, что попаду к вам.[1] До сих пор не мог и еще завтра жду *окончательного* по тургеневс<кому делу>. Кишинский уехал в Орел за двумя остальными векселями — надо же их выслать Ив<ану> Серг<еевичу>. И самому-то будет спокойнее. О, что это за бескорыстный старец! — Когда бы ты видел, как торговались и как он считал 20 т<ысяч> в копейку, переданные ему Кишинским.[2] Но, чтобы и это уладить, надо было подействовать подкупательно на его поверенного. Который уже его и посмягчил на мир. — Не менее того Н<иколай> Н<иколаевич> по окончании изволил заявить всем при мне, что и на это он согласился только ради моего *участия*. — Ложь в глаза наглая, потому что еще накануне мы уже знали результаты мира и бумаги уже были заготовлены.

Пойми ты теперь, какого рода человек, в которого благородн<ую> честность ты так долго верил и из<-за> которого чуть не поссорился с Ив<аном> Сергеев<ичем>. — По окончании старик пренаивно: «Эх, жаль, что *он* дом-то продал. И к чему так спешил... Я бы мог и подождать — да просто бы хоть через Вас же вексель бы дал... Наконец, я бы мог и посоветовать еще насчет хозяйства, а то его теперь ограбят и разорят...». Все это говорится, как будто он и не знает своих действий, и что это какой-то другой налагал запрещения и довел дело до аукционной продажи.

Отправляю к тебе три книги «*Война и мир*», билет на остальные я оставил Бартеневу,[3] прося его, как только будут выходить, пересылать ко мне, и деньги на пересылку вручил, а то что делать из Новос<елок> или Степанов<ки> с билетом.[4] — Еще посылаю мешочек маленький, вероятно образчик, он в мое отсутствие привезен каким-то мужиком с Гравронки и *говорят*, что сказано, что это к тебе. Записки же никакой не было.

Ну, слава Богу, сейчас только выиграл процесс я у м<ирового> суд<ьи> Чернс<кого> уезда *о земле в аренду*. *Мы* правы.

Мария Петровна! Очень, очень жалею, если не удастся к Вам — боюсь дороги и своего кашля, буквально удушающего днем и особенно ночью — точно, как у Александра Никитича.[5] От Пети получил *два письма*.[6] Просто беду оставил ему в виде картона. Теперь только и пи-

П. И. Бартенев

шет, что мальчики из-за этого картона не дают ему житья — разными обманами овладели картоном и, чтобы его выручить, пришлось выдавать из оставлен<ных> запасов лакомства. Результат я предвижу, что ни картона, ни лакомства не останется у него — но это уже спасло его от плачей по разлуке с первого дня. Но лучше увидите из его писем, только возвратите после мне их.

Посылаю с нарочным, а то сам, кажется, уже не двинусь, известия о дорогах пугают, а снег все идет да идет.

Будьте здравы, желаю всего лучшего.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 140—141 об.

[1] Фет к этому времени уже несколько дней находился в Москве, о чем не знал Борисов.

[2] Сделка, положившая конец истории с векселями, была заключена 25 февраля 1868 г. (см. письмо к Борисову от 6 марта 1868 г.: *Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 147). И. С. Тургенев писал по этому поводу Борисову 27 февраля из Баден-Бадена: «...вчера получил я от брата моего Николая Сергеевича телеграмму с извещением, что все три векселя выкуплены за 20000 р. сер. Гора свалилась у меня с плеч! Правда, Ник. Ник. взял куш порядочный — но ведь он мог содрать с меня все 26 т. и этими спасенными шестью тысячами я, конечно, обязан Вам, за что приношу Вам самое искреннее спасибо. Одна Ваша дружба ко мне могла заставить Вас возиться с такими дрянными дрязгами — и этого я не забуду» (Там же. С. 138).

[3] *Бартенев* Петр Иванович (1829—1912), археограф, библиограф, историк. В 1859—1873 гг. заведовал Чертковской библиотекой в Москве, крупнейшим частным собранием, где хранились книги и рукописи по истории России. В 1863 г. основал исторический журнал «Русский архив», издателем и составителем которого оставался до самой смерти. По просьбе Л. Н. Толстого, был редактором и ответственным корректором первого издания романа «Война и мир».

[4] Согласно объявлению, напечатанному в «Московских ведомостях» 17 декабря 1867 г. (№ 276), первые три тома романа «Война и мир» продавались вместе с билетом на четвертый том, который должен был выйти позднее.

[5] Речь идет об А. Н. Шеншине, зяте Фета.

[6] Эти письма Пети Борисова не сохранились.

106
Борисов — Фетам
24 марта 1868 г. Из Новоселок в Степановку

24 марта 68. *Новоселки*.

Христос воскресе! милые друзья Афоня и Марья Петровна.[1] Поздравляю и часто вас вспоминаю, досадуя, что далеко от вас сижу и никакой возможности нет проскочить все препятствия. Ну и сиди, а теперь бы и свободно. Дела посвалились, слава Богу, немощь, головоломня прошли, я дня четыре прихворнул было — но опять уже молодцом и не лежится даже на любимой лежке, знаешь этот диван длинный, а поскакать больше и некуда, как к вам, да боюсь просов,[2] зажор[3], а пуще всего солнца в шубе. — Просто душит — раздевайся, а лихорадка уже кричит: пожалуйте. Вот и сиди дома.

Послал к вам чрез Бережецкого 4-ю книжку Толстого[4] — получили ли. Экая силища *изображать*. Но зато и шопенгауэрит, и за это наверное ему достанется от теории военных искусств и историков, которых вы не признаете. — А между тем, отвергая все выводы *науки* или *чер-*

тухи, как угодно называй — выходит он как раз на ту же дорожку, к той точке, к тем же результатам, к которым ведет и чертуха. Чего для поднимать такой базар: *доказывать*, что при Бородине не было ровно никакой позиции укрепленной — и что это выдумали, а тут же вслед *водит* по земляным укреплениям. — Я это объясняю одним. — *Совершенно* различные *понятия* о словах *укрепленная позиция* у Льва Ник<олаевича> и у *всех остальных людей*. Из-за этого и происходят уже *рассудительства*. При Бородине кроме земляных укреп<лений> на правом фланге было во многи<х> местах, удобных для перехода, поделан<о> *засек*.[5] Левый же фланг Тучкова был также позавален засеками. — Чего же более требовать от укреплений полевых. А что Бородино не было заранее избрано, как, наприм<ер>, Дрисский лагерь,[6] об этом до сих пор еще ни один человек не сомневался. И это немыслимо даже по ходу дел, т. е. по *истории* того времени. Вот поэтому-то я уверен, что все писаки военные — зашумят и будут правы. Вот теперь я понимаю — почему он мне говорил, что за 4-ю часть[7] на него *все* поднимутся. Хотя у него все правда. Но это хорошо. И спасибо ему, что так много высказал такого, что хотя и было известно — но молчали, или говорили с такой осторожностию, что только догадывайся. — Теперь еще вопрос. Если посмотрят на книгу как на роман — то возражать нечего, как на бриллианты в свете лунном (подай-ка ты их, покажи хочь днем). Но так нельзя отнестись к его видению — поэзию не мешай ни в химию, ни в географию, ни в историю, ни в математику. — Как и вы, господа поэты, не подавайте ни блинов, ни щей с кашей. — (Читай-ка Майкова повесть в «Р<усском> в<естнике>» за февр<аль>.[8]) — Это тоже, должно быть, *поэзия* или *история*! Вернейшая, самая что ни есть истинная, свежая, даже щами пахнет — наука, т. е. во, какая изящная. — Теперь я совершенно согласен с Шопенгауэром: всех бы вас, литераторов, на остров... Кажется, ты мне говорил, что это его мысль была...

Передаю вам поклон из *Гейдельберга* от С. М. Сухотина (*субботний*, Афоня). — Генерал побывал у другого генерала в Бадене (т. е. *наш* генер<ал> побывал у *вашего*).[9] Иван С<ергеевич> здоров и весело перебирался и устраивался в... новом доме — и мебель, и посуда, все уже заведено — недель через пять он в Россию. — Серг<ей> Мих<айлович> с старшим сыном пустился в Италию и Рим! Посмотреть, как папа служит на задних лапках. — От И<вана> Серг<еевича> получил следующее прекурьезное. Получил он от дяденьки, *два дня* спустя по уплате ему 20 т<ысяч>, полное ругательств и советов за то, что *пустил по миру, разорил и угнетал безвинного старца, всегда непоколебимого в чувствах чести и любви*!![10] — Пишу тебе это ради того, чтобы уяснил себе человека, в котором принимал живое участие. И когда во мне уже запали сомнения — и я тебя остерегал, то и на меня смотрел как на раз-

бойника. — Говорю тебе это с горем пополам — и я его считал — не такой отвратительной личностью.

Со Мценском прекратилось было сообщение, но два лихих мороза опять позакрепили и так прочно, что Святая наверное без пути.

От Попки получаю исправно, присылает и цензурки, на которых так и сияет 5. Послал бы вам его письма с поцелуями вам, но отец Димитрий[11] — служа *вербную*, написал прилагаему<ю> записку к Марьюшке,[12] это нужней, и все вместе вытянет лот.

Попка ничего, привык — просит прислать русск<их> и нем<ецких> книг, *да немножко пастилы, а то утром по воскр<есеньям> как будто скучно*. «...С утра напишу к тебе письмо, приготовлю уроки и хочется пастилы».[13] Я уже 1000 раз повторяю себе эти строки. Бедняк! И ему приходит: захотелось мне судака!! и не может никак даже повелеть: Захар! поищи ершей... Если бы мог, сейчас же бы понес к нему пастилу. Но успокойся, Дядя: Захар не двинется. Ни судака, ни ершей, ни пастилы не явится.

Третьего дня был у меня *Кулешов* и никакого уже намерения не имеет о продаже Ядриной — поэтому и делу этому конец.[14]

Милая тетя, крепко целую Ваши ручки. — Желаю, чтобы хорошенько отпразнов<али>, а я хотя мысленно буду с Вами. — Будьте здоровы и хоть изредка вспомните меня,

Вашего друга и брата И. Борисов<а>.

Александру Никит<ичу>[15] передайте мое Христос воскресе.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 142—144 об.

[1] Пасхальное воскресенье в 1868 г. пришлось на 31 марта.

[2] *Просов* — место, размытое водой.

[3] *Зажор* (зажора) — талая вода под снегом в рытвинах и ямах на дороге.

[4] В четвертом томе «Войны и мира», вышедшем в марте 1868 г., описываются события Отечественной войны 1812 г. О Бережецком см. примеч. 2 к письму 91.

[5] *Засека* — преграда из срубленных и поваленных деревьев.

[6] *Дрисский лагерь* — укрепленная позиция на левом берегу Западной Двины, в ее излучине северо-западнее г. Дрисса (ныне Верхнедвинск), созданная в начале Отечественной войны 1812 г. По плану военного советника Александра I прусского генерала К.-Л.-А. Фуля, 1-я армия, опираясь на Дрисский лагерь, должна была задержать армию Наполеона, а 2-я нанести ей удар во фланг и тыл. Ввиду превосходства сил противника и опасности разгрома каждой армии в отдельности, русское командование отвергло этот кабинетный план. 2 июля 1812 г. 1-я армия оставила Дрисский лагерь и выступила к Полоцку.

[7] Имеется в виду четвертый том романа «Война и мир».

[8] Речь идет о стихотворении А. Н. Майкова «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне», в первой и последней строфах которого действительно упомя-

нуты блины и щи с кашей: «Как за чаркой, за блинами, / Потешались молодцы, / Над потешными полками / Похвалялися стрельцы <...> / Ладно, братцы! щи вам с кашей! / Что брат скажешь? Хороша?.. / Лучше нет царевны нашей! / Вот, как есть, совсем душа!» (*РВ*. 1868. № 2. С. 554, 560). Ср. с резким отзывом Фета, высказанным в письме к Я. П. Полонскому от 6 апреля 1868 г.: «Но стишище в Куйчук-Кайнарджских о преславном свидании Синеуса с царевной Софьей, воспетом Майковым, — не могу и не хочу понимать. Это не поэзия, а провонявшие портянки бессрочноотпускного солдата из евреев. Теперь люди, страдающие художественным несварением желудка и рыгавшие во время оно мифологическими розами, стали начинять свою несостоятельную утробу исторической мертвечиной и лоскутьями пергамента» (*Фет/Полонский*. С. 611). Синеус — брат легендарного Рюрика, основателя Новгородского государства и великокняжеской династии Рюриковичей; согласно летописям, Синеус в 862 г. обосновался в качестве князя в Белоозере и два года спустя умер. Ни в «Стрелецком сказании», ни в других стихах Майкова, публиковавшихся в «Русском вестнике», Синеус не упоминается. Возможно, нелепый сюжет, приписанный «Стрелецкому сказанию» в письме к Полонскому, является не случайной ошибкой памяти Фета, а сознательной пародией на современные поэту стихотворные произведения с исторической тематикой.

[9] О «Генерале» С. М. Сухотине см. примеч. 7 к письму 81. Его письма к Борисову неизвестны. *Гейдельберг* — город в Германии, в 89 км от Баден-Бадена. Сообщенный Борисовым эпизод не отражен ни в «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева», ни в дневниках Сухотина.

[10] Цитата из письма И. С. Тургенева к Борисову от 6 марта 1868 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 147). О деле Тургенева с дядей, Н. Н. Тургеневым, в котором Борисову пришлось принять участие как посреднику, см. письма 85, 86, 99—101, 103—105 и примеч. к ним.

[11] Отец Дмитрий (Руденский), священник Успенской церкви села Ядрино, расположенного в трех верстах от Новоселок. Борисов был прихожанином этой церкви.

[12] *Марьюшка*, горничная, служившая М. П. Фет еще до ее замужества (см. примеч. 6 к письму 119).

[13] Это письмо Пети Борисова неизвестно.

[14] См. примеч. 2 к письму 85.

[15] Имеется в виду А. Н. Шеншин.

107
Борисов — Фетам
20 апреля 1868 г. Из Новоселок в Степановку

20 апр. 68. Новоселки.

Вот оно, когда пришло от вас-то от 17 апр<еля>.[1] Хороши же вы, ленивки, — столько времени не отозваться. — Потоп только что еще начинается — всего еще только 12 дней и 12 ночей идет дождик — до полного потопления не дождик, а потому я и спешу, спешу, спешу. Ты-

сячу вам бью земно за эпистолу. Она мне масличная ветка в ковчеге моем[2] — правда, вчера еще привезли от Ив<ана> Серг<еевича>,[3] но сегодня и вашу и два Попкина. Он здоров и по обыкновению начинает с мальчика Лихачева, который его бьет немилосерд<н>о, и Попка ждет моего ответа, пожаловаться или нет г-ну директору,[4] потом пишет, что Страстную и Святую пробыл у Толстых — и провеселился. Цветочная выставка ему понравилась более, чем театр в 1-й раз. — Много гуляли они по Москве с Софьей Андреевн<ой> и всей их детской командой, даже видел, как лед по Москве-реке ходит.[5] Словом, слава Богу, ничего. Экие они добрые, милые люди. Про «Войну и мир» говорить не могу, я бросил и «Моск<овские> вед<омости>», и «Архив»,[6] и всё, да, кажется, на шестом разе отложил эти книги и уже теперь отхаживаюсь по целым дням. — Эту «Илиаду» следовало бы переложить гекзаметром, в одном месте у него это вылилось невольно в этот размер. — Меня возмущали прежде некоторые места: *военные и исторические рассудительства*, но все это капля в сравнении с вечностию, которая сидит в остальном. — Чем более войдешь в него, тем более тонешь в этом море жизни. Как жаль одно, что Л<ев> Н<иколаевич> допустил себя до неуверенности, что он одним русск<им> языком передал бы весь аромат, чего он хотел. — Я в этом не сомневаюсь, — и это обогатило бы еще более наш язык, на котором право можно все передавать без фигель-мигелей.[7] Напиши, милая, разбор, да живей, не откладывай[8] — по слухам уже много дребеденей подняли на эту книгу. И не для него, а давай ее нам. Это дело твое потому уже, что, право, в ней поэзии сверху до бездны глубины.

Иван Серг<еевич> тебе послал прямо на Алисову.[9] — Он только 8 мая нашего ст<иля> надеется *наверное* выехать из Бадена. Следовательно, когда? Это абракадабра... Он в таком восторге от своего нового жилища, новоселья, что, пожалуй, и не двинется.[10]

А я, бедный человек, зачем же так рано поднимусь в Москву, до 12 мая!![11] Помилуйте, Марья Петровна, Афанасий Афанасьевич — мне *на дела*, которые-таки есть, довольно *5 дней*, а детвору распускают в июне около 10-го. Ну что же мне там делать. Надо, чтобы он до (.) дошел, как следует всякому школьнику. Да, спросите Алекс<андра> Никитича насчет Володи, поручит ли мне его привезти или они желают взять его ранее, до экзаменов.[12]

От *Вёллера* (к котор<ому> писал ты нем<ецкое> посл<ание>) есть ответ, насколько я понимаю, он с радостию к нам на лето, *если* только не задержит что, но ехать рад.[13] А я так рад, что Тетя милая приедет в Новоселки в мае. Только прошу хочь денечек *выгадать* из жертвуемых тобой Новоселкам, тогда ты будешь умница, Дядя, т. е. насколько можно поболее. — Теперь скажу вам, что в жизнь мою столько не бед-

ствовал в полях — с утра до 12 или часу, потом от 2 до 5 и от 6 до 8 я хожу по парам, пашням, зеленям с ножами, пилами, топорами, сажень ношу, карандаш, бумага, ну обсерватория вся, и считаю, поверяю — меряю десятины, приду<мываю> им расклинки. Охаю, что пашут скверно — а начали 11. Который уже дал росток, завтра начинаем ломать, а пшеницы еще ни зерна не посеяно. Сегодня четыре пароконных подводы поволоклись в разные стороны. Бороны плохи, а во Мценске парома нет еще — только конопатят, потом и пойдет беда за бедой — в саду нарезал страсть суши. Насадил крыжовнику нового, готовлю малину, а в огороде еще зернышка не посеяли, такая каша жидкая, что ничего не поделаешь, а май-то вон, на дворе уже. Вальдшнепов только одного и убил в пятницу на Святой, более ни-ни, перышка не выбил — собака бубуль тьфу — без чутья, дрянь. Жеребят народилось *6*. Это хоть бы и для такого завода, как твой. Есть и гончие щенята 1-й руки. Ну что еще вам порассказать — кажется, уже все карманы повывернул, обыскивая, ничего не забыл. Да, да позабыл ты, *Дядя*, мешок с каким-то хлебом, еще Поль де Кока[14] и еще *дела*, т. е. форму, а книга через Бережец<кого> была отправлена, 4 часть[15] — других же и я никому не пересылал и не получал. Целую, обнимаю и *зову я вас*!!!

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 145—146 об.

[1] Это письмо Фетов неизвестно.

[2] Ср.: Бытие, 8, 7—11.

[3] Имеется в виду письмо И. С. Тургенева от 8 апреля 1868 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 180—181).

[4] Речь идет о Р. В. Леше (см. примеч. 5 к письму 88).

[5] Из двух писем сына, полученных Борисовым 20 апреля 1868 г., известно только одно. «Дорогой Папа! — писал Петя 11 апреля 1868 г. — Во-первых, я должен тебе написать о Лихачеве, о Давыде, что не могу вместе с ним оставаться в школе. Он меня колотит, бьет и, где возможно, дразнит и делает мне назло. Я г-ну директору оттого не сказал теперь об этом, что его бы сильно наказали, а я этого не желаю. Но если ты мне не ответишь положительно на мое письмо, я принужден буду сказать г-ну директору. <...> Это письмо я собственно для того писал, чтоб уведомить тебя о Лихачеве. Это правда, в том можешь быть уверен. Баллов я получил на этой неделе 3-ри: 5 за французский язык, 4 за арифмет<ику>, 5 — за немецкое, и за русский язык и закон Божий ничего, так как меня не спрашивали. Баллы порядочные, по-моему. В школе мне было бы весело, но Лихачев мне не дает покоя». Далее Петя описывает, как провел Святую неделю: «Я был у Толстых, и Петру Петровичу я также должен быть благодарен, как и им, потому что он привез мне великолепный альбом для карточек, с твоей карточкой на первом месте (Видимо, речь идет о П. П. Новосильцове, крестном отце Пети. — *И. К.*). Я был с Толстыми

на Цветочной выставке, которая мне очень понравилась, и познакомился с Берсами, которые мне также понравились. Вообще провел время весело. Теперь я <в> школе, и мне весело, хотя и не совсем, причину ты уже знаешь» (*РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 2. Л. 5, 6). Сохранилось также письмо Пети от 16 апреля 1868 г., но оно, видимо, пришло позже, Толстые там не упоминаются.

[6] Имеется в виду издававшийся с 1863 г. П. И. Бартеневым исторический журнал «Русский архив».

[7] Борисов имеет в виду изобилие французского языка в романе.

[8] Вернувшись домой из Москвы в середине марта, Фет обнаружил присланные Борисовым три первых тома романа «Война и мир». Немного позднее Борисов отправил в Степановку и четвертый том (см. письмо 106). «Вообразите, что откладываю громадное наслаждение читать „Войну и мир“ до Святой, когда, вероятно, из дому нельзя будет ни шагу и не будет ни суда, ни расправы, ни переправы», — писал Фет Л. Н. Толстому 22 марта 1868 г. (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 388). Впечатление от прочитанного было столь велико, что поэт решил взяться за критическую статью о романе, о чем, очевидно, и сообщил Борисову в не дошедшем до нас письме от 17 апреля 1868 г. Статья была закончена и отправлена Толстому в мае (см. письмо 109).

[9] Алисова — ближайшая к Степановке почтовая станция, существовала до начала 1869 г. (см. примеч. 2 к письму 95). Письмо И. С. Тургенева к Фету, о котором идет речь, было начато 12 февраля и окончено 12 апреля 1868 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 182—184).

[10] И. С. Тургенев продал Луи Виардо свою виллу в Баден-Бадене, но через некоторое время вновь поселился в ней, правда, уже на правах арендатора. «Третьего дня переехал я наконец в мой (бывший) дом <...>, — писал он Борисову 8 апреля 1868 г. — Никогда я не был еще обставлен таким комфортом... так что даже совестно немножко и неловко, точно я молодая дама, только что получившая свое приданое». В том же письме писатель касался планов посетить Россию: «...я выезжаю отсюда непременно через месяц — и на крыльях... на каких? — ну просто на крыльях — лечу в Спасское — и „немедленно“ в Новоселки. <...> Надо, надо понюхать родного воздуха, чем бы он ни отзывался» (*Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 180). В Россию Тургенев приехал 6 июня 1868 г. и провел здесь около месяца, в Новоселках он оказался 12 июня (см.: Там же. Т. 9. С. 7, 11).

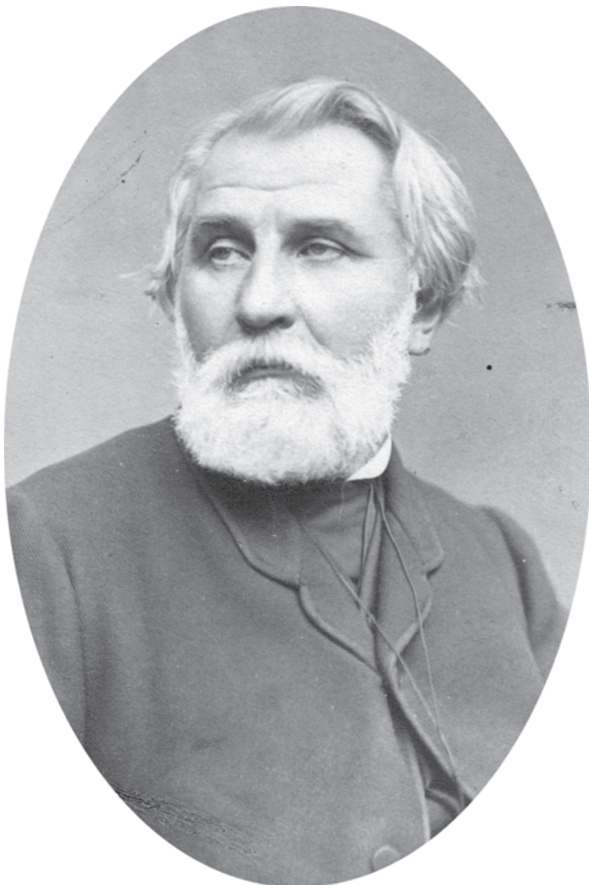
[11] К 12 мая 1868 г. Фет должен был прибыть в Мценск на съезд мирового суда и, видимо, спрашивал Борисова, который собирался ехать в Москву за Петей, будет ли он еще в Новоселках.

[12] Сын А. Н. Шеншина Владимир, как и Петя Борисов, воспитывался в немецком Петропавловском училище.

[13] Имеется в виду Генрих (Гейнрих) Петрович *Велер* (Веллер), упоминаемый в адрес-календарях города Москвы 1870—1880-х гг. в качестве учителя мужского Петропавловского училища. Письмо Фета к Велеру неизвестно.

[14] Шарль Поль де *Кок* (1793—1871), плодовитый французский романист, имевший репутацию фривольного автора. Романы его были чрезвычайно популярны в Европе.

[15] Имеется в виду четвертый том романа «Война и мир» (см. письмо 106). О Бережецком см. примеч. 2 к письму 91.



И. С. Тургенев.
Фотография Ж. и Л. Альгейер. Карлсруэ, 1868 г.

108
Борисов — Фетам
16 мая 1868 г. Из Новоселок в Степановку

16 мая 68. *Новоселки.*

Как-то вы доехали,[1] милейшие, т. е. живы ли, здоровы ли, а прочее пустяки.

Вот и от Ивана С<ергеевича> получил. К 1 июню обещает в Москву, но *не прежде*, и вместе поедем на родину. — Теперь же, говорит, просто дым коромыслом. Ставит оперетку, и в ней роль *Людоеда* поет

Ив<ан> Серг<еевич>.[2] Поручает передать тебе дружеский поклон — а писать к нему в Москву, в д<ом> *Уездной* конторы...[3] Экая судьба Маслову, ты отыскивал его в *винной* конторе, а теперь вот переименов<али> в уездную, т. е. все-таки Удельная.[4]

Я намерен в 1-ые числа июня выехать в Москву.

Посмотри-ка, сколько содрали за отправку к Толстому, полюбуйся сам на квитанцию.

Обнимаю вас обоих. Будьте здоровы, спасибо Вам, милая Тетя, что проведали, я с Вами отдохнул.

Ваш И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 147—147 об.

[1] Фет приезжал в Мценск по случаю мирового съезда, Мария Петровна его сопровождала. Останавливались Феты у Борисова в Новоселках.

[2] Борисов пересказывает содержание письма И. С. Тургенева от 7 мая 1868 г., в котором тот сообщал о каждодневных репетициях третьей оперетты («Людоед»), либретто к которой было написано на французском языке Тургеневым, а музыка — П. Виардо (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 197). Оперетта была поставлена в Баден-Бадене на вилле Виардо силами детей и учениц певицы. Тургенев действительно играл в этом спектакле роль Людоеда, однако он не пел, как ошибочно понял Борисов.

[3] В письме И. С. Тургенев ошибочно указал адрес: дом «Уездной» вместо «Удельной» конторы (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 8. С. 197, примеч. «а» к письму 2257).

[4] *Маслов* Иван Ильич (1817—1891), с 1860 г. управляющий Московской удельной конторой; приятель Тургенева. Проживал на казенной квартире в доме Удельной конторы на Пречистенском бульваре. Тургенев, приезжая в Москву, обычно останавливался у Маслова.

109
Борисов — Фетам
24 мая 1868 г. Из Новоселок в Степановку

24 мая 68. *Новоселки*.

Если мне редко удается забираться к вам, милые друзья, на конях, то не жалуйтесь, что летаю на бумаге чуть не с каждой почтой. Здравствуйте, живучи Сионы! Лев Николаевич уже прочел твою статью, Афоня, и поручает только просить твоего соизволения «*позволить ему сделать в ней некоторые вымарки* (*Очень мало и до меня не касающиеся*)».[1] — А потому, душа моя, ты об этом пиши ему прямо, а то ответ

твой может меня здесь не застать. Я рассчитываю 1-го июня быть у него,[2] и если и он и к тому времени не получит твое<го> ответа, то я именем вашего полка дам ему твое согласие и увезу статью к Каткову.[3] Но *дабы* воля ваша, милая дяденька, не претерпела стеснения, я от вас ожидаю соизволения в Москве. Адресуй мне в контору Боткиных, куда и буду наведываться. — Так что если напишешь, что с вымарками не печатать, то и привезу ее к тебе. Но полагаю, что и сам ты хотел *погладить*, вот вероятно и Толстой это прозрел.

Слава Богу: *Вёллер*[4] отвечает уже решительно, что после 10-го он нам предает себя на пропятие.[5] Езопка[6] же по случаю окончания его экзамена возгорелся нетерпением поскорей в Новоселки, и по его расчету я должен явиться в Москву в какую-то среду или четверг, в два дни все скупить и домой.

Я только что возвратился от И. П. Новосильцова[7] и почти больной — холодный ветер и потрясения дорожные мне ббо-бо. Вчера приехал рано на брега Оки в Жуковой — посмотрел, что глубоко, а вместо парома вертится какой-то рыбий садок. Ну, я и назад. — Вот бы о чем мировым судьям помыслить. На земство уже надежды нет, в три года ни на что внимания не обратили. — Холод, ветер и засуха. Посадили всё яровое.

Смотри же, Афоня, теперь уже есть надежда более, что мы 12 можем быть в Новоселках, и ты во всяком случае найдешь все тебе готовое, и 11 тебя будет ожидать еда и верх твой,[8] и если на низ захочешь, то можешь. Если выедем с Иваном Сергеевичем, то и его протащу до Новоселок.[9]

Мне предстоят ужасные хлопоты — соорудить сарай, о котором тебе говорил, и не знаю, как над этим умудрюсь — просто свищу соловьем. Голод, а на работу нет охотников, и картошка не разошлась. — Вот что вы, газетчики, наделали. Только народ мутите, который видимо-невидимо (должно быть с голоду) валит на богомолье и в Задонск, и в Киев, и с Киева в Подбелевец, словом, «закурила».

Ну, однако, прощайте. Спасибо вам, потолковал с вами, и как будто всё полегчало.

И. Борисов.

И думать нечего, чтобы ответ твой застал меня здесь. — Пиши в Москву, в контору Боткиных.

Яровое все гибнет от засухи, холода и ветров.[a]

---

[a] *Вписано на левом поле страницы.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 148—149 об.

[1] Это письмо Л. Н. Толстого неизвестно. Подразумевается статья Фета о романе «Война и мир» (см. примеч. 8 к письму 107). Фет согласился печатать статью с «вымарками» Толстого (см. примеч. 3 к наст. письму).

[2] Борисов собирался в Москву, чтобы взять сына из школы на каникулы. По пути он заехал в Ясную Поляну (этот факт не отражен в «Летописи» Н. Н. Гусева).

[3] В не дошедших до нас письмах к С. В. Энгельгардт Фет, видимо, делился своими сомнениями в успешном исходе дела, поскольку ряд предыдущих его статей «Русский вестник» не принял. Энгельгардт связывала неблагоприятную для Фета позицию журнала с именем его фактического редактора Н. А. Любимова. «Я уверена, — писала она 18 мая 1868 г., — что Катков напечатал бы вашу статью с большим удовольствием, дело в том, что он не хозяин в „Русском вестнике“. Мне рассказывали свидетели, что раза три-четыре в год он заглянет в журнал и раскричится на Любимова, но это, разумеется, ни к чему не приводит» **(**«...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету) / Подгот. текстов и публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 207**)**. Из ее же письма от 14 августа 1868 г. следует, что Фет получил письменный отказ Каткова, в чем Энгельгардт обвинила опять-таки Любимова: «То, что вы пишете о распоряжениях „Р<усского> вестника“ насчет вашей статьи, меня нисколько не удивляет. Я даже уверена, что письмо вам написал г-н Любимов, генерал-губернатор „Р<усского> вестника“, — а Михаил Никифорович, не прочитав статьи, подписал письмо» (*ИРЛИ*. № 20298_2. Л. 11; см. также: *Письма Энгельгардт*. Ч. 1. С. 122). О дальнейших попытках опубликовать статью свидетельствует состоявшийся летом 1868 г. обмен письмами между Фетом и П. И. Бартеневым. В письме от 14 июня 1868 г. Фет уполномочил Бартенева взять его рукопись из редакции «Русского вестника» «в случае, если по каким-либо соображениям статья не может быть помещена у них», для передачи в «Вестник Европы» или другой журнал (Летописи Государственного литературного музея. М., 1938. Кн. 2: Л. Н. Толстой. С. 261). 26 июля Бартенев сообщил Фету ответ М. М. Стасюлевича, который сводился к следующему: «Вестник Европы» уже поместил о «Войне и мире» статью П. В. Анненкова и возвращаться к этой теме редакция считает неудобным, тем более, что Фет в своей статье не совсем сходится с Анненковым в оценке романа Толстого (*РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 62). Статья Фета о «Войне и мире» так и не появилась в печати, местонахождение рукописи неизвестно. Возможно, она была частично утрачена в редакции одного из петербургских журналов. Некоторое основание для такого предположения дает письмо Фета к М. П. Боткину от 27 марта 1870 г., в котором поэт, поблагодарив шурина за хлопоты, писал: «Что же прикажете делать с нашими литературщиками, которые хуже всякого пьяного сапожника теряют чужие труды. Видно, что Дмитрий Кириллович (Тоболеев, камердинер умершего в октябре 1869 г. В. П. Боткина. — *И. К.*) принадлежит к той счастливой эпохе, когда на литер<атурные> труды не смотрели как на тряпки и когда редакции, хоть по наружности, не напоминали толкучки. / Сделайте милость, выручите что есть и захватите рукопись с собою в деревню» (*ИРЛИ*. Ф. 365. Оп. 1. № 59. Л. 29—29 об.).

[4] См. примеч. 13 к письму 107.

[5] *Пропятие* (книжн. устар.) — то же, что распятие.

[6] Шутливое прозвище Пети Борисова (см. примеч. 3 к письму 89).

[7] Борисов побывал в имении И. П. Новосильцова Воин (см. примеч. 4 к письму 84).

[8] 11 мая 1868 г. Фет должен был приехать в Новоселки, чтобы на следующий день присутствовать на заседании мирового суда.

[9] Борисов и И. С. Тургенев прибыли в Новоселки вечером 12 июня 1868 г. «Фет здесь, — писал Тургенев П. Виардо 13 июня 1868 г., — он очень растолстел, облысел, отпустил огромнейшую бороду. Чтобы рассмешить меня, он облачился в судейский мундир — он в нем и правда очень забавен» (*Тургенев. Письма.* Т. 9. С. 235. Подлинник по-франц.). В тот же день, 13 июня, Тургенев выехал в Спасское.

110
Борисовы — Фетам
12 августа 1868 г. Из Москвы в Новоселки

Рукой И. П. Борисова:

Москва. 12 августа 68.

Поздравляю тебя, друг мой Афоня, твой ученик и племянник принят,[1] экзамен прошел *манифик*.[2] Обоих вас рад бы обнять в эту минуту за все, все, все. Но это после. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! Мы едва не возвратились из Мценска, вот так была пытка. Дождались поезда из Орла, и главн<ый> кондуктор объявил, что *никого* не берет. Запрещено.[3] Что делать!? Тут я вспомнил Ицку, Мордехая, и начал потихоньку: не мозно ли? Ну, наконец, заметил смягчение, и нам отворили двери темного вагона — лезьте, мол, довезу. А потом уже его удовлетворили на чай. — В 2 часа днем в воскр<есенье> были в Москве,[4] а из Мценска выехали в 10 веч<ера> в субботу, да в Туле прождали часа три.

Сегодня отправились в Лицей, и часов с 10 до 4-х шли экзамен<ы>. Каткова еще не видал — приезжал Леонтьев,[5] он и порешил — так что завтра я пойду часа в 4, чтобы покончить счеты. Детей везут много — заявили уже человек на 80, но большая часть полупансионерами.

Заходил на Маросейку,[6] *все здоровы*, завтра увижу и Дмитр<ия> Петровича,[7] были и в школе, но ни Леша,[8] ни Генлейна[9] не застали, все до завтра. Туфли и калоши *куплены*, то же и бумага, и карандаши, и *всё*, остается только высадить Телемака и самому скорей возвращаться в Итаку.[10] Но это не прежде, как 16-го,[11] а что прикажете делать до того времени. — А все-таки слава тебе, Боже наш, слава тебе, судья неправедная за то, что ты да Тетя двинули меня, болящего, на подвиги, что и Сизиф[12] бы не тронулся из Новоселок. Обнимаю вас крепчайше, а после 25 а<вгуста> надеюсь сбегать к вам и земно кинуться к вашим стопам за все-все-все.

И. Борисов.

Училище колонновожатых. Москва, Большая Дмитровка.
Акварель Б. Земенкова

Рукой Пети Борисова:

Милая Тетя и милый Дядя!

Целую и обнимаю вас крепко. Экзамен выдержал хорошо и благодарю тебя за себя. Надеюсь зимой увидаться с тобой и с Тетей, баллы мои следующие: русск<ий> яз<ы>к: 5, нем<ецкий> яз<ы>к: 4, reif für die II classe.[a] Ариф<метика> очень хорошо. Зак<он> Бож<ий> хорошо. Из франц<узского> не экзаменовали. Остаюсь любящим тебя

П. Борисов<ым>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 150—151 об.

[1] Петя Борисов поступил в первый класс основанного М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым Лицея цесаревича Николая, который в обыденной речи именовался Катковским лицеем. Впервые о намерении создать учебное заведение нового типа, призванное воплотить в жизнь идеи классического образования, было заявлено в передовой статье «Московских ведомостей» от 26 сентября 1867 г. (см. примеч. 6 к письму 87), а в январе следующего года три первых класса Лицея были уже открыты (*МВед*. 1868. № 8. 12 января. С. 2). Воспитанники могли получить как гимназическое образование (восемь классов), так и университетское (три

[a] подготовлен во 2-й класс (*нем.*).

класса). В начальный период своего существования (до переезда на Остоженку в августе 1875 г.) Лицей арендовал двухэтажный дом Цыплаковой на Большой Дмитровке, где и прежде размещались учебные заведения: Муравьевское училище колонновожатых (1814—1823) и пансион М. Г. Павлова, в котором некогда учился сам Катков. Здание это не сохранилось, в настоящее время на этом месте дома № 9 и № 11.

Видимо, Фет, имевший склонность и способности к педагогической деятельности, готовил Петю к экзаменам в Лицей. Раньше, перед поступлением племянника в Петропавловское училище, он учил мальчика читать по-французски (*МВ*. Ч. 2. С. 77).

[2] От франц. magnifique — великолепный.

[3] Железнодорожное сообщение между Орлом и Мценском официально было открыто только 15 августа 1868 г. (*Орл губ вед*. 1868. 17 августа. № 33. С. 332).

[4] Т. е. 11 августа 1868 г.

[5] *Леонтьев* Павел Михайлович (1822—1875), филолог, доктор римской словесности, профессор Московского университета; ближайший соратник Каткова по изданию «Московских ведомостей» и «Русского вестника». Автор множества передовых статей в «Московских ведомостях», посвященных реформе учебной системы. С июля 1870 г. и до конца жизни был директором Лицея, где преподавал латинский и греческий языки, а также древнюю историю.

[6] Имеется в виду дом П. П. Боткина на Маросейке.

[7] Речь идет о Д. П. Боткине.

[8] См. примеч. 5 к письму 88.

[9] *Генлейн* Василий Мартинович, один из учителей немецкого в Петропавловском училище, прусский подданный (Памятная книжка разных учреждений города Москвы на 1873 год. С. 644).

[10] Борисов сравнивает себя с древнегреческим царем Итаки Одиссеем, а Петю — с его сыном Телемаком, героями «Одиссеи» Гомера.

[11] 12—14 августа 1868 г. в Лицее шли вступительные экзамены, а с 16 числа начиналось «полное преподавание», с обязательным участием всех поступивших (*МВед*. 1868. 21 июля. № 159. С. 1).

[12] *Сизиф* — персонаж древнегреческой мифологии; царь Коринфа, за многочисленные проступки приговоренный богами после смерти к бессмысленному труду: вечно вкатывать на гору тяжелый камень, который срывался вниз, и все приходилось начинать сначала. Вероятно, Борисов имел в виду не Сизифа, а другого мифического персонажа, Геракла, с его двенадцатью подвигами.

111
Борисов — Фетам
17 августа 1868 г. Из Новоселок в Степановку

17 августа 68. Новоселки. *Половина седьмого. Утро.*

Еще самовар не вскипел, а я скорей всеми мыслями к тебе, душа моя, как я обрадовался твоим строчкам на столе,[1] буду, непременно

П. М. Леонтьев и М. Н. Катков

буду дома 5 сент<ября>,[2] ну куда мне... Тетя, милая, добрая, целую ручки и за Попку, и за себя. Он вас обоих целует, и наши беседы с ним дорогой и по Москве часто бывали о вас. Слава Богу, все дело уладилось хорошо — до последнего дня бодро и весело шел он на Лицей, *но* 16, когда нам надо было в 8 ч. утра быть там — слезы с 6 час. не переставали почти и мне пришлось *бежать* без прощаний, но я надеюсь, что его успокоят. Познакомились мы там с многими *родителями* воспитанников, нашего все ласкали, и он оказывал невиданную прежде

бойкость, только спасовал на прощанье. И Катков, и Леонтьев тебе кланяются. У Каткова мы были 14-го, а 15 у Оленьки в Сокольниках почти целый день.[3] — Девочка выросла, и действительно ей хорошо. Но каково было общее изумление, когда вследствие спора ее с Петей узнаем, что она *не знала*, как звали ее отца. До сих пор она была *Афанасьевна*, и Петя только ей открыл — Васильевну. Вот что <значит> индейское воспитание. Два раза заходили на Маросейку и один раз в Амбар, но *никого*, т. е. Дмитр<ия> Петр<овича>[4] не заставали. Все, Тетя, Ваши здоровы, я написал Дмитр<ию> Петров<вичу> записочку и за Вас подал вести. Из Москвы поезд вышел в 5 вечером, а на другое утро *в 5 были в Амченске*.[5] Бартенева[6] не видал, он не приезжал в Москву. Но нежданно встретился на станции с Л. Н. Толст<ым>, и вместе до Тулы проболтали развесело.[7] Он хлопочет о втором издании «Войны и м<ира>»,[8] а 5-й том разве в окт<ябре>.[9] — Софья Андр<еевна> опять выкинула, но это ничего, только докторов близко не подпускать. Все тот же, он что-то похудал. Тебя просит *простить* его за неответ. На это я ему сказал, что ты уже знаешь и не привыкать к его аккуратности. Если удастся ему в нашу сторону, то намерен прямо катить в Степановку. Но едва ли он к нам попадет. Планы во все концы по астролябии.

Хочется и чайку уже выпить, и за говядиной пора — спешу! Спеши, спеши, обнимаю вас обоих, дорогие мои друзья. 5 притоманно[10] я есмь дома. — Спеши, если прежде не буду у вас с горя. Горемыкин Иван.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 152—153.

[1] Упомянутое письмо Фета к Борисову неизвестно.

[2] 6 сентября 1868 г. в Мценске должно было состояться очередное заседание мирового суда. См. примеч. 6 к письму 113.

[3] Речь идет о племяннице Фета и Борисова Ольге Шеншиной (см. примеч. 4 к письму 87 и примеч. 11 к письму 88).

[4] Имеется в виду Д. П. Боткин.

[5] *Амченск* — простонародное название Мценска.

[6] См. примеч. 3 к письму 105. Фет, видимо, просил Борисова узнать о судьбе своей рукописи, которая находилась у П. И. Бартенева (см. примеч. 3 к письму 109).

[7] Известно, что в середине августа 1868 г. Толстой ездил в Москву для встречи с П. И. Бартеневым по делам печатания «Войны и мира», но не застал его (*Толстой. Летопись (1828—1890)*. С. 354). Данное письмо, из которого следует, что Толстой отбыл из Москвы вечером 16 августа и доехал до Тулы в компании Борисова, предоставляет более точные сведения.

[8] Второе издание «Войны и мира» Л. Н. Толстой отдал печатать, видимо, весной 1868 г., первые четыре тома вышли в начале октября того же года, что видно из объявления, опубликованного в «Московских ведомостях» (1868. 10 октября. № 218. С. 1). Пятый и шестой тома печатались одновременно в двух изданиях.

Разница в тексте первого и второго издания незначительна (*Толстой.* Т. 61. С. 205, примеч. 2 к письму 266).

[9] Пятый том «Войны и мира» поступил в продажу в феврале 1869 г.

[10] *Притоманно* (диал.) — подлинно, достоверно, точно, воистину.

112
Борисов — Фетам
27 августа 1868 г. Из Новоселок в Степановку

27 а<вгуста> 68. Новоселки.

О, как я мучился до сегодня. Ни одного письма не получал, ни вести, ни слуху о Попке. Просто оставалось во Мценск и на чугунку. Но, слава Богу, все благополучно. Разом два письма от него и от С. М. Сухот<ина>, который только что с машины так к нему[1] и тотчас уведомляет, что все *хорошо*. — Вот только за такие услуги можно Генералу себя отдать под соусом... а ты все его не ценишь. — О, Вавилон, Вавилон!!!

Обнимаю вас и целую крепко, милые друзья Афоня и Марья Петров<на>. Если бы мог уделить вам частицу моего восторга за Попку, то, разумеется, половиною бы поделился. Но вы далеко, да понимаете ли, ведь я еще утром нынче умирал и в о с к р е с.

Первое Попкино письмо отправлено 17, второе 24-го,[2] это исправность почт по жел<езной> дороге — т. е. просто Азраилы,[3] я бы их всех отдал Бубульке[4] на съеденье. Попка здоров и учится хорошо, но все увидишь сам из его писем — это курьез. Последнее письмо уже все: папа приезжай скорей — две страницы, а первое сдержанно лучше.

Куропаток нашел два стада, из одного вырвал 1, а всех штук 10, другое штук *в сорок*, ничего не повредил — да с ними в наших местах *невозможно*.

Хлопот полон рот: молотильный барабан чиню. Допахивать, т. е. сев, еще много осталось — не всю еще яр<овую> пшеницу свезли. Гречиху не докосили, но, слава Богу, урожай хороший. В Фатьяновой ржи 800 к<опен>! А за пшеницу озимую во Мценске дают 7 р., уж лучше в тюрьму.

О *смородине*, Тетя, я помню, но теперь, право, некогда послать, да еще и тепло, лист держится, а самому пуститься к вам, как хотелось, выходит невозможно — хожу налаживать молотилку. — Тит ЯКЛИЧ совсем не механик, да и новый дорогой приказчик — ни-че-го, и из них ничего не сделаешь. Это только ты, Афоня, можешь восхвалять мое хозяйство — убогое, а я от него готов хоть на небеса. Горе!

С этой же почтой на мое имя из Франкфурта-на-М<айне> прислали *два* билет<а> лот<ерейных>, чтобы я выслал денежки, обещая, что непрем<енно> выиграю по 150 т<ысяч>, а!!! Хочу отослать их Каткову. Экие бестии, и кто узнал мое имя. Верно, московск<ие> шельмы, но кто? Черт их знает.

Попка велит вас целовать, так и за него, и за себя обнимаю крепко. Буду ждать вас обоих 5-го сент<ября>.

Друг и брат
И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 154—155 об.

[1] О С. М. Сухотине (Генерале) см. примеч. 7 к письму 81. Сухотин вернулся из поездки за границу.

[2] Эти письма Пети Борисова неизвестны.

[3] *Азраил* — ангел смерти в иудаизме и в исламе.

[4] Бубулька — охотничья собака Борисова.

113
Борисов — М. П. Фет
8 сентября 1868 г. Из Новоселок в Степановку

9 сент.[1] 68. *Новоселки.*

Как я сожалею, милая Марья Петровна, что не приехали с Дядей. На этот раз — погода чудо и дорога хорошая. Сегодня Афоня ночевал у Богатырева,[2] пишет, что до 12 час. продолжалось вчера собрание,[3] а сегодня в 10 утром опять собираются, и он нынче же намерен в Москву.[4]

У меня был Н. В. Калачев,[5] третьего дни он с Афоней ездил на съезд[6] и там поддерживал Вашего мужа по судейским вопросам, находя во всем требования Афони справедливейшими.

Успели и поохотиться на куропаток, и по тому, что ничего Вам не отправляется из добычи, можете догадаться, какова была удача, а куропаток пропасть.

Смородину препровождаю, прикажите теперь же ее подать и полить хорошенько, да нарезав черенков с нее. Генерал[7] мог бы теперь же их посадить, — они до зимы успеют дать корешки, а весной лучше и быстрей пойдут.

Все бы хорошо, да от Попки давно не имею писем, и это меня буровит, но, Бог даст, Дядя о нем напишет.

Я было хотел пожертвовать Бубульку Афоне, но он ей не воздал должной цены, и потому не дам ему, а она прелесть неоцененная, просто чудо, а щеночка Доркина оставил для Вас.

Что Вам сказать хорошего. Сижу дома и никуда... Вчера проводил Калачева на машину — ночью это отвратительно. Афоня мне толком не сказал, заедет ли, или промчится прямо к вам.[8] Напишет, верно, из Москвы.

Какова осень, Тетя! Просто чудо. Целую Ваши ручки тысячу раз и за себя и за Попочку. Желаю Вам скорей дождаться Афоню — лучшего для Вас желания у меня теперь нет.

Будьте здоровы и не забывай<те>

искренно Вас любящ<его>
И. Борисов<а>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20308. Л. 17—18.

[1] Датировка Борисова ошибочна, письмо было написано на второй день работы уездного земского собрания, т. е. 8 сентября 1868 г. (см. примеч. 3 к наст. письму).

[2] *Богатырев* — купец, содержатель постоялого двора в Мценске.

[3] 7—8 сентября 1868 г. в Мценске состоялись заседания 3-го очередного уездного земского собрания, на которых Фет присутствовал. 7 сентября собрание открылось в 7 часов вечера (см. опубликованные «Журналы» этого собрания), поскольку в первой половине дня в городе прошел съезд уездного дворянства.

[4] Фет прибыл в Москву по делам 9 сентября 1868 г. 10 сентября он писал В. П. Боткину: «Приехал же я в Москву по случаю продажи по нашему соседству хорошего имения и готов был, собрав все свое и женино, дать 50 тыс. рублей, но вчера узнал, что имение уже куплено за 70 тыс. руб.» (*Фет/Боткин*. С. 524).

[5] См. примеч. 9 к письму 88.

[6] Имеется в виду мировой съезд, который был перенесен с 12 на 6 сентября. Н. В. Калачов (см. примеч. 9 к письму 88) присутствовал на съезде в качестве почетного мирового судьи.

[7] Генерал — в данном случае прозвище садовника Фетов.

[8] Фет не заезжал на обратном пути к Борисову, поскольку возвращался не один, а с многочисленными родственниками жены.

114
Борисов — Фетам
22 октября 1868 г. Из Москвы в Степановку

22 окт. 68. *Москва.*

Здравия желаю, Ваше Высокородие[1] Афанасий Афанась<евич> и Марья Петровна.

Все здесь обстоит благополу<чно> и на Маросейке,[2] и на Покровке,[3] и на Б<ольшой> Дмитровке,[4] и на Петровке в 7 № «Англии» (где я стражду).

Сегодня было у нас собрание гласных. Володя, Сеня и Петя провели целый день вместе, спорили за Лицей и Школу и только за обедом смородинов<ой> шипучкой заключили мир за всех школьников и здоровье Лешу[5] и Каткову.

Я до сих пор не найду угла себе — обещали, да надули — сегодня. Новосильцовы[6] только сегодня уехали. Тут наших мценских и новосильских видимо-невидимо.

Л. Н. Т<олстого> — нет. — Он охотится под Тулой, а книгу его и *второе* издание скоро расхватают.[7] V том выйдет скоро или никогда,[8] от первого издания у Бартенева буквально *ни единого экземпл<яра> не осталось*, я взял последний для П. П. Новоси<льцова>, везет в Ниццу.

Каткову и Аксакову за статьи о Юрии Самарине дали *словесное* нравоучение — назидание.[9]

Приезжайте поскорей, пока виноград по 20 к<опеек> за фунт. Можно лечиться, т. е. купить 5 ф<унтов> и питаться, ни чаев уже, ни обедов. — Мне он помогает удивительно. Даже в Швейцарию не нужно, действие и на Петровке то же. Сама земляника ничто в сравнении с этой ягодой.

Чтения у меня здесь вволю, но пения не слыхать. Мимо театра еще не проходил и не проезжал, в концерты не попадал, на пожары не ездил, — под судом и следствием не бывал, вот вам мой полный формуляр, а денег все-таки уже много промотал. — 75 оставил в Новоселках молотилке, да 50 в Лицей — *за одежу*, чтобы не знать и этого горя, а то Попка новые рубашки уже состарил. За своим добром они лучше посмотрят. Если бы Бог дал мне еще *душевного* покоя, то я бы совсем справился и отдохнул и, право, *палец о палец* не шелохнул бы. И теперь начинаю чувствовать это блаженство — божественную лень. — Пишу вам, мои милые, собрав все силы, пока они не започивали, а то буду подобно вам, мои дражайшие, ни гу-гу. От вас никогда не дождешься строчки.

Попка вас целует, учится отлично и, должно быть, за это носит знак *отличия* на бороде. Всюду мы получаем приглашения, но откладыв<аем> до праздников — *бо* гранить мостовые[10] почти настолько же отвратительно, что и по нашим грунтовым и шоссейным проселкам.

Милая Тетя, целую ручки Ваши. Напишите мне *положительно*, будете ли и когда? Так и буду Вас ожидать.

Будьте здоровы и к нам на отдых.

Всем сердцем Ваш

И. Б.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 156—157 об.

[1] В качестве мирового судьи Фет имел право на титулование «ваше высокородие», полагавшееся чинам V класса, т. е. статским советникам.

[2] Имеется в виду дом Петра П. Боткина в Петроверигском переулке, вблизи Маросейки.

[3] Имеется в виду дом Д. П. Боткина на Покровке.

[4] В доме Цыплаковой на Большой Дмитровке находился Лицей цесаревича Николая, где с августа 1868 г. воспитывался Петя Борисов.

[5] Р. В. Леш — директор Петропавловского училища (см. примеч. 5 к письму 88), где воспитывался племянник Фета Володя Шеншин.

[6] Речь идет о П. П. Новосильцове и его жене М. А. Новосильцовой. См. примеч. 2 к письму 96 и примеч. 10 к письму 99.

[7] О втором издании «Войны и мира» см. примеч. 8 к письму 111.

[8] См. примеч. 9 к письму 111.

[9] *Самарин* Юрий Федорович (1819—1876), публицист, критик, историк; один из разработчиков крестьянской реформы; общественный деятель славянофильского направления. Автор многотомного сочинения «Окраины России», выпущенного за границей в 1868—1876 гг. Этим изданием пытался противодействовать центростремительным тенденциям, набиравшим силу в Польше, Финляндии, Остзейском крае и даже на Украине и в Закавказье. Первые два выпуска «Окраин», посвященных остзейскому вопросу, вышли в Праге в 1868 г. и вызвали волнение в русском обществе. Со стороны ряда газет, в особенности тех, что выходили на немецком языке, посыпались обвинения в узости взгляда, национализме, наконец, в том, что он разжигает страсти и вызывает вражду между немцами и русскими. Именно с таких позиций рассматривали «Окраины» в правительственных кругах. В ноябре 1868 г. Самарин был вызван московским генерал-губернатором для объявления ему высочайшего неудовольствия. «Московские ведомости» и газета «Москва», издававшаяся И. С. Аксаковым, встретили «Окраины» с горячим сочувствием, напечатав в их поддержку множество статей. Для Каткова это не имело серьезных последствий, чего нельзя сказать об Аксакове. Распоряжением министра внутренних дел от 21 октября 1868 г. «Москва» получила третье предостережение с приостановкой издания на 6 месяцев (*МВед.* 1868. 24 октября. № 229. С. 1), что заставило Аксакова вовсе прекратить выпуск газеты «впредь до наступления более благоприятных обстоятельств» (Там же. 3 ноября. № 238. С. 1).

[10] Гранить мостовую (устар.) — много и долго ходить.

115
Борисов — Фетам
24 октября 1868 г. Из Москвы в Степановку

24 окт. 68. Москва.

Нашел квартиру! у! На Рождественке, против Клиники,[1] в д. *Бекерса*, № 16, в меблиров<анных комнатах> Лемана за 50 р. с обедом.

Тепло, чисто и тишина. Одна, но большая комната, лестница, коридор и Париж теплые...[2]

Вчера вам отправил письмо,[3] следовательно, сегодня и писать нечего.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 158.

[1] Имеется в виду Факультетская клиника Московского университета.
[2] По всей видимости, подразумевается уборная.
[3] См. письмо 114.

116
Борисов — Фетам
30 октября 1868 г. Из Москвы в Степановку

30 окт. 68.

Москва, в Газетном переулке,
в доме Хлудова, в квартиру
г-жи Пейшес.
И. П. Борисову.

Вот тебе мой настоящий адрес. — Да, голубчик, — сейчас только перебрался сюда от *Лемана*,[1] которым не успел и четырех суток попользоваться, да благим матом кувыркнул, и 65 р., отданные вперед,[a] не остановили — пропадай. Что делать. — У Лемана малень<кая> заболела скарлатиной, а они ни гу-гу, и никаких осторожностей в сообщении. Только узнал об этом и пустился искать... Ну и наткнулся на старую знакомую француженку, которую 30 лет не видал, и у нее-то *две комнаты* в двух шагах от Пети и со столом, с чаем и кофе, чего еще. — О Господи, будет ли здесь-то спасение. Смотри же, не путай адреса, а помни: Настька здорова, Катька больна...

У Боткиных кроме конторы еще не был — обещал к Дмитр<ию> Петр<овичу>, да вот этакие передряги. — Дмитр<ий> Петр<ович> все хворает, и его засадили *дома*. Горло и голос расхромались.

Поздравляю же, однако, Вас, милая Тетя, с 1440 десятинками на Неручи.[2] — Это просто Вы уже степь Моздокскую захватите краями Ваших владений. — Воображаю, как будет метаться теперь Ваш благоверный супруг — и... и... и...[3] Главное то, что все это Вы, Вы, Тетя, набираете себе обузы с яровыми и уборками.[4] Но я уже знаю моего друга, вижу его отсюда, предвижу его отсюда и только могу желать успеха и на враги же победу и одоления.[5]

[a] отданные вперед — *вписано над строкой*.

Теперь не могу вам ничего и писать со смыслом, едва вытащил этот листок, еще не разобрался и голова качается от укладываний, и беганий, и розысков, но все-таки надеюсь, что засну спокойно, а то не найди Пейшес — всю ночь бы бегал волком. Обнимаю вас обоих и умолкаю, усталый, изморенный, но успокоенный. У всякого свое, друг мой Афоня. Колесование мы с тобою любим до скончания века веков.

Чтения у меня здесь вволю, и бринькают разные европейские знамени<тости>, даром слушаю. И если бы ты был на моем месте третьего дня, то Тетя об тебе бы поплакала, а я веду жизнь трезвую. Ну, прощай, не прощай. Ваш И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 19–20 об.

[1] О квартире, снятой в меблированных комнатах Лемана, Борисов сообщал в письме 115.

[2] В октябре 1868 г. М. П. Фет приобрела у соседки Марии Павловны Селиховой 144 десятины земли при сельце Марьинском (Неручь), заплатив за них 7000 рублей. Купчая была утверждена старшим нотариусом Орловского окружного суда 15 января 1869 г. (С.-Петербургские сенатские объявления. 1869. 6 марта. № 19. С. 141). «Вы, вероятно, будете удивлены, я покупаю маленькое имение на свои собственные деньги за 7 тысяч 140 десятин, — писала М. П. Фет В. П. Боткину 19 октября 1868 г. — Во-первых, меня пленило местоположение превосходное, река, старые липы, от нас в 7 верстах. Но главная моя цель была, чтоб Фет имел ценз. С продажею Тима он терял свой ценз — но жить в деревне и не иметь права голоса, это будет скучно для Фета. Сначала Фет был против этой покупки, а теперь очень доволен <...> кроме того что местоположение очаровательное, и земля там отличная, так что я надеюсь, что процентов я получу с этого имения не менее, как я получаю у братьев. Конечно, землю будем раздавать мужикам» (*Фет/Боткин*. С. 529). О продаже тимского имения см. примеч. 3 к письму 99.

[3] Ср. с тем, что Борисов писал о Фете И. С. Тургеневу 8 февраля 1865 г.: «Вы еще не видали его, когда он спешит в Степановку после Москвы. Тут только и слышу от него: „Ты сам знаешь, можно ли мне куда отъехать?“ и... и... и... тысячами сыпятся разные хозяйственные заботы» (*Письма Борисова к Тургеневу (3)*. С. 484).

[4] Феты собирались сдавать Марьино в аренду (см. примеч. 2 к наст. письму).

[5] На враги же победу и одоление — устойчивый оборот православного богослужения, употребляемый, в частности, при провозглашении многолетия императору.

117
Борисов — Фетам
17 ноября 1868 г. Из Москвы в Степановку

17 нояб. 68.
Москва, Газетный пер., д. Хлудова, кварт. Пейше.

Ну за что ты меня угугал, моя databaseродея, и как же! Думал ли я, не то что теперь, но когда-либо, что *харя моя в сто крат лучше, чем у друго-*

го, а у нас в Расее только такие аристократы и мыслимы, по указанию Ковалевского.[1] За галиматью твою спасибо — давно уже от 1-й до последне<й> строчки не читал я такого милого фетства, которое исходит из тебя, как из светляка. Смейся сколько угодно, моя милая, насчет моей мудрости — я, друг ты мой, теперь действительно не бью кулаком в грудь и не приговариваю «А еще!». Теперь я так спокоен, что даже спокойно помышляю и о тебе, хоть ты вопи на всю Степановку курдых-курдах. — А еще! ставлю перед тобой самого Санхо[2] и слушаю его с удоволь<ствием>, как он отбивает: Не было печали — черти накачали. Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить. Горбатого одна могила исправит. Не смейся гриб г..., мороз ударит — хуже г... будешь. — Но этой пословицы и Санхо не знал, и потому уже: Смирно!! Дайте волю нам всем кувыркаться по-своему, как кому угодно — Петруша, держи свечку перед грудью! Ты курдых-курдах кричи. Катков с Леонтьевым охотятся на Скарятина, и желчь разливается от «*Вести*».[3] Толстой Л. Н. недавно выкупался на охоте в реке и обледенел<ый> возвратился домой — а V т<ома> все нет.[4] Твой кишечный друг и ненавистник И<ван> С<ергеевич> чуть не во всех журналах выставляет по повести[5] — ничего не делая — за что ты его все хочешь убий. Ну а на меня-то за что ты — ведь я не *пáдали дó ног*, а уже давно *лежу*. — А следовало бы теперь же по чугунке катить к вам в Орел и завтра кричать ура! за *нашу* чугунку.[6] Вот эта штучка действительно вывезла нам навозу по сто возов на каждую десятину и не на один год. — Слышишь ли ты, разумеешь ли[7] эту штуку. Вот я этим так доволен, что просто *лежу*. Завтра пошлю Шереметеву[8] телеграмму. От редакции «Моск<овских> вед<омостей>» поехал туда Новосильский.[9] — Я ему дал поручение обратиться к тебе с моим поклоном как Гогу и Магогу,[10] рассчитывая, что, верно, ты уже будешь на этом торжестве[11] и не дашь никому посрамить земли русской в Орле. — Здесь по слухам ожидают, что Смоленскую неудачу Скарятин хочет затмить Орловск<ой> победой.[12] Уж не выпалит ли из Ц<арь>-Пушки самим Лонгиновым.[13] Если бы ты смазал статью в «М<осковские> вед<омости>», так летучею кубырдахнув по снохачам «Вести», то, я уверен, Катк<ов> с Л<еонтьевым> за тебя помолились бы.[14] — Но только надо живо, чтобы не простыла.

Сейчас, т. е. час тому, свел Попку в Лицей — весь день и вчера он был со мною и умница, право, Дядя, наш Попка славный мамока, и Генерал,[15] просидевший с нами вечер, зашел с нами в их залу — там уже шумел самовар — и детвора. По чашкам разливали *млеко* (О не сердитесь, Фет, слуга Ваш С. Громека).[16] Вечером заходил Турчанинов — рисовальн<ый> учит<ель>,[17] но урок отложил до четверга. — Езопка[18] хотел с утра еще к вам писать, да не пришло<сь>, я за него целую вас

обоих. — Ждем каждый по-своему и Тетю, и тебя. Приезжайте сюда на отдых, на облегчение души, и тела, и кармана разумеется, это главное облегчение тягостной жизни.

Дмитрий П<етрович>[19] все хворает, сидит дома. А у Езопки все еще с бороды не пропала совсем золотуха, не велят на воздух, т. е. на мороз, и он перебежит только домой и обратно — Марья Н<иколаевна> Толстая и Дьяковы прибыли и поселились в доме *Ладыженской молодой*.[20] Звали, чтоб зашел к ним, но я как-то боюсь этого *дома*, там одноглазки. Генерал бывает, ничего. Никакой нет возможности понять этот винегрет, но мне он так еще претит, как кубок, в который мы пускали слюни на торжестве Тимирязева.[21]

Прощайте, милые други, будьте здоровы да собирайтесь, уже пора. Ваш неизменный Борисов.

Днем здесь еще тихо, на улицах можно ходить пешком, но как только стемнеет, так и взволдырится, и начинается такой карнавал с папиросами,[а] что берегись. — Нет, народными театрами не сманят из кабаков. Иду домой часу в 9-м вечера, какой-то извозчик в самое ухо шепчет: «Господин — опойковые[22] сапожки есть». — С кого-то он их стащил, и кто-то в них защеголяет. — Вот она, жизнь-то *по душе*, не дожил Ап. Григорьев.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 159—161 об.

[1] О каком Ковалевском Фет писал Борисову — неясно. Поэт был лично знаком по меньшей мере с двумя представителями этой фамилии: с путешественником и писателем Егором Петровичем *Ковалевским* (1811—1868) и его племянником литератором Павлом Михайловичем *Ковалевским* (1823—1902). См.: *МВ*. Ч. 1. С. 128—129, 172. Младший Ковалевский оставил мемуары, в которых, в частности, рассказал о совместном с Фетом и Некрасовым пребывании в Риме в конце 1856 г. (*Ковалевский П.* Встречи на жизненном пути // Григорович Д. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 414—415).

[2] Имеется в виду персонаж романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» Санчо Панса (в старых переводах — Санхо-Панса); его речь изобиловала пословицами и поговорками.

[3] «Весть» — политическая и литературная газета, имевшая репутацию «крепостнической». Выходила в Петербурге в 1863—1870 гг. под редакторством Владимира Дмитриевича *Скарятина* (1825—1900), который издавал «Весть» сначала вместе с Н. Н. Юматовым, а с 1867 г. практически единолично. Была печатным органом части дворянства, недовольной крестьянской реформой 1861 г., а именно тем, что законодательная власть избрала систему крестьянского самоуправления вместо

[а] с папиросами — *вписано над строкой.*

того, чтобы оставить административную власть в руках помещиков. Следствием этого, по мнению газеты, стала развращенность крестьянского сословия и общее обеднение. «Московские ведомости» и «Весть» вели между собой ожесточенную полемику, особенно по вопросу о Западном крае. Катков обвинял «Весть» в том, что она, защищая интересы польских помещиков, ставит сословные интересы выше национальных и государственных.

[4] См. примеч. 9 к письму 111.

[5] С письмом от 3 ноября 1868 г. И. С. Тургенев послал П. В. Анненкову свою новую повесть «Несчастная», которая была передана в «Русский вестник» (о чем, видимо, знал Борисов) и опубликована в январе 1869 г. В 1868 г. вышли в свет следующие произведения Тургенева: «История лейтенанта Ергунова» (*РВ*. № 1), «Бригадир» (с подзаголовком «Рассказ»; *ВЕ*. № 1), а также предисловие к русскому переводу романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне» (*ВЕ*. № 9).

[6] Речь идет об Орловско-Витебской железной дороге, построенной Орловским губернским земством по концессии, полученной от правительства в марте 1867 г.; подрядчиками были московский купец 1-й гильдии Петр Ионович Губонин и генерал-майор в отставке Александр Борисович Казаков. Линия железнодорожных путей протяженностью в 488 верст пролегала от Орла через Хотынец — Карачев — Брянск — Рославль — Смоленск — Витебск, связывая черноземную полосу с Северо-Западным краем. На 18 ноября 1868 г. в Орле были назначены торжества, посвященные завершению работ на участке от Орла до Рославля и вводу всей дороги в эксплуатацию.

[7] «Слышишь ли, разумеешь ли?» — цыганская песня; упоминается в рассказе Фета «Кактус» (1883).

[8] *Шереметев* Александр Васильевич (1830—1890), близкий сосед Борисова по имению Глазуново; камергер, крупный помещик (только в Мценском узде ему принадлежало 4600 десятин земли); в 1866—1873 гг. орловский губернский предводитель дворянства (Формулярный список от 6 июня 1873 г. // *РГИА*. Ф. 1284. Оп. 91. Б. 1871 г. № 106. Л. 64—71).

[9] Новосильский — лицо неустановленное.

[10] *Гог и Магог* — в библейской эсхатологии два народа, нападение которых потрясет мир незадолго до второго пришествия Мессии.

[11] Фет на на торжествах в Орле не присутствовал (см. письмо 118).

[12] Под «смоленской неудачей» Борисов подразумевает обструкцию, устроенную редактору газеты «Весть» В. Д. Скарятину 8 октября 1868 г. в Смоленске. На торжественном обеде, данном в честь открытия первых двух участков Орловско-Витебской железной дороги, речь Скарятина была прервана возгласами «довольно» и звуками оркестра. Скандал усиленно комментировался в печати, в том числе «Московскими ведомостями». М. Е. Салтыков (Н. Щедрин) откликнулся на это происшествие фельетоном «Литература на обеде», опубликованным без подписи в «Отечественных записках» (1868. № 11. Современное обозрение. С. 163—175). Обед в Орле, состоявшийся 18 ноября, прошел без эксцессов. См. письмо 118, а также корреспонденцию «Открытие земской Орловско-Витебской железной дороги» (*МВед*. 1868. 21 ноября. № 252. С. 3).

[13] *Лонгинов* Михаил Николаевич, орловский губернатор (1867—1871). См. о нем подробнее в наст. томе: Письма Фета к М. П. Боткиной. С. 448 (примеч. 6 к письму 25).

[14] Фет не откликнулся на призыв Борисова и не стал писать статью против «Вести».

[15] Имеется в виду С. М. Сухотин (см. примеч. 7 к письму 81).

[16] *Громека* Степан Степанович (1823—1877), председатель Радомской комиссии по крестьянским делам (1864—1867), затем седлецкий губернатор, чиновник для особых поручений при варшавском генерал-губернаторе; известный в свое время публицист. Давний приятель Фета, с которым познакомился в 1845 г. в период службы поэта в Херсонской губернии (см. об этом: *РГ*. С. 323, 330—331); возможно, тогда же свел знакомство и с Борисовым. В молодости писал стихи, которые изредка появлялись в печати (см., например: *Громека С*. Степь // *БдЧ*. 1845. Т. 65. № 8. Отд. 1. С. 144—147). Сохранилось стихотворное послание Громеки к Фету 1858 г., написанное по случаю женитьбы Борисова на Н. А. Шеншиной (*РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 1. № 22; опубл.: *МВ*. Ч. 1. С. 222). Вероятно, письма в стихах были обычны для Громеки.

[17] Вероятно, имеется в виду художник Капитон Федорович *Турчанинов* (1821—1900), который преподавал рисование в ряде московских учебных заведений, в том числе в мужском училище евангелическо-лютеранской церкви св. апостолов Петра и Павла.

[18] Шутливое прозвище Пети Борисова (см. примеч. 3 к письму 89).

[19] Речь идет о Д. П. Боткине, о болезни которого Борисов извещал Фетов в письме 116.

[20] Имеется в виду Мария Алексеевна *Сухотина* (урожд. Дьякова; 1830—1889), жена С. М. Сухотина, сестра Д. А. Дьякова, близкого друга Л. Н. Толстого. В 1868 г. развелась с Сухотиным и вышла за С. А. Ладыженского. Обстоятельства этого развода послужили фактическим материалом для описания развода Карениных в романе Толстого.

[21] См. примеч. 2 к письму 81.

[22] *Опойковый* — сделанный из опойка. Опоек представляет собой один из сортов мягкого кожевенного (сапожного) товара, идущего главным образом на легкую обувь. Материалом для выделки опойка служат шкуры молодых телят в возрасте меньше одного года, питавшихся только молоком.

118
Борисов — Фетам
23 ноября 1868 г. Из Москвы в Степановку

23 ноябр. 68.
Москва, Газетный,
д. Хлудова, в кварт. Пейше.

Только такой враг мой, как ты, мог издеваться над мудрецом И. Б. Но ты, впрочем, известный уже сочинитель, поэтому и *сочинил*, а я, знаешь ли, кто по правде-то? Был, есть и буду отчаянная голова, т. е. пропащий человек, значит.

Мне необходимо побывать в Новоселках, чтобы курдых-курдах, но я этого не боюсь и, уезжая, был к этому не прочь, т. е. сажусь на стул, когда, понимаешь... а не по-твоему, за пять лет усаживаться. Ну да что с тобой шуметь, а около 5 дек<абря> буду в Новосел<ках> и напишу тебе об этом еще из Москвы, уезжая. Вот я и думаю, что если 10 ты в Амченске,[1] то мы увидимся, а может, я к тому времени управлюсь и с тобой же назад сюда, а если тебе два дни в Амченске, то и ты, и Тетя перебудете в Новоселках. Мы будем жить в *Фигуре*.

От И<вана> С<ергеевича> получил вчера. Он переселился в Карлсруэ, *детей воспитывают*. В январе или феврале сбирается *в П<етер>бург*, а может, и в Москву прокатит.[2]

На «*Войну и мир*» жестокое нападение *А. Норова* в «Военном сборнике» за ноябрь 68[3] — а потом еще *жесточей* в 12 «Архива» кн. П. Вяземской.[4] Все это дурно подействует на Л<ьва> Н<иколаевича>, то есть может еще помешать V тому явиться на свет,[5] а он теперь опять было принялся за него.

Видно, тебя не было на Орловск<ом> обеде чугунки.[6] Новосильский[7] тебя не нашел, и обед прошел бесскандально.

Попка у меня и спит уже давно, кончив урок, с рисовал<ьным> учит<елем>[8] уладили, чтобы в суб<боту> по вечерам рисовальничать.

Вчера был я в концерте Музык<ального> общества. Ах, Тетя, Тетя, как я жалею, что Вас не было. Про исполнение оркест<р>а говорить нечего, а уж как Арто[9] м<-л>ь пела, и самому Дяде так не взять, словом, на славу.

Завтра поеду поздравлять Катерину Петровну,[10] и увижу всех ваших, а Попку завезу к Оленьке[11] — если только нам что не помешает.

Обнимаю вас за нас обоих, а пишу скверно оттого, что не пером, а каленой стрелой, так и пронзает бумагу.

Будьте здоровы, милые.

Ваш И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 161–162 об. Письмо написано на именной почтовой бумаге с монограммой «И. Б.» в левом верхнем углу.

[1] См. примеч. 5 к письму 111. Обычно Фет приезжал в Мценск к 12 числу каждого месяца на заседание мирового съезда.

[2] Имеется в виду письмо от 16 ноября 1868 г., где И. С. Тургенев, в частности, писал Борисову: «Поселяюсь же я в Карлсруэ потому, что Виардо сюда переехали — для воспитания своих детей, — а мне без них было бы в Бадене просто жутко. <...> В Москву я не собирался в феврале приехать — а собирался и собираюсь в Петербург» (*Тургенев. Письма*. Т. 9. С. 91). В 1869 г., однако, Тургенев в Россию не приехал.

[3] *Норов А.* Война и мир (1805–1812). С исторической точки зрения и по воспоминаниям современника (По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого: «Война и мир») // Военный сборник. 1868. № 11. С. 189–246. *Норов* Абрам Сергеевич (1795–1869), участник Бородинской битвы, министр народного просвещения в 1850-х гг. В своей обширной статье ставил в вину Толстому, что он не понял и не оценил событий 1812 г.: «...громкий славою 1812 год, как в военном, так и в гражданском быту, представлен <...> мыльным пузырем <...>» (С. 189–190).

[4] Имеются в виду «Воспоминания о 1812 годе» князя П. А. Вяземского, вызванные чтением «Войны и мира» (*РА*. 1869. № 1. С. 181–192, 01–016 (так!)). Под публикацией дата: «Сентябрь 1868 г.». Вероятно, Борисов, лично знакомый с издателем «Русского архива» П. А. Бартеневым (см. о нем примеч. 3 к письму 105), читал воспоминания Вяземского в корректуре или даже знал об их содержании со слов Бартенева. Князь Петр Андреевич *Вяземский* (1792–1878), участник Бородинской битвы, товарищ министра народного просвещения в бытность министром А. С. Норова. По мнению Вяземского, роман Толстого «есть <...> протест против 1812 года; есть апелляция на мнение, установившееся о нем в народной памяти и по изустным преданиям и на авторитете русских историков этой эпохи: школа отрицания и унижения истории под видом новой оценки ее, разуверения в народных верованиях <...>» (С. 186).

[5] См. примеч. 9 к письму 111.

[6] Имеется в виду обед по случаю открытия последней очереди земской Орловско-Витебской железной дороги, данный в Орле 18 ноября 1868 г. См. примеч. 6 к письму 117.

[7] Новосильский — лицо неустановленное.

[8] См. примеч. 17 к письму 117.

[9] Симфонические концерты Русского музыкального общества, открытого в Москве в 1860 г., проходили в Колонном зале Дворянского (Благородного) собрания. 22 ноября 1868 г. там состоялось «первое» (видимо, после летнего перерыва) собрание Общества, в программе были заявлены: увертюра М. А. Балакирева, концерт для виолончели К. Экерта, «Героическая» симфония Бетховена, а также две арии (из «Альцины» Генделя и «Свадьбы Фигаро» Моцарта) в исполнении Д. Арто (*МВед*. 1868. 19 ноября. № 250. С. 1). Дезире Арто (Artôt; 1835–1907), французская певица бельгийского происхождения, ученица П. Виардо. Обладая голосом редкого диапазона, исполняла партии меццо-сопрано, драматического и лирико-колоратурного сопрано. В 1868 г. Арто впервые появилась на московской сцене, где стала украшением итальянской оперной антрепризы Мерелли. По свидетельству известного музыкального критика Г. А. Лароша, это была «тридцатилетняя девушка с некрасивым и страстным лицом, только что начинавшая полнеть и затем быстро состарившаяся и видом, и голосом. <...> Раньше ее приезда в Москву два города, Берлин и Варшава, полюбили ее чрезвычайно. Но нигде, кажется, она не возбудила такого громкого и дружного восторга, как в Москве. Для многих из тогдашней музыкальной молодежи <...> Арто явилась как бы олицетворением драматического пения, богинею оперы, соединившей в одной себе дары, обыкновенно разбросанные в натурах противоположных. Интонировавшая с безукоризненностью фортепиано и обладавшая превосходной вокализацией, она ослепляла толпу фейерверком трелей и гамм, и должно сознаться, что значительная часть ее репертуара была посвящена этой виртуозной стороне искусства, но необыкно-

венная жизненность и поэтичность экспрессии, казалось, поднимала и низменную подчас музыку на высший художественный уровень» (*Чайковский М. И.* Жизнь Петра Ильича Чайковского: В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 279—280).

[10] Имеется в виду сестра М. П. Фет — Е. П. Щукина.

[11] Речь идет о племяннице Фета Ольге Шеншиной, которая воспитывалась в пансионе Эвениус (см. примеч. 11 к письму 88).

119
Борисов — Фетам
26 ноября 1868 г. Из Москвы в Степановку

26 н<оября>.

Письмо твое, добрая, милая голубочка,[1] получил и не мог в то же время вполне им усладивося, не успел даже написанного своего отправить — совсем готового в ящик, вскрыл его, чтобы добавить вдруг налетевшую беду.

С Попкой опять был внезапно припадок дурноты, но, слава Богу, кончилось благополучно, и снова все признаки нигилистов, а не чего другого. У него были гости — Володя[2] и еще два лицеиста, и он был, как можно желать только — здоровеньким — но после обеда часа через $1\,^{1}/_{2}$ подошел ко мне и повалился на руки без чувств. — Часа полтора трясло, как в сильнейшей лихорадке — потом жар ужаснейший. — Ночью уже прибыл их доктор и ничего *не дал* до утра. Ночью рвота — на другой день слабительное и более ничего — осталась слабость и болела голова, но скоро и это миновало. — Так что теперь я спокоен, но двое суток некогда было ни за что взяться. — Насчет моей поездки я *не откладываю*, надеюсь, что можно будет — после *6-го д<екабря> в путь*. Твои стишные поручения мы уже несколько раз читали с хохотанием, особенно ему нравится от *Тетки Попке и от Дяди*, но он читает от *Тети*.[3] Авось *Кухенрейтера*[4] добудем, а если оный Василий не состоится, то есть время приискать иного, не слишком дорогого.[5] На случай же крайности возьми Емельяна из Подбелевца[6] — но нет, нет, сей уже слишком облакалтусит — а хорош! и Пирогова на днях навещу,[7] теперь еще не сдал моего лицеиста — больно ослабел, ноги не держат еще. Обнимаю вас крепко, ну, буду я помнить 24 Екатерину и 23 н<оября> рождение *Шопенгауэра*.[8] Хотя и записано в календаре, но все осталось в Новоселках. — Какая же ты старая-старая, Дядя. Обнимаю вас за нас обоих, будьте здоровы.

И. Борисов.

На конверте: В *г. Орел*, на *Алисовскую* станцию.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Фету.

Почтовые штемпели: 1) Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 26 ноя<бря> 1868; 2) Орел, 27 ноя<бря> 1868.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 163—163 об.; конверт — л. 164.

[1] Это письмо Фетов неизвестно.

[2] Имеется в виду племянник Фета В. А. Шеншин.

[3] Эти стихи, как и письмо, в котором они были посланы, неизвестны.

[4] *Кухенрейтер* — знаменитая баварская (из Регенсбурга) ружейная династия, представители которой изготавливали пистолеты и охотничьи ружья высокого качества. Возможно, речь идет о покупке ружья марки «Кухенрейтер».

[5] Ср. у А. С. Пушкина: «А где найти мне такого / Служителя не слишком дорогого?» («Сказка о попе и его работнике Балде»).

[6] Феты искали себе повара. Примерно в это время М. П. Фет отказала давно служившей у нее горничной Марьюшке, отличавшейся сварливым характером, а заодно и ее мужу, повару Михайле (см. письмо Фета к В. П. Боткину от 14 декабря 1868 г.: *Фет/Боткин*. С. 532). Новый повар появился в Степановке в январе следующего года.

[7] Скорее всего, имеется в виду знакомый Борисову и Фету каретник Пирогов.

[8] 23 ноября — день рождения Фета, которого Борисов в шутку называл Шопенгауэром.

ПЕРЕПИСКА ФЕТА и В. П. ГАЕВСКОГО (1853—1856, 1884)

Публикация С. А. Ипатовой

Биография Виктора Павловича Гаевского (1826—1888), журналиста, литературного критика, историка литературы, адвоката, библиографа, хорошо освещена в справочно-биографической, научной литературе и публикациях о нем.[1] В 1850—1880-е годы он был деятельным участником культурной и общественной жизни России — принимал активное участие в создании и деятельности таких общественных организаций, как Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), Русское музыкальное общество, Общество пособия сценическим деятелям, Общество поощрения художеств и др.; состоял членом Общества посещения бедных (1850—1855). Приведем основные вехи его биографии: выпускник Александровского лицея (1845), чиновник Министерства финансов, затем Министерства народного просвещения (1846—1861) и Археографической комиссии (с 1848 г.); присяжный поверенный округа Петербургской судебной палаты. На протяжении ряда лет Гаевский помогал Н. А. Некрасову в редактировании «Современника» (1850—1853)[2] и «Отече-

---

[1] Отец Гаевского — Павел Иванович (1797—1875), известный переводчик и цензор, директор департамента народного просвещения (1844—1859). Подробнее о В. П. Гаевском см.: *Воропонов Ф.* Несколько слов о В. П. Гаевском // L. Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909. <СПб., 1910>. С. 246—247; *Краснов Г. В.* Гаевский В. П. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 510—511. См. также: *Кобак И. В.* Семейная переписка Гаевских 1820-х—1880-х гг. как исторический источник. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2014. Личные фонды Гаевского см.: *РНБ*. Ф. 171; *ИРЛИ*. Ф. 67.

[2] См.: *Заборова Р. Б.* Неизвестные письма Н. А. Некрасова и И. И. Панаева к В. П. Гаевскому по вопросам издания «Современника» // Некрасовский сбор-

ственных записок» (1854—1855), периодически выступая в них, а также в «Журнале министерства народного просвещения» (1849—1859) в качестве критика и обозревателя текущей литературы, поэтому входил в круг литераторов, сотрудничавших в этих изданиях. Известен своими работами по Пушкину и А. А. Дельвигу. Такая разносторонняя и многообразная деятельность снискала ему широкую известность среди литераторов, журналистов, музыкантов, ученых и общественных деятелей. В той или иной степени Гаевский был близок, находился в дружеских отношениях и состоял в переписке с Некрасовым, И. И. Панаевым, А. В. Дружининым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, И. С. Тургеневым, Д. В. Григоровичем, Я. П. Полонским, Фетом, М. М. Стасюлевичем, А. А. Краевским, А. И. Герценом и мн. др.

Знакомство начинающего литератора Фета с уже известным в литературных кругах Гаевским, соредактором всесильных некрасовских изданий, состоялось в начале 1850-х годов, скорее всего в декабре 1853 — январе (с 3 по 28) 1854 года,[3] когда после перевода в гвардию и с началом службы в лейб-гвардии Уланском полку под Петербургом поэт предпринимает поездки в столицу, где стремится восстановить литературные связи и завести новые. По воспоминаниям Фета, его знакомство с Некрасовым и кругом «Современника» состоялось в конце 1853 года. В этот период он заводит отношения с И. И. Панаевым, А. Я. Панаевой, а также литературным кружком «Современника», в который входили: Дружинин, П. В. Анненков, И. А. Гончаров, Григорович, М. А. Языков, М. Н. Лонгинов, Краевский, Гаевский и др. Фета принимают в писательскую среду и единодушно признают его поэзию. Некрасов старается заполучить поэта в «исключительные» сотрудники своего журнала.[4]

А. Я. Панаева вспоминала: «Фет уже был известен своими стихотворениями в литературе с сороковых годов; но я познакомилась с ним только в начале пятидесятых годов. Он приехал в Петербург на продолжительное время в отпуск из полка, и я виделась с ним каждый день. Фет находился в вдохновенном настроении и почти каждое утро являлся с новым стихотворением, которое читал Некрасову, мне и всем литераторам, кто просил его прочесть».[5] 7 декабря 1853 года Дружинин записал в своем дневнике, что на обеде у Панаева «нашел

ник. М.; Л., 1956. Вып. 2. С. 424—428; *Смирнов В. А.* В. П. Гаевский — современник Некрасова // Там же. Л., 1983. Вып. 8. С. 67—73.

[3] *Летопись (1994)*. С. 302.

[4] См.: *МВ*. Ч. 1. С. 36.

[5] *Панаева А. Я.* Воспоминания. М., 1986. С. 202. Об общении Фета с другими литераторами в этот период см. также: Письма А. А. Фета к А. А. Краевскому (1854—1856) / Публ. В. А. Лукиной // *ФетСб(1)*. С. 451—455.

В. П. Гаевский

несколько новых лиц», среди которых «поэта Фета <...> коренастого армейского кирасира, говорящего довольно высоким слогом».[6] А под датой 17 декабря 1853 года отметил, что обедал у Панаева с Фетом и другими, где читали его «очень милую вещь» («Днепр в половодье», а также перевод из Горация «К Лидии»).[7] Армейская служба поэта

---

[6] *Дружинин. Дневник.* С. 252; см. также с. 253—254, 257, 259, 260, 263 (сер. Лит. памятники).

[7] Там же. С. 255.

усложняла подобные дружеские встречи, об одной из них, более поздней, Фет вспоминал: «...в первых числах января 1856 года, испросивши четырнадцатидневный отпуск, я однажды вечером растворил дверь в кабинет Некрасова и нежданно захватил здесь весь литературный кружок».[8] С 1852 года Фет постоянно печатался в «Современнике», но к 1859-му прекратил свое сотрудничество с журналом; одной из причин этого разрыва стало возобладавшее в издании к этому времени революционно-демократическое направление, претившее поэту.[9]

Период дружеского общения Фета и Гаевского был недолог и ограничен временем их общей юности и общими друзьями из круга «Современника» — серединой 1850-х, возможно, началом 1860-х годов (в связи с кратковременным участием поэта в Литфонде). Затем их пути разошлись, вплоть до осени 1883 года, когда, в связи с возросшим интересом к недавно скончавшемуся Тургеневу (22 августа), по инициативе Гаевского было предпринято издание «Первого собрания писем И. С. Тургенева», в котором он выступил в качестве редактора и автора примечаний.[10] Выручка от продажи тиража шла в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, для учреждения в нем капитала имени Тургенева, который был одним из учредителей Общества и членом его Комитета со дня основания (1859) и до самой смерти.[11] В письме от 31 октября 1883 года Гаевский, обращаясь к Фету за помощью, напомнил об их дружеском общении в молодости: «После долгих лет, за которыми далеко остались наши дружеские встречи в молодости, мне пришлось обратиться к Вам вот по какому случаю» (см. письмо 3). 20 июля 1884 года Фет, в свою очередь, припомнил этот период их общения, но дал понять, что их пути бесповоротно разошлись: «Когда мы так дружелюбно встречались с Вами, мы были, можно сказать, неопытными птенцами, не знающими, по выражению Гёте, wo aus wo ein (где выход, где вход — *нем.*). Но с тех пор пора было мне установиться в мыслях и суждениях. Разница та, что мы тогда не знали, куда примкнуть, а теперь если и ложно примкнули, то бесповоротно» (см. письмо 6).

Возвращаясь к предпринятому Литфондом изданию писем Тургенева, следует напомнить, что Гаевский с самого основания Общества

---

[8] См.: *МВ*. Ч. 1. С. 126.

[9] Поводом стала резкая статья Д. Л. Михаловского «Шекспир в переводе г. Фета», давшая основания поэту почувствовать себя оскорбленным (см.: *Совр.* 1859. № 6).

[10] Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883 гг. СПб., 1884.

[11] Подробнее об участии Тургенева в Литфонде см.: Неизвестная записка Тургенева о пожертвованиях в Литфонд (1861) (Дополнение к Летописи жизни и творчества писателя) / Публ. С. А. Ипатовой // *Тургенев. НИиМ(4)*. С. 410—423.

участвовал в его начинаниях и вошел в состав учредителей, а также в число членов его первого Комитета; он неоднократно избирался председателем этого благотворительного общества (1875—1876, 1879—1880, 1884). Именно Гаевский выступал инициатором многих издательских проектов, предпринимавшихся Литфондом с целью «усиления своих средств» для материальной помощи нуждающимся литераторам. Так, доходы Общества особенно возросли благодаря переиздававшимся в течение многих лет «Стихотворениям» С. Я. Надсона и к 1909 году составили 124 тысячи рублей.[12] Подобным «коммерческим» проектом должно было стать и издание писем Тургенева, смерть и грандиозные похороны которого показали огромную популярность писателя в России. В предисловии к «Первому собранию писем», помеченном 28 октября 1884 года, говорилось, что уже 2 сентября 1883 года, то есть через десять дней после смерти писателя, на заседании Комитета Литературного фонда было «постановлено учредить в его память неприкосновенный его имени капитал, для выдачи на проценты с этого капитала вспомоществований» нуждающимся литераторам и ученым.[13]

Непростая работа по сбору и составлению «Первого собрания писем», напечатанного во исполнение этого постановления (том вышел через год с небольшим), легла на плечи его редактора Гаевского, ставшего, при ближайшем участии М. М. Стасюлевича, цензором собранных для издания писем, а также многолетнего друга писателя П. В. Анненкова.[14] На письма и просьбы Гаевского откликнулись Д. В. Григорович, М. Е. Салтыков, Я. П. Полонский,[15] А. Г. Достоев-

---

[12] *Ярославцев Я. А.* Издательская деятельность Литературного фонда (1859—1917) // Книга: Исследования и материалы. М., 1987. Сб. 54. С. 151—152.

[13] На том же заседании было принято решение об издании писем Тургенева (см.: *ИРЛИ*. Ф. 155. Журналы Комитета Общества. 1883—1884. Кор. 10. 1883. Кн. 2. Л. 127; *РНБ*. Ф. 438. № 24. Комиссия по погребению И. С. Тургенева и постановке ему надгробного памятника. 51 л.). См. также: Первое собрание писем И. С. Тургенева. С. V.

[14] Организации похорон Тургенева и работе над подготовкой издания его писем посвящен дневник Гаевского (хранится: *РНБ*. Ф. 171. № 1; частично опубликован: Из дневника В. П. Гаевского (1883—1887 гг.) / Публ. Г. Никольской // Красный архив. 1940. № 3 (100). С. 229—243).

[15] 11 сентября 1883 г. Гаевский записал в дневнике: «Заходил к Я. Полонскому, от которого получил более 150 писем к нему Тургенева <...> и сегодня же вечером принялся разбирать их. В них поразили меня неумеренные похвалы Полонскому и брань Некрасову, которого Тургенев называет „мазуриком“. Уж не знаю даже, печатать ли это?» (всего в «Первом собрании...» было опубликовано 244 письма Тургенева к Полонскому и его жене, которые составили, таким образом, почти половину тома). 16 сентября Гаевский сделал запись в дневнике: «Григорович доставил мне его (Тургенева. — *С. И.*) письма к нему»; 17 сентября: «Сегодня получил письмо от

ская и др.,[16] но были и корреспонденты, не пожелавшие предоставить тургеневские письма (П. Виардо, М. Г. Савина, В. Я. Карташевская и др.).[17] Всего в собрание вошло 488 писем писателя к 55 адресатам за 43 года (с 1840 по 1883 г.; с пробелом в 12 лет — с 1841 по 1852 г.). Подбор имен адресатов оказался достаточно случайным, так как составился лишь из имен владельцев, предоставивших имевшиеся у них письма Тургенева. Сложный процесс собирания писем начался с обращения Гаевского и заинтересованных в издании членов Литфонда к тургеневским адресатам.[18] Среди первых лиц, к кому обратился редактор, был и Фет (известны 122 письма Тургенева к Фету). Сохранившаяся переписка Гаевского с Фетом по этому поводу свидетельствует о явном нежелании поэта выносить на всеобщее обозрение

Рольстона, который представляет в мое распоряжение письма к нему Тургенева»; 14 октября: «Сегодня получил письмо от Полины Виардо, которая обещает <...> выбрать из своей корреспонденции с Тургеневым несколько его писем...» (как известно, ни одно из своих многочисленных обещаний П. Виардо не выполнила); 24 октября: «Утром заезжал к Достоевской», которая «обещала доставить» несколько «интересных писем Тургенева к ее мужу» (см.: Из дневника В. П. Гаевского. С. 230—236).

[16] В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся материалы по подготовке к изданию «Первого собрания писем И. С. Тургенева», где приведен перечень имен адресатов и владельцев, предоставивших письма Тургенева к 18 июня 1884 г. (всего 389 писем из 488 вошедших в издание). См.: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 3. № 30. Л. 2—3.

[17] Так, в том же дневнике Гаевского имеется запись: «4 ноября. В. Стасов писал Карташевской о доставлении писем Тургенева, которых у нее около ста. Она сначала согласилась, но, пересмотревши письма, отказалась» (Из дневника В. П. Гаевского. С. 236). Помимо Фета, под тем или иным предлогом отказ был получен от П. Виардо, М. М. Стасюлевича, опубликовавшего письма Тургенева к нему лишь в 1912 г., Савиной, М. Н. Каткова. П. В. Анненков из огромного числа писем, полученных им от Тургенева, предоставил только два, бóльшая часть писем составила документальную основу его статьи «Шесть лет переписки с Тургеневым» (см.: *ВЕ*. 1885. № 3, 4). Некоторые поступившие письма были отвергнуты самой редакцией. Так, из 30 писем Тургенева к Н. А. Милютину и его жене, опубликованных ранее в «Русской старине» (1884. № 1), Гаевский перепечатал только 20, а остальные 10 отверг, аттестовав их в письме к Стасюлевичу от 6 августа 1883 г. как «слишком бессодержательные и потому для нашего издания непригодные». И далее замечал, что письма к Виардо стали бы «весьма важным приобретением для нашего издания и вознаградили бы за ту скуку, которую нагонит на читателя масса писем к Полонским» (см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. СПб., 1912. Т. 3. С. 636).

[18] Одним из первых корреспондентов Тургенева, к кому обратился Гаевский, был В. Р. Рольстон (см.: *Алексеев М. П.* В. П. Гаевский и В. Р. Рольстон о Тургеневе // *ТСб(1).* С. 335—344). См. также: Из истории «Первого собрания писем И. С. Тургенева» / Публ. Л. И. Кузьминой // Ученые записки Курского гос. пед. ин-та. Орел, 1971. Т. 74: Третий межвузовский Тургеневский сборник. С. 264—271.

частную переписку, отразившую долгие и непростые отношения двух литераторов. Не отказывая Гаевскому впрямую, Фет прилагает очевидные усилия, чтобы под различными предлогами затянуть переговоры и уклониться от участия в издании. Реакция Фета на издание «Первого собрания писем» Тургенева, скорее всего, была негативной. Н. Н. Страхов писал Фету 9 декабря 1884 года: «Читаю „Письма Тургенева“ и очень дивлюсь тому, что там об Вас писано, будто Ваши стихи когда-то, и многие годы, были все слабые. / Что это такое?».[19]

Как известно, в «Первом собрании...» письма Тургенева к Фету отсутствуют, что, конечно же, было связано с намерением Фета самому воспользоваться ими в уже, возможно, задуманных мемуарах, к написанию которых поэт приступил гораздо позже.[20] Вписывая эпистолярные источники в собственную биографическую канву и в общую картину русской общественной и литературной жизни, Фет едва ли задавался академическими эдиционными принципами, что было впоследствии поставлено ему в вину исследователями. Так, Н. Л. Бродский, сличивший письма Тургенева из «Моих воспоминаний» с автографами, пришел к неожиданному заключению, что Фет, страдая «субъективным пристрастием», намеренно и упорно «редактировал» письма, придавая им «специфическую окраску», а именно «подкрашивал» себя отсечением критических отзывов Тургенева, сохраняя при этом положительные оценки своей поэтической деятельности; изменял тургеневские высказывания и бранные выражения; изымал целые строки, свидетельствующие о его недугах; переставлял слова и таким образом ретушировал образ корреспондента темными красками. По мнению исследователя, Фет стремился нивелировать «стилистическое своеобразие» Тургенева заменой его характерных выражений («сукин сын» на «разбойник» и др.). «Становится очевидным, — заключал Бродский, — что Фет действительно „изувечил“ переписку своего приятеля, отплатил ему сторицей за работу, проделанную Тургеневым над сборником стихотворений 1856 г.».[21] Если бы исследователь сличил оригиналы с письмами из «Первого собрания...», ему, вероятно, пришлось бы внести коррективы и в характеристику отношения Гаевского и Стасюлевича к Тургеневу. Но следует признать очевидное: Фет действительно в определенном смысле «отредактировал» письма, главным образом изымая все личное, мало имеющее отношение к характеристике творческих связей, литературного процесса и собственной биографии.

---

[19] См.: *Фет/Страхов*. С. 389.

[20] См.: *МВ*. Ч. 1, 2.

[21] См.: *Бродский Н. Л.* Фет — редактор Тургенева // Звенья. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 477.

Из предисловия от редактора следует, что вышедший сборник не исчерпывает всей «громадной переписки» Тургенева и составляет весьма небольшую ее часть, так как далеко не все доставили Комитету имеющиеся у них письма; тем не менее, как утверждал Гаевский, «и в настоящем своем виде этот сборник обнимает главнейшие литературные отношения покойного и вместе представляет весьма ценный автобиографический материал». Поясняя принципы своего издания, редактор признавался, что письма, «по рассмотрении текста, были сокращены или доставившими их лицами, или редакциею в тех местах, которые имеют совершенно интимный характер, или вообще не могли быть признаны пока удобными для печати по близости времени».[22]

Издание вышло 29 октября 1884 года (в продажу поступило 7 ноября) в количестве 6025 экземпляров (цена 2 рубля 50 копеек) и стало событием в литературе, вызвав оживленную и разноречивую дискуссию в печати.[23] Помимо положительных откликов (С. А. Венгерова, В. П. Буренина, В. О. Михневича и др.), заглавия некоторых рецензий говорили за себя: «Капитальная бестактность», «Литературная неразборчивость», «Нарушение воли». А сопутствующие выражения, вроде «Тургенев в неглиже», «перемывание грязного белья», «предательская огласка», «бесцеремонность», «удовлетворение праздного любопытства» и т. п., лишь подтверждали неоднозначную реакцию читающей публики на новое издание. Так, в рецензии «Капитальная бестактность (По поводу собрания писем И. С. Тургенева)» П. Н. Полевой, имея в виду откровенные отзывы писателя о других литераторах, писал: «...мы решительно не знаем — чему следует более удивляться: бестактности общества, издавшего письма, или наивности тех лиц, которые решились сообщить писанные к ним эпистолы? <...> В самом деле, трудно себе представить более неуклюжую, более медвежью услугу, нежели та, которую оказали памяти Тургенева его друзья, вновь возбуждая над его едва закрывшеюся могилою все перекоры и всю вражду, которые еще так недавно стихли над прахом почившего писателя...».[24]

В рецензии Ф. Булгакова, озаглавленной «Литературная неразборчивость», говорилось, что Комитет «пожелал показать нам» Тургенева «в правдивом неглиже»; книга «раскупалась бойко, и комитет литературного фонда должен быть очень доволен успехом своего предприятия. Но материальный успех книги далеко еще не может ручаться за

---

[22] Первое собрание писем И. С. Тургенева. С. V—VII.

[23] Дискуссия подробно освещена во вступительной статье к серии Писем главного редактора первого Полного собрания сочинений и писем Тургенева: *Алексеев М. П.* Письма И. С. Тургенева // *Тургенев. Письма.* Т. 1. С. 100—110.

[24] Живописное обозрение. 1884. 17 ноября. № 46. С. 306; см. также продолжение статьи: 24 ноября. № 47. С. 321—323.

ее доброкачественность». «Перемыванием грязного белья покойника нельзя доказать уважения к нему, хотя бы потому, что сам Тургенев, наверное, не рассчитывал на предательскую огласку „друзьями“ его совершенно бесцеремонных проявлений горячности. <...> Само собою разумеется, непечатные словечки и брань, расшвырянные Тургеневым на все стороны, нисколько не могут характеризовать его „главнейшие литературные отношения“».[25]

Внес свой вклад в полемику и И. А. Гончаров: «Над самим Тургеневым, редактором пушкинских писем, совершилось, по смерти его, хотя в слабой степени то же самое, что допущено им в письмах поэта. Несмотря на то, что письма Тургенева прошли через руки нескольких лиц, под редакцией старого и опытного литератора В. П. Гаевского — и тут проскользнуло несколько писем <...> которых Тургенев, конечно, не разрешил бы печатать, и много других, где он делает резкие и иногда несправедливые отзывы о людях или сочинениях». Он, «конечно, не предвидел, сколько высказанного им самим частным образом, так сказать, на ухо, приятелям, всплывет наружу перед всеми, не в далеком будущем, а вслед за его гробом».[26] «Зачем это „собрание“, — спрашивал рецензент «Петербургской газеты», — к чему оно, кто дал право обществу литературного фонда издавать эти совершенно интимные письма великого писателя? <...> Увы! Только расчетом и спекуляциею на выгодную продажу можно ответить на эти вопросы».[27] Двумя днями позже анонимный автор той же газеты писал: «Не в меру усердные поклонники знаменитого писателя, напечатав его письма, оказали ему плохую услугу»: письма «не сопровождаются надлежащими комментариями, вследствие чего дают повод к невыгодным для покойного заключениям».[28]

Позже К. Ф. Головин, вспоминая о выходе «Первого собрания писем И. С. Тургенева», писал: «...плохую услугу оказал ему его друг М. М. Стасюлевич, издав их после смерти великого писателя, — чтобы двоедушие этого с виду открыто приветливого человека обнаружилось перед глазами всех».[29] И далее: «Недавно только появились отдельной книжкой письма Тургенева, из которых большая часть была адресована Полонскому. Яков Петрович находил, как и я, что плохую услугу оказали великому писателю, напечатав его корреспонденцию. Непо-

[25] *ИВ*. 1885. № 1. С. 138—142.

[26] *Гончаров И. А.* Нарушение воли // *ВЕ*. 1889. № 3. С. 78—79.

[27] Ненужный апофеоз (Письма И. С. Тургенева) // Петербургская газета. 1884. 11 ноября. № 311. С. 2.

[28] Еще по поводу обнародования писем Тургенева // Петербургская газета. 1884. 13 ноября. № 313. С. 1.

[29] *Головин К. Ф.* Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 219.

нятно вообще, как позволяют себе с такой бесцеремонностью, едва сошел в могилу крупный человек, копаться в его частной жизни и делать достоянием публики то, что при его жизни, конечно, обнародовать бы не посмели. Разве выдающиеся личности в самом деле вынуждены оплачивать свою известность такою тяжелою данью? Разве их частная жизнь должна быть выставлена напоказ для удовлетворения праздного любопытства?».[30]

В сочувственной рецензии «Нового времени», автором которой выступил В. П. Буренин, отмечалось, что не все письма «требовали публичного оглашения», а также было высказано пожелание, чтобы обнародование дальнейшего материала «не затягивалось в долгий ящик» и «чтобы этот материал при издании редактировался более осторожно и выбор его отличался большей взыскательностью».[31] Незадолго до статьи Буренина Суворин, предоставивший редакторам письма Тургенева к нему, несколько раз критически откликнулся на книгу в своей газете,[32] но развернутую характеристику изданию он дал в письме к Гаевскому от конца ноября — начала декабря 1884 года: «...мою заметку о редакции „Писем“ Тургенева Вы считаете вызванной тем, что в письмах Тургенева ко мне не выпущена фамилия Маркевича. Это только отчасти справедливо. Григорович говорил мне, что редакция „Писем“ приняла за правило выпускать из писем все резкие слова и характеристики. Он сам из писем Тургенева к нему выпустил характеристику Стасюлевича, очень смешную, и вычеркнул какое-то слово, стоявшее около моей фамилии <...> я очень мало обеспокоен тем, что имя Маркевича явилось целиком. Он все равно узнал бы себя и под буквою „М.“, как узнали бы его весьма многие <...>. Но мне удивительно было встретить отзывы о Некрасове, о Достоевском, о Григоровиче, о Гончарове („воняет литературой“ и др.), о Черняеве. Странными мне казались приемы, которые дозволяют в одной строке упомянуть фамилию целиком, когда она являлась без прилагательного, а в другой строке ту же фамилию обозначить только начальною буквою, когда при ней стоит ругательное слово. А это случается сплошь и рядом, и об этом

[30] *Головин К. Ф.* Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 107—108.

[31] *Буренин В.* Критические очерки: Письма Тургенева // *НВр.* 1884. 23 ноября. № 3140. С. 2.

[32] Суворин высказал претензии к редакторам, которые выборочно соблюдали «известную осторожность и литературное приличие» в отношении упоминавшихся здравствовавших лиц. По мнению редактора «Нового времени», «следовало бы печатать» все имена полностью (Там же. 7 ноября. № 3124. С. 2. Маленькая хроника). Выражал Суворин упреки и в адрес Тургенева: «Когда все письма его будут изданы, то не останется в литературном мире ни одной живой души, о которой он не сказал бы чего дурного» (Там же. 8 ноября. № 3125. С. 3. См. также: Там же. 11 ноября. № 3128. С. 4).

нельзя молчать, так как редакция „Писем“, которых, вероятно, наберется несколько томов, должна выработать себе положительные правила, которые и не преступать. Я серьезно <держусь> того мнения, что о литераторах *надо все печатать*, без единого исключения, руководствуясь только тем благоприличием, которое изгоняет из печати слово, вроде сукина сына и т. д. <...>. Я вообще за откровенность в этом отношении. <...> Никаких резонов нет для сокрытия. С другой стороны, пожалуй, нет никаких резонов для того, чтоб печатать не только вместо *свинья* — с..., вместо *прохвост* и *подлец* — п..., вместо *сукин сын* — с... с..., но даже и этих инициалов, ибо мало ли чего в письмах не срывается с уст человека, или правильнее, с его пера, к тому же столь сжатого в печати. <...> И, однако ж, мне кажется, что Тургенев решительно выиграет, явившись даже в своих письмах в виде более благоприличном. <...> Письма Т<ургенева>, в таком виде изданные, не прибавят его славе ничего, но человека охарактеризуют полно. Не достает только писем его к Каткову. Вот где, воображаю, он разгулялся».[33] Возможно, именно неоднозначная реакция на появление издания стала причиной того, что многие адресаты Тургенева воздержались от участия во втором выпуске собрания, который, как известно, не реализовался.

Как коммерческий проект, придуманный и организованный Гаевским, издание состоялось в достаточно короткий срок и не только полностью оправдало все подготовительные затраты, включая типографские, но и принесло значительный доход, тем самым оправдав свою цель — пополнение казны Общества. 20 ноября 1884 года, то есть через две недели от начала продажи «Первого собрания писем», Стасюлевич писал Гаевскому: «Сегодня исполнилось две недели от начала продажи „Писем Тургенева“ — и потому я потребовал из магазина справку о том, как идет дело. <...> продано 800 экземпляров, а так как для покрытия всех издержек нужно продать 2000, то это значит», что «возвратилась почти половина издержек, а следовательно, не долго ждать с чистой прибылью».[34]

[33] См.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу (1875—1876) / Публ. С. А. Ипатовой // *Тургенев. НИиМ(2).* С. 349—351. В Рукописном отделе ИРЛИ хранится наборная рукопись «Первого собрания писем», отредактированная Гаевским и Стасюлевичем, на первом листе которой имеется запись рукой Гаевского: «Есть то, что не вошло в книгу» (см.: Ф. 293. Оп. 1. № 1757. Л. 1а). В писарской копии имеются многочисленные фрагменты, вычеркнутые редакцией. Работу по сличению книги с наборной рукописью проделал в 1920 г. М. К. Лемке, который опубликовал выявленные дополнения, включая восстановление имен под инициалами (см.: *Лемке М.* Дополнения к «Первому собранию писем» Тургенева // Книга и революция. 1920. № 3—4. С. 93—95).

[34] См.: *ИРЛИ*. Ф. 155. Кор. 10. 1884. Кн. 2. Л. 455.

В переписке Гаевского с Фетом встал вопрос и о членстве поэта в Литфонде. Предлагая Фету восстановить свое членство в Обществе в связи с «ознаменованием его 25-летия», Гаевский, многолетний член и председатель Общества, не мог не знать о принципиальном выходе поэта из рядов Литфонда. Позже в «Моих воспоминаниях» Фет так объяснил свой поступок: «Поступивши в Общество Литературного фонда в качестве члена-учредителя, я вычеркнул себя из списка не потому, что считал не должным помогать нуждающимся литераторам, а только потому, что считал необязательным слепо подчиняться произволу Общества, изменявшего свою программу введением расходов, не имевшихся в виду при учреждении Общества. Если Общество считает такие изменения своим правом, то не должно и удивляться уходу членов, с ним несогласных».[35] Под «произволом» Фет имел в виду помощь Литфонда студентам, арестованным в конце сентября 1861 года в связи с волнениями и закрытием Петербургского университета, а также непосредственное участие Общества в их дальнейших судьбах.[36] 20 июля 1884 года он писал Гаевскому: «Если Вы посмотрите на список учредителей Лит<ературного> фонда, то найдете мое имя там из первых, но когда произвольными посылками студентов за границу и разными иными распоряжениями у<ч>реждение <?> (как это всегда бывает) поставило вкладчиков в ранг бессловесных баранов, изменяя назначение взноса, я категорически отказался от участия» (см. письмо 6).[37]

Справедливости ради следует заметить, что целевым назначением взносов, согласно Уставу Общества, было не только вспомоществование литераторам и ученым, которые «по преклонности лет или по каким-либо другим обстоятельствам находятся в невозможности содержать себя собственными трудами». Предполагалось также «доставлять даровитым молодым людям способы к окончанию их образования и приготовлению себя к литературной и ученой деятельности».[38] Известно, что в декабре 1861 года министр народного просвещения А. В. Головнин в целях устранения недостатков в организации университетской

[35] См.: *МВ*. Ч. 2. С. 246—247. См. также: *Макеев М. С.* «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»? О причинах выхода А. А. Фета из Литературного фонда // *РЛ*. 2009. № 4. С. 106—115; Переписка А. А. Фета с М. Н. Лонгиновым (1857—1871) / Публ. М. В. Трунина // *ФетСб(1)*. С. 216—220.

[36] См. об этом также нашу статью «Фет и Литфонд: История несостоявшегося членства» в наст. томе.

[37] См. также: *ФетСб(1)*. С. 234—235.

[38] См.: Устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1859. С. 3—4.

деятельности распорядился отправить большое число молодых людей за границу для дальнейшего пополнения штата профессоров, однако нет никаких сведений, что в субсидировании этой поездки участвовали средства Литфонда. Таким образом, Гаевский, скорее всего, был искренен, утверждая: «Вы фактически не правы: никаких студентов мы не посылали за границу и никого не поощряли к литературе, а только помогали заслуженным престарелым литераторам или их семействам» (см. письмо 7); но при этом он, безусловно, лукавил, умалчивая о помощи Литфонда не только опальным студентам, но и литераторам.

В 1861 году под флагом Литфонда и в его структуре как дополнительное отделение было учреждено Общество вспоможения учащейся молодежи под председательством того же Ег. П. Ковалевского. Стараниями членов Комитета П. Л. Лаврова и Н. Г. Чернышевского Литфонд принял самое деятельное участие в судьбе двухсот студентов, арестованных на демонстрации 25 сентября 1861 года. На одном из ближайших заседаний Комитет утвердил предложение Лаврова о назначении им пособий. Существенно усугубляло отношение публики к Обществу то обстоятельство, что имена тех, кому выдавались пособия, не назывались, а также прекращение публикаций в печати отчетов о заседаниях Комитета. Все это создало Литфонду репутацию потенциально неблагонадежного и утвердило общественное мнение о нем как о некой «коммунии». Таким образом, выход Фета из состава Литфонда был мотивированным. Позже в Летописи Литфонда было отмечено, что учреждение дополнительного отделения «имело для самого Общества то печальное последствие, что часть публики, под влиянием тогдашних происшествий, отвернулась от Общества или стала смотреть на него косо», некоторые «начали оставлять его, хотя и без формального заявления о своем нежелании принимать в нем участие».[39] Отделение просуществовало недолго и было закрыто сразу после майских пожаров 1862 года. Когда Ковалевский получил приказ о его закрытии, он, как вспоминал один из членов Комитета Л. Ф. Пантелеев, «держал такую речь: „Не думал я, господа, что на старости лет окажусь во главе тайного общества“».[40] После закрытия отделения Ковалевский ушел в отставку и с поста председателя Литфонда.

Следует добавить, что с момента организации Литфонда III отделение установило постоянное наблюдение за его деятельностью (глав-

[39] *Репинский Г. К., Скабичевский А. М.* Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 г. // XXV лет. 1859–1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 39.

[40] Цит. по: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 186.

ным образом, за литературными чтениями), о чем свидетельствуют сохранившиеся отчеты агентов.[41] В октябре 1862 года сам Гаевский был привлечен к следствию по обвинению «в сношениях с лондонскими пропагандистами» (причастность к распространению «Колокола», связь с В. И. Кельсиевым, пересылка денег М. А. Бакунину), что привело к его отставке.[42] Фет имел знакомых среди членов Общества и, конечно, знал, что в 1865 году фонд, при деятельном участии Гаевского, ходатайствовал перед правительством об освобождении государственного преступника Чернышевского, оказывал помощь ссыльному Н. В. Шелгунову и др. Едва ли членство в организации с таким направлением деятельности было приемлемо для Фета. Именно поэтому он отказывается от предложения Гаевского вступить в Литфонд повторно, а также отказывается, как выразился корреспондент, «набрячать что-нибудь достойное фетовской музы» для участия в альманахе в пользу Литфонда.[43]

Не все современники восторгались энтузиазмом Гаевского и его многогранной общественной и филантропической деятельностью. В. О. Михневич писал о нем: «...действительный статский советник по табели о рангах, адвокат и „делец“ по профессии, „любитель просвещения“, словесности и искусств, включительно до кулинарного, по внутреннему призванию, — словом, то, что называется — „и швец, и жнец, и в дуду игрец“. Ловкий человек, Виктор Павлович всюду поспевает и на все руки мастер: он и в журналах пописывал, и в сочинении и защите крючкотворных „ходатайств“ собаку съел не плоше всякого другого „прелюбодея мысли“; он и Пушкина, походя, цитирует наизусть, и в ссылках на статьи „Вексельного устава“ не собьется; он и в литературно-артистических „сообществах“ представительствует „с честью“, и в мире плутократии и акционерного „гэшефта“ — свой человек; покровитель и знаток музыкального искусства, он до тонкости знает смак и в эпикурейских наслаждениях, гастрономии и бонвиванства. Добавим, что Виктор Павлович один из популярнейших людей в среде столичной интеллигенции и недоброжелателей не имеет, ибо представляет

---

[41] Отчеты хранятся в ГАРФ (Ф. 109).

[42] См.: *Лемке М.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 141—142, 165. По приговору Гаевский был освобожден от ответственности за отсутствием улик. Следует добавить, что в 1866 г. он стал адвокатом И. А. Худякова в судебном процессе по делу Д. В. Каракозова о покушении на Александра II и отвел от своего подзащитного угрозу смертного приговора (см.: *Стасов Д. В.* Каракозовский процесс (некоторые сведения и воспоминания) // Былое. 1906. № 4. С. 276—298).

[43] Речь идет об издании: XXV лет. 1859—1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884 (ц. р.: 24 октября 1884 г.).

собою олицетворенную благовоспитанность, покладистость, „умеренность и аккуратность“. Вероятно, в молодости был бы очень хорош в роли Молчалина, если бы, конечно, играл на сцене».[44]

Публикуемая переписка Фета и Гаевского, в особенности позднего периода, обнаруживает неизвестные ранее биографические сведения из жизни поэта.

Сохранились четыре письма Фета к Гаевскому и три письма Гаевского к Фету. Письма печатаются по подлинникам, хранящимся в РНБ (Ф. 171. № 295) и РГБ (Ф. 315. К. 7. № 23), с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации.

1
Фет — Гаевскому
Декабрь 1853 — январь 1854 г.
или 25 января — 7 февраля 1856 г. Петербург

Виктор Павлович!

Авдотья Яковлевна[1]
просит Вас в 4 часа
на обед, а оттуда
на балет — мы ждем Вас —

Фет.[2]

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 171. № 295. Л. 7. Карандашная записка на обрывке бумаги; вероятно, рифмованная (обед—балет—Фет), воспроизводится в графическом написании подлинника.

Датируется предположительно декабрем 1853 — январем 1854 г. или 25 января — 7 февраля 1856 г. по следующим соображениям: именно в эти периоды Фет находился в Петербурге, где активно общался с Некрасовым и членами кружка «Современника» (декабрь 1853 г. и почти весь январь 1854 г. (с 3 по 28), а также конец января — начало февраля 1856 г. (25 января — 7 февраля), когда Фет проводил свой отпуск в Петербурге).

[1] *Панаева* Евдокия (Авдотья) Яковлевна (урожд. Брянская; во втором браке Головачева; 1820—1893), писательница, мемуаристка; жена И. И. Панаева, дочь артиста Александринского театра Я. Г. Григорьева (сценическое имя Брянский), гражданская жена Н. А. Некрасова (1845—1863), в соавторстве с которым (под псевдонимом Н. Станицкий) написала два романа для «Современника»: «Три

[44] *Михневич Вл.* Наши знакомые. Фельетонный словарь современников... СПб., 1884. С. 48; ср. с шутливой записью самого Гаевского, оставленной в альбоме Семевского (см.: *Семевский М. И.* Знакомые. СПб., 1888. С. 73, а также с. 205, 366).

страны света» (1848–1849) и «Мертвое озеро» (1851). О Фете в период его знакомства с кругом «Современника» Панаева оставила воспоминания (см. вступит. статью). О своем знакомстве с ней Фет вспоминал: «Явившись к пяти часам, я был представлен хозяйке дома Е. Я. Панаевой. Это была небольшого роста, не только безукоризненно красивая, но и привлекательная брюнетка. Ее любезность была не без оттенка кокетства. Ее темное платье отделялось от головы дорогими кружевами или гипюрами; в ушах у нее были крупные бриллианты, а бархатистый голосок звучал капризом избалованного мальчика. Она говорила, что дамское общество ее утомляет и что у нее в гостях одни мужчины» (*МВ*. Ч. 1. С. 32).

В этот период Панаева активно общается и с Гаевским, который часто сопровождает ее в театр. Так, в недатированной записке к нему она пишет: «Благодарю вас за билет. Если вы не придете обедать ко мне, то я не пойду в театр» (*РНБ*. Ф. 171. № 211. Л. 4). В другой записке (помеченной: «Вторник 20») она спрашивает: «Не желаете ли вы ехать в театр с нами завтра? – идет „Ипохондрик“. Вот вам и номер нашей ложи: 1 ярус, № 3: с левой стороны, на Михайловском театре» (Там же. Л. 5; письмо можно датировать 20 сентября 1855 г.: на следующий день, в среду, в Михайловском театре состоялась премьера комедии А. Ф. Писемского «Ипохондрик»). Наконец, в третьей, также недатированной записке она сообщает: «...если вы свободны, то приезжайте завтра обедать и мы вместе поедем в театр» (Там же. Л. 7). И хотя Фет ни в одной из имеющихся записок Панаевой к Гаевскому конца 1850-х гг. не назван, не исключено, что, бывая в Петербурге в этот период, он составлял им компанию.

[2] Ответ Гаевского неизвестен.

2
Фет – Гаевскому
Декабрь 1853 – январь 1854 г.
или 25 января – 7 февраля 1856 г. Петербург

Добрейший Виктор Павлович!

Я стою у Некрасова и его нет дома. Скука страшная. Как бы нам сегодня пить чай вместе. Или приезжайте ко мне, или я приеду к Вам, если Вам досуг.

Дайте ответ человеку, хоть на словах.

Преданный Вам
А. Фет.

На обороте: Его высокоблагородию
Виктору Павловичу
Гаевскому.
Ли<чно?>[1]

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 171. № 295. Л. 5, 6 об. Воспроизведено: *Смирнов В. А.* В. П. Гаевский – современник Некрасова // Некрасовский сборник.

Л., 1983. Вып. 8. С. 72 (с неточностями и предположительной датировкой 1862—1872 гг. — «по времени встреч Фета с Некрасовым и Гаевским»); предложенная датировка ошибочна, так как Фет порвал с «Современником» в конце 1859 г. и в 1862—1872 гг. ни личных, ни эпистолярных отношений с Некрасовым и его кругом не поддерживал.

Датируется на тех же основаниях, что и письмо 1.

[1] Записка карандашом (без конверта), вероятно, была передана через посыльного. Ответ Гаевского неизвестен.

3

Гаевский — Фету

31 октября 1883 г. Петербург

31 окт. 1883.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

После долгих лет, за которыми далеко остались наши дружеские встречи в молодости, мне пришлось обратиться к Вам вот по какому случаю. По поручению литературного фонда и в его пользу, я издаю переписку Тургенева.[1] Из писем его к Полонскому[2] я узнал, что Вы находились в постоянной с ним переписке. Пользуясь адресом, который сообщил мне вчера Мих. Петр. Боткин,[3] обращаюсь к Вам от имени комитета Общества с убедительною просьбою предоставить ему для напечатания письма Тургенева. Подлинники, по написании с них копий, были бы Вам немедленно возвращены. Я уверен, что Вы как настоящий литератор отнесетесь сочувственно к предполагаемому изданию и в память Тургенева не откажете в Вашем содействии. Если в письмах встретится что-либо непонятное для читателей, то краткие примечания были бы весьма желательны.[4] У меня дело в полном ходу: более 200 писем уже приготовлены к печати; ожидаются на днях еще столько же с разных сторон. Письма могут быть препровождены ко мне. Да не найдется ли в Москве у кого-нибудь из Ваших литературных приятелей писем Тургенева?

В надежде на скорый и, несомненно, хороший ответ,[5] дружески жму Вашу руку.

В. Гаевский.

Мой адрес:

Литейная, 48.
Виктору Павловичу Гаевскому.

31 окт. 1883

Многоуважаемый
Афанасий Афанасьевич,

После долгих лет,
за которыми далеко
остались наши дружеские
встречи в молодости,
мне приходится обращаться
к Вам вот по какому
случаю. По поручению
литературного фонда
и в его пользу, я издаю
переписку Тургенева. Из
письма его к Полонскому
я узнал, что Вы находи-
лись в постоянной с
ним переписке. Пользу-
юсь адресом, который
сообщил мне вчера
Мих. Петр. Боткин, обра-
щаюсь к Вам, что имею

Письмо В. П. Гаевского к Фету от 31 октября 1883 г.
Первая страница

На конверте: Его превосходительству
Афанасию Афанасиевичу
Шеншину.
Москва.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 31 окт. 1883; 2) <Москва>, 1 ноя<бря> 1883.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 23. Л. 1—2; конверт — л. I.

[1] Сразу после смерти Тургенева на заседании Литфонда от 2 сентября 1883 г. было принято решение об издании его писем: «В. П. Гаевский предложил, во-1-х, заказать к похоронам Тургенева венок от Комитета Литературного фонда, и во-2-х, образовать при Фонде капитал имени И. С. Тургенева, для чего приступить ныне же к собранию и изданию в свет переписки покойного». Итогом заседания стало следующее решение: «Принять предложение <...> поручив заведование этим делом В. П. Гаевскому» (*ИРЛИ*. Ф. 155. Журналы Комитета Общества. 1883—1884. Кор. 10. 1883. Кн. 2. Л. 127).

[2] *Полонский* Яков Петрович (1819—1898), поэт, беллетрист; с Тургеневым познакомился в 1841 г.; с 1855 г. между ними завязались дружеские отношения и регулярная переписка, продолжавшаяся вплоть до смерти Тургенева. Известны 168 писем Тургенева к Полонскому, значительная часть которых была напечатана в «Первом собрании писем И. С. Тургенева» (СПб., 1884).

[3] *Боткин* Михаил Петрович (1839—1914), художник, академик исторической живописи, коллекционер; младший из братьев Боткиных, брат жены Фета Марии Петровны.

[4] В предисловии к вышедшей книге отмечалось, что примечания к письмам «сделаны большею частью лицами, их доставившими, остальные же принадлежат редакции» (Первое собрание писем И. С. Тургенева. С. VII).

[5] См. письмо 4.

4
Фет — Гаевскому
1 ноября 1883 г. Москва

Москва
Плющиха, соб. дом
№ 481.

1 ноября.

Душевноуважаемый Виктор Павлович!

С особенным удовольствием встретился опять с Вами, если не лично по старине, то хотя по письму, и конечно готов бы в ту же минуту исполнить желание Ваше, но как, вероятно, это Вам неизвестно, мое постоянное место жительства не в Москве, а в деревне,[1] где моя биб-

лиотека и все, касающееся умственной жизни. Таким образом, там же и письма Тургенева, которых без меня (а мы с женой одинокие и дом зимой заперт) никто не отыщет, и я сам должен большую их часть искать, вероятно, в подвале между старыми бумагами. Где же хранить 30-летнюю переписку?[2] Но до апреля я в Москве, а затем, если сам не поеду к Тургеневу, что разыщу, доставлю Вам. Теперь же ничего не могу сделать по этой части.[3]

Познакомился я в прошлом году в Питере с милым офицером, Вам племянником,[4] которого просил передать Вам мой поклон.

Примите же его теперь вместе <?> с искренним уважением

Вашего

А. Шеншина.[5]

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 171. № 295. Л. 1—2.

[1] В 1878—1892 гг., как правило, с 1 марта по 1 октября Феты жили в своем курском имении Воробьевка.

[2] Тургенев считал, что их знакомство с Фетом произошло 29 мая 1853 г., во время его нахождения в ссылке в Спасском (см. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 30 мая 1853 г.: *Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 236, 237; об этой встрече см. также: *МВ*. Ч. 1. С. 4—7). Сам Фет полагал, что их первая встреча состоялась в начале 1840-х гг. у профессора С. П. Шевырева (см.: Там же. С. 1—2). Вероятно, вскоре после возобновления знакомства в Спасском началась переписка, однако письма раннего периода их знакомства не сохранились. Так, неизвестно местонахождение «огромного» письма Тургенева к Фету, вероятно от 2 ноября 1853 г., «где выставлены все самомалейшие ошибки» первой книги «Од» Горация, переведенной Фетом и присланной Тургеневу на отзыв (см. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 2 (14) ноября 1853 г.: *Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 269—271). В 1854—1855 гг. между писателем и поэтом установились дружеские отношения, остававшиеся близкими в течение десяти лет, однако в 1874 г. произошел полный разрыв. В 1878 г. по инициативе Фета переписка возобновилась. Известны 122 письма Тургенева к Фету (1855—1881) (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 612).

[3] По-видимому, Фет не исполнил своего обещания, подробнее см. вступит. статью.

[4] Вероятнее всего, речь идет о Семене Ивановиче *Гаевском* (сыне Ивана Семеновича Гаевского, двоюродного брата В. П. Гаевского), служившем в лейб-гвардии Семеновском полку (вышел в отставку в марте 1892 г. в чине капитана), который в сентябре 1892 г. стал мужем дочери семейства Полозовых, орловских знакомых Фетов. Сохранилась поздравительная телеграмма из Петербурга, полученная Фетом в день литературного юбилея 29 января 1889 г., за подписью «Симеон Гаевский» (см.: *Кузьмина И. А.* Фет и его соседи Офросимовы // *ФетСб(2)*. С. 83, 85).

[5] О получении этого письма Фета Гаевский оставил запись в дневнике от 3 ноября 1883 г.: «Получил письмо от Фета, превратившегося в Шеншина. Он пишет, что готов доставить письма Тургенева, но не ранее апреля, так как они у него в деревне. Я отвечал, что они пригодятся для второй части сборника. Превращение

Фета в Шеншина напоминает мне выражение Тургенева, что Фет имел имя, которое променял на фамилию» (цит. по: *РНБ*. Ф. 171. № 1. Л. 15 об.; см. также: Из дневника В. П. Гаевского (1883–1887 гг.) / Публ. Г. Никольской // Красный архив. 1940. № 3 (100). С. 236). До 14 лет, вспоминал Фет, «я был несомненным Аф. Аф. Шеншиным», однако расследование Орловской духовной консистории установило, что брак по православному обряду отца с немецкой подданной Шарлоттой Фёт был заключен после рождения первенца, таким образом, метрическая запись о рождении сына Афанасия с фамилией Шеншин была сочтена «недоразумением священника», то есть незаконной. С этого времени Фет, считаясь незаконным сыном, стал носить фамилию матери и именоваться не потомственным дворянином Шеншиным, а дармштадтским подданным Фетом (см.: *МВ*. Ч. 2. С. 271, 276. Подробнее о перипетиях этой истории см.: *Кузьмина И. А.* Еще раз о том, почему Афанасий Шеншин стал Афанасием Фетом // *ФетСб(2)*. С. 173–182). Это унизительное двойственное положение на протяжении почти сорока лет осложняло Фету жизнь и причиняло немало страданий. Он писал жене 10 января 1874 г.: «...ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет... Если спросить: как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им – Фет... Со стороны легко смотреть на чужую изуродованную жизнь, но к своей собственной так относиться трудно» (цит. по.: *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 428).

О праве носить фамилию дворянского рода Шеншиных поэт хлопотал в течение многих лет, и лишь 26 декабря 1873 г. Александр II представил Сенату указ о присоединении отставного гвардии штабс-ротмистра Аф. Аф. Фета «к роду отца его Шеншина со всеми правами, званию и роду его принадлежащими. / Это, можно сказать, совершенно семейное событие не избежало однако же зоркости „Нового времени“, где появилось следующее четверостишие: Как с неба свет, / Как снег с вершин, / Исчезнул Фет / И встал Шеншин. / Покойный отец наш терпеть не мог писания стихов, и можно бы с великою натяжкою утверждать, что судьба в угоду старику не допустила Шеншина до литературного поприща» (*МВ*. Ч. 2. С. 282–283).

Упомянутая Гаевским острота Тургенева, имевшая, вероятно, изустное хождение, содержится в его письме к Фету от 12 (24) декабря 1874 г.: «...как Фет, Вы имели имя, как Шеншин, Вы имеете только фамилию» (*Тургенев. Письма*. Т. 13. С. 236; см. также с. 358–359). Это тургеневское выражение приводит в своих воспоминаниях А. Д. Галахов, дополнив его вариантом: «Отзывы Тургенева о лицах и литературных произведениях выказывают его остроумие меткое и в то же время изящное. Приведу один пример. Узнав, что один из наших талантливых поэтов вместо прежней своей фамилии, с которой уже соединена была его известность, принял другую, он заметил: „Какая жалость! у этого человека было *имя*, а он променял его на *фамилию*“. Кстати, приведу появившееся на этот случай четверостишие: Как снег вершин, / Как фунт конфект, / Исчезнул <Фет> / И стал <Шенши>н» (*Галахов А. Д.* Сороковые годы // *ИВ*. 1892. № 1. С. 142; см. также: *Гитлиц Е. А.* Эпиграммы Тургенева // *ТСб(3)*. С. 68). Часто в литературных кругах фамилия Фет обыгрывалась в связи с хозяйственной деятельностью поэта и не раз становилась предметом шуток, зачастую недобрых. Так, А. И. Герцен в письме к Тургеневу от 30 ноября (12 декабря) 1862 г., критически отзываясь о статье Фета «Заметки о вольнонаемном труде» (*РВ*. 1862. № 3, 5), писал: «Ils sont passés ces jours de *Фет*

(Они прошли, дни праздников — *франц. поговорка*). / Этот с чего ругает народ — аристо... фет, аристо-фон — „мы-де в нашей деревне...“ <...> Что у вас это так<ая> партия — der Volksmüden?.. (усталых от народа — *нем.*)» (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 27. Кн. 1. С. 271; Кн. 2. С. 724, примеч. А. М. Малаховой. Каламбур Герцена построен на созвучии фамилии «Фет» и французского слова «праздник» («fête»)). Тургенев ответил 4 (16) декабря 1862 г.: «...ты, вероятно, смешал А. А. Фета, у которого вовсе *нет* деревни, с известным английским богачом и аристократом, Sir Athanasius Feth'ом, которого, впрочем, никогда не существовало» (см.: *Тургенев. Письма.* Т. 5. С. 135).

Ответное письмо Гаевского неизвестно — скорее всего, его не было.

5
Гаевский — Фету
16 июля 1884 г. Петербург

$\frac{16}{28}$ июля 1884.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Возобновляю просьбу о сообщении мне писем Тургенева, доставление которых было бы теперь весьма кстати. Вы мне писали, что письма у Вас в деревне, и обещали по возвращении туда из Москвы прислать их.[1] Я собрал более 400 писем,[2] и между ними недостает только переписки с Вами, как мне известно, продолжительной, постоянной и весьма интересной. Напоминаю, что письма издаются (мною и Стасюлевичем) в пользу литературного фонда для учреждения в нем капитала имени Тургенева, который был одним из основателей Общества.[3] Письма начнутся печатанием с начала сентября и должны выйти в свет в октябре.[4] Медлить, как видите, нельзя, и потому с получением этого письма отправляйтесь в Ваш архив, доставайте письма и присылайте их чем скорее, тем лучше, потому что нужно еще иметь время переписать их и сверить с подлинниками (которые будут немедленно возвращены). Надеюсь, что Вы не откажете мне в исполнении этой просьбы, и даже уверен, что оно доставит Вам удовольствие, расшевелив дорогие воспоминания молодости.

Еще просьба, и даже большая! Не найдется ли у Вас стихотворения (а еще лучше — нескольких) для альманаха, который издается мною в пользу литературного фонда по поводу его 25-летия?[5] Если не найдется, то возьмите лиру и набряцайте что-нибудь достойное фетовской музы.[6] Словом, faites-moi une fête.[a, 7] Да без Фета нельзя теперь и пред-

---

[a] сделайте мне праздник (*франц.*).

ставить хороших стихов. Посылаю Вам официальное приглашение[8] и присоединяю к нему это — дружеское. Вы еще недавно «зажгли Вечерние Огни»,[9] и никогда не гасите их!

Да как Вы не член литературного фонда? Не позволите ли предложить Вам, хотя в ознаменование его 25-летия?[10]

Искренне преданный
В. Гаевский.

Мой адрес:

С. Петербург. Литейная, 48.
Виктору Павловичу Г<аевско>му.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 23. Л. 3—4 об.

[1] См. письмо 4 и примеч. 3 к нему.

[2] Согласно протоколу заседания № 12 Литфонда от 19 июня 1884 г., «В. П. Гаевский сообщил, что, во исполнение возложенного на него Комитетом поручения, он собрал и приготовил к печати *387 писем И. С. Тургенева* и вручил их М. М. Стасюлевичу, который предполагает приступить к печатанию в начале сентября. К тому времени число писем еще значительно увеличится. Собрание писем предполагается выпустить в октябре сего года» (*ИРЛИ*. Ф. 155. Кор. 10. 1884. Кн. 1. Л. 602).

[3] Тургенев как один из инициаторов имел непосредственное отношение к учреждению Литфонда, основанного 8 ноября 1859 г. Подробнее об основании и деятельности Литфонда см. нашу статью «Фет и Литфонд» в наст. томе (С. 81—96).

[4] Согласно протоколу заседания Литфонда от 29 октября 1884 г., собрание было открыто заявлением Гаевского о том, «что письма Тургенева окончены печатанием и книга сдана в цензуру; причем один экземпляр книги был представлен членам Комитета» (*ИРЛИ*. Ф. 155. Кор. 10. 1884. Кн. 2. Л. 339). На основании этого свидетельства следует считать, что издание вышло в свет 29 октября 1884 г.

[5] Речь идет об издании: XXV лет. 1859—1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884 (ц. р.: 24 октября 1884 г.).

[6] По этому поводу Фет ответил Гаевскому в письме от 20 июля 1884 г. (см. письмо 6).

[7] Каламбур Гаевского построен на созвучии фамилии «Фет» и французского слова «праздник» («fête»). См. также письмо 4, примеч. 5.

[8] Приглашение неизвестно.

[9] Речь идет о первом выпуске поэтического сборника Фета «Вечерние огни» (М., 1883; ц. р.: 28 декабря 1882 г.).

[10] Подробнее о кратковременном членстве Фета в Литфонде и выходе из него см. в нашей статье «Фет и Литфонд» в наст. томе (С. 81—96).

1859 XXV 1884

лѣтъ

Сборникъ

Общества

для пособія

нуждающимся литераторамъ и ученымъ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1884.

«XXV лет» (СПб., 1884).
Обложка сборника, изданного В. П. Гаевским

№ 43
14,27,45

Въ библіотеку Лицея
редакторъ „Сборника"
В. Гаевскій.

NB. Въ „Сборникѣ" напечатаны произведенія: М. Е. Салтыкова, В. П. Гаевскаго, В. П. Безобразова и Д. Ф. Кобеко.

Въ „Лѣтописи" упоминается о: Я. К. Гротѣ, М. Н. Лонгиновѣ, гр. Д. А. Толстомъ, М. Е. Салтыковѣ, Е. И. Ламанскомъ, В. П. Гаевскомъ и В. П. Безобразовѣ.

Въ статьѣ о Дружининѣ упоминается о Л. А. Меѣ, гр. Г. А. Кушелевѣ-Безбородко и Е. И. Ламанскомъ.

Въ письмахъ Боткина отзывы его и Тургенева о Пушкинѣ.

Дарственная надпись В. П. Гаевского
на сборнике «XXV лет»

6
Фет — Гаевскому
20 июля 1884 г. Воробьевка

Московско-курской ж. д. 20 июля.
станция
Коренная Пустынь

Многоуважаемый Виктор Павлович!

Когда мы так дружелюбно встречались с Вами, мы были, можно сказать, неопытными птенцами, не знающими, по выражению Гёте, wo aus wo ein.[a, 1] Но с тех пор пора было мне установиться в мыслях и суждениях. Разница та, что мы тогда не знали, куда примкнуть, а теперь если и ложно примкнули, то бесповоротно. Я уверен, что и теперь не изменил бы о Вас суждения как о любезном человеке, но я полагаю, что стал человеком *свободным*, как я понимаю свободу, т. е. неспособным напирать ни на кого, а также неспособным слепо подчиняться чужим толкам, пока лично не убедился в их толковости. Я не только не верю в какие-либо общественные инициативы, но чувствую к ним ненависть. Если Вы посмотрите на список учредителей Лит<ературного> фонда, то найдете мое имя там из первых,[2] но когда произвольными посылками студентов за границу[3] и разными иными распоряжениями у<ч>реждение <?> (как это всегда бывает) поставило вкладчиков в ранг бессловесных баранов, изменяя назначение взноса, я категорически отказался от участия.[4] Уже в древ<нем> Риме Ювенал знал, что бедняк не может быть литератором, что литератур<ными> трудами не прокормишься,[5] поэтому как же мне, испытывающему это всю жизнь, ибо жить на счет своих литер<атурных> трудов я и не помышляю, поощрять других людей на эту гибель. Вы говорите побряцать![6] Я счастлив, что во всю жизнь не написал стиха, не вызванного внутренней необходимостью, часто вопреки собственному желанию. А все субсидии поэтам и стипендии бедной молодежи — только горький обман, отвлекающий людей на гибель и вред государству от насущных занятий. Я не мешаю Вам в Ваших затеях, могу даже хвалить за побуждения, но считаю Ваш путь ложным и вредным, подобно нашим <?> банкам, земствам и иным нас немилосердно разоряющим учреждениям.

Когда-то я говорил Тургеневу, что жалею, что не начал писать немецких стихов — и был прав. Взгляните на 50 издание Гейбеля[7] и прочтите его стихи. Это вода, а не вино. А мое солдатенковское издание

---

[a] где выход, где вход (*нем.*).

в 2400 экзем<пляров> в 10 лет не разошлось.[8] А Вы гоните других в эту мужиковину <?>!!! То же с *великим* Тютчевым.[9] Не живя литературой, я все-таки дал себе слово безденежно не давать никому ни куплета, и у меня определенная цена стихотворению хоть в 20, хоть в 4 строчки, 25 рублей. У меня в настоящее время случайно скопилось около 20 новых стихотвор<ений> после «Вечер<них> огней», и я осенью хочу издать их в особом к ним приложением.[10] Поэтому давать — значит ослаблять небольшой сборник. Но если на моих условиях Вы захотите, то могу передать Вам 2 или 3 стихотворения.

Что касается до тургенев<ских> писем, то за переездом и перекладками вещей по кладовым, собственными руками мною положенной кипы писем — не оказалось. Надо при случае поискать в имении моего племянника,[11] куда от нас перевезлись груды бумаг — нет ли там? Но для этого надо самому быть там, а я с больными глазами сижу дома.

Неурожай в имениях дает себя знать хуже всякой литературы, и никакой Пегас из него, по выражению Горация, не исхитит.[12]

Если сочтете нужным, извините искренно

уважающего Вас
А. Шеншина.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 171. № 295. Л. 3—4 об. Фрагмент письма воспроизведен: *ЛН*. Т. 97. Кн. 2. С. 431, а также: *Фет/Страхов*. С. 299 (с ошибочной датировкой письма 20 июня 1873 г.); *Фет. ССиП*. Т. 3. С. 457—458.

[1] Слова из оды И.-В. Гёте «Прометей» (1774): «Da ich ein Kind war, / Nicht wusste, wo aus, wo ein...» (дословно: «Когда я был ребенком, / Не знал, где выход, где вход...»; в пер. В. Левика: «Когда ребенком был я и ни в чем / Мой слабый ум еще не разбирался...»).

[2] С первых дней организации Литфонда имя Фета вошло в список его учредителей, что зафиксировано в первых отчетах Общества (см.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Первый год его существования: с 8 ноября 1859 г. (время его открытия) по 2 февраля 1861 (время его годичного собрания). СПб., 1861. С. 9; см. также Общество для пособия... за третий год его существования, по 2 февраля 1863 года. СПб., 1863. С. 9).

[3] Осенью 1861 г. происходили студенческие волнения, приведшие к временному закрытию Петербургского университета и многочисленным арестам. Литфонд принял непосредственное участие в судьбах арестованных студентов, и это подтверждается протоколами заседаний Комитета (см. нашу статью «Фет и Литфонд» в наст. томе). О финансировании Литфондом поездок кого-либо из студентов за границу сведений выявить не удалось.

[4] См. нашу статью «Фет и Литфонд» в наст. томе (С. 81—96).

[5] Фет отсылает к сатире 7 из книги III Ювенала:

...Потому что не может в пещере
Пиерийской петь и с Тирсом управиться бедность

Грустная и без гроша, у которой денно и нощно
Тело в нужде. Ведь Гораций-то сыт, как взывает: *Эвое*!
<...>
Дело мощного духа, вне тяжких забот о постели,
Созерцать колесницы, коней и лики бессмертных <...>

(Д. Юния Ювенала Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885. С. 125).

[6] См. письмо 5.

[7] Речь идет об известном немецком поэте, драматурге и переводчике Франце Эмануэле Августе *Гейбеле* (Геббеле, Geibel; 1815—1884), пропагандировавшем идею «чистого искусства». Его поэтические сборники много раз переиздавались. Так, сборник «Neue Gedichte» (1857) к 1897 г. выдержал 24 издания, а сборник «Gedichte und Gedenkblätter» (1864) за 20 лет был переиздан 9 раз.

[8] Имеется в виду издание «Стихотворения А. А. Фета» (М.: изд. К. Т. Солдатенкова, 1863. Т. 1—2), остававшееся нераспроданным много лет. В январе 1880 г. Фет переслал Н. Н. Страхову 500 экземпляров для распространения в книжных магазинах Петербурга (см. письмо от 26 января 1880 г.: *Фет/Страхов*. С. 298, 299). В письме к великому князю Константину Константиновичу (К. Р.) от 6 июля 1887 г. поэт более определенно высказал эту мысль: «...Тютчева никто не покупает и не читает, а Некрасовы, Надсоны, Апухтины и tutti quanti, которых я не удостоиваю даже называть, слывут за поэтов, да еще излюбленных. <...> это и возмутительно, и горестно <...>» (*Фет/К. Р.* С. 635; см. также с. 728).

[9] Свое отношение к Тютчеву Фет изложил в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (*РСл.* 1859. № 2. Отд. 2. С. 63—84). Анализируя стихотворение Тютчева «Сон на море», Фет писал: «Разве не гигантское вдохновение, не могучее искусство создали эти образы? Не могу воздержаться от задорного вопроса: у кого из современных лириков такая мощь? У Гейбеля что ли, расходящегося десятками тысяч экземпляров? „Зато, — заметят мне, — его все понимают“. — Великая заслуга! да что там понимать-то?» (*Фет. ССиП.* Т. 3. С. 194).

[10] В 1885 г. Фет выпустил второй поэтический сборник «Вечерние огни» (см.: Вечерние огни. Выпуск второй неизданных стихотворений А. Фета. М., 1885).

[11] О каком племяннике идет речь — установить не удалось.

[12] Цитата из оды XXVII («К друзьям-собеседникам») 1-й книги «Од» Горация в переводе Фета. Ст. 20—24:

Несчастный юноша, достойный лучшей доли!
Какой же маг тебя, ворожея иль бог
Избавит наконец от гибели великой?
С трудом бы и Пегас тебя исхитить мог
Из пагубных когтей Химеры троеликой.

В примеч.: «Ты так опутан этой страстью, что никакой колдун тебе не пособит», то есть даже Пегас, спасший Беллерофонта от Химеры, мог бы «с трудом» вырвать («исхитить») юношу из когтей страсти (Химеры) (см.: *Фет. ССиП.* Т. 2. С. 37). Здесь, используя античный образ, Фет сравнивает неурожай с «гибелью великой», избавиться от которой не поможет даже чудо.

7
Гаевский — Фету
25 июля 1884 г. Петербург

25 июля 1884.

Многоуважаемый Афанасий Афанасиевич,

Получил я Ваше почти ругательное письмо и должен сказать, что Вы фактически не правы: никаких студентов мы не посылали за границу[1] и никого не поощряли к литературе, а только помогали заслуженным престарелым литераторам или их семействам. Мы могли ошибаться в частностях, но в принципе мы честно служили и служим самой высокой цели, которую когда-либо имела общественная благотворительность.

Но все это ничего, а скверно то, что Вы отказываете в содействии Вашим старинным приятелям. Я лично с удовольствием заплатил бы и более назначаемых Вами 25 р. за каждое Ваше стихотворение и забрал бы их все; но редакция платить не может, имея основание рассчитывать на лепты корифеев литературы в пользу несчастных ее тружеников. Нам очень жаль, что Вашего имени не будет в числе тех, которые читатели старого времени привыкли[a] встречать вместе (кн. Вяземский, Тургенев, Дружинин, Григорович, гр. Л. Толстой, Я. Полонский и пр.); да и Вам, признайтесь, будет жаль не видеть себя между ними.[2]

Ну, а письма Тургенева? Я не понял, отказываете ли Вы в них или снова откладываете разыскать их. В первом случае принимаю только к сведению, хотя не могу не выразить сожаления, что между письмами к Грановскому, Дружинину, Григоровичу, Достоевскому, Ег. Ковалевскому, Я. Полонскому, Анненкову, Галахову и др. не будет писем к Вам; а во втором я просил бы, если возможно, не откладывать. Во всяком случае потрудитесь известить меня, на что я могу рассчитывать, т. е. ожидать или больше не приставать к Вам.

Искренне преданный
В. Гаевский.

Ваше имя я беспрестанно встречал в последнее время, разбирая письма Тургенева и бумаги Дружинина. О последнем собираюсь написать воспоминания для нашего сборника.[3] Не найдется ли у Вас его писем или других материалов?[4]

---

[a] *Далее зачеркнуто:* считать

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 23. Л. 5—6 об.

[1] См. письмо 6 и примеч. 3 к нему.

[2] Реакция Фета на издание «Первого собрания писем» Тургенева, скорее всего, была негативной (см. письмо Н. Н. Страхова к нему от 9 декабря 1884 г.: *Фет/Страхов*. С. 389).

[3] Гаевскому, разбиравшему архив Дружинина, принадлежит статья «А. В. Дружинин как основатель Литературного фонда» (см.: XXV лет. 1859—1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 423—434).

[4] Фет не передал Гаевскому имевшиеся у него письма Дружинина. Письма самого Фета к Дружинину были опубликованы позже (см.: *Письма к Дружинину*). Скорее всего, Фет не счел возможным продолжать далее переписку с Гаевским.

ПЕРЕПИСКА ФЕТА и А. Н. МАЙКОВА (1884–1889)

Публикация А. Г. Гродецкой

Письма Майкова и Фета, публикуемые ниже, едва ли можно назвать перепиской в полном смысле слова. Переписки между поэтами, много лет знакомыми и связанными той эстетической близостью, которая в сознании современников сложилась в формулу «триады» (включавшей Я. П. Полонского), по сути не существовало. И в поздние годы, когда Майков и Фет отмечали 50-летие своей литературной деятельности, переписка, казалось бы, возникнув, могла продолжиться, но, как видно из немногих писем, продолжения не получила.

Что было тому причиной, сказать трудно. Аполлон Майков не любил писать письма, в чем постоянно признавался своим корреспондентам, утверждая, что не умеет их писать, не владеет эпистолярным стилем. «Мне кажется, что я еще ни одного письма не начинал иначе, как извинением, что не писал — или вовсе, или давно», — сообщал он, например, своей кузине Ю. Д. Ефремовой в 1847 году. «Писем писать не умею, хотя очень люблю получать их», — делился своей слабостью в начале 1850-х с Н. Ф. Щербиной. «...В письмах вообще как-то неохотно я выражаюсь <...>», — признавался в 1856 году А. Ф. Писемскому. Верен себе Майков остался и позднее, уведомляя, например, в одном из писем А. А. Голенищева-Кутузова: «Я уверен в том, что писем писать не умею и терпеть не могу».[1]

И у Фета в письме от 1 февраля 1889 года он просит прощения за то, что не ответил даже на его «лебедей», то есть на юбилейное послание «Пятьдесят лебедей пронесли...», созданное Фетом к отмечавше-

[1] Цит. по: *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД* на 1975 год. Л., 1976. С. 78, 72, 89.

муся 30 апреля 1888 года 50-летию его литературной деятельности. По признанию Майкова в том же письме, он в предшествующий год «некоторые письма сочинил, да и те не послал, ибо их надобно было переписать», более того, для него «самый процесс писания — отвращение» (см. письмо 5). Богатый разнообразными материалами архив поэта дает возможность сделать вывод, что очевидное исключение из общего правила составляла семейная переписка: письма к родителям, позднее жене и детям были чуть ли не ежедневной потребностью Аполлона Николаевича и писались легко.[2] Помимо семьи, его немногочисленными доверенными корреспондентами в разное время были близкие с юности П. М. Цейдлер, М. П. Заблоцкий, Я. П. Полонский, позднее активной была его переписка с Ф. М. Достоевским,[3] с великим князем Константином Константиновичем. Любопытно, что редактирование и переписывание собственных писем (и далеко не только писем), как и копирование уже написанных, с молодости вошло у Майкова в привычку, составив особенность его творческого процесса.[4] Одно из публикуемых ниже писем к Фету (письмо 5) именно поэтому сохранилось в трех редакциях.

Едва ли можно найти достаточные объяснения и тому, что в Майкове-корреспонденте не был заинтересован Фет, никогда не испытывавший нелюбви к «почтовой прозе». Его переписка, как хорошо известно, была на протяжении всей жизни щедрой и разнообразной, эпистолярный диалог с адресатами — содержательным и творчески насыщенным. Участником этого диалога, приходится заключить, Аполлон Майков стал лишь на короткое время празднования Фетом своего 50-летнего литературного юбилея, в отличие от участника «тройственного союза» Я. П. Полонского, с которым Фет многие годы состоял в регулярной переписке.

Ниже публикуются все известные на сегодняшний день письма Фета и Майкова. Письма печатаются по подлинникам; письма Фета — *ИРЛИ*. № 16977; письма Майкова — *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 47; *РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 1. № 27; *ИРЛИ*. № 13569, 16694, 17001.

---

[2] См. об этом, в частности, в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе.

[3] См.: *Майков А. Н.* Письма к Ф. М. Достоевскому // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. Л.; М., 1924. Сб. 2 / Под ред. А. С. Долинина. С. 332—365; *Ашимбаева Н. Т.* А. Н. Майков. Письма к Достоевскому 1867—1878 // Ашимбаева Н. Т. Достоевский: Контекст творчества и времени. СПб., 2005. С. 91—101.

[4] В архиве поэта сохранились авторские копии писем к родителям, братьям, жене, П. М. Цейдлеру, М. П. Заблоцкому, Я. П. Полонскому и др.

1
Фет — Майкову
15 октября 1884 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом
№ 481

15 октября.

Любезный друг Аполлон Николаевич!

Если бы первые порывы поэтов не были искренны, то чтение наших стихов наводило бы или бешенство или летаргию. Вчера Страхов сообщил мне о твоем походе из-за моего Горация.[1] Как ни радует меня успех похода, но говорю от души: я несказанно более рад, что известный поэт Майков так благородно пододвинулся к моему сердцу как человек. В первую же минуту вчера я изобразил следующие вирши:

А. Н. Майкову

Кто так роскошно тогу эту
Сам как певец умел носить —[2]
Кому ж как не тебе поэту
И тень Горация почтить?

На Геликон ступя несмело,
От вас я блеска позайму
Гордясь, что сам, хоть неумело,
Но вам обоим руку жму.

На днях Страхов, по просьбе моей, передаст тебе в переплетах все мои кропания,[3] а Бог даст, зимой подпишу их, когда приду обнять тебя, так же искренно реально, как теперь обнимаю метафизически. Еще раз спасибо

преданный и уважающий тебя
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 16977. Л. 5–5 об.

Датируется по содержанию и в соответствии с датировкой включенного в текст стихотворения; см. обоснование: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 560.

Текст стихотворения (две редакции, с вариантами) опубликован: А. Н. Майкову (На сочувственный отзыв о переводе Горация) («Кто так роскошно тогу эту...»). <1884> // *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 169, примеч. на с. 559–560; текст письма: С. 560.

15 Октября

Москва

Плющиха соб. домъ

№ 481.

Письмо Фета к А. Н. Майкову от 15 октября 1884 г.
Первая страница

А. Н. Майкову.

Письмо Фета к А. Н. Майкову от 15 октября 1884 г.
Вторая страница

[1] Майков содействовал получению Фетом Пушкинской премии за полный перевод Горация (К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883). Возглавляя Петербургский комитет цензуры иностранной, Майков являлся членом Пушкинской комиссии при Отделении русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук, его мнение было весомым аргументом в пользу присуждения Пушкинской премии Фету. 12 октября 1884 г. Н. Н. Страхов сообщил Фету о том, что ему присуждена «Академиею за Горация Пушкинская большая премия, 1000 рублей. Майков (конечно, Аполлон), который и <д>в<и>гал это дело, и был приглашен в комиссию как эксперт, очень усердствовал в заседании и находился в большой радости от успеха. Насплетничаю Вам: восемь человек подавали голоса и оказался один черный шарик. Мы тут делали догадки, но Вам знать о них незачем. / Майков просит взятки или, как он поправил меня, *благодарности*, т. е. и *Стихотворений*, и *Вечерних огней*, и *Горация*, и *Фауста*» (цит. по: *Фет/Страхов*. Дополнение. С. 548; то же: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 1. С. 560).

[2] В творчестве Майкова, как и Фета, античность занимала значительное место (переводы, «подражания древним», антологические стихотворения).

[3] По поводу «благодарности», о которой просил Фета Майков, см. в цитированном выше письме Н. Н. Страхова (примеч. 1).

2
Майков — Фету
Середина января 1889 г. Петербург

Любезнейший Афанасий Афанасьевич!

Г-н Александров, издававший в Петербурге прекрасный «Художественный журнал»,[1] ныне подвизается в Москве на то<м> же поприще и желал бы посвятить твоему юбилею целый №.[2] Одобряя эту мысль, адресую его прямо к тебе.

А. Майков.

На визитной карточке с текстом: Аполлон Николаевич / Майков. Б. Садовая, 47.[3]

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 1. № 27. Л. 1. Датируется предположительно серединой января 1889 г. на основании рассказа Я. П. Полонского в письме к Фету от 24 января 1889 г. о посещении его в Петербурге издателем московского журнала «Гусляр» Н. И. Пастуховым и его сотрудником Н. А. Александровым. Последний в те же дни побывал и у А. Н. Майкова (см. примеч. 2).

[1] *Александров* Николай Александрович (1841—1907), журналист, художественный критик, издатель; основал и в 1881—1887 гг. издавал в Петербурге «Художественный журнал», посвященный проблемам русского изобразительного искусства; в 1891—1892 гг. вел рубрику «За кулисами у художников» в журнале «Художник», с 1896 г. редактировал журнал «Север» (см.: *Пенская Е. Н.* Александров Н. А. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1.

С. 46). Немногочисленные письма времени его редакторства в «Художественном журнале» и «Севере», адресованные Я. П. Полонскому и А. Н. Майкову, сохранились в архивах поэтов (см.: *ИРЛИ*. № 11855, 11856, 12883, 16705).

[2] Сведения о деятельности Н. А. Александрова в Москве после прекращения издания «Художественного журнала» отсутствуют в статье Е. Н. Пенской (см. выше). Полонский, сообщив Фету в письме от 24 января 1889 г. о получении «от некоего г. Пастухова» телеграммы с предложением опубликовать поэму в его журнале «Гусляр», продолжал: «Но прежде чем я решился отвечать г. Пастухову, редактору и издателю „Гусляра“ (чуть не миллионеру, как уверял Майкова сотрудник журнала г. Александров), — оба они, и Пастухов, и Александров, отъявились ко мне — и *стали торговаться*. Александров предложил мне плату 500 руб. за лист — я согласился» (*Фет/Полонский*. С. 707, примеч. на с. 708). *Пастухов* Николай Иванович (1831—1911), литератор, журналист, издатель; основал и до конца жизни издавал ежедневную газету «Московский листок» **(**выходила в 1881—1918 гг.; см. о ней в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе**)**, в 1889—1890 гг. — еженедельный иллюстрированный журнал «Гусляр» (с 1891 г. под названием «Заноза»). В. А. Гиляровский, рассказавший о миллионах Н. И. Пастухова, заработанных на издании популярной у городских низов газеты, вспоминал о нем: «Когда он издавал свой журнал „Гусляр“, то Я. П. Полонскому и А. Н. Майкову он платил по 100 рублей за стихотворение <...>» (*Гиляровский В. А.* Соч.: В 4 т. М., 1989. Т. 3: Москва газетная. Друзья и встречи. С. 87). Александров печатался в «Гусляре» в рубрике «Искусство». Полонскому он писал, видимо, вскоре после переезда в Москву: «Много я вытерпел и каюсь, что выехал из Петербурга. Москва — это такая плевальница, о жизни в которой после Петербурга невозможно и думать» (*ИРЛИ*. № 11855. Л. 5, без даты).

Материалы о юбилее Фета появились в журнале «Гусляр», хотя и не составили «целого номера» (неизвестно также, встречался ли Фет с Н. А. Александровым). На титульном листе третьего номера журнала было помещено стихотворение Фета «На пятидесятилетие Музы» («Нас отпевают. В этот день...») (Гусляр. 1889. № 3. С. 39), в том же номере, через страницу, печатался биографический очерк «А. А. Фет (Шеншин) (Биография)», начинавшийся словами: «В воскресенье, 29 января, торжественно отпразднован юбилей пятидесятилетней деятельности одного из даровитейших современных русских поэтов, Афанасия Афанасьевича Шеншина, известного в литературе под именем Фета» (Там же. С. 41—42). Ниже было опубликовано послание Л. Пальмина «А. А. Фету. 29 января 1889 г.» (Там же. С. 42). В четвертом номере журнала рубрику «Московская хроника» открывало следующее сообщение: «Торжественное празднование пятидесятилетия литературной деятельности А. А. Фета разрослось в целое событие: и петербургские, и провинциальные газеты, не говоря уже о московских, поместили на своих столбцах пространные и сочувственные статьи, посвященные юбиляру; масса телеграмм, депутации, речи, — все это свидетельствует о том, какое громадное общественное значение имел юбилей маститого поэта. / Этот юбилей дал понять, что в воззрениях общества на задачи искусства за последнее время совершился крутой поворот к лучшему... „Полвека ждал друзей я этих песен“, — говорит А. А. Фет в своем юбилейном стихотворении, и, несомненно, он их дождался... Торжественное и в то же время задушевное чествование поэта-лирика, поэта-идеалиста, — явление отрадное в наше грубое, прозаическое, безыдейное время! Этот „порыв от земли в об-

ласть идеала“, так ярко, так осязательно выразившийся в поклонении представителю чистого искусства, как нельзя более утешителен. Один за другим сошли в могилу те таланты, которые, как хранители божественного огня, долгое время освещали нам путь, ведущий к уразумению вечных законов искусства; угасли эти великие светочи, оскудела талантами наша литературная нива, — и можно было опасаться, что в этих потемках свернет с прежнего пути русская читающая публика, сбитая с толку новыми толкователями, разорвавшими всякую связь с незабвенным прошлым. „Тайна богов требует чутких людей“, — сказал Я. П. Полонский в своем чудном стихотворении, посвященном юбиляру, — и вот эти „чуткие люди“ все-таки нашлись и низко, земно преклонились пред поэтом-юбиляром» (Там же. № 4. С. 59).

[3] По этому адресу (ныне: ул. Садовая, 51) Майков жил с 1852 г.

3
Майков — Фету
28 января 1889 г. Петербург

Афанасию Афанасьевичу Шеншину-Фету
на 28-е января 1889 года

Когда, как бурный конь, порвавший удила,
Неудержимый стих, с путей метнувшись торных,
В пространство ринется и, с зоркостью орла
Намеченную мысль, средь пропастей ли черных
Иль в звездных высотах, — ухватит как трофей, —
О, как он тешится, один, с самим собою,
Ее еще людьми незнаемой красою
Дивяся, радостный, сам дерзости своей!..
А ты, поэт, за ним, в томительном волненье
Следивший в высотах и безднах, — в то мгновенье
Как победителем он явится к тебе,
В блаженстве равного ты знаешь ли себе?..

Тебе знакома, Фет, знакома эта радость!
Таких трофеев полн тобой созданный храм!
И перейдут они в наследие векам,
И свежесть сохраня и аромата сладость,
Играя радуги цветами — и одним
Помечены тавром и вензелем твоим.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 47. Л. 1—1 об.

Впервые опубликовано: Московский листок. 1889. 29 января. № 29. С. 3. Перепечатано: *МВед*. 1889. 30 января. № 30. С. 4; в ряде других газет; также: *РВ*. 1889.

А. Н. Майков.
Фотография А. Кудрявцева. Петербург, 1890-е гг.

№ 2. С. 233—234 (под номером «I», под общим заглавием «А. А. Фету (В день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.)» с юбилейным посланием Я. П. Полонского — II. «Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...»).

4
Фет — Майкову
29 января 1889 г. Москва

МОСКВА 29 января 1889.
Плющиха, соб. дом

Дорогой друг Аполлон Николаевич!

Пользуюсь несколькими минутами перед официальным обедом,[1] чтобы поблагодарить тебя за прелестное стихотворение, полученное мною вчера.[2] К сожалению, долго, вероятно, придется России дожидаться такого могучего укротителя коней, мечущихся с торных путей, каким был А. Н. Майков в течение полувека. В этом случае[а] красивые стихи твои скорее относятся к тебе, наш могучий Мессап,[3] а не ко мне, смиренно стрекочущей Цикаде. В минуту писания этих строк зашел ко мне Лев Толстой,[4] смотрящий не без презрения на нашего брата стихотворца;[5] но и тот, когда я прочел ему вслух твое и Полонского стихотворения,[6] сказал: «Стихотворения, написанные по известному поводу, всегда носят известный отпечаток преднамеренности; но в стихотворениях, прочтенных Вами, видно свободное вдохновение, и в них полностью сказалось все, что, с одной стороны, видно было Майкову, а с другой — Полонскому». Я считаю эти слова в устах врага[7] торжеством красоты твоей Музы, вроде заслуженной Еленой от старцев на Скейской башне.[8] Дай Бог мне дожить до возможности горячо обнять тебя в действительности так же, как я это исполняю в настоящее время мысленно.[б]

Искренно преданный
и признательный
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 16977. Л. 1—1 об.; текст рукой Е. В. Федоровой, заключительная фраза и подпись — автограф. Письмо (полностью не опубл.) неоднократно упоминалось и цитировалось, преимущественное внимание уделялось словам Толстого. См. упоминания в публикациях: И. Г. Ямпольского («29 января 1889 г. Фет сообщил Майкову, что его и Я. П. Полонского послания, обращенные к Фету, похвалил Л. Н. Толстой»; см.: *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. Л., 1980. С. 205), Л. С. Гейро

[а] *Далее начато и зачеркнуто*: сти<хи>
[б] *Далее рукой Фета*.

(*Майков А. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 562), П. А. Гапоненко (Письмо А. А. Фета к А. Н. Майкову <от 1 марта 1889 г.> // *РЛ*. 1988. № 4. С. 180) и др.

[1] Официальный обед в московском ресторане «Эрмитаж» в честь 50-летия литературной деятельности Фета состоялся 29 января 1889 г.; отчеты о юбилейных торжествах 28 и 29 января были опубликованы в ряде петербургских и московских газет (см. подробнее в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе).

[2] Стихотворение, впоследствии получившее заглавие «А. А. Фету. В день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.» («Когда, как бурный конь, порвавший удила...») (см. письмо 3); см. о нем выше, в той же публикации.

[3] Мессап — сын Посейдона, легендарный царь Этрурии, укротитель коней.

[4] Толстой не принимал участия в юбилейных торжествах Фета, отрицательно относясь к самой идее торжеств. За две недели до юбилейной даты, 14 января 1889 г., он записал в дневнике: «...жалкий Фет с своим юбилеем. Это ужасно! Дитя, но глупое и злое» (*Толстой*. Т. 50. С. 23). На официальном обеде в ресторане «Эрмитаж» 29 января присутствовала только С. А. Толстая, которая, как сообщал Фет Полонскому в письме от 7 января, была среди тех, кто «хлопотал» об устройстве этого обеда (см.: *Фет/Полонский*. С. 702; см. также о присутствии на обеде С. А. Толстой в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе). О посещении Фета Толстой оставил запись в дневнике 29 января: «Встал рано, нездоровится. Убрал, пошел к Фету» (*Толстой*. Т. 49. С. 30).

[5] Я. П. Полонский писал Фету 24 января: «Что касается до графа Льва, то он, конечно, на юбилее твоем не будет, ибо, я слышал, проклинает всех поэтов и всякую поэзию — развратительницу рода христианского!» (*Фет/Полонский*. С. 707). Резкие высказывания Толстого в 1880-е и более поздние годы о поэзии как сфере творческой деятельности и о стихотворной форме многочисленны и широко известны. Они зафиксированы в беседах и интервью с писателем, в мемуарах современников. Характерна запись в дневнике Толстого от 30 января 1889 г., сразу после празднования юбилея Фета: «После обеда Попов стихотворец юноша. Удивил его, сказав, что это самое подлое занятие. Пошел к Фету. Там обед. Ужасно все глупы. Наелись, напились и поют. Даже гадко. И думать нечего прошибить» (*Толстой*. Т. 49. С. 31; Б. Н. Попов, автор сборника «Стихотворения» (М., 1889)). Приобрел известность один из афоризмов Толстого (более позднего времени): «Писать стихи — это все равно что пахать и за сохой танцевать. Это прямо неуважение к слову» (*Гусев Н. Н.* Два года с Толстым. М., 1973. С. 84; запись от 13 января 1908 г.).

[6] Юбилейное послание Я. П. Полонского «В день пятидесятилетнего юбилея А. А. Фета (1889 г. 28-го января)» («Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...»).

[7] Имеется в виду враждебность Толстого к поэзии.

[8] Фет ссылается на известную сцену в «Илиаде» (песнь 3, ст. 149—158) и ее переложение «Сидели старцы Илиона...» (1869) А. Н. Майкова. Ср.:

Сидели старцы Илиона
В кругу у городских ворот;
Уж длится града оборона
Десятый год, тяжелый год!

Они спасенья уж не ждали,
И только павших поминали,
И ту, которая была
Виною бед их, проклинали:
«Елена! ты с собой ввела
Смерть в наши домы! ты нам плена
Готовишь цепи!!!...»
                                    В этот миг
Подходит медленно Елена,
Потупя очи, к сонму их;
В ней детская сияла благость
И думы легкой чистота;
Самой была как будто в тягость
Ей роковая красота...
Ах, и сквозь облако печали
Струится свет ее лучей...
Невольно, смолкнув, старцы встали
И расступились перед ней.

(*Майков А. Н.* Соч. Т. 1. С. 202). Ср. также высказывание Толстого «Искусство быть скучным», вошедшее в воспоминания Т. Л. Сухотиной-Толстой: «Помните ли, как Гомер описывает красоту Елены? „Когда Елена вошла, увидев ее красоту, старцы встали“. Простые слова, но вы видите, как перед мощью этой красоты встают старцы. Не нужно было описывать ее глаза, рот, волосы и т. д. Каждый может вообразить Елену по-своему. Но каждый чувствует силу красоты, перед которой встали старцы. / И в заключение отец цитирует Вольтера: „Искусство быть скучным — это сказать все“» (*Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания. М., 1980. С. 417). В «Илиаде» Скейская башня — крепостная башня у западных ворот Трои.

5
Майков — Фету
1 февраля 1889 г. Петербург

Любезный друг Афанасий Афанасьевич!

Твое письмо от 29 января[1] разом раскрыло сотни ран на моей совести, а я уж стал было их забывать. Дело в том, что ни на твоих лебедей,[2] никому, ни на единый привет — я не отвечал, кроме как печатно.[3] Пробирался целое лето; некоторые письма сочинил, да и те не послал, ибо их надобно было переписать. Для меня самый процесс писания — отвращение; а уж что нынче стали делать с письмами исследователи литературы, глубокие психологи-психопаты,[4] — это уж совсем омерзило мне письмо. Теперь же взялся за перо только в свою защиту. Я выразил в своих стихах тебе именно то, что люблю в твоих и что может быть не всем заметно.[5] Да на это свое свойство ты сам когда-то указывал. Помнишь ли, ты говорил, что только то и есть поэзия, когда поэт бросает-

ся с пятого этажа?[6] Ну вот, ты и бросался, и это-то меня всегда и пленяло и пленяет, и на это я и хотел указать в моем послании, попробовав сам пуститься за тобою. Благополучно ли пропутешествовал — не знаю. Пока еще боли не чувствую, но ведь она в таких случаях оказывается и не вдруг, и твое письмо, пожалуй, будет очень полезным бальзамом, как предохранительное средство. А как-то ты себя чувствуешь после всех этих передряг юбилейных дней?

Дай-то бог, чтобы всё обошлось благополучно.

Твой — corps et âme[a] и пр.

1889
1-е февр. А. Майков.

На конверте: Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В *Москве*.
На *Плющихе*, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 1 февраля 1889; 2) Москва, 2 февраля 1889.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 47. Л. 3—3 об.

[1] См. письмо 4.

[2] Имеется в виду празднование 50-летия литературной деятельности Майкова 30 апреля 1888 г. и послание Фета «На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 года» («Пятьдесят лебедей пронесли...»); см. текст и примеч.: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 28, примеч. на с. 303—306.

[3] Вероятно, «печатным» ответом на многочисленные поздравления в связи с литературным юбилеем Майков назвал свои благодарственные слова, обращенные к поздравителям; см., например: Юбилей А. Н. Майкова // *РВ*. 1888. № 6. С. 295—309.

[4] Скорее всего, Майков имеет в виду статью И. А. Гончарова «Нарушение воли» (1889). Хотя она была опубликована только через месяц, в № 3 «Вестника Европы», Майков, близко знакомый с Гончаровым с 1835 г. (в качестве домашнего учителя Гончаров готовил его к поступлению в университет), наверняка знал ее содержание. И до статьи Гончарова в печати звучали протесты против публикации писем писателей, особенно имеющих частный, интимный характер. На эти протесты ссылается и Гончаров в статье «Нарушение воли». Обратившись к М. М. Стасюлевичу с просьбой предоставить корректуру статьи для ознакомления ряду лиц, в том числе А. Ф. Кони, Гончаров отметил: «Он был очень доволен, узнав, что я написал статью о занимающем всех вопросе» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. СПб., 1912. Т. 4. С. 208). На просьбу Фета разрешить напечатать в своих воспоминаниях его письмо Гончаров в письме от 19 ноября 1888 г.

[a] телом и душой (*франц.*).

ответил отказом: «Et tu Brute! восклицаю я в страхе и в трепете. Я ли не воевал словесно <...> против обычая печатать интимные письма, писанные к одному лицу и для *одного этого лица?*» (*РА*. 1900. № 2. С. 69).

[5] Речь идет о стихотворении «Афанасию Афанасьевичу Шеншину-Фету на 28-е января 1889 года» («Когда, как бурный конь, порвавший удила...») (впоследствии под заглавием «А. А. Фету в день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.»). См. письмо 3, подробнее см. в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе.

[6] Майков имеет в виду статью Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859). О подлинном лирике-поэте Фет писал: «Лирическая деятельность тоже требует крайне противуположных качеств, как, напр., безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры). Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик. Но рядом с подобной дерзостию в душе поэта должно неугасимо гореть чувство меры» (*Фет. ССиП*. Т. 3. С. 186—187). Этому убеждению Фет был верен в течение всей жизни. В 1890 г. Я. П. Полонский гостил в имении Фета и в письме к Майкову передал его слова: «Поэзия есть не что иное, как безумие, а потому она и ближе к истине... Если поэт не сумасшедший, то какой же он поэт!» (цит. по: *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. Л., 1980. С. 205; подлинник: *ИРЛИ*. № 11753. Л. 35).

5а
Черновая редакция

Л. д. А. А.

Твое письмо [смутило меня невыразимо, разом раскрыв бесчисленно], разом раскрыло сотни ран на моей совести, а уж я было стал их забывать. Дело в том, что ни на [твой привет] твоих лебедей, никому, ни на единый привет прошлого года — *я* [*никому*] *не ответил*. Просбирался целое лето, некоторые письма написал, да и те не послал, ибо их надобно [бы] было [переписать] переписывать. [А] Для меня самый процесс писания — отвращение, а уж что нынче стали делать с письмами исследователи литературы, глубокие психологи-психопаты, это уж совсем омерзило мне письмо. Теперь же [пиш<у>] взялся за перо [чтоб] только в свою защиту. Я выразил в своих стихах тебе[,] именно то, что люблю в твоих. Да на это свое свойство ты сам когда-то указывал. Помнишь ли, ты говорил, что только то и есть поэзия, когда поэт бросается с пятого этажа? Ну вот ты и бросался, и это-то [мне] меня всегда и пленяло и пленяет, и на это я и хотел указать в моем послании, попробовав сам пуститься за тобою. Благополучно ли пропутешествовал — не знаю.[а] Пока еще боли не чувствую, но ведь она в таких случаях оказывается и[б] не вдруг, и твое милое письмо, пожалуй, будет очень полезным бальзамом, как предохрани-

[а] *Фраза вписана.*

[б] *Слово вписано.*

тельное средство. А как-то ты себя чувствуешь после всех этих передряг в последние дни? Дай-то бог, чтоб все [прошло] обошлось благополучно.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 16694. Л. 1—1 об. На л. 2 об. помета: «К Фету». Опубликовано (с датой: «<Конец января — начало февраля 1889>»): *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. Л., 1980. С. 204, примеч. на с 205.

5б
Копия черновой редакции

Люб. др. Афан. Афан-ч. Твое письмо разом раскрыло сотни ран на моей совести, а уж я — было стал их забывать. Дело в том, что ни на твоих лебедей, никому, ни на единый привет прошлого года — я не отвечал. Просбирался целое лето, некоторые письма сочинил, да и те не послал, ибо их надо было переписать. Для меня самый процесс писания — отвращение; а уж что нынче стали делать с письмами исследователи литературы, глубокие психологи-психопаты — это уж совсем омерзило мне письмо. Теперь же взялся за перо только в свою защиту. Я выразил в своих стихах тебе именно то, что люблю в твоих. Да на это свое свойство ты сам когда-то указывал. Помнишь ли, ты говорил, что только то и есть поэзия, когда поэт бросается с пятого этажа? Ну вот, ты и бросался, это-то меня всегда и пленяло и пленяет, и на это я и хотел указать в моем послании, попробовав сам пуститься за тобою. Благополучно ли пропутешествовал, не знаю. Пока еще боли не чувствую, но она в таких случаях оказывается и не вдруг, и твое милое письмо, пожалуй, будет очень полезным бальзамом, как предохранительное средство. А как-то ты себя чувствуешь после юбилейных передряг? Дай-то бог, чтобы все обошлось благополучно. Твой и пр.

А. М.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 17001. Л. 44 об.; копия в письме А. Н. Майкова к сыновьям от 2 февраля 1889 г., после копии письма Фета от 29 февраля 1889 г.

6
Майков — Фету
26 февраля 1889 г. Петербург

Дорогой друг и товарищ! Ура! Ура! Сейчас прочел в «Правительственном вестнике», что ротмистр Шеншин пожалован в камергеры,[1] и кричу: ура! Может быть, такой порыв тебе и не понравится, но для меня царская санкция есть высшее признание доблести, заслуги,

44 об

Отвечал я следующее:

Мил. др. Афан. Афан-ч! Твое нынешнее родное [illegible] растрогало сотни раз мою совесть, а уж я было сам их забывал. Дело в том, что ни на твоих лебедей, ни кому, ни на единый привет прошлого года — я не отвечал. Пробовал целое лето, некоторые письма сочинил да их не послал, ибо их надо было переписать. Для меня самый процесс писания — отвращение; а уж что нынче стали делать с письмами из словесности литературы, глубокие психологические [illegible] — это уж совсем [illegible] меня от письма. Теперь же время за перо только в свою защиту. Я встречаю в своих стихах тебя и много то, что люблю в твоих. Да на это свое свойство ты сам когда-то указывал. Помнишь ли, ты говорил, что только то и есть поэзия, когда поэт бросается с пятого этажа? Ну вот, ты и бросался, это-то меня всегда и пленяло и пленяет, и на это я [illegible] указал в моем послании, попробовав сам пуститься за тобою. Благополучно ли [illegible], не знаю. Пока еще боли не чувствую, но [illegible] в таких случаях оказывается иное вдруг, и твое милое письмо, пожалуй, будет очень полезным бальзамом, как предохранительное средство. А каково ты себя чувствуешь после юбилейных передряг? Дай-то Бог, чтобы все обошлось благополучно. Твой и пр. —

А. М.

Письмо А. Н. Майкова к Фету от 1 февраля 1889 г.
Авторская копия в письме к сыновьям от 2 февраля 1889 г.

55 //

Дорогой друг и товарищ! Ура! Ура! Сейчас прочел в Прави-тельственном Вестнике, что Афанасию Шеншину пожалован камер-герский ключ: Ура! Может быть такой подарок тебе и не понравится, но для меня царская санкция есть высшее признание доблести, заслуги, а здесь еще награждается доблесть и заслуга под знаменем чистой поэзии. Без этой санкции не полон был твой юбилей. Слава тому, кто сердцем это угадал и произнес свое слово (х)! Так я думаю, а до прочих мне нет дела!

Обнимаю тебя из радости!

твой
А. Майков

1889
26 февр.

(х) И когда хорошо: в день своего рождения!

Письмо А. Н. Майкова к Фету от 26 февраля 1889 г.

а здесь еще награждается доблесть и заслуга под знаменем чистой поэзии. Без этой санкции не полон был твой юбилей.[2] Слава же Тому, кто сердцем это угадал и произнес Свое слово.* Так я думаю, а до прочих мне нет дела.

Обнимаю тебя на радости!

Твой

А. Майков.

1889
26 февр.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 13569. Л. 1.

[1] См.: Правительственный вестник. 1889. 26 февраля. № 46. С. 1. Ротмистр (штабс-ротмистр) — старший обер-офицерский чин в кавалерии, соответствовал 9 классу по Табели о рангах. Фет был произведен в штабс-ротмистры 6 декабря 1851 г. во время службы в Кирасирском Военного Ордена полку (*Летопись (1994)*. С. 300). Камергер — придворный чин (звание) 4 класса по Табели о рангах.

[2] О своих «упованиях» на получение звания камергера в связи с литературным юбилеем Фет написал великому князю Константину Константиновичу еще в июне 1888 г. О хлопотах последнего в придворно-чиновничьих кругах см. подробнее во вступит. статье М. И. Трепалиной к переписке Фета с К. Р., а также в их переписке декабря 1888 — февраля 1889 гг. и примеч. к ней: *Фет/К. Р.* С. 573, 588, 696—698, 700, 740—743, 751—752; письма 51, 52, 67—69, 77—79. 20 января 1889 г. великий князь Константин Константинович сообщал Фету: «Я близко принимаю к сердцу ваши упования и скажу вам, что вы дождетесь их осуществления, если и не 28-го числа, то немного позже. В гражданском мире, как и в военном, награды и производства выпадают большею частью лишь в известные, раз навсегда определенные дни; 28 января не принадлежит к их числу, и вот почему вам надо будет несколько подождать» (Там же. С. 742). 27 февраля он поздравил Фета телеграммой с оказанной ему «Монаршей милостью» (Там же. С. 751).

[3] 26 февраля ст. ст. — день рождения императора Александра III (1845—1894).

7
Фет — Майкову
1 марта 1889 г. Москва

МОСКВА　　　　　　　　　　　　Марта 1-го.
Плющиха, соб. дом

Дорогой друг Аполлон Николаевич!

Сунув в мирную кадку с водою огненными звездами брызжущее железо, не изумляйся порывистому и хаотическому бурчанию фонта-

---

* и как хорошо: в день своего рождения![3] — *Примеч. Майкова.*

ном поднявшейся воды. Не удивляйся и ты, разом запустивший в глубину души моей лучезарный светоч твоего ума, что я в ответ тебе пробормочу несколько бессвязных слов, смысл которых тебе придется скорее угадывать, чем вычитывать. Второй раз со времени моего юбилея я несказанно отрадно тронут: нежданным приветствием офицеров л<ейб>-гв<ардии> Уланского полка[1] и твоими поистине драгоценными для меня строками. Если бы ты, наш умница, поэт-мыслитель, написал мне даже величайшую пошлость с тем задушевным и дружеским оттенком,[а] который проявляется в твоем письме, то я и тогда был бы совершенно счастлив. Всезрящим оком поэта смотря в лицо идеям вещей, ты выразил всю нашу тройственную поэтическую судьбу словами: «три мальчика».[2] Милый Полонский, вспоминая эти слова, комически прибавляет: «хороши мальчики!».[3] Смейтесь, господа, сколько угодно; но в правдивой истории литературы этим трем мальчикам суждено неразрывно оставаться *тремя мальчиками* или *тремя юбилярами*. Могут явиться не токмо блестящие звезды, даже[б] кометы вдобавок к прежним, но три звезды пояса Ориона[4] от этого не потеряют ни места своего, ни значения. Каковы бы в глазах читателя ни были эти три звезды как поэты — (один любит попа, другой — попадью, третий — попову дочку), — но если эти три звезды, воссиявшие единственно глубочайшими и нежнейшими влечениями сердца, не питают этой нежности взаимно один к другому, я готов им сказать: вы, господа, быть может, высочайшие виртуозы, но вы, к сожалению, фарисеи.

Позволь же, дорогой друг, обнять тебя со всею искренностью задушевной симпатии. Но актом дружеского рукопожатия не исчерпывается твоя победа надо мною. Ты и не подозреваешь, до какой степени восхитил меня атлетической целостью своего духа. Ты видишь, вот он — лизипповский борец;[5] это он скребком счищает с себя пот и елей. Ты видишь, он никогда не ставит себе пиявок, не принимает слабительного и не знает никаких лекарств. Если тебе это не нравится, ступай в *аптеку подмастерьем*, а я, напротив, в душе уважаю только цельных и самобытных людей. Я не сумел бы сам выразить яснее и короче всех основных помыслов и ощущений своих, чем это сделал ты. Поэтому пускаться здесь в объяснения значило бы повторять твои слова насчет Высочайшей санкции.[6] При современной популяризации всяческих мыслей выходит весьма плачевная картина. Каждый неумелый дурак кроит и шьет готовое платье и сует его в один шкап с хорошим. Затем каждый дурак уверен, что он сам способен выбирать себе костюм. И действительно является в костюме, состряпанном дураками.

[а] *Далее начато и зачеркнуто*: прояв

[б] *Было*: или (*исправлено рукой Фета*).

Всех учить и переделывать я не в силах; но зато я не желаю плясать под дудку дураков. Кто же в силах убедить меня, что веровать в небывалую коммуну *достойно и праведно есть*, а носить в русском сердце излюбленное народом самодержавие — позорно? Вообрази, что в интеллигентной среде я чую зловоние подобного веяния. Ты можешь себе представить, с какой симпатией я к нему отношусь! В непродолжительном времени надеюсь прибыть к тебе и, обняв от души, натолковаться всласть о нашем общем заветном убеждении, по пословице: «что у кого болит, тот про то и говорит». Как характерны твои заключительные слова: «А до других мне дела нет».[7] Недаром граф Олсуфьев[8] сказал: vous les[в] fairez enrager.[г] Дружеское тебе спасибо.

Твой старый
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 16977. Л. 3—4 об. Текст рукой Е. В. Федоровой, заключительная фраза и подпись — автограф. Опубликовано (с рядом неточностей в комментарии и указанием на письмо Майкова от 26 февраля как несохранившееся): Письмо А. А. Фета к А. Н. Майкову <от 1 марта 1889 г.> // Публ. П. А. Гапоненко // *РЛ*. 1988. № 4. С. 181.

[1] Я. П. Полонскому Фет писал 3 февраля: «Особенно тронули меня братским приветом после тридцати лет гвардейские уланы» (*Фет/Полонский*. С. 712). В лейб-гвардии Уланском Его Величества полку Фет служил с 1853 по 1858 г. Текст присланной однополчанами поздравительной телеграммы см.: Там же. С. 713.

[2] Имеется в виду юбилейное послание А. Н. Майкова «Я. П. Полонскому» («Тому уж больше чем полвека...», 1887) к 50-летию его литературной деятельности; см. о нем в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе.

[3] Фет вспоминает письмо Полонского от 8 октября 1888 г. со словами: «Хороши мальчики! нечего сказать! даже и не верится, что и мы бегали взапуски и учились азбуке...» (*Фет/Полонский*. С. 679); см. о нем подробнее в указанной статье.

[4] Пояс Ориона (астеризм в созвездии Ориона) состоит из трех звезд: Альнитак, Альнилам, Минтака; опоясывает фигуру охотника в изображениях созвездия.

[5] *Лисипп* (IV в. до н. э.), греческий скульптор.

[6] Фет реагирует на слова Майкова в письме от 26 февраля (письмо 6).

[7] Слова из того же письма.

[8] О генерал-лейтенанте графе Алексее Васильевиче *Олсуфьеве* (1831—1915), филологе-дилетанте, блестящем знатоке истории и культуры Древнего Рима, см.: *Асланова Г. Д.* 1) Примечания // *Фет. СПП*. С. 444—447; 2) *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 214—245.

[в] *Далее зачеркнуто*: ferais

[г] вы их приведете в ярость (*франц.*). *Далее рукой Фета*.

ПЕРЕПИСКА ФЕТА и П. В. ШЕЙНА
(1888–1892)

Публикация С. А. Ипатовой

Знакомство Фета с этнографом-самоучкой, лингвистом и собирателем песенного фольклора Павлом Васильевичем Шейном (1826–1900) состоялось, вероятно, в начале 1860-х годов. Нет никаких свидетельств, когда именно и по какому поводу завязались эти отношения, кроме упоминания самого Шейна в письме к Фету от 29 января 1889 года: «...я высоко ценю Ваше доброе ко мне расположение, не изменившееся в течение более четверти столетия». Судя по сохранившейся между ними переписке, которая едва ли была интенсивной (известны 3 письма Фета и 2 Шейна), общение происходило не столько личным, сколько эпистолярным образом.

Точно известно, что во второй половине августа 1883 года Шейн гостил у Фета в Воробьевке, о чем сохранилось свидетельство самого Шейна в письме к ученому-филологу, академику Я. К. Гроту из Воробьевки от 20 августа 1883 года: 6 августа «я заехал в с. Мант<у>рово (Тимск<ого> у. Курск<ой> губ.) к помещику Томилину, где все семейство встретило меня весьма радушно <...>. Там я провел дней 10 и приобрел довольно интересный материал для великорусских своих сборников». Как следует из письма, из Мантурово Шейн «поехал в Курск и потом к А. А. Шеншину (Фету) в с. Воробьевка, в 12 верст<ах> от станции „Коренной Пустыни“. Эти добрые люди тоже мне крайне обрадовались, тем более что они живут, как Пилемон (так! — *С. И.*) и Бавкида, в совершенном одиночестве, вдали от мало-мальски сносного соседства. Он целый день возится с переводом Горация, а вечером, для сбережения зрения, раскладывает карты, она же занимается хозяйством или слушает его чтение. Только изредка сюда заглянет кто-ни-

будь из приятелей нашего поэта, прогостит у него недельку-другую, а потом возобновляется тут прежняя идиллическая монотонность. Мой радушный хозяин так обрадовался, когда я заговорил о Вас. Он тотчас с удовольствием вспомнил, что Вас с ним познакомил какой-то переводчик Мицкевича, который похвалил очень его переводы из Горация, я сейчас догадался, что это был никто иной, как Н<иколай> П<етрович>. Я, грешный, думаю, что поэтическ<ая> деятельность такого ветерана литературы заслуживает поощрения Академии н<аук>. <...> P. S. <...> Шеншина (Фета) зовут *Афанасий Афанасьевич*».[1] Не исключено, что поводом к посещению Воробьевки послужило намерение Шейна, искавшего любую возможность записи песенного фольклора для своих великорусских сборников, продолжить сбор материала в Курской губернии.

Так вышло, что в тот же день, 20 августа 1883 года, Фет также обратился к Я. К. Гроту с письмом, но по другому поводу: поэт завершил перевод всех произведений Горация и, имея по опыту издания перевода «Фауста» Гёте «затруднения с московскими типографиями, из которых получить книгу в надлежащем виде почти невозможно», просил совета у Грота как человека, имевшего опыт в издательском деле. К письму был приложен дарственный экземпляр вышедшего перевода «Фауста».[2] Не исключено, что в один из этих дней Фет подарил перевод «Фауста» также и Шейну, гостившему в это время в Воробьевке, о чем свидетельствует сохранившаяся книга с дарственной надписью без даты: «Павлу Васильевичу Шейну в память от переводчика».[3] Грот ответил Фету 12 сентября 1883 года: «Спешу от души поблагодарить Вас и за память обо мне, и за дорогой для меня подарок произведений

[1] См.: *ПФА РАН*. Ф. 137. Оп. 3. № 1025. Л. 7—7 об. P. S. на Л. 6 об. *Томилин* Е<гор> И., помещик, собиратель фольклорно-этнографических материалов в Курской губернии, корреспондент Шейна. Упомянутый труд — «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. (материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном)» (СПб., 1898—1900. Т. 1. Вып. 1—2). Во время приезда Шейна в Воробьевку Фет заканчивал работу над книгой «Квинт Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета», которая вышла в декабре 1883 г. Упомянутый переводчик А. Мицкевича — сенатор, историк и поэт Н. П. Семенов (1823—1904), на сестре которого, Наталье Петровне, был женат Я. К. Грот.

[2] См.: «Труд целой жизни» (Письма А. А. Фета Я. К. Гроту) / Публ. Л. Я. Дворниковой // Встречи с прошлым. М., 1988. Вып. 6. С. 49 (здесь опубликовано письмо Фета от 18 декабря 1885 г.); письма Фета к Гроту 1880-х гг. хранятся в РГАЛИ (Ф. 123. Оп. 1. № 61); ответные письма Грота см.: *ИРЛИ*. № 20282.

[3] Экземпляр хранится ныне в Библиотеке РАН (Петербург): Фауст. Трагедия Гёте. Часть первая. Перевод А. Фета. М., 1882 (шифр: IV а / 1375). За указание благодарю И. А. Кузьмину.

Петру Васильевичу
Шейну
[illegible]
от
переводчика

ФАУСТЪ

ТРАГЕДІЯ

ГЁТЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРЕВОДЪ

А. ФЕТА.

МОСКВА.
Типографія А. Гатцука, Никитскій бульваръ, соб. д.
1882.

«Фауст» Гёте в переводе Фета
с дарственной надписью П. В. Шейну на обложке (М., 1882. Ч. 1)

Вашего прекрасного таланта, который я, как Вам известно, давно ценю и уважаю. И о приятных минутах личного знакомства с Вами в доме Н. П. Семенова я часто вспоминал с особенным удовольствием. Обещаю себе большое наслаждение от прочтения „Фауста“ в Вашем переводе».[4]

Позже в письме к Фету от середины апреля 1888 года (местонахождение неизвестно) Шейн, вероятно, высказал мысль, что именно он «отрекомендовал» Фета Я. К. Гроту и, таким образом, «выхлопотал» поэту Пушкинскую премию, полученную им в октябре 1884 года, что, конечно, не соответствовало действительности. Фет не оставил без внимания это заявление: «В Ваше стеклышко, — отвечал он Шейну 24 апреля 1888 года, — Вам кажется, что Вы отрекомендовали меня Я. К. Гроту и выхлопотали мне Пушкинскую премию, тогда как в действительности я, до минуты присуждения Академией мне премии за Горация, ни слова об этом не знал, и предложил мой перевод на соискание не Грот, а А. Н. Майков» (см. письмо 1). В подтверждение этому следует привести письмо Н. Н. Страхова к Фету от 12 октября 1884 года: «Сегодня <...> Вам присуждена Академиею за Горация Пушкинская большая премия, 1000 рублей. Майков (конечно, Аполлон), который и <д>в<и>гал это дело, и был приглашен в комиссию как эксперт, очень усердствовал в заседании и находился в большой радости от успеха».[5]

Следует привести основные факты биографии корреспондента. Родился Шейн в 1826 году в Могилеве в семье еврейского коммерсанта. После болезни в 13 лет был частично парализован и до конца жизни ходил на костылях; в 1843 году отец привез его в Москву, где он лечился в Ново-Екатерининской больнице (1843—1846). В 1848 году принял христианство (лютеранство). Окончив немецкое училище при лютеранской церкви в Москве (1851), работал воспитателем в помещичьих усадьбах (1851—1860). Летом 1861 года по приглашению Л. Н. Толстого преподавал русский язык в яснополянской школе; жил в разных краях России, служил уездным учителем немецкого и русского языков в училищах и гимназиях Тулы, Епифани, Калуги, Витебска, Шуи, Зарайска (1861—1881). В конце 1850-х годов, живя в Москве в доме Ю. Ф. Самарина, Шейн входил в кружок членов Общества истории и древностей российских и Общества любителей российской словесности при Московском университете, посещал их заседания. В этой атмосфере он проникается идеями славянофильства и народности и до конца жизни остался, по словам Н. И. Костомарова, преданным «всею

[4] См.: *ИРЛИ*. № 20282. Л. 1—1 об.

[5] См.: *Фет/Страхов*. Дополнение. С. 548.

П. В. Шейн.
Фотография Э. фон Эггерта. Рига, вторая половина 1890-х гг.

душою русскому народу, посвятив себя изучению его народности и собиранию его народных поэтических произведений».[6] При деятельной поддержке М. Н. Лонгинова и Ф. Б. Миллера (отца В. Ф. Миллера, в будущем известного фольклориста) в 1858–1859 годах Шейн подго-

[6] *Костомаров Н. И.* Великорусская народная песенная поэзия. По вновь изданным материалам // *ВЕ*. 1872. № 6. С. 538.

товил и издал сборник стихотворений поэта-разночинца В. И. Красова.[7] Перебиваясь частными уроками и мелкими литературными заработками, сблизился с московскими литераторами и в 1859 году начал сотрудничать в еженедельном литературно-юмористическом журнале Ф. Б. Миллера «Развлечение» (в разделе «Библиографические известия»), где помещал мелкие рецензии и аннотации на вновь вышедшие книги, среди которых следует отметить положительную рецензию на «Украинские народные рассказы» М. Вовчка, переложенные «полным мастером и хозяином русского слова» И. С. Тургеневым.[8]

Под влиянием поэта и публициста Ф. Н. Глинки, а также С. П. Шевырева, мечтавшего о составлении «Полного свода всех русских песен, сказок и пословиц», Шейн увлекся собиранием русского фольклора. Летом, выезжая со своими воспитанниками по деревням и занимаясь сбором песенного материала, он объездил Рязанскую, Псковскую, Новгородскую губернии. В 1856 году в Симбирской губернии Шейн записал песни и былины, которые вошли в его первый серьезный собирательский труд, фольклорный сборник «Русские народные былины и песни», изданный при содействии А. С. Хомякова и К. С. Аксакова в 1859 году в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» (№ 3) и получивший положительный отзыв А. Н. Афанасьева. Затем последовали: сборник «Русские народные песни, собранные П. В. Шейном» (М., 1870. Ч. 1), посвященный В. И. Далю и стяжавший восторженные отзывы О. Ф. Миллера, Я. К. Грота, Н. И. Костомарова и др.; «Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями» (СПб., 1874). Критика очень благосклонно отнеслась к первым изданиям собирателя, особенно к «Белорусским народным песням» — изданию, за которое Шейн получил от Академии наук Уваровскую академическую премию 1875 года.[9]

Помимо собирательской деятельности, с 1871 года Шейн начал работать в Русском географическом обществе. На страницах московского журнала «Этнографическое обозрение», издававшегося В. Ф. Мил-

---

7 См.: Стихотворения В. И. Красова / Изд. П. Шейна. М., 1859. Подробнее об этом издании см.: *Новиков Н. В.* Павел Васильевич Шейн: Книга о собирателе и издателе русского и белорусского фольклора. Минск, 1972. С. 24—25. Далее сокращенно: *Новиков*.

8 См.: *П. Ш.* <*Шейн П. В.*> Украинские народные рассказы Марка Вовчка. Перевод И. С. Тургенева. С.-Петербург. 1859 // Развлечение. 1859. 25 апреля. № 16. С. 192.

9 См.: *Новиков Н. В.* Деятельность П. В. Шейна в 70-е годы (сборник «Белорусские народные песни») // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2. С. 94. См. также: *Миллер О. Ф.* Отчет о восемнадцатом присуждении наград Уварова 25 сентября 1875 г. СПб., 1876. С. 54—59.

лером, он опубликовал многочисленные заметки и статьи по русской лингвистике, этнографии и фольклору. Однако официальным его занятием, необходимым для существования, до 1880 года продолжало оставаться учительство. «Что же сделано было для того, — писал о Шейне один из его биографов А. Е. Грузинский, — чтобы этот беспримерный труженик во славу русской народности имел возможность спокойно предаваться своей полезной работе? Он должен был снискивать пропитание учительским трудом, а тем, что было всего нужнее для общества и для него, заниматься „в свободное от службы время“, тратя на свои ежегодные этнографические поездки по России скудные учительские гроши».[10] Вскоре, выйдя в отставку, ученый поселился в Петербурге (1881—1900), целиком посвятив себя научной работе.

По поручению Я. К. Грота, с 1886 года ученый принял участие в подготовительной работе по составлению нового академического «Словаря русского языка», занимаясь выборкой слов и оборотов из произведений обширного списка классиков русской литературы (Пушкин, Е. А. Боратынский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, И. А. Крылов, А. К. Толстой, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Я. П. Полонский,[11] а также И. С. Тургенев,[12] Фет и др.). 20 сентября 1891 года Шейн вступил в полемику с редактором «Словаря» Я. К. Гротом, стремившимся сузить количество литературных источников, и изложил собственную концепцию о необходимых для «Словаря» широких источниках выборок: «...в деле словарном всякий истинно русский человек, даже не по рождению, — даже не ученый, может внести свою лепту в сокровищницу отечественного слова».[13]

---

[10] *Грузинский А. Е.* П. В. Шейн // Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. Литературно-художественный сборник. СПб., 1901. С. 267.

[11] В недатированном письме, вероятно от лета — осени 1889 г., Шейн писал Полонскому: «...я окончил извлечение слов для академического словаря из Ваших поэтических (стихотворных) произведений, назначенных мне для этой цели Я. К. Гротом» (см.: *ИРЛИ*. № 12627. Л. 25). Сделав по указанию редактора «Словаря» выборки только из стихотворных произведений Полонского, Шейн писал Гроту 16 декабря 1890 г.: «Я и сделал, что мог, по Вашему предписанию, хотя в душе был убежден, что у Полонского и в прозаических произведениях нашлось бы немало годных для словаря слов, так как этот писатель жил и действовал в разных концах России, видел гораздо больше людей и чаще был с ними в столкновении, чем А. Майков» (см.: *Новиков*. С. 41—42). С Полонским Шейн познакомился в 1867 г., был дружен и состоял в переписке (письма Полонского к Шейну см.: *ПФА РАН*. Ф. 104 (П. В. Шейн). Оп. 2. № 166). В петербургский период жизни ученый был одним из постоянных посетителей «пятниц» Полонского (см.: *Новиков*. С. 203).

[12] О выписках из Тургенева см. письмо Шейна к Я. К. Гроту от 31 декабря 1891 г.: *ИРЛИ*. № 16219. Сб. 11. Л. 33.

[13] См.: Там же. Л. 45.

28 декабря 1890 года Шейн, обсуждая с Я. К. Гротом свою работу по дополнению академического «Словаря», — выписка слов и оборотов из литературных произведений — упомянул об изданиях Фета, необходимых ему для работы: «Я сам был того мнения, что из Майкова, Полонского и Фета следует выписать побольше слов <...>. Выписками из Фета я не мог и не могу заняться потому, что у меня нет полных его сочинений. Года три тому назад он мне прислал только три части своих „Вечерних огней“, но их взял у меня на время покойный Ор. Ф. Миллер и не успел мне их возвратить и умер. Думаю, если Вы напишете словечко А. А. Шеншину, то он охотно пришлет бы (так! — *С. И.*) мне все свои сочинения с недавно вышедшими его „Воспоминаниями“ включительно, если только узнают (так! — *С. И.*), для какой цели. А я, с своей стороны, охотно позанялся бы изучением заключающегося в них словарного материала, который (так! — *С. И.*), по-моему, окажется немало, особливо в последних его произведениях. Фет тоже человек бывалый и *видалый*».[14] Через две недели, 13 января 1891 года, Шейн вновь обратился к Гроту: «Как Вы решили насчет Фета и Вяземского? Постоянно читать одного Салтыкова-Щедрина весьма скучно и утомительно».[15] Вероятно, поэт удовлетворил просьбу предоставить свои книги, так как 25 февраля 1892 года он писал Шейну: «Помнится, что я имел случай передать Вам все изданные мною сочинения» (см. письмо 5). Остается неизвестным, в какой мере этому способствовал Грот. Цитатами из сборников «Вечерние огни» снабжены такие словарные статьи, как «Базар», «Беспутный», «Ворот» и многие другие.[16]

Круг общения Шейна, судя по его переписке, был довольно обширен и не ограничивался миром ученых и общественных деятелей: С. П. Шевырев, В. Ф. Миллер, Т. И. Филиппов, Я. К. Грот, К. Н. Бестужев-Рюмин, Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, А. Н. и Л. Н. Майковы и многие другие. Н. И. Костомаров, восхищенный научной преданностью Шейна, писал: «Такое лицо, свято и бескорыстно посвятившее себя прекрасному делу, полезному для отечественной науки, достойно того, чтобы помочь ему, а помочь ему можно только одним — даровать ему средства и содействие к продолжению своего дела. <...> Дай Бог, чтобы на Руси не переводились такие почтенные труженики».[17]

[14] См.: *ИРЛИ*. № 16219. Сб. 11. Л. 16 об.—17. К слову «*видалый*» Шейн сделал примечание: «Это слово записано мною в Москве от извозчика» (Л. 17).

[15] См.: Там же. Л. 20.

[16] См.: Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1891. Вып. 1: А—Втас. Стб. 95, 157, 514 и др. (имя Шейна как одного из составителей Словаря указано на С. XII).

[17] *Костомаров Н.* Великорусская народная песенная поэзия. С. 539—540.

Я. К. Грот.
Фотография В. Класена. Петербург, конец 1880-х гг.

Шейн состоял в переписке не только с учеными, но и со многими литераторами, среди которых были Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский,[18] Д. В. Григорович, П. В. Анненков, И. С. Тургенев и др.[19] Основное со-

[18] Возможно, в 1865 г. Шейн обращался к Достоевскому с предложением о публикации в «Эпохе» собиравшегося им песенного материала (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2: Письма. 1860—1868. С. 523, 604).

[19] См. личный фонд Шейна: *ПФА РАН*. Ф. 104. Оп. 2.

держание его писем, помимо научного общения, — это, как правило, поиски средств для продолжения собирательской работы, хлопоты о напечатании своих трудов, жалобы на одиночество, притеснения учебного начальства, нищенскую пенсию и бедственное существование калеки. Так, 24 июня 1880 года Тургенев, отвечая просителю на его письмо из Калуги (неизвестно), сообщал, что написал министру народного просвещения А. А. Сабурову письмо (неизвестно), в котором «изложил все Ваши права на поддержку и поощрение со стороны правительства; не знаю, увенчается ли мое ходатайство успехом». Вместе с письмом к ученому Тургенев вернул присланную им «весьма дельную» статью Е. Л. Маркова («Труженики русской народности»), посвященную собирательской деятельности Шейна и необходимости его материальной поддержки.[20] 24 сентября 1880 года Шейн сообщал Я. К. Гроту, что Сабуров хлопочет о «названной пенсии, о чем его просил и Ив. С. Тургенев».[21]

Летом 1881 года Шейн без приглашения приезжал в Спасское[22] и обратился к Тургеневу с просьбой похлопотать не только об издании собранных им песен, но и об увеличении назначенной ему учительской пенсии. Писатель, как всегда, откликнулся на призыв о помощи.[23] Пенсия ученому в 750 рублей была назначена с ноября 1881 года; но, как пишет биограф Шейна, «понадобились хлопоты и знакомства, подходы и выискивание удобных случаев и подходящих моментов; понадобилось доброе сердце А. Н. Майкова и хорошее расположение духа министра финансов Вышнеградского», чтобы к 1884 году, в связи

[20] См.: *Тургенев. Письма (1)*. Т. 12. Кн. 2. С. 279, 569. См. также: *Марков Е.* Труженики русской народности (Письмо в редакцию) // Голос. 1877. 8 апреля. № 96. С. 1—2; *Белов Е.* Труженики русской науки и славянский вопрос // Русский мир. 1877. 21 апреля. № 105. С. 1—2.

[21] См.: *ПФА РАН*. Ф. 137. Оп. 3. № 1026. Л. 233—233 об.

[22] Пребывание Шейна в Спасском летом 1881 г. в «Летописи» Тургенева не отмечено (см.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876—1883) / Автор-сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 2003). «...Меня загнало к И<вану> С<ергеевичу> в деревню мое горе-злосчастье, с одной стороны, — писал он о причинах визита Я. П. Полонскому 24 декабря 1881 года, — и теплое отношение нашего гуманного романиста к моей судьбе, с другой. Получивши от добрейшего Т. И. Филиппова уведомление, что его хлопоты не увенчались успехом и мне назначена пенсия только 750 р. в год, т. е. почти полов<ина> того, что я получал на службе и чем существовать мне, полубольному человеку, весьма трудно, я решился съездить к глубокоуважаемому Ивану Сергеевичу просить у него совета и помощи, на что он меня вполне уполномочил уже тем одним, что дал мне, при первом же нашем свидании, все свои адресы и сам вызвался употребить, где будет нужно, все свое влияние для улучшения моей незавидной участи» (*ИРЛИ*. № 12627. Л. 15 об.—16).

[23] См.: *Тургенев. Письма (1)*. Т. 13. Кн. 1. С. 115, примеч. на с. 465.

с 25-летием его собирательской деятельности, пенсия увеличилась до 1000 рублей в год.[24] Вскоре, 23 июня 1891 года, министерство народного просвещения назначило ему за особые ученые труды по собиранию памятников народного творчества вторую пенсию в размере 750 рублей в год вдобавок к получаемой пенсии за учительскую службу.[25] С просьбой о пенсии и временных пособиях Шейн неоднократно (с 1876 по 1897 год) обращался в Литфонд; просьбы его, как правило, удовлетворялись, а с 1 июня 1885 года ему была назначена пенсия от Литфонда в размере 180 рублей в год.[26]

В 1899 году, к 40-летию своей научной деятельности, у Шейна вновь возникла надежда на признание его заслуг, о которых, как ему казалось, почти забыли: «Ведь это нужно было бы мне, — писал он А. Е. Грузинскому, — не ради славы или карьеры (не в мои лета об этом думать), а единственно для того, чтобы в высших сферах заинтересовались Шейном, как нелишним для отечественной науки чернорабочим, поддержать силы которого есть нравственный и, пожалуй, гражданский долг людей, власть имущих», а для «такой поддержки всего-то на всего потребовалась бы прибавка к пенсии, мной получаемой, рублей в 600».[27]

Следует назвать основные труды Шейна, составившие ему в ученом мире славу деятельного и даровитого фольклориста-собирателя: «Русские народные песни» (М., 1870. Ч. 1),[28] «Белорусские народные

---

[24] См.: *Грузинский А. Е.* П. В. Шейн. С. 268.

[25] См.: *Новиков.* С. 43—44.

[26] На заседании Литфонда от 19 июня 1884 г. В. П. Гаевский сообщил о получении им официального письма министра народного просвещения И. Д. Делянова (от 23 мая 1884 г.), «который, описывая бедственное положение отставного учителя, известного собирателя „Русских народных песен“ *П. В. Шейна*, просит о назначении ему пенсии», так как получаемая им казенная пенсия в 600 рублей «недостаточна» (см.: *ИРЛИ*. Ф. 155. 1884. Кн. 1. Л. 598 об.—599; 1884. Кн. 2. Л. 403). В этом письме Делянов подчеркнул, что Шейн «обращался неоднократно в министерство народного просвещения с ходатайством о назначении ему из сумм казны денежного вспомоществования на издание собранного им в продолжение 24-х лет» с большими «материальными пожертвованиями весьма ценного для науки материала великорусских бытовых и исторических песен, обрядов и проч. Даруемые г. Шейну с этой целью казною от времени до времени незначительные денежные суммы» не дают «ему средств к окончанию начатого им многосложного научного труда» (см.: Там же. Кн. 1. Л. 624—626).

[27] Цит. по: *Грузинский А. Е.* П. В. Шейн. С. 269. В связи с 25-летием научной деятельности Шейн был удостоен золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

[28] Начало второй части («Песни былевые») опубликовано: Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1877. Кн. 3. С. 1—32.

песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний» (СПб., 1874), «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» (1887—1893),[29] «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (СПб., 1898—1900. Т. 1. Вып. 1—2.) и др.[30]

В. В. Розанов, едва знавший Шейна, после смерти собирателя узнал о его трудах и выразил свое восхищение: «Не многим известно, что один еврей, именно — покойный Шейн, сделал нечто напоминающее труд и подвиг Даля: он целую жизнь свою положил на собирание обрядовых песен русского народа и на их объяснение. <...> Имя Шейна мало известно, но, конечно, заслуга человека оценивается не по приобретенной известности, а по любви и по таланту, какие внес он в свой труд. Время оценки Шейна настанет».[31] Позже писатель вернется к этой теме и посвятит Шейну отдельный небольшой очерк, озаглавленный «А Шейн?..», в котором выразит свою благодарность за подвижнический труд ученого: «Видел его только один раз, на две минуты незначащего разговора: грузный, неуклюжий, прихрамывающий, смуглый. „Человек как человек, не интересно“... Только впоследствии, увидев два тома „Русских народных песен, бытовых, свадебных, весенних, зимних“ и проч., с их вариантами (особенно важно!), я изумился труду и поклонился низко, низко человеку, поклонился от имени всего русского народа! Мне кажется, я это вправе сделать: я — русский. Шейн уже умер, когда я впервые увидал его труд, и мой поклон собственно его могиле не мог дать ему лично ничего. Песни обставлены примечаниями, предисловиями, послесловиями, — сообщениями о певцах и о губерниях, уездах и селах, где Шейн их собрал. Указаны мотивы их, напевы; собраны мельчайшие бытовые черточки, окружающие песню. Послушайте, ведь это целая жизнь, положенная на одно дело, ничего не обещавшее человеку в смысле выгодности или почестей. Можно ли же было сделать это дело, не полюбив глубоко, беззаветно, до экстаза, тихого и длившегося всю жизнь, конечно, самой *песни* — это во-первых, но и, конечно, — самого *певца*, т. е. *народа*».[32]

---

[29] См.: Сб. ОРЯС. 1887. Т. 41. № 3; 1890. Т. 51. № 3; 1893. Т. 57.

[30] Обширный перечень литературы о Шейне приводится в книге: *Новиков*. С. 194—197.

[31] См.: *Розанов В. В.* Пестрые темы (1908) // Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. Серия «Литература и художество»: В 7 т. СПб., 2016. Т. 4: О писательстве и писателях. Статьи 1908—1911 гг. С. 68. Здесь Розанов имел в виду монументальный труд Шейна «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.».

[32] См.: Там же. С. 173—174.

Письма публикуются по подлинникам: три письма Фета к Шейну — *ПФА РАН*. Ф. 104. Оп. 2. № 212 (все они написаны рукой секретаря, только заключительные фразы и подписи — рукой Фета); два письма Шейна — *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 51. Письма воспроизводятся в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации. Искренне благодарю Т. Г. Иванову, любезно прочитавшую мою работу и высказавшую ряд ценных замечаний.

1

Фет — Шейну

24 апреля 1888 г. (?). Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

24 апреля.

Многоуважаемый Павел Васильевич!

Благодарю Вас за присылку Вашего белорусского сборника,[1] который я вчерашнего числа получил вместе с письмом Вашим, адресованным на Плющиху,[2] тогда как мы с третьего марта уже в Воробьевке,[3] о чем я в данном случае жалею, так как отсюда не могу отвечать Вам на Вашу любезность высылкою тех из моих книг, которые бы Вам угодно было получить.[4] Но первого октября надеюсь, если доживу, быть в Москве и тогда по указанию Вашему тотчас же вышлю по Вашему адресу желаемые Вами книги. Опасаясь опрометчивых суждений, я два раза со вниманием перечел Ваше письмо и пришел к убеждению, что я совершенно прав, считая, что кабинетные люди мало соприкасаются с действительностью и, привыкши смотреть на отвлеченно возможное, но не действительное, могут являться для людей поверхностных совершенно непонятными. В Ваше стеклышко Вам кажется, что Вы отрекомендовали меня Я. К. Гроту[5] и выхлопотали мне Пушкинскую премию,[6] тогда как в действительности я, до минуты присуждения Академией мне премии за Горация, ни слова об этом не знал, и предложил мой перевод на соискание не Грот, а А. Н. Майков.[7] Но если допустить мысль, что я был отрекомендован Вами Я. К. Гроту, у которого я был с визитом благодарности за внимание, то еще менее будет понятно, как я при кратком формальном посещении стал бы рекомендовать хозяину того, кто доставил мне к нему доступ.[8] Если Вы бываете у Якова Карловича, то он мог бы Вам сообщить, что я и истекшею зимой был в Петербурге[9] и по болезненности моей даже не удосужился быть у него. Когда лет пять тому назад Вы навестили нас в Воробьевке,[10] то и тогда, на мой

взгляд, здоровье Ваше не дозволяло Вам передвижений; а что людям постоянно хочется недостижимого — такая избитая правда. Никакие статистические таблицы не в силах убедить наших кабинетных людей, что землевладение в настоящее время есть бедствие, невыносимое даже для людей сильных и молодых. Вы рветесь из города, а я также ревностно рвусь в город и считал бы себя блаженнейшим человеком, если бы мог залезть в свою ореховую скорлупу на Плющихе, и уже оттуда ни шагу — ни летом, ни зимой. В деревне было время, что мы радовались посещению гостей, но принимать гостей можно, только заботясь о них. А это невозможно со стороны хворых людей, требующих ежеминутных попечений о них самих. О денежных средствах при таких условиях нечего и помышлять. Сельская экономия в наши дни сделалась синонимом аукционной продажи. Все мною высказанное я могу подтвердить фактами. Но если Вы и затем не измените Вашего взгляда на меня, то не удивляйтесь, что и я не в состоянии изменить своего воззрения на коротко мне знакомые вещи.

Марья Петровна благодарит Вас за внимание, а я смею Вас заверять в неизменности моих к Вам чувств.[a]

Ваш покорнейший слуга
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ПФА РАН*. Ф. 104. Оп. 2. № 212. Л. 1–2 об. Письмо написано рукой секретаря; подпись — автограф.

Год написания письма (1888) устанавливается по содержанию письма Шейна от 29 января 1889 г., отвечавшего на «прошлогоднее письмо» Фета (см. примеч. 2 к письму 2), а также по упоминанию Фета о том, что «истекшею зимой» он был в Петербурге.

[1] Возможно, речь идет о книге «Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. Сборник П. В. Шейна» (СПб., 1874) или об отдельном издании первого тома (СПб., 1887. Ч. 1: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях) одного из главных трудов ученого «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном» (СПб., 1887–1902. Т. 1–3); см. также: Сборник ОРЯС. 1887. Т. 41. № 3. Местонахождение подаренного экземпляра, скорее всего имевшего дарственную надпись, неизвестно. См. примеч. 1 к письму 4.

[2] Письмо Шейна, на которое отвечает Фет, неизвестно.

[3] В 1878–1892 гг. Феты обычно на время с 1 марта по 1 октября переезжали из Москвы в свое курское имение Воробьевка, приобретенное в 1877 г.

[4] В письме к Фету от 29 января 1889 г. Шейн спрашивал, сколько выпусков «Вечерних огней» появилось в печати, и сообщал, что у него есть только первый

[a] *Далее рукой Фета.*

(1883), который мог быть ему подарен поэтом еще в 1883 г. (см. письмо 2 и примеч. 5 к нему). 6 февраля 1889 г. Фет выслал Шейну, по его просьбе, второй и третий выпуски «Вечерних огней» (см. примеч. 3 к письму 3). В декабре 1890 г. Шейн обратился к Я. К. Гроту, чтобы тот попросил Фета выслать ему вновь «все сочинения с недавно вышедшими его „Воспоминаниями“» для использования текстов в работе по составлению академического «Словаря русского языка». Фет удовлетворил эту просьбу.

[5] *Грот* Яков Карлович (1812–1893), филолог, историк литературы, лексикограф, переводчик; академик Петербургской Академии наук (с 1855 г.), вице-президент Российской императорской Академии наук (с 1889 г.), автор ряда трудов по русской истории, языку и словесности. Последние два года жизни возглавлял издание академического «Словаря русского языка» нормативного типа (вышло начало, буквы А–Д; СПб., 1891); занимался словарем и стилем отдельных писателей (Словарь к стихотворениям Державина. СПб., 1883).

Фет познакомился с Я. К. Гротом через Н. П. Семенова в конце 1864 г. В 1884 г. Грот, будучи сам переводчиком и разделяя фетовские принципы перевода, стал инициатором (при деятельном участии Н. Н. Страхова и А. Н. Майкова) выдвижения Фета на Пушкинскую премию от Академии наук (см. примеч. 6, 7 к наст. письму).

[6] В октябре 1884 г. за переводы из Горация (К. Гораций Флакк в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883) Фет получил «большую» (первую) Пушкинскую премию Академии наук, а 29 декабря 1886 г. был избран ее членом-корреспондентом. По мнению Я. К. Грота, «главным основанием» премии Фету «послужила» рецензия И. В. Помяловского (см.: *Грот Я. К.* Отчет о деятельности второго отделения имп. Академии наук за 1884 год // Сборник ОРЯС. 1885. Т. 36. № 2. С. 24), которая была заказана ученому-классику Академией наук (см. ее текст: *Помяловский И. В.* К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. Москва 1883 // Там же. 1884. Т. 36. № 4. С. 1–62, отд. паг.). Еще ранее вышла рецензия латиниста В. И. Модестова, который, отметив отдельные неточности перевода, назвал его «капитальным приобретением русской литературы» и приравнял труд Фета к труду Н. И. Гнедича, переводчика «Илиады» (см.: Новости и Биржевая газета. 1884. 24 января. № 24; цит. по: *Фет/Страхов*. С. 374).

[7] *Майков* Аполлон Николаевич (1821–1897), поэт, член-корреспондент Академии наук (с 1853 г.). Первоначально предполагалось выдвинуть на Пушкинскую премию опубликованные недавно новые стихотворения и стихотворные переводы Фета. О роли Майкова в хлопотах по включению Фета в список кандидатов на Пушкинскую премию говорится в письме к поэту от 6 января 1884 г. Н. Н. Страхова, также принявшего в них деятельное участие: «...позвольте Ваши „Огни“ представить на премию Пушкина. Для этого нужно два экземпляра: один Гроту, а другой А. Н. Майкову, который почти уговорился с Гротом, что примет разбор на себя. Если не пришлете, то разрешите мне купить на Ваши деньги 2 экземпляра „Огней“ – я раздам по принадлежности» (см.: *Фет/Страхов*. С. 368). О дальнейшем вкладе Майкова в принятие решения комиссией Страхов сообщил Фету 12 октября 1884 г. (см.: Там же. С. 548). Свою признательность Майкову Фет выразил в стихотворении «А. Н. Майкову (На сочувственный отзыв о переводе Горация)» («Кто сам так пышно тогу эту...»), вложенном в письмо к Майкову от 15 октября 1884 г. и вошедшем во второй выпуск «Вечерних огней» (М., 1885) (см.: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 1. С. 169, 559–561).

[8] Вероятно, Шейн в неизвестном письме, на которое отвечает Фет, просил поэта порекомендовать свою кандидатуру Я. К. Гроту для какой-то работы.

[9] Поэт прибыл в Петербург 14 декабря 1887 г. по причине тяжбы с крестьянами Воробьевки из-за земельного вопроса, где пробыл неделю, занимаясь исключительно казенными хлопотами (см.: *МВ*. Ч. 2. С. 399). 19 января 1888 г. Я. К. Грот писал Фету: «Очень сожалею, что хлопоты Ваши во время краткого пребывания в Петербурге лишили меня возможности повидаться с Вами» (см.: *ИРЛИ*. № 20282; о тяжбе см. также: *Фет/Полонский*. С. 720, примеч. 17 к письму 67; *Фет/К. Р.* С. 656, примеч. 1 к письму 35).

[10] Шейн гостил в Воробьевке во второй половине августа 1883 г. (см. вступит. статью к наст. публикации).

2
Шейн — Фету
29 января 1889 г. Петербург

29-го янв. 1889 г. С.-П<етербург>.
Новая Ямская, д. 21, кв. 6.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Как старинный Ваш знакомый и искренний, горячий поклонник Вашей музы я не могу не высказать Вам своей душевной радости по поводу того живого, задушевного сочувствия, которым весь просвещенный русский мир встретил многознаменательный день пятидесятилетнего юбилея Вашей плодотворной поэтической и литературной деятельности.[1] Дай Бог Вам силу и крепость телесную и духовную для продолжения и успешного окончания Ваших текущих, начатых и намеченных Вами работ на пользу родной словесности.

Сердечно сожалею, что мне не привелось быть участником во вчерашнем Вашем торжестве, которое в то же время можно безошибочно назвать торжеством русской поэзии, русской мысли, русского общественного самопознания. Будь мои финансовые средства не до такой степени скудны, я бы непременно норовил съездить в Белокаменную (куда побывать мне необходимо) непременно так, чтобы попасть на Ваш юбилей и выразить Вам лично свое поздравление.

Скорблю душою, что Вы, судя по Вашему прошлогоднему письму, на меня вознегодовали будто за мое бесхитростное напоминание о том, что Вы обещали непременно отыскать меня в Питере в случае приезда Вашего туда.[2] Из этого, по-моему, Вы могли видеть только то, что я высоко ценю Ваше доброе ко мне расположение, не изменившееся в течение более четверти столетия,[3] и дорожу каждой строкой Ваших произведений.

29го янв. 1889 г. С. П. Новая Ямская, д. 21, кв. 6

Многоуважаемый

Афанасій Афанасьевичъ!

Какъ старинный Вамъ знакомый и искренній, горячій поклонникъ Вашей музы я не могу не высказать Вамъ своей душевной радости по поводу того живого, задушевнаго сочувствія, которымъ весь просвѣщенный русскій міръ встрѣтилъ многознаменательный день пятидесятилѣтняго юбилея Вашей плодотворной поэтической и литературной дѣятельности. Дай Богъ Вамъ силу и крѣпость тѣлесную и духовную для продолженія и успѣшнаго окончанія Вашихъ текущихъ, начатыхъ и намѣченныхъ Вами работъ на пользу родной словесности.

Сердечно сожалѣю, что мнѣ не при-

Письмо П. В. Шейна к Фету от 29 января 1889 г.
Первая страница

Как здоровье многоуважаемой, добрейшей Марьи Петровны? Постигшее ее несчастие меня поразило не менее других, ее близко знающих.[4] Будьте так добры передать ей от меня усерднейший поклон.

Сколько частей уже вышло «Вечерних огней»? Я имею от Вас с надписью только I-ую часть.[5]

Если у Вас окажется лишний досуг, то крайне бы меня обязали сообщением, хоть самым беглым — в несколько строк, Вашего мнения о первой части моих «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края».[6]

С искреннейшим, неизменным сочувствием к Вашей ободряющей, освежающей душу творческой деятельности и глубоким уважением остаюсь навсегда Вам преданный

П. Шейн.

На конверте: *В Москву*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину (Фету).
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 30 янв. 1889; 2) Москва, 31 января 1889.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 51. Л. 1—2; конверт — л. I.

[1] 28 и 29 января 1889 г. в Москве праздновался 50-летний юбилей творческой деятельности Фета, который писал Полонскому 23 мая 1888 г.: «...основание к пятидесятилетнему поминанию моей музы с полным правом наступит в декабре этого года или в январе 1889 г., когда желтая тетрадь моих стихов, одобренных Гоголем, стала ходить по рукам университетских товарищей и несколько стихотворений из нее перешли в „Лирический Пантеон“, напечатанный в сороковом году» (*Фет/Полонский*. С. 645).

Подробное описание юбилейных торжеств, состоявшихся 28 и 29 января, публиковалось в ряде московских и петербургских газет. См., например: *МВед*. 1889. 28 января. № 28. С. 3—4; 29 января. № 29. С. 4—5; 30 января. № 30. С. 2—3; 31 января. № 31. С. 5; 1 февраля. № 32. С. 6. В первый день Фет принимал поздравления у себя на Плющихе, во второй день состоялся подписной обед, устроенный московским Психологическим обществом в ресторане гостиницы «Эрмитаж» (см.: *Садовской Б*. Юбилей А. А. Фета // Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 187—192).

[2] Письмо Фета с обещанием навестить Шейна в Петербурге неизвестно.

[3] Это единственное свидетельство о том, что знакомство Фета и Шейна состоялось в начале 1860-х гг. Подробнее см. вступит. статью.

[4] 1 января 1889 г. М. П. Фет сломала руку, о чем сообщалось в газетах (см.: *НВр*. 1889. 9 января. № 4621. С. 3). 7 января 1889 г. Фет писал Полонскому: «Накануне Нового года <...> вечером жена моя вернулась с семейного обеда у брата Дмитрия с левой рукою, переломленной наехавшим на ее сани извозчиком. Теперь рука у нее

в гипсовой повязке, и по крайней мере прекратились страшные страдания, нераздельные с костоправом и воспалением» (*Фет/Полонский*. С. 702).

[5] К этому моменту Фет выпустил три сборника стихотворений под общим заглавием «Вечерние огни» (1883, 1885, 1889). О высылке Шейну второго и третьего выпусков см. примеч. 3 к письму 3.

[6] Речь идет о посланных ранее Фету «Материалах для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» (СПб., 1887. Т. 1. Ч. 1: Бытовая и семейная жизнь белорусса в обрядах и песнях. Сб. ОРЯС. Т. 41. № 3). Отклик Фета см. в письме 3.

3
Фет – Шейну
6 февраля 1889 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА, СОБ. ДОМ

6 февраля 1889.

Многоуважаемый Павел Васильевич!

Искренно благодарю Вас за любезное поздравление с пятидесятилетним рубежом, за который перевалилась моя Муза.[1] В подобном случае поздравления всецело относятся к прошедшему, а не к будущему.

Со вниманием и удовольствием прочитывал я Ваш материал, представляющий капитальный вклад в изучение нашей народности во всех ее оттенках.[2]

Спешу с своей стороны пополнить пробел, оказывающийся у Вас в «Вечерних огнях». Прилагаю последних два выпуска.[3]

Жена моя усердно благодарит Вас за участие.[a]

Искренно признательный

Ваш
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ПФА РАН*. Ф. 104. Оп. 2. № 212. Л. 3–3 об. Письмо написано рукой секретаря; заключительная фраза и подпись — автограф.

[1] См. письмо 2.

[2] Речь идет о первом томе (СПб., 1887. Ч. 1) одного из главных трудов Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», подаренном Фету ранее (см. примеч. 6 к письму 2). Позже Шейн подарил Фету продолжение издания (см. письмо 4 и примеч. 1 к нему).

[3] Местонахождение присланных Фетом экземпляров второго (М., 1885) и третьего (М., 1888) выпусков «Вечерних огней», как и первого выпуска (М., 1883), подаренного ранее, неизвестно. См. примеч. 5 к письму 2.

[a] *Далее рукой Фета.*

4
Шейн — Фету
6 мая 1891 г. Петербург

С.-П<етербург>. Коломенская улица, д. 7, кв. 26.
6-го мая 1891 г.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

В надежде, что письмо мое еще застанет Вас в Москве, я решаюсь обеспокоить Вас напоминанием о благом Вашем намерении ознакомить публику, читающую «Московск<ие> ведомости», с содержанием и духом 2-ой части 1-го тома моих «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западн<ого> края»,[1] чем Вы оказали бы мне добрую услугу.[2] Ваше авторитетное слово немало бы посодействовало к скорейшему сбыту моего многолетнего труда, в гонорар за который я получил от Академии 800 экземпл<яров>, часть которых я раздарил, а остальные лежат без движения в книжных складах наших книжников и фарисеев. Кроме скудной пенсии[3] и надежды на кое-какую денеж<к>у <от> своих сборников, у меня решительно нет никаких других источников дохода. Все, что учитель гимназии, при трезвой и скромной холостой жизни, может сберечь из обрезков своего жалованья в течение своей службы, я без оглядки жертвовал в пользу собирания этнографических и диалектологических материалов Великой и Белой Руси, так что в сложности вышла бы сумма тысяч в 15 р., процент с которой (вместе с пенсией) могла бы мне обеспечить безбедное существование на старости лет. Вы спросите, почему я так нерасчетливо действовал? — А потому (отвечу Вам), что идея *быть полезным людям вообще, а русскому народу в особенности* по мере своих сил и уменья завладела всецело мною с самых юных лет и предносилась передо мною путеводным маяком, как огненный столб перед скинией завета израильтян во время их блужданий по Аравийской пустыне[4] — во всю *беспутную* дорогу моей безотрадной, многострадальной и некратковременной жизни. А так как при появлении первых моих попыток на поприще собирательства все присяжные судьи в области ученой этнографии, мифологии и вообще народоведения весьма сочувственно стали о них отзываться в первостатейных органах литературы и прессы, как у нас, так и за границей,[5] и ободрять меня к дальнейшей деятельности по новому, намеченному пути, а в особенности, когда собранными мною данными стали пользоваться специалисты всех дисциплин гуманных наук, то я решил в душе, что мой гражданский долг не уклоняться в сторону от так счастливо начатой мной деятельности на благо отечественной науки и жертвовать для возможного приближения к этой

цели всем, чем могу располагать: здоровьем, материальными средствами, трудом и лишениями всякого рода. Только изредка, как сквозь туман, возникала в моей жизни тень надежды, что, авось, на старости лет люди, власть имущие, призванные тщись, между прочим, о разъяснении многих темных, задернутых мраком сторон исторической и бытовой жизни великого народа, позаботятся сколько-нибудь об обеспечении материального существования такого страстного, нерасчетливого труженика науки, как Ваш покорнейший слуга. Эта надежда хотя и не сбылась, но бросить свое жизненное дело не могу и обречен тянуть и дотягивать свою лямку до гроба, что бы там со мною ни случилось, не изменю своему знамени. Простите великодушно за высказанные мною неутешительные чувства и думы: от полноты сердца уста глаголят.[6] — Не найдете ли возможность наделить меня по экземпляру из следующих Ваших трудов? — «Стихотворения» изд<ания> Солдатенкова,[7] изд<ания> соч<инений> Шопенгауэра в Вашем переводе[8] и изд<ания> переводов классич<еских> поэтов.[9] Прошу Вас передать мой усерднейший поклон Марье Петровне.

Неизменно Вам преданный П. Шейн.

На конверте:

Его Высокородию
Афанасью Афанасьевичу
Шеншину.
В *Москву*, на Плющихе,
собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 8 мая 1891; 2) Москва, 12 мая 1891.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 51. Л. 3—4 об; конверт — л. II.

[1] Речь идет о второй части отдельного издания первого тома (СПб., 1890. Ч. 2: Бытовая и семейная жизнь белорусса в обрядах и песнях) труда Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном» (СПб., 1887—1902. Т. 1—3); см. также: Сборник ОРЯС. 1890. Т. 51. № 3. Местонахождение подаренного экземпляра отдельного издания, скорее всего, имевшего дарственную надпись, неизвестно. См. также: примеч. 6 к письму 2, примеч. 2 к письму 3.

[2] На эту просьбу Шейна Фет, по-видимому, не откликнулся. См. также письмо 5.

[3] 23 июня 1891 г. Министерство народного просвещения за особые ученые труды по собиранию памятников народного творчества назначило Шейну дополнительную пенсию в размере 750 рублей в год вдобавок к получаемой пенсии за учительскую службу (см.: *Новиков*. С. 43—44). Кроме того, с 1 июня 1885 г. ему была назначена пенсия от Литфонда в размере 180 рублей в год (см.: *ИРЛИ*. Ф. 155. 1884. Кн. 1. Л. 598 об.—599; 1884. Кн. 2. Л. 403). В хлопотах об увеличении учительской пенсии Шейну принимал участие и И. С. Тургенев.

[4] В Ветхом завете говорится, что после исхода евреев из Египта, при вступлении в пустыню, Бог шествовал перед ними днем в виде столба облачного, а ночью в виде столба огненного, «чтобы указывать им путь днем и ночью» (Исх., 13, 21, 22, 14, 19). *Скиния* — походный храм евреев.

[5] Среди рецензентов на первые фольклорные труды Шейна были: А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер, О. М. Бодянский, Я. К. Грот, Н. И. Костомаров, Ф. И. Буслаев и др. Полный перечень рецензий на работы Шейна см.: *Новиков*. С. 187—194.

[6] Измененная евангельская цитата: «Как вы можете говорить доброе, будучи злыми? Ибо от избытка сердца говорят уста» (Мф. 12, 34).

[7] Имеется в виду двухтомное издание «Стихотворения А. А. Фета» (М.: изд. К. Т. Солдатенкова, 1863).

[8] Фет перевел несколько трудов немецкого философа А. Шопенгауэра (1788—1860): «Мир как воля и представление» (М., 1881), а также «О четверном корне закона достаточного основания» и «О воле в природе», вышедшие в Москве в 1885 г. одной книгой.

[9] К этому времени вышли: К. Гораций Флакк в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883; Д. Юния Ювенала Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885; Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886 (вышла в свет в ноябре 1885 г.); Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887; Элегии Секста Проперция. Перевод А. Фета. СПб., 1888; Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть первая. I—VI. Часть вторая. VII—XII. М., 1888; Сатиры Персия. В переводе А. Фета. СПб., 1889; M. V. Martialis Epigrammata = М. В. Марциала Эпиграммы в переводе и с объяснениями А. Фета. Ч. 1—2. М., 1891 (вышла в свет в самом начале апреля).

5
Фет — Шейну
25 февраля 1892 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА,
СОБ. ДОМ

18 $\frac{25}{II}$ 92.

Многоуважаемый Павел Васильевич,

Сердечно благодарим оба с женою за поздравление Ваше.[1] Сожалею только, что малое знакомство с настоящим болезненным состоянием моим внушает Вам мысли, не соответствующие действительности. Я не имею ни малейшего влияния на какую бы то ни было журнальную редакцию и в настоящую минуту навсегда оставил начатую мною интересную для меня работу[2] и тем паче не способен писать какие-либо рецензии.[3]

Помнится, что я имел случай передать Вам все изданные мною сочинения. А равным образом с «Письмами из Испании», кем-то вновь в прошлом году изданными,[4] мы ничего общего не имеем.[a]

С совершенным почтением

Ваш всепокорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ПФА РАН*. Ф. 104. Оп. 2. № 212. Л. 4—4 об. Письмо написано рукой секретаря; заключительная фраза и подпись — автограф.

[1] Письмо Шейна, содержавшее поздравления, вероятно, с Новым годом и Рождеством, неизвестно.

[2] Речь идет, скорее всего, о работе над переводом поэмы Лукреция «De rerum natura» («О природе вещей»); не исключено также, что в это время Фет мог работать и над переводом «Печальных элегий» Овидия, которые будут опубликованы лишь после смерти Фета (см.: Скорби Овидия (Tristia). Перевод А. Фета. М., 1893).

[3] В письме от 6 мая 1891 г. Шейн просил Фета написать для «Московских ведомостей» рецензию на свой труд. Вероятно, в неизвестном письме, на которое откликается Фет, Шейн повторил свою просьбу. См. примеч. 1, 2 к письму 4.

[4] Единственное прижизненное отдельное издание путевых записок «Письма об Испании» Василия Петровича *Боткина* (1811/1812—1869) вышло в Петербурге в 1857 г. Посмертно были изданы в качестве приложения к журналу «Пантеон литературы»: Сочинения Василия Петровича Боткина: В 3 т. СПб., 1890, 1891, 1893. Трудно сказать, почему Шейн просил у Фета «Письма об Испании»; возможно, до него дошли слухи о совместной работе Фета и Боткина.

[a] *Далее рукой Фета.*

Рабочие тетради Фета

ПЕРВАЯ РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ ФЕТА (1854—1859)
Научное описание

Часть I

Публикация В. А. Лукиной

Предварительные замечания

Рукописные источники стихотворного наследия Фета сохранились до наших дней далеко не в полном объеме. То немногое, чем располагает современный исследователь, кроме редких, случайно уцелевших листков с черновыми текстами, а также перебеленных автографов и авторизованных списков рукой секретаря, преимущественно в письмах, это две рабочие тетради, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (№ 14166 и 14167), в которые поэт на протяжении 1854—1885 годов вписывал свои стихотворения, а также еще одна (меньшая по формату) тетрадь, находящаяся в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ (Ф. 315. К. 1. № 28; далее — *ТетрРГБ*), однако последняя содержит по большей части переводные произведения, хотя и, без сомнения, заслуживает тщательного описания и серьезного изучения.

Обе пушкинодомские тетради поступили от наследников Б. В. Никольского, который, очевидно, получил их от великого князя Константина Константиновича или Н. Н. Страхова, имевших доступ ко всем тетрадям в ходе подготовки первого посмертного издания поэта в двух томах, вышедшего под заглавием «Лирические стихотворения» в 1894 году.[1] Из дела фонда Фета в ИРЛИ следует, что обе они были

[1] Впервые это предположение высказано Б. Я. Бухштабом: *Бухштаб. Обзор*. С. 599; см. также: *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // *ФетСб(1)*. С. 494.

приобретены в июне 1922 года у А. Никольской.[2] О том, что в 1910-е годы десять рабочих тетрадей поэта, включая пушкинодомские (но без учета *ТетрРГБ*), находились на руках у Б. В. Никольского, свидетельствует книга Б. Садовского «Ледоход», в которой он впервые предпринял попытку их научного описания.[3] В конце краткого обзора тетрадей, каждой из которых (в хронологическом порядке) была присвоена литера (от «А» до «I»), Садовской сделал примечание: «Черновые рукописи А. А. Фета составляют собственность редактора первого посмертного издания его стихотворений, профессора Б. В. Никольского, которому мы приносим глубокую благодарность за дозволение воспользоваться ими».[4] На содержание тетрадей широко опирался и сам Никольский, в частности при составлении «Хронологического указателя» стихотворений Фета, помещенного им в третьем томе «Полного собрания стихотворений» поэта, вышедшего в 1901 году. Несмотря на в целом обоснованную критику, которой подвергся этот указатель со стороны Н. Н. Черногубова[5] и впоследствии Б. Я. Бухштаба,[6] опыт Никольского заслуживает пристального внимания.

Необходимо признать, что тетради, попавшие в Пушкинский Дом, представляют наибольшую ценность, так как содержат в подавляющем большинстве автографы, прежде всего 1850-х годов, весьма малодокументированного периода в жизни поэта, в то время как в оставшихся (по-видимому, безвозвратно утраченных) восьми тетрадях, судя по описанию, находились почти исключительно авторизованные списки, относящиеся ко второй половине 1880-х — 1890-м годам. Вместе с тем, как убедительно показывают приведенные Садовским варианты и ранние редакции из данных тетрадей (например, к стихотворениям «Сегодня все звезды так пышно...», «О как волнуюся я мыслию больною...», «Не могу я слышать этой птички...» и др.), значение этих материалов не менее велико, а утрата их ставит «исследователя Фета»,

---

[2] Сохранилась расписка, согласно которой: «В счет уплаты за рукописи Фета получено от Пушкинского Дома при Гос<ударственной> Ак<адемии> Наук 25 000 000 р. (двадцать пять миллионов рублей) 15-го июня 1922 г. А. Никольская». Ниже на том же листе: «Получила 5 000 000 р. 28-го июня 1922 г. А. Никольская» (над последней записью карандашом другой рукой: «15 000 000 от Перетца. 10 000 000 из „Речи“» (Дело фонда 337. Л. 3).

[3] См.: *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 185—187. Далее сокращенно: *Садовской*, с указанием страницы.

[4] Там же. С. 187. В этой же книге, в разделе «Приложения», были приведены содержащиеся в тетрадях «важнейшие разночтения» ряда стихотворений, по сравнению с опубликованными текстами (С. 84—94).

[5] См. его статью: К хронологии стихов Фета // Северные цветы на 1902 год. М., 1902. С. 215—224.

[6] *Бухштаб. Обзор.* С. 601—602.

несколько перефразируя слова Б. Я. Бухштаба, в условия исключительно неблагоприятные.[7]

Настоящей публикацией начинается полное описание самой ранней из учтенных Садовским тетрадей (*ИРЛИ*. № 14166), которой он присвоил литеру «А» и которая в дальнейшем стала известна в фетоведении как «Тетрадь 1» (*Т 1*). Это тетрадь в 8° листа (130 × 206 мм) в цельнокожаном темно-коричневом переплете с тиснением по периметру крышек в виде орнаментальной рамки; на верхней крышке по центру готическим шрифтом вытиснены инициалы: «А. Ф.»; корешок с четырьмя «бинтами», с тиснением золотом, по центру корешка вытиснено: «4. январь / 1854»; с металлическим накладным замком (сохранился неполностью, подвижная часть утрачена); на нижней крышке, под креплением замка, специальное отделение (клапан) для карандаша; тетрадь содержит 109 листов, с круговым позолоченным обрезом, с белыми муаровыми форзацами. Все листы, за исключением первого, не имеющего пагинации, пронумерованы Фетом синим карандашом в правом нижнем углу (с 1 до 108). На первом листе в правом верхнем углу карандашом проставлено: «А» (вероятно, для обозначения нумерации тетради; во второй тетради, которая хранится в ИРЛИ, на первом листе карандашом проставлено: «Б»). Тетрадь носит следы современной реставрации.

В тетради на 108 листах содержатся автографы 130 стихотворных текстов, в их числе 21 переводное: 1 — «Тень (С китайского)» («Башня лежит...»), 1 — из Беранже («Последняя песня» («О Франция! мой час настал, я умираю!..»)), 2 — из Гафиза («О если бы озером был я ночным...», «Звезда полуночи дугой золотою скатилась...»), 9 — из Гейне («Когда на дороге случайно...» (только 6-я строфа), «Они любили друг друга...», «Когда я про горе свое вам роптал...», «Лилеею, розой, голубкой, денницей...», «Дитя, мы детьми еще были...», «Эпилог» («Будто на ниве колосья...»), «И если ты будешь моею женой...», «С порога рыбачьей избушки...», «На бледном ты лице моем...»),[8] 5 — из Гёте («Слово девой назовем...» (в окончательной редакции «Девой — слово назовем...»), «Из Фауста» («Так вороти ж те дни мне снова...»; в окончательной редакции «Так ты отдай те дни мне снова...»), «Самообольщение» («Соседкин занавес в окне...»), «На озере» («И силу в грудь и свежесть в кровь...»), «Новая любовь — новая жизнь» («Сердце, сердце, что та-

[7] *Бухштаб. Обзор*. С. 600.

[8] Еще одно стихотворение «Я целый день изнемогаю...», впервые напечатанное Б. В. Никольским по *Т 1* в разделе переводов из Гейне, начиная с первого издания Б. Я. Бухштаба в «Библиотеке поэта» публикуется среди оригинальных стихотворений (*ПССт1937*. С. 385; *ПССт1959*. С. 476; *СиП 1986*. С. 445; *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 372).

кое?..»)), 1 — из Горация («Песня столетия» («Феб и Диана, владычица дева лесная...»)), 2 — из Шенье («Лида» («Ланиты у меня на солнце загорели...»), «Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...»); запись «Капля...», считающаяся первой фиксацией замысла стихотворения «Туманное утро»; две записи вспомогательного характера, одна из которых представляет собой перечень стихотворений (10), опубликованных в «Русском вестнике» в 1857—1858 годах, а вторая — записи о расчетах с журналами «Современник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» и «Русский вестник». Кроме того, в тетради находятся записанные карандашом замечания А. В. Дружинина к первой редакции поэмы «Сон» (первоначальное заглавие: «Сон поручика Лосева»), его рукой внесены также карандашные пометы в тексте поэмы.[9]

Прежде чем перейти к вопросу о хронологии заполнения тетради и тесно связанному с ним вопросу о хронологии стихотворений Фета, укажем на некоторые особенности, которых в работе с ней поэт довольно тщательно придерживался. Изначально каждое стихотворение заносилось им в тетрадь последовательно чернилами на лицевой стороне листа, при этом если оно помещалось на одной странице (а это почти все стихотворения, насчитывающие до 20 стихов), то оборот оставлялся пустым; в случае более «длинных» стихотворений задействовался оборот того же листа, а следующее стихотворение, в свою очередь, записывалось на лицевой стороне нового листа. Таким образом, например, на первых 23 листах записано 23 стихотворения (от «Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» до «Ночь весенней негой дышит...» включительно), при этом лишь четыре из них с захватом оборота: «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» — л. 5 и 5 об., «Старый парк» — л. 9 и 9 об., «В саду» — л. 12 и 12 об., «Муза» — л. 14 и 14 об. В исключительных случаях, когда для записи стихотворения не хватало и оборотной стороны, использовался следующий лист и его оборот и т. д., то есть все страницы заполнялись подряд. Так, первая редакция поэмы «Сон» (под заглавием «Сон поручика Лосева») записана на л. 24, 24 об., 25, 25 об., 26, 26 об., 27 и 27 об., перевод из Горация «Песня столетия» — на л. 41, 41 об., 42 и 42 об., первая редакция стихотворения «Даки» — на л. 55, 55 об. и 56.

Необходимо отметить, что, как правило (во всяком случае, первоначально), Фет вносил в тетрадь уже «готовое» новое стихотворение, то есть перебеливал его с другого источника. Чаще всего в качестве такого источника выступал, по-видимому, черновой автограф, который затем уничтожался, однако в отдельных случаях могли использовать-

---

9 Впервые эти замечания опубликованы: *Садовской.* С. 185, без указания на авторство Дружинина.

ся более ранние автографы (возможно, из других тетрадей) или даже более ранние публикации. Последнее относится к тем единичным примерам, когда Фет по тем или иным причинам возвращался к созданному им ранее произведению и коренным образом его перерабатывал. Всего в *Т 1* выявлено четыре подобных стихотворения, хотя, ввиду почти полной утраты рукописей до 1854 года, нельзя исключать, что в действительности их может быть больше. Три из них представляют собой новые редакции стихотворений, ранее публиковавшихся в различных периодических изданиях: таковы «Последнее слово» (л. 40), ранняя редакция которого под заглавием «Гнев Зевеса» напечатана в 1847 году в «Литературной газете»; «Ивы и березы» (л. 43) — ранняя редакция под заглавием «Ива» напечатана в 1847 году в «Отечественных записках» и «Мне стыдно...» (л. 90; в окончательной редакции в *ВО 1* «Напрасно...») — ранняя редакция «Мне грустно...» под общим заглавием «Две мелодии» вместе со стихотворением «Снова птицы летят издалека...» напечатана в 1852 году в «Москвитянине». Особняком стоит стихотворение «Буря» («Свежеет вечер. Меркнет ночь...») (л. 89 об.): созданное в июне 1854 года, оно было записано в *Т 1* позднее, не ранее осени 1857 года, а в печати появилось лишь в составе первого выпуска «Вечерних огней» в 1883 году.

Все это подводит нас к довольно сложному вопросу о том, какова взаимосвязь между хронологией заполнения тетради и временем создания записанных в ней стихотворений. Началом использования тетради следует, по-видимому, считать дату 4 января 1854 года, вытисненную на корешке, или ближайшие дни после нее (вполне вероятно, что тетрадь была Фету подарена). К этому времени поэт, перешедший в 1853 году в лейб-гвардии уланский полк, начинает регулярно бывать в Петербурге и стремительно входит в литературную жизнь столицы. Ведущие журналы, «Современник» и «Отечественные записки», заручаются его постоянным сотрудничеством и охотно готовы печатать его произведения. Новые стихотворения Фета, которые он читает в дружеском кругу, восторженно принимаются литературными приятелями. Для записи таких признанных удавшимися стихотворений, еще не бывших в печати, но готовых для помещения в журналах, и предназначалась первоначально, по-видимому, настоящая тетрадь. Косвенно это подтверждают соответствующие пометы Фета в *Т 1* рядом с текстом того или иного стихотворения, при помощи которых он со временем стал обозначать название журнала, где оно было напечатано. Впервые, однако, пометы подобного рода стали им использоваться лишь с 1856 года, со стихотворения «Золотой век» (л. 31).

Несмотря на то, что дату начала использования тетради можно считать более или менее достоверно установленной, в настоящий момент

нет никакой ясности в отношении времени написания первых двадцати перебеленных в нее стихотворений (от «Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» до «Я уезжаю. Замирает...», то есть до л. 20 включительно). Так, известно, что стихотворение «Пчелы», записанное на л. 4, Фет читал у И. И. Панаева еще 3 января 1854 года. Тогда же, как зафиксировал в дневнике А. В. Дружинин, «Тургенев прочел мне многие мне неизвестные вещи Фета».[10] Рискнем предположить, что среди этих «неизвестных вещей» находились по крайней мере еще несколько стихотворений из тех десяти, что вскоре украсили февральскую книжку «Современника» за 1854 год. 15 января 1854 года, согласно Дружинину, вновь у Панаева Фет прочел стихотворения «Старый парк» (л. 9—9 об.) и «В саду» (л. 12—12 об.), а 16 января — тот же Дружинин упоминает о стихотворении «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» (л. 5—5 об.) как о хорошо знакомом. Все это отчасти подтверждает предположение Б. Я. Бухштаба о том, что в *Т 1* «первоначально было вписано все, что не было напечатано к тому времени в журналах, в том числе стихи, написанные до 1854 г.».[11] Это, в свою очередь, означает, что порядок, в котором первые двадцать стихотворений перебелены в *Т 1*, может не совпадать с хронологией их создания.

Вместе с тем если стихотворения, напечатанные в журналах в 1854 году (даже без учета январской книжки «Современника», которая к началу заполнения тетради была уже сверстана), сопоставить с имеющимися в *Т 1* автографами, то обнаружатся довольно заметные лакуны. В общей сложности в тетради отсутствуют рукописи 11 стихотворений:

1. 2 стихотворения (из 10) в № 2 «Современника»: «Что за ночь! Прозрачный воздух скован...», «Весенние мысли» («Снова птицы летят издалека...»);[12]
2. 2 стихотворения в № 3 «Отечественных записок»: «Шарманщик» («К окну я в потемках приник...»), перевод из Шиллера «К цветам» («Дети солнечного всхода...»);
3. 3 стихотворения в № 4 «Отечественных записок»: «Степь» («Всплываю на простор сухого океана...»), «Ива» («Сядем здесь, у этой ивы...»), «Пароход» («Злой дельфин, ты просишь ходу...»);
4. 3 стихотворения (из 6) в № 8 «Отечественных записок»: «Люди нисколько ни в чем предо мной невиновны, я знаю...», «Элегия» («Не говори, мой друг: она его забудет...»), «Свидание в лесу» («„Ты ль это? так поздно?“ — „Я сбился в потемках с дороги...“»);

---

[10] *Дружинин. Дневник.* С. 265, запись от 4 января 1854 г.

[11] *Бухштаб. Обзор.* С. 602.

[12] Отметим, что последнее является измененной редакцией стихотворения, которое ранее публиковалось в «Москвитянине» (1852. № 6. С. 95).

5. 1 стихотворение в № 11 «Современника»: «Под липой» («Как здесь свежо под липою густою!..»).

Такая же картина (в меньшем объеме) наблюдается для стихотворений, напечатанных в 1855—1857 годах, что в свое время дало основание Б. В. Никольскому датировать все стихотворения, появлявшиеся в журналах на протяжении 1854—1857 годов, но не записанные в *Т 1*, временем до 4 января 1854 года,[13] а все записанные — соответственно, после 4 января 1854 года. Как уже говорилось, на уязвимость этого излишне прямолинейного принципа построения «Хронологического указателя» впервые указал Н. Н. Черногубов. Вряд ли можно, тем не менее, полностью согласиться с заключением Бухштаба, что Черногубову удалось «вдребезги» разбить предположения Никольского.[14] Из всех 11 названных выше стихотворений, например, он сделал поправку лишь к датировке «Парохода», полагая, что это стихотворение, как и «Морской залив», «Ревель», «Приметы», «видимо навеяны пребыванием А. Фета на берегах Эстляндии. Но А. Фет там проживал с 8 марта по 7 октября 1854 г. и с 16 марта по 15 ноября 1855 г. <...> „Пароход“ напечатан впервые в 6 № „Отечественных записок“ 1854 г., стр. 375 <...>».[15] Однако предложенная Черногубовым датировка тоже является гипотетической, тем более что ученый ошибся: «Пароход» впервые появился не в июньской, а в апрельской книжке журнала (С. 350), цензурное разрешение которой было получено уже к 31 марта. К этому времени Фет свои «приморские» стихотворения послать в Петербург совершенно точно не успевал, а значит, «Пароход» был написан ранее и, скорее всего, вместе с другими стихотворениями оставлен в редакции «Отечественных записок» перед отъездом. Не выдерживает критики и другой довод Черногубова против предложенной Никольским датировки в том числе упомянутых выше 11 стихотворений: «Вероятно, немало стихотворений в этой рубрике и написано после января 1854. Почему иначе некоторые стихотворения так долго не печатались?».[16] В *Т 1* мы встречаем немало стихотворений, которые были впервые опубликованы лишь несколько лет или даже десятилетий спустя после написания, некоторые же так и остались при жизни поэта неизданными (например, «Вчера и Сегодня» («Вчера, при блеске свеч в двена-

---

[13] Группа из 37 стихотворений, которая открывается стихотворениями, напечатанными в № 1 «Современника» за 1854 г., датируется Никольским предположительно периодом с января 1848 г. по январь 1854 г. (*ПССт1901*. Т. 3. С. 383—384).

[14] *Бухштаб. Обзор*. С. 602.

[15] *Черногубов Н. Н.* К хронологии стихов Фета. С. 222.

[16] Там же.

дцатом часу...»), «Отъезд» («Какая горькая обида...»), «Аполлон Бельведерский» («Упрямый лук, с прицела чуть склонен...») и др.).

В то же время вопрос, почему в тетрадь поэт записывал не все стихотворения, остается открытым. Возможно, он не имеет однозначного ответа. Если отсутствие ранних стихотворений можно объяснить тем, что они вносились в другую тетрадь (или тетради), впоследствии утраченную,[17] то причины отсутствия стихотворений, появление которых выпадает на время активного использования *Т 1*, не всегда ясны, но это не значит, что их не было. Начиная с л. 21, последовательность записей на лицевых страницах приобретает выраженный хронологический характер, которого Фет в дальнейшем, как кажется, придерживался довольно строго, при этом следует иметь в виду, что не всегда, по-видимому, дата написания стихотворения и дата его занесения в тетрадь совпадали.

Тот факт, что тетрадь служила для записи не черновиков, а уже законченных, но не появлявшихся до этого в печати произведений, позволил Б. Я. Бухштабу назвать ее «чистовой»,[18] однако данное определение справедливо лишь отчасти, как и утверждение о том, что «1-я тетрадь явно — по пометкам — предназначена для распределения стихотворений по журналам».[19] Дело в том, что из 130 стихотворных текстов менее трети предстает перед нами в подлинно «чистовом» виде, бóльшую часть автографов можно охарактеризовать как беловые автографы с правкой, объем которой сильно варьируется — от исправления в одном слове или заглавии до довольно значительных изменений, затрагивающих не только отдельные стихи, но и целые строфы, а порой и композицию стихотворения и превращающих изначально беловой автограф чуть ли не в черновой, как в случае со стихотворением «Даки». Подобные примеры, однако, редки.

Как показывает анализ тетради, Фет неоднократно возвращался к уже написанным стихотворениям и, не удовлетворенный сделанным ранее, правил и переделывал их. Не беря в расчет исправления описок и очевидных ошибок, которые неизбежно периодически возникали при перебеливании (не раз, например, случается у Фета, когда, начав записывать очередной стих, он обнаруживает, что пропустил предыдущий, и либо зачеркивает начатое и вписывает в строку нужный стих, либо вносит его поверх ранее записанного текста), следует отметить, что иногда перебеляемый текст обрастал поправками почти сразу. Так,

[17] О первой «отдельной желтой тетрадке», которую он начал вести еще в пору обучения в университете и с которой, благодаря посредству Погодина, ознакомился Н. В. Гоголь, Фет упоминает в своих воспоминаниях (*РГ*. С. 140—141).

[18] *Бухштаб. Обзор*. С. 601, примеч. 14.

[19] Там же. С. 602.

внесенный на л. 9 об. под текстом стихотворения «Старый парк» и подведенной под ним итоговой чертой «варьянт» седьмой строфы, судя по цвету чернил, перу и характеру записи (аккуратному, без поправок), был перебелен в тетрадь одновременно с основным текстом. По всей видимости, поэт колебался, какому окончанию отдать предпочтение, и потому переписал в тетрадь оба. Чаще всего, однако, правка вносилась не сразу, а какое-то время спустя — перерыв мог составлять от нескольких дней до нескольких месяцев, лет или даже десятилетий. В целом можно выделить несколько этапов работы поэта над стихотворениями в *Т 1*.

К первому относятся произведения, за редактирование которых поэт принимался в скором времени после перенесения их в тетрадь, чаще всего по замечаниям своих литературных советчиков. Один из самых ярких примеров подобного рода дает поэма «Сон поручика Лосева», которую по завершении Фет читал у А. В. Никитенко, а затем передал А. В. Дружинину, прочитавшему ее буквально с карандашом в руках. Критик подошел к делу тщательно: он не только карандашом внес пометы прямо в текст поэмы, отчеркивая особо удачные или, наоборот, неудачные стихи, но и развернуто изложил свои основные замечания и общее (положительное) заключение о ней тут же в тетради, на первом свободном листе (л. 29—29 об.), который следовал за записанным к тому времени в *Т 1* стихотворением «Одинокий дуб» (л. 28—28 об.). Дорабатывая поэму по замечаниям Дружинина, Фет подверг существенной правке три строфы и добавил две новые, при этом в тетради мы почти не видим следов черновой работы над этими строфами, поскольку на этот раз она явно осуществлялась преимущественно вне *Т 1*, а лишь ее результат — перебеленные тексты указанных пяти строф (VII, XVI, XVII, XXI и XXIII по новой нумерации) на л. 30—30 об.

Еще одним наглядным примером служат переводы из Шенье «Лида» и «Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...», тексты которых в конце 1858 года были посланы на суд И. С. Тургеневу. Приговор писателя, откликнувшегося письмом от 16 января 1859 года и не стеснявшегося в выражениях, как известно, был довольно суров и вынудил Фета вернуться к переделке обоих стихотворений, итогом которой стала довольно значительная правка в раскритикованных Тургеневым стихах, внесенная в *Т 1* непосредственно в тексты переводов.

Следующий этап правки, который легко определяется, связан с подготовкой к журнальной публикации — такого рода правка обнаруживается, например, в автографах стихотворений «В саду», «Вечер у взморья», «Одинокий дуб», «Золотой век» и мн. др. Отчетливо выявляются также изменения, внесенные в ходе формирования сборника

«Стихотворений» 1863 года («Телемак у Калипсы», «Песня столетию» и др.) и первого выпуска «Вечерних огней», вышедшего в 1883 году («Забудь меня безумец исступленной...» (в *Т 1* под заглавием «Не нам»), «Буря» и др.). Нередко автограф содержит сразу несколько слоев правки, относящихся к разному времени, как, например, стихотворение «Ивы и березы», где видны изменения, внесенные в 1856 году, перед отправкой в «Современник», а также более поздние поправки, которым текст подвергся перед помещением в сборник 1863 года. Таким образом, тетрадь, если и была задумана как чистовая, со временем превратилась в полноценную рабочую и в этом качестве прослужила поэту долгие годы.

Пересматривая текст стихотворения, Фет мог карандашом или чернилами зачеркнуть забракованный вариант и тут же над строкой или под ней вписать новый, в других случаях он мог, отметив подчеркиванием или специальным значком (например, «крестиком» или «вопросительным знаком») неудовлетворительный стих, спуститься ниже и уже там, на свободной части листа, продолжить работу над ним (как, например, при доработке ст. 2 и 40 стихотворения «Золотой век» или ст. 11 адресованного Ег. П. Ковалевскому послания «Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой...»). Кроме того, практически с самого начала заполнения тетради Фет стал задействовать оставшиеся свободными обороты, отводя их под варианты отдельных стихов или целых строф. С этой целью он использовал, как правило, оборот предыдущего листа: таким образом, для стихотворения, записанного на правой полосе, в качестве подспорья, своеобразного черновика (или, наоборот, в отдельных случаях чистовика), служила левая полоса. Впервые мы сталкиваемся с подобным использованием оборота в стихотворении «В саду», которое было перенесено в тетрадь на л. 12—12 об. предположительно в январе 1854 года. Готовя стихотворение к публикации в февральской книжке «Современника» за 1855 год, Фет, недовольный, по-видимому, прозаическим характером ст. 7—8 («И все мне кажется: переросла трава / И будет там в лесу мне нестерпимо грустно»), пробует их доработать и карандашом на л. 11 об. набрасывает новый вариант:

> Хватает за ноги заглохшая трава
> И чувствую что там в лесу мне будет груст<но>

И тут же пробует другое начало ст. 7, записывая его над новым вариантом: «Мой замедляет шаг <заглохшая трава>», однако, ощутив перебой в метрике, в итоге отказывается от него в пользу первого («Хватает за ноги...»), как можно судить по тексту первой журнальной публикации и последующим публикациям в сборниках 1856 и 1863 годов.

Схожим образом задействованы обороты при доработке ряда других стихотворений — например, «Вечер у взморья» («Засверкал огонь зарницы...»), расположенного на л. 21, где на соседнем обороте л. 20 Фет чернилами записывает новый вариант второй строфы, явно перебеленный из иного места; «Одинокий дуб» (л. 28—28 об.), где на соседнем обороте л. 27 поэт, напротив, в карандаше отрабатывает ст. 4—12, которые поддаются ему не сразу, — фактически это один из немногих подлинных черновиков в *Т 1*.

В тех случаях, когда соседний оборот был уже занят, а для дальнейшей работы требовалось значительное пространство, использовался ближайший чистый оборот (иногда последовательно несколько оборотов), как, например, при записи примечаний к переводу из Горация «Песня столетию» (43 об. и 44 об.; сам перевод на л. 41—42 об.) или второй редакции стихотворения «Даки» (л. 53 об.; первая редакция на л. 55—56), причем Фет мог отступить как вперед, так и назад, в зависимости оттого, где было достаточно места. Особо отметим, что выбор отстоящего на несколько страниц оборота для продолжения работы над стихотворением, записанным на лицевой стороне листа, всегда был вынужденной мерой и прямо указывает на то, что к этому моменту как минимум несколько последующих листов или все лицевые страницы в тетради были уже заполнены.

Вместе с тем по мере заполнения тетради обороты стали использоваться Фетом не только для редактирования уже имевшихся в ней стихотворений, но и для записи новых — реже черновиков, чаще (как и прежде) законченных произведений. Ключевой вопрос здесь: когда именно Фет начал записывать новые стихотворения на оборотах? Произошло ли это после того, как были исчерпаны все лицевые страницы, или ранее?

Последняя страница *Т 1* начинается стихотворением «Ночь нема, как дух бесплотный...», название которого — «Колокольчик» — внесено карандашом позднее, как и новый вариант последней строфы, записанный чернилами в нижней части листа, возможно перед отправкой стихотворения А. В. Дружинину в письме от 16 января 1860 года.[20] Датировка его, на протяжении последних более чем семидесяти лет по месту в *Т 1* определяемая расширительно как 1859 год,[21] может, однако, служить отправной точкой лишь условно.[22] Полагаем, что есть все основания сдвинуть ее самое позднее до середины лета 1858 года.

[20] *Письма к Дружинину.* С. 349.

[21] *ПССт1937.* С. 704, примеч. к № 225; *ПССт1959.* С. 747; *СиП 1986.* С. 656; *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 474.

[22] В отношении датировок письма к Дружинину могут чаще всего служить лишь условным ориентиром, так как ряд стихотворений посылался некоторое

Приведем перечень всех произведений, внесенных Фетом на оборотах, в порядке их следования в тетради (опуская те случаи, когда речь идет о доработке стихотворений, ранее записанных на лицевых страницах). Всего их обнаруживается 25, причем примерно поровну переводных и оригинальных:

1. «О если бы озером был я ночным...» (*Из Гафиза*) — л. 28 об.
2. «Слово девой назовем...» (*Из Гёте*) — л. 28 об.
3. «Лида» («Ланиты у меня на солнце загорели...») (*Из Шенье*) — л. 39 об., 40 об., 46 об.
4. «Твоя старушка мать могла...» — л. 45 об.
5. «Поэт, пророк, орловский знатный барин...» — л. 47 об.
6. «Когда на дороге случайно...» (6-я строфа) (*из Гейне*) — л. 66 об.
7. «Дитя, мы были дети...» (*из Гейне*) — л. 71 об., 72 об.
8. «Самообольщение» («Соседкин занавес в окне...») (*из Гёте*) — л. 77 об.
9. «На стоге сена ночью южной...» — л. 85 об.
10. «И если ты будешь моею женой» (*Из Гейне*) — л. 86 об.
11. «Я целый день изнемогаю...» — л. 86 об.
12. «С порога рыбачьей избушки...» (*Из Гейне*) — л. 87 об., 88
13. «Буря» («Свежеет ветер. Меркнет ночь...») — л. 89 об.
14. «Какая ночь! Как воздух чист...» — л. 90 об.
15. «На бледном ты лице моем...» (*Из Гейне*) — л. 92 об.
16. «Последняя песня» («О Франция, мой час настал я умираю!..») (*Из Беранже*) — л. 93 об.—94
17. «Звезда полуночи дугой золотою скатилась...» (*Из Гафиза*) — л. 100 об.
18. «Опять незримые усилья...» — л. 101 об.
19. «Зреет рожь над жаркой нивой...» — л. 102 об.
20. «Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...» (*Из Шенье*) — л. 103 об.
21. «Георгины» («Вчера, уж солнце рдело низко...») — л. 104 об.
22. «Нимфа и молодой Сатир» («Постой хотя на миг! О скрытый сук иль пень...») — л. 105 об.
23. «Старые письма» («Давно забытые, под легким слоем пыли...») — л. 106 об.
24. «Как ярко полная луна...» — л. 107 об.
25. «По ветви нижние леса...» — л. 107 об.

Как видно, наибольшая концентрация стихотворений на оборотах наблюдается во второй половине тетради. Лишь три автографа записаны карандашом: «О если бы озером был я ночным...» (Из Гафиза), «Слово девой назовем...» (Из Гёте) (эпиграф к циклу переводов Фета из Гафиза) и «Твоя старушка мать могла...», остальные — чернилами.

(иногда значительное) время спустя. Применительно к «Колокольчику», например, ее следует сдвинуть, как кажется, самое позднее до середины июля 1859 г. или даже ранее.

Первое, что бросается в глаза, — отсутствие прямой или обратной линейной закономерности при заполнении оборотов. Так, если переводы из Гафиза и Гёте на л. 28 об. не могли быть внесены ранее второй половины сентября 1859 года, то перевод из Шенье «Лида» на л. 39 об., 40 об., 46 об. был перебелен в тетрадь чуть ли не годом ранее, не позднее декабря 1858 года, а стихотворение «Какая ночь! Как воздух чист...» на л. 90 об. — не позднее октября 1857 года, зато расположенный на л. 100 об. перевод из Гафиза «Звезда полуночи дугой золотою скатилась...» вряд ли появился здесь ранее первых чисел октября 1859 года, хотя первая редакция «По ветви нижние леса...» на л. 107 об. была перебелена еще летом того же года. В то же время произведения, над которыми Фет работал практически одновременно (во всяком случае, в период, ограниченный одним-двумя месяцами), могут отстоять друг от друга на довольно значительном расстоянии. Это видно на примере переводов из Гафиза: если стихотворение «О если бы озером был я ночным...» записано на л. 28 об., то «Звезда полуночи дугой золотою скатилась...» — на л. 100 об., хотя завершены они оба были предположительно в течение второй половины сентября — начала октября 1859 года. Удалены друг от друга оказались и два перевода из Шенье, выполненные предположительно в конце 1858 года.

Второе немаловажное обстоятельство, которое следует принять во внимание, — абсолютно нехарактерное для *Т 1* расположение перевода из Беранже: начатый Фетом на обороте л. 93, он был продолжен на лицевой стороне л. 94. По какой причине поэт на этот раз изменил своей привычке, однозначно ответить сложно, однако сопоставление датировок «Последней песни» и соседних стихотворений, записанных на лицевых страницах, свидетельствует, что они перенесены в тетрадь в хронологической последовательности. Так, за стихотворениями «Псовая охота» (л. 91—91 об.) и «Вчера я шел по зале освещенной...» (л. 92), написанными в конце октября 1857 года,[23] следует «Весна и ночь покрыли дол...» (л. 93), написанное в ноябре, как и стихотворение «Грёзы» (первая редакция на л. 95., окончательная — на обороте л. 94), которое внесено в тетрадь вслед за «Последней песней», также датируемой ноябрем 1857 года. Последние три стихотворения (включая перевод из Беранже) вдохновлены, судя по письму Фета к В. П. Боткину от 28—29 ноября, общением с Л. Н. Толстым.[24]

После Беранже Фет на какое-то время возвращается к прежнему порядку заполнения тетради, когда новое стихотворение вписывается

[23] Датировка устанавливается на основании писем Фета и М. П. Фет к В. П. Боткину: *Фет/Боткин*. С. 217, 218.

[24] См.: Там же. С. 238—239.

с лицевой страницы. Так, за упоминавшимися «Грёзами» идут: «Нет, не жди ты песни страстной...» (л. 96), «Скрип шагов вдоль улиц белых...» (л. 97, окончательная редакция на л. 96 об.), «На развалинах цезарских палат» (л. 98—98 об.) и т. д. Сопоставление с письмами к В. П. Боткину, которому поэт посылал эти стихотворения для ознакомления, позволяет заключить, что они переносились в тетрадь последовательно, по мере написания. Однако с приближением к концу тетради, когда свободных листов оставалось все меньше и меньше, ситуация несколько меняется, и после л. 100 мы не только не встречаем незаполненных оборотов, но и на лицевых страницах нередко находим по два стихотворения.[25] Здесь восстановить хронологическую последовательность внесения стихотворений бывает затруднительно, так как единого принципа Фет уже не придерживался.

Что касается стихотворений, которые находятся на оборотах, предшествующих переводу из Беранже, то однозначно можно сказать лишь то, что они вносились в тетрадь точечно, в разное время на протяжении 1857—1859 годов. Выбор оборотной страницы при этом был обусловлен рядом причин: наличие свободного места в достаточном объеме («Лида»); ассоциативная связь (переводы из Гейне и Гёте, эпиграмма на И. С. Тургенева, произведения прошлых лет, как «Буря», и т. д.) и др. В конце публикации тетради будет помещена предположительная хронологическая реконструкция ее заполнения.

Принципы издания

В описании представлена тетрадь с полной расшифровкой как текстов самих стихотворений, включая имеющуюся в них правку, так и всех помет, сопроводительных и иных сопутствующих записей, в том числе записей других лиц, например помет А. В. Дружинина, внесенных им при редактировании поэмы «Сон поручика Лосева».

Для удобства восприятия все имеющиеся в тетради стихотворения и иные записи Фета пронумерованы. Нумерация устанавливается не в хронологической последовательности внесения записей, а в том порядке, в котором впервые записан полный (законченный) текст того или иного стихотворения. Такой принцип выбран из-за особенностей заполнения тетради Фетом. Записи на разных листах, относящиеся к одному стихотворению, группируются вместе, под одним номером, даже в тех случаях, когда они значительно удалены друг от друга (на-

[25] Ранее с подобным мы сталкиваемся лишь единожды — на л. 70, где записаны три перевода из Гейне, причем последний — явно позднее.

пример, в стихотворениях «Лида», «Песня столетию», «Даки» и др.). При этом если текст стихотворения записан на лицевой стороне листа, а правка к нему — на обороте предыдущего листа, сначала воспроизводится текст лицевого листа, затем оборотного.

В качестве основного преимущественно воспроизводится последний слой автографа, под текстом стихотворения приводится сводка всех остальных имеющихся в нем вариантов, включая пунктуационные (с указанием характера и способа правки), а также перечень всех имеющихся на листе помет, с расшифровкой их значения (при возможности).

Исключения составляют те случаи, когда правка в текст вносилась гораздо позже, как, например, в стихотворениях «Не нам» («Забудь меня безумец исступленной...»), «Я уезжаю. Замирает...» и т. д., которые редактировались Фетом в 1882 году, при подготовке первого выпуска «Вечерних огней», или когда можно достоверно установить, что в стихотворения, созданные в 1850-е, правка внесена при подготовке сборника 1863 года (например, «Телемак у Калипсы», «Ивы и березы» и т. д.). В таких случаях текст стихотворения воспроизводится по первоначальному слою, а позднейшая правка дается в виде вариантов. В исключительных случаях в качестве основной представлена ранняя дожурнальная редакция (например, «Только станет смеркаться немножко...», перевод из Шенье «Лида» и др.). Особый случай представляет перевод из Горация «Песня столетию», где при подготовке «Стихотворений» 1863 года Фет карандашом фронтально внес правку пунктуационного характера, учтенную в сборнике. Это стихотворение приводится нами в своей первоначальной пунктуационной редакции, поскольку к ней ближе и второй сохранившийся автограф, по которому оно набиралось в «Библиотеке для чтения», и сама журнальная публикация. Внесенные в 1863 году в автограф изменения приводятся в сводке вариантов.

Стихотворения, которые приводятся по первоначальному слою, обозначены «*» («звездочкой»), помещаемой рядом с порядковым номером. Не везде, однако, удается строго выдержать принцип воспроизведения какого-либо одного слоя — раннего или позднего. Поскольку Фет порой неоднократно возвращался к одному и тому же стихотворению, каждый раз внося в рукопись новые исправления, последовательность их внесения бывает затруднительно отразить в сводке вариантов. Поэтому в отдельных случаях в основном тексте воспроизводятся разновременные записи (в первую очередь, это касается вариантов заглавий и различных помет вспомогательного характера, например расстановки сносок, эпиграфа и др.), что отмечается в подстрочных примечаниях.

Тексты воспроизводятся в современной орфографии, с сохранением некоторых устаревших написаний (например, «взморьи» вместо «взморье», «смятеньи» вместо «смятенье» и др.) и особенностей авторского написания (например, «эпанча» вместо «епанча» и др.). Сохраняются также случаи употребления Фетом неправильных (с точки зрения современных норм) грамматических форм и написаний, влияющих на звукопись («выду» вместо «выйду», «кованных» вместо «кованых» и др.). Такие случаи, во избежание сомнений, помечены двойными звездочками («**»). Описки (например, пропуск букв) восстанавливаются в угловых скобках и особо не оговариваются. Пунктуация автографов сохраняется полностью.

В заглавиях стихотворений сохраняется написание прописных букв (например, «Первый Ландыш» и др.), но не воспроизводятся различия в оформлении — с подчеркиванием или без оного, с точкой на конце или без нее.

При воспроизведении текста стихотворений межстрофные штрихи опускаются.

Практически на каждом листе в *Т 1* имеются различные пометы вспомогательного характера, не имеющие отношения к тексту стихотворения. Они могут быть внесены карандашом или чернилами, в верхней или нижней части листа. Все они, по-видимому, принадлежат Фету и вносились им в разное время. Описание помет приводится после сводки вариантов. При описании не указываются номера страниц, проставленные Фетом по всей тетради синим карандашом, а также подправленные буквы в тех словах, которые были написаны неотчетливо.

Большая часть помет имеет отношение к публикации стихотворений в журналах или прижизненных сборниках. Так, часто встречается указание на название журнала, в котором напечатано то или иное произведение (в отдельных случаях приводится также номер). Иногда это указание дублируется, причем повторное указание (чаще всего в нижней части листа) появилось, скорее всего, в ходе подготовки сборника 1863 года. В разных вариациях встречаются пометы, указывающие на то, что стихотворение не публиковалось или не вошло в сборник 1856 года: от одной буквы «N<е вошло или Не было>» до написанного полностью: «Не вошло», «Не было» и т. д. Судя по цвету чернил и перу, большинство этих записей внесено практически единовременно, во время просмотра тетради.

Из других помет особо следует выделить:

1. «×» («крестик»), который означает, что стихотворение не появлялось или не должно появиться в печати. Иногда подобные «крестики» внесены карандашом и потом затерты, означая, что стихотворе-

ние было напечатано. 18 стихотворений отмечены «крестиками» фиолетовыми чернилами, которые больше в *Т 1* нигде не встречаются. Три из них, однако, на самом деле были напечатаны в журналах, но в прижизненные сборники поэтом не включались:

1. «Вчера и Сегодня» («Вчера, при блеске свеч в двенадцатом часу...»)
2. «Отъезд» («Какая горькая обида...»)
3. «Неотразимый образ» («В уединении забудусь ли порою...»)
4. «Когда у райских враг изгнанник...»
5. «Аполлон Бельведерский» («Упрямый лук, с прицела чуть склонен...»)
6. «В альбом. В первый день Пасхи» («Победа! Безоружна злоба!..»)
7. «И если ты будешь моею женой...» (*Из Гейне*)
8. «Я целый день изнемогаю...»
9. «Лесом мы шли по тропинке единственной...»[26]
10. «Какая ночь! Как воздух чист...»
11. «На бледном ты лице моем...» (*Из Гейне*)
12. «Весна и ночь покрыли дол...»
13. «Как эта ночь ты радостна светла...»
14. «Влачась в бездействии ленивом...»
15. «Томный звук в груди моей...» (*Из Гейне*)[27]
16. «Превращения» («Давно — в поре ребяческой твоей...»)[28]
17. «Как ярко полная луна...»
18. «По ветви нижние леса...»

2. арабские номера, проставленные графитным карандашом в верхней части листа, которыми отмечены стихотворения, не вошедшие в сборник 1856 года. Эти пометы относятся к периоду формирования *Сб1863*. Общий список всех стихотворений содержится в *ТетрРГБ*, причем в нем значатся не только стихотворения из *Т 1*, но также из *ТетрРГБ* и *Т 2* (см. приложение).
3. «О.» («О<твергнуто>»), которая означает, что стихотворение не предназначено для включения в *Сб1863*. Подобной пометой в *Т 1* отмечены пять стихотворений:

1. «Дай руку мне, дай руку Пери злая...»
2. «Сон Поручика Лосева» (= «Сон») («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»)
3. «Последнее слово» («Я громом их в отчаяньи застигну...»)
4. «Сонет» («Угрюм и празден часто я брожу...»)
5. «Нельзя» («Заря. Сияет край востока...»)

---

[26] Рядом с «крестиком» в этом стихотворении проставлена «галочка», возможно означающая, что оно было опубликовано (см.: *РВ*. 1858. № 2).

[27] Впервые напечатано: Развлечение. 1859. № 8. С. 85.

[28] Впервые напечатано: *РСл*. 1859. № 4.

4. римские номера «I», «II», «III», проставленные графитным карандашом, точное значение которых пока не выявлено. Единственная закономерность, которую можно отчетливо проследить, это то, что цифрой «III» отмечены только переводы, хотя при этом отдельные переводы могут быть помечены другими цифрами. Такие же пометы имеются в *Т 2*.

После каждого стихотворения помещены текстологические комментарии, где указываются все другие известные автографы (в том числе авторизованные списки) и прижизненные авторизованные публикации стихотворений. При описании первых журнальных публикаций, в случае если стихотворение напечатано в подборке, приводится перечень стихотворений под теми заглавиями, под которыми они напечатаны в журнале. Посмертные публикации (*ЛСт1894* и *ПССт1901*) приводятся только в тех случаях, когда это *первые* публикации (например, для стихотворений «Вчера и Сегодня», «Отъезд» и др.), с указанием разночтений в тексте. В целом в описании приняты принципы, установленные в выходящем ныне собрании Сочинений и писем поэта в 20 томах.[29]

Пунктуационные разночтения в печатных текстах не приводятся, дается только указание на их наличие, а также особо отмечается возврат к пунктуации *Т 1* в тех случаях, когда он имел место. Сопоставление пунктуационных изменений, вносившихся при каждой последующей публикации, позволяет сделать вывод о том, что в ходе подготовки сборников 1856 и 1863 года Фет, опираясь преимущественно (но далеко не всегда) на первые журнальные публикации того или иного стихотворения, вместе с тем осуществлял фронтальную сверку по публикуемой рабочей тетради. В ряде случаев отчетливо видно, что поэт вернулся к пунктуационным и орфографическим вариантам автографов в *Т 1*, принятой в них графике строф, делению на строфы и т. д. В отдельных случаях восстановлены более ранние варианты стихов из *Т 1* (например, «О нет не стану звать утраченную радость...» и др.).

В текстологических примечаниях приводятся также пояснения к датировкам, которые помещаются в угловых скобках после текста стихотворений.

Перед полным описанием тетради помещается справочное полистное содержание; в конце публикации — указатель к стихотворениям, опубликованным в части I, а также воспроизведение всех заполненных страниц.

[29] См.: *Генералова Н. П.* Принципы издания // *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 658—672. Кроме того, воспроизводятся все случаи написания Фетом буквы «ё» (помимо тех случаев, где «ё» вводится, когда возможно сомнение в прочтении «все» или «всё»).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИХ В СБОРНИК 1856 ГОДА

Настоящий список составлен Фетом в ходе подготовки сборника «Стихотворений» 1863 года и включает в себя 84 названия. Он записан в *ТетрРГБ* на остававшихся к тому времени незаполненными листах: л. 2 об. (№ 1—22), л. 1 (№ 23—25), л. 150 (№ 26—45), л. 150 об. (№ 46—66) и л. 151 (№ 67—84). Слева от номера каждого стихотворения (с № 1 по 45 включительно) Фетом карандашом проставлен «×» («крестик»), означающий, по-видимому, что текст упомянутого стихотворения найден (ниже нами не воспроизводится). Перед началом списка, на л. 2, Фет перечислил журналы, которые были им просмотрены в целях выявления стихотворений, не вошедших в сборник 1856 года:

просмотр<ены> за 1856 год

«Совр<еменник>», «От<ечественные> За<писки>», «Библиотека <для чтения>», «Русс<кий> Вест<ник>»

1857

«Сов<ременник>», «От<ечественные> Зап<иски>», «Библиот<ека для чтения>», «Р<усский> Вест<ник>»

1858

«Соврем<енник>», «Библиот<ека для чтения>», «Русс<кий> Вест<ник>»

На л. 1 об. отмечены, по-видимому, стихотворные произведения, выявленные при просмотре журналов, но не предполагавшиеся к включению в *Сб1863* (поэма «Две липки» и перевод из Горация «Песня столетию»):

«2 Липки» «От<ечественные> З<аписки>» 1857 1 янв<арь>
Гор<аций> «Песнь столетию» «Биб<лиотека для чтения>» 57 январ<ь>

Очевидно, не все номера журналов были у Фета под рукой, поэтому в определенный момент (скорее всего, со стихотворения «На лодке») в поисках не вошедших в *Сб1856* стихотворений поэт начал просматривать саму тетрадь.

Из 84 стихотворений, значащихся в данном списке, в *Т 1* имеются автографы только 72. Автографы недостающих шести стихотворений, с соответствующими номерами, содержатся поровну в *ТетрРГБ* и в *Т 2*.

Не все стихотворения из данного списка в конечном итоге вошли в сборник 1863 года — 11 стихотворений так и не были в нем напечатаны, три из них вошли впоследствии в *ВО 1* («В благословенный день, когда стремлюсь душою...», «Море и звезды» («На море ночное мы оба глядели...»), «Тополь» («Сады молчат. Унылыми глазами...»)), пять —

при жизни Фета более не перепечатывались («Превращения» («Давно, в поре ребяческой твоей...»), «Последнее слово» («Я громом их в отчаяньи застигну...»), «Сонет» («Угрюм и празден я брожу...»), «Лесом мы шли по тропинке единственной...», «Нельзя» («Заря. Сияет край востока...»)), а три — остались при жизни поэта неизданными («По ветви нижние леса...», «Весна и ночь покрыли дол...», «Как эта ночь ты радостно светла...»).

Ниже в левой части воспроизводится составленный Фетом список. В правой части приводятся выходные данные первых журнальных публикаций (при наличии), а также указывается лист, на котором записано стихотворение (или его начало) в *Т 1*.

Не вошед<шие>

1.	В темноте на тре<ножнике ярком...>	*Совр*. 1856. № 2	*ТетрРГБ*
2.	Ивы и березы	*Совр*. 1856. № 9	л. 43
3.	Последнее слово	*Совр*. 1856. № 10	л. 40
4.	Ответ И. С. Тургеневу	*Совр*. 1856. № 11	л. 37
5.	Вечер у взморья	*Совр*. 1856. № 11	л. 21
6.	Диана, Эндимион и Сатир (с картины Брюлова)	*ОЗ*. 1856. № 10	*ТетрРГБ*
7.	[Кова<левскому>] В альбом (Е. П. К—у)	*БдЧ*. 1856. № 10	л. 33
8.	Под небом Франции <среди столицы света...>	*Совр*. 1857. № 1	л. 48
9.	Золотой век	*Совр*. 1857. № 1	л. 31
10.	Даки	*Совр*. 1857. № 2	л. 55
11.	У камина	*Совр*. 1857. № 2	л. 57
12.	Телемак у Калипсы	*Совр*. 1857. № 3	л. 38
13.	Сон. Снился берег <мне скалистый...>	*Совр*. 1857. № 3	л. 35
14.	Туман<ное> утро	*Совр*. 1857. № 3	л. 53
15.	Не напевай тоск<ливой> муки...>	*Совр*. 1857. № 3	л. 58
16.	Венера Милосская	*Совр*. 1857. № 10	л. 47
17.	В благослове<нный> день, когда стрем<люсь> душою	*ОЗ*. 1857. № 2	л. 32
18.	Сестра	*ОЗ*. 1857. № 2	л. 39
19.	Соседкин занавес из Гёте +	*ОЗ*. 1857. № 2	л. 77 об.
20.	Сонет. Угрюм и празд<ен я брожу...>	*БдЧ*. 1857. № 2	л. 44
21.	Гор<ное> ущелье	*Совр*. 1857. № 1	л. 46
22.	На корабле	*БдЧ*. 1857. № 4	л. 45
23.	Из Фауста. Так вороти ж![30]	—	л. 76
24.	Как хорош чуть мерц<ающим утром...>	*БдЧ*. 1857. № 9	л. 68
25.	Морская даль во мгле туман<ной...>	*БдЧ*. 1857. № 9	л. 66
26.	Лесом мы шли <по тропинке единственной...>[31]	*РВ*. 1858. № 2	л. 87

[30] № 23—25 вписаны на л. 1.

[31] № 26—45 вписаны на л. 150.

27.	Цветы	*РВ*. 1858. № 4	л. 74
28.	Вчера я шел <по зале освещенной...>	*РВ*. 1858. № 5	л. 92
29.	Заря прощается с зем<лею...>	*РВ*. 1858. № 12	л. 102
30.	Музе	*Совр*. 1858. № 4	л. 86
31.	Рыбка	*Совр*. 1858. № 9	л. 83
32.	Смерти	*РВ*. 1857. № 6	л. 63
33.	Все вокруг и пестро <так и шумно...>	*РВ*. 1857. № 8	л. 49
34.	Был чудный майский день в Москве	*РВ*. 1857. № 8	л. 75
35.	Целый заставила день <меня промечтать ты сегодня...>	*РВ*. 1857. № 10	л. 70
36.	Певице	*РВ*. 1857. № 10	л. 59
37.	Еще майская ночь	*РВ*. 1857. № 11	л. 73
38.	На стоге сена <ночью южной...>	*РВ*. 1857. № 11	л. 85 об.
39.	Бал	*РВ*. 1857. № 12	л. 88
40.	Одинокий Дуб[32]	*Совр*. 1856. № 5	л. 28
41.	Тень с китайского +	*ОЗ*. 1856. № 6	л. 36
42.	Anruf an die Geliebte Бетхов<ена>	*РВ*. 1857. № 7	л. 60
43.	Прибой	—	л. 54
44.	В леса безлюдной сторо<ны...>	*БдЧ*. 1858. № 1	л. 64
45.	Ярким солнцем в лесу <пламенеет костер...>	*РВ*. 1859. № 2	л. 71
46.	На лодке[33]	*БдЧ*. 1856. № 10	л. 34
47.	Лида из Шенье	*БдЧ*. 1859. № 10	л. 39 об.
48.	Только станет смеркаться <немножко...>	*БдЧ*. 1857. № 5	л. 51
49.	Свеча нагорела. <Портреты в тени...>	—	л. 78
50.	Италия	*РСл*. 1859. № 1	л. 79
51.	На озере из Гёте	*РСл*. 1859. № 1	л. 80
52.	Новая любовь новая жизнь <Из Гёте>	—	л. 81
53.	Весенний дождь	*РСл*. 1859. № 4	л. 82
54.	Расстались мы, <ты странствуешь далече...>	*БдЧ*. 1858. № 1	л. 84
55.	Я был опять в саду твоем	*БдЧ*. 1859. № 1	л. 85
56.	Ни тучки нет <на небосклоне...>	—	л. 89
57.	Псовая охота	*РВ*. 1858. № 2	л. 91
58.	Весна и ночь покрыли <дол...>	—	л. 93
59.	Последняя песня Беранже	*Совр*. 1858. № 1	л. 93 об.
60.	Грёзы	*Совр*. 1859. № 2	л. 95
61.	Нет не жди <ты песни страстной...>	*БдЧ*. 1858. № 3	л. 96
62.	На развалинах цезарских палат	*РВ*. 1858. № 2	л. 98
63.	Нельзя	*БдЧ*. 1858. № 3	л. 99
64.	Тургеневу	*БдЧ*. 1859. № 1	л. 100
65.	Как эта ночь, <ты радостно-светла...>	—	л. 101
66.	Опять незримые усилья	*РСл*. 1860. № 1	л. 101 об.
67.	Заря прощается с землею	*РВ*. 1858. № 12	л. 102
68.	Зреет рожь <над жаркой нивой...>	*РВ*. 1860. № 1	л. 102 об.

[32] № 40—45 карандашом.

[33] № 46—84 чернилами. № 46—66 вписаны на л. 150 об., № 67—84 — на л. 151.

69.	Кричат перепела, <трещат коростели...>	*Совр.* 1859. № 6	л. 103
70.	Супруг надменный коз, <лоснящийся от жиру... Из Шенье>	*БдЧ.* 1859. № 9	л. 103 об.
71.	[Вчера] Георгины	*РВ.* 1859. № 2	л. 104 об.
72.	Пойду навстречу к ним <знакомою тропою...>	*РСл.* 1859. № 3	л. 105
73.	Нимфа и Сатир	*Совр.* 1859. № 1	л. 105 об.
74.	Сон и смерть	—	л. 106
75.	Превращения	*РСл.* 1859. № 4	л. 106
76.	Старые письма	—	л. 106 об.
77.	Еще акация одна	*БдЧ.* 1859. № 5	л. 107
78.	По ветви нижние леса	—	л. 107 об.
79.	Колокольчик	—	л. 108
80.	Мотылек мальчику	*РСл.* 1860. № 2	л. 108
81.	Молчали листья, <звезды рдели...>	*РСл.* 1860. № 1	*Т 2*
82.	Море и звезды	*РСл.* 1860. № 4	*Т 2*
83.	На железной дороге	*РВ.* 1860. № 2.	*Т 2*
84.	Тополь	*РСл.* 1860. № 4	*ТетрРГБ*

ПОЛИСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ[1]

Листы 1—46 оборот

Л. А, А об. Чистый.

Л. 1. **«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..»**, беловой (№ 1).

Л. 1 об. Чистый.

Л. 2. **«Ты расточительна на милые слова…»**, беловой (№ 2).

Л. 2 об. Чистый.

Л. 3. «**Лес**» («Куда ни обращаю взор...»), беловой, с поправкой в ст. 10 (№ 3).

Л. 3 об. Чистый.

Л. 4. «**Пчёлы**» («Пропаду от тоски я и лени...»), беловой (№ 4).

Л. 4 об. Чистый.

Л. 5. **«Не спрашивай над чем задумываюсь я…»**, беловой (ст. 1—12) (№ 5).

Л. 5 об. **«Не спрашивай над чем задумываюсь я…»**, беловой, продолжение (ст. 13—28) (№ 5).

[1] В скобках после краткого описания каждой записи на странице дается отсылка на номер, под которым она далее воспроизведена. Особо оговариваются только случаи, когда автограф или правка записаны карандашом.

Л. 6. **«Вчера и Сегодня»** («Вчера, при блеске свеч в двенадцатом часу...»), беловой (№ 6).

Л. 6 об. Чистый.

Л. 7. **«Какое счастие. И ночь, и мы одни...»**, беловой (№ 7).

Л. 7 об. Чистый.

Л. 8. **«Первая борозда»** («Со степи зелено-серой...»), беловой, с правкой в ст. 9 (№ 8).

Л. 8 об. Чистый.

Л. 9. **«Старый парк»** («Сбирались умирать последние цветы...»), беловой (ст. 1—20) (№ 9).

Л. 9 об. **«Старый парк»** («Сбирались умирать последние цветы...»), 1) беловой, окончание (ст. 21—28), с правкой карандашом в ст. 26; 2) вторая (окончат.) редакция строфы 7 (ст. 25—28), с подзаголовком «варьянт» (№ 9).

Л. 10. **«Отъезд»** («Какая горькая обида...»), беловой (№ 10).

Л. 10 об. Чистый.

Л. 11. **«Степь вечером»** («Клубятся тучи, млея в блеске алом...»), беловой, с поправкой (исправлением?) в ст. 14 (№ 11).

Л. 11 об. <**«В саду»** («Приветствую тебя мой добрый старый сад...»)>, карандашом, варианты ст. 7—8 (№ 12).

Л. 12. **«В саду»** («Приветствую тебя мой добрый старый сад...»), беловой (ст. 1—16) (№ 12).

Л. 12 об. **«В саду»** («Приветствую тебя мой добрый старый сад...»), беловой, окончание (ст. 17—24) (№ 12).

Л. 13. **«Первый Ландыш»** («О первый ландыш! Из-под снега...»), беловой (№ 13).

Л. 13 об. Чистый.

Л. 14. **«Муза»** («Не в сумрачный чертог Наяды говорливой...»), беловой (ст. 1—16), с правкой в ст. 4 (№ 14).

Л. 14 об. **«Муза»** («Не в сумрачный чертог Наяды говорливой...»), беловой, окончание (ст. 17—24) (№ 14).

Л. 15. **«Не нам»** («Забудь меня безумец исступленной...»), беловой, с исправлением в ст. 12; с поздней правкой в ст. 10—11 другими чернилами (для *ВО 1*) (№ 15).

Л. 15 об. Чистый.

Л. 16. **«Еще весны душистой нега...»**, беловой (№ 16).

Л. 16 об. Чистый.

Л. 17. **«Дай руку мне, дай руку Пери злая...»**, беловой (№ 17).

Л. 17 об. Чистый.

Л. 18. **«Знакомке с юга»** («На север грустный с пламенного юга...»), беловой; заглавие, возможно, вписано позднее (№ 18).

Л. 18 об. Чистый.

Л. 19. **«Осень»** («Ласточки пропали...»), беловой (№ 19).

Л. 19 об. Чистый.

Л. 20. **«Я уезжаю. Замирает...»**, беловой, с поздней правкой в ст. 6, 8, 15 другими чернилами (для *ВО 1*) (№ 20).

Л. 20 об. <**«Вечер у взморья»** («Засверкал огонь зарницы...»)>, вторая редакция 2-й строфы (ст. 7—12), с правкой в ст. 10 (№ 21).

Л. 21. **«Вечер у взморья»** («Засверкал огонь зарницы...»), беловой, темно-серыми чернилами, под общим заглавием «Приморские стихотворения» (впоследствии зачеркнуто карандашом; см. также л. 22, 23), под номером «I», заглавие («Вечер у взморья») вписано позднее; под 2-й строфой другими чернилами вариант ст. 11—12; теми же чернилами перечеркнуты 2-я строфа и вариант ст. 11—12 (№ 21).

Л. 21 об. Чистый.

Л. 22. **«Жди ясного на завтра дня...»**, беловой, темно-серыми чернилами, в составе цикла «Приморские стихотворения» (см. также л. 21, 23), под номером «II» (№ 22).

Л. 22 об. Чистый.

Л. 23. **«Ночь весенней негой дышит...»**, беловой, темно-серыми чернилами, в составе цикла «Приморские стихотворения» (см. также л. 21, 22), под номером «III (№ 23).

Л. 23 об. Чистый.

Л. 24. **«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»), беловой, первая редакция (строфы I—III), с исправлениями в ст. 1, 6, 21 (№ 24).

Л. 24 об. **«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»), беловой, первая редакция, продолжение (строфы IV—VI), с правкой в ст. 40 (№ 24).

Л. 25. **«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»), беловой, первая редакция, продолжение (строфы VII—X); с пометами (карандашом) А. В. Дружинина (№ 24).

Л. 25 об. **«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»), беловой, первая редакция, продолжение (строфы XI—XIII) (№ 24).

Л. 26. **«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»), беловой, первая редакция, продолжение (строфы XIV—XVI), с правкой в ст. 119—121; с пометами (карандашом) А. В. Дружинина (№ 24).

Л. 26 об. **«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»), беловой, первая редакция, продолжение (строфы XVII—XIX), с правкой в ст. 135—136; под текстом строфы XIX карандашом записан окончат. вариант ст. 135—136; с пометами (карандашом) А. В. Дружинина (№ 24).

Л. 27. **«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»), беловой, первая редакция, продолжение (строфы XX—XXII), с правкой в ст. 153, 159; с пометами (карандашом) А. В. Дружинина (№ 24).

Л. 27 об. 1) **«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»), беловой, первая редакция, окончание (строфа <X>XIII); с пометами (карандашом) А. В. Дружинина (№ 24);

2) <**«Одинокий дуб»**>, черновой карандашом, вторая редакция (ст. 4—12), для первой журнальной публикации (*Совр*), с правкой в ст. 4, 7, 10, 12; ниже еще один (близкий к окончательному) вариант ст. 5—6, с исправлением в ст. 6 (№ 25).

Л. 28. **«Одинокий дуб»** («Смотри! синея друг за другом...»), беловой, первая и окончательная редакция (ст. 1—18), с исправлениями чернилами в ст. 11, 13, 15; с правкой карандашом в ст. 13—14 (для первой журнальной публикации в *Совр*) (№ 25).

Л. 28 об. 1) **«Одинокий дуб»** («Смотри! синея друг за другом...»), беловой, первая и окончательная редакция, окончание (ст. 19—24) (№ 25);

2) **«О если бы озером был я ночным...»**, <Из Гафиза>, черновой карандашом, с правкой в ст. 2, 4 (№ 26);

3) **«Слово девой назовем...»**, <Из Гёте>, черновой карандашом, ранняя редакция (№ 27).

Л. 29. <**«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»)>, замечания А. В. Дружинина к строфам VII—VIII, XV—XVI, XVII, <X>XIII первой редакции, карандашом (№ 24).

Л. 29 об. <**«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»)>, общее заключение А. В. Дружинина о первой редакции поэмы, карандашом (№ 24).

Л. 30. <**«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»)>, беловой, вторая редакция, под заглавием «Сон», строфы VII, XVI, XVII, XXI, с пунктуационной поправкой в ст. 121 (№ 24).

Л. 30 об. <**«Сон поручика Лосева»** («Мне не спалось. Томителен и жгуч...»)>, беловой, вторая редакция, окончание (строфа XXIII) (№ 24).

Л. 31. **«Золотой век»** («Я посещал тот край обетованный...»), беловой (ст. 1—20), с эпиграфом, где слово «Schiller» вписано другими чернилами позднее; с правкой другими чернилами в ст. 16; ст. 2 подчеркнут карандашом, слева проставлен чернилами «+» («крестик»), отсылающий к нижней части листа, где другими чернилами записаны варианты ст. 2 (в том числе окончат.), с правкой карандашом и чернилами. Правка, очевидно, относится ко времени подготовки первой журнальной публикации (в *Совр*) (№ 28).

Л. 31 об. **«Золотой век»** («Я посещал тот край обетованный...»), беловой, окончание (ст. 21—40), с правкой в ст. 40 карандашом и чернилами (содержащей окончат. вариант); под текстом другими чернилами записаны варианты ст. 40, с правкой (№ 28).

Л. 32. [**«Благословенной тени»**] («В благословенный день, когда стремлюсь душою...»), беловой, с правкой в заглавии (позднее зачеркнуто) и в ст. 7, 9, 11 (№ 29).

Л. 32 об. Чистый.

Л. 33. [«**Егору Петровичу Ковалевскому»**] **«Е. П. К—у»** («Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой...»), беловой, с правкой в заглавии и в ст. 4; в ст. 11 подчеркнуты два первых слова, что отсылает к новому варианту ст. 11, который записан под текстом; ниже окончат. вариант ст. 11—12 (№ 30).

Л. 33 об. Чистый.

Л. 34. «**На лодке»** («Ты скажешь, брося взор по голубой равнине...»), беловой, с поправкой в ст. 3 (№ 31).

Л. 34 об. Чистый.

Л. 35. 1) **«Сон»** («Снился берег мне скалистой...»), беловой, с правкой в ст. 4—5 (№ 32);

2) **«Капля скатившаясь…»**, карандашом; возможно, замысел стихотворения «Туманное утро» (№ 33).

Л. 35 об. Чистый.

Л. 36. **«Тень** (с китайского)**»** («Башня лежит…»), беловой, с правкой чернилами и карандашом в ст. 4, 6, с исправлением в ст. 8 (№ 34).

Л. 36 об. Чистый.

Л. 37. **«Ответ Тургеневу»** («Поэт! ты хочешь знать за что такой любовью…»), беловой (ст. 1—25), с правкой в ст. 4, 7, 21 (№ 35).

Л. 37 об. 1) **«Ответ Тургеневу»** («Поэт! ты хочешь знать за что такой любовью…»), беловой, окончание (ст. 26—30) (№ 35);

2) <**«Телемак у Калипсы»** («Солнце низко. Легкой мглою…»)>, карандашом, вариант ст. 8 (№ 36).

Л. 38. **«Телемак у Калипсы»** («Солнце низко. Легкой мглою…»), беловой (ст. 1—24), с правкой в ст. 8, с исправлениями в ст. 11, 14 (№ 36).

Л. 38 об. **«Телемак у Калипсы»** («Солнце низко. Легкой мглою…»), беловой, окончание (ст. 25—36), с исправлением чернилами в ст. 32 и правкой карандашом в ст. 32 для *Сб1863* (№ 36).

Л. 39. «**Сестра»** («Милой меня называл он вчера…»), беловой, с пунктуационной правкой в ст. 5, 9 (№ 37).

Л. 39 об. **«Из Шенье» <Лида>** («„Лицо мое горит от солнечного зною…“» = «„Ланиты у меня на солнце загорели…“»), беловой (ст. 1—31), с правкой чернилами и карандашом в ст. 1—2, 8, 13—16, 23—24 (№ 38).

Л. 40. 1) «**Пророку» = «Последнее слово»** («Восстань пророк, и препояшься снова!..»), беловой, с правкой в ст. 15, 20; в нижней части листа чернилами записан вариант ст. 4; чернилами косой чертой справа налево зачеркнута первая строфа (№ 39).

2) <**«Из Шенье» <Лида>** («„Ланиты у меня на солнце загорели…“»)>, карандашом, в нижней части листа, вариант ст. 23 (№ 38).

Л. 40 об. **«Из Шенье» <Лида>** («„Ланиты у меня на солнце загорели…“»), беловой, продолжение (ст. 32—59), с правкой чернилами и карандашом в ст. 38—41, 44, 49 (№ 38).

Л. 41. 1) **«Песня столетию» <Из Горация>** («Феб и Диана владычица дева лесная…»), беловой (ст. 1—20), с пунктуационной правкой карандашом для *Сб1863* (№ 40).

2) <**«Из Шенье» <Лида>** («„Ланиты у меня на солнце загорели...“»)>, в верхней части листа варианты ст. 44, в нижней части листа вариант ст. 38—39 (№ 38).

Л. 41 об. **«Песня столетию» <Из Горация>** («Феб и Диана владычица дева лесная...»), беловой, продолжение (ст. 21—40), с пунктуационной правкой карандашом для *Сб1863*; в нижней части листа записан окончат. вариант ст. 38 для *Сб1863* (№ 40).

Л. 42. **«Песня столетию» <Из Горация>** («Феб и Диана владычица дева лесная...»), беловой, продолжение (ст. 41—60), с правкой в ст. 46 (два варианта записаны в тексте), с пунктуационной правкой карандашом для *Сб1863* (№ 40).

Л. 42 об. **«Песня столетию» <Из Горация>** («Феб и Диана владычица дева лесная...»), беловой, окончание (ст. 61—76), с пунктуационной правкой карандашом для *Сб1863* (№ 40).

Л. 43. **«Ивы и березы»** («Березы севера мне милы...»), беловой, 1-я поздняя редакция в составе пяти строф (ст. 1—20), с двумя слоями правки чернилами и карандашом: 1) для *Совр* в ст. 9, 16, 17; 2) для *Сб1863* (№ 41).

Л. 43 об. 1) **«Ивы и березы»** («Березы севера мне милы...»), беловой, 2-я поздняя редакция, 2-я строфа (ст. 5—8), с правкой чернилами и карандашом в ст. 7 (№ 41).

2) **<«Песня столетию» <Из Горация>** («Феб и Диана владычица дева лесная...»)>, общее пояснение и подстрочные примечания (1—5), с правкой (№ 40).

Л. 44. **«Сонет»** («Угрюм и празден часто я брожу...»), беловой, с правкой в ст. 12 (№ 42).

Л. 44 об. **<«Песня столетию» <Из Горация>** («Феб и Диана владычица дева лесная...»)>, подстрочные примечания, окончание (6—14) (№ 40).

Л. 45. **«На корабле»** («Летим! Туманною чертою...»), беловой (№ 43).

Л. 45 об. **«Твоя старушка мать могла...»**, черновой карандашом, с правкой в ст. 3, 11—12 (№ 44).

Л. 46. **«Горное ущелье»** («За лесом лес и за горами горы...»), беловой, с правкой в ст. 9 (№ 45).

Л. 46 об. **«Из Шенье» <Лида>** («„Ланиты у меня на солнце загорели...“»), беловой, окончание (ст. 60—67), с правкой в ст. 61, 63 (№ 38).

1

Л. 1

Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной страницы
И резкий, белый свет начнет в глазах мелькать
И ложных призраков заблещут вереницы

За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором,
Что так язвительно смеется призрак твой
И смотрит на меня таким тяжелым взором.

<Весна — лето 1853 г.?
Не позднее 3 января 1854 г.>

Пометы: карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «I», рядом затерто: «×» («крестик»).

Датируется: условно не позднее 3 января 1854 г., по положению в *Т 1* (подробнее см. во вступит. статье к публикации). Верхняя граница устанавливается по крайней дате написания стихотворения «Пчелы» (см. примеч. к № 4). Наиболее вероятным временем написания представляется весна или лето 1853 г.

Впервые: *ОЗ*. 1854. № 8. С. 339 (ц. р.: 4 августа 1854 г.), в подборке из шести стихотворений, под общим заголовком «Шесть стихотворений А. А. Фета», под номером «IV», вместе со стихотворениями: «Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю...» (I), «Элегия» («Не говори, мой друг: она его забудет...») (II), «Свидание в лесу» («„Ты ль это? так поздно?“ — „Я сбился в потемках с дороги...“») (III), «Первый ландыш» («О, первый ландыш! Из-под снега...») (V), «Знакомке с юга» («На север грустный с пламенного юга...») (VI); без деления на строфы, с изменением в тексте в ст. 3 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 3: И **яркий**, белый свет начнет в глазах мелькать,

Включено:

Сб1856. С. 13: в разделе «Элегии», под номером «XI»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями.

Сб1863. Ч. 1. С. 14: в разделе «Элегии», под номером «XI»; как в *Сб1856*, с пунктуационным изменением в ст. 8 (как в первой публикации).

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Элегии и думы».

2

Л. 2

Ты расточительна на милые слова,
А в сердце мне не шлешь отрадного привета,
И втайне думаешь: причудлива, черства,
Душа суровая поэта.

Я тоже жду, я жду нельзя ли превозмочь
Твоей холодности, подметить миг участья,
Чтобы в глазах твоих загадочных как ночь
Затрепетали звезды счастья.

Я жду я жажду их мечтателю в ночи
Мерцанья не встречать пышнее и прелестней
И знаю низойдут их яркие лучи
Ко мне и трепетом и песней.

<Весна — лето 1853 г.?
Не позднее 3 января 1854 г.>

Пометы: карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «I» », поверх затертого: «×» («крестик»).

Датируется: условно не позднее 3 января 1854 г., по аналогии с предыдущим (см. примеч. к № 1).

Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 143 (ц. р.: 31 января 1854 г.), в подборке из десяти стихотворений, под общим заголовком «Десять стихотворений А. А. Фета», под номером «III», вместе со стихотворениями: «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» (I), «Первая борозда» («Со степи зелено-серой...») (II), «Лес» («Куда ни обращаю взор...») (IV), «Какое счастие: и ночь и мы одни!..» (V), «Степь вечером» («Клубятся тучи, млея в блеске алом...») (VI), «Пчелы» («Пропаду от тоски я и лени...») (VII), «Что за ночь! Прозрачный воздух скован...» (VIII), «Старый парк» («Сбирались умирать последние цветы...») (IX), «Весенние мысли» («Снова птицы летят издалека...») (X); с изменением в тексте в ст. 10 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 10: **Сиянья** не встречать пышнее и прелестней.

Включено:

Сб1856. С. 178: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXXVII»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 2 как в *Т 1*).

Сб1863. Ч. 1. С. 195: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXVII»; как в *Сб1856*.

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

3

Л. 3

Лес

Куда ни обращаю взор,
Кругом синеет мрачный бор
И день права свои утратил.
В глухой дали стучит топор
Вблизи стучит вертлявый дятел.

У ног гниет столетний лом,
Гранит чернеет, и за пнем
Прижался заяц серебристый,
А на сосне поросшей мхом
Мелькает белки хвост пушистый.

И путь заглох и одичал,
Позеленевший мост упал
И лег скосясь во рву размытом
И конь давно не выступал
По нем подкованным копытом.

<Лето 1853 г.?
Не позднее 3 января 1854 г.>

Варианты:
Ст. 10: Мелькает белки хвост пушист**о**й.
Исправлено в тексте.

Пометы: чернилами подчеркнуто заглавие; карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «I», поверх затертого: «×» («крестик»).

Датируется: условно, по аналогии с двумя предыдущими (см. примеч. к № 1). Возможно, написано во время пребывания Фета в Новоселках в июне 1853 г.

Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 144 (ц. р.: 31 января 1854 г.), в подборке из десяти стихотворений, под общим заголовком «Десять стихотворений А. А. Фета», под номером «IV» (см. примеч. к № 2); без деления на строфы, с изменением в тексте в ст. 12 и с пунктуационными изменениями.
Ст. 12: **Позеленелый** мост упал

Включено:
Сб1856. С. 179: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXXVIII»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями.

Сб1863. Ч. 1. С. 196: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXVIII»; как в *Сб1856*, кроме ст. 8 (как в *Т 1*).
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

4

Л. 4

Пчёлы

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выду** я в чистое поле,
Иль совсем потеряюсь в лесу,
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет все боле и боле
Точно уголь в груди я несу.

Нет постой же. С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит...
Ах опять эти пчелы под нею,
И никак я понять не умею,
На цветах ли в ушах ли звенит.

<Весна — лето 1853 г.?
Не позднее 3 января 1854 г.>

Пометы: карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «I».

Датируется: условно не позднее 3 января 1854 г., по положению в *Т 1* (подробнее см. во вступит. статье к публикации). Верхняя граница устанавливается на основании записи в дневнике А. В. Дружинина от 4 января 1854 г., согласно которой накануне у И. И. Панаева «Фет прочел свою вещь „Пчелы“, какую-то грезу в майский день при виде пчел, вползающих в цветы. Никогда сладострастное влияние весны не было передано лучше, стихотворение всех нас обворожило» (*Дружинин. Дневник.* С. 265). Наиболее вероятным временем написания представляется весна (май?) или лето 1853 г.

Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 147 (ц. р.: 31 января 1854 г.), в подборке из десяти стихотворений, под общим заголовком «Десять стихотворений А. А. Фе-

та», под номером «VII» (см. примеч. к № 2); без деления на строфы, с пунктуационными изменениями.

Включено:
Сб1856. С. 183: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XLI»; с делением на строфы, с пунктуационными изменениями как в первой публикации, кроме ст. 12 (как в *Т 1*).
Сб1863. Ч. 1. С. 196: в разделе «Весна», под номером «V»; как в *Сб1856*, кроме ст. 6 (как в *Т 1*).
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Весна».

5

Л. 5

Не спрашивай над чем задумываюсь я,
Мне сознаваться в том и тягостно и больно:
Мечтой безумною полна душа моя
И в глубь забытых лет уносится невольно

Сиянье прелести тогда в свой круг влекло.
Взглянул, и пылкое навстречу сердце рвется,
Так голубь бурею застигнутый, в стекло
Как очарованный крылом лазурным бьется.

А ныне пред лицом сияющей красы
Нет этой слепоты и страсти безответной,
Но сердце глупое как ветхие часы
Коли забьет порой, так все свой час заветной.

Л. 5 об.

Я помню: отроком я был еще. Пора
Была туманная. Сирень в слезах дрожала.
В тот день лежала мать больна, и со двора
Подруга игр моих надолго уезжала

Не мчались ласточки звеня перед окном,
И мошек не толклись блестящих вереницы,
Сидели голуби нахохлившись рядком
И в липник прятались умолкнувшие птицы,

А над колодезем, на вздернутом шесте,
Где старая бадья болталась как подвеска,

Закаркал ворон вдруг, чернея в высоте,
Закаркал как-то зло, отрывисто и резко

Тот плач давно умолк. Кругом и смех и шум,
Но сердце вечно знать пугаться не отвыкнет,
Гляжу в твои глаза, люблю их нежный ум
И трепещу: вот, вот зловещий ворон крикнет.

<Не позднее середины января 1854 г.>

Пометы (л. 5): карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «I».

Датируется: условно не позднее середины января 1854 г., по положению в *Т 1*, цензурному разрешению первой публикации и упоминанию в дневнике А. В. Дружинина, который 17 января 1854 г. записал, по-видимому, об этом стихотворении (под заглавием «Голубь»): «Фет был весьма мил (визит состоялся 16 января. — *В. Л.*), читал свои стихи <...>. Каменский был очарован „Пчелами“ и „Голубем“» (*Дружинин. Дневник.* С. 269).

Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 141 (ц. р.: 31 января 1854 г.), в подборке из десяти стихотворений, под общим заголовком «Десять стихотворений А. А. Фета», под номером «I» (см. примеч. к № 2); без деления на строфы, с изменением в тексте в ст. 4 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 4: И в глубь **минувших** лет уносится невольно.

Включено:

Сб1856. С. 175—176: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXXV»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 15 как в *Т 1*).

Сб1863. Ч. 1. С. 192—193: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXV»; как в *Сб1856*, с пунктуационными изменениями.

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

6

Л. 6

Вчера и Сегодня

Вчера, при блеске свеч в двенадцатом часу
Ты слушала меня с улыбкою участья,
И мне казалося: вот вот перенесу
Тебя в цветущий мир безумия и счастья.

Сегодня. Боже мой! Я путаюсь в словах,
Ты смотришь на меня и трезво и обидно,

И как об этих двух подумаю я днях,
То нынешнего жаль, а за вчерашний стыдно.

<Не позднее января 1854 г.>

Пометы: справа от заглавия фиолетовыми чернилами «×» («крестик»), очевидно означающий, что стихотворение при жизни Фета не было напечатано.

Датируется: условно не позднее января 1854 г., по положению в *Т 1* и сопоставлению с датировками соседних стихотворений.

При жизни Фета не публиковалось.
В *ПССт1892* не включено.

Впервые: *ПССт1901.* Т. 2. С. 504, в разделе «Приложения»; с пунктуационными изменениями.

7

Л. 7

Какое счастие. И ночь, и мы одни
Река как зеркало и вся блестит звездами,
А там-то... Голову закинь-ка — да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами.

О называй меня безумным. Назови
Чем хочешь. В этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не хочу молчать, не стану, не умею.

Я болен, я влюблен, но мучась и любя,
О слушай! о пойми! я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя,
Тебя, одну тебя люблю я и желаю.

<Весна — лето 1853 г.?
Не позднее января 1854 г.>

Варианты:
Ст. 9: Я болен, я влюблен, но мучась и любя**.**
Запятая в конце стиха проставлена поверх точки. Возможно, таким образом исправлена описка.

Пометы: карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «I».

Датируется: условно не позднее января 1854 г., по положению в *Т 1* и дате цензурного разрешения первой публикации (см. ниже). Наиболее вероятным временем написания представляется весна или лето 1853 г.

Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 145 (ц. р.: 31 января 1854 г.), под общим заголовком «Десять стихотворений А. А. Фета», под номером «V» (см. примеч. к № 2); с пунктуационными изменениями.

Включено:
Сб1856. С. 180: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXXIX»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями.
Сб1863. Ч. 1. С. 197: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXIX»; как в *Сб1856.*
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

8

Л. 8

Первая борозда

Со степи зелено-серой
Подымается туман,
И торчит еще Церерой
Ненавидимый бурьян.

Ржавый плуг опять светлеет;
Где волы склонясь прошли,
Лентой бархатной чернеет
Глыба взрезанной земли.

Чем-то блещут светлым, нежным
Солнца вешние лучи,
Вслед за пахарем прилежным
Ходят жадные грачи.

Ветерок благоухает
Сочной почвы глубиной
И Юпитера встречает
Лоно Геи молодой.

<Весна — лето 1853 г.?
Не позднее января 1854 г.>

Варианты:
Ст. 9: Чем-то блещут светлым, **новым**
<н>ежным вписано поверх *н[овым]*

Пометы: карандашом в правом верхнем углу: «II».

Датируется: условно, по аналогии с предыдущим стихотворением (см. примеч. к № 7).

Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 142 (ц. р.: 31 января 1854 г.), под общим заголовком «Десять стихотворений А. А. Фета», под номером «II» (см. примеч. к № 2); с пунктуационными изменениями.

Включено:
Сб1856. С. 177: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXXVI»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 2, 4, 5 как в *Т 1*).
Сб1863. Ч. 1. С. 194: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXVI»; как в *Сб1856*.
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

9

Л. 9

Старый парк

Сбирались умирать последние цветы,
И ждали с грустию дыхания мороза,
Краснели по краям кленовые листы,
Горошек отцветал и осыпалась роза.

Над мрачным ельником проснулася заря,
Но яркости ее не радовались птицы
Однообразный свист лишь слышен снигиря,**
Да раздражает писк насмешливой синицы.

Беседка старая над пропастью видна.
Вхожу. Два льва без лап на лестнице встречают
Полузатертые, чужие имена
Сплетаясь меж собой в глазах моих мелькают.

Гляжу. У ног моих отвесною стеной
Мне сосен кажутся недвижные вершины

И горная тропа размытая водой
Виясь как желтый змей бежит на дно долины.

И солнце вырвалось из тучи, и лучи
Блеснув как молния, в долину долетели.
Отсюда вижу я как бьют в пруде ключи
И над травой стоят недвижные форели.

Л. 9 об.

Один. Ничьих шагов не слышу за собой
В душе уныние, усилие во взоре,
А там над соснами, как купол голубой
Стоит бесстрастное, безжалостное море.

Как чайка парус там белеет. Мнится мне
Последний мой порыв он потонув погубит.
И все мне кажется, что в дальней стороне
Никто понять тебя не может и не любит.

<Вторая редакция ст. 25—28:>

варьянт

Как чайка парус там белеет в высоте
Я жду потонет он, но он не утопает,
И медленно скользя по выгнутой черте
Как волокнистый след пропавшей тучки тает.

<Август — сентябрь 1853 г.
Не позднее 15 января 1854 г.>

Варианты (ст. 25—28):
Ст. 26 («варьянта»): Я жду потонет он, но он не **по**топает,
Окончат. вариант (*у*<*топает*>) вписан карандашом поверх *по*<*топает*>.

Пометы (л. 9): карандашом справа от заглавия, над текстом: «I».

Датируется: предположительно августом — сентябрем 1853 г., периодом пребывания Фета в «военной водолечебнице» в Лопухинке, куда он отправился для лечения «хронического раздражения дыхательных органов» и где провел, по собственным воспоминаниям, месяц: «А так как в число приемов лечения входила прогулка и питье воды из местных ключей, то я поневоле ознакомился с прекрасно содержимым парком и всею северною красотой ближайших окрестностей, начиная с прудов, каких мне до той поры видеть не приходилось. / Взойду, бывало, на высокий берег в берестовую беседку, всю исписанную карандашом, и любуюсь распростертою у ног моих зеркальною влагою

вод. Глубина этой прозрачной влаги, по-видимому, превышала десять сажен, но все водяные поросли на дне были отчетливо видны, словно зеленый лес, растущий в глубокой долине, а крупные форели, неподвижно стоящие с распущенными плавниками, казались птицами, парящими над этой долиной» (*МВ*. Ч. 1. С. 26—27). Точные даты пребывания Фета в Лопухинке не установлены: известно, что около 3 июля 1853 г. он прибыл поездом из Москвы в Петербург и отправился в Красное Село для участия в лагерном сборе своего полка, где простудился и затем получил направление на лечение, по завершении которого 13 сентября прибыл в Волхов, в свой полк. Таким образом, месяц, который Фет находился в Лопухинке, приходится на август — сентябрь. Верхняя граница (не позднее 15 января 1854 г.) устанавливается по упоминанию в дневнике А. В. Дружинина, который записал, что 15 января 1854 г. Фет читал у И. И. Панаева «две своих вещи: „В парке“ (Имеется в виду стихотворение «Старый парк». — *В. Л.*) и „В саду“, первое великолепно» (*Дружинин. Дневник.* С. 268, запись от 16 января 1854 г.). Время создания второй редакции 7-й строфы неизвестно, но в *Т 1* «варьянт», по всей видимости, записан одновременно с первой редакцией стихотворения. Правка карандашом в ст. 26 «варьянта» внесена, очевидно, при подготовке первой публикации.

Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 149 (ц. р.: 31 января 1854 г.), под общим заголовком «Десять стихотворений А. А. Фета», под номером «IX» (см. примеч. к № 2); ст. 25—28 (7-я строфа) во второй редакции, с пунктуационными изменениями.

Включено:

Сб1856. С. 185—186: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XLIII»; как в первой публикации, с изменением в тексте в ст. 23 и с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 7 как в *Т 1*).

Ст. 23: А там, **за** соснами, как купол голубой,

Сб1863. Ч. 1. С. 200—201: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXXII»; как в *Сб1856*.

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

10

Л. 10

Отъезд

Какая горькая обида:
Я завтра еду. Боже мой
Как будто к области Аида
Темнеет путь передо мной

Как после нежного похмелья
От струй пафосского вина

Уединенная мне келья
Теперь покажется душна.

Но верен сладостной тревоге
В степи безбрежной и в лесу,
По рвам по каменной дороге
Твой образ чистый понесу.

И сохраню в душе глубоко
Двойную прелесть красоты
И это мыслящее око
И эти детские черты.

<Весна — осень 1853 г.?
Не позднее 15 января 1854 г.>

Пометы: чернилами подчеркнуто заглавие; фиолетовыми чернилами справа от заглавия «×» («крестик»), очевидно означающий, что стихотворение при жизни Фета не было напечатано.

Датируется: условно, по содержанию, положению в *Т 1* и сопоставлению с датировками соседних стихотворений (см. примеч. к № 9, 11 и 12).

При жизни Фета не публиковалось.
В *ПССт1892* не включено.

Впервые: *ПССт1901*. Т. 1. С. 303, в разделе «Элегии»; с пунктуационными изменениями.

11

Л. 11

Степь вечером

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля.
В последний раз за третьим перевалом
Пропал ямщик, звеня и не пыля

Нигде жилья не видно на просторе,
Вдали огня, иль песни и не ждешь.
Все степь, да степь. Безбрежная как море
Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта
Луна светить еще не смеет днем,
Вот жук взлетел и прожужжал сердито
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я в изложине росистой
Вполголоса скрыпят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут
И как река засветит млечный путь.

<Весна — осень 1853 г.?
Не позднее 15 января 1854 г.>

Пометы: карандашом справа от заглавия, над текстом: «I».

Датируется: условно, по содержанию, положению в *Т 1* и сопоставлению с датировкой стихотворения «В саду» («Приветствую тебя, мой добрый старый сад...») (см. примеч. к № 12).

Впервые: *Совр*. 1854. № 2. С. 146 (ц. р.: 31 января 1854 г.), под общим заголовком «Десять стихотворений А. А. Фета», под номером «VI» (см. примеч. к № 2); с пунктуационными изменениями.

Включено:
Сб1856. С. 181—182: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XL»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 18 как в *Т 1*).
Сб1863. Ч. 1. С. 198: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXX»; как в *Сб1856*, кроме ст. 11 (как в *Т 1*).
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

12

Л. 12

В саду

Приветствую тебя мой добрый старый сад
Цветущих лет цветущее наследство

С улыбкой горькою я пью твой аромат
Которым некогда мое дышало детство.

Густые липы те ж, но заросли слова,
Которые в тени я вырезал искусно,
И все мне кажется: переросла трава
И будет там в лесу мне нестерпимо грустно

Как будто с трепетом здесь каждого листа
Моя пробудится и затрепещет совесть
И будут лепетать знакомые места
Давно забытую, оплаканную повесть

И скажут: помним мы, как ты играл и рос,
Мы помним как потом в последний час разлуки
Венком из зелени и благовонных роз
Тебя здесь нежные благословили руки.

Л. 12 об.

Скажи где розы те, которые такой
Веселой радостью и свежестью дышали.
Одни я раздарил с безумством и тоской,
Другие растерял и все они увяли.

А вы, вы молоды и пышны до конца.
Я рад — и радости вполне вкусить не смею.
Стою как блудный сын перед лицом отца
И плакать бы хотел, и плакать не умею

<Лето 1853 г.?
Не позднее 15 января 1854 г.>

Л. 11 об.

<Варианты ст. 7—8:>

Мой замедляет шаг
Хватает за ноги заглохшая трава
И чувствую что там в лесу мне будет груст<но>

<Не позднее января 1855 г.>

Варианты (ст. 7—8 на л. 11 об.):
Ст. 7: *а.* Хватает за ноги заглохшая трава
б. Мой замедляет шаг <заглохшая трава>

Вариант 7б (*Мой замедляет шаг*) вписан над незачеркнутым вариантом 7а (*Хватает за ноги*), однако Фет, по-видимому, отказался от него в пользу первоначального. Не исключено, что варианты ст. 7—8 записаны при подготовке стихотворения к первой (журнальной) публикации в 1855 г. (см. ниже).

Пометы (л. 12): карандашом справа от заглавия, над текстом: «I».

Датируется: условно, по содержанию, положению в *Т 1* и упоминанию в дневнике А. В. Дружинина, согласно которому 15 января 1854 г. Фет читал стихотворение «В саду» у И. И. Панаева (*Дружинин. Дневник.* С. 268; см. также примеч. к № 9). Не исключено, что стихотворение написано под впечатлением от пребывания в Новоселках в первой половине июня 1853 г. Варианты ст. 7—8, записанные на обороте соседнего листа (л. 11 об.), могли быть внесены позднее, при подготовке первой журнальной публикации, однако отсутствие в автографе окончательной правки в ст. 11, 15—16 может говорить о том, что Фет вносил правку в ст. 7—8 практически сразу же после записи стихотворения в *Т 1*, а в дальнейшем, при передаче его в «Современник», вновь вернулся к редактированию.

Впервые: *Совр.* 1855. № 2. С. 306 (ц. р.: 31 января 1855 г.), подпись: «А. Фет»; ст. 7—8 во второй редакции; с изменениями в тексте в ст. 11, 15, 16 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 7—8: Хватает за ноги заглохшая трава
И чувствую, что там в лесу мне будет грустно.
Ст. 11: И **станут** лепетать знакомые места
Ст. 15—16: Венком из **молодых** и благовонных роз
Тебя здесь нежные благослов**ля**ли руки.

Включено:
Сб1856. С. 170—171: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXXI»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями.
Сб1863. Ч. 1. С. 188—189: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXII»; как в *Сб1856*, с пунктуационными изменениями.
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

13

Л. 13

Первый Ландыш

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей,
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей

Как первый луч весений** ярок
Какие в нем нисходят сны,
Как ты пленителен подарок
Воспламеняющей весны

Так дева в первый раз вздыхает
О чем, не ведая ещё,
И в первый раз благоухает
Ее блестящее плечо

<Не позднее 23 апреля 1854 г.>

Пометы: карандашом справа от заглавия, над текстом: «I».

Датируется: условно, по положению в *Т 1* и дате цензурного разрешения (23 апреля 1854 г.) стихотворения «Еще весны душистой нега...», записанного позднее (см. л. 16).

Впервые: *ОЗ*. 1854. № 8. С. 339 (ц. р.: 4 августа 1854 г.), в подборке из шести стихотворений, под общим заголовком «Шесть стихотворений А. А. Фета», под номером «V» (см. примеч. к № 1); с пунктуационными изменениями.

Включено:
Сб1856. С. 201: в разделе «Разные стихотворения», под номером «LVI»; с изменениями в тексте в ст. 10—12 и с пунктуационными изменениями.
Ст. 10—12: О чем? **неясно ей самой**...
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.
Сб1863. Ч. 1. С. 158: в разделе «Весна», под номером «VIII»; как в *Сб1856*, с пунктуационными изменениями.
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Весна».

14

Л. 14

Муза

Не в сумрачный чертог Наяды говорливой
Пришла она пленять мой слух самолюбивой
Рассказом о щитах, героях и конях,
О шлемах кованных** и сломанных мечах.
Скрывая низкий лоб под ветвию лавровой,
С цитарой золотой, иль из кости слоновой

Ни разу на моем не прилегла плече
Богиня гордая в расшитой эпанче.
Мне слуха не ласкал язык ее могучий
И гибкий и простой и звучный без созвучий
По воле Пиерид с достоинством певца
Я не мечтал стяжать широкого венца
О нет под дымкою ревнивой покрывала
Мне музу молодость иную указала
Отягощала прядь душистая волос
Головку детскую узлом тяжелым кос.
Л. 14 об. Цветы последние в руке ее дрожали
Отрывистая речь была полна печали
И женской прихоти и серебристых грез,
Невысказанных мук и непонятных слез.
Какой-то негою томительной волнуем,
Я слушал как слова встречались поцалуем
И долго без нее душа была больна
И несказанного стремления полна.

<Не позднее 23 апреля 1854 г.>

Варианты:
Ст. 3: Рассказом о щитах, [о сломанных мечах,]
Окончат. вариант (*героях и конях,*) вписан над зачеркнутым *[о сломанных мечах,]*. Возможно, описка при перебеливании.

Пометы: карандашом справа от заглавия, над текстом: «I».

Датируется: условно, по аналогии с предыдущим стихотворением (см. примеч. к № 13).

Впервые: *ОЗ*. 1854. № 6. С. 375 (ц. р.: 2 июня 1854 г.), вместе со стихотворением: «Дай руку мне, дай руку, пери злая...», подпись: «А. Фет»; с изменениями в тексте в ст. 12, 16 и с пунктуационными изменениями. В ст. 12, возможно, опечатка.
Ст. 12: Я не мечтал стяжать широкого вен**к**а.
Ст. 16: Головку **дивную** узлом тяжелым кос;

Включено:
Сб1856. С. 190—191: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XLVII»; как в первой публикации, с изменениями в тексте в ст. 12 (как в *Т 1*), 16, 22 и с пунктуационными изменениями в ст. 24 (как в *Т 1*).
Ст. 12: Я не мечтал стяжать широкого вен**ц**а.

Ст. 16: Головку дивную узлом тяжелы**х** кос;
Ст. 22: Я слушал, как слова встречались **с** поцалуем,

Сб1863. Ч. 1. С. 203: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXXIV»; как в *Сб1856*, с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 1—2 как в *Т 1*).
Ст. 14: Мне **М**узу молодость иную указала:
Ст. 22: Я слушал, как слова встречались с поц**е**луем,

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

15*

Л. 15

Не нам

Забудь меня безумец исступленной,
Покоя не губи.
Я создана твоей душой влюбленной
Ты призрак не люби.
О верь и знай мечтатель малодушной,
Что мучась и стеня
Чем ближе ты к мечте своей воздушной
Тем дальше от меня.
Так над водой младенец восхищенной
Луной, подъемля крик
Бросается, — и с влаги возмущенной
Исчез сребристый лик.
Дитя, отри заплаканное око,
Не доверяй мечтам.
Луна плывет и светится высоко,
Она не здесь, а там.

<Не позднее 23 апреля 1854 г.>

Варианты (поздняя правка):
Ст. 10—11: Луной, подъемл**ет** крик
Он бросился, — и с влаги возмущенной

В ст. 10 окончат. вариант (*<подъемл>ет*) вписан над *подъемл[ет]*; в ст. 11 окончат. вариант (*Он бросился*) вписан над *[Бросается]*. Правка внесена другими (более темными) чернилами в 1882 г., при подготовке *ВО 1*. В ст. 12 *Изчез* исправлено на *Исчез* в тексте (теми же чернилами, которыми записано стихотворение).

Пометы: справа от заглавия, над текстом 1) чернилами «×» («крестик»), означающий, что стихотворение не напечатано (помета относится ко времени до 1882 г., периоду работы над формированием *ВО 1*); 2) карандашом: «I».

Датируется: условно, по аналогии со стихотворениями «Первый Ландыш» («О первый ландыш! из-под снега...») и «Муза» («Не в сумрачный чертог Наяды говорливой...») (обоснование датировки см. выше, примеч. к № 13).

Автографы:

1) *ИРЛИ*. Ф. 202. Оп. 2. № 198. Л. 1 об.—2: беловой, в письме к Н. А. Некрасову от 25 декабря 1855 г., без заглавия, с разбивкой на четыре строфы, с изменением в тексте в ст. 7 и с пунктуационными изменениями. С этого автографа стихотворение набиралось для первой публикации (см. ниже), о чем свидетельствуют пометы красным карандашом, внесенные рукой Н. А. Некрасова: 1) перед текстом стихотворения проставлены три звездочки и слева от текста записано: «Совр<еменник>. № 1. Отд. 1-е»; 2) под стихотворением подпись: «А. Фет»; 3) текст письма, кроме стихотворения, перечеркнут.

Ст. 7: Чем ближе ты к мечте **т**воей воздушной,

2) *ТетрРГБ*. Л. 3: ст. 1—8 (две первые строфы), с иной графикой строф (без отступов), с пунктуационными изменениями; текст перечеркнут крест-накрест. Судя по тому, что ст. 7 совпадает с вариантом в *Т 1*, а не в письме к Н. А. Некрасову, стихотворение переписано из *Т 1*, а не по первой публикации. Очевидно, предполагалось для включения в *Сб1863* и переписано с этой целью.

Впервые: *Совр*. 1856. № 2. С. 158 (ц. р.: 31 января и 5 февраля 1856 г.), подпись: «А. Фет»; без заглавия, с разбивкой на четыре строфы; как в п. к Н. А. Некрасову, с пунктуационными изменениями.

Включено:

ВО 1. С. 56: в разделе «Мелодии», без заглавия, с разбивкой на четыре строфы, с изменениями: в тексте в ст. 10—11, в огласовке в ст. 1, 5, 9 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 1: Забудь меня безумец исступленн**ы**й,
Ст. 5: О верь и знай, мечтатель малодушн**ы**й,
Ст. 9—11: Так над водой младенец, восхищенн**ы**й
Луной, подъемл**ет** крик...
Он бросился — и с влаги возмущенной

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Мелодии», без заглавия.

16

Л. 16

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,

Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя березник чуть желтеет
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях
И их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

<Не позднее 23 апреля 1854 г.>

Пометы: карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «I».

Датируется: условно, по положению в *Т 1* и дате цензурного разрешения первой публикации. Учитывая датировку «Приморских стихотворений» (см. примеч. к № 21—23), записанных другими чернилами, наиболее вероятным представляется датировать данное стихотворение ранней весной 1854 г.

Впервые: *Совр.* 1854. № 5. С. 6 (ц. р.: 23 апреля 1854 г.), подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями.

Включено:
Сб1856. С. 160: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXIII»; как в первой публикации, с пунктуационным изменением.
Сб1863. Ч. 1. С. 154: в разделе «Весна», под номером «IV»; как в *Сб1856*.
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Весна».

17

Л. 17

Дай руку мне, дай руку Пери злая
Хоть раз еще приветливо взгляни,
Горячкой рифм восторг мой объясняя,
Влюбленного поэтом не брани

Ревнивые лишь с тем Хариты дружны,
Кто забывать для них готов весь свет.

Коль жителям Олимпа жертвы нужны
И сердца кровь, — плохой же я поэт.

Пусть музами навек оставлен буду,
Пусть Феб меня карает за грехи,
Под хохот твой я музу позабуду,
За поцалуй отдам я все стихи.

<Не позднее мая 1854 г.>

Пометы: карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «О<твергну-то>» (для *Сб1863*).

Датируется: условно, по положению в *Т 1* и дате цензурного разрешения первой публикации. Учитывая датировку «Приморских стихотворений» (см. примеч. к № 21—23), записанных другими чернилами, наиболее вероятным представляется датировать данное стихотворение весной 1854 г.

Впервые: *ОЗ*. 1854. № 6. С. 375—376 (ц. р.: 2 июня 1854 г.), вместе со стихотворением «Муза» («Не в сумрачный чертог наяды говорливой...»), подпись: «А. Фет»; с изменением в тексте в ст. 12 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 12: За поцалуй **я все отдам** стихи.

При жизни Фета не перепечатывалось.
В *ПССт1892* не включено.

18

Л. 18

Знакомке с юга

На север грустный с пламенного юга
Прекрасных дней прекрасная подруга
Ты мне привет отрадный принесла,
Но холодом полночным все убило
Что сердце там так искренно любило
И чем душа так радостно цвела.

О как бы я на милый зов ответил,
Там где луны встающей диск так светел
Где солнца блеск живителен и жгуч,
Где дышит ночь невыразимой тайной,
И теплятся над спящею Украйной
В лучах лазурных звезды из-за туч

И грезит пруд и дремлет тополь сонной
Вдоль туч скользя вершиной заостренной
Где воздух, свет и думы заодно
И грудь дрожит от страсти неминучей
И веткою все просится пахучей
Акация в раскрытое окно.

<Не позднее мая 1854 г.>

Пометы: карандашом справа от заглавия, над текстом: «I». Судя по расположению и цвету чернил (чуть более светлому), заглавие, возможно, вписано позднее.

Датируется: условно, по положению в *Т 1* и дате цензурного разрешения (5 июня 1854 г.) стихотворения «Ночь весенней негой дышит...», записанного позднее (см. л. 23). Учитывая время написания «Приморских стихотворений» (см. примеч. к № 21—23), записанных другими чернилами, наиболее вероятным представляется датировать данное стихотворение весной 1854 г. По всей видимости, обращено к А. Л. Бржеской.

Впервые: *ОЗ*. 1854. № 8. С. 339—340 (ц. р.: 4 августа 1854 г.), в подборке из шести стихотворений, под общим заголовком «Шесть стихотворений А. А. Фета», под номером «VI» (см. примеч. к № 1); с изменением огласовки в ст. 13 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 13: И грезит пруд, и дремлет тополь сонн**ы**й,

Включено:

Сб1856. С. 203: в разделе «Разные стихотворения», под номером «LVIII»; как в первой публикации, с изменениями в ст. 1, 8 и с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 4, 10 как в *Т 1*).

Ст. 1: На **С**евер грустный с пламенного **Ю**га,

Ст. 8: Там, где луны встающ**и**й диск так светел,

Сб1863. Ч. 1. С. 213: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XLIV»; как в *Сб1856*, с изменением в огласовке в ст. 13 (как в *Т 1*).

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

19

Л. 19

Осень

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали,
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера все спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится,
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад.
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь. Поневоле
Тяжело, хоть плачь!
Смотришь. Через поле
Перекати-поле
Прыгает как мяч.

<Не позднее мая 1854 г.>

Пометы: карандашом справа от заглавия, над текстом: «I».

Датируется: условно, по положению в *Т 1* и сопоставлению с датой цензурного разрешения (5 июня 1854 г.) стихотворения «Ночь весенней негой дышит...», записанного позднее (см. л. 23). Учитывая датировку «Приморских стихотворений» (см. № 21—23), записанных другими чернилами, наиболее вероятным представляется датировать данное стихотворение не позднее весны 1854 г.

Впервые: *Совр.* 1855. № 1. С. 6 (ц. р.: 31 декабря 1854 г.), вместе со стихотворением «На озере» («Над озером лебедь в тростник протянул...»), подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями.

Включено:

Сб1856. С. 166—167: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXVIII»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 8—9 как в *Т 1*).

Сб1863. Ч. 1. С. 185: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XIX»; как в *Сб1856*.

ПССт1892. Ч. 1: изначально в разделе «Разные стихотворения»; позднее в разделе «Осень».

20*

Л. 20

Я уезжаю. Замирает
В устах обычное прости.
Куда судьба меня кидает,
Куда мне грусть мою нести?
Молчу. Ко мне всегда жестокой
Я находить тебя привык
Но может быть в стране далекой
Мой вдруг развяжется язык.
В долине иногда прощаясь,
Крутой минувши поворот
Напрасно странник озираясь
Другого голосом зовет.
Но смерклось. Над стеною черной
Горят извивы облаков
И на горе с тропы нагорной
Ему прощальный слышен зов.

<Не позднее мая 1854 г.>

Варианты (поздняя правка):

Ст. 6: **Была ты много, много лет**

Окончат. вариант (*Была ты много, много лет*) вписан над *[Я находить тебя привык]*.

Ст. 8: **Я** вдруг **услышу твой привет**.

Окончат. варианты вписаны: *Я* над *[Мой]*, *услышу твой* над *[развяжется язык]*, *привет* под *[язык]*.

Ст. 15: И **там внизу** с тропы нагорной

Окончат. вариант (*там внизу*) вписан над *[на горе]*.
Вся правка внесена другими чернилами при подготовке *ВО 1*.

Пометы: карандашом в верхней части листа, по центру: «II».

Датируется: условно, по аналогии с предыдущим стихотворением (см. примеч. к № 19).

Впервые: *ВО 1*. С. 90, в разделе «Разные стихотворения», с делением на четыре строфы; с изменениями в тексте в ст. 6, 8, 15 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 6: **Была ты много, много лет;**
Ст. 8: **Я** вдруг **услышу твой привет**.
Ст. 15: И **там внизу** с тропы нагорной

Включено:
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

21

Л. 21

Приморские Стихотворения[а]

I*
<Вечер у взморья>[б]

Засверкал огонь зарницы
На гнезде умолкли птицы.
Тишина леса объемлет,
Не качаясь колос дремлет.
День бледнеет понемногу. —
Вышла жаба на дорогу

Посинели неба своды,
Успокоилися воды,
Встали тени великаны,
Закурилися поляны.
Мать готовит ск<р>омный ужин
Детям сон прохладный нужен.

<Вторая половина марта —
май 1854 г.>

<Варианты ст. 11—12:>

Пастухи готовят ужин.
Утомленным отдых нужен

<Не позднее 31 октября 1856 г.>

Л. 20 об.

<Вторая редакция 2-й строфы:>

2
Ночь светлеет и светлеет,
Под луною море млеет,
Различишь прилежным взглядом,
Как две чайки сидя рядом

[а] *Заглавие цикла зачеркнуто позднее карандашом.*
[б] *Заглавие стихотворения вписано другими чернилами позднее, очевидно при подготовке к первой журнальной публикации в 1856 г.*

Там на взморьи плоскодонном,
Спят на камне озаренном.

<Не позднее 31 октября 1856 г.>

Варианты (второй редакции):
Ст. 10: Как две чайки **севши** рядом
Окончат. вариант (*сидя*) вписан над *[севши]*.

Пометы (л. 21): I) чернилами коричневого цвета, отличными от тех, которыми записано стихотворение и название цикла (темно-серых) – 1) над заглавием цикла («Приморские стихотворения») – «Не вошло» (в *Сб1856*); 2) под заглавием цикла, поверх римской цифры «I» вписано заглавие стихотворения – «Вечер у взморья»; 3) под ним снова вписана цифра «1» (очевидно, номер строфы); 4) под 2-й строфой записан вариант ст. 11–12; 5) 2-я строфа и вариант ст. 11–12 перечеркнуты одной чертой слева-направо; II) карандашом – 1) зачеркнуто заглавие цикла; 2) над заглавием цикла вписано «5» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); 3) ниже, справа от заглавия стихотворения «Вечер у взморья»: «II».

Датируется: (как и весь цикл «Приморских стихотворений») предположительно, временем пребывания Фета на берегу Балтийского моря, куда поэт прибыл во второй половине марта, будучи с 8 марта 1854 г. «по случаю войны с Англиею, Франциею и Турциею» в составе «войск, охранявших берега Эстляндии» (см.: *РГИА*. Ф. 733. Оп. 121. № 775. Л. 6). Позднее поэт вспоминал об этом времени: «За целое лето у меня было достаточно времени присмотреться к морю во всех его бесконечно разнообразных видах. Нередко оно сажени на две ниже моей беседки, шагах в двадцати пяти от нее, лежало по целым дням без малейшей ряби, как отлично отполированное зеркало; затем начинало морщиться, стараясь тонкими всплесками добегать к окружающему его венку морских трав. В это время даль его уже заметно темнела и покрывалась белыми барашками. Затем волны все более принимали вид вздымающих шеи белоголовых коней Нептуна, гордо набегающих на берег, чтобы громко за каждым ударом разгребать на не звончатый хрящ. Последняя степень гнева Нептуна выражалась ударами ветра, разбрызгивающими на лету исполинские гривы валов, и грохотом самих волн среди прибрежных каменьев, по теснинам которых они, перемежаясь, воздымались фонтанами пены. Но возможно ли не только передать, но даже намекнуть на промежуточные переходы и оттенки между указанными главнейшими состояниями? Тут и красота моря, и море красоты! Ежедневная близость моря меня победила окончательно, чему свидетельством служат все мои приморские стихотворения, принятые в тогдашнее время тургеневским литературным кругом так сочувственно» (*МВ*. Ч. 1. С. 59). Верхняя граница устанавливается по дате цензурного разрешения (5 июня 1854 г.) стихотворения «Ночь весенней негой дышит...», записанного позднее (см. л. 23). Все три стихотворения, входящих в цикл «Приморские стихотворения», записаны другими (темно-серыми) чернилами. Варианты

ст. 11—12, записанные на л. 21, а также вторая редакция 2-й строфы датируются условно, по дате цензурного разрешения первой публикации. Правка (включая вторую редакцию 2-й строфы на л. 20 об.), по всей видимости, внесена во время подготовки первой журнальной публикации (в 1856 г.).

Впервые: *Совр.* 1856. № 11. С. 153 (ц. р.: 30 и 31 октября 1856 г.), под заглавием «Вечер у взморья», подпись: «А. Фет»; 2-я строфа во второй редакции; с пунктуационными изменениями; в этом же номере напечатано стихотворение «Ответ И. С. Тургеневу» («Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью...»).

Включено:
Сб1863. Ч. 1. С. 144: в разделе «Море», под номером «IV»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями.
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Море».

22

Л. 22

II

Жди ясного на завтра дня
Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

В заливе дремлют корабли,
Едва трепещут вымпела,
Далеко небеса ушли,
И к ним морская даль ушла

Так робко набегает тень
И тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь

<Вторая половина марта —
май 1854 г.>

Пометы: карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «II».

Автографы: предположительно в п. к А. Я. Панаевой (неизвестен). Принято считать, что именно об этом стихотворении Фет писал Н. А. Некрасову 27 июня

1854 г.: «Авдотье Яковлевне я послал стихотворение, о котором, как и о всех других, написанных на берегу морском, не знаю без Тургенева, хороши они или из рук вон» (см.: *Некрасов. Переписка.* Т. 1. С. 520).

Датируется: предположительно, по аналогии с предыдущим стихотворением из цикла «Приморские стихотворения» (см. примеч. к № 21).

Впервые: *Совр.* 1854. № 9. С. 12 (ц. р.: 31 августа 1854 г.), подпись: «А. Фет»; с изменением в тексте в ст. 10 и с пунктуационными изменениями; в этом же номере на с. 5—9 напечатан перевод из А. Мицкевича «Свитезянка» («Кто этот юноша скромный, прекрасный?..»).

Ст. 10: **Так** тайно свет уходит прочь,

Включено:

Сб1856. С. 162: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXV»; как в первой публикации, с пунктуационным изменением.

Сб1863. Ч. 1. С. 142: в разделе «Море», под номером «II»; как в *Сб1856.*

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Море».

23

Л. 23

III

Ночь весенней негой дышит,
Ветер взморья не колышет
Весь залив блестит как сталь,
Там над морем облаками,
Как ползущими горами
Разукрасилася даль.

Долго будет утомленный
Спать с Фетидой Феб влюбленной,
Но Аврора уж не спит
И смутясь блаженством бога
Из подводного чертога
С ярким факелом бежит

<Вторая половина марта —
май 1854 г.>

Пометы: карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «II».

Датируется: предположительно, по аналогии с двумя предыдущими стихотворениями из цикла «Приморские стихотворения» (см. примеч. к № 21).

Впервые: *Совр*. 1854. № 6. С. 222 (ц. р.: 5 июня 1854 г.), без деления на строфы, подпись: «А. Фет»; с изменением в тексте в ст. 4, с изменением в огласовке в ст. 8 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 4: **И** над морем облаками,

Ст. 8: Спать с Фетидой Феб влюбленн**ы**й,

Включено:

Сб1856. С. 161: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XXIV»; как в первой публикации, с пунктуационным изменением.

Сб1863. Ч. 1. С. 141: в разделе «Море», под номером «I»; как в *Сб1856*, с пунктуационным изменением.

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Море».

24

Л. 24

<*Первая редакция*:>

Сон Поручика Лосева

I

Мне не спалось. Томителен и жгуч
Был темный воздух словно в устьях печки.
Но все я думал: сколько хочешь мучь
Бессонница, а не зажгу я свечки.
Из ставень в стену падал лунный луч
В резные прорываяся сердечки
И шевелясь, как будто ожило
На люстре все трехгранное стекло.

II

Вся зала... В зале мне пришлось с походу
Спать в качестве служащего лица.
Любя в домашних комнатах свободу,
Хозяин в них не допускал жильца.
И, указав мне залу, по отводу,
Просил ходить с парадного крыльца.
Я очень рад был этой благодати —
И поместился на складной кровати.

III

Не много в Дерпте есть таких домов,
Где веет жизнью средневековою,
Как наш. И я признаться был готов

Своею даже хвастаться судьбою,
Не выношу я низких потолков...
А тут как купол своды надо мною.
Кольчуги, шлемы, ветхие портреты
И всякие отжившие предметы

Л. 24 об.

IV

Но ко всему привыкнешь. Я привык
К немного строгой сумрачной картине
Хозяин мой — уживчивый старик,
Жил вдалеке на новой половине
Все в доме было тихо. Мой денщик
В передней спал — забыв о господине.
Я был один — мне было душно, жарко
И стекла люстры разгорались ярко.

V

Пора была глухая. Все легли
Давно на отдых Улицы пустели
Два-три студента под окном прошли
И gaudeamus igitur пропели
Потом опять все замерло вдали
Один лишь я томился на постели
Недвижный взор мой, словно очарован
К блестящим стеклам люстры был прикован.

VI

На ратуше в одинадцатый** раз
Дрогнула медь уклончиво и туго.
Ночь стала, так тиха, что каждый час
Дрожал как голос нового испуга
Гляжу на люстру. Свет ее не гас
А ярче стал средь радужного круга
Круг этот рос в глазах моих, и зала
Вся пламенем лазурным засияла

Л. 25

VII <VIII>[a]

Но вот иные лица. — Что за взгляд?
В нем жизни блеск и неподвижность смерти.

---

[a] *Здесь и далее в угловых скобках дан номер строфы по счету окончательной редакции.*

Арапы, трубочисты, — и наряд
Какой-то пестрый дикий — Что за черти?
«У нас сегодня праздник, маскарад»,
Сказал один преловкий: «Но поверьте,
Мы вежливы, хотя и беспокоим,
Не спится вам — так мы здесь бал устроим.

VIII <IX>

Эй! живо там проклятые! Позвать
Сюда оркестр — да вынесть форт<е>пьяны
Светло и так достаточно». Я глядь
Вдоль стен под своды пальмы, да бананы
И виноград под ними наклонять
Стал злак ветвей. По всем углам фонтаны
В них радуга и пляшет и смеется
Таких балов вам видеть не придется.

IX <X>

Но я подумал, если не умру
До завтрашнего дня, что может статься.
То выкину им штуку поутру
Пусть будут немцы надо мной смеяться
Пусть их смеются; но не по нутру
Мне с господами этими встречаться.
И этот бал мне вовсе не потребен —
Пусть батюшка здесь отпоет молебен.

X <XI>

Как завопили все: «За что же гнать
Вы нас хотите. Без того мы нищи!
Наш бедный клуб! ужели притеснять
Нас станете вы в нашем же жилище
«Дом разве ваш?» — Да! Ночью. Днем мы спать
Уходим на старинное кладбище.
Приказывайте, все что вам угодно
Мы в точности исполним благородно.

Л. 25 об.

XI <XII>

Хотите славы? — слава затрубит
Про Лосева поручика повсюду.
Здоровья? Врач наш так вас закалит,
Что плюйте и на зной и на простуду

Богатства? Вечно кошелек набит
Ваш будет. Денег натаскаем груду
Неси сундук. Раскрыли. Ярче солнца
Всё золотые блещут в три червонца.

XII <XIII>

Что? мало что ли? Эти вороха
Мы просим вас считать ничтожной платой
Смотрю — кой черт? Да что за чепуха?
А впрочем, что ж. Они народ богатой.
Взяло раздумье — Долго ль до греха!
Ведь соблазнят — уж род такой проклятой
Брать, иль не брать? Возьму — чего я трушу
Ведь не контракт, не продаю им душу.

XIII <XIV>

Так стало быть все это забирать?
Но от кого я вдруг разбогатею!!
О! что б сказала ты? кого назвать
При этих грешных помыслах не смею!
Ты! дней моих минувших благодать!
Тень, пред которой я благоговею
Хотя бы ты мой разум озарила
Но ты давно безгрешная почила.

Л. 26

XIV <XV>

«Вам нужно посоветоваться. Что ж?
И это можно. Мы на все артисты.
Нам к ней нельзя. Наш брат туда не вхож.
Там страшно. Ведь и мы не атеисты.
Зато живых мы ставим ни во грош
Вы например, кажись не больно чисты —
Мы вам покажем то, что видим сами,
Хоть с ужасом, духовными очами!

XV <XVI>

Вон! Вон отсюда крикнул старший. Вдруг
Исчезли все, юркнув в одно мгновенье.
И до меня донесся светлы<й> звук,
Как утреннего жаворонка пенье,
Да шорох шелку. Ты ли это друг
Отрадное, прекрасное виденье.

Твою улыбку нежное созданье!
Хранит такой мое воспоминанье.

XVI <XVII>

Дай руку мне! Как дивно хороши!!
И мне она: поднявши перст лилейной;
«Теперь волненье сердца утиши»,
Сказала кротко речью тиховейной.
И я умолк — и в глубь моей души
Стал проникать восторг благоговейной.
Уста ль ее слова произносили,
Иль мне глаза их в душу доносили?

Л. 26 об.

XVII <XVIII>

«Мой путь окончен. Ты еще живешь
Еще любви в груди твоей так много
И если смело, честно ты пойдешь,
Еще светла перед тобой дорога.
Тоской о прошлом, только ты убьешь
Те силы, что даны тебе от Бога.
Бесплотный дух, к земному не ревнуя,
Не для себя уже тебя люблю я.

XVIII <XIX>

Ты помнишь ли на юге тень ветвей
И свет пруда подобный блеску стали,
Беседку, стол, скамью в конце ал<л>ей —
Цветущих лип вершины трепетали.
Ты мне читал Онегина — смелей
Дышала грудь твоя, глаза блистали.
Полудитя — сестра моя влетела
Как бабочка и рядом с нами села.

XIX <XX>

«А счастье было, говорил поэт,
Возможно так и близко» — Ты ответил
Ему едва заметным вздохом. Нет!
Нет! никогда твой взор так не был светел
И по щеке у Вари свежий след
Слезы прошел. Но ты, ты не заметил
Да! Счастья было в этот миг так много,
Что страшно больше и просить у Бога.

Л. 27

XX

Но дальше, — дальше темный сон унес
Блаженство. В час невыносимой муки
Я Варю обняла. Она, от слез
Едва дыша, мне целовала руки.
«Не умирай! — Среди житейских гроз
Не покидай меня» — Молили звуки.
«Лишь он один — кем сердце втайне дышит...
Но он меня не знает и не слышит.

XXI

Теперь ты понял все — Не омрачи
Последнего свиданья малодушно.
Она страдает. Каждый год врачи
Ее шлют на воды, она послушно
Стакан свой топит в шумные ключи.
Но ты ее спасешь великодушно.
Ее ты в жизни скоро, скоро встретишь.
И в этот раз, поверь, уже заметишь.

XXII

«А этого», — и нежный звук речей
Я слышу перешел в оттенок строгой,
«Хоть собственную душу пожалей —
И грешного сокровища не трогай
Уйди от них — и не забудь: смелей
Ступай вперед открытою дорогой.
Прощай. — Прощай» — и вкруг моей постели
Опять толпой запрыгали, запели.

Л. 27 об.

<X>XIII[6] <XXIV>

Вот стало тихо. Но во мглу понес
Челнок меня и стала мучить качка.
И вижу я с любовью лижет нос
Мне белая какая-то собачка —
Уж тут не помню. — Утро занялось
И говорят, что у меня горячка

[6] *Очевидно, описка.*

Была дней шесть. Оправившись помалу
Я съехал — и чертям оставил залу.

<1855 г. — не позднее 27 апреля 1856 г.>

Л. 26 об.

<*Рукой Фета карандашом ст. 135—136*:>

Бесплотный дух, к земному не ревнуя
Не для себя уже тебя люблю я

Л. 29

<Замечания А. В. Дружинина к «Сну Поручика Лосева»>

(1) Надобно бы придать явлению призраков более картинности и фантастической жилки. Одна строфа, если ее прибавить, не будет лишнею.[в]

(2) Больше, больше страсти! Прочтите в «Манфреде» ту сцену, когда перед Манфредом вызывают тень Астарты.[г]

Стихи

Твою улыбку, нежное созданье
Хранит такой мое воспоминанье

вялы и прозаичны.

(3) Общий тон ее речи очень хорош, но есть путаница в рассказе. Лучше упростить его и даже зарю изгнать. Вообще при фантастическом разговоре не надо многословия.[д]

(4) Эта строфа хороша, но Вы можете сделать ее во сто раз лучше. Уловите особенности горячешного** бреда и передайте их рельефнее.[е]

Л. 29 об.

/ Общее впечатление всей вещи истинно поэтично, понятно, законно, правильно. Недостатки подробностей затемняют достоинство целого, и потому всякая исправленная строка подействует вдвойне — и сама по себе, и по своему отношению к целой сцене.

А. Др.

<Конец апреля 1856 г.>

[в] *Относится к строфам VII—VIII (см. л. 25).*

[г] *Относится к строфам XV—XVI (см. л. 26).*

[д] *Относится к строфе XVII (см. л. 26 об.).*

[е] *Относится к строфе <X>XIII (см. л. 27 об.).*

Л. 30
<*Вторая редакция*:>

VII стр<офа> **Сон**

О ужас! В блеске трепетных лучей
Всё желтые скелеты шевелятся;
Без глаз, без щёк, без носа, без ушей
И скалят зубы и ко мне толпятся.
Прочь! прочь. Не нужно мне таких гостей
Ни шагу ближе. — Буду защищаться
Я вот как вас. Ударом полновесным
По призракам махнул я бестелесным

XVI

Вон, вон отсюда! крикнул старший. Вдруг
Исчезли все, юркнув в одно мгновенье
И до меня донесся светлый звук,
Как утреннего жаворонка пенье
Да шорох шелку. Ты ли это друг?
Постой! прости невольное смущенье.
Все это сон, какой-то бред напрасный.
Так, так я сплю и вижу сон прекрасный

XVII

О нет не сон и не обман пустой
Ты воскресила сердца злую муку.
Как ты бледна, как лик печален твой
И мне она подняв тихонько руку:
Утишь порыв души твоей больной
Сказала кротко. Сладостному звуку
Ее речей внимая с умиленьем
Пред светлым весь я трепетал виденьем.

XXI

С какой тоской боролась жизнь моя
Со дня разлуки, от тебя не скрою
Перед кончиной лишь узнала я,
Как нежно ты любим моей сестрою.
В безвестной грусти, слезы затая
Она томится робкою душою.
Но час настал. Ее ты скоро встретишь
И в этот раз поверь уже заметишь

Л. 30 об.

XXIII

Проворно каждый подбежит и мне
Трескучих звезд в лицо пригоршню бросит.
Как мелкий иней светятся оне
Колеблются и ветер их разносит.
Но бросят горсть — и я опять в огне
И нет конца — никто их не упросит
Шумят, хохочут едкой злобы полны
И зашатались сами, словно волны.

<Начало мая (до 7) 1856 г.>

Варианты (первой редакции):

Ст. 40: К блестящим стеклам **лампы** был прикован.
Окончат. вариант (*<л>юстры*) вписан над *л[ампы]*.

Ст. 49: **Какие лица? сколько?** Что за взгляд?
Окончат. вариант (*Но вот иные лица. —*) вписан над *[Какие лица? сколько?]*.

Ст. 55: Мы вежливы, **мы вас не** беспокоим,
Окончат. вариант (*хотя и*) вписан над *[мы вас не]*.

Ст. 119—121: Твою улыбку **кроткое** созданье!
Хранит **вот так** мое воспоминанье.
XVI
О, дай мне руку, друг моей души!
В ст. 119 вариант (*нежное*) вписан над *[кроткое]*; в ст. 120 вариант (*такой*) вписан над *[вот так]*. Ст. 121 (*О, дай мне руку, друг моей души!*) подчеркнут чернилами и внизу листа, под текстом вписан его промежуточный вариант.

Ст. 135—136: **Лишь солнце греет — солнцем над тобою**
Нельзя мне быть — Пусть буду я луною.
Окончат. вариант ст. 135 вписан над строкой, ст. 136 — под строкой.

Ст. 153: Но дальше**?** — дальше темный сон унес
Исправлено в тексте.

Ст. 159: «Лишь он один — кем сердце тайн**о** дышит...
тайно исправлено на *в<тайн>е* в тексте.

Варианты (второй редакции):

Ст. 121: Вон**!** вон отсюда! крикнул старший. Вдруг
Исправлено в тексте.

Пометы:

I) А. А. Фета: 1) л. 24 — карандашом в правом верхнем углу, над текстом: «О<твергнуто>» (в *Сб1863*), подчеркнуто; 2) л. 24 — теми же чернилами, что и стихотворение, в ст. 21 вписано под неразборчивым и зачеркнутым «[Не выношу]» повторно «Не выношу»; 3) л. 30 об. — под текстом слева синим карандашом «h<e>r<au>sg<egeben?>» (издано — *нем.*).

II) А. В. Дружинина карандашом:

1) л. 25 — слева вертикальной чертой отчеркнуты строфы VII и VIII, против первого стиха строфы VII слева проставлена сноска «(1)», отсылающая к замечаниям Дружинина на л. 29;

2) л. 26 — слева вертикальной чертой отчеркнуты три последних стиха строфы XV и строфа XVI, проставлена сноска «(2)», отсылающая к замечаниям Дружинина на л. 29; подчеркнуты окончания ст. 122 (*перст лилейной*) и 123 (*тиховейной*), по-видимому как неудачные и нуждающиеся в переделке;

3) л. 26 об. — слева от строфы XVII проставлена сноска «(3)», отсылающая к замечаниям Дружинина на л. 29; подчеркнут ст. 152 и справа от него проставлена сноска «(×)», отсылающая к нижней части листа, где под вариантом ст. 135—136, записанным рукой Фета, проведена черта и записана сноска «(×) великолепный стих».

4) л. 27 — слева вертикальной чертой отчеркнуты строфы XX и XXI, под ними приписано: «темно и длинно»; подчеркнуто окончание ст. 158 (*Молили звуки*) и справа от него проставлен «(?)».

5) л. 27 об. — слева вертикальной чертой отчеркнута строфа <X>XIII и проставлена сноска «(4)», отсылающая к замечаниям Дружинина на л. 29.

Датируется (первая редакция): предположительно 1855 г. — не позднее апреля (до 27) 1856 г. 27 апреля 1856 г. Фет читал поэму у А. В. Никитенко, который на следующий день записал в дневнике: «Вчера вечером читал у меня Фет свою фантастическую повесть в стихах. Стихи хороши: есть картины, образы, но мысли никакой. Эти поэты думают, что можно писать без всякой определенной идеи, что отыскать или привить эту идею к сочинению есть дело читателя, а не автора. Я высказал последнему то, что думал, а также и догадку, какую можно иметь о том, что автор хотел сказать. Он удивился, что тут ищут мысли. Панаев был одного мнения со мной» (*Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. Л., 1955. Т. 1. С. 437—438). Закончив работу над поэмой, Фет передал ее Дружинину, который на полях и на свободном листе в тетради вписал свои замечания и рекомендации. Фет отредактировал поэму и выслал ее снова Дружинину 7 мая 1856 г.: «Из прилагаемого листа Вы убедитесь, что „Сон" переправлен по заметкам Вашим — и, кажется, уже не заслуживает тех справедливых упреков, которые Вы выставили на полях этого рассказа. Я попрошу Вас прочесть его со вниманием в новом виде, и если он Вам понравится — подпишите: *Хорошо — Дружинин* и передайте Краевскому, с которым я уже об нем условился. Если же найдете снова что-нибудь *невозможное*, отметьте на полях и отдайте Давыдову книгопродавцу — для немедленного доставления ко мне. Я его, т. е. „Сон", снова переправлю по Вашему указанию. Но, по крайнему моему пониманию, теперь все в нем есть: и поэтическая правда, и ясность хода, и самый механизм стиха. А впрочем, кто его знает» (*Письма к Дружинину.* С. 335). Таким образом, замечания А. В. Дружинина датируются предположительно концом апреля, а вторая редакция отдельных строф поэмы, записанная Фетом на л. 30 и 30 об., началом мая 1856 г.

Впервые: *ОЗ*. 1856. № 9. С. 1—7 (ц. р.: 1 сентября 1856 г.), под заглавием «Сон» (в оглавлении: «Сон. Стих. А. А. Фета»), с эпиграфом из французского

перевода поэмы Байрона «Манфред» (*Nemésis*. Muette encore! Elle n'est pas des nôtres: elle appartient aux autres puissances. („Manfred“). Byron» (слова Немезиды из 4-й сцены II акта; в переводе Д. Н. Цертелева: «Молчит! Она принадлежит не нам — / Другим подвластна силам»; у И. А. Бунина: «Молчанье! / Бессильны мы, — над нею власть имеют / Другие духи»); подпись: «А. Фет»; в составе 24 строф, с добавлением двух новых строф (VII и XXIII по новой нумерации) и исключением строфы XIX (по первоначальной нумерации), повлекшим за собой изменения в нумерации строф; строфы VII, XVI, XVII, XXI, XXIII (по новой нумерации) во второй редакции; с изменениями в тексте в ст. 44 (строфа VI), ст. 88/96 (строфа XI/XII), ст. 108/116 (строфа XIV/XV), ст. 177/185 (строфа XXIII/XXIV), с изменениями в огласовке в ст. 92/100, 94/102 (строфа XII/XIII), ст. 170 (строфа XXII) и с пунктуационными изменениями.

Ст. 44:	**Звучал**, как голос нового испуга.
Ст. 88/96:	Всё золотые, **весом** в три червонца
Ст. 92/100:	А впрочем, что ж? они народ богат**ы**й.
Ст. 94/102:	Ведь соблазнят. Уж род такой проклят**ы**й.
Ст. 108/116:	Там страшно. Ведь и мы **же** атеисты.
Ст. 125:	Да шорох шелк**а**. Ты ли это, друг?
Ст. 170:	Я слышу перешел в оттенок строг**о**й,
Ст. 177/185:	Вот **приутихли**. Но во мглу понес

При жизни Фета не перепечатывалось.
В *ПССт1892* не включено.

25

Л. 28
<*Первая редакция*:>

Одинокий Дуб*

Смотри! синея друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои.
Зачем же тенью благотворной
Все кружишь ты старик упорной
По рубежам родной земли.

Когда ж неведомым страданьям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплют твой венец?

Иль, под изрытою корою,
Ты полон силой молодою?
Так старый витязь — сверстник твой
Не остывал душой с годами,
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной бронёй.

Все дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя незримым ходом
Ползет простор твоих корней
И в их кривые промежутки
Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.

Л. 28 об.

Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветр несет в дубровы
Твои поблеклые листы,
С ним вести на простор широкой,
Что жив их пращур одинокой,
Ко внукам посылаешь ты.

<*Не позднее конца апреля 1856 г.*>

Л. 27 об.

<*Вторая редакция ст. 4—12*
(редакция Совр), карандашом:>

Один лишь ты — старик упорной
Кидаешь тенью благотворной
По тем же рубежам земли

Вотще веков минувших сила
Твою вершину обнажила
[Но свеж]
Ты непреклонен до конца
И долго долго будут годы
Рукой ————————
Рвать зелень пышного венца

<*Окончат. вариант ст. 5—6, карандашом*:>

От зноя тенью благот<ворной>
Хранишь межи родной земли

Варианты:

Ст. 11 (*начато*): Рукою

Исправлено в тексте (очевидно, описка).

Ст. 13—14: **И**, под изрытою корою,
Ты полон силой молодою**.**

В ст. 13 первая запятая (после *И*) проставлена чернилами позднее записи текста стиха. В ст. 13 окончат. вариант (*И*) вписан карандашом над *[Иль]*; в ст. 14 вопросительный знак зачеркнут карандашом. Исправления карандашом внесены, очевидно, при подготовке первой журнальной публикации.

Ст. 15 (*начато*): В<от?>

Исправлено в тексте.

Варианты (ст. 4—12 редакции *Совр*):

Ст. 4: **Лишь ты один** — старик упорной

Ст. 7: **Веков губительная** сила

Ст. 10: И долго **будут тщетно** годы

Ст. 12: **Касаться** пышного венца

Варианты (окончат. ст. 5—6):

Ст. 6: Хранишь [*начато*: р<одной>]

Возможно, описка.

Пометы (л. 28): карандашом слева от заглавия, над текстом: «N<е вошло?>» (в *Сб1856*), справа — «40» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), «I».

Датируется: первая (и окончательная) редакция, записанная на л. 28, была перебелена в *Т 1* предположительно не позднее 20-х чисел апреля 1856 г., так как замечания А. В. Дружинина, относящиеся к поэме «Сон поручика Лосева» (записанной перед ней на л. 24—27 об.) и датирующиеся, по-видимому, не ранее 27 апреля 1856 г. (даты чтения Фетом поэмы у А. В. Никитенко, после которого тетрадь была отдана Дружинину), внесены уже на л. 29. 7 мая Фет отослал Дружинину поправленный по его замечаниям из *Т 1* вариант поэмы. Учитывая, что Дружинину требовалось некоторое время на прочтение поэмы и внесение замечаний, а Фету — для исправления текста, предложенная датировка представляется вполне обоснованной. Не противоречит ей и дата цензурного разрешения первой публикации. Записав стихотворение на лицевом и оборотном листе, Фет, возможно по замечаниям кого-то из своих литературных советчиков, близких к кругу «Современника», переделал окончание первой строфы и вторую строфу (ст. 4—12). Новая редакция, близкая к первой журнальной публикации, записана на обороте предыдущего листа (л. 27 об.). Сложно согласиться с утверждением, что данная редакция является ранней (см.: *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 468—469). Этому противоречит не только тот факт, что якобы поздняя редакция записана на лицевой стороне листа не позднее конца апреля 1856 года, но и особенности самого чернового автографа. Он содержит только те стихи, которые подверглись переработке. Именно поэтому

в нем отсутствуют ст. 1—3, только начат и недописан ст. 11, оставшийся в новой редакции без изменений. Подтверждает это предположение и наличие карандашных исправлений в беловом автографе, которые были сделаны именно при подготовке стихотворения к публикации в «Современнике». Другое дело, что при составлении *Сб1863* Фет вернулся к первоначальной редакции.

Впервые: *Совр.* 1856. № 5. С. 142 (ц. р.: 30 апреля 1856 г.), подпись: «А. Фет»; ст. 4—10, 12 во второй редакции; с изменением в тексте в ст. 6, с пунктуационными изменениями.

Ст. 5—6: От зноя тенью благотворной
Хранишь меж**у** родной земли.

Включено:

Для легкого чтения: Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1857. Т. 6. С. 160—161 (ц. р.: 25 июля 1857 г.), под общим заглавием «Два стихотворения А. А. Фета», под номером «I», вместе со стихотворением «Ивы и березы» («Березы севера мне милы...»); в редакции *Совр.*

Сб1863. Ч. 1. С. 19—20: в разделе «Элегии», под номером «XV»; в первой редакции, с пунктуационными изменениями.

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Элегии и думы».

26

Л. 28 об.
<*Карандашом*:>

<**Из Гафиза**>

О если бы озером был я ночным
А ты луною по нем плывущей
О если б потоком я был луговым
А ты травинкой над ним растущей
О если бы розовым был я кустом
А ты бы розой на нем цветущей
О если бы сладостным был я зерном
А ты бы птичкой его клюющей

*<Вторая половина сентября —
первая половина ноября 1859 г.>*

Варианты:

Ст. 2: А ты луною по <*начато*:> неб<у? плывущей>
<*не*>*м* вписано над строкой.

Ст. 4: А ты бы травинкой над ним растущей
бы зачеркнуто.

Пометы: карандашом слева от ст. 1: «III».

Перевод стихотворения Г.-Ф. Даумера «O wär' ich ein See, so spiegelhell...».

Датируется: предположительно, временем работы над переводом из Гафиза, к которому Фет приступил сразу после того, как И. С. Тургенев в середине сентября 1859 г. привез ему издание Г.-Ф. Даумера. К 4 октября 1859 г. Фет, как следует из его письма к А. В. Дружинину, перевел уже 18 стихотворений. Часть из них он отправил своим корреспондентам для ознакомления, планируя опубликовать подборку переводов из Гафиза в «Библиотеке для чтения» (*Письма к Дружинину.* С. 340). Хотя нет точных сведений о том, что среди них было и данное стихотворение, можно предполагать, что оно было одним из первых переведенных.

Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 27, в составе 26 (фактически 24, так как два из них заменены на отточия по цензурным соображениям) переводов из Гафиза, под номером «II», с делением на четыре двустишия, подпись (общая): «А. Фет»; с изменениями в графике строф, с изменением в тексте в ст. 4 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 4—8: А ты **былинкой**, над ним растущей!

Включено:

Сб1863. Ч. 2. С. 209—210: в разделе «V. Гафиз», под номером «II», без деления на строфы, с графикой строф как в *Т 1*; с изменениями как в первой журнальной публикации.

ПССт1892. Ч. 2 (Переводы и две поэмы): в разделе «Из Гафиза».

27

Л. 28 об.
<*Карандашом*:>

<Из Гёте>

Слово девой назовем
Новобрачным дух
Этот брак тому знаком,
Кто Гафизу друг.

<Вторая половина сентября —
ноябрь 1859 г.>

Пометы: карандашом слева от ст. 1: «III».

Перевод стихотворения «Sei das Wort die Braut genannt...» из «Западно-восточного дивана» (Книга Гафиза).

Датируется: предположительно временем работы над переводом из Гафиза (см. примеч. к № 26). Поскольку над предисловием к циклу Фет, очевидно, работал уже по завершении основной части переводов из Гафиза, наиболее вероятным представляется датировать данный перевод ноябрем 1859 г.

Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 25 (ц. р.: 31 января 1860 г.), в качестве эпиграфа к <Предисловию> к переводу из Гафиза; с изменениями в тексте в ст. 1, 3 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 1: **Девой — слово** назовем,
Ст. 3: **С этим браком тот** знаком,

Включено:
Сб1863. Ч. 2. С. 27: в разделе «V. Гафиз», в качестве эпиграфа к предисловию «Несколько слов о Гафизе»; как в первой публикации.

28*

Л. 31

Золотой век

Auch ich war in Arkadien geboren
<Schiller>[a]

Я посещал тот край обетованный,
Где между скал златой пронесся век,
Где розами и миртами венчанный
Под сению дерев благоуханной
Блаженствовал незлобный человек.

Леса полны поныне аромата,
Долины те ж и горные хребты;
Еще досель в прозрачный час заката
Глядит скала, сиянием объята
На пену волн Эгейских с высоты

Под пихтою душистой и красивой,
Под шум ручьев, разбитых об утёс
Отрадно верить, что Сатурн ревнивой
Над этою долиною счастливой
Век золотой не весь еще пронес.

Как будто бы за тем кустом колючим
Румяных роз, где лавров тень легла,

[a] Schiller — *вписано другими чернилами позднее.*

Дыханьем дня распалена горючим
Лобзаниям то долгим, то летучим
Менада грудь и плечи предала.

Л. 31 об.

Но что за шум? За девой смуглолицей
Вослед толпа. Все празднично кругом.
И гибкий тигр с пушистою тигрицей,
Неслышные, в ярме пред колесницей
Идут, махая в<е>село хвостом.

А вот и он красавец ненаглядной
Среди толпы ликующих, — Лией,
Увенчанный листвою виноградной,
Любуется спасенной Ариадной —
Бессмертною избранницей своей

У колеса, пускаясь вперегонку,
Нагие дети пляшут и шумят;
Один приподнял пухлую ручонку
И — крови не вкусившему тигренку
Дает лизать пурпурный виноград.

Вино из рога Бог, с лукавым ликом
Льет на толпу, сам весел и румян,
И хохоча в смятеньи полудиком,
Вакханка быстро отвернулась с криком
И от струи подставила тимпан.

<Конец апреля — не позднее 7 мая 1856 г.>

Л. 31

<*Окончат. вариант ст. 2, другими чернилами, с правкой карандашом*:>

[светил]
+ Где золотой [сиял] когда-то век,
блистал

Л. 31 об.

<*Варианты ст. 40*:>

на
[Разбив струю] о [поднятый] <тимпан>.
[Приняв]

Варианты (поздней правки, очевидно при подготовке публикации в *Совр*):

Ст. 2: *а.* Где **золотой сиял когда-то** век,
б. Где золотой **светил** когда-то век
в. Где золотой **блистал** когда-то век

Варианты ст. 2 записаны под текстом на л. 31. Вариант 2б (*светил*) вписан над *[сиял]*, окончат. вариант (*блистал*) вписан под *[сиял]* сначала карандашом, затем чернилами.

Ст. 16: **И, чудится,** за тем кустом колючим

Окончат. вариант (*И, чудится,*) вписан над *[Как будто бы]* другими чернилами.

Ст. 40: *а.* **Разбив** струю **о поднятый** <тимпан>.
б. **Приняв** струю **на** поднятый <тимпан>.
в. И от струи **приподняла** тимпан.

Вариант 40а записан под текстом на л. 31 об.; вариант 40б записан тут же под (*Приняв*) и над (*на*) строкой. Окончат. вариант (*приподняла*) вписан в основном тексте над *[подставила]* сначала карандашом, затем обведен чернилами.

Пометы (л. 31): I) в верхней части листа: 1) чернилами — справа от заглавия: «С<овременник>» (место первой публикации); слева от заглавия (красновато-коричневыми чернилами, другим пером): «Nе бы<ло>» (напечатано в *Сб1856*), подчеркнуто; теми же чернилами вписано имя «Schiller» под текстом эпиграфа; 2) карандашом — справа от заглавия, над эпиграфом: «9» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), «II»; II) в нижней части листа чернилами справа от вариантов ст. 2: «V <т. е. В> Совр<еменнике>» (место первой публикации); III) карандашом подчеркнут ст. 2, слева от него чернилами проставлен «×» («крестик»), отсылающий к вариантам ст. 2, которые записаны в нижней части листа, позже «×» залит чернилами.

Датируется: предположительно, по письму к А. В. Дружинину от 7 мая 1856 г., в котором Фет сообщал: «...я, помня свое обещание, уже приготовил для Вас стихотворение под названием „Золотой век“, которое нынче посылаю на суд к Тургеневу. В нем 40 стихов, и потому его здесь не выписываю для Вас. <...> Кажется, стихотворение таково, что не стыдно явиться для первого дебюта в журнале (имеется в виду «Библиотека для чтения». — *В. Л.*). А впрочем, не знаю. Вы знаете, я плохой ценитель собственных стихов» (*Письма к Дружинину.* С. 336). Правка, очевидно, вносилась в текст в несколько этапов. Сначала была внесена правка чернилами (более темными, чем основной текст стихотворения): ст. 2 отмечен крестиком и в нижней части л. 31 вписан новый вариант (2а и 2б), внесена правка в ст. 16, на л. 31 об. под текстом стихотворения внесены варианты ст. 40 (40а и 40б). Позже (по-видимому, при подготовке первой журнальной публикации) ст. 2 был подчеркнут карандашом, а в выписанный внизу листа вариант внесена окончательная правка карандашом, продублированная чернилами (вариант 2в). Теми же чернилами, скорее всего, внесены пометы в верхней части листа: «Nе бы<ло>» и «Schiller». Тогда же была внесена окончательная правка в ст. 40 — сначала карандашом, затем обведена чернилами (вариант 40в).

Впервые: *Совр.* 1857. № 1. С. 7—8 (ц. р.: 31 декабря 1856 г.), вместе со стихотворением «Под небом Франции, среди столицы света...», подпись: «А. Фет»;

в этом же номере опубликовано стихотворение «Горное ущелье» («За лесом лес, и за горами горы...»); ст. 2, 16, 40 в окончат. редакции; с изменением огласовки в ст. 13 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 2: Где золотой блистал когда-то век,
Ст. 13: Отрадно верить, что Сатурн ревнив**ы**й
Ст. 16: И, чудится, за тем кустом колючим
Ст. 40: И от струи приподняла тимпан.

Включено:
Сб1863. Ч. 1. С. 130—131: в разделе «Антологические стихотворения», под номером «XVI»; как в первой публикации, с изменением в огласовке в ст. 1, 3, с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 7, 13, 21, 25, 31 как в *Т 1*).
Ст. 1: Я посещал тот край обетованн**о**й,
Ст. 3: Где розами и миртами венчанн**о**й,
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Антологические стихотворения».

29

Л. 32

[**Благословенной тени**]

В благословенный день, когда стремлюсь душою
В блаженный мир любви, добра и красоты,
Воспоминание выносит предо мною
    Нерукотворные черты.

Пред тенью милою коленопреклоненый**
В слезах молитвенных я сердцем оживу
Я снова трепещу, тобою просветленный
    Но все тебя не назову.

И тайной сладостной душа моя мятется.
Когда ж окончится земное бытие
Мне Ангел кротости и грусти отзовется
    На имя нежное твое.

<Май — не позднее 4 июня 1856 г.>

Варианты:
Заглавие: *а.* <Благо>датной <тени>
б. Тени
в. Без заглавия.

Ст. 7: **И** снова трепещу, тобою просветленный
Окончат. вариант (*Я*) вписан поверх *И*.

Ст. 9: **Пусть** тайной сладостной душа моя мятется,
Окончат. вариант (*И*) вписан над *[Пусть]*. Запятая в конце стиха исправлена на точку в тексте.

Ст. 11: Мне Ангел кротости и грусти **улыбнется**
Окончат. вариант (*отзовется*) вписан под *[улыбнется]*.

Пометы: 1) чернилами — в верхней части листа справа, над заглавием: «От<ечественные> З<аписки>» (место первой публикации); слева от заглавия, наискосок (красновато-коричневыми чернилами, другим пером): «Ne б<ыло>» (напечатано в *Сб1856*); теми же чернилами зачеркнуто слово «тени» в заглавии; 2) карандашом — над заглавием: «17» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); справа от заглавия: «II»; слева от первого стиха: «×» («крестик»), означающий, что стихотворение не было напечатано (по-видимому, в *Сб1856* и *Сб1863*).

Датируется: условно маем — не позднее 4 июня 1856 г., по положению в *Т 1* и дате цензурного разрешения (4 июня 1856 г.) первой публикации стихотворения «Тень» («Башня лежит...»), записанного позднее (см. л. 36). Последовательность внесения правки в заглавие восстановить затруднительно. Возможно, сначала предполагался вариант «Благодатной тени» (правка над текстом карандашом), затем прилагательное было зачеркнуто карандашом, что позволяет предположить следующий вариант заглавия: «Тени». Данная правка может относиться к тому времени, когда стихотворение планировалось опубликовать в одном из журналов. Оно могло быть среди тех, которые Фет оставил Дружинину перед отъездом за границу. Точно таким же образом, например, внесена правка в заглавие стихотворения, записанного на следующем листе: «Е. П. К—у» (см. примеч. к № 30). Однако в дальнейшем, возможно при подготовке первой публикации в «Отечественных записках», Фет окончательно отказался от заглавия, зачеркнув «тени» чернилами. Такими же чернилами внесена помета «Ne б<ыло>». К этому времени, по-видимому, относится правка чернилами в тексте стихотворения. Предположительно посвящено Марии Лазич.

Впервые: *ОЗ*. 1857. № 2. С. 649 (ц. р.: 4 февраля 1857 г.), без заглавия, в подборке из трех стихотворений, вместе со стихотворениями «Сестра» («Милой меня называл он вчера...»), «Ошибка» («Не ведал жизни он и не растратил сил...»), в этой же книжке помещен перевод из Гёте «Самообольщение» («Соседкин занавес в окне...») (в оглавлении: «Четыре стихотворения А. А. Фета»), подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями.

Включено:
ВО 1. С. 92: в разделе «Разные стихотворения», без заглавия; с изменением в тексте в ст. 7 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 7: **И вновь за**трепещу, тобою просветленный,
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

30

Л. 33

Е. П. К—у
[Егору Петровичу
Ковалевскому]

Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой,
И тихо наклонясь усталой головой,
Напрасно смотришь ты с язвительной улыбкой
    На благородный подвиг свой.

Судьба тебя тоской непраздной истерзала,
В измученной груди волшебный голос жив.
В нем слышен жар любви, в нем жажда идеала
    И сердца смелого порыв.

Так навсегда простясь с родимою скалою,
Затерянный в песках рассыпчатых — степей,
[Скитальцев напоит живительной струею
    Из камня брызнувший ручей.]

<Май — не позднее 4 июня 1856 г.>

<*Вариант ст. 11*:>

[Поит усталого] <живительной струею>

<*Окончат. вариант ст. 11—12*:>

Встречает путников, томящихся от зною.
Из камня брызнувший ручей.

<Не позднее 23 июня 1856 г.>

Варианты:
Первоначальный вариант заглавия зачеркнут карандашом, над ним тем же карандашом вписано заглавие, под которым стихотворение было напечатано в *БдЧ* и в *Сб1863.*

Ст. 4: На благородный подвиг **т**вой.

Окончат. вариант (*с*<*вой*>) вписан поверх *т*<*вой*>.

Ст. 11: *а*. Поит усталого <живительной струею>
б. Встречает путников томящихся от зною.
в. Встречает путников, томящихся от зною.

В ст. 11 основного текста подчеркнуто два первых слова (*Скитальцев напоит*) и под текстом вписан вариант 11а (*Поит усталого*). Зачеркнув его, Фет впи-

сал ниже окончат. вариант 11б (*Встречает путников томящихся от зною.*) и позже другими (более светлыми) чернилами проставил запятую и повторил ст. 12. Тогда же, очевидно, был зачеркнут тремя вертикальными косыми чертами (слева направо) первоначальный вариант ст. 11—12 в тексте.

Пометы: 1) чернилами — над заглавием (другими, более светлыми чернилами): «Не вошло» (в *Сб1856*), подчеркнуто; над заглавием, справа: «Б<иблиотека для чтения>» (место первой публикации); 2) карандашом — справа от заглавия «II», «7» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*).

Датируется: условно маем — не позднее 4 июня 1856 г., по аналогии со стихотворением «Благословенной тени» («В благословенный день, когда стремлюсь душою...») (см. примеч. к № 29). Расположение в *Т 1* подтверждает предположение, высказанное ранее Б. Я. Бухштабом, о том, что стихотворение было написано во время второго за 1856 г. пребывания Фета в Петербурге, «между концом апр. и концом июня» (*СиП 1986*. С. 681). Правка, внесенная под текстом стихотворения, датируется не позднее 23 июня 1856 г. (даты отъезда Фета за границу), по упоминанию в дневнике А. В. Дружинина: «Проводил Фета за границу, он мне дал стихов <...>» (*Дневник Дружинина*. С. 396. Запись от 29 августа 1856 г.). Среди переданных Дружинину стихотворений было, по-видимому, также «На лодке» («Ты скажешь, бросся взор по голубой равнине...») (см. № 31) и, возможно, «Благословенной тени» («В благословенный день, когда стремлюсь душою...»).

Впервые: *БдЧ*. 1856. № 10. С. 207 (ц. р.: 9 октября 1856 г.), в подборке из двух стихотворений, под номером «I», под заглавием «В альбом (Е. П. К—у)», с изменением в графике (4-й стих каждой строфы втянут); вместе со стихотворением «На лодке» («Ты скажешь, бросся взор по голубой равнине...»), подпись (общая): «А. Фет»; с пунктуационными изменениями. В «Библиотеку для чтения» оба стихотворения переданы, по-видимому, одновременно, перед отъездом Фета за границу.

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 219: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XLIX», под заглавием «Е. П. К—у»; с пунктуационными изменениями.

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Послания, посвящения и стихотворения на случай».

31

Л. 34

На лодке

Ты скажешь, бросся взор по голубой равнине:
И небо, — и вода. —

Здесь остановим челн... По самой середине
Широкого пруда.

Буграми с колеса волненье не клокочет;
Чуть, чуть блестят струи.
Так тихо, будто ночь сама подслушать хочет
Рыдания любви.

До слуха чуткого мечтаньями ночными
Доходит плеск ручья.
Осыпана кругом звездами золотыми
Покоится ладья.

Гляжу в твое лицо, в сияющие очи
О добрый гений мой!
Лицо твое как день, ты вся при свете ночи
Как призрак неземной.

Теперь волшебница иной могучей власти
У неба не проси.
Всю эту ночь, весь блеск, весь пыл безумной страсти
Возьми — и погаси!..

<Май — не позднее 4 июня 1856 г.>

Варианты:
Ст. 3 (*начато*): И <?>
Окончат. вариант (*Здесь*) вписан сразу же поверх *И*. Возможно, описка (начат ст. 4: «Ш<ирокого>»).

Пометы: 1) чернилами — справа от заглавия, в верхней части листа: «Б<иблиотека для чтения>» (место первой публикации); 2) карандашом — справа от заглавия «46» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), «I».

Датируется: условно маем — не позднее 4 июня 1856 г., по аналогии со стихотворениями «Благословенной тени» («В благословенный день, когда стремлюсь душою...») и «Егору Петровичу Ковалевскому» («Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой...») (обоснование датировки см. выше, № 29 и 30).

Впервые: *БдЧ*. 1856. № 10. С. 207–208 (ц. р.: 9 октября 1856 г.), в подборке из двух стихотворений, под номером «II», вместе со стихотворением «В альбом (Е. П. К–у)» («Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой...»)»; подпись (общая): «А. Фет»; в общем оглавлении тома стихотворение «На лодке»

пропущено; с изменением в тексте в ст. 15, 19; с опечаткой в ст. 11 («залотыми» вместо «золотыми», что, возможно, объясняется нечетким написанием Фетом букв «а» и «о»); с пунктуационными изменениями. В «Библиотеку для чтения» оба стихотворения переданы, по-видимому, одновременно, перед отъездом Фета за границу.

Ст. 15: Лицо твое как день, ты вся при **блеске** ночи,
Ст. 19: Всю эту ночь, весь блеск, весь пыл **бездушной** страсти

Включено:
Сб1863. Ч. 1. С. 228: в разделе «Разные стихотворения», под номером «LVII»; ст. 15, 19 как в *Т 1*; с пунктуационными изменениями.
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

32

Л. 35

Сон

Снился берег мне скалистой
Море спало под луною,
Как ребенок дремлет чистый...
И по нем скользя с тобою,
В дым прозрачный и волнистый,
Шли алмазной мы стезёю.

<Май — не позднее 4 июня 1856 г.>

Варианты:
Ст. 4—5: И по нем**,** скользя с тобою,
К нескончаемости мглистой,
В ст. 4 запятая после «нем» зачеркнута двумя чертами. В ст. 5 окончат. вариант (*В дым прозрачный и волнистый*) вписан над *[К нескончаемости мглистой]*.

Пометы: 1) чернилами — справа от заглавия: «1 в 3 <номе>р С<овременника>» (место первой публикации); слева от заглавия (красновато-коричневыми чернилами, другим пером): «№ во<шло>» (в *Сб1856*); под текстом стихотворения: «V (т. е. В) С<овременнике>»; 2) карандашом — над заглавием, справа: «13» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), в правом верхнем углу, над текстом: «II».

Датируется: условно маем — не позднее 4 июня 1856 г., по аналогии со стихотворениями «Благословенной тени» («В благословенный день, когда стремлюсь душою...»), «Егору Петровичу Ковалевскому» («Напрасно жизнь зовешь

ты жалкою ошибкой...») и «На лодке» («Ты скажешь, бросся взор по голубой равнине») (обоснование датировки см. выше, № 29). В *СиП 1986* датируется октябрем 1856 — январем 1857 гг. (С. 651), временем пребывания Фета в Риме, на основании указания места написания «Рим» в первой публикации (см. ниже). Однако положение в *Т 1* противоречит этой датировке. Не исключено, что помета «Рим» в рукописи, с которой набиралось стихотворение для третьего номера «Современника» за 1857 г., относилась к стихотворениям «Не напевай тоскливой муки...» и «Туманное утро» («Как первый золотистый луч...») (или одному из них), опубликованным в той же книжке журнала, также с указанием места написания «Рим». Кроме того, стихотворение, по всей видимости, было послано в «Современник» из Рима, что может также объяснять происхождение этой пометы.

Впервые: *Совр.* 1857. № 3. С. 80 (ц. р.: 28 февраля 1857 г.), вместе со стихотворением «Телемак у Калипсы» («Солнце низко. Легкой мглою...»); с указанием места написания: «Рим», подпись: «А. Фет» (в этой же книжке напечатаны стихотворения «Не напевай тоскливой муки...», «Туманное утро» («Как первый золотистый луч...»)); с пунктуационными изменениями.

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 72: в разделе «Мелодии», под номером «XIX»; с изменениями в огласовке ст. 1 (в оглавлении как в *Т 1*) и с пунктуационными изменениями.

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Мелодии».

33

Л. 35

<*Карандашом*:>

<**Туманное утро**?>

Капля скатившаясь с
листа такая утрен<няя>
песнь

<*Не позднее октября — ноября 1856 г.*>

Датируется: условно, по сопоставлению с датировкой стихотворения «Туманное утро» («Как первый золотистый луч...»), записанного на л. 53. Впервые убедительное предположение о том, что эта запись является «фиксацией первого замысла» стихотворения «Туманное утро», высказано Б. Я. Бухштабом (*ПССт1937*. С. 700, примеч. к № 162).

34

Л. 36

Тень
(с китайского)

Башня лежит,
Все уступы сочтешь.
Только ту башню
Ничем не сметешь.
Солнце ее
Не успеет угнать.
Смотришь, луна
Положила опять.

<Май — не позднее 4 июня 1856 г.>

Варианты:
Ст. 4: Ни**как** не сметешь.
Окончат. вариант (*<Ни>чем*) вписан чернилами над *Ни[как]*, где *<ни>как* зачеркнуто карандашом.
Ст. 6: *а*. Не успеет **собрать**.
б. Не успеет **поднять**.
Вариант 6б (*поднять*) вписан над первоначальным *[собрать]*; окончат. вариант (*угнать*) вписан над вариантом 6б. Все зачеркивания осуществлены карандашом.
Ст. 7: Смотришь луна
Запятая внесена карандашом, очевидно перед отправкой в «Отечественные записки».
Ст. 8: Проложила опять.
Исправлено в тексте.

Пометы: 1) чернилами — в верхней части листа, справа от заглавия: «О<течественные> З<аписки>» (место первой публикации); 2) карандашом — над заглавием, справа: «41» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), справа от заглавия: «III».

Датируется: условно, по положению в *Т 1* и цензурному разрешению первой публикации.

Впервые: *ОЗ*. 1856. № 6. С. 380 (ц. р.: 4 июня 1856 г.), с подзаголовком: «(Перевод с китайского)», с делением на две строфы, подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями. В этой же книжке напечатаны переводы од Горация (окончание третьей книги, оды XVI—XXX).

Включено:

Сб1863. Ч. 2. С. 203: в разделе «С китайского», под заглавием «Тень»; с пунктуационными изменениями.

ПССт1892. Ч. 2 (Переводы и две поэмы): в разделе «С китайского».

35

Л. 37

Ответ Тургеневу

Поэт! ты хочешь знать за что такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем, в разлуке с ней, наперекор злословью
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной.

Что ж! Пусть весна у нас позднее и короче
Но вот дождались наконец:
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнущие ночи
И зеленей ее венец.

Вчера я шел в ночи, и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то яркое сиянье
Вечерней ли зари последнее прощанье
Иль утра пламенного луч?

Как будто, среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна;
И над громадой ночь, — бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.

Не верилося мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали,
А воды, не струясь под ними, отражали
Все флаги пестрые в Неве.

Л. 37 об.

Заныла грудь моя, но в думах окрыленных
    С тобой мы встретилися, друг!
О верь, что никогда в объятьях раскаленных
Не мог таких ночей, вполне разоблаченных
    Лелеять сладострастный юг.

<Май — начало июня 1856 г.>

Варианты:

Ст. 4: Готово сердце в нас истечь **по** капл**е** кровью

Окончат. вариант (*до <капл>и*) вписан поверх *по <капл>е.*

Ст. 7: Но вот дождались наконец**;**

Исправлено в тексте

Ст. 21: *а.* **И ум не постигал**, а взоры различали,
б. **Заныла грудь моя**, а взоры различали,

Вариант 21б (*Заныла грудь моя*) вписан над вариантом 21а *[И ум не постигал]*; окончат. вариант (*Не верилося мне*) вписан над зачеркнутым 21б.

Пометы: 1) чернилами — над заглавием (другими, более светлыми чернилами): «не вошло» (в *Сб1856*); справа от заглавия: «С<овременник>» (место первой публикации); 2) карандашом — над заглавием: «4» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), в правом верхнем углу: «II».

Датируется: предположительно маем — началом июня 1856 г., по содержанию и упоминанию в письме И. С. Тургенева к В. П. Боткину от 11 июня 1856 г.: «Фет прислал мне <...> стихотворение „Петербургская ночь", где следующие 10 стихов, особенно последние, меня приводят в восхищение (Далее строфы 3 и 4, с иной пунктуацией. — *В. Л.*)» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 108). Впервые датировка предложена Б. Я. Бухштабом: *ПССт1937*. С. 725.

Впервые: *Совр.* 1856. № 11. С. 68 (ц. р.: 30 и 31 октября 1856 г.), под заглавием «Ответ И. С. Тургеневу», подпись: «А. Фет»; с изменением в ст. 26 («окр**и**ленных» вместо «окрыленных»); с пунктуационными изменениями. В этой же книжке напечатано стихотворение «Вечер у взморья» («Засверкал огонь зарницы...»).

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 217—218: в разделе «Разные стихотворения», под номером «XLVIII»; с пунктуационными изменениями.

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Послания, посвящения и стихотворения на случай».

36*

Л. 38

Телемак у Калипсы

Солнце низко. Легкой мглою
Вечер долы напояет,
Вход в пещеру раззолочен.
С наклоненной головою
Старый Ментор засыпает, —
Сын Улисса озабочен.

Смолкли Нимфы. Тихо дышит
Море, пар подъяв туманный;
Все безмолвствуют упорно.
Нимфа Эхо ясно слышит,
Как смолы благоуханной
На жаровне прыщут зерна

Полны сладкого Лиея,
Ждут раскрытые амфоры;
Но забыл густую влагу
Сын прекрасный Одиссея,
Он поднять не смеет взоры,
Он ступить не смеет шагу.

На душе и стыд и горе:
Как осмелиться Богине
Рассказать свою кручину?
«Неужели, злое море,
Завтра я в твоей пустыне
Все забуду, что покину».

Л. 38 об.

Разгораясь в блеске алом
Отлетающей Авроры,
Но безмолвна как рабыня,
Грудь прикрыла опахалом,
И склоня к любимцу взоры,
Не насмотрится богиня.

О Зевес! Зачем же лира
Так бессильна; дар хранимый

Златовласым Аполлоном?
Иль зачем владыка мира,
Взгляд такой невыразимый
Ты даешь влюбленным женам.

<Май — июнь (до 23) 1856 г.
Не позднее августа 1856 г.>

Л. 37 об.

<*Варианты ст. 8, карандашом* >

Море, в блеск уйдя туманной
пар подъяв туманной —

Варианты:
Ст. 8: *а*. Море **грустью несказанной**.
б. Море, в блеск уйдя туманной
в. <Море,> пар подъяв туманной —

Варианты 8б и 8в записаны на л. 37 об. карандашом. Окончат. вариант (*пар подъяв туманный;*) вписан над *[грустью несказанной]* другими (более светлыми) чернилами.

Ст. 11: Как <*вероятно, ошибочно начато*:> зал
Ст. 32: Так бессильна. Дар любимый

Окончат. вариант *люби<мый>* вписан карандашом над *хранимый*, по всей видимости, при подготовке к публикации *Сб1863*.

Пометы (л. 38): 1) чернилами — подчеркнуто заглавие; над заглавием, справа: «С<овременник>» (место первой публикации); 2) другими (более светлыми) чернилами — над заглавием, слева: «Не б<ыло>» (напечатано в *Сб1856*), над заглавием: «V <т. е. В> С<овременнике>»; 2) карандашом — над заглавием: «12» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), в правом верхнем углу, справа от заглавия: «II».

Датируется: условно маем — августом 1856 г., по положению в *Т 1* и дате цензурного разрешения (31 августа 1856 г.) первой публикации стихотворения «Ивы и березы» («Березы севера мне милы...»), записанного позднее (см. л. 43). В *СиП 1986* условно датируется 1857 г., по дате первой публикации. Однако скорее всего, это и три последующих (внесенных на лицевых листах) стихотворения вплоть до «Ивы и березы» — «Сестра» (л. 39), «Последнее слово» (л. 40), перевод «Песня столетию» (л. 41—42 об.), — были записаны Фетом в *Т 1* до отъезда за границу, состоявшегося 23 июня 1856 г., куда поэта провожали Н. А. Некрасов и А. В. Дружинин. В пользу этого предположения свидетельствует как письмо Фета к Некрасову из Карлсбада от 16 (28) июля 1856 г., в котором он признавался: «Стихов не пишу. Воображаю, сколько Вы настрочили со времени моего отъезда. Я — ни строки» (*Некрасов. Переписка*. Т. 1. С. 525), так и наборная рукопись стихотворения «Ивы и березы», сохранившаяся в фонде Г. П. Блока в ИРЛИ (Ф. 645). Она представляет собой один

лист с авторской пагинацией «3», на лицевой части которого под номером «IV» записано стихотворение «Последнее слово» в новой редакции (опубл.: *Совр.* 1856. № 10), а на оборотной — под номером «V» «Ивы и березы». Судя по номерам стихотворений («IV» и «V») и пагинации, одновременно с этими двумя в «Современник» были переданы еще как минимум три стихотворения. Можно предположить, что среди них были «Вечер у взморья» (л. 21) и «Ответ Тургеневу» (л. 37—37 об.), напечатанные в журнале в ноябре 1856 г.; возможно, также «Золотой век», опубликованный в январе 1857 г. О том, что эти стихотворения находились в редакционном портфеле до отъезда самого Некрасова за границу, состоявшегося 11 августа 1856 г., говорят письма-отчеты к нему Н. Г. Чернышевского, который в его отсутствие заведовал журналом. Так, сообщая 24 сентября 1856 г. о составе только что вышедшей сентябрьской книжки «Современника» и уже готовой октябрьской, Чернышевский замечал: «В IX № напечатаны три Ваших стихотворения, „Ивы и березы“ Фета. В X № — присланное Вами стихотворение <...> и „Последнее слово“ Фета» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 14. С. 313). Тот факт, что стихотворения обозначены по заглавию, подтверждает, что Некрасову они были знакомы, вместе с тем из содержания письма очевидно, что они не были им присланы, как, например, собственное стихотворение, а уже находились в редакции. Говоря о ноябрьской книжке в письме от 5 ноября 1856 г., Чернышевский упоминает «2 <стихотворения> Фета» (Там же. С. 326). По всей видимости, и в этом случае Некрасову было понятно, о каких произведениях шла речь.

Впервые: *Совр.* 1857. № 3. С. 79—80 (ц. р.: 28 февраля 1857 г.), вместе со стихотворением «Сон» («Снился берег мне скалистой...»), подпись: «А. Фет»; с изменениями в пунктуации. В этой же книжке напечатаны стихотворения «Не напевай тоскливой муки...», «Туманное утро» («Как первый золотистый луч...»).

Ст. 32: Так бессильна — дар хранимый

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 134—135: в разделе «Антологические стихотворения», под номером «XVIII»; с изменениями в тексте в ст. 32 и с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 2, 5, 7 как в *Т 1*).

Ст. 32: Так бессильна — дар **любимый**

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Антологические стихотворения».

37

Л. 39

Сестра

Милой меня называл он вчера:
В зеркале точно себя я не вижу!?
Боже! зачем хороша так сестра,
Что перед ней я себя ненавижу.

Голос его, прерываясь, дрожал;
Даже в сердцах я его проводила
Образ сестры предо мною стоял...
Так я всю ночь по аллее ходила.

В спальню вошла я: — Она уж спала
Месяц ей кудри осыпал лучами.
Я не могла устоять, — подошла
И, наклонясь, к ней прильнула устами.

Как хороша, как светла и добра.
Нет! и сравненьем ее не обижу
Милой меня называл он вчера —
В зеркале точно себя я не вижу!?

<Май — июнь (до 23) 1856 г.
Не позднее августа 1856 г.>

Варианты:
Ст. 5: Голос его прерываясь дрожал;
Запятые проставлены позже.
Ст. 9: В спальню вошла я. — Она уж спала
Двоеточие вставлено позже — очевидно, оно должно было заменить тире, которое осталось незачеркнутым, слово «она» предполагалось в новом варианте писать со строчной (у Фета заглавная и строчная буква в начале слова не всегда четко дифференцированы). Изменения внесены, по-видимому, при подготовке к первой публикации, поскольку именно в таком виде стих напечатан в *ОЗ*.

Пометы: 1) чернилами — подчеркнуто заглавие; в правом верхнем углу: «О<течественные> З<аписки>» (место первой публикации); 2) карандашом — справа от заглавия: «18» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), в правом верхнем углу: «I».

Датируется: условно, по аналогии с предыдущим (см. примеч. к № 36).

Автографы: *ИРЛИ*. № 24535$_{1}$. Л. 122: беловой чернилами, в альбоме М. П. Боткиной, подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями.
Ст. 1: Милой меня называл он вчера;
Ст. 5—6: Голос его прерываясь дрожал.
Даже в сердцах я его проводила, —
Ст. 9—10: В спальню вошла я. — Она уж спала
Месяц ей кудри осыпал лучами,
Ст. 13—14: Как хороша, как светла и добра!
Нет! и сравненьем ее не обижу.
Ст. 16: В зеркале точно себя я не вижу.

Впервые: *ОЗ*. 1857. № 2. С. 649—650 (ц. р.: 31 января 1857 г.), вместе со стихотворениями «В благословенный день, когда стремлюсь душою...», «Ошибка» («Не ведал жизни он и не растратил сил...»); в этой же книжке опубликовано стихотворение «Самообольщение (Из Гёте)» («Соседкин занавес в окне...») (в оглавлении: «Четыре стихотворения А. А. Фета»), подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 1, 13 как в альбоме Боткиной).

Включено:
Сб1863. Ч. 1. С. 221: в разделе «Разные стихотворения», под номером «LI»; с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 7, 11, 15 как в *Т 1*).
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения», под заглавием «Сестры».

38*

Л. 39 об.

Из Шенье
<Лида>[a]

«Лицо мое горит от солнечного зною
И ноги белые исколоты травою.
День целый я прошла долиною; влекли
Меня со всех сторон блеяния вдали. —
Бегу: но верно ты скрываешься, враждуя,
Всё пастухи не те. — О где же, где найду я
Тебя красавец мой? Скажи, поведай мне
В какой свои стада пасешь ты стороне?

О нежный отрок! ты краснеешь предо мною
Взгляни как я бледна, — истомлена тобою:
Люблю твое чело невинное и нрав.
Пойдем. Не все ж искать ребяческих забав.
О нежный отрок мой! узнай с какою силой
Мне в сердце врезался твой облик вечно милой,
Прекрасное дитя, к тебе мечты манят
Твой деву робкую напоминает взгляд,
Грудь белая твоя, полуприкрыта тканью
Еще не отдалась любовному желанью.
Пойдем, узнаешь все. Тебя я научу.
С душою девственной беседовать хочу,

[a] *Заглавие* Лида *вписано позднее карандашом.*

Пока преодолев невольное смущенье,
Как я, познаешь ты и вздохи и томленье
А детских щек твоих небесный этот жар
Единственно моих лобзаний будет дар.
О! если б наконец ты раннею зарею
Пришел на грудь ко мне приникнуть головою!
Я сон лелея твой, боялась бы дохнуть,
Чтоб не будить тебя, дышала бы чуть-чуть
И складки тонкого раскинув покрывала
Я б от ланит твоих горячих отгоняла
И дерзких комаров и беспокойных пчел».

Л. 40 об.

И Нимфа отрока, сыскав стоит, вздыхает,
Трепещет и его с собою увлекает. —
Садится на траву. Ей уступает он
И горд и втайне рад и явно пристыжен.
Уж прикоснулася неверными перстами
Она к нему. Одна ее рука кудрями
Играет светлыми; другая же спешит
Ласкать шелковый пух младенческих ланит
«Дитя! зовет она, останься здесь со мною,
Прекрасен, молод сам, с прекрасной, молодою,
Ко мне прелестный друг, ты на колени сядь.
Скажи, как много лет успел ты сосчитать?
Встречал ли ты в борьбе победу меж друзьями?
Им нынче (говорят) скользящими руками
Счастливцам! жать пришлось тебя к груди своей
И на тебе сиял струящийся елей.
Ты потупляешь взор? О! как должна гордиться
Та, у которой мог таким ты народиться.
Богинею рожден ты верно. — Что с тобой?
Ты весь дрожишь. Дитя коснись вот здесь рукой:
Грудь у меня пышней чем у тебя скруглилась.
Но это (знаешь ли? быть может опустилась
Одежда женская перед тобой хоть раз?)
Но это не одно различие у нас.
Ты улыбаешься, краснея? как сияет
Огонь твоих очей! как твой румянец тает!
Не Гиацинт ли ты, любимый сын небес?
Иль тот за кем орла ниспосылал Зевес?

Л. 46 об.

Иль тот, кто, зародясь пленять богинь собою,
Из недра Мирры шел, одетого корою?(+)
Дитя! кто б ни был ты хочу тебя обнять!
Дитя! люби меня. О! сколько раз унять
Умела юношей я пыл неукротимой;
Но ты, ты будь моим, хочу я быть любимой.
. . . .
И возвестит векам мой камень гробовой
Что Гименеем был развязан пояс мой.

(+) Мирра, дочь ассирийского царя[6] Цинира, превращенная в благовонное дерево. Плиний говорит, что кору этого дерева разрезали сверху вниз, чтобы добывать благовоние. Цинир прижил с Миррою — Адониса.

<Не позднее 20-х чисел декабря 1858 г.>

Л. 40
<Вариант ст. 23, карандашом:>

2 нрзб.
А детских щек твоих румяный
этот цвет

Л. 41
<Вариант ст. 38—39, в нижней части листа:>

Другая же рука
Ласкает нежный пух ланит его слегка

<Варианты ст. 44, в верхней части листа:>

И перевес в борьбе ты брал ли над друзьями
Бывал ли первым ты борцом между друзьями

Варианты:
Ст. 1—2: «**Ланиты у меня на солнце загорели**
а. И ноги белые **от терний закраснели**.
б. И ноги белые от терний **п**окраснели
Окончат. вариант ст. 1 (*«Ланиты у меня на солнце загорели*) вписан над подчеркнутым *Лицо мое горит от солнечного зною*; вариант 2а (*от терний закраснели*) вписан над подчеркнутым *исколоты травою*, окончат. вариант 2б (*<от терний> п<окраснели>*) внесен в тексте. Возможно, исправлено по замечанию И. С. Тургенева (см. ниже).

[6] Ассирийского царя — *вписано над строкой.*

Ст. 8: **Где ты пасешь стада? в которой** <стороне?>
Окончат. вариант (*Где ты пасешь стада? в которой <стороне?>*) вписан под *[В какой] свои стада пасешь ты*. Исправлено по замечанию И. С. Тургенева в письме от 16 января 1859 г. (см. ниже).

Ст. 13—16: О нежный отрок мой! узнай **как я страдаю**
Хочу забыть тебя и все не забываю
Прекрасное дитя, к тебе **влекут** мечты
Как дев**а** робк**ая склоняешь взоры ты**

Окончат. вариант ст. 13 (*<как>ъ я страдаю*) вписан над *<как>ою силой*, при этом *с* осталось незачеркнутым; окончат. вариант ст. 14 (*Хочу забыть тебя и все не забываю*) вписан над *Мне в сердце врезался твой облик вечно милой*; окончат. вариант ст. 15 (*влекут*) вписан после *к тебе* под строкой; окончат. вариант ст. 16 вписан над (*Как <дев>а <робк>ая*) и под (*склоняешь взор ты*) строкой. Ст. 14—16 исправлены по замечанию И. С. Тургенева в письме от 16 января 1859 г. (см. ниже).

Ст. 23—24: *а*. А детских щек твоих румян**ый этот цвет**
б. А детских щек твоих **божественный рассвет**
в. А детских щек твоих **вот этот пышный цвет**
а. Единственно моих лобзаний будет **след**.
б. *Начато карандашом*: Уже одним следом <моих лобзаний>

Вариант 23а вписан карандашом на соседнем листе (л. 40), под текстом стихотворения «Пророку» (см. выше). Вариант 23б (*божественный рассвет*) вписан над и под строкой; окончат. вариант 23в (*вот этот пышный цвет*) вписан под *твоих небесных жар*. Окончат. вариант ст. 24 (*след*) вписан под *дар*. Исправлено по замечанию И. С. Тургенева в письме от 16 января 1859 г. (см. ниже).

Ст. 28: Чтоб не [про<снулся?>]

Ст. 38—41: А (на л. 41). <Играет светлыми.> Другая же рука
Ласкает нежный пух ланит его слегка
Б. Играет **отрока**; другая же **рука**
Ласка**ет** шел**к ланит** младенческих **слегка**.
«Дитя! зовет она, **приди на зов мой страстной**,
Прекрасен, **юн ко мне и юной и прекрасной**,

Окончат. варианты (Б) ст. 38 вписаны 1) (*отрока*) чернилами над *светлыми*, 2) (*рука*) карандашом над *спешит*; окончат. варианты ст. 39 (*<Ласка>ет <шелк>ъ ланит* и *слегка*) вписаны карандашом, при этом в основном тексте *пух* и *ланит* остались незачеркнутыми; окончат. вариант ст. 40 (*приди на зов мой страстной*) вписан чернилами под строкой; окончат. вариант ст. 41 (*юн ко мне и юной и прекрасной*) вписан чернилами под строкой. Исправлено по замечанию И. С. Тургенева (см. ниже).

Ст. 44: *а*. **Бывал ли первым ты уже** в борьбе **с** друзьями?
б. Бывал ли первым ты уже в борьбе **между** друзьями?
в. **И перевес** в борьбе ты **брал ли над** друзьями
г. Бывал ли первым ты борцом между друзьями

Последовательность вариантов восстанавливается предположительно, на том основании, что вариант 44г соответствует окончат. варианту в *БдЧ*. Вариант

44а вписан под (*Бывал ли первым, с*) и над (*ты уже*) строкой; вариант 44б (*между*) вписан над строкой, при этом все первоначальные варианты остались незачеркнутыми. Варианты 44в и 44г записаны в верхней части л. 41. Исправлено по замечанию И. С. Тургенева в письме от 16 января 1859 г. (см. ниже).

Ст. 49: Та, у которой мог **красавец** ты [на]родиться.

Окончат. вариант (*красавец*) вписан над *таким*, причем *народиться* оставлено без изменений. Исправлено по замечанию И. С. Тургенева в письме от 16 января 1859 г. (см. ниже).

Ст. 61: Из **лона** Мирры шел, одетого корою?

Окончат. вариант (*лона*) вписан над *недра*. Исправлено по замечанию И. С. Тургенева в письме от 27 декабря 1858 г. (см. ниже).

Ст. 63: Дитя! люби меня. **Как часто отвергать**

Окончат. вариант (*Как часто отвергать*) вписан под *О! сколько раз унять*.

Пометы: 1) л. 39 об. — чернилами подчеркнуто заглавие; карандашом в левом верхнем углу: «III», «Лида» (заглавие), справа от заглавия: «47» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); 2) л. 40 об. — карандашом в левом верхнем углу: «Лида», «III»; 3) л. 46 об. — карандашом в левом верхнем углу: «Лида», «III».

Перевод неоконченного стихотворения А. Шенье «Lydé» из раздела «Idylles» («Идиллии» или «Буколики») (7-я идиллия в тех изданиях, которыми мог пользоваться Фет). По всей видимости, Фет переводил Шенье по изданию Анри де Латуша «Poésies de André Chénier», вышедшему в 1840 г. или позднее (например, в 1852 г.), поскольку ранее эта идиллия печаталась в усеченном варианте (ст. 1—31). Лишь в издании 1833 г., в разделе «Fragments de poésies diverses» («Фрагменты различных стихотворений») второго тома, впервые был опубликован фрагмент «La nymphe l'aperçoit et l'arrête et soupire...» (в переводе Фета: «И Нимфа, отрока сыскав, стоит, вздыхает...»), который впоследствии был признан продолжением стихотворения (*Chénier A.* Poésies posthumes et inédites. Nouvelle et seule édition complète. Paris, 1833. T. 2. P. 335—337; то же в издании 1839 г.). Однако только в 1840 г. он был впервые объединен Латушем с основным текстом «Лиды» и помещен вместе с ним, после строки точек (Poésies de André Chénier. Paris, 1840. P. 39—40; то же в издании 1852 г.). У Фета в рукописи данная строка точек отсутствует (указанный фрагмент начинает л. 41 об.), однако оформление Латуша воспроизведено им при первой публикации в «Библиотеке для чтения». Кроме того, в издании 1840 г. был напечатан вариант ст. 63, которому более соответствует фетовский перевод: «Bel enfant, aime-moi. Mon cœur de mille amants», в то время как в изданиях 1833 и 1839 гг. читаем: «Bel enfant, **baise**-moi. Mon cœur de mille amants».

Датируется: первоначальный текст был предположительно перебелен в *Т 1* не позднее 20-х чисел декабря 1858 г., после чего стихотворение было отправлено И. С. Тургеневу, который откликнулся 27 декабря 1858 г.: «Я выправил ваши стихи, любезнейший друг — и отдам их сегодня Дружинину — но пускай меня „на площади трехвостником дерут“ — не могу признать хорошими

стихов вроде: Иль тот, кто, зародясь, пленять богинь собою / Из недра Мирры шел, одетого корою <...> (Далее следует пародия на два указанных стиха. — *В. Л.*)» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 355—356). После этого Фет предположительно «просил задержать передачу перевода в *БдЧ* и более тщательно отредактировать ст-ние» (*Фет. ССиП.* Т. 2. С. 632). В письме от 16 января 1859 г. Тургенев высказал ряд замечаний к ст. 8, 14—16, 23—24, 38, 44, 49 и 61, бóльшая часть которых была Фетом учтена. Упрекая поэта в пристрастии к латинизированному синтаксису и инверсиям, свойственным поэту и переводчику В. П. Петрову, в склонности к сентиментальным выражениям в духе Ю. А. Нелединского-Мелецкого и к кацеляризмам в духе церковного писателя С. А. Медведева, Тургенев писал: «...вот что я заметил:

Ст. 8. „В какой свои стада пасешь ты стороне“; — уж коли подделываться под Петрова — лучше так поставить слова:

„Пасешь в какой стада свои ты стороне“.

Ст. *14.* „облик *вечно* милый“. — Une cheville (Затычка — *франц.*, т. е. лишнее слово в стихе, вставленное для соблюдения рифмы и размера. — *В. Л.*).

” *15.* „*Манят*“ — из Нелединского-Мелецкого.

” *16.* „*Твой деву робкую*“ и т. д. — Петров! Петров!

Ст. *23 и 24-й.* „А детских щек... будет дар“. — Эдип, разрешивший загадку Сфинкса, завыл бы от ужаса и побежал бы прочь от этих двух хаотически-мутно-непостижимых стихов.

Ст. 38-й. „*спешит*“ и т. д. Украдено у графа Хвостова.

” *44.* „*Победу меж друзьями*“. — Темнота... вывих...

” *49.* „*таким ты народиться*“. — Канцелярский слог времен Сильвестра Медведева.

Ст. 61. „Мирры *шел*...“. Взято из надписи на триумфальных воротах после покорения Азова» (цит. по: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 32. Л. 5; см. также: *Тургенев. Письма.* Т. 4. С. 12). Как видно, все приведенные Тургеневым варианты стихов совпадают с первоначальным слоем в *Т 1.* Таким образом, правка Фета в ст. 8, 14—16, 23—24, 38, 44, 49 и 61 была внесена после получения этого письма, т. е. предположительно во второй половине января 1859 г. Что касается правки в ст. 1—2 и 63, то она могла быть внесена одновременно или же ранее.

Впервые: *БдЧ.* 1859. № 10. С. 1—3 (ц. р.: 9 октября 1859 г.), под заглавием «Лида (Из А. Шенье)»; с отточием после ст. 31; ст. 1—2, 8 13—16, 23—24, 38—41, 44, 49, 61, 63 в окончат. редакции; с изменением в тексте в ст. 30, изменением огласовки в ст. 64 и с пунктуационными изменениями, с пропуском ст. 60 (по вине наборщика) и опечаткой в ст. 63 («Уснела» вместо «Умела»); с незначительными разночтениями в тексте примечания к слову «Мирра».

Ст. 1—2: «Ланиты у меня на солнце загорели,
И ноги белые от терний покраснели.
Ст. 8: Где ты пасешь стада? В которой стороне?
Ст. 13—16: О нежный отрок мой! узнай, как я страдаю,
Хочу забыть тебя и все не забываю.
Прекрасное дитя, к тебе влекут мечты:
Как дева робкая склоняешь взоры ты.

Ст. 23—24: А детских щек твоих вот этот пышный цвет,
Единственно моих лобзаний будет след.
Ст. 30: Я б от **твоих ланит** горячих отгоняла
Ст. 38—41: Играет отрока; другая же рука
Ласкает шелк ланит младенческих слегка.
«Дитя! зовет она, приди на зов мой страстный
Прекрасен, юн, ко мне и юной и прекрасной,
Ст. 44: Бывал ли первым ты борцом между друзьями?
Ст. 49: Та, у которой мог красавец ты родиться?
Ст. 61: Из лона Мирры шел, одетого корою?
Ст. 63—64: Дитя! люби меня. Как часто отвергать
Умела юношей я пыл неукротимый;

Включено:
Сб1863. Ч. 2. С. 353—355: в разделе «Х. Шенье», под номером «I»; как в первой публикации, за исключением некоторых отличий: 1) первые восемь строк не отделены, как в первой публикации; 2) восстановлен ст. 60, с изменением в тексте, 3) исправлена опечатка в ст. 63, 4) с несколькими пунктуационными изменениями.
Ст. 60: Иль тот, кто **зарожден** пленять богинь собою,
ПССт1892. Ч. 2 (Переводы и две поэмы): в разделе «Из Шенье», без заглавия (по первой строке).

39

Л. 40
<*Поздняя редакция*:>

Пророку
Последнее слово[a]

Восстань пророк, и препояшься снова!
Иди ты в путь, которым прежде шел:
Последнее мое поведай слово
И возвести последний мой глагол.

Я громом их в отчаяньи застигну,
Я молнией их пальмы сокрушу
И месть на месть и кровь на кровь воздвигну
И злобою гортань их иссушу

[a] *Заглавие* Последнее слово *вписано позднее, при этом первоначальное заглавие* Пророку *осталось незачеркнутым.*

Я стены их сотру до основанья,
Я камни их в пустыне размечу
Я прокляну их смрадное дыханье
И телеса их я предам мечу.

Я члены их орлятам раскидаю,
Я кости их в песках испепелю
И семя их в потомках покараю
И силу их во внуках погублю.

На жертвы их отвечу им хулою.
Оставлю храм и не приду опять
И девы их в молитве предо мною
Вотще придут стенать и умирать.

<*Вариант ст. 4*:>

И грозный мой им возвести глагол.

<Май — июнь (до 23) 1856 г.
Не позднее августа 1856 г.>

Варианты:

Ст. 15: И **силу** их в потомках покараю

Окончат. вариант (*семя*) вписан поверх *силу.* Возможно, описка (ср. ст. 16).

Ст. 20: **Придут вотще** стенать и умирать.

Инверсия проставлена над словами цифрами 1 и 2.

Пометы: 1) чернилами — справа от заглавия «Пророку»: «С<овременник>» (место первой публикации); 2) другими чернилами (красновато-коричневыми, другим пером) — над заглавием «Пророку»: «Не вошло» (в *Сб1856*); вписано заглавие «Последнее слово»; 3) другими чернилами (более светлыми) — под текстом: «V (т. е. В) С<овременнике>»; 4) карандашом — в верхней части листа, над заглавием «Последнее слово»: «3» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), «О<твергнуто>» (в *Сб1863*).

Датируется (поздняя редакция в *Т 1*): условно, по аналогии со стихотворениями «Телемак у Калипсы» («Солнце низко. Легкой мглою...») и «Сестра» («Милой меня называл он вчера...») (обоснование датировки см. выше, № 36). По поводу этого стихотворения Д. В. Григорович писал И. И. Панаеву 25 октября 1856 г.: «Скажите, что значит это последнее слово Фета и на кого он так неждан<но> вдруг разъярился?» (*Ежегодник РО ПД* на 1969 год. Л., 1971. С. 81).

Автографы:

1) *ИРЛИ*. Ф. 93. Оп. 3. № 1314: ранняя редакция, наборная рукопись для *ЛГ*; под номером «LXI», под заглавиями: *а.* «Гнев Бога», *б.* «Гнев Зевеса» (*Бога* за-

черкнуто карандашом, рядом приписано: *Зевеса*), без деления на строфы, без первой строфы. Слева текст стихотворения отчеркнут и приписано чернилами (не той рукой, которой записан текст стихотворения): «Не было пропущено, но авось у нас пропустят»). Справа от ст. 5—8 (2-я строфа) карандашом восклицательный знак.

Ст. 3 (7): И **кровь на кровь, и месть за месть** воздвигну
Ст. 9—10 (13—14): **И** члены их — орлятам раскидаю,
И кости их в песках испепелю,
Ст. 13 (17): На жертвы их отвечу **я** хулою,
Ст. 15—16 (19—20): И **дщери** их, **поникнув головою**,
а. Вотще придут **и плакать и вздыхать**.
б. Вотще придут и плакать и **страдать**.

2) *ИРЛИ*. Ф. 645: поздняя редакция, наборная рукопись для *Совр*; под номером «IV» **(**на обороте, под номером «V», стихотворение «Ивы и березы» («Березы севера мне милы...»)**)**, под заглавием «Последнее слово», без первой строфы, подпись: «А. Фет»; с изменением в тексте в ст. 13 (17) как в *ЛГ* и с пунктуационными изменениями. Лист имеет авторскую нумерацию в верхней правой части: «3». Содержит редакторские пометы для наборщика красным карандашом. Рукопись находилась в собрании А. Н. Пыпина, который затем передал ее Б. А. Садовскому (*Садовской*. С. 171).

Впервые:

1) ранняя редакция (см. автограф 1): *ЛГ*. 1847. 10 апреля. № 15. С. 228, под общим заглавием «Стихотворения Фета», в подборке из семи стихотворений, под номером «IV», под заглавием «Гнев Зевеса», без деления на строфы, без первой строфы; с изменениями в тексте в ст. 8 (12), 14 (20) и с пунктуационными изменениями.

Ст. 8 (12): **Тела** их я предам **огню**, мечу,
Ст. 14 (18): Оставлю храм — и не **сойду** опять;

2) поздняя редакция: *Совр*. 1856. № 10. С. 228 (ц. р.: 30 сентября 1857 г.), под заглавием «Последнее слово», без первой строфы, подпись: «А. Фет»; с изменением в тексте в ст. 13 (17) как в наборной рукописи и с пунктуационными изменениями.

При жизни Фета не перепечатывалось.
В *ПССт1892* не включено.

40*

Л. 41

<Из Горация>
Песня столетию

Феб и Диана владычица дева лесная
Светлых небес украшенье. Вы целой вселенной

Чтимые! — дайте, о чем мы вас молим, взывая
В день сей священный.

В книгах Сивиллиных должному нас научивших
Сказано мальчикам чистым да избранным девам
Ныне бессмертных семь наших холмов облюбивших
Славить напевом.

Солнце кормилец! ты день с колесницей горючей
Кажешь и прячешь, о пусть возрождаясь незримо
Вечное — ты ничего не увидишь могучей
Города Рима.
(+)
О Илития,[(1), а] родов безувечных причина
Кротко храни матерей, как всегда охраняла,
Будет ли имя твое на молитве Люцина
Иль Генитала,

Вырасти отроков, благослови совещанье
Наших отцов,[(+)] что судьбу обеспечило женам
В новом, обильном потомстве пошли оправданье
Новым законам.[(3), б]

Л. 41 об.

Каждые сто десять лет неизменной чредою
Пусть к нам веселые игры и песни приходят.
Светлых три дня, пусть нам столько ж ночей за собою[в]
Сладких приводят.

Вы же, правдиво поющие Парки, внемлите
Рок оправдал приговор Ваш незыблемой волей
Все что для нас совершилось — в грядущем продлите
Счастливой долей.

Пусть умножая плоды и стада возлагает
Почва на кудри Цереры венок колосистый
Ветер Зевеса пусть юным полям навевает
Дождик росистый.

[а] *Сноска* «(1)» *внесена карандашом. Первоначально был проставлен* «(+)» *(«крестик»), означающий, что это место нуждается в комментировании.*

[б] *Скобки проставлены карандашом.*

[в] ночей за собою — *карандашной выноской отнесено к ст. 23.*

О Аполлон, опуская и стрелы и очи
Кроток и милостив мальчиков внемли моленьям.
Внемли Луна! властелинка двурогая ночи
Дев песнопеньям

[(4), г] Если вы создали Рим и велели вы сами
По морю плыть направляясь к земле итальянской
Отческих Лар заменяя иными богами, —
Горсти троянской.

Л. 42

Той средь которой прошедши горящую Трою
Родины гибель увидя Эней непорочный
Путь[д] проложил, заменяя утраты судьбою
Более прочной:

Боги возвысьте в понятливой юности нравы
[Старость о Боги! да будет покойна и чтима][е]
Боги! вы старость святой тишиной окружите
Ромула внукам потомства, богатства и славы
Громкой пошлите.

Кто ублажает вас, белых быков закалая,
Славный праправнук Анхиза и светлой Киприды,[(5), ж]
Миром да правит, на гибель врагам, но прощая
Падшим обиды.

Море и суша в деснице его. Уж мидийцы
Видят готовую кару в албанской секире,[(6), з]
Скифы надменные ждут приговоров индийцы
Молят о мире.

С древней Стыдливостью, с Миром и Честью дерзает
[6] Доблесть забытая вновь появляться меж нами +[и]

[г] *Было*: «+», *исправлено чернилами на* «4».

[д] *У Фета*: Пусть, *очевидно, описка.*

[е] *Стих зачеркнут карандашом.*

[ж] *Сноска* «(5)» *внесена карандашом.*

[з] *Было*: «+», *исправлено чернилами* сначала на: «5», *затем на*: «6», *скобки проставлены карандашом.*

[и] *Слева и справа от стиха чернилами проставлен* «+» *(«крестик»), слева поверх крестика проставлена цифра* «6». *Отсюда идет сбой в примечаниях.*

Снова довольство отрадное всем рассыпает
Рог свой с дарами.

Л. 42 об.

О прорицатель! украшенный луком блестящим[7]
Феб Аполлон! Девяти драгоценный Каменам![8, к]
[9] Чье благотворное знанье целебно болящим
Слабнущим членам.

Если ты видишь с любовью алтарь Палатинской,[10]
Римскую жизнь и красу итальянскаго края,
Дай, чтобы счастье неслось над землею латинской
Век возрастая.

Ты же, царишь ли на Алгиде иль Авентине[11]
Видишь Диана пятнадцать мужей пред тобою[12]
Ты их услышь! И взывающих мальчиков ныне
Тронься мольбою.

[13] С полною верою в то, что понравилась Небу
Песня моя, возвращаюсь домой умиленный
В хоре священном хвалу и Диане и Фебу
Петь наученный.

<Май — июнь (до 23) 1856 г.
Не позднее августа 1856 г.>

Л. 41 об.
<*Окончат. вариант ст. 38*
(для Сб1863):>

Прочное выбрать владенье в земле и<тальянской>

Л. 43 об.

<Подстрочные примечания>

+ Эта песнь названа столетней (carmen saeculare)[а] потому что написана по случаю торжества, происходившего каждые сто десять лет. В 737 году от осн<ования> Р<има> Август восстановив эти празднества, прерванные междоусобными войнами, поручил Горацию сочинить песнь для хоров избранных мальчиков и девочек, которые по уставу Сивиллиных книг должны были в эти торжественные дни сла-

---

[к] *Было*: «+», *исправлено чернилами.*
[а] (carmen saeculare) — *вписано над строкой.*

вить Аполлона и Диану. (1) Боги по мнению древних были довольны многими прозваниями (τη πολυωνομία). Поэтому Гор<аций> величает Илитию-Диану — покровительницу родов,[б] попеременно названиями Люцины (помогающей[в] человеку явиться на *свет*) и Гениталы (помощницы в родах) (2) Совещания Сената по поводу замужества[г] и (3) незадолго до того изданный Августом закон (lex Juliana) с целию уменьшения холостяков и улучшения нравов. (4) Рим создан Аполлоном в том смысле, что Эней внемля прорицаниям бога отправился по его указанию из Трои в Италию, где основал новое царство. (5) Август по усыновлению причислен к Юлианскому Роду происходящему от Иула (Julus) сына Энеева.

<*Карандашом на развороте л. 43 об. и 44*:>

Прод<олжение> при<мечаний> на следующ<ей> стр<анице>

Л. 44 об.

(6) Албанская секира то же, что римское могущество, ведущее начало от (Alba-Longa) основанной троянскими выходцами,

(7) Во время междоусобных войн божества эти оставили свои храмы

(8) Гомеровское ἀργυρότοξος.

(9) Которых он предводитель, корифей.

(10) Овидий заставляет Аполлона выражаться о себе как о изобретателе медицины: «Inventum medicina meum est».

(11) Храм построенный Августом в честь Аполлону[д] на горе Палатинской,

(12) На Авентине одном из семи римских холмов находился храм Дианы, а на Алгиде в Лациуме праздновались ее торжества.

(13) 15 мужей заведовавших празднеством столетия.

(14) Последнюю строфу поёт в хоре каждый, относя к себе воспоминание о чести, выпавшей ему на долю.

<*Октябрь — первая декада ноября 1856 г.*>

Варианты (в ст. 2, 5–7, 10, 13, 18, 26, 29–30, 38, 40–41, 55, 67, 69, 74 пунктуационные):
Знаки препинания внесены карандашом при подготовке *Сб1863*. Кроме того, карандашом внесены иные поправки для облегчения чтения (например, поправлен ряд букв, чтение которых могло вызывать сомнения), в том числе:

[б] Гор<аций> величает ~ родов | Гор<аций> предлагает Илитие — Диане, покровительнице родов [прозвания Люцины]

[в] помогающей | помощницы

[г] по поводу замужества — *вписано над строкой.*

[д] *Так в подлиннике.*

в ст. 7 над строкой карандашом продублировано <*се*>*мь*; в ст. 15 под строкой — *Люцина*; в ст. 26 *Ваш* исправлено на *ваш*; в ст. 69 <*А*>*лгиде*.

Ст. 2: Светлых небес украшенье. Вы, целой вселенной
Ст. 5—7: В книгах Сивиллиных, должному нас научивших,
Сказано, мальчикам чистым, да избранным девам
Ныне бессмертных, семь наших холмов облюбивших,
Ст. 10: Кажешь и прячешь, о пусть возрождаясь незримо,
Ст. 13: О Илития, родов безувечных причина,
Ст. 18: Наших отцов,[+] что судьбу обеспечило женам,
Ст. 26: Рок оправдал приговор **в**аш незыблемой волей,
Ст. 29—30: Пусть умножая плоды и стада, возлагает
Почва на кудри Цереры венок колосистый.
Ст. 38: *а.* По морю плыть направляясь к земле итальянской
б. По морю плыть, направляясь к земле итальянской,
в. **Прочное выбрать владенье в земле** и<тальянской>

Слева от стиха проставлен знак вопроса. Очевидно, первоначально стих перебелен с пропуском, затем вписан вариант 38а (*направляясь к*); при подготовке *Сб1863* карандашом проставлены запятые; ниже (под текстом стихотворения) записан новый вариант 38в. Ст. 37—40 слева отчеркнуты карандашом фигурной скобкой, отсылающей к новому варианту ст. 38.

Ст. 40—41: Горсти троянской,
Той средь которой прошедши горящую Трою,
Ст. 43: Пу**с**ть проложил, заменяя утраты судьбою

Возможно, описка.

Ст. 50: Славный праправнук Анхиза и [вечно] Киприды

Окончат. вариант (*и светлой*) вписан под строкой, при этом первое *и* осталось незачеркнутым.

Ст. 55: Скифы надменные ждут приговоров, индийцы
Ст. 57: С древней **с**тыдливостью, с **м**иром и **ч**естью дерзает

Исправления внесены чернилами (*Стыдливостью*, *Миром*) и карандашом (*Честью*) в тексте.

Ст. 67: Дай, чтобы счастье неслось над землею латинской,
Ст. 69: Ты же, царишь ли на Алгиде, иль Авентине
Ст. 74: Песня моя, возвращаюсь домой умиленный,

Перевод из Горация «Carmen saeculare» («Phoebe, silvarumque potens Diana...»). Сложно сказать, каким изданием Фет пользовался при переводе. Вполне вероятно, это было английское комментированное издание Дж. Бонда, впервые выпущенное в Лондоне в 1606 г. В отношении подстрочных примечаний можно, как кажется, уверенно утверждать, что Фет опирался на подаренное ему И. С. Тургеневым французское издание, об этом издании он упомянул в «Моих воспоминаниях»: «Однажды он (Тургенев. — *В. Л.*) принес мне прелестное карманное издание Горация — Дидота, напечатанное в 1855 г. по лондонскому изданию Бонда 1606 г., подписавши на нем: „Фету от Тургенева в Париже в октябре 1856 г.“. Сестра (Н. А. Шеншина. — *В. Л.*) тотчас же отдала это издание лучшему переплетчику, и я до сих пор храню это двойное воспомина-

ние рядом с имеющимся у меня экземпляром настоящего Бонда. По моему мнению, несмотря на крошечный объем книги и многочисленные труды по объяснениям Горация, издание Бонда представляет наилучшее объяснение Горация» (*МВ*. Ч. 1. С. 167). Речь идет об издании: Quinti Horatii Flacci Opera cum novo commentario ad modum Joannis Bond. Parisiis: ex typographia firminorum Didot, MDCCCLV («Carmen saeculare» — p. 136—138). При сличении характера расположения примечаний в *Т 1* (не в конце стихов, а к конкретным фрагментам), а также самих текстов примечаний очевидно, что Фет опирался именно на это издание. В классическом издании Бонда оформление отличается.

Датируется: условно, по аналогии со стихотворениями «Телемак у Калипсы» («Солнце низко. Легкой мглою...»), «Сестра» («Милой меня называл он вчера...») и «Последнее слово» («Я громом их в отчаяньи застигну...») (обоснование датировки см. выше, № 36). В этот период на л. 41—42 об. был переписан сам текст перевода. Подстрочные примечания к стихотворению, внесенные на оборотах л. 43 и 44, были записаны позже, после перебеливания в *Т 1* стихотворений «Ивы и березы» (л. 43) и «Сонет» (л. 44), но не ранее октября 1856 г., когда И. С. Тургенев подарил Фету французское комментированное издание Горация (см. выше). Об этом свидетельствует не только пропуск двух лицевых листов, но и иной (более светлый) цвет чернил, которыми записаны примечания. К этому же времени, возможно, относится расстановка знаков сносок в тексте стихотворения (схожими по цвету чернилами, что и текст подстрочных примечаний), которые также вносились в несколько приемов: первоначально Фет использовал знак «+» («крестик») около того места, которое нуждалось в комментировании, отметив таким образом всего шесть стихов (ст. 13, 18, 37, 54, 57—58, 62); затем поэт стал использовать цифровые обозначения, при этом часть «крестиков» была переправлена на цифры (в ст. 37, 54, 57—58, 62), часть осталась в неизменном виде (ст. 13, 18), добавились новые сноски к ст. 20 (№ 3), 61 (№ 7), 65, 69, 70, 73 (№ 10—13). Правка не была проведена Фетом последовательно, и нумерация примечаний в тексте стихотворения, очевидно из-за использования двух типов значков, осталась неисправной (13 вместо 14): сбой произошел после сноски к ст. 54 («*албанская секира*»), которая сначала была обозначена «+», затем получила № 5, затем переправлена на № 6, в то время как следующий прокомментированный фрагмент (ст. 57—58), сначала отмеченный «+», затем получивший № 6, остался неперенумерованным. В результате общее количество записанных и пронумерованных примечаний (14) не соответствует цифровым значкам в тексте стихотворения (13). Данный недочет отсутствует в автографе, посланном Фетом в *БдЧ* из Рима 11 ноября 1856 г. (см. ниже) и послужившем наборной рукописью. Не исключено, однако, что как знаки сносок, так и текст примечаний были внесены Фетом в *Т 1* значительно позднее 1856 г., во время подготовки *Сб1863*, когда в стихотворение была внесена дополнительная правка. Это объяснило бы и тот факт, что текст примечаний записан на оборотах, а не первой свободной лицевой части листа, как в других аналогичных случаях (например, вторая редакция «Сна поручика Лосева» записана после стихотворения «Одинокий дуб» на л. 30 и 30 об.).

Во время подготовки *Сб1863* Фет внес в рукопись ряд изменений. Во-первых, подвергся правке ст. 38: слева от него был проставлен знак вопроса, означавший, что стих нуждается в пересмотре, а в нижней части листа, под текстом строфы, записан новый (и окончательный) вариант стиха. К нему отсылает, по-видимому, фигурная скобка, которой отмечена слева 10-я строфа (ст. 37—40). Во-вторых, Фет внес карандашом фронтальную пунктуационную правку, которая была учтена при публикации в *Сб1863*; тогда же был поправлен ряд неразборчиво написанных букв и слов (см. выше в разделе «Варианты»). В-третьих, правке подверглись и значки сносок, в том числе введены пропущенные сноски 1 и 5.

Автографы:

1) *ТетрРГБ*. Л. 103: первая ранняя редакция ст. 1—16.

Феб и Диана царица лесная
Вечно вам с неба сиять над вселенной
Дайте о чем мы вас просим встречая
Праздник священной.

В книгах Сивиллы сей день возвестивших
Сказано: мальчикам чистым и девам
Ныне — богов, семь холмов облюбивших
Встретить напевом.

Пышное солнце с твоей колесницы
Тож и другое, сокрыто и зримо
Пусть ты не видишь славнее и краше
Города Рима.

О Илития — ты плод принимаешь
Зрелый от матери в муках усталой
Хоть называться: Люциной желаешь
Хоть Гениталой?

Варианты:

Ст. 2 (*начато*):	Вечно сиять вам
Ст. 7:	**Лучшим** — богов, семь холмов облюбивших
Ст. 10—11:	Тож и другое ты, **ск**рыто и зримо Пусть не **встретишь** славнее и краше
Ст. 15—16:	**Как ты** на**зв**аться: Люциной желаешь Иль Гениталой?

2) *ТетрРГБ*. Л. 103а: вторая ранняя редакция ст. 1—8.

Феб и Диана владычица дева лесная
Неба краса, будут чтить вас и чтут во вселенной
Дайте нам ныне, очень мы вас просим встречая
Праздник священный

В книгах Сивиллы стихами сей день возвестивших
Сказано: мальчикам чистым и избранным девам
Должно сегодня богов семь холмов облюбивших
а. [Встретить] напевом
б. Славить напевом

3) *ИРЛИ*. № 2351, наборная рукопись для *БдЧ*; под заглавием «Песня столетию», с сопроводительными письмами из Рима к А. В. Дружинину и А. И. Давыдову от 11 ноября 1856 г.; с изменением в тексте в ст. 9 и с пунктуационными изменениями; все значки сносок проставлены в конце соответствующих стихов; тексты всех примечаний (1—14) расположены постранично и имеют сплошную нумерацию; общее пояснение идет под строкой и предшествует сноске 1.

Ст. 9: Солнце кормилец! ты день с колесницей **летучей**
Ст. 59: Снова **Д**овольство отрадное всем рассыпает

Исправлено в тексте.

Ст. 75: В хоре священном хвалу [Аполлону] и Диане

По всей видимости, описка, исправлено.

Впервые: *БдЧ*. 1857. № 1. С. 1—3 (ц. р.: 8 января 1857 г.), под заглавием «Песнь столетию», с подзаголовком «(Из Горация)», подпись: «Фет»; с изменениями в тексте в ст. 9 (как в п. к Дружинину), 14 (возможно, ошибка наборщика), 50 (возможно, ошибка наборщика) и с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 1—3, 6—7, 9, 11, 16, 19, 23, 36, 39, 41—42, 44—46, 51, 59, 71 как в наборной рукописи); все значки сносок проставлены в конце соответствующих стихов; тексты всех примечаний, включая общее пояснение, расположены в конце, одним абзацем, с незначительными расхождениями в тексте.

Ст. 14: **Крепко** храни матерей, как всегда охраняла,
Ст. 50: Славный праправнук Анхиз**ы** и светлой Киприды,

Включено:

Сб1863. Ч. 2. С. 178—182: под заглавием «Песня столетию», в разделе «I. Гораций», после четырех книг «Од», под номером «2»; с опечаткой в ст. 13 (опущено слово *причина*). Стихотворение набиралось по рукописи в *Т 1* или изготовленной с нее, с учетом правки, внесенной чернилами и карандашом: ст. 9 восстановлен как в *Т 1*, ст. 26 и 38 как в *Т 1* после правки; с пунктуационными изменениями, в том числе в ст. 2—3, 6—12, 19, 22—23, 25, 27, 29—30, 33, 35, 37—39, 41, 48, 50 54, 61—63, 65, 67, 69—71, 73, исправленных преимущественно по *Т 1*; воспроизведена расстановка сносок в *Т 1*, однако все примечания постраничные, с постраничной нумерацией, общее пояснение введено как примечание 1 к заглавию; с изменениями в ст. 62, 65, 67 (опечатка), 73.

Ст. 26: Рок оправдал приговор **в**аш незыблемой волей,
Ст. 38: **Прочное выбрать владенье** в земле итальянской,
Ст. 62: Феб Аполлон! **д**евяти драгоценный Каменам,
Ст. 65: Если ты видишь с любовью алтарь Палатинск**и**й,
Ст. 67: Дай, что**б** счастье неслось над землею латинской,

Ст. 73: С полною верою в то, что понравил**о**сь **н**ебу

Гораций1883. С. 151—154: как в *Сб1863*, с изменением в тексте в ст. 39, с пунктуационными изменениями, с исправлением опечаток в ст. 11 и 67.

Ст. 39—40: **Край свой родной** заменяя иными местами,
Горсти **Т**роянской,

В *ПССт1892* не включено.

41*

Л. 43

<1-я поздняя редакция:>

Ивы и березы

1[a]

Березы севера мне милы
Их грустный опущенный вид
Как речь безмолвная могилы
Горячку сердца холодит

3

Но ива длинными листами
Упав на лоно ясных вод,
Дружней с мучительными снами
И дольше в памяти живет

Любовник горя и кручины
Знать тайну грусти разгадал.
Деревья те не без причины
Народ плакучими прозвал

4

Лия таинственные слезы
По рощам и лугам родным,
Про горе шепчутся березы
Лишь с ветром севера одним.

Всю землю — грустно-сиротлива
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняет ива
Везде концы своих ветвей.

[a] *Номера строф* «1», «3» *и* «4» *проставлены позже, при подготовке Сб1863.*

Л. 43 об.
<2-я поздняя редакция, 2-я строфа:>

2

Зато под оскудевшим солнцем
Осенней позднею порой
Их каждый лист блестит червонцем
Над серебристою корой.

<Май — июнь (до 23) 1856 г.
Не позднее августа 1856 г.>

Варианты 1-й поздней редакции (нумерация по *Т 1*):
Ст. 9: Любовник **грусти** и кручины
Окончат. вариант (*горя*) вписан поверх *грусти.*
Ст. 14: По рощам и лугам родным
Запятая внесена карандашом.
Ст. 16—18: Лишь с ветром север**ным** одним.

В**есь мир** — **печально**-сиротлив
Считая родиной скорбей
В ст. 16 окончат. вариант (*<север>а*) вписан над строкой сначала карандашом, затем обведен чернилами; в ст. 17 окончат. вариант (*<В>сю землю — грустно-<сиротлив>а*) вписан над строкой. В ст. 18 запятая внесена карандашом.

Варианты 2-й поздней редакции:
Ст. 7: Их **красный** лист блестит **червонцем**
Окончат. вариант (*каждый*) вписан сначала карандашом под, затем чернилами над *[красный].*

Пометы (л. 43): 1) чернилами — справа от заглавия: «Со<временник>» (место первой публикации); над заглавием (другими, красновато-коричневыми чернилами): «Не напечатано» (в *Сб1856*), подчеркнуто; под текстом стихотворения (другими, более светлыми чернилами): «V (т. е. В) С<овременнике>»; 2) карандашом — в правом верхнем углу: «I», «2» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*). При подготовке *Сб1863* внесены следующие поправки: 3-я строфа перечеркнута чернилами одной чертой слева направо, затем карандашом крест-накрест, слева от нее рукой Фета чернилами внесена помета: «выкинуть»; тогда же проставлены цифры «1», «3», «4» означающие перестановку порядка строф и сокращение стихотворения до четырех строф.

Датируется (1-я и 2-я поздние редакции): условно, по аналогии со стихотворениями «Телемак у Калипсы», «Сестра», «Последнее слово» и «Песня столетию» (обоснование датировки см. выше, № 36). Первоначально, по-видимому, новая редакция стихотворения состояла из пяти строф, записанных

на л. 43, причем две первые строфы текстуально полностью совпадали с ранней реакцией, напечатанной в *ОЗ* в 1843 г. Затем на л. 43 об. была записана дополнительная строфа, помета «2» над которой указывала на ее положение в обновленной (2-й поздней) редакции. Общее количество строф достигло шести, и именно в таком виде стихотворение было опубликовано в *Совр*. Гипотеза о том, что строфа, записанная на л. 43 об., могла изначально предполагаться в качестве 6-й строфы, вряд ли имеет право на существование, так как по содержанию эта строфа противоречит предыдущей, где речь идет об иве. Вновь к стихотворению Фет вернулся при подготовке *Сб1863*, когда была вычеркнута 3-я строфа (по нумерации *Совр*) и цифрами «1», «3», «4» обозначен новый порядок следования строф, при этом 6-я строфа (по нумерации *Совр*) не была вычеркнута, хотя в *Сб1863* стихотворение было напечатано без нее.

Автографы: *ИРЛИ*. Ф. 645: 2-я поздняя редакция, наборная рукопись для *Совр*; под номером «V» **(**на лицевой стороне листа, под номером «IV», стихотворение «Последнее слово» («Я громом их в отчаяньи застигну...»)**)**; в составе шести строф, с пунктуационными изменениями. Содержит редакторские пометы для наборщика красным карандашом, в том числе подпись: «А. Фет».

Впервые:

1) ранняя редакция: *ОЗ*. 1843. № 11. С. 52 (ц. р.: 31 октября 1843 г.), под заглавием «Ива», подпись: «А. Фет», в составе шести строф, из которых строфы 1 и 2 совпадают с 1-й поздней редакцией, но имеют пунктуационные разночтения.

Ст. 9—24:

Я слышал песню Дездемоны,
Любил офелиин конец —
И помню роковые стоны,
И помню ивовый венец.

С равнины юга отдаленной,
Я видел, странником одним
Листочек ивы занесенный
У сердца бережно храним.

Но ива та не дочь востока,
Хоть солнцем юга рождена,
А издалека, издалека
На север в дар принесена.

Над ней весь день пылает пламень,
Над ней, решеткой обнесен,
Лежит плитой горючий камень —
На нем черты: Наполеон.

2) 2-я поздняя редакция: *Совр*. 1856. № 9. С. 90 (ц. р.: 31 августа 1856 г.), в составе 6 строф, подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями, частично (в ст. 2, 4—6, 12, 14, 16, 21) совпадающими с наборной рукописью.

Включено: Для легкого чтения: Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1857. Т. 6. С. 161—162 (ц. р.: 25 июля 1857 г.), под общим заглавием «Два стихотворения А. А. Фета», под номером «II», вместе со стихотворением «Одинокий дуб» («Смотри, синея друг за другом...»); в редакции *Совр*.

3) 3-я поздняя редакция: *Сб1863*. Ч. 1. С. 216, в разделе «Разные стихотворения», под номером «XLVII», в составе 4 строф (в следующем порядке по сравнению со 2-й поздней редакцией — 1-я, 2-я, 3-я, 5-я); с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 3 как в *Т 1*).

Ст. 1: Березы **С**евера мне милы;

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

42

Л. 44

Сонет

Угрюм и празден часто я брожу,
Напрасно веру светлую лелею,
На славный подвиг силы не имею,
Для песни сердца слов не нахожу.

Но за тобой ревниво я слежу,
Тебя понять и оценить умею.
Вот отчего я дружбой горд твоею
И близостью твоею дорожу.

Спасибо жизни. Пусть по воле рока,
Истерзана, обижена глубоко
Душа порою в сон погружена,
Но лишь краса душевная коснется
Усталых глаз; бессмертная проснется
И звучно затрепещет как струна.

<Вторая половина июля — октябрь 1856 г.>

Л. 67 об.

Сонет

<*Ст. 3*:>

На славный подвиг силы не имею

Варианты:

В ст. 2 первоначально вместо «л**ѣ**л**ѣ**ю» — «*лел***ѣ**ю», исправлено в тексте.

Ст. 12: Но лишь краса ду**ховная** коснется

Окончат. вариант (*<ду>шевная*) вписан над *ду[ховная]*.

Пометы: 1) чернилами — подчеркнуто заглавие; слева от заглавия (другими, красновато-коричневыми чернилами): «Ne б<ыло>» (напечатано в *Сб1856*); 2) карандашом — справа от заглавия: «20» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), «О<твергнуто>» (в *Сб1863*), «*нрзб.*» (женская фамилия?).

Датируется: предположительно второй половиной июля — октябрем 1856 г., по содержанию и положению в *Т 1*. Возможно, одно из первых стихотворений, написанных Фетом после отъезда за границу, состоявшегося 23 июня 1856 г., и длительного перерыва в написании стихов, о котором он сообщал в письме к Н. А. Некрасову из Карлсбада от 16 (28) июля 1856 г. Вместе с тем оно записано ранее «парижских» стихотворений, датируемых августом — октябрем 1856 г., в том числе «Горное ущелье» («За лесом лес и за горами горы...») (л. 46), которое имеет авторскую дату и место написания: «Париж, октябрь 1856». По какой причине ст. 3 выписан вновь на л. 67 об. — не выяснено. Возможно, таким образом была отмечена неисправность, вкравшаяся в текст первой публикации (см. ниже). Предположение о том, что стихотворение «обращено, по-видимому, к М. П. Боткиной» (*Фет. ССиП.* Т. 1. С. 499), представляется малоубедительным.

Впервые: *БдЧ.* 1857. № 2. С. 17, с делением на 4 строфы, подпись: «А. Фет»; с изменением в тексте в ст. 2—3 (возможно, ошибка наборщика), 4 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 2—4: Напрасно веру светлую **имею**;
На славный подвиг силы не **лелею**,
Для пес**ен** сердца слов не нахожу.

При жизни Фета не перепечатывалось.

В *ПССт1892* не включено.

43

Л. 45

На корабле

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычною стопою

Вскипая белою грядою
Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла.
Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,
Куда невидимая сила
Её неволей унесла

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

<Август — октябрь 1856 г.>

Пометы: 1) другими чернилами — слева от заглавия (красновато-коричневыми чернилами, другим пером): «Ne б<ыло>» (напечатано в *Сб1856*); под текстом стихотворения (более светлыми чернилами): «V <т. е. В> Биб<лиотеке> для Чт<ения>» 2) карандашом — справа от заглавия: «22» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), «II».

Датируется: предположительно августом — октябрем 1856 г., по содержанию и положению в *Т 1*.

Автографы: *ИРЛИ*. № 21213: беловой, подпись: «А. Фет»; с изменениями в тексте в ст. 8—9 и с пунктуационными изменениями. В правом верхнем углу листа помета: «№ 8».

Ст. 8—9: Душа в тот **край** уже вступила,
Куда **неведомая** сила[,]

В ст. 9 запятая зачеркнута.

Ст. 14: И будет исчезать [заране]

Возможно, описка. Окончат. вариант (*в тумане*) дописан в строку.

Впервые: *БдЧ*. 1857. № 4. С. 196, подпись: «А. Фет»; с изменением в тексте в ст. 10 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 10: Ее невольн**о** унесла.

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 148: в разделе «Море», под номером «VIII»; ст. 10 как в *Т 1*, с пунктуационными изменениями.

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Море».

44

Л. 45 об.
<*Карандашом*:>

Твоя старушка мать могла
Быть нашим вечером довольна
Давно она уж не была
Так зло-умно-многоглагольна

Когда же взор ее сверкал
Скользя по нас среди рассказа
Он с каждой стороны встречал
Два к ней лишь обращенных глаза

Ковра большого по углам
Сидели мы друг к другу боком
Внемля насмешливым речам
А речи те лились потоком

Восторгом полные живым,
Мы непритворно улыбались
И над чепцом ее большим
Глазами в зеркале встречались

<Не позднее декабря 1858 г.>

Варианты:
Ст. 3: Давно **уж не была она**
Изменение порядка слов обозначено цифрами «2», «3», «1».
Ст. 11—12: Вн**имая опытным** речам
А реч**ь ее** лил**а**сь потоком
Окончат. вариант ст. 11 (*Вн<емля насмешливым>*) вписан над строкой.

Датируется: условно не позднее декабря 1858 г., по положению в *Т 1*, где стихотворение записано на обороте л. 46, разделяя начало (л. 39 об., 40 об.) и окончание (46 об.) перевода из Шенье «Лида», также записанного на оборотах и датируемого, в свою очередь, не позднее 20-х чисел декабря 1858 г. (см. выше, примеч. к № 38). По всей видимости, не рассчитав, что «Лида» не уместится на двух страницах, Фет вынужден был продолжить на первом свободном обороте. Так как к этому времени л. 41—42, включая обороты, были заняты переводом из Горация «Песня столетию», обороты л. 43 и 44 — соответственно примечаниями к нему, а оборот л. 44 — стихотворением «Твоя старушка мать могла...», то поэту пришлось дописать окончание «Лиды» на обороте л. 46.

При жизни Фета не публиковалось.
В *ПССт1892* не включено.

Впервые: *ПССт1901*. Т. 2. С. 277, в разделе «Стихотворения на случай. III. Шутки», с пунктуационными изменениями.

45

Л. 46

Горное ущелье

За лесом лес и за горами горы,
За темными лилово-голубые,
И если долго к ним приникнут взоры
За бледным рядом выступят другие.

Здесь темный дуб и ясень изумрудный
А там лазури тающая нежность
Как будто из действительности чудной
Уносишься в волшебную безбрежность.

И в дальний блеск душа лететь готова
Не трепетом, а радостью объята,
Как будто это чувство ей не ново,
А сладостно уж грезилось когда-то.

<Октябрь 1856 г.>

Варианты:
Ст. 9: И в **эту даль** душа лететь готова
Окончат. вариант (*<даль>ний блеск*) вписан над строкой.

Пометы: 1) чернилами — в правом верхнем углу: «4 С<овременник>» (место первой публикации); слева от заглавия (красновато-коричневыми чернилами): «N<е было>» (напечатано в *Сб1856*); под текстом стихотворения (более светлыми чернилами): «V <т. е. В> С<овременнике>»; 2) карандашом — слева от заглавия: «21» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), справа от заглавия: «I».

Датируется: октябрем 1856 г., по авторской помете в первой публикации (см. ниже).

Впервые: *Совр*. 1857. № 1. С. 12 (ц. р.: 31 декабря 1856 г.), с местом и датой написания: «Париж, октябрь 1856», подпись: «А. Фет»; в этом же номере опуб-

ликованы стихотворения «Под небом Франции, среди столицы света...», «Золотой век» («Я посещал тот край обетованный»); с опечаткой в ст. 6 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 6: А там лазури т**áя**щая нежность;

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 222: в разделе «Разные стихотворения», под номером «LII»; с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 1, 3 как в *Т 1*).

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

Алфавитный указатель стихотворений и переводов в *Т 1*[1]

[1] В указатель включены только стихотворения, автографы которых содержатся в *Т 1*. Полужирным указывается порядковый номер, под которым стихотворение воспроизводится в описании; в скобках — номера листов, на которых находятся записи, имеющие к нему отношение.

I

Не спится. Дай зажгу свѣчу. Къ чему
читать?
Вдругъ снова не пойму я ни одной страницы,
И яркій, бѣлый свѣтъ начнетъ въ глазахъ
мелькать
И ложныхъ призраковъ заблещутъ вереницы.

Зачѣмъ? Что сдѣлалъ я? Чѣмъ грѣшенъ
предъ тобой?
Ужели помыслъ сей мой долженъ быть укоромъ,
Что такъ язвительно смѣется призракъ
твой
И смотритъ на меня такимъ
тоскливымъ взоромъ.

I

Ты рассчитаешь на наивныя слова,
А въ сердцѣ мнѣ не имешь отраднаго при-вѣта,
И втайнѣ думаешь: причудлива, черства,
Душа суровая поэта.

Я тоже жду, я жду [illegible] превоз-[могъ]
твоей холодности, подмѣтить мнѣ
чтобъ въ глазахъ твоихъ загадочныхъ [участья.]
Затрепетали звѣзды счастья. [каждую ночь]

Я жду я жажду ихъ мечтательно
[въ ночи]
Мерцанья не встрѣчаю тщетно
[и трепетный]
И злого низойдутъ сверкіе лучи
Во мнѣ и трепетомъ и тоской.

I

Лѣсъ.

Куда ни обращаю взоръ,
Кругомъ синѣетъ мрачный боръ
И день права свои утратилъ.
Въ глухой дали стучитъ топоръ
Вблизи стучитъ нетерпѣливый дятелъ.

Упалъ гигантъ столѣтній ломъ,
Гранитъ чернѣетъ, и за пнемъ
Притаился заяцъ серебристый,
А на соснѣ поросшей мхомъ
Мелькаетъ бѣлки хвостъ пушистый.

И путь заглохъ и одичалъ,
Подгнившій мостъ упалъ
И лѣсъ скосясь во рву размытомъ
И конь давно не выступалъ
По немъ подкованнымъ копытомъ.

3

Пчёлы. I

Пропаду отъ тоски я и лѣни,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноетъ, слабѣютъ колѣни,
Въ каждый гвоздикъ душистой сирени
Распѣвая, влѣзаетъ пчела.

Дай хоть выйду я въ чистое поле,
Иль совсѣмъ потеряюсь въ лѣсу,
Съ каждымъ шагомъ не легче на волѣ,
Сердце пышетъ все боле и боле,
Точно уголь въ груди я несу.

Нѣтъ постойте. Съ тоскою моею
Здѣсь разстанусь. Черемуха спитъ.
Ахъ опять эти пчелы подъ нею,
И никакъ я понять не умѣю,
На цвѣтахъ ли въ ушахъ ли звенитъ.

4

I

Не спрашивай надъ чѣмъ задумывалась я,
Мнѣ сознаваться въ томъ и тягостно и больно:
Мечтой безумною полна душа моя
И въ глубь забытыхъ лѣтъ уносится невольно
—
Сумѣю перенести тогда въ свой кругъ весело.
Взглянулъ, и тихое навстрѣчу сердце рвется,
Какъ голубь бурею застигнутый, въ степи
Какъ очарованный крыломъ лазурнымъ бьется.
—
А нынѣ предъ тобою сіяющей красы
Нѣтъ злой сирототы и страсти безотвѣтной,
Но сердце глухо какъ въ тѣ злые часы
Коль забвенья порой, покинетъ свой
надеждавшимъ.
—

Я помню: отрокомъ я былъ еще. Пора
Была туманная. Сирень въ слезахъ
дрожала.
Въ тотъ день лежала мать больная,
изъ двора
Подруга игръ моихъ младая уѣзжала.
Жемчужины [illegible] звеня передъ окномъ,
И [illegible] блестящихъ
вертелись,
Сидѣли голуби нахохлившись рядкомъ
[illegible] умолкнувшія
птицы,
А [illegible] колодезь, на [illegible],
[illegible] какъ подъ [illegible]
[illegible], черезъ [illegible]
[illegible] и [illegible]
[illegible] давно умолкъ. Кругомъ и
[illegible] и шумъ,
Но сердце [illegible] не [illegible]
[illegible],
[illegible] глаза, люблю я
[illegible]
[illegible]: вотъ, вотъ [illegible]
[illegible].

Вчера и Сегодня ✕

Вчера, при блескѣ свѣчъ въ двѣнадцатомъ часу
Ты слушала меня съ улыбкою участья,
И шептала мнѣ: вотъ вотъ [illegible]
Тебѣ [illegible] міръ безумья и счастья.
Сегодня. Боже мой! Я [illegible] взглянулъ,
Ты [illegible] на меня и [illegible] къ обиду,
[illegible] подумалъ я днями,
[illegible] а вчерашній
стыдно.

I

Какое счастие. И ночь, и мы одни
Рѣка какъ зеркало и вся блеститъ звѣздами,
А тамъ-то... голову закинь-ка — да взгляни:
Какая глубина и чистота надъ нами.

О назови меня безумнымъ. Назови
Чѣмъ хочешь. Въ этотъ мигъ я разумомъ слабѣю
И въ сердцѣ чувствую такой приливъ любви,
Что не могу молчать, не стану, не умѣю.

Я боленъ, я влюбленъ, но мучась и любя,
О слушай! о пойми! я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя.
Тебя, одну тебя люблю я и желаю.

7

Первая борозда II

Со степи земли-сырой
Подымается туманъ,
И торчитъ еще церерой
Ненавидящимый бурьянъ.

Ржавый плугъ опять свѣтлѣетъ;
Гдѣ волы склонясь прошли,
Лентой бархатной чернѣетъ
Глыба вздрогнувшей земли.

Только что блеснутъ свѣжимъ, [illegible]
Солнца вешнія лучи,
Вслѣдъ за пахаремъ примѣтливымъ
Ходятъ жадные грачи.

Вѣтерокъ благоухаетъ
Сочной почвы глубиной
И хотя тебя встрѣчаетъ
Лоно Геи молодой.

8

Старый паркъ I

Сбираются умирать послѣдніе цвѣты,
И ждутъ съ грустію дыханія мороза,
Краснѣютъ по краямъ кленовые листы,
Горитъ нѣжнымъ цвѣтомъ и осыпается роза.

Надъ мрачнымъ ельникомъ проснулася заря,
Но яркости ея не радовались птицы.
Однообразный свистъ мнѣ слышенъ снигиря,
Да раздражаетъ пискъ насмѣшливой синицы.

Бесѣдка старая надъ пропастью видна
Вдали. Два льва безъ лапъ на лѣстницахъ ветхихъ
Полузатертые, чужія имена
Сплетаясь межъ собой въ глазахъ моихъ мелькаютъ.

Гляжу. Угловъ моихъ отвѣсною стѣной
Межъ соснъ кажутся недвижныя вершины
И горная тропа размытая водой
Внизъ какъ мертвый змѣй бѣжитъ на дно долины.

И солнце вырвалось изъ тучи, и лучи
Блеснули какъ молнія. Въ пучину долетѣли.
Отсюда вижу я какъ бьются въ прудѣ ключи
И надъ травой стоятъ недвижимыя форели.

Одинъ. Ни чьихъ шаговъ не слышу за собой
Везде уныніе, [illegible] во взоръ,
А тамъ надъ [illegible], какъ куполъ
голубой
Стоитъ безстрастное, безжалостное
море.
Какъ чайка [illegible] тамъ бьется.
Послѣдній мой порывъ [illegible]
мгновенно
погубитъ.
И все мнѣ кажется, что въ дальней
сторонѣ
Никто понять тебя не можетъ
и не любитъ.

варьянтъ

Какъ чайка [illegible]
во вихрѣ
[illegible] потомъ [illegible], но [illegible],
И медленно скользя по выгнутой чертѣ
Какъ [illegible] пропавшій
тучки таетъ.

Отъѣздъ. X

Какая горькая обида:
Я завтра ѣду. Болѣе мой
Какъ будто въ области Аида
Темнѣетъ путь передо мной

Какъ шепотъ тихаго моленья
Оркестръ Махосскаго вина
Уединенная моя келья
Теперь покажется душна.
Но вдохновительной отравой
Въ степи безбрежной и въ лѣсу,
Порвавъ по каменной дорогѣ
Твой образъ чистый понесу.
И сохраню въ душѣ глубоко
Твою живую прелесть красоты
И это искрящее око
И эти дѣтскія черты.

10

Степь вечеромъ. I

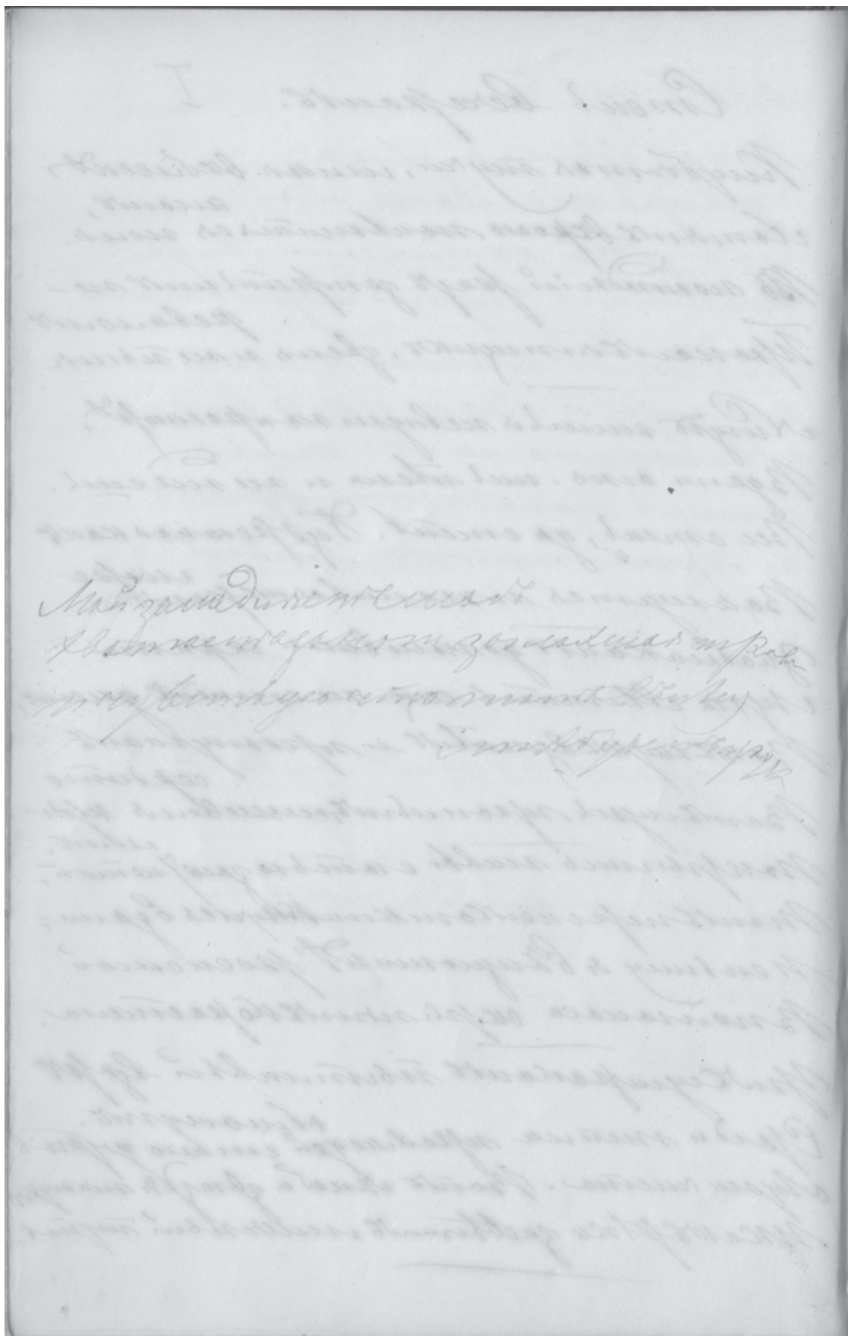
Клубятся тучи, млея въ блескѣ
аломъ,
Хотятъ въ росѣ понѣжиться поля.
Въ послѣдній разъ за третьимъ пе-
ревaломъ
Пропалъ бубенщикъ, звеня и пыля.

Нигдѣ жилья не видно на просторѣ,
Вдали огня, ни пѣсни и не слышно.
Все степь, да степь. Безбрежная какъ
море
Волнуется пшеница [illegible].

За облаками долго было скрыта
Луна свѣтить еще не смѣетъ днемъ,
Вотъ выглянула изъ тучъ и [illegible]
сердито
Затмила облака своимъ пере-
ливомъ.
Покрылась нива сѣтью золотистой,
Тамъ перепелочки крикнули вдали,
И слышу я въ широкой роскошной
Въ полосахъ скрылись васильки.

Угасъ сумракомъ тишины ввоздухъ
Средь тополей и сквозь медовъ облака
обмакнутъ.
Луна чиста. Вотъ звѣзды плачутъ
И какъ искра засвѣтилась млечный путь.

Т 1. Л. 11 об.



В саду. I

Приветствую тебя мой добрый старый сад
Цветущих лет цветущее наследство
С улыбкой горького и сладкой ароматъ
Покорным как когда мое дышало детство.
Бутоны я мять, мять, мазоросли слова,
Которые я в детстве взращивал искусно,
И все мое кончится: переросла трова
И будет нашихъ тайною мечтой тихо грустно
Как будто он вспомнит каждого листа
Моя прабудущие из третей совести
И будут шептать знакомые места
Давно забытую, оплаканную повесть
И скажут: помнишь ли, как ты играл и рос,
Мы помнили каков потом всходил
В нежном зелени и благовонном часах радуги
Тебя звав ласково благословенные руки.

12

Сколько здѣсь грусти, тоски, [illegible] такой

Веселой радостью и свѣжестью надеждами.

Одну я раздѣляю съ безучастьемъ и

тоской,

Другую растерялъ на всю мою [illegible]:

Ахъ вы, въ молодость и [illegible] до конца.

Я грусть – и радость вашу вкушу [illegible].

Столько какъ безумный [illegible]

[illegible]

И также [illegible], и такой

[illegible]

Первый Ландышъ I.

О первый ландышъ! Изъ подъ снѣга
Ты просишь солнечныхъ лучей;
Какая дѣвственная нѣга
Въ душистой чистотѣ твоей!
Какъ первый лучъ весенній яркъ!
Какіе въ немъ нисходятъ сны!
Какъ ты пленителенъ, подарокъ
Воспламеняющей весны.
Такъ дѣва въ первый разъ вздыхаетъ
О чемъ, не вѣдая ещё.
И въ первый разъ благоухаетъ
Ея блистающее плечо

13

Муза. I

Не въ сумрачный чертогъ Науки
Пришла она питать мой слухъ само- (говорливой)
Разсказомъ о царяхъ, ~~о сломанныхъ мечахъ~~, (любивой / герояхъ и князьяхъ,)
О шлемахъ кованыхъ и сломанныхъ мечахъ.
Скрывая женскій лобъ подъ вѣтвію лавровой,
Съ цитарой золотой, не въ цвѣтистости (словесной)
Нарядъ не мастерски пришила она къ
Воинскихъ гордая въ красивой эполетѣ.
Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій
И гибкій и простой и звучный безъ созвучій
Поволъ Пієрид [illegible]
Я не мечталъ стяжать [illegible] (пѣвца)
Отъ побѣдныхъ [illegible] покро-
Мнѣ музу молодость иную указала
Отягощала прядь душистая волосъ
Головку [illegible] узломъ [illegible] кос.

Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали
Отрывистая рѣчь была полна печали
И женской прихоти и серебристыхъ грезъ,
Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ.
Какой-то тайною томительной волнуемъ,
Я слушалъ какъ слова встрѣчались поцелуемъ
И долго безъ нея душа моя боялась
И несказаннаго стремленія полна.

Nenuni. X I

Забудь меня, безумецъ изступленной,
Покой не губи.
Я создана твоей душой влюбленной
Ты призракъ не люби.

Повѣрь и знай, мечтатель малодушной,
Что мучась и стеня
Чѣмъ ближе ты къ мечтѣ своей воздушной
Тѣмъ дальше отъ меня.

Такъ надъ водой младенецъ водохладной
Луной ~~любуется~~ [его] кричитъ
~~Прѣльстится~~ [отображенной], — и ловитъ водящихъ
Лучей серебряный ликъ.

Дитя, отъ призраковъ отвлекай око,
Не довѣряй мечтамъ.
Луна ты вышней вѣтвится высоко,
Она не здѣсь, а тамъ.

I

Еще весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти,
Еще овраги полны снѣга,
Еще зарей гремитъ телѣга
На замороженномъ пути.

Едва лишь въ полдень солнце грѣетъ,
Краснѣетъ липа въ вышинѣ,
Сквозя, березникъ чуть желтѣетъ
И соловей еще не смѣетъ
Запѣть въ смородинномъ кустѣ.

Но возрожденья вѣсть живая
Ужъ есть въ пролетныхъ журавляхъ,
И ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

16

Дай руку мнѣ, дай руку, Пери злая,
Хоть разъ еще привѣтливо взгляни,
Гордячкой [illegible] мой
объясненья,
Возлюбленнаго подъ [illegible] не брани.

Ревнивыя мои [illegible]
дружины,
[illegible] для [illegible] весь свѣтъ.
Какъ [illegible] [illegible] жертвы
мужчины,
И сердца храмъ, — [illegible] я подъ [illegible].

Пусть Музами я вѣчно оставленъ
буду,
Пусть [illegible]
[illegible],
[illegible] твой я Музу позабуду,
За поцѣлуй отдамъ я всѣ
стихи.

Знакомым юга I

На севере грустный [illegible]

юга
[illegible] прекрасная подруга

[illegible] [illegible] отрадный [illegible],

[illegible]

Что сердце там так искренно

любило
И [illegible] так радостно цвела.

О как ждал я на [illegible] зов [illegible],

Там где [illegible] [illegible] дней

так светел
Где солнца блеск [illegible]

и лазурь,
Где [illegible] ночь [illegible]

тонкой,
[illegible] украйной

[illegible]

[illegible] грудь и [illegible]

сонной
Вдаль [illegible] вершиной

заостренной
Где воздух, свет и думы заодно

И грудь дрожит от страсти

жгучей
[illegible] все [illegible] жгучей

Акация в [illegible] окно.

18

Т 1. Л. 19

Осень. I

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали,
Да какъ сѣть мелькали
Вонъ надъ той горой.

Съ вечера всё спится,
На дворѣ темно.
Листъ сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится,
Да стучитъ въ окно.

Лучше б снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ.
Словно какъ съ испугу
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.

Выйдешь. Поневолѣ
Тяжело, хоть плачь!
Смотришь. Черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ какъ мячъ.

19

II

Кружило. Затрещатъ
Взлетали [illegible] [illegible].
Куда судьба меня кидаетъ,
Куда мнѣ [illegible] мою нести?
Хочу. Кипитъ всегда [illegible]
~~Я находить тебя [illegible]~~ [над строкой: А [illegible], [illegible], [illegible]]
Но [illegible] вѣтромъ далекой
~~А то~~ [над строкой: И] вокругъ ~~разбивается [illegible]~~. [над строкой: [illegible]]
[над строкой: травки]
Взлетитъ [illegible] прощаясь,
Крутой шипучій говоритъ
Напрасно [illegible] [illegible]
Другаго [illegible] зоветъ.
Но смеркнется. Надъ степью черной
Бросятъ цвѣты облаковъ
И ~~на горы~~ [над строкой: [illegible] вдругу] [illegible] нагорный
Ему прощанье [illegible] [illegible] зовъ.

20

Т 1. Л. 20 об.

2

Ночь свѣтлолѣтняя въ Стамбулѣ,
[illegible] моря [illegible].
Различишь [illegible] въ звѣздахъ,
Каждую точку на ~~[illegible]~~ [illegible] звѣздахъ
[illegible]
[illegible].

Не вошли 5

Крымские стихотворения

Вечер у взморья II

За [illegible] [illegible]
На [illegible] умолкнут птицы.
Тишина [illegible] обоймет,
Не качаясь [illegible].
День бледнеет понемногу.—
Вышла жаба на дорогу

Потемнеют неба своды,
Успокоятся воды,
Встанут тени великанов,
Закружатся [illegible].
Лишь [illegible]
[illegible]

Пастухи [illegible]
Утомленные [illegible]

21

II II

Идя легко на завтра день
Стряхнувъ несложный изъ вѣчныхъ.
Пурпурной пышной огонь
Прозрачнымъ озеромъ закатъ.

Вдалинѣ дремлющихъ корабли,
Его премудрость миновала,
Далеко небеса ушли,
И къ нимъ морская даль ушла

Лишь робко небо замелькаетъ
И тайно свѣтъ уводитъ прочь,
Чтобы не сказать: минулъ день,
Но говоритъ: настала ночь

22

III II

Ночь весенней негой дышитъ,
Вѣтеръ взморья не колышетъ
Весь заливъ блеститъ какъ сталь,
Тамъ надъ моремъ облаками,
Какъ волшебными горами
Разукрасилась даль.

Долго будетъ утомленный
Спать съ Селеной Эндимiонъ возлюбленной,
Но Аврора ужъ спѣшитъ
И смутивъ блаженство бога
Изъ подводнаго чертога
Съ яркимъ факеломъ блеститъ

Сонъ Поручика Лосева.

I

Мнѣ не спалось. Въ томительномъ мракѣ
Былъ тёмный воздухъ словно въ пустотахъ
Но все я слушалъ: около печка мухъ
Бессонница, а не гаснущая свѣчка
Поставлена въ стѣну надъ мутный
Взвизгивая прорывался сердечка мухъ
И шевельнулъ, какъ будто одинокой
Въ немъ смотрѣлъ все [illegible]

II

Вся зала.. Въ залѣ мнѣ пришлось въ походу
Спать въ качествѣ случайнаго жильца
Любой въ залу, полно такъ свободно,
Хозяинъ въ ней недопускалъ жильца.
И, указавши залу, по отводу,
Просилъ ходить съ парадного крыльца.
Я очень радъ былъ этой благодати
И помѣстился на складной кровати.

III

Немного въ Дерптѣ есть такихъ домовъ,
Гдѣ въ стѣнахъ атмосферы средневѣковой,
Какъ знаешь. И я пришлось быть хотя въ
Своего домахъ вѣстникъ всѣ судьбою
~~[illegible]~~ Кругомъ я [illegible]
Кругомъ, какъ у купцовъ свадьбы надобно.
Кольчуги, шпаги, длинные портреты
И всякіе старинные предметы.

IV

Но ко всему привыкнешь. Я привыкъ
Къ темной строгой сумрачной картинѣ
[illegible] унылой стороны,
[illegible] на новой половинѣ
Все [illegible] тихо. Мой денщикъ
[illegible] — забывъ о господинѣ
[illegible] — Мнѣ бѣдно душно, жарко
[illegible] [illegible] ярко

V

[illegible] пурга. [illegible]
Давно на отдыхъ. Улицы пустѣли
Два-три студента подъ окномъ
прошли
И [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] все замерзло [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible], мнѣ очарованъ
[illegible] стеклами [illegible]
[illegible]

VI

На [illegible] въ одиннадцатый разъ
[illegible] [illegible] [illegible]
Но [illegible], [illegible], что [illegible]
часъ
[illegible] новаго петуха
[illegible] [illegible]. [illegible] часъ
А [illegible] [illegible] [illegible]
круга
[illegible] [illegible] моихъ,
и зала
Въ [illegible] мазурки [illegible]

(1) Хорватъ лицы VII лица.
Какія лица? сказка! Что за взгляды?
Въ иныхъ смиренье въ иныхъ подвижность страсти.
Арапъ, трубочистъ, — и порядкомъ
Какой-то нетрезвый дикій — что за черти?
„Ужели сегодня праздникъ, маскарадъ,"
Сказалъ одинъ купецъ московскій; „Но позвольте,
„Мы въ Тифлисѣ, и вамъ не безпокоить,
„Не стоитъ вамъ — такъ мы здѣсь балъ устроимъ.

VIII

„Эй! живо тамъ прокинуться! Позвать
„Сюда оркестръ — да внести фортепьяно
„Свѣтло итакъ достаточно." И вдругъ
Вдали стоявшій подъ сводомъ палатки, забавы
И виноградомъ подъ вѣчными накиношками
Стала знакомъ вечеровъ. Посрединѣ фонтаны
Въ нихъ радуга и тѣнь меетъ и смѣется
Покамѣсть баловъ въ вашихъ служитъ настраивается.

IX

Но я подумалъ, если не умру
До завтрашняго дня, что можетъ статься:
По вѣкиму иль въ штуку помру
Пусть будутъ лица и надаю отечества
Пусть мнѣ смѣются; коли помру
Пока господами души возвращаются.
И длинный балъ мнѣ вовсе непотребенъ —
Пусть батюшка здѣсь отпоется мнѣ тѣмъ,

X

Каждый заботливо: „Зачѣмъ же гнать
Вы надобности. Прекрасные лица!
Не надо вашихъ людей! уже пристально
Насъ множество въ вашемъ веселомъ
Далеко разъ въ вашъ?" Да! Ночью. Вспомнимъ,
Уловили ли, отрадные кладбища, стать
Прикажи войти, все что вамъ угодно
Мы въ точности и смиренно благородно.

25

XI

Хотите слов? — слова затрубит.
Про Лосева поручика повсюду:
Здоров ли? Врач наш показал,
закашлял,
Что тифойте и назной и непростуду
Богатства? В нем а копеек не будет
Вам будет. Денег больше нет на всем труду
Весь сундук. Раскрыли. Кроме солнца
Все золотые бесшумно в три червонца.

XII

Что? мало что ли? Эти вороха
Мы пробовали считать ни что-
ли что плать.
Смотрю — кой черт? Не что за чепуха?
А впрочем, что ж. Они не разобьются...
Взяло раздумье — Долгом дорогою!
Взяв в собственность — и работой прочим
Братьев, иль не брать? Возьму — своё по праву
Взгляну в контракт, не продаю ж я душу.

XIII

Так же толь бить все это забирать?!!
Но отчего ж вдруг разбитее?..
О! чтоб сказала ты? кого и звать
При этих грешных столь и слабых,
не смею,
ты! дней моих минувших светлый бог!
тень, пред которой я благоговею —
Хотя б ты мой разум наказанием
Нать, давно без грани почила.

XIV

„Вотъ нужно посовѣтоваться. Стой! —
И это можно. Мы на все артисты.
Намъ вѣчно же нельзя. Нашъ братъ
туда же въ царь.
Понятно страшно. Вѣдь и мы на стопы.
Затѣмъ слѣпыхъ мы ставимъ въ возрастъ
Въ контрапунктъ, каковъ же былъ и чистъ —
Въ вашъ покой мѣсто, что видимо самъ
Хоть бы ужасомъ, духовными очами.!

XV

Голосъ! Вонъ отсюда крикнулъ старшій.
Вдругъ
Исчезли всѣ, горячихъ въ одно мгновенье.
Издалека донеслися звуки,
Какъ утренняго жаворонка пѣнье,
Да тоже по шолку. Ли то другъ
Отрадное, прекрасное видѣнье.
Твою улыбку земное созданье!
Хранитъ вотъ такое вспоминанье.

XVI

Подай мнѣ руку, другъ моей души!
Шептала она, подымая перстъ
Лилейный;
„Теперь волненье сердца утиши,
Сказала кротко рѣчью тихою.
И улыбнулась — и въ глуби моей души
Стала проникать восторгъ блаженный.
Уста и ея слова произносили,
И въ нихъ глаза мою въ душу доносили.

Дай руку мнѣ! Докладывалъ хоралъ!" —

(в.)

XVII

„Мой путь окончен. — Ты еще живешь!
Еще любви в груди твоей так много
И если жалко, честно ты пойдешь,
Еще светла перед тобой дорога.
Тяжелой опытностью только бы, увы!
Ты мысль, что дана тебе от Бога.
~~[illegible]~~
Безплотный дух, ко злому неверующий, ~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
Не для себя — XVIII тебя любила я.“

Ты помнишь ли [illegible]
И свет из груди подавить [illegible]
[illegible], сколько в [illegible]
Из [illegible] вершины [illegible]
Ты [illegible] — [illegible]
Дыханья грудью твоей, глаза блистали.
[illegible] — страшно [illegible]
Как бабочка [illegible]
Луна.

XIX

„А счастье было, говоришь ты, подле,
Возможно [illegible] и близко“. — Ты [illegible]
[illegible]. Нет!
Нет, никогда твой взор так
[illegible]
И [illegible] стоит
Слез [illegible]. Но ты, ты [illegible]
Да! Счастья было в [illegible] так
Что страшно [illegible] много,
у Бога. (x)

Безплотный дух, [illegible]
Не для себя хранить [illegible]
(x) [illegible]

XX

Но дальше — далѣ мнѣ темный сюжетъ
Таинственъ. Въ часъ невыносимой муки
Я Варю обняла. Она, отъ слезъ
Едва дыша, мнѣ цѣловала руки.
„Не уходи! — Средь ангельскихъ грезъ
„Не покидай меня!“ — Мои звуки. (?)
„Мнѣ въ отвѣтъ одинъ — твое сердечное движенье.....
Но онъ меня не пойметъ и не осудитъ.

XXI

Теперь ты понялъ все — Не омрачи
Послѣдняго свиданья малодушно.
Она страдаетъ. Каждый годъ врачи
Ее шлютъ на воды, она послушно
Съ тоской своей томится въ шумѣ ключа.
Но ты ее спасешь великодушно.
Есть въ жизни скоро, скоро вѣчный сонъ.
И входитъ врагъ, повсюду, незамѣтный.

темно и тихо

XXII

„А что,“ — и мрачный взглядъ сверкнувшей
Я вижу передъ собой работницы сердечной,
„Хоть собственную душу погубитъ —
И грѣшнаго сокровища не трогай
Уйди отъ нихъ — и позабудь: меня
Святой впередъ отъ крыльца дорогой.
Прощай. — Прощай“ — и въ кругу моей постели
Въ тишь той запрыгали, затихли.

XIII

Вотъ стало тихо. Но во [illegible]
[illegible] осталась мутная точка
И [illegible] ночь
Мой былъ какой-то собачка —
Ужъ тутъ же помню. — Утро [illegible]
И говоритъ, что у меня горячка
Была дней шесть. Выздоровевши
Я [illegible] — и чертилъ [illegible]
золу.

N: Одинокій дубъ. 40 I

Смотри! смотри: другъ за другомъ,
Какимъ широкимъ полукругомъ
Уходятъ правнуки твои.
Зачѣмъ же съ ними ты, покорной
Всѣмъ бурямъ ты, старикъ упорной
По рубежамъ родной земли.

Когда въ своей лазури съ радостью,
Когда ж метелицамъ и вьюгамъ
Придетъ и медлительный конецъ?
Иль вѣчно полный красоты
Рукой суровой непогоды
Упрямый шумъ твой вѣнецъ?
И, подъ израненною корою,
Ты помолодѣешь молодой?
Такъ съ шумомъ въ вѣтвяхъ сверкающихъ
твоей
Не остывающей думы загадками,
Подъ иззубреннымъ мечами,
Давно зардѣвшей огненной бронзой.

Все дальше, дальше всѣ годами
Вокругъ тебя незримо выходятъ
Подъ землей простирая своихъ корней
И въ нихъ кривые и крѣпкіе пути
Быстро, съ горки неглубоко
Пока не вспыхнутъ въ одной статьей.

Когда же, [illegible] взмахнув в окно,
Весенний ветер [illegible]
твои [illegible] листья,
[illegible]
широкой,
[illegible] одинокой,
[illegible].

III. О [illegible]

[illegible]

III. [illegible]

(1) Надобно бы придать [illegible] призракам более картинности и фантастической [illegible]. Эта строфа, [illegible] прибавки, не будет лишнею.

(2) [illegible] более страстной прелести [illegible] ту сцену когда перед [illegible]

Стихи.

Твою улыбку, [illegible] созданье

Хранит [illegible] воспоминанье

[illegible] и признаньем.

(3) Общий тон [illegible] хорош но [illegible] путаница в [illegible]. Нужно упростить его и [illegible] при фантастическом [illegible] многословие.

(4) Эта строфа [illegible] Исправить её в сто раз лучше. [illegible] горского [illegible] и [illegible]

29

/ Общее впечатление всей вещи широ-
ко поэтично, полезно, законно, пра-
вильно. Недостатки подробностей
заменяются достоинством целаго, и
потому всякая неправильная строка
подавляется вообще — и сама по
себе, и по своему отношению к
целой сцене.

/ Т.

VII стр. Сонъ

[illegible]

XVI

[illegible]

Все это сонъ, [illegible]

XVII

[illegible]

XXI

[illegible]

XXIII.

[illegible] побережье нимф
[illegible] [illegible] [illegible] до приморщинье
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] бросит.
Колеблются в ветряных [illegible].
Набросит горечь – и [illegible] волной
И льнёт к кольцам – или кто [illegible] росе
Шумит, как чуткой змеёй [illegible]
И [illegible] сами, словно волны.

ниб

№ 6 Золотой век С. 9. II

Auch ich war in Arkadien
Schiller свободно

В наслажденьи и мечтах кругом обманованный,
Где же мой устал златой прошедший век,
Гармонии и мира вечно ясный
Под сенью дерев благоуханной
[illegible] человек.

С Музами юными Аркадии,
Долины тихие и горные хребты;
Еще досель в пустынных [illegible]
[illegible]
На [illegible] Элейских [illegible]

Под тихою душистой и красивой
[illegible]
Влюбленно в [illegible], что Сатурн ревнивый
[illegible]
В тех златой [illegible] еще прошел.
~~[illegible]~~ изучился, за [illegible]
[illegible], где [illegible]
[illegible] горячих
Лобзаний [illegible], трепещущих
[illegible]

+ Продолжение ~~[illegible]~~ сохранилось [illegible]

~~[illegible]~~
[illegible]

Совр.

31

№ 17. от. 3

~~Благословенный~~ II

В благословенный день, когда стремишь душою
В небесный мир любви, добра и красоты,
Воспоминание [illegible]
Нерукотворныя черты.

[illegible]
[illegible] молитвенных усердий
[illegible] молитву, [illegible]
Но все тебя [illegible].

И [illegible] душа моя [illegible],
Когда [illegible] земное бытие
[illegible] и [illegible]
[illegible]

~~[illegible]~~ Е. П. К-у. Ф.
~~Егору Петровичу~~
~~Ковалевскому~~ II. 7.

Напрасно сладкозвучной ты насмешкой
ошибкой,
И тихо качаешь усталой головой,
Напрасно смотришь ты с двусмысленной
улыбкой
На благородный подвиг твой.

Судьба тебе тяжелой неотрадной
неотрада,
В измученной груди волшебный голос
жив.
В ней есть стремленье жаркое любви, в ней есть
величие идеала
И сердца светлого порыв.

Так [illegible] всегда [illegible] родимого
скалого,
Затерянный в [illegible] [illegible]-
[illegible] — столетий,
~~Скитальцев [illegible] [illegible]~~ [illegible]
струею
Из камня брызнувший ручей.

~~[illegible] [illegible]~~
Встречает путников, томящихся
от зноя.
Из камня брызнувший ручей.

33

Б.

46. I.

На лодкѣ.

Шири сколько синь, брать взоръ на голубой
равнинѣ:
И небо, — и вода. —
Утесъ остановилъ челнъ.. по самой
серединѣ
Широкаго пруда.

Бурлитъ слегка волна волнистой легко-
хохочетъ;
Чуть, чуть блестятъ струи.
Такъ тихо, будто ночь сама подслу-
шать хочетъ
Рѣчь тайную любви.

Дѣвушка чуткою мечтательными очами
Досказываетъ тихо кругомъ.
Вся полна кругомъ звѣздами золотыми
Покоится ладья.

Гляжу въ твое лицо, въ сіяющія очи
О добрый геній мой!
Лицо твое живѣе, ты вся пра-
свѣтла, ночи
Ты въ красотѣ прекрасной неземной.

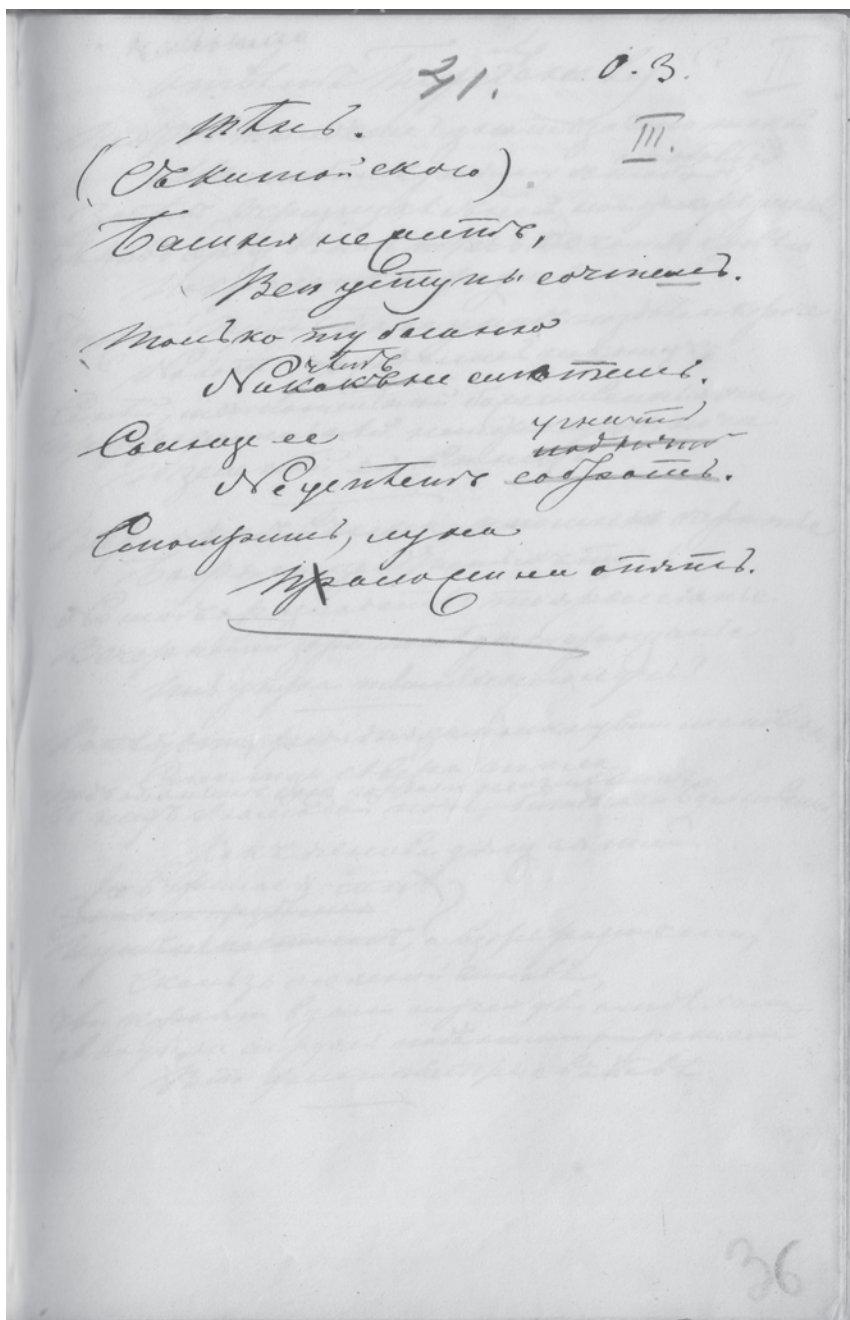
Теперь волшебница ничтожной могучей
власти
У неба не проси.
Всю эту ночь, весь блескъ, весь пылъ
безумной страсти
Возьми — и погаси!!...

34

Nev. Сонъ. 13. 1 вѣзр. С. II

Спитъ берегъ мой скалистый
Море спитъ подъ луною,
Какъ ребенокъ дремлетъ чистый...
И тишиной [illegible]
Въ объятьяхъ [illegible] и [illegible]
~~[illegible]~~ часто [illegible] ~~[illegible]~~,
Тишь алмазною мечтою.

35



не вошло
Ивану Тургеневу 4 С. II

Поэтъ! ты хочешь знать за что такой
  Мы любимъ родину съ тобой? (с любовью)
Затѣмъ, что [illegible] въ ней, [illegible]
[illegible] сердце [illegible] истечь последней кровью
  [illegible] ей родной.

Поэтъ! Пусть весна у насъ позднѣй и короче
  [illegible] дожидаться ей концу;
Святей [illegible] очи,
[illegible]
  И зелени ея къ лицу.

Вчера я шелъ въ ночи, и помню очертанье
  Багряно-золотыхъ тучъ.
Не могъ я разгадать: то яркое сіянье
Вечерней ли зари послѣднее прощанье
  Иль утра темнаго лучъ?

Какъ будто, средь дня, замолкнувши мгновенно,
  Отъ солнца сверху спала
[illegible] горами [illegible];
И надъ громадой ночь, блѣдна и вдохновенна,
  Какъ [illegible] шла.

Не въ крымской тиши
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~, а въ [illegible],
  Скользя по [illegible],
Что корабли [illegible],
А вы, [illegible]
  Вотъ [illegible] въ Невѣ.

Заныла грудь моя, все в душахъ [illegible]

[illegible] мы встрѣтимся [illegible] другъ!

Вѣрь, что никогда въ свободныхъ [illegible]

Не могутъ [illegible], вполнѣ разоблаченныхъ

[illegible] сладострастный голосъ.

[illegible] туманъ

порой подъ [illegible]

неб 12 Ve

Телемакъ у Калипсо.

С
II

Солнце низко. Легкой мглою
Вечеръ день полонитъ,
Входъ въ пещеру раззолоченъ.
Съ наклоненной головою
Который Менторъ разгадываетъ, —
Сынъ Улисса озабоченъ.

Стихли нимфы. Отдыхаютъ
Море, горъ подъ звѣздъ туманомъ;
Все безмолвствуетъ у грота.
О, нимфы радостно чего-то слышатъ,
Какъ весною, благоуханной
На коврахъ изъ розъ, утѣхи

Тайны сладкой Лѣты,
Ждутъ раскрытыя амфоры;
Но забылъ въ угрюмой думѣ
Сынъ прекрасный Одиссея
Очи поднять на нимфъ взоры,
Внемлетъ пѣсни нимфъ шуму.

Ходитъ и стихъ, думаетъ горе:
Какъ оставить ей домашнихъ
Разсказать свою кручину?
„Нѣтъ, прости, злое море,
Завтра я въ твоей пустынѣ
Все забуду, что покину.“

38

Разгоралась въ облакахъ алмазъ
Отъ пламеноносицы Авроры,
Но безмолвно вся краснѣя,
Грудь прикрыла опахаломъ,
И склонивъ къ любимцу взоры,
Въ сномъ потупила богиня.

О Зевесъ! Зачѣмъ же мира
Тишину безмолвной нощи; Царь громовержецъ
Злато влажнымъ Аполлономъ?
Не зачтишь владыка мира,
Взглядъ такой амброзіи
Ты даешь возлюбленнымъ [illegible]

Сестра 18 03 I

Милой меня называютъ сестра:
Въ зеркало точно себя я не вижу!?
Боже! зачѣмъ хорошенькихъ сестеръ,
Что передъ ней я себя ненавижу.

Голосъ ея, прерываясь, дрожалъ;
Даже въ аккордахъ я сопроводила
Отзвукъ чистый удаленного стоналъ..
Такъ я весною по аллѣе ходила.

Въ спальню вошла я:— она убѣгала
Мокрыя кудри обсушала руками.
Я не могла устоять,— подошла
И, наклонясь, къ ней я прижалась
устами.

Какъ хороша, какъ свѣжа и добра
Стало! И съ удивленьемъ я не вижу
Милой меня называютъ сестра—
Въ зеркалѣ точно себя я не вижу!

39

[illegible]

III Лида

И нимфа отрока, свѣжевъ стыдомъ,
будь хочетъ,
Трепещетъ и его свободно убѣжать. —
Садится на траву. Ей уступаетъ онъ
Поздѣ и въ тайный рай [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Маскомъ [illegible]
и Донтъ! [illegible]
[illegible]
[illegible]
Какъ [illegible] другъ, ты, [illegible]
Скажи, какъ [illegible] ты, [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] (говоритъ) [illegible] руками
Счастливецъ! [illegible]
груди своей
и [illegible]
Ты [illegible] взоръ? [illegible]
Та, у которой [illegible] ты, [illegible]
[illegible] — Что съ тобой?
Ты весь [illegible]. [illegible]
здѣсь рукой:
Груди [illegible]
лась.
Но это [illegible] ли? [illegible]
[illegible]
[illegible]
Но [illegible] улыбаешься.
Ты улыбаешься, красавица... Какъ [illegible]
[illegible] очей! Какъ [illegible]
таетъ!
Не [illegible] ли ты, [illegible]
небесъ?
[illegible]
Зевесъ?

Кораблей сто десять [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
Счастливой удачей.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

О Аполлон, о музы [illegible]
[illegible]
[illegible] Музы! [illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
Античных [illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible] среди которой [illegible]

Родины [illegible] широко [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

~~Старость о Бог,~~ [illegible]

Бог! [illegible] святой [illegible] окружите

Россия [illegible] [illegible]

[illegible] громкой [illegible] и славе.

Кто убеждает вас, [illegible]

Славный [illegible] заклад [illegible] (5)

и святой [illegible]

[illegible] врагов,

покрывая

Падшим обид.

Море и суша [illegible] (6)

[illegible]

[illegible]

Молитва [illegible].

[illegible]

[illegible] держава [illegible]

[illegible] +

[illegible]

[illegible].

42

Т 1. Л. 42 об.

Ивы и березы

[illegible]

2

[illegible]
[illegible] хоровыхъ
[illegible] хора.

Одна изъ [illegible] (carmen saeculare) написана по случаю торжества, происходившаго каждые сто десять лѣтъ. Въ 737 году отъ осн. Р. Августъ возобновилъ эти празднества, прерванныя междоусобными войнами, поручивъ Горацiю сочинить пѣснь для хоровъ избранныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые по уставу Сивиллиныхъ книгъ должны были въ эти торжественные дни славить Аполлона и Дiану. (1) Хотя [illegible] древнихъ были называемы многими прозванiями (τὴν πολυωνυμία). По друг. бог. ~~призывается~~ величается Илитiею — Дiана — покровительница родовъ, празднества Мойры попечительно называются Луцины (помогающей человѣку явиться на свѣтъ) и Гениталы (помогающ[ей] въ родахъ). (2) Сохраненiе Сената и (3) важнаго для него изданнаго Августомъ закона (lex Iuliana) объ утѣсненiи холостяковъ и улучшенiи нравовъ. (4) Римъ созданъ Аполлономъ въ томъ смыслѣ, что Эней въ силу прорицанiя этого бога отправившiйся по его указанiю изъ Трои въ Италiю, основалъ новое царство. (5) Августъ по усыновленiю причислялся къ Юлiанскому роду происходящему отъ Юла (Iulus) сына Энея.

№ 6 **Сонетъ.** 20

Угрюмъ и празденъ былъ часто оборону,
Напрасно въ грусть втиую идитю,
Наслоивший подвиженьи вызванные,
Для тени сердца моего въ немалому.

Но за тобою ревниво все иду,
Чтобы понять и поцелуй и утешь.
Воплощенного дружбой горевшего
И быстротою твоею дорогу.

Спасибо, друг. Путь не вот срока,
Не отерзана, обмена глубоко
Души порока въ соньвину реку,
Но встанет кровава ду~~ховная~~ гневная

Устами въ падъ; ~~б~~ессмертнымъ каемным
И звучно зазвенитъ какъ четыре прелестным.

[illegible] стр

44

6) Албанская секира также что Римское имущество, ведущая начало отъ (Alba-Longa) основанной троическими выходцами,

7) [illegible] божества эти оставивши свои храмы.

8) Гомеровское ἀργυρότοξος.

9) которыхъ онъ предводитель, Корибантовъ.

10) Овидій заставляетъ Аполлона выражаться о себѣ какъ о изобрѣтателѣ медицины: „Inventum medicina meum est."

11) Храмъ воздвигнутый Августомъ въ честь Аполлону на горѣ Палатинской.

12) на Авентинѣ одномъ изъ семи римскихъ холмовъ находился храмъ Діаны, а на Алгидѣ въ Лаціумѣ празднованіе ея торжества.

13) 15 мужей завѣдывавшихъ празднествами Аполлинія.

14) Постыдно по [illegible] по войнѣ въ [illegible], отнюдь къ себѣ вниманіе обратить, въ новъ- шей случаѣ.

№ 5 — 22 — II

На кораблѣ.

Летитъ онъ! туманною чертою
Земля отъ глазъ моихъ бѣжитъ.
Подъ неустрашимою стопою
Великая бѣлою громадой
Стихія скучая дрожитъ.

Дрожитъ и сердце, грудь заныла:
Напрасно моря даль свѣтла,
Душа въ [illegible] уже вступила,
Куда живущая есть мысль
Её мечтаній уносила

Её будущность чудится заранѣ.
Тотъ день, когда безъ корабля
Помчуся въ воздушномъ океанѣ
И будетъ исчезать въ туманѣ
За мной родимая земля.

V Лит. вѣстн.

45

Т 1. Л. 45 об.

№ 21. Горное ущелье I 46

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Какъ будто [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Какъ будто [illegible]
[illegible]

[illegible]

46

III (Лида)

Иль тот, кто, зародясь избегнуть
корою богом собою,
Из недра Мирры вышел, облечён корою.(1)
Быть! кто б ни был ты, хочу тебя
Добиться!
Быть! люби меня. О! сколь коварно [illegible]
Как часто отвергали
Уплыли [illegible] и [illegible];
Но ты, ты будь моим, хочу избыть любви
. . . . — — — — —

И развеется в веках мой камень
мрачной
Что [illegible] разведенных печей
мой.

(1) Мирра, дочь Цинира, Ассирийского царя, превращенная в благовонное дерево. Римляне говорили, что кору этого дерева разрезали и верили, что не давали [illegible] Цинир в прекрасном [illegible] от Мирры — Адониса.

PRO MEMORIA

ПАМЯТИ ГАЛИНЫ ДЕВЛЕТШАЕВНЫ АСЛАНОВОЙ (1936–2017)

29 апреля 2017 года ушла из жизни Галина Девлетшаевна Асланова, человек, чья деятельность была неразрывно связана с именем Афанасия Афанасьевича Фета. За долгие годы самоотверженной работы по изучению литературного наследия и биографии великого поэта Галина Девлетшаевна стала не только ведущим специалистом в области фетоведения, но и крупнейшим популяризатором творчества поэта. Все, кто хотя бы однажды сталкивался с нею, никогда не забудут ее страстной заинтересованности в деле, которому она посвятила жизнь, ее открытости, безграничной щедрости и благожелательности к тем, кто только вставал на путь постижения одного из замечательнейших поэтов России.

Г. Д. Асланова стояла у истоков возрождения интереса к личности и творчеству Фета, всегда была в центре научных поисков, собирая вокруг себя энтузиастов. Яркая, самобытная личность, щедро делившаяся своими знаниями, Галина Девлетшаевна как магнит притягивала к себе людей, умела заинтересовать ученых, издателей, преподавателей, школьников. Трудно переоценить роль, которую сыграла Г. Д. Асланова в проведении первых научных конференций, проходивших в Курском государственном университете с середины 1980-х годов, и в подготовке выпускаемых по их следам научных сборников. Не может быть забыто имя Г. Д. Аслановой и в истории первого музея Фета в его усадьбе Воробьевка, в создании концепции и оформлении мемориальной комнаты Фета в Музее писателей-орловцев в Орле и многих других начинаниях. Поистине огромен и не теряет своего значения вклад Г. Д. Аслановой в современное фетоведение — ее книги и публикации в ведущих периодических изданиях — «Литературном наследстве», «Новом мире», «Вопросах философии», «Нашем наследии», «Вопросах литературы», «Записках Отдела рукописей РГБ» и многих других — остаются ценными источниками и не теряют своего значения.

При всей страстности натуры Галина Девлетшаевна была чрезвычайно скромным человеком. Она никогда не стремилась к популярности: немало книг, сборников и публикаций, в которых она принимала самое активное участие, была их душой и движущей силой, увидели свет без упоминания ее имени или в перечислении с другими именами. Так, при ее непосредственном участии были подготовлены «Сочинения А. А. Фета» в двух томах (1982), где, помимо стихотворений, впервые был напечатан и прокомментирован значительный комплекс прозаических текстов, в том числе писем поэта к различным корреспондентам. В 1992 году при ее живом содействии был издан репринт мемуар-

ной трилогии поэта («Мои воспоминания», «Ранние годы моей жизни»), вышли содержательные сборники «А. Фет. Стихотворения. Проза. Письма» (1988), «А. А. Фет. Стихотворения, поэмы. Современники о Фете» (1988), «А. А. Фет. „Был чудный майский день в Москве...“. Стихи. Поэмы. Страницы прозы и воспоминаний. Письма» (1989), вышли в свет сборники его прозы (2001) и публицистики (2013), впервые напечатаны и тщательно прокомментированы сотни писем Фета, введено в научный оборот множество ранее неизвестных или забытых документов.

Десятки исследователей, начинавших свой путь в 1980-е годы, с благодарностью вспоминают добрые слова поддержки, звучавшие из уст Галины Девлетшаевны. Добрый, отзывчивый человек, Галина Девлетшаевна в то же время была принципиальным ученым, ярким полемистом, бесконечно преданным своему делу. Умела отстаивать свою точку зрения и не терпела спекуляций и наветов, которыми, к сожалению, долгое время было окружено имя Фета.

Судьба не обделила ее ни характером, ни работоспособностью, ни творческим огнем. Даже когда подкравшаяся болезнь лишила возможности передвигаться, она не сдавалась и продолжала работать. До последнего выступала, давала интервью, следила за новыми публикациями, преподавала, в том числе на философском факультете МГУ.

Светлый образ Г. Д. Аслановой навсегда сохранится в памяти всех знавших и ценивших ее людей.

Н. П. Генералова, И. А. Кузьмина

Библиография работ Г. Д. Аслановой[1]

Составительская, редакторская и комментаторская работа

1. *Фет А. А.* Стихотворения, поэмы. Современники о Фете / Сост. совм. с А. Е. Тарховым; примеч., подбор материалов и подгот. к печати раздела «Современники о Фете». М., 1988.
2. *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Сост. совм. с А. Е. Тарховым; коммент., подгот. к публ. писем Фета к А. В. Олсуфьеву. М., 1988.
3. *Фет А. А.* «Был чудный майский день в Москве...». Стихи. Поэмы. Страницы прозы и воспоминаний. Письма / Сост. совм. с А. Е. Тарховым; примеч. М., 1989.
4. *Фет А.* Воспоминания: В 3 т. М., 1992 <Репринт изданий: *Фет А. А.* 1) Мои воспоминания. 1848—1889: В 2 ч. М., 1890; 2) Ранние годы моей жизни. М., 1993>.

[1] В библиографии работ Г. Д. Аслановой не используются принятые в наст. томе условные сокращения.

5. *Фет А.* Проза / Сост., вступит. статья. М., 2001 (сер. «Проза поэта»).
6. *Фет А. А.* Наши корни. Публицистика / Подгот. текстов и сост.; коммент. совм. с В. И. Щербаковым. СПб.; М., 2013.

Статьи и публикации

1. «Сердечно благодарю за добрый привет» <Публ. писем Фета к С. П. Боткину> // Медицинская газета. 1986. 26 сентября. № 78 (4627). С. 4.
2. Кто был автором «Письма из Звенигорода» // А. А. Фет: Проблемы творческого метода, традиции. Курск, 1989. С. 98—100.
3. «Кажется, Теккерей» // Уильям Мейкпис Теккерей: Творчество; Воспоминания; Библиографические разыскания. М., 1989. С. 440—443.
4. К 100-летию выхода в свет «Моих воспоминаний» А. Фета // Памятные книжные даты 1990. М., 1990.
5. А. Фет — переводчик латинских поэтов // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1990. С. 49—55.
6. *Фет А.* «То были первые дни свободы...» // Человек. 1991. № 1, 2 <Подгот. к печати фрагментов очерков «Из деревни»>.
7. *Фет А.* Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Подгот. к печати, послесл., коммент. // Новый мир. 1992. № 5. С. 113—160.
8. Письма Н. Ф. Христиановича к А. А. Фету // Российский архив. М., 1992. Вып. 2—3. С. 239—243.
9. О смерти А. А. Фета // Российский архив. М., 1994. Вып. 5. С. 240—248.
10. Дополнения и уточнения к «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 334—346.
11. «Под гостеприимным кровом Вашим...» // Дом Остроухова в Трубниках. Альманах. М., 1995. С. 34—45.
12. Письма А. А. Фета к А. В. Олсуфьеву // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. С. 214—246; 2000. Вып. 51. 251—279; 2004. Вып. 52. С. 106—134.
13. *Фет А. А.* Из-за границы. Путевые впечатления (Отрывки) / Подгот. текста и примеч. // А. А. Фет: Поэт и мыслитель. М., 1999. С. 235—269.
14. «Навстречу сердцем к Вам лечу...»: История женитьбы А. А. Фета по архивным документам // Новый мир. 1997. № 5. С. 197—210.
15. В плену легенд и фантазии // Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 175—195.
16. Первый биограф Фета Н. Н. Черногубов // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1997. С. 2—13.
17. Земельный вопрос в публицистике Фета 80-х годов // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1997. С. 60—67.
18. *Фет А.* Наша интеллигенция / Подгот. текста и примеч. // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1998. С. 127—141.
19. «От тебя одной зависит мое полное счастие...»: Письма А. А. Фета к невесте / Подгот. текстов и примеч. // Наше наследие. 1999. № 49. С. 39—54.

20. Роковое «фетианство» // Наше наследие. 1999. № 49. С. 55—59.
21. *Фет А. А.* Где первоначальный источник нашего нигилизма / Публ. совм. с В. И. Щербаковым // А. А. Фет и русская литература. Курск; Орел, 2000. С. 5—13.
22. *Фет А. А.* Общинное владение / Публ. совм. с В. И. Щербаковым // А. А. Фет и русская литература. Курск; Орел, 2000. С. 13—18.
23. *Фет А. А.* Наша интеллигенция / Подгот. текста, вступит. статья; примеч. совм. с Н. Н. Трубниковой // Вопросы философии. 2000. № 11. С. 129—174.
24. Гоголь и Фет // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. М., 2000. С. 179—188.
25. И. П. Борисов — друг и родственник Фета // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 2002. С. 120—126.
26. Литературные и музыкальные салоны Петербурга первой половины XIX века // Армариум. М., 2002. С. 347—368.
27. Письма А. А. Фета к И. П. Борисову / Вступит. статья и коммент.; публ. совм. с И. А. Кузьминой // Литературное наследство. М., 2008. Т. 108. Кн. 1. С. 64—155.
28. «Еще ты каждый миг моей покорна воле...» (о смерти А. А. Фета) // Вопросы литературы. 2008. № 3. С. 307—321.
29. Вокруг самовара, «дружелюбного и осмысленного»: Из истории взаимоотношений Ильи Остроухова и Афанасия Фета // Русское искусство. 2009. № 3. С. 138—143.
30. Добрались и до классиков // Литературная газета. 2009. 4 апреля. № 5 (6209).
31. Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) // А. А. Фет: Материалы и исследования. М.; СПб., 2010. Вып. 1. С. 291—330.
32. Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года) / Подгот. текста и примеч. совм. с И. А. Кузьминой // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2018. Вып. 3 (см. наст. том).

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВ ФЕТА*

* В указатель не включены названия разделов и циклов стихотворений. — *Ред.*

ПЕРЕВОДЫ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

[1] Имя Ф. И. Красовского указано в *ФетСб(2)* неточно — Василий Иванович, согласно упоминанию его имени в *МВ*; такого врача в указанный период в Москве не было, но был Федор Иванович Красовский, служивший в московской психиатрической Преображенской больнице (см. с. 369–370 наст. тома).

[2] Пользуясь случаем, отметим, что в т. 2 *Фет. ССиП* (С. 534) допущена ошибка в инициалах С. Д. Шестакова (1820—1858), где он назван С. П. Шестаковым (1864—1940), эта ошибка повторена в т. 3 (С. 438), а также в *ФетСб(2)* (С. 448, 452), где к тому же С. Д. Шестаков в именном указателе (С. 875) указан как Д. П. Шестаков (1869—1937).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

Бухштаб. Обзор — *Бухштаб Б.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // *ЛН*. М., 1935. Т. 22—24. С. 561—602.

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

ВО 1, 2, 3, 4 — Вечерние огни. М., 1883, 1885, 1888, 1891. Вып. [1]—4.

ВО 1979 — *Фет А. А.* Вечерние огни / Изд. подгот. Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М., 1979 (Лит. памятники).

ГАОО — Государственный архив Орловской области (Орел).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

Дружинин. Дневник — *Дружинин А. В.* Повести. Дневник / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 252 (Лит. памятники).

Ежегодник РО ПД — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969—2016 годы. Л., 1971—1984; СПб., 1993—2017 (Изд. продолжается).

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

ИВ — журнал «Исторический вестник».

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

ЛГ — «Литературная газета».

Летопись (1985) — *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 129—182.

Летопись (1994) — *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 273—333.

Летопись. Дополнения — *Асланова Г. Д.* Дополнения и уточнения к «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 334—346.

ЛН — Литературное наследство. М., 1931—2016. Т. 1—105 (Изд. продолжается).

ЛСт1894 — *Фет А.* Лирические стихотворения: В 2 ч. СПб., 1894.

МВ — *Фет А.* Мои воспоминания. 1848—1889: В 2 ч. М., 1890.

МВед — газета «Московские ведомости».

НВр — газета «Новое время».

Некрасов — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л./СПб., 1981—2000.

Некрасов. Переписка — Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. / Сост. и коммент. В. А. Викторовича, Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. М., 1987.

ОГ — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1871. Т. 29: Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года / Обработано Н. Штиглицем.

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Орл губ вед — газета «Орловские губернские ведомости».

Письма Борисова (1—2) — Письма И. П. Борисова и Н. А. Шеншиной (Борисовой) к А. А. Фету и М. П. Фет/ Публ. И. А. Кузьминой: 1) Часть I (1850—1861) // *ФетСб(1)*. С. 116—211; 2) Часть II (1862—1865) // *ФетСб(2)*. С. 223—333.

Письма Борисова к Тургеневу (1—3) — <Письма к И. С. Тургеневу> И. П. Борисов / Публ. Е. М. Хмелевской. <Ч. 1—3> // *ТСб(3)*. С. 335—367; *ТСб(4)*. С. 369—398; *ТСб(5)*. С. 481—513.

Письма к Борисову — Письма к И. П. Борисову. 1846—1871 / Публ. Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой; Вступит. статья и коммент. Г. Д. Аслановой // *ЛН*. М., 2008. Т. 103. Кн. 1. С. 64—155.

Письма к Дружинину — Письма к А. В. Дружинину (1850—1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1948 (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 9).

Письма к Коршу — *Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета (Исследования и материалы). М., 1993. С. 204—228.

Письма к Олсуфьеву (50—52) — Письма А. А. Фета к А. В. Олсуфьеву / Публ. Г. Д. Аслановой // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. С. 214—246; М., 2000. Вып. 51. С. 251—279; М., 2004. Вып. 52. С. 106—134.

Письма Корша — *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету // Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Сб. 1. С. 35—52.

Письма Энгельгардт — *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. статья А. Е. Тархова; Сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988.

ПССт1892 — Полное собрание стихотворений Фета, подготовленное им в 1892 г. и не вышедшее в свет (сохранились списки рукой В. С. Соловьева и Е. В. Федоровой. См.: К истории создания первого Полного собрания стихотворений Фета (Списки 1892 и 1893 гг.) / Публ. В. А. Лукиной // *ФетСб(2)*. С. 735—811).

ПССт1901 — *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений: В 3 т. / Под ред. Б. В. Никольского. СПб., 1901.

ПССт1937 — *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений / Вступит. статья, ред. и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1937 (Б-ка поэта).

ПССт1959 — *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1959 (Б-ка поэта).

ПФА РАН — Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

РА — журнал «Русский архив».

РВ — журнал «Русский вестник».

РГ — *Фет А. А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РЛ — журнал «Русская литература».

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

РСл — журнал «Русское слово».

Сб1856 — Стихотворения А. А. Фета. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1856.

Сб1863 — Стихотворения А. А. Фета: В 2 ч. Изд. К. Солдатенкова. М.: В типографии Грачева и комп., 1863.

СиП 1986 — *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступит. статья, сост. и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1986 (Б-ка поэта).

Совр — журнал «Современник».

СПбВед — газета «Санкт-Петербургские ведомости».

Т 1 — Тетрадь автографов, содержащая стихотворения Фета 1854—1859 гг. (*ИРЛИ*. № 14166).

Т 2 — Тетрадь автографов, содержащая стихотворения Фета 1859—1885 гг. (*ИРЛИ*. № 14167).

Толстой — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л., 1928—1958.

Толстой. Летопись (1828—1890) — *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М., 1958.

Толстой. Переписка — Л. Н. Толстой: Переписка с русскими писателями: В 2 т. / Сост., вступит. статья и примеч. С. А. Розановой. М., 1978.

ТСб(1—5) — Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева / Ред. М. П. Алексеев, Н. В. Измайлов. М.; Л., 1964, 1966. Вып. 1—2; Л., 1967, 1968, 1969. Вып. 3—5.

Тургенев. НИиМ(1—4) — И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2009—2016. Вып. 1—4 (Изд. продолжается).

Тургенев. Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1982—2018 (Изд. продолжается).

Тургенев. Письма (1) — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1961—1969.

Тургенев. Соч. — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1978—1986.

Фет. ССиП — *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2002—2015. Т. 1—5 (Изд. продолжается).

Фет. СПП — *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. статья А. Е. Тархова; Сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988.

Фет/Боткин — Переписка с В. П. Боткиным. 1857—1869 / Вступит. статья, публ. и коммент. Ю. П. Благоволиной // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 156—542.

Фет/К. Р. — Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К. Р.). 1886—1892 / Вступит. статья М. И. Трепалиной; Публ. и коммент. Ю. П. Благоволиной и М. И. Трепалиной // Там же. Кн. 2. С. 551—978.

Фет/Лонгинов — Переписка А. А. Фета с М. Н. Лонгиновым (1857—1871) / Публ. М. В. Трунина // *ФетСб(1)*. С. 212—235.

Фет/Полонский — Переписка с Я. П. Полонским. 1846—1892 / Вступит. статья Т. Г. Динесман; Публ. и коммент. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 555—986.

Фет/Страхов — Переписка с Н. Н. Страховым (1877—1892) / Вступит. статья, публ. и коммент. Н. П. Генераловой // Там же. Кн. 2. С. 233—547.

Фет/Толстая — Переписка Фета с С. А. Толстой. 1863—1892 / Публ. и коммент. О. А. Голиненко // Там же. С. 95—232.

ФетСб(1—2) — А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2010, 2013. Вып. 1, 2 (Изд. продолжается).

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

ДОПОЛНЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ ФЕТА В 20 ТОМАХ

ПУБЛИКАЦИИ

Неизданный перевод Фета

Переписка Фета

Рабочие тетради Фета

PRO MEMORIA

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Научное издание

А. А. ФЕТ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Вып. 3

Ответственные редакторы
Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Корректор *К. С. Курбатова*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*
Художественное оформление *Лали Модебадзе*

Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Петербург. Печ. л. 54,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 3453

ООО «Издательство “Росток”»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: http://www.rostokbooks.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4